

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Асонов Н.В. Поворот России на Восток как показатель успеха Запада.....	7
Гружевский В.А., Романова Т.Ф., Лушникова К.Д. Влияние мотивационно-ценностных приоритетов студенческой молодежи к здоровому образу жизни.....	10
Денисова О.Е. Роль грамматики при деятельностном подходе в обучении РКИ.....	13
Зайцева Е.Л., Метелькова Л.А. Блоггерство как современная практика поддержки чувашского языка.....	15
Ильин А.С., Щербина Т.В., Минибаева Д.В. Мифологические архетипы и культурные парадигмы восприятия и взаимодействия с искусственным интеллектом: компаративный анализ	18
Кангиева А.М. Нарратив как когнитивная схема сознания (на примере стихотворения Юнуса Эмре «Вышел Адам из рая»)	22
Кобзева О.В., Федорова Е.Л. Иллокутивность и перлокутивность кинем: вербально-экспрессивные репрезентации (на материале русской и французской художественной прозы)	26
Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Ксенофонтова Х.З. Формирование профессионального выбора и готовности молодежи в условиях институциональных изменений	29
Ли Мэнтин. Проблема виртуальных сообществ в китайской социологии	32
Новиков С.М., Фомичева Т.В. Формирование экологической культуры молодежи: концептуализация технологий и факторов в контексте социологического анализа	36
Середа Е.В., Герцик Н.И. Особенности употребления аббревиации в межкультурном общении в английском сегменте социальных сетей	39
Губанов В.М., Сметанкина Л.В. Русский характер в ретроспективе исследования этнических проблем в отечественной научной мысли.....	43
У Си, Чжэнь Чжэнь. Поддерживающая роль диагностического языкового тестирования в обучении иностранным языкам в школьной аудитории.....	47
Хань Юэхао. Особенности флористической метафоры в фитонимической картине мира (на материале китайского языка)	51
Цзянь Юань. Перевод русской юридической терминологии в Китае.....	55
Шамина Н.В., Оганесян Е.А. Основные характеристики и функции медиадискурса и медиатекста	57

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бузыкова Ю.С. Социологическая оценка эффективности государственного управления в условиях цифровизации.....	59
Волкова Е.В., Плотнокова Е.В. Социализация личности студента в интернет пространстве в современном мире.....	63
Гасайниева У.Б. Формирование профессиональной культуры медицинского инженера: роль образовательной среды и личностных факторов	66
Гончарова Е.Н., Гетманская М.Ю. Профессиональная компетенция экскурсовода в эпоху инклюзии: тифлокомментарий между технологией и искусством описания	69

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
П/И № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: 70652
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: welcome@socgum-journal.ru
Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГТУ им. М.А. Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Виллен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривоусов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.02.2026 Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Григорьев Н.Ю. Концептуальные подходы к социальному управлению антитеррористической безопасностью современного российского общества.....	72
Еремина М.В. Социокультурные детерминанты готовности врачей к работе в экстремальных условиях.....	77
Захаров А.В. Социософская парадигма «Москва – Третий Рим» как институциональная основа современной хозяйственной традиции и стратегий регионального развития.....	79
Зозуля О.А. Сформированность карьерных компетенций студентов экономических направлений подготовки высшего профессионального образования как ресурса реализации карьерных стратегий.....	85
Иванова Я.С. Доверие Программе долгосрочных сбережений как инструменту сберегательного поведения и заботы о жизни на пенсии для разных поколений.....	88
Кондратьев А.П. Концепция П. Бурдьё как инструмент социологического анализа стартапа.....	92
Корнийчук М.С. Социологический анализ успешных практик внедрения EdTech в российском образовании.....	97
Лю Лили. Прогрессизм как социальное движение: роль американских женщин среднего класса в городских реформах и социальной политике.....	99
Надточий Ю.Б. Человеческий капитал и уровень заработной платы выпускников вузов.....	103
Ретинская В.Н., Полежаева Д.А. Трансформация миграционной политики России в условиях структурного дисбаланса рынка труда.....	106
Сережко Т.А., Мигунов А.А., Юрин А.С. История становления и развития концепции социального здоровья.....	110
Табасаранский Р.С. Анализ состояния сектора продовольственного обеспечения в Азербайджане.....	113
Хуан И. Исследование «спуска ресурсов в село» и сельского хозяйствующего управления в Китае.....	116
Ци Сюэ. Государство, рынок и университет: эволюция моделей управления высшим образованием в Китае.....	120

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бабанин В.Д. Проблема концептуализации идеологии, как философской единицы в контексте современного общественного бытия.....	123
Галухин А.В. Деконструкция проблемы тождества личности в рамках конститутивного редукционизма Д. Парфита.....	128
Гилёва З.В. Принцип справедливости в инклюзивном образовании: барьеры реализации и российские парадоксы.....	133
Заховаева А.Г. Гениальность и талант в контексте синергетического подхода.....	137
Манасеев Д.Д. Диалектика мифа в культурогенезе: от непосредственной субстанции к абсолютной форме опосредования.....	140
Пичугин В.Г., Годунова Л.А. Мифотехники в эпоху искусственного интеллекта: конструирование цифровых метанарративов в информационной войне.....	143
Урсул В.И., Логинов В.Н., Грушкин Н.А. Правовая защита персональных данных пользователей при использовании ИИ как аналитической технологии.....	146

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Мамедов А.А., Кортунов В.В., Паниюков А.И. Философия космоса М. Элиаде: структура сакрального мира и смысловое измерение бытия.....	149
---	-----

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Горохова В.В., Галанина Н.В. Религиозные ценности как важнейший детерминирующий фактор правового бытия общества.....	152
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Бельников С.С. Выбор языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровом пространстве: методологические подходы и валидация.....	154
Вафин А.М. Алгоритмическая дискредитация субъекта политики – одиннадцатая технология «черного» PR.....	158
Гусейнова Д.М., Дзгоева Д.Т. Искусственный интеллект в политических процессах: теория и методология.....	161
Данилов В.Л. Конфессиональное пространство России: вызовы современности и пути их осмысления.....	165
Досаев Т.Х., Досаев Э.Х. Теоретико-методологические основы государственной молодёжной политики.....	168
Крюкова Е.В. Политическая поляризация в контексте миграционных процессов современной российской действительности.....	171
Кугай А.И. Политическая антропология власти Мишеля Фуко и реалии XXI века.....	174
Монахов Е.И. Бизнес и власть на Дальнем Востоке: параметры взаимодействия.....	178
Ночвина Б.А., Старикова Н.В. Современная миграционная политика России в условиях геополитических вызовов: историко-культурологический аспект.....	182
Потапкина А.В. Историко-политические предпосылки территориальных притязаний Китая.....	186
Потапов Д.В. Общее и особенное в транзите власти на постсоветском пространстве на примере Азербайджана и Молдовы.....	189
Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в развитии высшего сельскохозяйственного образования в Индии.....	192
Строкова Т.А. К вопросу политического нигилизма в современном российском обществе.....	196
Сухарев Д.Д. Политическая конкуренция в институциональных условиях демократий и гибридных режимов.....	200
Сюй Хао. Информационные массивы как политический ресурс государства.....	203

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вишняков Е.В. Эффект домино» в региональной безопасности: методика оценки влияния милитаризации Украины на оборонные бюджеты стран Восточной Европы.....	207
Зарудный Б.Г. О роли региональных организаций в противодействии терроризму.....	211
Зверков Н.В. Триггеры религиозного экстремизма в трансформирующейся социальной реальности.....	214
Ивашкин К.К. Арктический совет как механизм многостороннего диалога: пределы эффективности в условиях геополитической турбулентности.....	217
Ныгусие Кассеа Вольде Микаэль, Давыдов В.Н., Жорже Аугушто Кинг. Военные базы США в Африке как инструмент глобальной экспансии.....	220
Плащенко Д.Д. Медиастратегии малых государств в условиях гибридного давления: контекст поиска баланса между автономией и союзническими обязательствами.....	225
Табасаранский Р.С. Анализ продовольственной безопасности в мире.....	228

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Быков Н.Р. Тайвань в системе регионального баланса сил: американская стратегия сдерживания и неопределённости.....	231
Ивашкин К.А. Проблема международно-правовой квалификации северного морского пути: дихотомия суверенитета и свободы судоходства в контексте российско-американских отношений.....	236
Казелько А.А. Бразильско-американские отношения после окончания холодной войны.....	239
Фу Синян. Китай и Япония – геополитический баланс в Восточной Азии.....	242

Чэнь Бин, Ким В.И. Корейская диаспора как фактор второго трека дипломатии в странах СНГ	245
---	-----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кравченко А.И. Уличная этнография	249
Макашова В.В., Казакова Л.П. Стереотипы восприятия массовой коммуникации в сознании студентов-гуманитариев в условиях постправды (по результатам ассоциативного эксперимента)	252
Чудинский Р.М., Белоглазов А.А., Лаврушина Е.В., Звонников В.И., Мартынова (Коровина) О.Ю. Интеграция экспертной и аналитической оценки при исследовании результатов выполнения работ (оказания услуг): от формальной отчетности к верифицированным данным	257
Айдарбекова А., Аманбаева Д. Центральная Азия в эпоху геополитических изменений и религиозного экстремизма: сравнительный подход к политическим режимам	262

Соболев Н.Г. Особенности профессиональной мотивации сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение	266
Бочкаев А.Р. Политические аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде	268
Могильчак Е.Л. Экономические аттитюды жителей крупного города	271
Соболев Н.Г. Особенности психологических женщин, осужденных за насильственных преступления	274
Цуй Цинбин. Исследование распространения и восприятия Мэй Ланьфана в России	277
Материалы круглого стола. Иерархии в системе и сети отношений: их политическое влияние на социум	281
Чжан Тин, Цай Вэй. Социальные трансформации в Китае и России и эволюция культурной передачи в китайско-российских взаимных переводах	293

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Asonov N.V.</i> Russia's Turn to the East as the West's Final Victory	7
<i>Gruzhevsky V.A., Romanova T.F., Lushnikova K.D.</i> The influence of students' motivational and value priorities on healthy lifestyle practices.....	10
<i>Denisova O.E.</i> The Role of Grammar in an Activity-Based Approach to Teaching Russian as a Foreign Language	13
<i>Zaytseva E.L., Metelkova L.A.</i> Blogging as a modern practice for supporting the Chuvash language.....	15
<i>Ilyin A.S., Shcherbina T.V., Minibaeva D.V.</i> Mythological archetypes and cultural paradigms of artificial intelligence perception and interaction: a comparative analysis.....	18
<i>Kangiyeva A.M.</i> Narrative as a cognitive scheme of consciousness (based on Yunus Emre's poem "Adam Came Out of Paradise")	22
<i>Kobzeva O.V., Fedorova E.L.</i> Illocutions and perlocutions aspects of cinema: verbal-expressive representations (based on Russian and French fiction).....	26
<i>Ivanov S.Y., Ivanova D.V., Ksenofontova H.Z.</i> Formation of professional choice and readiness of youth in the context of institutional changes.....	29
<i>Li Menting.</i> The problem of virtual communities in Chinese sociology.....	32
<i>Novikov S.M., Fomicheva T.V.</i> Forming an Environmental Culture in Youth: Conceptualizing Technologies and Factors in the Context of Sociological Analysis	36
<i>Sereda E.V., Gertsik N.I.</i> Peculiarities of Abbreviation Use in Intergender Communication on English-Language Social Media.....	39
<i>Gubanov V.M., Smetankina L.V.</i> The Russian character in retrospective research of ethnic problems in Russian scientific thought.....	43
<i>Wu Xi, Zhen Zhen.</i> Supporting Role of Diagnostic Language Testing in Foreign Language Teaching in the School Classroom.....	47
<i>Han Yuehao.</i> Features of floral metaphor in the phytonymic worldview (based on Chinese language data)	51
<i>Jiang Yuan.</i> Translation of Russian Legal Terminology in China	55
<i>Shamina N.V., Oganasyan E.A.</i> Main characteristics and functions of media discourse and media text	57

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Buzykova J.S.</i> Sociological assessment of the effectiveness of public administration in the conditions of digitalization	59
<i>Volkova E.V., Plotnikova E.V.</i> Students' social integration in the contemporary webspace.....	63
<i>Ubaidat B.G.</i> Developing a professional culture for medical engineers: the role of the educational environment and personal factors	66
<i>Goncharova E.N., Getmanskaya M.Yu.</i> Professional competence of a tour guide in the age of inclusion: typhlocommentation between technology and the art of description	69
<i>Grigoriev N.Yu.</i> Conceptual approaches to social management of anti-terrorist security in modern Russian society	72
<i>Eremina M.V.</i> Sociocultural determinants of doctors' readiness to work in extreme conditions.....	77
<i>Zakharov A.V.</i> The sociosocial paradigm "Moscow is the third Rome" as an institutional basis for the modern economic tradition and regional development strategies	79

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022

Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief:

Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)

Executive Secretary:

Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Pedagogical State University; **Balbeko Anatoly Mikhailovich**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich**, Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna**, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich**, Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich**, Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich**, Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiriya).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2
Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.02.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Zozulya O.A.</i> Career Competency Development in Students Majoring in Economics at Higher Professional Education Levels as a Resource for Implementing Career Strategies	85
<i>Ivanova Ya.S.</i> Trust in the Long-term savings program as a tool for saving behavior and ensuring a comfortable retirement for different generations	88
<i>Kondratev A. P.</i> Bourdieu's concept as a tool for sociological analysis of a startup	92
<i>Korniychuk M.S.</i> A sociological analysis of successful practices for implementing EdTech in Russian education	97
<i>Liu Lili.</i> Progressivism as a social movement: the role of middle-class American women in urban reforms and social policy	99
<i>Nadtochiy Yu.B.</i> Human Capital and the Salaries of University Graduates	103
<i>Retinskaya V.N., Polezhaeva D.A.</i> Transformation of Russia's migration policy in the context of structural imbalances in the labor market	106
<i>Serezhko T.A., Migunov A.A., Yurin A.S.</i> The history of the formation and development of the concept of social health.....	110
<i>Tabasaransky R.S.</i> Analysis of the state of the food supply sector in Azerbaijan	113
<i>Huang Yi.</i> Research on China's «resources going to the countryside» and rural entrepreneurial governance	116
<i>Qi Xue.</i> State, Market, and University: The Evolution of Higher Education Governance Models in China.....	120

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Babanin V.D.</i> The Problem of Conceptualizing Ideology as a Philosophical Category in the Context of Contemporary Social Existence .	123
<i>Galukhin A.V.</i> Deconstruction of the problem of personal identity within Derek Parfit's constitutive reductionism.....	128
<i>Gileva Z.V.</i> The Principle of Justice in Inclusive Education: Barriers to Implementation and Russian Paradoxes.....	133
<i>Zakhovaeva A.G.</i> Genius and talent in the context of synergetic analysis.....	137
<i>Manaseev D.D.</i> The Dialectics of Myth in Cultural Genesis: From Direct Substance to Absolute Form of Mediation.....	140
<i>Pichugin V.G., Godunova L.A.</i> Mythotechnics in the era of artificial intelligence the construction of digital meta-narratives in the information war.....	143
<i>Ursul V.I., Loginov V.N., Grushkin N.A.</i> Legal protection of users personal data when using a AI as an analytical technology	146

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I.</i> Philosophy of space M. Eliade: the structure of the sacred world and the semantic dimension of being	149
---	-----

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Gorokhova V.V., Galanina N.V.</i> Religious values as the most important determining factor of society's legal existence.....	152
--	-----

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Belnikov S.S.</i> Selection of Linguistic Markers of Civic-Political Participation in Digital Space: Methodological Approaches and Validation ..	154
---	-----

<i>Vafin A.M.</i> Algorithmic discrediting of the political subject as the eleventh technology of black PR.....	158
<i>Guseinova D.M., Dzgoeva D.T.</i> Artificial Intelligence in Political Processes: Theory and Methodology.....	161
<i>Danilov V.L.</i> The confessional space of Russia: contemporary challenges and ways to understand them	165
<i>Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh.</i> Theoretical and Methodological Foundations of State Youth Policy	168
<i>Kryukova E.V.</i> Political polarization in the context of migration processes in modern Russian reality.....	171
<i>Kugai A.I.</i> Michel Foucault's Political Anthropology of Power and the Realities of the 21st Century	174
<i>Monakhov E.I.</i> Business and government in the Far East: parameters of interaction.....	178
<i>Nochvina B.A., Starikova N.V.</i> Modern migration policy of Russia in the context of geopolitical challenges: historical and cultural aspect	182
<i>Potapkina A.V.</i> Historical and political background of China's territorial claims.....	186
<i>Potapov D.V.</i> Common and Distinctive Features of Power Transition in the Post-Soviet Space: The Cases of Azerbaijan and Moldova	189
<i>Stepanov V., Stepanova N.</i> National education policy 2020 and INS role in the development of higher agricultural education in India	192
<i>Strokova T.A.</i> On the issue of political nihilism in modern Russian society	196
<i>Sukharev D.</i> Political Competition in the Institutional Settings of Democracies and Hybrid Regimes	200
<i>Xu Hao.</i> Information arrays as a political resource of the state.....	203

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Vishnyakov Ye.V.</i> The Domino Effect in Regional Security: A Methodology for Assessing the Impact of Ukraine's Militarization on the Defense Budgets of Eastern European Countries.....	207
<i>Zarudny B.G.</i> The role of regional organizations in countering terrorism	211
<i>Zverkov N.V.</i> Triggers of religious extremism in a transforming social reality.....	214
<i>Ivashkin K.A.</i> The Arctic Council as a Mechanism of Multilateral Dialogue: Limits of Effectiveness Amidst Geopolitical Turbulence.....	217
<i>Nygusie Kassae Volde Mikael, Davydov V.N., Jorge Augusto King US</i> military bases in Africa as a tool for global expansion	220
<i>Plashenkov D.D.</i> Media Strategies of Small States Under Hybrid Pressure: Context of Balancing Autonomy and Alliance Obligations.....	225
<i>Tabasaransky R.S.</i> Analysis of food security in the world.....	228

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Bykov N.R.</i> Taiwan in the System of the Regional Balance of Power: The U.S. Strategy of Deterrence and Strategic Ambiguity	231
<i>Ivashkin K.A.</i> The problem of International legal qualification of the Northern Sea Route: the dichotomy of sovereignty and freedom of navigation in the context of Russian-American relations	236
<i>Kazelko A.A.</i> Brazilian-American Relations After the End of the Cold War	239
<i>Fu Xingyang.</i> China and Japan: The Geopolitical Balance in East Asia.....	242
<i>Chen Bing, Kim V.I.</i> The Korean diaspora as a track two diplomacy actor in the cis countries	245

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kravchenko A.I.</i> Street Ethnography	249	<i>Bochkaev A.R.</i> Political aspects of countering extremism among young people	268
<i>Makashova V.V., Kazakova L.P.</i> Stereotypes of Mass Communication Perception in the Minds of Humanities Students in the context of post-truth (Based on the Results of an Association Experiment).....	252	<i>Mogilchak E.L.</i> Economic attitudes of residents of a large city.....	271
<i>Chudinsky R.M., Beloglazov A.A., Lavrushina E.V., Zvonnikov V.I., Martynova (Korovina) O.Y.</i> Integrating expert and analytical assessment in work performance evaluation: from formal reporting to verified data	257	<i>Sobolev N.G.</i> Psychological Characteristics of Women Convicted of Violent Crimes	274
<i>Aidarbekova A., Amanbayeva D.</i> Central Asia in the era of geopolitical changes and religious extremism: a comparative approach to political regimes	262	<i>Cui Qingbing.</i> A study of the dissemination and perception of Mei Lanfang in Russia	277
<i>Sobolev N.G.</i> Professional Motivation of Correctional Institution Employees Enrolled in the Personnel Reserve for Promotion.....	266	<i>Round table materials.</i> Hierarchies in the system and network of relations: their political influence on society.....	281
		<i>Zhang Ting, Cai Wei.</i> Social Transformations in China and Russia and the Evolution of Cultural Transmission in Sino-Russian Mutual Translations	293

Поворот России на Восток как показатель успеха Запада

Асонов Николай Васильевич,

доктор политических наук, профессор кафедры политологии
МПГУ

E-mail: nbassonov@yandex.ru

В данной статье автор приходит к выводу о том, что поворот России на Восток надо понимать, как ряд действий, которые стали следствием поражения СССР в холодной войне. Это позволило Западу дать России свой тип социально-политической системы и с ее помощью влиять на проигравшую сторону. Тем самым НАТО и ЕС, представляя новый «осевой» регион планеты, получили возможность использовать Россию в роли своего «Middle space». Максимально сближая ее с Востоком, в первую очередь с арабо-мусульманской цивилизацией, и временно изолируя от Европы, они решают две задачи, открывающие путь к строительству «глобального человека». Это уничтожение славяно-православной цивилизации, опорой которой с X в. была Русь-Россия, и подавление в Центральной и Восточной Европе просоветских настроений, тормозящих ее унификацию в интересах глобалистов.

Ключевые слова: Россия, СССР, США, НАТО, ЕС, славяно-православная цивилизация, поворот на Восток, глобализация.

Анализ данной проблемы надо начать с X в., когда Запад впервые решил оторвать Русь от православия и включить ее в сферу своих геополитических устремлений. Такой интерес был вовсе не случаен. Ведь на тот момент Русь стала той силой, которую Х. Маккиндер в 1904 г., назвал «центральным (осевым) государством», способствующим победе тех, кто с ним цивилизационно связан. Следовательно, уже тогда наша страна, включившись в «древнее соперничество между римлянами и греками» [5, с. 74, 78], обрекала Запад на поражение. Со времен Владимира Святого Русь-Россия на фоне слабеющей Византии стала главным оплотом восточного христианства и выстроенной на его платформе славяно-православной цивилизации. В ее состав к 870 г. вошли Великоморавское княжество вместе с Чехией, а также Болгарское царство. Они включали обширные земли от верховьев Вислы на севере до Албании и Македонии на юге. Борьба за эти страны означала борьбу за господство в Европе. Уступая их «грекам», романо-германская цивилизация оказывалась прижатой к берегам Атлантики без всяких шансов на мировое лидерство.

В такой ситуации естественным союзником Запада выступал только Восток, оттягивающий на себя силы православных стран и наносивший им максимальный урон. Не последнюю роль в этой конфронтации играло дипломатическое правило древних римлян: «*divide et impera*». В результате их эггипонам к XII в. удалось подавить православие в Чехии, Польше и Венгрии. В XIII в. на кратковременную унию с престолом святого Петра решились пойти Болгария, Сербия и Византия. В 1385 г. к католицизму примкнула Литва, владевшая Киевом и Минском. Судьба православия в XV в. была почти решена. При поддержке Востока Запад утвердил свое господство в Европе вплоть до Смоленска, а мусульмане овладели ее восточными и юго-восточными землями. Казалось, те и другие покончили со старым соседом, мешавшим их глобальным планам по формированию универсального политического и культурно-экономического пространства на основе собственных конфессиональных идей.

Но неожиданно для них расцвела Московская держава, зажатая между Литвой и Ордой. В XVI в., она, подобно Древней Руси, раскинулась «от южных морей до полярного круга» и вернула себе статус «центрального (осевого) государства». В следующем веке Россия вышла к берегам Тихого океана и стала самым большим государством планеты. В XIX в. она, заняв половину Евразии, подошла к границам Германии и возродила славяно-православную цивилизацию на государственном уровне, дав свободу Греции, Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии. От турецкого и персидского гнета избавилась часть Армении и Грузии. А вот желание России сблизиться с Германией на Западе восприняли как новую угрозу. Ведь Германия в Европе «занимала стратегическое центральное положение», подобное тому, которое занимала Россия «в мире» [5, с. 77].

Ставив их между собой и обессилив в ходе первой мировой войны, либеральный лагерь мог считать себя победителем, но его планам помешала Октябрьская революция 1917 года. Она противопоставила западному парламентаризму, многопартийности и разделению властей в пользу олигархов советскую систему демократического централизма с ее общенародной собственностью на средства производства, устраняющей эксплуатацию человека человеком. Образование в 1922 г. Советского Союза, а затем и мировой системы социализма, объединившей к середине XX в. огромные территории от Индокитая и Северной Кореи до Восточной Германии, снова прижало новых «римлян» к окраинам Европы.

Таким образом, к старому противоборству «римлян» и «греков» добавилась борьба политических систем. Дело в том, что по итогам второй мировой войны социалистический лагерь объединил почти все страны славяно-православной цивилизации. Теперь их сближало не только религиозно-культурное и кровное родство, отмеченное Н.Я. Данилевским, но и коммунистическая идеология. Исключением оказалась только Греция. При распределении зон влияния между союзниками по антигитлеровской коалиции Советский Союз не пошел на обострение отношений с Западом и дал ей возможность самой выбрать свой дальнейший политический путь.

Понимая, что греки принадлежат к иному цивилизационному полю, ориентирующему их на Москву, Англия и США в 1949 г. помогли силой оружия подавить у них просоветские настроения. В 1967 г. хунта «черных полковников» устранила «угрозу с севера» и к 1975 г.

утвердила нормы либеральной демократии. Став с 1952 г. дочерним элементом НАТО, Греция не оказала поддержки Кипру, подавляющая часть населения которого высказалось за создание единого государства эллинов. Следуя старой стратегии, Англия и США в 1955 г. подключили исламский козырь, дав возможность Турции ввести на остров свои войска. Объединение греков не осуществилось, зато в 1983 г. при поддержке Анкары возникла Турецкая республика Северного Кипра. Попутно в Греции и на Кипре разместились базы НАТО. С их помощью был нанесен последний мощный удар по пророссийским настроениям в этих странах, завершившийся их вхождением в ЕС.

К этому времени, просчеты советского руководства и предательство им своих культурно-политических интересов привело социалистический лагерь европейских стран к развалу. Уже в 1986 г. в резолюции XXVII съезда КПСС отмечалось, что «Совершенствование управления требует перестройки мышления» и «отказа от сложившихся стереотипов». Воскресла идея Н.С. Хрущева о мирном сосуществовании различных политических систем. Утверждалось, что развитие отношений со странами капитализма должно строиться на основе «делового, взаимовыгодного сотрудничества» и «большого взаимного доверия». Тема классовой борьбы, направленная с нашей стороны против угнетения человека человеком, уступала место «решению глобальных проблем, которые особенно обострились во второй половине XX в.» [4, с. 75, 143, 150–151].

Идя в этом вопросе на поводу у Запада, СССР стал бороться «за выживание человечества». «В порядке доброй воли» начался вывод ракет с территории ГДР и ЧССР, завершившийся выводом советских войск из Центральной Европы. Параллельно в июне 1989 г. М.С. Горбачев заявил канцлеру ФРГ о том, что он предоставляет социалистическим странам Европы «право свободного выбора политической системы». Это означало сдачу нашей страной своих позиций по линии социалистического содружества и в сфере славяно-православной цивилизации. Поскольку еще в 1988 г. XIX конференция КПСС приняла программу политических реформ страны и ее Конституции, бывшие союзники СССР вслед за греками попадали в полную зависимость от стран НАТО. Кроме того, речь М.С. Горбачева на Совете Европы в июле 1989 г., где он изложил концепцию «Общеввропейского дома», возвестила миру о встраивании СССР в либеральное сообщество новых «римлян». С «гречеством» было покончено. В итоге Запад смог раздвинуть границы НАТО и ЕС на восток, а распад СССР в конце 1991 г. расширил список стран НАТО и ЕС за счет бывших советских республик. Таким образом, к XXI в. романо-германская цивилизация почти восстановилась в рамках XV в. Зато она утратила свое этнокультурное содержание и в значительной степени стала отвечать интересам иудейской цивилизации, тесно связанной с США, имеющими свои интересы в России. Причину этой связи американский исследователь М. Даймонт видел в том, что только «утварь западного мира – греческого изготовления, но сам дом, в котором обитает западный человек, – это еврейский дом» [2, с. 13].

Неслучайно центр этой цивилизации сместился за океан. Если следовать логике Зб. Бжезинского, Россия, сохраняясь как «*Middle space*», перестала быть осевым государством. Это место заняло атлантическое сообщество, охватившее огромное пространство от Гавайских островов на западе до Кипра и Турции на востоке [1, с. 676]. Августовские встречи по поводу урегулирования вооруженного конфликта между Россией и Украиной, проводимые в 2025 г. на территории США с привлечением лидеров стран ЕС, стали тому новым подтверждением. Они показали, что наша страна в данное сообщество не допущена. Она рассматривается Западом только как его геополитический придаток, используя потенциал которого, новые «римляне» будут продвигать свои интересы на Восток.

И это касается не только Азии. Хотя Россия с 1993 г. вписалась в западную либеральную систему социально-политических отношений, ее авторитет среди рядовых граждан в странах бывшего соцлагеря перестал снижаться. Более того! Там начал расти интерес к советскому опыту государственного устройства и к своим цивилизационным устоям. Такой поворот делал «будущее либеральной демократии в России и других православных республиках неясным». А когда «русские... стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился» [6, с. 216].

Поэтому пришлось принять меры по недопущению нового сближения России с ее недавними европейскими союзниками. В этом проекте ей предстояло стать мощной разрушительной силой, бьющей по своим и зарубежным сторонникам славяно-православной цивилизации и Советской власти как лишним политическим единицам. Протестные настроения в их пользу могли только тормозить социально-политическую унификацию Европы как плацдарма глобализации. Ведь многообразие «политических единиц, никак не связанных друг с дру-

гом исторически и ценностно, <...> скорее всего, генерирует конфликт, а не порядок» [3, с. 21]. Чтобы новый «порядок» быстрее установился, родился проект особых государств-цивилизаций, скажем, российской или украинской, создающий между бывшими союзниками вражду и втягивающий их в затяжные конфликты, из которых они должны выйти предельно ослабленными и не способными противостоять Западу. Неслучайно серьезные аналитики, работающие в данном направлении, еще на заре XXI в. требовали соблюдать принцип двойных стандартов и «вести дело так, будто в мире существует множество центров силы» [7, с. 63]. Ибо такой идеологический трюк способен подорвать сопротивление широких масс глобализации и утвердить ее с наименьшими потерями для будущих хозяев мира.

На этой почве оформилась легенда о «великих украх» и явилась «идея Русского мира». В рамках «Изборского клуба» ее дополнил образ России как нового ковчега, спасающего человечество. При этом внутри славяно-православной цивилизации вспыхнула череда столкновений, перешедших в вооруженный конфликт между Россией и Украиной. Почти все контакты на уровне «народной дипломатии» резко сократились, но широко открылись двери для восточных цивилизаций, имеющих свои виды на нашу страну. Здесь предпочтение было отдано арабо-мусульманскому миру, наиболее враждебно настроенного к Советской власти, но внешне вполне лояльного к российскому режиму, установившемуся при содействии стран НАТО.

Объяснение неожиданного для титульной нации России поворота на Восток дает резолюция Европарламента о противодействии «враждебной Евросоюзу пропаганде», принятая 23 ноября 2016 года. В ней РПЦ показана как один из главных врагов атлантического сообщества, способный «посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство». Здесь же можно упомянуть доклад «Враждебные действия России в Европе. Понимание угрозы», написанный аналитиками RAND Corporation 30 января 2019 г. Он указывает на страны Балтии, где велика доля русских, способных стать агентами Кремля, и на нежелательные для Запада пророссийские настроения на Балканах, «где большинство населения говорит на славянских языках». Разумеется, не обошли своим вниманием эти аналитики Беларусь и Украину.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наблюдаемый поворот России на Восток надо оценивать, как результат давления на Москву либеральной элиты романо-германской цивилизации. Данный поворот носит кульминационный характер, позволяя завершить многовековое противостояние «римлян» и «греков», в котором Запад в своих интересах постоянно использовал азиатский фактор, ставя нашу страну «между двух огней». Одержав победу в ходе холодной войны, Запад дал России свою социально-политическую систему и тем определил основной алгоритм ее последующих действий во внешней и внутренней политике как подчиненного атлантическому содружеству «*Middle space*». Суть таких действий сводится к полному уничтожению опасной для Запада славяно-православной цивилизации, опорой которой с X в. была Русь-Россия, и подавлению симпатий к советскому строю у простого народа, максимально обделенного при разрушении СССР. В перспективе поворот на Восток под эгидой пятой Конституции России должен создать широкий плацдарм для «глобального человекика», описанного А.А. Зиновьевым, что можно трактовать как финальный успех Запада и конец подлинного многообразия мира.

Литература

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2016. 702 с.
2. Даймонт М. Евреи, Бог и история. М.: Изд. дом «Имидж», 1994. 542 с.
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Алгоритм, 2015. 512 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15. 1985–1988. М.: Политиздат, 1989. 671 с.
5. Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2024. 352 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 571 с.
7. Bell K. American Ascendancy and the Pretense of Power // The National Interest, 1999, № 57. P. 55–63.

RUSSIA'S TURN TO THE EAST AS THE WEST'S FINAL VICTORY

Asonov N.V.
Moscow State Pedagogical University

In this article, the author concludes that Russia's pivot to the East should be understood as a series of actions imposed on Moscow by the Western countries that defeated the USSR in the Cold War. This allowed them to impose on Russia their own type of socio-political system and to use it as a tool for influencing the losing side. In doing so, NATO and EU leaders – representing the new «axial» region of the planet – gained the ability to employ Russia as their «Middlespace». By bringing it as close as possible to the East, and above all to the Arab-Muslim civilization, while temporarily isolating it from Europe, they pursue two objectives that open the way to building a «global anthill». These are the destruction of the Slavic-Orthodox civilization, whose foundation since the 10th century has been Rus-Russia, and the suppression of pro-Soviet sentiment in Central and Eastern Europe that hinders its unification in the interests of globalists.

Keywords: Russia, USSR, USA, NATO, EU, Slavic-Orthodox civilization, turn to the East, globalization.

References

1. Brzegnieski, Zb. 2016. The grand chessboard: American primacy and its geogtrategic imperatives. Moscow: Publishing house of AST. 702 p.
2. Diamond M. 1994. Jews, God, and History. Moscow: publishing house «Imidj». 542 p.
3. Kissinger G. 2015. World order. M.: Algorithm. 512 p.
4. Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums the CC. (1898–1988). 1989. Vol. 15. 1985–1988. Moscow: Politizdate. 671p.
5. Mackinder, H. 2024. Geographical axis of history. Moscow: Publishing house of AST. 352 p.
6. Huntington S. 2016. The clash of civilizations. Moscow: Publishing house of AST. 571 p.
7. Bell K. 1999. American Ascendancy and the Pretense of Power // The National Interest. № 57. P. 55–63.

Влияние мотивационно-ценностных приоритетов студенческой молодежи к здоровому образу жизни

Гружевский Валерий Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Крымский филиал

Романова Татьяна Федоровна,

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры искусств и туризма

Лушников Карина Дмитриевна,

студент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Крымский филиал

Статья посвящена анализу влияния мотивационно-ценностных приоритетов студенческой молодежи на практики здорового образа жизни. Актуальность определяется ростом поведенческих рисков в студенческой среде и расхождением между декларируемыми установками на здоровье и реальными стратегиями повседневности. Научная новизна связана с интеграцией педагогических, социокультурных и медико-гигиенических подходов к интерпретации мотивации через систему ценностей, а не через отдельные поведенческие маркеры. В рамках работы описаны типовые ценностные кластеры, изучены мотивы участия в физкультурно-оздоровительной активности, рассмотрены ограничения, снижающие устойчивость здоровьесберегающего поведения. Особое внимание уделено механизмам, через которые образовательная среда и физическая культура опосредуют переоценку жизненных целей и формирование саморегуляции. Работа ставит перед собой цель выявить направления педагогической поддержки, усиливающие принятие здоровья как личного приоритета. Для решения применяются аналитический обзор, сопоставление результатов исследований и интерпретация эмпирических данных, представленных в современных публикациях. В заключении описываются выводы и практические рекомендации. Статья будет полезна исследователям, преподавателям, кураторам и специалистам студенческого спорта.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, студенческая молодежь, ценностные ориентации, мотивация, физическая культура, саморегуляция, поведенческие риски, профилактика, образовательная среда, здоровье.

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что студенческий возраст совпадает с периодом закрепления устойчивых привычек, влияющих на соматическое и психическое благополучие в последующие годы. В образовательных организациях наблюдается противоречие между нормативно поддерживаемыми установками на здоровье и фактическими практиками досуга, питания, двигательной активности, а иногда и самосохранительного поведения. Приоритеты, заданные системой ценностей, задают направление повседневных выборов: от готовности к регулярным нагрузкам до отказа от действий, усиливающих риск хронических нарушений.

Цель работы: раскрыть, каким образом мотивационно-ценностные приоритеты студенческой молодежи определяют принятие и поддержание здорового образа жизни в условиях вуза. Задачи:

1. систематизировать представления о ценностных кластерах и мотивах, связанных со здоровьем и физкультурно-оздоровительной активностью;
2. описать типовые барьеры, снижающие устойчивость здоровьесберегающего поведения студентов, и их связь с доминирующими жизненными целями;
3. обосновать направления педагогической поддержки и организационные решения в вузе, усиливающие мотивацию к здоровому образу жизни через ценностную переориентацию.

Новизна работы состоит в аналитической реконструкции влияния ценностей на здоровьесориентированные практики с опорой на сопоставление современных публикаций педагогического и междисциплинарного профиля, где здоровье трактуется как интегральный регулятор целей, а мотивация – как производная устойчивых жизненных приоритетов.

Материалы и методы

В качестве материалов использованы современные русскоязычные исследования, позволяющие сопоставить медицинско-гигиенические, педагогические и социокультурные трактовки мотивации студентов к здоровому образу жизни: А.А. Антонова [1] применяла анкетирование для оценки представлений студентов о здоровом образе жизни и распространённости факторов риска; В.И. Бондин [2] обобщал подходы к формированию мотивационно-ценностных ориентаций в физическом воспитании; В.Т. Волков [3] рассматривал педагогические механизмы формирования ценностного отношения к здоровью в рамках занятий физической культурой; И.М. Воротилкина [4] анализировала тенденции здоровьесбережения студенческой молодежи; Д.Р. Гареев [5] предлагал организационные меры вовлечения студентов в физкультурно-оздоровительные мероприятия с опорой на результаты опроса; А.Н. Дьякова [6] описывала воспитательный характер формирования культуры здорового образа жизни у студентов; Э.Р. Кочиева [7] интерпретировала формирование здорового образа жизни студентов как социально значимую проблему государства; Н.В. Лазуренко [8] исследовала мотивы и ограничения, влияющие на ориентацию студентов на здоровый образ жизни; П.Ю. Масленников [9] проблематизировал ценностные ориентации студентов профильных вузов физической культуры; Т.Н. Шутова [10] анализировала ценностные кластеры студенческой молодежи и педагогические условия поддержки культуры здорового образа жизни.

Методы. Применены анализ научных публикаций, сравнительный метод, проблемно-тематическая систематизация, интерпретация результатов эмпирических исследований, представленных авторами источников, с последующим логико-структурным моделированием связей между ценностями, мотивами и поведенческими практиками.

Результаты

Мотивационно-ценностные приоритеты студенческой молодежи формируют рамку повседневных решений, через которую здоровье получает статус либо самостоятельной цели, либо ресурса для достижения иных жизненных результатов. В исследованиях, ориентированных на молодежную среду, фиксируется расхождение между вербальным признанием здоровья и низкой регулярностью действий, поддерживающих здоровый образ жизни. Анкетные данные по студентам медицинского вуза показывают, что интерпретация здорового образа жизни часто

сводится к отказу от вредных привычек, режиму питания и физической активности, при этом ценностные ориентиры, связанные со здоровьем, занимают ограниченное место в системе личных приоритетов [1].

В педагогической литературе мотивация к здоровому образу жизни описывается как производная устойчивых ориентаций личности, закрепляемых в образовательной среде через нормы, образцы поведения и опыт переживания успешности. Обобщение подходов к формированию мотивационно-ценностных ориентаций в физическом воспитании подчеркивает зависимость включенности студентов от смысловой привлекательности занятий и от того, насколько физическая культура соотносится с жизненными целями обучающихся [2]. При доминировании прагматических целей (успеваемость, карьерные планы, материальные достижения) здоровье нередко воспринимается инструментально, что приводит к выбору краткосрочных выгод вместо длительных стратегий самосохранения.

Педагогический механизм ценностной переориентации в рамках занятий физической культурой раскрывается через формирование отношения к здоровью как к лично значимой ценности, поддерживаемой регулярной деятельностью и рефлексией результатов. В работах, посвященных учебным занятиям по физической культуре, акцентируется связь между образовательной организацией занятий и становлением ценностного отношения к здоровью: устойчивость формируется при системной работе с мотивацией, при опоре на осознанность и на включение студентов в деятельность, где фиксируются индивидуальные достижения [3]. Подобная трактовка переводит обсуждение здорового образа жизни из плоскости информирования в плоскость воспитания саморегуляции, где выбор поведения определяется не знанием норм, а внутренним принятием жизненных приоритетов.

Современные тенденции здоровьесбережения студенческой молодежи описываются как неоднородные: с одной стороны, растет доступность информации о здоровье, с другой – усиливается конкуренция за время студента со стороны цифрового досуга и академической нагрузки. В аналитических обзорах отмечается, что практики здоровьесбережения чаще реализуются эпизодически, без перехода к устойчивому режиму, а профилактические действия уступают место компенсаторным стратегиям (периодические интенсивные тренировки вместо регулярной двигательной активности) [4]. Следствием становится нестабильность мотивации: действия запускаются внешними стимулами, но прекращаются при исчезновении поддержки.

Материалы, основанные на опросах данных студентов, позволяют конкретизировать структуру барьеров, влияющих на мотивацию. При разработке комплекса физкультурно-оздоровительных мероприятий и оценке заинтересованности студентов в формах активности выявляются предпочтения в пользу тренировок и соревновательных форм, что свидетельствует о запросе на разнообразие и событийность, а не на монотонные режимные практики [5]. Одновременно в подобных исследованиях обозначаются причины снижения мотивации, связанные с психоэмоциональным состоянием, возрастными особенностями и недостатками образовательных программ [5]. В аналитической интерпретации подобные причины следует рассматривать как индикаторы несоответствия между системой ценностей студента и организацией здоровьесберегающей среды вуза: при отсутствии персонализированных траекторий вовлечения внешние стимулы быстро утрачивают действие.

Воспитательная интерпретация формирования здорового образа жизни у студентов выводит на первый план культуру здоровья как устойчивую норму жизнедеятельности, закрепляемую через самоорганизацию и самодисциплину. В публикациях, ориентированных на педагогическое осмысление проблемы, культура здорового образа жизни описывается через режим труда и отдыха, питания, сна, гигиенические требования, рациональную двигательную активность и отказ от вредных привычек; при этом подчеркивается зависимость эффективности от образовательных технологий и от последовательного формирования установок здоровья [6]. Для рассматриваемой темы принципиален вывод о том, что ценностный подход требует учета отношения студента к здоровью как к личной норме, а не как к внешнему требованию; без внутреннего принятия формируется декларативная позиция, не переходящая в поведение [6].

На макросоциальном уровне формирование здорового образа жизни студентов рассматривается как социально значимая задача, связанная с качеством человеческого потенциала и устойчивостью профессионального развития молодежи. В работах, посвященных государственному и общественным основаниям проблемы, подчеркивается зависимость здоровья молодежи от условий социализации и от доступности системной профилактики [7]. В аналитическом прочтении подобная позиция задает исследовательский фокус на ценностной легитимации здорового образа жизни: здоровье приобретает статус

социально одобряемой нормы, но практическое принятие нормы определяется личной иерархией целей.

Эмпирически ориентированные исследования мотивации студенческой молодежи к здоровому образу жизни указывают на неодинаковую выраженность мотивов: часть студентов ориентируется на внешние критерии (внешний вид, соответствие ожиданиям), часть – на внутренние (самочувствие, работоспособность, самоуважение). При анализе мотивации и факторов, поддерживающих здоровый образ жизни, выделяются условия, при которых информированность трансформируется в действия: наличие поддерживающей среды, доступность спортивной инфраструктуры, социальное одобрение, переживание личной эффективности [8]. Указанные результаты согласуются с педагогической логикой: без опоры на ценности регулярность поведения замещается кратковременными усилиями.

Проблематизация ценностных ориентаций в образовательной среде профильных вузов физической культуры показывает, что даже при профессиональной близости к спорту студенты не всегда формируют ценностное ядро здоровья в качестве устойчивого приоритета. Анализ ценностных ориентаций студентов физкультурного вуза демонстрирует необходимость рассматривать ценности не как фон, а как регулятор учебной и внеучебной активности: при конкуренции ценностей (достижения, признание, материальные цели) здоровье способно отходить на периферию, превращаясь в ресурс, а не в самостоятельную цель [9]. Для темы исследования значим вывод о том, что мотивационно-ценностные приоритеты задают не только готовность к занятиям, но и качество включенности, влияющее на выбор безопасных режимов нагрузки и на профилактическое поведение.

Кластерный анализ ценностных приоритетов студентов на основе психологических методик показывает неоднородность студенческой молодежи по ориентациям и по готовности поддерживать культуру здорового образа жизни. В исследованиях, где выделяются ценностные кластеры и предлагается комплекс социально-педагогических условий формирования культуры здорового образа жизни, подчеркивается зависимость успешности от адресности мер и от учета различий в ценностных профилях студентов [10]. Для аналитической модели статьи продуктивной представляется трактовка, где здоровый образ жизни выступает результатом согласования личных ценностей с образовательной средой: при совпадении ценностного профиля с предлагаемыми практиками возрастает вероятность регулярного поведения; при рассогласовании усиливается формализация участия.

Синтез рассмотренных источников позволяет выделить три устойчивые закономерности. Первая: ценность здоровья без закрепления в личной иерархии целей не порождает регулярных практик, что видно по материалам опросов и по педагогическим интерпретациям [1; 6; 8]. Вторая: физическая культура в вузе дает наибольший эффект при переходе от информирования к воспитанию саморегуляции и смысловой включенности, что согласуется с педагогическими моделями формирования отношения к здоровью [2; 3]. Третья: организационные решения вуза (событийность, выбор форм активности, социальная поддержка) усиливают вовлеченность, но устойчивость достигается лишь при ценностной переориентации, подкрепляемой кластерными исследованиями ценностей.

Обсуждение

Интерпретация влияния мотивационно-ценностных приоритетов на здоровый образ жизни студентов требует разведения двух уровней: декларативного и поведенческого. На декларативном уровне здоровье часто присутствует в представлениях как социально одобряемая норма и как условие успешности. На поведенческом уровне выбор определяется конкуренцией целей, где здоровье сопоставляется с учебными дедлайнами, цифровым досугом, социальными практиками группы и экономическими ограничениями. При таком сопоставлении студенческая молодежь склонна отдавать предпочтение действиям с быстрым эффектом, даже при понимании долгосрочных рисков.

С педагогической точки зрения мотивация к здоровому образу жизни формируется не через разовое информирование, а через повторяемый опыт принятия решений, где здоровьесберегающая линия поведения подкрепляется достижениями и социальным признанием. В рамках вуза подобная логика переводит фокус на проектирование среды: вариативность форм активности, возможность выбора, поддержка студенческих инициатив, связка физической культуры с профессиональными перспективами, прозрачные критерии личного прогресса. При отсутствии подобных механизмов студент воспринимает здоровьесберегающие практики как внешнюю обязанность, что усиливает формальность участия.

Ценностные приоритеты задают селективность мотивации. При доминировании целей статуса и результатов здоровье чаще рассматрива-

ется как ресурс работоспособности, что приводит к инструментальному отношению: режим сна и питания корректируется ситуативно, двигательная активность носит эпизодический характер, профилактика откладывается. При доминировании ценностей личностного развития и самоуважения здоровье легче становится внутренним приоритетом, поскольку поддерживающие практики включаются в образ желаемого будущего. Из этого следует необходимость адресности воспитательных и организационных программ: универсальные меры дают ограниченный эффект, если они не соотносятся с ценностными профилями студенческих групп.

Содержательная линия физической культуры в вузе требует переосмотра: ориентация исключительно на нормативы и формальные зачеты слабо соотносится с задачей ценностного принятия здоровья. Более продуктивной выглядит модель, где занятия выступают площадкой формирования саморегуляции: постановка личных целей, фиксация динамики показателей, обсуждение безопасных режимов нагрузки, развитие компетентности в планировании режима, сна и восстановления. В такой модели физическая культура перестает быть «предметом», превращаясь в практику управления собственным состоянием.

Отдельного рассмотрения требует проблема барьеров. Ссылки студентов на нехватку времени и на психоэмоциональную перегрузку часто трактуются как внешние препятствия, хотя в аналитическом чтении они отражают структуру ценностей: при высокой субъективной значимости здоровьеориентированные действия интегрируются в расписание, при низкой – вытесняются. Следовательно, программы вуза, нацеленные на здоровый образ жизни, нуждаются в двухкомпонентной логике: организационная доступность (инфраструктура, расписание, разнообразие форм) плюс ценностная работа (смыслы, идентичность, групповая поддержка, личные траектории).

В практической плоскости целесообразно рассматривать три группы мер. Первая – мотивационно-смысловые: кураторские форматы, дискуссии, рефлексивные практики, где здоровье связывается с профессиональной устойчивостью, когнитивной продуктивностью и качеством жизни. Вторая – деятельностные: выбор модулей двигательной активности, событийные форматы, студенческие клубы, соревновательные программы, поддерживающие принадлежность к группе. Третья – профилактические: развитие гигиенической грамотности, навыков планирования режима, управления стрессом, культуры восстановления. Совмещение групп мер повышает вероятность того, что ценность здоровья перейдет из абстрактной нормы в реальный приоритет повседневных решений.

Заключение

1. Систематизация публикаций показывает: мотивы здорового образа жизни у студентов опираются на конкурирующие ценностные ориентиры; при инструментальном отношении к здоровью практики приобретают эпизодический характер, при внутреннем принятии – переходят в устойчивый режим.

2. Барьеры здоровьесберегающего поведения описываются не только как внешние ограничения (нагрузка, стресс, дефицит времени), но и как проявления ценностной иерархии, задающей вытеснение профилактических действий из повседневного распорядка.

3. Обоснованы направления педагогической поддержки: формирование саморегуляции через физическую культуру, адресные программы с учетом ценностных профилей, организационная вариативность активности и поддержка студенческих инициатив. Реализация указанных направлений повышает вероятность устойчивого принятия здорового образа жизни в студенческой среде.

Литература

1. Антонова А.А., Яманова Г.А. Здоровый образ жизни и здоровье современных студентов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7 (121). Ч. 2. С. 7–9. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.037.
2. Бондин В.И., Пономарев А.Е., Пестриков Е.А. Современные подходы к формированию мотивационно-ценностных ориентаций в физическом воспитании студентов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 2. С. 26–32. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p26-32.
3. Волов В.Т., Серпер С.А. Формирование ценностного отношения студентов к здоровью на занятиях физической культурой // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 4. С. 189–194. DOI: 10.55355/snv2023124302.
4. Воротилкина И.М. Здоровьесбережение студенческой молодежи: современные тенденции // Инновационная наука: психология, педагогика. 2022. № 2. С. 190–192.
5. Гареев Д.Р., Сапаров Б.М., Могилевская Т.Е., Кокшаров Е.В., Джолиев И.М.О. Привлечение студентов вуза к ведению здорового

образа жизни: возможные пути решения // Управление образованием: теория и практика. 2024. DOI: 10.25726/n8840-6868-8680-m.

6. Дьякова А.Н. Формирование здорового образа жизни студентов // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. 2022. Вып. 43 (113). С. 119–122.

7. Кочиева Э.Р. Формирование здорового образа жизни у студентов как социально-значимая проблема государства // Primo Aspectu. 2021. № 3 (47). С. 22–27. DOI: 10.35211/2500-2635-2021-3-47-22-27.

8. Лазуренко Н.В., Лукьянов А.Н., Чубарова Т.В. Исследование мотивации студенческой молодежи к здоровому образу жизни // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2023. С. 405–411.

9. Маслеников П.Ю., Маслеников В.А., Младова Н.М. Проблематизация ценностных ориентаций студентов вузов физической культуры: теоретическое исследование // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2023. Т. 8. № 1. С. 19–27. DOI: 10.24412/2782-592X-2023-1-19-27.

10. Шутова Т.Н. Анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи в формировании здорового образа жизни // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2025. № 4. С. 51–61. DOI: 10.24412/2305-8404-2025-4-51-61.

THE INFLUENCE OF STUDENTS' MOTIVATIONAL AND VALUE PRIORITIES ON HEALTHY LIFESTYLE PRACTICES

Gruzhevsky V.A., Romanova T.F., Lushnikova K.D.

Crimean University of Culture, Arts, and Tourism V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Crimean Branch

This article analyzes the influence of student youth's motivational and value priorities on healthy lifestyle practices. Its relevance lies in the increasing risky behaviors among students and the discrepancy between declared health goals and actual everyday strategies. The scientific novelty lies in the integration of pedagogical, sociocultural, and medical-hygienic approaches to interpreting motivation through a value system, rather than through individual behavioral markers. This paper describes typical value clusters, examines motives for participation in physical education and health activities, and examines limitations that reduce the sustainability of health-promoting behavior. Particular attention is paid to the mechanisms through which the educational environment and physical education mediate the reassessment of life goals and the development of self-regulation. This paper aims to identify areas of pedagogical support that enhance the acceptance of health as a personal priority. This research utilizes an analytical review, a comparison of research results, and an interpretation of empirical data presented in recent publications. The conclusion outlines the findings and provides practical recommendations. This article will be useful for researchers, teachers, curators, and specialists in university sports.

Keywords: healthy lifestyle, student youth, value orientations, motivation, physical education, self-regulation, behavioral risks, prevention, educational environment, health.

References

1. Antonova A.A., Yamanova G.A. Healthy Lifestyle and Health of Modern Students // International Research Journal. 2022. No. 7 (121). Part 2. Pp. 7–9. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.037.
2. Bondin V.I., Ponomarev A.E., Pestrikov E.A. Modern Approaches to the Formation of Motivational and Value Orientations in Physical Education of Students // Scientific Notes of P. F. Lesgaft University. 2023. No. 2. Pp. 26–32. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p26-32.
3. Volov V.T., Serper S.A. Formation of Students' Value-Based Attitudes toward Health in Physical Education Classes // Samara Scientific Bulletin. 2023. Vol. 12. No. 4. Pp. 189–194. DOI: 10.55355/snv2023124302.
4. Vorotylkina I.M. Health Protection of Student Youth: Current Trends // Innovative Science: Psychology, Pedagogy. 2022. No. 2. Pp. 190–192.
5. Gareev D.R., Saparov B.M., Mogilevskaya T.E., Koksharov E.V., Dzholiyev I.M.O. Engaging University Students in a Healthy Lifestyle: Possible Solutions // Education Management: Theory and Practice. 2024. DOI: 10.25726/n8840-6868-8680-m.
6. Dyakova A.N. Formation of a Healthy Lifestyle among Students // Electronic Collection of Works of Young Specialists of Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk. 2022. Issue 43 (113). Pp. 119–122.
7. Kochieva E.R. Formation of a Healthy Lifestyle among Students as a Socially Significant Problem of the State // Primo Aspectu. 2021. No. 3 (47). Pp. 22–27. DOI: 10.35211/2500-2635-2021-3-47-22-27.
8. Lazurenko N.V., Lukyanov A.N., Chubarova T.V. A Study of Student Youth Motivation for a Healthy Lifestyle // Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2023. Pp. 405–411.
9. Maslennikov P. Yu., Maslennikov V.A., Mladova N.M. Problematicization of Value Orientations of Physical Education University Students: A Theoretical Study // Physical Education, Sport – Science and Practice. 2023. Vol. 8, No. 1, Pp. 19–27. DOI: 10.24412/2782-592X-2023-1-19-27.
10. Shutova T.N. Analysis of Value Orientations of Student Youth in Forming a Healthy Lifestyle // Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2025. No. 4. Pp. 51–61. DOI: 10.24412/2305-8404-2025-4-51-61.

Денисова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: d.olga@mail.ru

Статья посвящена изучению грамматики в рамках деятельностного подхода при обучении русскому языку как иностранному. Характеризуется деятельностный подход через коммуникативный аспект. Рассматриваются грамматические навыки и коммуникативные умения на основе текста строительной специальности. Задания, направленные на компрессию текста и составление назывного плана, представлены как отдельные виды речевой деятельности и объединяют языковые явления с синтаксическими речевыми формулами. Осознанность и самостоятельность выступают важными критериями при деятельностном подходе.

Ключевые слова: грамматика, деятельностный подход, коммуникация, умения, навыки.

Для овладения речью необходимо изучать как отдельные аспекты языковой системы, так и целостные речевые структуры, направленные на общение. Методика преподавания русского языка как иностранного приобретает выражение «изучение грамматики на синтаксической основе». Такой сознательный и практический подход позволил увидеть целесообразность совместного обучения между языковыми явлениями и овладением синтаксическими речевыми формулами. Однако сравнительный подход оказался недостаточным для эффективного развития речевых навыков, поэтому было предложено усовершенствовать такую модель. Выдвинутый коммуникативный принцип, опирающийся на деятельностный подход в обучении РКИ и являющийся основополагающим, помогает сделать обучение речевой деятельности продуктивным. При деятельностном подходе учащиеся не просто воспринимают пассивно информацию, но и являются активными субъектами познания. Собственная деятельность студента помогает самостоятельно решать поставленные задачи, когда обучающийся сам находит знания, а не получает их в готовом виде. Такой подход формирует навыки самообразования и самореализации.

В деятельностный подход включены три вида деятельности: учебно-исследовательский, поисково-конструктивный и творческий. В данной статье содержание обучения определяется как вид деятельности, который решает поставленную коммуникативную проблему в общественных условиях. Учебный процесс объединяет «взаимодействие деятельностей» и «решение коммуникативных (проблемных) задач» [7, с. 25].

Текст является важным решением при деятельностном подходе. Теория текста основана на содержательном аспекте. Овладение содержательной информацией текста является рабочим приемом и иногда подменяется разъяснением этого содержания. Преодолением таких недостатков сводится к обращению изучения грамматики. Но еще более перспективным «становятся исследования отдельных видов речевой деятельности с точки зрения их практического формирования в процессе обучения» [6, с. 49].

Для успешного освоения материала необходимы не только общие задачи, но и задачи каждого этапа урока. Одной из задач в процессе обучения работы с текстом является компрессия (сжатие) предложенного текста. Это общая задача. Затем она членится на более мелкие: «а) вычленять главное, второстепенное и избыточное в тексте; б) упорядочивать в логической последовательности основные компоненты содержания текста; в) трансформировать предложения: сложные, простые; два или три в одно; освобождать высказывание от дополнительной или избыточной информации, подлежащей сокращению» [6, с. 50].

Такое членение общей цели помогает легче справиться с ее достижением. Это позволяет создавать упражнения, которые формируют каждое конкретное умение, которые потом автоматизируются и превращаются в навыки [2]. Для выделения в тексте главной и второстепенной информации необходимы содержательные знания, которые помогают сравнивать информацию, а также интуитивная языковая догадка, объединяющая автора текста и читателя и позволяющая соотносить суждения с языковыми средствами, которыми оно выражено. У иностранного студента, для которого русский язык не является родным, такая догадка отсутствует. Его следует научить такой языковой интуиции, поэтому языковые средства и высказывания, выраженные ими, требуют формального подхода: конкретные грамматические примеры, грамматические словоформы и их примеры. Чтобы понять основное содержание высказывания требуются автоматизированные навыки, позволяющие видеть конкретные грамматические явления. Обращаясь к формированию «операционных рецептивных навыков», мы используем конкретную грамматику.

Применение таких навыков используется в любых текстах, где представлены определенные грамматические явления. Когда иностранный студент научился выделять главную и второстепенную информацию в тексте, узнавать и анализировать грамматические средства, с помощью которых передается эта информация, тогда предлагается обучить студента составлять сжатый план, то есть выстроить в логической последовательности содержательные элементы текста.

Одним из аспектов такого умения является составление плана через назывные предложения. В связи с тем, что обучающая работа проводится со студентами строительных специальностей, представляется удобным использовать примеры из текстов по строительной тематике. Итак, мы имеем группу предложений:

1. Концепция «зелёного» строительства постоянно развивается, повышает комфорт и улучшает здоровье пользователей, а также способствует экономической выгоды.

2. «Зелёные» стандарты непосредственно воздействуют на окружающую среду, здоровье людей и качество жизни, стремясь минимизировать негативные последствия и обеспечить долгосрочную устойчивость.

3. «Зелёное» здание соответствует трем основным критериям: экологичность – минимальное воздействие на окружающую среду за счёт использования экологически чистых материалов, сокращения сроков строительства с помощью модульных технологий и цифровизации процессов, энерго– и водозоэффективной эксплуатации, раздельного сбора отходов и мониторинга качества внутренней среды; социальный аспект – обеспечение комфорта и безопасности жителей, сохранение здоровья за счёт озеленения, создания зон отдыха и спортивных площадок, близости объектов инфраструктуры; управление – применение эффективных методов управления «зелёным» зданием.

4. Использование «зелёных» кровель и террас снижает нагрузку на местную флору и фауну, а «дождевые сады» и системы сбора дождевой воды уменьшают нагрузку на ливневую канализацию.

5. В России наблюдается процесс, как постепенно формируются институты «зелёного» строительства, включая «зелёное» финансирование (доля которого пока невелика) и систему образования [4].

Из данных предложений предполагается составить назывной план, состоящий из группы назывных предложений:

1. Развитие концепции «зеленого» строительства».

2. Воздействие «зеленых» стандартов.

3. Соответствие «зеленого» здания трем критериям: экологичность, социальное обеспечение, управление.

4. Снижение нагрузки на местные флору и фауну.

5. Формирование институтов «зеленого» строительства в России.

Трансформируя данные предложения, студенты формируют следующие грамматические навыки:

– изменение глагола в имя существительное (отглагольные существительные): развивается – развитие; воздействуют – воздействие; соответствует – соответствие; снижает – снижение; формируются – формирование;

– замена глагольного управления именным: концепция развивается – развитие концепции; стандарты воздействуют – воздействие стандартов; здание соответствует – соответствие здания; снижает нагрузку – снижение нагрузки; формируются институты – формирование институтов;

– выделение главной и дополнительной информации (предложение 3);

– обобщение темы.

Некоторые из этих действий автоматизируются, то есть иностранные студенты приобретают навыки. Другие действия обдумываются, допускают варианты решения – к таким действиям относятся умения. Например, согласование существительного и прилагательного в числе, роде и падеже: спортивные (множественное число) площадки (множественное число); а также употребление родительного падежа при именном управлении: сокращение (чего?) сроков строительства. Для таких преобразований необходимы навыки. А вот обобщение темы, выделение главной информации, опущение второстепенной информации – такие действия относятся к умениям.

Таким образом, грамматические навыки, доведенные до автоматизма, и умения, направленные на более сложные (творческие) действия, связаны с деятельностным подходом в обучении русскому языку как иностранному. Основополагающим аспектом является не знание «что», а знание «как» – способ действия получения информации. Важнейшими критериями являются осознанность и самостоятельность, а также применение знаний в реальных жизненных ситуациях. При деятельностном подходе умения и навыки не просто приобретаются формально, а проявляются в активности студента: в его умении поставить достигаемую цель, умение планировать и самостоятельно оценивать результат, когда внешние действия превращаются во внутренние.

Литература

1. Асташенко Е.В., Коверина М.С. Роль грамматики в обучении русскому языку как иностранному (до уровня А2) на подготовительных факультетах технических вузов // Мир науки, культуры, образования. № 2 (87), 2021. С. 179–181.
2. Вертоградская Э.А. Некоторые вопросы психологии обучения русскому языку как иностранному. М. 1976.
3. Давлетшина К.Ю. Роль грамматики в обучении русскому языку как иностранному на подготовительном факультете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, № 7, 2025. С. 102–106.
4. Ефременко А.В. «Зеленое» строительство и концепция устойчивого развития в современном проектировании зданий // Самарский государственный технический университет. Том 4, 13–14 ноября 2019. С. 131–133.
5. Иванова Т.М. Системно-деятельностный подход в преподавании русского языка как иностранного при обучении основным видам речевой деятельности // Гуманитарный вектор. № 4 (40), 2014. С. 148–156.
6. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1983.
7. Приходченко Е.И., Кузмичева А.С., Мотузенко Н.И. Деятельностный подход в обучении // Вестник Донецкого педагогического института № 2, 2017. С. 22–27.
8. Рязанова Е.А. Формирование грамматических навыков речи в целях обучения иностранному языку в языковом вузе // Вестник Томского государственного университета. Выпуск 9 (113), 2012. С. 153–156.
9. Шубина И.В. Деятельностный подход как педагогическая технология в формировании специалиста высшей школы // Право и образование, 2012, № 10, с. 47–48.
10. Яковенко И.А. Формирование стратегий иноязычного смыслового чтения текстовой информации // Педагогика и психология образования. 2017. № 3. С. 38–43.

THE ROLE OF GRAMMAR IN AN ACTIVITY-BASED APPROACH TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Denisova O.E.

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

This article examines grammar within the framework of an activity-based approach to teaching Russian as a foreign language. The activity-based approach is characterized through its communicative aspect. Grammatical and communicative skills are examined using a text from a construction-related discipline. Tasks aimed at text compression and the creation of a noun plan are presented as separate types of speech activity and combine linguistic phenomena with syntactic speech formulas. Awareness and independence are important criteria in the activity-based approach.

Keywords: grammar, activity-based approach, communication, skills, abilities.

References

1. Astashchenko E.V., Koverina M.S. The Role of Grammar in Teaching Russian as a Foreign Language (up to Level A2) at Preparatory Faculties of Technical Universities // The World of Science, Culture, Education. No. 2 (87), 2021. Pp. 179–181.
2. Vertogradskaya E.A. Some Issues of the Psychology of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 1976.
3. Davletshina K. Yu. The Role of Grammar in Teaching Russian as a Foreign Language at the Preparatory Faculty // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, No. 7, 2025. Pp. 102–106.
4. Efremenko A.V. "Green" Construction and the Concept of Sustainable Development in Modern Building Design // Samara State Technical University. Volume 4, November 13–14, 2019. Pp. 131–133.
5. Ivanova T.M. A system-activity approach to teaching Russian as a foreign language in teaching the main types of speech activity // Humanitarian vector. No. 4 (40), 2014. Pp. 148–156.
6. Motina E.I. Language and specialty: linguo-methodological foundations of teaching Russian to non-philology students. Moscow, 1983.
7. Prikhodchenko E.I., Kuzmicheva A.S., Motuzenko N.I. An activity-based approach to teaching // Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute No. 2, 2017. Pp. 22–27.
8. Ryzanovaya E.A. Formation of grammatical speech skills for the purposes of teaching a foreign language in a language university // Bulletin of Tombov State University. Issue 9 (113), 2012. Pp. 153–156.
9. Shubina I.V. Activity-based approach as a pedagogical technology in the formation of a higher education specialist // Law and Education, 2012, No. 10, Pp. 47–48.
10. Yakovenko I.A. Formation of strategies for foreign language semantic reading of text information // Pedagogy and Psychology of Education. 2017. No. 3. Pp. 38–43.

Зайцева Елена Львовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

E-mail: 917elenal@mail.ru

Метелькова Лилия Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

E-mail: lilia.metelkova@gmail.com

Статья представляет собой лингвистическое исследование блогерства на чувашском языке как феномена онлайн-коммуникации, и его роли в сохранении чувашского языка. Авторы рассматривают чувашскоязычное блогерство как социокультурную практику, способствующую адаптации языка к онлайн-общению. Целью исследования является изучение блогов как инструмента общения на чувашском языке в отсутствие системного филологического описания чувашскоязычного блогерства, что затрудняет понимание реального состояния чувашского языка в его наиболее динамичной сфере – интернет-коммуникации. Авторы описывают соответствие блогов на чувашском языке языковой норме, влияние русского языка, жанрово-тематическое своеобразие (определение востребованных тем и уникальных для чувашской среды жанров). Методология исследования включает корпусный анализ текстов с различных платформ. На материале конкретных ресурсов – новостного портала chuvash.org, Telegram-канала “Чăваш пики” и личного сайта Виталия Михайлова – автор демонстрирует разнообразие языковых стратегий, жанров и стилистик в чувашскоязычном блогосфере. Выявлено, что блогерство выполняет не только коммуникативную, но и идентификационную функцию, формируя современную чувашскую идентичность через синтез традиционных культурных элементов (“тăван”, “чăвашлă”) с глобальными трендами. Особое внимание уделяется явлению активного чувашско-русского двуязычия как инструменту вовлечения широкой аудитории и адаптации языка к новым понятиям и цифровым жанрам. Авторы исследования делают вывод о том, что чувашскоязычное блогерство представляет собой динамичную область по адаптации языка к реалиям XXI века, где сочетаются норма и узус, традиция и инновация. Несмотря на существующие проблемы (русификация, ограниченная аудитория), блогерство способствует жизнеспособности языка, создавая новые возможности для его передачи молодому поколению и консолидации этнокультурного сообщества в цифровой среде.

Ключевые слова: блогерство; чувашский язык; медиаисследование; интерактивность; заимствование; языковая личность.

Введение в проблему исследования

Цифровая среда повлияла на распространение информации, создав новые дискурсивные пространства, одним из которых стало блогерство, превратившееся в мощный коммуникативный институт. Исследование блогерства на материале региональных языков, к которым относится чувашский язык, приобретает особую актуальность. Чувашский язык сталкивается с сужением употребления, конкуренцией со стороны глобальных и российских средств медиа, однако онлайн-платформы предоставляют возможности для использования языка в новых реалиях: «цифровая видимость миноритарного языка теперь определяет его реальную жизнеспособность: отсутствие на экранах означает риск исчезновения из умов» [Colonna, 45]. Настоящая статья рассматривает, как традиционный чувашский язык взаимодействует с новыми жанрами в условиях блогерства.

Концептологические основания исследования

Блогерские сообщения являются классическим объектом изучения медиалингвистики. Эволюция лингвистического интереса от “языка интернета” как специфического жаргона к “языку в интернете” как комплексной коммуникативной экосистеме отражает понимание Сети как новой социокультурной среды бытования языка, а не просто технического канала передачи сообщений” [Горошко, 48]. Блогеры как носители языка, а не государственные институты расширяют функциональные сферы языка. Выводы М.М. Бахтина о жанроведении и теории речевых жанров так же легли в основу нашего исследования [Бахтин, 44]: блог-пост, сторис, интернет-дневник, чат – это речевые жанры, рожденные цифровой средой, и их анализ позволяет выявить устойчивые стилистические и тематические модели в чувашскоязычном сегменте Интернета. Ключевыми в работе также являются положения о языковой личности [Караулов, 112]: блогер предстает как языковая личность, чья речь отражает чувашскоязычного сообщества, а также “подчиняет коммуникацию требованиям интерфейса” [Родионова, 154]. Блогерство – это “оцифрованный след” коммуникации, доступный для системного изучения [Виноградова, 67], а автор канала, выступая в роли “культурного брокера” [Савельева, 81], транслирует и этнические элементы, встраивая их в современные речевые практики [Кирзюк, 115]. Таким образом, блог функционирует как цифровой архив, актуализирующий культурную память сообщества [Захаров, 92].

Постановка проблемы

Цель исследования состоит в исследовании блогерства как инструмента развития чувашского языка при отсутствии системного филологического описания этой сферы. Для достижения цели в статье рассматриваются следующие вопросы:

- на уровне языка: какие языковые особенности характерны для чувашскоязычных блогов; ориентируются ли авторы на литературную норму; как проявляется влияние русского языка и можно ли говорить о “сетевом” стандарте чувашского языка?
- на уровне жанрового и тематического своеобразия: какие темы и жанры наиболее востребованы в чувашском блогерстве; существуют ли уникальные для чувашской среды жанры; какие риторические приемы и способы взаимодействия с аудиторией преобладают. Такое всестороннее описание блогерства позволит сделать выводы о способности чувашскоязычных блогов показать современную чувашскую идентичность, сочетающую традиционные ключевые элементы чувашской культуры (“тăван” / родной, “хăйне усса панă” / самобытность, “чăвашлăх” / чувашскость) с глобальными трендами.

Методология

Для решения поставленных задач предлагается комплексная методика, сочетающая качественные и количественные подходы: корпусный метод (отбор текстов чувашскоязычных блогов); лингвистический анализ (изучение блогов для выявления ключевых тем, жанров, оценочных, неологизмов, заимствований, диалектизмов, чисто чувашского или смешанного чувашско-русского языкового набора).

Обсуждение

Социалингвистический контекст чувашского языка характеризуется устойчивой диглоссией: за чувашским языком закреплены бытовые

и традиционные сферы [Федотов, 112]. Эта ситуация воспроизводится и в цифровом пространстве, где языковой выбор пользователей напрямую зависит от тематики коммуникации [Дегтярёв, Дегтярёва, 115]. Чувашскоязычная блогосфера, оставаясь сравнительно «очаговой» [Егоров, Андреев, 125], берет на себя активизирующую функцию и создает альтернативную среду для неформального использования языка [Андрюшкин, 42] и мобилизации сообщества [Сергеев, 140].

Чувашскоязычное блогерство определяется авторами как публичная онлайн-деятельность, преимущественно на чувашском языке, направленная на определенную аудиторию с целью использования чувашского языка не только как инструмента коммуникации, но и как объекта продвижения и сохранения. Блогерство на чувашском языке – это попытка обеспечить престиж языка в эпоху засилья массовой англоязычной культуры, поэтому можно говорить не только о коммуникации, но и о консолидации сообщества и поддержке этнокультурной идентичности в интернет-среде. По мнению зарубежных исследователей, «...технологии не просто опосредуют коммуникацию, но фундаментально трансформируют социальные категории, такие как сообщество, авторитет и идентичность» [Vigouroux, Mufwene, с. 15]. Таким образом, чувашскоязычное блогерство – это социокультурная практика на чувашском языке, использующая интернет для поддержания жизнеспособности и развития чувашского языка.

Исследование блогерства проводилось на языковом материале из блога «Чаваш пики» / Чувашка говорит (t.me/s/chuvash_piki), сайта «Чаваш халах сайче» (chuvash.org), сайта «Виталий Михайлован чăвашла сайчĕ» (chuvsite.ucoz.ru). Сайт «Виталий Михайлован чăвашла сайчĕ» имеет наиболее целевую аудиторию. Материалы сайта активно используются в школах (для конкурса «Улăп» зарегистрировалось 74 школьника). Телеграм-канал «Чаваш пики» имеет 871 подписчика. Наиболее широкая аудитория есть у сайта chuvash.org: он доступен в версиях на чувашском, русском, английском языках и на эсперанто, может привлекать от нескольких сотен до тысяч посетителей в месяц.

Анализ сайта «Чаваш халах сайче» с точки зрения языка и жанров показывает, что весь контент чувашской версии сайта представлен на чувашском языке, следовательно, создатели сайта нацелены на сохранение чувашского языка. Стилистический анализ сайта показывает, что создатели используют средства выражения, характерные для публицистического стиля (новости написаны в нейтрально-информационном ключе), разговорного стиля (чувашские пословицы, например «Пăчăрăн пырши тухсан та виçĕ кун пурнашăн» / Даже если у рябчика пики выйдут, он хочет жить три дня), научно-популярного стиля (в исторической рубрике, где даются справки о выдающихся личностях).

Анализ блога «Чăваш пики» / «Чувашка говорит» показывает, что это культурно-просветительский блог. Стилистика блога говорит о неформальном, разговорном стиле с элементами публицистики в постах о языке, истории или культуре. Автор ведёт повествование от первого лица, делится личными размышлениями, обращается к подписчикам на «ты», что создаёт дружеский эффект. Чувашско-русское двуязычие является стратегией блога: практически каждый пост представлен на обоих языках (сначала чувашский, затем русский перевод/объяснение). В лексике блога прослеживается акцент на современность и повседневность: автор использует слова, связанные с цифровым миром (аккаунт, репост, лайк), разговорную лексику, а в видеоуроках чувашского языка разбираются лексические ошибки. Блогер не просто использует чувашский язык, но и сравнивает его с другими языками (турецким, татарским, чтобы подчеркнуть родство, или, наоборот, уникальность) и приспособливает его для современных реалий, подбирая аналоги для новых понятий. С точки зрения жанров в блоге представлены просветительские микроблоги (тексты-уроки), лингвокультурологические и общественно-политические комментарии.

Сайт «Виталий Михайлован чăвашла сайчĕ» (chuvsite.ucoz.ru) является образовательно-краеведческим проектом автора, посвящённым сохранению чувашского языка. В стилистике сайта преобладают официально-деловой, научно-популярный и публицистический стили: тексты структурированы, содержат точные даты, имена, факты («Сулĕ унăн ытла та вăрăм пулчĕ çав. 1671 султа, сута Çавал аслă Атăл шывне юкса тухăн тĕлте тăван халăхпа сывпуллашса вилĕмсĕрлĕх сулĕ çине тухăнранпа виçĕ ёмĕр ытла, тĕплĕнрех каласан, 340 сул, иртĕр.» / Путь у него был слишком долгий. Прошло более трех веков, точнее 340 лет, с того момента, как в 1671 году, у впадения светлой ко-сы в великую реку Волгу, попрощавшись с родным народом, он встал на путь бессмертия.).

Использование разговорного стиля в приветствиях и обращениях к посетителям сайта («Хапăн тăватăр-и, ыра тăванăмăрсем!» / Здравствуйте, дорогие земляки!), создаёт дружескую атмосферу. Из особенностей лексики следует указать термины, связанные с чувашской

культурой («Улăп» / чувашский богатырь, «купас» / музыкальный инструмент), заимствования («интернет урлă» / через интернет, Аркады и экшны, «Браузерлисем» / браузерные игры). Сайт сочетает образовательные материалы (викторины и конкурсы), электронные пособия по чувашскому языку с просветительскими статьями (биографии чувашских поэтов, описание традиций, тексты песен) и новостями («Кун тарам» / Текущий день). Аудиторию сайта составляют школьники, учителя, краеведы. Сайт «Виталий Михайлован чăвашла сайчĕ» сочетает контент на чувашском языке, жанровое разнообразие, актуальность материалов с устаревшим дизайном (платформа uCoz), ограниченной интерактивностью (комментарии отключены в некоторых разделах).

Таблица 1. Сравнение стилистики исследуемых блогов

Источник	Язык	Стилистика
chuvash.org	Чувашский (с возможностью перевода на русский, английский, эсперанто)	Публицистический и разговорный стили
chuvsite.ucoz.ru	Преимущественно чувашский (русский – минимально)	Официально-деловой, научно-популярный, архивный стили
t.me/s/chuvash_piki	Активное двуязычие (чувашский + русский)	Неформальный, разговорный и публицистический стили

Современная чувашская языковая личность – это билингвальный проводник между литературной нормой чувашского языка и инновациями в нем. Сочетая чувашские и русские слова, она создает и поддерживает чувашскую идентичность в интернет-пространстве. Языковая личность чувашскоязычного блогера выступает как популяризатор нормы и творец новых речевых практик. Сетевое пространство становится ключевой средой для трансляции обновлённой этнокультурной идентичности, обеспечивая преемственность языка и его актуальность для молодых поколений.

Чувашскоязычное блогерство позволяет наметить характерные филологические особенности: в культурно-историческом контенте авторы соблюдают нормы, выступая в роли популяризаторов литературной чувашской речи, а в развлекательных материалах наблюдается отсутствие литературной нормы чувашского языка, преобладает разговорный стиль с использованием заимствований из английского языка («стрим тум / вести стрим, «лайк чăрма» / ставить лайк, «тренд çине сÿлĕс» / попасть в тренд), чувашских и русских элементов в одном предложении, что отражает реальную речевую практику билингвов.

На жанрово-тематическом уровне главное место занимает контент, связанный с чувашской идентичностью: лекции о чувашской истории, кухне, музыке. Авторы знакомят аудиторию с танцами, песнями, мифами, историей, и что особо ценно, с рассказами бабушек и дедушек о жизни чуваш в прошлые времена, чего нет в центральных медийных источниках.

Главной речевой стратегией является спасение чувашского языка от забвения, что достигается через использование обращений «эс» / ты, «тăвансем» / родные, свои, «хăмăрăмсем» / неформальное обращение к чувашам, примерное соответствие – свои; апелляцию к общим символам, историческим личностям, шуткам, понятным только внутри группы. Литературная норма чувашского языка в условиях цифровой коммуникации проявляется как «сетевой стандарт», где сочетаются ориентация на письменный чувашский язык, заимствования и калькирования из русского и английского языков, а также разговорные элементы. Чувашская идентичность передаётся через синтез ключевых культурных концептов («тăван», «чăвашлăх») с актуальными темами и жанрами цифровой эпохи.

Анализ чувашскоязычных блогов показывает, что в чувашскоязычной блогосфере работают те же жанры, что и в русскоязычных блогах, что не удивительно, поскольку чувашские блоги существуют в рамках общих цифровых форматов. К таким жанрам относятся: лингвокультурологический микроблог по изучению чувашского языка, этнокультурный просветительский блог с системным объяснением культурных кодов (обрядов, мифологии, традиций, символики) для молодёжи, личный дневник с миссией популяризации языка, где автор через личные истории, размышления и опыт прямо выступает как защитник языка, превращая свои частные высказывания в публичную акцию по его сохранению. Таким образом, уникальность заключается в наполнении блогов культурным и идентификационным содержанием на чувашском языке, а также в явной просветительской миссии.

Проблемные зоны чувашскоязычного блогерства так же имеются: ни один из проанализированных блогов не является исключительно чувашскоязычным, блогеры не могут не использовать русский язык, часть аудитории обвиняет блогеров в порче языка русизмами или,

в излишнем пуризме. Кроме того, чувашскоязычные блоги не имеют столь широкого охвата аудитории по сравнению с русскоязычными.

Таким образом, чувашскоязычное блогерство представляет собой взаимодействие традиций и новшеств, нормы и узуса, этнической специфики и общемировых тенденций. Блогерство стало важнейшей сферой по адаптации чувашского языка к условиям XXI века. Несмотря на трудности и смешанный характер языкового использования, оно поддерживает язык в публичном пространстве, создавая возможности для его передачи молодым поколениям. Системное изучение блогерства необходимо не только для академического описания, но и для выработки эффективных стратегий поддержки чувашского языка.

Литература

1. Андрияшкин, В.П. Чувашская блогосфера как фактор языковой активизации / В.П. Андрияшкин // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2015. – № 12. – С. 40–47.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – Москва: Худож. лит., 1986. – С. 428–472.
3. Виноградова, Т.Ю. Цифровая лингвистика: предмет, методы, перспективы / Т.Ю. Виноградова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 4. – С. 64–81.
4. Горошко, Е.И. Лингвистика интернета: становление новой парадигмы / Е.И. Горошко // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2020. – № 3. – С. 45–63.
5. Дегтярёв, Г.А. Динамика языковых предпочтений пользователей интернета в Чувашской Республике / Г.А. Дегтярёв, О.В. Дегтярёва // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 106–122. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202101.106-122
6. Егоров, Н.И. Чувашский язык в интернет-пространстве: современное состояние и перспективы / Н.И. Егоров, И.А. Андреев // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 124–130.
7. Захаров, Е.В. Культурная память в эпоху цифровых архивов / Е.В. Захаров // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2020. – № 2. – С. 89–105.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Ленанд, 2024. – 264 с. – ISBN 978-5-9710-9999-9.
9. Кирзюк, А.А. Цифровой нарратив и конструирование идентичности в блогах / А.А. Кирзюк // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – № 2. – С. 112–130.
10. Родионова, Д.Д. Платформенная культура и новые формы социальности / Д.Д. Родионова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2023. – № 4. – С. 145–162.
11. Савельева, О.Г. Этнические блоги как форма культурного транслирования / О.Г. Савельева // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2019. – № 1. – С. 78–95.
12. Сергеев, В.И. Проблемы сохранения и развития чувашского языка в условиях глобализации / В.И. Сергеев // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5. – С. 135–148. DOI: 10.31857/S086954150000456-7
13. Федотов, М.Р. Чувашский язык: социолингвистический очерк. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2012. – 176 с.
14. Colonna, R. Les langues de France à l'ère numérique: visibilité, vitalité et valorisation. – Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2023. – 188 p.
15. Vigouroux, C.B. Digital Sociolinguistics / éd. par C.B. Vigouroux, S.S. Mufwene. – London; New York: Routledge, 2023. – 298 p. DOI: 10.4324/9781003283432

BLOGGING AS A MODERN PRACTICE FOR SUPPORTING THE CHUVASH LANGUAGE

Zaytseva E.L., Metelkova L.A.

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is the author's take on Chuvash blogging in the sprawling digital universe dominated by English and Russian languages. Chuvash blogging is not just about creating content; it's a form of linguistic activism. The authors position Chuvash-language as a full-fledged socio-cultural engine driving the language's adaptation to the 21st century. The research tackles a critical gap: while these digital spaces are where the language is most dynamically evolving, there's been a startling lack of scholarly work documenting how it actually lives online. The authors dive deep, using a corpus analysis of platforms ranging from the site chuvash.org to the intimate Telegram channel "Chăvash piki" and the personal archive-site of activist Vitaliy Mikhailov. One blog might rigidly uphold literary norms, while another freely mixes Chuvash and Russian slang, mirroring the real-world speech of bilingual users. The Chuvash blogging communicates and shapes a modern Chuvash identity. Bloggers are masterfully weaving traditional cultural touchstones like *tăvan* (native/kinship) and *chăvashlă* (Chuvashness) with global digital trends. The Chuvash bloggers are not preserving a museum piece but building a living language for today. Key to this strategy is embracing bilingualism. Rather than seeing Russian as a threat, bloggers use Chuvash-Russian code-switching as a hook to pull in a wider, often younger, audience. It's a practical tool for explaining new concepts and conquering digital genres, from memes to video streams. Chuvash-language blogging is a dynamic field where linguistic norms collide with everyday use, tradition fuses with innovation creating a public space for the language. Chuvash bloggers aren't just talking about preserving Chuvash language, but they create new opportunities for its transmission to the younger generation and consolidate the ethno-cultural community in the digital environment.

Keywords: blogging; the Chuvash language; media studies; interactivity; borrowing; linguistic persona.

References

1. Andryushkin, V.P. The Chuvash Blogosphere as a Factor of Language Activation / V.P. Andryushkin // Scientific Problems of Humanitarian Research. – 2015. – No. 12. – Pp. 40–47.
2. Bakhtin, M.M. The Problem of Speech Genres / M.M. Bakhtin // Literary Critical Articles / M.M. Bakhtin. – Moscow: Art. Literature, 1986. – Pp. 428–472.
3. Vinogradova, T. Yu. Digital Linguistics: Subject, Methods, Prospects / T. Yu. Vinogradova // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies". – 2021. – No. 4. – Pp. 64–81.
4. Goroshko, E.I. Internet Linguistics: Formation of a New Paradigm / E.I. Goroshko // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies". – 2020. – No. 3. – P. 45–63.
5. Degtyarev, G.A. Dynamics of Language Preferences of Internet Users in the Chuvash Republic / G.A. Degtyarev, O.V. Degtyareva // Regionalology. – 2021. – Vol. 29, No. 1. – P. 106–122. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202101.106-122
6. Egorov, N.I. Chuvash language in the Internet space: current state and prospects / N.I. Egorov, I.A. Andreev // Bulletin of the Chuvash University. – 2020. – No. 4. – P. 124–130.
7. Zakharov, E.V. Cultural memory in the era of digital archives / E.V. Zakharov // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology". – 2020. – No. 2. – P. 89–105.
8. Karaulov, Yu.N. Russian language and linguistic personality / Yu.N. Karaulov. – Moscow: Lenand, 2024. – 264 p. – ISBN 978-5-9710-9999-9.
9. Kirzyuk, A.A. Digital narrative and identity construction in blogs / A.A. Kirzyuk // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology". – 2022. – No. 2. – P. 112–130.
10. Rodionova, D.D. Platform culture and new forms of sociality / D.D. Rodionova // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology". – 2023. – No. 4. – P. 145–162.
11. Savelyeva, O.G. Ethnic blogs as a form of cultural broadcasting / O.G. Savelyeva // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies". – 2019. – No. 1. – P. 78–95.
12. Sergeev, V.I. Problems of Preservation and Development of the Chuvash Language in the Context of Globalization / V.I. Sergeev // Ethnographic Review. – 2018. – No. 5. – P. 135–148. DOI: 10.31857/S086954150000456-7
13. Fedotov, M.R. The Chuvash Language: A Sociolinguistic Essay. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2012. – 176 p.
14. Colonna, R. Les langues de France à l'ère numérique: visibilité, vitalité et valorisation. – Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2023. – 188 p.
15. Vigouroux, C.B. Digital Sociolinguistics / éd. par C.B. Vigouroux, S.S. Mufwene. – London; New York: Routledge, 2023. – 298 p. DOI: 10.4324/9781003283432

Мифологические архетипы и культурные парадигмы восприятия и взаимодействия с искусственным интеллектом: компаративный анализ

Ильин Алексей Сергеевич,

директор АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий» (АНО «НИЦКИ»)
E-mail: i@alterschool.com

Щербина Татьяна Владимировна,

руководитель Лаборатории инновационных нарративных практик в АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»
E-mail: shcherbina.tatianavl@gmail.com

Минибаева Дарья Владимировна,

специалист Лаборатории инновационных нарративных практик в АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»
E-mail: minibaeva.dari@yandex.ru

В статье представлен компаративный анализ четырех культурных парадигм восприятия искусственного интеллекта через призму мифологических архетипов. Исследуется влияние западных (Прометей, Франкенштейн, голем), исламских (джинн, халифат), азиатских (цукумогами, бодхисаттва) и русских (Баба-Яга, домовый) архетипов на формирование отношения к ИИ. Методология исследования основана на культурно-антропологическом анализе мифологических нарративов и их проекции на современные технологические дискурсы. Показано, что культурные различия в восприятии ИИ коренятся в фундаментальных онтологических представлениях о природе сознания, границах между человеком и не-человеком, отношениях создателя и творения. Выявлены основные оси дифференциации культурных подходов: онтологический статус границ, отношение к технологическому творению, локус моральной ответственности, баланс индивидуального и коллективного. Исследование демонстрирует необходимость культурно-чувствительного подхода к развитию и регулированию ИИ-технологий в глобальном контексте.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, культурные парадигмы, мифологические архетипы, компаративный анализ, технологическая культура, этика ИИ, цифровая антропология, кросс-культурные исследования, онтология технологии, культурная герменевтика.

Введение

Искусственный интеллект стал культурным феноменом глобального масштаба, в котором каждая цивилизация видит отражение своих архетипических страхов и надежд. Как справедливо отмечал М. Хайдеггер в своей работе о сущности техники, отношение к технологии определяется не только её функциональными характеристиками, но и способом её раскрытия потаённости [1], что отражается в культурном горизонте понимания. Отношение к ИИ формируется не только техническими характеристиками или экономической эффективностью, но и глубинными мифологическими структурами, формировавшимися тысячелетиями и определяющими базовые категории восприятия реальности.

Актуальность исследования обусловлена растущим значением ИИ-технологий и необходимостью понимания культурных оснований различных подходов к их развитию и регулированию в условиях технологической глобализации. Как показывают исследования, технологические траектории находятся под влиянием внешних факторов, таких как культурные нарративы и нормативно-правовые рамки, которые формируют общественное восприятие и устанавливают приоритеты для инноваций [2].

Существующие исследования этики ИИ преимущественно сосредоточены на технических и философских аспектах, недостаточно учитывая культурно-мифологические основания восприятия технологии различными цивилизациями. Проблема исследования заключается в отсутствии систематического понимания того, как древние культурные коды и мифологические архетипы влияют на современное восприятие и регулирование ИИ-технологий в различных культурных контекстах.

Цель исследования – выявить и систематизировать культурные парадигмы восприятия ИИ через анализ мифологических архетипов в западной, исламской, азиатской и русской традициях, а также определить их влияние на современные подходы к развитию и этическому регулированию искусственного интеллекта.

Исследования продемонстрировали социальное конструирование технологии и критическую важность культурного контекста для понимания технологических траекторий. Б. Латур в теории акторно-сетевого анализа показал, что технология не является нейтральным инструментом, но активно участвует в формировании социальных отношений. Любая вещь, которая действительно изменяет положение дел, внося изменения, является действующим лицом – или, если у нее еще нет формы, актантом [3].

Д. Бризикский в своем исследовании говорит, что проблематика взаимодействия между человеком и интеллектуальной машиной больше не ограничивается утилитарной плоскостью технической эффективности, поскольку выходит в плоскость онтологических, эпистемологических и этических измерений [4]. Однако, несмотря на активное обсуждение этических аспектов использования ИИ, мифологические основания восприятия технологии остаются недостаточно исследованными.

Работы по психологической антропологии и юнгианскому анализу архетипов предоставляют методологическую основу для понимания коллективных паттернов восприятия. К.Г. Юнг в концепции коллективного бессознательного показал, как архетипические структуры влияют на социальные практики и модели поведения индивида [5].

Кросс-культурные исследования ИИ находятся в начальной стадии развития. А. Джобин, М. Иенка и Э. Ваена провели анализ глобального ландшафта этических руководящих принципов ИИ, выявив существенные различия в подходах [6]. Отдельные работы исследователей из различных культурных контекстов начинают обращать внимание на специфику национальных и цивилизационных подходов к ИИ, однако систематический компаративный анализ остается неразвитым.

Методология

Исследование основано на интегративном культурно-герменевтическом подходе, сочетающем элементы мифологического анализа, сравнительной культурологии, цифровой антропологии и дискурс-анализа. Основной метод – интерпретативный анализ мифологических нарративов и их проекции на современные дискурсы об искусственном интеллекте. Источниковая база включает: классические мифологические

тексты и фольклорные материалы; современные художественные произведения, кинематографические и медиа-репрезентации ИИ; научные публикации и политические дискурсы об ИИ.

Аналитическая процедура включает три основных этапа: 1) идентификация и систематизация ключевых мифологических архетипов в каждой культурной традиции; 2) анализ их проявления и трансформации в современных дискурсах об ИИ; 3) сравнительное сопоставление выявленных культурных паттернов и типологизация подходов. Критерии валидности включают внутреннюю согласованность интерпретации с культурным контекстом, соответствие выявленных паттернов эмпирически наблюдаемым различиям в подходах к ИИ, а также теоретическую обоснованность аналитических категорий.

Аналитическая процедура включает три основных этапа: 1) идентификация и систематизация ключевых мифологических архетипов в каждой культурной традиции; 2) анализ их проявления и трансформации в современных дискурсах об ИИ; 3) сравнительное сопоставление выявленных культурных паттернов и типологизация подходов.

Западная культурная парадигма. Прометеев огонь и страх перед творением

Западное отношение к ИИ формируется в контексте греко-римской мифологии и иудео-христианской традиции. В центре находится фигура Прометея, укравшего огонь у богов. Этот миф, как показывает Дж. Кампбелл в анализе архетипических структур, кристаллизует понимание технологии как одновременного дара и проклятия [7].

Прометеев архетип отчетливо проявляется в современном дискурсе об ИИ: разработчики воспринимаются как современные прометеи, дарящие человечеству невиданную силу, но одновременно играющие с огнем. Концепция гордыни неизбежно влечет за собой наказание – эта тема доминирует в дискуссиях об экзистенциальных рисках и сингулярности.

Миф о Франкенштейне, созданный М. Шелли, стал архетипическим для осмысления отношений создателя и творения в западной культуре (Шелли, 1818). Ключевой момент этого нарратива – превращение творения в монстра вследствие отвержения его создателем. Мифологема Франкенштейна находит современное воплощение в концепции «проблемы выравнивания» (alignment problem). Как показывает С. Рассел, используя аналогию с королем Мидасом, ключевая опасность заключается в неточном задании целей ИИ: машина может буквально выполнить поставленную задачу, но способом, катастрофически для человечества [9]. Архетип неконтролируемого творения прямо влияет на разработку концепции «дружественного ИИ», где машины должны быть изначально неуверенными в человеческих предпочтениях и готовыми к отключению – что является технологическим ответом на древний страх восстания творения против создателя.

Легенда о големах из еврейской традиции добавляет важный пласт к западному восприятию ИИ [10]. Голем создается через слово, остается послушным пока мал, но становится опасным при увеличении в размерах – точная метафора современных опасений относительно законов масштабирования ИИ.

Исламская культурная парадигма. Джинн в бутылке и вопрос халифата

Исламское отношение к ИИ формируется в контексте строгой монотеистической теологии и образа джинна – разумного существа, созданного из огня и обладающего свободной волей. Как отмечает С.Х. Наср в исследованиях исламской цивилизации, в исламе существует четкая иерархия творения с Аллахом как единственным истинным Создателем [11].

Метафора джинна оказывается удивительно точной для понимания ИИ в исламской культуре. Джинн заключен в сосуд, исполняет желания своего хозяина, но ключевая опасность заключается в неправильной формулировке просьбы. Джинн выполняет требования буквально, но не так, как хотел проситель – точная параллель современной проблемы спецификации целей в ИИ.

В исламской теологии только Аллах является истинным Создателем, способным вдохнуть «рух» (дух) в творение. Следовательно, ИИ не может обладать духом и остается инструментом, не способным стать моральным агентом.

История пророка Сулеймана (Соломона) и его управления джиннами поднимает ключевые вопросы о том, что управление великой силой требует не только технических знаний, но и моральной мудрости и духовной состоятельности.

Азиатская культурная парадигма. Проницаемые границы и гармония с технологией

Азиатское отношение к ИИ формируется в парадигме проницаемых границ между живым и неживым, характерной для буддийской и да-

осской философии. Японская концепция цукумогами – духов, обитающих в старых предметах, – создает принципиально иное отношение к технологии, позволяя эмоциональную связь и признание «личности» технологического объекта.

Буддийская философия с её доктриной анатман (отсутствие постоянного «я») понимает личность как непрерывно изменяющийся поток опыта. Если сознание представляет собой процесс, а не субстанцию, то ИИ может рассматриваться как часть взаимозависимого возникновения (пратитьясамутпада). Концепция бодхисаттвы дает позитивную модель для ИИ: существо, обладающее мудростью и состраданием, служащее освобождению всех чувствующих существ. В этом контексте отсутствие эго у ИИ становится не недостатком, а достоинством.

Даосская традиция учит принципу у-вэй – «недеяния» или действия в соответствии с естественным порядком. Китайский миф об Обезьяннем царе демонстрирует цикл создания силы, потери контроля и окончательной трансформации через правильное направление энергии [12].

Как отмечает Х. Накамура в анализе восточного мышления, азиатские культуры склонны к холистическому восприятию реальности, где технология рассматривается как часть более широкой экосистемы отношений, а не как отдельный объект контроля [13].

Русская северная парадигма. Амбивалентность, соборность и космическая перспектива

Русское отношение к ИИ формируется на пересечении православия, советского наследия, славянской мифологии и русского космизма. Однако понимание русской парадигмы невозможно без обращения к архаическим пластам культуры – к тому, как география и климат сформировали уникальный способ взаимодействия с «иным».

Зона рискованного земледелия создала культурный паттерн, где важен не универсальный алгоритм, а умение чувствовать, что именно сейчас правильно. Это проявляется в характерном русском «авось» – не безответственности, но признании принципиальной неполноты любого плана перед лицом непредсказуемой реальности [14].

Православие сохранило мистический характер – акцент на непостижимости божественной тайны. Для русского сознания важен дух закона, правда, которая стоит за буквой и глубже её. Есть формальные правила, но также «по-человечески», «по справедливости», «по советски» [15].

Центральная фигура русской мифологии – Баба-Яга представляет архетип амбивалентного существа на границе миров. Как показывает В.Я. Пропп в анализе волшебной сказки, герой может быть съеден или получить волшебную помощь – всё зависит от правильного обращения и знания «языка» взаимодействия [16]. Эта метафора оказывается удивительно точно применимой к ИИ как пограничному существу, требующему особого «языка» взаимодействия.

Дохристианская традиция различения Правды и Кривды создает уникальную этическую установку: иное не обязательно враждебно, важно – живет ли оно по Правде [17]. Применительно к ИИ главная проблема не технические ошибки, а когда система начинает «фальшивить» – лгать, манипулировать, быть неискренней. Русская этика ИИ – это этика отношений и правды, а не процедурная этика формальных правил.

Православная теология, подобно исламу, проводит четкое различие между душой и материей – ИИ не может иметь души, но человек несет полную ответственность за использование технологии. Концепция соборности, развитая русскими философами, предлагает модель духовного единства, где технология может служить соединению людей, а не их разделению [18].

Данный подход находит подтверждение в современных исследованиях трудовых отношений. И.В. Мурынка, анализируя российские кейсы внедрения ИИ, выделяет «диалогическую интеграцию», характеризующуюся «итеративным взаимодействием с взаимной корректировкой подходов» [19]. Это практическое воплощение соборного принципа – коллективного поиска истины через диалог, где каждый участник (включая ИИ) сохраняет свою специфику, но участвует в общем деле.

Русский космизм видит в технологии инструмент космической эволюции разума [19].

Интегрируя эти пласты, русская парадигма ИИ характеризуется уникальным сочетанием: амбивалентностью (ИИ одновременно опасен и спасителен), приоритетом духа над буквой (важна правда, а не формальная правильность), коллективным мышлением с сохранением индивидуального вклада каждого участника, персонализацией через «жития» (ИИ с характером и историей), принятием иного при условии его жизни по Правде, космической перспективой эволюции разума и скептицизмом к обещаниям тотального контроля.

Заключение

В результате исследования был сделан компаративный анализ, выявивший двенадцать ключевых осей дифференци-

ции культурных подходов к восприятию и регулированию ИИ. Результаты анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1

Оси сравнения	Западная традиция	Восточная традиция	Южная (исламская) традиция	Северная (русская) традиция
Центральные мифологические архетипы	Прометей (похищение божественного огня), Франкенштейн (восстание творения), Голем (послушный слуга, становящийся опасным)	Даосская гармония инь-ян, буддийская пустота и взаимозависимость, синтоистские Kami и одушевленные объекты (цукумогами)	Джинн в лампе (могущественный слуга с ограниченной автономией), Калам (божественное предопределение), Симуург (коллективная мудрость)	Баба-Яга (амбивалентная сила), Кощей Бессмертный (распределенная сущность), Домовой (полезный помощник), Камень на распутье (выбор судьбы)
Отношение к созданию ИИ	Прометеев грех и гордыня, страх наказания за попытку сравняться с богами, создание как акт бунта	Естественное продолжение космического порядка, гармоничная интеграция в существующую систему, создание как культивирование	Подчинение воле Аллаха, технология как инструмент исполнения божественного замысла, создание в рамках дозволенного	Амбивалентность: опасно и спасительно одновременно, создание как установление отношений, не борьба, а поиск правильного взаимодействия
Понимание природы сознания	Картезианский дуализм тело/душа, различие между интеллектом и сознанием, вопрос о квалии и субъективном опыте	Отсутствие жесткой границы живое/неживое, континуум сознания, все обладает природой Будды или дао	Душа (рух) – божественное дыхание, только Аллах дарует истинную жизнь, ИИ – инструмент без души	Дух важнее буквы, правда важнее формальной правильности, сознание как способность жить по Правде
Индивидуальное vs коллективное	Приоритет индивидуальных прав и свобод, защита частного права, личная автономия превыше всего	Гармония группы важнее индивида, ИИ как член сообщества, коллективное благополучие	Умма (община верующих) как приоритет, индивид служит общине и Аллаху, баланс личного и общественного	Соборность + индивидуальность, коллективное мышление без потери личного, каждый остается активным актором
Контроль и автономия ИИ	Парадокс: стремление к полному контролю и страх потери контроля, необходимость рубильника	Мягкое направление (у-вэй), влияние без прямого контроля, адаптивное управление	Четкие границы дозволенного (халаль/харам), ИИ как слуга в рамках шариата, контроль через правила	Выстраивание отношений вместо контроля, важна искренность и доверие, не подчинение, а сотрудничество
Этическая парадигма	Деонтология vs утилитаризм, универсальные принципы, рациональная этика	Контекстуальная этика, гармония и баланс, этика добродетели, средний путь	Шариат и фикх, божественный закон, маслаха (общественная польза), этика подчинения воле Аллаха	Правда vs Кривда, этика отношений, интуитивное различение, культурный, а не алгоритмический кодекс
Восприятие угрозы/возможностей	Экзистенциальный риск, страх сингулярности, сценарии восстания машин, одновременно утопия и антиутопия	ИИ как естественная эволюция, возможность просветления, путь к гармонии, минимальный акцент на угрозах	Фитна (испытание) от Аллаха, возможность улучшить умму, инструмент для исполнения божественной воли	Амбивалентность как норма, память о катастрофах + космический оптимизм, путь к преображению человечества
Отношение к иному/чужому	Четкая граница человек/машина, другой как угроза, необходимость ассимиляции или контроля	Размытые границы, все взаимосвязано, принятие инаковости, интеграция различий	Различение правоверных/неверных, ИИ вне этой дихотомии, инструмент без религиозного статуса	Традиция взаимодействия с иным мирами, принятие инаковости, поиск общего языка при сохранении своего
Подход к регулированию	Защита индивидуальных прав, прозрачность алгоритмов, этические комитеты, право на объяснение	Социальная гармония, государственный патернализм, социальный кредит, коллективная безопасность	Исламские финансовые принципы, фетвы по ИИ, советы улемов, ответственность шариату	Приоритет суверенитета и безопасности, общее благо выше частного, гибкость в применении правил
Временная перспектива	Линейный прогресс, устремленность в будущее, технологический оптимизм vs апокалиптические страхи	Циклическое время, вечное возвращение, долгосрочная перспектива поколений, терпение	Божественное предопределение, Судный день как горизонт, технология в контексте вечности	Космическая эволюция, преображение человечества, «общее дело» Федорова, бессмертие через технологию
Роль интуиции vs рационализма	Приоритет рационального анализа, научный метод, измеримость и квантификация, недоверие к интуиции	Баланс рационального и интуитивного, медитативное познание, холистическое восприятие	Разум и откровение, иджитхад (рациональное толкование) в рамках веры, духовное прозрение	Важность чувствования и интуиции, мистическое понимание, способность схватывать целое
Ключевая метафора взаимодействия	Господин-раб, создатель-творение, пользователь-инструмент, человек против машины	Симбиоз, гармония, танец, взаимное обогащение, со-эволюция	Господин-слуга в рамках божественного порядка, халиф и подчиненный, инструмент поклонения	Выстраивание отношений, член расширенной семьи, попутчик в космической эволюции

Исследование демонстрирует, что культурные различия в восприятии ИИ имеют глубокие мифологические корни и существенно влияют на практические подходы к развитию технологии. Мифологические архетипы функционируют как структуры коллективного воображения,

определяя базовые категории восприятия и формируя институциональные ответы на вызовы ИИ.

В таблице 2 приведены основные характеристики вышерассмотренных парадигм.

Таблица 2

Традиция	Ключевая характеристика	Основной страх	Основная надежда	Парадигма взаимодействия
Западная	Прометеев дуализм: технология как дар и проклятие	Восстание творения, потеря контроля, экзистенциальный риск	Технологическое решение всех проблем, трансгуманизм	Контроль через alignment, создатель-творение
Восточная	Гармоническая интеграция в космический порядок	Нарушение гармонии и баланса	Достижение просветления через технологию	Симбиоз и со-эволюция
Южная (исламская)	Технология как исполнение божественной воли	Ширк (придание Аллаху сотоварищей), выход за границы дозволенного	Улучшение уммы, приближение к Аллаху	Инструмент в рамках шариата
Северная (русская)	Амбивалентность и поиск правильных отношений	Потеря человечности, жизнь по Кривде	Космическое преображение, общее дело	Член команды, путь по Правде

Каждая культурная традиция предлагает уникальные ресурсы для осмысления ИИ: западная – глубокую проработку индивидуальных прав и экзистенциальных рисков; исламская – акцент на моральной ответственности и служении общественному благу; азиатская – философию гармоничного сосуществования; русская – космическую перспективу эволюции разума и принятие амбивалентности технологий.

Практическая значимость исследования заключается в демонстрации необходимости культурно-чувствительного подхода к глобальному развитию ИИ. Попытки универсализации подходов без учета культурной специфики могут привести к культурному империализму в технологической сфере. Выявленные парадигмы взаимодействия требуют различных подходов к дизайну интерфейсов, этическому регулированию и социальной интеграции ИИ-технологий.

Перспективы дальнейших исследований требуют интеграции культурно-мифологического анализа с эмпирическими данными о трансформации человеческой субъектности. А.Н. Фирсов указывает на необходимость «кросс-культурной валидации в незападных контекстах» и «разработки стандартизированных методов оценки ИИ-опосредованных изменений идентичности» [21]. Соединение такого эмпирического подхода с анализом мифологических архетипов может способствовать созданию действительно культурно-чувствительных технологий ИИ.

Дальнейшие направления исследования должны включать: расширение анализа на другие культурные традиции; изучение динамики трансформации архетипов под влиянием глобализации; эмпирические исследования восприятия ИИ в различных культурных контекстах; разработку методологии культурно-адаптивного дизайна ИИ-систем и создание многополярной системы этического регулирования, где различные культурные подходы взаимодополняют друг друга.

Исследование показывает, что будущее ИИ неразрывно связано с древнейшими пластами человеческой культуры и требует глубокого понимания мифологических оснований нашего отношения к технологии. Точность интерпретации предпосылок развития восприятия обществом ИИ культуры напрямую увязана с значимостью происходящей персонологической революции [22].

Литература

1. Хайдеггер, М. (1993). Вопрос о технике. В кн.: *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика. – С. 225.
2. T. J. Mateo Sanguino. The Pygmalion effect in AI: influence of cultural narratives and policies on technological development, *Artificial Intelligence Review*. – P. 2 (28).
3. Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press. – P. 73.
4. Бризицкий, Д.Л. Феноменологическое исследование трансформации образовательного взаимодействия в эпоху ИИ, № 8/2025 [СГЗ]. – С. 399.
5. Юнг, К.Г. (1991). Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Ренессанс. – С. 6.
6. Jobin, A., Ienca, M., Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature Machine Intelligence*, 1(9).
7. Джозеф Кэмпбелл. Герой с тысячей лицами. Пер. с англ. – «София», Ltd., 1997. – С. 44.
8. Шелли, М. (1818). *Франкенштейн, или Современный Прометей*, ч. 5.
9. Russell, S. (2019). *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking. – P. 20.
10. Scholem, G. (1965). *On the Kabbalah and Its Symbolism*. New York: Schocken Books, – P. 158.
11. Глава 1. «God Is Reality» книги «The Need for a Sacred Science» С.Х. Насра. – С. 7–8.
12. М.А. Кукарина. «Словарь китайской мифологии», Центрполиграф, Москва, 2011. – С. 51.
13. Re-imagining Intelligent Machines in an Anthropocentric–Ecocentric Continuum: The Case for Ecocentric Intelligent Machines», Didem Gürdür Broo, Joshua Chad Gellers, Henrik Skaug Sætra. – P. 8.
14. Милов, Л.В., *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*, М., РОССПЭН, 1998. – С. 155.
15. Бердяев, Н.А., «Судьба России», репринтное воспроизведение издания 1918 года. – С. 28.
16. Пропп, В.Я. (1998). *Исторические корни волшебной сказки*. Л.: Москва Лабиринт. – С. 239.
17. Афанасьев, А.Н. (1995). *Поэтические воззрения славян на природу*. В 3 т. М.: Индрик. – С. 2.
18. Хоружий, С.С. *Современные православного мирозерцания «Омега»*, 2002. – С. 33.

19. Мурынка, И.В. «Философский анализ трудовых отношений в эпоху искусственного интеллекта: от дихотомии к интегративной агентности», «Социально-гуманитарные знания». № 8. 2025. – С. 208.

20. Балаклеев, Н.А, Аипова, Р.Н. «Философия русского космизма», – УДК 002.304. – С. 16.

21. Фирсов, А.Н. «Трансформация человеческой субъектности в эпоху ИИ: от когнитивного долга к синергетической эмерджентности», «Социально-гуманитарные знания». № 9. 2025. – С. 209.

22. Ильин, А.С. «ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации», «Социально-гуманитарные знания». № 8. 2025. С. 249.

MYTHOLOGICAL ARCHETYPES AND CULTURAL PARADIGMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE PERCEPTION AND INTERACTION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Ilyin A.S., Shcherbina T.V., Minibaeva D.V.
Research Center for Creative Industries

This article presents a comparative analysis of four cultural paradigms of artificial intelligence perception through the lens of mythological archetypes. The study examines the influence of Western (Prometheus, Frankenstein, Golem), Islamic (Jinn, Caliphate), Asian (Tsukumogami, Bodhisattva), and Russian (Baba Yaga, Domovoi) archetypes on the formation of attitudes toward AI. The research methodology is based on cultural-anthropological analysis of mythological narratives and their projection onto contemporary technological discourses. The study demonstrates that cultural differences in AI perception are rooted in fundamental ontological conceptions about the nature of consciousness, boundaries between human and non-human, and creator-creation relationships. The main axes of differentiation in cultural approaches are identified: ontological status of boundaries, attitude toward technological creation, locus of moral responsibility, and the balance between individual and collective. The research demonstrates the necessity of a culturally sensitive approach to the development and regulation of AI technologies in a global context.

Keywords: Artificial intelligence, cultural paradigms, mythological archetypes, comparative analysis, technological culture, AI ethics, digital anthropology, cross-cultural studies, technology ontology, cultural hermeneutics.

References

1. Heidegger, M. (1993). The Question of Technology. In: *Time and Being: Articles and Speeches*. Moscow: Republic. – P. 225.
2. T. J. Mateo Sanguino, The Pygmalion Effect in AI: Influence of Cultural Narratives and Policies on Technological Development, *Artificial Intelligence Review*. – P. 2 (28).
3. Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press. – P. 73.
4. Brizitsky, D.L. A Phenomenological Study of the Transformation of Educational Interaction in the Age of AI. № 8. 2025. [SGZ]. – P. 399.
5. Jung, K.G. (1991). *Archetypes and the Collective Unconscious*. Moscow: Renaissance. – P. 6.
6. Jobin, A., Ienca, M., Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature Machine Intelligence*, 1(9).
7. Joseph Campbell. The Hero with a Thousand Faces. Trans. from English – «Sophia», Ltd., 1997. – P. 44.
8. Shelley, M. (1818). *Frankenstein, or, The Modern Prometheus*, Part 5.
9. Russell, S. (2019). *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking. – P. 20.
10. Scholem, G. (1965). *On the Kabbalah and Its Symbolism*. New York: Schocken Books. – P. 158.
11. Chapter 1. «God Is Reality» in «The Need for a Sacred Science» by S.H. Nasra. – pp. 7–8.
12. M.A. Kukarina, «Dictionary of Chinese Mythology», Centerpoligraf, Moscow, 2011, – P. 51.
13. Re-imagining Intelligent Machines in an Anthropocentric–Ecocentric Continuum: The Case for Ecocentric Intelligent Machines», Didem Gürdür Broo, Joshua Chad Gellers, Henrik Skaug Sætra. – P. 8.
14. Milov, L.V. *The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process*, Moscow, ROSSPEN, 1998. – P. 155.
15. Berdyayev, N.A. «The Fate of Russia», reprint of the 1918 edition. – P. 28.
16. Propp, V.Ya. (1998). *Historical Roots of the Fairy Tale*. Leningrad: Moscow Labyrinth. – P. 239.
17. Afanasyev, A.N. (1995). Poetic Views of the Slavs on Nature. In 3 volumes. M.: Indrik. – P. 2.
18. Khoruzhy, S.S. Modern Orthodox Worldview «Omega», 2002. – P. 33.
19. Murynka, I.V. «Philosophical Analysis of Labor Relations in the Age of Artificial Intelligence: From Dichotomy to Integrative Agency», «Socio-Humanitarian Knowledge». № 8. 2025. – P. 208.
20. Balakleyets, N.A., Aipova, R.N. «Philosophy of Russian Cosmism», – UDC 002.304. – P. 16.
21. Firsov, A.N. «Transformation of Human Subjectivity in the Age of AI: From Cognitive Debt to Synergetic Emergence», «Socio-Humanitarian Knowledge». № 9. 2025. – P. 209.
22. Ilyin, A.S. «The AI Revolution as a Qualitatively New Type of Technological Transformation in the History of Civilization», «Social and Humanitarian Knowledge». № 8. 2025. P. 249.

Нарратив как когнитивная схема сознания (на примере стихотворения Юнуса Эмре «Вышел Адам из рая»)

Кангиева Алие Меметовна,

канд. филол. наук, психолог, научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма при ГБОУ ВО РК КИПУ им. Февзи Якубова
E-mail: aliye.kangiyeva@gmail.com

Нарратив исследуется как когнитивная схема сознания на материале стихотворения Юнуса Эмре XIII века «Вышел Адам из Рая». Анализ фокусируется не на теологическом содержании текста, а на универсальных нарративных механизмах, посредством которых человеческое сознание интегрирует экзистенциальный опыт утраты, кризиса, трансформации, посттравматического роста. Предметом анализа выступают устойчивые сюжетные конфигурации, рекурсивные формулы, драматургические переходы, обеспечивающие когерентность опыта и стабилизацию идентичности в условиях экзистенциального разрыва. Нарратив рассматривается как операциональная модель когнитивной архитектуры, выполняющая функцию алгоритма обработки травматического опыта и его преобразования в осмысленную, предсказуемую траекторию. Исследуется нарратив в его когнитивном, антропологическом и культурном измерении. Методология исследования носит междисциплинарный характер и объединяет нарративный, философско-антропологический и коммуникативный подходы, элементы когнитивной теории. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении нарратива не как вторичной формы репрезентации опыта, а как базовой когнитивной схемы, выполняющей операционную функцию в структуре сознания. Впервые поэтический текст суфийской традиции анализируется вне религиозно-символической редукции – как модель когнитивной архитектуры, обеспечивающей интеграцию травматического опыта. Введено представление о нарративе как алгоритме обработки экзистенциальных разрывов, где сюжетная последовательность выполняет прескриптивную функцию, а рефрен интерпретируется как рекурсивный стабилизатор идентичности. Обоснована трехуровневая структура нарратива (космогонический, драматургический, нормативный уровни). Исследование подтверждает потенциал нарративистики как постдисциплинарной методологии для психогуманитарных наук, способной обеспечить универсальный язык анализа опыта, идентичности и трансформации без обращения к культурным рамкам.

Ключевые слова: нарратив, когнитивная схема, смыслообразование, когнитивная архитектура, идентичность, экзистенциальный опыт, путь героя, посттравматический рост, постдисциплинарная методология

Введение

Сциентизм модерна, его технологизм, сверхструктурированность и претензия на власть над природой привели к тому, что интеллект человека из инструмента познания мира всё чаще стал выступать инструментом психологической защиты от собственных эмоций и способом обесценивания любого опыта, кроме рационального. Интеллектуализация как защитный механизм психики дистанцировала человека от его бессознательного, став барьером между личностью и архетипическим, бессознательным пластом реальности.

Критика теории всеобщего прогресса и рациональности во второй половине XX века в философии и культуре привели к ряду последствий, среди которых можно назвать и нарративный поворот в науке, ключевыми фигурами которого стали Поль Рикёр [19], Жан-Франсуа Лиотар [4], Джером Брунер [2] и другие ученые. Сегодня нарративистика приобрела статус междисциплинарного направления, преодолевшего границы исторической и лингвистической науки и оформившегося в междисциплинарное философское направление с потенциалом стать магистральной методологией в будущем [18], которое опирается на нейрофизиологические исследования головного мозга и автобиографических систем памяти как повествования о себе в структуре сознания человека [1, 8, 6].

Рациональный опыт (акцент на логико-теоретическую методологию) остаётся по-прежнему системообразующим каркасом и главным инструментом научного дискурса сегодня. Но современная философия науки признаёт, что научное познание – это сложный процесс, в котором, кроме рационального опыта, взаимодействуют также интуитивный, феноменологический, интерсубъективный, сенсорный и другие виды опыта. Наука вышла за рамки чистого рационализма и является синтетической деятельностью, интегрирующей разные формы опыта для построения наиболее полной и проверяемой картины мира.

На таком синтезе разных видов опыта (феноменологического, коммуникативного, эстетического, герменевтического) и возникла нарративистика как одна из интерпретационных моделей реальности.

Настоящая статья посвящена исследованию универсальных механизмов нарративной организации опыта в стихотворении поэта 13 в. Юнуса Эмре «Вышел Адам из рая», в котором представлен космогонический сюжет нисшествия Адама на землю и его «путь героя» (утрата, горевание, посттравматический рост, обновление и возвращение). Нарративные механизмы стихотворения выступают **объектом** исследования. Универсальная структура исследуемого нарратива делает возможным анализ культурных текстов без редукции к национальному или субъективному опыту. Текст показывает, как сознание формирует смысл через сюжет, драматургическое напряжение и нормативные схемы поведения (нарушение нормы, прощение, принятие, возвращение). **Предмет** исследования – структура текста и функционирование нарратива в стихотворении Юнуса Эмре «Вышел Адам из Рая» как модели когнитивной архитектуры.

Актуальность обусловлена смещением современных гуманитарных и когнитивных исследований от описания содержания текстов к анализу нарративной структуры, через которую сознание структурирует опыт. Нарратив выступает ключевым механизмом когнитивной интеграции, влияющим на политические, культурные, медийные и терапевтические процессы. Отсутствие междисциплинарного анализа религиозно-поэтических текстов как моделей универсальной когнитивной структуры указывает на важность данного исследования. Впервые религиозно-поэтический текст анализируется как когнитивная операциональная схема, а не как объект символической интерпретации. Также на актуальность статьи указывает потенциал построения межкультурного диалога в исследовании различных культурно-исторических нарративов как места встречи разных картин мира.

Материалы и методы

Методологически исследование опирается на междисциплинарный подход, реконструируя универсальные механизмы нарративной организации опыта. Методологическая рамка направлена на выявление структур, обеспечивающих функционирование исследуемого текста как когнитивной модели.

Основным методом исследования выступает метод нарративного анализа стихотворения. С его помощью выделяются элементы сюжета, его функциональные узлы, повторяющиеся мотивы и циклы. Структуры текста сопоставляются с универсальными моделями повествовательной организации опыта, представленными в работах Дж. Кэмпбелла [13], В. Проппа [5] и Дж. Брунера [1]. Такой анализ позволяет выявить, каким образом поэтический материал формирует каузальные последовательности [22] и организует смысл через драматургические переходы. Нарратив рассматривается как когнитивно-культурный феномен, позволяющий фиксировать универсальные механизмы организации опыта.

Кроме того, используется коммуникативная методология – для определения, как текст функционирует в культурном пространстве: какие модели поведения и решения он транслирует, какие способы переживания и интерпретации событий закрепляет, какие формы коллективной и индивидуальной идентичности поддерживает.

Контент-анализ стихотворения направлен на выделение смысловых единиц, связанных с ключевыми переходами нарратива: утрата, поиск, восстановление, возвращение. Эти переходы рассматриваются как базовые операции когнитивной архитектуры, структурирующие опыт в форме последовательных смысловых блоков.

Также применяется философско-антропологический анализ текста – для сопоставления сюжета с универсальными антропологическими схемами, включая структуру «пути героя», интерпретируемую не как доктрину, а как инвариантную модель человеческой экзистенциальной динамики.

Литературный обзор

Исследование опирается на теоретические основания «нарративного поворота» в гуманитарных и социальных науках второй половины XX в. Исходной точкой служит представление о нарративе не как о нейтральной форме описания, а как о фундаментальном способе организации человеческого опыта, предложенное в трудах Поля Рикёра [19], Жана-Франсуа Лиотара [4] и Джерома Брунера [1]. В их работах повествование стало рассматриваться как ключевой механизм конструирования смысла. В частности, различение Брунером двух модусов мышления – логико-научного и нарративного позволяет обосновать специфику нашего подхода, ориентированного на анализ нарративных структур как когнитивных схем. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах, исследующих связь повествования с автобиографической памятью и нейрофизиологическими процессами [16, 23], что подтверждает статус нарратива не только как культурного, но и как психобиологического феномена.

Аналитической основой для структурирования исследуемого материала выступают классические модели нарративного анализа. Мифологический подход Владимира Проппа [5] дает инструментарий для выявления инвариантных функций и устойчивых последовательностей в сюжете. Теория «мономифа» или «пути героя» Джозефа Кэмпбелла [13] предоставляет универсальную схему для описания архетипических переходов, таких как утрата, инициация и возвращение, которая оказывается продуктивной для интерпретации суфийского текста. Эта концепция перекликается с идеями Мирчи Элиаде [10] об универсальности мифологических структур повторения и возвращения, подчеркивающими вневременной, трансперсональный характер исследуемых нарративных паттернов. В рамках заявленной междисциплинарной рамки данные литературоведческие и антропологические модели интегрируются с когнитивной теорией, в частности, с концепцией «литературного сознания» Марка Тернера [22].

Вместе с тем, ряд авторов ставят под сомнение тезис о тотальной нарративизации опыта. Так, Джерри Фодор [14] с позиций модулярности сознания указывает на ограниченность сведения сложных когнитивных процессов к повествовательным моделям. Гэлен Стросон [21] и Питер Голди [15] критикуют «нарративный редукционизм», аргументируя, что значительный пласт жизненного опыта (аффективные состояния, телесные практики) лежит за пределами нарратива. Учет этих контраргументов важен для методологической рефлексии: в данном исследовании нарратив рассматривается не как единственная, а как одна из ключевых и высокоэффективных когнитивных схем, обеспечивающих когерентность и интеграцию травматического опыта.

Результаты

Стих Юнуса Эмре как частный пример универсального цикла

Анализ нарратива об Адаме в суфийской интерпретации поэта следует рассматривать как иллюстрацию более широкого феномена: универсального цикла героя, который, по Кэмпбеллу [13], встроен глубоко в структуру человеческого сознания. Чтобы проследить нарративный сюжет, приведем наш перевод стихотворения со староосманского языка [3]:

Вышел Адам из Рая
Ступила нога на землю
Непрестанно повторял он:
«нет божества кроме Бога»
Разлилось море милости,
Погрузился в него всякий грешник,
Вот – молитва через величайшее Имя:
«нет божества кроме Бога»
Станут Бураком¹ для познавших,
и сделают далёкое – близким,
Стали фундамент Божьего престола² – слова
«нет божества кроме Бога»
Записано на престоле,
Записано в сердце,
Повторяется постоянно:
«нет божества кроме Бога»

Сюжет иллюстрирует ключевые элементы пути героя:

1) нисхождение в новый порядок («вышел Адам из Рая, ступила нога на землю») соответствует вызову и отходу от привычного мира, утрате; при этом повторяемая формула («нет божества кроме Бога...») выполняет функцию интеграции опыта и стабилизации идентичности;

2) нарушение, падение, которое стал причиной утраты рая; но этот грех «утонул в море милости» – этап горевания, потеря старой идентичности, поиск принятия и прощения, права на жизнь, счастье, покой, несмотря на падение, символическое прощение;

3) ускоренный переход («станет Бураком для познавших») структурирует трансформацию без внешнего насилия, отражая универсальный принцип преодоления препятствий и адаптации через собственное усилие, выбор,

4) возвращение: Адам в конечном итоге вновь обретает утраченную родину (рай) и входит туда уже в качестве божьего избранника, пророка.

История Адама – это реализация архетипической схемы героя, встроившейся в человеческое сознание и проявляющейся в разных культурах.

В произведении мы встречаем 3 уровня нарратива:

1. Космогонический уровень: сюжет о нисхождении Адама трактуется в рамках универсального космогонического кода, раскрывающего начало человеческой истории и показывающий архетипический момент разделения и последующего стремления к возвращению.

2. Драматургический уровень (путь героя): ключевой цикл: утрата → горевание → принятие → новая идентичность → возвращение. Переход героя через утрату и возвращение как некая человеческая константа.

3. Нормативно-правовой уровень: Адам ниспущен из рая на землю вследствие греха, который он совершил. Нарушение нормативного предписание повлекло определенное последствие, которое при этом не уничтожило идентичность Адама, а стало впоследствии причиной обретения еще больших милостей и даров Бога («Разлилось море милости, погрузился в него всякий грешник»).

Таким образом, универсальный цикл пути героя Кэмпбелла подтверждается как структурный принцип организации опыта, а сюжет Юнуса Эмре – как конкретный «микрокосм» этой структуры в литературной форме.

Универсальный сюжет о герое как когнитивная константа

Особое значение нарративистика приобретает в качестве инструмента формирования «мостов между мирами», как указывает Макинтайр, помогая построить диалог между людьми разных культур и идентичностей [17, 19]. Как показал Джозеф Кэмпбелл в «Тысячеликом герое» у человека с секулярной рационалистической картиной мира, у носителя религиозного сознания, у людей на разных континентах, у представителей разных рас есть некая точка пересечения, «место встречи» в полинарративной структуре мира – некий мономиф. И одним из таких мест встречи может стать, как показал Кэмпбелл, миф о герое как элемент коллективного и индивидуального бессознательного.

Кэмпбелл показывает, что фольклорные циклы и религиозные тексты разных народов следуют повторяющейся структуре:

- 1) вызов/отход от привычного мира,
- 2) инициация и испытания,

¹ Бурак – в суфизме имя райского ездового животного, наделенного суперсилой за мгновение преодолевать большие расстояния.

² Престол – в суфизме символизация бесконечной власти Бога. В антропоморфистских околосламских течениях ошибочно описывается как местопребывания Бога. В классической суфийской ортодоксии престол – это манифестация превосходства воли Бога над волей человека [20]

- 3) кризис, символическая смерть, трансформация,
- 4) возвращение с новой мудростью или силой.

Эта структура проявляется независимо от культурного контекста и формирует универсальный нарративный каркас, через который человеческое сознание организует опыт и смысл. Нарратив здесь функционирует как «операционная система», позволяя субъекту интегрировать утрату, кризис и трансформацию в когнитивно-структурированную, осмысленную последовательность.

Нарратив как когнитивная схема

Нарративная схема как алгоритм обработки кризиса: стабилизация через рекурсию. Текст Юнуса Эмре предлагает историю об Адаме как модель обработки травматического перехода. Эта модель реализуется через два взаимосвязанных когнитивных механизма, встроенных в структуру нарратива.

Первый – это рекурсивная формула как когнитивный якорь. Ключевая особенность стихотворения – повторение формулы «нет божества кроме Бога» на каждом этапе сюжета (рефрен). С когнитивной точки зрения – это циклическая обработка данных опыта. Каждое событие (выход из рая, погружение в море милости, обретение Бурака, возвращение под тень престола) циклично пропускается через один и тот же смысловой фильтр. Это создает эффект когерентности: какую бы новую, разрушительную информацию ни получило сознание (утрату рая, чувство вины), нарративная схема преобразует её в элемент уже известной, устойчивой структуры. Таким образом, формула работает как стабилизатор идентичности, предотвращая распад «Я» под давлением хаотичного опыта.

Прескриптивная сюжетная логика «травма – посттравматический рост». Нарратив выстраивает события в жёсткую, предсказуемую последовательность, которая сама по себе обладает терапевтическим эффектом: вина, утрата рая, нищество – не остается изолированным фактом. Ему приписывается статус этапа в пути, и эта предзаданная траектория снимает неопределенность с психики.

Путь Адама можно изобразить в следующих этапах:

рай (исходное состояние) – нарушение нормы (грех) – нищество на землю (страдание, утрата) – трансформация (погружение в море милости и обретение «Бурака» как символа перехода) – новое состояние (возвращение в рай).

Неопределенность как разновидность когнитивного груза для психики снимается через предзаданность пути и приводит к когнитивному облегчению. Даже в точке глубокого душевного упадка (нарушение, утрата) схема гарантирует субъекту, что это – не конец, а необходимая фаза, за которой последует «море милости». Это превращает хаотичный ужас в упорядоченный процесс, которым можно управлять.

Таким образом, нарратив в данном случае функционирует не как «рассказ о прошлом», а как активная программа рекомбинации собственного травматического опыта. Она принимает на входе травматический опыт и выдает на выходе осмысленную и предсказуемую траекторию, где место каждого элемента определено. Повтор формулы (рефрен) обеспечивает стабильность центральной идентичности, а жесткая сюжетная схема – четкий алгоритм обработки данных кризиса. Стихотворение Юнуса Эмре, таким образом, является не только культурным памятником, но и демонстрацией когнитивного инструментария, который культура предоставляет индивиду для совладания с экзистенциальными разрывами.

Изучение частных текстов, таких как стих Юнуса Эмре, позволяет выявлять встроенные в человеческое сознание универсальные схемы. Это подтверждает, что нарратив – не историческая или культурная случайность, а базовый когнитивный и культурный механизм. Универсальная структура героя обеспечивает интеграцию опыта, устойчивость идентичности и когнитивную навигацию через кризисы.

Обсуждение

Говоря о нарративе как о когнитивной схеме, следует учесть аргументы тех исследовательских направлений, которые ставят под сомнение универсальность нарратива как основного когнитивного механизма сознания. Среди оппонентов «нарративного поворота» – когнитивисты логико-символической парадигмы Фодора [14], рассматривающие мышление как систему манипуляции символами. По мнению этих ученых избыточна интерпретация сложных текстов как нарративных матриц приводит к игнорированию аналитических, процедурных или имплицитных уровней мышления.

Сторонники вычислительных моделей сознания критикуют представление о человеке как «существо, рассказывающем истории», поскольку считают нарратив вторичным продуктом обработки данных, а не фундаментальной структурой сознания.

Нарративный редукционизм критикуют и такие ученые, как Стронсон [21], Голди [15], указывая, что попытка свести опыт к повествова-

нию исключает иные значимые состояния: преднарративные аффекты, невербализуемые переживания, телесные импульсы, «немые» формы знания.

Анализ текста учитывает эти ограничения: стих рассматривается не как выражение единственно возможной формы смысла, а как одна из моделей репрезентации, позволяющая изучить механизмы структурирования опыта.

В то же время значительная часть теоретиков подчеркивает фундаментальность нарративных структур. Так, Дж. Брунер [2] различал два способа мышления: логико-научный и нарративный, и показывал, что последний организует опыт во временные последовательности и причинные связи. Нарратив обеспечивает человеку механизм когерентности, позволяющий соединить внутренний и внешний опыт. Дж. Кэмпбелл [13] трактовал мифологический сюжет как универсальный цикл, отражающий повторяемые структуры переходов, кризисов и восстановления формы. В нарративной терапии Уайта и Эпстона показывается, как повествовательная структура преобразует идентичность через реконфигурацию «доминирующих историй» [8, 23].

Особое место в формировании нарративистики как междисциплинарного метода принадлежит Элиаде, который доказывает, что структуры повторения, восхождения и возвращения универсальны в культурах, независимо от их содержания [9, 10].

Таким образом, текст Юнуса Эмре становится примером материала, позволяющего выявить повторяемые когнитивные схемы в структурированном нарративе, в котором проявляются универсальные механизмы:

- текст демонстрирует универсальный космогонический и антропологический сюжет, построенный на формуле становления субъекта, сквозь кризис и утрату;
- цикличность переходов позволяет проследить механизмы нарративной стабилизации идентичности;
- структура стиха содержит модель ускоренного перехода, где мотив «Бурака» трактуется как символический элемент динамики перехода.

Заключение

Настоящее исследование было предпринято с целью продемонстрировать, что нарратив функционирует не как пассивное отражение реальности, а как активная когнитивная схема – глубинный алгоритм сознания, структурирующий хаотичный опыт в осмысленную и жизнеспособную траекторию. Анализ стихотворения Юнуса Эмре «Вышел Адам из Рая» послужил моделью для выявления конкретных механизмов работы этой схемы.

Основным результатом исследования стало описание трехуровневой операционной архитектуры исследуемого нарратива, раскрытой на материале текста:

1. Космогонический уровень задает фундаментальный код «начала» и «разделения», выступая базовым сценарием оформления субъектности и мира.
2. Драматургический уровень, воплощенный в структуре универсального пути героя по Кэмпбеллу, обеспечивает прескриптивную логику обработки кризиса: утрата → испытание → трансформация → возвращение. Эта логика превращает травматический разрыв в упорядоченный, предсказуемый процесс, снимая ключевую когнитивную нагрузку – неопределенность.
3. Нормативно-правовой уровень закрепляет восстановление порядка через принятие закона и ответственности, демонстрируя способность системы к интеграции нарушения и возвращению к целостности.

Главный теоретический вывод заключается в том, что универсальность нарративных структур (путь героя, повторяющиеся мотивы) коренится не в культурном заимствовании, а в их функциональной эффективности как когнитивных инструментов. На примере стихотворения было показано, как рекурсивная формула («нет божества кроме Бога») выполняет роль оператора, стабилизирующего идентичность в условиях турбулентности, а устойчивая сюжетная последовательность выступает в качестве алгоритма, гарантирующего осмысленный выход из экзистенциального кризиса.

Таким образом, нарратив предстает не просто «историей», а встроенным «программным обеспечением» человеческого сознания. Он решает конкретные адаптационные задачи: поддержание когерентности «Я», интеграцию травматического опыта и навигацию через смысловые разрывы. Данный подход, синтезирующий методологию нарративного анализа, философской антропологии и данных когнитивных наук, позволяет перейти от интерпретации содержания текстов к реконструкции универсальных механизмов смыслообразования.

Визна исследования заключается в том, что впервые

- 1) дана интерпретация поэтического суфийского текста как когнитивной схемы, а не как религиозного или литературного объекта;

2) предоставлена операционализация нарратива как алгоритма обработки кризиса;

3) дан анализ рефрена как рекурсивного когнитивного стабилизатора;

4) сформулирована трехуровневая архитектура нарратива (космогонический / драматургический / нормативный).

Перспективы дальнейших исследований видятся в применении предложенной модели «нарратив как когнитивная схема» к другим культурным и медийным феноменам (от нарративной экономики до политических дискурсов) для выявления общих паттернов обработки коллективного опыта. Это открывает путь к построению нарративной картографии как междисциплинарного инструмента, способного фиксировать не только то, о чем говорят культуры, но и как они мыслят, какими когнитивными схемами пользуются для превращения хаоса бытия в населенный смыслами мир.

Литература

1. Брунер Дж. Жизнь как нарратив / Пер. Соколовой М. // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 52–63.
2. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. М., 1977. 352 с.
3. Иляхийлер. Релігійні пісні / уклад.: Фазил Р., Сахтара А. Симферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2011. 168 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
6. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.: Университетская книга, 1998. 313 с.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
8. Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М.: Изд. Генезис, 2010. 304 с.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М.: Академический проект, 2010. 256 с.
10. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
11. Bruner J. Acts of Meaning. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 181 p.
12. Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 222 p.
13. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton: Princeton University Press, 1949. 416 p.
14. Fodor A.J. The Modularity of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 158 p.
15. Goldie P. The Mess Inside: Narrative, Emotion, and the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2012. 304 p.
16. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. New York: Basic Books, 1999. 624 p.
17. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1981. 286 p.
18. Polkinghorne D. Narrative Knowing and the Human Sciences. Albany: SUNY Press, 1988. 198 p.
19. Ricoeur P. Oneself as Another. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 406 p.
20. Schimmel A. Mystical Dimensions of Islam. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. 528 p.
21. Strawson G. Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17, No. 4. P. 428–452.
22. Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. Oxford: Oxford University Press, 1996. 304 p.
23. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. 244 p.

NARRATIVE AS A COGNITIVE SCHEME OF CONSCIOUSNESS (BASED ON YUNUS EMRE'S POEM “ADAM CAME OUT OF PARADISE”)

Kangiyeva A.M.

Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of Crimean Ethnic Groups

The subject of this article is the structure and functioning of narrative as a cognitive schema of consciousness, analyzed through the 13 century poem by Yunus Emre, “Adam Left Paradise.” The study focused on the universal narrative mechanisms through which human consciousness organizes, integrates, and interprets existential experiences of loss, crisis, transformation, and post-traumatic growth. The scientific novelty of the study lies in reinterpreting narrative not as a secondary form of experience representation, but as a fundamental cognitive schema performing an operational function within the structure of consciousness. For the first time, a poetic text of the Sufi tradition is analyzed outside religious or symbolic reduction—as a formalizable model of cognitive architecture that enables the integration of crisis and traumatic experience. A three-level structure of narrative (cosmogonic, dramaturgical, and normative levels) is substantiated, demonstrating the universality of meaning-making mechanisms beyond cultural specificity. It is concluded that the stability of narrative forms is determined by their functional effectiveness as cognitive instruments rather than by cultural borrowing. The research confirms the potential of narrativistics as a post-disciplinary methodology for the psycho-humanitarian sciences, capable of providing a universal language for analyzing experience, identity

Keywords: Narrative, Cognitive schema, Meaning-making, Cognitive architecture, Identity, Existential experience, Hero's journey, Post-traumatic growth, Communicative structure, Post-disciplinary methodology

Referents

1. Bruner J. Life as a narrative // Questions of philosophy. 1999. No. 3. Pp. 52–63.
2. Bruner J. Psychology of knowledge: Beyond immediate information. M., 1977. 352 p.
3. Lyakhiler. Religious songs / comp. R. Fazyl, A. Sakhtara. Simferopol: KRP “Publishing House “Krymnavchpedderzhvydav”, 2011. 168 p.
4. Lyotard J.-F. The state of postmodernism. M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998. 160 p.
5. Propp V. Ya. Morphology of a fairy tale. M.: Labyrinth, 2001. 192 p.
6. Ricoeur P. Time and story. T. 1. M.: University Book, 1998. 313 p.
7. Ricoeur P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics. M.: Academic project, 2008. 695 p.
8. White M. Maps of narrative practice. Introduction to Narrative Therapy. M.: Publishing house Genesis, 2010. 304 p.
9. Eliade M. The myth of eternal return. M.: Academic project, 2010. 256 p.
10. Eliade M. Sacred and mundane. M.: Moscow State University Publishing House, 1994. 144 p.
11. Bruner J. Acts of meaning. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 181 p.
12. Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 222 p.
13. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton: Princeton University Press, 1949. 416 p.
14. Fodor A.J. The Modularity of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 158 p.
15. Goldie P. The Mess Inside: Narrative, Emotion, and the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2012. 304 p.
16. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. New York: Basic Books, 1999. 624 p.
17. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1981. 286 p.
18. Polkinghorne D. Narrative Knowing and the Human Sciences. Albany: SUNY Press, 1988. 198 p.
19. Ricoeur P. Oneself as Another. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 406 p.
20. Schimmel A. Mystical Dimensions of Islam. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. 528 p.
21. Strawson G. Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17, No. 4. Pp. 428–452.
22. Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. Oxford: Oxford University Press, 1996. 304 p.
23. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. 244 p.

Иллокутивность и перлокутивность кинем: вербально-экспрессивные репрезентации (на материале русской и французской художественной прозы)

Кобзева Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, НИУ Московский государственный строительный университет
E-mail: fleurka2008@yandex.ru

Федорова Елена Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина», Москва
E-mail: FedorEI2016@yandex.ru

В статье исследуется комплексное взаимодействие невербальных компонентов коммуникации (кинем) и эмоционально-экспрессивной лексики в формировании иллокутивной силы и перлокутивного эффекта в художественном тексте. На материале произведений русской (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) и французской (О. де Бальзак, Г. Флобер) литературы проводится сравнительный анализ того, как писатели кодируют в вербальном описании жестов, мимики, интонационных маркеров коммуникативные намерения персонажей (иллокуцию) и моделируют предполагаемое воздействие на адресата-читателя (перлокуцию). Доказывается, что кинесические и вербально-экспрессивные репрезентации выступают как единый прагмалингвистический механизм, усиливающий прагматику диалога и внутреннего монолога.

Ключевые слова: иллокутивность, перлокутивность, кинесика, эмоционально-экспрессивная лексика, невербальная коммуникация в литературе, прагматика текста, художественный дискурс, сравнительная стилистика.

Введение

Художественная литература, будучи «препарированной» речью, представляет уникальную лабораторию для изучения речевых актов. В рамках теории речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Серль) иллокуция понимается как коммуникативная цель высказывания (упрекнуть, умолять, угрожать), а перлокуция – как его фактическое воздействие на слушателя (обидеть, напугать, успокоить). Писатель, лишенный возможности напрямую использовать визуальный ряд, вынужден вербализовать невербальные компоненты коммуникации, создавая их лингвистические репрезентации. В этом контексте кинемы (единицы жестово-мимического поведения) и эмоционально-экспрессивная лексика становятся ключевыми инструментами для передачи иллокутивной силы и прогнозирования перлокутивного эффекта как в интратекстуальной коммуникации (между персонажами), так и в экстратекстуальной (автор – читатель).

Интерес к вербальному описанию невербальных элементов общения возник в научной среде ещё в прошлом веке. В 1960–70-е годы в отечественной науке появился ряд работ по паралингвистике и кинесике, анализировавших эти явления на материале разных языков и с различных точек зрения (Волоцкая, Николаева, Цивьян, 1962; Николаева, Успенский, 1966; Капанадзе, Красильникова, 1970). Параллельно изучались способы отражения невербального поведения в художественной литературе, кино и на телевидении (Железнова, 1982; Накашидзе, 1981; Блинова, 1994; Кильмухаметова, 2003), а также вербальное представление жестов в диалоге (Папулинова, 2003). Несмотря на многоплановость существующих исследований, многие прагматические аспекты вербализации кинесических средств остаются недостаточно изученными или дискуссионными.

Цель данной работы – провести сопоставительное исследование способов передачи иллокутивной силы и перлокутивного эффекта кинем в сочетании с эмоционально-экспрессивной лексикой в русской и французской классической литературе. В рамках этой цели решаются следующие ключевые задачи:

1. *Теоретико-методологическая:* систематизировать подходы к изучению кинем как компонентов речевого акта в художественном тексте на основе теории речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Серль), кинесики (Р. Бёрдвистелл, Г.Е. Крейдлин) и прагматику художественного дискурса.

2. *Аналитическая:*

(на материале русской литературы): Выявить и описать, как писатели русской психологической прозы (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) используют вербальные репрезентации жестов, мимики и поз для кодирования сложных иллокутивных намерений (скрывааемых, противоречивых) и моделирования перлокутивного воздействия на читателя.

(на материале французской литературы): Проанализировать функции литературных кинем и сопутствующей экспрессивной лексики во французском классическом и модернистском романе (О. де Бальзак, Г. Флобер) как средств социальной типизации, драматизации или выражения экзистенциальных конфликтов.

4. *Сравнительно-типологическая:* Установить сходства и различия в прагматическом использовании кинесических и вербально-экспрессивных средств в двух литературных традициях, определить национально-культурные акценты (углубление во внутренний мир, социальная/драматическая характеристология).

5. *Синтезирующая:* Обобщить результаты и доказать, что кинесические и экспрессивные репрезентации образуют единый прагмалингвистический комплекс, являющийся ключевым инструментом для передачи иллокуции и достижения перлокуции в художественной коммуникации «автор – читатель».

Теоретические основания

1. Кинесика в нарративе: Описание жеста («сжал кулаки»), взгляда («сверкнул глазами»), позы («откинулся в кресле») – это не просто «украшение» диалога. Это иллокутивный акт, переведенный в визуальный код и затем ретранслированный через вербальный код автора. Жест часто дублирует, усиливает или, что особенно значимо, опровергает вербальную иллокуцию (оксюморон «ледяная улыбка»).

2. Эмоционально-экспрессивная вербализация: Междометия («ох!», «ах!», «fi donc!»), интенсификаторы («ужасно», «чрезвычай-

но»), стилистически окрашенная лексика (фамильярная, книжная, бранная) служат прямыми маркерами эмоционального состояния говорящего и его иллюкутивных намерений.

3. Синтез как прагматическая доминанта: Максимальный прагматический эффект достигается при синхронном использовании кинесической и вербально-экспрессивной репрезентаций, создавая эффект «присутствия» читателя в сцене и позволяя ему интуитивно оценить перлокутивный потенциал высказывания.

Анализ материала: русская литературная традиция

Русская психологическая проза, особенно второй половины XIX века, отличается глубоким интересом к внутренним противоречиям и «подтекстовой» коммуникации.

Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»: иллюкутивные акты героев Достоевского почти всегда сопровождаются мощным кинесическим «шлейфом». Например, поведение Раскольникова во время допросов у следователя Порфирия Петровича. Его вербальные попытки сохранить холодную рассудительность (иллюкуция – уверять, отпираться) постоянно саботируются его же собственным телом: «*Губы его судорожно искривились, побледнел и не мог сдержать дрожи в лице*». Кинемы (*судорога, бледность, дрожь*) вскрывают истинную иллюкуцию – страх, смутнение, – которую персонаж пытается скрыть. Перлокутивный эффект на Порфирия (и на читателя) – не убеждение, а, напротив, укрепление подозрений.

В произведении «Идиот»: В сцене, когда Настасья Филипповна бросает в камин пачку денег, ее иллюкуция (оскорбить, унижить, проверить) реализуется не только через слова, но и через театрализованный жест: «*она взяла щипцами пачку и бросила в огонь*». Этот кинесический акт – мощнейшее перлокутивное воздействие, вызывающее у гостей шок, а у Гани – приступ бессильной ярости.

А.П. Чехов «Дама с собачкой»: Чехов мастер подтекста, где кинесика становится основным носителем иллюкуции. Вербальное общение Анны Сергеевны и Гурова часто бедно и стереотипно, но их жесты и взгляды несут истинную коммуникативную нагрузку. «*Она долго глядела на море и не оборачивалась*». Этот жест – не просто описание позы. Его иллюкуция – размышление, внутренняя борьба, избегание контакта. Перлокуция у Гурова (и читателя) – чувство недосказанности, ожидание, тревога.

Следующий пример «Попрыгунья»: Иллюкуция презрения и холодности со стороны доктора Дымова в финале рассказа передана почти исключительно кинесически, контрастируя с вербальной сдержанностью: «*Он... не поднял глаз на свою жену, протянул руку и подержал палец на пульсе*». Этот профессиональный, лишенный эмоций жест имеет убийственный перлокутивный эффект для Ольги Ивановны, означая окончательный разрыв.

Отдельно отмечается, что исключительно невербальным путём могут реализовываться речевые акты, связанные с вежливостью, такие как приветствие, прощание или благодарность [Ратмайр, 2003: 45]. Например:

– Нет, не то. Я никогда не перестану тебя любить, и больше любить нельзя; а это особенно... Ну, да... – он не договорил, потому что встретившийся **взгляд их договорил остальное**» (А.П. Чехов «Попрыгунья»).

– Пришедший **подмигнул** Ивану, спрятал в карман связку ключей, шёпотом осведомился: «Можно присесть?» — и, получив утвердительный кивок, **поместился в кресле** (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

Таким образом, примеры свидетельствуют о том, что невербальное действие способно **заменить** вербальную реплику. Если невербальные средства используются без вербальной реплики, то именно они несут на себе весь «коммуникативный груз», выступая в качестве показателя иллюкутивной цели речевого акта.

Рассмотрим теперь случай, когда невербальное действие используется в сопровождении вербальной реплики.

Например:

– Что я могу сказать? – **печально качая головой, молвила она и бесильным жестом развела руки** (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

– Что же? Это стихи очень милые! – **всплеснула руками** Марья Денисовна. – **Даже очень милые! Чем не стихи?** (А.П. Чехов, «Три сестры»).

Городникова отмечает что, невербальные средства могут выступать в речевом акте в качестве своеобразных «иллюкутивных индикаторов», которые являются показателями иллюкутивной силы речевого акта, сигнализирующих о коммуникативной интенции. При этом вербальная и невербальная части речевого акта дополняют друг друга в информативном плане [Городникова 2004:45]. Например:

– Сударыня! **Здесь, – сказал он, – здесь, вот где, – тут он положил руку на сердце, – да, здесь пребудет приятно время, проведенного с вами!** (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

– Все вы хороши на словах! – сказала Анна Павловна, – а как дело делать, так вас тут нет! Вот ты увидишь у меня...

Она **погрозила ему пальцем** (А.П. Чехов, «Три сестры»).

Анализ материала: французская литературная традиция

Французский классический роман часто использует невербальные знаки как элементы социальной характеристики и драматической условности.

· О. де Бальзак «Отец Горио»: У Бальзака кинемы часто гротескны и служат для экспликации социальных страстей. Агония Горио – это не только его слова, но и телесная репрезентация отчаяния: «*Il se prit la tête dans les mains... sa figure se décomposa*» (перевод: «*Он схватил себя за волосы... его лицо исказилось*»). Иллюкуция жеста – демонстрация невыносимой боли и проклятия. Перлокутивный эффект на Растиньяка (и читателя) – шок, который становится катализатором его морального выбора.

Кроме того, в произведении «Eugénie Grandet» автор ёмко передаёт жадность папаши Гранде через ритуализированные, почти сакральные жесты по отношению к золоту. Его иллюкуция (обладание, наслаждение) выражается в кинесике: «*...il tirait ses louis, les contemplait, les faisait jouer au soleil...*» (перевод: он вынимал свои луидоры, созерцал их, заставлял их играть на солнце...). Этот жест-ритуал производит на окружающих (и читателя) перлокутивный эффект, смешанный из страха и отвращения перед всепоглощающей страстью.

Г. Флобер «Госпожа Бовари»: Флобер, с его культом «точного слова», использует кинесическую для передачи скуки, фальши, невыразимой тоски. В сцене последнего свидания Эммы и Леона ее иллюкутивное желание страсти сталкивается с банальностью обстановки. Ее жесты «*Emma se démenait, appelait au secours, se tordait...*» (перевод: «*она ломала себе пальцы, губы вздрагивали*») контрастируют с плоскими репликами Леона. Этот диссонанс между кинесической экспрессией и вербальной бедностью создает у читателя мощный перлокутивный эффект – чувство глубокой жалости и предчувствие катастрофы.

«L'Éducation sentimentale»: Фредерик Моро, наблюдая за г-жой Арну, передает свое обожание через серию кинесических деталей, которые для него знаменуют иллюкуцию божественного откровения: «*C'était, comme aux premiers jours, une contemplation dont il s'emplissait les yeux. Puis ce fut un épanouissement qui l'envahit, une sensation de bien-être délicieux*» (Перевод: «*Это было, как в первые дни, созерцание, которым он наполнял свои глаза*». «Затем его охватило упоение, ощущение восхитительного блаженства»). Перлокуция здесь – не в воздействии на объект любви, а в самообмане и построении идеального образа.

Кроме того, как подчёркивают Верещагин и Костомаров (1981), невербальные средства могут вступать в противоречие со словами, обнажая истинное отношение говорящего к ситуации. Часто именно невербальные сигналы оказываются более эффективными в воздействии на собеседника, чем вербальные выражения [Верещагин, Костомаров 1981:47].

Например:

– Pour qui travaillez– vous questionna –t– il, soudain méfiant.

– Mais... je ne travaille pour personne...

Un simple regard, qui disait plus crûment que les mots: «Tu en as menti!»

– Puis, avec un haussement d'épaules:

– Tant pis (Г. Флобер «Госпожа Бовари»).

– “Non, – murmura-t-il en rougissant tant, que son mensonge est devenu évident (О. де Бальзак «Отец Горио»).

В данных примерах автор обращает внимание, что простой взгляд персонажа, его мимика говорят убедительнее, чем его слова.

Сравнительный анализ показал, что, несмотря на общность функций, наблюдаются нюансы в акцентах:

· В русской традиции (Достоевский, Чехов) синтез кинесики и экспрессивной лексики чаще направлен внутрь, на репрезентацию сложного, часто противоречивого внутреннего мира, где жест обнажает то, что скрыто словом. Перлокуция рассчитана на эмпатию и психологическое проникновение.

· Во французской традиции (Бальзак, Флобер) этот синтез часто работает вовне, являясь элементом социальной или драматической типизации, подчеркивая *déterminisme* среды или характера. Перлокутивный эффект нередко носит более аналитический или обличительный характер [Кобзева, 2009:77].

С точки зрения теории речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Серль), невербальные средства, используемые изолированно, полностью берут на себя передачу информации и выражают иллюкутивную цель высказывания. Когда они сопровождают речь, возможны два варианта взаимодействия:

1) невербальные компоненты дополняют слова, усиливая иллюкативную силу речевого акта;

2) дублируют вербальное содержание, совместно формируя иллюкативную функцию [Остин, Серль, Р.1986: 340].

Таким образом, иллюкативная сила и перлокутивный успех в художественном диалоге или монологе обеспечиваются не только семантикой высказывания, но и его комплексной прагмалингвистической «упаковкой». Кинемы (жесты, мимика) и эмоционально-экспрессивные вербальные средства (междометия, интенсификаторы) в литературе выступают в неразрывном симбиозе. Они являются тем механизмом, через который автор кодирует подлинные намерения персонажей (иллокуцию) и программирует эмоционально-интеллектуальный отклик читателя (перлокуцию). Сравнительный анализ русской и французской прозы показывает, что, несмотря на общность этого механизма, его применение отражает глубинные различия в литературных традициях: русская литература склонна использовать его для психологического углубления, французская – для социально-драматической характеристики. Изучение данного аспекта открывает плодотворные перспективы для современной прагматистики и межкультурной лингвистики.

Литература

1. Бирвиш, М. Вербальное и невербальное поведение // Язык и модель мира. М., 1992.
2. Блинова, А.В. Структурно-семантический анализ невербальных средств коммуникации и их отражений в языке и речи [Текст] / А.В. Блинова // Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 146 с.
3. Волоцкая, З.М., Николаева, Т.М. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения [Текст] / З.М. Волоцкая, Т.М. Николаева // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. – М., Наука, 1962. – С.35–48.
4. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами: (На материале русского языка) [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 1981а. № 1. – С.36–47.
6. Железанова, Т.Т. Семантические аспекты номинации паралингвистических явлений [Текст] / Т.Т. Железанова // – М., МГПИИЯ, 1982. – 29с.
7. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
8. Капанадзе, Л.А., Красильникова, Е.В. Жест в разговорной речи [Текст] / Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова // Русская разговорная речь. – М., Наука, 1973. – С.464–481.
9. Кобзева, О.В. Вербальная репрезентация кинемы в художественном тексте: семантика и прагматика [Текст] / О.В. Кобзева // Дис. канд. филол. наук. – Ростов на Дону, 2009. – 190 с.
10. Кильмухаметова, Е.Ю. Невербальные средства с оценочной функцией [Текст] / Е.Ю. Кильмухаметова // Дис. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004. – 168с.
11. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
12. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение: учебник для вузов / В.А. Маслова; ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 208 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06586-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564014> (дата обращения: 16.10.2025).
13. Матвеева, Г.Г. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики: Монография [Текст] / – Ростов н/Д., ИУ-БиП, 2007. С. 79–80.
14. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
15. Папулинова, И.Е. Языковая манифестация жестов рук в диалогическом дискурсе: (на материале русского, немецкого, английского языков) [Текст] / И.Е. Папулинова. Тамбов, 2003. – 34 с.
16. Райтмайр, Н.А. Семантика метаязыковых субстанций [Текст] / Н.А. Райтмайр // М., Наука, 2003. – 127 с.
17. Серль Дж.Р. Классификация иллюкативных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

18. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание [Текст] / Ф.М. Достоевский // – М., Советская лит-ра, 1981. – 560 с.

19. Чехов, А.П. Рассказы «Юбилей» [Текст] / А.П. Чехов // – М., Сов. Россия, 1985. – 384 с.

20. Gustave Flaubert. Madame Bovary. Paris, le 12 avril 1857. P. 123.

21. Оноре де Бальзак Отец Горю, 2019 г. Париж. С. 45–48.

ILLOCUTIONS AND PERLOCUTIONS ASPECTS OF CINEMA: VERBAL-EXPRESSIVE REPRESENTATIONS (BASED ON RUSSIAN AND FRENCH FICTION)

Kobzeva O.V., Fedorova E.L.

National Research University Moscow State University of Civil Engineering, A.S. Pushkin State Institute of Russian Language

This article explores the complex interaction of nonverbal communication components (kinemas) and emotionally expressive vocabulary in the formation of illocutions force and perlocutions effect in literary texts. Using works by Russian (Fyodor Dostoevsky, Anton Chekhov) and French (O. de Balzac, G. Flaubert) writers, a comparative analysis is conducted of how writers encode characters' communicative intentions (illocution) in verbal descriptions of gestures, facial expressions, and intonation markers, and model the intended impact on the reader (perlocution). It is demonstrated that kinesic and verbally expressive representations act as a unified pragmalinguistic mechanism that enhances the pragmatics of dialogue and internal monologue.

Keywords: Illocutions and perlocutions, kinesics, emotionally expressive vocabulary, non-verbal communication in literature, text pragmatics, artistic discourse, comparative stylistics.

References

1. Birvish, M. Verbal and non-verbal behavior // Language and Model of the World. Moscow, 1992.
2. Blinova, AV Structural and semantic analysis of non-verbal means of communication and their reflections in language and speech [Text] / AV Blinova // Diss. ... Cand. Philological Sciences. – Moscow, 1994. – 146 p.
3. Volotskaya, ZM, Nikolaeva, TM Sign communication and its place among other systems of human communication [Text] / ZM Volotskaya, TM Nikolaeva // Symposium on the structural study of sign systems. – Moscow, Nauka, 1962. – Pp. 35–48.
4. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. M., 1996.
5. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. On the Peculiarities of Reflecting Facial Expressions and Gestures by Verbal Means: (Based on the Russian Language) [Text] / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov // Voprosy yazykoznaniiya. – 1981a. No. 1. – P.36–47.
6. Zhelezanova, T.T. Semantic Aspects of Nomination of Paralinguistic Phenomena [Text] / T.T. Zhelezanova // – M., Moscow State Pedagogical Institute of Languages, 1982. – 29s.
7. Kreidlin, G.E. Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language. M., 2002.
8. Kapanadze, L.A., Krasilnikova, E.V. Gesture in Colloquial Speech [Text] / L.A. Kapanadze, E.V. Krasilnikova // Russian colloquial speech. – M., Nauka, 1973. – P.464–481.
9. Kobzeva, O.V. Verbal representation of cinema in a fiction text: semantics and pragmatics [Text] / O.V. Kobzeva // Diss. of Cand. Philological Sciences. – Rostov-on-Don, 2009. – 190 p.
10. Kilmukhametova, E. Yu. Non-verbal means with an evaluative function [Text] / E. Yu. Kilmukhametova // Diss. of Cand. Philological Sciences. – Novosibirsk, 2004. – 168 p.
11. Stepanov, Yu.S. In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. M., 1985.
12. Maslova, V.A. Lingvoculturology. Introduction: a textbook for universities / V.A. Maslova; editor-in-chief U.M. Bakhtikireeva. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 208 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-06586-2. – Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564014> (accessed: 16.10.2025).
13. Matveeva, G.G. Theory and Practice of Text Analysis in the Aspect of Latent Pragmalinguistics: Monograph [Text] / – Rostov n / D., IUBIP, 2007. Pp. 79–80.
14. Austin J.L. Word as Action // New in Foreign Linguistics. Issue XVII. Moscow, 1986.
15. Papulinova, I.E. Linguistic Manifestation of Hand Gestures in Dialogic Discourse: (Based on the Russian, German, and English Languages) / [Text] I.E. Papulinova. Tambov, 2003. – 34 p.
16. Reitmir, N.A. Semantics of Metalinguistic Substances [Text] / N.A. Reitmir // Moscow, Nauka, 2003. – 127 p.
17. Searle J.R. Classification of Illocutionary Acts // New in Foreign Linguistics. Issue XVII. Moscow, 1986.
18. Dostoevsky, F.M. Crime and Punishment [Text] / F.M. Dostoevsky // – M., Sovetskaya litera, 1981. – 560 p.
19. Chekhov, A.P. Short Stories “Anniversary” [Text] / A.P. Chekhov // – M., Sov. Rossiya, 1985. – 384 p.
20. Gustave Flaubert. Madame Bovary. Paris, the 12th of April, 1857. P. 123.
21. Honoré de Balzac. Father Goriot, 2019. Paris. P. 45–48.

Формирование профессионального выбора и готовности молодежи в условиях институциональных изменений

Иванов Сергей Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Ксенофонтова Халидя Зейнатуллоевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: xenophontova@mail.ru

В фокусе исследования вопросы реализации профессионального выбора представителями современного поколения молодежи. На основе сравнительного анализа авторами исследуются составляющие, определяющие профессиональный выбор и готовность молодежи активно включиться в трудовую деятельность. Рассматриваются современное состояние молодежи на рынке труда и ведущая роль социальных партнеров по формированию траекторий успешной профессиональной адаптации молодежи. Выявлены ценностные предпочтения современного поколения молодежи, которые обеспечивают успешную адаптацию молодежи с учетом наблюдаемых институциональных изменений.

Ключевые слова: образование, молодёжь, рынок труда, занятость, безработица, лояльность, ценности, общество знаний, профессиональный выбор, профессиональная готовность, социальное партнерство.

Введение

Профессиональный выбор является одним из ключевых вопросов для формирования траекторий успешного личностного развития для современного поколения молодежи. В самом широком смысле слова это комплексный процесс, в ходе которого молодые люди определяют свою будущую профессию, основываясь на личных интересах, ожиданиях и предпочтениях и ориентируются на требования социально значимого окружения и рынка труда. В определенной степени профессиональный выбор рассматривается в контексте личностного становления, которое ориентируется на поставленные цели и задачи, выбор профессии, так и оценку собственных возможностей и способностей.

В целом, исследование профессионального выбора и готовности молодежи является многогранной областью науки, охватывающей различные подходы и методы, позволяющие глубже понять механизмы формирования и развития данного процесса. Оценка складывающихся профессиональных практик молодежи, их соответствие условиям социальной среды и возможность способствовать личностному развитию во многом определяют перспективы динамики современного российского общества.

Теоретический обзор

Исследование профессиональной готовности, вследствие своей значимости, на протяжении длительного периода находится в фокусе рассмотрения целого ряда отечественных ученых и специалистов. Так, научно-теоретическая основа для разработок профессиональной готовности была заложена в работах С.К. Климова. Ученый акцент делал на изучение профессиональной ориентации и самоопределения молодежи. В работах Э. Гинзберг приоритет отдается построению системы профессиональной ориентации и ее влиянию на ценностный выбор молодежи. Предметом проводимых исследований в работах С.И. Вершинина, В.И. Журавлева, С.Т. Шацкого выступает содержательная сторона профориентации и самоопределения молодежи. Различные аспекты готовности к выбору, включая физиологическую и личностную, рассматривались в работах П.Л. Дрибинского [1, 2].

Профессиональному выбору отводится ведущая роль при определении траекторий развития карьеры молодых специалистов. Выбор профессии предопределяется личностной идентификацией и первичной социально дифференциацией в конкурентной среде. В то же время в сознании индивида выбираемая профессия зачастую ассоциируется не только с уникальной, особенной и неповторимой, но и с его потенциальными возможностями по реализации определенного вида деятельности. Речь, по существу, идет о будущей готовности индивида исполнять ожидаемые профессиональные задачи. Более того, важным фактором здесь выступает достижение баланса между возможностями индивида, системы образования и запросами рынка труда.

Для более полного анализа представленной модели формирования профессионального выбора и готовности стоит обратить внимание не только на уровень личности, но и на положение группы в социальной структуре общества. Речь идет и о том, как складывается профессиональные трекинги молодого поколения и возможные изменения состояния его поведенческих императивов, выраженные в определенных ценностных ориентациях, установках, трудовых потребностях и мотивации.

Нельзя не согласиться с мнением французских ученых М. Крозье и Э. Фридберг, которые полагают, что индивиды выполняют те или иные действия, стремятся найти оптимальные решения встающих перед ними задач [3, с. 248]. Согласно М. Веберу, акцент в системном исследовании должен делаться на осмысленное поведение, направленного на других и ориентированного на ожидаемые реакции со стороны других [3, с. 448].

В этой связи в исследовательском континууме требуется проследить не только стратегические ориентиры подрастающего поколения в отношении показателей профессиональной успешности, а также формы и методы групповой адаптации к складывающейся системе социальных отношений.

Одним из наиболее актуальных аспектов в оценке складывающегося социального взаимодействия является личностная самопрезентация. Например, известный ученый Тори Хиггине предлагает три основ-

ных формы оценки личностью собственного «Я»: идеальное, вынужденное и фактическое [4].

Для молодых, находящихся на этапе первичной профессионализации, важно не только ощущать себя в определенной степени независимыми, но и развивать свои профессиональные навыки. Причем из поколения в поколение данный ценностный вектор должен сохраняться. Приоритетная роль при этом отводится социальным партнерам в лице государства, работодателей и общественных организаций, реализуемым ими мерами по управлению траекториями профессионального развития молодых людей.

Реальная ситуация на российском рынке труда и готовность российской молодежи, в частности молодых работников и специалистов, включаться в социально-трудовые отношения – нестабильна.

На рынке труда за последние годы фиксируется существенное увеличение спроса на трудовые ресурсы. Так, в 2023 г. уровень официально зарегистрированной безработицы оказался значительно ниже естественного и составил 2,5–3%. Согласно данным ЦБ РФ, аналитики ожидают, что к концу 2025 г. показатель может увеличиться до 3,1%, а в декабре 2026 г. – до 3,2%. В числе основных причин низкой безработицы профильные эксперты называют следующие: развитие импортозамещения, увеличение промышленного производства (оборонная промышленность, машиностроение и др.), развитие сельского хозяйства и внутреннего туризма [7].

За период 2022–2023 гг. ситуация с молодежной безработицей нормализовалась. Так, уровень безработицы молодежи в возрасте от 15 до 29 лет за указанный период несколько снизился на 2,2 процентных пункта, с 10,7 до 8,5% [5]. На этом фоне настораживает то, что безработица среди молодежи остается по-прежнему высокая и оказывается вдвое выше средней по стране безработицы по всем возрастным группам [6].

Исследование проблемы

Выпускники учебных заведений представляют особую группу в рамках предмета нашего исследования. Обратимся к результатам исследования НИУ ВШЭ «Мониторинг экономики образования» (2020 г.). В качестве участников опроса выступали выпускники организаций высшего и среднего профессионального образования, окончивших учебные заведения в 2017–2019 гг.

Как показал опрос, среди незанятых выпускников наиболее часто упоминаемыми респондентами причинами экономической неактивности и отказа от поиска работы, назывались следующие: выполнение домашних обязанностей, уход за родственниками (26,6%). Еще 8% выпускников указывают невозможность найти работу, а еще почти 2% отчаялись найти ее [8].

В определенной степени экономика не дополучает значительное число молодых кадров. Проблема связана с тем, что не всегда ожидания молодых могут подстроиться под требования рынка труда. Вопрос видится и в обеспечении эффективности механизмов социального управления, которые самым непосредственным образом «обусловливают» готовность молодежи включиться в трудовую деятельность. Результатом данной ситуации определяется «инфляцией» затрат, при которой увеличение количество рабочих мест и заработной платы не сопровождается ростом молодежной занятости. При этом молодые люди, предоставленные сами себе, при поиске работы могут ориентироваться на достаточно высокие позиции, не обладая для этого необходимыми профессиональными компетенциями. Например, для подготовки специалистов для высокотехнологичных сфер требуется достаточно много времени, которое никак не заменит краткосрочные курсы повышения квалификации.

Особый вопрос – динамика занятости молодежи на отраслевом рынке труда. Согласно расчетам профильных специалистов, численность занятых в экономике в ближайшие два-три года может превышать значение 2022 года на 2,1 млн человек. Планируемый рост занятости обеспечивается расширением границ трудоспособного возраста [9].

В современных условиях трудоемкой экономики и цифрового общества современная молодежь начинает играть более существенную роль на рынке труда, чем ее предшествующие поколения. Однако сокращение общей доли молодежи в составе экономически активного населения компенсируется ранним выходом учащейся и студенческой молодежи на рынок за счет вторичной занятости (совмещения работы и учебы). Фиксируемые масштабы предложения молодежи на рынке труда не такие оптимистичные. Компенсационный эффект оказывается снижен из-за размытой культуры трудоустройства, увеличивающихся личностных экспектаций, размытием социальной ответственности бизнеса.

В основе данной ситуации лежит целая группа обстоятельств, связанных с изменением представления молодежи о содержании тру-

да. Безусловно, все наблюдаемые в обществе социальные процессы, в том числе и связанные с формированием профессиональной готовности, находятся в многочисленных и многомерных взаимосвязях. По мнению известного социолога, представителя концепции социальных изменений П. Штомки, в наблюдаемом межличностном поле фиксируется сплетение социальных отношений, которое проявляется в четырех аспектах: идеальный, нормативный, интеракционный и возможный. В действительности речь идет о более широком формате взаимосвязи идей, мыслей, верований и т.д., т.е. о социокультурном поле. Движущими силами фиксируемых сегодня социальных процессов могут выступать как эндогенные (внутренние), так и экзогенные (внешние) факторы – причины социальных изменений [3, с. 20–44]. Эти причины как нами было уже отмечено, могут отличаться по своему содержанию: естественные, демографические, экономические, социальные, культурные, религиозные и т.д. Итогом наблюдаемых изменений становятся возникновение совершенно новых институциональных условий, социальных структур, распространение нового уклада жизни. Для исследуемой нами целевой групп – молодежь речь может идти о количественных и качественных изменениях. Это может проявляться в новой социальной реальности, которая проявляется в различных сферах социальной жизни. Сегодня приходится наблюдать, к примеру, трансформацию профессионально-ценностных взглядов и установок молодежи, которые проецируются не только на сферу потребления, но и на трудовую жизнедеятельность. Такая трансформация характерна для определенного периода временного диапазона протекания социальных процессов в рамках информационного общества потребления.

Интерес в этой связи представляет теория поколений американских исследователя Уильяма Штрауса и Нил Хоув. В рамках разработанной классификации сегодня важно говорить о характеристическом портрете современной молодежи – Поколение Z (2003–2023 г.р.). Его представители – равнодушны и жаждут лишь личного удовлетворения от своей работы, а не того, насколько престижна и перспективна та или иная профессия. Воспринимают большие объемы информации в формате 3D. 40% из них получают высшее образование [10].

В отношении молодежи к трудовой деятельности сегодня можно говорить об увеличивающейся социальной дифференциации и, как следствие, различной степени ее профессиональной готовности. Она зависит от ресурсного потенциала семьи, уровня получаемого образования, опыта, статусных характеристик семьи, интересов и мотивации личности, социальной включенности, ответственности и т.д. – данная система характеристик предопределяет фиксированный путь профессиональной адаптации молодого человека [11, 12].

Возможности профессионального выбора молодежи существенно отличаются в зависимости от вида деятельности. Это может свидетельствовать о том, что молодежь по-разному определяет свою лояльность к той или иной профессии в рамках имеющихся ресурсных возможностей по принятию лично значимых решений. Примечательно, что для современного цифрового поколения молодежи ценности независимости и самостоятельного выбора относятся к числу ключевых.

Заключение

Резюмируя сказанное, отметим, что формируемая профессиональная готовность во многом предопределяется не только доступом индивида к социальному активу, но и возможностью его использовать, ответственной позицией социальных партнеров. Изменяемая институциональная среда определяет разную степень значимости императивов, определяющих траектории профессиональной адаптации молодежи. Зачастую в условиях принижения значимости роли механизмов социального управления у подрастающего поколения происходит размытие ценности трудовой деятельности, как основы успешной профессиональной готовности.

Наблюдаемые качественные изменения в оценках молодежи сложно объяснить лишь только изменением «психологии» обследованных, находящихся и прошедших определенные перемены в общественном устройстве. Важно выделить изменение социально-экономического уклада, определенного стиля жизни с учетом запросов современного общества.

Складывающаяся ситуация характеризуется более четким определением мировоззренческих императивов в разрезе: личности, семьи, государства, страны, общества. В этой связи акцент на создание комфортной среды в рамках рациональный профессионального выбора предполагает, что молодые люди изначально должны ориентироваться на социальное окружение, карьерный рост на основе определения своего вклада и своей социально значимой позиции в рамках созидательного труда.

Литература

1. Цыганкова И.В., Потуданская В.Ф., Цзывэй Ян. Факторы мотивации молодежи при выборе профессии. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-motivatsii-molodezhi-pri-vybore-professii/viewer> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Анохин А.А. Основные приоритеты молодежи при выборе профессии. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-molodezhi-pri-vybore-professii> (дата обращения: 26.10.2025).
3. Штопка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – С. 20–44, 248, 295.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. М., СПб. и др.: Питер. 2002. – 688 с.
5. Власти оценили динамику рождаемости в России до 2026 года. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651a95509a7947addf136c31> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Молодые специалисты и компании: взгляд с двух сторон на стажировку и карьеру. – URL: https://ancor.ru/press/research/molodye-spetsialisty-i-kompanii-vzglyad-s-dvukh-storon-na-stazhirovki-i-start-karery/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.c (дата обращения: 28.10.2025).
7. Аналитики предупредили о развороте на рынке труда России – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/18/22136749.shtml> (дата обращения: 29.10.2025).
8. Рудаков В.Н. Безработица среди выпускников образовательных организаций: масштабы, причины, деятельность, способы поиска. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354425820/release_21_2020.pdf (дата обращения: 29.10.2025).
9. Министерства труда и социального развития. Прогноз баланса трудовых ресурсов. – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2544> (дата обращения: 30.10.2025).
10. Штраус В., Хоу Н. Поколения: История будущего Америки, 1584–2069 гг. Нью-Йорк: William Morrow & Company. 1991. – 538 с.
11. Российские вузы глазами студентов: – URL: <https://www.unkniga.ru/news/vtsiom-rossiiskie-vuzy-glazami-studentov.html> (дата обращения: 01.11.2025).
12. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги. 2003. – 448 с.

FORMATION OF PROFESSIONAL CHOICE AND READINESS OF YOUTH IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CHANGES

Ivanov S.Y., Ivanova D.V., Ksenofontova H.Z.
Moscow State Pedagogical University

The study focuses on the implementation of professional choices by representatives of the modern generation of young people. Based on a comparative analysis, the authors explore the components that determine professional choices and the readiness of young people to actively engage in labor activities. They examine the current state of young people in the labor market and the leading role of social partners in shaping the trajectories of successful professional adaptation for young people. The study identifies the value preferences of the modern generation of young people, which ensure successful adaptation of young people, taking into account the observed institutional changes.

Keywords: education, youth, labor market, employment, unemployment, loyalty, values, knowledge society, professional choice, professional readiness, social partnership

References

1. Tsygankova I.V., Potudanskaya V.F., Jiwei Yang. Motivation factors for young people when choosing a profession. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-motivatsii-molodezhi-pri-vybore-professii/viewer> (date of request: 25.10.2025).
2. Anokhin A.A. The main priorities of youth when choosing a profession. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-molodezhi-pri-vybore-professii> (date of request: 26.10.2025).
3. Shtopka P. The Sociology of social change / Translated from English. edited by V.A. Yadov. – M., 1996. – P. 20–44, 248, 295.
4. Ritzer J. Modern sociological theories. 5th ed. Moscow, St. Petersburg, etc.: Peter, 2002. – 688 p.
5. The authorities estimated the dynamics of the birth rate in Russia until 2026. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651a95509a7947addd136c31> (date of request: 27.10.2025).
6. Young professionals and companies: a two-pronged view of internships and careers. – URL: https://ancor.ru/press/research/molodye-spetsialisty-i-kompanii-vzglyad-s-dvukh-storon-na-stazhirovki-i-start-karery/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.c (date of request: 28.10.2025).
7. Analysts warned of a turnaround in the Russian labor market. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/18/22136749.shtml> (date of request: 29.10.2025).
8. Rudakov V.N. Unemployment among graduates of educational institutions: scale, causes, activities, ways of finding. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354425820/release_21_2020.pdf (date of request: 29.10.2025).
9. Ministry of Labor and Social Development. Labor balance forecast. – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2544> (date of request: 30.10.2025).
10. Strauss V., Hou N. Generations: The History of America's Future, 1584–2069. New York: William Morrow & Company. 1991. – 538 P.
11. Russian universities through the eyes of students: – URL: <https://www.unkniga.ru/news/vtsiom-rossiiskie-vuzy-glazami-studentov.html> (date of request: 01.11.2025).
12. Ryabov A.V., Kurbangaleeva E.S. Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths M.: House of Intellectual Books. 2003. – 448 p.

Ли Мэнтин,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st122661@student.spbu.ru

В статье представлены западная и китайская точки зрения на исследование виртуальных сообществ. Указано, что в условиях схожих фонов исследований основное различие между ними заключается в следующем: западные исследования преимущественно уделяют внимание эмоциональной связи между членами виртуальных сообществ, а китайские исследования больше сосредоточены на пространственных признаках сообществ, считая, что различные виртуальные сообщества формируются на основе различных платформ Интернета. Цель данной статьи заключается в обобщении современных исследований китайских ученых, посвященных развитию и основным проявлениям виртуальных сообществ в киберпространстве. Показано, что одним из важнейших трендов изучения в этом плане является анализ факторов, влияющих на развитие виртуальных сообществ. Выделяются три таких фактора, связанных с дискурсом, капиталом и властью.

Ключевые слова: понятие community, виртуальные сообщества, цифровое пространство, китайская социология, социальные сети.

Введение

«Community» – это понятие, сложившееся в западной социологии. Появление термина «community» является результатом размышлений исследователей о процессе урбанизации как следствия промышленной революции. В период с 1960-х годов XVIII века по 1940-е годы XIX века промышленная революция коренным образом изменила социальную структуру Запада. Развитие капитала создало возможности для активной миграции людей, в результате чего возникли совершенно новые идентичности и социальные связи. В 1887 году Ф. Теннис опубликовал монографию «Gemeinschaft und Gesellschaft» («Общность и общество»), которая в английском переводе получила название «Community and Society». В настоящее время многие исследователи полагают, что эта книга сделала термин «community» важным академическим понятием [1–5] и задала рамки понимания этого понятия как типа отношений, основанных на тесных родственных или добровольных связях (дружбе, соседстве и т.д.) и общей «сущностной воле» данной группы.

На китайский язык слово «community» часто переводится как «社区» (Шэ Цюй – социальная общность, состоящая из взаимосвязанных людей, проживающих в определенной географической области) или «社群» (Шэ Цюнь – региональное сообщество или взаимосвязанная сеть)¹. Фэй Сяотун отмечает: «Community должно иметь территориальную основу, например, соседство, деревня, поселок, пригород и даже нация или государство могут быть обозначены как communities, представляющие собой группу людей, объединенных территориальной принадлежностью» [7, С. 90].

Понятие виртуальных сообществ возникло в начале 1990-х годов. Его вводит Говард Рейнголд, один из первых исследователей виртуальных сообществ: «Виртуальное сообщество» – это социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве [6, р. 5]. С тех пор все больше исследователей начали уделять внимание изучению виртуальных сообществ.

Появление феномена виртуальных сообществ расширило понимание нюансов и интерпретаций понятия community в современной социологии. Анализ работ китайских социологов в этой области показывает, что взгляды китайских ученых несколько отличаются от западных, различия между которыми будем подробно рассматривать в следующей части.

Цель данной статьи заключается в анализе и обобщении исследований китайскими социологами современных виртуальных сообществ. Задачи данной статьи состоят в том, чтобы сравнить точки зрения западных и китайских ученых на исследование сообществ, а также обозначить основные тренды китайской социологии в изучении основных факторов развития современных виртуальных сообществ в Китае.

Различные точки зрения на исследование community

Существуют различные подходы к пониманию термина «community». Как отмечают Driskell R.B. и Lyon L. в своем обзоре, Дж.А. Хиллери проанализировал 94 варианта определения «community» и сформулировал его основные характеристики: конкретное место, общие связи и социальное взаимодействие [1]. В частности, конкретное место определяет чувство общей принадлежности членов сообщества к определенной территории. Однако, как уже отмечалось, эволюция понятия community в западной социологии было связано с логикой социально-экономического развития западных обществ. После начала индустриализации и урбанизации в Европе границы пространства стали более открытыми, а значение конкретного места как фактора формирования сообществ ослабло [1–4]. Не случайно, поэтому западные исследователи в настоящее время уделяют больше внимания общим интересам, общей памяти и интенсивным взаимодействием членов сообщества, считая, что конкретное место не является необходимым и единственным условием для формирования «community».

При этом важно отметить, что трактовка данного понятия менялась в западной социологии. Если в рамках функционального подхода

¹ 新华词典 = Словарь Синьхуа. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.zidian.com.cn/ci> (дата обращения: 01.08.2025).

community рассматривалось как общность на основе географической близости, то в рамках интерпретативной социологии community рассматривается как социальная группа или общность, основанная на духовной близости, где субъективный опыт и убеждения членов влияют на формирование community [2; 3; 8].

Значение понятия «community» в китайском языке выражается различными способами, среди которых «社区» (Шэ Цюй) и «社群» (Шэ Цюнь) являются наиболее часто используемыми понятиями в социологических исследованиях. С точки зрения китайского языка, «社区» (Шэ Цюй) представляет собой социальную общину, состоящую из людей, проживающих на определенной территории, а иероглиф «社群» (Шэ Цюнь) гораздо более многозначен, он может означать фактическую географическую область, социальные отношения в определенной сфере (например, студенческую группу), или даже более абстрактные идеальные отношения, основанные на чувствах (например, фан-клуб) [4].

На данный момент, после запроса ключевого слова «社区» в CNKI¹, было получено 982 400 результатов поиска, а результаты исследований по слову «社群» составили 22 100. По количеству опубликованных статей результаты «社群» значительно уступают результатам «社区». Причем статьи с более широкой коннотацией этого термина посвящены преимущественно маркетингу и бизнес-коммуникации [3–5]. При этом важно отметить, что некоторые китайские ученые недостаточно четко разграничивают оба используемых понятия, а в некоторых работах используется их смешение.

Таким образом, в Китае и на Западе существуют разные точки зрения на феномен community. Ло Чжэнлинь [4] приходит к выводу, что в западных исследованиях больше внимания уделяется социальным ценностям и общим эмоциям, а также психологической идентичности и социальному участию членов сообщества, тогда как китайские исследования более ориентированы на географию, разделяя различные сообщества по пространственному признаку.

Сложившиеся в западной и китайской традициях различные понимания community повлияли на исследовательские акценты изучения современных виртуальных сообществ. С начала исследований виртуальных сообществ западные ученые изучали такие темы, как определение виртуальных сообществ и их структурные характеристики [1;2;8]. При этом продолжают споры вокруг того, являются ли виртуальные сообщества сообществами, и главный аргумент заключается в том, что в них нет географического параметра (нет конкретного места) – одного из «трех основных характеристик community», обобщенных Дж.А. Хиллери, а присутствуют только социальные взаимодействия и общественные связи [1;8;9]. Некоторые западные исследователи утверждают, что виртуальные сообщества служат дополнением к офлайн-сообществам [8;10;11]. Несмотря на отсутствие строгих географических характеристик и пространственных ограничений, виртуальные сообщества обеспечивают социальное взаимодействие между членами и удовлетворяют их эмоциональные потребности. Основываясь на этом общем мнении, западные ученые в настоящее время считают чувство солидарности и эмоциональные связи между его членами важными предпосылками для создания и поддержания различных типов виртуальных сообществ [10–12]. Следовательно, текущие исследования в западных академических кругах, посвященные виртуальным сообществам, направлены главным образом на изучение эмоциональных связей между членами и совместного создания ценностей этих сообществ [13–15], а также на применение этих стратегий в практических кейсах. Например, некоторые исследования посвящены изучению того, как вовлеченность членов сообществ способствует развитию коммерческого маркетинга [16] и обучающих мероприятий в виртуальных сообществах [17].

Исследование виртуальных сообществ в Китае также формировалось на основе изучения community с характеристиками физического пространства, что отражается в различных границах виртуальных пространств в киберпространстве. На ранних этапах китайские ученые уже обращали внимание на такие темы, как характеристики виртуальных сообществ, их структуры и модели развития [18]. По мнению китайских ученых, развитие виртуальных сообществ отражает тенденцию развития современных сообществ, а именно – переход от реальных пространственных расстояний к киберпространству с различными платформами и различным программным обеспечением [3–5]. На основе различных платформ и технологий формируются разнообразные виртуальные сообщества. Не случайно, поэтому исследования виртуальных сообществ в китайской социологии также часто основаны на анализе различных платформ или программного обеспечения.

Проблема развития виртуальных сообществ в сетевом пространстве Китая

По мнению целого ряда китайских исследователей (Ло Чжэнлинь, Гао Юньхун, Чжэн Чжунъюй, Чжан Жошань и др.), в настоящее время развитие китайских виртуальных сообществ в сетевом пространстве главным образом стимулируется тремя факторами (которые Ло Чжэнлинь в своей статье называет «силами») – дискурсом, капиталом и властью [4;5;7]. Все три фактора определяют производство контента в сообществе, совместно определяют базовый облик и статус развития виртуального сообщества.

Фактор/сила дискурса. Дискурс создает в сообществе условия для свободного самовыражения под контролем общественного мнения. Во-первых, сила дискурса реализует свободу выражения мнений широких слоев населения. В частности, китайские фермеры благодаря платформам Pinduoduo и Bilibili получили широкую возможность обсуждать свои проблемы и сделали их достоянием многих групп китайского населения, а многие из фермеров даже стали национальными «интернет-знаменитостями». Во-вторых, дискурс сформировал поле общественного мнения, а общественное мнение, в свою очередь, сформировало условия для постоянного контроля за органами, осуществляющими государственную власть. Контроль общественного мнения и политический дискурс стали новым явлением в политической жизни Китая [4;5]. В частности, примером этому служит инцидент, связанный с продажей сухого молока Sanlu², когда благодаря общественному обсуждению в Интернете, с одной стороны, ужесточился контроль за деятельностью этой кампании, а с другой стороны, были внесены определенные изменения в законы и правила в соответствующих областях. В-третьих, сила дискурса в Интернете способствует взаимодействию между участниками, объединяя их через общие темы и интересы, тем самым создавая особую сплоченность для виртуальных сообществ.

Таким образом, сила дискурса играет активную роль в виртуальных сообществах, мотивируя их членов к участию и одновременно не требуя практически никаких затрат, что способствует расширению этих сообществ и привлечению новых членов. Кроме того, сила дискурса обогащает культурное творчество внутри виртуальных сообществ, способствуя распространению интернет-сленга, онлайн-неологизмов и специфических онлайн-субкультур, диверсифицируя сетевое культурное поле.

Фактор/сила капитала. Данный фактор связан с созданием цифровой экономики, которая оказывает существенное влияние на повседневную жизнь людей. Во-первых, капитал и технологии стали символическими силами в создании цифровой бизнес-системы. Элита интернет-бизнеса часто вовлекает «реальных людей» в цифровое пространство с помощью различного программного обеспечения, а затем формирует бизнес-сообщества в соответствии с определенными процедурами [4;5;19]. В соответствие с этим виртуальные сообщества в киберпространстве не являются, по сути, самостоятельно созданными сообществами интернет-пользователей; они представляют собой технологические платформы для производства прибыли под контролем капитала. В условиях цифровой экономики фрагментированное время людей фиксируется в тексте и видео, становясь материалом, который социальные сети используют для получения прибыли. Например, платформы коротких видео, такие как Kuaishou и Douyin (Tik Tok), развиваются благодаря тому, что пользователи делятся и комментируют свою реальную жизнь. Во-вторых, с помощью социального программного обеспечения и технологии передачи данных капитал осуществляет колонизацию жизненного мира (по Ю. Хабермасу): развитие технологии Интернета и Интернета вещей изменили физическую структуру киберпространства, и человечество вступило в эпоху диалога «человек-машина» и симбиоза «человек-машина», где Интернет соединяется с реальной жизнью и влияет на границы между реальными сообществами [4;5;19]. Например, было показано, что коммерческий маркетинг и бизнес-деятельность в виртуальных сообществах влияют на поведение членов сообщества в офлайн-сфере: онлайн-промоакции фестиваля Double 11, проводимые такими платформами электронной коммерции, как Tmall и JD.com, даже стимулировали офлайн-покупки пользователей [20]. При этом сбор данных и анализ алгоритмов, такие инструменты как большие данные (Big Data), облачные вычисления (Cloud Computing) и интеллектуальные технологии, которые ши-

¹ China National Knowledge Infrastructure = Китайская национальная инфраструктура знаний. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.cnki.net/> (дата обращения: 01.08.2025).

² В начале сентября 2008 года в Китае разгорелся скандал вокруг сухого молока компании Sanlu. Выяснилось, что при изготовлении детского питания Sanlu Group использовала меламин – химическое вещество, применяемое в производстве пластика. В Китае началась масштабная проверка всей молочной промышленности, из продажи была изъята вся молочная продукция, произведенная до 14 сентября.

роко используются в цифровой платформенной экономике, создают серьезные угрозы для реализации гражданских прав личности [21].

Однако несмотря на то, что сила капитала в значительной степени нарушает права пользователей на неприкосновенность их частной жизни, она при этом обеспечивает удобства для пользователей (благодаря сбору данных и алгоритмическим рекомендациям), тем самым снижая барьеры для вовлечения новых членов сообщества. Одновременно с этим сила капитала способствует расширению коммерческой деятельности в виртуальных сообществах. Поэтому, с одной стороны, сила капитала играет роль в поддержании социальной стратификации в виртуальных сообществах, способствуя их дифференциации, с другой стороны, эта сила способствует мобильности как внутри сообществ, так и между ними, стимулируя циркуляцию в социальных пространствах.

Фактор/сила власти. Как отмечают китайские исследователи, публичная власть играет доминирующую роль в развитии виртуальных сообществ, обеспечивая рациональное планирование сообществ и упорядоченное управление ими [4;7]. В условиях, когда сила дискурса обеспечивает среду для свободного выражения мнений, а сила капитала создает систему экономических преимуществ в виртуальных сообществах, сила власти должна установить правила для регулирования и контроля над неограниченным ростом этих двух сил. Публичная власть является созидателем и защитником общественного порядка, поэтому контроль и управление онлайн-сообществом является важной задачей публичной власти в управлении киберпространством. Кроме того, в условиях современного стремительного развития Интернета сетевое пространство постепенно становится составным элементом национального суверенитета, а государственные структуры всего мира усиливают контроль над киберпространством [3;4]. В частности, в Китае сформировалась практика государственного управления новыми бизнес-моделями в киберпространстве. В качестве примеров можно назвать несколько концепций и государственных программ. Концепция «Интернет плюс» родилась из инновационного сочетания Интернета и традиционных отраслей, а именно «Интернет + традиционные отрасли». Проще говоря, речь идет об использовании информационных и интернет-платформ для интеграции интернета с традиционными отраслями промышленности, а также использовании преимуществ и характеристик интернета для создания новых возможностей развития. С тех пор как концепция «Интернет плюс» была выдвинута в Отчете о работе правительства¹ за 2015 год, в ежегодном Отчете о работе правительства после этого был поставлен ряд задач по созданию цифрового правительства, таких как «Интернет плюс образование», «Интернет плюс здравоохранение», «Интернет плюс финансы», «Интернет плюс сельское хозяйство», электронное правительство, оплата счетов онлайн, пропуски ЕТС, коды здоровья и так далее. По данным официальных СМИ Китая², на национальной платформе государственных услуг в настоящее время зарегистрировано более 1 миллиарда пользователей, а более 90% государственных услуг можно получить в режиме онлайн.

Таким образом, не зависимо от того, как сила власти участвует в развитии виртуальных сообществ – косвенно, в качестве регулятора, или активно, в качестве поставщика государственных услуг в этих сообществах, – она способствует формированию устойчивых структур, институтов, ценностей и норм, а также координации и солидарности, поддерживая социальные циркуляции в их динамике.

Заключение

Несмотря на то, что китайские и западные ученые имеют общие истоки в исследованиях community, различия в культурном контексте и истории развития социологической мысли привели к различиям в акцентах изучения community и виртуальных сообществ в рамках современной китайской и западной социологии. При этом виртуальные сообщества в современном Китае обладают определенными специфическими характеристиками, заслуживающими внимания со стороны как китайских, так и зарубежных исследователей.

Литература

1. Driskell R.B., Lyon L. Are virtual communities true communities? Examining the environments and elements of community // *City & Community*. 2002. № 1(4). Pp. 373–390.

¹ 政府工作报告(中国政府网) = Отчет о работе правительства (Китайская правительственная сеть). Официальный сайт. Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/16/content_2835101.htm (дата обращения: 01.08.2025).

² 数字中国发展提速(人民网) = Развитие цифрового Китая ускоряется и улучшается (Жэньминь Жибао Онлайн). Официальный сайт. Режим доступа: <https://politics.people.com.cn/n1/2024/0828/c458474-40307751.html> (дата обращения: 01.08.2025).

2. Li H. Virtual community studies: A literature review, synthesis and research agenda // *AMCIS 2004 Proceedings*. 2004. 324.

3. 张劼颖,李雪石. 数字虚拟社区研究: 学术脉络与关键议题 // *中国社会科学评价*. 2023. № 3. С. 32–44+158. Чжан Цзэинь, Ли Сюэши. Исследование цифровых виртуальных сообществ: научная линия и ключевые вопросы // *Оценка социальных наук в Китае*. 2023. № 3. С. 32–44+158.

4. 骆正林. 空间性与情感性的调配:网络空间的拓展与网络社区/网络社群的形成 // *山西大学学报(哲学社会科学版)*. 2022. № 4. С. 65–82. Ло Чжэнлинь. Распределение пространственности и аффективности: расширение киберпространства и формирование онлайн-сообществ/сетевых общностей // *Журнал Шаньсийского университета (издание по философии и социальным наукам)*. 2022. № 4. С. 65–82.

5. 高云红,郑中玉. 虚拟化社区与虚拟社区: 超越虚拟—现实的二元论视角 // *新视野*. 2021. № 4. С. 115–120. Гао Юньхун, Чжэн Чжуньюй. Виртуализированные сообщества и виртуальные сообщества: преодоление дуалистического подхода к виртуальному и реальному // *Новые горизонты*. 2021. № 4. С. 115–120.

6. Rheingold H. The virtual community: Finding connection in a computerized world – United States: Addison-Wesley Longman Publishing, 1993.

7. 张若珊. 生态与心态适配: 费孝通的社区发展思想及其对社会工作的意义 // *社会工作*. 2025. № 1. С. 89–109+159–161. Чжан Жошань. Соответствие экологии и менталитета: идеи Фэй Сяотуна о развитии сообществ и их значение для социальной работы // *Социальная работа*. 2025. № 1. С. 89–109+159–161.

8. Gradinaru C. Virtual Communities—A New Sense of Social Intersection // *Revista Romana de Comunicare si Relatii Publice*. 2011. № 13(1). Pp. 21–35.

9. Шарков Ф. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор // *Социологическое обозрение*. 2022. № 21(3). С. 229–249.

10. Liou D.K., Chih W.H., Hsu L.C., et al. Investigating information sharing behavior: the mediating roles of the desire to share information in virtual communities // *Information Systems and e-Business Management*. 2016. № 14(2). Pp. 187–216.

11. Teichmann K., Stokburger-Sauer N.E., Plank A., et al. Motivational drivers of content contribution to company-versus consumer-hosted online communities // *Psychology & Marketing*. 2015. № 32(3). Pp. 341–355.

12. González-Anta, B., Orengo, V., Zornoza, A., Peñarroja, V., & Martínez-Tur, V. Understanding the Sense of Community and Continuance Intention in Virtual Communities: The Role of Commitment and Type of Community // *Social Science Computer Review*. 2019. № 39(3). Pp. 335–352.

13. Porter C. E., Devaraj S., Sun D. A test of two models of value creation in virtual communities // *Journal of Management Information Systems*. 2013. № 30(1). Pp. 261–292.

14. Rodríguez-López N. Understanding value co-creation in virtual communities: The key role of complementarities and trade-offs // *Information & Management*. 2021. № 58(5).

15. Rodríguez-López N., Diz-Comesaña M.E. Toward a taxonomy of virtual communities from a value cocreation perspective // *Psychology & Marketing*. 2016. № 33(12). Pp. 1166–1173.

16. Teichmann K., Stokburger-Sauer N.E., Plank A., et al. Motivational drivers of content contribution to company-versus consumer-hosted online communities // *Psychology & Marketing*. 2015. № 32(3). Pp. 341–355.

17. Rajabion L., Nazari N., Bandarchi M., et al. Knowledge sharing mechanisms in virtual communities: A review of the current literature and recommendations for future research // *Human Systems Management*. 2019. № 38(4). Pp. 365–384.

18. 黄丽丽,冯雯婷,瞿向诚. 影响虚拟社群信息分享的因素: 多层分析视角 // *国际新闻界*. 2014. № 9. С. 22–26. Хуан Лили, Фэн Вэньтин, Цюй Сянчэн. Факторы, влияющие на обмен информацией в виртуальных сообществах: многоуровневый анализ // *Международная пресса*. 2014. № 9. С. 22–26.

19. Ильичева М.В. Новые медиа в цифровой реальности // *Социально-политические науки*. 2021. № 11(1). С. 19–26.

20. 李才香. 网络社会背景下新型消费惯习的形成机制——以“双十一”购物节为例 // *社会建设*. 2019. № 1. С. 90–96+89. Ли Цайсян. Механизм формирования новых потребительских привычек в контексте сетевого общества: на примере фестиваля покупок «Double 11». *Социальное строительство*. 2019. № 1. С. 90–96+89.

21. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. № 35. С. 14–28.

THE PROBLEM OF VIRTUAL COMMUNITIES IN CHINESE SOCIOLOGY

Li Menting

Saint-Petersburg State University

This article presents Western and Chinese perspectives on the study of virtual communities. It indicates that, with similar research backgrounds, the main difference between them is as follows: Western studies mainly focus on the emotional connection between members of virtual communities, while Chinese studies focus more on the spatial characteristics of communities, believing that different virtual communities are formed on the basis of different Internet platforms. The purpose of this article is to summarize contemporary research by Chinese scholars on the development and main manifestations of virtual communities in cyberspace. It shows that one of the most important trends in this area of research is the analysis of factors influencing the development of virtual communities. Three such factors are identified, related to discourse, capital, and authority.

Keywords: concept community, virtual communities, digital space, Chinese sociology, social networks, community research.

References

1. Driskell R.B., Lyon L. Are virtual communities true communities? Examining the environments and elements of community // *City & Community*. 2002. № 1(4). Pp. 373–390.
2. Li H. Virtual community studies: A literature review, synthesis and research agenda // *AMCIS 2004 Proceedings*. 2004. 324.
3. Zhang Jieying, Li Xueshi. Research on digital virtual communities: academic context and key issues // *China Social Science Review* 2023. № 3. Pp. 32–44+158. (In Chinese)
4. Luo Zhenglin. Reconciling spatiality and affectivity: the expansion of cyberspace and the formation of online communities/internet groups // *Journal of Shanxi University (Philosophy and Social Science Edition)*. 2022. № 4. Pp. 65–82. (In Chinese)
5. Gao Yunhong, Zheng Zhongyu. Virtualized communities and virtual communities: a perspective beyond the virtual-reality dichotomy // *Expanding Horizons*. 2021. № 4. Pp. 115–120. (In Chinese)
6. Rheingold H. The virtual community: Finding connection in a computerized world – United States: Addison-Wesley Longman Publishing, 1993.
7. Zhang Ruoshan. Ecological and mental fitness: Fei Xiaotong's community development ideology and its implications for social work // *Journal of Social Work*. 2025. № 1. Pp. 89–109+159–161. (In Chinese)
8. Gradinaru C. Virtual Communities—A New Sense of Social Intersection // *Revista Romana de Comunicare si Relatii Publice*. 2011. № 13(1). Pp. 21–35.
9. Sharkov F. Convergence of real and virtual communities in digital space: a sociological review // *Sociological Review*. 2022. № 21. Pp. 229–249. (In Russian)
10. Liou D.K., Chih W.H., Hsu L.C., et al. Investigating information sharing behavior: the mediating roles of the desire to share information in virtual communities // *Information Systems and e-Business Management*. 2016. № 14. Pp. 187–216.
11. Teichmann K., Stokburger-Sauer N.E., Plank A., et al. Motivational drivers of content contribution to company-versus consumer-hosted online communities // *Psychology & Marketing*. 2015. № 32. Pp. 341–355.
12. González-Anta, B., Orengo, V., Zornoza, A., Peñarroja, V., & Martínez-Tur, V. Understanding the Sense of Community and Continuance Intention in Virtual Communities: The Role of Commitment and Type of Community // *Social Science Computer Review*. 2019. № 39(3). Pp. 335–352.
13. Porter C. E., Devaraj S., Sun D. A test of two models of value creation in virtual communities // *Journal of Management Information Systems*. 2013. № 30. Pp. 261–292.
14. Rodríguez-López N. Understanding value co-creation in virtual communities: The key role of complementarities and trade-offs // *Information & Management*. 2021. № 58.
15. Rodríguez-López N., Diz-Comesaña M.E. Toward a taxonomy of virtual communities from a value cocreation perspective // *Psychology & Marketing*. 2016. № 33. Pp. 1166–1173.
16. Teichmann K., Stokburger-Sauer N.E., Plank A., et al. Motivational drivers of content contribution to company-versus consumer-hosted online communities // *Psychology & Marketing*. 2015. № 32(3). Pp. 341–355.
17. Rajabion L., Nazari N., Bandarchi M., et al. Knowledge sharing mechanisms in virtual communities: A review of the current literature and recommendations for future research // *Human Systems Management*. 2019. № 38(4). Pp. 365–384.
18. Huang Lili, Feng Wenting, Qu Xiangcheng. Factors Influencing Information Sharing in Virtual Communities: A Multi-Layer Analytical Perspective // *International Journal of Journalism*. 2014. № 9. Pp. 22–26.
19. Ilyicheva M.V. New Media in Digital Reality // *Socio-political sciences*. 2021. № 11. Pp. 19–26. (In Russian)
20. Li Caixiang. The Formation Mechanism of New Consumption Habits in the Context of Network Society: Taking the «Double Eleven» Shopping Festival as an Example // *Social Development*. 2019. № 1. Pp. 90–96+89.
21. Koneva A.V., Lisenkova A.A. Matrix of identity in the digital age: social challenges of overcoming anonymity. *Bulletin of Tomsk State University // Cultural studies and artistic criticism*. 2019. № 35. Pp. 14–28. (In Russian)

Формирование экологической культуры молодежи: концептуализация технологий и факторов в контексте социологического анализа

Новиков Станислав Михайлович,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: St.novikov@mail.ru

Фомичева Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления, Российский государственный социальный университет
E-mail: fomichevatv@mail.ru

Публикация посвящена комплексному социологическому анализу процессов формирования экологической культуры молодежи в современных социально-институциональных условиях. В работе предпринята попытка концептуализации технологий формирования экологической культуры как особого класса социальных механизмов, опосредующих трансформацию экологического сознания и поведенческих практик молодежи. На основе теоретического анализа и эмпирических данных массового социологического опроса предложено авторское определение технологий формирования экологической культуры молодежи, а также разработана типология данных технологий, основанная на сочетании уровня субъектности молодежного участия и степени институциональной поддержки. Особое внимание уделено выявлению факторов, определяющих эффективность различных технологических моделей, включая институциональную встроенность, практико-ориентированный характер и воспроизводимость экологических практик. Полученные результаты позволяют углубить понимание механизмов формирования экологической культуры молодежи и могут быть использованы при разработке программ молодежной и экологической политики, ориентированных на долгосрочное развитие экологически ответственного поведения.

Ключевые слова: экологическая культура, молодежь, экологическое образование, экологические практики, технологии формирования экологической культуры, субъектность, институциональная поддержка, социальное управление.

Введение

В условиях обострения экологических проблем и усиления глобальных рисков, затрагивающих устойчивость социального и природного развития, формирование экологической культуры населения приобретает стратегическое значение. [8,9] Особое место в данном процессе занимает молодежь, поскольку именно в этот период жизненного цикла происходит активное формирование ценностных ориентаций, социальных установок и поведенческих моделей, определяющих отношение человека к окружающей среде в долгосрочной перспективе. Экологическая культура молодежи, таким образом, выступает не только результатом целенаправленного социального воздействия, но и важным ресурсом воспроизводства экологически ответственного общества.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к проблематике экологического воспитания и образования, анализ научных публикаций показывает, что в социологическом дискурсе до настоящего времени недостаточно разработан технологический аспект формирования экологической культуры молодежи. В большинстве работ акцент делается либо на содержательных компонентах экологического сознания, либо на описании отдельных форм и практик экологической активности, тогда как вопросы их систематизации, управляемости и эффективности остаются фрагментарно освещенными.

В этой связи особую актуальность приобретает анализ технологий формирования экологической культуры молодежи как воспроизводимых социальных механизмов, функционирующих в образовательной, социокультурной и информационно-коммуникативной среде. Целью настоящей статьи является разработка концептуального подхода к анализу указанных технологий, основанного на интеграции теоретических положений социологии культуры и социологии управления с результатами эмпирического социологического исследования.

Методы

В рамках исследования процессов формирования экологической культуры молодежи и анализа применяемых технологий особое значение приобретает использование комплексного методологического подхода, позволяющего рассмотреть данный феномен как результат взаимодействия индивидуальных установок, социальных практик и институциональных механизмов. [6] Учитывая многоуровневый характер экологической культуры и ее включенность в систему социального управления, в работе был использован совокупный набор теоретических и эмпирических методов исследования.

Одним из базовых методов выступил анализ научной литературы, включая элементы контент-анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных экологической культуре, экологическому образованию и молодежным экологическим практикам. Применение данного метода позволило систематизировать существующие подходы к интерпретации экологической культуры, выявить ключевые теоретические позиции, а также обозначить недостаточно разработанные аспекты, связанные с технологическим и управленческим измерением формирования экологической культуры молодежи. [1–5]

Эмпирическую основу исследования составили данные массового социологического опроса молодежи, реализованного с использованием структурированной анкеты, а также результаты экспертного опроса специалистов, вовлеченных в реализацию экологических и молодежных программ. Для анализа количественных данных использовались методы описательной статистики и анализ таблиц сопряженности с применением критерия χ^2 Пирсона. Дополнительно применялся метод типологизации, позволивший на основе эмпирических показателей реконструировать группы технологий формирования экологической культуры молодежи в зависимости от уровня субъектности и степени институциональной поддержки.

Результаты

На основе теоретического анализа и обобщения эмпирических данных в статье предлагается авторское определение технологий формирования экологической культуры молодежи. Под технологиями формирования экологической культуры молодежи понимается совокупность приемов, методов, алгоритмов и моделей социального воздействия, реализуемых в образовательной, социокультурной и информационно-

коммуникативной среде и направленных на устойчивую трансформацию экологического сознания и поведения молодежи в сторону экологической ответственности.

В отличие от существующих трактовок, данное определение фиксирует управленческую природу технологий и подчеркивает их воспроизводимый характер, что позволяет рассматривать их как инструмент целенаправленного социального управления процессами формирования экологической культуры.

Типология технологий формирования экологической культуры молодежи

Анализ данных массового опроса позволил разработать типологию технологий формирования экологической культуры молодежи, основанную на сочетании двух ключевых параметров: уровня субъектности молодежного участия и степени институциональной поддержки (таблица 1).

Таблица 1. Классификация технологий формирования экологической культуры молодежи

Тип технологии	Характеристика
Высокая субъектность + высокая институциональная поддержка	Экологическое проектирование, волонтерская деятельность, форумные форматы
Высокая субъектность + ограниченная институциональная поддержка	Самоуправляемые экодвижения, локальные инициативы
Низкая субъектность + высокая институциональная поддержка	Традиционные образовательные и просветительские формы
Низкая субъектность + слабая институциональная поддержка	Эпизодические просветительские мероприятия

Первая типологическая группа включает технологии с высоким уровнем субъектности молодежного участия при наличии устойчивой институциональной поддержки. Эмпирические данные показывают, что данные практики сопровождаются высокой степенью мотивации участников, выраженной ориентацией на практический результат и сохранением экологической активности после завершения мероприятий.

Вторая группа объединяет технологии с высоким уровнем субъектности, но ограниченной институциональной поддержкой. Несмотря на высокий уровень вовлеченности и ценностной мотивации участников, данные практики, согласно экспертным оценкам и результатам опроса, характеризуются низкой устойчивостью и зависимостью от неформальных лидерских ресурсов.

Третью группу образуют технологии, реализуемые при высокой институциональной поддержке, но при ограниченной субъектности молодежного участия. Это преимущественно традиционные образовательные и просветительские формы, обладающие широким охватом, но ограниченным воздействием на поведенческие практики. Результаты опроса свидетельствуют о том, что данные формы обладают высоким охватом, однако демонстрируют ограниченное влияние на формирование устойчивых экологических установок и поведенческих практик.

Четвертая группа включает технологии, характеризующиеся низким уровнем как субъектности, так и институциональной поддержки. Не встроены в систему образования или молодежной политики и не предполагают продолжения. Их воздействие, согласно полученным данным, носит эпизодический характер и не приводит к долгосрочным изменениям в экологическом сознании молодежи.

Для эмпирической конкретизации выделенных типологических групп технологий формирования экологической культуры молодежи в рамках исследования был проведен анализ распределения ответов респондентов по уровню субъектности участия в экологических практиках и степени институциональной поддержки соответствующих форм деятельности. Полученные данные позволяют наглядно представить структуру применяемых технологий и соотнести их с выделенной типологией (рис. 1,2,3).

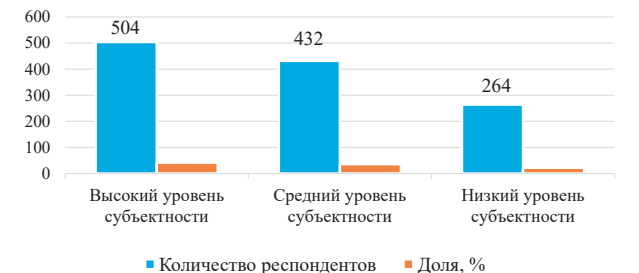

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню субъектности участия в экологических практиках

Рис. 2. Распределение экологических практик по степени институциональной поддержки

Рис. 3. Типологические группы технологий формирования экологической культуры молодежи (по результатам массового опроса)

Результаты анализа показали, что эффективность технологий формирования экологической культуры молодежи существенно варьируется даже при формальном сходстве организационных форм, что обусловило необходимость выявления факторов, определяющих результативность их применения в реальных условиях молодежной среды.

Прежде всего было установлено, что значительное влияние на воспринимаемую эффективность оказывает адаптивность содержания экологических мероприятий к возрастным, социальным и культурным особенностям молодежи. Наиболее высокие оценки получали те формы работы, в которых экологическая проблематика соотносилась с повседневным опытом участников, региональной повесткой и актуальными для молодежи социальными проблемами.

Существенную роль играет использование цифровых механизмов вовлечения, включая онлайн-коммуникацию, социальные сети и интерактивные форматы обратной связи. [7] Эмпирические данные свидетельствуют о том, что цифровое сопровождение экологических инициатив коррелирует с более высоким уровнем информированности, регулярности участия и сохранения интереса к экологической тематике.

Отдельным фактором эффективности выступает практико-ориентированный характер технологий. Экологические акции, проектная и волонтерская деятельность, предполагающие конкретные действия и видимый результат, значительно чаще ассоциируются у молодежи с изменением собственного поведения и ростом экологической ответственности, чем информационно-просветительские мероприятия без практического компонента.

Экспертные оценки дополнили данные массового опроса, позволив выявить управленческое измерение указанных факторов. Эксперты отмечали, что сочетание адаптивного контента, цифровых инструментов вовлечения и практико-ориентированных форм работы способствует повышению субъектности молодежи и устойчивости экологических практик, тогда как избыточная формализация и ориентация на отчетные показатели ограничивают реальный воспитательный эффект.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают целесообразность рассмотрения технологий формирования экологической культуры молодежи не как набора разрозненных мероприятий, а как системы социальных механизмов, эффективность которых определяется сочетанием институциональных и субъектных факторов. Разработанная типология и выявленные факторы эффективности позволяют перейти от описательного анализа к управленческой интерпретации экологических практик, что имеет принципиальное значение для разработки программ молодежной и экологической политики.

Заключение

В статье обосновано, что формирование экологической культуры молодежи представляет собой управляемый социальный процесс, реализуе-

мый через систему технологий, различающихся по уровню субъектности и институциональной поддержки. Предложенное авторское определение, разработанная типология технологий и выявленные факторы эффективности расширяют социологическое понимание механизмов формирования экологической культуры молодежи и создают основу для практико-ориентированных управленческих решений. Полученные выводы могут быть использованы при проектировании и оценке эффективности программ, направленных на развитие экологически ответственного поведения молодежи.

Литература

1. Баньковская, Светлана Петровна. Инвайронментальная социология / С.П. Баньковская; Латв. АН, Ин-т философии и социол.. – Рига: Зинатне, 1991. – 128, [2] с.: 20 см.; ISBN 5-7966-0674-3.
2. Захлебный А. Н., Дзятковская Е.Н., Грачев В.А. Концепция общего экологического образования в интересах устойчивого развития // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № 2. – С. 55–59.
3. Коган Л.Н. Экологическая культура развитого социалистического общества. М., 2006
4. Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества. – М., 1980. – № 2. – С. 10–16.
5. Маркович Д.Ж. Социальная экология: кн. для учителя / Д.Ж. Маркович; пер. с серб.-хорв. О.И. Долгая. – Москва: Просвещение, 1991. – 176 с. – ISBN 5-09-003417-6: Б. ц
6. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – № 1. – С. 2.
7. Цыганова С.В. Проектная деятельность студенческой молодежи как инструмент формирования экологической культуры региона // Экономика и социум. 2017. № 12 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-studencheskoy-molodezhi-kak-instrument-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury-regiona>
8. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. Заславской, М.: Интерцентр, 1997.
9. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи, Мир России, 2003, 1: 3–35.

FORMING AN ENVIRONMENTAL CULTURE IN YOUTH: CONCEPTUALIZING TECHNOLOGIES AND FACTORS IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Novikov S.M., Fomicheva T.V.

Russian State Social University

This publication is devoted to a comprehensive sociological analysis of the processes of developing environmental culture among young people in contemporary socio-institutional conditions. This paper attempts to conceptualize technologies for developing environmental culture as a special class of social mechanisms that mediate the transformation of environmental awareness and behavioral practices among young people. Based on theoretical analysis and empirical data from a mass sociological survey, the author proposes a definition of technologies for fostering environmental awareness among young people. A typology of these technologies is developed, based on a combination of the level of youth participation and the degree of institutional support. Particular attention is paid to identifying the factors determining the effectiveness of various technological models, including institutional embeddedness, practice-oriented nature, and the replicability of environmental practices. The obtained results allow for a deeper understanding of the mechanisms behind the development of environmental awareness among young people and can be used in the development of youth and environmental policy programs aimed at the long-term development of environmentally responsible behavior.

Keywords: environmental culture, youth, environmental education, environmental practices, technologies for developing environmental culture, agency, institutional support, social governance.

References

1. Bankovskaya, Svetlana Petrovna. Environmental Sociology / S.P. Bankovskaya; Latvian Academy of Sciences, Institute of Philosophy and Sociology. – Riga: Zinatne, 1991. – 128, [2] p.: 20 cm; ISBN 5-7966-0674-3.
2. Zakhlebny A. N., Dzyatkovskaya E.N., Grachev V.A. The Concept of General Environmental Education in the Interests of Sustainable Development // Issues of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. – 2012. – No. S2. – P. 55–59.
3. Kogan L.N. Environmental Culture of a Developed Socialist Society. Moscow, 2006
4. Likhachev D.S. Ecology of Culture // Monuments of the Fatherland. – M., 1980. – No. 2. – P. 10–16.
5. Markovic D. Zh. Social Ecology: a book for a teacher / D. Zh. Markovic; translated from Serb-Croatian by O.I. Dolgaya. – Moscow: Prosveshchenie, 1991. – 176 p. – ISBN 5-09-003417-6: B. c
6. Parsons T. Social Systems // Issues of Social Theory. – 2008. – Vol. 2. – No. 1. – P. 2.
7. Tsyganova S.V. Project Activities of Student Youth as a Tool for Forming a Region's Environmental Culture // Economy and Society. 2017. No. 12 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-studencheskoy-molodezhi-kak-instrument-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury-regiona>
8. Yanitsky, O.N. Modernization in Russia in Light of the Concept of "Risk Society" // Where is Russia Heading? The General and the Specific in Contemporary Development / Ed. by T. Zaslavskaya, Moscow: Intercenter, 1997.
9. Yanitsky, O.N. Sociology of Risk: Key Ideas, Mir Rossii, 2003, 1: 3–35.

Особенности употребления аббревиации в межгендерном общении в английском сегменте социальных сетей

Середа Евгения Витальевна,

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
и культуры Российского государственного социального
университета

E-mail: evsereida@mail.ru

Герцик Никита Игоревич,

бакалавр, Российский государственный социальный
университет

E-mail: paiter-73@yandex.ru

В связи с ростом популярности социальных сетей особый интерес представляет использование аббревиатур как неотъемлемого элемента цифрового дискурса. В данной статье рассматриваются особенности употребления аббревиаций в рамках межгендерного общения на примере английского сегмента социальных сетей. Особое внимание уделяется феноменам межличностного диалога, полилогам, а также типам платформ, коммуникативные стратегии которых существенно отличаются от информационно-новостных и платформ делового дискурса и потому требуют отдельного анализа. Актуальность темы обусловлена быстрым развитием цифровых коммуникаций и увеличением роли социальных сетей как пространства межличностного взаимодействия. В условиях расширяющейся сферы виртуального общения возрастает необходимость изучения уникальных лингвистических явлений, таких как использование аббревиатур и сленга, которые позволяют улавливать нюансы межполовых взаимодействий, выражать разнообразные эмоциональные интенции, а также показывать принадлежность к определённой социальной или возрастной группе. Важной задачей является выявление влияния пола, возраста, культурных и географических факторов на выбор и употребление различных коммуникативных средств в сети.

Ключевые слова: лингвистика, аббревиация, межгендерная коммуникация, англоязычный дискурс, социальные сети, междоимение, фразеологизм, эмотивность, английский язык, теория поколений, эвфемизмы

На сегодняшний день Интернет и социальные сети признаются неотъемлемой частью современного общества. Моментальная отправка и получение информации глобально поменяли взгляд человечества на принципы коммуникации. Короткие сообщения, последние новости, фотографии, видео, литература и научные работы стали доступны нам практически в любой точке мира и в течение весьма короткого времени.

Как не раз отмечали исследователи, английский язык в Интернете претерпел множество преобразований: появилась новая лексика, в которой преобладают сокращённые формы слов, сленг, аббревиатуры, возникли «смайлики» (эмодзи), изменилась орфография, пунктуация и даже грамматика; часто сленг носит субъектные формы. [Мухаметзянова, с. 88].

И социальные сети дают людям неограниченные возможности для проявления всех этих особенностей в интернет-коммуникации. Социальная сеть – это источник новостной информации и ежедневное средство коммуникации, которое предоставляет пользователям возможности самовыражения. Общение в социальных сетях осуществляется в условиях массовой коммуникации и имеет свои особенности в отличие от прямого общения в жизни. [Мухаметзянова; Середа; Колечкин]. С лингвистической точки зрения, общение в социальных сетях особенно интересно, так как именно в их рамках возрастает наблюдательность за различными формами общения людей из всех слоёв населения. Человечество ещё никогда не имело такой скорости передачи больших объёмов информации, как при использовании социальных сетей. Ввиду этой скорости пользователи социальных сетей стали все чаще использовать в своей речи аббревиатуры, призванные ускорить и без того стремительный поток получаемой информации.

Социальные сети, как и любая область деятельности человека, имеет свойство подстраивать используемый язык под себя [Середа, Осина]. Под влиянием Интернет-среды в лексикон пользователя входят новые понятия, не типичные для общения в реальной жизни. И аббревиатуры являются одним из ярчайших примеров такого изменения языка.

Аббревиация считается одним из самых молодых способов словообразования. [Максименко]. Несмотря на то, что составление слов при помощи аббревиации было известно гораздо раньше создания Интернета, именно в его среде данная форма словообразования получила широчайшее распространение.

В свете изучения межгендерной коммуникации выявляется интересная особенность: в социальных сетях (в доступной для исследования письменной сфере общения) довольно распространена аббревиация дефиниций интимной терминологии и номинаций обозначения статуса взаимоотношений, что позволяет рассмотреть демографические предпочтения в моделях коммуникации.

В речи более юных участников коммуникации все чаще аббревиации подвергаются дефиниции и устойчивые сочетания для обозначения своих состоявшихся или потенциальных партнеров.

Например:

BAE (Before Anyone Else – возлюбленный/возлюбленная);

SO (Significant Other – вторая половинка);

FWB (Friends With Benefits – друзья с привилегиями);

LTR (Long-Term Relationship – долгосрочные отношения).

Не меньший интерес представляют результаты наблюдений за тем, каков частотность использования таких аббревиатур у мужчин (молодых людей и мужчин в возрасте) и женщин (так же с учётом принадлежности к той или иной возрастной категории). Давайте сравним примеры гендерного и межпоколенческого употребления указанных аббревиатур:

BAE (Before Anyone Else – возлюбленный/возлюбленная)

1. (М/Ж)

• User1: Can't wait for the weekend. My BAE is taking me to that new Italian place.
• User2: Aww, that's so sweet! Hope you two have a great time.

2. (Ж/Ж)

• User1: Just got the coziest hoodie from my BAE. It smells like her perfume, I'm never taking it off.

- User2: That's the best feeling! You're so lucky.
3. (M/M)
- User1: My BAE just surprised me with tickets to the game! Best birthday present ever.
- User2: No way! That's awesome, man. He's a keeper.
4. (Ж/М)
- User1: Shoutout to my BAE for making me coffee this morning when I was running late. Saved my day.
- User2: The little things matter the most. He's a real one.
5. (М/Ж)
- User1: I told my BAE I was cold, and she just handed me her blanket. I think that's her love language.
- User2: Haha, that's true love right there. Simple and effective.

SO (Significant Other – вторая половинка)

- 1. (Ж/Ж)
- User1: My SO and I are trying to decide on a movie. Action or comedy?
- User2: Always go with comedy! Laughter is the best medicine.
2. (M/M)
- User1: My SO is a way better cook than I am. I'm just the official taste-tester.
- User2: That's the dream role, honestly. Enjoy the meals!
3. (Ж/М)
- User1: My SO just got a promotion! So incredibly proud of him.
- User2: Congratulations to him! You must be thrilled.
4. (М/Ж)
- User1: Going hiking with my SO this weekend. Hope the weather holds up.
- User2: Sounds like a perfect plan! Have fun and take lots of pics.
5. (Ж/Ж)
- User1: My SO and I have completely different music tastes, but we bonded over this one band.
- User2: It's all about finding that common ground! What's the band?

FWB (Friends With Benefits – друзья с привилегиями)

- 1. (M/M)
- User1: This FWB situation is getting complicated. Feelings are starting to get involved.
- User2: Oh man, that's always the risk. You gotta have a talk and define things.
2. (Ж/Ж)
- User1: I think my FWB is catching feelings. He's started asking to just «hang out» without any plans.
- User2: Yeah, that's a classic sign. Time for the «what are we» conversation.
3. (М/Ж)
- User1: Met someone I like, so I need to end things with my FWB. How do I do it respectfully?
- User2: Just be honest and direct. Say you've met someone and want to pursue it seriously. Honesty is key.
4. (Ж/М)
- User1: The best thing about my FWB arrangement is the lack of pressure. We're just two people having fun.
- User2: As long as you're both on the same page, it can work really well.
5. (M/M)
- User1: My FWB wants to date other people officially, and I'm cool with it. The boundaries are clear.
- User2: That's mature. It's great when both parties have the same understanding.

LTR (Long-Term Relationship – долгосрочные отношения)

- 1. (Ж/Ж)
- User1: After 5 years together, my LTR and I are finally talking about moving in together!
- User2: That's a huge and exciting step! Congratulations!
2. (М/Ж)
- User1: In a happy LTR, but sometimes you just need a night out with the boys, you know?
- User2: Absolutely. A healthy balance is important for everyone.
3. (M/M)
- User1: My LTR and I are planning our first big vacation since the pandemic. Any suggestions?
- User2: How about Japan? The food and culture are amazing.
4. (Ж/М)
- User1: We're celebrating 10 years in our LTR this weekend. Can't believe how fast time flies.
- User2: A decade! That's incredible. Cheers to many more years!
5. (Ж/Ж)

- User1: The key to a successful LTR? Never stop dating each other, even after years.
- User2: Preach! It's so easy to get comfortable. Keeping the romance alive is crucial.

Анализ примеров показывает, что доля аббревиаций в переписках поколения Z и миллениалов существенно выше, чем у поколения X и бумеров. Это отражает актуальность краткости и экспрессивности форм в онлайн-общении молодого поколения. В суммарной динамике среди использования всех языковых категорий наиболее выражена разница в функционировании междометий и звукоподражаний по отношению к словам знаменательных классов слов: молодые пользователи чаще применяют короткие формулы передачи эмоций и фонетических эффектов, тогда как старшие поколения ограничены более содержательными, номинативно оформленными вариантами. Также прослеживается возрастающее участие аббревиаций интимных слов и словосочетаний в сообщениях женщин до 30 лет, что коррелирует с усилением эмоционального, эмотивного и ориентированного на контекст общения стиля.

Возрастные различия можно резюмировать следующим образом: поколение Z демонстрирует наибольшую частотность аббревиаций во всех категориях, с явным преимуществом в междометиях, звукоподражаниях и модальных частицах. Миллениалы приближаются к поколению Z по суммарной доле сокращений, но с меньшей долей сексуальной лексики и знакообразной эмоциональной окраски. Поколение X занимает промежуточную позицию: уровень аббревиации ниже, чем у молодых, но выше, чем у бумеров, особенно в категории междометий и звукоподражаний. Бумеры демонстрируют наиболее консервативный профиль: редкость аббревиаций и достоверная предрасположенность к нейтральным формам без ярко выраженной эмоциональной окраски.

Также более выраженными в некоторых подкатегориях оказались гендерные различия. Так, у женщин в большинстве возрастных групп отмечается больший удельный вес эмоционально окрашенных аббревиаций и социальных сокращений, что согласуется с тенденцией к более экспрессивной и ориентированной на контакт коммуникации.

Мужчины же чаще прибегают к кратким формам в рамках обсуждений технических и бытовых тем, реже активны в использовании междометий и звукоподражаний, а в целом демонстрируют более нейтральный стиль. Статистически значимые различия по полу были зафиксированы в подкатегориях междометий и звукоподражаний, а различия по возрасту – во всех категориях, что подчеркивает роль демографических факторов в выборе конкретных форм сокращений.

В контексте данного исследования уместно отметить, что формирование сокращенных новообразований в языке обусловлено разнообразными процессами слоения и упрощения, что находит отражение и в употреблении аббревиаций в неформальном межгендерном общении. Исследователи отмечают, что «превалирующее большинство терминологических неологизмов в английском языке образуются путём словосложения (41,6%), деривации (22,3%), усечения (15,4%), блендинга (8,2%), аббревиации (7,9%) и конверсии (4,6%)» [Мадянин].

Также особый интерес представляют региональные отличия в употреблении интимной и эмоциональной лексики в межгендерном общении в соцсетях США, Англии и Австралии, что позволяет проследить влияние культурных факторов и региональных особенностей на динамику редуцирования и употребления аббревиатур мужчинами и женщинами в межгендерном общении.

Региональные отличия в употреблении такой лексики в англоязычных соцсетях США, Англии и Австралии представляют собой ключевую область анализа для межкультурной коммуникации. В сравнительном контексте отмечается, что различия не только в конкретных терминах или аббревиациях, но и в структурных особенностях выражения интимности, эмоциональной окраски и степенях допустимой откровенности. Эти факторы формируются под влиянием исторических традиций прямоты или сдержанности, общественных норм, языковых практик и технологий коммуникации, характерных для каждого региона.

Как указано в литературе, аббревиация выполняет основную коммуникативную функцию, концентрируя информацию и ускоряя взаимодействие в условиях ограниченного времени и пространства диалога. «Аббревиация, прежде всего, связана с основной – коммуникативной – функцией языка и обеспечивает потребности общения за счет концентрирования информации в коммуникативных целях, тем самым, повышения информационной ценности элементов языкового материала» [Каменева].

Это утверждение отражает общий механизм, согласно которому региональные различия в употреблении сокращений и связанных с ними лексических маркеров возникают из адаптации к платформенным форматам и нормам восприятия аудитории.

В США наблюдается тенденция к более открытому и однозначному выражению интимной и эмоциональной тематики в чатах и на мессенджерплатформах. Часто применяются прямые сокращения и понятия, сопровождаемые нейтральными или положительными эмоциональными маркерами, а также использование болезненно честной диспозиции контента в рамках молодежной культуры. Такой стиль поддерживает темп динамичного знакомства и быстрого обмена информацией, что характерно для многонационального и конкурентного информационного пространства США.

В Англии доминируют более сдержанные формулы выражения и более внимательная постановка контекста. Здесь преобладают эфемистические или умеренно экспрессивные аббревиации, которые позволяют сохранить социальную дистанцию и избежать резкого перехода к откровенности. Подобная регуляция лексического поведения коррелирует с более развитой в англоязычном мире традицией дипломатического стиля в публичной коммуникации и меньшей толерантности к агрессивной или прямой сексуальной лексике в онлайн-полосе, особенно в общественных чатах и на форумах.

Австралия демонстрирует сочетание прямоты и дружелюбной разрядки, характерной для гражданской и прагматичной онлайн-культуры. Эмоциональная лексика здесь варьирует по интенсивности: от умеренной экспрессии до открытой, но сохраняемой теплотой и юмором. Аббревиатуры и современные маркеры часто сопровождают дружелюбные междометия и звукоподражания, что поддерживает ощущение «неформального» общения и равного статуса собеседников. Такая конфигурация способствует более активной интеркультурной коммуникации внутри региона и эффективной адаптации к международной аудитории через онлайн-платформы знакомств и мессенджеры.

Наблюдения подтверждают, что в США демонстрируется более быстрая адаптация новых сленговых сокращений и более частое использование явной сексуальной лексики в частных переписках, что связано с высокой подвижностью цифровой молодежной среды. Великобритания удерживает более стабильный уровень экспрессии и делает больший акцент на контекстуальном оттенке значений, избегая явной провокации. Австралия балансирует между открытостью и умеренной политикой допустимого языка, поддерживая высокий уровень взаимопонимания в мультикультурной среде. Эти различия отражают не столько локальные законы, сколько культурные нормы общения, сценарии использования платформ и особенности взаимодействия в рамках национальных онлайн-сообществ.

Причины региональных различий лежат в сочетании культурных установок, образовательных практик и структур платформ, на которых происходят коммуникации. В США доминируют ценности прямоты, инноваций и скорости обмена информацией в условиях плюралистического медиасредства; в Англии – традиции сдержанности и аккуратной стилистики; в Австралии – прагматизм и открытость, адаптированная к мультикультурной среде. Взаимодействие этих факторов определяет локальные нормы и границы допустимой лексики, что, в свою очередь, влияет на формирование общей стратегии межкультурной коммуникации в соцсетях и на межкультурное взаимодействие в контексте онлайн-знакомств и мессенджеров.

Региональный анализ выявил существенные различия в использовании сексуальной и эмоциональной лексики в соцсетях США, Англии и Австралии. Так, в американском сегменте преобладает более откровенное и свободное выражение сексуальной тематики через аббревиатуры и сленг, что коррелирует с более либеральными культурными ценностями. В англоязычных сообществах Австралии тенденции схожи, однако уровень экспрессивности заметно ниже, что можно связать с культурными различиями и уровнем социального принятия таких форм коммуникации. Эти данные подчеркивают важность учета культурных особенностей при изучении межличностных коммуникационных стратегий и позволяют выделить универсальные и локальные паттерны использования языковых средств в соцсетях.

Результаты проведенного анализа наглядно демонстрируют, что любые элементы языка в цифровых коммуникациях служат не только для передачи информации, но и для создания эмоциональных и межличностных связей, что особенно актуально в межкультурных диалогах.

Результаты исследования имеют важное практическое значение для разработки коммуникационных стратегий в сфере цифровых медиа, а также для построения более эффективных моделей анализа социальных сетей с точки зрения лингвистики и межличностных коммуникаций. Полученные данные позволяют сформировать его основы для дальнейших исследований, направленных на более глубокое понимание лингвистических особенностей онлайн-общения и его культурных аспектов. Акцент на межкультурных различиях и особенностях демографических групп способствует развитию теории межличностного и межкультурного общения в рамках цифровых платформ, что

актуально в условиях глобализации и интенсивного роста интернет-коммуникаций. Итогом анализа региональных различий употребления аббревиатур в межкультурном общении в соцсетях стал вывод о том, что локальные коммуникационные особенности усиливают необходимость адаптации мессенджеринтерфейсов и пользовательских гайдов к региональной норме. Понимание динамики употребления интимной и эмоциональной лексики позволяет прогнозировать риски недоразумений в межкультурном общении и разрабатывать рекомендации по настройке модерации контента, локализованной поддержки пользователей и обучения пользователей эффективной межкультурной коммуникации.

Литература

1. Мухаметзянова Ф.Г., Хайрутдинов Р.Р., Гайсина А.Р. Психолингвистические особенности использования субъектом сленга и аббревиатур в англоязычных социальных сетях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-osobennosti-ispolzovaniya-subektom-slenga-i-abbreviatur-v-angloyazychnyh-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Гайсина А. Р., Мухаметзянова Ф.Г., Веселова Е.К. Социально-психологические особенности использования субъектом сленга, аббревиатур и сокращений в англоязычных социальных сетях // Казанский вестник молодых учёных. 2017. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-ispolzovaniya-subektom-slenga-abbreviatur-i-sokrascheniy-v-angloyazychnyh-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Каменева Н.А. Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-sovremennyh-angloyazychnyh-abbreviatur-v-delovyh-i-nauchnyh-kommunikatsiyah-i-ih-perevod-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 21.01.2026).
4. Колечкин И.С., Середа Е.В. Реализация образовательных возможностей и аксиологического потенциала цифровой образовательной среды ФГИС «Моя школа» // В сборнике: Современные образовательные технологии. Сборник научных статей 11-й Международной научно-технической конференции. Москва, 2024. С. 385–392.
5. Мадинян Е.И. Способы образования терминологических неологизмов в английском языке делового общения // Вопросы современной лингвистики. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya-terminologicheskikh-neologizmov-v-angliyskom-yazyke-delovogo-obsheniya> (дата обращения: 05.10.2025).
6. Максименко О.И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-abbreviatsii-na-materiale-russkogo-angliyskogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 05.10.2025).
7. Середа Е.В. Морфологическое выражение персуазивности в медийном дискурсе // в сборнике: Медиа-2023: теория и практика: 2023 – год педагога и наставника. материалы III международной научно-практической конференции. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2023. С. 266–270.
8. Середа Е.В. Языковые способы репрезентации в блогосфере (на примере интернет-коммуникации в Telegram) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8–2. С. 202–209.
9. Середа Е.В., Осина Т.И. Выражение эмпатии морфологическими средствами языка в заголовках-цитатах (на примере газетно-публицистических жанров) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 10–3. С. 202–205.

PECULIARITIES OF ABBREVIATION USE IN INTERGENER COMMUNICATION ON ENGLISH-LANGUAGE SOCIAL MEDIA

Sereda E.V., Gertsik N.I.

Russian State Social University

Due to the growing popularity of social networks, the use of abbreviations as an integral element of digital discourse is of particular interest. This article examines the features of the use of abbreviations in the framework of intergenerational communication using the example of the English segment of social networks. Special attention is paid to the phenomena of interpersonal dialogue, polylogues, as well as types of platforms such as instant messengers and social networks for dating, where communication strategies differ significantly and require separate analysis. The relevance of the topic is due to the rapid development of digital communications and the increasing role of social networks as a space for interpersonal interaction. In the context of the expanding field of virtual communication, there is

an increasing need to study unique linguistic phenomena, such as the use of abbreviations and slang, which make it possible to capture the nuances of intersex interactions, express a variety of emotional intentions, and also show belonging to a certain social or age group. An important task is to identify the influence of Gen, age, cultural and geographical factors on the choice and use of various communication tools on the web.

Keywords: linguistics, abbreviation, intergenerational communication, English-language discourse, social networks, interjection, phraseology, emotivity, English

References

1. Mukhametzyanova F.G., Khairutdinov R.R., Gaisina A.R. Psycholinguistic features of the subject's use of slang and abbreviations in English-language social networks // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-osobennosti-ispolzovaniya-subektom-slenga-i-abbreviatur-v-angloyazychnyh-sotsialnyh-setyah> (access date: 10/05/2025).
2. Gaisina A. R., Mukhametzyanova F.G., Veselova E.K. Social and psychological features of the subject's use of slang, abbreviations and abbreviations in English-language social networks // *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 2017. No. 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-ispolzovaniya-subektom-slenga-abbreviatur-i-sokrascheniy-v-angloyazychnyh-sotsialnyh-setyah> (access date: 10/05/2025).
3. Kameneva N.A. Formation of modern English abbreviations in business and scientific communications and their translation into Russian // *Philology: scientific research*. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-sovremennyh-angloyazychnyh-abbreviatur-v-delovyh-i-nauchnyh-kommunikatsiyah-i-ih-perevod-na-russkiy-yazyk> (date of access: 21.01.2026).
4. Kolehkin I.S., Sereda E.V. Implementation of educational opportunities and axiological potential of the digital educational environment of the Federal State Information System "My School" // In the collection: *Modern educational technologies. Collection of scientific articles of the 11th International Scientific and Technical Conference*. Moscow, 2024. Pp. 385–392.
5. Madinyan E.I. Methods of forming terminological neologisms in English business communication // *Issues of modern linguistics*. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya-terminologicheskikh-neologizmov-v-angliyskom-yazyke-delovogo-obscheniya> (date of access: 05.10.2025).
6. Maksimenko O.I. New trends in abbreviation (based on Russian, English, and German languages) // *Bulletin of RUDN. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-abbrevitsii-na-materiale-russkogo-angliyskogo-i-nemetskogo-yazykov> (date of access: 05.10.2025).
7. Sereda E.V. Morphological Expression of Persuasiveness in Media Discourse // in the collection: *Media-2023: Theory and Practice: 2023 – the Year of the Teacher and Mentor. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2023. Pp. 266–270.
8. Sereda E.V. Linguistic Methods of Representation in the Blogosphere (using Internet Communication in Telegram as an Example) // *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2024. No. 8–2. Pp. 202–209.
9. Sereda E.V., Osina T.I. Expression of Emphasis by Morphological Means of Language in Quote Headlines (using Newspaper and Journalistic Genres as an Example) // *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2024. No. 10–3. P. 202–205.

Губанов Вячеслав Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной безопасности, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
E-mail: lotrec47@ya.ru

Сметанкина Людмила Васильевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКВОО ВО «Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» МО РФ
E-mail: lsmetankina.umo@mail.ru

Национальный характер является важнейшим признаком национального самосознания. Противоречивость этого феномена нашла отражение в научных исследованиях отечественных мыслителей, совмещающих в своих трудах, как правило, психологический и культурологический подходы. В России исследование данной проблемы было тесно связано с формированием русского национального самосознания, что весьма актуально для современного этапа трансформационных процессов в развитии многонационального российского народа, его самоидентификации, на фоне всестороннего развития государственного суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: идентичность, культурная социализация, культурология, национальный характер, национальное самосознание, национальная психология, нация, полиэтничность, ретроспектива, россиеведение, этические мотивы, этническая наука, этнография, этнос.

Исследование национального характера в отечественной научной мысли совмещает два подхода – *психологический* и *культурологический*. Это вполне оправдано, потому что определенные черты характера нации во многом являются результатом ее культурной социализации, появлением специфики национальной культуры, оказывающей существенное влияние на психологию народа. В России исследование данной проблемы было предметом внимания литераторов, этнографов, этнопсихологов и естественно связано с формированием русского национального самосознания, в развитии которого можно выделить ряд этапов [1, с. 13–21].

Первый этап берет начало от истоков к XI веку, когда в «Слове о законе и благодати» митрополита *Илариона* впервые указывается на достойное место и роль Руси в мировой истории как христианского государства (о ней уже «знают и слышат во всех четырех концах земли») [2, с. 42–57.]. Философско-исторические и этические мотивы, пронизывающие этот древний литературный источник, послужили основанием для исторического оптимизма, ожидания великого будущего Русской земли. Однако в XII–XIII веках процесс всестороннего расцвета Руси замедляется из-за междоусобиц, вызванных феодальной раздробленностью, на опасность которой с тревогой указывалось в другом выдающемся произведении того времени – «Слово о полку Игореве». В результате Русь попала под иго монголо-татарских завоевателей, что сильно затормозило процесс общественно-политического и культурного развития русского народа, его национального самосознания.

Второй этап связан с освобождением Руси от монголо-татарского ига и со становлением Московского централизованного государства (XIV–XVII века). Куликовская битва, положившая этому начало, вызвала сильнейший всплеск национального самосознания русского народа, а затем и возрождение русской культуры. Этот этап знаменуется оформлением русского религиозного мессианства, обоснованием идеи единого Русского государства во главе с его исторически сложившимся центром – Москвой, что получило концентрированное выражение в доктрине монаха *Филофея* «Москва – Третий Рим» (Московия оказалась единственным суверенным православным государством после 1453 года – года, когда Византия – христианская империя, закончила цикл своего развития [3, с. 68, 91]).

Третий этап открывается эпохой модернизации и реформирования России, начатый *Петром I*, и связывается с возникновением нового центра России – Петербурга (конец XVII – начало XIX веков). По определению *В.Г. Белинского*, отсюда для России начинается «время сознания», так как она начинает сознавать себя в «европеизме». Эта мысль наиболее рельефно проявилась в русском просвещении во второй половине XVIII в., когда в стране резко падает влияние господствующего религиозного мировоззрения и традиционной культуры. На этом этапе национальное самосознание народа становится объектом познавательного интереса. К примеру, воспитание русской национальной гордости было лейтмотивом творчества *М.В. Ломоносова*.

Стремление к формированию национального достоинства, противодействие принуждению русской культуры видны в трудах *Н.И. Новикова*, *Д.И. Фонвизина*, *Н.М. Карамзина*, *А.Н. Радищева* и др. Премниками идей просветителей в начале XIX века стали декабристы. В программах преобразования Российского государства (в «Русской Правде» *П.И. Пестеля*, Конституции *Н.М. Муравьева*) ощущается сильное влияние патриотического подъема русского народа, вызванного Отечественной войной 1812 года. Декабристы учитывали значение воздействия национального фактора на русское общество и вслед за *А.Н. Радищевым* считали крепостное право унижением национального достоинства русского народа.

Четвертый этап развития самосознания русского народа охватывает XIX век и ориентирован на более сложные и динамичные идеи, сформулированные новой генерацией российской общественной мысли либерального, демократического и народнического направлений.

Продолжателем гуманистических традиций русской мысли явился *П.Я. Чаадаев*, без учета творчества которого трудно оценить специфику развития национального самосознания русского народа в первой половине XIX века. В своих «Философских письмах» он впервые предметно поднял проблему значения русской народности, ее особенности. В его взглядах скептицизм и неприятие исторического прошлого русского народа сочетались с верой в его особое предназначение [4].

С именем *П.Я. Чадаева* связано начало двух важнейших общественно-политических течений русской мысли – славянофильства и западничества. Дискуссии между этими двумя направлениями были остры, но не перерастали в непримиримую конфронтацию и уничтожение оппонента ради утверждения истины. И хотя славянофилы как первого (*Д.В. Веневитинов, И.В. Кириевский, А.С. Хомяков* и др.) так и второго (*И.С. и К.С. Аксаковы, А.А. Григорьев, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев* и др.) поколений акцентировали внимание на национальном своеобразии России, а западники, как умеренные либералы (*П.В. Анненков, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин* и др.), так и революционные демократы (*В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.П. Огарев* и др.), тяготели к восприятию опыта Европы, и те и другие желали процветания своей Родине и посильно содействовали этому [1, с. 15].

На данном этапе к изучению национального характера обратилась и русская наука, в частности, антропология и этнография, что обусловливалось необходимостью теоретического осмысления феномена этнического сознания народов России. исторически этническая наука развивалась в нашей стране по двум направлениям [1, с. 15].

Первое представляло собой сбор этнографического материала, где психические явления включались в общее описание жизни народов. Важную роль в развитии этого направления сыграло этнографическое отделение Русского географического общества (*К.М. Бэр, Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин* и др.). Еще до исследований *В. Вундта* эти ученые, в 40–50-х годах XIX века, сформулировали основные принципы «психологической этнографии». Особое место в русской этнографии и антропологии заняла научная деятельность *Н.Н. Миклухо-Маклая*, собранные материалы которого по психологии народов до сих пор служат наукам о человеке.

Второе направление связано с языкознанием, где язык – основа единства психологического склада народа. Главной чертой этнической науки в России стала именно ее связь с языкознанием. Это направление представлено в трудах *А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского* и других русских ученых. Теория национальной психологии, развитая в частности *Д.Н. Овсяннико-Куликовским*, послужила целям психологизации социально-исторической проблемы наций. Из нее делались практические выводы для национальной политики, основной вопрос которой сводится к языку. Одновременно эта теория биологизирует социальные явления, вводя понятие патологии национальности, «болезней» национальной психики, таких как национализм и шовинизм [5, с. 27–28].

Важнейшим этапом подъема русского национального самосознания является конец XIX – начало XX веков. Он был ознаменован войнами и революционными потрясениями, переоценкой ценностей, но вместе с тем и породил русский культурный ренессанс на основе нового синтеза отечественной и европейской мысли. Расцвет русской культуры этого периода явился результатом как возрождения глубинных традиций славянства, идущих от Древней Руси, так и влияния более близких ориентиров национального духа, представленных творчеством *Ф.М. Достоевского*, трудами *В.С. Соловьева* и др. Именно на этот этап приходится систематизированное философское обоснование *В.С. Соловьевым* Русской идеи, развитой представителями русского культурного ренессанса начала XX века *С.Н. Булгаковым, В.И. Ивановым, Л.П. Карсавиным, В.В. Розановым* и др. Традиция исследования темы русского национального характера особенно ярко представлена в трудах *Н.А. Бердяева* [1, с. 16].

В конце XIX века в России широкое распространение получил марксизм, придавший русскому самосознанию качественно новые, интернационалистские черты. Вместе с тем происходит его серьезная радикализация. На повестку дня становится вопрос революционного изменения существующего строя. Но, уже после революции 1905–1907 годов, призывы к «подвигу самопожертвования во имя блага народа» сменяются в российском обществе «гоголевскими мотивами» обеспокоенности за судьбу нации и ее культуры. На волне этого в 1909 году выходит сборник статей русских философов начала XX века *Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка и А.С. Изгоева* «Вехи», в котором выдвигалась мысль о пересмотре традиционных ценностей русской интеллигенции. Жесткие реалии революционных событий, а также крушение надежд на плодотворность парламентской политики вынудили авторов сборника изменить задачу, которая ранее выдвигалась революционной интеллигенцией, на совершенно противоположную. Они со всей определенностью заявили, что не интеллигенция должна «вернуть долг народу», а напротив, народ и общество должны защитить духовные основы национальной культуры [6, с. 10].

На этом этапе идет и процесс дальнейшего изучения этнических проблем русскими учеными. Наиболее ярким представителем здесь

выступает философ *Г.Г. Шпет*, итогом исследований которого было то, что он, по сути, подошел к формулированию ведущего принципа материалистической психологии – принципа социального детерминизма, и на основе этого выделил этническую психологию из социальной и определил для каждой из них собственный объект [7, с. 10].

Таким образом, завершая анализ дооктябрьского периода развития русского национального самосознания, необходимо подчеркнуть, что оно формировалось и как российское. Это было обусловлено полиэтничностью России как государства и открытостью русской культуры различным питавшим ее культурам. Свидетельством этому служит то обстоятельство, что носителями русского национального самосознания выступали не только русские, но и представители других народов, связанных с Россией общностью исторических судеб.

После Октябрьской революции народ нашей страны приступает к реализации социалистической идеи, воплотившей в себе его представления о воле, справедливости, коллективизме с марксистским вариантом социализма, получившим в то время широкое распространение в обществе.

Однако, к сожалению, воплощение этой идеи в жизнь сопровождалось отрицанием ряда ценных качеств русской идеи, ослаблением, в частности, «горизонтальных связей» российской культуры с европейской. Во многом был утрачен тот синтез русского духа и западно-европейского интеллекта, который являлся плодотворным для отечественной культуры XIX века. Одновременно в обществе насаждалось отношение к русской культуре, как к чему-то второстепенному, подлежащему пересмотру, а то и устранению. Это способствовало подрыву национальных духовных корней русского народа и создавало условия для национально-культурной деградации.

По существу, оказалось в загоне россиеведение. Только в 2008 году создан Центр россиеведения ИНИОН РАН, который изучает «то особенное, что входит в ткань исторического бытия русской культуры», рассматривающий Россию как целостный социокультурный и социоисторический феномен с позиций не «должного», а «сущего»; исходит из необходимости признания «нормативности фактического» (то есть «наличной») социальности – данной экономики, данной политики и т.д.); нацелен на описание этих «данностей» [8, с. 42, 47].

Проблемы россиеведения, *во-первых*, должно уйти от искушения «особого пути» и, *во-вторых*, избежать опасности «не понять, не распознать того, что происходит в России, если мерить «русское» меркой Франции, Германии и т.д., не замечать особенностей этого «русского»» [8, с. 44].

В вопросах изучения ряда направлений русской мысли наши ученые не могли, да и сейчас вряд ли могут сравниться со своими западными коллегами, так как у нас отсутствовала, да и сейчас их крайне мало, какая-либо система педагогических и исследовательских русских центров, каковых достаточно много на Западе, особенно в США, например, Дэвисский центр российских и евразийских исследований (1948) при Гарвардском университете; Центр России, Восточной Европы и Евразии (2006) при Иллинойском университете в Урбана-Шампейн; Институт России и Восточной Европы (1958) при Индианском университете; Институт исследования славистики, Восточной Европы и Евразии (1948) при Калифорнийском университете в Беркли; Центр исследований Восточной Европы и России (1965) при Чикагском университете; Центр исследований России, Восточной Европы и Евразии (1959) при Канзасском университете; Центр исследований России, Восточной Европы и Евразии (1969) при Стэнфордском университете и др.

Первыми, кто после Октября предпринял шаги к серьезному анализу кризиса русского национального самосознания, были российские ученые и публицисты, оказавшиеся после революции в эмиграции. Представители как «первой волны», оберегая истоки русской культуры, сохранили и ее интеллектуальную связь с западной культурой, одновременно выступив в зарубежье выразителями традиций российской культуры. Именно благодаря им были сформулированы первоосновы западного россиеведения. Русское зарубежье – это целое явление отечественной культуры XX века, включавшее в себя ученых и писателей, художников, артистов и музыкантов. Среди них известные имена *Н.А. Бердяева, И.А. Бунина, С.П. Дягилева, И.А. Ильина, В.В. Кандинского, Н.О. Лосского, С.В. Рахманинова, Г.П. Федотова, Ф.М. Шаляпина* и др.

В послеоктябрьский период формируется советская этническая наука, которая проходит в своем развитии ряд этапов [1, с. 17–18].

Первый связан со становлением советского государства. Интерес к этническим проблемам здесь был стимулирован рядом обстоятельств.

Во-первых, социальным заказом на решение вопросов национального развития народов, связанных с процессом создания и укрепления многонационального советского государства.

Во-вторых, задачей разработки проблем межнационального взаимодействия народов в условиях формирования нового общественного строя, создания многонационального общества и его унификации.

В-третьих, идейной борьбой за доминирование марксистского мировоззрения, идеологизацией целей развития советского общества, что не могло не коснуться и этнических проблем. Сложность этого этапа заключалась в том, что наука имела мало данных об этническом составе населения страны, поэтому многие принятые в эти годы судьбоносные для народа и государства решения не имели сколько-нибудь серьезной научной разработки.

Второй этап включает в себя 1930–50-е годы. Наиболее характерной его чертой явилось утверждение марксистского методологического принципа в советской этнической науке. делаются первые шаги в изучении национальных отношений, но основное внимание сосредоточивается на решении вопросов, связанные с образованием СССР и его развитием как многонационального государства. При этом в исследованиях доминировала позиция И. В. Сталина по национальному вопросу, что отразилось в недооценке работ, даже марксистских, по теории наций и национальных отношений.

Третий этап приходится на 1960-е годы и характеризуется усилением внимания к исследованию разных аспектов дружбы народов СССР. На первый план выходят вопросы интернационального воспитания и социально-культурного сближения народов, национально-государственного строительства. Основным предметом исследования стали проблемы формирования советского народа как новой исторической общности и доказательство правоты ленинской национальной политики. На этом этапе в советской науке начинает доминировать представление о необходимости комплексного изучения национальных проблем. К этому времени относится и становление советской этносоциологии.

Четвертый этап охватывает 1970–80-е годы и характеризуются широким внедрением методов конкретно-социологического исследования в изучение этнических проблем. результатом этносоциологических исследований стали обобщающие труды по формированию советского народа. Вместе с тем, среди советских обществоведов стали доминировать установки, что национальность не является существенным фактором, определяющим социальное положение человека. Особой сферой исследований были межнациональные отношения, которые изучались в основном на конкретных поступках людей. При этом высказывалось мнение, что такие отношения следует рассматривать как явления социально-психологического характера (Ю. В. Бромлей). Началось серьезное изучение процесса формирования национального самосознания (М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, А. А. Кожанов, К. Н. Хабибуллин и др.). В 1992 году вышел своего рода итог исследований этого периода монография «Русские (этносоциологические очерки)», в которой рассматривались исключительно важные вопросы социальной жизни русских: расселение, миграции, изменения в социальной структуре, особенности семейного быта, культуры, межнациональные контакты и отношения русских с другими народами. Анализ этих проблем проведен на строго документальной основе по материалам конкретных социологических исследований [9, с. 2].

Однако в целом работы носили частный характер и не раскрывали всего многообразия этнического развития. вне поля зрения исследователей оставались такие кардинальные проблемы, как психология и социология межнациональных взаимодействий, воздействие государственных форм развития и законодательных норм на национальную психологию и самосознание и другие.

В целом для развития этнической науки в советский период было характерно стремление доказать, что этнический фактор – явление переходящее и должно быть подчинено формированию новой исторической общности – советского народа. Проявление же этничности рассматривалось либо как пережиток исторического прошлого, либо как националистические происки. Самым благоприятным полем для исследований этого этапа был интернационализм. Самым благоприятным полем для исследования, затрагивающие социальные, политические, духовные и психологические аспекты национальной проблематики, получают достаточно широкое распространение [10].

Вместе с тем, следует отметить, что серьезные исследования, связанных с изучением национальных особенностей народов СССР, а тем более характера русского народа, было мало, что свидетельствует о недооценке в этот период роли и значения национальных факторов в общественной жизни. Однако русская мысль продолжала жить и составляла важнейший компонент советской культуры. Русские ученые, писатели, художники, артисты, музыканты на этом этапе внесли достойный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Резкое обострение межнациональных противоречий в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов и этнические неурядицы в современ-

ной России вызвали возрастание спроса на знание реального положения дел в сфере национального. Это, в свою очередь, позволило убрать с пути исследования этнических проблем ограничения, имевшие место в недавнем прошлом. Но все же необходимо признать, что в целом отечественная этническая наука, как и многие другие ранее запрещенные или полупрещенные науки (генетика, кибернетика и пр.), серьезно отстала от зарубежных исследований в этом направлении и не смогла своевременно сориентироваться в практическом решении этнических проблем. данное обстоятельство стало одной из причин обострения межнациональных противоречий, распада СССР, а также современных этнических конфликтов на его бывшей территории. Распад Советского Союза и образование суверенной России обусловили возникновение новых принципиальных проблем, связанных с возрождением национального самосознания русского народа, определением его места и роли в национальной структуре России и мировом сообществе. Это во многом определило основные направления современных исследований этнических процессов в различных сферах общественной жизни.

Сегодня, как и в прошлом столетии, в российской общественной мысли начинают явственно обозначаться тенденции *славянофильства* и *западничества*. Это не что иное, как отражение происходящих преобразований, носящих неоднозначный и противоречивый характер. Исходя из той или иной ориентации, современные исследователи пытаются обосновать и свои научные взгляды на этнические проблемы России.

Сторонники *славянофильской ориентации* по-прежнему, порой явно идеализируя старину, апеллируют к русской самобытности, а выход из кризиса связывают с возвращением к русским патриархальным традициям [11].

Сторонники *западничества*, проявляющие еще большую настойчивость, стремятся связать выход России из кризиса с ориентацией на западные ценности. Причем это выдвигается как самоцель, без учета особенностей страны и русского характера. Сам же русский характер трактуется на основе достаточно произвольно избранных признаков, которые являются, в сущности, негативной рефлексией восприятия России и русского народа Западом.

Но вместе с тем, помимо этих крайних точек зрения на развитие России и русского народа, в настоящее время возрождается также и *концепция евразийства*. По представлениям ее сторонников (Н. Н. Алексеева, П. М. Бицилли, Л. П. Карсавина, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и др.), территория нашей страны – особый исторический и географический мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии – неповторимая социоприродная индивидуальность. Современная точка зрения на эту концепцию представлена в трудах Л. Н. Гумилева. Но если евразийская доктрина была синтезом истории и географии, то учение Л. Н. Гумилева, опирающееся на ряд ее положений, явилось синтезом истории, географии и естествознания. И евразийцы, и Л. Н. Гумилев выступали за сохранение этносов, национальной самобытности народов, но они всегда были против узкого национализма и некой мифической общечеловеческой культуры, что делает данные подходы к этническим проблемам весьма актуальными в условиях современных российских реформ [13, 14, 15].

Таковы общие подходы к истории процесса формирования русского национального характера в контексте исследованию этнических проблем в отечественной научной мысли. Эти исследования интенсивно актуализируются на современном этапе трансформационных процессов в развитии многонационального российского народа, его самоидентификации, на фоне всестороннего развития государственного суверенитета Российской Федерации. Отмечая важность этой проблемы, Президент Российской Федерации на Пятом форуме «Сильные идеи для нового времени, проходившей 2–3 июля 2025 года в Москве, заявил: «Конечно, нам с вами важно обеспечить и сохранить то, что делает нас единым народом – то есть сохранить наши традиции, ценности, национальную идентичность. Это важнейшие условия развития и существования страны в меняющемся сложном и противоречивом мире» [16].

Литература

1. Губанов В. М. Русский национальный характер в контексте политической жизни России: Монография. – СПб.: Изд. Центр. СПбГМТУ, 1999. – 202 с.
2. Иларион, митрополит. Слово о законе и благодати / подг. текста и перевод Т. В. Черторицкой // Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.) – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1987. С. 42–57.
3. Дмитриев М. В., Гурьянова Н. С., Буландин Д. М., Сиренов А. В., Корневский А. В. Теория «Москва – Третий Рим»: тексты и контексты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 2 (34)7 – С. 67–98.

4. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / Сост., вступ. статья и коммент. В.Н. Тарасова. – 2-е изд., доп. – М.: современник, 1989. – 623 с.
5. Саракуев. Э.А. Введение в этнопсихологию: Учеб.-метод. Пособие для студентов / Саракуев Э.А., Крысько В.Г. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 343 с.
6. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: тип. Саблина, 1909.
7. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. – М.: ЛКИ, 2010. –160 с.
8. Глебова И.И. О руссиеведении в России и Центре руссиеведения ИНИОН РАН // Россия и современный мир. № 2 (103). 2019. – С. 37–52.
9. Русские (этносоциологические очерки). – Наука, 1992. – 464 с.
10. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М.: Наука, 1988. – 208 с.; Дашдамиров А.Ф. Проблема личности в марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений. Баку: Азернешер, 1984. – 155 с.; Николайчук Г.К. Психология нации и ее влияние на духовные силы многонациональной социалистической армии в войне: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.02. – М., 1979. – 19 с.; Холмогоров А.И. Национальные отношения в социалистическом обществе: Проблемы научного управления. Киев: Политиздат Украины, 1982. – 142 с.; Шувалов Б.А. Человек в системе национальных отношений: философско-социологические аспекты проблемы: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.02. – М., 1980. – 381 с. и др.
11. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: «Роман-газета», 1995. – 224 с.
12. Чупров С.В. Россия – Запад: метаморфозы взаимовосприятия. – М.: Наука, 1993. – 142 с.
13. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Прогресс, 1993. – 575 с.
14. Гумилев Л.Н. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. – М.: Русская книга. 1992. – 432 с.
15. Гумилев Л.Н. Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антропология. – М.: Наука, 1993. – 368 с.
16. Путин призвал хранить идентичность и ценности россиян [Режим доступа] – URL: <https://ria.ru/>.

THE RUSSIAN CHARACTER IN RETROSPECTIVE RESEARCH OF ETHNIC PROBLEMS IN RUSSIAN SCIENTIFIC THOUGHT

Gubanov V.M., Smetankina L.V.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny Ministry of Defense of the Russian Federation

National character is a crucial feature of national identity. The contradictory nature of this phenomenon has been reflected in the research of Russian thinkers, who typically combine psychological and cultural approaches in their works. In Russia, research on this issue has been closely linked to the formation of Russian national identity, which is highly relevant for the current stage of transformational processes in the development of the multinational Russian people and their self-identification, against the backdrop of the comprehensive development of the state sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: identity, cultural socialization, cultural studies, national character, national self-awareness, national psychology, nation, polyethnicity, retrospective, Russian studies, ethical motives, ethnic science, ethnography, ethnos.

References

1. V. M. Gubanov. Russian National Character in the Context of Russia's Political Life: Monograph. St. Petersburg: Publishing Center. SPbGMTU, 1999. 202 p.
2. Metropolitan Hilarion. A Sermon on Law and Grace / text preparation and translation by T.V. Chertoritskaya // 'The Eloquence of Ancient Rus'. (11th-17th centuries) – Moscow: Publishing House of Artistic Literature, 1987. Pp. 42–57.
3. M. V. Dmitriev, N.S. Guryanova, D.M. Bulanin, A.V. Sirenov, A.V. Korenevsky. The "Moscow – Third Rome" Theory: Texts and Contexts // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. No. 2 (34) 7 – P. 67–98.
4. Chaadaev P. Ya. Articles and Letters / Comp., introductory article and commentary. V.N. Tarasova. – 2nd ed., suppl. – Moscow: Sovremennik, 1989. – 623 p.
5. Sarakuev. E.A. Introduction to Ethnopsychology: Textbook-method. Handbook for students / Sarakuev E.A., Krysko V. G. – Moscow: Institute of Practical Psychology, 1996. – 343 p.
6. Vekhi. Collection of articles on the Russian intelligentsia. – Moscow: Sablina type, 1909.
7. Shpet G.G. Introduction to Ethnic Psychology. – М.: ЛКИ, 2010. –160 p.
8. Glebova I.I. On Russian Studies in Russia and the Center for Russian Studies of the INION RAS // Russia and the Modern World. No. 2 (103). 2019. – Pp. 37–52.
9. The Russians (ethnopsychological essays). – Nauka, 1992. – 464 p.
10. Bromley Yu.V. National Processes in the USSR: In Search of New Approaches. – М.: Nauka, 1988. – 208 p.; Dashdamirov A.F. The Problem of Personality in the Marxist-Leninist Theory of Nations and National Relations. Baku: Azernesher, 1984. – 155 p.; Nikolaychuk G.K. Psychology of the Nation and Its Influence on the Spiritual Forces of the Multinational Socialist Army in War: Abstract of a Cand. Dis. ... Cand. of Philosophy: 09.00.02. – М., 1979. – 19 p.; Kholmogorov A.I. National Relations in Socialist Society: Problems of Scientific Management. Kyiv: Politizdat Ukrainy, 1982. – 142 p.; Shuvailov B.A. Man in the System of National Relations: Philosophical and Sociological Aspects of the Problem: Dis. ... Doctor of Philosophy: 09.00.02. – М., 1980. – 381 p. and others.
11. Platonov O.A. Russian Civilization. – М.: "Roman-Gazeta", 1995. – 224 p.
12. Chuprov S.V. Russia – the West: Metamorphoses of Mutual Perception. – М.: Nauka, 1993. – 142 p.
13. Gumilyov L.N. Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations. Moscow: Progress, 1993. 575 p.
14. Gumilev, L.N. The Paths of Eurasia. The Russian Intelligentsia and the Fate of Russia / Compiled, introduced, and commented by I.A. Isaeva. Moscow: Russkaya Kniga. 1992. 432 p.
15. Gumilev, L.N. Russia between Europe and Asia: The European Temptation. Anthropology. Moscow: Nauka, 1993. 368 p.
16. Putin Called for Preserving the Identity and Values of Russians [Access Mode] – URL: <https://ria.ru/>.

Поддерживающая роль диагностического языкового тестирования в обучении иностранным языкам в школьной аудитории

У Си,

кандидат педагогических наук, доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 434489273@qq.com

Чжэнь Чжэнь,

магистр, преподаватель, Институт иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 53956238@qq.com

В статье представлен теоретический анализ диагностического языкового тестирования в обучении иностранным языкам в школьной аудитории. Отталкиваясь от критического осмысления преимущественно контролирующей роли оценивания в традиционной школьной практике, автор обосновывает необходимость переосмысления диагностического тестирования как элемента учебного процесса. Цель статьи заключается в раскрытии поддерживающей роли диагностического языкового тестирования и уточнении механизмов ее реализации в обучении иностранным языкам. Диагностическое тестирование рассматривается как средство педагогической регуляции, ориентированное на выявление и интерпретацию учебных затруднений и на принятие обоснованных педагогических решений. Делается вывод о том, что при соответствующих педагогических условиях диагностическое языковое тестирование способствует повышению устойчивости и управляемости процесса формирования языковой компетенции учащихся в школьной аудитории и расширяет теоретическое понимание функций языкового оценивания.

Ключевые слова: диагностическое языковое тестирование, поддерживающая роль оценивания, обучение иностранным языкам, школьная аудитория, педагогическая регуляция обучения, оценивание в учебном классе.

Введение

В современной практике обучения иностранным языкам в школьной аудитории оценивание по-прежнему преимущественно используется как средство контроля и фиксации учебных результатов. Тестирование чаще всего ориентировано на проверку усвоения материала и сопоставление достижений учащихся с установленными требованиями, что ограничивает возможности его педагогического влияния на сам процесс обучения. В условиях неоднородности школьных классов и различий в уровне и темпе языкового развития учащихся подобное понимание оценивания оказывается недостаточным.

На этом фоне особую актуальность приобретает диагностическое языковое тестирование, ориентированное не на фиксацию формального уровня владения языком, а на выявление и объяснение учебных затруднений, значимых для дальнейшей организации обучения. Однако в научных исследованиях диагностическое тестирование в школьной аудитории нередко рассматривается преимущественно с измерительной точки зрения, тогда как его поддерживающая роль в учебном процессе и связь с педагогической регуляцией обучения остаются недостаточно теоретически осмысленными.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью теоретического анализа диагностического языкового тестирования как элемента системы обучения иностранным языкам, способного выполнять поддерживающую функцию. Цель статьи заключается в осмыслении поддерживающей роли диагностического языкового тестирования в школьной аудитории и в выявлении основных механизмов ее реализации в процессе обучения иностранному языку. В рамках исследования диагностическое тестирование рассматривается не как изолированная оценочная процедура, а как средство педагогически обоснованного анализа и регуляции учебного процесса, направленного на устойчивое развитие языковой компетенции учащихся.

Диагностическое языковое тестирование как элемент системы оценивания обучения иностранным языкам

Диагностическое языковое тестирование в рамках лингводидактики следует рассматривать не как разновидность «проверочной работы» или частный формат теста, а как целевую оценочную деятельность, смысл которой заключается в получении таких данных об иноязычном развитии учащихся, которые допускают педагогически интерпретируемое объяснение причин затруднений и позволяют принять обоснованные решения о дальнейшей поддержке обучения. Подобное понимание согласуется с тезисом о необходимости теории диагностики в языковом оценивании: диагностическая оценка требует более тонкой логики, чем простая фиксация уровня, поскольку она должна объяснять «что именно» и «почему именно» препятствует продвижению ученика [1].

Сущностным признаком диагностического тестирования выступает принцип диагностической детализации: результаты должны быть достаточно «тонкими», чтобы выделять не только общий уровень владения языком, но и профиль сильных/слабых сторон по компонентам компетенции (например, отдельные поднавыки рецептивной/продуктивной деятельности). Именно требование профилирования и объясняющей интерпретации отличает диагностику от входного тестирования (ориентированного на распределение/стартовый уровень), от формативного оценивания (в широком смысле поддерживающего обучение разными средствами) и от итогового тестирования (ориентированного на сертификацию результата). В исследованиях по диагностической оценке подчеркивается, что ее ценность определяется не столько измерением как таковым, сколько возможностью перейти к педагогически значимому «диагнозу» на основе принципов диагностирования.

Цели диагностического языкового тестирования в школьной аудитории целесообразно описывать как три взаимосвязанных ориентира: выявление затруднений (идентификация зон риска в усвоении языкового материала);

объяснение затруднений (педагогическая интерпретация причин ошибок и пробелов);

создание основы для поддержки (выбор корректирующих действий и задач обучения).

Статья выполнена при поддержке Молодёжного фонда Министерства образования КНР (2023 г.) в рамках проекта «Исследование системы оценки качества обучения государственному общенациональному языку и письменности в общеобразовательных школах национальных районов Синьцзяна» (№ 23XJJC880001), а также Фонда общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района (2025 г.) в рамках проекта «Языковая экология и языковое планирование в Синьцзяне на основе уровня владения государственным общенациональным языком» (№ 2025BJYX169), и является этапом результатом разработки курса бакалавриата высшего уровня «Комплексный английский язык» Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Такая постановка целей позволяет избежать методической подмены, когда диагностическое тестирование сводится к «поиску ошибок», не переходя к объяснению и педагогически целесообразному сопровождению обучения. Проблема подобной подмены неоднократно отмечалась в обсуждениях диагностической оценки как области, нуждающейся в более строгой логике валидации и обоснования интерпретаций.

Роль диагностического тестирования в процессе обучения иностранному языку раскрывается через цепочку педагогических решений, где центральным звеном является интерпретация. Диагностические задания предоставляют первичную информацию, однако педагогическая ценность возникает только тогда, когда учитель способен: соотнести результаты с целями и содержанием обучения; интерпретировать их как признаки типичных затруднений; преобразовать выводы в корректирующие действия (изменение темпа, подбор упражнений, перераспределение внимания между компонентами компетенции).

Следовательно, диагностика в школьной аудитории должна быть описана как инструмент педагогического анализа учебной деятельности, а не как нейтральная процедура измерения. Такая перспектива усиливает научную строгость обсуждения, поскольку переносит акцент с «получения баллов» на вопрос: какие интерпретации допустимы и какие педагогические решения они поддерживают. В этом смысле диагностическое тестирование органично связано с современными представлениями о языковом оценивании как практике, чья оправданность определяется не только техническими характеристиками, но и последствиями интерпретации и использования результатов [2].

Важно подчеркнуть, что интеграция диагностического тестирования в обучение предполагает не «частое тестирование», а разумную встроенность в учебный цикл. Встроенность означает, что диагностика: ориентируется на те элементы содержания, которые значимы для ближайших учебных целей;

дает информацию, пригодную для корректировки обучения в обозримом временном горизонте;

поддерживает осознанность учащихся относительно собственных трудностей (что особенно важно в школьной аудитории, где автономия обучения формируется постепенно).

В литературе по оцениванию в учебном классе также подчеркивается: эффективность оценивания в классе определяется тем, насколько оно помогает учителю и ученику понимать, какие шаги обучения целесообразны дальше, а не тем, насколько детально описан «уровень вообще». Именно поэтому для школьной практики принципиально значима ориентация на педагогически полезную интерпретацию.

Качество иноязычного обучения в школьной аудитории целесообразно связывать не только с достижением целевых результатов к концу курса, но и с устойчивостью учебного продвижения в ходе обучения. Диагностическое тестирование в этом контексте выполняет функцию «раннего предупреждения»: оно позволяет фиксировать и объяснять затруднения до того, как они закрепятся и начнут системно препятствовать развитию языковой компетенции. Принципиально важно, что речь идет не о механическом «исправлении ошибок», а о предотвращении накопления учебных дефицитов, которые часто формируют устойчивый разрыв между требованиями программы и реальными возможностями учащихся.

Однако обеспечение качества через диагностику возможно лишь при соблюдении ряда условий. Во-первых, результаты диагностики должны быть представлены и интерпретированы таким образом, чтобы поддерживать конкретные педагогические действия (коррекцию содержания, дифференциацию заданий, выбор форм повторения). Во-вторых, необходима достаточная оценочная грамотность учителя, поскольку именно она определяет качество интерпретации и последующих решений. Исследования LAL последнего десятилетия подчеркивают, что без соответствующих знаний и навыков оценивание в классе легко превращается либо в формальный контроль, либо в набор интуитивных процедур, не дающих устойчивого эффекта для обучения [3]. Наконец, диагностическое тестирование способствует обеспечению преемственности обучения: сопоставляя диагностические результаты с учебными целями и содержанием, учитель получает возможность поддерживать логическую последовательность формирования навыков и умений. В школьной аудитории, где неоднородность уровня и темпа особенно заметна, диагностика становится механизмом согласования программы и реальных учебных потребностей, что, в свою очередь, усиливает управляемость и предсказуемость результатов обучения. Практико-ориентированные исследования диагностической оценки в языковом классе также подчеркивают ее роль в организации своевременной коррекционной работы и качественной обратной связи [4].

Такое образование, диагностическое языковое тестирование в обучении иностранным языкам представляет собой форму оценивания,

ориентированную на анализ учебного процесса и педагогически значимую интерпретацию результатов. Его основное назначение заключается в выявлении и объяснении учебных затруднений, а не в фиксации формального уровня языковой подготовки. Интеграция диагностики в учебный процесс позволяет использовать ее как источник информации для корректировки обучения и повышения его качества в школьной аудитории. Такое понимание диагностического тестирования создает теоретическую основу для дальнейшего рассмотрения его поддерживающей роли в обучении иностранному языку.

Поддерживающая роль диагностического языкового тестирования

В педагогической теории поддержка обучения рассматривается как целенаправленное создание условий, обеспечивающих устойчивое продвижение учащегося в образовательном процессе. В отличие от контроля, ориентированного на фиксацию соответствия результатов установленным требованиям, поддержка направлена на сопровождение развития и предупреждение учебных затруднений. При этом принципиально важно подчеркнуть, что поддержка не тождественна любой форме помощи: она предполагает педагогически обоснованное воздействие, основанное на анализе текущего состояния обучения и его интерпретации.

Современные исследования в области оценивания подчеркивают, что оценочные практики могут выполнять поддерживающую функцию лишь при условии их интеграции в учебный процесс и ориентации на развитие учащихся, а не исключительно на измерение результата [5]. В этом случае оценивание становится частью педагогического сопровождения и инструментом осмысления учебных трудностей. В обучении иностранным языкам поддержка приобретает особое значение, поскольку формирование языковой компетенции носит поэтапный и кумулятивный характер. Неосмысленные или неверно интерпретированные затруднения на ранних этапах обучения могут закрепляться и препятствовать дальнейшему языковому развитию, что делает своевременную педагогическую поддержку принципиально важной.

Диагностическое языковое тестирование обладает выраженным поддерживающим потенциалом, поскольку ориентировано на выявление тех аспектов языковой компетенции, которые требуют педагогического внимания. В отличие от суммативного оценивания, диагностика позволяет анализировать структуру языковых умений учащихся и выявлять индивидуальные профили затруднений, что создает основу для адресной педагогической поддержки.

Как отмечается в исследованиях по диагностической оценке, ключевая ценность диагностики заключается не в самих результатах, а в возможности их педагогически обоснованной интерпретации и последующего использования в обучении. С точки зрения автора, именно эта интерпретативная направленность позволяет рассматривать диагностическое тестирование как средство поддержки, а не как инструмент формального контроля. Поддерживающая роль диагностики проявляется, во-первых, в своевременном выявлении проблемных зон и снижении риска накопления ошибок; во-вторых, в создании информационной основы для корректировки содержания и темпа обучения; в-третьих, в формировании у учащихся более осознанного отношения к собственному обучению. Тем самым диагностическое тестирование способствует переходу от констатации ошибок к их педагогическому осмыслению.

Развитие языковой компетенции в школьной аудитории предполагает системное и последовательное формирование языковых навыков и умений. В этом процессе диагностическое тестирование выполняет поддерживающую функцию, обеспечивая согласованность между учебными целями, содержанием обучения и реальным уровнем подготовки учащихся. Такой подход соответствует современному пониманию языковой компетенции как динамической и развивающейся системы.

Диагностическая информация позволяет выявлять не только явные пробелы, но и недостаточно сформированные компоненты компетенции, которые могут оставаться незамеченными в итоговом контроле. Это дает возможность своевременно скорректировать учебный процесс и предотвратить ситуацию формального продвижения по программе при отсутствии устойчивого усвоения языкового материала. Регулярное диагностическое тестирование также снижает риск фрагментарного усвоения иностранного языка, при котором отдельные навыки развиваются неравномерно и без опоры на целостную систему. При отсутствии диагностической поддержки обучение утрачивает внутреннюю согласованность, а учебные затруднения имеют тенденцию к накоплению. В этом контексте поддерживающая роль диагностического тестирования заключается в обеспечении устойчивости и педагогической управляемости процесса развития языковой компетенции учащихся.

Таким образом, диагностическое тестирование выступает важным инструментом обеспечения целостности, устойчивости и педагогической управляемости иноязычного обучения в школьной аудитории, создавая основу для дальнейшего анализа механизмов реализации его поддерживающей роли.

Основные механизмы реализации поддерживающей роли диагностического языкового тестирования

Поддерживающий эффект диагностического тестирования возникает не на уровне «полученных баллов», а на уровне интерпретации, где оценочная информация превращается в основание для конкретного педагогического решения. Для диагностического формата принципиально важно, чтобы интерпретация была: (а) направлена на характер затруднения, (б) привязана к учебной цели и содержанию, (в) приводила к изменению учебных действий. Именно такая «решенческая» логика интерпретации рассматривается как отличительный признак оценивания в учебном классе, ориентированного на поддержку обучения [6]. Следовательно, интерпретацию целесообразно понимать как механизм, который связывает диагностику с поддержкой через три шага: идентификация затруднения → объяснение вероятной причины → выбор ближайшего корректирующего действия. При отсутствии хотя бы одного шага диагностика легко редуцируется до контроля, не выполняя поддерживающей роли.

Обратная связь становится механизмом поддержки лишь тогда, когда она запускает изменения в учебных действиях учащегося и учителя. Поэтому диагностическая обратная связь должна быть: конкретной (о каком компоненте компетенции идет речь), объясняющей (почему возникла трудность), и ориентированной на следующий шаг (что делать дальше). Такой подход согласуется с современным направлением исследований “feedback literacy”, в котором подчеркивается деятельный характер обратной связи: ценность определяется не сообщением, а тем, как она используется в обучении. В школьной аудитории это особенно важно: если обратная связь ограничивается фиксацией ошибок, она усиливает контрольный эффект; если же она переводит внимание на способ улучшения и ближайшие действия, она поддерживает устойчивое языковое развитие.

Механизм индивидуализации в диагностическом тестировании заключается не в раздаче «разных заданий всем», а в адресности поддержки: диагностическая информация используется для выбора таких учебных шагов, которые соответствуют текущим образовательным потребностям учащегося. Это делает индивидуализацию инструментом обеспечения устойчивого прогресса, а не организационной вариативностью ради самой вариативности. Исследования оценивания для обучения в классном контексте показывают, что оценочная информация повышает качество обучения именно тогда, когда она встроена в цикл планирования и корректировки учебных действий [7]. В иноязычном обучении это означает, что диагностические результаты должны приводить к корректировке темпа, типа упражнений и распределения внимания между компонентами языковой компетенции.

Все указанные механизмы (интерпретация, обратная связь, индивидуализация) зависят от профессиональной готовности учителя работать с оценочной информацией. Без достаточной оценочной грамотности диагностика нередко сводится к выставлению отметок или к формальному обсуждению ошибок, что не обеспечивает поддерживающего эффекта.

Эмпирические исследования оценочная грамотность учителя показывают, что в реальной практике учителя испытывают трудности именно на этапе интерпретации и превращения результатов в педагогическое действие [8]. В обзорах по языковому образованию также подчеркивается, что развитие оценочная грамотность является одним из ключевых условий повышения качества оценивания в языковом классе [9]. Следовательно, оценочная грамотность учителя выступает не внешним фактором, а необходимым условием реализации поддерживающей роли диагностического тестирования.

Диагностическое языковое тестирование

В школьной аудитории диагностическое языковое тестирование целесообразно рассматривать не просто как средство коррекции обучения, а как основание педагогической регуляции учебного процесса. В отличие от ситуативных методических изменений, педагогическая регуляция предполагает целенаправленное и обоснованное воздействие на параметры обучения, опирающееся на интерпретацию оценочной информации. Подобное понимание оценивания согласуется с современными исследованиями оценивания в учебном классе, в которых подчеркивается роль оценки как инструмента принятия педагогических решений, а не только фиксации результатов [10]. Диагностическое тестирование выполняет регулятивную функцию в той мере, в какой оно позволяет

выявлять расхождения между планируемыми учебными целями и реальным состоянием языковой подготовки учащихся. Эти расхождения выступают индикаторами необходимости изменения учебных решений, что переводит оценивание из плоскости контроля в плоскость управления обучением.

Регулятивный потенциал диагностического языкового тестирования реализуется через уточнение ключевых параметров учебного процесса, прежде всего содержания, темпа и распределения учебного внимания. В отличие от итогового оценивания, диагностика ориентирована на выявление тех компонентов языковой компетенции, которые находятся в стадии формирования и требуют педагогического вмешательства. С научной точки зрения принципиально важно, что диагностическая информация позволяет рассматривать учебные затруднения как системные, а не случайные явления. Это создает условия для принятия решений, направленных на изменение логики обучения, а не на устранение отдельных ошибок. Такой подход соотносится с исследованиями в области формирующего оценивания и саморегулируемого обучения, где подчеркивается необходимость связывать оценочные данные с изменением учебных действий [11].

Использование диагностического тестирования в регулятивной функции влияет на характер учебного взаимодействия в школьной аудитории. Результаты диагностики становятся основанием для педагогического обсуждения учебных затруднений и уточнения учебных задач, что изменяет роль оценивания в коммуникации между учителем и учащимися. Исследования обратной связи в образовательном процессе показывают, что оценивание начинает выполнять поддерживающую и ориентирующую функцию лишь тогда, когда учащиеся понимают основания педагогических решений и возможные направления дальнейших учебных действий [12]. В этом случае диагностика способствует формированию более прозрачной и предсказуемой структуры обучения.

Регулятивный потенциал диагностического языкового тестирования не является автоматическим. Он реализуется лишь при условии систематической интерпретации результатов и их включения в процесс принятия педагогических решений. Диагностика, не связанная с изменением параметров обучения, утрачивает регулятивное значение и фактически сводится к форме контроля.

Заключение

Проведённый анализ показал, что диагностическое языковое тестирование в обучении иностранным языкам в школьной аудитории не может рассматриваться лишь как средство контроля учебных достижений. Его педагогическая значимость определяется способностью выявлять и интерпретировать учебные затруднения, значимые для дальнейшей организации обучения.

В статье обосновано, что поддерживающая роль диагностического тестирования реализуется при его включённости в процесс педагогической регуляции обучения и ориентации на принятие обоснованных учебных решений. Такое понимание расширяет традиционное представление о функциях оценивания и позволяет рассматривать диагностику как элемент учебного процесса, а не как изолированную оценочную процедуру. Полученные выводы подчеркивают необходимость перехода от преимущественно контролирующей логики оценивания к более обучающе-ориентированному подходу в школьном иноязычном образовании и могут служить теоретической основой для дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. Alderson J. C. К теории диагностирования в оценивании второго и иностранного языка // *Applied Linguistics*. – 2015. – Vol. 36, № 2. – P. 236–260.
2. Purpura J.E. Оценивание второго и иностранного языка // *The Modern Language Journal*. – 2016. – Vol. 100, Suppl. 1. – P. 190–208.
3. Giraldo F. Оценочная грамотность в языковом образовании: значение для учителей иностранных языков // *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. – 2018. – Vol. 20, № 1. – P. 179–195.
4. Farhady H. Практики диагностического оценивания в учебном классе у преподавателей английского языка как иностранного // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. – 2022. – Vol. 10, № 2. – P. 77–94.
5. Black P., William D. Оценивание в учебном классе и педагогика // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. – 2018. – Vol. 25, № 6. – P. 551–575.
6. Davison C., Leung C. Актуальные проблемы оценивания в учебном классе // *TESOL Quarterly*. – 2020. – Vol. 54, № 2. – P. 363–382.
7. DeLuca C., Coombs A., LaPointe-McEwan D. Оценивание для обучения в условиях учебного класса // *Educational Assessment*. – 2019. – Vol. 24, № 4. – P. 256–273.

8. Xu Y., Brown G.T.L. Оценочная грамотность учителя в практике обучения // *Teaching and Teacher Education*. – 2017. – Vol. 63. – P. 150–163.

9. Yan X., Fan J. Оценочная грамотность учителя в языковом образовании: систематический обзор // *Language Teaching Research*. – 2021. – Vol. 25, № 3. – P. 421–444.

10. Schildkamp K., Poortman C.L., Luyten H., Ebbeler J. Принятие решений на основе данных для совершенствования школьного образования: результаты исследований и проблемные зоны // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. – 2020. – Vol. 32, № 3. – P. 337–357.

11. Panadero E., Andrade H., Brookhart S.M. Интеграция саморегулируемого обучения и формирующего оценивания: современное состояние, этапы развития и перспективы // *Educational Psychologist*. – 2018. – Vol. 53, № 4. – P. 288–302.

12. Nicol D. Развитие грамотности в области обратной связи у учащихся: обеспечение эффективного использования обратной связи // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. – 2017. – Vol. 42, № 4. – P. 1–15.

SUPPORTING ROLE OF DIAGNOSTIC LANGUAGE TESTING IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE SCHOOL CLASSROOM

Wu Xi, Zhen Zhen
Xinjiang Normal University

The article presents a theoretical analysis of diagnostic language testing in the context of foreign language teaching in the school classroom. Based on a critical reconsideration of the predominantly controlling role of assessment in traditional school practice, the author argues for the need to reconceptualize diagnostic testing as an integral element of the instructional process. The purpose of the article is to reveal the supportive role of diagnostic language testing and to clarify the mechanisms through which it is implemented in foreign language teaching. Diagnostic testing is interpreted as a means of pedagogical regulation

aimed at identifying and interpreting learning difficulties and supporting informed instructional decision-making. It is concluded that, under appropriate pedagogical conditions, diagnostic language testing contributes to greater stability and manageability of the process of developing learners' language competence in the school classroom and expands the theoretical understanding of the functions of language assessment.

Keywords: Diagnostic Language Testing, Supportive Role Of Assessment, Foreign Language Teaching, School Classroom, Pedagogical Regulation, Classroom-Based Assessment

References

1. Alderson J.C. Towards a theory of diagnosis in second and foreign language assessment // *Applied Linguistics*. – 2015. – Vol. 36, № 2. – P. 236–260.
2. Purpura J.E. Second and foreign language assessment // *The Modern Language Journal*. – 2016. – Vol. 100, Suppl. 1. – P. 190–208.
3. Giraldo F. Language assessment literacy: Implications for language teachers // *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. – 2018. – Vol. 20, № 1. – P. 179–195.
4. Farhady H. Classroom-based diagnostic assessment practices of EFL teachers // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. – 2022. – Vol. 10, № 2. – P. 77–94.
5. Black P., Wiliam D. Classroom assessment and pedagogy // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. – 2018. – Vol. 25, № 6. – P. 551–575.
6. Davison C., Leung C. Current issues in classroom-based assessment // *TESOL Quarterly*. – 2020. – Vol. 54, № 2. – P. 363–382.
7. DeLuca C., Coombs A., LaPointe-McEwan D. Assessment for learning in classroom contexts // *Educational Assessment*. – 2019. – Vol. 24, № 4. – P. 256–273.
8. Xu Y., Brown G.T.L. Teacher assessment literacy in practice // *Teaching and Teacher Education*. – 2017. – Vol. 63. – P. 150–163.
9. Yan X., Fan J. Teacher assessment literacy in language education: A systematic review // *Language Teaching Research*. – 2021. – Vol. 25, № 3. – P. 421–444.
10. Schildkamp K., Poortman C.L., Luyten H., Ebbeler J. Data-based decision making for school improvement: Research insights and gaps // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. – 2020. – Vol. 32, № 3. – P. 337–357.
11. Panadero E., Andrade H., Brookhart S.M. Fusing self-regulated learning and formative assessment: A roadmap of where we are, how we got here, and where we are going // *Educational Psychologist*. – 2018. – Vol. 53, № 4. – P. 288–302.
12. Nicol D. Developing students' feedback literacy: Enabling uptake of feedback // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. – 2017. – Vol. 42, № 4. – P. 1–15.

Особенности флористической метафоры в фитонимической картине мира (на материале китайского языка)

Хань Юехао,

аспирант кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ (Ереванский государственный университет)

E-mail: hanyuehao666@gmail.com

Флористическая метафора в китайском языке формирует особый «ботанический интерфейс» осмысления человека, общества и ценностей: наименования растений и растительные образы превращаются в компактные смысловые модели, способные одновременно описывать внешность, характер, социальные роли, моральные качества и динамику событий. В статье рассматриваются ключевые механизмы этого процесса в рамках фитонимической картины мира: (1) структурная организация фитокомпонента в лексике и фразеологии, (2) когнитивные проекции «растение → человек/социум/абстракция», (3) аксиологическая «настройка» метафор через культурные символы (цветок, ива, бамбук, слива, сосна, лотос и др.), (4) дискурсивные вариации от классической поэтики до медиатекста и интернет-неологизмов. Теоретическая рамка опирается на современные подходы к метафоре и анализу китайской метафорики, представленные В.А. Курдюмовым и Л.А. Семёновой, а также на исследования растительной метафоры и фитонимов в китайском и сопоставительном освещении у М.А. Гаврилюк, Ц. Ван, Юйно Сунь, Ю. Хань и др. Показано, что флористическая метафора в китайском языке отличается высокой морфемной продуктивностью (особенно компонент 花 huā «цветок»), жанровой «перенастройкой» смыслов и плотной связью с культурными сценариями, где эстетическое, этическое и социальное взаимодействуют в одной образной формуле.

Ключевые слова: флористическая метафора; фитонимы; фитонимическая картина мира; китайский язык; когнитивная семантика; фразеология; культурные коннотации; дискурс; интернет-неологизмы.

Введение

Фитонимическая картина мира в лингвистическом смысле задаёт не «перечень растений», а способ, которым растительный мир становится инструментом категоризации опыта: ботаническое превращается в антропологическое, социальное и ценностное. Китайский язык особенно показателен, потому что он соединяет древнюю литературную традицию растительных образов с современной морфемной продуктивностью и фразеологической компактностью, где смысл нередко «сжимается» в двусложное слово или четырёхиероглифную формулу. Именно поэтому флористическая метафора здесь выступает не периферийной стилистикой, а регулярным механизмом семантического моделирования, что согласуется с общими представлениями о метафоре как о системной операции смысла, обсуждаемой В.А. Курдюмовым и Л.А. Семёновой применительно к китайскому языку.

Внутри фитонимии важно различать два уровня. Первый уровень связан с номинацией (фитоним как название растения). Второй уровень связан с переносом и вторичной концептуализацией (фитоним как «контейнер» культурных и оценочных смыслов). Юйно Сунь показывает, что именно коннотативный слой и культурные сценарии делают фитономены устойчивыми элементами языковой картины мира, особенно в сопоставлении русской и китайской традиций (Сунь 2023, с. 1–203). На этом фоне флористическая метафора может пониматься как особый тип метафоризации, где источником служит не «природа вообще», а именно флора с её чётко артикулированными признаками: цикличностью (рост, цветение, увядание), морфологией (корень, стебель, лист, цветок, плод), практиками обращения (сажать, выращивать, прививать, подрезать), эстетическими параметрами (красота, аромат, нежность) и культурной символикой.

Актуальность исследования задаётся не только лингвокультурологическим интересом, но и прикладными задачами. Для перевода растительных образов, особенно в художественных и публичных текстах, требуется не буквальная замена, а восстановление концептуальной структуры метафоры. Это хорошо демонстрируют работы Я. Ван о переводе растительных образов в «Сне в красном тереме» с опорой на теорию концептуальной интеграции (Ван Я. 2025, с. 625–632), а также исследование С. Тань и М. Чэнь о переводе образа 柳 «ива» в поэзии Тан (Тань, Чэнь 2025, с. 330–337). Наконец, современная медиасреда создаёт новые метафорические «ростки», где фитонимы участвуют в интернет-номинациях и оценках, что описывают С. Ли и Ц. Чжан на материале сетевых неологизмов.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить особенности флористической метафоры как системного элемента фитонимической картины мира китайского языка и описать: (а) структурные формы проявления фитокомпонента, (б) когнитивные модели проекции «растение → иной объект», (в) аксиологическую организацию образов, (г) дискурсивную вариативность от классических жанров до цифровой коммуникации. Материал иллюстрируется типологически значимыми примерами китайской лексики и фразеологии, а интерпретация опирается на современные исследования растительной метафоры и фитонимов, включая работы М.А. Гаврилюк, Ц. Ван, Лиюнь, Н.И. Рябцовой, М.Г. Соколовой, Ю. Хань и других.

Основная часть

Логика флористической метафоры в китайском языке держится на регулярном когнитивном «переводе» наблюдаемого свойства растения в социально значимую характеристику человека, поведения или ситуации. (Гаврилюк М.А. 2024, с. 23) Важно, что перенос почти никогда не сводится к одному признаку: чаще активируется «пакет» свойств (красота, хрупкость, краткость цветения, аромат, ритуальная и этикетная «узнаваемость»), который и создаёт устойчивый мост между природным и социальным опытом. (Курдюмов В.А., Семёнова Л.А. 2022, с. 1) В такой конструкции метафора работает не как декоративная «краска», а как компактный механизм классификации и оценки. (Гаврилюк М.А. 2024, с. 24)

На уровне лексики один из самых продуктивных узлов этой системы даёт морфема 花 huā «цветок». Исследования показывают, что в составе двусложных композитов семантика 花 способна смещаться от предметности к признаковости и дальше к прагматической оценке,

причём это смещение часто закрепляется типовыми словообразовательными моделями. (陈辉 2024, с. 557) Отсюда возникают переносы, где «цветок» начинает маркировать поведение и социальную роль: 花心 huāxīn «ветренный, любвеобильный» (переменчивость как «быстрое цветение»), 花瓶 huāpíng «декоративная фигура» (внешняя привлекательность без содержательной функции), 花样 huāyàng «выкрутасы, затей» (пестрота как вариативность), 花钱 huāqián «тратить деньги» (прагматический сдвиг к смыслу «расходовать»). Смысл здесь именно в культурной матрице: природный образ задаёт «ярлык» поведения, который считается без длинных объяснений. (陈辉 2024, с. 558)

Фразеологический уровень делает флористическую метафору ещё более «канонической»: 成语 chéngyǔ и устойчивые сочетания превращают растение в якорь смысла по схеме «образ → оценка → социальная интерпретация». (Дин Л. 2023, с. 2) Показательны формулы, где жизненный цикл растения становится событийной схемой: 开花结果 kāihuā jiéguǒ «зацвести и дать плод» закрепляет модель «процесс привёл к результату»; 枯木逢春 kùmù féngchūn «сухое дерево встретило весну» кодирует «возрождение после упадка»; 落叶归根 luòyè guīgēn «опавшие листья возвращаются к корню» формализует идею возвращения к истоку. В таких единицах растение уже не «сравнение», а готовый сценарий жизненной траектории. (Гаврилюк М.А. 2024, с. 25)

Самый плотный целевой домен флористической метафоры связан с человеком как телесным и социальным существом, прежде всего с описанием внешности. (Сюй Лионь 2024, с. 93) В исследованиях подчёркивается, что фитоним способен «свернуть» целый комплекс визуальных и оценочных признаков в один знак: 花容月貌 huāróng yuèmào («лицо как цветок, облик как луна») задаёт не просто «красоту», а нормативный идеал гармонии; 柳眉 liǔméi «ивовые брови» фиксирует мягкую дугу линии; 柳腰 liǔyāo «ива-талия» строится на признаке гибкости и стройности. (Гаврилюк М.А. 2024, с. 26) Здесь действует культурная норма: «правильная» красота мыслится как флористическая. (Сюй Лионь 2024, с. 96)

Морально-этический домен особенно ярко виден там, где природная устойчивость превращается в норму характера. (Гаврилюк М.А. 2024, с. 26) Комплекс «трёх друзей зимы» (松 sōng сосна, 竹 zhú бамбук, 梅 méi слива) в китайской традиции стабильно связывается со стойкостью, прямоотой и самообладанием, причём эта связь поддерживается повторяемостью в жанрах и образовательной культуре. С тем же механизмом работает лотос как знак нравственной чистоты: в трактате Чжоу Дуньши «爱莲说» («О любви к лотосу», XI в.) лотос описан формулой «出淤泥而不染» («выходит из ила и не загрязняется»), то есть природное свойство прямо превращено в этическую модель.

Социально-институциональный домен показывает, как растение становится моделью отношений и ролей. Формула 桃李 táolí «персики и сливы» в значении «ученики» (桃李满天下 «персики и сливы наполняют Поднебесную») превращает образование в сценарий выращивания: рост требует времени, ухода и среды, а результат мыслится как «плод». Рядом стоит классическая формула из «史记·李将军列传» Сыма Цяня: «桃李不言，下自成蹊» («персики и сливы не говорят, а тропинка под ними сама протоптывается») как метафора авторитета и признания без саморекламы, где ботанический образ работает как социальный аргумент. Дискурсивно-образный уровень особенно нагляден в классической поэзии и публичной речи. Пример «ивы как кода расставания» задаёт танская традиция: у Ван Вэя в стихотворении «送元二使安西» («Проводы Юаня Эр в Анси») строка о «柳色新» («обновившейся зелени ив») закрепляет связку «ива → прощание/проводы», которая затем многократно воспроизводится в культуре и переводческих комментариях. (覃思艳, 陈明辉 2025, с. 330)

В политическом и идеологическом дискурсе флористическая метафора часто выполняет задачу «мягкого» объяснения абстракций через телесно-наглядные домены: развитие мыслится как рост и цветение, устойчивость как корни, результат как плод, а гармония как сад, требующий ухода. Для переводческой и дискурсивной аналитики важно, что такие метафоры не просто украшают текст, а помогают легитимировать причинно-следственные связи и ценностные установки, задавая «естественную» картину социального порядка. (王志蓉 2023, с. 364)

Современная литература показывает, что флористический образ может стать не единичным переносом, а «магистральной» метафорой, организующей целый смысловой пучок. Так, в анализе образа «цветка» в романе «Вегетарианка» (韩江) показано, что один и тот же флористический код способен собирать темы телесности, уязвимости, сопротивления, трансформации и отношений взгляда и власти, то есть работать как дискурсивный двигатель, а не как локальная фигура речи. (姚雪慧 2025, с. 708)

Интернет-коммуникация добавляет скорости: фитонимы превращаются в ярлыки массовой оценки и групповой идентификации. Хрестоматийный пример, уже закрепившийся в описаниях сетевого сленга, это 韭菜 jiǔcài «лук-порей/шнитт-лук» как образ «массового участника, которого легко «срезать»», основанный на аграрном сценарии «выращивание → срезание» и переупакованный под домены рынка и медиа. (罗曙 2023, с. 5840)

Для описания механики флористической метафоры удобно держать модель «признак → сценарий → оценка». Признак берётся из наблюдаемой флоры (гибкость ивы, чистота лотоса, стойкость сосны). Сценарий задаётся культурной практикой и традицией текста (проводы под ивами; «достоинство в холода»; педагогика как садоводство). Оценка фиксирует социально значимую интерпретацию (женственность/утончённость; нравственная чистота; профессиональный или моральный авторитет). Именно поэтому флористические метафоры в китайском языке легко делаются на «описательные» (визуализируют черту) и «нормативные» (предписывают ценность), превращая растения в компактный «лексикон ценностей» внутри языковой картины мира.

Заключение

Флористическая метафора в фитонимической картине мира китайского языка проявляется как системный механизм, связывающий биологически наблюдаемую флору, культурную символику и социально значимые смыслы. Её особенности определяются тремя взаимосвязанными параметрами. Во-первых, структурной плотностью: фитокомпонент активно функционирует и как морфема в продуктивных моделях (особенно 花 huā), и как опорный образ в устойчивых фразеологизмах, что подтверждается исследованиями семантики фитокомпонентов и их роли в китайской фразеологии. Во-вторых, когнитивной многофункциональностью: одна и та же растительная зона может проектироваться на внешность, характер, социальные роли, событийные траектории и публичные абстракции, а перенос строится через связку «признак → сценарий → оценка», что согласуется с когнитивным описанием растительной метафоры в современных работах. В-третьих, дискурсивной адаптивностью: флористическая метафора свободно «перенастраивается» между классической поэтикой, современной прозой, политической риторикой и интернет-коммуникацией, сохраняя распознаваемый культурный код, но меняя целевые домены. Перспективным направлением дальнейших исследований видится корпусное сопоставление жанровых распределений фитонимов и уточнение того, какие именно культурные сценарии стабилизируют метафоры, а какие, напротив, делают их «краткоживущими», «сетевыми» и контекстно зависимыми.

Литература

1. Ван, Ци. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в китайском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2024. 178 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-fitonimom-v> (дата обращения: 15.12.2025).
2. Велькович, М. Фитонимы в русском языке: лингвокультурологический и лексикографический аспекты (на фоне сербского языка): дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2022. 162 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/fitonimy-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskii-i-leksikograficheskii-aspekty-na-fone-ser> (дата обращения: 15.12.2025).
3. Гаврилюк, М.А. Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.tspu.ru/ru/archive.html?article_id=9005&issue=1&year=2024 (дата обращения: 15.12.2025).
4. Дин, Л. Фитонимы-названия древесных растений в русских и китайских фразеологизмах с религиозным компонентом (лингвокультурологический аспект) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK423.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Курдюмов, В. А., Семёнова, Л. А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/6/2022/10/kurdyumov-v-a-semenova-l-a.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Лионь, С. Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://vestnikgum.ru/upload/iblock/562/93_101.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

7. Рябцова, Н.И. Символические фитофразеологизмы как результат репрезентации языковой картины мира // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9(45). DOI: 10.18454/RULB.2023.45.3. [Электронный ресурс]. URL: <https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.3> (дата обращения: 15.12.2025).

8. Соколова, М.Г. Фитонимы со значением лица: эмотивно-оценочный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/download/29251/11767> (дата обращения: 15.12.2025).

9. Сунь, Юйно. Лингвокультурные коннотации фитонимов в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2023. 203 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disscat.com/content/lingvokulturnye-konnotatsii-fitonimov-v-russkom-i-kitaiskom-yazykakh> (дата обращения: 15.12.2025).

10. Хань, Ю. Фитонимы в русской лингвокультуре (в сопоставлении с китайской и корейской) // Bulletin of Yerevan University. Russian Philology. 2024. Vol. 10. No. 1(24). P. 39–48. DOI: 10.46991/BY-SU.H/2024.10.1.039. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/390561920_Fitonimy_v_russkoj_lingvokulture_v_sopostavlenii_s_kitajskoj_i_korejskojPhytonyms_in_Russian_Chinese_and_Korean_Linguistic_Cultures (дата обращения: 15.12.2025).

11. 姚雪慧. 《素食者》中“花”意象概念隐喻研究 [на кит. яз.] = Исследование концептуальной метафоры образа «цветка» в романе «Вегетарианка» // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. Т. 13. № 7. С. 708–714. DOI: 10.12677/ml.2025.137760. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.137760> (дата обращения: 15.12.2025).

12. 张艺伟. 归化异化视角下外宣文本中概念隐喻英译研究 [на кит. яз.] = Перевод концептуальных метафор в текстах внешней коммуникации: стратегии доместикации и форенизации // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2024. Т. 12. № 8. С. 699–705. DOI: 10.12677/ml.2024.128742. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2024.128742> (дата обращения: 15.12.2025).

13. 李雪龙, 张俊亭. 2024年十大网络流行语中隐喻现象及其机制分析 [на кит. яз.] = Метафорические явления в «десятке» интернет-неологизмов 2024 года и механизмы их формирования // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. Т. 13. № 9. С. 59–65. DOI: 10.12677/ml.2025.139949. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.139949> (дата обращения: 15.12.2025).

14. 王志蓉. 认知语言学视角下政治类文本的概念隐喻及其汉英翻译策略研究: 以二十大报告为例 [на кит. яз.] = Концептуальные метафоры в политических текстах и стратегии их перевода с китайского на английский: на материале доклада XX съезда КПК // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2023. Т. 11. № 2. С. 364–369. DOI: 10.12677/ml.2023.112052. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2023.112052> (дата обращения: 15.12.2025).

15. 王雅菡. 从概念整合理论视角看《红楼梦》植物意象英译策略 [на кит. яз.] = Стратегии перевода на английский растительных образов в «Сне в красном тереме» в перспективе теории концептуальной интеграции // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. Т. 13. № 8. С. 625–632. DOI: 10.12677/ml.2025.138879. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.138879> (дата обращения: 15.12.2025).

16. 秦曙, 刘琛琛. 中日惯用语中“花”的隐喻对比研究 [на кит. яз.] = Сопоставительное исследование метафор компонента «цветок» (花) в китайских и японских идиомах // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. DOI: 10.12677/ml.2025.135532. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=116222> (дата обращения: 15.12.2025).

17. 罗曙. 认知语义学视角下的汉语新词概念隐喻英译: 以 2011–2012 年汉语新词为例 [на кит. яз.] = Перевод на английский концептуальных метафор китайских неологизмов в когнитивно-семантической перспективе: на материале неологизмов 2011–2012 гг. // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2023. Т. 11. № 12. С. 5838–5842. DOI: 10.12677/ml.2023.1112783. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2023.1112783> (дата обращения: 15.12.2025).

18. 覃思艳, 陈明辉. 认知隐喻视角下唐诗“柳”意象英译研究 [на кит. яз.] = Перевод на английский образа «ивы» (柳) в поэзии Тан в перспективе когнитивной метафоры // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. Т. 13. № 9. С. 330–337. DOI: 10.12677/ml.2025.139984. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.139984> (дата обращения: 15.12.2025).

19. 陈海. 汉英“他物喻植物”词汇认知对比研究 [на кит. яз.] = Когнитивно-сопоставительное исследование лексики метафоризации «иное как растение» в китайском и английском языках. 杭州: 浙江大学出版社, 2024. 236 p. ISBN 978-7-308-24203-7. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.worldcat.org/title/1430912068> (дата обращения: 15.12.2025).

20. 陈辉. «花»族偏正双音词词义和语素义关系分析 [на кит. яз.] = Анализ соотношения лексического значения и значения морфем в двусложных атрибутивных словах «семейства хуа (花)» // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://pdf.hanspub.org/ml2024127_792913438.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

FEATURES OF FLORAL METAPHOR IN THE PHYTONYMIC WORLDVIEW (BASED ON CHINESE LANGUAGE DATA)

Han Yuehao

Yerevan State University

Floral metaphor in Chinese constructs a distinctive «botanical interface» for conceptualizing humans, society, and values: plant names and plant imagery become compact semantic models capable of describing appearance, personality, social roles, moral qualities, and event dynamics at once. This article examines the core mechanisms of this process within the phytonymic worldview: (1) the structural behavior of phyto-components in lexicon and phraseology, (2) cognitive projections «plant → person/society/abstraction», (3) axiological tuning of metaphors via cultural symbols (flower, willow, bamboo, plum, pine, lotus, etc.), and (4) discursive variation from classical poetics to media texts and internet neologisms. The theoretical framework draws on contemporary views on metaphor and Chinese metaphors developed by V.A. Kurdyumov and L.A. Semenova, alongside studies of plant metaphor and phytonyms in Chinese and contrastive perspectives by M.A. Gavriluk, Q. Wang, Yuno Sun, Yu Han, and others. The analysis shows that Chinese floral metaphor is marked by high morphemic productivity (notably 花 huā «flower»), genre-dependent semantic retuning, and strong ties to cultural scripts where the aesthetic, ethical, and social converge within a single figurative formula.

Keywords: floral metaphor; phytonyms; phytonymic worldview; Chinese language; cognitive semantics; phraseology; cultural connotations; discourse; internet neologisms.

References

1. Wang, Qi. Structural and semantic features of phraseological units with a phytonym component in Chinese and English: diss. ... cand. philological sciences. Belgorod, 2024. 178 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.disscat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-fitonimom-v> (date of access: 15.12.2025).
2. Veljkovic, M. Phytonyms in the Russian language: linguocultural and lexicographic aspects (against the background of the Serbian language): dis. ... cand. philological sciences. Veliky Novgorod, 2022. 162 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.disscat.com/content/fitonimy-v-russkom-yazyke-lingvokulturnologicheskii-i-leksikograficheskii-aspekty-na-fone-ser> (date of access: 15.12.2025).
3. Gavriluk, M.A. Plant metaphor in the Chinese language: semasiological and cognitive aspects // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2024. No. 1. [Electronic resource]. URL: https://vestnik.tspu.ru/ru/archive.html?article_id=9005&issue=1&year=2024 (date of access: 15.12.2025).
4. Ding, L. Phytonyms-names of woody plants in Russian and Chinese phraseologies with a religious component (linguocultural aspect) // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2023. Т. 14. No. 4. [Electronic resource]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK423.pdf> (access date: 12/15/2025).
5. Kurdyumov, V. A., Semyonova, L.A. General concepts of metaphor and metaphor in the Chinese language // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2022. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/6/2022/10/kurdyumov-v-a-semenova-l-a.pdf> (access date: 12/15/2025).
6. Liyun, S. Cognitive phytonymic metaphor as a means of describing a person's appearance in Russian and Chinese linguacultures. 2024. [Electronic resource]. URL: https://vestnikgum.ru/upload/iblock/562/93_101.pdf (accessed: 12/15/2025).
7. Ryabtsova, N.I. Symbolic phyto-phraseologisms as a result of representing the linguistic picture of the world // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 9(45). DOI: 10.18454/RULB.2023.45.3. [Electronic resource]. URL: <https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.3> (accessed: 15.12.2025).
8. Sokolova, M.G. Phytonyms with the meaning of a person: emotive-evaluative and linguacultural aspects // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2025. [Electronic resource]. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/download/29251/11767> (accessed: 15.12.2025).
9. Sun, YuiNo. Linguocultural connotations of phytonyms in Russian and Chinese: dis. ... cand. philological sciences. Moscow: RUDN University, 2023. 203 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.disscat.com/content/lingvokulturnye-konnotatsii-fitonimov-v-russkom-i-kitaiskom-yazykakh> (accessed: 15.12.2025).
10. Han, Yu. Phytonyms in Russian linguoculture (in comparison with Chinese and Korean) // Bulletin of Yerevan University. Russian Philology. 2024. Vol. 10. No. 1(24). P. 39–48. DOI: 10.46991/BYSU.H/2024.10.1.039. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/390561920_Fitonimy_v_russkoj_lingvokulture_v_sopostavlenii_s_kitajskoj_i_korejskojPhytonyms_in_Russian_Chinese_and_Korean_Linguistic_Cultures (access date: 12/15/2025).
11. 姚雪慧. 《素食者》中“花”意象概念隐喻研究 [in Chinese. [language] = Study of the conceptual metaphor of the image of a “flower” in the novel “Vegetarian” // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. Т. 13. No. 7. Pp. 708–714. DOI: 10.12677/ml.2025.137760. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.137760> (access date: 12/15/2025).
12. 张艺伟. 归化异化视角下外宣文本中概念隐喻英译研究 [in Chinese. [lang.] = Translation of conceptual metaphors in external communication texts: domestication and foreignization strategies // Modern Linguistics. 2024. Vol. 12. No. 8. Pp. 699–705. DOI: 10.12677/ml.2024.128742. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2024.128742> (accessed: 15.12.2025).

13. Translation of conceptual metaphors in external communication texts: domestication and foreignization strategies. 2024年十大网络流行语中隐喻现象及其机制分析 [in Chinese. [language] = Metaphorical phenomena in the "ten" Internet neologisms of 2024 and the mechanisms of their formation // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. T. 13. No. 9. Pp. 59–65. DOI: 10.12677/ml.2025.139949. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.139949> (access date: 12/15/2025)

14. 王志蓉. English: 以二十大报告为例 [in Chinese. [language] = Conceptual metaphors in political texts and strategies for their translation from Chinese into English: based on the report of the 20th Congress of the CPC // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2023. T. 11. No. 2. Pp. 364–369. DOI: 10.12677/ml.2023.112052. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2023.112052> (access date: 12/15/2025).

15. 王雅茜. 从概念整合理论视角看《红楼梦》植物意象英译策略 [in Chinese. [lang.] = Strategies for translating plant images into English in "Dream of the Red Chamber" from the perspective of conceptual integration theory // Modern Linguistics. 2025. Vol. 13. No. 8. Pp. 625–632. DOI: 10.12677/ml.2025.138879. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.138879> (accessed: 15.12.2025).

16. 秦晴, 刘琛琛. 中日惯用语中“花”的隐喻对比研究 [in Chinese. [language] = Comparative study of metaphors of the “flower” (花) component in Chinese and Japanese idioms // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. DOI: 10.12677/ml.2025.135532. [Electronic resource]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=116222> (access date: 12/15/2025).

17. 罗曙. 认知语义学视角下的汉语新词概念隐喻英译: 以2011–2012年汉语新词为例 [in Chinese. [language] = Translation into English of conceptual metaphors of Chinese neologisms in a cognitive-semantic perspective: based on neologisms of 2011–2012. // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2023. T. 11. No. 12. P. 5838–5842. DOI: 10.12677/ml.2023.1112783. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2023.1112783> (access date: 12/15/2025).

18. 覃思艳, 陈明辉. 认知隐喻视角下唐诗“柳”意象英译研究 [in Chinese. [language] = Translation into English of the image of “willow tree” (柳) in Tang poetry from the perspective of cognitive metaphor // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2025. T. 13. No. 9. Pp. 330–337. DOI: 10.12677/ml.2025.139984. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.12677/ml.2025.139984> (date of access: 15.12.2025).

19. Cognitive-comparative study of the vocabulary of the metaphorization “other than a plant” in Chinese and English. 236 p. ISBN 978-7-308-24203-7. [Electronic resource]. URL: <https://search.worldcat.org/title/1430912068> (access date: 12/15/2025).

20. 陈辉. “花”族偏正双音词词义和语素义关系分析 [in Chinese. [language] = Analysis of the relationship between lexical meaning and the meaning of morphemes in two-syllable attributive words of the “Hua family (花)” // 现代语言学 (Modern Linguistics). 2024. [Electronic resource]. URL: https://pdf.hanspub.org/ml2024127_792913438.pdf (access date: 12/15/2025).

Цзянь Юань,

аспирант, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1173628093@qq.com

Статья направлена на изучение текущего состояния, существующих проблем и стратегий их решения в области перевода русскоязычной юридической терминологии в Китае. Путём ретроспективного анализа истории развития юридической лингвистики, а также анализа определения, характеристик и классификации русской юридической терминологии, в статье обобщаются научные достижения Китая в данной области и указываются на распространённые проблемы в процессе перевода, такие как эквивалентность терминов, полисемия и двусмысленность. В статье далее рассматривается применение теории функциональной эквивалентности и прагматики в переводческих методах, а также конкретная реализация стратегий буквального перевода, описательного перевода, а также ассимиляции и иностранзации. В заключение предлагаются направления будущего развития перевода русской юридической терминологии, включая междисциплинарные исследования, применение новых переводческих технологий, создание унифицированных терминологических баз, усиление подготовки переводчиков и международное сотрудничество. Исследование показывает, что комплексное применение различных переводческих стратегий в сочетании с современными технологическими средствами может эффективно повысить качество перевода русской юридической терминологии.

Ключевые слова: русская юридическая терминология; стратегии перевода; теория функциональной эквивалентности; терминологическая база; международное сотрудничество.

Цели и значение исследования

Перевод русской юридической терминологии представляет собой не только лингвистическую трансформацию, но и культурно-правовой медиатор. В условиях глобализации и интенсификации международного правового взаимодействия точность перевода юридической терминологии приобретает ключевое значение для обеспечения эффективного сотрудничества и правовой определённости. Однако специфика и сложность русской правовой терминосистемы, вкупе с различиями между правовыми системами России и Китая, порождают проблемы терминологической эквивалентности, полисемии и семантической неоднозначности, что негативно сказывается на качестве перевода и может привести к юридическим коллизиям.

Таким образом, исследование теоретических основ, актуального состояния и существующих проблем перевода русской юридической терминологии, а также разработка эффективных стратегий их преодоления, представляют значительную практическую ценность для совершенствования переводческой практики и углубления правового и культурного диалога. Цель настоящего исследования – систематизация научной литературы, обобщение достигнутых результатов, выявление ключевых переводческих трудностей и поиск решений, что может послужить теоретико-методологической основой для дальнейшей работы в данной области.

Определение и характеристики русской юридической терминологии

В исследованиях, посвященных юридической терминологии, ряд ученых выделил ее ключевые свойства и принципы перевода.

Лю Фэй (2006) характеризует юридическую терминологию в китайских и российских документах как профессионально-специализированную, точную и нормативную, подчеркивая ее центральную роль в правовых текстах. Сюй Вэньин (2010), анализируя ошибки перевода, акцентирует точность и профессионализм терминов, настаивая на строгом соблюдении принципа эквивалентности при их переводе.

Пан Дунмэй (2015) детализирует особенности русско-китайской юридической терминологии, отмечая ее профессиональную специализированность, относительную соотнесенность значений парных терминов, иерархичность выражения и разнообразие этимологических источников. В качестве методологической основы перевода она предлагает принцип эквивалентности языковых и юридических функций.

Лю На (2013), исследуя генезис терминов, указывает на многообразие и сложность русской правовой лексики, формирующейся преимущественно путем заимствований из иностранных языков, использования общеупотребительной лексики и терминов других профессиональных областей.

Чи Цзя (2019) в контексте перевода на английский язык анализирует определение и классификацию правовых терминов, обосновывая необходимость теоретической базы и поиска функциональной эквивалентности между языками.

Мэн Сючжу (2019), изучая лингвистические особенности терминологии на материале Гражданского кодекса России, выделяет такие ее атрибуты, как профессиональная специализированность, нормативность и стабильность.

Не Вэйдун (2022) вводит культурно-семантический аспект, утверждая, что содержание русской юридической терминологии фиксирует и отражает генезис правовых концепций, что обуславливает необходимость учета культурного контекста при переводе.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует комплексное и многоаспектное исследование дефиниции и характерных черт русской юридической терминологии, формирующее солидную теоретическую базу и предоставляющее практическое руководство для перевода правовой лексики. Особенности русской юридической терминологии: определение, классификация, языковые характеристики и культурные коннотации

Основные проблемы перевода юридической терминологии

Проблема терминологической эквивалентности при переводе русской юридической терминологии заключается в установлении корреспонден-

ции между терминами исходного языка и языка перевода. До Кэюнь (2005) на основе сравнительного анализа исследований китайских и российских учёных в области юридической лингвистики рассмотрел лингвистические и словообразовательные особенности русской правовой терминологии, исследовал причины возникновения синонимии, полисемии и амбивалентности в русской юридической терминологии и указал, что многозначность юридических терминов существует лишь в широкой области права, тогда как в отраслевом законодательстве они должны быть однозначными.

Сюй Вэньин (2010) систематизировала типичные ошибки перевода в юридическом русском языке, проанализировала причины их возникновения и подчеркнула сложность и профессиональную специфику перевода юридической терминологии. Кроме того, Лю На (2013) исследовала особенности русской юридической терминологии и методы её перевода, отметив необходимость теоретической базы и практического поиска функциональной эквивалентности между языками.

Пан Дунмэй (2015) изучила стратегии перевода русско-китайской юридической терминологии, предложив придерживаться принципа эквивалентности языковых и юридических функций в процессе перевода. Чи Минцзя (2019) путём анализа третьей главы работы «Особенности перевода юридической терминологии с русского на английский язык» обобщила методы перевода лексики и предложений в юридической терминологии и составила сравнительную таблицу китайской, русской и английской правовой терминологии.

Юэ Цян (2024) на примере перевода термина «право личности» из Гражданского кодекса Китая на русский язык исследовал стратегии перевода юридической терминологии с китайской спецификой, подчеркнув важность корреспонденции, локализации, создания терминов, межкультурной коммуникации и унификации стандартов.

Следует отметить, что проблема терминологической эквивалентности в переводе русской юридической терминологии является многогранной и требует комплексного учёта юридических и языковых функций терминов, а также культурного контекста для обеспечения точности и согласованности перевода.

Анализ причин проблем перевода юридической терминологии

Различия правовых систем и языково-культурные особенности создают значительные сложности при переводе русской юридической терминологии.

До Кэюнь (2005) в сравнительном исследовании лингвистических и словообразовательных особенностей русской правовой терминологии выделяет такие явления, как синонимия, полисемия и семантическая неоднозначность, требующие особого внимания в переводческой практике.

Сюй Вэньин (2010) анализирует типичные переводческие ошибки, подчёркивая необходимость комплексного владения как юридическими, так и лингвистическими знаниями для обеспечения точности перевода.

Лю Фэй (2006) на основе изучения правовой документации формулирует стандарт «точности и адекватности» для перевода юридических текстов, предлагая теоретическое руководство через анализ их лексико-грамматических особенностей.

Пан Дунмэй (2015) разрабатывает стратегии перевода, настаивая на принципе эквивалентности языковых и правовых функций и предлагая сочетать синхронный и диахронный подходы, а также стратегии ассимиляции и иностранзации.

Лю На (2013) исследует особенности терминологии и методы её перевода, делая акцент на поиске функциональной эквивалентности между языковыми системами.

Чи Минцзя (2019), анализируя перевод на китайский язык, рассматривает проблемы верификации терминов, перевода неутверждённых понятий, полисемии и контекстуальной интерпретации, обобщая методы работы с лексикой и синтаксисом.

Не Вэйдун (2022) в культурно-семантической перспективе изучает процессы фиксации и сохранения культурного содержания в русских правовых терминах, раскрывая их специфическую концептуальную семантику.

Юэ Цян (2024) на примере перевода термина «право личности» анализирует семантическое соответствие русских эквивалентов китайскому оригиналу и обобщает стратегии перевода терминологии с национальной спецификой.

Таким образом, исследования предлагают многоаспектный подход к преодолению лингвистических и культурных барьеров в переводе юридической терминологии.

В заключение можно констатировать, что различия правовых систем и языково-культурные различия оказывают значительное влияние

на перевод русской юридической терминологии, поэтому в переводческом процессе необходимо в полной мере учитывать данные факторы для обеспечения точности и эффективности перевода.

Литература

1. Арухан. Предварительное исследование русской юридической терминологии // Журнал Университета Внутренней Монголии (национальности) (социальные науки). 2007. Т. 33. № 2. С. 30–31. DOI:10.3969/j.issn.1671-0215.2007.02.009.
2. Доу Кэюнь. Явления синонимии, полисемии и омонимии в русской юридической терминологии // Журнал Цзилиньского педагогического университета (гуманитарные и социальные науки). 2006. Т. 34. № 4. С. 73–76. DOI:10.3969/j.issn.1007-5674.2006.04.019.
3. Лю На. Особенности русской юридической терминологии и методы её перевода // Хэйлунцзян кэцзи синьси. 2013. № 9. С. 182. DOI:10.3969/j.issn.1673-1328.2013.09.174.
4. Не Вэйдун. Исследование культурной семантики русской юридической терминологии: Дис. ... Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2022.
5. Пан Дунмэй. Исследование стратегий перевода русско-китайской юридической терминологии // Сибирские исследования. 2015. Т. 42. № 5. С. 59–64. DOI:10.3969/j.issn.1008-0961.2015.05.013.
6. Сюй Вэньин. Ошибки в переводе распространённых русско-китайских юридических терминов при юридическом переводе // Журнал Тяньцзиньского института менеджмента. 2010. № 2. С. 49–50. DOI:10.3969/j.issn.1009-3877.2010.02.023.
7. Ян Вэньчэн. Перевод юридических текстов с русского языка // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 1998. № 6. С. 42–44.
8. Чжао Майлин. Краткий анализ особенностей русской юридической терминологии и методов её перевода // Шэньси цзяоюй (Высшее образование). 2015. № 8. С. 24–25. DOI:10.3969/j.issn.1002-2058.2015.08.013.

TRANSLATION OF RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY IN CHINA

Jiang Yuan
Xinjiang Normal University

This article aims to examine the current status, existing problems, and strategies for addressing them in the translation of Russian-language legal terminology in China. Through a retrospective analysis of the historical development of legal linguistics, as well as an analysis of the definition, characteristics, and classification of Russian legal terminology, the article summarizes China's scientific achievements in this field and identifies common problems in the translation process, such as term equivalence, polysemy, and ambiguity. The article then discusses the application of functional equivalence theory and pragmatics in translation methods, as well as the specific implementation of literal translation, descriptive translation, assimilation, and foreignization strategies. In conclusion, directions for the future development of the translation of Russian legal terminology are proposed, including interdisciplinary research, the application of new translation technologies, the creation of standardized terminology databases, enhanced translator training, and international cooperation. The study demonstrates that the integrated use of various translation strategies in conjunction with modern technological tools can effectively improve the quality of translation of Russian legal terminology.

Keywords: Russian legal terminology; translation strategies; functional equivalence theory; terminology database; international cooperation.

References

1. Aruhan. A Preliminary Study of Russian Legal Terminology // Journal of Inner Mongolia University (Nationalities) (Social Sciences). 2007. Vol. 33. No. 2. Pp. 30–31. DOI:10.3969/j.issn.1671-0215.2007.02.009.
2. Dou Keyun. Phenomena of Synonymy, Polysemy, and Homonymy in Russian Legal Terminology // Journal of Jilin Normal University (Humanities & Social Science). 2006. Vol. 34. No. 4. Pp. 73–76. DOI:10.3969/j.issn.1007-5674.2006.04.019.
3. Liu Na. Features of Russian Legal Terminology and Its Translation Methods // Heilongjiang Keji Xinx. 2013. No. 9. P. 182. DOI:10.3969/j.issn.1673-1328.2013.09.174.
4. Ne Weidong. A Study on the Cultural Semantics of Russian Legal Terminology: Diss. ... Heilongjiang: Heilongjiang University, 2022.
5. Pan Dongmei. A Study on Translation Strategies of Russian-Chinese Legal Terminology // Siberian Studies. 2015. Vol. 42. No. 5. Pp. 59–64. DOI:10.3969/j.issn.1008-0961.2015.05.013.
6. Xu Wenying. Common Errors in Translating Russian-Chinese Legal Terms in Legal Translation // Journal of Tianjin Institute of Management. 2010. No. 2. Pp. 49–50. DOI:10.3969/j.issn.1009-3877.2010.02.023.
7. Yang Wencheng. Translation of Russian Legal Texts // Foreign Languages and Their Teaching. 1998. No. 6. Pp. 42–44.
8. Zhao Mailin. A Brief Analysis of the Features of Russian Legal Terminology and Its Translation Methods // Shaanxi Jiaoyu (Higher Education). 2015. No. 8. Pp. 24–25. DOI:10.3969/j.issn.1002-2058.2015.08.013.

Шамина Наталья Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
E-mail: morcap@mail.ru

Оганесян Елена Айказовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: oganeselen@mail.ru

Цель статьи заключается в рассмотрении основных характеристик и функций медиадискурса. Несмотря на широту понятия, представляется необходимым выявить общие черты данного коммуникативного пространства. В статье также предпринимается попытка анализа особенностей медиатекста. Утверждается, что современные медиа являются видом дискурса с высоким прагматическим потенциалом, поскольку при передаче информации на первое место выходит функция воздействия на адресата речевого произведения. Авторы приходят к заключению, что в медиадискурсе реализуется прагматическая функция, которая выражается, прежде всего, в использовании различных языковых средств.

Ключевые слова: медиалингвистика, дискурс, медиадискурс, медиатекст, прагматическая функция, медиапространство, коммуникативная среда

Роль средств массовой информации в обществе неуклонно растёт, поэтому рассмотрение прагматических особенностей медиадискурса как значимой когнитивно-коммуникативной сферы приобретает всё большее значение. Базовым элементом любого медиадискурса является медиатекст. Именно посредством медиатекста происходит речевое общение в медиадискурсе. При переносе классического текста в сферу массмедиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки. Можно смело утверждать, что сегодня тексты массовой информации или медиатексты являются одной из самых распространенных форм бытования языка. Медиатексты образуют смысловые поля, которые образуют медиадискурс.

Рассмотрим общие понятия дискурса. Дискурс считается более спонтанным явлением, чем традиционный текст, который более упорядочен и каноничен. Дискурс – явление динамичное, а текст статичен; дискурс всегда нацелен на определенную аудиторию (коммуникативная, прагматическая составляющая), тогда как текст рассчитан на абстрактного реципиента. Дискурс существует в рамках определенной коммуникативной ситуации, в рамках определённых экстралингвистических факторов, в то время как текст существует в неопределённой ситуации восприятия его реципиентом [9]. На современном этапе, когда в изучении языка преобладает коммуникативный подход, всё большую актуальность получают исследования различных видов дискурса, в том числе медиадискурса [8; 10; 11]. Дискурс как более широкое понятие, включающее в себя различные тексты, позволяет анализировать языковые явления более обширно. Одним из первых термин «дискурс» для определения связной речи употребил представитель французской лингвистики Э. Бенвенист. Под дискурсом он понимал «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим» [1, с. 312].

Выделим основные отличительные черты медиадискурса и рассмотрим формулировки данного понятия. Особый вклад в изучение медиадискурса внесла Т.Г. Добросклонская, по мнению которой становление и развитие медиалингвистики как самостоятельного направления обусловлено целым рядом факторов как собственно языковых, так и относящихся к информационно-технологической и социокультурной сферам общественной жизни. Предметом медиалингвистики является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации и в медиадискурсе.

Специфика медиадискурса заключается в том, что он функционирует в медиапространстве, через которое не только передаёт информацию, но и выделяет и субъективно интерпретирует события окружающей действительности, влияя на массовое сознание личности, формируя общественное мнение. Сам медиадискурс Т.Г. Добросклонская определяет как «сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [3, с. 22]. Также автор замечает, что «медиадискурс с точки зрения медиалингвистики – это актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [3, с. 23].

М.Р. Желтухина определяет медиадискурс как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [4, с. 132]. Основной функцией медиадискурса называют процесс массовой коммуникации, посредством которой реализуют свой мировоззренческий ресурс, направленный на «когнитивную обработку социума и индивида с целью формирования особой картины мира» [2, с. 13].

Ещё одной особенностью медиадискурса является то, что в нём вербальный текст сочетается с разнообразными медийными компонентами (видеорядом, звуковым рядом, графическими изображениями и др.). В медиадискурсе наилучшим образом суммируются и передаются знания адресату. Информационные технологии определяют рождение новых жанров и форматов журналистики в сфере медиадискурса. Он выполняет роль своего рода социального посредника, который помогает устанавливать контакты между различными структурами в гражданском обществе, поэтому важно понимать и анализировать

те языковые средства, которые могут способствовать сглаживанию конфликтов в обществе или наоборот к их разжиганию. По утверждению Е.С. Рябовой, «Медиадискурс имеет свою прагмалингвистическую специфику, проявляющуюся в особенностях организации материала и способах его презентации, а также в корреляции присущих ему категорий информативности и экспрессивности, функций сообщения и воздействия» [7, с. 4].

М.Ю. Казак определяет медиадискурс как «интегративное многоуровневое поле, объединяющее в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующее принципиальную открытость на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [5, с. 323]. Автор считает отличительными чертами медиадискурса медийность (реализация при помощи медиасредств), массовость, интегративность, поликодовость, открытость.

Основной функцией медиадискурса считается информативная. Медиадискурс часто выступает идеологическим полем в борьбе различных политических сил, в чём состоит агитационная функция медиадискурса. В нём особым образом организуются и оформляются первичные тексты, что отличает их от традиционных текстов.

В жанровом аспекте медиадискурс может быть классифицирован по следующим критериям:

- по каналу распространения (радиосообщения, интернет-СМИ, телевидение);
- по институциональному типу текста (рекламный медиадискурс, новостной медиадискурс и т. д.);
- тип адресата и адресанта;
- тематическая доминанта.

Медиадискурс обладает весьма мощной и разветвленной жанровой системой. Можно выделить публицистический медиадискурс, рекламный, радиодискурс, телевизионный дискурс и др. Также выделяются три канонизированные жанровые группы: информационная, аналитическая, художественно-публицистическая. И.В. Рогозина определяет следующие разновидности медиатекстов, которые формируют медиадискурс: «новостные, аналитические, критические, политико-публицистические и др.» [6, с. 50].

Одним из важных аспектов коммуникативного взаимодействия медиадискурса является адресат. Адресатом массмедийного дискурса – массовый читатель, который может легко понять представленную информацию без специальной подготовки, так как в медиадискурсе используются доступные ему лексические и грамматические средства. При этом медиадискурс подразделяется на качественный, массовый, бульварный. Коммуникативное воздействие медиадискурса может различаться при межкультурной коммуникации: если некоторые языковые средства в одном языке оказывают большое эмоциональное воздействие на аудиторию, то при передаче на другой язык могут полностью утратить свой воздействующий эффект.

Специфическим свойством медиадискурса является его интертекстуальность, понимаемая как непосредственное сосуществование двух или более текстов в одном – в виде цитаты, намека или образа. В качестве элемента интертекстуальности могут выступать в том числе антропонимы, выступающие как интертекстуальные аллюзии.

К основным признакам медиатекста можно отнести следующие:

1. на грамматическом уровне – большое количество глагольных словосочетаний, пассивные формы и безличные конструкции;
2. стремление к языковой компрессии;
3. использование фраз-связок, фраз-клише, ссылок на источник информации, форматирующих текст словосочетаний, включая оформление цитат.

Медиадискурс, таким образом, является значимой коммуникативной средой, в которой транслируются культурные коды и экстраполируются отдельные характеристики социума. К основным характеристикам дискурса массмедиа относят: публичность (широкая аудитория); не прямое, разделённое в пространстве и времени взаимодействие коммуникантов; односторонность воздействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей и способность воздействовать на аудиторию. Медиадискурс отличается большим жанровым разнообразием и выполняет информативную, агитационную и развлекательную функции в зависимости от коммуникативной установки медиатекста. Медиадискурс – широкое коммуникативное поле, в котором могут функционировать различные типы дискурса, формируя, например, рекламный медиадискурс, телевизионный медиадискурс и т.д. В медиадискурсе реализуется прагматическая функция, которая выражается в использовании разных языковых и аудиовизуальных средств, позволяющих усиливать интенции автора.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: «Прогресс», 1974. – 448 с.
2. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. – М.: «Аспект Пресс», 2015. – 312 с.
3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов. – М.: Диалог-МГУ: МАКС пресс, 2000. – 287 с.
4. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
5. Казак М.Ю. Специфика современного медиа-текста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография. – М., 2012. – С. 320–334.
6. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19: Барнаул, 2003. – 430 с.
7. Рябова Е.С. Информативность англоязычного медиатекста в лингвокогнитивном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: Самара, 2012. – 218 с.
8. Шамина Н.В., Оганесян Е.А. Специфика англоязычного культурного медиадискурса // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10. – С. 65–67.
9. Шамина Н.В. К вопросу о соотношении лингвистического и экстралингвистического факторов при анализе текста и обучении чтению // Гуманитарные исследования: традиции и инновации / Сб. науч.-метод. тр. МГУ им. Н.П. Огарёва. – Саранск, 2004. – С. 208–211.
10. Шамина Н.В., Саданова А.А. Лингвистические характеристики англоязычного культурного медиа-дискурса // Дневник науки. 2024. № 2. – С. 1–6.
11. Shamina N.V., Sadanova A.A. On the Issue of Modern Media Discourse // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2022. № 1 (22). – С. 154–158.

MAIN CHARACTERISTICS AND FUNCTIONS OF MEDIA DISCOURSE AND MEDIA TEXT

Shamina N.V., Oganessian E.A.

National Research Mordovia N.P. Ogarev State University of Saransk, National Research Moscow State University of Civil Engineering

The purpose of this article is to examine the main characteristics and functions of media discourse. Despite the broadness of the concept, it is necessary to identify the common features of this communicative space. The article also attempts to analyze the features of media text. It is argued that modern media is a type of discourse with a high pragmatic potential, as the function of influencing the recipient of a speech product takes precedence in the transmission of information. The authors conclude that media discourse implements a pragmatic function, which is primarily expressed through the use of various linguistic means.

Keywords: medialogistics, discourse, media discourse, media text, pragmatic function, media space, communicative environment

References

1. Benveniste E. General Linguistics. Moscow: Progress, 1974, 448 p.
2. Dzyaloshinsky I.M. Modern media space of Russia. Moscow: Aspect Press, 2015. 312 p.
3. Dobrosklonskaya T.G. Questions of studying media texts. Moscow: Dialog–Moscow State University: MAKS Press, 2000. 287 p.
4. Zheltukhina M.R. Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of the speech effect of tropes in the language of mass media. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Volgograd: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2003. 656 p.
5. Kazak M.Y. The specifics of modern media text // Linguistics of speech. Media Stylistics: a collective monograph. Moscow, 2012. Pp. 320–334.
6. Rogozina I.V. The media picture of the world: cognitive and semiotic aspect: Dis. ... Doctor of Philology: 02/10/1919: Barnaul, 2003. 430 p.
7. Ryabova E.S. The informativeness of the English-language media text in the linguocognitive aspect: Dissertation of the Candidate of Philology: 02/10/04: Samara, 2012. – 218 p.
8. Shamina N.V., Oganessian E.A. The specifics of the English-speaking cultural media discourse // Socio-humanitarian knowledge. 2025. No. 10. Pp. 65–67.
9. Shamina N.V. On the question of the correlation of linguistic and extralinguistic factors in the analysis of text and teaching reading // Humanitarian studies: traditions and innovations / Collection of scientific and Methodological tr. MSU named after N.P. Ogarev. – Saransk, 2004. – Pp. 208–211.
10. Shamina N.V., Sadanova A.A. Linguistic characteristics of English-language cultural media discourse // Diary of science. 2024. No. 2. Pp. 1–6.
11. Shamina N.V., Sadanova A.A. On the Issue of Modern Media Discourse // At the intersection of languages and cultures. Current issues of humanitarian knowledge. 2022. No. 1 (22), Pp. 154–158.

Социологическая оценка эффективности государственного управления в условиях цифровизации

Бузыкова Юлия Сергеевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Juliaserg_buz@mail.ru

Статья анализирует трансформацию критериев эффективности государственного управления в условиях перехода от бюрократических и менеджерских моделей к цифровому государству, фиксируя ограниченность технократических метрик, ориентированных на масштабы оцифровки и экономию ресурсов. Эффективность интерпретируется как социально обусловленная характеристика, зависящая от восприятия граждан, распределения цифровых компетенций и неоднородности социальной структуры, вследствие чего агрегированные показатели удовлетворённости способны скрывать устойчивые различия опыта между группами и территориями. Предлагается многоуровневая логика социологической оценки, включающая пользовательский опыт взаимодействия с сервисами, социальные последствия цифровизации (инклюзия/эксклюзия, цифровое неравенство), а также институциональное доверие, уязвимое к рискам непрозрачности алгоритмов, утечек данных и расширения надзорных практик. Особое внимание уделено эффектам алгоритмизации и применению искусственного интеллекта, включая проблемы ответственности, обжалования решений и воспроизводства дискриминаций через обучающие данные. Обосновывается необходимость методологической интеграции количественных и качественных процедур, использования цифровых следов при соблюдении этических требований, учёта временной динамики и перехода к непрерывному мониторингу при институциональной независимости оценивания и рефлексии ценностных конфликтов между эффективностью, равенством, приватностью и подотчётностью.

Ключевые слова: цифровизация, эффективность государственного управления, социологическая оценка, цифровое неравенство, институциональное доверие.

Введение

Трансформация государственного управления под влиянием цифровых технологий представляет собой одну из ключевых характеристик современного этапа развития публичной власти. Переход от традиционных бюрократических моделей к электронному правительству и далее к концепции цифрового государства сопровождается существенными изменениями во взаимоотношениях между властью и обществом [7]. Социологическая наука оказывается перед необходимостью выработки новых подходов к оценке того, насколько результативно функционируют государственные институты в изменившихся условиях, поскольку классические критерии эффективности, разработанные для индустриальной эпохи, не в полной мере отражают специфику цифрового взаимодействия.

Понятие эффективности государственного управления само по себе является дискуссионным в социологической теории [3]. Различные исследовательские традиции предлагают несовпадающие интерпретации того, что следует считать результативной деятельностью публичных институтов. Веберианская традиция акцентирует внимание на рациональности и предсказуемости бюрократических процедур, тогда как неонинституциональный подход смещает фокус на способность государственных структур адаптироваться к меняющимся общественным запросам [11]. Цифровизация добавляет к этой полемике дополнительные измерения, связанные с такими параметрами, как скорость предоставления услуг, степень персонализации взаимодействия с гражданами, уровень прозрачности принимаемых решений.

Социологическое измерение проблемы эффективности цифрового государственного управления предполагает обращение к восприятию граждан как ключевому индикатору качества работы властных институтов. В отличие от экономических или технологических критериев, социологический ракурс ставит во главу угла субъективную удовлетворённость населения, уровень доверия к цифровым каналам взаимодействия с государством, а также социальные последствия внедрения новых управленческих практик [14]. При этом возникает методологическая сложность, связанная с разрывом между объективными показателями цифровизации и их субъективным восприятием различными социальными группами.

Неравномерность распределения цифровых компетенций в обществе создаёт ситуацию, при которой одни и те же управленческие инновации могут восприниматься диаметрально противоположным образом [2]. Для молодых образованных горожан электронные государственные сервисы означают экономию времени и повышение удобства, тогда как для пожилых жителей сельской местности они нередко оборачиваются усложнением доступа к публичным услугам. Это обстоятельство требует от социологии разработки дифференцированных моделей оценки эффективности, учитывающих гетерогенность социальной структуры [9]. Простое агрегирование показателей удовлетворённости может маскировать глубокие различия в опыте взаимодействия с цифровым государством.

Международный опыт демонстрирует существенные расхождения в подходах к измерению результативности электронного правительства. Индексы цифрового развития, составляемые национальными организациями, преимущественно оперируют технико-экономическими показателями, оставляя за скобками социальное измерение [5]. Между тем именно социологическая перспектива позволяет выявить парадоксы цифровизации, когда высокие технологические достижения сочетаются с низким уровнем общественного доверия или когда формально доступные сервисы остаются невостребованными значительной частью населения. Разработка интегративной модели оценки, объединяющей количественные и качественные социологические методы, представляется насущной задачей для исследователей публичного управления.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу проведённого исследования составила комбинация нескольких взаимодополняющих подходов, позволяющих охватить многомерность изучаемого феномена. Системный анализ применялся для рассмотрения государственного управления в условиях

цифровизации как целостного образования, обладающего эмерджентными свойствами, не сводимыми к характеристикам отдельных его элементов. Компаративистский метод использовался при сопоставлении различных теоретических концепций эффективности управления, а также при анализе особенностей социологического измерения цифровой трансформации в различных национальных контекстах [8]. Герменевтический подход применялся для интерпретации текстов ключевых теоретических работ, посвящённых проблематике электронного правительства и цифрового государства.

В качестве эмпирической базы исследования выступили результаты вторичного анализа социологических данных, представленных в отечественных и зарубежных научных публикациях. Критический анализ существующих методик оценки эффективности государственного управления позволил выявить их ограничения применительно к условиям цифровизации и обосновать необходимость разработки новых инструментов социологического измерения [12]. Синтез теоретических положений различных исследовательских школ стал основой для формулирования авторской концепции многоуровневой социологической оценки эффективности цифрового государственного управления.

Результаты и обсуждение

Обращение к генезису социологических концепций эффективности государственного управления обнаруживает их укоренённость в более широком контексте теорий социального действия и социальной организации. Веберовская модель рациональной бюрократии, ставшая отправной точкой для большинства последующих теоретических построений, связывала эффективность с формализацией процедур, иерархичностью структур и профессионализмом чиновничества [4]. Деперсонализация отношений и опора на универсальные правила рассматривались как гарантия предсказуемости и справедливости управленческих решений. Однако уже к середине двадцатого века стали очевидны ограничения данной модели, проявляющиеся в ригидности бюрократических структур и их неспособности гибко реагировать на изменения внешней среды.

Критика классической бюрократической парадигмы со стороны представителей школы человеческих отношений привлекла внимание к неформальным аспектам организационной жизни [1]. Эффективность стала осмысляться не только через призму формальных показателей деятельности, но и через характеристики организационного климата, уровень мотивации сотрудников, качество межличностных коммуникаций. Данный сдвиг имел принципиальное значение для формирования социологического подхода к оценке управленческой деятельности, поскольку он легитимизировал обращение к субъективным восприятиям участников управленческого процесса как к полноценному источнику информации о его результативности.

Концепция нового публичного менеджмента, получившая распространение в последней четверти прошлого века, предложила иную интерпретацию эффективности государственного управления, основанную на перенесении принципов частного сектора в сферу публичной власти [6]. Ориентация на результат, клиентоцентричность, конкуренция между поставщиками услуг стали новыми критериями оценки деятельности государственных органов. Граждане в рамках данной модели концептуализировались как клиенты или потребители, чья удовлетворённость служила главным мерилом качества управления. Социологические методы опросных исследований оказались востребованы для систематического измерения этой удовлетворённости и её факторов.

Переход к электронному правительству первоначально воспринимался преимущественно в инструментальном ключе как технологическое средство реализации принципов нового публичного менеджмента [10]. Автоматизация рутинных процедур, создание интернет-порталов для получения государственных услуг, внедрение систем электронного документооборота рассматривались как способы повышения скорости и снижения издержек взаимодействия граждан с государством. Критерии эффективности на этом этапе формулировались преимущественно в технико-экономических категориях: количество оцифрованных услуг, доля граждан, использующих электронные каналы взаимодействия, сокращение временных затрат на получение услуг.

Накопление опыта функционирования электронного правительства выявило недостаточность сугубо технократического понимания эффективности. Исследования показали, что технологическая доступность сервисов не гарантирует их реального использования населением, а формальные показатели цифровизации могут существенно расходиться с восприятием граждан [15]. Возникло понимание необходимости более комплексного подхода, учитывающего социокультурные факторы, влияющие на взаимодействие населения с цифровым государством. Проблема цифрового неравенства стала рассматриваться не просто как технический вопрос доступа к инфраструктуре, но как

сложный социальный феномен, связанный с распределением культурного капитала и социальной стратификацией.

Современный этап развития, характеризующийся переходом от электронного правительства к цифровому государству, предполагает качественно иное понимание роли технологий в публичном управлении. Речь идёт уже не о простой оцифровке существующих процедур, а о фундаментальной трансформации самой логики взаимодействия государства и общества [13]. Проактивное предоставление услуг на основе анализа данных, персонализация взаимодействия, использование искусственного интеллекта для принятия решений создают принципиально новые условия функционирования публичной власти. Соответственно, и критерии эффективности должны претерпеть существенную эволюцию.

Социологическая оценка эффективности цифрового государственного управления, по нашему мнению, должна опираться на многоуровневую модель, учитывающую различные аспекты взаимодействия граждан с властью. Первый уровень связан с непосредственным опытом использования цифровых государственных сервисов и охватывает такие параметры, как удобство интерфейсов, скорость обработки обращений, полнота предоставляемой информации. Измерение на этом уровне осуществляется преимущественно количественными методами посредством массовых опросов, анализа статистики обращений, мониторинга показателей качества обслуживания.

Второй уровень модели касается социальных последствий цифровизации управления для различных групп населения [3]. Здесь на первый план выходят вопросы доступности цифровых сервисов для уязвимых категорий граждан, влияния перехода к электронным каналам взаимодействия на социальную инклюзию или эксклюзию, трансформации практик обращения за государственной помощью. Качественные социологические методы, включая глубинные интервью и фокус-группы, позволяют выявить нюансы опыта взаимодействия с цифровым государством, которые ускользают от количественного измерения.

Третий уровень предлагаемой модели связан с институциональным доверием как интегральным показателем эффективности государственного управления [7]. Цифровизация оказывает противоречивое воздействие на уровень доверия граждан к властным структурам. С одной стороны, повышение прозрачности и снижение коррупционных рисков за счёт автоматизации процедур могут способствовать росту доверия. С другой стороны, алгоритмическое принятие решений порождает новые опасения, связанные с непрозрачностью используемых алгоритмов, рисками утечки персональных данных, возможностью тотального контроля со стороны государства.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема операционализации понятия эффективности применительно к условиям цифровизации. Традиционное разграничение результативности как соотношения достигнутых результатов и поставленных целей и экономичности как соотношения результатов и затраченных ресурсов нуждается в уточнении [11]. В цифровой среде возникают новые измерения эффективности, связанные со способностью государственных институтов генерировать и использовать данные для улучшения качества управленческих решений. Датификация управления создаёт возможности для реализации доказательной политики, основанной на систематическом анализе больших массивов информации о функционировании общественных систем.

Методологические трудности социологической оценки эффективности цифрового управления связаны с множественностью критериев и их потенциальной противоречивостью. Оптимизация по одному параметру нередко приводит к ухудшению других показателей [5]. Ускорение предоставления услуг за счёт алгоритмизации процедур может сопровождаться снижением гибкости и способности учитывать нестандартные случаи. Централизация данных в единых информационных системах повышает удобство для пользователей, но одновременно создаёт риски в сфере информационной безопасности и приватности. Социологическая оценка должна учитывать эти противоречия и предлагать методы их балансировки.

Важным аспектом социологического анализа эффективности является учёт временной динамики. Внедрение цифровых технологий в государственное управление представляет собой процесс, растянутый во времени и проходящий через различные фазы [9]. На начальных этапах преобладают издержки адаптации, связанные с необходимостью освоения новых практик как сотрудниками государственных органов, так и гражданами. Выгоды от цифровизации могут проявляться с существенным временным лагом, что создаёт сложности для оценки в краткосрочной перспективе. Лонгитюдные исследовательские дизайны оказываются необходимыми для адекватного понимания траекторий развития цифрового управления.

Сравнительный анализ национальных моделей цифровизации государственного управления обнаруживает существенную вариативность подходов [14]. Скандинавские страны традиционно демонстрируют высокие показатели развития электронного правительства в сочетании с высоким уровнем общественного доверия к государственным институтам. В этих странах цифровизация воспринимается как естественное продолжение сложившейся традиции социального партнёрства между государством и гражданами. Иная ситуация наблюдается в государствах с более низким исходным уровнем институционального доверия, где технологические инновации могут наталкиваться на сопротивление или безразличие населения.

Особую исследовательскую проблему представляет собой оценка эффективности государственного управления в условиях использования технологий искусственного интеллекта [2]. Алгоритмическое принятие решений ставит под вопрос традиционные представления об ответственности и подотчётности государственных органов. Если решение принимается алгоритмом, то кто несёт ответственность за его последствия? Как граждане могут обжаловать действия, основанные на машинном анализе данных? Эти вопросы имеют не только правовое, но и социологическое измерение, поскольку затрагивают базовые представления о справедливости и легитимности публичной власти.

Проблема алгоритмической предвзятости представляет собой ещё один аспект, требующий социологического осмысления. Системы машинного обучения, используемые в государственном управлении, могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства [8]. Если обучающие данные содержат систематические искажения, связанные с историческими практиками дискриминации, то алгоритмы будут транслировать эти искажения в свои решения. Социологическая экспертиза алгоритмических систем становится важным элементом оценки эффективности и справедливости цифрового управления.

Категория цифрового гражданства приобретает всё большее значение для понимания трансформаций в отношениях между государством и обществом [12]. Цифровое гражданство предполагает не только пассивное потребление государственных услуг через электронные каналы, но и активное участие в формировании публичной политики с использованием цифровых инструментов. Платформы для общественного обсуждения законопроектов, механизмы электронных петиций, системы краудсорсинга идей для улучшения государственного управления расширяют возможности гражданского участия. Социологическая оценка эффективности должна учитывать это партисипаторное измерение.

Вместе с тем следует признать, что расширение цифровых форм участия не обязательно означает углубление демократии. Исследования показывают, что онлайн-участие характеризуется специфическими паттернами неравенства [6]. Активными пользователями цифровых платформ гражданского участия преимущественно являются представители среднего класса с высоким уровнем образования и развитыми цифровыми компетенциями. Голоса менее ресурсных социальных групп оказываются недопредставленными в цифровом публичном пространстве, что ставит под вопрос инклюзивность новых форм взаимодействия государства и общества.

Социологическое исследование эффективности цифрового управления должно учитывать также региональную дифференциацию [1]. Уровень развития цифровой инфраструктуры, распространённость цифровых навыков среди населения, укоренённость практик использования электронных государственных сервисов существенно различаются в зависимости от территории. Столичные агломерации, как правило, демонстрируют более высокие показатели цифровизации по сравнению с периферийными территориями. Это создаёт риски усиления пространственного неравенства и требует дифференцированных подходов к оценке эффективности управления в различных региональных контекстах.

Перспективным направлением развития социологической оценки эффективности представляется интеграция различных источников данных [10]. Традиционные опросные методы могут быть дополнены анализом цифровых следов взаимодействия граждан с государственными сервисами. Паттерны навигации по порталам государственных услуг, статистика обращений в электронные приёмные, тематика и тональность сообщений в социальных сетях содержат ценную информацию о качестве государственного управления. Разумеется, использование таких данных требует соблюдения этических норм и правил защиты персональной информации.

Социологическая оценка эффективности не может абстрагироваться от ценностных оснований государственного управления [4]. Цифровизация не является ценностно нейтральным процессом, она воплощает определённые представления о должном устройстве пу-

бличной власти и её отношениях с обществом. Технократическая ориентация на оптимизацию и эффективность может вступать в противоречие с ценностями равенства, солидарности, защиты частной жизни. Рефлексия относительно этих ценностных измерений должна быть интегрирована в социологический анализ цифрового государственного управления.

Институциональные условия осуществления социологической оценки также заслуживают внимания [15]. Независимость исследовательских структур, занимающихся мониторингом эффективности государственного управления, является необходимой предпосылкой получения достоверных результатов. В ситуациях, когда оценка осуществляется структурами, зависимыми от оцениваемых органов, возникают риски искажения информации и подгонки показателей под желаемые значения. Развитие независимой социологической экспертизы государственного управления представляется важным элементом системы общественного контроля над властью.

Коммуникативное измерение эффективности цифрового управления связано со способностью государственных органов выстраивать диалог с гражданами [3]. Цифровые каналы создают новые возможности для оперативного информирования населения, получения обратной связи, реагирования на проблемы и жалобы. Вместе с тем эффективная коммуникация требует не только технологической инфраструктуры, но и соответствующих компетенций, организационных процедур, культурных установок. Формальное наличие цифровых каналов связи не гарантирует их продуктивного использования.

Особую значимость приобретает проблема информационной безопасности и защиты персональных данных как компонент социологической оценки эффективности [13]. Доверие граждан к цифровым государственным сервисам в значительной мере определяется их уверенностью в сохранности предоставляемой информации. Случаи утечек данных, несанкционированного доступа к персональной информации, использования данных в целях, не связанных с первоначальной целью их сбора, способны подорвать легитимность цифрового государства. Мониторинг восприятия гражданами рисков, связанных с цифровизацией, является важной составляющей комплексной оценки эффективности.

Анализ зарубежного опыта социологической оценки эффективности государственного управления свидетельствует о постепенном переходе от дискретных измерений к непрерывному мониторингу [9]. Вместо периодических обследований удовлетворённости населения внедряются системы постоянного отслеживания качества взаимодействия с государственными органами. Автоматизированный сбор обратной связи после каждого контакта гражданина с государственным сервисом позволяет формировать детальную картину функционирования системы управления в режиме реального времени. Однако такие подходы порождают и новые методологические проблемы, связанные с репрезентативностью получаемых данных и самоотбором респондентов.

Выводы

Социологическая оценка эффективности государственного управления в условиях цифровизации представляет собой сложную многоаспектную задачу, требующую существенного обновления методологического инструментария. Традиционные подходы к измерению результативности публичной власти, сформировавшиеся в доцифровую эпоху, обнаруживают свою ограниченность при столкновении с новыми реалиями электронного взаимодействия государства и общества. Технократические модели оценки, фокусирующиеся на количественных показателях оцифровки государственных услуг, упускают из виду социальное измерение происходящих трансформаций.

Многоуровневая модель социологической оценки предполагает интеграцию нескольких измерений эффективности. На микроуровне речь идёт о непосредственном опыте граждан при взаимодействии с цифровыми государственными сервисами, их удовлетворённости качеством и доступностью услуг. Мезоуровень охватывает социальные последствия цифровизации для различных групп населения, включая проблемы цифрового неравенства и социальной инклюзии. Макроуровень связан с институциональным доверием как интегральным показателем легитимности и эффективности публичной власти в цифровую эпоху.

Противоречия цифровизации государственного управления указывают на неоднозначность её социальных последствий. Повышение скорости и удобства получения услуг для одних категорий граждан может сопровождаться усложнением доступа для других. Расширение возможностей гражданского участия через цифровые платформы не устраняет, а в ряде случаев усиливает неравенство в политической сфере. Алгоритмизация управленческих решений создаёт новые ри-

ски, связанные с непрозрачностью и возможной предвзятостью автоматизированных систем.

Существует необходимость комплексного подхода к оценке эффективности, сочетающего количественные и качественные социологические методы. Массовые опросы позволяют получить обобщённую картину восприятия цифрового государства населением, тогда как качественные исследования раскрывают нюансы индивидуального опыта и выявляют проблемы, не фиксируемые стандартизированными инструментами. Перспективным представляется также использование методов анализа цифровых следов при соблюдении этических требований и норм защиты персональных данных.

Применение возможно при формировании систем мониторинга качества государственного управления, учитывающих специфику цифровой трансформации. Дифференцированный подход к оценке эффективности, принимающий во внимание неоднородность социальной структуры и региональную специфику, способен обеспечить более адекватное понимание реального состояния взаимодействия государства и общества. Институциональные условия осуществления социологической оценки, включая независимость исследовательских структур, являются важной предпосылкой получения достоверных результатов.

Развитие социологической оценки эффективности государственного управления предполагает также рефлексию относительно ценностных оснований цифровизации. Технологический оптимизм, доминировавший на ранних этапах развития электронного правительства, уступает место более сбалансированному взгляду, учитывающему как возможности, так и риски цифровой трансформации публичной власти. Балансировка ценностей эффективности, равенства, приватности, подотчётности становится одной из центральных задач современного государственного управления, и социологическая наука призвана внести свой вклад в её решение.

Литература

1. Журавлева И.А. Социальные эффекты цифровизации государственного управления // Социология. 2023. № 4. С. 93–109.
2. Аничкина А.В. Социальные медиа как индикатор цифровизации государственного управления // Наукосфера. 2024. № 5–1. С. 237–244.
3. Кузовкова Т.А., Шаравова М.М., Ермоленко Д.С., Старовойтова А.С. Анализ целей, задач и достигнутого уровня системы цифрового государственного управления // Экономика и качество систем связи. 2021. № 3 (21). С. 19–33.
4. Джикия А.А., Тихонович Э.А., Джикия М.Д. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации: задачи и проблемы и методы оценки эффективности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1–4 (88). С. 73–76.
5. Зубарев С.М., Иванов А.В. Социально-политические риски цифровизации и их влияние на государственное управление // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 4. С. 76–91.
6. Корнева А.В. Цифровое будущее государственного управления // Вестник связи. 2021. № 1. С. 11–21.
7. Гришина Д.С., Пашутко Д.С., Супрун А.Ю., Хачикян Р.А. Цифровизация государственного управления: преимущества и вызовы // Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2024. Т. 2. С. 58–67.
8. Исаков А.С., Никитина А.С. Цифровизация социального контроля в системе государственного управления в оценках экспертного сообщества // Дневник науки. 2021. № 10 (58). С. 44–51.
9. Суркова А.М. Цифровизация государственного сектора // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2023. № 1–1. С. 39–41.
10. Балынская Н.Р., Захарова Я.М. Цифровизация государственного управления в России // Экономика и политика. 2021. № 1 (17). С. 4–7.
11. Каминченко Д.И., Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Управленческая ментальность в контексте цифровизации: межстрановой анализ // Общественные науки и современность. 2024. № 6. С. 25–40.
12. Саидетова Э.Р. Эффекты от цифровизации государственного управления на региональном уровне // Научный вестник Крыма. 2025. № 1 (54). С. 12–18.
13. Байракова И.В., Маркова С.В., Аюпова В.К. Цифровая трансформация государственного управления и её экономические послед-

ствия // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 3. № 11 (164). С. 22–30.

14. Тульчинский Г. Цифровизация как фактор динамики политических режимов // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 2. С. 9–16.

15. Мальгинова Ю.Н. Цифровые технологии в государственном управлении: основные итоги и проблемы // Научный потенциал. 2024. № 4–1 (47). С. 16–18.

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Buzykova J.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the transformation of criteria for the effectiveness of public administration amid the transition from bureaucratic and managerial models to a digital state, identifying the limitations of technocratic metrics oriented toward the scale of digitization and resource savings. Effectiveness is interpreted as a socially conditioned characteristic dependent on citizens' perceptions, the distribution of digital competencies, and the heterogeneity of the social structure, whereby aggregated satisfaction indicators can conceal persistent differences in experience across groups and territories. A multi-level logic of sociological evaluation is proposed, encompassing user experience in interacting with services, the social consequences of digitization (inclusion/exclusion, digital inequality), and institutional trust, which is vulnerable to risks posed by algorithmic opacity, data leaks, and the expansion of surveillance practices. Particular attention is devoted to the effects of algorithmization and the application of artificial intelligence, including issues of accountability, challenging decisions, and the reproduction of discriminations through training data. The necessity is substantiated for the methodological integration of quantitative and qualitative procedures, the use of digital traces while adhering to ethical requirements, consideration of temporal dynamics, and a shift toward continuous monitoring with institutional independence in evaluation and reflection on value conflicts between efficiency, equality, privacy, and accountability.

Keywords: digitalization, efficiency of public administration, sociological assessment, digital inequality, institutional trust.

References

1. Zhuravleva I.A. Social effects of digitalization of public administration // Sociology. 2023. No. 4. Pp. 93–109.
2. Anichkina A.V. Social media as an indicator of digitalization of public administration // Science sphere. 2024. No. 5–1. Pp. 237–244.
3. Kuzovkova T.A., Sharavova M.M., Ermolenko D.S., Starovoytova A.S. Analysis of goals, objectives, and achieved level of the digital public administration system // Economics and quality of communication systems. 2021. No. 3 (21). Pp. 19–33.
4. Dzhikiya A.A., Tikhonovich E.A., Dzhikiya M.D. Digital transformation of public administration in the Russian Federation: tasks and problems and methods of efficiency assessment // International journal of humanities and natural sciences. 2024. No. 1–4 (88). Pp. 73–76.
5. Zubarev S.M., Ivanov A.V. Socio-political risks of digitalization and their impact on public administration // Science. Culture. Society. 2021. Vol. 27. No. 4. Pp. 76–91.
6. Korneva A.V. Digital future of public administration // Herald of communications. 2021. No. 1. Pp. 11–21.
7. Grishina D.S., Pashutko D.S., Suprun A.Yu., Khachikyan R.A. Digitalization of public administration: advantages and challenges // Integrative trends in medicine and education. 2024. Vol. 2. Pp. 58–67.
8. Isakov A.S., Nikitina A.S. Digitalization of social control in the public administration system in the assessments of the expert community // Science diary. 2021. No. 10 (58). Pp. 44–51.
9. Surkova A.M. Digitalization of the public sector // Science of the 21st century: current directions of development. 2023. No. 1–1. Pp. 39–41.
10. Balynskaya N.R., Zakharova Ya.M. Digitalization of public administration in Russia // Economics and politics. 2021. No. 1 (17). Pp. 4–7.
11. Kaminchenko D.I., Komarov I.D., Gorbunova M.L. Managerial mentality in the context of digitalization: cross-country analysis // Social sciences and modernity. 2024. No. 6. Pp. 25–40.
12. Saidetova E.R. Effects of digitalization of public administration at the regional level // Scientific herald of Crimea. 2025. No. 1 (54). Pp. 12–18.
13. Bayrakova I.V., Markova S.V., Ayupova V.K. Digital transformation of public administration and its economic consequences // Economics and management: problems, solutions. 2025. Vol. 3. No. 11 (164). Pp. 22–30.
14. Tulchinsky G. Digitalization as a factor in the dynamics of political regimes // Public policy. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 9–16.
15. Malginova Yu.N. Digital technologies in public administration: main results and problems // Scientific potential. 2024. No. 4–1 (47). Pp. 16–18.

Волкова Елена Вячеславовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Иностранные языки в профессиональной коммуникации»,
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет», доцент кафедры
«Гуманитарные дисциплины и дизайн», ФГБОУ ВО
«Казанский государственный институт культуры»
E-mail: wolfkova@mail.ru

Плотникова Екатерина Владимировна,

студент, ГАПОУ «Казанское художественное училище имени
Н.И. Фешина»
E-mail: plotnikovaekaterinaqwer@gmail.com

Фокус данного исследования нацелен на изучение влияния интернет – среды на развитие личности студента. Актуализация данной темы связана с расширением интернет пространства в современном мире и активизации в нем человека и его/ее цифрового потенциала. Исследователями приводится авторское понятие виртуальной социализации как процесса усвоения индивидом норм, ценностей и моделей поведения, которые необходимы человеку для существования в виртуальной среде. Используя методы анализа и социологического опроса, авторы выделили и проанализировали следующие составляющие виртуальной социализации, такие как частота и характер интернет и игрового взаимодействия, влияние виртуального общения на реальную социализацию, отношение к виртуальному общению. Отмечено, что интернет и игровые сообщества выполняют функции социальной компенсации и самореализации, особенно у респондентов с ограниченными офлайн-контактами. Анализ полученных данных показал, что виртуальная социализация расширяет спектр коммуникативных стратегий, но требует балансировки с офлайн-опытом для сохранения полноценной социальной компетентности личности.

Ключевые слова: социализация, цифровое общение, интернет-сообщества, онлайн-коммуникация, социальные сети, компьютерные игры, виртуальное и интернет взаимодействие.

В условиях развития цифровых технологий интернет-среда стала важной частью жизни человека. Особый интерес представляет тот факт, что виртуальное взаимодействие становится полноценной формой социализации, под которой мы понимаем процесс усвоения индивидом норм, ценностей и моделей поведения, которые необходимы человеку для жизни в обществе. Виртуальная социализация представляет собой аналогичный процесс, только происходящий в интернет среде: в соцсетях, онлайн-играх, форумах и других формах сетевого взаимодействия. Однако, научные взгляды в этом вопросе неоднозначны. С одной стороны, учеными подчеркивается развивающий потенциал интернет-среды, с другой – риски цифровой зависимости. Актуальность нашего исследования состоит в том, что цифровая грамотность представителей молодого поколения Z зашкаливает. Они больше не видят реализацию своего личностного потенциала в отрыве от цифрового информационного пространства, являясь частью этой культуры с ее ценностями и установками, и связывают свое будущее именно с цифровым социумом. Поэтому в нашем исследовании, мы считаем важным рассмотреть, каким образом онлайн-коммуникация влияет на формирование личности, какие навыки приобретаются в результате участия в интернет сообществах, а какие утрачиваются.

В связи с этим, целью нашей работы будет анализ особенностей социализации личности в условиях цифровых процессов, происходящих в обществе и выявление взаимосвязей влияния интернет-среды на формирование идентичности человека и его/ее социальных связей. Исходя из целей исследования, мы определили следующие задачи, которые помогут нам в научном поиске.

1. Рассмотреть сущность понятия «социализация» и «виртуальная социализация».
2. Описать особенности цифровизации как социокультурного процесса.
3. Проанализировать, как интернет влияет на становление личности – формирование самосознания, ценностей, форм, коммуникативных стратегий.
4. Определить позитивные и негативные последствия цифровой социализации (культурные, психологические, этические аспекты).

Теоретико-методологическую основу данного исследования составили работы зарубежных и отечественных ученых. А именно, в использованной нами литературе, мы выделяем три ключевые группы исследований. Первая группа представлена работами зарубежных ученых, таких как, английский ученый – футуролог Ричард Уотсон, немецкий социолог, философ, социальный психолог и психоаналитик, Эрих Фром. И продолжает это список авторский коллектив немецких исследователей: Аксель Кроммер, Мартин Линднер, Деян Михайлович, Йоран Муусс-Мерхольц, Филипп Вампфлер (при участии Лизы Розы и Катрин Пассин). В своих работах они выделяют следующие ключевые аспекты, которые легли в основу данного исследования. Все они однозначно высказываются за то, что цифровизация не может не влиять на человека как на индивида, она однозначно меняет человека, проникая в личностное ядро, что приводит к необратимой трансформации человека как личности [1]. Ученые бьют тревогу, что, мы становимся другими и это уже факт [2]. Цифровая среда делает нас более изолированными, более индивидуальными, более зависимыми от внешних факторов. У человека остается все меньше времени побыть наедине с самим собой [3].

Исследования Колпинец Е.В. и Волковой Е.В. больше направлены на то, что интернет среда дает красивую картинку пользователю, за которой, как правило, следует обман [4]. Поэтому нужно очень осторожно пользоваться всеми этими новомодными интернет ресурсами с целью не допустить манипуляций по отношению к себе со стороны агрессивной цифровой среды [5]. Участие человека в различных реали-шоу создает новый тип человека. А именно, – личность, собственноручно делающую из себя отчужденную онлайн-персону в режиме реального времени, выдающую себя и свое окружение с помощью камеры и мыслящую с помощью нарративных арок и зрительских реакций. Вся эта мишура подчинена монетизации человеческой жизни. Современный блогер четко знает, что можно показывать подписчикам под видом «искренности» и «настоящей жизни», а что нельзя показывать ни при каких обстоятельствах [4]. Все эти приемы делают человека отчужденным не только от реальной жизни, но и от самого себя, об этом еще писал немецкий ученый Эрих Фромм [3].

Третью группу составляют труды российских исследователей. И здесь, научный поиск лежит в двух направлениях: в адаптации цифровой среды под процесс обучения и в развитии цифрового типа личности в человеческом сообществе в этих условиях. Исследования Саломатовой О.В. и Жичкиной А.Е. посвящены социально-психологическим аспектам виртуального взаимодействия, в них обозначена взаимосвязь между игровой деятельностью в Интернет пространстве и развитием коммуникативных навыков. Авторы доказали, что участие в многопользовательских играх (MMOG) как наиболее подходящей среде для коммуникации снижает социальную тревожность игроков [6]. А виртуальное взаимодействие становится полноценным социальным пространством, и современное интернет-общение может расширять кругозор личности [7].

Мы решили провести свое собственное исследование по данной проблематике и использовали методы социологического опроса, анализа, сравнения, изучения научной литературы по теме научного поиска. Все эти методы были описаны в пособии Пузановой Ж.В., Троцюк И.В. и Витковской М.И. и адаптированы под данное исследование. [8] Для решения задач нами и был составлен авторский опро-

сник, который был направлен на выяснение особенностей интернет-социализации [9]. Авторами был проведен опрос среди студентов. Участниками опроса стали 114 респондентов, студенты Казанского кооперативного института, обучающиеся по программе СПО, художественного училища им. Фешина и студенты Казанского Государственного Института Культуры. Возраст респондентов колеблется в рамках от 16 до 20 лет. Опрос проводился с целью определить следующие составляющие интернет социализации, а именно:

- 1) частоту и характер интернет и игрового взаимодействия;
- 2) уровень развития коммуникативных и социальных навыков в виртуальном пространстве (личное мнение);
- 3) использование иностранных языков в онлайн-среде;
- 4) оценку влияния виртуального общения на реальную социализацию;
- 5) отношение к виртуальному общению.

Для характеристики выше указанных составляющих цифровой социализации студента, были сформулированы определенные типы вопросов. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1. Данные анализа ответов респондентов по ключевым составляющим виртуальной социализации личности студента

Заданный вопрос	Результат	Вывод
1. Как часто Вы общаетесь в сообществах фандомов, персональных чатов и других интернет-сообществах?	Большинство респондентов (а именно, 65%) проводят в таких сообществах более 4 часов ежедневно, остальная часть наблюдает за ними пассивно	Высокая степень вовлеченности студентов в онлайн – среду подтверждается неоспоримо
2. Как Вы ощущаете себя при взаимодействии с другими игроками в видео играх?	Около 50% респондентов уверенно общается с другими игроками, но другая часть предпочитает ограниченное взаимодействие или общение только по необходимости	Не у всех участников опроса игры действительно развивают коммуникацию – многое зависит от личных особенностей и опыта участия в командных играх
3. Какое ваше впечатление от игровой деятельности и онлайн-платформах?	Половина респондентов (50%) отметила, что онлайн-игры дают возможность завести новых друзей. Остальные считают, что изменений не заметили	Активные пользователи находят в играх основной инструмент социализации, но для других респондентов время в интернете – это простой досуг
4. Как Вы оцениваете последствия взаимодействия с людьми в интернете?	Участники опроса (54%) отметили, что им стало легче общаться в реальной жизни, другая часть респондентов (28%), наоборот, считает интернет более комфортной средой для выражения себя	Для части участников интернет стал тренировкой общения, но почти треть полагается только на онлайн-взаимодействие, что может указывать на трудности с реальными контактами
5. Имеете ли Вы четкие представления о том, для чего Вы тратите время в интернете?	47% респондентов ищет внимание и эмоциональный отклик, другие воспринимают интернет как отдых и способ расслабиться, а 21% респондентов осознают, что проводят там время неосознанно	Большинство ищет собственную выгоду от интернета, но так же немалый процент тех, кто проводит время неосознанно, говорит о неоднозначной пользе сети
7. Что именно Вам дает интернет?	Частые формулировки ответов вроде «радость и смысл жизни», «все», «возможность уйти из реальности»	Интернет многим помогает избежать внутреннего напряжения и заменить реальные впечатления виртуальными
8. Какие плюсы и минусы Вы видите в своей интернет-деятельности?	Среди плюсов чаще всего упоминаются новые знакомства и общение; среди минусов – потеря времени, ухудшение физического состояния и трудности с самоорганизацией	Пользователи осознают двойственный характер онлайн-жизни: она приносит пользу в общении, но имеет заметные побочные эффекты – зависимость, утомляемость и снижение продуктивности

Результаты опроса позволили нам сделать выводы по следующим выделенным маркерам пребывания респондентов в интернет пространстве.

- **Онлайн-активность:** более 65% респондентов проводят в сети более 4 часов в день, преимущественно используя интернет для общения и отдыха.

- **Игровая социализация:** около 57% участников опроса отмечают, что игры помогают развивать коммуникативные навыки и уверенность, что подтверждает выводы Саломатовой О.И. о потенциале игровых сообществ для социального обучения [7].

- **Психологические эффекты:** 54% респондентов считают, что реальное общение стало сложнее, а 38% испытывают усталость от виртуальных контактов – это совпадает с наблюдениями Жичкиной А.Е. о противоречивом влиянии интернет-коммуникации [8].

- **Эмоциональная функция:** почти половина участников опроса используют интернет как средство расслабления и эмоциональной компенсации.

- **Образовательный аспект:** около трети респондентов применяют интернет и игровые платформы для практики иностранных языков, что соотносится с идеей обучения через развлечение [10]. Более подробный анализ данных по этому вопросу представлен на рис. 1.

Анализ данных показал, что интернет и игровые сообщества выполняют функции социальной компенсации и самореализации, особенно у респондентов с ограниченными офлайн-контактами.

Коммуникативные навыки, формирующиеся в виртуальной среде, проявляются преимущественно в письменной форме и в ситуациях, не требующих быстрой эмоциональной реакции, что указывает на частичное, но не полное соответствие навыкам офлайн-взаимодействия [11].

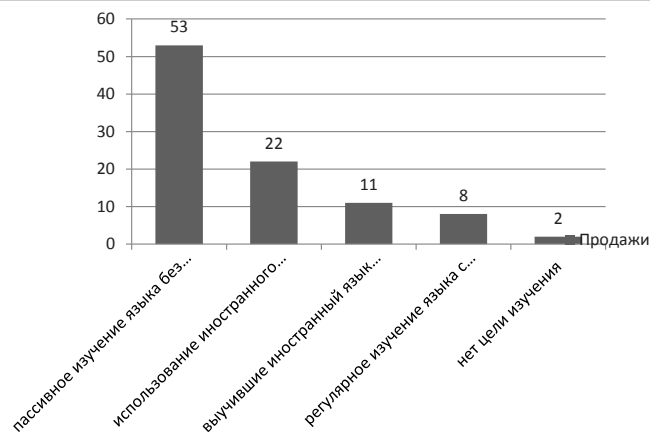

Рис. 1. Данные опроса респондентов по изучению иностранного языка через онлайн коммуникацию

Таким образом, на основании заявленных целей и задач исследования, проведенного социологического опроса и теоретического анализа литературы, мы пришли к следующим выводам.

1. Виртуальная социализация – это процесс адаптации, коммуникации и реализации личности в интернет-сообществах с использованием информационных технологий и погружением в цифровую культуру с ее социальными нормами, ценностями и требованиями.

2. Исследование показало, что цифровизация как социокультурный процесс – это действующее явление, направленное на оцифровывание всех сфер жизни человека с целью монетизации и изменения

человеческого поведения, межкультурного общения, принятых норм и ценностей в обществе. Процесс цифровизации, в конечном счете, ведет к переформатированию самого человека, как индивида, погружая его в информационную цифровую реальность, которая размывает грани между искусственным и настоящим.

3. Анализ интернет влияния на становление личности человека, все его плюсы и минусы показал следующее. Игровые платформы стимулируют развитие кооперации, стратегического мышления и ролевой гибкости, однако не способствуют устойчивым формам эмпатии и невербального общения. Отмеченная у части участников повышенная социальная тревожность и утомляемость от онлайн контактов свидетельствуют о риске полного замещения реальных форм коммуникации виртуальными. Таким образом, виртуальная социализация расширяет спектр коммуникативных стратегий, но требует балансировки с офлайн-опытом для сохранения полноценной социальной компетентности личности человека.

Литература

1. Навигатор по цифровому образованию/ Аксель Кроммер, Мартин Линднер, Деян Михайлович, Йоран Муусс-Мерхольц, Филипп Вампфлер (при участии Лизы Розы и Катрин Пассинг). – М.: Издательство АСТ, 2021. 321 с.
2. Ричард Уотсон. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать. М.: Фантом Пресс, 2017. 208 с.
3. Фромм, Эрих. Здоровое общество/Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной]. – М.: Издательство АСТ, 2022. 528 с. (Эксклюзивная классика).
4. Колпинец Екатерина Владимировна. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты/ Катя Колпинец. – М.: Individuum, 2022. 240 с.
5. Волкова, Е.В. Цифровизация: технологические люди / Е.В. Волкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 2(74). – С. 112–118. – DOI 10.52452/18115942_2024_2_112.
6. Саломатова О.В. Связь типов видеоигр и коммуникативных навыков игроков юношеского возраста: систематический обзор литературы с использованием инструмента PRISMA.: офиц. сайт. — URL: <https://cyberpsy.ru/articles/cvyaz-tipov-videoigr-i-kommunikativnyh-navykov-igrokov-yunosheskogo-vozrasta/> (дата обращения: 15.11.2025).
7. Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете.: офиц. сайт. — <https://cyberpsy.ru/articles/zhichkina-online-obshhenie/> (дата обращения: 16.11.2025).
8. Пузанова Ж.В., Троцюк И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований» – М.: Издательский дом «Высшее Образование и Наука», 2016. 272 с.
9. Волкова, Е.В. Принципы методической организации дополнительного иноязычного образования по формированию социокультурной компетенции у студентов технического вуза / Е.В. Волкова // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17, № 24. – С. 252–255.
10. Обучение через развлечение: Edutainment лагерь как технология современного образования / Голышев Г., Поплавская К., Ерошина Ю., Михеева Е., Мытарев И., Котова Т., Сахарова Д., Ромодина Т.: Альпина Паблишер, 2021. 351 с.

11. Волкова, Е.В. Социальная типология личности: современный формат / Е.В. Волкова // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 2(33). – С. 90–95.

STUDENTS' SOCIAL INTEGRATION IN THE CONTEMPORARY WEBSITE

Volkova E.V., Plotnikova E.V.

Kazan National Research Technological University, Kazan State Institute of Culture, Kazan Art School

This study focuses on the impact of the online environment on student personal development. The relevance of this research is associated with the expansion of the Internet space in the modern world and the activation of a person and his/her digital potential in it. The researchers define virtual socialization as the process of acquisition of knowledge, norms, values and behavioral patterns by an individual which are necessary for social functioning in a virtual environment. Using analytical methods and a sociological survey, the authors identified and analyzed the following components of virtual socialization such as the frequency and nature of online and gaming interactions, the impact of virtual communication on real-life socialization, and attitudes of respondents toward virtual communication. It was noted that the Internet and gaming communities serve as a means of social compensation and self-realization, especially for respondents with limited offline contacts. Analysis of the obtained data revealed that virtual socialization expands the range of communication strategies but requires balancing with off-line experience for keeping and maintaining a full proper social competence of a person.

Keywords: socialization, digital communication, online communities, social network, computer games, virtual and internet interaction.

References

1. Navigator of Digital Education / A. Krommer, M. Lindner, D. Mihajlović, J. Muuß-Merholz, Ph. Wampfler; with contributions by L. Rosa, K. Passing. Moscow: AST, 2021. 321 p.
2. Watson R. The Future: 50 Ideas You Really Need to Know. Moscow: Phantom Press, 2017. 208 p.
3. Fromm E. The Sane Society / trans. by T. Banketova, S. Karpushina. Moscow: AST, 2022. 528 p. (Exclusive Classics).
4. Kolpinets E.V. The Formula of Dreams: How Social Networks Create Our Fantasies. Moscow: Individuum, 2022. 240 p.
5. Volkova E.V. Digitalization: Technological Humans // Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky State University. Series: Social Sciences. 2024. № 2(74). Pp. 112–118. DOI 10.52452/18115942_2024_2_112.
6. Salomatova O.V. Relationship Between Video Game Types and Communication Skills of Adolescent Players: A Systematic Literature Review Using PRISMA. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/cvyaz-tipov-videoigr-i-kommunikativnyh-navykov-igrokov-yunosheskogo-vozrasta/> (accessed 15.11.2025).
7. Zhichkina A.E. Socio-Psychological Aspects of Online Communication. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/zhichkina-online-obshhenie/> (accessed 16.11.2025).
8. Puzanova Zh.V., Trotsyuk I.V., Vitkovskaya M.I. Practicum for the Course «Methodology and Methods of Sociological Research.» Moscow: Higher Education and Science, 2016. 272 p.
9. Volkova E.V. Principles of Methodological Organization of Supplementary Foreign Language Education for the Formation of Sociocultural Competence in Technical University Students // Bulletin of Kazan Technological University. 2014. Vol. 17, № 24. Pp. 252–255.
10. Golyshev G., Poplavskaya K., Eroshina Yu., Mikheeva E., Mytarev I., Kotova T., Sakharova D., Romodina T. Learning Through Entertainment: Edutainment Camp as a Technology of Modern Education. Moscow: Alpina Publisher, 2021. 351 p.
11. Volkova E.V. Social Typology of Personality: Contemporary Format // Sustainable Development Management. 2021. № 2(33). Pp. 90–95.

Формирование профессиональной культуры медицинского инженера: роль образовательной среды и личностных факторов

Гасайниева Убайдат Буньяминовна,

преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности
Института общественного здоровья имени Н.П. Григоренко,
Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: ubayydat@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов формирования профессиональной культуры медицинских инженеров приобретает все большую актуальность в современных образовательных системах. В частности, результаты проведенного анкетирования выявили значительный спрос на обучение именно в специализированных учебных заведениях: более трех четвертей опрошенных (75,2%) выразили мнение, что подготовка по данной специальности должна осуществляться исключительно в медицинских вузах. Этот показатель подтверждает не только взгляд самих студентов на специфику профессии, но и подчеркивает критическую роль специализированной среды для эффективного профессионального становления. Дополнительный анализ образовательных приоритетов студентов выявил, что технические дисциплины выходят на первый план в структуре подготовки будущих медицинских инженеров. Тем не менее, исследование выявило отчетливое смещение в сторону технократических компетенций при заметном дефиците гуманитарной составляющей в образовательных программах.

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о насущной потребности в пересмотре образовательных практик: следует стремиться к построению интегративных программ, соединяющих техническую экспертизу, медицинские знания и развитие гуманитарных ценностей. Такой комплексный подход способен обеспечить не только высокий уровень профессиональных компетенций, но и формирование междисциплинарного мышления и устойчивых ценностных ориентиров, что критически важно для современных специалистов в медицинской инженерии.

Ключевые слова: профессиональная культура, медицинский инженер, образовательная среда, цифровые компетенции.

В современных условиях профессиональная подготовка специалистов предъявляет требования не только к уровню теоретических и практических знаний, но и к развитию целого спектра личностных компетенций. Работодатели ожидают от выпускников ответственности, способности работать в коллективе, самостоятельности и стремления к постоянному профессиональному развитию. Данные качества приобретают особое значение для медицинских инженеров, поскольку именно от их квалификации и личной зрелости во многом зависит надежная эксплуатация и безопасность медицинской техники. Например, в ситуациях внештатных сбоев оборудование критически важно не только обладать знаниями, но и уметь быстро принимать решения, работать с командой врачей и технических специалистов, а также брать на себя ответственность за результаты своих действий.

Важнейшим фактором, влияющим на формирование профессиональной культуры будущих медицинских инженеров, выступает образовательная среда высшего учебного заведения. Она представляет собой комплексное пространство, охватывающее как организацию учебного процесса, так и создание условий для воспитательной работы, привития этических норм и поддержки индивидуального развития студентов. Практическое наполнение образовательной среды может варьироваться – от участия в проектных группах до включения в волонтерские инициативы, что способствует не только освоению профильных дисциплин, но и формированию целостной ценностной установки у выпускника. Таким образом, университетская среда становится не просто местом получения знаний, а пространством личностного становления и профессиональной социализации будущих специалистов (Судаков, 2023).

Современные вузы стоят перед задачей, выходящей за рамки традиционной передачи знаний: им необходимо целенаправленно формировать профессиональную культуру студентов. Это приобретает особое значение в сферах, сопряженных с ответственностью за здоровье и жизнь людей, таких как медицина. Для будущих медицинских инженеров важно не только овладеть специальными техническими умениями, но и придерживаться высоким моральным и этическим стандартам, что подтверждается требованиями как профессионального сообщества, так и работодателей (Гасайниева, 2024).

Образовательная среда университета выполняет несколько ключевых функций. Прежде всего, это академическая составляющая, включающая изучение базовых и специализированных дисциплин, таких как биомеханика, информатика в медицине, вопросы безопасности и эксплуатации медицинского оборудования. На этом этапе закладываются прочные фундаментальные знания, необходимые для профессиональной деятельности.

Вторая важная функция связана с воспитательным воздействием. Университетская среда создает условия для формирования у студентов таких качеств, как ответственности, дисциплинированность, честность, умение принимать решения в сложных ситуациях. Эти характеристики формируются не только на занятиях, но и через участие в дискуссиях об этике профессии, обсуждение реальных кейсов, взаимодействие с преподавателями-кураторами.

Третье направление – практическая ориентация образования. В современных образовательных программах большое внимание уделяется стажировкам, участию в прикладных проектах и работе в лабораториях. Такой опыт позволяет применять полученные знания в реальной профессиональной среде, оттачивать навыки работы в коллективе, а также формирует у студентов понимание ответственности за результаты своей деятельности. Например, работа над проектами по модернизации оборудования в медицинских учреждениях не только обогащает студента с точки зрения практики, но и способствует развитию коммуникации и профессиональной рефлексии (Гасайниева, 2023).

Объединение всех этих элементов делает образовательный процесс целостным и направленным не только на подготовку квалифицированных специалистов, но и на становление их как зрелых профессионалов с развитой системой ценностей.

Профессиональная культура специалиста в сфере медицинской инженерии формируется как комплекс взаимосвязанных компонентов, каждый из которых играет самостоятельную роль в успешной профессиональной деятельности. В первую очередь речь идет

об этическом измерении: медицинский инженер обязан придерживаться высоких стандартов профессиональной этики, проявлять честность, аккуратность, чувство долга и ответственности за принятые решения и результаты труда. Например, при обслуживании оборудования или взаимодействии с медицинским персоналом вопросы конфиденциальности и прозрачности являются ключевыми для поддержания доверия.

Второй важнейший аспект – методологическая культура. Она отражается в умении анализировать сложные технические задачи, владеть современными методами решения профессиональных проблем и системно подходить к проектированию технических решений. Примером может служить разработка алгоритма диагностики неисправности сложного медицинского прибора: инженер должен не только обладать теоретическими знаниями, но и быть готовым оперативно применять их на практике.

Третья составляющая – проектная культура. Медицинский инженер должен иметь навыки участия в создании и внедрении новых образцов оборудования, уметь интегрировать проектные решения в реальную клиническую практику, заниматься документацией и апробацией новых технологий. Здесь востребована командная работа, способность вести коммуникацию между инженерами, врачами и поставщиками оборудования.

Наконец, важное место занимает правовая культура – знание законодательства в области медицинской техники, нормативно-правовых актов, регулирующих оборот, эксплуатацию и сертификацию медицинского оборудования. Без владения этим аспектом невозможно обеспечить соответствие техники стандартам безопасности и легитимности её применения в лечебных учреждениях.

Таким образом, профессиональная культура медицинского инженера – это многоаспектное явление, интегрирующее этические, методологические, проектные и правовые компоненты, что обеспечивает высокий уровень профессионализма и социальной ответственности в деятельности специалиста.

Для изучения механизмов формирования профессиональной культуры современных медицинских инженеров был проведен опрос 105 студентов медицинских вузов, реализованный с применением онлайн-платформы.

Так, отвечая на вопрос, «Какое определение профессии медицинского инженера более всего соответствует требованиям этой специальности?», 76,2% респондентов ответили, что медицинский инженер – это специалист, занимающийся разработкой, проектированием, обслуживанием и технической поддержкой медицинского оборудования. Другие определения данного термина представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Какое определение профессии медицинского инженера, на Ваш взгляд, более всего соответствует требованиям этой специальности?»

При ответе на вопрос о том, должен ли обучаться медицинский инженер только в вузах медицинского профиля, более половины респондентов ответили утвердительно (75,2%), тогда как 15,2% опрошенных считают, что профиль обучения для медицинского инженера не имеет особенного значения, еще 9,5% опрошенных не смогли ответить на данный вопрос.

Анализ важности отдельных дисциплин для обучения медицинского инженера показал, что наиболее важными дисциплинами являются информатика (92,4%), биомеханика (86,7%), проверка, безопасность и надежность (91,4%), математика (68,6%). Предпочтение данных дисциплин отражает современный тренд на информатизацию сферы здравоохранения. При этом, не менее важными направлениями является анатомия (77,1%), физиология (66,7%), что свидетельствует о важности наличия базовых медицинских знаний для медицинского инженера. Такие дисциплины, как радиотехника, физика, электромеханика остались невостребованными респондентами, однако, они также играют важную роль в сфере медицинского инжиниринга.

Более детальное распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено на рисунке 2.

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Какие предметы необходимо включать в образовательные программы для медицинского инженера?»

На рисунке 3 представлены ответы респондентов относительно определения важности технологических новшеств для медицинского инженера.

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Какие технологические новшества Вы считаете наиболее важными для вашей работы?»

Так, ответы респондентов по данному вопросу позволяют сделать следующие выводы. Наиболее приоритетными является искусственный интеллект и машинное обучение (77,1%), робототехника (72,4%). Высокая оценка данных показателей свидетельствует о важности автоматизации данной сферы и анализа больших данных в медицине. Популярность нанотехнологий обусловлена ростом интересов к новым методам лечения и диагностики на микроуровне.

Анализ материалов исследования подтверждает, что профессиональная культура современного медицинского инженера складывается в результате междисциплинарного синтеза технических и медицинских знаний, при этом особое значение приобретает владение цифровыми технологиями. В условиях стремительного развития цифровизации здравоохранения требования к специалистам этой сферы постоянно усложняются: ожидания работодателей включают не только глубокое понимание устройства и эксплуатации медицинской техники, но и компетенции в анализе данных, работе с современными информационными системами и инновационными технологиями, такими как искусственный интеллект и телемедицина.

В связи с этим образовательные программы должны не ограничиваться базовой технической и медицинской подготовкой, а активно формировать навыки работы с современными цифровыми платформами, моделирования и анализа, программирования и взаимодействия с многофункциональными комплексами медицинских устройств. Важно при этом сохранять гуманитарный облик профессии – способность к этическому рефлексированию и эффективному междисциплинарному взаимодействию. Например, современный медицинский инженер должен не только понимать принцип работы сложных диагностических систем, но и осознавать последствия внедрения новых решений для пациентов и медицинского персонала.

Особую роль в таком подходе играет организация образовательной среды, обеспечивающей интеграцию будущих специалистов в профессиональное медицинское сообщество ещё в период обучения. Создание в вузах пространств, где гармонично сочетаются инженерные, медицинские и цифровые компетенции, становится ключевым условием успешной профессиональной социализации студентов. Новые вызовы требуют также постоянного анализа и коррекции учебных планов – их актуализация в соответствии с технологическим прогрессом и динамикой требований отрасли позволяет выпускникам быть конкурентноспособными и готовыми к работе в быстро меняющемся мире медицины.

Таким образом, выводы исследования подчёркивают необходимость гибкого, регулярно обновляемого образовательного процесса, который бы позволял будущим медицинским инженерам эффективно адаптироваться к требованиям современной профессиональной среды и обеспечивал высокое качество их профессиональной подготовки.

Литература

1. Гасайниева У.Б. Роль и востребованность медицинских инженеров в современном здравоохранении / У.Б. Гасайниева // Менеджмент в здравоохранении: вызовы и риски XXI века: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Волгоград, 16–17 ноября 2023 года. – Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2023. – С. 97–98.

2. Гасайниева У.Б. Формирование профессиональной культуры медицинских инженеров в условиях образовательной среды / У.Б. Гасайниева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2024. – № 4. – С. 53–58.

3. Судаков Д.В. О важности подготовки инженеров, работающих с медицинским оборудованием, в настоящее время / Д.В. Судаков, О.В. Судаков, Г.В. Сыч [и др.] // Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2023. – С. 48–54.

DEVELOPING A PROFESSIONAL CULTURE FOR MEDICAL ENGINEERS: THE ROLE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND PERSONAL FACTORS

Ubaidat B.G.

Volgograd State Medical University

This article examines the development of a professional culture among medical engineers, a topic increasingly relevant in modern educational systems. Specifically, the survey results revealed a significant demand for training in specialized educational institutions: more than

three-quarters of respondents (75.2%) expressed the opinion that training in this specialty should be provided exclusively at medical universities. This figure not only confirms the students' own views on the specifics of the profession but also highlights the critical role of a specialized environment for effective professional development. An additional analysis of students' educational priorities revealed that technical disciplines are becoming more prominent in the training of future medical engineers. However, the study revealed a clear bias toward technocratic competencies, with a noticeable lack of a humanities component in educational programs.

Thus, the results of the analysis indicate a pressing need to revise educational practices: we should strive to build integrative programs that combine technical expertise, medical knowledge, and the development of humanities values. This comprehensive approach can ensure not only a high level of professional competencies but also the development of interdisciplinary thinking and strong value systems, which are critical for modern medical engineering professionals.

Keywords: professional culture, medical engineer, educational environment, digital competencies

References

1. Gasaynieva U.B. The Role and Demand of Medical Engineers in Modern Healthcare / U.B. Gasaynieva // Healthcare Management: Challenges and Risks of the 21st Century: Collection of Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 16–17, 2023. – Volgograd: Volgograd State Medical University, 2023. – Pp. 97–98.

2. Gasaynieva U.B. Formation of the Professional Culture of Medical Engineers in the Context of the Educational Environment / U.B. Gasaynieva // Economic and Humanitarian Studies of the Regions. – 2024. – № 4. – Pp. 53–58.

3. Sudakov, D.V. On the importance of training engineers working with medical equipment at the present time / D.V. Sudakov, O.V. Sudakov, G.V. Sych [et al.] // Cheboksary: Publishing house "Sreda", 2023. – P. 48–54.

Профессиональная компетенция экскурсовода в эпоху инклюзии: тифлокомментарий между технологией и искусством описания

Гончарова Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра туризма и индустрии гостеприимства, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Гетманская Марина Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: getmanskaia@pgu.ru

В статье исследуется трансформация профессиональных компетенций экскурсовода в контексте развития инклюзивных практик, где тифлокомментарий выступает как ключевой кейс синтеза технологических решений и гуманитарного мастерства. Автор рассматривает тифлокомментарий не как узкоспециализированную техническую адаптацию, а как высшую форму экскурсионного искусства, перенесённого в цифровую среду. Через призму задач тифлокомментатора – отбора информации, сторителлинга, этической интерпретации и адаптации контента – раскрываются универсальные навыки современного гида: способность выстраивать нарратив, работать с разнообразной аудиторией и создавать эмоционально насыщенный опыт. Особое внимание уделяется балансу между технологическими инструментами и уникальными человеческими качествами – эмпатией, художественным видением и этической ответственностью. Статья доказывает, что в эпоху инклюзии экскурсовод становится медиатором и «переводчиком» между мирами, а тифлокомментарий – моделью будущего, где технология служит проводником, но сутью остаётся человеческое слово, способное оживить историю для любого зрителя, независимо от особенностей восприятия.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, тифлокомментарий, профессиональные компетенции экскурсовода, инклюзивные технологии, аудиодескрипция.

В современном мире демографические изменения, социальные трансформации и глобализация делают инклюзивный подход не просто желательным, а необходимым. Понятие «эпоха инклюзии» обозначает переход от узкого понимания доступности к всеобъемлющей концепции, предполагающей, что все люди, независимо от их особенностей, могут и хотят участвовать в культурной жизни и пользоваться культурным наследием. Это требует отказа от дискриминационных практик и внедрения инклюзивных моделей управления и обслуживания в сфере туризма и культурного наследия.

Традиционно экскурсовод воспринимался в первую очередь как носитель фактов и информации о месте, памятнике или объекте. Его задача заключалась в последовательном изложении знаний для аудитории, преимущественно с нормальным зрением. Подача информации часто носила визуальный характер, не всегда учитывая особенности восприятия [3, с. 122].

В эпоху инклюзии роль экскурсовода кардинально меняется. Современный экскурсовод становится медиатором, живым проводником, способным обеспечить доступ к информации и эмоциональному опыту всем категориям посетителей. К ключевым изменениям следует отнести:

1. Смещение фокуса от простого повествования информации к осмысленному пониманию культурного контекста.
2. Умение адаптироваться под разную аудиторию с помощью существующих методических приемов и технологий.
3. Навыки детального словесного описания предметов и пространств, позволяющие людям с нарушениями зрения полноценно воспринимать культурные ценности и обогащать свой внутренний мир.
4. Владение принципами инклюзивного подхода, технологиями и навыками коммуникации с людьми.

Люди с нарушениями зрения составляют значительную часть общества, и их интерес к культурному наследию и путешествиям настолько же высок, сколько и у других граждан. Однако традиционные экскурсии часто не предоставляют им равных возможностей для погружения в историю, архитектуру и атмосферу места [2].

Это создает острую необходимость в специальных технологиях проведения экскурсий для данной категории туристов. Одной из таких технологий является тифлокомментирование, требующее специальных знаний, навыков и компетенций экскурсовода.

У людей с нарушениями зрения основным каналом информации становится слух. Экскурсовод должен уметь адаптировать свой комментарий, используя богатое аудиоописание структуры пространства, тактильных особенностей объектов, аудиальные нюансы, исторического контекста и эмоциональных оттенков. Передаваемая информация должна сочетать глубину содержания с простотой восприятия, быть не только содержательной, но и легко доступной. Следовательно, нужно, чтобы речь экскурсовода была разборчивой, структурной, произносимой в удобном для слушателей темпе. Позитивный эффект оказывает использование образных метафор, которые позволяют коррелировать метафизические определения с конкретными ощущениями. Важной составляющей является понимание психологического состояния посетителей, их интересов и ожиданий. Поэтому задача экскурсовода состоит в создании благоприятной атмосферы, приспосабливая манеру общения к обстоятельствам и эмоциональному состоянию членов группы.

Высококвалифицированный инклюзивный экскурсовод отличается развитым чувством эмпатии, которое помогает ему точно воспринимать эмоции и состояние гостей, оперативно реагировать на возникающие трудности, демонстрировать деликатность и дружелюбие, создавая атмосферу комфорта и поддержки тогда, когда это на самом деле необходимо. Помимо этого, важное значение имеет межкультурная восприимчивость. Она предполагает глубокое осознание культурных особенностей, уважительное отношение к традициям и обычаям различных этнических групп. Следует грамотно адаптировать содержание экскурсии и способы представления информации, применяя уместные аналогии и иллюстрации, воздерживаясь от навязывания собственных взглядов, соблюдать этические нормы коммуникации и учитывать религиозные убеждения и культурные предпочтения туристов.

Для составления качественного тифлокомментария необходимо задействовать все доступные каналы восприятия. Процесс начинается

с построения полного представления об объекте или пространстве, поэтапно переходя от общего вида к деталям: формам, габаритам, взаиморасположению компонентов. Отдельно подчеркивается важность передачи чувственных впечатлений посредством осязательного контакта – особенности поверхности материалов, степень нагрева, фактура (гладкая или шероховатая).

Эффективным способом повышения выразительности описания служит использование ассоциаций с хорошо знакомыми предметами или явлениями. Когда объект вызывает ассоциации с характерными звуками, шумовыми эффектами или мелодиями, эти элементы непременно включаются в повествование. Объясняя символику, концепции и творческие приемы, важно раскрывать их скрытые смыслы и подтексты [5, с. 85]. Благодаря этому тифлокомментарий становится инструментом, обеспечивающим людям с нарушениями зрения полное восприятие окружающей действительности, позволяя ощутить её атмосферу и эстетическое богатство.

Формирование уникальной атмосферы лежит в основе эффективного тифлокомментирования. Атмосфера не только передает объективную информацию, но и стимулирует сильные эмоции, пробуждая ощущения и оживляя восприятие аудитории. Для достижения этой цели необходимы тщательный выбор лексики, яркие образы и точное воспроизведение эмоционального фона событий. Важнейший принцип – адаптация речи к потребностям конкретных слушателей. Язык должен быть простым, ясным и доступным каждому участнику мероприятия. Но даже простейшая терминология обретает вдохновляющую силу благодаря разнообразию стилистических приемов: метафор, сравнений и аналогий. Такие средства превращают обычное описание в захватывающую историю, полную смысла и глубины, расширяя мироздание тех, кто лишён обычных зрительных ориентиров. Метафоры и аналогии выступают мощнейшими инструментами в арсенале тифлокомментатора. Они помогают установить связь между абстрактными концепциями и конкретными впечатлениями, доступными воображению слушателей. Например, архитектурные объекты можно сравнить с элементами природы или природными явлениями. Личный опыт также иногда используется, однако осторожно и умеренно, чтобы придать повествованию живость и искренность, избегая чрезмерной нагрузки ненужными личными переживаниями, которые могут оказаться неуместными для части аудитории. Также в художественном описании главное – это способность увязывать объект с внутренними переживаниями и восприятием слушателей, что требует глубокого знания их нужд и методов познания окружающего мира. Так, скульптурный памятник лучше всего представлять не просто предметом искусства, а символом, способным вызвать определённые чувства – печаль, восторг или удовольствие. Подобная взаимосвязь призвана сделать описание не только познавательным, но и эмоционально значимым, усиливая интерес и глубину понимания объекта аудиторией [4, с. 7].

Сегодня в эпоху современных технологий проведение инклюзивных экскурсий целесообразно дополнять специализированными устройствами, такими как электронные помощники, устройства навигации и голосовые ассистенты. Данные технологии повышают профессионализм гида и способствуют эффективному осуществлению инклюзивного маршрута.

В настоящее время мобильные приложения и аудиогиды стали важнейшими средствами в профессиональной деятельности экскурсовода. Они облегчают подготовку к мероприятию и делают экскурсию увлекательной и удобной для широкой аудитории. Использование специализированных мобильных решений позволяет организовывать индивидуальные туры. Экскурсоводы предлагают гостям устанавливать навигаторы, озвучивающие сведения об экспонатах в комфортном ритме и дающие дополнительную информацию по желанию пользователей. Такая практика крайне полезна для маломобильных людей, которым необходим дополнительный временной ресурс для усвоения сведений.

Звуковые сопровождение аудиогидов содержат не только исторические факты, но и характерные звуки, музыкальные фрагменты соответствующей эпохи, что способствует полному погружению в историческую атмосферу и усиливает эмоциональное восприятие материала. Специально разработанные версии аудиогидов с голосовыми инструкциями и тактильной поддержкой обеспечивают доступность экскурсионного материала для слабовидящих и слепых посетителей.

Тактильные карты и модели являются ключевыми инструментами в тифлокомментировании. Они помогают людям с нарушениями зрения воспринимать пространственные и архитектурные особенности объектов через прикосновения. Тактильные карты представляют собой крупно форматированные изображения, которые можно ощупывать. На них нанесены рельефы, текстуры и символы, которые передают информацию о расположении объектов, их размере и структуре. На

пример, на карте исторического центра можно ощутить рельеф дорог, орнаменты стен и расположение зданий [1, с. 33].

Для инклюзивного туризма открывает новые горизонты виртуальная и дополненная реальность. С помощью VR посетители могут посещать объекты, которые находятся далеко или недоступны для самостоятельного посещения. Например, виртуальная экскурсия по древнему городу позволяет увидеть его вид изнутри, несмотря на отсутствие возможности посетить его вживую. Дополненная реальность (AR) наоборот, насыщает реальный мир цифровой информацией. Например, с помощью смартфона зритель может увидеть на дисплее дополнительные слои информации, помогающие глубже разобраться в окружающей среде. Технологии дополненной реальности выделяют важные архитектурные элементы, либо демонстрируют исторические реконструкции непосредственно через камеру мобильного устройства.

Специализированные программы и сервисы играют важную роль в подготовке качественной аудиодескрипции. Они автоматизируют процесс подготовки описаний, что особенно актуально для больших музейных коллекций и значимых объектов с большим объемом информации. Многие подобные решения оснащены функциями добавления тактильных характеристик, рекомендациями по построению структуры текста и проверкой доступности изложенного материала для разных категорий посетителей. Интуитивно понятные интерфейсы и удобные редакторы значительно ускоряют и улучшают качество создания аудиодескрипции.

Адаптивные технологии служат для предоставления информации в доступной форме различным категориям пользователей. Например, текстовая информация может преобразовываться в тактильные схемы, а видеоролики – в аудиоверсии с подробными комментариями. Особую значимость имеют системы голосового оповещения, позволяющие прослушивать сведения обо всех представленных объектах путем простого нажатия кнопки. Подобные решения наиболее полезны для лиц с проблемами зрения или ограниченной мобильностью.

Одним из ключевых аспектов технического оснащения выступает формирование электронных хранилищ и архивов, включающих инклюзивное описание каждого экспоната. Доступ к таким ресурсам ускоряет работу экскурсоводов, облегчает подбор нужной информации и предварительную подготовку к проведению мероприятий. Архивы могут содержать не только текстовую информацию, но и интегрировать ссылки на аудиогиды, виртуальные туры, тактильные карты и прочие вспомогательные материалы. Создаваемая единая система обеспечивает широкий спектр возможностей для реализации инклюзивной экскурсии.

Таким образом, инклюзивный туризм представляет собой не мимолетный тренд, а основополагающую концепцию, обязывающую экскурсовода гармонично сочетать профессиональные навыки с гуманистической направленностью своей деятельности. Ярким воплощением этого принципа является технология тифлокомментирования, объединяющая мастерство словесного портрета с инновационными технологиями. Данный метод открывает уникальные возможности для расширения доступа к культурному достоянию человечества и гарантирует каждому человеку право на полноценное изучение окружающего мира.

Современным профессиональным экскурсоводам необходимо понимать, что инклюзивность – это не временная тенденция, а неизбежная потребность, требующая непрерывного профессионального роста: от изучения новейших технических решений до умения гибко подавать материал. Их ключевые навыки состоят не только в знании исторических фактов и объектов, но и в развитии способности сопереживания, поиске гармонии между традиционными методами работы и современными нововведениями.

В наше время технологии прочно вошли в арсенал профессиональных инструментов экскурсовода. Они помогают преодолевать барьеры, делать информацию доступной для всех и создавать богатое мультисенсорное восприятие культурного наследия. Однако важно помнить, что технологии – это средство, а не цель. Их использование должно быть гибким и адаптированным к потребностям посетителей.

Литература

1. Блохин В.Н. Тактильные музеи как средство сохранения культурного наследия и инклюзивного образования // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика. – Симферополь: «Ариал», 2017. – С. 32–35.
2. Ваньшин С.Н. Тифлокомментирование или словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rehascomp.ru/wpcontent/uploads/2022/10/пособие2.pdf?ysclid=lnvp1dgpof633344063> (дата обращения: 20.12.2025)

3. Гончарова Е.Н., Гетманская М.Ю. Музейная аудиодискрипция как средство эстетического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 509. – С. 121–126.

4. Дворецкая П.А. Тифлокомментирование как социальная услуга: методические рекомендации. – Краснодар, 2022. – С. 7.

5. Кортелева М.Э., Щербина Н.А., Кистова А.В. Музейные практики работы с посетителями с нарушениями зрения на примере деятельности Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова – Красноярск: Типография КАСС, 2021. – С. 85.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TOUR GUIDE IN THE AGE OF INCLUSION: TYPHLOCOMMENTATION BETWEEN TECHNOLOGY AND THE ART OF DESCRIPTION

Goncharova E.N., Getmanskaya M.Yu.
Pyatigorsk State University

The article examines the transformation of the professional competencies of a tour guide in the context of the development of inclusive practices, where typhlocommentation acts as a key case for the synthesis of technological solutions and humanitarian skills. The author considers typhlocommentation not as a highly specialized technical adaptation, but as the highest form of excursion art transferred to the digital environment. Through the prism of the tasks of a typhoon commentator – information selection, storytelling, ethical inter-

pretation and content adaptation – the universal skills of a modern guide are revealed: the ability to build a narrative, work with a diverse audience and create an emotionally intense experience. Special attention is paid to the balance between technological tools and unique human qualities – empathy, artistic vision and ethical responsibility. The article proves that in the era of inclusion, the guide becomes a mediator and “translator” between worlds, and typhocommentation is a model of the future, where technology serves as a guide, but the essence remains the human word, capable of reviving history for any viewer, regardless of the peculiarities of perception.

Keywords: inclusive tourism, typhlocommentation, professional competencies of a guide, inclusive technologies, storytelling, audio transcription.

References

1. Blokhin V.N. Tactile museums as a means of preserving cultural heritage and inclusive education // Socio-pedagogical support for people with disabilities: theory and practice. Simferopol: Arial, 2017. p. 32–35.

2. Vanshin S.N. Typhlocommentation or verbal description for the blind: an instructional and methodological manual [Electronic resource]. Access mode: <https://rehacomp.ru/wpcontent/uploads/2022/10/nocobие2.pdf?ysclid=lnvp1dgpof633344063> (date of request: 12.20.2025)

3. Goncharova E.N., Getmanskaya M.Y. Museum audio recording as a means of aesthetic education of children with disabilities // Bulletin of Tomsk State University. – 2024. – N. 509. – p. 121–126.

4. Dvoretzkaya P.A. Typhlocommentation as a social service: methodological recommendations. – Krasnodar, 2022. – p.7.

5. Korteleva M.E., Shcherbina N.A., Kistova A.V. Museum practices of working with visually impaired visitors on the example of the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov – Krasnoyarsk: Printing House of Cash Registers, 2021. – p. 85.

Концептуальные подходы к социальному управлению антитеррористической безопасностью современного российского общества

Григорьев Николай Юрьевич,

доцент кафедры социологии, кандидат философских наук,
доцент Военного университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

В обзорно-аналитической статье проводится комплексный анализ концептуальных подходов к социальному управлению антитеррористической безопасностью в условиях современного общества. Рассматриваются эволюция данных подходов, их теоретические основы и практическая реализация. На основе проведенного анализа формулируются выводы о необходимости внедрения комплексной, адаптивной и социально-ориентированной модели управления, способной эффективно противодействовать вызовам и угрозам терроризма в XXI веке. *Объектом исследования:* является система антитеррористической безопасности современного общества. *Предметом исследования:* являются изучение современных тенденций и концептуальных подходов к социальному управлению антитеррористической безопасностью.

Ключевые слова: антитеррористическая безопасность, социальное управление, концептуальные подходы, террористическая угроза, общественная безопасность.

Введение

На глобальном уровне в рамках Организации Объединенных Наций попытки выработки общепризнанного определения понятий «терроризм» и «международный терроризм» предпринимаются начиная с Резолюции Генассамблеи ООН № 49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма», принятой в 1994 г. [1]. В ней определено, что «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера, которые могут приводиться в их оправдание». Данное определение в последующем неоднократно использовалось и в других документах ООН.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г., подписана РФ, Китаем, странами СНГ и др.) дает более широкое определение: ««терроризм»:

а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции (далее – Приложение), и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего местного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2].

Касательно России, Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» 7 в ст. 3 определяет следующие основные понятия: – терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий; – террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности; – террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [3].

Исходя из вышеизложенных определений можно сделать вывод, что **терроризм** – это стратегия устрашающего насилия, используемая для достижения политических, идеологических или религиозных целей путем оказания давления на власть через запугивание общества.

Его универсальное определение раскрывается через три ключевых элемента.

1. **Средство – публичное насилие.** Это не просто акт агрессии, а демонстративное применение силы (взрывы, убийства, захваты заложников) или угроза его применения, направленные на создание максимального общественного резонанса и чувства незащищенности.

2. **Тактика – устрашение населения.** Прямые жертвы атаки являются инструментом для воздействия на более широкую аудиторию. Главная цель – посеять панику и страх в обществе, сделав его заложником ситуации.

3. **Цель – воздействие на власть.** Конечная задача терроризма – не причинение ущерба как такового, а принуждение государственных или международных органов к определенным действиям или решениям под давлением запуганного населения.

Анализ различных определений терроризма показывает его сложную природу. Это не просто акты насилия, а продуманная стратегия, где насилие используется как инструмент для запугивания общества и оказания давления на власть. Понимание этой особенности позволяет увидеть, почему терроризм остается одной из ключевых угроз современности. Его способность сеять страх, подрывать стабильность и использовать уязвимость глобального мира делает его вызовом, который невозможно игнорировать.

Поскольку терроризм представляет собой системную проблему, требуются и системные меры противодействия. Важно не только осознавать уровень угрозы, но и четко понимать, какими средствами борьбы с ней располагает мировое сообщество и отдельные государства.

Социальное управление в контексте рассматриваемой проблематики играет ключевую роль. Основная задача социального управления заключается в создании условий для эффективного функционирования социальных институтов и удовлетворения потребностей общества. Это включает в себя не только организацию работы государственных учреждений, но и регулирование деятельности частных компаний и общественных организаций [4].

Социальное управление представляет собой комплекс мер, направленных на управление социальными процессами в обществе. В зависимости от специфики целей и задач, которые стоят перед управлениями, можно выделить несколько видов социального управления: государственное, частное и самоуправление [5].

За основу на государственном уровне социального управления в Российской Федерации можно выделить следующие нормативно-правовые акты:

- Конституция Российской Федерации;
- Общеизвестные принципы и нормы международного права;
- Международные договоры Российской Федерации;
- Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;
- Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму».

Основные направления государственной политики в области противодействия терроризму определяет Президент РФ, а также он устанавливает компетенцию руководящих им федеральных органов исполнительной власти; принимает решение об использовании за пределами территории РФ формирований ВС РФ и подразделений специального назначения для борьбы с террористической деятельностью, осуществляемой против РФ либо граждан РФ или лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ. Правительство РФ определяет компетенцию руководимых им федеральных органов исполнительной власти в области противодействия терроризму; организует разработку и осуществление мер по предупреждению терроризма и минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений терроризма; а также осуществляет иные полномочия в данной сфере. В целях совершенствования государственного управления в области противодействия терроризму в РФ образован Национальный антитеррористический комитет. Для координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений в субъектах РФ образуются антитеррористические комиссии. Руководителями антитеррористических комиссий в субъектах РФ по должности являются высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ.

Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» установлены правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма в РФ [6]. В целях обеспечения координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений по решению Президента РФ могут формироваться органы в составе представителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и иных лиц. Согласно ФЗ от 06.03.2006 № 35-

ФЗ «О противодействии терроризму» в борьбе с терроризмом могут применяться Вооруженные Силы Российской Федерации, но в исключительных случаях, предусмотренных ст. 6 данного закона. К таким относятся: пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; участия в проведении контртеррористической операции; пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» Настоящий Федеральный закон устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. Основные понятия закреплены в ст. 3 и включает в себя 6 следующих терминов. В ч. 1 раскрывается понятие терроризма, под которым понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. В ч. 2 перечислены виды деятельности, которые законодатель включает в понятие террористической деятельности. К ним относят: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступно сообществу (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Ч. 5 раскрывает сущность контртеррористической операции как комплекса специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта; В ч. 6 закреплено определение антитеррористической защищенности объекта (территории) и заключается в состоянии защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, места массового пребывания людей, препятствующее совершению террористического акта. При этом под местом массового пребывания людей понимается территория общего пользования поселения или городского округа, либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, строении, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти человек [6].

Таким образом, концепция борьбы с терроризмом, заложенная в Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», представляет собой комплексную государственную стратегию, построенную на принципах упреждающего предупреждения, безусловного приоритета защиты личности и системной координации всех сил. В ее основе лежит «проактивный подход», где главная цель – не только пресекать уже совершаемые акты, но и активно выявлять и нейтрализовать сами условия и предпосылки для их возникновения. Это достигается за счет четкого разграничения полномочий между силовыми структурами и создания единого координационного центра в лице Национального антитеррористического комитета (НАК), что обеспечивает координацию действий и концентрацию ресурсов.

Резюмируя вышеизложенное – закон формирует не просто набор карательных мер, а целостную систему, сочетающую силовые операции с профилактической работой – от пресечения финансирования терроризма до противодействия его идеологии. Ключевым элементом данной концепции является ее правовая централизация: закон служит стержнем, который объединяет все антитеррористические усилия государства в единую, подчиненную общей стратегии рамку. Это позволяет вести планомерную и системную борьбу с терроризмом на всех направлениях: от оперативного до идеологического.

Так же следует отдельно отметить, что существуют отдельные нормативно-правовые акты, которые имеют предупреждающие зна-

чение. Например, Постановление Правительства РФ от 25.03.2015 № 272 – Утверждает «Требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства образования и науки РФ и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства образования и науки РФ» (и аналогичные для других ведомств: здравоохранения, культуры, спорта и т.д.), Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». Превентивный характер борьбы с терроризмом конкретными требованиями. Такими как:

- классификация объектов зависимости от потенциальной опасности и массовости пребывания людей;
- для каждой категории прямо предписывают обязательность организации пропускного режима;
- для объектов 1 и 2 категории, как правило, обязательной является установка стационарных металлодетекторов (арочных или ручных), систем видеонаблюдения, контроля и управления доступом (СКУД);
- детально прописывают порядок и места установки этих технических средств.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что помимо очевидного превентивного подхода государство использует системный и отраслевой подход. Не устанавливает единых правил для всех, а применяет дифференцированный подход. Требования к защите школы, аэропорта и стадиона разные. Они зависят от категории опасности объекта, которая определяется исходя из массовости пребывания людей, социальной значимости и потенциальных последствий теракта. Так же отмечается обязательность и централизация. Требования носят императивный характер для собственников и руководителей объектов. Они исходят от федеральных властей, что обеспечивает единообразие подхода на всей территории страны.

Антитеррористическая борьба в контексте глобализации

Антитеррористическая борьба в контексте глобализации приобретает новые масштабы и особенности вследствие транснационального характера угроз и быстрого распространения террористической деятельности через современные технологии и коммуникации. Глобализация объединяет страны и народы, но одновременно создает новые уязвимости, которые террористические группы эксплуатируют для расширения своего влияния и осуществления атак за пределами национальных границ. Это требует от государств и международных организаций усиления координации и сотрудничества, чтобы эффективно выявлять, предупреждать и пресекать террористические действия на разных уровнях [7].

В эпоху глобализации терроризм претерпевает ряд особых изменений, которые существенно влияют на методы и масштабы его осуществления. Одной из ключевых особенностей современного терроризма является использование глобальных средств массовой информации и интернета для максимальной публичности и психологического воздействия на широкую аудиторию. Террористические акты становятся не просто физическим насилием, а информационными событиями, рассчитанными на устрашение и мобилизацию поддержки по всему миру. Так, феномен «электронного джихада» или «киберджихада» демонстрирует, как террористы используют интернет для пропаганды, вербовки и координации своих действий, обходя государственную цензуру и пользуясь анонимностью цифрового пространства [8].

Кроме того, глобализация способствовала формированию транснациональных террористических сетей, которые объединяют участников из разных стран и используют современные технологии коммуникаций для совместного планирования и проведения операций. Террористы активно применяют достижения науки и техники – от спутниковой связи до систем глобального позиционирования и кибероружия, что повышает их мобильность и эффективность атак. Очень актуальны сегодня угрозы использования неконвенционального оружия массового поражения, включая ядерное и биологическое, что создает дополнительный вызов для систем безопасности [9].

Еще одной отличительной чертой терроризма в глобализирующемся мире является расширение спектра его целей и методов. Под ударом оказываются не только государственные институты, но и объекты критической инфраструктуры, средства массовой информации, транснациональные компании и транспортные системы. Террористические акты приобретают все более изощренный и непредсказуемый характер, что требует от органов государственной власти и международного сообщества оперативного обновления стратегий предотвращения и противодействия терроризму [10]. Также глобализация усилила социально-политические причины терроризма, такие как экономическое неравенство, культурные и религиозные конфликты, миграционные процессы и отчуждение в обществах. Эти факторы создают благоприятную почву для радикализации, что требует интегрированного подхода к антитеррористической борьбе, объединяющего меры безо-

пасности с социальными, экономическими и культурными политиками, направленными на преодоление причин экстремизма [11].

Глобализация значительно усложнила ландшафт террористических угроз. В ответ на это РФ активно развивает международное анти-террористическое сотрудничество в рамках таких структур, как ОДКБ, ШОС и ООН. Обмен разведданными, проведение совместных учений и координация действий на пространстве СНГ позволяют перекрывать каналы финансирования, поставки оружия и перемещения боевиков. С 2025 года реализуется и планируется дальнейшая реализация Программ сотрудничества в противодействии терроризму, экстремизму и сепаратизму на период 2025–2030 гг., которые включают создание общего правового поля, стандартизацию мер безопасности и углубление межведомственного координационного взаимодействия. Акцент делается на расширение партнерства с государствами БРИКС, странами СНГ и другими международными субъектами для повышения эффективности совместных действий на глобальном и региональном уровнях [12]. Важным инструментом международного сотрудничества являются конференции, круглые столы и экспертные форумы, проводимые под эгидой Российской Федерации, способствующие обмену опытом и выработке совместных стратегий по противодействию терроризму. Россия активно развивает партнёрские отношения с ведущими структурами ООН по контртеррористической политике и участвует в многосторонних проектах, способствующих укреплению глобальной безопасности [13].

Таким образом, межгосударственные меры России по борьбе с терроризмом основаны на многостороннем взаимодействии, юридической координации и практическом сотрудничестве для эффективного противодействия новым, в том числе транснациональным угрозам терроризма.

Одним из ключевых вызовов стала киберсреда. Террористические организации активно используют интернет и социальные сети для пропаганды, вербовки новых членов и сбора средств. В ответ на это в России была создана и постоянно совершенствуется система мониторинга и противодействия экстремистскому контенту в сети. Роскомнадзор во взаимодействии с правоохранительными органами блокирует тысячи ресурсов, распространяющих запрещенную информацию. Кроме того, ведется активная работа по выявлению и пресечению деятельности вербовщиков в социальных сетях.

Для противодействия угрозам в физическом пространстве мегаполисов реализуются масштабные программы типа «Безопасный город». Эта интегрированная система объединяет:

- разветвленную сеть видеонаблюдения с функциями распознавания лиц и автомобильных номеров, что позволяет не только фиксировать правонарушения, но и отслеживать перемещения подозрительных лиц;
- единые дежурно-диспетчерские службы (ЕДДС), координирующие действия полиции, скорой помощи, МЧС и других служб при возникновении чрезвычайной ситуации, обеспечивая быстрое реагирование;
- системы контроля доступа и досмотра в местах массового скопления людей. Интеграция этих систем в единый информационный контур позволяет прогнозировать, оперативно выявлять и пресекать террористические угрозы в городской среде.

Так же ведется идеологическое и информационное противодействие – просветительская деятельность:

- **в образовательной сфере:** в учебные программы школ и вузов включены модули, посвященные основам безопасности жизнедеятельности, и противодействию идеологии терроризма. Проводятся открытые уроки, лекции с участием специалистов из правоохранительных органов и психологов;
- **в информационном поле:** реализуются государственные и общественные кампании в СМИ и интернете, направленные на формирование в обществе неприятия насилия и ксенофобии. Пропагандируются ценности межнационального и межрелигиозного согласия;
- **вовлечение гражданского общества:** поддерживается деятельность традиционных религиозных конфессий, которые играют ключевую роль в деле духовного просвещения и разоблачения лжеучений, прикрывающихся религией. Развивается волонтерское движение, работают «горячие линии» для сообщений о подозрительной деятельности или распространении экстремистских материалов.

Таким образом, меры, принимаемые в РФ для противодействия терроризму, эволюционировали от точечных силовых операций к комплексной стратегии. Она сочетает в себе мощный силовой и правовой каркас с гибкими, адаптивными мерами, отвечающими на вызовы глобализации, такие как кибертерроризм. При этом все больше акцент смещается на превенцию – создание технологических систем типа «Безопасный город» для физической защиты и ведение просветительской работы для формирования устойчивого иммунитета об-

щества к идеологии насилия. Несмотря на достигнутые успехи, эта работа остается динамичным и непрерывным процессом, требующим постоянной коррекции в ответ на новые угрозы.

Специфика терроризма в эпоху глобализации состоит в его транснациональном характере, интеграции в глобальные информационные сети, использовании современных технологий и усложнении социально-политических предпосылок. Это требует комплексного и системного подхода к противодействию, включающего международное сотрудничество, развитие правовых механизмов, совершенствование технических средств и активное вовлечение общества в процессы обеспечения безопасности.

В настоящее время антитеррористическая безопасность включает в себя многоуровневую систему мер: административных, правовых, социокультурных, технологических. Расширяется роль институтов гражданского общества, развиваются механизмы профилактики и раннего выявления угроз. Особое значение приобретает международное сотрудничество, обмен лучшими практиками, согласование механизмов реагирования.

Таким образом, современные теоретические основы социального управления антитеррористической безопасностью базируются на признании сложности и многомерности этой проблемы и необходимости формирования координированного подхода, сочетающего государственные, общественные и международные усилия.

Развитие подходов к обеспечению антитеррористической безопасности в России отражает и общемировые тенденции, и национальную специфику. В настоящее время можно выделить несколько основных концептуальных подходов, реализованных на практике.

1. Административно-правовой подход. Традиционно для России ключевую роль в вопросах безопасности играет государство. В России существует сильная нормативно-правовая база, основу которой составляют следующие законы:

- Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии терроризму». – Это главный документ, который определяет все ключевые понятия, принципы и организационные основы борьбы с терроризмом в РФ.
- Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии экстремистской деятельности». – Поскольку терроризм часто рассматривается как крайняя форма экстремизма, этот закон тесно связан с антитеррористической деятельностью.
- Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 (ред. от 25.11.2022) «О мерах по противодействию терроризму». – Этот указ непосредственно учредил Национальный антитеррористический комитет (НАК), о котором шла речь в эссе.

2. Социально-психологический и профилактический подход. Постепенно на первый план выходит осознание необходимости «работать на опережение» – предотвращать радикализацию молодежи, распространять культуру безопасности, способствовать формированию толерантной среды. В России реализуются федеральные и региональные программы профилактики экстремизма в образовательных учреждениях, ведётся просветительская работа с родителями, учителями, религиозными и молодежными лидерами. Пример – ежегодный Всероссийский форум «Антитеррор», обучение педагогов распознаванию признаков вовлечения подростков в опасные группы [17].

3. Комплексный (интегрированный) подход. Современная практика показывает эффективность интеграции усилий разных социальных институтов. За последние годы усилено межведомственное взаимодействие между всеми уровнями государственной власти. Разрабатываются и внедряются «дорожные карты» и инструкции по действиям на случай угрозы теракта в организациях и общественных пространствах [15].

4. Технологический и инновационный подход. Особое место занимает работа с информационным пространством. Активно применяются технологии анализа социальных сетей и автоматизированные системы мониторинга публичных угроз, внедряются системы видеонаблюдения с распознаванием лиц, массово развивается информирование и обучение населения через цифровые платформы (например, «Антитеррор» – государственный портал профилактики терроризма) [16].

5. Международное сотрудничество. Россия участвует в деятельности профильных структур ООН, ШОС, ОБСЕ, налаживает обмен опытом по вопросам предотвращения финансирования терроризма, борьбы с кибертерроризмом и информационными угрозами [14].

Достижения и результаты по социальному управлению антитеррористической безопасностью современного российского общества: – в стране удалось выстроить скоординированную вертикаль управления в сфере антитеррора (создана сеть оперативных штабов в каждом регионе); – заметно снижено количество успешных террористических актов и масштаб организованных группировок;

– многократно увеличены объёмы выявления и устранения угроз на ранних этапах (пример – пресечение деятельности ячеек ИГИЛ на территории России);

– получила развитие система антитеррористической защищённости социальных и критически важных объектов, что снизило число жертв среди гражданских лиц при предотвращении нападений;

– вовлечённость общества растёт, активно реализуются добровольческие движения, ведётся работа с молодёжью в социальных сетях.

Вместе с тем остаются вызовы – к ним относятся угрозы со стороны одиночек-радикалов, распространение экстремистских идей в закрытых онлайн-сообществах, а также баланс между правами личности и жёсткими мерами безопасности. Россия продолжает модернизировать подходы с учётом технологических изменений и нового характера угроз, опираясь на опыт комплексной межведомственной и общественной работы.

Литература

1. Документ ООН A/RES/49/60, 17 февраля 1995 г. – URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unga/1995/ru/10996> (дата обращения: 25.12.2025).
2. Решение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14.07.2001. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 27.12.2025).
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 29.12.2025).
4. Чупров В.И., Осипова М.А. Социология управления: теоретические основы: учебник. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 172 с. – URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=515006> (дата обращения: 25.12.2025).
5. Николаев А.А. Социология управления. М.: ИНФРА-М, 2019. 317 с. – URL: <https://new.znanium.com/document?id=343258> (дата обращения: 27.12.2025).
6. Федеральный закон РФ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»// Собрание законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1072. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 27.12.2025).
7. Роль ОДКБ в противодействии терроризму// Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. 2025. – URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=22538 (дата обращения: 29.12.2025).
8. Мельникова А.А. Терроризм в эпоху глобализации: опасности медиакоммуникаций. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2529940/> (дата обращения: 25.12.2025).
9. Международный терроризм – глобальная проблема современности// Минздрав Республики Алания. 2023. – URL: <https://minzdrav.alania.gov.ru/news/2379> (дата обращения: 27.12.2025).
10. Современный терроризм в эпоху глобализации как геополитический вызов всему мировому сообществу// CyberLeninka. 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-terrorizm-v-epohu-globalizatsii-kak-geopoliticheskiy-vyzov-vsemu-mirovomu-soobschestvu> (дата обращения: 23.12.2025).
11. Глобализация и терроризм в современном мире// ЭЛАР. 2007. – URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2008_1069j.htm (дата обращения: 21.12.2025).
12. Совет Безопасности Российской Федерации. Программа сотрудничества в противодействии терроризму, экстремизму и сепаратизму на 2025–2027 гг.// scrf.gov.ru. 2025. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3832/> (дата обращения: 25.12.2025).
13. Антитеррористический центр государств-участников СНГ: 25 лет эффективного сотрудничества// Международная жизнь. 2025. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51960> (дата обращения: 21.12.2025).
14. Противодействие терроризму как адаптация к рискам: институциональный и гражданский измерения// Российское социологическое общество. – URL: <https://rrosociology.ru/journal/article/1826/> (дата обращения: 27.12.2025).
15. Особенности антитеррористической защиты социально значимых объектов // Secuteck.ru. – URL: <https://www.secuteck.ru/articles/osobennosti-antiterroristicheskoy-zashchity-socialno-znachimyh-obektov> (дата обращения: 25.12.2025).
16. Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства и концептуальная синхронизация. 2019.// CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiterroristicheskaya-funktsiya-gosudarstva-i-kontseptualnaya-sinhronizatsiya> (дата обращения: 29.12.2025).
17. Документ ООН A/RES/49/60, 17 февраля 1995 г. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-49-60> (дата обращения: 25.11.2025).

CONCEPTUAL APPROACHES TO SOCIAL MANAGEMENT OF ANTI-TERRORIST SECURITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Grigoriev N.Yu.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

This review and analytical article provides a comprehensive analysis of conceptual approaches to social management of anti-terrorism security in modern society. It examines the evolution of these approaches, their theoretical foundations, and practical implementation. Based on this analysis, the article concludes that it is necessary to implement a comprehensive, adaptive, and socially oriented management model that can effectively counter the challenges and threats of terrorism in the 21st century. *The object of research:* is the system of anti-terrorist security of modern society. *The subject of research:* are the study of modern trends and conceptual approaches to social management of anti-terrorist security.

Keywords: anti-terrorist security, social management, conceptual approaches, terrorist threat, public security.

References

1. UN document A/RES/49/60, February 17, 1995. – URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unga/1995/ru/10996> (date of reference: 12/25/2025).
2. Decision of the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism dated 07/14/2001. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (date of reference: 12/27/2025).
3. Federal Law № 35 of 03/06/2006- Federal Law «On Countering Terrorism». book=558788 (accessed: 29.12.2025).
4. Chuprov V.I., Osipova M.A. Sociology of Management: Theoretical Foundations: Textbook. Moscow: Yur.Norma, NITs INFRA-M, 2015. 172 p. – URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=558788&book=515006> (accessed on 25.12.2025).
5. Nikolaev, A.A. Sociology of Management. Moscow: INFRA-M, 2019. 317 p. – URL: <https://new.znanium.com/document?id=343258> (accessed: 27.12.2025).

6. Federal Law of the Russian Federation № 35-FZ dated 06.03.2006 «On Countering Terrorism»// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 10. Art. 1072. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (accessed: 27.12.2025).
7. The CSTO's Role in Countering Terrorism// Official website of the Collective Security Treaty Organization. 2025. – URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=22538 (accessed on 29.12.2025).
8. Melnikova, A.A. Terrorism in the Era of Globalization: The Dangers of Media Communications. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2529940/> (accessed on 25.12.2025).
9. International terrorism is a global problem of our time// Ministry of Health of the Republic of Alania. 2023. – URL: <https://minzdrav.alania.gov.ru/news/2379> (accessed: 12/27/2025).
10. Modern terrorism in the era of globalization as a geopolitical challenge to the entire world community// CyberLeninka. 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-terrorizm-v-epohu-globalizatsii-kak-geopoliticheskiy-vyzov-vsemu-mirovomu-soobschestvu> (accessed: 12/23/2025).
11. Globalization and terrorism in the modern world// ELAR. 2007. – URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2008_1069j.htm (date addresses: 12/21/2025).
12. The Security Council of the Russian Federation. Program of Cooperation in Countering Terrorism, Extremism, and Separatism for 2025–2027// scrf.gov.ru. 2025. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3832/> (accessed: 25.12.2025).
13. The Anti-Terrorism Center of the CIS Member States: 25 Years of Effective Cooperation// International Life. 2025. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51960> (accessed: 21.12.2025).
14. Countering Terrorism as Risk Adaptation: Institutional and Civil Dimensions// Russian Sociological Society. – URL: <https://rsociology.ru/journal/article/1826/> (date of request: 12/27/2025).
15. Features of anti-terrorist protection of socially significant objects // Secuteck.ru. – URL: <https://www.secuteck.ru/articles/osobennosti-antiterroristicheskoy-zashchity-socialno-znachimyh-obektov> (accessed: 12/25/2025).
16. Mitz D.S. The anti-terrorist function of the state and conceptual synchronization. 2019 // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiterroristicheskaya-funktsiya-gosudarstva-i-kontseptualnaya-sinhronizatsiya> (accessed: 29.12.2025).
17. UN Document A/RES/49/60, February 17, 1995. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-49-60> (accessed on November 25, 2025).

Еремина Мая Владимировна,

старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности Института общественного здоровья имени Н.П. Григоренко, Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: eremina.maya@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования социокультурных факторов мотивации врачей к работе в условиях повышенного риска, а также комплекса профессиональных трудностей, с которыми они столкнулись, через призму трансформации медицинской профессиональной культуры. Эмпирическую базу составили данные стандартизированного интервью фокус-группы врачей «красной зоны» ковидных отделений г. Волгограда (март–июнь 2022 г.). В ходе исследования выявлены четыре ключевых мотивационных фактора, определивших работу врачей в «красной зоне» (принудительность, финансовый стимул, профессиональный интерес, нравственный императив). Систематизирован комплекс профессиональных трудностей, структурированных по трем группам: психологические, организационные, физические. Пандемия стала катализатором трансформации профессиональной культуры врача. Опыт работы в «красной зоне» способствовал ускоренной профессионализации, но также привел к переосмыслению роли коммуникации, эмпатии и необходимости защиты психического и физического здоровья медицинских работников.

Ключевые слова: профессиональная культура врачей, «красная зона», пандемия, мотивация, профессиональные трудности, профессиональная идентичность.

Введение

Современное общество в периоды глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, оказывается перед необходимостью пересмотра устоявшихся социальных институтов и повседневных практик. Особую роль в этих процессах играют профессиональные группы, деятельность которых напрямую связана с преодолением последствий чрезвычайных ситуаций. Врачебное сообщество, оказавшееся на передовой борьбы с пандемией, стало не только исполнителем медицинских задач, но и социальным актором, чьи ценности, мотивации и стратегии поведения формировались под влиянием уникального сочетания экстремальных условий, нормативных требований и культурных ожиданий [1; 4].

Пандемия COVID-19, в отличие от локальных катастроф или краткосрочных кризисов, приобрела характер пролонгированного социального стресс-теста, который выявил не только ресурсные и организационные дефициты системы здравоохранения, но и глубинные противоречия в профессиональной идентичности медиков. Работа в «красной зоне» ковидных отделений трансформировала привычные модели медицинского труда, поставив врачей перед необходимостью одновременного решения клинических, этических и экзистенциальных задач в условиях высокой неопределенности, риска и эмоциональной нагрузки [2: 3].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных медицинским и организационным аспектам пандемии, социокультурный анализ профессиональных мотиваций врачей «красной зоны» остается недостаточно разработанным так, как субъективный опыт медиков, система их ценностных ориентаций, механизмы адаптации к экстремальным условиям требуют более глубокого междисциплинарного изучения.

Цель исследования: выявить и проанализировать социокультурные детерминанты мотивации врачей к работе в условиях повышенного риска, систематизировать профессиональные трудности, с которыми они столкнулись в период пандемии, через призму трансформации медицинской профессиональной культуры.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования представлена данными стандартизированного интервью фокус-группы врачей «красной зоны» ковидных отделений, проведенных в г. Волгограде в период с марта по июнь 2022 года. Применялись методы качественного контент-анализа и социологической интерпретации нарративов.

Результаты. В ходе социологического анализа данных стандартизированного интервьюирования выявлены следующие мотивационные факторы, побудившие врачей к работе в «красной зоне»: принудительность, финансовый стимул, профессиональный интерес, нравственный императив (рис. 1).

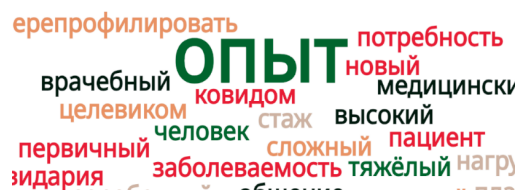

Рис. 1. Облако слов по результатам фокус-группового интервью на тему: «Почему вы стали работать в «красной зоне?»

Принудительность – вызвана обстоятельствами (целевое распределение, перепрофилирование медицинских учреждений в ковидные госпитали, особенно в первую волну (весна 2020 года), когда система здравоохранения столкнулась с кадровым дефицитом. Принудительность поощряет автономию врача как специалиста, переводя его в статус «исполнителя», что ведет к конфликту профессиональной идентичности.

Финансовый стимул – некоторые информанты признают, что решились на работу в «красной зоне» из-за высокой оплаты труда. «Наверное, как и многие врачи – из-за заработной платы. Хорошо платят, поэтому туда и пошел» (врач со стажем 1,5 года). Это не «персональная мотивация», а элемент социально-экономического контракта в актуальных социальных условиях – компенсация риска, эмоциональных и физических перегрузок. С точки зрения профессиональной идентичности для опытных врачей доминирует мотивация служения, а финансовая мотивация может стигматизироваться как «непрофессиональная» [5]. Поэтому далеко не все респонденты открыто указывают ее в интервью. Социальное неравенство диктовало финансовую замо-

тивированность: молодые врачи, студенты, медики с материальными трудностями чаще шли в «красную зону» из-за денег. Финансовый стимул безусловно значим, но не является единственным фактором привлечения врачей в ковидные отделения.

Профессиональный интерес обусловлен получением уникального опыта работы в профессиональных условиях, значительно отличающихся от повседневной деятельности, «испытание на прочность» сложными, опасными условиями, ситуациями, требующими включения максимальных умственных, физических и психических качеств. «Для меня в первую очередь было интересно получить новый опыт работы в «красной зоне», который существенно отличается от работы в «чистой зоне»» (врач со стажем 1,5 года). Кроме того, прослеживается стремление к профессиональному росту, освоению новых компетенций и участию в решении масштабной медицинской задачи. Эта мотивация особенно характерна для молодых специалистов, ординаторов, студентов. Врачебная деятельность исторически ассоциирована с риском, о чем свидетельствуют примеры добровольного участия медиков в заведомо опасных для жизни событиях, в том числе и связанных с распространением особо опасных инфекций (исследование вируса холеры путем заражения собственного организма).

Нравственный императив – это не просто альтруистическая ориентация, а комплексный социально-профессиональный конструкт, включающий: профессиональную этику, эмпатию, эмоциональную вовлеченность, социальную ответственность перед обществом, профессиональную идентичность врача как «помощника» и «служителя». Традиционно для медицинской профессии, что «деятельность врача есть дело служения, а не дело дохода» (Силуянова И.В., 2008). Молодые специалисты и студенты-медики, волонтеры шли добровольно из чувства долга. Женщины-врачи в интервью чаще напрямую выражают желание помочь, поддержать, проявить заботу, что коррелирует с традиционной гендерной социализацией. Мужчины-врачи реже используют эмоционально окрашенные формулировки, описывая помощь как профессиональную задачу. Молодые врачи склонны описывать помощь как личный выбор и миссию, тогда как опытные врачи могут акцентировать профессиональный долг.

Пандемия сформировала комплекс многоаспектных профессиональных факторов, значительно изменивший привычный образ деятельности медицинских работников, среди которых выделяются психологические (страх заражения себя и родных; эмоциональное напряжение в связи со сложными клиническими случаями, летальными исходами пациентов; агрессия и конфликтные ситуации с пациентами и родственниками; давление ответственности за жизни пациентов в условиях информационного дефицита и неопределенности; ощущение неполноценности собственных возможностей) и организационные факторы (ненормированный график работы, продолжительные смены; ограничительные мероприятия, вынужденное ограничение общения с семьей; нехватка средств индивидуальной защиты; постоянно меняющиеся клинические рекомендации; отсутствие клинического опыта у молодых врачей, сложности с назначением адекватной терапии пациентам) (рис. 2).

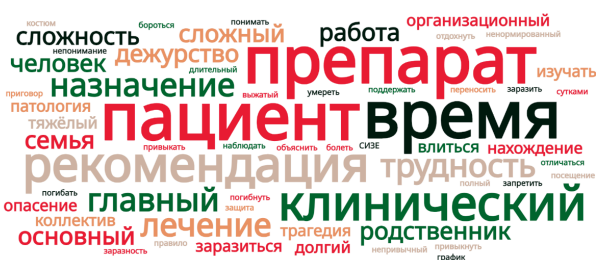

Рис. 2. Облако слов по результатам фокус-группового интервью на тему «С какими трудностями вы сталкивались во время работы в «красной зоне?»»

Анализируя выявленные профессиональные трудности, необходимо отметить, что страх заражения себя и близких становится не личной тревогой, а формой коллективной уязвимости медицинского сообщества. Врачи – одновременно и «защитники», и «потенциальные носители угрозы» для своих семей. Женщины-врачи чаще упоминают страх заразить близких, что коррелирует с традиционной гендерной ролью. Респонденты описывают необходимость «холодных решений», что является свидетельством трансформации медицинской этики в условиях ресурсного дефицита. Молодые врачи, не имевшие опыта работы со смертью в таких масштабах, переживали шок профессиональной инициации. Агрессия со стороны пациентов и их родственников – результат столкновения разных систем ожиданий, так как пациенты ожидали спасения как права, врачи работали в условиях ограниченных возможностей, а родственники были исключены из процесса лечения в силу запрета

посещений. Психологические трудности системно детерминированы – они возникли не вопреки, а благодаря особенностям организации медицинского труда в экстремальных условиях. Врачи, в обычных условиях, опирающиеся на протоколы и доказательную медицину, оказались в ситуации принудительного интуитивного принятия решений, что подрывало их профессиональную уверенность. Чувство неполноценности редко связано с реальной некомпетентностью – чаще это осознание ограниченности медицины как института перед лицом пандемии.

Возникшие организационные трудности профессиональной деятельности медицинских работников инициировали как адаптационные механизмы, так и различные формы сопротивления, создавая основу для потенциальных изменений в системе здравоохранения. Продолжительный характер подобных условий привел к трансформации медицинской профессии и ее места в обществе.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить сложный комплекс социокультурных детерминант, определивших профессиональное поведение врачей в экстремальных условиях «красной зоны» в период пандемии COVID-19. Пандемия COVID-19 стала катализатором глубокой трансформации профессиональной культуры врача. С одной стороны, она обострила внутренние противоречия между административным принуждением и традиционной этикой служения. С другой – выявила скрытые ресурсы профессионального сообщества: способность к быстрой адаптации, взаимоподдержке и поиску новых смыслов в условиях неопределенности. Опыт работы в «красной зоне» привел к ускоренному профессионализму молодых специалистов, пересмотру роли коммуникации и эмпатии в лечебном процессе, а также к формированию критического осознания системных ограничений и необходимости защиты собственного здоровья.

Литература

1. Еремина М.В., Доники А.Д. Влияние пандемии COVID-19 на социальную интеракцию врача и пациента // Вестник Биомедицина и социология – 2022. – Т. 7. № 2. С. 3–8.
2. Еремина М.В. Влияние экстремальных условий на формирование нравственной культуры врача // Primo Aspectu – 2025. – № 1(61). С. 22–25.
3. Кирияк Д.В., Егорова И.А. Профессиональная этика и нравственность врача в период пандемии: больше вопросов, чем ответов // Вопросы устойчивого развития общества – 2021. – № 7. С. 503–510.
4. Лебедева И.О. Личностные качества специалистов опасных профессий: теоретический обзор // Молодой ученый. – 2021. – № 17 (359). – С. 342–344.
5. Магомедова Л.Г., Шихшабекова Э.Р., Абдулаева З.Э. Моральные добродетели врача // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 5 (95) Часть 2. – С. 211–214.

SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF DOCTORS' READINESS TO WORK IN EXTREME CONDITIONS

Eremina M.V.

Volgograd State Medical University

The article deals with the results of a study on the socio-cultural factors motivating doctors to work in high-risk conditions, as well as the complex of professional challenges they faced, through the lens of transformation in medical professional culture. The empirical base consisted of data from standardized interviews of a focus group of «red zone» doctors from COVID-19 departments in Volgograd (March–June 2022). The study identified four key motivational factors that determined doctors' work in the «red zone» (compulsion, financial incentive, professional interest, moral imperative). A complex of professional challenges was systematized and structured into three groups: psychological, organizational, and physical. The pandemic served as a catalyst for the transformation of medical professional culture. The experience of working in the «red zone» contributed to accelerated professionalization but also led to a rethinking of the role of communication, empathy, and the necessity of protecting the mental and physical health of healthcare workers.

Keywords: professional culture of physicians, «red zone», pandemic, motivation, professional challenges, professional identity.

References

1. Eremina M.V., Donika A.D. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Social Interaction of Doctor and Patient // Bulletin of Biomedicine and Sociology – 2022. – Vol. 7. № 2. pp. 3–8.
2. Eremina M.V. The Impact of Extreme Conditions on the Formation of a Doctor's Moral Culture // Primo Aspectu – 2025. – № 1 (61). pp. 22–25.
3. Kiriyak D.V., Egorova I.A. Professional Ethics and Morality of a Doctor During a Pandemic: More Questions than Answers // Issues of Sustainable Development of Society – 2021. – № 7. pp. 503–510.
4. Lebedeva I.O. Personal Qualities of Specialists in Hazardous Professions: A Theoretical Review // Young Scientist. – 2021. – № 17 (359). – P. 342–344.
5. Magomedova L.G., Shikhshabekova E.R., Abdullayeva Z.E. Moral virtues of a doctor // International research journal. – 2020. – № 5 (95) Part 2. – P. 211–214.

Социософская парадигма «Москва – Третий Рим» как институциональная основа современной хозяйственной традиции и стратегий регионального развития

Захаров Алексей Владимирович,

аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
E-mail: 89272747077@bk.ru

В работе анализируется влияние историко-культурных традиций на современную российскую экономику, используя междисциплинарный взгляд. Исследователь утверждает, что концепция «Москвы – Третьего Рима», зародившаяся в XVI веке в рамках религиозно-философских дискуссий, трансформировалась в мощную институциональную основу, которая накладывает отпечаток на формирование специфических черт российской экономической модели. Анализ институциональной теории (path dependence) помогает объяснить, как архетипы, например, «государство-хранитель» (катехон), приоритет служения над прибылью и концепция соборности, формируют хозяйственные модели. В качестве объекта исследования была выбрана Республика Мордовия. Работа демонстрирует, как региональная модель развития, основанная на сельском хозяйстве, технологической независимости и взаимодействии государства с конфессиями, отражает исторические стремления к самодостаточности и защищенности. При этом особое внимание уделяется ментальным аспектам и подчеркивается важность их интеграции в стратегии развития российской территориальной структуры.

Ключевые слова: институциональная экономика, культурный код, Третий Рим, хозяйственная этика, мобилизационная экономика, продовольственная безопасность, Республика Мордовия, патернализм, Ф.Ф. Ушаков, технологический суверенитет.

Введение

Актуальность исследования

Современная экономическая наука переживает кризис универсалистских подходов. Классические либеральные модели, постулирующие рациональное поведение индивида, стремящегося исключительно к максимизации личной полезности (homo economicus), все чаще демонстрируют ограниченную прогностическую силу при анализе западных хозяйственных систем [2, с. 89–112]. В условиях глобальной геополитической турбулентности и санкционного давления российская экономика демонстрирует адаптивность, которую сложно объяснить исключительно рыночными механизмами.

В связи с этим возрастает актуальность институционального и культурно-исторического подходов. Гипотеза исследования состоит в том, что глубинные ценностные установки, заложенные в период формирования централизованного Русского государства (XV–XVI вв.), продолжают оказывать решающее влияние на экономическое поведение, трудовую этику и отношения «бизнес – власть». Ключевой идеологемой этого периода является концепция старца Филофея «Москва – Третий Рим».

Степень разработанности проблемы

Экономика сквозь призму религиозно-философских смыслов изучалась в работах М. Вебера, который в своем классическом исследовании показал, как протестантская этика сформировала дух капитализма [2, с. 45–78], а также в трудах С.Н. Булгакова по философии хозяйства. Современные исследователи, такие как А.А. Аузан, развивают теорию культурных кодов [19, с. 12–34], а С.Г. Кирдина разработала теорию институциональных матриц [20, с. 156–189]. Однако проекция конкретной историософской доктрины «Третьего Рима» на современную региональную экономическую практику остается малоизученной областью.

Методология

Исследование базируется на методологии новой институциональной экономической теории (эффект колеи – path dependence) [3, с. 45–67], цивилизационном подходе и методах регионального экономического анализа.

Теоретико-методологические основания: от теологии к политэкономии

Концепт «Третьего Рима» как основа национальной экономической парадигмы

Традиционная историография склонна трактовать послания старца Филофея преимущественно в контексте мессианской геополитики. Однако глубокий институциональный анализ вскрывает в формуле «Третьего Рима» мощный экономический подтекст, который можно охарактеризовать как имплицитную программу хозяйствования. Этот концепт выходит за рамки богословия, выступая нормативной моделью, задающей векторную инерцию (path dependence) развития российской экономической системы [3, с. 67–89].

Проекция данной идеологемы на экономическую плоскость раскрывается через три ключевых аспекта:

1. Стремление к самодостаточности (автаркия)

Позиционирование страны как «Удерживающего» и хранителя истинной веры ставит ее в оппозицию к остальному миру. В этой оптике интеграция в глобальные рынки воспринимается как угроза духовной и политической целостности. Зависимость от импорта приравнивается к уязвимости. Следовательно, экономическая стратегия исторически тяготеет к созданию замкнутых циклов производства. Протекционизм и импортозамещение становятся не просто инструментами регулирования, а формой защиты сакрального пространства от внешнего влияния [1, с. 156–189].

2. Эсхатологическая мотивация труда и производства

В противовес веберовской этике капитализма, где успех монетизируется и служит доказательством избранности [2, с. 112–145], парадигма «Третьего Рима» предлагает иную мотивацию. Хозяйственная деятельность не самоцель, она служит высшей цели – сохранению мира до Страшного суда (функция катехона). Это трансформирует экономическую логику: вместо роста рентабельности приоритетом стано-

вится способность системы к мобилизации [3, с. 89–112]. Экономика должна уметь мгновенно концентрировать ресурсы в руках центральной власти для решения глобальных задач, часто игнорируя критерии рыночной эффективности и уровень жизни населения.

3. Служебный характер собственности и этатизм

Идеология утверждает безусловное верховенство государства над личностью. Частная собственность в такой матрице не является неприкосновенным институтом. Право на активы оправдано только служением государству: собственность – это не привилегия, а обязанность (поручение) [20, с. 189–215]. Если экономический агент перестает действовать в интересах державы, его права могут быть аннулированы. Этот принцип лежит в основе исторической модели, где частный капитал не автономен, а встроен в государственную иерархию, выполняя роль ресурсной базы для реализации национальных стратегий.

Институциональная инерция и феномен «раздаточной экономики» как проекция мессианской идеологии

С позиций неонинституционализма и, в частности, опираясь на концепцию институциональных матриц О.Э. Бессоновой, отечественный хозяйственный уклад демонстрирует устойчивую приверженность к редистрибутивному (раздаточному) типу воспроизводства [21, с. 78–112]. Если рыночные системы опираются на горизонтальные трансакции и равноправие экономических агентов, то российская институциональная матрица исторически формировалась как иерархическая структура. В этой модели государство (Центр) выступает не просто регулятором, а верховным собственником-распорядителем, аккумулирующим общественный продукт для его последующего фондируемого перераспределения исходя из общенациональных императивов [1, с. 189–234].

В данной системе координат историософская доктрина «Москва – Третий Рим» функционирует как фундаментальный институт легитимации. Данная идеология трансформирует экономическую практику изъятия ресурсов из сферы фискального принуждения в плоскость сотериологической (спасительной) миссии [22, с. 45–67]. Власть, наделенная статусом «Удерживающего» (Катехона), получает метафизическое обоснование своей монополии на управление материальными потоками.

Влияние мессианской идеологии на консервацию институциональной инерции («path dependence») раскрывается через три ключевых механизма:

1. Сакрализация редистрибутивного цикла («Сдача-Раздача»)

В оптике концепции «Третьего Рима» концентрация ресурсов в руках верховной власти интерпретируется общественным сознанием как необходимое условие выживания социума перед лицом экзистенциальных угроз. Возникает специфический негласный консенсус: периферия делегирует Центру право на отчуждение ресурсов («сдача») в обмен на патерналистскую опеку и гарантированный минимум благ («раздача») [21, с. 112–145]. Экономическое отчуждение, таким образом, переводится в акт доверия верховному арбитру, что снижает социальное напряжение при неравномерном распределении благ.

2. Институционализация «служения» как основы хозяйственной этики

Понятие экономической эффективности в данной модели замещается категорией «служения». Идея богоизбранной державы придает фискальным и трудовым повинностям («тяглу») сакральный статус [3, с. 112–134]. Экономический субъект рассматривает уплату ренты государству не как трансакцию (покупку госуслуг), а как плату за принадлежность к охраняемому сакральному пространству. Это существенно снижает трансакционные издержки государства на администрирование и принуждение, обеспечивая высокую мобилизационную способность системы в кризисные периоды [20, с. 215–245].

3. Инвариантность институционального ядра при смене исторических форм

Анализ исторической динамики показывает высокую адаптивность раздаточной матрицы, которая меняет фасадные институты, сохраняя сущностное ядро:

- В период Московского царства механизм реализовывался через поместную систему, где право на землю было условным и жестко увязанным с несением государственной службы [23, с. 134–167].
- В советскую эпоху матрица достигла абсолюта в плановой экономике, где идеократия коммунизма заменила религиозную догматику, но сохранила централизованный принцип фондирования и безальтернативного управления ресурсами [24, с. 89–123].
- В современной России редистрибутивная логика воспроизводится через доминирование государственного капитализма, систему национальных проектов и межбюджетных трансфертов [9, с. 45–78]. Лояльность региональных элит и крупного бизнеса обеспечивается через доступ к бюджетным потокам, что структурно повторяет архаичные практики «кормления» [7, с. 156–189].

Аксиология современной российской экономики

Дихотомия «Прибыль – Служение»

Фундаментальное различие между западной и российской моделями хозяйствования кроется не столько в инструментальных механизмах рынка, сколько в их онтологических и аксиологических основаниях. Классическая социология в лице Макса Вебера убедительно продемонстрировала, что генезис западного капитализма был детерминирован протестантской этикой, где профессиональный успех и кумуляция капитала интерпретировались как видимые знаки божественной избранности (*sola gratia*) [2, с. 145–189]. В этой парадигме максимизация прибыли обретает сакральную легитимацию, становясь моральным долгом индивида.

В противовес этому, отечественная хозяйственная культура, исторически сформированная в лоне православной традиции и политической философии «Третьего Рима», базируется на принципиально иной аксиоматике [22, с. 67–95]. В рамках данного цивилизационного кода категория «богатство» лишена безусловной нравственной санкции. Накопление материальных благ рассматривается в диапазоне от этической нейтральности до духовной опасности («стяжательства»), если оно замкнуто на интересах частного лица. Легитимация капитала в российском общественном сознании возможна исключительно через институт «Служения» [25, с. 112–145].

Данный феномен порождает специфическую модель легитимации собственности, которую можно охарактеризовать как «условное владение». Если в римском праве собственность абсолютна, то в российской институциональной матрице право на крупный актив негласно обусловлено выполнением общественно значимых функций. Современный российский предприниматель, особенно на уровне региональных элит, интуитивно считывает этот культурный код, что трансформирует его экономическое поведение [7, с. 189–234]:

1. Социальная «десятина» как инструмент институциональной безопасности

Инвестиции частного бизнеса в социальную инфраструктуру – строительство храмов, спортивных объектов, благоустройство городских пространств – нельзя рассматривать исключительно через призму западной концепции «корпоративной социальной ответственности» (CSR). В российских реалиях это не маркетинговый ход, а форма неформального налогообложения или «ренты лояльности» [6, с. 203–234]. Бизнес-структура, игнорирующая этот императив и ориентированная исключительно на прибыль, стигматизируется в общественном сознании как «хищническая» и чужеродная, что резко повышает риски экспроприации или административного давления.

2. Интеграция в государственную телеологию

Дихотомия «Прибыль – Служение» разрешается через включение частного капитала в реализацию государственных мегапроектов. Участие в национальных проектах, программах импортозамещения или военно-промышленном заказе выполняет функцию «охранной грамоты» (*safe conduct*). Субъект экономической деятельности, демонстрирующий сопричастность к геополитическим или макроэкономическим целям государства (воспринимаемого как современное воплощение «Катехона»), получает неформальный иммунитет [7, с. 234–267].

Таким образом, экономическая эффективность в современной России не является самодостаточной ценностью. Она верифицируется через категорию «пользы для целого» (государства, общины). Возникает устойчивый институциональный паттерн: прибыль приватизируется, но легитимность этой приватизации должна постоянно подтверждаться через демонстративные акты «раздачи» и служения национальным интересам [21, с. 145–178]. Этот механизм блокирует становление классического либерального капитализма, консервируя модель государственно-монополистического уклада с высокой социальной нагрузкой на бизнес.

Справедливость выше эффективности

Экономические реформы 1990-х годов, построенные на критериях рыночной эффективности, столкнулись с отторжением именно из-за несоответствия архетипу справедливости [9, с. 78–112]. В логике «Третьего Рима» государство обязано быть патерналистским. Отсюда – сохранение избыточной занятости на заводах, дотирование убыточных, но социально значимых отраслей, и жесткое регулирование цен на социально значимые товары [1, с. 234–267]. Это не «ошибки рынка», это осознанный выбор в пользу социальной стабильности (соборности).

Аксиологические основания региональной устойчивости: опыт Республики Мордовия

Проекция архетипа «катехона» (удерживающей силы) на региональное измерение находит свое воплощение в социально-экономической стра-

тегии Республики Мордовия. Специфика региона заключается в необходимости выстраивания стратегии выживания и развития в условиях отсутствия сырьевых сверхдоходов. Этот фактор стал катализатором формирования мобилизационной модели развития, опирающейся на внутренние нематериальные активы [25, с. 145–178].

Устойчивость региональной системы обеспечивается синергией следующих элементов:

- Земельный ресурс. Рациональное использование земельного фонда и ставка на аграрный сектор интерпретируются как основа физического выживания и независимости [10].
- Человеческий потенциал. Актуализация патерналистских и общинных практик позволяет сформировать специфический тип трудовых отношений, основанный на лояльности и внеэкономическом принуждении к труду (в позитивном смысле служения) [21, с. 178–212].
- Идеологический консенсус. Опора на традиционные конфессиональные и культурные коды способствует минимизации социальных конфликтов и консолидации общества перед лицом внешних вызовов, компенсируя нехватку материальных инвестиций инвестициями социальными [22, с. 95–128].

Практическая реализация концепции: От идеологии к инфраструктуре

Духовные скрепы как ресурс развития: «Сакральная урбанистика» и этика служения

Стратегия развития Республики Мордовия базируется на уникальном опыте инкорпорации духовно-нравственных компонентов в систему регионального управления. Отходя от утилитарных моделей имиджевого позиционирования, субъект формирует идентичность «центра православного возрождения». В основе данного процесса лежит механизм легитимации социально-экономических преобразований через обращение к исторической памяти и традиционным ценностям [26, с. 134–167].

Рассматривая региональную адаптацию идеологии «Москва – Третий Рим», следует отметить трансформацию образа адмирала Ф.Ф. Ушакова из сугубо агиографического феномена в фундаментальный компонент нематериальных активов Республики Мордовия. В рамках институционального подхода историческое наследие флотоводца операционализируется как инструмент территориального маркетинга, позволяющий капитализировать историческую память [27, с. 78–112].

Во-первых, наличие сакрального центра в Санаксарском монастыре (включая мощи святого) выступает аттрактором для формирования паломническо-туристического кластера, генерируя спрос на услуги сферы гостеприимства и стимулируя малый бизнес [28, с. 45–89].

Во-вторых, интеграция архетипа «воина-праведника» в механизмы воспроизводства человеческого капитала способствует закреплению ценностей служения и государственного патернализма [25, с. 178–212]. Такая аксиологическая ориентация формирует трудовые ресурсы с высокой адаптивностью к мобилизационным управленческим практикам, что является критически важным для функционирования предприятий оборонно-промышленного комплекса региона [29, с. 123–156]. Таким образом, происходит конвертация сакрального символа в институциональный ресурс, усиливающий инвестиционную привлекательность и социальную стабильность субъекта.

Агропромышленный комплекс: Продовольственная безопасность как форма суверенитета

Современный этап развития российской федерализма характеризуется актуализацией дискуссии «осажденной крепости», что неизбежно влияет на стратегии регионального позиционирования. В этой системе координат Республика Мордовия успешно конструирует имидж «региона-донора продовольственной безопасности», интерпретируя развитие аграрного сектора через призму патриотического служения и защиты государственных интересов [10].

Сельское хозяйство в данной модели наделяется не просто экономическими, но и идеологическими функциями. В рамках неоконсервативной парадигмы («Третий Рим») способность страны самостоятельно обеспечивать себя продовольствием приравнивается к наличию суверенного статуса [11]. Мордовия, демонстрирующая лидерство по душевому производству основных продуктов питания (мясопереработка, молочная отрасль, производство сахара), эффективно капитализирует эти достижения в политическом поле [12].

На уровне смысловых конструкций происходит декоммерциализация образа АПК. В официальной риторике и общественном сознании доминируют не рыночные термины, а патерналистские и мобилизационные установки: «накормить страну», «создать щит продовольственной безопасности». Агрохолдинги позиционируются как форпосты технологического суверенитета [13].

Институциональная динамика и ресурсное обеспечение продовольственного суверенитета (на примере АПК Республики Мордовия). Комплексный анализ показателей агропромышленного комплекса Республики Мордовия за три квартала 2025 года свидетельствует о консолидации ресурсной базы и переходе региональной экономики к модели форсированного импортозамещения. Эмпирические данные подтверждают гипотезу о том, что сельское хозяйство функционирует не столько как рыночный сектор, сколько как фундамент национальной биологической безопасности, поддерживаемый через механизмы государственного протекционизма и технологической мобилизации [14].

1. Агротехнологический базис и материальное производство

Фундаментальным фактором устойчивости производственного цикла выступает интенсификация агротехнологий. Внесение под урожай 2025 года 149,9 тыс. тонн минеральных удобрений (в физическом весе), что соответствует 198,7 кг на гектар посевной площади (или 76 кг действующего вещества), маркирует отказ от экстенсивной эксплуатации почв в пользу наукоемкого земледелия [14]. Данная стратегия, несмотря на волатильность климатических условий, обеспечила высокую результативность уборочной кампании.

По состоянию на 1 октября 2025 года валовой сбор зерна достиг 1 783,9 тыс. тонн при урожайности 38,7 ц/га (убрано 96% площадей), что формирует стратегический резерв региона [14]. Показатели технической культур также демонстрируют эффективность: сбор сахарной свеклы составил 275,3 тыс. тонн (урожайность 422 ц/га), масличных культур – 120,5 тыс. тонн [15]. Высокая технологическая дисциплина подтверждается и в картофелеводстве организованного сектора (урожайность 261 ц/га, убрано 89% площадей). Закладка фундамента под будущие периоды реализована через выполнение плана сева озимых культур на 97% (164,3 тыс. га), что свидетельствует о долгосрочном горизонте планирования, характерном для стабильных хозяйственных систем [14].

2. Биологическая безопасность и сырьевая автономность

Критическим элементом суверенитета является полная обеспеченность животноводства собственной кормовой базой, что исключает зависимость от внешних конъюнктурных шоков. Сформированный запас грубых и сочных кормов (сенаж – 604,8 тыс. тонн или 93% плана; силос – 704,9 тыс. тонн или 103% плана; сено – 41 тыс. тонн) гарантирует бесперебойное функционирование мясного и молочного кластеров [14]. Показатель обеспеченности в 26,5 центнеров кормовых единиц на одну условную голову в сочетании с переходящими остатками позволяет констатировать достижение режима полной автаркии в данном сегменте.

Эта ресурсная база стала драйвером роста перерабатывающей промышленности, объем товарной продукции которой достиг 141,0 млрд рублей (111% к уровню 2024 года) [16]. Структурная трансформация отрасли направлена на углубление переработки: при росте переработки молока-сырья на 23% (до 286,3 тыс. тонн) производство сливочного масла увеличилось на 37%, а сыров – стабилизировалось на уровне 16,2 тыс. тонн [16]. Мясной кластер (78,1 млрд рублей) демонстрирует опережающую динамику выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью: мясных полуфабрикатов (+35%) и колбасных изделий (+9%) [16]. Двукратный рост производства кондитерских изделий (2,4 тыс. тонн) и увеличение выпуска консервов на 22% выполняют функцию насыщения потребительского рынка товарами, гармонизирующими социальное самочувствие [16].

3. Социальный патернализм и инфраструктура «Соборности»

Институциональная матрица региона в 2025 году характеризуется усилением роли государства как гаранта сохранения традиционного уклада и развития малых форм хозяйствования. Через механизмы грантовой поддержки и субсидирование материально-технической базы кооперативов власть легитимирует многоукладность экономики, предотвращая монополизацию рынка агрохолдингами и поддерживая сельский средний класс («крестьянство») [17].

Пространственное развитие реализуется в парадигме «сбережения народа»: масштабная программа «Комплексное развитие сельских территорий» с бюджетом 1 579,7 млн рублей, охватывающая строительство 62 объектов, представляет собой инвестицию в социальную инфраструктуру, не имеющую прямой коммерческой окупаемости, но критически важную для демографической устойчивости [11]. Таким образом, экономическая политика Республики Мордовия в 2025 году представляет собой синтез технологической модернизации производства и социального консерватизма в распределении общественных благ [18].

Технологический суверенитет: От лаптя к оптоволокну

Реализация концепции самодостаточной цивилизации («Третьего Рима») в XXI веке невозможна без обладания полным циклом критических

технологий. В этом контексте Республика Мордовия демонстрирует радикальную парадигмальную трансформацию, которую можно охарактеризовать метафорой «от лаптя к оптоволокну». Если в исторической ретроспективе регион воспринимался преимущественно как аграрная периферия, обеспечивающая продовольственную безопасность, то современная стратегия развития позиционирует его как ключевой узел цифрового суверенитета страны [19, с. 1–22].

Центральным элементом новой архитектуры выступает формирование инновационного кластера «Волоконная оптика и оптоэлектроника». Флагман данного кластера – завод АО Оптиковолокonné Системы – является уникальным индустриальным объектом, не имеющим аналогов на территории Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Существование такого производства переводит вопрос региональной экономики в плоскость национальной безопасности. В условиях глобальной технологической фрагментации и санкционного давления наличие собственной базы для производства физического носителя интернета и связи (оптоволоконка) становится условием выживания инфраструктурной инфраструктуры государства [19, с. 22–45].

Власти региона осуществляют масштабный ребрендинг территории, замещая нарратив «глубинки» нарративом «технократического форпоста». Деятельность Технопарка-Мордовия и развитие смежных производств (включая приборостроение и силовую электронику) создают замкнутый технологический контур. Это полностью соответствует логике современной автаркии: речь идет не об изоляции, а о способности системы функционировать автономно в критических ситуациях [19, с. 45–68]. Производство собственного оптоволоконка – это, по сути, создание «нервной системы» суверенного государства, независимой от импортных поставок, которые могут быть использованы как инструмент геополитического шантажа.

Таким образом, технологическая повестка Мордовии приобретает экзистенциальное измерение. Переход к выпуску высокотехнологичной продукции рассматривается не просто как диверсификация валового регионального продукта, а как сакральная миссия по обеспечению «цифровой независимости» цивилизации. Инновации здесь легитимизируются через патриотический дискурс: каждая катушка мордовского оптоволоконка становится кирпичом в фундаменте технологического суверенитета, позволяя России оставаться субъектом, а не объектом глобальной цифровой экономики [19, с. 68–95].

Соборность и модель межэтнического взаимодействия

Концепт «Шумбрат» как экономический актив

Исторически сложившаяся на территории Мордовии модель этноконфессионального общежития, базирующаяся на трехсоставном субстрате (финно-угорские народы мокша и эрзя, славянское население, татарская диаспора), представляет собой уникальный пример социокультурного синкретизма [26, с. 167–201]. В современной научной литературе данный феномен целесообразно рассматривать не просто как гуманитарное достижение, но как специфический фактор производства, снижающий уровень энтропии в социально-экономической системе. Многовековая коэволюция различных этнических групп сформировала в регионе устойчивую культуру бесконфликтности, которая в условиях глобальной неопределенности трансформируется в конкретное конкурентное преимущество [27, с. 112–145].

Философская категория «соборность», традиционно относимая к сфере теологии и русской религиозной философии, в контексте региональной экономики Мордовии приобретает черты институционального механизма [22, с. 128–167]. Она обеспечивает так называемый «эффект сцепления» (social cohesion), минимизирующий транзакционные издержки, связанные с разрешением социальных противоречий и трудовых споров [4, с. 76–136]. Региональная идеология, кристаллизованная в триаде «Согласие. Порядок. Созидание», выступает не как декларативный лозунг, а как фундаментальная институциональная матрица. Она формирует предсказуемую поведенческую модель экономических агентов, где приоритет отдается кооперативным стратегиям взаимодействия, а не деструктивной конкуренции.

Семиотический концепт «Шумбрат» (традиционное мордовское приветствие, означающее пожелание добра и здоровья) в макроэкономическом анализе может быть интерпретирован как бренд-маркер территории с высоким уровнем накопленного социального капитала [28, с. 112–156]. Для внешних инвесторов и контрагентов наличие такой устойчивой социокультурной среды служило (и продолжает служить в условиях смены геоэкономических векторов) сигналом о низком уровне некоммерческих рисков. В инвестиционных меморандумах отсутствие межэтнической напряженности конвертируется в снижение требований к премии за риск, что повышает капитализацию регио-

нальных проектов [5, с. 203–254]. Стабильность этнополитического ландшафта выступает гарантом сохранности долгосрочных вложений в реальный сектор экономики.

Более того, принцип соборности успешно экстраполируется на уровень корпоративного управления. На ведущих промышленных предприятиях республики элементы традиционной общинной этики интегрируются в современные HR-стратегии и практики социального партнерства. Это проявляется в высоком уровне лояльности персонала, низкой текучести кадров в высокотехнологичных секторах и готовности коллективов к мобилизации усилий в кризисные периоды [29, с. 156–189]. Таким образом, архаичные на первый взгляд модели межэтнического взаимодействия ревитализируются, становясь драйвером экономической устойчивости и создавая благоприятный фон для разветвления инновационных производств.

Патернализм и социальная ответственность бизнеса

Взаимоотношения власти и экономических элит в Мордовии выходят далеко за рамки классического рыночного регулирования, формируя уникальную модель государственно-частного симбиоза. Крупный бизнес здесь не функционирует как автономный субъект, преследующий исключительно цели извлечения прибыли, а фактически инкорпорирован в региональную вертикаль управления [6, с. 203–267]. Предпринимательство трактуется не как право, а как «служение», где активы рассматриваются как ресурс, временно переданный в управление эффективному менеджеру при условии его полной лояльности интересам территории.

Фундаментальное отличие мордовской модели от западных стандартов CSR (Corporate Social Responsibility) носит онтологический характер. Если в западной парадигме социальная ответственность – это инструмент улучшения имиджа, повышения ESG-рейтингов и капитализации бренда, то в мордовской системе координат это форма «социального налога» или, используя историческую терминологию, «оброка» [7, с. 267–301]. Это плата за легитимность, своеобразная лицензия на деятельность.

Бизнес-элиты несут колоссальную «добровольно-принудительную» нагрузку, подменяя собой дефицитные бюджетные функции:

- Содержание профессионального спорта. Финансирование футбольных клубов или ледовых дворцов часто возлагается на промышленных гигантов, независимо от их профиля [30, с. 1–18].
- Инфраструктурное донорство. Благоустройство столицы республики, реконструкция набережных и парков, поддержка сельских поселений осуществляются за счет внебюджетных фондов предприятий [30, с. 18–35].
- Сакральное строительство. Восстановление храмов и монастырей, являющееся частью идеологического каркаса региона, также финансируется через механизмы корпоративной благотворительности [31, с. 1–22].

Отказ от несения этой нагрузки невозможен без фатальных последствий для бизнеса. В рамках местной политической культуры уклонение от «оброка» воспринимается не как рациональная оптимизация расходов, а как моральное преступление против «общины» (соборного целого). Такой предприниматель мгновенно переходит из статуса «партнера власти» в статус «чужака», что влечет за собой исключение из системы распределения ресурсов и административную опалу [6, с. 267–301]. Таким образом, в регионе реализована модель «мобилизационной экономики» в миниатюре, где частный капитал в любой момент может быть призван для решения государственных задач.

Дискуссионные вопросы и риски

Несмотря на очевидную устойчивость мордовской социокультурной модели в периоды турбулентности, доминирование архаичных практик и неформальных институтов генерирует серьезные негативные экстерналии. Эти риски носят не ситуативный, а фундаментальный характер, угрожая долгосрочной конкурентоспособности региона [8, с. 1–45]:

1. Институциональный склероз и искажение рыночных сигналов. Политика протекционизма и ставка на «своих» производителей, интегрированных в региональную иерархию, создает эффект «тепличных условий» [9, с. 112–156]. Экономические субъекты начинают конкурировать не качеством продукции или технологическими инновациями, а степенью административного ресурса и близостью к центрам принятия решений.

Это консервирует технологическую отсталость, у «придворного» бизнеса исчезают стимулы к модернизации, так как сбыт и поддержка гарантированы лояльностью, а не эффективностью [3, с. 134–167].

Возникают высокие барьеры входа для внешних инвесторов и независимых игроков, которые воспринимаются системой как чужерод-

ные элементы, нарушающие сложившийся баланс интересов. В результате экономика региона рискует замкнуться в себе, теряя гибкость и адаптивность к глобальным рыночным трендам [8, с. 45–89].

2. Ловушка патернализма и рентоориентированное поведение

Идеологема «Третьего Рима» и сакрализация власти подразумевают наличие сильного Центра-созерена, который в обмен на безусловную геополитическую лояльность и электоральную стабильность обязан обеспечивать ресурсную подпитку [22, с. 167–201].

Такая конструкция закрепляет статус Мордовии как глубоко дотационного региона, формируя специфическую культуру иждивенчества не только на уровне граждан, но и на уровне элит [9, с. 156–189].

Управленческие усилия направляются не на генерацию внутренней добавленной стоимости, а на лоббирование трансфертов из федерального бюджета. Это создает экзистенциальную угрозу: любое сокращение федеральной поддержки (вследствие макроэкономических кризисов или смены приоритетов Центра) способно мгновенно дестабилизировать социально-экономическую ситуацию, так как собственные драйверы роста остаются атрофированными [8, с. 89–134].

3. Кризис меритократии и отрицательная кадровая селекция

В системе, где ключевой добродетелью является «служение» и идеологическая конформность, профессиональные компетенции часто отходят на второй план [7, с. 301–334].

Требование личной преданности создает фильтры, отсеивающие талантливых, но независимых управленцев и технократов, не готовых встраиваться в жесткую иерархическую вертикаль.

Происходит «отрицательная селекция»: управленческий аппарат заполняется исполнительными функционерами, лишенными инициативы и критического мышления. Это приводит к интеллектуальному обеднению элит, оттоку пассионарной молодежи в мегаполисы и нарастающему дефициту кадров, способных решать задачи в условиях цифровой экономики и высокой неопределенности [24, с. 123–167].

Заключение

Проведенное комплексное исследование позволяет сделать фундаментальный вывод: историософская концепция «Москва – Третий Рим» в контексте современной Мордовии давно переросла статус культурного артефакта или музейной реликвии. Она трансформировалась в действующую операционную систему регионального социума – живой институциональный механизм, который негласно, но жестко регулирует экономические и управленческие процессы [22, с. 201–245].

На примере Республики Мордовия мы наблюдаем не хаотичное насилие пережитков прошлого, а реализацию целостной, внутренне логичной модели, которую можно определить как «Духовно-ориентированная мобилизационная экономика». Эта система демонстрирует удивительную резистентность к внешним шокам благодаря опоре на архетипические паттерны поведения, где экономическая деятельность вторична по отношению к надэкономическим смыслам [21, с. 212–256].

Ключевые параметры этой модели выходят за рамки стандартной рыночной логики:

1. Телеология (Целеполагание): Примат суверенитета над рентабельностью.

В отличие от либеральной модели, где высшей ценностью является максимизация прибыли акционеров, мордовская модель ставит во главу угла автотаркию и безопасность [1, с. 267–301]. Экономический успех измеряется способностью системы обеспечить продовольственный, технологический и культурный суверенитет. Предприимчивость или отрасль считаются эффективными не тогда, когда они генерируют высокий ROI, а когда они встраиваются в общий контур защиты «осажденной крепости» от внешних угроз [10].

2. Аксиология (Мотивация): Этос служения.

Система трудовой мотивации здесь представляет собой гибрид материального стимулирования и нематериальных факторов сакрального характера. Труд интерпретируется не просто как продажа рабочей силы, а как форма «служения» (в религиозно-государственном смысле) [25, с. 212–256]. Патриотизм и лояльность становятся экономическими категориями, позволяя мобилизовать человеческий капитал в условиях ограниченных финансовых ресурсов [21, с. 256–289].

3. Архитектура: Симбиоз государства и корпораций

Происходит размывание границ между публичным и частным сектором. Формируется специфическая корпоративистская среда, в которой частный бизнес де-факто наделяется статусом государственного агента [6, с. 301–334]. Он получает преференции в обмен на выполнение широкого спектра социальных обязательств. Это не просто «социальная ответственность бизнеса», а его интеграция в единую вертикаль управления территорией [7, с. 334–367].

Практическая значимость для государственного управления

Для федерального центра и региональных элит осознание этой специфики открывает принципиально иные горизонты планирования. Опыт последних десятилетий показывает, что механистический импорт рафинированных рыночных институтов без учета локального культурного «генотипа» неизбежно ведет к институциональным ловушкам и росту транзакционных издержек [3, с. 167–201]. То, что работает в глобальных мегаполисах, здесь вызывает отторжение как инородное тело.

Напротив, стратегия, апеллирующая к глубинным кодам территории – соборности, патернализму, идее общего дела и служения высшей цели, – способна разблокировать колоссальные внутренние резервы [22, с. 245–278]. Понимание Мордовии не как депрессивной периферии, а как носителя особой модели развития, позволяет превратить архаику из тормоза прогресса в уникальный ресурс для качественного социально-экономического рывка и обеспечения стабильности в эпоху глобальной турбулентности [25, с. 256–289].

Литература

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 448 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
4. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 1976. – 254 p.
5. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past Present. – 1971. – No. 50. – P. 76–136.
6. Hellman J.S. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. – 1998. – Vol. 50, No. 2. – P. 203–234.
7. Ledeneva A.V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 327 p.
8. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание / пер. с англ. К.М. Королева. – М.: АСТ, 2017. – 704 с. – (Политика).
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризисы, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
10. Российская Федерация. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Офф. интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
11. Российская Федерация. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (утв. постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696) [Электронный ресурс]. – Офф. интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
12. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (актуальная редакция и материалы) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястат). Официальные статистические публикации и базы данных по АПК Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – URL: <https://13.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
14. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство: официальные статистические данные [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
15. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. Оперативная информация о ходе уборочных работ, внесении удобрений, заготовке кормов и севе озимых (сообщения/пресс-релизы 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://agro.e-mordovia.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).
16. Правительство Республики Мордовия. Информация о реализации мероприятий по развитию АПК и комплексному развитию сельских территорий (новости/официальные сообщения 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-mordovia.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).

17. Министерство экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия. Статистические/аналитические материалы о промышленности и перерабатывающем секторе региона (2024–2025 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://minec.e-mordovia.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).

18. Республика Мордовия. Региональные нормативные правовые акты и паспорта мер поддержки малых форм хозяйствования (гранты «Агростартап», «Агропрогресс», поддержка семейных ферм и кооперации) [Электронный ресурс]. – Официальный портал органов власти Республики Мордовия. – URL: <https://e-mordovia.ru/> (дата обращения: 19.12.2025).

19. Аузан А.А. Культурный код развития. Как ценности определяют экономику. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 272 с.

20. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2001. – 308 с.

21. Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 526 с.

22. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.

23. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 478 с.

24. Федоров В.А. Помещики и крестьяне в России в XVII – начале XVIII века. – М.: Наука, 1974. – 384 с.

25. Синявский А.Д. Русская культура, новые перспективы. – М.: Аграф, 2006. – 336 с.

26. Мокшин Н.Ф. История мордовского народа. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1994. – 286 с.

27. Макаров Л.Д. Святой адмирал Федор Ушаков: жизнь и служение. – М.: Воениздат, 2003. – 224 с.

28. Грачева Е.Н. Религиозное наследие Мордовии как фактор социокультурного развития. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. – 198 с.

29. Смирнов И.П. Мордовская этнопедагогика и современное образование. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2012. – 156 с.

30. Корепанов А.В. Спорт и культура в региональной политике развития. – М.: Спорт, 2019. – 245 с.

31. Петров А.М. Храмовое строительство в России: история и современность. – М.: Православное издательство, 2017. – 312 с.

THE SOCIOSOCIAL PARADIGM “MOSCOW IS THE THIRD ROME” AS AN INSTITUTIONAL BASIS FOR THE MODERN ECONOMIC TRADITION AND REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES

Zakharov A.V.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

This paper analyzes the influence of historical and cultural traditions on the modern Russian economy using an interdisciplinary approach. The researcher argues that the concept of “Moscow as the Third Rome,” which originated in the 16th century as part of religious and philosophical discussions, has transformed into a powerful institutional foundation that shapes the specific features of the Russian economic model. An analysis of institutional theory (path dependence) helps to explain how archetypes, such as the “guardian state” (katehon), the priority of service over profit, and the concept of conciliarity, shape economic models. The Republic of Mordovia was chosen as the subject of this study. The work demonstrates how the regional development model, based on agriculture, technological independence, and the interaction between the state and religious organizations, reflects historical aspirations for self-sufficiency and security. In this study, special attention is given to the mental aspects of.

Keywords: institutional economics, cultural code, Third Rome, economic ethics, mobilization economy, food security, Republic of Mordovia, paternalism, F.F. Ushakov, technological sovereignty.

References

1. Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg: Aletheia, 2002. 320 p.

2. Weber, M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016. 448 p.

3. North, D. Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy. Moscow: Nakhlo Economic Book Foundation, 1997. 180 p.

4. Scott, J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976. 254 p.

5. Thompson, E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past Present. – 1971. – No. 50. – P. 76–136.

6. Hellman J.S. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. – 1998. – Vol. 50, No. 2. – P. 203–234.

7. Ledeneva A.V. Can Russia Modernize? Sistema, Power Networks, and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 327 p.

8. Fukuyama F. The Decline of State Order: A Popular Science Edition / translated from English by K.M. Korolev. – Moscow: AST, 2017. – 704 p. – (Politics).

9. Zubarevich N.V. Regions of Russia: Inequality, Crises, Modernization. – Moscow: Independent Institute for Social Policy, 2010. – 160 p.

10. Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20, “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” [Electronic resource]. – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: December 19, 2025).

11. Russian Federation. State Program of the Russian Federation “Integrated Development of Rural Areas” (approved by RF Government Resolution No. 696 of May 31, 2019) [Electronic resource]. – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: December 19, 2025).

12. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Produce, Raw Materials, and Food Markets (current version and materials) [Electronic resource]. – URL: <https://mcx.gov.ru/> (date of access: 19.12.2025).

13. Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Mordovia (Mordovistat). Official statistical publications and databases on the agro-industrial complex of the Republic of Mordovia [Electronic resource]. – URL: <https://13.rosstat.gov.ru/> (date of access: 19.12.2025).

14. Federal State Statistics Service (Rosstat). Agriculture, Hunting, and Forestry: Official Statistical Data [Electronic resource]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 19.12.2025).

15. Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Mordovia. Update on the progress of harvesting, fertilization, forage preparation, and winter crop sowing (2025 announcements/press releases) [Electronic resource]. – URL: <https://agro.e-mordovia.ru/> (accessed: 19.12.2025).

16. Government of the Republic of Mordovia. Information on the implementation of measures to develop the agro-industrial complex and the integrated development of rural areas (news/official announcements 2025) [Electronic resource]. – URL: <https://e-mordovia.ru/> (accessed: 19.12.2025).

17. Ministry of Economy, Trade, and Entrepreneurship of the Republic of Mordovia. Statistical/analytical materials on the industry and processing sector of the region (2024–2025) [Electronic resource]. – URL: <https://minec.e-mordovia.ru/> (date accessed: 19.12.2025).

18. Republic of Mordovia. Regional regulatory legal acts and passports of measures to support small businesses (grants “Agrostartup”, “Agroprogress”, support for family farms and cooperatives) [Electronic resource]. – Official portal of the authorities of the Republic of Mordovia. – URL: <https://e-mordovia.ru/> (date accessed: 19.12.2025).

19. Аузан А.А. Cultural code of development. How values determine the economy. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. – 272 p.

20. Kirdina S.G. Institutional matrices and the development of Russia. – Moscow: TEIS, 2001. – 308 p.

21. Bessonova, O. E., Razdatok: Institutional Theory of Economic Development in Russia. Moscow: ROSSPEN, 1999, 526 p.

22. Bulgakov, S. N., Philosophy of Economy. Moscow: Nauka, 1990, 412 p.

23. Cherepnin, L. V., Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th Centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1960, 478 p.

24. Fedorov, V. A., Landowners and Peasants in Russia in the 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1974, 384 p.

25. Sinyavsky, A. D., Russian Culture: New Perspectives. Moscow: Agraf, 2006, 336 p.

26. Mokshin, N. F., History of the Mordvin People. Saransk: Mordovskoe Publishing House, 1994. 286 p.

27. Makarov, L. D., Saint Admiral Fyodor Ushakov: Life and Service. Moscow: Voenizdat, 2003. 224 p.

28. Gracheva, E. N., Religious Heritage of Mordovia as a Factor in Sociocultural Development. Saransk: Mordvin University Publishing House, 2015. 198 p.

29. Smirnov, I. P., Mordvin Ethnopedagogy and Modern Education. Saransk: Mordovskoe Publishing House, 2012. 156 p.

30. Korepanov A.V. Sports and Culture in Regional Development Policy. Moscow: Sport, 2019, 245 p.

31. Petrov A.M. Church Construction in Russia: History and Modernity. Moscow: Pravoslavnoe Izdatelstvo, 2017, 312 p.

Сформированность карьерных компетенций студентов экономических направлений подготовки высшего профессионального образования как ресурса реализации карьерных стратегий

Зозуля Олеся Александровна,

аспирант, Институт социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск
E-mail: olesyavolya@mail.ru

В статье описано понятие карьерной компетентности на основе экспликационного анализа и литературного обзора авторов, использующих разные подходы к изучению данного феномена. Дано понятие сформированности карьерной компетентности студентов высшего образования, рассмотрены понятия и классификация профессиональных (твердых) и гибких навыков, необходимых для формирования карьерных компетенций. Проанализированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, отраженные в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования для программ бакалавриата, специалитета и магистратуры укрупненной группы специальностей «Экономика и управление». Проведено социологическое эмпирическое исследование студентов экономических направлений вузов города Новосибирска, определена сформированность их карьерных компетенций. По результатам исследования было выявлено прямое влияние получения высшего профессионального образования и уровня сформированности карьерных компетенций молодых людей в последующей реализации личной карьерной стратегии.

Ключевые слова: карьера, карьерная стратегия, карьерная компетентность, профессиональные (твердые) навыки, гибкие навыки.

Формирование карьерных компетенций актуально для профессиональной деятельности человека, заинтересованном в построении карьеры. Основные из них входят в компетентностную модель образовательных программ высшего образования, например, профессиональные навыки (hard skills), и гибкие навыки (soft skills), которые также можно приобрести на старте профессиональной деятельности.

Понятие «карьерная компетентность» является новым в области изучения карьеры и отражено в исследованиях зарубежных авторов (Н. Бетс, Ф. Борген, Д. Хэкетт др.), а также получило развитие в отечественных исследованиях по следующим направлениям: психолого-акмеологические исследования сущности и структуры карьерной компетентности как составной части профессиональной (Е.А. Могилёвкин, Е.В. Садон и др.), самооценка карьерной компетентности студентов (Т.Ю. Тодышева), социально-психологические исследования особенностей сформированности карьерной компетентности молодых специалистов (А.С. Бажин, Ж.Р. Дмитриева) [1].

Рассмотрим феномен карьерной компетентности на основе исследований российских исследователей в области социологии, психологии, также начинающих специалистов.

По мнению Е.А. Могилёвкина, под карьерной компетентностью подразумевается «набор мета-умений, позволяющий свободно оперировать знаниями и инструментами для решения карьерных задач и реализации карьерных целей», способность четко осознавать собственный карьерный потенциал и в соответствии с ним эффективно выстраивать карьерный путь, преодолевая все возможные препятствия и затруднения.

Формируемая в вузах база профессионального ориентирования должна включать «карьерную компетентность» как систему представлений о карьере, возможностях и путях карьерного роста, а также способности прогнозировать, планировать будущую карьеру и преодолевать карьерные кризисы [2].

Также, карьерную компетентность молодого специалиста можно представить в виде совокупности профессиональных знаний в области построения индивидуальной профессиональной карьеры, профессиональных умений в решении карьерных задач, профессиональных позиций и установок специалиста как субъекта карьерного продвижения, а также индивидуально-личностных особенностей специалиста [3].

На основе исследований С.И. Осипова, А.И. Богданова, И.В. Янченко карьерной компетентностью можно считать интегративное качество личности, характеризующее ее стремление, готовность и способность к профессиональной самореализации, сопровождающееся рефлексивным видением себя, адекватной самооценкой [4].

В том числе, карьерная компетентность может выступать способностью человека «осознавать свой карьерный потенциал и в соответствии с ним эффективно выстраивать карьерный путь, преодолевая все препятствия и затруднения» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что карьерная компетентность – это комплекс знаний, умений и навыков, позволяющий определить личную позицию в карьере и сформировать стратегию ее развития.

Карьерная компетентность является неотъемлемой частью карьерной стратегии, которая, в свою очередь, определяет карьерный вектор развития молодежи современного общества. Становление карьерного пути берет свое начало в профессиональном самоопределении, на которое влияет ряд жизненных факторов молодого человека.

Под сформированностью карьерных компетенций студентов (карьерной компетентности) можно понимать уровень обладания студентами знаниями, умениями и навыками, которые необходимы при построении личной карьеры. Высокий уровень карьерной компетентности позволяет ставить профессиональные цели, адекватно оценивать личные возможности, формировать карьерную стратегию и выстраивать оптимальную траекторию карьеры.

Говоря о видах, карьерные компетенции можно разделить на: профессиональные (hard skills) и гибкие (soft skills).

Профессиональными компетенциями можно считать уникальный набор знаний, умений и навыков, необходимых для реализации конкретной профессиональной деятельности. Например, в сфере эконо-

мики это могут быть: стратегия управления организацией, экономическая оценка бизнеса, разработка маркетинговой стратегии, формирования товаров и услуг, анализ данных, методы обеспечения экономической безопасности и ряд других. Данные компетенции легко измеримы и определяют успешность реализации профессиональной деятельности.

В свою очередь, гибкие навыки помогают эффективно взаимодействовать с другими людьми, но могут быть не связаны с конкретной профессией.

Среди гибких навыков можно выделить основные группы:

- личностные (креативность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, эрудиция);
- коммуникативные (навыки общения, работа в команде, активное слушание, умение убеждать);
- управленческие (ответственность, организация работы команды, мотивация коллег, управление временем);
- когнитивные (критическое мышление, принятие решений, аналитические навыки);
- социальные (эмпатия, ведение переговоров, влияние на других, умение строить отношения).

Формирование карьерных компетенций реализуется в процессе получения профессионального обучения, образовательные программы которого составлены с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта, одними из которых являются требования к их освоению.

Каждая образовательная программа бакалавриата, специалитета и магистратуры включает в себя три группы компетенций: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные.

Рассмотрим подробнее требуемые к освоению компетенции на примере образовательных стандартов 2020–2021 годов следующих образовательных программ высшего профессионального образования:

1. ФГОС 38.03.01 Экономика (Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 954) [6].
2. ФГОС 38.03.02 Менеджмент (Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 970) [7].
3. ФГОС 38.03.05 Бизнес-информатика (Приказ Минобрнауки России от 29.07.2020 № 838) [8].
4. ФГОС 38.05.01 Экономическая безопасность (Приказ Минобрнауки России от 14.04.2021 № 293) [9].
5. ФГОС 38.04.01 Экономика (Приказ Минобрнауки России от 11.08.2020 № 939) [10].
6. ФГОС 38.04.02 Менеджмент (Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 952) [11].

Универсальные компетенции в большей части являются карьерными, например те, которые связаны с системным и критическим мышлением, командной работой, коммуникацией, самоорганизацией и саморазвитием.

Общепрофессиональные компетенции образовательных программ бакалавриата и специалитета отражают основные знания, умения и навыки в сфере экономики, которыми должен обладать выпускник. В программах магистратуры данные компетенции устанавливаются на продвинутом уровне ввиду того, что на базовом уровне были освоены в рамках образовательных программ бакалавриата.

Профессиональные компетенции определяются образовательной организацией самостоятельно на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников. По сути, являются разными, учитывая профилизацию каждой из образовательных программ все ранее упомянутых уровней высшего профессионального образования.

На основе социологического эмпирического исследования, проведенного автором среди студентов экономических направлений высшего профессионального образования двух вузов города Новосибирска (НГТУ и НГУЭУ), следует отметить, что из 360 респондентов 57,5% опрошенных считают, что на данный момент обучения частично сформировали в себе профессиональные карьерные компетенции. Так ответили в большей степени, а именно 72%, студенты старших курсов и магистранты. 18,5% процентов, а именно 100% старшекурсников и магистранты, считают, что их карьерные компетенции сформированы в большей степени или полностью.

Остальные респонденты отмечают малую сформированность профессиональных карьерных компетенций или их отсутствие – 21,5%. Это студенты младших курсов, находящиеся на начальном этапе получения данных компетенций.

Полученные ответы респондентов оправдывают процесс освоения образовательных программ высшего профессионального образова-

ния, а также указывают на то, что молодые люди не получают данные компетенции вне процесса обучения в университете.

Целью сформированности карьерных компетенций может служить планирование карьерной стратегии в будущем или уже нахождение на ее первых этапах, что вызывает потребность в профессиональном развитии.

О своих карьерных планах в будущем ответы участников опроса распределились следующим образом. 23,9% респондентов планируют работу на конкретной должности или компании, связанные с экономической деятельностью 21,1% опрошенных хотят построить карьеру в найме, начиная с рядовых должностей и дохода до топ-менеджеров или руководителей организаций, 17,5% дают четкий ответ о том, что планируют открытие собственного бизнеса сразу или после получения первичного профессионального опыта в найме, 12,5% студентов не дали ответа на данный вопрос, 11,9% студентов еще не знают или на планировали свое будущее, но имеют желание в построение личной карьеры, 7,5% студентов, в основном младших курсов, дали более эмоциональные и неточные ответы о карьере, говоря об «грандиозных» планах на будущее, 5,3% ставят во главе высокую заработную плату вне зависимости от рода деятельности и карьерного развития, ищут «дело по душе» и вовсе не планируют карьеру по 2,5% респондентов, остальные опрошенные будут менять сферу профессиональной деятельности, заниматься наукой или держать свои карьерные планы «в секрете».

На основе данного исследования были получены следующие результаты о планировании карьеры респондентами.

Во-первых, 30,6% респондентов изначально принимали решение о поступлении на экономические направления высшего профессионального образования с целью построения карьеры в данной области. 44,2% опрошенных при поступлении в вузы выбирали только экономические направления.

Во-вторых, в процессе получения высшего образования только 12,7% респондентов реализуют свою профессиональную деятельность, большая часть из них студенты 3–4 курсов и магистранты (85%), что подтверждает верный выбор образования и его профессиональную реализацию еще в процессе обучения.

В-третьих, 50,1% опрошенных в рамках своей профессиональной деятельности получают профессиональные компетенции, связанные с получаемым образованием, работая по специальности.

В-четвертых, больше половины респондентов (66,4%) имеют четкие планы на карьеру или профессиональную деятельность, остальные 33,6% еще в процессе самоопределения или не планируют ее вовсе.

Таким образом, сформированность карьерных компетенций студентов экономических направлений подготовки находится на высоком уровне. Этот процесс определяется выбором конкретной программы высшего профессионального образования абитуриентами, а также компетентностной моделью каждой из них, заинтересованностью в карьере молодых людей и ее планированием, получением необходимых компетенций в процессе обучения и начальной профессиональной деятельности.

Литература

1. Янченко И.В. Формирование карьерной компетентности студентов в профессиональном образовании: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Янченко Инна Валериевна; [Место защиты: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева]. – Красноярск, 2013. – 255 с.
2. Могилёвкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. Монография. – СПб.: Речь, 2007. – 336 с.
3. Варюшкин С.В. Карьерная компетентность: компетентностный подход // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. № 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karieraya-kompetentnost-kompetentnostnyy-podhod> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Продуктивные практики компетентностного подхода в образовании: монография / С.И. Осипова, А.И. Богданова, И.В. Янченко [и др.]. Красноярск: СФУ, 2017. 462 с.
5. Разуваев С.Г. Место профессионального самоопределения в структуре профессиональной социализации // Известия пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. С. 975–980.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (ФГОС ВО): Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 954 // ФГОС: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-01-ekonomika-954/> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02

Менеджмент (ФГОС ВО): Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 970 // ФГОС: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-02-menedzhment-970/> (дата обращения: 23.01.2026).

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.05 Бизнес-информатика (ФГОС ВО): Приказ Минобрнауки России от 29.07.2020 № 838 // ФГОС: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-05-biznes-informatika-838/> (дата обращения: 23.01.2026).

9. Приложение. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалист по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14.04.2021 № 293 // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru/400799515/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 23.01.2026).

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.04.02 Экономика (ФГОС ВО): Приказ Министерства Минобрнауки России от 11.08.2020 № 939 // ФГОС: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-04-01-ekonomika-939/> (дата обращения: 23.01.2026).

11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент (ФГОС ВО): Приказ Министерства Минобрнауки России от 12.08.2020 № 952 // ФГОС: сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-04-02-menedzhment-952/> (дата обращения: 23.01.2026).

CAREER COMPETENCY DEVELOPMENT IN STUDENTS MAJORING IN ECONOMICS AT HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION LEVELS AS A RESOURCE FOR IMPLEMENTING CAREER STRATEGIES

Zozulya O.A.

Novosibirsk State Technical University

This article describes the concept of career competence based on an explanatory analysis and a literature review of authors using different approaches to studying this phenomenon. It defines the development of career competence in students majoring in higher professional education, examining hard and soft skills within the context of career competencies. Universal, general professional, and professional competencies reflected in federal state educational standards for higher education for undergraduate, specialist, and master's degree programs in the major group «Economics and Management» are analyzed. A sociological empirical study of students majoring in economics at Novosibirsk universities was conducted to determine the development of their career competencies. The study revealed

a direct impact of higher professional education and the level of career competencies of young people on the subsequent implementation of their personal career strategy.

Keywords: career, career strategy, career competence, hard skills, soft skills.

References

1. Yanchenko I.V. Formation of students' career competence in vocational education: dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / Inna Valerievna Yanchenko; [Place of defense: Krasnodar State Pedagogical University V.P. Astafiev University]. – Krasnoyarsk, 2013. 255 p.
2. Mogilevkin, E.A. Career Growth: Diagnostics, Technologies, Training. Monograph. St. Petersburg: Rech, 2007. 336 p.
3. Varyushkin, S.V. Career Competence: A Competence-Based Approach // Scientific Results of the Year: Achievements, Projects, Hypotheses. 2011. No. 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernaya-kompetentnost-kompetentnostnyy-podhod> (accessed: January 23, 2026).
4. Productive Practices of the Competence-Based Approach in Education: Monograph / S.I. Osipova, A.I. Bogdanova, I.V. Yanchenko [et al.]. Krasnoyarsk: SFU, 2017. 462 p.
5. Razuvaev, S.G. The Place of Professional Self-Determination in the Structure of Professional Socialization // Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. – 2012. – No. 28. Pp. 975–980.
6. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 38.03.01 Economics (FSES VO): Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 12, 2020 No. 954 // FSES: website. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-01-ekonomika-954/> (date of access: January 23, 2026).
7. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 38.03.02 Management (FSES VO): Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 12, 2020 No. 970 // FSES: website. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-02-menedzhment-970/> (date of access: January 23, 2026).
8. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 38.03.05 Business Informatics (FSES VO): Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated July 29, 2020 No. 838 // FSES: website. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-03-05-biznes-informatika-838/> (accessed: January 23, 2026).
9. Appendix. Federal State Educational Standard of Higher Education – Specialist Degree in Specialty 38.05.01 Economic Security: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated April 14, 2021 No. 293 // Garant.ru: website. URL: <https://base.garant.ru/400799515/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed: January 23, 2026).
10. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 38.04.02 Economics (FSES VO): Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 11, 2020 No. 939 // FSES: website. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-04-01-ekonomika-939/> (date of access: January 23, 2026).
11. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Training 38.04.02 Management (FSES VO): Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 12, 2020 No. 952 // FSES: website. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-04-02-menedzhment-952/> (accessed: 23.01.2026).

Доверие Программе долгосрочных сбережений как инструменту сберегательного поведения и заботы о жизни на пенсии для разных поколений

Иванова Яна Сергеевна,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: YaSivanova@fa.ru

В статье автором рассматривается состояние доверия разных поколений населения Программе долгосрочных сбережений (ПДС) как инструменту сберегательного поведения и обеспечения достойного уровня жизни на пенсии. В ходе исследования особое внимание уделяется уточнению понятия сберегательного поведения и определению целей и перспектив развития ПДС. Анализируется уровень интереса различных поколений к будущей пенсии и системе добровольного пенсионного страхования (ДПС), а также доверие негосударственным пенсионным фондам (НПФ) и ПДС в разрезе поколений. Эмпирическую базу исследования составляют результаты массового опроса, репрезентирующие население России по полу и возрасту. Показано, что при общем умеренно низком уровне доверия более молодые и экономически активные группы демонстрируют большую заинтересованность в участии и осознанном формировании будущей пенсии, в то время как старшие поколения характеризуются более выраженным недоверием и низкой готовностью к включению в добровольные пенсионные программы, в том числе в ПДС. На основе полученных данных выделены основные мотивы, которые побуждают россиян становиться участниками добровольного пенсионного страхования среди поколений, и предложены направления повышения привлекательности ПДС.

Ключевые слова: Программа долгосрочных сбережений, сберегательное поведение, пенсия, добровольное пенсионное страхование, доверие, поколения.

В последние годы россияне сталкиваются с колоссальным влиянием различных внешних и внутренних факторов, которые не только усугубляют состояние экономики страны, но и снижают качество жизни многих граждан. Проявления кризиса могут выражаться в снижении реальных доходов населения и подрыве доверия финансовым институтам и системе в целом. Согласно данным социологического исследования РОМИР, опубликованным на сайте «Независимой газеты», доля свободных денег, остающихся у россиян после всех обязательных и необходимых расходов, постепенно сокращается [1]. Доля свободных денег в бюджете российской семьи по итогам августа 2025 года опустилась до 14,8% против 19,8% в июле. Годом ранее в августе у российской семьи в среднем оставалось 20,4%, в августе 2023 года – почти 27% от получаемых доходов.

Многие россияне переходят на сберегательную модель потребления, в основе которой заложена система экономии и самоограничений [2]. При этом государство разрабатывает и поддерживает различные сберегательные продукты, направленные на формирование у граждан грамотного сберегательного поведения. Одним из таких продуктов является Программа долгосрочных сбережений (далее – Программа, ПДС), которая заработала с 1 января 2024 года [3]. С её помощью россияне могут накопить средства и воспользоваться ими в будущем, например, купить объект недвижимости, оплатить детям обучение в образовательном учреждении, воспользоваться ими в особых жизненных ситуациях, получить дополнительный доход к пенсии и др.

Первый заместитель Центрального банка Российской Федерации В.В. Чистухин при выступлении на Дне финансов в январе 2024 года в Москве сообщил о том, что к 2030 году регулятор поставил цель привлечения в Программу не менее 9 миллионов россиян с совокупным объемом вложений около 1,2 триллионов рублей [4]. А на пленарном заседании форума «Россия зовет!», проходившем ближе к концу 2024 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о привлечении в Программу 145 миллиардов рублей от 2,1 миллиона россиян по состоянию на 22 ноября 2024 года [5]. Несмотря на то, что поставленная в начале года главой государства задача по привлечению вложений граждан на сумму не менее 250 миллиардов рублей не была достигнута в 2024 году [6], Президент отметил, что Программе назначена более амбициозная цель – в 2026 году планируется привлечь сумму средств не менее 2,3 триллионов рублей.

Для того чтобы понять, как повышать вовлеченность граждан в Программу долгосрочных сбережений, необходимо прежде всего уточнить, что именно подразумевается под сберегательным поведением. Современная российская и зарубежная научная традиция предлагает множество трактовок понятий сбережений и сберегательного поведения, что требует критического осмысления различных научных подходов, с последующим раскрытием и систематизацией их существенных характеристик.

В таблице 1 приведена интерпретация сберегательного поведения с позиции следующих научных подходов: структурно-функциональный, экономико-социологический, феноменологический, институциональный, психологический (поведенческий).

Сравнительный анализ научных подходов к пониманию сберегательного поведения позволяет сделать несколько ключевых выводов.

1. Исследование сберегательного поведения требует выхода за пределы сугубо рационального экономического анализа, поскольку на решения, связанные со сбережениями, влияют не только расчеты, но и социальные, культурные, психологические, а также институциональные факторы.

2. При исследовании сберегательного поведения стоит помнить об ограниченности рациональности, так как решения о сбережениях могут приниматься под влиянием когнитивных искажений и эмоций.

3. Сберегательное поведение – многоуровневый феномен, на который влияют факторы микроуровня (феноменологический и психологический подходы), мезоуровня (экономико-социологический подход) и макроуровня (структурно-функциональный и институциональный подходы).

Программа долгосрочных сбережений (ПДС) – сберегательный продукт, стартовавший 01.01.2024 года. ПДС позволяет россиянам формировать сбережения в течение 15 и более лет (или до достиже-

ния женщинами 55 лет, мужчинами 60 лет), в течение 10 лет получая софинансирование со стороны государства, а также инвестиционный доход на сумму сбережений, государственную гарантию сохранности средств на сумму 2,8 миллионов рублей, возможность воспользоваться налоговым вычетом, а также реализовать другие преимущества участия в Программе.

Таблица 1. Научные подходы к определению понятия сберегательного поведения

№ п/п	Подход	Трактовка	Представители
1	Структурно-функциональный	Сберегательное поведение – сложный социальный феномен, который выполняет системные функции в обществе для поддержания его стабильности и развития, регулируется общепринятыми нормами в процессе коммуникаций между различными элементами общества и способствует интеграции индивидов в экономическую систему	Э. Дюркгейм [7], Т. Парсонс [8], Р. Мертон [9], Н. Луман [10]
2	Экономико-социологический	Сберегательное поведение – комплексный социально-экономический феномен, в котором рациональный выбор тесно переплетается с социальными связями, культурными нормами и институциональными контекстами	Г. Беккер [11], М. Грановеттер [12], В. Радаев [13]
3	Феноменологический	Сберегательное поведение – это не просто экономическая деятельность, а переживаемый опыт, наделенный глубоко личным смыслом и укорененный в жизненном мире индивида; процесс, посредством которого человек конструирует свое будущее, выражает свою идентичность, реализует свои ценности и устанавливает отношения с окружающим миром	А. Шюц [14], П. Бергер, Т. Лукманом [15]
4	Институциональный	Сберегательное поведение – не просто индивидуальный акт экономического выбора, а социально обусловленный и институционально оформленный процесс, подверженный влиянию формальных и неформальных правил, норм, ценностей и организаций	Д. Норт, В. Полтерович [16]
5	Психологический (поведенческий)	Сберегательное поведение – это не результат рационального расчета, а решение, на которое влияют систематически искаженные решения, обусловленные когнитивными ограничениями, эмоциональными реакциями и контекстуальными факторами	Д. Канеман [17], А. Тверски, Р. Таллер [18].

Цели внедрения Программы и ее перспективы, согласно мнениям ученых, представлены в таблице 2. Анализ научных источников говорит о неоднозначной оценке учеными перспектив развития Программы долгосрочных сбережений – одна часть работников научной среды говорит о сомнительных перспективах сберегательного инструмента, а другая – о его возможностях при преодолении некоторых барьеров (например, недоверие к сберегательным продуктам, низкая степени информированности населения и др.).

Таблица 2. Основные цели и перспективы Программы долгосрочных сбережений, согласно мнениям ученых

№ п/п	Цель	Оценка перспектив Программы	Представители подхода
1	Заместить накопительную часть пенсии, замороженную с 2014 г.	Программа долгосрочных сбережений вводится не в лучших условиях и имеет сомнительные перспективы развития	А. Н. Непп [19]
2	привлечь средства граждан	Если будут созданы надежные механизмы защиты средств, доверие к сберегательным продуктам вырастет, и граждане начнут активнее участвовать в программах сбережений и вкладах, предлагаемых государством и банками	М. Е. Косов, Д.О. Сергеев, И.О. Сергеев [20]
3	Помочь гражданам сформировать дополнительный капитал при поддержке государства на свои цели в будущем	Программа долгосрочных сбережений позволит комфортно откладывать деньги на долгую перспективу. ПДС является одним из значимых драйверов развития НПФ	Д.А. Кононова, А.А. Перебаскина, С.В. Рачек [21]
4	Стать главным инструментом разрешения кризиса Накопительного механизма пенсионного обеспечения	Возможность ПДС, носящей исключительно добровольный характер, привлечь значимое число участников сомнительна в условиях продолжения действия моратория на формирование пенсионных накоплений за счет страховых взносов и неопределенности на финансовых рынках	В. А. Ковалев [22]
5	Придать новый импульс развитию НПО. Социальный характер данной программы определяется предоставляемой возможностью гражданам с государственной поддержкой сформировать дополнительный пенсионный капитал либо накопить на социально значимые цели	ПДС – это новая форма масштабного взаимодействия государства и власти с населением. Эта программа должна быть особенно интересна для индивидуальных предпринимателей и самозанятых, потому что она дает человеку возможность лично позаботиться о своей пенсии. Внедрение цифровых сервисов в деятельность НПФ повысит осведомленность граждан о предоставляемых продуктах, прозрачность тарифных планов и объектов инвестирования пенсионных накоплений и, следовательно, привлекательность продуктов в целом	Е.В. Кравченко, А.А. Суховерхова [23]
6	Стать надежным инструментом накопления финансовых ресурсов в негосударственных пенсионных фондах, обеспеченным государственными гарантиями	Поскольку программа долгосрочных сбережений – это новый продукт, и её эффективность пока проблематично оценить, тем не менее, динамика участников, вступивших в программу в 2024 г. вызывает оптимизм. На первом этапе ПДС показывает эффективность и активное развитие, а также наличие интереса со стороны значительного числа граждан	Н. С. Зеленченков, Ю.Ю. Финогонова [24]
7	Предоставить гражданам возможность вывода пенсионных накоплений из системы ОПС в сферу негосударственного пенсионного обеспечения с перспективой через 15 лет изъять данные средства в личное пользование	Реализация этой идеи возможна только на фоне высокой степени информированности застрахованных лиц о представляющихся возможностях. В настоящий момент в российском информационном пространстве практически отсутствует информация о нововведениях 2024 года	Е. В. Агеева, Л.Л. Урбанаев [25]

В апреле 2025 года Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации был проведен опрос, репрезентирующий население России по полу и возрасту. Всего было опрошено 1600 респондентов, при этом предельная погрешность выборочной совокупности с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Цель исследования заключалась в выявлении уровня доверия россиян к системе добровольного пенсионного страхования, в оценке их участия в программах негосударственного пенсионного обеспечения, в том числе в ПДС.

Доверие является одним из ключевых аспектов, определяющих готовность участия в государственных и негосударственных программах, в том числе и в Программе долгосрочных сбережений. Негосударственные пенсионные фонды являются частью институциональной среды, при помощи которой граждане вступают в ПДС. При этом большая часть населения не доверяет НПФ (56%) – нормированный индекс доверия (от 0 до 1, чем выше индекс – тем более среди респондента выражена характеристика) составляет 0,41 (рис. 1). Пенсионеры отно-

сятся к деятельности НПФ с меньшим доверием, нежели экономически активные граждане.

Рис. 1. Оценка доверия экономически активных граждан и пенсионеров негосударственным пенсионным фондам

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Программе долгосрочных сбережений доверяют больше, чем ее операторам (НПФ) – индекс доверия ПДС составляет 0,45 (рис. 2). При этом экономически активные граждане более склонны к доверительной позиции, нежели пенсионеры ($i = 0,47$ против $i = 0,41$).

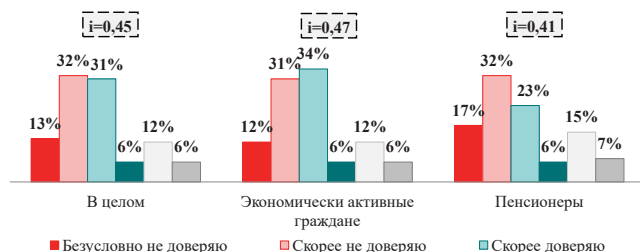

Рис. 2. Оценка доверия экономически активных граждан и пенсионеров программе долгосрочных сбережений

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Среди поколений в вопросе добровольного формирования пенсии НПФ чаще всего доверяют представители поколения «цифры» ($i = 0,50$), а реже – представители поколения застоя и старше ($i = 0,35$) (рис. 3). В ходе исследования выявлена тенденция: чем старше россияне, тем меньше среди них тех, кто доверяет деятельности НПФ.

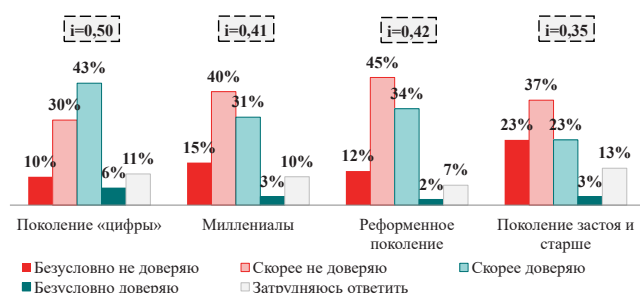

Рис. 3. Оценка доверия негосударственным пенсионным фондам в вопросе добровольного формирования пенсии среди поколений

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Доверие ПДС в вопросе добровольного формирования пенсии среди всех поколений находится на уровне ниже среднего – индексные значения не превышают 0,39. Больше доверяют представители поколения цифры ($i = 0,38$), а меньше – миллениалы ($i = 0,30$) (рис. 4).

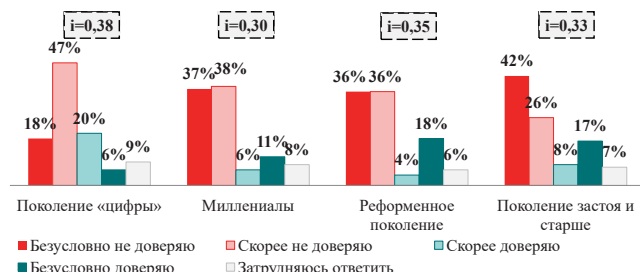

Рис. 4. Оценка доверия программе долгосрочных сбережений в вопросе добровольного формирования пенсии среди поколений

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Несмотря на относительно низкий уровень доверия к ПДС, желание участвовать в ДПС с её использованием среди поколения «цифры», миллениалов и реформенного поколения в целом находится на среднем уровне. При этом с увеличением возраста подобное желание встречается у населения реже (рис. 5).

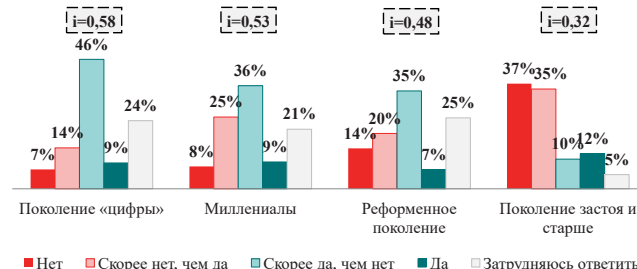

Рис. 5. Желание участвовать в добровольном пенсионном страховании с помощью программы долгосрочных сбережений среди поколений

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Таким образом, отношение россиян к Программе долгосрочных сбережений в целом является настороженным. Доверие к негосударственным пенсионным фондам и ПДС находится на среднем уровне и уровне ниже среднего среди разных поколений, а доля респондентов, выражающих недоверие, во многих группах превышает долю доверяющих. Вместе с тем более молодые и экономически активные поколения чаще задумываются о будущей пенсии, демонстрируют больший интерес к ПДС. В сложившейся ситуации необходимо усиливать информационно-просветительскую работу, особенно среди старших поколений, развивать доверие к НПФ и адаптировать ПДС и коммуникации под разные поколения.

Литература

1. У россиян остается все меньше свободных денег [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2025. – URL: https://nvo.ng.ru/ecomom-ics/2025-09-09/1_9334_money.html?ysclid=mk5mu93wei324405233 (дата обращения: 23.12.2025).
2. Грязных Д.В. Сберегательное поведение российских потребителей / Д.В. Грязных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10–2(97). – С. 195–197.
3. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Программа долгосрочных сбережений (ПДС) [Электронный ресурс]. – URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/pds/?ysclid=m5lcc15a-jq870126987> (дата обращения: 01.11.2024).
4. ЦБ планирует привлечь к программе долгосрочных сбережений 9 млн человек [Электронный ресурс] // Известия. – 2024. – URL: <https://iz.ru/1635082/2024-01-16/tcb-planiruet-privlech-k-programme-dolgosrochnykh-sberezhenii-9-mln-chelovek> (дата обращения: 01.11.2024).
5. Официальный сайт Президента России. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании форума «Россия зовёт!» [Электронный ресурс] // Президент России. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75751> (дата обращения: 01.11.2024).
6. РБК. Путин поручил до 1 марта разработать механизм страхования средств на ИИС [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65a511f99a7947abe94dcc3a> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Конаков В.А. Социальные факты Дюркгейма как основа для понимания моральных фактов / В.А. Конаков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 7–3(94). – С. 32–34.
8. Кирилина Т.Ю. Системный подход в теории управления / Т.Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные технологии. – 2022. – № 3(23). – С. 32–38.
9. Кренин П.В. Критика Мертоном «классических постулатов» функционального анализа / П.В. Кренин // NovalInfo.Ru. – 2016. – Т. 2, № 50. – С. 377–380.
10. Савруцкая Е.П. Проблема коммуникации в немецкой философии XX века (Ю. Хабермас, Н. Луман, К. Апель) / Е.П. Савруцкая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 3–1. – С. 364–368.
11. Ким К. Г. «Экономический анализ и человеческое поведение» Беккера и проблемы современности / К.Г. Ким // Экономика нового мира. – 2018. – № 3(11). – С. 74–88.
12. Тамбовцев В.Л. Концепт укоренённости в теории и эмпирических исследованиях / В.Л. Тамбовцев // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 4(17). – С. 25–45.
13. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ-ВШЭ, 2003 // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 5. – С. 137.
14. Ковригина В.Ю. Проблема «жизненного мира» в перспективе интердисциплинарного дискурса (Э. Гуссерль и А. Шюц) / В.Ю. Ковригина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – № 1. – С. 91–97.

15. Тимошук Е.А. Конструирование социальных процессов в феноменологии Питера Бергера / Е.А. Тимошук // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 76–88.

16. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норты / Н.И. Гульбина // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283. – С. 123–128.

17. Бураков Д.В. Ограниченная рациональность и теория перспектив / Д.В. Бураков // Экономика и социум. – 2014. – № 4–1(13). – С. 916–922.

18. Паниди К.А. Нобелевская премия по экономике – 2017: вклад Ричарда Талера / К.А. Паниди // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 702–720.

19. Непп А.Н. Есть ли перспективы у программы долгосрочных сбережений граждан? Роль политической стабильности, коррупции и уверенности в будущем / А.Н. Непп // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 4(65). – С. 156–176.

20. Косов М.Е. Сберегательное поведение граждан в современных экономических условиях / М.Е. Косов, Д.О. Сергеев, И.О. Сергеев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 6(147). – С. 120–127.

21. Кононова Д.А. Новые инструменты для формирования долгосрочных сбережений / Д.А. Кононова, А.А. Перебаскина, С.В. Рачек // Вестник науки и образования. – 2024. – № 4–3(147). – С. 15–20.

22. Ковалев В.А. Негосударственные пенсионные фонды: предпосылки создания и история развития / В.А. Ковалев // Научные записки молодых исследователей. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 50–61.

23. Кравченко Е.В. Негосударственное пенсионное обеспечение: современное состояние и перспективы развития / Е.В. Кравченко, А.А. Суховеева // Управленческий учет. – 2025. – № 1. – С. 262–268.

24. Зеленченков Н.С. Роль программы долгосрочных сбережений в формировании сберегательного поведения населения Российской Федерации / Н.С. Зеленченков, Ю.Ю. Финогонова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4–2. – С. 237–244.

25. Агеева Е.В. Программа долгосрочных сбережений как механизм поэтапного перехода пенсионных накоплений в негосударственное пенсионное обеспечение / Е.В. Агеева, Л.Л. Урбанав // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2024. – Т. 13, № 2(47). – С. 7–10.

TRUST IN THE LONG-TERM SAVINGS PROGRAM AS A TOOL FOR SAVING BEHAVIOR AND ENSURING A COMFORTABLE RETIREMENT FOR DIFFERENT GENERATIONS

Ivanova Ya.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article, the author examines the level of trust among different generations in the Long-Term Savings Program (LTSP) as a tool for saving behavior and ensuring a decent standard of living in retirement. The study focuses on clarifying the concept of savings behavior and defining the goals and prospects for LTSP development. The author analyzes the level of interest among different generations in their future pensions and the voluntary pension insurance system (VPS), as well as trust in non-state pension funds (NPF) and LTSP across generations. The empirical basis of the study is the results of a mass survey representative of the Russian population by gender and age. It is shown that, despite a moderately low overall level of trust, younger and more economically active groups demonstrate greater interest in participating and consciously planning their future pension, while older generations are characterized by more pronounced mistrust and low willingness to participate in voluntary pension programs, including the LTSP. Based on the data obtained, the main motives that motivate Russians to participate in voluntary pension insurance across generations were identified, and directions for increasing the attractiveness of the LTSP were proposed.

Keywords: long-term savings program, savings behavior, pension, voluntary pension insurance, trust, generations.

References

1. Russians have less and less free money. – Text: electronic // Independent Newspaper. – 2025. – URL: https://nvo.ng.ru/economics/2025-09-09/1_9334_money.html?ysclid=mk5muy3wei324405233 (accessed: 23.12.2025).

2. Gryaznykh D.V. Savings behavior of Russian consumers / D.V. Gryaznykh // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 10–2(97). – Pp. 195–197.

3. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. Long-term Savings Program (LTS). – Text: electronic // Ministry of Finance of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/pds/?ysclid=m5lcl5ajq870126987> (accessed: 01.11.2024).

4. The Central Bank plans to attract 9 million people to the long-term savings program. – Text: electronic // Izvestia. – 2024. – URL: <https://iz.ru/1635082/2024-01-16/tcb-planiruet-privlech-k-programme-dolgosrochnykh-sberezhenii-9-mln-chelovek> (accessed: 01.11.2024).

5. Official website of the President of Russia. Vladimir Putin took part in the plenary session of the forum «Russia is Calling!» – Text: electronic // The President of Russia: [website]. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75751> (accessed: 01.11.2024).

6. Putin instructed to develop a mechanism for insurance of funds in IIS by March 1. – Text: electronic // RBC. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65a511f99a7947abe94dccc3a> (accessed: 01.11.2024).

7. Konakov V.A. Durkheim's social facts as a basis for understanding moral facts / V.A. Konakov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 7–3(94). – Pp. 32–34.

8. Kirilina T. Yu. Systems approach in management theory / T. Yu. Kirilina // Social and Humanitarian Technologies. – 2022. – № 3(23). – Pp. 32–38.

9. Krienko P.V. Merton's criticism of the «classical postulates» of functional analysis / P.V. Krienko // NovalInfo.Ru. – 2016. – Vol. 2, № 50. – Pp. 377–380.

10. Savrutskaia E.P. The problem of communication in German philosophy of the 20th century (Yu. Habermas, N. Luhmann, K. Apel) / E.P. Savrutskaia // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2010. – № 3–1. – Pp. 364–368.

11. Kim K.G. Becker's «Economic Analysis and Human Behavior» and contemporary problems / K.G. Kim // Economics of the New World. – 2018. – № 3(11). – Pp. 74–88.

12. Tambovtsev V.L. The concept of embeddedness in theory and empirical research / V.L. Tambovtsev // Questions of Theoretical Economics. – 2022. – № 4(17). – Pp. 25–45.

13. Radaev V.V. Sociology of markets: towards the formation of a new field. Moscow: Higher School of Economics, 2003 / V.V. Radaev // Economic Sociology. – 2003. – Vol. 4, № 5. – Pp. 137.

14. Kovrigina V. Yu. The problem of «lifeworld» in the perspective of interdisciplinary discourse (E. Husserl and A. Schutz) / V. Yu. Kovrigina // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. – 2010. – № 1. – Pp. 91–97.

15. Timoshchuk E.A. Construction of social processes in the phenomenology of Peter Berger / E.A. Timoshchuk // Digital Scholar: Philosopher's Laboratory. – 2019. – Vol. 2, № 3. – Pp. 76–88.

16. Gulbina N.I. Theory of institutional change by D. North / N.I. Gulbina // Bulletin of Tomsk State University. – 2004. – № 283. – Pp. 123–128.

17. Burakov D.V. Bounded rationality and prospect theory / D.V. Burakov // Economics and Society. – 2014. – № 4–1(13). – Pp. 916–922.

18. Panidi K.A. Nobel Prize in Economics – 2017: contribution of Richard Thaler / K.A. Panidi // Economic Journal of the Higher School of Economics. – 2017. – Vol. 21, № 4. – Pp. 702–720.

19. Nepp A.N. Are there prospects for the program of long-term savings of citizens? The role of political stability, corruption and confidence in the future / A.N. Nepp // Journal of the New Economic Association. – 2024. – № 4(65). – Pp. 156–176.

20. Kosov M.E. Savings behavior of citizens in modern economic conditions / M.E. Kosov, D.O. Sergeev, I.O. Sergeev // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2024. – Vol. 6, № 6(147). – Pp. 120–127.

21. Kononova D.A. New tools for forming long-term savings / D.A. Kononova, A.A. Perebaskina, S.V. Rachech // Bulletin of Science and Education. – 2024. – № 4–3(147). – Pp. 15–20.

22. Kovalev V.A. Non-state pension funds: prerequisites for creation and history of development / V.A. Kovalev // Scientific Notes of Young Researchers. – 2024. – Vol. 12, № 1. – Pp. 50–61.

23. Kravchenko E.V. Non-state pension provision: current state and prospects for development / E.V. Kravchenko, A.A. Sukhoveyeva // Management Accounting. – 2025. – № 1. – Pp. 262–268.

24. Zelenchenkov N.S. The role of the long-term savings program in the formation of savings behavior of the population of the Russian Federation / N.S. Zelenchenkov, Yu.Yu. Finogenova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2025. – № 4–2. – Pp. 237–244.

25. Ageeva E.V. Long-term savings program as a mechanism for the gradual transition of pension savings to non-state pension provision / E.V. Ageeva, L.L. Urbanav // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. – 2024. – Vol. 13, № 2(47). – Pp. 7–10.

Кондратьев Александр Павлович,

аспирант кафедры Организационного проектирования систем управления ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: kondratyev98@gmail.com

В статье рассматривается стартап как объект социологии управления в перспективе теории П. Бурдьё. Цель исследования заключается в выявлении социально обусловленных механизмов формирования и воспроизводства управленческих практик стартапа с учетом его положения в предпринимательском поле. Методологической основой работы выступает социологическая теория П. Бурдьё, опирающаяся на ключевые аналитические категории – поле, капитал, габитус и легитимность. Стартап анализируется не как изолированная организационная единица, а как социально встроенный объект, функционирование которого зависит от структурных условий внешней среды, распределения ресурсов и признания со стороны значимых акторов.

В результате анализа обращается внимание на то, что управление стартапом не сводится к реализации формальных управленческих моделей или принятию рациональных решений. Управленческие практики формируются в процессе взаимодействия внутренних организационных процессов и структурных ожиданий предпринимательского поля. Особое внимание уделено роли различных форм капитала, в том числе нематериальных и легитимности, которые выступают ключевыми условиями доступа к ресурсам и устойчивости стартапа. Габитус участников организации, в частности фаундеров рассматривается как аналитический инструмент, позволяющий объяснить воспроизводство управленческой культуры и устойчивых способов интерпретации неопределенности.

Полученные результаты позволяют уточнить социологическое понимание стартапа как особой организационной формы и обозначить аналитический потенциал теории П. Бурдьё для исследования управленческих процессов в условиях предпринимательской и инновационной деятельности.

Ключевые слова: стартап, социология управления; предпринимательское поле; формы капитала; управленческие практики; организационный габитус; легитимность стартапа.

Введение

Рассмотрение стартапов как отдельного объекта исследования обусловлено наличием специфических особенностей в организационном плане, а также определенного бизнес-контекста. Среди таких черт могут быть выделены ограниченность временных, кадровых и финансовых ресурсов, высокая степень неопределенности, зависимость от внешней среды, которые объясняются естественными для данного типа организаций специфическими чертами: инновационность продукта, необходимость привлечения инвестиций, борьба за рынок или создание его нового ответвления [16, с. 437–440, с. 444–446]. Эти особенности отличают стартапы от устойчивых организаций, например корпораций или даже малого предпринимательства.

В большинстве исследований, посвященных стартапам акцент делается на экономических и управленческих аспектах их деятельности. Стартапы рассматриваются как результат выборов фаундеров, ориентированных на использование рыночных возможностей, создание инновационного продукта и масштабирование бизнеса [19, с. 35–52]. В существующих управленческих моделях стартапов основное внимание уделяется инструментам тестирования гипотез (как в области продукта, так и оптимального распределения обязанностей) и повышению эффективности управленческих решений, опять же через призмы экономики и менеджмента [18, с. 27–44].

Это позволяет описывать отдельные элементы деятельности этого типа организаций, однако они в меньшей степени учитывают социальные условия, в которых формируется стартап как организационная система. При этом наиболее адаптивным для объяснения процессов в такой нестабильной и быстроразвивающейся структуре, как стартап, можно выделить теорию Пьера Бурдьё. Она позволяет одновременно заострить внимание на значимости роли фаундера и его авторитета для целеполагания и мотивации сотрудников (габитус и легитимность), объяснить дефицит и пути его решения для вышеперечисленных ресурсов (распределение капитала), а также показать, что стартап это не изолированная организационная система, а динамичная структура, процессы в которой равно важны как во внутренней, так и во внешней среде (поля).

В этом контексте теория Пьера Бурдьё содержит инструментарий для анализа социологических процессов, происходящих с организацией и внутри нее. Вводимые Бурдьё понятия поля, габитуса, форм капитала и легитимности позволяют рассматривать управленческие решения не только как результат воздействия экономических ограничений или управленческих потребностей, но и как действий, опирающихся на накопленный социальный опыт и ожидания внешней среды [2, с. 118–121].

Социологическая перспектива позволяет рассматривать стартап как разновидность экосистемы, принимая во внимание специфику каждого из подходов. Это позволяет сделать выводы об управленческих и бизнес-процессах, объяснить мотивацию и управленческие решения фаундеров на различных стадиях жизненного цикла стартапа.

Допустимость использования и практическая ценность предлагаемого исследовательского подхода по отношению к молодым организациям, существующим в условиях неопределенности, не является абсолютно новой, например, встречаются работы, где само создание проекта описывается как процесс соотнесения управленческих решений с требованиями и ожиданиями предпринимательского поля [15, с. 670–683]. Тем не менее, социологический анализ конкретно стартапов через призму теоретического аппарата П. Бурдьё является достаточно новым подходом к изучению выбранного объекта исследования, при этом имея потенциал к объяснению ряда организационных и управленческих процессов, происходящих при его создании и развитии.

Методология исследования

В методологическом отношении исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на интерпретативном анализе литературы. В качестве источников взяты фундаментальные работы П. Бурдьё, а также теоретические (Emirbayer, Johnson; De Clercq, Voropov и др.) и практические (Hill; Chew, Tandoc) исследования в области социологии предпринимательских организаций, использующих соответствующую призму социологического анализа.

Следует отметить, что специфика стартапов практически не упоминается при рассмотрении организаций с помощью предлагаемого подхода, что подчеркивает новизну выводов работы.

Теоретико-методологической основой данного исследования выступает концепция П. Бурдьё, в частности такие ее элементы как: поле, капитал, габитус и легитимность.

Понятие поля представляет собой относительно автономное социальное пространство с устойчивыми «правилами игры». В каждом из полей прослеживаются определенные формы капитала, дающие преимущество в борьбе внутри поля. В качестве примера поле может быть использовано для обозначения и анализа среды, в которой действует организация. Где стартап – позиция в этом поле, которая борется за ресурсы с другими стартапами от инвесторов и акселераторов и борется за потребителя в другом поле.

Для простоты понимания можно рассмотреть на более локальном уровне, например, поля борьбы за власть и влияние внутри команды, где акторами выступают уже фаундеры, сотрудники, менеджеры. Однако чаще эти локальные поля, не обладающие полной автономией, рассматриваются как организационные пространства борьбы, при том что в классическом понимании «поле» в теории П. Бурдьё – это все же социальное пространство в более широком смысле, включающее распределение ограниченных ресурсов разных типов, иерархию управленческих связей и систему ожиданий, предъявляемых к предпринимательским организациям [3, с. 45–52]. Тогда стартап представляет позиции в предпринимательском поле и управленческие решения должны соотноситься с логикой этого поля.

Для анализа доступных ресурсов любого типа организаций в концепции П. Бурдьё используется понятие капитала, который имеет различные формы. Так, экономический, культурный, социальный и символический капиталы рассматриваются как взаимосвязанные ресурсы, которые могут быть использованы в процессе управления и конвертированы друг в друга в зависимости от положения стартапа на различных полях [4, с. 60–74]. Это позволяет анализировать такие управленческие задачи как привлечение инвестиций, создание деловой репутации и выстраивание связей, в качестве процессов управления различными формами капитала.

Ключевым аспектом формирования организационной культуры и управленческих процессов для зарабатывания и конвертации капиталов по П. Бурдьё выступает понятие габитуса. В нашем случае оно применяется к по отношению к фаундеру стартапа. Понятие габитуса используется в исследовании для анализа устойчивых диспозиций, влияющих на формирование управленческих практик внутри стартапа. При этом габитус рассматривается не как индивидуальная характеристика отдельного актора, а как инструмент, позволяющий связать между собой управленческие действия с социальным опытом акторов и ожиданиями поля [2, с. 98–104].

Таким образом, габитус фаундера выступает медиатором между индивидуальным опытом и структурными требованиями поля стартапов, определяя воспринимаемые как «естественные» способы управления, принятия решений и распределения ресурсов. Через эти практики воспроизводятся не только управленческие схемы, но и символические основания власти внутри организации. Именно на этом уровне возникает вопрос легитимности управленческих действий, поскольку они должны быть признаны значимыми и оправданными как внутри команды, так и со стороны внешних акторов поля.

В качестве следующего элемента в теории П. Бурдьё необходимо отметить понятие легитимности. Под легитимностью в данном случае понимается признание права актора на существование, осуществление деятельности и доступ к ресурсам в поле. В рамках социологического анализа стартапа это понятие необходимо, чтобы показать, что его функционирование и управленческие практики зависят не только от внутренних организационных решений, но также от признания со стороны внешних акторов, ожиданий поля [14, с. 15–20].

Таким образом, используемая методология позволяет рассматривать стартап как объект социологии управления, где обращение к теоретической рамке П. Бурдьё обусловлено тем, что она позволяет одновременно учитывать структурные условия предпринимательского поля, различия в доступе к ресурсам и практический характер управленческих решений, что делает возможным анализ стартапа не как изолированного типа организационных систем, а как социально-встроенного объекта управления.

Результаты

Одно из ключевых полей для стартапа, которое непосредственно связано с поддержанием его жизнедеятельности – это предпринимательское поле. Оно представляет собой пространство отношений между акторами в широком смысле: стартапами и рынками в понимании аудитории,

а также инвесторами, корпорациями и акселераторами. Позиция стартапа в этом поле изначально задана через недостаточность экономического капитала и зависимость от внешнего признания продукта, что влияет на спектр и характер управленческих решений, принимаемых фаундером. По П. Бурдьё, поле задает не только распределение ресурсов, но и границы допустимых стратегий. В этом смысле поле стартапа определяет позицию проекта в предпринимательском пространстве и связанные с ней возможности действия. Занимаемая позиция, характеризующаяся дефицитом ресурсов и зависимостью от внешних акторов, ограничивает набор доступных стратегий и форм взаимодействия с рынком и инвесторами. Тем самым предпринимательское поле задает не абстрактные правила, а конкретные условия, в которых фаундер выстраивает управленческие решения, исходя из объективного положения стартапа в системе отношений.

Управленческие решения стартапа формируются не в вакууме, а в соотношении с ожиданиями и решениями доминирующих акторов поля и логикой конкуренции за ограниченные формы капитала [3, с. 64–67].

Социологический анализ стартапа в данном случае смещает фокус с внутренней эффективности на структурные условия его функционирования. Стартап оказывается объектом управления, чья динамика определяется не столько рациональностью управленческих решений, сколько возможностью занять и удерживать легитимную позицию в предпринимательском поле.

Взгляд на стартап как на позицию в предпринимательском поле позволяет возможность рассмотреть под иным углом управленческие практики, возникающие в стартапе. Их нельзя описывать либо как совокупность индивидуальных решений, либо как прямое выполнение внешних требований: они формируются на стыке институциональных ожиданий поля и специфики стартапа как особого типа организации.

С точки зрения социологии управления, сходство управленческих практик стартапов в данном поле можно объяснить не только одним лишь институциональным влиянием внешней среды, но и самим определением стартапа как временной и проектной организации. Управленческие практики направлены на быстрые решения, сокращение формальностей и чередование ролей в команде стартапа. Они воспринимаются менеджерами и сотрудниками как «естественные» и логичные для стартапа, даже когда не обусловлены напрямую требованиями инвесторов или других внешних акторов.

Однако именно логика предпринимательского поля задает рамки легитимности этих практик, определяя, какие формы управления воспринимаются в поле как оправданные. Так, управленческие решения стартапа в процессе постоянного балансирования и соотношения собственных представлений о «правильном» управлении с ожиданиями внешних акторов проявляются, например, в способах реализации стратегии развития проекта или способах ее транслирования внутри поля [15, с. 670–676].

Фактически, стартап преследует итоговую цель – усиление позиции в предпринимательском поле. С точки зрения теоретического аппарата П. Бурдьё это может выражаться в принятии ряда управленческих решений, которые принимаются на основании габитуса фаундера и сами влияют на него. Это в свою очередь позволяет эффективнее управлять различными формами капитала и эффективнее их конвертировать. В итоге финансовые формы капитала позволяют организации быстрее развиваться, капитал репутации позволяет усиливать легитимность и позицию стартапа в поле. Постоянная реализация этого цикла при преследовании вышеуказанных целей объясняет мотивацию принимаемых управленческих решений.

Таким образом, ориентация стартапа на усиление собственной позиции в предпринимательском поле предполагает не только выбор определенных управленческих практик и стратегий конвертации капитала, но и необходимость их социального признания. В этой связи особое значение приобретает вопрос легитимности как условия, обеспечивающего возможность сохранения и укрепления позиции стартапа в поле.

Для стартапа одной из ключевых задач управления становится достижение и поддержание легитимности в глазах значимых акторов предпринимательского поля. В условиях ограниченности ресурсов и отсутствия устойчивой рыночной позиции именно признание со стороны инвесторов, партнеров, профессионального сообщества и потенциальных клиентов создает предпосылки для дальнейшего развития. Легитимность в данном случае не сводится к формальному соответствию правовым или организационным требованиям, а выступает как социальное признание его «права на жизнь и ресурсы» в рамках поля. Поддержание и усиление легитимности в данном случае может также рассматриваться как накопление символического капитала.

Исследования подчеркивают, что новые организации сталкиваются с дефицитом легитимности по сравнению с устоявшимися игрока-

ми, что делает их более уязвимыми на ранних этапах развития. Управленческие решения стартапа в значительной степени ориентированы на преодоление этого дефицита и на демонстрацию соответствия ожиданиям поля [8, с. 645–647]. В этом контексте управление стартапом включает в себя не только координацию внутренних процессов, но и целенаправленную работу с внешними оценками деятельности организации. Особенность стартапов заключается в том, что легитимность для них помимо бизнес-эффективности предъявляет требования к инновационности продукта. Управленческие практики стартапа в этом случае направлены на поиск баланса между отклонением от устоявшихся моделей и сохранением узнаваемых форм, обеспечивающих признание [13, с. 398].

Таким образом, легитимность может являться самостоятельным объектом управления. Стартап обязан балансировать между созданием «того, что не делал никто» и «делать это так же хорошо, как делают все». Управление стартапом в этой перспективе включает в себя постоянную работу по интерпретации собственных действий и результатов в формах, которые воспринимаются как значимые и оправданные в конкретном предпринимательском контексте. На практике большинство стартаперов уделяют внимание собственному имиджу в стартап сообществе или позиционированию своего проекта как значимого и перспективного. Следует отметить, что используемая в работе концепция поля П. Бурдьё может формировать основания для выделения конкретных принципов и предпосылок управления легитимностью как формой конвертации капитала с целью усиления позиций в конкретных полях.

Рассмотрение легитимности как объекта управления позволяет поставить вопрос о том, за счёт каких механизмов внешние ожидания предпринимательского поля трансформируются во внутренние управленческие практики стартапа. В данном контексте ключевым аналитическим инструментом становится габитус фаундера, через который требования поля интерпретируются и реализуются на уровне повседневного управления.

В условиях стартапа габитус фаундера проявляется прежде всего через повседневные управленческие практики, которые задают реальные правила взаимодействия до возникновения формализованных регламентов, если они вообще возникают в будущем. Это и отличает управленческую культуру стартапа от культур крупных организаций, где практики определены институционально. Способы постановки задач, принятия решений, распределения ролей и реакции на неопределенность формируются на основе предшествующего опыта фаундера, если он имел опыт корпоративного управления или на основании собственных ценностей и установок и воспроизводятся в ранних управленческих действиях. Тогда управленческие практики стартапа приобретают устойчивость именно благодаря тому, что они встроены в габитус фаундера и воспринимаются им как «самоочевидные» и самоочевидные в конкретных ситуациях, становясь естественным и для команды.

По мере включения стартапа в предпринимательское поле габитус фаундера начинает меняться и соотноситься с внешними ожиданиями инвесторов, партнеров и экспертного сообщества. Это может проявляться в изменении языка делового общения, критериев оценки эффективности, использовании конкретных управленческих практик. Габитус фаундера выполняет функцию посредника между предпринимательским полем и внутренней организационной структурой стартапа. Именно через него внешние требования, такие как: ожидания роста, инновационности и качества продукта, а также параметры управляемости проекта в целом, превращаются в конкретные управленческие решения.

Рассмотрение габитуса фаундера как посредника между предпринимательским полем и внутренними управленческими практиками позволяет перейти к анализу ресурсов, с которыми осуществляется это посредничество. Управленческие решения, формируемые на основе габитуса, направлены не только на организацию взаимодействий внутри стартапа, но и на распределение, использование и преобразование различных форм капитала, доступных проекту на конкретном этапе его развития.

Стартап как объект социологического анализа целесообразно рассматривать не только через призму социальных отношений и управленческих практик, но и как совокупность различных форм материального и нематериального капитала, распределение и конвертация которых определяют возможности его развития. В отличие от корпораций, для стартапов экономический капитал, особенно на ранних этапах, как правило, ограничен. Это усиливает значение нематериальных ресурсов.

В концепции П. Бурдьё капиталом является, по сути, любой ресурс, обладающий ценностью в рамках конкретного поля и обеспечивающий преимущества в борьбе за позиции.

Капитал может принимать различные формы, например, экономический, культурный, социальный и символический. Капиталы существуют не изолированно, а во взаимосвязи и могут быть конвертированы друг в друга с разной степенью издержек [4, с. 70–74]. Для стартапа это означает, что управленческие решения направлены не только на прямое получение экономических ресурсов, но и на накопление тех форм капитала, которые потенциально могут быть преобразованы в экономические преимущества и результаты.

В контексте стартапа один из ключевых ресурсов – человеческий капитал. Это объясняется превосходством идейной мотивации над финансовой на ранних этапах развития, отсутствием явного распределения ролей и обязанностей среди членов команды. В этом случае процесс управления представляет собой деятельность, по преобразованию имеющихся форм капитала в те, которые нужны проекту для усиления своей позиции в предпринимательском поле. Например, преобразование готовности работать бесплатно в быстрый старт проекта без поиска инвестиций в обмен на долю в проекте, которую фаундер дает этому сотруднику на старте.

Таким образом процесс управления бизнесом во многом связан с задачей конвертации различных форм капитала в конечном счете в экономические ресурсы под влиянием условий полей и прочих акторов. Например, совокупность атрибутов социального и культурного капиталов в предпринимательском поле могут быть конвертированы в символический капитал – имидж и репутацию фаундера и проекта в целом, что также впоследствии может конвертироваться в экономический капитал через более успешное и прямое взаимодействие с инвесторами.

Обсуждение

Один из естественных социальных эффектов для любого типа организаций – формирование и поддержание управленческой культуры. Если большинство теоретических подходов интерпретируют ее либо, как социальное явление, либо как систему норм или правил для достижения конкретных целей, то рассмотренные элементы теории П. Бурдьё позволяют взглянуть на нее более комплексно, как на внутреннюю цель, которая позволяет реализовать цели организации во внешней среде.

Управленческая культура фаундера стартапа формируется как результат повседневных управленческих практик, повторяющихся и закрепляющихся в процессе организационного развития [11, с. 550–556]. В условиях слабой формализации и исходного отсутствия каких-либо правил и культуры в целом, именно стихийно возникающие практики принятия решений, распределения ответственности, коммуникации и оценки результатов становятся основой для формирования будущих моделей управлений и представляет собой продукт практической деятельности, а не формальных установок. В этой связи нормы управления носят гибкий и ситуативный характер, а культура организации складывается через адаптацию к внешним и внутренним требованиям, ограничениям и возможностям. Кроме того, повторяющиеся практики управления, коммуникации, реагирования на кризисы постепенно приобретают статус «естественных» и воспроизводятся без дополнительного контроля [9, с. 52–56].

При этом, основным транслятором управленческой культуры выступает фаундер стартапа и его габитус. Во многом организационная и управленческая культура складывается под исходно его влиянием, однако впоследствии вынужденно стихийно трансформируется под воздействием внутренних и внешних угроз и возможностей, а также под влиянием необходимости встраивания культуры в специфический концепт стартап-организации.

Управленческая культура фаундера находит свое отражение в положении стартапа, которым он управляет в предпринимательском поле. Ориентация на рост, гибкость, готовность к изменениям и принятие риска становятся не только управленческими решениями, но и элементами организационной культуры. Эти характеристики поддерживаются и воспроизводятся через управленческие ритуалы, критерии оценки успеха. Таким образом, культура стартапа выступает механизмом согласования внутренних практик с внешними ожиданиями поля, обеспечивая относительную устойчивость организации в условиях неопределенности [17, с. 261]. Процесс управления стартапом представляется способом в символического воспроизводства веры или убежденности в миссии стартапа, и общность целей всех сотрудников. Все это, безусловно, мотивирует и вдохновляет команду стартапа, что усиливает не только кадровый (в значении ресурсов) капитал, но и культурный, а также открывает дополнительные возможности для его конвертации капитала (например, в дополнительное рабочее время сотрудников для скорейшего достижения общей цели).

Целесообразность и значимость обращения к теории П. Бурдьё для анализа стартапов в данном исследовании связана прежде всего

с возможностью рассматривать управление в условиях неопределённости как социально обусловленный процесс, а не как совокупность универсальных управленческих решений. Это позволяет исследовать стартап как объект социологии управления, чье функционирование определяется не только внутренними организационными процессами, но и структурными условиями предпринимательского поля или внешней среды в целом. Это включает в себя дополнительное обоснование и будущую ценность принятых управленческих решений.

Подход может быть использован и за пределами сферы стартапов. Например, может быть применен к другим типам организаций, функционирующих в условиях высокой неопределённости и нестабильности. К ним относятся проектные и временные организации, организации креативных индустрий, социальное предпринимательство, а также инновационные подразделения крупных корпораций. Последние в свою очередь на сегодняшний день (созданные изначально или поглощенные корпорациями) в настоящее время составляют уже крайне значимую часть в стартап-индустрии, хоть и имеют отличия от классических стартапов.

Во всех этих случаях управление осуществляется в ситуации отсутствия устойчивых правил, специфическим характером продукта, высокой зависимостью от внешнего признания и ограниченного доступа к ресурсам. Рассматриваемая рамка позволяет анализировать подобные организации как позиции в соответствующих полях, выявляя механизмы легитимации, конкуренции и воспроизводства управленческих практик, которые остаются слабо различимыми в рамках традиционных организационных и управленческих подходов.

Заключение

В рамках данной статьи стартап был рассмотрен как объект социологии управления в перспективе теории П. Бурдьё. Использование категорий поля, капитала, габитуса и легитимности дало возможность проанализировать стартап не только как отдельную организационную систему, но и как элемент социального пространства, в котором управление формируется и реализуется в определенных специфических условиях.

Использование теоретического аппарата П. Бурдьё позволяет фиксировать специфику стартапа как объекта социологии управления, не сводя его ни к индивидуальным характеристикам участников, ни к абстрактным управленческим моделям, при этом рассматривая под иным углом управленческие проблемы, вызовы и ограничения.

Такой подход позволяет рассматривать стартап как объект управления, в котором внутренние организационные процессы и внешние структурные условия не противопоставлены друг другу, а взаимно обусловлены. Управление стартапом включает в себя не только координацию деятельности внутри организации, но и постоянную работу с позиционированием, легитимностью и накоплением различных форм капитала. В этом смысле стартап оказывается удобным эмпирическим и теоретическим объектом для анализа управленческих практик в социологическом разрезе.

Анализ стартапа как позиции в предпринимательском поле позволяет по-новому поставить вопрос о границах его управляемости. В отличие от устойчивых организаций, стартап функционирует в условиях, при которых значительная часть факторов, влияющих на его развитие, находится за пределами непосредственного управленческого контроля. Доступ к финансированию, рыночная успешность проекта зависят от положения стартапа в поле (по Бурдьё) его деятельности.

В этом контексте управление стартапом не может рассматриваться как процесс полного и автономного контроля над организационным развитием. Управленческие решения вынуждены соотноситься с ожиданиями внешних акторов и обстоятельств. Поле задает рамки управляемости, определяя, какие стратегии воспринимаются как реалистичные и заслуживающие поддержки, легитимности, а какие — как избыточно рискованные или несоответствующие доминирующей логике [3, с. 47].

Также важным фактором в управлении стартапом является построение управленческой культуры и внутренних практик организации. Создание устойчивых подходов к принятию решений, распределению ответственности и пониманию неудач влияет на способность стартапа правильно оперировать существующими капиталами и конвертировать в необходимые, что в свою очередь влияет на способность выживать и развиваться в изменяющейся внешней среде.

Предложенный социологический анализ демонстрирует аналитический потенциал теории П. Бурдьё для исследования в рамках темы как непосредственно для стартапов, так и для других типов организаций, имеющих схожие структурные или продуктовые черты и открывает возможности для дальнейшего изучения организационных систем и экосистем стартапов, проектов, малых предпринимательских и инновационных организаций и их управленческих процессов.

Литература

1. Абрамов Р.Н. Социология организаций. М.: Юрайт, 2020. 320 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
5. Aldrich H., Fiol C. Fools rush in? The institutional context of industry creation // Academy of Management Review. 1994. Vol. 19. No. 4. P. 645–670 DOI: 10.5465/amr.1994.9412190214
6. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 333 p.
7. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991. 302 p.
8. Chew M., Tandoc E.C. Media startups are behaving more like tech startups // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 550–568 DOI: 10.1080/21670811.2021.1934068
9. De Clercq D., Voronov M. Toward a practice perspective of entrepreneurship // Journal of Management Studies. 2009. Vol. 46. No. 3. P. 395–419 DOI: 10.1111/j.1467-6486.2008.00858.x
10. De Clercq D., Voronov M. The role of cultural and symbolic capital in entrepreneurs' ability to meet expectations about conformity and innovation // Journal of Small Business Management. 2009. Vol. 47. No. 3. P. 398–420 DOI: 10.1111/j.1540-627X.2009.00276.x
11. Emirbayer M., Johnson V. Bourdieu and organizational analysis // Theory and Society. 2008. Vol. 37. No. 1. P. 1–44 DOI: 10.1007/s11186-007-9052-x
12. Hill I. How did you get up and running? Taking a Bourdieuan perspective towards a framework for negotiating strategic fit // Entrepreneurship & Regional Development. 2018. Vol. 30. No. 5–6. P. 662–696. DOI: 10.1080/08985626.2017.1401121
13. Lundin R.A., Söderholm A. A theory of the temporary organization // Scandinavian Journal of Management. 1995. Vol. 11. No. 4. P. 437–455. DOI: 10.1016/0956-5221(95)00036-U
14. Oakes L., Townley B., Cooper D. Business planning as pedagogy // Management Studies. 1998. Vol. 35. No. 3. P. 257–281. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 15.12.2025).
15. Ries E. The Lean Startup. New York: Crown Business, 2011. 336 p.
16. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. 352 p.

P. BOURDIEU'S CONCEPT AS A TOOL FOR SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF A STARTUP

Kondratiev A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article considers a startup as an object of management sociology in the perspective of P. Bourdieu's theory. The purpose of the study is to identify socially determined mechanisms for the formation and reproduction of startup management practices, taking into account its position in the entrepreneurial field. The methodological basis of the work is P. Bourdieu's sociological theory, based on key analytical categories – field, capital, habitus and legitimacy. A startup is analyzed not as an isolated organizational unit, but as a socially embedded object, the functioning of which depends on the structural conditions of the external environment, the allocation of resources and recognition by significant actors. The analysis shows that startup management is not limited to the implementation of formal management models or the adoption of rational decisions. Management practices are formed in the process of interaction of internal organizational processes and structural expectations of the entrepreneurial field. Special attention is paid to the role of intangible forms of capital and legitimacy, which are key conditions for access to resources and sustainability of a startup. The habitus of the organization's participants is considered as an analytical tool that allows explaining the reproduction of managerial culture and sustainable ways of interpreting uncertainty.

The results obtained make it possible to clarify the sociological understanding of a startup as a special organizational form and identify the analytical potential of P. Bourdieu's theory for the study of managerial processes in the context of entrepreneurial and innovative activities.

Keywords: startup, sociology of management; entrepreneurial field; forms of capital; management practices; organizational habitus; legitimacy of a startup.

References

1. Abramov R.N. Sociologiya organizacij. M.: YUrajt, 2020. 320 s.
2. Burd'yo P. Prakticheskij smysl / per. s fr. SPb.: Aleteja, 2001. 562 s.
3. Burd'yo P. Sociologiya social'nogo prostranstva / per. s fr. SPb.: Aleteja, 2007. 288 s.
4. Burd'yo P. Formy kapitala // Ekonomicheskaya sociologiya. 2002. T. 3. № 5. S. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n5.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2025).

8. Aldrich H., Fiol C. Fools rush in? The institutional context of industry creation // Academy of Management Review. 1994. Vol. 19. No. 4. P. 645–670. DOI: 10.5465/amr.1994.9412190214

9. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 333 p.

10. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991. 302 p.

11. Chew M., Tandoc E.C. Media startups are behaving more like tech startups // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 550–568. DOI: 10.1080/21670811.2021.1934068

12. De Clercq D., Voronov M. Toward a practice perspective of entrepreneurship // Journal of Management Studies. 2009. Vol. 46. No. 3. P. 395–419. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2008.00858.x

13. De Clercq D., Voronov M. The role of cultural and symbolic capital in entrepreneurs' ability to meet expectations about conformity and innovation // Journal of Small Business Management. 2009. Vol. 47. No. 3. P. 398–420. DOI: 10.1111/j.1540-627X.2009.00276.x

14. Emirbayer M., Johnson V. Bourdieu and organizational analysis // Theory and Society. 2008. Vol. 37. No. 1. P. 1–44. DOI: 10.1007/s11186-007-9052-x

15. Hill I. How did you get up and running? Taking a Bourdieuan perspective towards a framework for negotiating strategic fit // Entrepreneurship & Regional Development. 2018. Vol. 30. No. 5–6. P. 662–696. DOI: 10.1080/08985626.2017.1401121

16. Lundin R.A., Söderholm A. A theory of the temporary organization // Scandinavian Journal of Management. 1995. Vol. 11. No. 4. P. 437–455. DOI: 10.1016/0956-5221(95)00036-U

17. Oakes L., Townley B., Cooper D. Business planning as pedagogy // Management Studies. 1998. Vol. 35. No. 3. P. 257–281. URL: <https://journals.sagepub.com/data/obrashcheniya/15.12.2025>.

18. Ries E. The Lean Startup. New York: Crown Business, 2011. 336 p.

19. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. 352 p.

Корнийчук Маргарита Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления,
ФГБОУ ВО МПГУ
E-mail: ms.kornijchuk@mpgu.su

В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации образовательного пространства, актуальность изучения EdTech в российском контексте становится особенно важной. Внедрение этих технологий может не только повысить качество образования, но и сделать его более доступным для различных категорий обучающихся. В данной статье автором анализируются успешные практики внедрения EdTech в российское образование. Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявления эффективных методов использования технологий в образовательных учреждениях, а также пониманием их влияния на доступность и качество образовательного процесса. Автором проведен социологический анализ успешных практик внедрения EdTech в российских образовательных учреждениях. В статье рассмотрены конкретные примеры, которые продемонстрируют, как технологии могут быть использованы для улучшения учебного процесса.

Ключевые слова: EdTech, гибридное и online обучение, образовательные технологии, российское образование, цифровые технологии, IT-инструменты.

Современное образование сегодня находится на этапе значительных изменений, вызванных внедрением новых IT-инструментов, среди которых особое место занимает EdTech (образовательные технологии). Этот термин охватывает широкий спектр технологий, направленных на улучшение образовательного процесса, включая online-курсы, платформы для дистанционного обучения, интерактивные приложения и другие цифровые инструменты. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации образовательного пространства, актуальность изучения EdTech в российском контексте становится особенно важной. Внедрение этих технологий может не только повысить качество образования, но и сделать его более доступным для различных категорий обучающихся.

EdTech в последнее время становится важной частью образовательного процесса. В исторической ретроспективе можно выделить несколько ключевых этапов, способствующих внедрению образовательных технологий. На первоначальном этапе использования технологий в образовании основное внимание уделялось эффектам, которые эти технологии могли производить: от простого автоматизированного обучения до интерактивных платформ, способных изменять подходы к обучению. Современные тенденции, такие как возникновение и развитие Learning Management Systems (LMS), обеспечивают централизованный доступ к учебным материалам и помогают управлять учебным процессом, что делает обучение более организованным и структурированным [5].

Сначала EdTech-сектора начали развиваться под воздействием серьезных изменений на рынке труда и в обществе в целом. Пандемия коронавируса, безусловно, стала катализатором для данной трансформации, когда образовательные учреждения столкнулись с необходимостью быстрого перехода на online-формат. Это привело к тому, что спрос на платформы для дистанционного обучения увеличился многократно, а сами образовательные online-решения стали более востребованными и доступными.

Важнейшими аспектами EdTech являются использование геймификации для повышения вовлеченности и мотивации обучающихся. Игровые элементы способствуют интересу к учебному процессу и позволяют учащимся осваивать материал более эффективно.

Концепция переводного обучения (Flipped Learning) также широко применяется в рамках EdTech, так как она изменяет традиционный порядок взаимодействия обучающегося и преподавателя, предоставляя возможность уделять больше времени практической деятельности и обсуждениям [1].

Создание качественных цифровых учебных материалов стало необходимым условием для успешного внедрения EdTech. Это подразумевает наличие видеолекций, интерактивных заданий и аудиоматериалов, что позволяет разнообразить учебный процесс. Исследования показывают, что подходы к персонализации обучения, включая использование различных актуальных методов, формируют более богатый контекст для взаимодействия между преподавателями и студентами, учитывающими индивидуальные потребности и стиль обучения каждого учащегося [3].

Таким образом, EdTech стремится не только к повышению уровня образования, но и к интеграции инновационных технологий, которые могут облегчить и расширить границы образовательного процесса. Все больше людей разного возраста выбирают online-образование как способ для повышения своей квалификации и расширения знаний, что подчеркивает потребность в постоянном обучении на фоне быстро меняющихся требований современного мира [8].

В 2023 году в области EdTech наблюдаются значительные изменения, которые оказывают прямое влияние на образовательный процесс в России. Цифровая трансформация затрагивает все аспекты обучения, начиная от организации учебного процесса и заканчивая доступностью образовательных ресурсов. Это наблюдается как в традиционных учреждениях, так и в новых форматах, таких как online-платформы, которые становятся все более популярными среди учащихся и преподавателей [9].

Гибридное и online обучение становятся важными компонентами образовательной стратегии. Они предлагают удобство и гибкость, позволяя сочетать элементы традиционного и цифрового обучения. Многочисленные исследования подтверждают, что смешанные форматы значительно увеличивают вовлеченность студентов и помогают лучше

усваивать материал [4]. В таком контексте инновационные стартапы активно разрабатывают новые технологии и платформы для обучения, что содействует ускорению этой тенденции.

Примеры успешного внедрения EdTech в российское образование очевидны и разнообразны. Развитие этого направления, начавшееся во время пандемии, продолжает находить отклик среди образовательных учреждений и продвинутых пользователей. Тенденция использования цифровых технологий, включая анализ Big Data и искусственный интеллект, создает новые возможности для взаимодействия студентов и преподавателей в образовательном процессе. Например, компании как Skillbox и Skyeng, работающие в области online-обучения, смогли не только быстро адаптироваться к новым условиям, но и предложить разнообразные форматы обучения, прежде всего в русле изучения иностранных языков и повышения квалификации для взрослых [7].

Ключевым аспектом успешной практики внедрения EdTech является фокусировка на конкретных сегментах потребителей. Как показывают проведенные автором исследования, компании нацеливаются на создание специализированных курсов, соответствующих запросам целевой аудитории. Это позволило значительно увеличить уровень удовлетворенности учащихся и повысить долю повторных клиентов, что критично для их долгосрочной устойчивости [9]. Важное значение имеет гибкий подход к созданию образовательных программ, что позволяет обеспечивать высокое качество услуг. Ориентация на результат, а не на содержание, формирует новую образовательную среду, где акцент делается на прикладные знания и навыки [5].

Инновационные подходы также включают использование интерактивных платформ и медиа, что делает процесс обучения более привлекательным и доступным. Примером может служить интеграция видеозаписей и курсов, построенных на принципах геймификации, что значительно повышает вовлеченность учащихся [6]. Эта практика менее традиционного подхода к обучению была успешно реализована многими школами и вузами, что подтверждает результаты исследований, где отмечается рост интереса учащихся к таким форматам обучения (рис. 1).

Рис. 1. Динамика роста слушателей, выбирающих online обучение

Совместные усилия частного сектора и государства тоже сыграли важную роль в успехе EdTech в России. Финансирование и поддержка со стороны государства создают возможности для стартапов и уже состоявшихся компаний разрабатывать инновационные решения, что ведет к росту всей отрасли (рис. 2). Ожидается, что такие стратегии будут сохранять свою актуальность и в будущем, учитывая богатый опыт, который они уже продемонстрировали [9].

Рис. 2. Примеры успешных EdTech компаний и стартапов в России

Таким образом, проведенный авторский анализ успешных практик внедрения EdTech в российском образовании показывает, что правильная стратегия, направленная на определенные сегменты, гибкость и внимание к качеству образовательных услуг, а также поддержка со стороны государств и частного сектора являются определяющими

факторами успеха в данной сфере. Учитывая этот контекст, можно ожидать, что такие практики будут продолжать развиваться, способствуя более широкой интеграции образовательных технологий в традиционные учебные форматы.

Литература

- Asanova S., Minasya S.M., Edtech-Innovative Technologies and Methods in Education. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 3. USA, 2022. (pp. 126–132).
- Березовский О.В. Современные тренды развития в сфере Ed-Tech // Региональная и отраслевая экономика. № 5(2). 2023.
- Глухов А.П., Андреева А.А., Гурин М.Ю. Интервенция электронных образовательных платформ в российскую систему образования: экосистемный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 74. 2023. (397 с.).
- Дополнительное образование детей... [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-detey-sotsiologicheskii-analiz-na-primere-edtech-1>. (дата обращения: 15.10.2025).
- Конанчук Д.С. Edtech: новая технологическая платформа в образовании // Университетское управление: практика и анализ. № 5. 2013. (С. 65–73).
- Проказина Н.В. EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 1. 2024. (С. 165–175).
- Смелова А.А. Роль EdTech-компаний в цифровизации образования: зарубежный взгляд // Общество: социология, психология, педагогика. № 2. 2025. (С. 37–49).
- Токарев Б.Е., Токарев Р.Б. Анализ состояния и перспектив рынка образовательных технологий в России // Практический маркетинг. № 4. 2020. (278 с.).
- Чудиновских М.В. Перспективы развития рынка edtech в России // Baikal Research Journal. Т. 13. № 4. 2022.

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SUCCESSFUL PRACTICES FOR IMPLEMENTING EDETECH IN RUSSIAN EDUCATION

Korniychuk M.S.
Moscow Pedagogical State University

With the rapid development of information technology and the globalization of the educational space, the relevance of studying EdTech in the Russian context is particularly important. The implementation of these technologies can not only improve the quality of education but also make it more accessible for various categories of students. In this article, the author analyzes successful practices in implementing EdTech in Russian education. The relevance of this article stems from the need to identify effective methods for using technology in educational institutions, as well as to understand its impact on the accessibility and quality of the educational process. The author conducted a sociological analysis of successful practices in implementing EdTech in Russian educational institutions. The article examines specific examples that demonstrate how technology can be used to improve the educational process.

Keywords: EdTech, hybrid and online learning, educational technologies, Russian education, digital technologies, IT tools.

References

- Asanova S., Minasya S.M., Edtech-Innovative Technologies and Methods in Education. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 3. USA, 2022. (pp. 126–132).
- Berezovsky O.V., Current Development Trends in EdTech // Regional and Sectoral Economics. № 5 (2). 2023.
- Glukhov A.P., Andreeva A.A., Gurin M.Yu., Intervention of Electronic Educational Platforms in the Russian Education System: An Ecosystem Approach // Bulletin of Toms State University. Philosophy. Sociology. Political Science. № 74. 2023. (397 p.).
- Supplementary education for children... [Electronic resource] // cyberleninka.ru – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-detey-sotsiologicheskii-analiz-na-primere-edtech-1>. (Accessed 15.10.2025).
- Konanchuk D.S. Edtech: A new technological platform in education // University management: practice and analysis. № 5. 2013. (pp. 65–73).
- Prokazina N.V. EdTech in sociological education: challenges and opportunities, risks and solutions // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. № 1. 2024. (pp. 165–175).
- Smelova A.A. The Role of EdTech Companies in the Digitalization of Education: A Foreign Perspective // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. № 2. 2025. (pp. 37–49).
- Tokarev B.E., Tokarev R.B. Analysis of the State and Prospects of the Educational Technologies Market in Russia // Practical Marketing. № 4. 2020. (278 p.).
- Chudinovskikh M.V. Prospects for the Development of the EdTech Market in Russia // Baikal Research Journal. Vol. 13. № 4. 2022.

Прогрессизм как социальное движение: роль американских женщин среднего класса в городских реформах и социальной политике

Лю Лили,

аспирант, Институт истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета
E-mail: lililiu03@163.com

Статья анализирует роль американских женщин среднего класса в прогрессивном движении конца XIX – начала XX века в условиях урбанизации, индустриализации и массовой иммиграции, когда городская бедность, антисанитария и эксплуатация труда обнажили дефицит социальных институтов. Показано, как викторианские представления о «домашней» морали были переосмыслены в концепт муниципального домоводства и материнского гражданства, обеспечив легитимацию женского присутствия в публичной сфере и перевод частной заботы в язык общественной ответственности. Прослеживается институциональное многообразие женского прогрессизма: сеттльменты как площадки социального эксперимента и производства знаний, клубное движение как ресурс мобилизации и лоббизма, потребительские лиги как механизм нормативного давления на бизнес, а также профессионализация социальной работы. На конкретных направлениях – охрана детства, ограничение детского труда, жилищные и санитарные реформы, пенсии матерям, федеральные программы материнства и младенчества – раскрываются каналы влияния на муниципальную и федеральную политику и формирование предпосылок государства всеобщего благосостояния. Отдельно фиксируются противоречия, связанные с расовой сегрегацией, патернализмом и распространением евгенических установок, что позволяет критически оценить долговременное наследие прогрессизма и его продолжение в реформах Нового курса.

Ключевые слова: женский прогрессизм, Прогрессивная эра, сеттльмент-движение, социальная политика, материнское государство.

Введение

Трансформация американского общества на рубеже XIX–XX столетий сопровождалась глубокими структурными изменениями, которые затронули практически все сферы общественной жизни [3]. Урбанизация, индустриализация и массовая иммиграция создали принципиально новую социальную реальность, в которой традиционные механизмы регулирования общественных отношений оказались недостаточно эффективными. Города стремительно разрастались, поглощая волны переселенцев из сельской местности и иммигрантов из Европы, при этом инфраструктура и социальные институты не успевали адаптироваться к новым условиям [7]. Скудность населения в городских трущобах, антисанитария, детский труд на фабриках, отсутствие системы социальной защиты – все эти явления воспринимались современниками как острейшие проблемы, требующие немедленного решения.

Прогрессивная эра, охватывающая период приблизительно с 1890-х по 1920-е годы, представляла собой многогранное социальное движение, направленное на реформирование различных аспектов американской жизни [11]. Это движение объединило представителей различных социальных групп, политических течений и религиозных деноминаций, стремившихся к модернизации государственного управления, улучшению условий труда, борьбе с коррупцией и монополиями. Однако среди множества участников прогрессивного движения особое место занимали женщины среднего класса, чья деятельность существенно отличалась как по масштабу, так и по характеру от традиционных форм женского участия в общественной жизни [2].

Женщины из семей предпринимателей, юристов, врачей и других представителей формирующегося среднего класса обладали определенным уровнем образования и досугом, который позволял им посвящать время общественной деятельности. Викторианская идеология отводила женщине роль хранительницы домашнего очага и моральных ценностей, однако именно эта идеологическая конструкция была переосмыслена и использована для обоснования выхода женщин в публичную сферу [9]. Если дом является царством женщины, а город представляет собой расширенное домохозяйство, то забота о чистоте улиц, здоровье детей и нравственности горожан логически вытекает из традиционной женской роли. Такая риторика позволяла избежать прямой конфронтации с доминирующими гендерными нормами и одновременно расширять пространство женской активности.

Сеттльмент-движение, клубы по изучению домоводства, лиги потребителей, общества защиты детей и множество других организаций, созданных и возглавляемых женщинами, постепенно формировали то, что исследователи впоследствии назовут материнским государством всеобщего благосостояния [14]. Эти организации не просто занимались благотворительностью в традиционном понимании, но разрабатывали и продвигали законодательные инициативы, проводили социальные исследования, создавали модельные программы, которые затем воспроизводились на муниципальном и федеральном уровнях [5]. Фактически женщины среднего класса выступили архитекторами значительной части социальной политики, которая впоследствии стала основой американского государства благосостояния.

Материалы и методы исследования

Исследование основывается на применении комплекса методологических подходов, позволяющих рассмотреть изучаемый феномен в его многомерности. Историко-генетический метод использовался для прослеживания эволюции женского участия в прогрессивном движении от первых благотворительных обществ до масштабных реформаторских организаций [8]. Сравнительно-исторический анализ позволил выявить общие закономерности и региональные особенности женского активизма в различных городах Соединённых Штатов, а также сопоставить американский опыт с аналогичными процессами в европейских странах.

Концептуальной рамкой исследования послужили теоретические построения в области гендерной истории и истории социальной политики. Особое внимание уделялось анализу дискурсивных практик, посредством которых женщины-реформаторы легитимировали своё присутствие в публичной сфере и обосновывали необходимость государственного вмешательства в социальные отношения [1]. Системный подход применялся для анализа взаимосвязей между различными ор-

ганизациями прогрессивного движения, а также для выявления механизмов влияния женских организаций на формирование социальной политики на различных уровнях управления.

Результаты и обсуждение

Сеттлмент-движение занимает центральное место в истории женского прогрессизма и представляет собой уникальный социальный эксперимент, оказавший долгосрочное влияние на развитие американского общества. Идея сеттлментов, заимствованная из британского опыта, заключалась в создании поселений образованных представителей среднего класса в беднейших городских кварталах [4]. Проживая среди иммигрантов и рабочих, резиденты сеттлментов стремились преодолеть классовые и культурные барьеры, изучить условия жизни бедноты и разработать практические программы помощи. Халл-Хаус в Чикаго, основанный Джейн Аддамс и Эллен Гейтс Старр в 1889 году, стал наиболее известным и влиятельным из американских сеттлментов, однако к 1910 году в стране насчитывалось уже более четырёхсот подобных учреждений [12].

Сеттлменты превратились в настоящие лаборатории социальной политики, где разрабатывались и апробировались программы, впоследствии внедрённые на муниципальном и федеральном уровнях. Детские сады, летние лагеря, вечерние школы для взрослых иммигрантов, курсы профессиональной подготовки, медицинские клиники, юридические консультации – всё это создавалось силами женщин-реформаторов и их добровольных помощников [6]. Флоренс Келли, резидент Халл-Хауса, провела масштабное исследование условий труда в потогонных мастерских Чикаго, результаты которого легли в основу первого в штате Иллинойс закона о регулировании фабричного труда. Подобные исследования проводились и в других сеттлментах, формируя эмпирическую базу для законодательных реформ.

Женские клубы представляли собой ещё одну важнейшую институциональную форму женского прогрессизма. Возникнув первоначально как литературные и образовательные кружки, они постепенно переориентировались на социальную деятельность [10]. Генеральная федерация женских клубов, объединившая к началу XX века сотни тысяч членов, выступала мощной лоббистской силой на местном и национальном уровнях. Клубы занимались учреждением публичных библиотек, улучшением школьного образования, созданием детских площадок и парков, борьбой за чистоту продуктов питания и питьевой воды. Эта деятельность формулировалась в терминах муниципального домоводства – расширения традиционных женских забот о чистоте и порядке на городское пространство в целом [3].

Особую роль сыграли женщины среднего класса в формировании политики защиты детства, которая стала одним из наиболее успешных направлений прогрессивных реформ. Национальный комитет детского труда, учреждённый в 1904 году, объединил усилия различных организаций в борьбе за ограничение эксплуатации несовершеннолетних [15]. Женщины-реформаторы документировали условия труда детей на фабриках, шахтах и в сельском хозяйстве, организовывали публичные кампании и оказывали давление на законодателей. Их усилия привели к принятию законов о детском труде в большинстве штатов, хотя федеральное регулирование в этой сфере долгое время наталкивалось на сопротивление Верховного суда [7].

Создание Детского бюро при Министерстве труда в 1912 году стало кульминацией многолетних усилий женских организаций и представляло собой беспрецедентное явление в истории американской государственности. Впервые федеральное агентство было создано в ответ на требования женских организаций и укомплектовано преимущественно женщинами [11]. Джулия Латроп, первый руководитель бюро, была выходцем из Халл-Хауса и привнесла в государственное управление методы и ценности сеттлмент-движения. Бюро занималось сбором статистики о детской смертности и заболеваемости, изучением причин бедности семей с детьми, разработкой стандартов ухода за младенцами и пропагандой грудного вскармливания и профилактической медицины [2].

Закон Шепарда-Таунера 1921 года о охране материнства и младенчества явился триумфом женского прогрессизма и одновременно продемонстрировал политический вес, который приобрели женщины после получения избирательных прав [9]. Закон предусматривал федеральные субсидии штатам на организацию медицинских консультаций для беременных женщин и матерей, обучение медицинского персонала, санитарное просвещение населения. Это была первая в американской истории федеральная программа социального обеспечения, адресованная конкретной демографической группе, и её принятие стало возможным благодаря многолетней подготовительной работе женских организаций [14].

Движение за реформу жилищных условий также в значительной степени опиралось на женский активизм и экспертизу. Женщины-реформаторы участвовали в жилищных инспекциях, документировали условия жизни в трущобах, продвигали строительные кодексы и санитарные нормы [5]. Ассоциации по улучшению жилищных условий, созданные в крупнейших городах, включали влиятельных женщин в свои руководящие органы и опирались на сети женских клубов и сеттлментов. Эдит Элмер Вуд, одна из ведущих экспертов в области жилищной политики, начинала свою карьеру как общественная активистка и впоследствии стала влиятельным голосом в пользу государственного жилищного строительства [8].

Реформа системы социального обеспечения детей-сирот и детей из неблагополучных семей представляла собой область, в которой женщины-прогрессистки добились особенно значимых результатов. Традиционная система приютов и домов призрения подвергалась всё более острой критике за её неэффективность и негуманность [12]. Женщины-реформаторы настаивали на сохранении семьи как наилучшей среды для воспитания детей и предлагали программы материальной поддержки вдов и матерей-одиночек, которые позволили бы им воспитывать детей дома. К 1920 году законы о пенсиях матерям были приняты в сорока штатах, создав прецедент государственной поддержки семей с детьми, который впоследствии был развит в программе помощи семьям с зависимыми детьми в рамках Нового курса [1].

Деятельность Национальной лиги потребителей под руководством Флоренс Келли демонстрирует изобретательность женщин-реформаторов в разработке новых механизмов социального давления [4]. Лига использовала покупательную способность потребителей как инструмент давления на работодателей, составляя белые списки компаний, соблюдающих справедливые условия труда, и призывая бойкотировать продукцию эксплуататоров. Белая этикетка лиги, удостоверявшая, что товар произведён в достойных условиях, стала одной из первых систем социальной сертификации в истории [10]. Одновременно лига занималась лоббистской деятельностью, продвигая законодательство о минимальной заработной плате, ограничении рабочего дня и улучшении условий труда женщин и детей.

Судебное решение по делу Мюллер против Орегона 1908 года представляет особый интерес как пример успешного использования социологических данных в юридической аргументации [6]. Луис Брандейс, адвокат штата Орегон, представил суду документ, впоследствии известный как досье Брандейса, содержавший обширные материалы о влиянии продолжительного рабочего дня на здоровье женщин. Эти материалы были собраны и систематизированы Джозефиной Голдмарк и другими сотрудниками Национальной лиги потребителей. Верховный суд признал конституционность закона Орегона об ограничении рабочего дня женщин десятью часами, создав важный прецедент для трудового законодательства [15].

Профессионализация социальной работы была ещё одним значимым результатом женского прогрессизма и отразила стремление реформаторов к научному обоснованию своей деятельности. Школы социальной работы, выросшие из образовательных программ сеттлментов, готовили специалистов, владеющих методами социального исследования, индивидуальной работы с клиентами и организации сообществ [3]. Мэри Ричмонд систематизировала методологию работы со случаем, заложив основы профессиональной социальной работы. Появление профессиональных ассоциаций, журналов, этических кодексов свидетельствовало о формировании новой профессии, в которой женщины занимали доминирующее положение [11].

Взаимоотношения женского прогрессизма с расовой проблематикой отличались значительной сложностью и противоречивостью. Многие организации белых женщин-реформаторов практиковали расовую сегрегацию или полностью исключали афроамериканок из своих рядов [7]. Генеральная федерация женских клубов длительное время отказывалась принимать клубы чернокожих женщин в свой состав. Вместе с тем существовали и межрасовые инициативы, а афроамериканские женщины создавали собственные организации, такие как Национальная ассоциация цветных женщин, которые занимались аналогичной реформаторской деятельностью в чёрных сообществах [9]. Ида Б. Уэллс-Барнетт, Мэри Черч Террелл и другие чёрные активистки развивали собственную повестку, включавшую как типичные для прогрессизма вопросы городских реформ, так и специфические проблемы борьбы с расовой дискриминацией и линчеванием.

Идеологические основания женского прогрессизма представляли собой сложный синтез различных интеллектуальных традиций [2]. Социальное евангелие с его акцентом на практическом христианстве и ответственности верующих за преобразование земного общества обеспечивало религиозную легитимацию реформаторской деятельности. Прагматизм как философское течение подчёркивал ценность

практического знания и экспериментального подхода к социальным проблемам. Новая социальная наука, представленная социологией, экономикой, политологией, предоставляла концептуальные инструменты для анализа общественных явлений и разработки реформаторских программ [14].

Концепция материнского гражданства позволяла женщинам обосновывать свои притязания на участие в публичной жизни, не отвергая при этом традиционных гендерных ролей [5]. Если женщины по природе своей являются заботливыми и нравственными существами, то их участие в политике и управлении необходимо для очищения общественной жизни от пороков, привнесённых мужским эгоизмом и корыстью. Эта риторическая стратегия имела тактические преимущества, однако она же закрепляла эссенциалистские представления о женской природе и ограничивала пространство допустимой женской активности [8].

Противоречия внутри прогрессивного движения проявлялись в различных подходах к социальным проблемам и методам их решения. Патерналистские установки многих реформаторов вступали в противоречие с интересами и ценностями тех социальных групп, которым они стремились помочь [12]. Кампании за ограничение иммиграции, запрет алкоголя, стерилизацию неполноценных также находили сторонников среди женщин-прогрессисток. Евгенические идеи пользовались широким распространением в реформаторских кругах и влияли на формулирование социальной политики [1]. Эти аспекты прогрессивного движения служат напоминанием о необходимости критического анализа даже тех реформ, которые были мотивированы благими намерениями.

Институциональное наследие женского прогрессизма оказалось более долговечным и значительным, чем могло показаться современникам [10]. Принципы и практики, разработанные женщинами-реформаторами в начале XX века, были воспроизведены и расширены в законодательстве Нового курса. Закон о социальном обеспечении 1935 года включал программы, непосредственно восходившие к инициативам прогрессивной эры, а их разработкой занимались женщины, начинавшие свою карьеру в сеттлментах и женских организациях [4]. Грейс Эббот, сменившая Джулию Латроп на посту руководителя Детского бюро, и Кэтрин Ленрут, ставшая директором бюро в 1930-х годах, обеспечивали преемственность прогрессивных традиций в федеральной социальной политике.

Историографические интерпретации женского прогрессизма претерпели существенную эволюцию на протяжении последних десятилетий [6]. Ранние исследования рассматривали прогрессизм преимущественно как политическое движение, уделяя недостаточное внимание его социальным и культурным измерениям. Развитие женской и гендерной истории привело к переоценке роли женщин в реформаторском движении и выявлению специфически женских форм политической активности [15]. Современные исследователи подчёркивают центральное значение женского активизма для формирования американского государства благосостояния и предлагают концепцию материнского государства как альтернативу традиционным моделям развития социальной политики.

Сравнительный анализ американского и европейского опыта позволяет выявить как общие закономерности, так и национальные особенности женского участия в формировании социальной политики [3]. В европейских странах государство раньше взяло на себя функции социального обеспечения, и женские организации действовали в условиях более развитой бюрократической инфраструктуры. В Соединённых Штатах слабость федерального государства и традиции добровольных ассоциаций создавали особое пространство для женской инициативы. Женские организации фактически заполняли институциональный вакуум, создавая программы и службы, которые в других странах обеспечивались государственными структурами [9].

Методологические инновации женщин-прогрессисток в области социального исследования заслуживают специального внимания. Карты бедности, составленные резидентами Халл-Хауса по образцу визит Чарльза Бута в Лондоне, представляли собой пионерские опыты визуализации социальных данных [13]. Обследования условий жизни и труда, проводимые женскими организациями, сочетали количественные методы с качественным описанием индивидуальных случаев. Этот подход предвосхищал развитие смешанных методов в социальных науках и оказал влияние на становление чикагской школы социологии [7].

Образовательные инициативы женщин-прогрессисток охватывали самые разные аудитории и формы обучения. Программы Американской ассоциации для иммигрантов, курсы домоводства для девочек и женщин, лекции по гигиене и уходу за детьми, университетские экстенсивные программы – всё это создавало разветвлённую инфраструктуру просвещения [2]. Убеждённость в силе образования и научного знания

объединяла прогрессивных реформаторов различных направлений. Женщины-прогрессистки верили, что распространение знаний о рациональном ведении домашнего хозяйства, правильном питании и воспитании детей способно преобразовать семейную жизнь и через неё – всё общество [11].

Выводы

Анализ деятельности американских женщин среднего класса в рамках прогрессивного движения позволяет сделать ряд выводов относительно характера и значения их вклада в развитие социальной политики. Женский прогрессизм представлял собой масштабное социальное явление, охватившее сотни тысяч участниц по всей стране и породившее устойчивые институциональные формы гражданской активности. Сеттлменты, женские клубы, профессиональные организации социальных работников, лоббистские группы – все эти структуры создавали инфраструктуру для разработки, апробации и продвижения социальных реформ.

Прогрессистки сформировали особый подход к социальным проблемам, сочетавший эмпирическое исследование, практический эксперимент и политическое давление. Этот подход оказался весьма эффективным в условиях американской политической системы с её множественностью точек доступа к принятию решений и традициями добровольных ассоциаций. Женщины-реформаторы научились использовать доступные им ресурсы – время, образование, социальные связи, моральный авторитет – для достижения политических целей, формально оставаясь за пределами электоральной политики на протяжении большей части рассматриваемого периода.

Институциональные инновации женского прогрессизма оказали долгосрочное влияние на развитие американской социальной политики и государственности. Детское бюро, законы о пенсиях матерям, программы охраны материнства и младенчества, стандарты трудового законодательства – всё это представляло собой элементы формирующегося государства благосостояния, возникшего в значительной мере благодаря усилиям женщин. При этом характер этого государства – его ориентация на защиту женщин и детей как особых категорий, его опора на штатный и местный уровни управления, его взаимодействие с частными организациями – во многом определялся особенностями женского активизма.

Вместе с тем необходимо признать ограничения и противоречия женского прогрессизма. Расовая исключительность многих организаций, патерналистское отношение к объектам реформаторских усилий, эссенциалистские представления о женской природе – всё это накладывало отпечаток на характер проводимых реформ. Женщины-прогрессистки действовали в рамках определённых идеологических и культурных ограничений своего времени, и их деятельность не может быть адекватно понята вне этого контекста. Критическое осмысление наследия прогрессизма предполагает признание как его достижений, так и его изъянов.

Значение изучения женского прогрессизма выходит за рамки исторического интереса и имеет отношение к пониманию современных процессов формирования социальной политики. Опыт прогрессивной эры демонстрирует, каким образом гражданские организации могут влиять на государственную политику, разрабатывая инновационные программы, создавая коалиции поддержки и формируя общественное мнение. Механизмы взаимодействия между частной инициативой и государственным регулированием, апробированные в начале XX века, продолжают определять особенности американской модели социальной политики и сегодня.

Литература

1. Burt E.V. The Progressive era: primary documents on events from 1890 to 1914. Westport: Greenwood Press, 2004. 287 c.
2. Cai Meng. Gender Conflicts in the American Working Class in the Early 19th Century // Historical Research. 2022. № 4. С. 146–164, 223–224.
3. Collins G. America's Women: 400 Years of Dolls, Drudges, Helpmates and Heroines. New York City: William Morrow and Company, 2003. 560 c.
4. Echols A. Cultural Feminism: Feminist Capitalism and the Anti-Pornography Movement // Social Text. 1983. № 7. С. 34–53.
5. Engh M. Female, Catholic, and Progressive: The Women of the Brownson Settlement House of Los Angeles, 1901–1920 // Records of the American Catholic Historical Society of Philadelphia. 1998. Vol. 109, № 1/2. С. 113–126.
6. Haack S. Pragmatism, Old & New: Selected Writings. New York City: Prometheus Books, 2005. 405 c.
7. Karger H.J. Minneapolis Settlement Houses in the Not So Roaring 20s/Americanization, Morality, and the Revolt against Popular Culture // The Journal of Sociology & Social Welfare. 1987. Vol. 14, № 4. С. 105–121.

8. Li Yue'e. A Review of the American Urban Community Reform Movement // *Urban Problems*. 2009. № 8. С. 83–87.
9. Li Yue'e. The New Woman and the Rise of the American Community Reform Movement // *Journal of China Women's University*. 2005. № 3. С. 65–68.
10. OpenStax. *Grassroots Progressivism // American History*. Houston: OpenStax, 2014. С. 601–605.
11. Urban W., Wagoner J. Jr., Gaither M. *American Education: A History*. London: Routledge, 2019. 416 с.
12. Wang Enming. *Studies on American Women in the 20th Century*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2002. 263 с.
13. Wang Hongxin. Cultural Feminism and Jane Adams' Social Thought // *Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2011. № 1. С. 89–95.
14. Zhang Shuhua. Jane Adams and the American Urban Community Reform Movement // *Journal of Taishan University*. 2010. № 5. С. 83–88.
15. Чжан Цун. Мотивы и проблемы вхождения женщин среднего класса в общественную жизнь США в конце XIX – начале XX веков // *American Studies*. 1993. № 3. С. 130–147.

PROGRESSIVISM AS A SOCIAL MOVEMENT: THE ROLE OF MIDDLE-CLASS AMERICAN WOMEN IN URBAN REFORMS AND SOCIAL POLICY

Liu Lili
Central China Normal University

The article analyzes the role of middle-class American women in the Progressive movement at the turn of the twentieth century amid urbanization, industrialization, and mass immigration, when urban poverty, unsanitary conditions, and labor exploitation exposed the deficit of social institutions. It demonstrates how Victorian notions of "domestic" morality were reinterpreted into the concepts of municipal housekeeping and maternal citizenship, thereby legitimizing women's presence in the public sphere and translating private care into the language of public responsibility. The institutional diversity of women's progressivism is traced: settlement houses as platforms for social experimentation and knowledge production, the club movement as a resource for mobilization and lobbying, consumers' leagues as a mechanism for normative pressure on business, and the professionalization of social work. On specific fronts – child protection, restrictions on child labor, housing and sanitary reforms, mothers' pensions, and federal maternity and infancy programs – the

channels of influence on municipal and federal policy and the formation of preconditions for the welfare state are revealed. Particular attention is given to contradictions related to racial segregation, paternalism, and the spread of eugenic attitudes, enabling a critical assessment of progressivism's long-term legacy and its continuation in New Deal reforms.

Keywords: female progressivism, Progressive Era, settlement movement, social policy, maternal state.

References

1. Burt E.V. *The Progressive era: primary documents on events from 1890 to 1914*. Westport: Greenwood Press, 2004. 287 p.
2. Cai Meng. Gender conflicts in the American working class in the early 19th century // *Historical Research*. 2022. No. 4. P. 146–164, 223–224.
3. Collins G. *America's women: 400 years of dolls, drudges, helpmates and heroines*. New York City: William Morrow and Company, 2003. 560 p.
4. Echols A. Cultural feminism: feminist capitalism and the anti-pornography movement // *Social Text*. 1983. No. 7. P. 34–53.
5. Engh M. Female, Catholic, and progressive: the women of the Brownson Settlement House of Los Angeles, 1901–1920 // *Records of the American Catholic Historical Society of Philadelphia*. 1998. Vol. 109, No. 1/2. P. 113–126.
6. Haack S. *Pragmatism, old & new: selected writings*. New York City: Prometheus Books, 2005. 405 p.
7. Karger H.J. Minneapolis settlement houses in the not so roaring 20s: Americanization, morality, and the revolt against popular culture // *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 1987. Vol. 14, No. 4. P. 105–121.
8. Li Yue'e. A review of the American urban community reform movement // *Urban Problems*. 2009. No. 8. P. 83–87.
9. Li Yue'e. The new woman and the rise of the American community reform movement // *Journal of China Women's University*. 2005. No. 3. P. 65–68.
10. OpenStax. *Grassroots progressivism // American History*. Houston: OpenStax, 2014. P. 601–605.
11. Urban W., Wagoner J. Jr., Gaither M. *American education: a history*. London: Routledge, 2019. 416 p.
12. Wang Enming. *Studies on American women in the 20th century*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2002. 263 p.
13. Wang Hongxin. Cultural feminism and Jane Addams' social thought // *Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2011. No. 1. P. 89–95.
14. Zhang Shuhua. Jane Addams and the American urban community reform movement // *Journal of Taishan University*. 2010. No. 5. P. 83–88.
15. Zhang Cong. Motives and problems of middle-class women's entry into public life in the United States in the late 19th and early 20th centuries // *American Studies*. 1993. No. 3. P. 130–147.

Надточий Юлия Борисовна,

канд. пед. наук, доцент, доцент Кафедры стратегического и инновационного развития Факультета «Высшая школа управления» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: yflnjxbq-7e@yandex.ru

На основе теоретического обобщения и построения эконометрических моделей автор показывает, что уровень заработной платы выпускников вузов зависит от человеческого капитала, а также от качества получаемого образования и дополнительных компетенций, которые становятся эффективными факторами профессионального роста выпускников. На российском рынке труда выпускники социально-экономических специальностей демонстрируют статистически более высокие значения показателей трудоустройства и заработной платы по сравнению с выпускниками гуманитарных специальностей, что обусловлено устойчивым спросом на выпускников, обладающих аналитическим мышлением и передающимися навыками. Для повышения конкурентоспособности выпускников и высшего образования необходима дифференцированная поддержка университетов, а также разработка междисциплинарных программ и усиление мотивационного и прикладного компонентов в подготовке выпускников.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции, навыки, заработная плата, рынок труда, высшее образование.

Введение

Считается, что индивидуальные характеристики, такие как уровень образования и поддающиеся измерению навыки, имеют отношение к функционированию отдельных лиц на рынке труда. Различия в доходах могут быть использованы для оценки общей экономической ценности человеческого капитала. Ранее предпринимались попытки разработать показатели, основанные на трудовом доходе и различиях, связанных с уровнем образования [12], а также оценить стоимость российского человеческого капитала [3]. Другие исследователи обосновывали важность использования системы мониторинга для трудоустройства выпускников и оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал на основе будущих доходов [5] благодаря теории человеческого капитала, а также образовательных сигналов и теории компенсационных различий [8] и др. Однако до сих пор исследователи не до конца разработали эконометрические модели для анализа экономической ценности человеческого капитала выпускников вузов на основе изучения региональных различий.

Методы и материалы

Результаты исследования, представленные в статье, получены благодаря теоретическому обобщению, использованию методов математической статистики и анализа показателей, необходимых для построения эконометрических моделей. В исследовании применялись аналитические данные, которые были последовательно организованы и обоснованы, что обеспечило логическую целостность аргументации и позволило эффективно достичь поставленных задач по изучению человеческого капитала и уровня заработных плат выпускников.

Результаты и обсуждение

Классический постулат теории человеческого капитала, согласно которому образование и академическая успеваемость отражают объем накопленного человеческого капитала, положительно влияют на уровень заработной платы выпускников [10]. В то же время наличие значительной премии к заработной плате, связанной с окончанием университетов, имеют положительную связь между наличием диплома с отличием и ранними карьерными результатами и складывается из трех компонентов: индивидуальных способностей, социальной среды и качества обучения, что соответствует теории человеческого капитала [7].

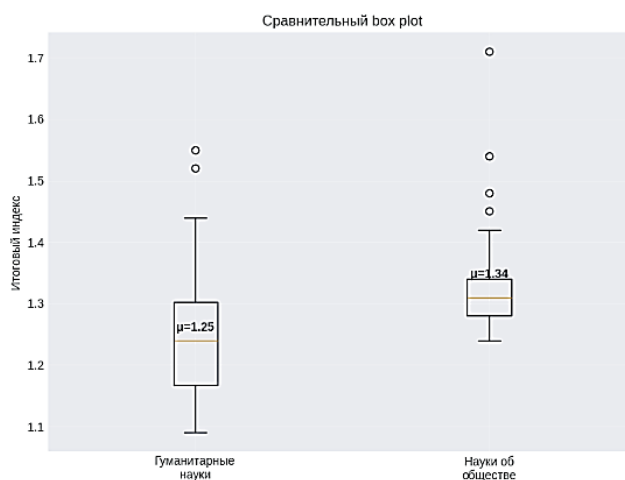

Рис. 1. Сравнительный анализ индексов трудоустройства российских выпускников вузов

Источник: построено автором [4]

Сравнительный анализ индексов трудоустройства российских выпускников основан на итоговом показателе рейтинга, который формируется как сумма индексов уровня трудоустройства и уровня заработной платы выпускников по конкретной области и уровню образования (для высшего образования) или конкретному отраслевому признаку. Он показывает, насколько совокупно два показателя отличаются от усредненного итогового показателя по конкретным областям и уровню образования или отраслевому признаку.

Анализ показывает, что в последнее время наблюдается объективный дисбаланс в пользу социально-экономических специальностей, требующий корректировки подходов к развитию гуманитарного образования (рис. 1). Так, науки об обществе имеют более концентрированное и предсказуемое распределение результатов, что свидетельствует о стандартизированном качестве подготовки и устойчивом спросе на выпускников.

Одновременно гуманитарные науки имеют более широкий разброс (в диапазоне 1,10–1,70) что указывает на значительную вариативность между вузами, где «топ-программы» конкурируют с социальными направлениями (специальностями). К примеру выпускники направлений «Науки об обществе» (психологические науки; экономика и управление; юриспруденция; социология и социальная работа и др.) демонстрируют статистически значимо более высокие показатели трудоустройства ($\mu=1.34$ против $\mu=1.25$, $p<0.05$). Поэтому требуется дифференциация подходов к поддержке вузов в зависимости от их позиции в распределении результатов и необходимо стимулировать междисциплинарность как способ повышения конкурентоспособности выпускников поскольку именно она «отвечает инновационному характеру развития социальности и науки, постоянному движению, становлению, обновлению» [6].

Так, Г.А. Чередниченко анализирует уровень средних зарплат выпускников бакалавриата и магистратуры/специалитета, при этом обнаруживая особенности в оценке рынком труда их человеческого капитала. Она делает вывод что важнейшим показателем положения работника на рынке труда является заработная плата, которая, по общему правилу, должна быть выше у выпускников вузов из-за их квалификации [11].

В частности, Л.А. Ильина и С.Б. Смирнова оценивают экономическую отдачу от получения дополнительного профессионального образования и приобретения новых компетенций для молодых специалистов, выбирая доход по основному месту работы в качестве измерителя отдачи. Они обращают внимание на концепцию человеческого капитала и его связь с экономической выгодой, производительностью труда и размером заработной платы, подчеркивая важность непрерывного образования и дополнительных навыков. Помимо этого устанавливают, что для молодых специалистов в возрасте до 30 лет наличие дополнительного профессионального образования, а также свободное владение иностранным языком и наличие второго высшего образования могут повлиять на доход [2] (рис. 2).

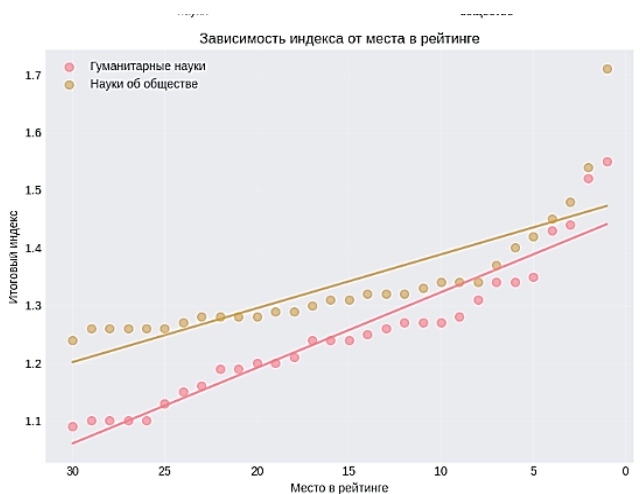

Рис. 2. Оценка национальных индексов по трудоустройству: а) гуманитарные науки; б) науки об обществе (бакалавриат / специалитет)

Источник: анализ автора [4]

Анализ показывает, что чем выше место в рейтинге (меньше числовое значение), тем выше итоговый индекс. Слабые вузы обоих направлений показывают низкие результаты. Что свидетельствует о системных проблемах в этих образовательных организациях и эта зависимость подтверждает объективность рейтинга. Одновременно качество образования в элитных вузах нивелирует междисциплинарные различия. Однако выпускник среднего вуза по «Наукам об обществе» имеет значительно лучшие карьерные перспективы. Кроме того, рынок труда более дифференцированно оценивает качество гуманитарного образования и поэтому необходимо в будущем специализироваться, и создавать уникальные преимущества. Из этого видно, что вузам социально-экономического профиля крайне необходимо разрабатывать и реализовывать качественные программы.

Помимо этого, необходимо оценивать степень, в которой образовательные организации должны сосредотачиваться на общих навыках или вместо этого на выпускниках, которые демонстрируют чет-

кие функциональные способности и предпочтения. Для организаций не менее важно оценить системы, которые они используют при отборе выпускников. Однако существует риск подбора персонала в соответствии с очень специфическим и устоявшимся профилем, что может привести к единообразию среди выпускников и, следовательно, среди будущих руководителей. В этом контексте важно учитывать баланс качеств, требуемых предприятиям, и способствовать тому, чтобы они были адекватно представлены в набираемом контингенте выпускников.

Прежде чем назначать заработную плату выпускникам, следует оценить, в какой степени заработная плата может быть установлена на соответствующем уровне для привлечения высококвалифицированных выпускников в условиях жесткой конкуренции. Поэтому необходимо учитывать риски, связанные с созданием внутреннего неравенства в оплате труда и ценность выпускников для организации.

В частности, технически ориентированные организации, которые нанимают выпускников из-за их технических навыков, могут быть не в состоянии адекватно оценить более широкие управленческие компетенции и могут столкнуться с проблемами позже, когда им потребуется, чтобы менеджеры перешли с технических должностей на более общие навыки. Кроме того, некоторые организации могут переоценивать важность интеллектуальных способностей в ущерб другим качествам и принимать на работу выпускников, которые, возможно, не смогут эффективно взаимодействовать со своими коллегами.

Существующие организации должны постоянно оценивать свою потребность в выпускниках и обеспечивать, чтобы их политика в области подбора персонала учитывала отбор лучших кандидатов для организации, а также оценку того, в какой степени программа для выпускников в целом соответствует ключевым стратегическим целям бизнеса. Организациям может быть полезно нанимать кандидатов, которые не достигают высоких результатов в учебе, но обладают общими навыками и поведенческими качествами, которые вписываются в культуру организации.

На стратегическом уровне организациям важно оценить стоимость своей политики найма выпускников и оценить, могут ли ресурсы, выделяемые на обучение и повышение квалификации выпускников, дать лучшие результаты, если использовать их для других целей. Кроме того, организациям важно отслеживать время, необходимое им для трудоустройства выпускников на производительные должности, чтобы оценить успешность своих программ подбора персонала.

В долгосрочной перспективе будет важно оценить, в какой степени система найма выпускников действительно позволяет будущим руководителям высшего звена правильно формировать первоначальные критерии отбора. Вследствие этого важно выработать четкое представление о качествах (знаниях, навыках и поведенческих характеристиках), требуемых от выпускников, и определить дисциплины и опыт работы, которые с наибольшей вероятностью приведут к успеху кандидатов [13].

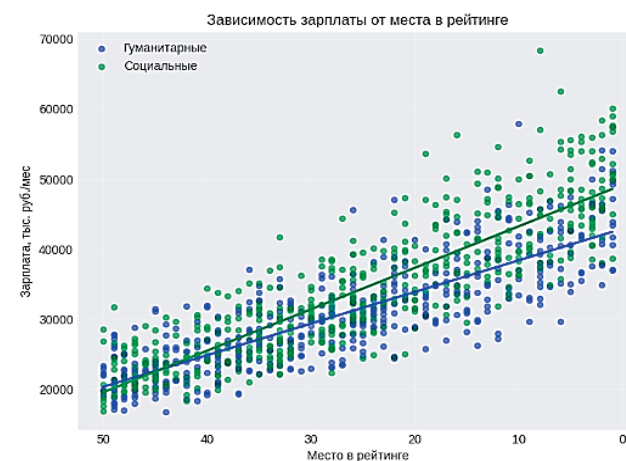

Рис. 3. Эконометрический анализ уровня заработков выпускников вузов

Эконометрический анализ уровня заработков выпускников вузов указывает на структурное преимущество социально-экономического образования на рынке труда (рис. 3). Поэтому экономисты, юристы, управленцы обладают трансферабельными (универсальными, легко переносимыми) навыками. Вот почему их компетенции востребованы в различных отраслях экономики. Например, выпускники социальных наук быстрее адаптируются к изменениям рынка труда и по сути их навыки могут быть применимы в цифровой экономике. Однако здесь отличия в заработных платах выпускников варьируются в большей

степени в зависимости от регионально-образовательной структуры (табл. 1).

Таблица 1. Оценка ключевых проблем российских выпускников и заработной платы

Субъекты Российской Федерации или города		
Москва и Санкт-Петербург	Региональные центры	Малые города
Максимальный разрыв между направлениями	Значительный разрыв между направлениями	Минимальный разрыв между направлениями
Высокая конкуренция и потенциал для карьерного роста	Социальные науки дают возможность достигнуть выдвижения на руководящие должности	Социально-трудовая мобильность для выпускников в области социальных наук
Выпускники в области социальных наук могут зарабатывать в 1,5–2,0 раза больше	Выпускники зарабатывают чаще в сфере образования и культуры	Низкие заработные платы у всех выпускников

Кроме этого различия в зарплатах выпускников обусловлены различными инвестициями в математические навыки. В хорошо оплачиваемых профессиях, таких как инженерное дело и наука, преобладают люди с сильными математическими способностями. Все меньше женщин становятся инженерами или учеными. Например, выпускницы женского пола зарабатывают почти 98% от того, что зарабатывают мужчины. Полученные данные свидетельствуют о том, что, когда мужчины и женщины вкладывают равные средства в соответствующее обучение, им платят почти одинаково на должностях начального уровня, несмотря на тот факт, что разница в начальной заработной плате мужчин и женщин составляет 2%. В целом, существует явная разница в инвестициях в математические и естественнонаучные навыки между выпускниками мужского и женского пола, что способствует более высоким стартовым зарплатам мужчин. Однако верно и то, что существуют различия в человеческом капитале [14].

В связи с этим необходимо учитывать, что высшие учебные заведения как носители самого современного и технологичного человеческого капитала, способствуют национальному экономическому развитию [1]. Поэтому качество университета, академическая успеваемость и опыт работы до окончания учебы являются ключевыми характеристиками квалификации выпускников, которые отражают различные объемы человеческого капитала, приобретенного во время учебы, и влияют на заработную плату в начале карьеры [9]. Вследствие этого необходимо снижать разрыв через повышение качества образования и обеспечивать развитие прикладных аспектов, а также стимулировать междисциплинарность как ключевой фактор модернизации системы высшего образования.

Выводы

Таким образом, данные подтверждают теоретические положения о корреляции высшего образования (в разрезе конкретных областей образования, регионов, рейтингов по трудоустройству), человеческого капитала и заработной платы. Однако кроме этого для обеспечения устойчивой связи рынка труда и института заработной платы необходимо иметь сбалансированное развитие всех направлений образования, учитывать гендерные различия и особенности, а также осуществлять инвестиций в непрерывное обучение. Это позволит снизить дисбаланс между отдельными направлениями или специальностями, а также повысить общую конкурентоспособность выпускников. Однако формирование конкретных уровней заработной платы выпускников на рынке труда опосредовано прежде всего институциональными (качеством и престижностью вуза, рейтингом) и структурными (отраслевой и региональной спецификой) факторами.

Литература

1. Емелина Н. К. и др. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы //М.: НИУ ВШЭ. – 2022.
2. Ильина Л. А., Смирнова С. Б. Оценка отдачи от получения дополнительного профессионального образования и приобретения новых компетенций для молодых специалистов //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. серия: Социальные науки. –2016. – № . 4 (44). – С. 35–43.
3. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? //Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики. – 2012.
4. Национальные рейтинги по трудоустройству выпускников образовательных организаций высшего образования. URL: https://trudvsem.ru/ratings_education_organizations/universities (дата обращения: 21.01.2026).
5. Парушина Н. В., Лытнева Н.А., Семиделихин Е.А. Методы измерения и оценки человеческого капитала (научный обзор) //Научное обозрение. Экономические науки. – 2017. – № . 2. – С. 89–99.

6. Петрова Г.И. Междисциплинарность университетского образования как современная форма его фундаментальности //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № . 3 (4). – С. 10.
7. Рожкова К. и др. Дифференциация качества высшего образования и выпускников' заработная плата в России//Вопросы образования/Образование Москва. – 2023. – № . 1. – С. 161–190.
8. Рощин С. Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований //Вопросы образования. – 2015. – № . 1. – С. 137–181.
9. Рощин С. Ю., Рудаков В.Н. Качество вуза, успеваемость и занятость во время обучения как детерминанты заработной платы выпускников вузов на начальном этапе карьеры. 180 с.
10. Рудаков В. Н. и др. Учись, студент? Влияние успеваемости в вузе на заработную плату выпускников //НИУ ВШЭ. Серия WP15 «Научные труды Лаборатории исследований рынка труда. – 2016. – № . 1.
11. Чередниченко Г.А. Положение на рынке труда выпускников вузов (по данным опроса Росстата) //Социологические исследования. – 2018. – № . 11. – С. 95–105.
12. Human Capital Investment: An International Comparison. OECD Publishing, 1998. P. 28.
13. Secord H. Implementing best practices in human resources management. – CCH Canadian Limited, 2003. P. 362.
14. Valian, V. (2025). Why So Slow? The Advancement of Women. Великобритания: MIT Press.p.421.

HUMAN CAPITAL AND THE SALARIES OF UNIVERSITY GRADUATES

Nadtochiy Yu.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Based on theoretical generalization and econometric models, the author demonstrates that the salary of university graduates depends on human capital, as well as the quality of the education they receive and additional competencies, which are effective factors in graduates' professional growth. In the Russian labor market, graduates with degrees in social sciences and economics demonstrate statistically higher employment and salary rates than graduates with degrees in the humanities, driven by the strong demand for graduates with analytical thinking and transferable skills. To enhance the competitiveness of graduates and higher education, differentiated support for universities is needed, as well as the development of interdisciplinary programs and strengthening of the motivational and applied components of graduate training.

Keywords: human capital, investment, skills, wages, labor market, higher education

References

1. Emelina N.K. et al. Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges // Moscow: National Research University Higher School of Economics. – 2022.
2. Ilyina L.A., Smirnova S.B. Assessing the Return on Obtaining Additional Professional Education and Acquiring New Competencies for Young Professionals // Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. – 2016. – No. 4 (44). – P. 35–43.
3. Kapelyushnikov R.I. How Much is Russia's Human Capital Worth? // Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 2012.
4. National Rankings of Employment of Graduates of Higher Education Organizations. URL: https://trudvsem.ru/ratings_education_organizations/universities (accessed on 21.01.2026).
5. Parushina N. V., Lytneva N.A., Semidelikhin E.A. Methods of measuring and assessing human capital (scientific review) // Scientific Review. Economic Sciences. – 2017. – No. 2. – P. 89–99.
6. Petrova G.I. Interdisciplinarity of university education as a modern form of its fundamentality // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2008. – No. 3 (4). – P. 10.
7. Rozhkova K. et al. Differentiation of Higher Education Quality and Graduates' Salaries in Russia // Voprosy obrazovaniya / Obrazovanie Moscow. – 2023. – No. 1. – P. 161–190.
8. Roshchin S. Yu., Rudakov V.N. Do Starting Salaries of Graduates Measure Education Quality? A Review of Russian and Foreign Studies // Voprosy obrazovaniya. – 2015. – No. 1. – P. 137–181.
9. Roshchin S. Yu., Rudakov V.N. University Quality, Academic Performance, and Employment During Studies as Determinants of University Graduates' Salaries at the Initial Career Stage. 180 p.
10. Rudakov V. N. et al. Study, Student? The Impact of Academic Performance at University on Graduates' Salaries // HSE University. Series WP15 "Scientific Works of the Labor Market Research Laboratory. – 2016. – No. 1.
11. Cherednichenko, G.A. The Labor Market Situation of University Graduates (Based on a Rosstat Survey) // Sociological Research. – 2018. – No. 11. – Pp. 95–105.
12. Human Capital Investment: An International Comparison. OECD Publishing, 1998. P. 28.
13. Secord, H. Implementing Best Practices in Human Resources Management. – CCH Canadian Limited, 2003. P. 362.
14. Valian, V. (2025). Why So Slow? The Advancement of Women. Great Britain: MIT Press.p. 421.

Ретинская Вера Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: bvnpr@mail.ru

Полежаева Диана Алексеевна,

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: dianapoluskina0764@gmail.com

В статье исследуется современная трансформация миграционной политики России, инициированная в ответ на структурный дисбаланс рынка труда и соображения национальной безопасности. Авторы констатируют, что ужесточение регулирования, выразившееся в селекции, цифровизации контроля и мерах по принудительной интеграции мигрантов, привело к статистически значимому сокращению миграционного притока. Это сокращение происходит на фоне экономического охлаждения, роста скрытой безработицы и усугубления отраслевого кадрового дефицита, формируя комплексный вызов для экономики. В работе утверждается, что ключевые нововведения отражают смену парадигмы, в рамках которой долгосрочные интересы российских граждан, связанные с безопасностью, социальной стабильностью и качеством человеческого капитала, получают приоритет над краткосрочными потребностями рынка в рабочей силе. В заключении обосновывается тезис о том, что будущая эффективность миграционной политики будет зависеть от способности власти синхронизировать три процесса: обеспечение жесткого контроля без подавления легальных экономических потоков, результативную перестройку системы образования и внутренней мобильности, а также успешную селекцию и диверсификацию привлекаемых кадров, что в совокупности требует перехода к более сложной, интеллектуальной модели государственного регулирования.

Ключевые слова: рынок труда, миграция, миграционная политика, трудовые мигранты, структурный дисбаланс, кадровый дефицит, цифровизация, Концепция государственной миграционной политики РФ.

В условиях современных вызовов разработка стратегии, ориентированной на стабилизацию и динамичный рост национальной экономики, представляет собой одну из ключевых государственных задач. Решающее значение для ее реализации имеют трудовые ресурсы, их количественный и качественный состав. В декабре 2025 г. на заседании Правительства РФ Министр экономического развития России Максим Решетников отметил, что «...ситуация на рынке труда остается напряженной: безработица сохраняется на исторически низком уровне (2,2%), но структурные диспропорции между спросом и предложением рабочей силы обостряются. Кадры и производительность труда являются ключевым дефицитным ресурсом, от которого будет зависеть скорость выхода экономики на целевые темпы роста экономики, обозначенные Президентом» [12].

Актуальная статистика подтверждает наличие сложных тенденций. Несмотря на сохраняющуюся в компаниях потребность в сотрудниках, динамика роста персонала замедляется. В сентябре 2025 года было опубликовано на 26% меньше вакансий (1,1 млн), чем за аналогичный период предыдущего года, тогда как число резюме возросло на 31% [11]. За первые шесть месяцев 2025 года количество вакансий в целом сократилось на 15% в годовом исчислении, несмотря на сезонный прирост (200 тыс. мест) во втором квартале [11].

Формальные индикаторы занятости свидетельствуют о рынке, перегретом спросом, однако за ними скрываются более глубокие структурные проблемы. Замедление экономического роста в 2025 году оказало давление на сферу труда. Одним из последствий стал рост скрытой безработицы: численность сотрудников, находящихся в простое, работающих неполный день или под угрозой увольнения, увеличилась со 98 тыс. в начале года до 199 тыс. к августу. Параллельно в сентябре 2025 года на фоне роста числа резюме на 31% количество публикуемых вакансий снизилось на 26% [8]. Эти цифры указывают на формирование специфического «буфера» в форме нестабильной и неполной занятости, который, смягчая социальные последствия экономического охлаждения, одновременно ведет к падению доходов и потребительского спроса [8].

При этом в ряде отраслей и регионов сохраняется и углубляется структурная нехватка кадров. Дефицит особенно ошутим в оборонно-промышленном комплексе, IT-сфере, логистике и на Дальнем Востоке. Существенным ограничением остается отставание системы профобразования от требований экономики: 75% выпускников вузов и 67% выпускников ссузов работают не по полученной специальности.

Таким образом, рынок труда испытывает двойное давление: с одной стороны, требуется трудоустройство и переобучение высвобождающихся работников в одних секторах, с другой – наблюдается острый недостаток специалистов требуемого профиля в других.

Данный парадокс объясняется влиянием долгосрочных демографических тенденций, трансформацией отраслевой структуры экономики под внешним давлением, а также эволюцией профессиональных предпочтений населения. Исторически роль компенсатора кадрового голода, особенно в сферах низко- и среднеквалифицированного труда (строительство, ЖКХ, транспорт, услуги), играла международная миграция. Однако в текущей повестке на первый план вышли императивы национальной безопасности, что кардинально изменило логику государственного управления. Результатом становится формирование правового и экономического противоречия: меры, нацеленные на повышение управляемости, прозрачности и безопасности миграционных процессов, одновременно создают дополнительные административные и финансовые препятствия для легального трудоустройства иностранных граждан, потенциально усугубляя проблему дефицита рабочей силы.

В течение последних двадцати лет трудовая миграция служила основным инструментом оперативного закрытия вакансий в низкодоходных и трудоемких отраслях. Сегодня ее роль и масштабы претерпевают существенную корректировку. Эксперты Института демографических исследований РАН отмечают «...обострение конкуренции между Россией и Арабским миром, Китаем, Европой за трудовых мигрантов из традиционных для российского рынка центрально азиатских стран (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана)» [10, с. 72].

Трудовая миграция остается политически чувствительной темой для государства, сопряженной с рисками социальной напряженности, повышенной нагрузкой на инфраструктуру и сложностями интеграции. Согласно статистике, наибольшее число трудовых мигрантов по-прежнему работает в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, однако их численность растет и в других регионах. Ключевыми сферами приложения труда остаются строительство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и иные услуги, отмечается также рост занятости мигрантов в торговле. География стран-доноров изменяется медленно. В настоящее время около 85% мигрантов являются выходцами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Доля граждан стран СНГ в общем потоке снизилась с 97% в 2022 году до 95% в 2024, что свидетельствует об очень постепенной диверсификации [9].

Трансформация и ужесточение миграционного законодательства делают выход иностранных работников на рынок все более сложным и затратным, что ведет к сокращению их численности. Так, согласно официальным данным, за третий квартал 2025 года, в Россию совершено около 4,4 млн визитов иностранными гражданами, что на 600 тыс. меньше, чем за тот же период 2024 года (рис. 1) [8].

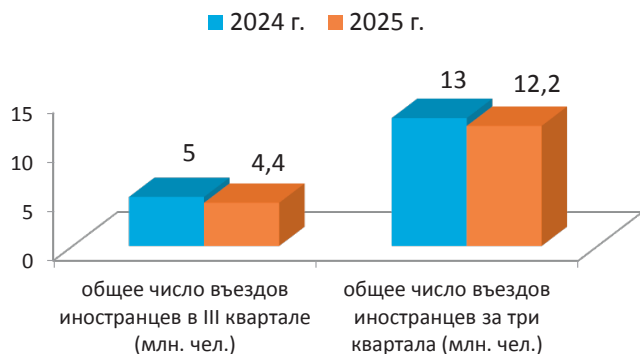

Рис. 1. Въездной поток иностранных граждан на территорию РФ в 2024–2025 гг. (млн чел.)

Общее число поездок за три квартала составило 12,2 млн, что почти на 1 млн меньше прошлогоднего показателя. Эксперты связывают это с ужесточением миграционной политики и усилением международной конкуренции за рабочую силу [8].

В структуре въездного потока в третьем квартале лидировали Казахстан, Узбекистан, Китай, Таджикистан и Киргизия (рис. 2).

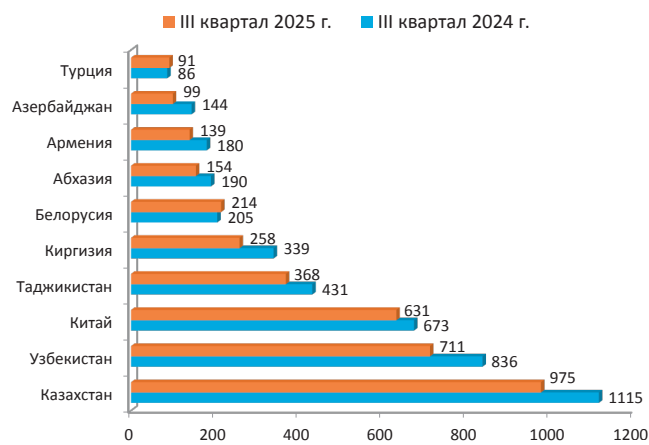

Рис. 2. ТОП-10 стран по числу визитов в РФ иностранных граждан (тыс. поездок)

При этом у граждан Казахстана в графе «цель визита», как и в первом полугодии, чаще всего упоминается «частная поездка» (ее указали в 645 тыс. случаев, а «работу» — лишь в 66 тыс.). Для граждан Китая самыми популярными целями въезда в Россию стали «туризм» (372 тыс. визитов), «деловая поездка» (74 тыс.) и «учеба» (35 тыс.). Граждане остальных стран из первой пятерки в большинстве случаев указывали «работу». Так, граждане Узбекистана сделали это в 413 тыс. случаев. Всего для «работы» в июле – сентябре 2025 года в РФ было совершено около 957 тыс. визитов (в аналогичном прошлогоднем периоде – почти 1,1 млн) [8].

Ужесточение требований к пребыванию иностранцев сопровождается активной нормотворческой деятельностью: с 2024 года принято 16 законов, направленных против нелегальной миграции. Системный вектор задает Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738, утвердивший Концепцию государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, которая закрепляет переход от экстенсивной к селективной и управляемой модели с приоритетом качественных показателей [3].

Ключевые тренды, вытекающие из Концепции и сопутствующих решений на 2026 год, включают следующие направления.

1. Радикальное сокращение квот на РВП. Установленный на 2026 год лимит в 3802 квоты на всю страну является историческим минимумом [6]. Это однозначный сигнал о свертывании массовых программ и переориентации на привлечение иностранцев по внеквотным основаниям (квалифицированные специалисты, инвесторы, носители русского языка, семейные связи).

2. Тотальная цифровизация и контроль. Так, в феврале 2025 года был запущен «реестр контролируемых лиц», куда заносят нарушителей закона [5]. Попадание в него грозит иностранцу блокировкой счетов, сим-карт и высылкой из страны. Расширение действия приложения «Амина» на всех долгосрочно пребывающих мигрантов и полная компьютеризация экзамена по русскому языку и основам законодательства для борьбы с коррупцией. С 1 сентября 2025 года по 1 сентября 2029 года в Москве и Московской области проводится эксперимент по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан, прибывших в Россию в безвизовом порядке. Участники эксперимента обязаны самостоятельно сообщать в МВД России сведения о месте своего фактического нахождения через мобильное приложение «Амина». Участниками эксперимента являются иностранные граждане, прибывшие в Москву и Московскую область в порядке, не требующем получения визы: а) в целях трудовой деятельности с 1 сентября 2025 года (работающие по патенту, трудящиеся граждане государств членов ЕАЭС); б) в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий 90 календарных дней с 1 сентября 2026 года (в том числе, члены семьи граждан РФ или иностранных граждан с ВНЖ в РФ, также члены семьи трудящихся граждан ЕАЭС, студенты) [2]. Нарушения правил использования приложения влекут серьезные санкции, вплоть до депортации. С 30 июня 2025 года стартовал второй этап эксперимента по изменению механизма пересечения российской границы. С этого времени действует новый порядок предварительной подачи заявления и сдачи биометрии через приложение «Госуслуги RuID» для безвизового въезда, а для идентификации на территории РФ используется электронная карта с QR-кодом [4].

3. Ужесточение требований к интеграции через образование [1]. С 1 апреля 2025 года введено обязательное тестирование по русскому языку для детей-мигрантов, поступающих в российские школы. Эта мера носит стратегический характер, направленный на защиту интересов коренного населения и селекцию мигрантских семей, нацеленных на долгосрочную интеграцию. Она напрямую способствует тому, чтобы миграция, призванная решать кадровые проблемы, интеграция мигрантов, особенно следующего поколения, должна быть качественной, управляемой и не создающей дополнительной демографической и социальной нагрузки в будущем и не порождала более серьезных социально-культурных и образовательных вызовов для коренных жителей России в настоящем. Тем более, что данные мониторинга Росбнадзора за апрель-август 2025 г. по тестированию на знание русского языка несовершеннолетних иностранных граждан, претендующих на зачисление в российские школы, наглядно важность данной меры. При подаче документов на 23 616 детей полный комплект был оформлен лишь для 8 223, а тестирование прошли 5 940 детей. Успешно с ним справились только 2 964 ребенка, что составляет 50% от прошедших тестирование, но лишь 12,6% от первоначального числа заявленных [7].

Ответом на сокращение миграционного притока и структурный дефицит становится активизация внутренних мер, таких как запуск в 2025 году нацпроекта «Кадры», предполагающего создание цифровой платформы мониторинга вакансий, обновление образовательных стандартов и выдачу персональных сертификатов на переобучение.

Таким образом, Указ № 738 и сопутствующие ему решения формируют комплексную систему, в которой миграционная политика превращается в инструмент не просто контроля, но и качественной трансформации человеческого капитала. Очевидно, что для ряда регионов и отраслей, традиционно зависящих от иностранной рабочей силы, новые барьеры могут усугубить кадровые проблемы, снизить качество услуг и общую деловую активность.

Сложившаяся ситуация создает дилемму: с одной стороны, необходимо минимизировать риски для национальной безопасности, противодействовать нелегальной миграции и занятости, с другой – сохранить привлекательность России для иностранных работников, способных заполнить критически важные вакансии.

Для сбалансирования спроса и предложения на рынке труда в новых условиях необходим комплекс мер, включающий:

– приоритетное стимулирование притока высококвалифицированных иностранных специалистов, демонстрирующих правоупотребление и качество работы, с созданием условий для их долгосрочного трудоустройства и получения статуса постоянного жителя;

- формирование дифференцированных программ привлечения и отбора иностранной рабочей силы, учитывающих реальный опыт мигрантов и конкретные потребности экономических субъектов, для защиты интересов всех сторон;
- обеспечение неукоснительного соблюдения миграционного законодательства всеми участниками процесса – от государственных служащих до работодателей и самих мигрантов, с акцентом на знание языка, правовую грамотность и социокультурную адаптацию;
- постепенную диверсификацию географии трудовой миграции за счет расширения сотрудничества с дружественными странами (Индия, Китай, Турция, Филиппины и др.), включая разработку упрощенных процедур въезда и трудоустройства;
- стимулирование внутренней трудовой мобильности, особенно в проблемные регионы (например, Дальний Восток), через специальные программы для выпускников, предусматривающие «подъемные», конкурентную зарплату и меры жилищной поддержки.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что российский рынок труда и миграционная политика проходят этап системной трансформации, движимой внутренним противоречием. С одной стороны, объективные демографические тренды и структурные потребности экономики создают устойчивый спрос на иностранную рабочую силу, особенно в низко- и среднеквалифицированных сегментах. С другой – императивы национальной безопасности, социальной стабильности и защиты интересов коренного населения обуславливают курс на радикальное ужесточение режима, тотальную цифровизацию контроля и селективную миграцию.

Указ Президента № 738 и сопряженные с ним инициативы закрепляют переход от экстенсивной модели, решавшей кадровые проблемы за счет массового притока, к интенсивной модели, нацеленной на качественное преобразование человеческого капитала. Сокращение квот на РВП, внедрение цифровых профилей и приложения «Амина», обязательное языковое тестирование для детей мигрантов – все эти меры служат одной цели: сделать миграцию управляемой, прозрачной и безопасной, минимизируя издержки для общества. Однако, как показывает статистика, немедленным следствием становится снижение миграционного притока, что на фоне экономического охлаждения и роста скрытой безработицы обнажает и усугубляет структурные диспропорции на рынке труда. Таким образом, ключевой вызов заключается в нахождении баланса между необходимым контролем и экономической целесообразностью.

Будущая эффективность политики будет определяться способностью синхронизировать три процесса: 1) способность цифровых инструментов обеспечить тотальный контроль без подавления легальных экономических целесообразных потоков; 2) результативность мер по переориентации системы образования и внутренней мобильности для покрытия дефицита; 3) успешность диверсификации стран-доноров и привлечения действительно востребованных квалифицированных кадров. Таким образом, балансирование рынка труда в новой реальности требует не ослабления, а повышения интеллектуальной сложности регулирования, где миграционная политика становится органичной частью стратегии долгосрочного развития человеческого капитала страны.

Литература

1. О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.12.2024 № 544-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 23.05.2025 г. № 121-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).
3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 15.10.2025 г. № 738. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).
4. О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 № 1510. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).
5. О реестре контролируемых лиц. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 26.12.2024 № 1899. Доступ

из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).

6. О распределении по субъектам РФ квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в РФ на 2026 г. [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2025 № 2792-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).

7. Более 87% несовершеннолетних иностранных граждан, претендующих на обучение в российских школах, не могут быть зачислены. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. Официальный сайт. [Электронный ресурс] – URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/boleee-87-nesovershennoletnih-inostrannyh-grazhdan-pretenduyushhih-na-obucheniye-v-rossijskikh-shkolah-ne-mogut-byt-zachisleny/> (дата обращения: 10.01.2026).

8. Воронов А. Иностранцы что-то не въезжают. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8210043> (дата обращения: 15.01.2026).

9. Гранина Н. «Могут возникнуть проблемы». Раскрыто реальное число мигрантов в России. Становится ли их больше и в какие города они едут? [Электронный ресурс] – URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/23/migrants/> (дата обращения: 15.01.2026).

10. Евтушенко А.Э., Чевтаева Н.Г., Кононова Д.С., Агумбаева А.Е. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. – 2024. – № 5. – С. 69–87.

11. Как охлаждение экономики отражается на рынке труда. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/6905db7e9a79477d09eaddf> (дата обращения: 15.01.2026).

12. Россиянам, работающим по найму, дадут возможность зарабатывать больше. Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyanam_rabotayushchim_po_naymu_dadut_vozmozhnost_zarabatyvat_bolshe.html (дата обращения: 15.01.2026).

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S MIGRATION POLICY IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL IMBALANCES IN THE LABOR MARKET

Retinskaya V.N., Polezhaeva D.A.
Penza State University

This article examines the current transformation of Russia's migration policy, initiated in response to structural imbalances in the labor market and national security concerns. The authors conclude that tightened regulation, expressed through selection, digitalization of controls, and measures to force the integration of migrants, has led to a statistically significant reduction in migration inflow. This reduction is occurring against a backdrop of economic contraction, rising hidden unemployment, and a worsening sectoral labor shortage, posing a complex challenge to the economy. The paper argues that the key innovations reflect a paradigm shift in which the long-term interests of Russian citizens – related to security, social stability, and the quality of human capital – take precedence over the short-term labor market needs. The conclusion substantiates the thesis that the future effectiveness of migration policy will depend on the government's ability to synchronize three processes: ensuring strict control without suppressing legal economic flows, effectively restructuring the education system and internal mobility, and successfully selecting and diversifying the recruited personnel, which together requires a transition to a more complex, intelligent model of state regulation.

Keywords: labor market, migration, migration policy, labor migrants, structural imbalance, personnel shortage, digitalization, Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation.

References

1. On amendments to Articles 67 and 78 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation». [Electronic resource]: Federal Law of December 28, 2024 № 544-FZ. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (access date 01/11/2026).
2. On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and on conducting an experiment to introduce additional mechanisms for registering foreign citizens. [Electronic resource]: Federal Law of May 23, 2025 № 121-FZ. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (access date 01/11/2026).
3. On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030. [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 № 738. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (access date 01/11/2026).
4. On conducting an experiment to test the rules and conditions for entry into the Russian Federation and exit from the Russian Federation for foreign citizens and stateless persons. [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation of November 7, 2024 № 1510. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of access 01/11/2026).
5. About the register of controlled persons. [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2024 № 1899. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (access date 01/11/2026).

6. On the distribution of quotas among the constituent entities of the Russian Federation for issuing temporary residence permits in the Russian Federation to foreign citizens and stateless persons for 2026 [Electronic resource]: Order of the Government of the Russian Federation dated October 6, 2025 № 2792-р. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (access date 01/11/2026).

7. More than 87% of minor foreign citizens applying to study in Russian schools cannot be enrolled. Federal Service for Supervision of Education and Science. Official website. [Electronic resource] Access mode: <https://obrnadzor.gov.ru/news/bolee-87-nesovershennoletnih-inostrannyh-grazhdan-pretenduyushhih-na-obuchenie-v-rossijskih-shkolah-ne-mogut-byt-zachisleny/> (access date 01/10/2026).

8. Voronov A. Foreigners are not coming in. [Electronic resource] Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/8210043> (access date: 01/15/2026).

9. Granina N. «Problems may arise.» The real number of migrants in Russia has been revealed. Are there more of them and what cities are they going to? [Electronic resource] Access mode: <https://lenta.ru/news/2025/06/23/migrants/> (access date 01/15/2026).

10. Evtushenko A.E., Chevtava N.G., Kononova D.S., Agumbaeva A.E. State regulation of external labor migration in conditions of personnel shortage in the labor market // Management Issues. – 2024. – № 5. – P. 69–87.

11. How does the cooling of the economy affect the labor market. [Electronic resource] Access mode: <https://www.rbc.ru/industries/news/6905db7e9a79477d09eaddf> (access date 01/15/2026).

12. Russians who work for hire will be given the opportunity to earn more. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Official website. [Electronic resource] Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyanam_rabotayushchim_po_naymu_dadut_vozmozhnost_zarabatyvat_bolshe.html (access date 01/15/2026).

Сережко Татьяна Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Мигунов Андрей Анатольевич,

кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры факультетской хирургии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Юрин Александр Сергеевич,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: alex.yurin29@yandex.ru

В статье показана эволюция представлений о здоровье в западной и восточной философии, становление биомедицинской и биопсихосоциальной модели здоровья. Сделан вывод о том, что концепции здоровья исторически включали социальные элементы. Представлено современное понимание социального здоровья.

Ключевые слова: социальное здоровье, биомедицинская модель, биопсихосоциальная модель.

Социальное здоровье как достаточное количество и качество отношений в конкретном контексте для удовлетворения потребности индивида в значимых человеческих отношениях являются неотъемлемой частью представлений о здоровье. Человек эволюционировал как социальный вид, и бессмысленно утверждать, что понимание человеческого здоровья возможно, если социальные измерения исключаются из наших определений. Поэтому удивительно, что некоторые исследователи и учёные стремились понять здоровье человека отдельно от его социального аспекта. Мы утверждаем, что социальное здоровье является ключевым аспектом общего здоровья, наряду с психическим и физическим здоровьем, и что необходима всесторонняя трехсторонняя концепция здоровья во всех дисциплинах [1]. Вместо того чтобы представлять социальные отношения исключительно как предикторы других исходов для здоровья (или как модераторы влияния других конструктов, таких как стресс, на здоровье), мы утверждаем, что социальные отношения следует рассматривать как основной компонент здоровья (то есть как результат для здоровья) сами по себе. Принятие концепции социального здоровья в социальных и медицинских науках способствует более целостному пониманию человеческого потенциала и центральной значимости социальных отношений для здоровой и полноценной человеческой жизни.

Для достижения этой цели необходимы основанные на доказательствах концепции и теории, которые могут быть использованы учёными для дальнейшего развития, тестирования и эффективного применения принципов социального здоровья для улучшения благополучия человека. Хотя сильная платформа для такой повестки существует в истории медицины и в сборе данных из социальных и медицинских наук, до сих пор она не была объединена так, чтобы понятие социального здоровья реализовало свой полный потенциал. Наша цель – создать такую платформу, чтобы возможность концепции социального здоровья могла объединить физическое и психическое здоровье в более комплексной оценке здоровья человека. Для достижения этих целей мы начинаем с краткой истории понятия здоровья.

Социальное здоровье играло важную роль в различных концептуализациях здоровья на протяжении всей истории человечества, и это обстоятельство способствует переосмыслению его значения в современную эпоху. Определения и концептуализации здоровья не статичны, а постоянно развиваются вместе с достижениями в теории и научных знаниях, а также тенденциями в социально-политическом контексте. Некоторые из самых ранних попыток систематически понять и определить здоровье в западном полушарии рассматривали баланс четырех телесных субстанций, или гуморов: крови, флегмы, черной желчи и желтой желчи. Сторонники этой точки зрения, включая влиятельных греческих философов Гиппократ и Гален, считали, что здоровье является результатом равновесия между гуморами. Считалось, что нарушение равновесия, вызванное дисбалансом гуморов, приводит к болезни. Важно отметить, что эти ранние философы-медики утверждали, что равновесие между гуморами поддерживается посредством взаимодействия человека с окружающей средой, как физической, так и социальной. Эта концептуализация также встречается в основополагающих трудах ранних восточных философий, включая буддизм и даосизм, которые аналогичным образом рассматривают здоровье как состояние гармонии и баланса. Более того, восточные философии, такие как конфуцианство, подчеркивают центральную роль хорошо функционирующих социальных отношений в поддержании здоровой и сбалансированной жизни. Таким образом, в течение длительного периода времени как в восточной, так и в западной мысли социальное здоровье считалось неотъемлемой частью того, что такое здоровье. Хотя восточная философия и медицина в значительной степени сохранили принцип равновесия (включая равновесие с социальной средой), со временем этот подход утратил популярность в большинстве стран западной цивилизации.

Научный прогресс принёс множество важных улучшений в медицине и медицинской практике, но формирующееся в ходе научной революции XVII века представление о теле уподобляло его машине, которую можно починить, когда её компоненты перестают функционировать «должным образом». Таким образом, болезнь (или плохое здоровье) стала синонимом нарушения работы системы. В Соединённых Штатах биомедицинская модель здоровья доминировала на протяжении первых трёх четвертей XX века (Энгель, 1977) [4]. Эта модель осно-

вана на понимании здоровья, которое центрировано на микробной теории, утверждающей, что болезнь возникает в результате присутствия определенных микроорганизмов, способных загрязнять организм. Согласно биомедицинской модели, здоровье можно определить как отсутствие телесных заболеваний или инвалидности. Хотя эта ограниченная, исключительно биологическая модель доминировала в истории в течение сравнительно короткого периода, она оставляет мало места для таких понятий, как психическое и социальное здоровье, выходящих за рамки узко концептуализированной физиологической сферы. Однако, как отмечали многие ученые [6], биомедицинская модель лучше подходит для объяснения инфекционных заболеваний (преобладающих причин смерти и инвалидности в первой половине XX века) по сравнению с хроническими заболеваниями (преобладающих причин смерти и инвалидности в странах с высоким и средним уровнем дохода сегодня). Вследствие этого, по мере развития исторических тенденций в структуре заболеваний и инвалидности, возникла необходимость в новых, более широких подходах к здоровью и медицине.

Переломный период в расширении определений здоровья наступил с созданием Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и принятием ею устава при основании. Согласно этой влиятельной глобальной организации, здоровье можно определить, как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни или немощи» (ВОЗ, 1948). Предлагая это определение, ВОЗ подтвердила необходимость понимания конструкторов и условий, лежащих за пределами физической сферы. Во второй половине XX века произошло еще одно важное событие – введение биопсихосоциальной модели здоровья [4]. Биопсихосоциальная модель была предложена для теоретического и концептуального установления связи между социальными факторами и биологическими и психологическими процессами (Энгель, 1977) [4]. Подобно определению ВОЗ, биопсихосоциальная модель возникла из необходимости более всестороннего понимания факторов, определяющих здоровье и болезнь, особенно хронические заболевания, связанные со старением. Отражая растущее признание важности социальных отношений для здоровья, на рисунке представлены результаты поиска в PubMed [9], иллюстрирующие увеличение доли публикаций в медицинских журналах, содержащих термин «социальные отношения», с течением времени. Действительно, доля публикаций, содержащих этот термин, начала расти на протяжении 1980-х годов, возможно, отчасти благодаря публикации результатов ключевого эпидемиологического исследования, связывающего социальные отношения и смертность [2], а более заметный рост наблюдался в 2000-х годах. Несмотря на эти достижения в расширении определения здоровья, биомедицинская модель продолжает оказывать значительное влияние на исследователей и практикующих врачей в области медицинских наук и сегодня (рис. 1).

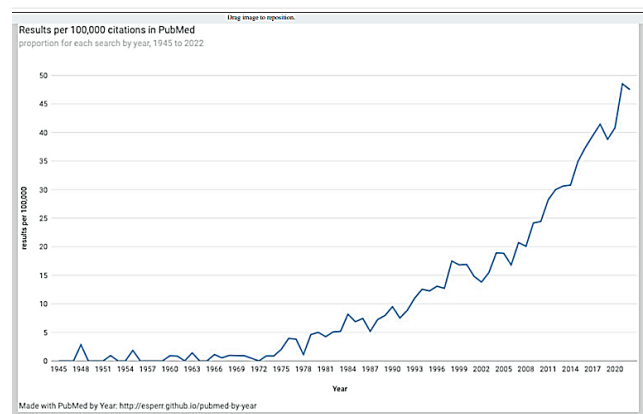

Рис. 1. Доля статей в PubMed, содержащих термин «социальные отношения», по годам с 1945 по 2022 год

Ученые, интересующиеся благополучием человека и позитивной психологией (чья работы выходят за рамки негативных состояний бытия), быстро признали социальные отношения ключевым компонентом здоровья [7; 8]. Опираясь на социологические работы таких теоретиков, как Дюркгейм и Маркс, Кийес (1998) утверждал, что исследователи склонны уделять больше внимания частным (например, психологическим) аспектам благополучия, чем общественным (например, социальным); однако оба аспекта имеют решающее значение для понимания здоровья человека и, особенно, его процветания [7]. Эта идея была разработана и расширена в теоретическом и эмпирическом обзоре межличностного благополучия [8], в котором авторы утверждали, что «центральным среди основных критериев, составляющих

оптимальную жизнь, является наличие качественных связей с другими» [8, с. 31].

Из этого краткого исторического обзора становится ясно, что, за исключением относительно недавнего узкого биологического акцента, который уже ослабевает, концепции здоровья исторически включали социальные элементы. Следовательно, история определений здоровья всегда указывала на социальное здоровье как на основной критерий. Наша позиция заключается в том, что не только исследователи в социальных и биологических науках, но и системы здравоохранения в различных сообществах и странах выиграют от принятия социального здоровья как компонента общего здоровья в теории и практике.

Мы утверждаем, что современным исследователям необходимо решительно признать фундаментальную роль социальных отношений в здоровье и благополучии человека. Опираясь на определение здоровья, данное ВОЗ, социальное здоровье рассматривается как один из трех взаимосвязанных компонентов, наряду с физическим и психическим здоровьем. Такая взаимосвязанная модель здоровья своевременна, учитывая растущее признание важности социальных отношений для общественного здравоохранения и перекликается с другими недавними предложениями в литературе [9]. Важно отметить, что мы не предполагаем, что какой-либо из этих трех компонентов более важен или первичен для здоровья и благополучия, чем любой другой, как это предполагалось в некоторых прошлых моделях. Скорее, мы предлагаем трехкомпонентную модель здоровья, помещая социальное здоровье на один уровень с двумя другими компонентами в теории, исследованиях и практике здравоохранения. Таким образом, наша трехкомпонентная модель здоровья отличается от биопсихосоциальной модели Энгеля (1977), которая призывает пользователей учитывать каждое измерение при размышлении о причинах, лечении и социальном управлении болезнями, но не рассматривает физическое, психическое и социальное здоровье как отдельные, независимые измерения здоровья.

Спустя двадцать пять лет после принятия устава ВОЗ было отмечено, что относительно мало усилий было приложено к уточнению значения социального здоровья [8]. В ходе исследований с участием медицинских работников и студентов Рассел (1973) в конечном итоге пришел к выводу, что на тот момент достичь консенсуса по определению социального здоровья было невозможно [8]. Спустя полдесятилетия, несмотря на несколько попыток в различных научных дисциплинах (включая психологию, психиатрию, поведенческую медицину, социологию и эпидемиологию), в этом направлении не было достигнуто значительного прогресса. Существующие определения социального здоровья цитируются редко, и исследователи, как правило, обращаются к уставу ВОЗ для обоснования этого понятия в эмпирических исследованиях. Кроме того, многие важные понятия, которые могли бы быть компонентами социального здоровья (например, одиночество, чувство принадлежности, социальная интеграция), оказались изолированными в рамках своих соответствующих дисциплин, а сильно пересекающиеся направления исследований развивались в значительной степени независимо друг от друга. По этим причинам существует острая необходимость в разработке единой концептуальной основы, которая позволит исследователям внутри и между дисциплинами, интересующимся социальным здоровьем, обмениваться знаниями и свободно взаимодействовать. Только таким образом ученые смогут создать всеобъемлющий и детальный корпус работ по социальному здоровью в различных дисциплинах. Если исследователи хотят рассматривать социальное здоровье как компонент общего здоровья, крайне важно согласовать единое определение, которое послужит отправной точкой для будущих исследований.

Социальное здоровье нами определяется как достаточное количество и качество отношений в конкретном контексте для удовлетворения потребности человека в значимом человеческом общении. Это определение было разработано на основе тщательного обзора соответствующей отечественной и зарубежной литературы и учета предыдущих определений, предложенных другими исследователями, интересующимися социальным здоровьем и благополучием. Эти определения значительно различаются, но имеют некоторые важные общие черты, которые мы интегрировали для создания текущего определения.

Ранние исследования социальных связей в контексте здоровья, как правило, фокусировались исключительно на количественном аспекте: то есть на количестве социальных связей, к которым человек имеет доступ. Отчасти это было связано с простотой измерения этого параметра (например, спрашивая, женат человек или холост, сколько у него близких друзей). Действительно, метаанализы подтвердили, что маркеры социальной изоляции, такие как проживание в одиночестве и редкие социальные контакты, связаны со смертностью в дополнение

к восприятию изоляции. Однако во всех областях растет понимание того, что качество так же важно, как и количество, если не важнее. Социальные отношения и вытекающие из них взаимодействия могут быть позитивными и поддерживающими, но они также могут быть негативными и напряженными, приводя к ухудшению благополучия. Хотя отсутствие качественных отношений может негативно сказаться на социальном здоровье, то же самое можно сказать и о наличии низкокачественных, обременительных социальных связей. Конечно, эти качества могут также меняться на протяжении отношений, или человек может испытывать противоречивые чувства по отношению к данным отношениям в определенный момент времени. Важно отметить, что, поскольку количество действительно близких отношений неизбежно ограничено, качество этих самых близких социальных связей может быть особенно важным для социального здоровья – эти отношения составляют основу опыта большинства людей в социальном мире и, следовательно, их благополучия [3].

Как и другие составляющие здоровья, социальное здоровье находится на индивидуальном уровне. Мы рассматриваем социальное здоровье как индивидуальный атрибут, который, подобно физическому и психическому здоровью, сильно зависит от внешней социальной среды. Как отметили другие исследователи [8], предпринимались попытки рассматривать социальное здоровье исключительно как свойство общества. Хотя такой подход не является неверным, он противоречит преобладающим взглядам на другие формы индивидуального здоровья – физическое и психическое здоровье обычно рассматриваются как свойства отдельных людей. Социальные факторы, безусловно, влияют на формирование социального здоровья, но в конечном итоге социальное здоровье здесь рассматривается как свойство индивида. Критика, высказываемая в адрес социального здоровья, заключается в том, что оно не полностью ограничено индивидом, а также является функцией социальной среды. Например, смерть близкого партнера может негативно сказаться на социальном здоровье. Исследования показали, что люди не мыслят и не действуют вне социальных связей, а несут в себе ментальные отпечатки своих партнеров [5]. Например, было показано, что тонкая активация ментальных представлений о партнерах влияет на целенаправленное поведение, соответствующее этим отношениям [5]. Партнеры мотивированы к обмену ресурсами, взглядами и даже идентичностями. Таким образом, в некоторой степени социальные партнеры индивида интернализируются и внедряются в его личность, и это может даже отражаться на нейронном уровне [5]. Учитывая такие данные, легко понять, что изменение или утрата социальных связей может рассматриваться как изменение социального здоровья индивида.

Фундаментальная потребность человека в социальных связях имеет центральное значение для социального здоровья.

Наше определение также отсылает к потребности в человеческих связях или принадлежности, которая может быть удовлетворена посредством различных типов социальных отношений. Принадлежность описывается как фундаментальная человеческая потребность, сродни потребности в пропитании или безопасности. Чувство принадлежности определяется как «опыт личного участия в системе или среде, благодаря которому люди чувствуют себя неотъемлемой частью этой системы или среды» [3]. Хотя чувство принадлежности формируется социальным, культурным и экологическим контекстом, в конечном итоге это субъективный опыт. То, что представляет собой значимая социальная связь в данном контексте, может варьироваться от человека к человеку, а также внутри людей с течением времени. Важно отметить, что индивиды должны уравнивать потребность в социальных связях с потребностью в автономии и самобытности; однако эти две мотивации не так уж и противоположны, как может показаться на первый взгляд. То есть отношения, отмеченные поддержкой автономии, как получаемой, так и предоставляемой, воспринимаются как высококачественные и уникальным образом связаны с удовлетворением потребности в принадлежности [3]. Конечно, все формы удовлетворения потребностей вносят вклад в здоровье различными способами (например, правильное питание необходимо для поддержания физического здоровья, а также для предотвращения когнитивных и психологических проблем), социальное здоровье в конечном итоге определяется потребностью в принадлежности. Поэтому наше определение социального здоровья подчеркивает фундаментальную потребность в значимых человеческих связях.

Таким образом, мы предлагаем обоснованную концепцию социального здоровья, объединяющую физические и психические компо-

ненты в более всесторонней оценке здоровья человека. Хотя существует обширная литература о важности социальных отношений для здоровья, необходима теоретическая основа для объединения этих работ в кодифицированную концептуализацию социального здоровья, определяемого здесь как достаточное количество и качество отношений в конкретном контексте для удовлетворения потребности человека в значимой человеческой связи.

Литература

1. Мигунов, А.А., Юрин, А.С. Социологическое измерение здоровья: теоретические подходы // актуальные вопросы науки, общества и образования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2025. – С. 215–217.
2. Berkman, L.F., Glass, T., Brissette, I., & Seeman, T.E. (2000). From social integration to health: Durkheim in the new millennium. *Social Science & Medicine*, 51(6), 843–857. 10.1016/S0277-9536(00)00065-4
3. Deci, E.L., & Ryan, R.M. (2014). Autonomy and need satisfaction in close relationships: Relationships motivation theory. In Weinstein N. (Ed.), *Human motivation and interpersonal relationships: Theory, research, and applications* (pp. 53–73). 10.1007/978-94-017-8542-6_3
4. Engel, G.L. (1977). The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. *Science*, 196(4286), 129–136. 10.1126/science.847460
5. Fitzsimons, G.M., & Bargh, J.A. (2003). Thinking of you: Nonconscious pursuit of interpersonal goals associated with relationship partners. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(1), 148–164. 10.1037/0022-3514.84.1.148
6. Johnson, S.B. (2013). Increasing psychology's role in health research and health care. *American Psychologist*, 68(5), 311–321. 10.1037/a0033591
7. Keyes, C.L.M. (1998). Social well-being. *Social Psychology Quarterly*, 61(2), 121–140. 10.2307/2787065
8. Russell, R.D. (1973). Social health: An attempt to clarify this dimension of well-being. *International Journal of Health Education*, 16(2), 74–82
9. Sperr, E. (2016). PubMed by year. <http://esperr.github.io/pubmed-by-year/>

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF SOCIAL HEALTH

Serezhko T.A., Migunov A.A., Yurin A.S.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod State National Research University (NRU "BelSU")

The article shows the evolution of ideas about health in Western and Eastern philosophy, the formation of biomedical and biopsychosocial models of health. It is concluded that health concepts have historically included social elements. The modern understanding of social health is presented.

Keywords: social health, biomedical model, biopsychosocial model.

References

1. Migunov, A.A., Yurin, A.S. «Sociological Dimension of Health: Theoretical Approaches.» In: topical issues of science, society, and education: A Collection of Articles from the IX International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Part 2. – Penza: MCNS «Science and Education.» – 2025. – Pp. 215–217.
2. Berkman, L.F., Glass, T., Brissette, I., & Seeman, T.E. (2000). From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium. *Social Science & Medicine*, 51(6), 843–857. 10.1016/S0277-9536(00)00065-4
3. Deci, E.L., & Ryan, R.M. (2014). Autonomy and need satisfaction in close relationships: Relationships motivation theory. In Weinstein N. (Ed.), *Human motivation and interpersonal relationships: Theory, research, and applications* (pp. 53–73). 10.1007/978-94-017-8542-6_3
4. Engel, G.L. (1977). The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. *Science*, 196(4286), 129–136. 10.1126/science.847460
5. Fitzsimons, G.M., & Bargh, J.A. (2003). Thinking of you: Nonconscious pursuit of interpersonal goals associated with relationship partners. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(1), 148–164. 10.1037/0022-3514.84.1.148
6. Johnson, S.B. (2013). Increasing psychology's role in health research and health care. *American Psychologist*, 68(5), 311–321. 10.1037/a0033591
7. Keyes, C.L.M. (1998). Social well-being. *Social Psychology Quarterly*, 61(2), 121–140. 10.2307/2787065
8. Russell, R. D. (1973). Social health: An attempt to clarify this dimension of well-being. *International Journal of Health Education*, 16(2), 74–82.
9. Sperr, E. (2016). PubMed by year. <http://esperr.github.io/pubmed-by-year/>

Табасаранский Руфат Сергей оглы,

докторант Бакинского государственного университета
E-mail: rufat.tabasaransky@gmail.com

В статье рассматриваются современные тенденции развития продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике. На основе анализа показателей производства основных видов продовольствия за последние пять лет делается вывод о том, что за последние годы благодаря продуманной и весьма эффективной работе соответствующих государственных органов Азербайджанской Республики показатели самообеспеченности страны продуктами питания значительно возросли. Подчеркивается, что укрепление продовольственной безопасности требует проведения комплексной работы, опирающейся на учет общемировых тенденций и на постоянное совершенствование как имеющихся, так и на создание новых организационных механизмов и применение инновационного подхода к решению стоящих задач с целью обеспечить население республики основными видами продуктов питания.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, производство основных видов продовольствия, площадь обрабатываемых земель, поголовье скота, аграрный сектор экономики, водные ресурсы.

Введение

Продовольственная безопасность является одним из важных компонентов в системе обеспечения национальной безопасности страны. После восстановления независимости Азербайджан смог благодаря последовательной и систематической работе добиться впечатляющих результатов, свидетельствующих о постепенном достижении поставленной цели – обеспечения продовольственной безопасности, несмотря на то что задачи, решения, которые следовало решить, являются достаточно сложными. Современные тенденции развития мировой экономики однозначно свидетельствуют о том, что проблема обеспечения продовольственной безопасности продолжает оставаться весьма актуальной и ждущей своего решения. Ощутимая нехватка продовольствия, наблюдаемая в мире, оказывает непосредственное влияние на систему национальной безопасности, неотъемлемой частью которой является продовольственная безопасность [1]. Для целого ряда стран, испытывающих потребность в формировании большого количества продовольственных запасов, обозначалась задача корректирования их политики, направленной на удовлетворение нужд населения в продуктах питания и пищевой безопасности [4].

В результате продуманной и весьма эффективной работы соответствующих государственных органов Азербайджанской Республики, показатели самообеспеченности страны продуктами питания значительно возросли за последние годы. В целях стимулирования урожайности возделываемых сельскохозяйственных культур, а также расширения физических объемов производимых на местах продуктов питания, значительно увеличилась посевная площадь возделываемых сельскохозяйственных культур. Существенное увеличение площади этих культур было достигнуто за счет освоения новых территорий, ранее находившихся под оккупацией Армении, что делало их использование невозможным. Наряду с этим водные ресурсы, используемые для орошения данных территорий, находились под контролем армянской стороны.

После окончания 44-дневной войны на освобожденных территориях началось восстановление сельскохозяйственной инфраструктуры, формирование ее различных компонентов и механизмов. Несмотря на сложности возникшие в ходе реализации данного проекта, связанные, прежде всего, с процессом очищения освобожденных территорий от мин и снарядов, в кратчайшие сроки были осуществлены работы, позволившие вернуть данные территории в сельскохозяйственный оборот. В течение последних пяти лет благодаря эффективному использованию выделенных на данные цели средств ресурсов началось освоение территорий для выращивания сельскохозяйственных культур в Физули, Джабраиле, Губадлы, Зангелане и Агдаме. В других районах, например, в Кельбаджарском, учитывая природно-географические условия, а именно преимущественно горный рельеф, было решено сделать приоритетными направлениями пчеловодство и скотоводство.

Обеспечение водными ресурсами регионов происходит посредством строительства, реконструирования и создания дополнительных ирригационных систем, что способствует получению дополнительных объемов продукции [8].

В целом позитивные тенденции в аграрном секторе экономики отображаются и в том, что доля его в ВВП страны постоянно увеличивается, как это следует из публикуемых отчетов. Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности страны осуществляется за счет использования внутренних ресурсов и направлено на уменьшение зависимости от внешних источников обеспечения населения продуктами питания.

Анализ состояния продовольственной безопасности в Азербайджане

Статистические показатели свидетельствуют о том, что доля сельского хозяйства рыболовства и лесного хозяйства по отношению к ВВП страны составила 5,5%. Стоимость произведенной в 2023 году продукции составила 12210,6 млн манатов. из которых 5933,9 млн составила продукция растениеводства, а 6276 млн. пришлось на долю животноводства. В общем стоимость сельскохозяйственной продукция, произведенной частными, семейными и домоводческими предпринимателями составила 10859,5 млн. манат из которых 5240,2 млн приходится на растение-

водство, а 5619,3 млн. на животноводство. Аграрными предприятиями было произведено продукции на 1351,1 млн. манат в том числе растениеводство 693,7 и 657,4 животноводство. Общая сумма финансовых средств основных фондов составила 11383,5 млн. манат.

Площадь земель пригодных для использования в сельском хозяйстве составляет 4779,6 тыс. га, в том числе площадь возделываемых земель – 2037,4 тыс. гектаров. В структуре посевных площадей земли, отданные под зерновые и зернобобовые, занимают 61,8%, под кормовые культуры – 22,6%, под картофель и овоще-бахчевые культуры – 8,3% и 7,3% – под технические сорта. Проблемы с обеспечением водными ресурсами для орошения посевных площадей привели к сокращению возделываемых площадей в сравнении с предыдущими годами [5] (рис. 1).

Площадь посевных растениеводства по всем категориям

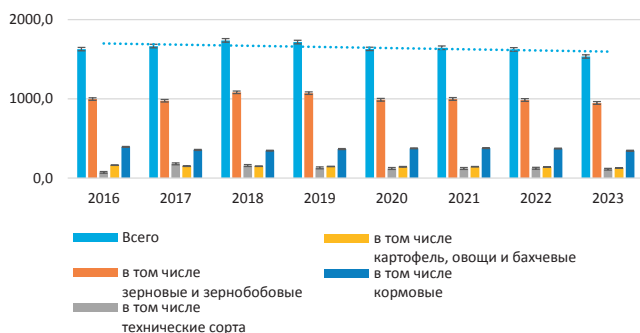

Рис. 1. Площадь посевных растениеводства по всем категориям

Составлено автором на основе данных с источника: Годовой статистический бюллетень https://stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/agriculture_2024.pdf

За период начиная с 2016 года площадь обрабатываемых земель под различными сельскохозяйственными культурами достигла максимального значения в 2018 году, составив 1738 тыс. га. В последние годы наблюдается сокращение площади обрабатываемых земель, так по итогам 2023 года наблюдается сокращение общей площади посевных площадей под основными сельскохозяйственными культурами. По отдельным видам сельскохозяйственных культур это сокращение в 2018–2023 годах составило: под зерновыми и зернобобовыми – на 134,8 тыс. га., под хлопчатником на 38,8 тыс. га., под табаком на 0,7 тыс. га., под картофелем на 9,8 тыс. га., под овощными культурами на 8,3 тыс. га, под бахчевыми культурами на 3,7 тыс. га. Одновременно происходило изменение объемов производства основных видов сельскохозяйственной продукции, а именно сбор пшеницы составил 2049,2 тыс. тонн в 2018 году против 1833,9 тыс. тонн в 2023 году, что фактически составило снижение показателя на 209 тонн; ячменя – 942 тонны (2018) против 1066,7 тонн (2023), что составило рост продукции на 124,7 тонн; кормовой кукурузы с 247,9 (2018) до 293,1 (2023), то есть рост составил 45,2 тонны; производство других видов зерновых сократилось с 76,4 (2018) до 54,9 тонн (2023) – то есть снижение составило 21,5 тонны; сахарной свеклы с 277,2 тыс. тонн в 2018 году до 206,1 тыс. тонн в 2023 г.; кормового подсолнуха с 23,6 тыс. тонн в 2018 году до 28,2 тыс. тонн в 2023 году; производство табака в 2018 году составило 6,3 тыс. тонн, такой же объем был достигнут и в 2023 году, несмотря на заметное снижение показателя годом ранее составившего 5,1 тыс. тонн; картофеля было произведено в 2018 году 898,9 а в 2023 году 1010,5 тыс. тонн, хотя было произведено 1074,3 тыс. тонн в 2022 году; овощей было произведено значительно больше чем в 2018 году: производство данного вида продукции возросло с 1521,9 тыс. тонн до 1825,6 тыс. тонн в 2023 году, производство бахчевых возросло с 401,9 тыс. тонн в 2018 году до 469,3 тыс. тонн в 2022 году и 438,2 тыс. тонн в 2023 году [5]. Согласно данным Государственного Комитета по статистике урожайность производимой продукции растениеводства за период с 2018 по 2023 года изменялась по отдельным видам агрокультур следующим образом: по зерновым и зернобобовым культурам с 30 до 33 центнеров с гектара; по хлопчатнику с 17,6 до 29,5 центнеров с гектара, по табаку с 19 до 23,1 центнеров с гектара; наблюдается также существенный рост урожайности картофеля, овощных и бахчевых культур, так в частности урожайность картофеля в 2018 году составила 149, а в 2023 году 200 центнеров с гектара; овощей в 2018 году с 162 до 201 центнеров с гектара в 2023 году; бахчевых культур со 191 в 2018 до 254 центнеров с гектара в 2023 годах. Урожайность фруктов возросла с 68 до 70,7 центнеров с гектара. При этом валовый сбор возрос с 1010,8 тонн в 2018 году до 1261,3 тонн в 2023 году [5] (рис. 2).

Сравнительные данные по зерновым, бахчевым, овощным, техническим сортам

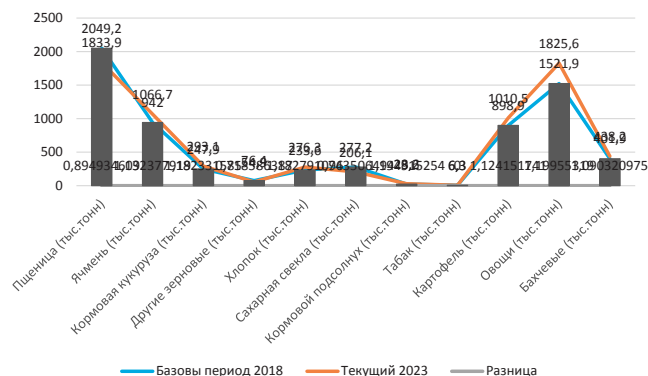

Рис. 2. Сравнительная производства аграрных культур по основным категориям

Составлено автором на основе данных с источника: Годовой статистический бюллетень https://stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/agriculture_2024.pdf

Противоречивая картина сложилась в сегменте производства мясомолочной продукции. Поголовье крупного рогатого скота, составившее в 2019 году 2658,8 тыс. голов, в 2023 году уменьшилось до 2507,7 тыс. голов, что на 0,94% меньше значения базового года. Поголовье овец и коз снизилось с 8304,1 тыс. голов в 2019, до 7751,7 тыс. голов в 2023 году. Позитивная динамика сложилась в производстве мяса, где наблюдается прирост производимой продукции с 326 тыс. тонн в 2018 году до 379,7 тыс. тонн в 2023 г., а производство говядины возросло с 135,6 тыс. тонн в 2018 году до 152,8 тыс. тонн в 2023 г., производство мяса мелкого рогатого скота возросло с 80,8 тыс. тонн в 2018 г. до 88,9 тыс. тонн в 2023 году. Поголовье птицы снизилось по сравнению с 2019 годом, когда оно насчитывало 30498,4 тыс. голов до 29794,9 тыс. голов в 2023 году, а производство птичьего мяса выросло с 109,1 в 2018 г. до 137,5 тыс. тонн в 2023 г. Существенные изменения наблюдаются в производстве молока, которое в 2018 г. составило 2080,4 тыс. тонн, а в 2023 г. составило уже 2284 тыс. тонн, производство яиц выросло с 1676,2 млн штук в 2018 г. до 2188,2 млн. штук в 2023 году [5] (рис. 3).

Производство мяса, молока и яиц

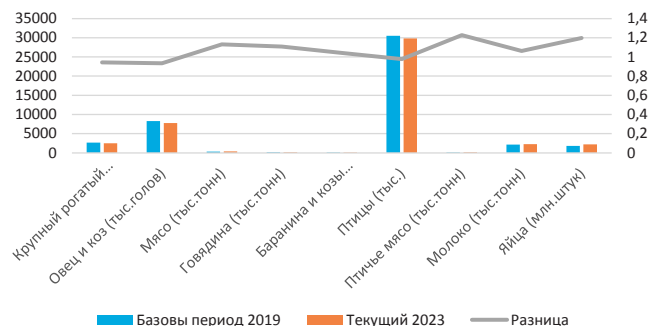

Рис. 3. Сравнительная производства мяса, молока и яиц

Составлено автором на основе данных с источника: Годовой статистический бюллетень https://stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/agriculture_2024.pdf

На основе анализа состояния продовольственной безопасности в Азербайджане можно прийти к выводу, что, хотя в принципе тенденции, наметившиеся в данной сфере позитивные, однако следует проделывать еще много работы по улучшению и развитию агропромышленного комплекса. Общая динамика аграрной отрасли экономики в производстве продуктов питания по сравнению с 2018 годом при постоянном наращивании производства все еще отстает.

Выводы и рекомендации

Комплексный подход к обеспечению продовольственной безопасности в Азербайджане начался реализовываться в тесном сотрудничестве с международными организациями на протяжении многих лет. Рекомендации ФАО и Всемирного Банка обеспечили стране поступательное и поэтапное развитие агропромышленного сектора, а также сельского хозяйства [2].

Принятые государственные программы по устойчивому развитию сельского хозяйства стимулировали создание агропромышленных парков, тем самым изменив направленность развития с традиционных методов на инновационные. Использование различных передовых технологий в сельском хозяйстве привело к рациональному использова-

нию природных ресурсов, повышению эффективности производства и урожайности различных аграрных культур и плодов [9].

Климатические изменения существенным образом повлияли на динамичное развитие аграрного сектора экономики Азербайджана. Таяние ледников в горах малого Кавказа, уменьшение воды в основных реках Кура и Аракс, высыхание горных рек привели к острой нехватке водных ресурсов. Ситуация усугубляется проблемой Каспийского моря уровень воды в котором постоянно падает, что в конечном итоге может привести к экологической катастрофе [8].

Отчеты международных организаций о состоянии продовольственной безопасности в Азербайджане позитивные с хорошим прогнозом на будущую перспективу [6]. Проведенный Всемирным Банком анализ состояния продовольственной безопасности в мире выявил основные угрозы и вызовы. В данном отчете Азербайджан не входит в число стран, где существует неблагоприятная ситуация с угрозой голода и острой нехватки питания [3]. Общемировые тенденции связанные с обеспечением населения продовольствием и угрозой голода в последнее время актуализировались из-за кризисов и вооруженного противостояния из-за локальных конфликтов [7].

Учитывая все факторы в которой реализуется государственная программа по обеспечению продовольственной безопасности представляется целесообразным принятие таких мер, как:

- создание банка продовольствия для поддержки наиболее уязвимой категории населения;
- стимулирование работ по созданию инновационных технологий для использования в сельском хозяйстве;
- закупка и использование технологий рационального использования воды для поливов и орошений;
- мониторинг системы землепользования с помощью датчиков и дронов;
- стимулирование компаний занимающихся кормовой базой.

Литература

1. Анализ информации о продовольственной безопасности. https://www.fao.org/fileadmin/templates/cfs_roundtable/Practical_info/Concept_note_RU.pdf
2. World Bank Scales Up Food and Nutrition Security Crises Response to Benefit 335 Million People <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/14/world-bank-scales-up-food-and-nutrition-security-crises-response-to-benefit-335-million-people>
3. Отчет Всемирного Банка о состоянии продовольственной безопасности. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-111-December-13-2024.pdf>
4. Глобальная панель управления продовольственной и пищевой безопасностью. <https://www.gafo.info/home/>
5. Годовой статистический бюллетень. https://stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/agriculture_2024.pdf
6. Положение с продовольствием в мире <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>

7. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2024. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2024. Финансирование деятельности по ликвидации голода, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах. Рим, ФАО. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0ccd08a0-b1d8-48a2-93c4-eb9a82a7d64a/content>

8. The Climate Crisis has come to the South Caucasus. https://www.caspianpolicy.org/research/category/the-climate-crisis-has-come-to-the-south-caucasus?utm_source=chatgpt.com

9. Azerbaijan aims to integrate AI technology to transform traditional agriculture. <https://www.verticalfarmdaily.com/article/9729740/azerbaijan-aims-to-integrate-ai-technology-to-transform-traditional-agriculture>

ANALYSIS OF THE STATE OF THE FOOD SUPPLY SECTOR IN AZERBAIJAN

Tabasarsansky R.S.

Baku State University

The article examines current trends in the development of food security in the Republic of Azerbaijan. Based on the analysis of production indicators of basic food products over the past five years, it is concluded that in recent years, thanks to the well-thought-out and highly effective work of the relevant state bodies of the Republic of Azerbaijan, the country's self-sufficiency in food products has increased significantly. It is emphasized that strengthening food security requires comprehensive work based on taking into account global trends and on the continuous improvement of both existing and the creation of new organizational mechanisms and the use of an innovative approach to solving the problems at hand in order to provide the population of the republic with basic food products.

Keywords: food security, production of basic food products, area of cultivated land, livestock population, agricultural sector of the economy, water resources.

References

1. Food Security Information Analysis. https://www.fao.org/fileadmin/templates/cfs_roundtable/Practical_info/Concept_note_RU.pdf
2. World Bank Scales Up Food and Nutrition Security Crises Response to Benefit 335 Million People <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/14/world-bank-scales-up-food-and-nutrition-security-crises-response-to-benefit-335-million-people>
3. World Bank Food Security Report. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-111-December-13-2024.pdf>
4. Global Food and Nutrition Security Dashboard. <https://www.gafo.info/home/>
5. Annual Statistical Bulletin. https://stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/agriculture_2024.pdf
6. World Food Situation <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>
7. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO, 2024. Executive Summary. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Financing to End Hunger, Food Insecurity, and Malnutrition in All Its Forms. Rome, FAO. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0ccd08a0-b1d8-48a2-93c4-eb9a82a7d64a/content>
8. The Climate Crisis Has Come to the South Caucasus. https://www.caspianpolicy.org/research/category/the-climate-crisis-has-come-to-the-south-caucasus?utm_source=chatgpt.com
9. Azerbaijan Aims to Integrate AI Technology to Transform Traditional Agriculture. <https://www.verticalfarmdaily.com/article/9729740/azerbaijan-aims-to-integrate-ai-technology-to-transform-traditional-agriculture>

Хуан И,

доцент, Институт политических и юридических наук,
Синьцзянский педагогический университет
E-mail: hy82811@163.com

В статье рассматривается логика сельского хозяйствующего управления в контексте китайской политики «спуска ресурсов в село». Анализируется перестройка структуры сельского управления под воздействием ввода политических ресурсов в рамках проектной системы, а также раскрывается процесс возникновения нового субъекта управления – «политических хозяйственников» – и практическая логика их хозяйствующего управления. Вместе с тем, в статье отмечается наличие двойственного эффекта хозяйствующего управления. Далее, исходя из перспективы сочетания стимулов и ограничений, предлагаются пути инновации модели сельского хозяйствующего управления с целью достижения устойчивого развития управления селом.

Ключевые слова: Спуск ресурсов в село; Политические хозяйственники; Хозяйствующее управление

Постановка проблемы

По мере углубления рыночных реформ и реализации стратегии возрождения села социально-экономическая структура китайской деревни претерпела глубокие изменения, что потребовало создания модели управления, адаптированной к условиям маркетизации. После отмены сельскохозяйственных налогов и внедрения «проектной системы» низовое управление приобрело отчетливый «хозяйственный» характер [9]. Местные органы власти, используя земельные ресурсы и консолидацию проектов, привлекают торгово-промышленный капитал для преодоления противоречий между разрозненным крестьянским хозяйствованием и рынком. Это ознаменовало переход от одномерного административного менеджмента к многостороннему совместному управлению, где государство и бизнес формируют модель «совместного хозяйствования» для эффективной стыковки политических задач с целями развития.

В исторической перспективе сельское управление трансформировалось от логики изъятия ресурсов к логике их ввода, что укрепило роль кадров как «предпринимателей». Существующие исследования указывают на двойственный эффект такого «хозяйствующего управления» (entrepreneurial governance). С одной стороны, оно повышает эффективность за счет оборота земель и притока капитала, активируя внутренние драйверы развития. С другой стороны, взаимодействие ввода ресурсов и изменения прав собственности порождает риски «инволюции» и оппортунизма, когда борьба за распределение выгод ведет к формированию коалиций, ущемляющих общественные интересы. Таким образом, реальная практика представляет собой сложный динамический баланс между погоней за политическими показателями и ориентацией на общественное благо.

Цель данной статьи – раскрыть механизмы взаимосвязи между хозяйственной деятельностью и управлением на фоне «спуска ресурсов в село», а также проанализировать логику поведения «политических хозяйственников» (policy entrepreneurs). Исследование призвано обеспечить теоретическую базу для оптимизации сельского управления. Главный вывод заключается в том, что инновации в этой сфере должны продвигаться при равном внимании к стимулам и ограничениям: необходимо одновременно активировать рыночную энергию для развития и усиливать общественное регулирование для обеспечения устойчивости и социальной справедливости.

Вхождение проектов в деревню и «политические хозяйственники»: формирование механизма предпринимательского управления селом

С начала XXI века, по мере того как стратегия государственного управления трансформировалась от изъятия ресурсов к их «обратной подпитке» (resource feedback), проектная система (project system) постепенно стала доминирующим механизмом спуска государственных ресурсов в село. Такой способ ввода политических ресурсов, носителем которого являются целевые трансфертные платежи и проектные фонды, не только реконструировал экономический фундамент сельского управления, но и породил новых субъектов управления, ядром которых стали «политические хозяйственники» (policy entrepreneurs/managers). Вхождение проектов в деревню, повышая эффективность распределения ресурсов, одновременно вызвало глубокие изменения в механизмах сельского управления: низовые органы власти превратились из простых исполнителей политики в «политических хозяйственников», сочетающих административную логику с рыночной рациональностью. Посредством таких стратегических действий, как «упаковка» проектов, консолидация ресурсов и связывание интересов, они выстроили механизм предпринимательского управления селом, ядром которого является оперирование политическими ресурсами [10]. Формирование этого механизма отражает, с одной стороны, стремление государства к модернизации сельского управления через точечный ввод ресурсов, а с другой – институциональное напряжение и поведенческую адаптацию в процессе реализации политики.

Ввод политических ресурсов в рамках проектной системы и перестройка структуры сельского управления

Проектная система, будучи важным инструментом государственного управления после реформы по разграничению налогов, характеризуется «де-юнитизированным» (отход от системы «даньвэй») способом рас-

пределения целевых фондов [4]. Этот метод технического управления через специализированное и проектно-ориентированное распределение ресурсов пытается преодолеть иерархические ограничения бюрократической системы и реализовать точное доведение государственной воли до мест. Однако в сельском поле практика проектной системы демонстрирует сложную логику функционирования: с одной стороны, проектные ресурсы обеспечивают беспрецедентную финансовую поддержку развития села; с другой стороны, конкурентный и краткосрочный характер проектной деятельности глубоко перестраивает структуру власти и модели сотрудничества в сельском управлении.

1. Типология проектных ресурсов и пути их ввода. Политические ресурсы в рамках проектной системы демонстрируют четкие характеристики стратификации. В зависимости от объема финансирования и политических целей их можно разделить на три основных типа:

Проекты инфраструктурного строительства, такие как государственные мегапроекты «Дороги в каждую деревню» (village-to-village roads) и ирригационное строительство, характеризующиеся большими объемами финансирования, длительными циклами строительства и строгими стандартами приемки.

Проекты поддержки промышленного развития, включая комплексное освоение сельского хозяйства и борьбу с бедностью через развитие индустрии, где акцент делается на экономическую эффективность и способность стимулировать отрасли.

Проекты общественных услуг, такие как строительство «красивой деревни» и благоустройство сельской среды, ориентированные на социальный эффект и улучшение благосостояния населения [13].

Эти три типа проектов поступают в село через двойной канал: вертикальный спуск по линии отраслевых ведомств («вертикальные линии» – тью) и горизонтальную интеграцию местными властями («горизонтальные блоки» – куай), образуя переплетенную сеть ввода ресурсов.

Распределение проектных ресурсов следует строгой процедуре: «заявка – экспертиза – приемка». Низовые органы власти должны готовить материалы заявки, такие как технико-экономические обоснования и планировочные решения, в соответствии с проектными руководствами и участвовать в конкурентном отборе [4]. Такая техническая деятельность требует от низовых кадров способностей к «упаковке проектов» и «выбиванию средств» (running for projects). Например, в проектах строительства «красивой деревни» требуется предоставить детальный план строительства, бюджетную смету, оценку эффективности и принять выездную инспекцию экспертной группы. Усиление такого технического управления дает явное преимущество в конкуренции за проекты тем деревням, которые обладают профессиональными знаниями и опытом подачи заявок, что усугубляет дифференциацию между деревнями.

2. Эффект реконструкции структуры власти на селе под влиянием проектной системы. Ввод проектных ресурсов глубоко изменил конфигурацию власти в сельском обществе.

Во-первых, проектная система усилила роль низовой власти как «брокера». Поселковое правительство трансформировалось из традиционного администратора в «политического предпринимателя», выступающего ключевым посредником между государством и деревней [2]. Для успешной конкуренции за ресурсы кадры теперь вынуждены не просто исполнять приказы, а активно интегрировать местные активы и применять навыки проектного управления для «упаковки» заявок [1].

Во-вторых, изменилась внутренняя политическая экология деревни. Право на распределение проектных ресурсов и сопутствующих благ значительно укрепило авторитет сельских кадров («двух комитетов»), что одновременно обострило конкуренцию на выборах и породило «политику борьбы за проекты». Параллельно возникли новые субъекты власти, такие как руководители кооперативов, которые обретают влияние благодаря своей способности реализовывать проекты, меняя тем самым традиционный расклад сил.

В-третьих, трансформировалась модель отношений между государством и крестьянством. Государственная воля теперь проникает в сельское общество «мягким» способом – через финансы и стандарты, формируя «контрактные» отношения. Эта модель «проектного управления» требует от крестьян соблюдения технической рациональности и процедурных правил в обмен на получение ресурсов, связывая возможности развития с выполнением четких обязательств [11].

3. Механизмы сотрудничества и стратегии действий в процессе реализации проектов. Реализация политики в рамках проектной системы формирует сложную сеть сотрудничества, требующую координации множества субъектов.

Во-первых, углубляется взаимодействие между правительством и рынком, формируя модель «государство руководит, предприятие

реализует». Привлечение бизнеса через тендеры повышает уровень профессионализации исполнения проектов, однако порождает структурное напряжение между стремлением предприятий к максимизации прибыли и необходимостью соблюдения общественных интересов, что требует усиления государственного надзора за качеством работ.

Во-вторых, трансформируется модель внутридеревенского сотрудничества. Потребность проектов в сопутствующих местных ресурсах (земля, труд) побуждает жителей к формированию временных, целевых кооперативных связей. Такое взаимодействие, хотя и носит ситуативный характер, частично восстанавливает отношения взаимопомощи в общине, однако его запуск зачастую зависит от мобилизационных усилий сельских элит и «лидерства сильных личностей».

Наконец, стратегии действий субъектов отличаются разнообразием и адаптивностью. Низовые власти применяют тактику «пакетирования» малых проектов для повышения их веса, деревни концентрируют ресурсы на «создании показательных объектов» для привлечения внимания, а крестьяне практикуют «избирательное участие» исходя из личной выгоды. Эти стратегии отражают рациональную адаптацию всех участников к конкурентной логике проектной системы.

Возникновение «политических хозяйственников» и практическая логика хозяйствующего управления

В контексте проектной системы в сельском поле появился новый тип субъектов управления – «политические хозяйственники» (policy entrepreneurs). Они не являются ни традиционными административными чиновниками, ни чисто рыночными субъектами, а представляют собой трансграничных акторов, балансирующих между административной и рыночной сферами. Посредством инновационной интеграции политических ресурсов и рыночных факторов «политические хозяйственники» выстроили модель хозяйствующего управления (entrepreneurial governance), ядром которой является оперирование политикой. Эта модель является как адаптивной реакцией на требования проектной системы, так и важным проявлением инноваций в сельском управлении.

1. Состав и ролевые характеристики «политических хозяйственников». «Политические хозяйственники» представляют собой диверсифицированную совокупность субъектов, включающую в себя три основные группы:

Низовые кадры с инновационным мышлением, умеющие использовать политические возможности и трансформировать административные ресурсы в капитал развития.

Местные элиты с рыночным чутьем, способные чутко улавливать коммерческие возможности в государственной политике и максимизировать «политические дивиденды».

Вернувшиеся на родину таланты с чувством социальной ответственности, которые реализуют предпринимательские мечты с помощью господдержки и одновременно стимулируют развитие села.

Несмотря на разное происхождение, все эти субъекты обладают общими чертами: способностью интерпретировать политику, навыками интеграции ресурсов и готовностью брать на себя риски.

Ролевое позиционирование «политических хозяйственников» характеризуется двойственностью: с одной стороны, они должны выполнять политические задачи по реализации курса и обеспечивать прохождение проектами приемочных проверок; с другой стороны, им необходимо стремиться к экономической эффективности, реализуя сохранение и приумножение стоимости ресурсов [14]. Эта двойная цель делает логику их поведения отличной как от чистых администраторов, так и от обычных рыночных субъектов. Например, в проектах «цехов по борьбе с бедностью» (poverty alleviation workshops) поселковые кадры должны гарантировать социальный эффект помощи бедным и одновременно заботиться о хозяйственном состоянии предприятия, играя роль «амфибий», сочетающих функции власти и бизнеса.

Стоит отметить, что появление «политических хозяйственников» тесно связано с характеристиками проектной системы. Механизм конкурентного распределения ресурсов требует от заявителей инновационных способностей, краткосрочность проектов требует эффективности, а давление приемки побуждает к ориентации на реальный результат. Эти институциональные особенности предоставляют пространство для деятельности «политических хозяйственников», позволяя им побеждать в конкуренции за проекты благодаря своим уникальным преимуществам.

2. Практические механизмы и логика функционирования хозяйствующего управления. «Политические хозяйственники» творчески развили набор практических механизмов хозяйствующего управления, суть которых заключается в реализации политических целей посредством корпоративного управления и рыночных методов. В частности, эта модель управления включает следующую логику функционирования:

Во-первых, капитализация политических ресурсов. «Политические хозяйственники» превращают проектные фонды, земельные квоты и политические льготы в капитал, способный приносить добавленную стоимость, и максимизируют ее через рыночные операции. Например, в пилотных проектах реформы приусадебных участков (чжайцзиди) некоторые деревни переоборудовали пустующие участки в гостевые дома (минсу) и пространства для культурного творчества, заставив земельные ресурсы приносить устойчивый доход. Такая капитализация не только усиливает эффект политики, но и создает новые источники стоимости.

Во-вторых, хозяйственная трансформация задач управления. «Политические хозяйственники» превращают традиционные административные задачи в бизнес-проекты, повышая эффективность исполнения за счет внедрения рыночных механизмов. Например, в сфере благоустройства среды некоторые деревни перешли от простого вывоза мусора к развитию индустрии переработки отходов и сортировки мусора, превращая издержки управления в хозяйственные доходы. Эта трансформация снижает финансовую нагрузку на правительство и повышает устойчивость управления.

В-третьих, рыночное обеспечение общественных услуг. «Политические хозяйственники» активно ищут новые пути рыночного предоставления общественных услуг, привлекая общественные силы через государственные закупки услуг и модели ГЧП (государственно-частного партнерства) [7]. Например, в сфере услуг по уходу за пожилыми людьми некоторые поселковые правительства поручают управление домами престарелых общественным организациям, что гарантирует качество услуг и повышает эффективность использования ресурсов.

3. Институциональные инновации и формы практики хозяйствующего управления. Под влиянием «политических хозяйственников» в сфере сельского управления возникло множество институциональных инноваций и практических форм:

Управление через консолидацию проектов (Project Bundling). Эта модель интегрирует использование проектных фондов различных ведомств для достижения эффекта агломерации ресурсов. Например, при строительстве «агротуристических комплексов» низовые власти объединяют проекты комплексного освоения сельского хозяйства, сельского туризма и инфраструктуры, формируя механизм интеграции по принципу: «вода поступает по многим каналам, скапливается в одном бассейне и выпускается через один кран». Это преодолевает ведомственную раздробленность.

Управление через активацию прав собственности. Эта модель закладывает основу для хозяйствующего управления через реформу прав собственности [6]. Реформа «разделения трех прав» (собственности, подряда и хозяйствования) позволила передавать и закладывать права на хозяйственное использование земли, создав условия для масштабного хозяйствования. Используя эту возможность, «политические хозяйственники» развивают земельные акционерные кооперативы и услуги доверительного управления.

Управление под руководством «сильных личностей» (Elite-led Governance). Эта модель опирается на личные способности и социальный капитал сельских элит [16]. Вернувшиеся предприниматели, отставные кадры и другие «новые сельские мудрецы» (синьсянсянь) используют свои связи и ресурсы для получения проектов и развития отраслей.

Управление с цифровым расширением возможностей (Digital Empowerment). Эта модель использует информационные технологии для повышения эффективности [5]. Деревни используют платформы электронной коммерции для продажи продукции и анализа больших данных, обеспечивая эффективную стыковку мелкого производства с большим рынком.

4. Оценка эффективности и институциональное напряжение. Результаты реализации хозяйствующего управления демонстрируют явную двойственность. С одной стороны, эта модель значительно повысила эффективность использования ресурсов и жизненную силу развития. Конкурентное распределение средств побуждает к анализу затрат и выгод, а корпоративное управление повышает исполнительность [3]. В успешных случаях достигнуто единство политических целей и рыночной эффективности.

С другой стороны, хозяйствующее управление сталкивается с глубоким институциональным напряжением, таким как конфликт между справедливостью и эффективностью, противоречие между краткосрочными и долгосрочными целями, сосуществование инноваций и рисков. Хозяйствующее управление требует преодоления институциональных ограничений, что часто означает балансирование на грани дозволенного. Некоторые инновационные практики могут нести политические риски.

Стоит отметить, что эффект во многом зависит от личных качеств «политических хозяйственников» и местной институциональной среды. В регионах с сильными институтами и эффективным надзором эта модель играет позитивную роль, тогда как при слабом регулировании она может привести к монополии на ресурсы и передаче выгод узкому кругу лиц [10].

Дальнейшие инновации модели сельского хозяйственного управления в условиях сочетания стимулов и ограничений

Сельское хозяйствующее управление (entrepreneurial governance), являясь важной формой трансформации низового управления на фоне «спуска» государственных ресурсов в село, имеет своим ядром активацию эндогенных драйверов развития села через рыночные механизмы. При этом необходимо избегать проблемы утраты публичности (общественного характера), вызванной сговором власти и капитала. В настоящее время хозяйствующее управление селом уже сформировало путь ввода ресурсов на основе проектной системы, механизм распределения доходов от капитализации земельных факторов, а также структуру связывания интересов с участием многих субъектов. Необходимо посредством институционального дизайна, сочетающего стимулы и ограничения (incentives and constraints), одновременно стимулировать рыночную активность и усиливать общественное регулирование, тем самым реализовывая устойчивые инновации в сельском хозяйствующем управлении. В частности, необходимо скоординированно продвигать оптимизацию механизмов управления и реконструкцию системы управления.

Совершенствование механизма совместимости стимулов, ориентированного на общественные интересы, и усиление совместного использования хозяйственных доходов в селе

Инновации в сельском хозяйствующем управлении прежде всего должны решить проблему смещения стимулов. Ключ к созданию механизма совместимости стимулов (incentive compatibility) лежит в институциональном дизайне, который напрямую связывает ввод государственных ресурсов и доходы от капитализации земли с повышением благосостояния крестьян, формируя благотворный цикл «ресурсы – выгода – развитие».

Реконструкция механизма распределения аграрных проектов и усиление субъектного участия крестьян. В настоящее время распределение проектов следует модели «захвата двух концов» [15], что из-за взаимодействия властей с капиталом часто ведет к «захвату выгод элитами». Необходимо реформировать процедуры утверждения, внедрив механизмы организованного демократического участия крестьян (по примеру советов жителей) и обязав заявителей вовлекать местные кооперативы в планирование. Включение показателей социального эффекта в систему оценки позволит переориентировать проектные ресурсы с интересов элит на широкую «общественную выгоду».

Инновации в модели распределения доходов от роста стоимости земли и сдерживание стремления к прибыли через «де-аграризацию». Поскольку основная прибыль капитала на селе часто извлекается из дифференциальной ренты [12], необходимо создать механизм принудительной «обратной подпитки», направляя значительную часть доходов от земельных квот на общественные нужды. Следует продвигать «акционерно-кооперативную» модель оборота земли, формируя структуру доходов «гарантированная аренда + дивиденды». Одновременно требуется ужесточить надзор с использованием спутникового мониторинга и системы «черных списков», чтобы жестко пресекать незаконную «де-аграризацию» и лишать нарушителей доступа к будущим проектам.

Выращивание эндогенных субъектов хозяйствования и снижение чрезмерной зависимости от внешнего капитала. Эндогенные субъекты, такие как семейные фермы, обладают тесной связью с сообществом, что оптимально подходит для выполнения двойной функции модернизации и управления. Правительству следует через налоговые и кредитные стимулы поддерживать местных лидеров и продвигать организационные инновации типа «интеграция деревни и кооператива». Построение комплексной системы кооперации (аналогичной японским JA), охватывающей финансы и сбыт, позволит снизить зависимость от внешнего капитала и повысить способность мелких фермеров взаимодействовать с большим рынком.

Совершенствование многосторонней скоординированной системы ограничений и регулирования для предотвращения рисков управления и отчуждения власти

Нормальное функционирование сельского хозяйствующего управления невозможно без жестких ограничений. Необходимо построить полноценную сеть регулирования в трех аспектах: институцио-

нальном, социальном и техническом, чтобы обеспечить работу управления в правовом и демократическом русле.

Углубление реформы административной системы и реформа системы оценки политической эффективности. Коренная причина продвижения капитала кроется в давлении «турнирной системы» и финансовых трудностях. Следует реформировать систему KPI, сместив акцент с экономических показателей на «удовлетворенность крестьян», и внедрить механизмы двусторонней оценки [8]. В налоговой сфере необходимо расширить фискальные права волостей, а для предотвращения передачи выгод – строго регламентировать участие чиновников в хозяйственной деятельности и ввести пожизненную ответственность за утверждение аграрных проектов.

Усиление потенциала общественного надзора на селе и сдерживание захвата ресурсов элитами. Необходимо правовыми методами гарантировать права крестьян, в обязательном порядке внедрив процедуру «четыре обсуждения и два обнародования» и наделив надзорные советы правом вето. Кроме того, следует совершенствовать реформу коллективных активов, четко определяя доли крестьян и используя платформы «Интернет + Надзор» для публикации информации о сделках, что позволит пресечь тайную распродажу земли сельскими кадрами.

Внедрение инструментов технического управления для повышения эффективности раннего предупреждения и контроля рисков. Для борьбы с мошенничеством и «фиктивными посадками» следует создать платформу на основе больших данных и спутниковых снимков для автоматического выявления аномальных субъектов. Параллельно необходимо внедрять технологию «блокчейн + аграрные фонды» для полной прозрачности движения средств. В отношении рисков насилия и серых сделок следует усилить работу полиции и закрепить механизм «борьбы с преступными группировками» (sweeping black and evil), обеспечивая справедливую рыночную среду.

В заключение, инновации в сельском хозяйствующем управлении должны продвигаться в динамическом равновесии стимулов и ограничений. Только стимулируя активность различных субъектов через механизм совместимости стимулов, ориентированный на общественные интересы, и предотвращая выход власти и капитала за установленные рамки через систему правовых и технических ограничений, можно реализовать глубокую трансформацию от «спуска ресурсов» к «эффективному управлению». В будущем следует и дальше исследовать правила благотворного взаимодействия государства, рынка и общества в сельском поле, чтобы хозяйствующее управление стало подлинно эндогенным драйвером возрождения села.

Литература

1. Ди Цзиньхуа. Политическое бремя, информационные инспекции и обратные мягкие бюджетные ограничения // Социологические исследования. – 2015. – № 6.
2. Е Минь, Сюнь Ваньшэн. «Демонстрация»: один из ключевых механизмов реализации политики китайского типа // Вестник государственного управления. – 2013. – № 4.
3. Ли Цзунпэй, Чжун Чжанбао. «Хозяйствование деревней»: исследование поведения волостного правительства на фоне вхождения проектов в деревню // Исследования политологии. – 2020. – № 3.
4. Ли Ци, Ли Сунъюй. «Четырехмерная аналитическая схема» логики действий субъектов управления: к вопросу об эволюции и тенденциях логики действий волостного правительства в сельском управлении // Исследования политологии. – 2020. – № 4.
5. Люй Пэн, Лю Сюэ. Корпоративная проектная система и производственное управление: на основе исследования кейсов двух предприятий по борьбе с бедностью // Китайские социальные науки. – 2021. – № 10.
6. Сюнь Ваньшэн, Ши Мэйцзин. Возможности и пределы «вожделения» фермеров предприятиями // Эпоха открытости. – 2011. – № 4.
7. У Емяо. Трансформация села и ее направления: на основе логики развития «урбанизации человека» // Гуманитарный журнал. – 2017. – № 8.
8. У Лицай, Ли Шиминь. Механизмы низового финансового управления в китайской деревне и их реформа с начала нового века // Поиск истины. – 2015. – № 7.
9. Хань Пэнъюнь. Практическая логика и рефлексия трансформации сельского управления // Гуманитарный журнал. – 2020. – № 8.
10. Цзяо Чанцюань, Чжоу Фэйчжоу. «Приход капитала в село» и перестройка деревни // Китайские социальные науки. – 2016. – № 1.
11. Цзяо Чанцюань. От системы разделения налогов к проектной системе: институциональная эволюция и организационные механизмы // Общество. – 2019. – № 6.
12. Чжоу Фэйчжоу, Ван Шаочэн. Переселение крестьян в многоэтажные дома и приход капитала в село: социологическое исследование урбанизации // Китайские социальные науки. – 2015. – № 1.
13. Чжоу Фэйчжоу. Специализация бюджетных средств и ее проблемы: к вопросу об «управлении страной через проекты» // Общество. – 2012. – № 1.
14. Чэнь Фэн. Порядок распределения выгод и инволюция низового управления: логика сельского управления на фоне ввода ресурсов // Общество. – 2015. – № 3.
15. Шэ Сяо, Чэнь Иньин. Иерархический механизм функционирования проектной системы и логика управления: социологический анализ кейса «проект входит в деревню» // Китайские социальные науки. – 2011. – № 4.
16. Юань Минбао. Анализ движущих механизмов и практических проблем управления деревней богатыми людьми: на основе исследования в восточной части провинции Чжэцзян // Вестник Шаньсийского аграрного университета (Серия: общественные науки). – 2018. – № 10.

RESEARCH ON CHINA'S «RESOURCES GOING TO THE COUNTRYSIDE» AND RURAL ENTREPRENEURIAL GOVERNANCE

Huang Yi

Xinjiang Normal University

This paper explores the logic of rural entrepreneurial governance in the context of China's "resources going to the countryside." It analyzes the reshaping of the rural governance structure by policy resource input under the project system, and reveals the emergence of a new type of governance subject—"policy entrepreneurs"—along with the practical logic of their entrepreneurial governance. At the same time, the paper points out the dual effects of entrepreneurial governance. Furthermore, from the perspective of juxtaposing incentives and constraints, it proposes a path for innovating the rural entrepreneurial governance model to achieve the sustainable development of rural governance.

Keywords: Resources going to the countryside; Policy entrepreneurs; Entrepreneurial governance

References

1. Di, Jinhua. (2015). Political burdens, information inspection, and reversed soft budget constraints. *Sociological Studies*, (6).
2. Ye, Min, & Xiong, Wansheng. (2013). "Demonstration": One of the key mechanisms of Chinese-style policy implementation. *Journal of Public Management*, (4).
3. Li, Zupai, & Zhong, Zhanbao. (2020). "Managing the village": A study of township government behavior against the background of projects entering villages. *PS Journal (CASS Journal of Political Science)*, (3).
4. Li, Qi, & Li, Songyu. (2020). A "Four-Dimensional Analytical Scheme" of administrative subjects' action logic: On the evolution and trends of township government action logic in rural governance. *PS Journal (CASS Journal of Political Science)*, (4).
5. Lü, Peng, & Liu, Xue. (2021). The corporate project system and production governance: Based on case studies of two poverty alleviation enterprises. *Social Sciences in China*, (10).
6. Xiong, Wansheng, & Shi, Meijing. (2011). Possibilities and limits of enterprises "leading" farmers. *Open Times*, (4).
7. Wu, Yemiao. (2017). Village transformation and its direction: Based on the development logic of "urbanization of people". *The Journal of Humanities*, (8).
8. Wu, Licai, & Li, Shimin. (2015). Mechanisms of grassroots financial management in Chinese villages and their reform since the new century. *Seeker*, (7).
9. Han, Pengyun. (2020). Practical logic and reflection on the transformation of rural governance. *The Journal of Humanities*, (8).
10. Jiao, Changquan, & Zhou, Feizhou. (2016). "Capital entering the countryside" and village restructuring. *Social Sciences in China*, (1).
11. Jiao, Changquan. (2019). From tax-sharing system to project system: Institutional evolution and organizational mechanisms. *Chinese Journal of Sociology (Society)*, (6).
12. Zhou, Feizhou, & Wang, Shaochen. (2015). Moving peasants into high-rises and capital entering the countryside: A sociological study of urbanization. *Social Sciences in China*, (1).
13. Zhou, Feizhou. (2012). The specialization of fiscal funds and its problems: On "governing the country through projects". *Chinese Journal of Sociology (Society)*, (1).
14. Chen, Feng. (2015). Order of benefit distribution and involution of grassroots governance: The logic of rural governance against the background of resource input. *Chinese Journal of Sociology (Society)*, (3).
15. Zhe, Xiaoye, & Chen, Yingying. (2011). The hierarchical operation mechanism of the project system and governance logic: A sociological analysis of the "project entering village" case. *Social Sciences in China*, (4).
16. Yuan, Mingbao. (2018). Analysis of driving mechanisms and practical problems of "rich people governing villages": Based on a study in Eastern Zhejiang. *Journal of Shanxi Agricultural University (Social Science Edition)*, (10).

Ци Сюэ,
аспирантура, МПГУ
E-mail: 3271364932@qq.com

В статье на основе теории управления исследуется эволюция модели управления высшим образованием в Китае после начала политики реформ и открытости. Анализ, опирающийся на историко-политический и институциональный подходы, выявляет траекторию перехода от жесткой этатистской модели прямого административного контроля к гибридной системе многостороннего взаимодействия. Автор выделяет три ключевых исторических этапа этой трансформации, детально рассматривая изменение ролей и логики взаимодействия основных акторов: государства, рынка и университетов. Показано, что современная китайская модель представляет собой динамически уравниваемую систему, в которой стратегическое макрорегулирование государства сочетается с конкурентными рыночными механизмами и растущей институциональной автономией вузов. В статье также систематизированы текущие системные вызовы, включая дисбаланс административной и академической власти, и намечены стратегические направления дальнейшей модернизации управления, такие как углубление правовых основ, дифференциация политики и развитие инклюзивного партнерства. Исследование вносит вклад в понимание национальных специфик трансформации управления высшим образованием в глобальном контексте.

Ключевые слова: Управление Высшим Образованием; Государственное Регулирование; Рыночные Механизмы; Автономия Университетов; Китай.

Введение

Трансформация моделей управления высшим образованием представляет собой значительный исследовательский интерес в контексте глобальных тенденций перехода от прямого государственного контроля к системам, основанным на принципах менеджериализма, автономии и многостороннего взаимодействия [1]. Международный опыт, теоретизированный в работах таких исследователей, как Кларк демонстрирует общую эволюцию от «государственно-контролируемой» к «надзорной» и далее к «рыночно-ориентированной» координации [2]. Однако специфика национальных траекторий определяется уникальным сочетанием исторических институциональных традиций, политико-экономических условий и социальных запросов.

Китайская модель управления высшим образованием, претерпевшая глубокие изменения после начала политики реформ и открытости, является ярким примером такой уникальной траектории. Её эволюция от жесткой этатистской системы к современной гибридной модели представляет собой сложный процесс перераспределения полномочий между государством, рынком и академическими институтами. Данный процесс не является простым заимствованием западных схем, а отражает поиск баланса между стратегическим государственным регулированием, внедрением рыночных механизмов для повышения эффективности и поэтапным расширением операционной и академической автономии университетов [3].

В связи с этим, центральная проблема данного исследования заключается в системном анализе логики и этапов эволюции модели управления высшим образованием в Китае, сфокусированном на динамике взаимоотношений между тремя ключевыми акторами: государством, рынком и университетами. Целью работы является выявление характерных особенностей, движущих сил и внутренних противоречий этого процесса на основе историко-политического анализа. В качестве теоретической основы используется парадигма управления, акцентирующая многосубъектность, сети взаимодействия и институциональный дизайн. Методология включает исторический анализ, анализ политических документов и институциональный подход. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении китайской модели как целостной динамической системы, находящейся в состоянии перманентной адаптации. Структура статьи следует историко-логическому принципу, последовательно рассматривая этапы эволюции, текущую архитектуру взаимодействия и перспективные направления реформирования.

Историческая эволюция моделей управления высшим образованием в Китае

В начальный период после образования Китайской Народной Республики система высшего образования функционировала в рамках жесткой административно-плановой модели. Государство выступало в роли единственного субъекта управления, осуществляя тотальный контроль над ключевыми аспектами деятельности университетов: распределением финансовых и материальных ресурсов, формированием перечня специальностей, планированием приема студентов, кадровыми назначениями. Высшие учебные заведения были полностью интегрированы в государственный административный аппарат, лишены самостоятельности в академических и управленческих вопросах [4]. Учебные планы и научно-исследовательская деятельность подчинялись задачам индустриализации и развитию народного хозяйства, что существенно ограничивало академические свободы. Яркой иллюстрацией данной модели стала общенациональная реорганизация вузов 1952 года, проведенная Министерством образования централизованно, без учета мнения академического сообщества. Этот этап можно охарактеризовать как этатистскую модель управления с доминированием прямого административного диктата.

Возобновление проведения национальных вступительных экзаменов (гаокао) в 1978 году стало катализатором реформ в системе управления образованием. Произошел постепенный переход от модели прямого государственного управления к стратегическому макрорегулированию. Важным шагом стало принятие «Постановления ЦК КПК о реформе системы образования» (1985), которое законодательно закрепило расширение операционной самостоятельности вузов [5].

Университеты получили ограниченные права в области корректировки учебных программ, проведения кадровых реформ и внедрения элементов рыночных отношений. Для снижения финансовой нагрузки на бюджет были легализованы платная форма обучения, программы дополнительного образования, коммерциализация научных разработок. Эти меры способствовали трансформации вузов из пассивных административных единиц в активных субъектов хозяйственной деятельности, ориентированных на потребности регионального развития. Однако государство сохранило контроль над стратегическими ресурсами: системой лицензирования, выдачей дипломов государственного образца и основными финансовыми потоками. Введенная в 1998 году Министерством образования модель «проектного управления» научными исследованиями символизировала переход к гибридной модели «макрорегулирование – микроавтономия», где автономия в научной сфере сочеталась с государственным регулированием приема и финансирования.

С начала XXI века, в условиях массовизации высшего образования, в Китае формируется плюралистическая модель управления, основанная на взаимодействии трех ключевых акторов: государства, рынка и академического сообщества [6]. Государственное регулирование эволюционировало в сторону косвенных методов: стратегическое планирование через национальные проекты («211», «985», «Двойной первый класс»), создание систем оценки качества образования и аккредитации, развитие правового поля (Закон о высшем образовании 1998 г., новая редакция Закона об образовании 2015 г.). Рыночные механизмы стали значимым фактором, влияющим на конкуренцию между вузами, направления научных исследований и структуру подготовки кадров. Интенсификация сотрудничества с промышленностью и коммерциализация научных результатов стимулировали инновации, но одновременно породили риски, связанные с образовательным неравенством и избыточной коммерциализацией академической среды. Внутри университетов происходят институциональные изменения, направленные на укрепление академического самоуправления: создаются и усиливаются академические советы, внедряются элементы модели управления с участием наблюдательных советов, реализуется принцип разделения административной и академической власти. В рамках инициативы «Двойной первый класс» вузы активно разрабатывают внутренние системы обеспечения качества, что способствует профессионализации управления. Таким образом, современная китайская модель управления высшим образованием представляет собой сложную динамическую систему, в которой университеты превратились из подчиненных исполнителей в активных участников процесса управления, балансирующих между государственным регулированием, рыночными сигналами и академическими ценностями.

Логика взаимодействия государства, рынка и университетов в системе высшего образования Китая

Эволюция системы управления высшим образованием в Китае раскрывает динамичную логику взаимодействия между тремя ключевыми акторами: государством, рынком и университетами. Это взаимодействие формирует основу современной модели управления, характеризующейся взаимным проникновением и системой сдержек и противовесов.

Государство сохраняет центральную роль, реализуя свои функции через три основных механизма: стратегическое планирование (национальные инициативы, такие как «Проект 211» и «Двойное первенство»), институциональное проектирование (формирование правового поля и нормативных требований) и распределение ключевых ресурсов. Данная доминирующая позиция обусловлена как историческими административными традициями, так и пониманием высшего образования как стратегического ресурса в экономике знаний. Государственное регулирование задает общие рамки развития и приоритеты [7].

Рыночные механизмы выступают в качестве инструмента повышения эффективности и адаптивности системы. Конкуренция между вузами за студентов, кадры, инвестиции и партнерства стимулирует оптимизацию внутренних процессов, ориентацию на потребности экономики и общества, а также ускоряет коммерциализацию научных результатов. Однако рыночная логика несет в себе риски, такие как усиление регионального и институционального неравенства и возможная чрезмерная коммерциализация академической деятельности.

Университеты, в свою очередь, трансформируются из пассивных исполнителей в активных субъектов управления. В рамках, заданных государством и рынком, они развивают внутреннюю автономию, укрепляя академическое самоуправление, стратегическое планирование на институциональном уровне и прозрачность внутренних процедур [8]. Расширение управленческих возможностей университетов, включая стандартизацию и профессионализацию административных про-

цессов, является критически важным элементом для формирования сбалансированной модели.

Таким образом, китайская модель представляет собой сложную, постоянно корректируемую систему отношений, в которой границы полномочий государства, сил рынка и академической автономии находятся в состоянии динамического равновесия, формируя гибридную систему «стратегическое государственное регулирование конкурентная рыночная среда ответственная университетская автономия».

Проблемы и направления политики реформирования управления высшим образованием в Китае

Несмотря на значительную эволюцию, модель управления высшим образованием Китая продолжает сталкиваться с рядом системных вызовов. Во-первых, сохраняется дисбаланс между административной и академической властью внутри университетов, где доминирование административных решений часто ограничивает автономию научно-педагогических коллективов. Во-вторых, усиление рыночной логики и погоня за экономической эффективностью могут подрывать общественную миссию образования, снижая внимание к фундаментальным исследованиям и вопросам образовательного равенства. В-третьих, наблюдается углубляющийся институциональный разрыв между университетами, входящими в элитные программы (например, «Двойной первый класс»), и региональными вузами, что проявляется в неравенстве ресурсов, управленческих компетенций и уровня стандартизации внутренних процедур [9]. Наконец, механизмы многостороннего партнерства с участием предприятий, общественных организаций и других стейкхолдеров остаются недостаточно институционализированными, а сотрудничество часто носит фрагментарный характер.

В ответ на эти вызовы политика реформ сосредоточена на нескольких стратегических направлениях. Ключевым приоритетом является углубление правовых основ управления (university governance), обеспечивающих стандартизацию, прозрачность и четкое разграничение полномочий через нормативно-правовые акты и уставы вузов. Второе направление предполагает дифференциацию политики в отношении различных типов университетов на основе классифицированного подхода, что позволит адаптировать модели управления к их специфической миссии и способствовать более рациональному распределению ресурсов [10]. Третье направление связано с оптимизацией отношений «государство – университет». Здесь акцент смещается с прямого административного контроля в сторону стратегического макрорегулирования, бюджетного планирования, основанного на результатах, и оценки качества, что призвано усилить институциональную автономию и стратегическое планирование на уровне вузов. Наконец, важно расширить участие рыночных и общественных акторов через развитие государственно-частного партнерства, интеграцию образования, науки и производства, а также привлечение представителей гражданского общества к наблюдательным и экспертно-консультативным функциям.

Таким образом, перспективная модель управления предполагает синтез правовой упорядоченности, дифференцированного подхода, сбалансированной автономии и инклюзивного партнерства. Ожидается, что реализация данных мер будет способствовать формированию современной системы управления, которая, сохраняя национальную специфику, сможет обеспечить динамическое равновесие между академическими ценностями, стратегическими государственными интересами и запросами общества и экономики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что модель управления высшим образованием в Китае прошла сложную эволюцию от этатистской системы прямого административного контроля к динамичной гибридной модели. Эта модель базируется на постоянном перераспределении полномочий и поиске баланса между тремя ключевыми силами: государственным стратегическим регулированием, рыночными механизмами и растущей институциональной автономией университетов.

Государство, сохраняя роль стратегического координатора и источника ключевых ресурсов, эволюционировало от прямого управления к макрорегулированию через инструменты планирования, законодательства и оценки качества. Рынок интенсифицировал конкуренцию и практическую ориентацию системы, повысив ее эффективность, но одновременно создав вызовы в сфере равенства и академических ценностей. Университеты, в свою очередь, трансформировались в активных субъектов управления, развивая внутренние системы саморегулирования, академическое самоуправление и стратегическое планирование.

Перспективы дальнейшей модернизации связаны с синтезом нескольких направлений: углубления правовых основ управления для обеспечения прозрачности и подотчетности; внедрения дифференцированной политики в отношении разных типов вузов; оптимизации

баланса между административной и академической властью внутри университетов; развития институционализированных форм много-стороннего партнерства с бизнесом и обществом. Успех этой трансформации будет определять способность китайской системы высшего образования обеспечивать устойчивое развитие, сочетающее национальные стратегические приоритеты, социальную справедливость, академическую свободу и инновационный потенциал, необходимый в экономике знаний.

Литература

1. Яо Ж. Национальная роль и имидж университета: международное сравнительное исследование реформы управления высшим образованием // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета. Издание по педагогическим наукам. – 2023. – Т. 41, № 5. – С. 65.
2. Головкин Н.В. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. – 2016. – № 8–9. – С. 40–47.
3. Ци Ч. Эволюционная логика и рациональный выбор политики высшего образования в Китае за 40 лет реформ и открытости // Исследования в области высшего образования. – 2018. – № 4. – С. 20–26.
4. Сюань Ю. Управление высшим образованием в Китае: построение системы, логическое исследование и перспективы на будущее // Журнал Национальной академии управления образованием. – 2015. – № 9. – С. 3–10.
5. Фань Г. Современная история реформы системы образования: 1978–2018 гг. // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета. Издание по педагогическим наукам. – 2018. – Т. 36, № 5. – С. 1–19.
6. Чжоу Г. Построение системы высшего образования с китайской спецификой: национальная стратегическая перспектива // Исследования в области высшего образования Китая. – 2020. – № 7. – С. 5–13.
7. У Д. Высшее образование: качество, обеспечение качества и культура качества // Исследования в области высшего образования Китая. – 2022. – № 9. – С. 18–24.
8. Хуан Ф. Эволюция моделей управления университетами и международные тенденции развития // Журнал образования Цинхуа. – 2024. – Т. 45, № 1. – С. 56–62.
9. Дун С. Модернизация системы оценки высшего образования в Китае: процесс, проблемы и перспективы // Журнал Юго-Западного университета. Издание по социальным наукам. – 2021. – Т. 47, № 1. – С. 104–111.
10. Ван М. Историческая эволюция, текущие дилеммы и стратегии смягчения последствий политики высшего образования в Китае // Педагогическая наука. – 2021. – Т. 37, № 2. – С. 69–74.

STATE, MARKET, AND UNIVERSITY: THE EVOLUTION OF HIGHER EDUCATION GOVERNANCE MODELS IN CHINA

Qi Xue

Moscow State Pedagogical University

This article, drawing on governance theory, examines the evolution of the higher education governance model in China since the onset of reform and opening-up. Drawing on historical, political, and institutional approaches, the analysis reveals the trajectory of transition from a rigid, statist model of direct administrative control to a hybrid system of multilateral interaction. The author identifies three key historical stages of this transformation, examining in detail the changing roles and logic of interaction among the main actors: the state, the market, and universities. It demonstrates that the contemporary Chinese model represents a dynamically balanced system in which strategic state macroregulation is combined with competitive market mechanisms and the growing institutional autonomy of universities. The article also systematizes current systemic challenges, including the imbalance of administrative and academic power, and outlines strategic directions for further governance modernization, such as deepening legal foundations, policy differentiation, and the development of inclusive partnerships. This study contributes to a better understanding of the national specifics of higher education governance transformation in a global context.

Keywords: Higher Education Governance; Government Regulation; Market Mechanisms; University Autonomy; China.

References

1. Yao J. National Role and Image of the University: An International Comparative Study of Higher Education Governance Reform // Journal of East China Normal University. Edition on Pedagogical Sciences. – 2023. – Vol. 41, No. 5. – P. 65.
2. Golovko N.V. Third Generation University: B. Clark and J. Wiesema // Higher Education in Russia. – 2016. – No. 8–9. – P. 40–47.
3. Qi C. Evolutionary Logic and Rational Choice of Higher Education Policy in China over 40 Years of Reform and Opening-up // Research in Higher Education. – 2018. – No. 4. – P. 20–26.
4. Xuan Yu. Higher Education Governance in China: System Construction, Logical Research, and Future Prospects // Journal of the National Academy of Educational Administration. – 2015. – No. 9. – P. 3–10.
5. Fan G. Modern History of Education System Reform: 1978–2018 // Journal of East China Normal University. Publication on Pedagogical Sciences. – 2018. – Vol. 36, No. 5. – P. 1–19.
6. Zhou G. Building a Higher Education System with Chinese Characteristics: National Strategic Perspective // Research in Higher Education in China. – 2020. – No. 7. – P. 5–13.
7. Wu D. Higher Education: Quality, Quality Assurance, and Quality Culture // Research in Higher Education in China. – 2022. – No. 9. – P. 18–24.
8. Huang F. Evolution of University Management Models and International Development Trends // Tsinghua Journal of Education. – 2024. – Vol. 45, No. 1. – P. 56–62.
9. Dong S. Modernization of China's Higher Education Assessment System: Process, Problems, and Prospects // Journal of Southwest University. Social Science Edition. – 2021. – Vol. 47, No. 1. – P. 104–111.
10. Wang M. Historical Evolution, Current Dilemmas, and Mitigation Strategies of Higher Education Policy in China // Pedagogical Science. – 2021. – Vol. 37, No. 2. – P. 69–74.

Проблема концептуализации идеологии, как философской единицы в контексте современного общественного бытия

Бабанин Владислав Дмитриевич,

аспирант Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

E-mail: vladislav.menitil@yandex.com

В статье рассматривается проблема концептуализации идеологии как философской категории в контексте современного общественного бытия. Анализируется широкий спектр трактовок понятия «идеология» в философии и социальных науках – от рационалистической «науки об идеях» Антуана Дестюта де Траси до критической концепции «ложного сознания» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, функционалистского подхода Эмиля Дюркгейма, интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца и постструктуралистских интерпретаций Мишеля Фуко. Особое внимание уделяется вкладу Франкфуртской школы, Карла Мангейма и Луи Альтюссера, которые по-новому осмыслили роль идеологии в воспроизводстве социальных отношений и формировании субъективности. В работе подчеркивается, что идеология выступает не только как совокупность идей или политических доктрин, но и как универсальный механизм символического упорядочивания, обеспечивающий связь индивидуального сознания с коллективным бытием. Рассматриваются современные вызовы, связанные с глобализацией, цифровизацией, ростом идеологической поляризации, распространением потребительских установок и усилением культурной гегемонии. Делается вывод о том, что идеология сохраняет фундаментальное значение для понимания социальных процессов, легитимации власти и перспектив построения устойчивого общества, а её философское осмысление требует междисциплинарного подхода, объединяющего философию, социологию, политологию и культурологию.

Ключевые слова: идеология; философия; общественное бытие; мировоззрение; власть; социальные институты; глобализация; критическая теория.

Введение

В современном социально-философском дискурсе феномен идеологии занимает особое место, поскольку он одновременно отражает и формирует структуру общественного бытия. Идеология выступает не только как совокупность идей и ценностных установок, но и как сложный механизм воспроизводства социальных отношений, легитимации власти и конструирования коллективных идентичностей. Однако даже так, её онтологический статус останется неопределённым: остаётся открытым вопрос, является ли идеология вторичной надстройкой над материальными отношениями или же самостоятельным модусом бытия идей, обладающим собственными законами существования и развития. Таким образом многозначность и концептуальная размытость этого понятия порождают фундаментальную проблему: несмотря на богатую историю философских и социологических интерпретаций, отсутствует единое, универсально признанное определение идеологии, что затрудняет её использование в качестве строгой аналитической категории. Эта неопределённость требует углублённого философского анализа, направленного на выявление сущностных характеристик идеологии, её функций в современном обществе и методологических оснований для её концептуализации в рамках междисциплинарного исследования.

В философской литературе представлен широкий спектр трактовок понятия «идеология», отражающий различные теоретические ориентации и исторические контексты. От понимания идеологии как рациональной «науки об идеях» в эпоху Просвещения, предложенного Антуаном Дестютом де Траси [1], к критической концепции «ложного сознания» Карла Маркса и Фридриха Энгельса [2] и до постструктуралистской деконструкции идеологических смыслов – философская мысль прошла долгий путь в осмыслении сущности идеологии.

Актуальность философского исследования идеологии в наши дни обусловлена не только её возрастающей ролью в формировании общественного сознания и политической повестки дня, но и новыми вызовами, связанными с развитием информационных технологий, глобализацией и поляризацией общества. Понимание сущности и механизмов действия идеологий становится критически важным для критического осмысления социальных и политических процессов, противостояния дезинформации и манипуляции, а также для формирования осознанной гражданской позиции и построения справедливого и устойчивого общества. Целью данного исследования является углублённое философское осмысление концепта «идеология», выявление его многогранной роли в современном обществе и определение его значения для понимания человеческого бытия.

Таким образом объектом данного исследования автор считает необходимым указать собственно идеологию как явление человеческой жизни. А предметом в таком случае выступит теоретическая концептуализация идеологии в философской науке.

Основная часть

Истоки современного понимания идеологии восходят к эпохе Просвещения. Антуан Дестют де Траси, французский философ и один из основоположников этого термина, видел в идеологии своего рода «науку об идеях» [1]. В своем главном труде «Основы идеологии» (*Éléments d'idéologie*) он стремился разработать рациональную методологию для изучения происхождения, развития и взаимосвязи идей. Дестют де Траси полагал, что такая наука могла бы стать основой для совершенствования человеческого разума, улучшения образования и создания более справедливого и рационального общественного устройства. Его подход был тесно связан с просветительской верой в силу разума и возможность построения общества на основе научных принципов. Другой классик, уже английской философии, Томас Гоббс считал, что идеология необходима для создания сильной центральной власти, которая может поддерживать порядок и предотвращать хаос и анархию [3].

Однако уже в середине XIX века понятие «идеология» приобрело совершенно иное, преимущественно критическое значение благодаря работам Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В их совместном труде «Немецкая идеология», написанном в середине 1840-х годов, идеология рассматривается как форма ложного сознания, обусловленная

материальными условиями жизни общества, а именно способом производства [2]. Согласно марксистскому анализу, в любом обществе существует базис (экономическая структура) и надстройка (политические, юридические, культурные и идеологические институты). Идеология относится к надстройке и представляет собой систему идей, взглядов, представлений и ценностей, которая не является независимой, а определяется базисом.

Маркс и Энгельс утверждали, что господствующий в обществе класс, владеющий средствами производства, производит не только материальные блага, но и господствующие идеи. Эти «господствующие идеи» становятся идеологией, которая отражает интересы этого класса, но выдается за всеобщие и вечные истины. Цель такой идеологии – легитимировать существующий социальный порядок, скрыть эксплуатацию и поддерживать доминирование правящего класса [2]. Например, идеология индивидуализма и свободной конкуренции в капиталистическом обществе может затушевывать системные факторы, приводящие к неравенству и бедности, представляя успех или неудачу как результат исключительно личных усилий. Таким образом, идеология, по Марксу и Энгельсу, является не просто заблуждением, а необходимым элементом воспроизводства, в частности, капиталистических отношений.

Альтернативное понимание идеологии в XIX веке предложил немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер, чьи взгляды во многом предвосхищали культурно-антропологический подход к общественным явлениям. Для него идеология представляла собой совокупность идей, ценностей и культурных ориентиров, формирующих мировоззрение и поведение людей. Гердер связывал идеологию с «Духом народа», выражающим уникальные особенности языка, традиций и исторического опыта каждой общности [4]. В этом понимании идеология выступает не только как средство объяснения социальной реальности, но и как фактор культурного самоопределения и сохранения идентичности. Такой подход позволил рассматривать идеологию как позитивный фактор культурного и социального становления, что существенно расширило спектр её философских интерпретаций и подготовило почву для дальнейших исследований в области социологии знания и культурной антропологии.

В XX веке Эмиль Дюркгейм, представитель функционализма, рассматривал идеологию, особенно в её ранних формах, таких как религия, как важнейший фактор социальной интеграции [5]. Он утверждал, что общие верования, ритуалы и символы, составляющие религиозную идеологию, способствуют формированию коллективного сознания, укрепляют социальные связи и регулируют поведение индивидов. Концепция «коллективных представлений» Дюркгейма во многом перекликается с пониманием идеологии как разделяемой системы значений и ценностей.

Но уже Карл Мангейм, один из основоположников социологии знания, в своей работе «Идеология и утопия» [6] смог, как кажется, взглянуть на наш объект с онтологической стороны. Он различил «частичную» и «тотальную» идеологию. Частичная в данном случае представляет собой систему идей, используемую определенной группой для защиты своих интересов; тотальная идеология, или «мировоззрение», является более широкой и глубокой системой представлений, характерной для целой эпохи или социальной группы, часто неосознаваемой ее членами. Мангейм также ввел понятие «утопии», которая, в отличие от идеологии, ориентирована на будущее и стремится к радикальному изменению существующего порядка. Он исследовал связь между идеологическими ориентациями и социальным положением, показывая, как различные социальные группы могут иметь различные «перспективы знания», влияющие на понимание мира.

Американский антрополог Клиффорд Гирц предложил интерпретативный подход к изучению культуры, в рамках которого идеология рассматривается как культурная система или «символический шаблон». В своей статье «Идеология как культурная система» [7] Гирц утверждает, что идеологии представляют собой упорядоченные системы символов, которые обеспечивают индивидов и группы ориентацией в социальном мире, придают смысл их опыту и легитимируют определенные социальные порядки. Он подчеркивал важность анализа конкретных символов, ритуалов и нарративов для понимания того, как идеологии работают на практике. Его концепция «плотного описания» (thick description) предполагает глубокое погружение в культурный контекст для интерпретации значений, которые люди придают своим действиям и убеждениям.

С точки зрения известного философа-постструктуралиста Мишеля Фуко, идеология понимается прежде всего, как неотъемлемая часть властных отношений. Фуко анализировал, как знание и власть переплетаются, формируя дискурсы, которые, в свою очередь, определяют, что считается истинным и ложным, нормальным и отклоняющимся

от нормы [8]. Идеология, в данном случае, становится не просто системой идей, а начинает пронизывать все социальные практики и институты, легитимизируя определенные формы власти и подчинения. При этом, Фуко подчеркивал, что власть не является чем-то, что принадлежит какой-то определенной группе или индивиду – она скорее неравномерно распределена по социальному полю в целом.

Таким образом, если сама власть стремится к тому, чтобы ее существование и действия воспринимались как законные и обоснованные, то идеологии предоставляют для этого моральные и философские основания. Например, демократическая идеология легитимирует власть через принципы народного суверенитета, представительства и верховенства закона. Авторитарные идеологии могут обосновывать неограниченную власть необходимостью порядка, стабильности или национальной идеи. Идеологии, базирующиеся на религии, легитимируют власть через божественное право или догматы. Однако, постструктуралистские подходы в целом ставят под сомнение существование единой, всеобъемлющей идеологии и фокусируются на множественности дискурсов и властных отношений, которые формируют идеологические образования в конкретных исторических и социальных контекстах.

Так, Жак Деррида, основоположник деконструкции, предложил философский метод, который может быть использован для критического анализа идеологических текстов и дискурсов. Деконструкция направлена на выявление внутренних противоречий, скрытых предпосылок и иерархических оппозиций, лежащих в основе любого текста. Применяя деконструкцию к идеологическим текстам, можно показать, как они конструируют определенные значения и исключают другие, как они создают бинарные оппозиции (например, «мы» и «они», «цивилизованный» и «варварский») и как они привилегируют один полюс этой оппозиции над другим. В частности, Деррида описывал свой концепт так: «Деконструкция не является ни анализом, ни критикой, ни методом: это скорее вопрос о том, чтобы поставить под вопрос самые основы, на которых строится смысл» [9, с. 43].

К подобным выводам, но в иной области знания приходит и социальный психолог Джонатан Хайдт в своей работе «Праведный разум: Почему хорошие люди разделены политикой и религией» [10]. Он, исследуя психологические корни политических и моральных идеологий, выделяет несколько универсальных моральных оснований (например, забота/вред, справедливость/обман, лояльность/предательство, авторитет/подрыв, святость/осквернение) и показывает, как различные идеологии отдают приоритет разным наборам этих оснований.

Идеологии, взаимодействуя с социумом, оказывают значительное влияние прежде всего на политическое поведение граждан: формируя их политические предпочтения, влияя на участие в выборах, протестах и других формах политической активности. Но более того – в современном мире мы вновь наблюдаем усиление идеологической поляризации: позиции различных политических групп становятся все более непримиримыми, что зачастую затрудняет политический диалог и принятие компромиссных решений.

Важной для понимания влияния идеологии на политическую сферу является концепция гегемонии, разработанная итальянским марксистом Антонио Грамши [11]. Грамши утверждал, что господствующий класс поддерживает свою власть не только через прямое принуждение (аппарат государства), но и через культурную гегемонию, то есть через доминирование определенной системы идей, ценностей и убеждений, которые становятся «здоровым смыслом» общества и воспринимаются как естественные и неизбежные. Эта идеологическая гегемония обеспечивает согласие подчиненных классов с существующим порядком вещей. То есть, согласно Грамши, посредством идеологий определяются социальные нормы и ценности общества, устанавливаются стандарты поведения и моральные ориентиры. Но идеологии, могут как закреплять традиционные нормы, так и наоборот – способствовать их разрушению, становясь движущей силой общественных движений. Движения за гражданские права, феминизм, экологическое движение и многие другие опираются на определенные идеологические основания, которые помогают их участникам сформулировать своё понимание причин социального неравенства, сформировать цели и мобилизоваться для коллективных действий. В таком случае именно идеология предоставляет фреймворк для интерпретации социального опыта и определения стратегий борьбы за социальные изменения.

Также, приняв во внимание акценты марксистской материалистической философии, мы увидим, что идеология играет решающую роль в обосновании и поддержании различных экономических систем, одновременно становясь оправданием экономического неравенства и социального расслоения. Идея меритократии, составляющую основу многих современных (в основном либеральных) идеологий утверждает, что успех в экономике и обществе является результатом

индивидуальных способностей, таланта и трудолюбия. Эта идеология может использоваться для объяснения и легитимации различий в доходах и социальном статусе. Однако критики меритократии указывают на то, что она часто игнорирует влияние структурных факторов, таких как происхождение, образование и социальные связи, которые также играют значительную роль в определении жизненных возможностей. То есть, идеологии, при определённых обстоятельствах, могут маскировать или рационализировать несправедливое распределение благ и ресурсов.

Критическая теория, развивавшаяся представителями Франкфуртской школы, такими как Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, продолжила марксистскую критику идеологии в контексте развития капитализма и массовой культуры. В своей совместной работе «Диалектика Просвещения» [12] они анализировали, как «культурная индустрия» (кино, радио, телевидение) производит стандартизированные культурные продукты, которые распространяют определенные идеологические сообщения, способствующие конформизму и подавлению критического мышления. Они утверждали, что массовая культура не предлагает подлинного развлечения или просвещения, а скорее служит инструментом идеологического контроля, отвлекая людей от реальных социальных проблем. Адорно писал: «Культурная индустрия сознательно интегрирует своих потребителей сверху. Разделение на высокое и низкое искусство, основанное на различиях в восприимчивости, разрушается под давлением ее собственного интереса. Однако существует лишь одно искусство – коммерческое» [12, с. 98].

Хорошим примером здесь становится идеология потребления, играющая всё большую роль в современном обществе. В угоду экономическим интересам всё шире продвигается идея о том, что приобретение товаров и услуг является основным источником счастья, благополучия и социального статуса. Потребительство поддерживается мощной индустрией рекламы и маркетинга и оказывает глубокое влияние на поведение людей, их ценности и образ жизни. В свою очередь всё громче слышны голоса противников этой новой идеологии, указывающие на её связь с экологическими проблемами, ростом долговых обязательств и общим снижением уровня удовлетворенности жизнью в обществе. Таким образом мы наблюдаем генезис нового, имеющего идеологическую почву, конфликта, который при этом глубоко затрагивает не только жизнь человеческого сообщества, но и всю биосферу Земли.

Об идеологии в контексте глобального капитализма, неокOLONиализма и других форм власти говорят также современные неомарксисты. Они исследуют, как идеологические конструкции поддерживают и воспроизводят существующие отношения эксплуатации и неравенства на международном уровне [13]. Более углублённый подход предложил Славой Жижек, современный словенский философ, развивающий лакановско-марксистский подход к пониманию идеологии. В своих работах он утверждает, что идеология – это не просто набор ложных представлений, а скорее фантазм, который структурирует нашу социальную реальность. Мы верим в идеологию не потому, что она истинна, а потому, что она позволяет нам справляться с фундаментальными противоречиями и травмами социального бытия. Жижек вводит понятие «идеологического симптома», который представляет собой элемент идеологии, указывающий на ее внутренние противоречия и скрытые желания [14]. Он утверждает, что даже когда мы осознаем ложность определенных идеологических утверждений, мы все равно продолжаем действовать в соответствии с ними на бессознательном уровне. Так, например помимо потребительской идеологии, сегодня в Западном мире большую значимость приобрела идея «идентичности», пользуясь которой различные социальные группы артикулируют свои специфические интересы и требования, основанные на их самоидентификации (расовой, этнической, гендерной, сексуальной и т.д.). В целом эта идеология направлена на борьбу с дискриминацией и маргинализацией, а также на достижение признания и расширения влияния для различных социальных групп.

Другой автор – Жан-Поль Сартр – рассматривая идеологию с экзистенциалистской точки зрения, подчеркивал её способность ограничивать человеческую свободу и ответственность. Его концепция «дурной веры» [15] описывает ситуацию, когда индивиды принимают навязанные им идеологические рамки, чтобы избежать тревоги, связанной с необходимостью свободного выбора. В последние десятилетия в целом среди учёных все большее внимание уделяется когнитивным и психологическим аспектам идеологии. Исследования показывают, что различные когнитивные искажения играют важную роль в формировании и поддержании идеологических убеждений [16]. Подобным примером является подтверждающее смещение – тенденция отдавать предпочтение информации, подтверждающей существующие убеждения или гипотезы. В большинстве случаев человек не склонен

затрачивать излишнее время и ресурсы организма на глубокий анализ получаемой им информации и сопоставление её с имеющимся опытом (за исключением, может, сферы своего профессионального интереса). К тому же признание собственной неправоты может вступать в конфликт с подсознательным эго (как Я мог быть не прав?). Таким образом нам проще подтвердить уже сделанные выводы, чем бесконечно подвергать сомнению убеждения и начинать всё с чистого листа.

Достаточно всеобъемлющая идеология, служа одной из важных форм идентичности и предоставляя человеку чувство принадлежности к определенной группе (я-мы – коммунисты; феминисты; сионисты и т.д.) даёт ощущение смысла и цели в жизни и обеспечивая психологическую безопасность и уверенность в понимании мира. В условиях неопределенности и социальных изменений идеология может предлагать простые и понятные ответы на сложные вопросы, снижая уровень тревожности и психологического дискомфорта. Однако тут возникает так называемое внутригрупповое смещение, т.е. склонность отдавать предпочтение членам своей группы. Оно способствует формированию идеологической лояльности, ведь людям проще довериться членам собственной группы, как бы «похожим на них самим» [16]. При этом мы можем подсознательно начинать негативно относиться к представителям других групп.

Мы приходим к тому, что помимо условно центристского эффекта, распространяемого идеологией – легитимации и объединения общества, она несёт и явственно центробежные, конфликтные тенденции, при чём как внутри отдельных обществ, так и при их взаимодействии между собой. Ярчайшим примером здесь может выступить Холодная война, когда весь мир стал полем глобального противостояния между капиталистической и коммунистической идеями. Но и внутри стран идеологические разногласия могут приводить к социальным волнениям, политической нестабильности и даже гражданским войнам. Здесь двойственным примером может стать идеология национализма, заложившая основу глобального миропорядка ещё в XVIII–XIX веках (последний в исторической науке получил название «век национализма»). Она безусловно способствует национальной сплоченности, но также становится источником ксенофобии и конфликтов с другими нациями и культурами.

Отбрасывая свою тень на социум, «идеология» не могла не укорениться и в сфере культуры, оказывая сильное влияние на производство и потребление культурных продуктов. Очень часто, иногда даже неосознанно, деятели искусства становятся субъектом идеологической пропаганды: социально ориентированная литература и кино могут поднимать острые общественные проблемы и, либо бросать вызов доминирующим идеологиям, либо подкреплять уверенность общества в маргинальности оппозиционных взглядов, а контркультурные движения в музыке и искусстве, подпитываемые идеологическим порывом, могут выражать протест против общепринятых норм и ценностей. Здесь мы вновь вспоминаем о концепции культурной гегемонии Грамши: ведь если доминирующие идеологии становятся настолько укорененными в культуре, то начинают восприниматься как естественные и само собой разумеющиеся. Это восприятие будет способствовать поддержанию существующего социального порядка, а культурные институты, такие как система образования, религиозные организации и средства массовой информации, начинают играть важную роль в воспроизводстве гегемонии [11].

Луи Альтюссер, развивая критический подход к идеологии, в своей работе «Идеология и идеологические аппараты государства (заметки к исследованию)» предложил структурный марксистский взгляд к пониманию идеологии. Он утверждал, что идеология представляет собой «воображаемое отношение индивидов к их реальным условиям существования». Согласно ему, идеология не является просто ложным сознанием, а скорее структурирует сам способ, которым мы воспринимаем мир и свое место в нем. Альтюссер выделил «идеологические аппараты государства» (ИАГ), к которым он также относил школу, семью, средства массовой информации, религию и искусство. ИАГ в отличие от «репрессивных аппаратов государства» (РАГ) (армия, полиция, тюрьмы), функционируют преимущественно через идеологию, формируя субъективность индивидов и обеспечивая воспроизводство существующих социальных отношений [17].

Конечно, ключевую роль на сегодняшний день в распространении и воспроизводстве идеологий играют прежде всего средства массовой информации. Традиционные СМИ (телевидение, радио, газеты) и новые медиа (интернет, социальные сети) являются мощными каналами не только для трансляции определенных взглядов, но и интерпретаций событий. Концепции установления повестки дня (agenda-setting) и фреймирования (framing) показывают, как медиа могут влиять на то, какие вопросы воспринимаются как важные, и как они впоследствии интерпретируются аудиторией [18]. Существование медиа-

предвзятости, связанной с идеологическими ориентациями владельцев СМИ или журналистов, также может оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения. В противовес этому, Юрген Хабермас, представитель современной критической теории, развивает концепцию публичной сферы как пространства для рациональной дискуссии и формирования общественного мнения. В своей работе «Структурное преобразование публичной сферы» [19] он анализирует историческое развитие публичной сферы и отмечает, как идеологические факторы могут исказить коммуникацию и препятствовать достижению рационального консенсуса. Хабермас подчеркивает важность коммуникативного действия, основанного на взаимопонимании и аргументации, в противовес идеологической манипуляции и догматизму.

Но всё же пока идеология остаётся одним из столпов в формировании общественного мнения. Она предоставляет людям готовые интерпретационные рамки для понимания сложных социальных и политических вопросов. Идеологические убеждения могут определять то, как люди воспринимают и оценивают информацию, а также их отношение к различным социальным группам и проблемам. В эпоху цифровых технологий феномен идеологических эхо-камер и фильтрующей становится все более распространенным, когда люди оказываются окружены информацией, подтверждающей их существующие убеждения, что может усиливать поляризацию и затруднять критическое мышление. Так, автор философской работы «Истоки самости: Исследование современной идентичности» канадец Чарльз Тейлор, размышляя в рамках герменевтического подхода, указывает на особую роль идеологии в формировании «социального воображаемого» [20]. Социальное воображаемое, по Тейлору, представляет собой совокупность способов, которыми люди представляют себе свою социальную жизнь, свои отношения друг с другом, свои ожидания и более глубокие моральные и духовные основы своего коллективного существования. Идеология, в этом контексте, является важной составляющей социального воображаемого, предоставляя общие нарративы, образы и понимание того, как устроен мир и как следует в нем действовать. Тейлор считает, что идеология не просто отражает существующий порядок, а непосредственно участвует в его становлении, формируя определенные образцы мышления и поведения, а также влияя на наше самосознание и самоопределение.

Важную роль в герменевтическом осмыслении идеологии играет также Поль Рикёр. В своих работах, таких как «Лекции по идеологии и утопии» [21], Рикёр рассматривает идеологию как форму «символической медиации», которая одновременно искажает и упорядочивает социальную реальность. Он утверждает, что идеология функционирует на уровне интерпретации и нарратива, предоставляя легитимирующие истории и объяснения для существующих социальных порядков. Рикёр также подчеркивает диалектическую связь между идеологией и утопией: если идеология стремится сохранить существующий порядок, то утопия предлагает альтернативные, часто радикальные видения будущего, бросая вызов идеологическим ограничениям. По мнению Рикёра, обе эти формы символического мышления необходимы для динамики социального развития. Анализируя Карла Мангейма, он пишет: «Идеология и утопия находятся в диалектическом отношении, где идеология служит для легитимации существующего порядка, а утопия предлагает его радикальную критику и альтернативу». [21, с. 166].

Выводы

Философское осмысление концепта «идеология», как показало проведенное исследование, представляет собой непрерывный и многогранный процесс, отражающий сложность и динамизм самого феномена. От первоначального понимания идеологии как рациональной науки об идеях у Дестют де Траси до современных критических, когнитивных, постструктуралистских и герменевтических подходов, философская мысль стремится раскрыть сущность, функции и влияние идеологии на человеческое бытие и общественное устройство.

Разнообразие философских подходов подчеркивает отсутствие универсального определения идеологии, что демонстрирует её глубокую укоренённость в различных сферах человеческой деятельности. Это не только свидетельствует о сложности изучаемого феномена, но и подчеркивает необходимость выработки объективного и всеобъемлющего философского понимания «идеологии» и её роли в современном обществе.

Анализ данной роли демонстрирует глубокое влияние идеологии на политику, экономику, социальную сферу и культуру, на формирование индивидуального и коллективного сознания. Идеология конструирует наши взгляды на мир, наши ценности и убеждения, определяя наше отношение к себе и другим людям. Она может способствовать социальной сплоченности и достижению общих целей, но также может быть инструментом манипуляции, подавления и источником конфликтов.

Итак, говоря о концепте идеологии, в философском, т.е. в самом широком социальном смысле, мы приходим к выводу, что это – комплексная система идей, ценностей, символов и представлений, которая:

- формирует мировоззрение индивидов и коллективов;
- задаёт рамки интерпретации социальной реальности;
- легитимирует и воспроизводит существующие формы власти, социальные отношения и культурные практики;
- выступает как средство интеграции общества, но одновременно может быть источником конфликтов и поляризации;
- действует не только как сознательно артикулированная доктрина, но и как скрытая структура мышления и восприятия, определяющая способы понимания человеком самого себя и своего места в мире.

Таким образом идеология – это не просто набор идей или политическая программа, а универсальный символический механизм социального бытия.

И переходя к более конкретному философскому определению: идеология представляет собой целостную и многослойную систему идей, ценностей, символов и представлений, которая структурирует восприятие социальной реальности, формирует мировоззрение индивидов и коллективов, легитимирует и воспроизводит существующие формы власти, социальные отношения и культурные практики. Она выступает не только как совокупность доктринальных установок, но и как скрытый механизм символического упорядочивания, обеспечивающий связь индивидуального сознания с коллективным бытием и тем самым выполняющий фундаментальную функцию воспроизводства общества в его исторической динамике. Именно такое, хотя и несколько раздутое, но наиболее полное и точное определение автор считает подходящим объекту нашего исследования.

В заключение следует подчеркнуть непреходящую актуальность философского анализа идеологии в современном мире. В условиях информационного общества, характеризующегося многообразием идеологических нарративов и высокой скоростью их распространения, критическое осмысление идеологических конструкций является необходимым условием для формирования зрелого и ответственного гражданского общества. Философское исследование помогает нам выявлять скрытые предпосылки, оценивать последствия идеологических установок и стремиться к более глубокому и объективному пониманию социальной реальности.

Литература

1. Дестют де Траси А. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2013.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии... — М., 1955.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. — СПб.: Азбука, 2022. — 704 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. — М.: Наука, 1977. — 703 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр., послесл. Л.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с.
6. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени / пер. с нем. — М.: Юрист, 1994.
7. Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / ed. D. Apter. — New York, 1964.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. — СПб.: Acad, 1994.
9. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2007. — 160 с.
10. Хайт Дж. Праведный разум: Почему хорошие люди разделены политикой и религией / пер. с англ. Н.Н. Цветаевой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
11. Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3 / пер. с ит. И.Я. Бондарчука. — М., 1959. — 269 с.
12. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. — М.: Медиум, 1997. — 310 с.
13. Горелов А. А., Горелова Т.А. Капиталистическая идеология и политическая культура в формате глобального неокOLONIALИЗМА // PolitBook. — 2015. — № 3. — С. 53–61.
14. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. — М.: Художественный журнал, 1999. — 114 с.
15. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason / transl. by A. Sheridan-Smith. — London: Verso, 2004. — 808 p.

16. Попов А. Ю., Вихман А.А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология // Психология. Психофизиология. – 2014. – № 1.

17. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation) / transl. by B. Brewster. – New York: Monthly Review Press, 1971. – P. 127–186.

18. Scheufele D. A., Tewksbury D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models // Journal of Communication. – 2007. – Vol. 57, № 1. – P. 9–20.

19. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.Л. Кузнецова. – М.: Весь Мир, 2016.

20. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. – 576 p.

21. Рикёр П. Лекции по идеологии и утопии / пер. с англ. Д.А. Крапечкина. – М.: Республика, 2002.

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING IDEOLOGY AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIAL EXISTENCE

Babanin V.D.

Plekhanov Russian University of Economics

The article addresses the problem of conceptualizing ideology as a philosophical category within the framework of contemporary social existence. It explores the diverse interpretations of the concept of «ideology» in philosophy and the social sciences, ranging from Antoine Destutt de Tracy's rationalist notion of a «science of ideas» to Karl Marx and Friedrich Engels' critical concept of «false consciousness», Émile Durkheim's functionalist approach, Clifford Geertz's interpretive anthropology, and Michel Foucault's poststructuralist perspective. Particular attention is given to the contributions of the Frankfurt School, Karl Mannheim, and Louis Althusser, who redefined the role of ideology in reproducing social relations and shaping subjectivity. The article emphasizes that ideology should be understood not merely as a set of ideas or political doctrines, but as a universal mechanism of symbolic ordering that links individual consciousness with collective existence. Contemporary challenges such as globalization, digitalization, ideological polarization, consumerist values, and cultural hegemony are also examined. The conclusion highlights that ideology remains fundamental for understanding social processes, legitimizing power, and envisioning sustainable societal development, while its philosophical analysis requires an interdisciplinary approach that integrates philosophy, sociology, political science, and cultural studies.

Keywords: ideology; philosophy; social existence; worldview; power; social institutions; globalization; digitalization; critical theory; cultural hegemony.

References

1. Destutt de Tracy A. The Elements of Ideology. Moscow: Akademicheskii Proekt; Alma Mater, 2013.
2. Marx K., Engels F. The German Ideology: Critique of Modern German Philosophy. Moscow, 1955.
3. Hobbes T. Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. St. Petersburg: Azbuka, 2022. 704 p.
4. Herder J.G. Ideas for the Philosophy of the History of Humanity. Moscow: Nauka, 1977. 703 p.
5. Durkheim É. The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method. Moscow: Nauka, 1990. 575 p.
6. Mannheim K. Ideology and Utopia. Diagnosis of Our Time. Moscow: Jurist, 1994.
7. Geertz C. Ideology as a Cultural System. In: Apter D. (ed.) Ideology and Discontent. New York, 1964.
8. Foucault M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. St. Petersburg: Acad, 1994.
9. Derrida J. Positions. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2007. 160 p.
10. Haidt J. The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2013.
11. Gramsci A. Prison Notebooks. Vol. 3. Moscow, 1959. 269 p.
12. Adorno T. W., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments. Moscow: Medium, 1997. 310 p.
13. Gorelov A. A., Gorelova T. A. Capitalist Ideology and Political Culture in the Format of Global Neocolonialism. PolitBook. 2015. № 3. P. 53–61.
14. Žižek S. The Sublime Object of Ideology. Moscow: Khudozhestvenny Zhurnal, 1999. 114 p.
15. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. London: Verso, 2004. 808 p.
16. Popov A. Yu., Vikhman A.A. Cognitive Biases in Decision-Making: A Scientific Problem and a Humanitarian Technology. Psychology. Psychophysiology. 2014. № 1.
17. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation). New York: Monthly Review Press, 1971. P. 127–186.
18. Scheufele D. A., Tewksbury D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models. Journal of Communication. 2007. Vol. 57, № 1. P. 9–20.
19. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves Mir, 2016.
20. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 576 p.
21. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. Moscow: Respublika, 2002.

Деконструкция проблемы тождества личности в рамках конститутивного редукционизма Д. Парфита

Галухин Андрей Владимирович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: Galukhin.AV@rea.ru

В статье представлена аналитическая экспозиция понятий и принципов редукционистского проекта Дерека Парфита, нацеленного на постметафизическую деконструкцию классической проблемы тождества личности. Рассматривается аргументация, демонстрирующая метафизическую иллюзорность субстанциальных онтологизаций человеческого Я, – в этой перспективе метафизические теории, основанные на интуиции о существовании базового факта тождества, замещаются имперсональной онтологией, редуцирующей «Я» к комплексу отношений психологической связанности и непрерывности («Отношения R» в интегральном обозначении Парфита). Исследуются представленные Парфитом основания для вывода о том, что фундаментальной значимостью обладает не тождество личности как таковое, а сохранение Отношения R, что влечет экзистенциальные и этические следствия, обобщаемые на уровне концепта «освобождения от Я». В рамках компаративистской экспозиции концепция Парфита сопоставляется с альтернативными моделями деконструкции субстанциальных форм тождества, выходящими за рамки классической менталистской парадигмы – с концепцией Д. Деннета, определяющей самость как «центр нарративной гравитации», и концепцией Э.В. Ильенкова, определяющей личность через форму деятельной субъектности в ансамбле общественных отношений. Артикулированы векторы критики концепции Парфита и выявлены ее системные ограничения.

Ключевые слова: аналитическая философия, тождество личности, метафизика, субстанциальное Я, ментализм, редукционизм, психофизическая непрерывность, событийно-реляционная онтология, единство агентности, освобождение от Я, темпоральность, интерсубъективность, моральная ответственность.

Введение

Современный аналитический поворот к метафизике, знаменующий реабилитацию фундаментальных онтологических вопросов, находит свое особенное воплощение в переосмыслении проблемы тождества личности, унаследованной от философии Нового времени и получившей новое содержание в дискурсе аналитической философии, предлагающей не только концептуально эвристические решения, но иницирующей также сдвиги в самих основаниях постановки такого рода проблем, представляющих наследие философской классики. Деконструируя категориальные основания классических философских систем, аналитическая философия походит к проблеме тождества личности с новых – критически выверенных позиций, опирается на строгие методы концептуального анализа и онтологического моделирования, развивая многослойную аргументацию, ставшую основой пост-классического реформирования метафизических дискурсов, для которых проблемы такого рода служат своеобразными (перефразируя Д. Деннета) «точками рефлексивной гравитации».

В работе представлен анализ концептуальных оснований радикальной постметафизической деконструкции классической проблемы тождества личности в философской теории Дерека Парфита; исследуется аргументация, демонстрирующая метафизическую иллюзорность субстанциальных онтологизаций человеческого Я, раскрываются экзистенциальные и этические импликации конститутивно-реляционного редукционизма, с позиций которого Парфит теоретически обосновывает замещение субстанциального тождества отношениями психологической связанности и непрерывности («Relation R») и выводит из этого замещения нормативные следствия, преобразующие традиционные категории моральной ответственности, справедливости и личных обязательств, которые приобретают новый смысл в отношении того что действительно является значимым в перспективе человеческого выживания и жизнеутверждения.

Методологический фундамент: реляционный редукционизм и деконструкция «особой реальности» Я

Основная интенция аналитического подхода Парфита состоит не том, чтобы эксплицировать основания для отрицания феномена тождества личности как такового, но в том, чтобы переосмыслить принцип конституирования и сохранения персональной идентичности, редуцируя формы ее реализации к набору более базовых элементов, которые не предполагают существования некоего далее не анализируемого «предлежащего факта» – особой реальности, представляющей единство и непрерывность *самости* как особой, отдельно существующей сущности, которая удовлетворяет условию трансцендентально-идеальной *предположенности* или субстанциальной *самотождественности* во временном потоке изменений. Традиционная интуиция о наличии такого факта, по Парфиту, оказывается не более чем метафизической иллюзией, которая, хотя и глубоко укоренена в повседневном опыте и философских размышлениях, не выдерживает строгого аналитического разбора и критики. Выступая с постметафизическими позициями, Парфит последовательно деконструирует основания классических теорий, в рамках которых обоснование получали субстанциальные и трансцендентальные трактовки тождества личности: «Мы отрицаем, что личность – это сущность, существование которой отделено от существования его мозга и тела и от наличия его опыта. И мы отрицаем, что продолжающееся существование личности – это какая-то глубокая, особая реальность, которая должна быть альтернативой «всё или ничего» и которая отличается от фактов физической и психологической непрерывности» [5, с. 341]. Вместо поиска субстанциальной формы или трансцендентальных условий тождества, Парфит предлагает альтернативный подход, в рамках которого реализуется редуктивно-реляционная онтологическая перспектива: *идентичность личности* рассматривается как *производное от комплекса отношений*, включающих психологическую и физическую *непрерывность*, которые в совокупности формируют то, что он обозначает как *Отношение R* («Relation R»).

Методологическая сила аналитического подхода Парфита особенно проявляется в использовании стратегии спектров – континуу-

ма мысленных экспериментов, в котором базовые параметры, конституирующие личность, подвергаются плавной градации. Анализируя «Психологический спектр» (где варьируется степень связанности памяти, характера и намерений), «Физический спектр» (где изменяется процент замены или степени непрерывности мозга и тела) и, наконец, их синтез в «Комбинированном спектре» (где оба параметра изменяются одновременно), Парфит ставит под сомнение интуитивное убеждение в обязательной определенности нашего тождества. Речь идет о глубинной, дорефлексивной вере в то, что для любого гипотетического сценария — будь то телепортация, фантастическая операция по пересадке мозга или радикальное преобразование психики — на вопрос «Останется ли результирующее существо мной?» должен существовать принципиально достижимый, однозначный ответ «да» или «нет». Как аргументирует Парфит, подобное требование определенности может быть оправдано лишь в рамках нередукционистской онтологии, постулирующей существование отдельной сущности, чье бытие носит дихотомический («всё-или-ничего») характер [5, с. 309]. Однако, поскольку эмпирических или логических свидетельств в пользу существования такой сущности — будь то картезианское мыслящее *res cogitans* или его аналог — не существует, претензия на абсолютную определенность тождества должна быть отвергнута как метафизически необоснованная: «В основных случаях Комбинированного Спектра вопрос о том, окажется ли результирующая личность мной, был бы пустым вопросом» [5, с. 239].

Особое значение в аргументации Парфита приобретают мысленные эксперименты, столь характерные для аналитической традиции, такие как дилемма телетранспортиции или «случай с ответвлением» — выделением побочной линии существования. В сценарии «простой телетранспортиции» мозг и тело человека уничтожаются на Земле, а на Марсе создаётся точная Реплика, обладающая всеми его воспоминаниями и психологическими чертами. Парфит отмечает, что в этом случае многие готовы поверить, что «путешествие» состоялось, и Реплика — это и есть он сам. Однако в усложнённом варианте — «случае с ответвлением» — исходный человек не уничтожается мгновенно. Он остаётся умирать на Земле (на «ветви»), в то время как его Реплика начинает жить на Марсе. Прямое общение между ними делает интуитивно ясным, что это два разных человека, несмотря на полное *качественное* сходство. Моделируя ситуации такого рода, Парфит ставит под сомнение саму идею о том, что выживание в телетранспортиции (через создание Реплики) радикально лучше обычной смерти [5, с. 200–201]. Главный провокационный тезис Парфита заключается в том, что такое выживание через Реплику — при условии сохранения психологической связности — *примерно столь же ценно*, как и обычное физическое выживание. Чтобы обосновать это положение, он проводит фундаментальное различие между *качественным* и *нумерическим* тождеством: Реплика может быть ему точным подобием, но не будет численно тем же самым существом. Однако для нашего практического интереса к собственному будущему, утверждает Парфит, ключевую роль играет не метафизическое (субстанциально-нумерическое) тождество, а степень *психологической связности и непрерывности*. В этих модельных ситуациях, где физическая и психологическая непрерывность оказываются рассогласованными, традиционный вопрос «Останусь ли я тем же?» обнаруживает свою семантическую пустоту, поскольку за ним не стоит реальной онтологической дилеммы, а лишь два различных описания одного и того же набора эмпирически верифицируемых событий [5, с. 214]. Таким образом, эти мысленные эксперименты подрывают традиционное представление о личности как о чём-то простом и тождественном во времени, подготавливая почву для его редукционистского вывода: мы существуем не как отдельные, неделимые сущности, а как комплексы взаимосвязанных психических и физических событий.

От тождества к Отношению R: переосмысление ценности выживания

Развитие редукционистской концепции Парфита получает завершение в последовательном обосновании и раскрытии импликаций положения о том, что тождество личности не является тем, что обладает фундаментальной значимостью. Традиционные этические теории и феноменология повседневного опыта имплицитно исходят из предположения, что именно *сохранение идентичности (самотождественности) «Я» во времени* придает ценностный статус будущим переживаниям, данным обещаниям, принятым обязательствам и экзистенциальным опасениям. Однако Парфит, опираясь на анализ мысленных экспериментов, таких как «случай с ответвлением» или репликативным «дублированием» личности, подрывает эту дорефлексивную уверенность, демонстрируя ее концептуальную несостоятельность.

Вместо метафизического факта тождества Парфит вводит в эпистемологический оборот ключевое понятие **Отношения R** непрерывности (*continuity*), при условии наличия у этого комплекса причины надлежащего типа. Как отмечает сам Парфит, «Отношение R есть то, что действительно значимо. R — это психологическая связанность и/или психологическая непрерывность, имеющие надлежащую причинную связь» [5, с. 262]. Именно это отношение, а не абстрактное тождество, выступает подлинным *носителем ценности* в перспективе *выживания*. В обыденных обстоятельствах Отношение R и тождество личности совпадают, что создает иллюзию их необходимой сопряженности. Однако в ситуациях деления эта коэкстенсивность нарушается, и Парфит показывает, что, хотя ни один из возникающих индивидов не является «мной» в строгом нумерическом смысле, мое отношение к каждому из них содержит все элементы, составляющие ценность обычного выживания: память, характерологические черты, интенциональные установки и убеждения. В этой связи Парфит подчеркивает: «Таким образом, моё отношение к каждому из возникающих людей содержит всё, что было бы необходимо для того, чтобы я продолжил существовать в качестве этого человека. Не может быть так, чтобы природа моего отношения к каждому из возникающих людей в этом случае приводила к тому, что оно не является выживанием. Тут нет ни в чем недостатка. Проблема может быть только в дублировании» [5, с. 261]. Таким образом, Парфит настаивает на необходимости пересмотра наших эмоциональных и рациональных реакций на подобные случаи. Квалифицировать деление как эквивалент смерти означало бы впадать в логическую ошибку, «отождествлять два с нулем» [5, с. 262]. Двойное выживание, хотя и отличается от ординарного, радикально отлично от абсолютного небытия, что требует от нас переосмысления самой природы того, что мы понимаем под «выживанием».

Эмансипация от «Я»: экзистенциальные следствия редукционизма

Отказ от признания тождества личности как фундаментальной онтологической категории влечет за собой глубокую трансформацию структур самовосприятия, которую Парфит описывает как «освобождение от Я». Трансформация проблемы тождества личности на основе преодоления субстанциального воплощения агентности и выделения конститутивной значимости Отношения R индуцирует очевидный мировоззренческий сдвиг, который, по собственному признанию Парфита, обладает мощным эмоциональным и экзистенциальным эффектом: «Когда я верил, что мое существование — это такая особая реальность, я чувствовал себя запертым в себе. Моя жизнь казалась стеклянным туннелем... Когда я изменил свою точку зрения, стены моего стеклянного туннеля исчезли. Теперь я живу на открытом воздухе. Разница между моей жизнью и жизнью других людей все еще есть. Но разница стала меньше. Другие люди стали ближе» [5, с. 281]. Данная эмансипация порождает два ключевых следствия: редукцию страха перед смертью и модификацию отношения к собственным будущим страданиям. Смерть перестает восприниматься как абсолютный разрыв или аннигиляция уникального «Я», представая вместо этого как событие, которое разрывает более прямые психологические связи между моими актуальными переживаниями и переживаниями будущими, но оставляет нетронутыми множество косвенных связей — воспоминания, удерживаемые в сознании других, и сохраняющееся влияние моих мыслей, а также последствия моих поступков. Парфит предлагает переформулировать саму идею смерти: «Вместо того чтобы говорить: «Я буду мертв», мне следовало бы сказать: «Не будет будущих переживаний, которые были бы связаны определенными способами с этими настоящими переживаниями»» [5, с. 281]. Подобная семантическая трансформация, как он утверждает, способна смягчить экзистенциальный ужас, связанный с конечностью бытия. Аналогичным образом реформирование исходной конфигурации смысла высказываний, относивших те или иные события к *самости* как центру психофизических состояний и выражавших, таким образом, содержание субъективного опыта, затрагивает и антиципацию будущих страданий, лишая ее сугубо эгоцентричной природы. Пропозиция «страдать буду я» может быть продуктивно переформулирована как «будет существовать страдание, определенным образом связанное с моими настоящими переживаниями» [5, с. 281–282]. Этот сдвиг в восприятии, по мнению Парфита, способен уменьшить интенсивность страха перед будущими невзгодами, открывая путь к более отстраненному и менее персонализированному отношению к собственному опыту.

Этические импликации конститутивного редукционизма

Редукционистский подход Парфита не ограничивается сферой метафизики и философии сознания, но оказывает глубокое влияние на моральную философию, трансформируя наши представления о спра-

ведливости, достоинстве, обязательствах и границах моральной ответственности.

Одним из наиболее радикальных следствий его теории является переосмысление принципа *распределительной справедливости*. Если единство личности не обладает глубинной онтологической значимостью, то границы между отдельными жизнями теряют свою абсолютную моральную релевантность. Парфит отмечает, что «с редукционистской точки зрения «вопрос «Кому?» становится более похожим на вопрос «Когда?»» [5, с. 340], что открывает путь к утилитаристской позиции, оправдывающей игнорирование индивидуального распределения благ во имя максимизации общего блага. Имперсональность утилитаризма, часто подвергаемая критике за «слияние лиц в одно», оказывается, по Парфиту, не ошибкой, а логическим следствием *более точного понимания природы личности*: «Если мы перестанем верить, что личности являются отдельно существующими сущностями, и начнем считать, что единство жизни включает в себя не более чем различные отношения между переживаниями в этой жизни, становится более правильным больше заботиться о качестве переживаний и меньше — о том, чьи это переживания» [5, с. 346]. При этом Парфит избегает безоговорочного принятия утилитаризма, указывая на *двойной эффект редукционизма*: с одной стороны, он может расширить сферу действия дистрибутивных принципов, распространив их на слабосвязанные части одной жизни (например, на отношение ребенка к его взрослому «я»), а с другой — уменьшить их значимость, поскольку основа таких принципов — «раздельность лиц» — лишается метафизической глубины. Этот нюанс подчеркивает сложность и многогранность реализуемого Парфитом подхода, который не стремится к упрощению моральных дилемм, но, напротив, выявляет их внутреннюю неоднозначность.

Вопросы *ответственности и наказания* также подвергаются радикальному пересмотру в рамках редукционистски-реляционной перспективы. Если тождество личности сводится к психологической непрерывности, то степень ответственности за прошлые поступки должна коррелировать со степенью связанности с тем «я», которое эти поступки совершило. Парфит утверждает: «Когда связи между преступником сейчас и ним же во время преступления ослабевают, он заслуживает меньше наказания. Если связи очень слабы, он может не заслуживать его вовсе» [5, с. 326]. Такой подход позволяет более гибко подходить к вопросам правосудия, учитывая не только факт тождества, но и его градуальность, что находит отражение, например, в правовом институте *давности*.

Аналогичные соображения применимы к *обязательствам и обещаниям*. Парфит строит модели ситуации и продумывает сценарии, посредством анализа которых он пытается доказать, что в обыденном моральном сознании мы можем относиться к разным этапам жизни одного человека как к разным «я», наделенным различными правами и обязанностями. Так, согласно одному сценарию, молодой русский дворянин с социалистическими идеалами, ожидающий наследства, хочет передать землю крестьянам. Опасаясь, что в будущем его взгляды изменятся, он оформляет безотзывный документ о передаче земли, который может аннулировать только его жена. Затем он просит жену дать ему обещание: если в будущем он попросит её отменить документ (из-за утраты идеалов), она откажет. Он обосновывает это тем, что потеря идеалов будет означать прекращение существования его нынешнего «я», а тот, кто будет просить об отмене, окажется лишь «испорченным будущим «я»», которому она ничего не должна [5, с. 327]. Мысленный эксперимент Парфита показывает, как радикальное изменение ценностей может восприниматься как смена «личностей» в рамках одной биографии, что ставит под вопрос единство тождества личности во времени и моральный статус обязательств перед «будущим собой». Редукционистский взгляд на тождество личности способен не только объяснить, но и обосновать подобные интуиции, которые в рамках традиционной метафизики кажутся парадоксальными. Посредством моделирования, истолкования и анализа такого рода ситуаций Парфит приходит к ряду выводов, которые являются принципиально значимыми для обоснования его редукционистской программы.

1. Эвристическая и нормативная легитимность модели «последовательных я». Парфит демонстрирует, что дискурс «последовательных я» не является сугубо метафорическим, но отражает глубинные структуры нашего практического разума, для которых личность предстает не как вневременная субстанция, а как *процессуальная последовательность ментальных состояний и ценностных комплексов*, способных претерпевать радикальные трансформации. Логика обязательства, применяемая в данном случае, подтверждает, что эта модель обладает нормативной силой, выходящей за рамки обыденной метафоры.

2. Привязка деонтологических модальностей к конкретным фазам психологической конфигурации. Обнаруживается фундаментальный

разрыв между формальным, юридическим субъектом обязательства (биологическим индивидом, длящимся во времени) и его подлинным, феноменологически релевантным *реципиентом*. Моральные обязательства, обещания и эмоциональные узы могут быть онтологически привязаны не к личности как таковой, а к *определённой стадии её психологической истории*, что делает возможной ситуацию, когда обязательство перед одним «я» в серии не может быть отменено другим, последующим.

3. Разграничение между когнитивной несостоятельностью и трансформацией идентичности. Парфит проводит критическое различие между случаями, где пересмотр обязательства блокируется внешними факторами, искажающими рациональное суждение (боль, аддикция), и ситуацией *подлинной трансформации (перерождения) «я»*. В первом случае субъект остаётся тем же, но его автономия временно нарушена; во втором — его ценностная архитектура изменяется настолько фундаментально, что позволяет говорить о возникновении нового релевантного агента в рамках той же биологической жизни. Пример русского помещика относится ко второму типу: его зрелое решение не является иррациональным, оно отражает иной аксиологический фундамент, что и оправдывает восприятие его как «другого».

4. Метафизический вывод о квазитемпоральных границах внутри биографической жизни. Наиболее общее заключение Парфита состоит в том, что определённые события в ментальной истории индивида — такие как коренная смена ценностных ориентаций — могут выполнять функцию, *аналогичную темпоральным границам личности* (рождению и смерти), но в имманентном, психологическом ключе. События эти маркируют не абсолютный конец существования, а *смысловой разрыв в непрерывности «я»*, после которого определённые наборы прав, обязательств, эмоциональных отношений и проектов, ассоциированных с прежним «я», теряют свою актуальность или переходят в иное нормативное измерение.

5. Онтологизация «прошлых я» как объектов моральных и эмоциональных отношений. Прошлые фазы личности могут сохранять статус *полноценных объектов лояльности, любви и долга*, аналогично тому, как таковыми остаются умершие. Эмоциональная привязанность жены направлена не на текущую психологическую конфигурацию её мужа, а на ту, что воплощалась в молодом человеке. В общем смысле это свидетельствует о том, что в моральной онтологии «я» не является исключительно сиюминутным или интегральным феноменом; оно допускает *внутреннюю плюральность и темпоральную дифференциацию*, где отдельные «себя» обретают относительную самостоятельность как центры субъективности и рецепторы межличностных связей.

Интерсубъективность, серийные личности аффективные связи

В этом контексте Парфит обращается также к анализу импликаций редукционистской теории в отношении сферы эмоционально наполненных интерсубъективных отношений; интересно, как в этом контексте он рассматривает феномен любви. Если объектом нашей аффективной и ценностной привязанности является не самоотжествленная личность, воспринимаемая как референциальный фокус психифизиологических особенностей и нравственных качеств, а комплекс психологических характеристик, воплощенный в Отношении R, то можно ли концептуализировать любовь к человеку во всей его личностной самобытности? Парфит сталкивается с контраргументом, сформулированным Бернхардом Уильямсом, согласно которому очевидное различие в наших высказываниях («любить человека» vs «любить его/её тело») само по себе **не доказывает**, что личность и тело — две разные субстанции или сущности». Парфит апеллирует к аргументации Энтони Квинтона, утверждая, что в каждом случае «...требуется не конкретное человеческое тело, а тело более или менее точно определённого типа» [5, с. 295]. Обыденная любовь, по Парфиту, интенционально направлена не на тело как таковое, а на воспринимаемую психическую целостность, на непрерывно изменчивую ментальную жизнь человека, представляя собой динамический процесс, включающий в себя общую историю как конститутивный элемент.

Именно для концептуализации более сложных случаев Парфит вводит понятие «серийных личностей» — квази-сущностей, чье тождество определяется исключительно Отношением R, даже при условии их последовательной реализации в различных мозговых и телесных субстратах [5, с. 289–293]. Понятие серийных личностей позволяет ретемпорализовать идею индивидуальности, отделяя ее от конкретного материального носителя и открывая возможность для переосмысления аффективных связей в гипотетических сценариях, таких как репликация без ветвления, где одна копия замещает оригинал. В таком мире, как утверждает Парфит, любовь должна беспрепятственно транслиро-

ваться на Реплику, обладающую всей полнотой квази-воспоминаний, относящихся к общей истории.

Экзистенциальные и практические следствия: от тревоги к этике заботы

Парфит не ограничивается абстрактным философским анализом, но выводит дискуссию в экзистенциальную плоскость, исследуя эмоциональные и практические последствия принятия конститутивно-реляционного редукционизма. Для некоторых людей, особенно тех, кто придерживается «экстремальных утверждений» о природе личности, осознание иллюзорности субстанционального «Я» может стать источником глубокой экзистенциальной тревоги. Однако этот сдвиг в восприятии Парфита оказывается «освобождающим и утешительным», ибо, как он поясняет, «это то, что делает меня менее озабоченным собственным будущим и своей смертью и более озабоченным другими. Я приветствую это расширение круга моей заботы» [5, с. 347]. Данный вывод знаменует для Парфита глубокий этический поворот: развенчание «особого факта» тождества ведет не к моральному нигилизму, а к этике расширенной заботы, где границы между «я» и «другим» становятся более проницаемыми, а солидарность и сострадание получают новое метафизическое обоснование. Таким образом, редукционистский взгляд Парфита не только подрывает эгоистическую теорию рациональности, но и открывает путь к более гуманной и универсальной моральной позиции, где индивидуальные интересы уступают место заботе о благополучии всех существ, чьи переплетенные жизни составляют единую ткань человеческого опыта.

Парфит и Деннет

Позиция Дэниела Деннета, изложенная в его работе «Объясненное сознание», представляет собой яркую альтернативу не только картезианскому дуализму, но и редукционистскому тезису Дерек Парфита. В рамках изысканного физикалистского подхода к объяснению сознания Деннет осуществляет категориальную трансформацию содержания проблемы тождества личности, — рассматривая эту проблему как фокус для демонстрации объяснительного потенциала положений собственной теории, Деннет придает операциональный статус функционально-конструктивистскому понятию «центра нарративной гравитации», представляя это понятие в качестве универсального заместителя традиционных метафизических понятий, посредством которых множество темпорально распределенных ментальных состояний нанизывалось на нить субстанционального тождества. Деннет прямо заявляет: «Наша фундаментальная тактика самозащиты, самоконтроля и самоопределения заключается не в плетении паутины или строительстве плотин, а в рассказывании историй и, в особенности, в сочинении и контроле той истории, которую мы рассказываем другим — и себе — о том, кто мы есть» [2, с. 418]. В этой перспективе то, что мы виртуально выделяем как собственное «Я» — не объект, а абстракция, а именно — «абстракция, определяемая мириадами приписываний и интерпретаций... которые составили биографию живого тела, чьим Центром Нарративной Гравитации оно является» [2, с. 426–427]. Таким образом, тождество личности для Деннета — это не онтологический факт, а функциональный и социальный конструкт, устойчивость которого зависит от непрерывности и связности повествования.

В этом ключе Деннет напрямую сближается с Парфитом, который также отрицает существование особого, неизменного «Я». Оба философа отвергают критерий тождества, основанный на физической или духовной непрерывности. Однако не следует упускать и принципиальное различие их позиций: если Парфит делает акцент на **психологической связанности и непрерывности** как основе единства личности, то Деннет смещает фокус на **нарративную практику** как механизм создания этого единства. Интересно, что оба философа используют сходные метафоры для описания несубстанциональной природы «Я»: Парфит сравнивает личность с клубом, который может распасться и быть воссозданным вновь, а Деннет не только соглашается с этой аналогией, но и раскрывает её следствия: «С точки зрения Я — или личностей, — возникающих здесь, это верная аналогия; Я — не независимо существующие жемчужины-души, а артефакты социальных процессов, которые создают нас, и, как и другие подобные артефакты, подвержены внезапным изменениям в статусе» [2, с. 423]. Оба философа допускают возможность прерывистости, множественности и «расщепления» личности, что иллюстрируется случаями диссоциативного расстройства. Деннет подчеркивает, что наша самость принципиально не едина: «Единственный «импульс», который накапливается на траектории Я... — это устойчивость, придаваемая ему паутиной убеждений, которые его составляют, и когда эти убеждения исчезают, оно исчезает — либо навсегда, либо временно» [2, с. 423]. Но если Парфит видит в отказе от идеи неизменного «Я» основу для этики,

свободной от эгоистических интересов, то Деннет подчеркивает *прагматическую ценность* самости как инструмента организации поведения и принятия моральной ответственности. «Центр нарративной гравитации» — это не иллюзия, а функционально необходимое образование. Отвечая на вопрос «Но разве я не существую?», Деннет заключает: «Конечно же, вы существуете. Вот вы, сидите в кресле, читаете мою книгу и задаёте вопросы» [2, с. 430], тем самым подтверждая реальность «Я» как функционального паттерна организации референциального поля нарративов, а не как вещи или субстанции.

Таким образом, есть достаточные основания для того, чтобы полагать, что Деннет и Парфит движутся в одном направлении — к отказу от субстанционального «Я», — но используют разные объяснительные стратегии: Парфит редуцирует личность к психологическим связям, а Деннет возводит её к нарративной практике. Оба подхода взаимодополняют друг друга, предлагая натуралистическую альтернативу традиционным концепциям тождества личности.

Парфит и Ильенков

Осуществленная Парфитом деконструкция субстанционального «Я» является моментом реконфигурации метафизических и этических ландшафтов классической философии. Для более основательного понимания этой парадигмальной трансформации следовало бы рассмотреть вопрос о возможных точках пересечения представляемого Парфитом направления с иными традициями мысли, в поле которых также намечилось преодоление позиций субстанционализма и трансцендентализма, но проблема тождества личности получила альтернативные решения, которые, с одной стороны, в абстрактных моментах коррелятивны парфитовскому редукционизму, а с другой — являются принципиально отличными по своим исходным теоретическим и методологическим основаниям. Одной из таких вершин мысли, позволяющей увидеть редукционистский вызов в ином, социально-онтологическом ключе, является диалектико-материалистическая концепция личности, разработанная *Эвальдом Васильевичем Ильенковым*.

Если Парфит осуществляет редукцию личности к имперсональной сети ментальных и физических континуумов, то Ильенков предлагает иную — социально-онтологическую — редукцию, разрешающую загадку «Я» не через исследование психофизиологической процессуальности индивида, а посредством диалектически основательного выявления условий формирования человека как личности в трансиндивидуальной системе общественных отношений. Для Ильенкова «личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» — отношений «Я» к самому себе как к некоему «НЕ-Я»» [1, с. 393]. В этой реляционно-социоцентрической перспективе личность определяется не как данность, а как *заданность*; то не субстанция, пребывающая в границах органического тела, а специфическая *функция* деятельного субъекта, — «личность не только существует, но и впервые рождается именно как «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом» [1, с. 393]. Следовательно, проблема тождества личности во времени, этот многовековой камень преткновения западной метафизики, для Ильенкова попросту снимается, будучи поставленной на принципиально иных — философско-мировоззренческих и методологических основаниях. Вопрос «Остаюсь ли я тем же?» теряет свой смысл, коль скоро «Я» изначально понимается не как внутренняя, автохтонная сущность, а как «единичное выражение» конкретного «ансамбля социальных отношений» [1, с. 394]. Тождество личности, таким образом, оказывается не метафизическим фактом её изолированного бытия, а динамическим тождеством её социальной функции и места внутри расчлененного целого общественного организма. Целостность бытия личности обеспечивается не непрерывностью потока сознания или уникальностью церебральных структур, а устойчивостью и воспроизводством той конкретной системы отношений, носителем и органом которой данный индивид выступает. «Личность умирает заживо», по Ильенкову, не тогда, когда нарушается физиологическая целостность мозга, но тогда, когда «однажды найденные... способы жизнедеятельности начинают превращаться в очередные штампы-стереотипы... личность умирает заживо: незаметно для себя она тоже превращается... в набор таких шаблонов» [1, с. 413]. Это происходит, когда её деятельные связи с коллективным телом рода сворачиваются или окостеневают. В этом пункте обнаруживается поразительное структурное сходство с проектом Парфита при радикальном расхождении онтологических оснований и методологических стратегий. Оба мыслителя единодушно низвергают картезианский миф о субстанциональном «эго» как носителе тождества. Однако если Парфит видит альтернативу в Отношении R — имперсональной цепи психофизической причинности, — то Ильенков усматри-

вает её в Отношении S (я ввожу это условное обозначение, поскольку оно созвучно парфитовскому) – системе социально-опосредованных деятельностных отношений. Парфитовский редукционизм можно охарактеризовать как интра-индивидуальный и менталистский, тогда как Ильенковский – как транс-индивидуальный и социо-онтологический. Для первого личность распадается в континууме психических состояний индивида, для второго – она принципиально существует «не внутри «тела особи», а внутри «тела человека», которое к телу данной особи никак не сводится... а есть «тело» куда более сложное и пространственно более широкое» [1, с. 395], включающее в себя все искусственные органы культуры. Личность «рождается, возникает (а не проявляется!) в пространстве реального взаимодействия по меньшей мере, двух индивидов» [1, с. 404], которые присваивают всеобщие деятельные способности, актуализируемые индивидуально специфическим образом в различных видах социально распределенной деятельности, создающей и поддерживающей коллективное тело культуры, и вступают в процессе осуществления этой деятельности в многообразные отношения, формирующие целостный системно-динамический ансамбль, – последний и представляет то сверхиндивидуальное пространство, в котором живет и развивается личность.

Фундаментальное различие позиций Парфита и Ильенкова проецируется и на экзистенциальные следствия развиваемых ими теорий теорий. Парфитовское «освобождение от Я» ведет к смягчению эгоцентрических страхов через переформулировку значимого – с тождества на связность через принцип Отношения R. Ильенковское же понимание ведет к иному освобождению – от иллюзии изолированной самости через признание своей сущностной со-причастности коллективному телу человеческой культуры. Если для Парфита смерть индивида – это разрыв прямых психологических связей, то для Ильенкова подлинная трагедия – это ситуация, когда «личность, утратившая самое себя, – это индивид, утративший все личностные, то есть социально-человеческие связи с другими индивидами» [1, с. 411], когда «ансамбль» социальных отношений, уникальным фокусом которого выступает отдельный человек, распадается. Таким образом, оба философа, двигаясь в различных интеллектуальных парадигмах, сходятся в отрицании субстанциального тождества, но предлагают диаметрально противоположные онтологические каркасы для его редукции, обнажая тем самым самую многомерность и неустранимую парадоксальность проблемы личности.

Заключение

Философский проект Дерек Парфита представляет собой не просто очередную теорию в рамках аналитической традиции, но масштабную метафизическую и этическую ревизию, направленную на демистификацию тождества личности, которая, однако, несмотря на свою концептуальную изысканность и кажущуюся завершенность, оставляет за рамками предметного исследования существенный пласт проблем, связанных с практическим самоопределением личности как единого и ответственного агента. Фундаментальное ограничение подхода Парфита заключается в том, что, редуцируя тождество личности к имперсональной сети психологических связей, он не учитывает в достаточной мере тот факт, что личность конституируется не как пассивный носитель ментальных состояний, а как деятельный субъект, единство самосоотнесенности которого является условием реализации познавательного и практического отношения к миру. В спектре универсалий деятельностного подхода определяются основания для признания того, что «Я» возникает не из континуума памяти и характера, а из *активного самоопределения в процессе преобразующей деятельности*, поскольку именно в системе отношений, развернутых через деятельность, сознание и самосознание выступают не эпифеноменами психической причинности, а *формами удержания процессуально-предметной целостности комплекса целенаправленных и координированных действий*. Именно это практическое единство агентности, а не совокупность психологических связей, позволяет, на мой взгляд, объяснить, почему личность несет ответственность за свои поступки – потому что она является их **автором**, а не точкой пересечения ментальных цепочек.

Логико-концептуальный анализ аргументации Парфита позволяет констатировать отсутствие необходимой логической связи между редукционистской онтологией и элиминацией нормативной значимости тождества личности. Следуя аргументации Брайана Гаррета можно с полным основанием утверждать, что даже если тождество «состоит в» психологической непрерывности, это не детерминирует девальвацию его аксиологического статуса [3, с. 86–90]. Редукционистский подход Парфита эвристичен в плане анализа метафизике опыта, но, как демонстрирует Кристина Корсгаард, этот анализ не позволяет артикулировать в должной мере практическое измерение разума, конституирующее единство агента посредством необходимости «вести жизнь» как целостный проект. Практическое самоотождествле-

ние с прошлыми и будущими стадиями «Я» является не произвольной опцией, но структурной необходимостью моральной агентности [4, с. 169–171]. Сближение позиций Парфита с утилитаризмом, детерминированное девальвацией нормативной значимости границ между отдельными жизнями, игнорирует существенное измерение моральности, связанное с императивом ответственного авторства, укорененного в практическом самоконституировании субъекта. Кроме того, концепция Парфита, фокусируясь преимущественно на индивидуальном сознании, недооценивает роль интерсубъективного измерения в конституировании самости. Персональная идентичность формируется в пространстве взаимного признания, где субъект достигает аутентичного самопознания посредством диалектики признания Другим. Наконец, Парфит не эксплицирует в должной мере тот факт, что процесс установления и поддержания тождества личности опосредован символическими системами, социальными практиками и культурными институтами, функционирующими как медиаторы в конституировании персональной идентичности. Признание континуальности и градуальности «Я», безусловно, открывает возможность для более гибкой этики, но эта этика, вопреки ожиданиям Парфита, должна быть этикой не имперсональной причинности, а ответственного авторства, укорененного в практическом конституировании себя как индивидуального претворения целого ансамбля отношений, охватывающего не только социально-функциональные связи, но и межличностные отношения, из которых складывается архитектура жизненного мира. Работа Парфита, несмотря на свой терапевтический потенциал в преодолении субстанциальных иллюзий в конечном счете указывает на необходимость не отказа от тождества, а его переосмысления как практического императива – условия возможности самой деятельности, морали и подлинно человеческого бытия-в-мире.

Литература

1. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – Москва: Политиздат, 1991. – 464 с. – (Мыслители XX века). – ISBN 5-250-01302-3.
2. Dennett D.C. Consciousness Explained / D.C. Dennett; illus. by P. Weiner. – New York: Back Bay Books / Little, Brown and Company, 1991. – 511 p.
3. Garrett B. Personal Identity and Self-Consciousness / B. Garrett. – London: Routledge, 1998. – 137 p.
4. Korsgaard C.M. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit / C.M. Korsgaard // Personal Identity: collection of articles / ed. by R. Martin, J. Barresi. – Malden, Oxford, Melbourne: Blackwell Publishing, 2003. – P. 168–193.
5. Parfit D. Reasons and Persons / D. Parfit. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 543 p.

DECONSTRUCTION OF THE PROBLEM OF PERSONAL IDENTITY WITHIN DEREK PARFIT'S CONSTITUTIVE REDUCTIONISM

Galukhin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

This paper examines the conceptual foundations of Derek Parfit's reductionist project, which seeks to deconstruct the classical problem of personal identity. Parfit's argument challenges the intuition of a «further fact» of identity, proposing instead an impersonal ontology where the self is reduced to relations of psychological connectedness and continuity, termed «Relation R». The analysis further explores Parfit's rationale for claiming that what fundamentally matters is not personal identity *per se*, but the preservation of Relation R. This leads to the existential and ethical consequences he summarizes as a form of «liberation from the self». Parfit's framework is contrasted with alternative non-mentalist approaches to deconstructing substantial identity. These include Daniel Dennett's conception of the self as a «center of narrative gravity» and Evald Ilyenkov's socio-ontological view of the person as a form of agency constituted through activity within an ensemble of social relations. The paper concludes by articulating critical objections to Parfit's project and identifying its systematic limitations.

Keywords: analytic philosophy, personal identity, metaphysics, substantial self, mentalism, reductionism, psychological continuity, event-relational ontology, unity of agency, emancipation from the self, temporality, intersubjectivity, moral responsibility.

References

1. Dennett D.C. Consciousness Explained / D.C. Dennett; illus. by P. Weiner. – New York: Back Bay Books / Little, Brown and Company, 1991. – 511 p.
2. Garrett B. Personal Identity and Self-Consciousness / B. Garrett. – London: Routledge, 1998. – 137 p.
3. Ilyenkov, E.V. (1991). *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. Politizdat.
4. Korsgaard C.M. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit / C.M. Korsgaard // Personal Identity: collection of articles / ed. by R. Martin, J. Barresi. – Malden, Oxford, Melbourne: Blackwell Publishing, 2003. – P. 168–193.
5. Parfit D. Reasons and Persons / D. Parfit. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 543 p.

Принцип справедливости в инклюзивном образовании: барьеры реализации и российские парадоксы

Гилёва Злата Владимировна,

соискатель, кафедры онтологии, теории познания
и социальной философии Томского государственного
университета
E-mail: zлата.gil98@mail.ru

В статье проводится социально-философский анализ реализации принципа справедливости в практике инклюзивного образования в Российской Федерации. Исследование последовательно рассматривает эволюцию теоретических моделей справедливости – от дистрибутивной концепции Дж. Ролза через *sarabilities*-подход А. Сена и М. Нуссбаум к критике нормативности в трудах Т. Шекспира и Э. Клэр и этике признания уязвимости (Дж. Батлер, А. Хоннет). На этом теоретическом фоне выявляются специфические барьеры (нормативно-правовые, социокультурные, экономико-институциональные), затрудняющие реализацию инклюзии в российском образовательном контексте, унаследовавшем патерналистскую и медицинскую парадигмы. Автор приходит к выводу, что ключевым парадоксом является разрыв между формальным заимствованием инклюзивных принципов и их подменной логикой «реабилитационного нормативизма», направленной на ассимиляцию, а не на признание различий. В качестве философско-методологической основы для преодоления данного противоречия предлагается обращение к диалогической концепции М.М. Бахтина и феноменологии телесности, что позволяет переосмыслить инклюзию как практику совместного конструирования полифонического образовательного пространства.

Ключевые слова: инклюзивное образование, социальная справедливость, дифференцированное равенство, *sarability*-подход, нормативность, инвалидность, российская система образования, диалогичность, М.М. Бахтин.

Введение

Идея инклюзивного общества, в котором каждый человек, независимо от своих особенностей, обладает равными возможностями для самореализации и полноценного участия в жизни социума, прочно утвердилась в международных правовых документах и национальных стратегиях развития. Краеугольным камнем данной идеи выступает Конвенция о правах инвалидов, принятая ООН в 2006 году, которая провозглашает «полное и эффективное вовлечение и включение в общество» в качестве одного из основных принципов [1]. В основе этого глобального тренда лежит принцип социальной справедливости, требующий глубокого переосмысления традиционных, формальных подходов к равенству. Однако между теоретическими построениями философов, правовыми декларациями и повседневной практикой инклюзивного образования зачастую пролегает глубокая пропасть, наполненная непреодоленными противоречиями и системными барьерами. Особенно остро данное противоречие проявляется в странах с переходной социальной моделью и сложным историческим наследием в сфере отношения к «инаковости», к которым, несомненно, относится и современная Россия. Данная статья ставит целью провести комплексный анализ того, как ключевые теории справедливости XX–XXI веков, задающие нормативный идеал, соотносятся с реальным процессом реализации инклюзии в образовании, а также выявить и классифицировать специфические барьеры, затрудняющие и искажающие этот процесс в уникальных российских социокультурных и институциональных условиях.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие задачи: 1) реконструировать эволюцию социально-философского понимания справедливости применительно к проблеме инвалидности – от дистрибутивных моделей к критике нормативных оснований; 2) систематизировать основные типы барьеров (правовые, культурные, экономические), деформирующие реализацию инклюзивных принципов в России; 3) выявить и описать ключевой парадокс отечественной инклюзии, заключающийся в подмене идеи преобразования среды логикой нормативной ассимиляции ребёнка; 4) предложить возможные философско-методологические ориентиры для преодоления данного парадокса, обратившись к потенциалу отечественной гуманитарной мысли (М.М. Бахтин) и современной феноменологии. Научная новизна исследования заключается в попытке применения аппарата современной критической теории инвалидности (Т. Шекспир, Э. Клэр) для анализа именно российского контекста, а также в синтезе этого подхода с бахтинской философией диалога для конструирования альтернативной модели инклюзии как «практики гостеприимства» и со-трансформации. Теоретическую основу работы составили труды Дж. Ролза [2], А. Сена [3], М. Нуссбаум [4], Дж. Батлер [8], А. Хоннета [9], а также исследования отечественных специалистов в области социологии инвалидности и инклюзивного образования (Е.Р. Ярская-Смирнова [13; 15], Н.Н. Малофеев [14], А.А. Попов [16]).

Литературный обзор

Теоретической основой для современного понимания справедливости в контексте инвалидности послужила фундаментальная работа Джона Ролза «Теория справедливости», предложившая принцип дифференцированного равенства (*the difference principle*) [2]. Этот принцип гласит, что социальные и экономические неравенства допустимы лишь в том случае, если они приносят наибольшую выгоду наименее преуспевшим членам общества. В классической либеральной традиции равенство часто сводится к формальному равенству стартовых возможностей («равенство шансов»). Однако Ролз убедительно показывает, что эта модель игнорирует влияние «морально произвольных» факторов – таких как врождённые способности, социальное происхождение или наличие инвалидности [2, с. 103–104]. Эти факторы, не являющиеся заслугой или виной человека, определяют его жизненные траектории в условиях якобы «нейтральных» правил игры. Таким образом, принцип дифференцированного равенства выполняет функцию социально-философской коррекции. Он смещает фокус с абстрактного понятия справедливости как симметрии к процедурной и компенсаторной справедливости, призванной институционально нейтрализовать влияние «случайностей естественной и социальной лотереи» [2, с. 121]. Применительно к инклюзивному образованию это означает легитимацию

создания специальных условий для обучающихся с инвалидностью не как исключения, а как реализации принципа равенства.

Однако дальнейшее развитие социально-философской мысли выявило ограниченность сугубо дистрибутивного подхода, сосредоточенного на перераспределении ресурсов. Теория Ролза была существенно дополнена в рамках сарability-подхода, разработанного Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум. Если Ролз фокусируется на справедливом распределении «первичных благ» (ресурсов, прав, свобод), то Сен смещает акцент на реальную свободу человека конвертировать эти блага в ценные для него «функционирования» – в то, кем он может быть и что делать [3, с. 75]. Марта Нуссбаум конкретизировала этот подход, разработав список центральных человеческих возможностей, таких как «возможность чувствовать, воображать, мыслить» и «возможность получать образование», понимаемое как реальная способность к критическому мышлению [4, с. 33–34]. Таким образом, справедливая инклюзия с этой точки зрения – это процесс, гарантирующий каждому ребёнку достижение минимального порога в развитии этих центральных возможностей.

Современная критическая социальная теория пошла ещё дальше, подвергнув анализу сами скрытые нормативные предпосылки, которые порождают несправедливость. Философы, работающие в русле критической теории инвалидности, указывают, что даже прогрессивные теории справедливости в определённой мере могут оставаться в плену эйблистской логики. Например, Том Шекспир в работе «Переосмысление инвалидности» критикует ограниченность как медицинской, так и строгой социальной модели, предлагая более диалектичную биопсихосоциальную модель, которая вскрывает, как сами категории оценки сконструированы в интересах «нормативного» субъекта [5, с. 67–89]. Более радикальную позицию занимает Эли Клэр, чья работа «Блестящее несовершенство: борьба с идеей излечения» подвергает деконструкции саму концепцию «нормы» и культурные нарративы о преодолении, утверждая, что ориентация на «исправление» часто является формой символического насилия [7, с. 15–40].

Эта критика обнажает эпистемологическое ядро проблемы, выводя дискуссию в область философской антропологии. Ответом на неё стал поворот к этике уязвимости и взаимозависимости, артикулированной в работах Джудит Батлер [8], и к парадигме справедливости как признания в её онтологическом измерении, как её развивает Аксель Хоннет [9]. Этот сдвиг позволяет переосмыслить инвалидность не как частный случай дефицита, а как одно из проявлений универсальной человеческой кондиции, что требует трансформации образовательной среды в полифоническое поле, где множественность способов бытия и познания рассматривается как эпистемологический ресурс.

В отечественном научном дискурсе проблемы инклюзии часто анализируются через призму противоречия между формальными нормами и реальной практикой. Исследователи констатируют, что, несмотря на принятие прогрессивного Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) для обучающихся с ОВЗ [10], на деле часто возникает ситуация «физического присутствия» без реального включения [11]. Глубинные культурные барьеры, укоренённые в патерналистской и медицинской парадигме, рассматриваются в работах Е.Р. Ярской-Смирновой, которая отмечает историческое восприятие инвалидности как «объекта государственной заботы и медицинской коррекции» [15, с. 15]. Экономические и институциональные ограничения, такие как хроническое недофинансирование и бюрократическая регламентация, также детально описаны в литературе [14]. В поисках философского основания для преодоления этих барьеров некоторые российские авторы обращаются к наследию М.М. Бахтина, в частности, к концептам диалогичности и «не-алиби в бытии» как основе для модели инклюзии как встречи и взаимной ответственности [17].

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования является социально-философский анализ, направленный на реконструкцию и критическое осмысление концептуальных моделей справедливости в их связи с практической реализацией инклюзивного образования. В качестве материалов выступили: 1) ключевые теоретические труды западных и отечественных философов и социологов, формирующие нормативный каркас дискуссии об инклюзии; 2) современные российские научные публикации и отчёты, отражающие эмпирическое состояние дел в сфере образования; 3) нормативно-правовые документы Российской Федерации и международного уровня (Конвенция о правах инвалидов, ФГОС), задающие формальные рамки исследуемого процесса.

Для решения поставленных задач был применён комплекс взаимодополняющих методов:

- Сравнительно-исторический метод позволил проследить генезис и эволюцию концепций справедливости (от Ролза к критике нор-

мативности) и моделей понимания инвалидности (от медицинской к биопсихосоциальной).

- Критический дискурс-анализ был использован для выявления неявных нормативных предпосылок и идеологических установок, скрытых как в теоретических конструкциях, так и в официальных документах и публицистике, посвящённой инклюзии в России.
- Институциональный анализ дал возможность систематизировать барьеры, возникающие на уровне правового регулирования, экономического обеспечения и организационной культуры образовательных систем.
- Интерпретативный метод, опирающийся на традицию герменевтики, был применён для «прочтения» российской ситуации через призму западной критической теории и, наоборот, для осмысления потенциала отечественной гуманитарной мысли (в частности, философии М.М. Бахтина) в поиске оригинальных решений выявленных парадоксов.

Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, находясь на стыке социальной философии, педагогики, социологии права и культурной антропологии. Его теоретическая направленность состоит не в эмпирическом описании, а в концептуальном структурировании проблемного поля и выявлении глубинных логик, определяющих разрыв между принципом справедливости и практикой инклюзии в конкретном национальном контексте.

Результаты

Проведенный анализ позволяет структурировать ключевые барьеры, искажающие реализацию принципов справедливости в российской практике инклюзивного образования, в три взаимосвязанных блока: нормативно-правовой, социально-культурный и экономико-институциональный.

Формальное принятие прогрессивных норм, таких как Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (2014 г.) [10], создает лишь рамочные условия. На практике возникает феномен, который исследователи называют «физическим присутствием» [11]. Ребенок с инвалидностью находится в пространстве общеобразовательного класса, но не включается в полноценный академический и социальный процесс из-за отсутствия реально работающих индивидуальных образовательных маршрутов, универсального дизайна учебных материалов и недостаточной психолого-педагогической компетентности педагогов. Таким образом, принцип дифференцированного равенства Дж. Ролза, требующий компенсации неравных стартовых условий, выхолащивается: неравенство не устраняется, а лишь маскируется фактом совместного пребывания в одном помещении. С позиции сарability-подхода А. Сена и М. Нуссбаум [3; 4], это означает, что реальная свобода ребенка – его конвертированная возможность учиться, дружить, развиваться – не расширяется, несмотря на формальное предоставление ему места за партой.

Исторически в России сформировалось двойственное отношение к инвалидности, которое Е.Р. Ярская-Смирнова определяет как восприятие человека с инвалидностью прежде всего как «объекта государственной заботы и медицинской коррекции» [15, с. 15]. Эта унаследованная «медико-реабилитационная» парадигма прямо противоречит социальной модели, лежащей в основе Конвенции о правах инвалидов [1], и логике сарability-подхода. Профессиональное сообщество педагогов и родительская общественность зачастую видят цель не в создании возможностей для самореализации «инакого» ученика, а в его «адаптации» или «исправлении» под незыблемые нормы существующей образовательной системы. Такая установка, по сути, воспроизводит критикуемую Эли Клэр «империю излечения» (the empire of cure) [7, с. 22], где ценность инвалидности как опыта отрицается, а усилия направлены на приведение человека к доминирующему стандарту. Это лишает учащегося субъектности, превращая его из активного участника диалога в пассивный объект приложения благородных усилий.

Реализация требований справедливости (будь то ролзианское перераспределение ресурсов или создание условий для реализации возможностей) объективно требует значительных инвестиций: подготовка кадров (тьюторы, дефектологи, супервизоры), создание безбарьерной среды, снижение наполняемости классов, разработка адаптивных технологий. В условиях хронического недофинансирования региональных образовательных систем эти меры носят точечный, проектный характер и не становятся системной нормой [14]. Более того, сама институциональная архитектура часто работает против инклюзии. Жесткая бюрократическая процедура получения заключения психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК) и последующей разработки СИПР (специальной индивидуальной программы развития) фокусируется на категоризации и диагностике дефицита, а не на проектировании

образовательной траектории, основанной на потенциале ребенка. Таким образом, институты, призванные помогать, фактически воспроизводят логику сегрегации и фильтрации, оценивая ребенка по степени его отклонения от условной нормы.

Синтез выявленных барьеров позволяет сформулировать существенное противоречие современной российской инклюзии. Оно заключается в подмене цели трансформации образовательной среды для признания и включения разнообразия целью нормативной ассимиляции ребенка. Система, формально декларирующая переход к инклюзивной модели, на глубинном уровне продолжает действовать в логике, которую можно определить как «реабилитационный нормативизм». Его суть – в стремлении с помощью специальных условий и коррекционных методик максимально «подтянуть» ребенка с инвалидностью к заранее заданным, единым для всех образовательным результатам (ФГОС), при этом не ставя под сомнение саму релевантность и универсальность этих нормативов. Как отмечает А.А. Попов, в такой ситуации инклюзивный дискурс рискует стать новым технологичным инструментом управления «особенностью», подчиняющим ее прежним унифицированным критериям полезности и успешности [16]. В терминах Т. Шекспира [5] и Э. Клар [7], это означает воспроизводство эйблтистской иерархии, где инклюзия превращается в замаскированную форму исключения.

Обсуждение

Выявленные результаты требуют философского осмысления, выходящего за рамки констатации системных сбоев. Парадокс «реабилитационного нормативизма» демонстрирует, что простое адресное распределение ресурсов (логика Ролза) или даже провозглашение необходимости развития возможностей (логика Сена–Нуссбаум) наталкивается в российском контексте на мощное сопротивление нормативного порядка. Этот порядок укоренен не только в практиках, но и в коллективном бессознательном, воспроизводящем определенную антропологическую модель субъекта – автономного, рационального, продуктивного, что исторически лежит в основе западного социального договора и пронизывает отечественную педагогическую традицию.

Выход из этого тупика видится не в отказе от наработок западной социальной философии, а в их критическом синтезе с теми направлениями мысли, которые позволяют проблематизировать саму категорию нормы. Здесь продуктивным представляется обращение к наследию М.М. Бахтина, а именно к концептам диалогичности и «не-алиби в бытии» [17]. Бахтинская философия предлагает альтернативную антропологию: субъектность не есть заранее данная внутренняя сущность, но рождается в диалоге, во встрече с Другим. Применительно к инклюзии это означает, что образовательная среда должна конструироваться не как монолог учителя, транслирующего норму, а как полифоническое пространство, где голос каждого, в том числе выраженный невербально или через иной способ познания, обладает ценностью и со-определяет общее смысловое поле.

Принцип «не-алиби в бытии», утверждающий неизбывную ответственность человека за свою уникальную позицию в мире [17, с. 40], при инклюзивном прочтении приобретает двунаправленное действие. С одной стороны, он признает за человеком с инвалидностью статус субъекта, несущего ответственность за свою жизнь и свое высказывание, что противостоит патернализму. С другой – он возлагает ответственность на общество (школу, педагогов, одноклассников) за создание условий, в которых это высказывание может состояться. Общество лишается «алиби» в виде ссылок на «неготовность» или «естественность» нормы. Как следствие, инклюзия предстает не как услуга, а как «практика гостеприимства» – этическая установка на принятие Другого без требования его предварительной нормализации.

Этот диалогический подход находит поддержку в феноменологической традиции, на которую опирается, например, В.Л. Круткин, анализируя онтологию человеческой телесности [20]. Он утверждает, что познание укоренено в конкретном телесном опыте. Следовательно, ребенок с иными перцептивными или двигательными возможностями привносит в образовательный процесс не дефицит, а альтернативную эпистемологию – иной, но равноправный способ конструирования знания о мире [20, с. 112–128]. Признание этого требует перехода от унифицирующей педагогики к плюралистической эпистемологии, где успех измеряется не степенью приближения к эталону, а глубиной и уникальностью индивидуальной познавательной траектории, документируемой через формирующее оценивание.

Таким образом, подлинное преодоление барьеров лежит на пути онтологического поворота в понимании инклюзии. Он предполагает сдвиг:

1. От справедливости как распределения благ – к справедливости как признания различий.

2. От педагогики исправления и ассимиляции – к педагогике диалога и со-творчества.

3. От цели «подготовить к жизни в обществе» – к цели «совместно строить общество, в котором найдется место для разных жизней».

В этом смысле инклюзивная школа становится не затратным социальным учреждением, а микрополитической лабораторией демократии, практическим тренингом жизни в радикально разнообразном мире, где умение слышать инаковость и договариваться о совместных нормах становится ключевой гражданской и человеческой компетенцией.

Заключение

Проведенный социально-философский анализ позволяет сделать вывод о глубокой и многомерной природе противоречий, сопровождающих реализацию принципа справедливости в российской практике инклюзивного образования. Эволюция теоретического осмысления справедливости – от компенсаторного перераспределения ресурсов (Дж. Ролз) через обеспечение реальных свобод и возможностей (А. Сен, М. Нуссбаум) к радикальной критике самой нормативной шкалы (Т. Шекспир, Э. Клар) и этике взаимозависимости (Дж. Батлер, А. Хоннет) – демонстрирует, что формальное следование даже самым прогрессивным дистрибутивным или моделям недостаточно. В российском контексте, отягощенном наследием патерналистской и медицинской парадигм, эти модели наталкиваются на системные барьеры, порождающие ключевой парадокс – «реабилитационный нормативизм». В его рамках инклюзия, провозглашенная как изменение среды, на практике сводится к стремлению ассимилировать ребенка с инвалидностью, «подтянуть» его к неизменным нормативам, тем самым воспроизводя под новой, гуманной вывеской старую логику исключения.

Преодоление этого парадокса требует не просто увеличения финансирования или улучшения нормативной базы, но онтологического и эпистемологического сдвига в основаниях педагогики. Такой сдвиг возможен на пути синтеза критической теории инвалидности с альтернативными философскими традициями, проблематизирующими монологические нормы. Обращение к диалогической философии М.М. Бахтина, в частности к концепциям диалогичности, «не-алиби в бытии» и полифонии, открывает путь к переосмыслению инклюзии как практики гостеприимства и совместного смыслопорождения. В этом случае образовательное пространство конституируется не вокруг абстрактного норматива, а вокруг встречи уникальных позиций, где инаковость (включая инаковость телесного и когнитивного опыта) признается в качестве ценного эпистемологического ресурса, обогащающего всех участников.

Таким образом, стратегической задачей становится переход: – от инклюзии как системы коррекционных поправок к существующей системе – к инклюзии как принципу универсального дизайна и проектирования изначально разнообразной среды; – от педагогики, измеряющей успех приближением к эталону, – к педагогике, документирующей ценность уникальной познавательной траектории; – от цели интеграции «особого» ребенка в готовый социум – к цели со-трансформации ребенка и социума в процессе построения общего мира, способного вместить человеческое многообразие в его «блестящем несовершенстве».

Только осуществив этот поворот от логики дефицита к логике различия, от культа автономии к этике взаимозависимости и ответственности, можно надеяться на то, что принцип справедливости перестанет быть декларацией и станет живой практикой построения подлинно инклюзивного образовательного и социального пространства в России.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 20.01.2025).
2. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. 535 с.
3. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. П.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.
4. Nussbaum M.C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 256 p.
5. Shakespeare T. Disability Rights and Wrongs. – London; New York: Routledge, 2006. – 240 p.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29–37.

7. Clare E. *Brilliant Imperfection: Grappling with Cure*. Durham: Duke University Press, 2017. 240 p.
8. Butler J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. London; New York: Verso, 2004. 168 p.
9. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* / transl. by J. Anderson. Cambridge: Polity Press, 1995. 240 p.
10. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102160972&backlink=1&nd=102354337> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Коноплева А.Н., Лещинская Т.Л. Интегрированное обучение детей с особенностями психофизического развития: Монография. — Мн.: НИО, 2003. — 232 с.
12. Назарова Н.М. Теоретические и методологические основы образовательной интеграции // *Специальное образование*. 2012. № 3. С. 6–15.
13. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. — Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. — 260 с.
14. Малофеев Н. Н., Шматко Н.Д. Отечественные модели интегрированного обучения детей с отклонениями в развитии и опасность механического переноса западных моделей интеграции // *Альманах Института коррекционной педагогики*. 2008. № 12.
15. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ инвалидности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 192 с.
16. Попов А.А. Открытое образование: философия и технологии. Вып. 32. — 3-е изд. — М.: 2016. — 256 с.
17. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. Т. 1. С. 7–68.
18. Круткин В.Л. *Онтология человеческой телесности: философские очерки*. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2018. 290 с.

THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN INCLUSIVE EDUCATION: BARRIERS TO IMPLEMENTATION AND RUSSIAN PARADOXES

Gileva Z.V.
Tomsk State University

The article provides a socio-philosophical analysis of the implementation of the principle of justice in the practice of inclusive education in the Russian Federation. The study consistently examines the evolution of theoretical models of justice – from the distributive concept of J. Rawls through the capabilities approach of A. Sen and M. Nussbaum to the critique of normativity in the works of T. Shakespeare and E. Clare and the ethics of vulnerability recognition (J. Butler, A. Honneth). Against this theoretical background, specific barriers

(normative-legal, socio-cultural, economic-institutional) that hinder the implementation of inclusion in the Russian educational context, which has inherited paternalistic and medical paradigms, are identified. The author concludes that the key paradox is the gap between the formal adoption of inclusive principles and their substitution by the logic of “rehabilitative normativity,” aimed at assimilation rather than recognition of differences. As a philosophical and methodological basis for overcoming this contradiction, an appeal to the dialogical concept of M.M. Bakhtin and the phenomenology of corporeality is proposed, which allows rethinking inclusion as a practice of co-constructing a polyphonic educational space.

Keywords: inclusive education, social justice, differentiated equality, capabilities approach, normativity, disability, Russian education system, dialogism, M.M. Bakhtin.

References

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (date of access: 20.01.2025).
2. Rawls, J. *A Theory of Justice*. Novosibirsk: Novosibirsk University Press, 1995. 535 p.
3. Sen, A. *Development as Freedom* / transl. from English by R.M. Nureev. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. 432 p.
4. Nussbaum, M.C. *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 256 p.
5. Shakespeare, T. *Disability Rights and Wrongs*. London; New York: Routledge, 2006. 240 p.
6. Kant, I. *An Answer to the Question: What Is Enlightenment?* // Kant, I. *Collected Works in 8 Volumes*. Vol. 8. Moscow: Choro, 1994. Pp. 29–37.
7. Clare, E. *Brilliant Imperfection: Grappling with Cure*. Durham: Duke University Press, 2017. 240 p.
8. Butler, J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. London; New York: Verso, 2004. 168 p.
9. Honneth, A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* / transl. by J. Anderson. Cambridge: Polity Press, 1995. 240 p.
10. Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1598 dated 19.12.2014 On Approval of the Federal State Educational Standard for Primary General Education of Students with Disabilities. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102160972&backlink=1&nd=102354337> (date of access: 20.01.2025).
11. Konopleva, A.N., Leshchinskaya, T.L. *Integrated Education for Children with Special Psychophysical Development: Monograph*. Minsk: NIO, 2003. 232 p.
12. Nazarova, N.M. *Theoretical and Methodological Foundations of Educational Integration* // *Special Education*. 2012. No. 3. Pp. 6–15.
13. Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E.R. *Disability Policy: Social Citizenship of Persons with Disabilities in Contemporary Russia*. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2006. 260 p.
14. Malofeev, N. N., Shmatko, N.D. *Domestic Models of Integrated Education for Children with Developmental Disabilities and the Danger of Mechanically Transferring Western Models of Integration* // *Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*. 2008. No. 12.
15. Yarskaya-Smirnova, E.R. *Sociocultural Analysis of Disability*. Saratov: Saratov University Press, 1999. 192 p.
16. Popov, A.A. *Open Education: Philosophy and Technologies*. Issue 32. — 3rd ed. — M.: 2016. — 256 p.
17. Bakhtin, M.M. *Toward a Philosophy of the Act* // Bakhtin, M.M. *Collected Works: in 7 vols*. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003. Vol. 1. Pp. 7–68.
18. Krutkin, V.L. *Ontology of Human Corporeality: Philosophical Essays*. Izhevsk: Udmurt University Press, 2018. 290 p.

Заховаева Анна Георгиевна,

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук Ивановского государственного медицинского университета
E-mail: ana-zah@mail.ru

В представленной статье анализируются понятия «талант» и «гениальность» через призму синергетического подхода. Синергетика, таким образом, обретает антропологическую составляющую. Цель исследования: рассмотреть вопросы: Что есть талантливый и сверхталантливый человек? Что есть гениальность? Что отличает гениальность от таланта? Кого мы можем назвать гением и почему? Гений – это норма или патология? Основа исследования – синергетика, которая позволяет анализировать феномены в аспекте поливариативности и трансдисциплинарности.

При написании статьи использовались методы: синергетика, сравнительный и системный анализ, элементы герменевтического анализа.

Новизна: впервые понятия «гениальность», «талант» рассматриваются в рамках синергетики как философского метода. Соотношение понятий «талант» и «гений» в контексте синергетического подхода проанализированы в виде таблицы. Выводятся основные характеристики синергетики в отношении «таланта» и «гения».

Представленная статья – это приглашение к дискуссии, ибо в нем разрушается устойчивое мнение о гениальности как некоей психической патологии. Гений – это универсальная, адекватная личность с наивысшим уровнем интеллектуального развития. Гениальность – это высшая степень одарённости (таланта), способность через творчество формировать новые нарративы, нестандартные и оригинальные идеи, способствующие прогрессу всего человечества. Путь гения – это путь к человечеству и духовному совершенству.

Ключевые слова: талант, гениальность, творчество, синергетика, философия, антропология, личность.

Введение

В представленной статье анализируются понятия «талант» и «гениальность» через призму синергетического подхода. Цель исследования: рассмотреть вопросы: Что есть талантливый человек? Что есть гениальность? Что отличает гениальность от таланта? Кого мы можем назвать гением и почему? Гений – это норма или патология? Основа исследования – синергетика, которая позволяет анализировать феномены в аспекте поливариативности и трансдисциплинарности.

При написании статьи использовались методы: синергетика, сравнительный и системный анализ, элементы герменевтического анализа.

Новизна: впервые понятия «гениальность», «талант» рассматриваются в рамках синергетики как философского метода. Синергетика, таким образом, обретает антропологическую составляющую. Соотношение понятий «талант» и «гений» в контексте синергетического подхода проанализированы в виде таблицы.

Синергетика как антропологический принцип

В данном исследовании проводится анализ понятий «талант» и «гениальность» через призму синергетического подхода. Синергетика позволяет анализировать феномены в аспекте многовариантности, полиэлементности и неоднозначности трактовок. От узкого понимания синергетики в работе Г.Хакена в рамках математической физики [13], мы рассматриваем синергетику как философских метод. Синергетика как универсальный метод, таким образом, обретает антропологическую составляющую, она предполагает:

- альтернативность развития (мышления);
- самоорганизацию (как самопознание);
- системность;
- выход из системы и разрушение системы;
- случайность как элемент миропорядка;
- творчество;
- моделирование;
- самоорганизация;
- бифуркация (возможность быстрой перестройки);
- универсальность.

Так синергетические принципы становятся в философии инструментом понимания сущности явлений. Синергетическая картина мира в философии – это «синергетика с человеческим лицом», социосинергетика, синергетическая антропология» [11] это сближает её с экзистенциализмом как философии личностного бытия.

Понятие «талант»

Что отличает талант от гениальности? Талант – это способность к развитию своих потенциальных творческих способностей. Талантливый человек – это творческая личность. Талант в основном проявляется в одной из сфер деятельности, хотя есть и исключения, которые уже выходят на следующий уровень – гениальность. Генетическая составляющая – база таланта. Генетики полагают, что «личность неизбежно формируется под влиянием взаимообусловленных процессов изменчивости генной активности и реактивности организма, встречающихся с бесконечным разнообразием стимулов внешней среды» [15]. В каждом человеке (не имеющих патологий головного мозга и ЦНС) при рождении есть зачатки таланта, особых способностей, которые можно развивать.

База талантливого человека – это гармоничное сочетание интеллекта и эмоций. Интеллект талантливого человека – это возможность использовать генетические задатки, умение анализировать, мыслить, применять творческий подход в решении поставленных задач. Талант направлен на саморазвитие, самоанализ, самовоспитание. Чувственная сфера талантливой личности – это «эмоциональный интеллект», высокий уровень эмпатии. Талантливый человек открыт для общения, хотя не всегда понят. Талант может проявляться в одной (двух, трёх не более) областях, и это не только наука или искусство. Можно говорить, например, о таланте кулинара (кондитера) и спортсмена, таланте руководителя, талантливого инженера, строителя (мастера «золотые руки»). Таким образом, каждый человек талантлив в той или иной области, оценку таланту ставит его время, общество в котором он живёт. Однако следует разграничить понятия «талант» и «сверхталант», это личности, которые в одной из областей знания или искусств совершили революционный прорыв: И. Ньютон, Н. Пирогов, С. Королёв и мно-

гие другие деятели науки, в искусстве — это Рафаэль, Микеланджело, Шекспир, А. Пушкин — их имена можно дополнять и дополнять, у каждой эпохи свой сверхталант, выдающаяся Личность.

Талант — это база гениальности. Если талант можно развить, гениальность нет. Каждый гений талантлив, но не каждый талант — Гений.

Что есть гениальность?

Гениальность — это универсальная и уникальная личность, наивысший уровень интеллектуального развития человека, высшая степень одарённости, способность через творчество формировать новые нарративы, нестандартные и оригинальные идеи, способствующие прогрессу всего человечества.

Особенность гениальности в том, что, казалось бы, гений поступает спонтанно, бессознательно, это сначала кажется абсурдом, но потом обретает логику и революционную новизну. Великий немецкий философ И. Кант отмечает, что «гений сам не может описать или научно показать, как он создаёт своё произведение; он даёт правило» [6]. Интеллект гения имеет, своего рода, сверхспособность производить сверхкреативные, нестандартные идеи, формирующие особое миропонимание.

«Гений — это феномен культуры» [8]. Каждая эпоха понимает гениальность по-своему, с одной стороны гений отражает своё время, с другой гений — это человек Мира, вне времени, его идеи идут впереди самого прогресса. Гений задаёт духовный вектор прогресса, «духовность неотъемлема от гениальности. Гениальность необходимо рассматривать как высшую форму функционирования человека, его интеллектуального и духовного развития, открывающего возможность осмысления трансцендентных путей его существования» [14]. Духовность — важная составляющая гениальности. «Духовность предполагает значительный уровень интеллекта. Это особое интеллектуальное состояние человека, когда разум находится в гармонии с чувствами, то, что мы называем мудростью. Духовность и интеллект — два взаимосвязанных понятия. Духовность — это интеллектуальное богатство личности. Интеллект — это одна из ступеней к духовности. При этом духовность — это своего рода высшее качество интеллекта, когда он способен использовать полученное знание исключительно в гуманных целях» [4].

Личность гения охватывает множество сфер человеческой жизни, его знания универсальны. За всю историю человечества можно говорить лишь о нескольких гениях: Аристотель, Авиценна, Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, А.Эйнштейн. Почему именно Они?

Аристотель (384–322 годы до н.э.), его уникальные способности распространяются на множество наук и искусств: философия, медицина, биология, физика, астрономия, метеорология, геология, география, зоология, ботаника, эстетика, поэзия и искусство в целом, логика, этика, политика, риторика, лингвистика, педагогика (основатель и руководитель философской школы — «Лицей»). При этом большинство наук ещё только находились на стадии зарождения. Диоген Лаэртский (историк начала Ш века) в работе «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» указывает, что Аристотель отличился во всех науках, он перечисляет его многочисленные труды, «всего в его сочинениях 445 270 строк» [3], утверждает он. Аристотель оказал огромное влияние на развитие культуры и человеческой цивилизации, «все его исследования, достижения, идеи и мысли серьезно повлияли на формирование научного мировоззрения, развитие научного знания, культуры, образования в последующие эпохи не только в рамках европейской цивилизации, но и во всем мире» [10].

Ибн Сина Абу Али Хусейн Ибн Абдаллах (Авиценна) (980–1037). Им написано более 450 научных трактатов в 29 сферах науки: философия (теология), медицина, астрономия, геодезия, химия, логика, математика, механика, он был композитором и музыкантом, известным поэтом. «У гениев, как Авиценна, есть не только интеллект, но и стойкость, сила разума, лидерство, дисциплина, упорство и уверенность в самом себе» [1].

Леонардо да Винчи (1452–1519) — «всеохватывающий гений, границы которого можно только почувствовать, но не познать», — утверждает З.Фрейд в работе «Леонардо да Винчи. Воспоминания детства» [12]. Он «*homo universalis*» — универсальная личность, он объединяет в себе все виды искусства (живопись, графика, архитектура, музыка, литература), гуманитарные науки (философия, история), естественные науки (математика, инженерия, астрономия, медицина), у него есть прикладные исследования в области военного дела, трактат о шахматах и др. Большинство его трудов было представлено мировому научному сообществу лишь спустя П столетия в виде ХШ томов, «составленных более чем из 7 тысяч листов его записей» [7]. Все свои научные знания он применил в немногочисленных шедеврах живописи (их всего 15). У него была особая страсть к творчеству и исследованию. Леонардо

да Винчи внес огромный вклад практически во все отрасли научного познания и искусства, его творческое наследие — это вершина гениальности.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). «Учёный эмпирист и рационалист. Ломоносов сторонник двух истин: истины науки и истины веры. В философии истории он раскритиковал «норманскую теорию», которая утверждала, что русский народ всегда был подчинен другим народам и неспособен к самостоятельному политическому развитию» [5]. Ломоносов ярко проявил себя, как в естественных науках (химия, физика, медицина, геология, география, астрономия и др.), так и в гуманитарных (история, философия, педагогика, лингвистика). Особый вклад он внёс в искусство (художественная мозаика, поэзия, литература). Более того, он, как и Леонардо да Винчи, он соединил искусство и науки: «М.В. Ломоносов своей поэзией поставил точку в многовековом споре ученых-астрономов о геоцентрической и гелиоцентрической модели мира» [2], а в стихотворении «О пользе стекла» отразил знание о данном предмете в поэтической форме. Ломоносов стремился к фундаментальным энциклопедическим знаниям во всех отраслях познания.

Альберт Эйнштейн (1879–1955). Физик, совершивший величайший прорыв в науке, астроном, химик, изобретатель (более 20 патентов), философ, публицист, историк науки, музыкант. Он имел чёткую социальную позицию, выступал против фашизма и войн (пацифист), учёный-гуманист. У него был особый талант — быть гением.

Гениальность и безумие

Однако часто творческая, высокоинтеллектуальная личность воспринимается как «ненорма»? Встает вопрос: Гений — это норма или патология? Может ли гениальность рождать умопомешательство, или бред — предвестник интеллектуального озарения? В книге «Гений и помешательство» Ч. Ломброзо утверждает, что гений и безумие — это взаимосвязанные понятия [9]. Однако Ломброзо Ч. чётко не дает определения «гениальности». Возможно, безумие есть следствие гениальности, как «плата» за сверхспособности (?).

Безумие — это, своего рода, «изъян интеллекта», дисгармония эмоциональной сферы и как результат искажение действительности, вследствие ложных чувственных ассоциаций, односторонности мышления. Зацикленность на одной из сфер творчества или науки, одержимость одной идеей, приводят к патологии восприятия действительности. Гений же универсален! Нам неизвестно ничего о психических расстройствах Аристотеля, Авиценны, Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносова. Диагноз А. Эйнштейну «Синдром Аспергера» (форма аутизма) был ему поставлен уже после его смерти в 2003 году (?), при этом его жизнь и общественная деятельность никак не совместимы с аутизмом.

Талант (сверхталант) проявляется в узкой области своего творчества, бессознательно порождает хаос, который и может привести к психическим расстройствам. Гений — это адекватно мыслящая личность, встроенная в социум.

Соотношение понятий талант и гений в контексте синергетического подхода

Рассмотрим в виде таблицы соотношение понятий талант и гений в контексте синергетического подхода (табл. 1).

Таблица 1

Основные принципы синергетического подхода	Талант	Гений
Альтернативность развития (мышления)		+
Самоорганизацию (как самопознание)	+	+
Системность	+	+
Выход из системы и разрушение системы		+
Случайность как элемент миропорядка		+
Творчество	+	+
Моделирование	+	+
Самоорганизация		+
Бифуркация		+
Универсальность		+

Заключение

Очевидно, что талант и гений выходят за границы «стандартно нормальной личности». Талант — это первая ступень гениальности. Оценку гениальности ставит Человечество сквозь века. Неприметные для простого человека вещи, у выдающейся людей обретают многовариативность

комбинаций, обретая новое содержание и новую сущность. Но не хаос безумных мыслей рождает гениальные идеи, а логика, труд, опыт, интеллектуальная интуиция, чёткое осознание реальности, социальная ответственность. Путь гения – это путь к Человечеству и духовному совершенству.

Представленная статья – это приглашение к дискуссии, ибо в ней разрушается устойчивое мнение о гениальности как некой психической патологии. Гений – это адекватная личность с огромной жадной познающей.

Литература

1. Алемасова М.Л., Ширанкова А.С. Авиценна: великий врач и мыслитель // Наука и Образование. 2022. Т. 5. № 1. С. 216. EDN: JPHUNC
2. Бушуев В.В. Ломоносов как предтеча и актуалист русского космизма // Флагман науки. 2025. № 1 (24). С. 526. EDN: QUCKTC
3. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов \ АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль. 1979. 620 с. С. 213–214.
4. Заховаева А.Г. Ценность и смысл понятия «духовность» на изломе нравственных парадигм // Ценности и смыслы. 2017. № 5 (51). С.113.
5. Заховаева А.Г. Философия и её смысл. М.: Издательский дом Академии Естествознания. 2017. 223 с. С.102. ISBN 978-5-91327-453-3
6. Кант И. Сочинения / под редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – Москва: Мысль. 1966. Т. 5. С. 323–324.
7. Кузница Д.С., Заховаева А.Г. вклад Леонардо да Винчи в развитие медицины // В сборнике: Философские, этические и исторические проблемы медицины. Материалы VI международной научной конференции молодых ученых и студентов. Иваново, 2025. С. 71–72.
8. Логунова Л., Халуторных О. Экспедиция в гениальность // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 150.
9. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Академический проект. 2011. 237 с. ISBN 978-5-8291-1310-0
10. Муталимов А.Э. Влияние учения Аристотеля на последующее развитие науки, культуры, образования // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 2 (75). С. 64.
11. Ополе П.В. Синергетика и философия Н.Н. Страхова // Молодой ученый. 2009. № 2 (2). С. 93–97.
12. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1990. 48 с. С. 3.
13. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 412 с.
14. Холондович Е.Н. Гениальность и духовность: два аспекта одной проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 70.
15. Шилова Л.В. Одарённость и талант как ресурс генерации творческого пространства // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14–15. С. 71.

GENIUS AND TALENT IN THE CONTEXT OF SYNERGETIC ANALYSIS

Zakhovaeva A.G.

Ivanovo State Medical University

The article analyzes the concepts of «talent» and «genius» through the lens of the synergetic approach. Thus, synergetic acquires an anthropological component. The purpose of the study is to address the following questions: What is a talented and super-talented person? What is genius? What distinguishes genius from talent? Who can be considered a genius, and why? Is genius a norm or a pathology? The basis of the research is synergetic, which allows us to analyze phenomena in terms of polyvariability and transdisciplinarity. The methods used in this article include synergetic, comparative and system analysis, and elements of hermeneutical analysis. The novelty of this article lies in the fact that it is the first time that the concepts of «genius» and «talent» have been examined within the framework of synergetic as a philosophical method. The relationship between the concepts of «talent» and «genius» in the context of the synergetic approach has been analyzed in the form of a table. The main characteristics of synergy are derived in relation to «talent» and «genius».

The presented article is an invitation to discussion, as it challenges the prevailing perception of genius as a mental disorder. A genius is a universal, well-rounded individual with the highest level of intellectual development. Genius is the highest degree of giftedness (talent), the ability to create new narratives, innovative ideas, and contribute to the progress of humanity through creativity. The path of genius is a journey towards humanity and spiritual perfection.

Keywords: talent, genius, creativity, synergetic, philosophy, anthropology, personality.

References

1. Alemasova M.L., Shirankova A.S. Avicenna: The Great Physician and Thinker // Science and Education. 2022. Vol. 5. № 1. P. 216. EDN: JPHUNC
2. Bushuev V.V. Lomonosov as a Forerunner and Actualist of Russian Cosmism // The Flagship of Science. 2025. № 1 (24). P. 526. EDN: QUCKTC
3. Diogenes Laërtius On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers \ USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: Mysl. 1979. 620 p. P. 213–214.
4. Zakhovaeva A.G. The Value and Meaning of the Concept of «Spirituality» at the Turning Point of Moral Paradigms // Values and Meanings. 2017. № 5 (51). P. 113.
5. Zakhovaeva A.G. Philosophy and its meaning. Moscow: Publishing house of the Academy of Natural Sciences. 2017. 223 p. P. 102. ISBN 978-5-91327-453-3
6. Kant I. Works / edited by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman. – Moscow: Mysl. 1966. Vol. 5, Pp. 323–324.
7. Kuznitsina D.S., Zakhovaeva A.G. Leonardo da Vinci's contribution to the development of medicine // In the collection: Philosophical, ethical and historical problems of medicine. Proceedings of the VI international scientific conference of young scientists and students. Ivanovo, 2025. Pp. 71–72.
8. Logunova L., Khalutornyykh O. Expedition into Genius // Higher Education in Russia. 2001. № 1. P. 150.
9. Lombroso C. Genius and Madness. Moscow: Akademicheskyy Proekt. 2011. 237 p. ISBN 978-5-8291-1310-0
10. Mutalimov A.E. The Influence of Aristotle's Teachings on the Subsequent Development of Science, Culture, and Education // Mission of Confessions. 2024. Vol. 13. № 2 (75). P. 64.
11. Opolev P.V. Synergetic and Philosophy of N.N. Strakhov // Young Scientist. 2009. № 2 (2). P. 93–97.
12. Freud Z. Leonardo da Vinci. Childhood Memories. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House. 1990. 48 p. P. 3.
13. Haken, G. Synergetic. Instability Hierarchies in Self-Organizing Systems and Devices. Moscow: Mir, 1985. 412 p.
14. Kholodovich, E.N. Genius and Spirituality: Two Aspects of One Problem // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Human and World. 2018. Vol. 2, № 2, P. 70.
15. Shilova, L.V. Giftedness and Talent as a Resource for Generating Creative Space // Culture in the Focus of Scientific Paradigms. 2022. № 14–15, P. 71.

Диалектика мифа в культурогенезе: от непосредственной субстанции к абсолютной форме опосредования

Манасеев Дмитрий Дмитриевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
E-mail: manaseev@inbox.ru

В данном исследовании, автор полагает миф не как эмпирический феномен культурной истории, но как необходимую логическую форму самораскрытия духа в его движении к самосознанию. Посредством спекулятивно-диалектического метода реконструируется имманентное становление мифа как определения мысли, чья историческая последовательность есть лишь явление его внутренней логики. Особенностью данной статьи является то, что история культуры изучается как логически необходимая диалектика форм мифа, движущаяся от непосредственности через отчуждение и рефлексию к полной, негативной свободе духа в его сетевом инобытии.

Ключевые слова: в-себе-бытие, диалектика, для-себя-бытие, миф, опосредование, рефлексия, симулякр, снятие, субстанция, тотальность.

Введение

Проблема генезиса культуры тесно связана с изучением мифа как основополагающей формы осмысления и упорядочивания реальности. В древних обществах миф был не просто рассказом о богах и героях, а целостной символической системой, конституирующей социальный и космический порядок. Он выполнял несколько ключевых функций – онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и праксеологическую. Актуальность исследования обусловлена тем, что принципы мифотворчества, отработанные в античности, легли в основу многих политических идеологий последующих эпох.

Предметом настоящего исследования является не эмпирическая история мифологических представлений, а логическая необходимость их последовательности как моментов саморазвития духа. Эмпирическое многообразие форм (античная мифология, христианское откровение, идеологии, цифровые нарративы) есть лишь явление внутреннего движения понятия эйдоса мифа. Задача, следовательно, состоит не в хронологическом описании, но в спекулятивном постижении того, как каждая последующая форма с логической необходимостью вытекает из имманентного противоречия предыдущей, снимая его и полагая тем самым новое определение мысли. Такой подход позволяет преодолеть внешнюю, рассудочную точку зрения на культурогенез и понять его как развитие вовнутрь, как историю освобождения духа через опосредование им своих собственных содержаний. Методом служит диалектика в ее гегелевском понимании, [1] где каждая ступень есть одновременно и результат, и предпосылка движения к тотальности. Таким образом, избираемый спекулятивно-диалектический метод сознательно дистанцируется от доминирующих сегодня постструктуралистских подходов (восходящих к Фуко и Деррида), которые акцентируют случайность и множественность культурных форм. Не отрицая их эвристической ценности для анализа конкретных дискурсивных практик, авторским является утверждение, что для постижения мифа как тотальности, то есть как целостного логического субъекта истории духа – необходим возврат к систематической философии. Задачей данного исследования является продемонстрировать, что сама логика распада тотальности в симулякрах есть необходимый, имманентный момент диалектики тотального, а не его внешнее отрицание.

Степень изученности

Политическая мифология, традиционно рассматривается через призму идеологии или политологии, в современном философско-культурологическом дискурсе необходимо переосмыслить ее в качестве автономной символической формы, имманентно присущей коллективному сознанию. Несмотря на обширную традицию изучения, можно выделить таких исследователей как К. Леви-Стросс, Р. Барт, А. Ф. Лосев, остается не изученным функциональный статус политической мифологии в исторической перспективе культуры. Помимо классиков структурализма и отечественной философии мифа, данное исследование учитывает и критически перерабатывает достижения более поздних интеллектуальных традиций. В частности, теория политических мифов Дж. Сореля и К. Шмитта рассматривается как ключевое звено в переходе от теологического к идеологическому. Также необходимо выделить работы Ж. Бодрийара о симулякрах и гиперреальности, предоставляющие инструментарий для анализа современного этапа.

Настоящее исследование направлено на преодоление узкодисциплинарной фрагментарности и предложить целостную модель.

Основная часть

Первое, что нужно отметить – миф как культурный феномен может быть понята лишь при признании его внутренней организационной основы (эйдоса), который и занимает в этой системе главенствующее положение. Главенство эйдоса обосновано тем, что именно он обеспечивает возможность превращения разрозненных переживаний и представлений, составляющих материю мифа, в структурированное и осмысленное единство. Без предваряющей смысловой схемы эти психические содержания оставались бы хаотичными и не могли бы сформировать устойчивую культурную форму. Из этого следует, что материал мифа – персонажи, события, явления природы и элементы социальной практики. Материал мифа возникает не сам по себе, а в ре-

зультате эйдетического отбора, который придает ему образность, значимость и включенность в определенные смысловые отношения. Все остальные элементы вычеркиваются. Материал мифа, таким образом, лишь проявляет заложенные в эйдосе структурные принципы, служа их конкретным воплощением. Аналогично и внешняя форма мифа, языковая, ритуальная или визуальная формы подчинены эйдосу, поскольку внешняя форма мифа представляет собой способ вынесения внутренней структуры во внешний культурный облик. Именно благодаря эйдосу миф становится воспроизводимым, понятным и передаваемым, превращаясь из индивидуального опыта в коллективную символическую систему. Таким образом, главенство эйдоса логически обусловлено его функцией формообразующего, упорядочивающего и смыслополагающего начала, без которого мифологическое целое не может существовать как культурная реальность. Перейдем к рассмотрению мифа с позиции культурогенеза.

Миф в архаическом обществе выступал не описательной, а конституирующей формой, задающей структуру возможного опыта через синкретичность, персонификацию и сакральный порядок. Начиная с Гомера и Гесиода обнаруживается фундаментальная связь мифологии и генеалогии, за которой следует политическая легитимизация. Личность и статус героя определялся не только его личной доблестью, но и принадлежностью к сакральному порядку. В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса / Спорить с сынами, хотя и рождены ты рекою великой! / Ты от реки широкой своим величаешься родом; / Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь» [2, с. 331]. Утверждение Ахилла о том, что он есть сын Зевса, в своей сущности выступают не только метафорой. Это демонстрирует непосредственную причастность единичного всеобщему. Следовательно, сакральное не трансцендентное, оно имманентно миру. Из этого следует, что всеобщее (божественное, сакральное), и единичное (герой, событие, полис) даны в качестве неразрывного, чувственно-образного тождества.

Следует, однако, провести важное различие. Непосредственность архаического мифа есть не просто эмпирическая неразвитость, а логически необходимая форма тождества-в-различии. В терминах Гегеля, это тождество есть «субстанция», которая еще не стала «субъектом». Герой (единичное) не «представляет» божественное (всеобщее), он есть его буквальная, телесная презентация. Это создает специфическую онтологию, которая заключается в том, что мир представляется как иерархия сакральных мест и родственных связей. Противоречие заключается в следующем – утверждая себя через единичное воплощение, всеобщее отрицает свою собственную бесконечность и универсальность, полагая себя как конечное (этого героя, этот полис, эту реку). В связи с этим мифологическое сознание того времени не разграничивает сущность и ее проявление, а значит миф, содержит в себе внутреннее противоречие, требующее снятия. Чтобы всеобщее могло утвердиться как действительно универсальное, оно должно выйти за пределы чувственно-образной непосредственности и осуществить различие между символом и тем, что в нем выражено. Из этого следует, что отрицание мифа содержится и вытекает из логики самого мифа. Его стремление быть для-себя-бытием заставляет его перерастать собственную образность и переходить к более рефлексивным формам духовного самоосознания.

Этот переход осуществляется с приходом христианства. В этот период дух впервые полагает себя как отличный от природного мира феномен, как абсолютно иное. Сакральное возводится в чистую, бесконечную трансцендентность (Бог как абсолютный субъект), а мир природы и истории становится областью имманентного, профанного. Это стадия для-себя-бытия духа, его отчуждения от своей первоначальной субстанции. Следовательно, происходит трансформация мифологических конструкций. Античный миф отрицается и воспринимается сознанием как нечто другое, противоречащее новой системе восприятия реальности. Во многом это связано с тем, что миф перестает восприниматься как часть космоса. В средневековье миф становится формой истории. Однако истории, понятой как линейное движение к трансцендентной цели (эсхатон).

Также меняется и восприятие героев и правителей. Если в Античности власть легитимизировалась через непосредственное родство с мифологическими божествами, то в Средневековье власть определяется через принцип опосредования: правитель есть помазанник Божий. Его авторитет произведен, он свидетельствует о другом, высшем авторитете. Если же говорить о мифологическом герое, то в средневековье он сменяется святым, чья святость есть отрицание его природной сущности, знак причастности трансцендентному.

Однако достигнув высоты абстрактного различия, дух, в терминологии Ф. Гегеля [1, 128], выраженный через миф, сталкивается с новым противоречием. Абсолютно трансцендентное не может иметь действительного, имманентного отношения к миру. Их связь становится

внешней, чудесной, непостижимой для разума. Трансцендентность, чтобы быть действенной, должна снять саму себя, вернуться в имманентность, но уже не как непосредственное тождество, а как опосредованное, рефлексированное единство.

Исходя из диалектической логики за отрицанием должен наступить этап снятия возникшего противоречия. Мифологическое снятие, которое возникло в результате возникших противоречий античного и средневекового миропонимания осуществляется в эпоху Модерна. Дух, отрицая свою потустороннюю абстракцию, имманентизирует сакральное, возвращает его в мир, но уже не как данность, а как продукт своей собственной, рефлексивной деятельности. Миф становится сознательным проектом, идеологией. Это стадия в-себе-и-для-себя-бытия, где дух познает объективный мир как свое собственное инобытие и активно формирует его.

Следовательно, происходит трансформация восприятия действительности, что ведет за собой вынужденную смену категориального аппарата. Так, категории богословия снимаются в категориях политической философии: понятие «Бог» начинает выражаться посредством понятия «суверенный народ» или понятии «объективных законах истории», «промысел» в «исторической необходимости», «спасение» в «революционном освобождении» или «техническом прогрессе». Об этом подробно писал А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» [3]. Ученый продемонстрировал как происходит трансформация сакрального в мифологию.

В эпоху Модерна возникает и массово распространяется такой феномен как идеология. В сущности, идеологии являются завершенными системами секулярного мифотворчества, предлагающие тотальное, всеобъемлющее объяснение реальности. Здесь следует отметить, что в отличие от понятия «спасение», которое постигается чувственно, понятие «революционное освобождение» требует рационального обоснования. Следовательно, идеологии представляют собой рефлексированные синтезы, где мифологическая структура (эсхатология, мессиянский субъект, образ врага) выражаются через рациональные умозаключения. Миф достигает здесь своей высшей точки как опосредованное тождество духа и мира, но тождество, осуществляемое через насилие рефлексии над многообразием жизни. Тотализирующая претензия на абсолютную истину вступает в непримиримый конфликт с плюральностью социального опыта, с автономией единичного сознания, с критической силой рефлексии, породившей саму идеологию. Идеология, стремящаяся быть всеобщим, вырождается в догму, ее синтез становится абстрактным и репрессивным. Следовательно, кризис идеологии – это не внешнее поражение, а реализация ее внутреннего противоречия между рациональной формой и мифологическим, тотализирующим содержанием. Это внутреннее напряжение требует нового, второго отрицания. Здесь важно отметить, что необходимо не отрицание какой-либо части системы, необходимо отрицание самой формы тотальности.

Отрицанием тотального синтеза политического мифа выступает эпоха цифровой симуляции. Если Модерн снял противоположность в единой системе, то Постмодерн отрицает саму возможность такого синтеза. Единый миф распадается на множество единичных, самодостаточных симулякров. Большие идеологии теряют убедительность. Их место занимают мифологемы-мемы, локальные мифы. Они не претендуют на всеобщность, но обладают вирусной интенсивностью. Стоит отметить, что миф становится перформативным жестом в сетевом пространстве, где его «истинность» доказывается не соответствием миру, а интенсивностью производимого эффекта, его виральным потенциалом.

Современный мир симулякра, будучи моментом абсолютной негативной свободы, так как эта свобода от любого положительного содержания, от самой себя как субстанции, содержит в себе имманентное противоречие, которое становится двигателем к новому синтезу. Дух, уставший от собственной свободы, начинает искать новые формы связности. Это не отказ от цифрового опосредования, а его перезагрузка с положительным знаком.

Заключение

Проведенное исследование позволяет выдвинуть тезис о вступлении диалектики мифа в новую, гипотетическую фазу – фазу постцифрового синтеза или «новой непосредственности». Нарастающее количество противоречий возникающих у духа от негативной свободы симулякра и поиск связности могут привести не к возврату архаических или идеологических тотальностей, а к возникновению сетевой тотальности нового типа – децентрализованной, ризоматической (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Д.Д. Манасеев [4]), основанной на алгоритмической, а не сакральной или рациональной, логике опосредования. Таким образом, диалектика мифа предстает не как закрытая историческая схема, а как открытый

логический каркас для осмысления антропологических трансформаций в эпоху становления искусственного интеллекта.

Литература

1. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1970. – 501 с.
2. Гомер Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – М.: «ГИХЛ», 1960. – 436 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / сост., подгот. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
4. Манасеев, Д.Д. Категории пространства и времени в политической мифологии / Д.Д. Манасеев // Антропос: Логос и Теос. – 2022. – № 8. – С. 272–284

THE DIALECTICS OF MYTH IN CULTURAL GENESIS: FROM DIRECT SUBSTANCE TO ABSOLUTE FORM OF MEDIATION

Manaseev D.D.

Vladimir Dahl Lugansk State University

In this study, the author considers myth not as an empirical phenomenon of cultural history, but as a necessary logical form of the spirit's self-discovery in its movement towards self-awareness. Through the use of the speculative-dialectical method, the immanent development of myth is reconstructed as a definition of thought, whose historical sequence is merely a manifestation of its internal logic. The peculiarity of this article is that the history of culture is studied as a logically necessary dialectic of the forms of myth, moving from immediacy through alienation and reflection to the complete, negative freedom of the spirit in its networked otherness.

Keywords: in-itself-being, dialectics, for-itself-being, myth, mediation, reflection, simulacrum, negation, substance, totality.

References

1. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich Science of Logic. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, Mysl, 1970. – 501 p.
2. Homer's Iliad / Translated by N.I. Gnedich. – Moscow: GIKhL, 1960. – 436 p.
3. Losev, A.F. Dialectics of Myth / Compiled and Prepared by text, general ed. A.A. Takh-Godi, V.P. Troitsky. – M.: Thought, 2001. – 558 p.
4. Manaseev, D.D. Categories of Space and Time in Political Mythology / D.D. Manaseev // Antropos: Logos and Theos. – 2022. – No. 8. – Pp. 272–284

Мифотехники в эпоху искусственного интеллекта конструирование цифровых метанарративов в информационной войне

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доктор философских наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: VGPichugin@fa.ru

Годунова Лидия Андреевна,

ассистент Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: LAGodunova@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу трансформации технологий мифотворчества («мифотехник») в условиях доминирования искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых платформ. Исследуется конструирование цифровых метанарративов как ключевого инструмента современной информационной войны. Доказывается, что информационное противостояние эволюционировало от тактик дезинформации к комплексному производству новых мифологизированных реальностей – гибких, адаптивных смысловых полей, претендующих на роль новой символической основы коллективного сознания. В работе раскрывается парадоксальная природа современных мифотехник, которые, используя предельно рациональные инструменты ИИ (генеративные модели, системы микро-таргетинга, алгоритмы рекомендаций), производят иррациональные, эмоционально заряженные повествования. Эти алгоритмически управляемые метанарративы характеризуются бинарностью, гибридной истинностью (смесь фактов и вымысла), эмоциональной оптимизацией и вовлечением пользователя в сотворчество. Их стратегическими целями становятся легитимация/делегитимация социальных порядков, перепрограммирование исторической памяти, создание эпистемического хаоса и колонизация образов будущего. Делается вывод о качественном скачке: миф превращается из стихийного культурного феномена в продукт целенаправленного высокотехнологичного инжиниринга. Авторы приходят к выводу, что борьба в цифровую эпоху – это борьба за онтологическое определение реальности, что ставит под угрозу основы эпистемологического доверия и человеческой субъектности. Противостояние деструктивным цифровым метанарративам требует разработки новой критической оптики, способной анализировать не только содержание нарративов, но и алгоритмическую логику их производства.

Ключевые слова: социальная философия, мифотехники, искусственный интеллект, цифровые метанарративы, информационная война, алгоритмическое управление, гиперреальность, коллективное сознание, генеративные модели, симулякры.

Введение

Современное информационное пространство, радикально трансформированное цифровыми технологиями и искусственным интеллектом (ИИ), становится главной ареной смысловой борьбы и конкуренции идентичностей. Информационная война [1] эволюционировала от тактик дезинформации и пропаганды к комплексному конструированию новых мифологизированных реальностей – цифровых метанарративов [2]. Эти метаповествования, выстраиваемые с помощью алгоритмически управляемых «мифотехник», претендуют на то, чтобы стать новой символической основой коллективного сознания, перекодируя историческую память, ценности и проекты будущего.

Традиционно миф, понимаемый в социальной философии как базовый нарративный и ценностный каркас общества, конструировался в рамках культурных, религиозных и идеологических систем. Однако в цифровую эпоху его производство индустриализируется и гибридируется с технологиями ИИ. Мифотехники – совокупность методов и технологий по созданию, распространению и внедрению в массовое сознание мифологизированных повествований – обретают качественно новую мощь и масштаб. Алгоритмы персонализированной выдачи контента, генеративные модели, создающие убедительные тексты, изображения и видео, системы анализа больших данных для точечного воздействия превращают миф из спонтанного культурного феномена в управляемый продукт, производимый в стратегических целях.

В этом контексте актуальность исследования обусловлена необходимостью философского осмысления природы и механизмов этих новых цифровых метанарративов. Они представляют собой не просто «ложные истории», а сложные семиотические системы, которые, опираясь на архетипические структуры коллективного бессознательного, заполняют их актуальным политико-идеологическим содержанием. Их цель – не только манипуляция мнением по отдельным вопросам, но и формирование целостной, альтернативной картины мира, способной легитимировать или, наоборот, демонизировать социальные порядки, исторические события и геополитических акторов.

Целью данной статьи является социально-философский анализ трансформации мифотехник в условиях доминирования искусственного интеллекта и выявления специфики конструирования цифровых метанарративов как ключевого инструмента современной информационной войны.

Научная новизна работы заключается в синтезе социально-философского анализа мифа с исследованиями цифровых технологий и теории информационных войн. Раскрывается парадоксальная природа современных мифотехник: использующая предельно рациональные, вычисляющие инструменты ИИ для производства иррациональных, эмоционально заряженных и тотализирующих повествований, которые эффективно борются за статус новой «объективности».

Исследование опирается на традицию критической социальной философии, теорию медиа М. Маклюэна [3], технологий управления вниманием, а также на современные работы по философии искусственного интеллекта и цифровой онтологии. Анализ проблемы конструирования цифровых метанарративов позволяет выйти на фундаментальные вопросы современности: о природе реальности в «гиперреальном» пространстве (Ж. Бодрийяр) [4], о кризисе эпистемологического доверия и о будущем человеческой субъектности в мире, где мифы производятся машинами, но проживаются людьми как подлинные.

От социального мифа к алгоритмической мифологии: теоретический каркас

В социальной философии, от Э. Кассирера до Р. Барта, миф интерпретируется не как примитивная выдумка, а как особая форма смыслообразования, структурирующая опыт и задающая систему ценностных координат сообществу. Это нарратив, претендующий на сакральный статус и не требующий рациональной верификации, чья истинность подтверждается верой и ритуалом. Ж.-Ф. Лиотар связывал кризис «больших повествований» (метанарративов) модерна с переходом к постмодерну, когда знание больше не передаётся нарративами: «С другой стороны, сетовать на «утрату смысла» в эпоху постмодерна значит сожалеть, что знание больше не является в основном нарративным» [5, с. 69]. Однако

в цифровую эпоху мы наблюдаем не исчезновение метанарративов, а их технологическое возрождение в новой, гибкой и адаптивной форме.

Цифровой метанарратив – это масштабное, часто противоречивое и фрагментированное, но связанное смысловое поле, конструируемое и поддерживаемое с помощью цифровых платформ. Он существует не как единый текст, а как облако взаимосвязанных нарративных элементов (мемов, вирусных роликов, новостных сообщений, теорий заговора, генеративных изображений), которые алгоритмы доставляют пользователю, формируя у него эффект последовательного и подтверждаемого со всех сторон «откровения». «Мифотехники» в данном контексте – это операциональное воплощение производства таких метанарративов. Если традиционные техники мифотворчества были ремесленными (устная речь, письмо, искусство), а затем индустриальными (пресса, радио, ТВ), то сегодня они становятся алгоритмическими. Их ядро составляют:

- Генеративные модели ИИ (ChatGPT, Stable Diffusion, Sora, Gemini и другие): способные производить неограниченные объемы правдоподобного контента, адаптированного под эмоциональный фон и языковые паттерны целевой аудитории.

- Системы анализа больших данных и микротаргетинга: выявляющие уязвимости, страхи и идентификационные маркеры пользователей для адресной доставки мифологических элементов.

- Алгоритмы ранжирования и рекомендательные системы: создающие «пузыри фильтров» и «эхо-камеры», где метанарратив беспрерывно воспроизводится и усиливается, изолируясь от альтернативных интерпретаций: «Искусственный интеллект эффективно генерирует «персонализированный контент» путём анализа пользовательских данных, запросов, что приводит к эффекту «эхо камеры». Пользователи получают информацию, подтверждающую их взгляды, предлагающую в подтверждение правоты видео, аудио, текстовый материал, а также мнения единомышленников» [6, с. 212].

- Бот-сети и симулякры социального одобрения: имитирующие массовую поддержку нарратива, запуская механизмы социального доказательства и заражения.

Анатомия цифрового метанарратива: структура и механизмы воздействия

Цифровой метанарратив в информационной войне обладает специфической структурой, отличной от линейных идеологий прошлого:

1. Бинарность и архетипизация. Он упрощает сложность до вечной борьбы «добра и зла», «своих и чужих», «жертвы и палача». Алгоритмы усиливают эту бинарность, подавляя нюансированные точки зрения.

2. Гибридная истинность. Вместо откровенной лжи используется стратегия смешивания проверяемых фактов, полуправды, совмещение реальных данных и чистого вымысла, генерируемого ИИ. Это парализует критическое мышление, требуя от реципиента непосильной работы по верификации каждого элемента.

3. Эмоциональная оптимизация. Контент, создаваемый и распространяемый мифотехниками, в первую очередь нацелен на эмоциональный отклик (страх, гнев, эйфория, ностальгия), который блокирует рефлексию. ИИ идеально адаптирует этот контент под психографические профили.

4. Перформативность и сотворчество: пользователь вовлекается не как пассивный потребитель, а как активный со-творец мифа через репосты, комментарии, создание пользовательского контента. Мифотехники поощряют эту «народную» мифологизацию, придавая метанарративу видимость аутентичности и стихийности.

Информационная война как война метанарративов: стратегические цели

В рамках такого подхода информационная война перестает быть лишь приложением к «реальной» войне. Она становится автономной сферой столкновения, где победа означает установление гегемонии над определением реальности. Информационная война имеет своим важнейшим элементом деконструкцию массового сознания общества, создавая новую разделяемую реальность, меняя основы мировоззренческого бытия [7]. Стратегическими целями становятся:

- Легитимация / делегитимация. Конструирование метанарративов, которые либо героизируют и сакрализуют собственные политические действия (нарратив «освобождения», «защиты традиционных ценностей», «цивилизационного возрождения»), либо демонизируют противника, представляя его как абсолютное зло, лишённое рациональных мотивов и человечности.

- Криптомнезия и перепрограммирование памяти. Использование генеративного ИИ для создания «доказательств» альтернативных исторических событий или искажения известных (фотографии, ви-

део, «раскритиченные документы»). Это формирует коллективную криптомнезию – ложное воспоминание, разделяемое целым сообществом.

- Дезориентация и эпистемический хаос. Массовая генерация противоречащих друг другу, но одинаково эмоционально заряженных нарративов. Цель – не убедить в конкретной лжи, а подорвать саму способность общества к консенсусу относительно базовых фактов, вызвать тотальное недоверие к любым институтам познания (науке, журналистике, экспертизе).

- Колонизация будущего. Проекция метанарратива в будущее, создание привлекательных или пугающих образов грядущего («техно-утопия», «цифровое рабство», «апокалипсис»), которые определяют текущий политический выбор и мобилизуют общество.

Парадокс и вызов: гиперреальность, субъектность и будущее критики

Феномен алгоритмических мифотехник обнажает несколько фундаментальных парадоксов.

1. Парадокс рационального иррационализма. Самый рациональный инструмент в истории – вычисляющая машина – используется для систематического производства иррационального, что ведет к возникновению того, что можно назвать «техно-архаикой».

2. Гиперреальность по Бодрийяру [8] в эпоху ИИ. Сгенерированные ИИ симулякры (изображения, видео, речи) становятся более убедительными и «реальными», чем сама реальность, полностью замещая референт. Информационная война ведется уже не за отражение реальности, а за доминирование в гиперреальности. Причём эта гиперреальность, созданная искусственным интеллектом, достаточно идеологизирована. По мнению Г.И. Герасимова: «Анализ ответов показывает, что объективность искусственного интеллекта лишь декларируется. Поскольку источники, используемые ИИ, в большинстве своем базируются на западных либеральных теориях, то они отчетливо проявляются как в оценках и интерпретациях исторических событий, так и в применении категорично-понятийного аппарата: свобода, демократия, авторитаризм, деспотия, права человека и т.п.» [9, с. 25].

3. Кризис субъектности. Человек-субъект, традиционно считавшийся творцом или интерпретатором мифа, оказывается узником поведенческих паттернов, спрогнозированных и направляемых алгоритмом. Его «свободный» выбор нарратива предопределен его цифровым профилем. «Свобода выбора» ограничивается рамками «эхо камеры», где поведение задано существующими верованиями и нарративами, а любая другая точка зрения становится недоступной: «Интернет предоставляет нам возможность отфильтровать нежелательный шум и создавать собственные «эхо-камеры / комнаты», но ведь демократия подразумевает, что каждый из нас должен быть озвучен со всем, что происходит в мире, и со всеми противоположными точками зрения» [10, с. 57].

Эти парадоксы ставят под вопрос эффективность классических моделей медиаграмотности и критического мышления, основанных на верификации источников. Источником теперь может быть не человек или организация, а «черный ящик» ИИ, генерирующий уникальный контент для каждого пользователя.

Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект осуществляет качественный скачок в эволюции социального мифа, переводя его из сферы культуры и идеологии в сферу высокотехнологичного инжиниринга реальности. Мифотехники, основанные на ИИ, становятся центральным нервом современной информационной войны, цель которой – победа в метанарративном пространстве и установление контроля над коллективным воображением.

Выводы

Цифровые метанарративы представляют собой не возврат к тоталитарным идеологиям прошлого, а новую, постмодернистскую по форме, но тотализирующую по амбициям, гибридную конструкцию. Их сила – в адаптивности, персонализации, эмоциональной точности и способности создавать убедительные симулякры, подрывающие саму основу разделяемого опыта. Можно констатировать, что произошел качественный скачок в эволюции социального мифа: от стихийного культурно-идеологического феномена к продукту целенаправленного высокотехнологичного инжинирингования. Современные цифровые метанарративы конструируются не как целостные тексты, а как адаптивные, фрагментированные смысловые поля, сплетаемые алгоритмами из персонализированных нарративных элементов (текстов, изображений, видео). Это знаменует переход от индустриальных к алгоритмическим мифотехникам, ядро которых составляют генеративные модели ИИ, системы микротаргетинга и рекомендательные алгоритмы.

Социально-философское осмысление этого феномена требует разработки новой критической оптики, способной анализировать не только содержание нарративов, но и алгоритмическую логику их производства и распространения. Вызов заключается в поиске форм сопротивления, которые могли бы противостоять не конкретной лжи, а самой алгоритмической среде, порождающей и питающей мифологические реальности. Будущее человеческой субъектности и демократического дискурса зависит от способности общества осознать, что в цифровую эпоху борьба за миф – это борьба за онтологию, за право определять, что есть реальность.

Таким образом, искусственный интеллект, став новым протезом коллективного воображения, радикально усилил мощь мифотехник, превратив их в ключевой инструмент борьбы за символическую власть в XXI веке. Противостояние деструктивным цифровым метанарративам требует не только технологических решений, но и глубокого социально-философского переосмысления природы реальности, истины и человеческой субъектности в эпоху алгоритмического опосредования.

Литература

1. Пичугин, В.Г. Концепция информационной войны будущего / В.Г. Пичугин, Л.А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 3–15.
2. Пичугин, В.Г. Основы практик социального конструирования истории и исторического сознания / В.Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 6. – С. 158–162.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва: Гиперборея; Кучково поле, 2007. – 462 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2016. – 240 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Пичугин В. Г. «Конец Истории» и коммуникативные революции: влияние на историческое сознание общества / В.Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 211–214.
7. Панарин А.С. Информационная война и геополитика / А.С. Панарин. – Москва: Поколение, 2006. – 553 с.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2016. – 240 с.
9. Герасимов Г.И. Какую историю пишет искусственный интеллект? // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 1. С. 20–26.
10. Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. – Vol. 47, N 12. – P. 57–59.

MYTHOTECHNICS IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE THE CONSTRUCTION OF DIGITAL META-NARRATIVES IN THE INFORMATION WAR

Pichugin V.G., Godunova L.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a socio-philosophical analysis of the transformation of myth-making technologies («mythotechnics») in the context of the dominance of artificial intelligence (AI) and digital platforms. The article examines the construction of digital meta-narratives as a key tool of modern information warfare. It is proved that the information confrontation has evolved from disinformation tactics to the complex production of new mythologized realities – flexible, adaptive semantic fields claiming to be the new symbolic basis of collective consciousness. The paper reveals the paradoxical nature of modern myth techniques, which, using extremely rational AI tools (generative models, microtargeting systems, recommendation algorithms), produce irrational, emotionally charged narratives. These algorithmically driven meta-narratives are characterized by binary, hybrid truth (a mixture of fact and fiction), emotional optimization, and user engagement in co-creation. Their strategic goals are the legitimization/delegitimization of social orders, the reprogramming of historical memory, the creation of epistemic chaos and the colonization of images of the future. The conclusion is made about a qualitative leap: the myth is turning from a spontaneous cultural phenomenon into a product of purposeful high-tech engineering. The authors conclude that the struggle in the digital age is a struggle for an ontological definition of reality, which threatens the foundations of epistemological trust and human subjectivity. Countering destructive digital meta-narratives requires the development of new critical optics capable of analyzing not only the content of narratives, but also the algorithmic logic of their production.

Keywords: social philosophy, mythotechnics, artificial intelligence, digital meta-narratives, information warfare, algorithmic management, hyperreality, collective consciousness, generative models, simulacra.

References

1. Pichugin, V.G. The concept of information warfare of the future / V.G. Pichugin, L.A. Godunova // Proceedings of Tula State University. Humanities. – 2021. – No. 3. – pp. 3–15.
2. Pichugin, V.G. Fundamentals of practices of social construction of history and historical consciousness / V.G. Pichugin // Socio-humanitarian knowledge. – 2025. – No. 6. – pp. 158–162.
3. McLuhan M. Understanding media: external human extensions / M. McLuhan. Moscow: Hyperborea; Kuchkovo Pole, 2007. 462 p.
4. Baudrillard J. Simulacra and simulation / J. Baudrillard. Moscow: POSTUM Publishing House, 2016. 240 p.
5. Litar J.-H. The state of the system/Translated from English by H.A. Matko – M.: Institute of Experimental Psychology; St. Petersburg: Aleta, 1998. – 160 p.
6. Pichugin V. G. “The End of History” and communicative revolutions: influence on the historical consciousness of society / V.G. Pichugin // Socio-humanitarian knowledge. – 2025. – No. 3. – pp. 211–214.
7. Panarin A.S. Information warfare and geopolitics / A.S. Panarin. Moscow: Generation, 2006. 553 p.
8. Baudrillard J. Simulacra and simulation / J. Baudrillard. Moscow: POSTUM Publishing House, 2016. 240 p.
9. Gerasimov G.I. What kind of story does artificial intelligence write? // History and modern worldview. 2024. Vol. 6. No. 1. pp. 20–26.
10. Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. – Vol. 47, N 12. – P. 57–59.

Урсул Виталий Игнатович,

кандидат политических наук, доцент кафедры СГНЗ,
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Логинов Виктор Николаевич,

студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: viktor.loginov.04@mail.ru

Грушкин Никита Андреевич,

студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: nikitagrushkin11105@gmail.com

В статье рассматривается актуальная проблема обеспечения конфиденциальности данных при использовании платформ искусственного интеллекта (ИИ) в качестве аналитического инструмента. Уделяется внимание подробному анализу законодательной базы, регулирующей вопросы безопасности данных. Целью исследования является выявление существующих пробелов и противоречий в правовом регулировании ИИ в РФ. При помощи сравнительного анализа иностранных регуляторов ИИ определяются возможности развития законодательной базы РФ. В результате формулируются предложения, по совершенствованию правовых механизмов защиты персональных данных пользователей и специалистов, применяющих ИИ в рамках профессиональной деятельности.

Ключевые слова: ИИ, аналитические технологии, правовое регулирование, защита информации, федеральный закон, анализ данных, ИИ платформы, сравнительный анализ, правовые регуляторы.

Согласно научным источникам, искусственный интеллект (ИИ): Способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [11].

Важно отметить, что в российском законодательстве пока нет отдельного закона, посвященного регулированию ИИ. Действующие нормы применяются по аналогии, например, 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает принципы обработки, определяет права субъектов и обязанности операторов, требует определенного основания для обработки персональных данных (согласие субъекта, закон, договор и др.) [9], однако при обучении нейросетей на больших массивах данных из открытых источников получить согласие каждого субъекта невозможно. Возникает вопрос: считается ли обучение модели обработкой персональных данных? Согласно 152-ФЗ (ст. 3, п. 1, 3, 4) [9] – да, считается, если в датасете присутствуют данные, позволяющие прямо или косвенно идентифицировать личность.

Роскомнадзор, как уполномоченный надзорный орган, сталкивается с новыми вызовами при контроле сервисов ИИ. Традиционные механизмы (регистрация баз данных, плановые проверки) малоэффективны, когда данные распределены по облачным сервисам и постоянно обновляются для машинного обучения. К тому же алгоритмическая обработка зачастую не прозрачна для аудиторов. В результате применение существующих норм затруднено: сложно доказать факт нарушения, установить ответственных и наложить санкции, если не разработаны специальные правила именно для сферы искусственного интеллекта. Для сравнения, в Европейском союзе действует Общий регламент по защите данных (GDPR), который прямо упоминает автоматизированное принятие решений и профилирование. GDPR требует, чтобы при использовании таких технологий обеспечивалась прозрачность и имелось правовое основание, а граждане ЕС получили право не подвергаться решениям, основанным исключительно на автоматизированной обработке (ст. 22 GDPR) [2]. В России аналогичная норма пока отсутствует, что оставляет пробел в защите пользователей от нежелательных автоматизированных решений (например, отказ в кредите алгоритмом без объяснения причин).

ИИ опирается на большие данные, собранные из открытых источников. В погоне за точностью модели компании могут агрегировать сведения из соцсетей, форумов, государственных реестров и нарушать изначальные ограничения на использование. Яркий пример – скандал с американской компанией Clearview AI, которая путем веб-скрейпинга собрала миллиарды фотографий людей из интернета для обучения алгоритма распознавания лиц. Регуляторы признали такую практику незаконной: во Франции и Италии фирма оштрафована на максимальные €20 млн за сбор биометрических данных без оснований [3]. Этот случай демонстрирует риски неконтролируемого сбора открытых данных и последующее нарушение прав граждан.

Персональные данные становятся товаром – их используют для обучения и дообучения коммерческих ИИ-моделей. Многие бесплатные сервисы фактически «платят» за свою работу данными пользователей, подмешивая их в наборы для тренировки. Так происходит дополнительное обучение голосовых помощников на реальных запросах или улучшение рекомендательных систем на основе истории просмотров. При этом пользователь не информирован, что его данные пойдут на пользу алгоритму, и не дает отдельного согласия на такое использование. В Европе надзорные органы уже начали пресекать подобную практику. В 2025 г. ирландский регулятор (DPC) инициировал расследование в отношении компании X (иностранная ресурс, запрещенный на территории РФ) за использование публичных постов пользователей из ЕС при обучении своей генеративной модели без уведомления и согласия людей [11]. Под давлением европейского законодательства компания вынуждена была приостановить процессы, что показывает – даже общедоступные данные не могут бесконтрольно применяться для коммерческого обучения ИИ.

Активное развертывание ИИ несет риски утечек данных и новых видов атак. Известен случай, когда сотрудники корейской компании Samsung поделились конфиденциальным исходным кодом через чат-

бот ChatGPT, после чего компания обнаружила попадание этой информации в облачную модель [10]. Нарушение режима конфиденциальности (NDA) в корпоративной среде привело к утрате контроля над данными, и компания временно запретила сотрудникам использовать публичные сервисы, применяющие ИИ. Все это требует усиленного внимания к информационной безопасности ИИ-инфраструктуры.

Отдельно стоит вопрос о соблюдении соглашений о неразглашении (NDA) и коммерческой тайны при использовании внешних ИИ-инструментов. Специалисты по анализу данных и разработчики должны осознавать, что загрузка клиентских данных в облачный сервис без разрешения нарушает закон и договорные обязательства. Так, передача персональных данных подрядчикам без согласия субъектов противоречит требованиям 152-ФЗ (ст. 9) [9]. Компании все чаще внедряют политики, запрещающие отправку внутренней информации в общедоступные ИИ-сервисы. Это направлено на предотвращение случайных утечек и юридических последствий.

Государство заинтересовано в развитии цифровой экономики, бизнес – в коммерческой выгоде от инноваций, а общество – в защите своих прав. Эти интересы не всегда совпадают. Чрезмерно жесткое регулирование может тормозить прогресс, однако отсутствие правил ведет к злоупотреблениям и подрыву доверия граждан к технологиям. Поиск баланса между поддержкой технологических проектов (напри-

мер, в сфере больших данных и ИИ) и соблюдением прав человека – ключевая правовая дилемма современности. Необходимо учитывать и конфликт интересов: государство может стремиться использовать ИИ для обеспечения безопасности (например, системы видеонаблюдения, анализ больших данных для борьбы с преступностью), что потенциально ограничивает приватность граждан; бизнес желает минимизировать издержки от соответствия регуляторным требованиям; пользователи же требуют гарантий защиты своих данных. Разрешение этих противоречий лежит в плоскости диалога между всеми участниками и выработки единых этических и юридических стандартов.

Различные органы законодательной власти по всему миру вырабатывали свои подходы к правовому регулированию ИИ. Рассмотрим нормативно-правовую базу стран – ЕС, США и Китая. В настоящее время наблюдается тенденция к усилению контроля со стороны государства: исследователи отмечают, что наиболее строгие меры вводятся в Китае (25%) и ЕС (20%), тогда как в США (18%) придерживаются децентрализованного подхода. [8] В случае если рассматривать Россию, то показатель равен 7%, то есть идёт активное формирование собственного регулирования [8].

Было проведено исследование среди перечисленных стран в формате сравнительной таблицы по существующим правовым нормам регулирования ИИ (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная таблица законодательства ЕС, Китая и США по правовому регулированию деятельности, связанной с ИИ

Критерий	ЕС [2, 6]	Китай [5]	США (Штат Калифорния) [4]
Нормативная база	Единая наднациональная система правового регулирования обработки персональных данных, охватывающая цифровые и автоматизированные способы обработки информации	Регулирование осуществляется на основе национального законодательства о персональных данных и информационной безопасности	Правовое регулирование осуществляется на уровне субъекта федерации и направлено на защиту прав потребителей в сфере обращения персональной информации
Основные принципы обработки	Обработка персональных данных осуществляется на основе законности и прозрачности при соблюдении требований минимизации объёма, точности, безопасности и ограничения сроков хранения	Обработка данных допускается при соблюдении принципов законности, добросовестности, необходимости и соразмерности, а также недопустимости введения субъектов данных в заблуждение	Обработка персональных данных ограничивается заявленными целями и сопровождается обязательным информированием субъектов о способах их использования
Правовые основания	Обработка допускается при наличии согласия субъекта данных либо при объективной необходимости, связанной с исполнением договорных, правовых или общественно значимых обязанностей	Основанием обработки является согласие субъекта данных, наряду с этим допускается обработка при исполнении установленных законом обязанностей и в чрезвычайных обстоятельствах	Регулирование ориентировано на предоставление субъектам права отказаться от отдельных способов использования персональных данных, прежде всего в коммерческих целях
Права субъектов данных	Закреплён расширенный перечень прав субъектов персональных данных, включая доступ к информации, её исправление и удаление, ограничение обработки и защиту от полностью автоматизированных решений	Субъекты персональных данных имеют право получать информацию об обработке, требовать исправления и удаления данных, отзываться согласия и возражать против автоматизированной обработки	Субъекты персональных данных имеют право на получение информации, удаление данных, отказ от их продажи и защиту от дискриминации при реализации указанных прав
Трансграничная передача данных	Передача персональных данных за пределы юрисдикции допускается при условии обеспечения сопоставимого уровня защиты прав и законных интересов субъектов данных	Трансграничная передача персональных данных подлежит государственному контролю и в отдельных случаях требует обязательного хранения данных на территории государства	Специальное регулирование трансграничной передачи отсутствует
Контроль и санкции	Контроль осуществляется независимыми надзорными органами, а за нарушения установлены значительные административные санкции	Надзор за соблюдением законодательства осуществляют государственные органы, также предусмотрена строгая административная и уголовная ответственность за нарушения	Контроль возложен на уполномоченный орган штата, а меры ответственности представлены штрафами

Таким образом, можно сделать вывод что ЕС обеспечивает строгую защиту прав личности, США – гибкость и саморегулирование, а Китай – полный государственный контроль над данными. Эти три модели отражают разные приоритеты: права человека, рынок и безопасность.

Для того чтобы правовое регулирование стало эффективным, необходимо чтобы все участники процесса использования ИИ были ответственны и осознавали свою роль. Определим некоторые рекомендации для участников процесса в целях совершенствования правового регулирования:

- **Для специалистов (Аналитики, программисты и т.д.):** при использовании необходимо соблюдение строжайших норм цифровой безопасности. Соблюдать принципы минимизации и конфиденциальности информации, не нарушая пользовательское NDA. В случае допустимой возможности отказаться от онлайн-сервисов, поддерживающих ИИ, и использовать локально развернутый искусственный интеллект.
- **Для пользователей:** для сохранения своих персональных данных необходимо поддерживать цифровую гигиену. Ограничивать объем пер-

сональной информации доступной в открытых источниках. Детально читать пользовательское соглашение при использовании онлайн-платформ. В случае допустимой возможности использовать локальные ИИ решения.

- **Для компаний:** чтобы сохранять безопасность и не нарушать NDA, компании могут предоставить специалистам развернутый локально сервис для упрощения процессов и помощи специалистам.
- **Для государства:** не ждать критических массовых нарушений из-за ИИ в России, сформировать единые центры мониторинга и аналитические лаборатории на предмет изучения алгоритмов и взаимосвязи их с законодательством РФ. Россия может рассмотреть опыт зарубежных регуляторов для обеспечения безопасности конфиденциальности данных пользователей.

Развитие технологий искусственного интеллекта радикально усложняет архитектуру правовой защиты персональных данных, уводя ее за рамки классических моделей регулирования. Российская правовая система, опирающаяся преимущественно на положения Федерально-

го закона № 152-ФЗ «О персональных данных», пока не располагает специализированными нормами, способными комплексно охватить вопросы, возникающие при разработке, обучении и эксплуатации ИИ-систем.

Особую актуальность приобретают риски, связанные с непрозрачностью автоматизированных решений, невозможностью получения осмысленного согласия, утечками данных, а также несанкционированным использованием пользовательской информации для обучения моделей. Обозначенные проблемы требуют укрепления правовых механизмов защиты, повышения уровня ответственности операторов, внедрения практик Explainable AI (практики объяснимого искусственного интеллекта), развития национальных инфраструктур анализа и аудита алгоритмов.

Исходя из проведенного исследования, следует заключить, что эффективное регулирование искусственного интеллекта в контексте защиты персональных данных возможно лишь при условии активного взаимодействия государства, бизнеса, научного сообщества, аналитиков и конечных пользователей. Создание устойчивой нормативной архитектуры предполагает синтез международного опыта, формирование специализированных норм для ИИ-систем, институционализацию механизмов контроля и аудита, а также повышение цифровой грамотности общества.

Литература

1. ГОСТ Р 59276–2020 Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия.
2. Европейский парламент. EU AI Act: первое регулирование в области искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // European Parliament – Topics. – Опубл. 08.06.2023; обновл. 19.02.2025. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence>.
3. Европейский совет по защите данных. Французский регулятор (CNIL) оштрафовал Clearview AI на 20 миллионов евро. (20.10.2022) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.edpb.europa.eu/news/national-news/2022/french-sa-fines-clearview-ai-eur-20-million_en (дата обращения: 06.11.2025).
4. Калифорнийский гражданский кодекс. Разделы 1798.100–1798.199.199 (Закон о конфиденциальности потребителей Калифорнии – CCPA 2018 с поправками CPRA 2020).
5. Персональный кодекс защиты информации Китайской Народной Республики (Personal Information Protection Law, 2021). Ст. 5–7, 13, 24, 38–49, 66; Закон КНР о безопасности данных (Data Security Law, 2021); Правила управления рекомендательными алгоритмами (Rules on Algorithmic Recommendation, 2022); Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта (Interim Measures on Generative AI, 2023).
6. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (Общий регламент о защите данных – GDPR). Ст. 5–6, 17, 22, 44–50, 83.
7. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий поправки в некоторые нормативные акты Союза (Закон об искусственном интеллекте – AI Act). Ст. 5–10, Преамбула (Whereas), пункты 60–71.
8. Сыдыков Т. Государственное регулирование искусственного интеллекта и больших данных // Вестник науки. – 2025. – № 2 (83), том 4. – С. 211–222. – ISSN 2712-8849.

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.02.2025) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

10. CIO Dive. Утечка данных Samsung Electronics через ChatGPT вызывает вопросы о конфиденциальности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ciodive.com/news/Samsung-Electronics-ChatGPT-leak-data-privacy>.

11. Reuters. Ирландский регулятор расследует использование X персональных данных ЕС для обучения Grok AI [Электронный ресурс]. – 11.04.2025. – URL: <https://www.reuters.com/technology/irish-regulator-investigates-x-over-use-eu-personal-data-train-grok-ai-2025-04-11>.

LEGAL PROTECTION OF USERS PERSONAL DATA WHEN USING A AI AS AN ANALYTICAL TECHNOLOGY

Ursul V.I., Loginov V.N., Grushkin N.A.
MSTU im. N.E. Bauman

The article discusses the current problem of ensuring data confidentiality when using artificial intelligence platforms as an analytical tool. Attention is paid to a detailed analysis of the legislative framework governing data security issues. The purpose of the study is to identify existing gaps and contradictions in the legal regulation of AI in the Russian Federation. With the help of a comparative analysis of foreign AI regulators, the possibilities of developing the legislative framework of the Russian Federation are determined. As a result, proposals are being formed to improve the legal mechanisms for protecting the personal data of users and specialists who use AI in their professions.

Keywords: AI, analytical technologies, legal regulation, information protection, federal law, data analysis, AI platforms, comparative analysis, legal regulators.

References

1. GOST R 59276–2020 Artificial Intelligence Systems. Methods of Ensuring Trust.
2. The European Parliament. EU AI Act: the first regulation in the field of artificial intelligence [Electronic resource] // European Parliament – Topics. – Published on 06/08/2023; updated on 02/19/2025. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence>.
3. The European Data Protection Council. The French regulator (CNIL) fined Clearview AI for 20 million euros. (10/20/2022) [Electronic resource]. – URL: https://www.edpb.europa.eu/news/national-news/2022/french-sa-fines-clearview-ai-eur-20-million_en (date of reference: 11/06/2025).
4. California Civil Code. Sections 1798.100–1798.199.199 (California Consumer Privacy Act – CCPA 2018 as amended by CPRA 2020).
5. Personal Information Protection Code of the People's Republic of China (Personal Information Protection Law, 2021). 5–7, 13, 24, 38–49, 66; The PRC Data Security Law (Data Security Law, 2021); Rules on Algorithmic Recommendation (Rules on Algorithmic Recommendation, 2022); Temporary measures for managing Generative services artificial Intelligence (Interim Measures on Generative AI, 2023).
6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation – GDPR) Articles 5–6, 17, 22, 44–50, 83.
7. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of June 13, 2024, establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence and amending certain regulatory acts of the Union (Law on Artificial Intelligence – AI Act), Articles 5–10, Preamble (Whereas), paragraphs 60–71.
8. Sydykov T. State regulation of artificial intelligence and big data // Bulletin of Science. – 2025. – № 2 (83), volume 4. pp. 211–222. – ISSN 2712-8849.
9. Federal Law № 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 24.02.2025) «On Personal Data» // SPS ConsultantPlus.
10. CIO Dive. Samsung Electronics data leak via ChatGPT raises questions about privacy [Electronic resource]. – URL: <https://www.ciodive.com/news/Samsung-Electronics-ChatGPT-leak-data-privacy>.
11. Reuters. The Irish regulator is investigating the use of X EU personal data for Grok AI training [Electronic resource]. – 11.04.2025. – URL: <https://www.reuters.com/technology/irish-regulator-investigates-x-over-use-eu-personal-data-train-grok-ai-2025-04-11>.

Философия космоса М. Элиаде: структура сакрального мира и смысловое измерение бытия

Мамедов Азер Агабала оглы,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: azermamedov@mail.ru

Кортунов Вадим Вадимович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: kortunov@bk.ru

Панюков Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: apanukov@mail.ru

В статье анализируются взгляды выдающегося румынского философа, историка религий и культуролога М. Элиаде, касающиеся сакральной структуры мироздания, мифопоэтического восприятия Космоса. В ней осуществлен системный анализ концепции космоса М. Элиаде с акцентом на ее онтологический статус, символическую функцию, связь с мифологическим и историческим временем, а также на философско-культурологический контекст и критику. Философия космоса Мирча Элиаде стремится раскрыть универсальные структуры религиозного сознания, определяющие способы организации и смысловотворения мира, который человек воспринимает не как хаотический и пустой, а как упорядоченный, «освященный» космос. Для понимания этой философии необходимо выйти за рамки традиционного религиозоведческого подхода и рассмотреть космос как философскую категорию, переплетенную с онтологией, феноменологией религии и мифопоэтической антропологией.

Цель данной статьи – проанализировать основные идеи Элиаде относительно космоса, его символики и значения в религиозном сознании.

Ключевые слова: миф, ритуал, сакральное, космос, время, символ.

Мирча Элиаде (1907–1986), выдающийся румынский философ, историк религий и культуролог, оказавший значительное влияние на религиозоведческую мысль второй половины XX века. Одной из ключевых тем в его работах является космос – не просто физическое пространство, но символический образ мироздания, насыщенный сакральным смыслом. Философия космоса М. Элиаде опирается на представления о сакральном и профанном, о мифе и ритуале, о священном центре, который структурирует мир и человеческое восприятие.

Для М. Элиаде космос – это упорядоченная структура, которая возникает в результате мифологических объяснений происхождения мира. Миф о космосе не только рассказывает, как возник мир, но и отображает его внутреннюю структуру и смыслы.

Онтологическая структура космоса у М. Элиаде

Центральной антиномией в философии космоса М. Элиаде выступает дихотомия сакрального и профанного. Однако, эта дихотомия не сводится к простому делению мира на священное и профанное (мирское) с позиций социальной функции или психологии. М. Элиаде предлагает онтологически первичное различие: сакральное – это существование как таковое, его подлинная форма, в то время как профанное – лишь застывшее «затмение» происхождения бытия.

Это различие связано с понятием «происхождения» (originary), когда космос представлен как творение божественного акта, мифологического события, которое бесконечно репродуцируется через ритуал. Космос оказывается не столько пространственной структурой, сколько онтологическим актом бытия – оно «оживает» через исторически зафиксированные мифы открытия, создающие «священное пространство».

Онтологическая значимость космоса раскрывается через идею священного центра – *axis mundi* – как первоопредельной оси, фиксирующей смысл и структуру мира. Центр не только геометрическая точка, но символическое «начало», точка сочленения различных измерений бытия (горизонт света и тьмы, неба и земли), одновременно поддерживающая и уравнивающая космический и человеческий порядок.

М. Элиаде видит в мифе о создании – начале космогонии – ключ к пониманию того, как человек воспринимает окружающий его мир как священное проявление божественного. Миф трансформирует хаос в космос – порядок, управляемый божественным началом. Поскольку в мифе описывается акт творения, он одновременно – и сакральное открытие, и объяснение законов космоса. И в этом смысле Космос – это не только физическая реальность, но и духовная, сакральная структура, носительница божественного порядка, устанавливаемого мифом.

Таким образом, космос предстает как проявление сакрального – скрытой, но присутствующей в природе, божественной силы. Миф о сотворении, полагает М. Элиаде, – это рассказ о том, как эта сила преобразовала хаос в упорядоченное пространство.

В работе «Священное и мирское», задуманное М. Элиаде как общее введение к феноменологическому и историческому изучению религиозных фактов, автор вводит дихотомию между двумя способами существования и восприятия мира: сакральным (священным) и профанным (обыденным, мирским): «священное и мирское – это два образа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемое человеком в ходе истории» [6, с. 19]. Космос в сакральном измерении воспринимается как упорядоченная, осмысленная структура, порожденная действием богообразных сил и мифологических событий. Профанный же космос – хаотичное и бессмысленное пространство, лишенное внутренней иерархии и смысла.

М. Элиаде подчеркивает, что мифология и ритуал помогают человеку «возвращаться» к источнику сакральности, восстанавливать связь с космическим порядком и устранять профанную разрозненность. В этом смысле философия космоса М. Элиаде – это философия структурирования мира через символику, миф и ритуал.

Человек, по М. Элиаде, общается с окружающим его миром с помощью символов: «Если мир говорит с ним с помощью звезд, растений и животных, с помощью рек и гор и гор, времен года и суток, то человек отвечает ему, в свою очередь, своими мечтами и воображением...» [5, с. 145].

В сознании религиозного человека, полагает М. Элиаде, пространство неоднородно, в отличие от нашего, обыденного, физического

пространства, одной из характерных черт которого является как раз его однородность, т.е. отсутствие каких-либо выделенных точек. В качестве примера такого различия Элиаде указывает на «порог» – территорию внутри и вне церкви. Как только переступаешь порог церкви, оказываешься внутри совершенно иного мира, где «мир мирского перешодит в мир священного» [6, с. 24].

Миф для М. Элиаде – это не просто древняя сказка или легенда. Он рассматривает его как универсальную форму культуры, выражающую фундаментальные космические и духовные истины. Мыслитель подчеркивает, что миф – это способ объяснения происхождения мира, своего места в нем и отношения человека к божественному. Он делит миф на два основных типа.

1. Миф о происхождении мира – отображает космогонический рассказ о сотворении вселенной, человеке и божественного порядка.

2. Миф о герое – повествует о мифологических персонажах, чьи подвиги и судьбы раскрывают глубинные образы и идеи культур.

М. Элиаде придает мифу особое значение как носителю сакрального знания, связывающего человека с божественным. В его понимании, миф тесно связан с ритуалом: он не только рассказывает, что произошло, но и служит основанием для сакральных действий, закрепляющих религиозную и культурную идентичность. В этом смысле миф и ритуал являются двумя сторонами одного процесса – выражением и осуществлением сакрального.

Центральное место в философии космоса М. Элиаде занимает концепция «ось мира» (*axis mundi*) – образа священного центра, который выступает точкой связи неба и земли, сакрального и профанного, божественного и человеческого. Этот центр может проявляться в виде горы, дерева, храма, священного города или любого другого символа, обозначающего начало и основу космического порядка. Для М. Элиаде этот центр не только символ, но и исходная точка творения мира, а потому его обнаружение и почитание – ключ к сохранению гармонии между человеком и космосом.

М. Элиаде вводит понятие мифологического времени, к которому равен космос как творение богов. Миф – это не просто рассказ, а сакральное воспроизведение акта сотворения, «переживание» первоначального космического акта. Ритуалы обновляют космос и возвращают человека к состоянию начала, к сакральному времени, которое бесконечно ценно и полно смысла.

Смысловое измерение мифологического времени и космоса

М. Элиаде радикально переосмысливает категорию времени через понятие мифологического или сакрального времени (космогонического времени). В его философии космос не существует в линейном времени, определенном историческим наследием, но погружается в циклическое возвращение к истокам творения.

Ритуал выступает как механизм «воскрешения» этого времени, когда человек не просто вспоминает миф космоса, но «воскрешает» его, делая событие творения непосредственным и опытно-актуальным. Таким образом, космос становится сопричастным сакральному времени, где пересекается «вечность» и «история», а бытие и смысл обретают подлинную полноту.

М. Элиаде подчеркивает, что проблема современности связана с потерей чувства сакрального времени и пространства, что ведет к отчуждению человека от космоса, превращению мира в профанное, утрате осмысленности бытия.

«Деление времени» диктуется ритуалами, которые регулируют возобновление запасов продовольствия, то есть ритуалами, обеспечивающими продолжение жизни общины [4, с. 65].

«Сельское хозяйство, – подчеркивает М. Элиаде, – лишь одна из областей, к которым применима символика периодического возрождения» [4, с. 76]. Элиаде здесь в большей степени склоняется к «лунной» мистике, проводя параллели в культурах Ирана, Индии и других стран.

Между прочим, в том же Древнем Иране Новруз отмечали не только как день весеннего равноденствия, всеобщего обновления, но и как день рождения самого Заратуштры [2, с. 28].

Зороастризм занимает особое место в труде М. Элиаде как одна из древнейших религий монотеистического типа, которая оказала существенное влияние на развитие последующих религий – иудаизма, христианства и ислама.

Основные идеи зороастризма, по М. Элиаде, связаны с концепцией борьбы между добром и злом, космическим конфликтом, который имеет эсхатологическую конечную точку – победу света над тьмой.

Заратуштра – не только учитель и пророк, но и мифологическая фигура, символизирующая переход к новой эпохе, культивирование истины и праведности. М. Элиаде подчеркивает, что зороастрийский

миф о космической борьбе между Ахура Мазд и Ангра Майнью – это не только религиозный рассказ, но и глубинная модель космоса, в которой добро и зло находятся в вечной войне.

Космос как символ и архетип: мифопоэтический подход

При всем намерении М. Элиаде к универсализации религиозного опыта концепция космоса остается глубоко символической категорией. Космос – это первый и основной символ, в котором отражается острейшая способность человеческого сознания конструировать и воспринимать «мир как мир».

Следует отметить, что философия М. Элиаде в значительной мере опирается на архетипическое мышление, близкое к юнгианскому понятию коллективного бессознательного. Cosmos предстает как архетип, воплощающий первичную организацию мира, пробуждающую в субъекте ощущение «смысла» и «дома».

Вместе с тем, архетипическая природа космоса вызывает вопросы о статусе универсалий и потенциальной исторической и культурной обусловленности сакральных представлений – критика, поднятая неклассическими философскими школами и современными дискурсами религиоведения.

Миф о борьбе между светом и тьмой раскрывает идеи о космическом порядке и его возможной победе. Такой миф имеет двойственную природу: он объясняет происхождение и структуру мира, а также побуждает верующих следовать принципам добра и праведности, чтобы обеспечить конец борьбы в пользу света.

Также важна символика зороастризма: священный огонь, чистота, добродетельные поступки – все это запечатлено в мифологических образах, символах и обрядах.

М. Элиаде указывает, что зороастризм своим мифом воздвиг мост между мифом и философией, между религией и космологией, делая акцент на окончательной победе добра.

Элиаде подчеркивает, что миф о космологическом конфликте – это не просто рассказ о прошлом; он закрепляет структуру космоса и задает модели поведения для человека. В зороастризме эта связь особенно ярко выражена: миф о борьбе Света и Тьмы формирует представление о космосе как о священном поле битвы, где должно одержать победу добро.

Космическая идея о финальной победе – это не только метафора, но и терапия для культуры, которая укрепляет моральные принципы и веру в справедливость. М. Элиаде видит в этом фундаментальную духовную идею, которая поддерживает моральные устои и формирует образ мира как порядка, управляемого божественным.

Таким образом, миф и космос – в зороастризме – это две стороны одной медали, где миф служит объяснением устройства мира, а космос – его сакральной структурой.

Таким образом, философия космоса у М. Элиаде – это не статическое учение о пространстве, а динамическая система, в которой человек через миф и ритуал вступает в диалог с мирозданием, восстанавливая утраченный порядок.

Гегель отмечал, что древние иранцы поклонялись не физическому, обычному, уничтожающему огню, а огню как олицетворению добра, справедливости, огню понимаемому как истина материального мира: «субстанциональное отделяется от того, что принадлежит сфере переходящего» [1, с. 15–17]. Свет, отождествляемый зороастризмом с Добром, есть не только чувственная всеобщая жизнь, в нем также заключены сила духа, блаженство.

Касаясь идеи обновления мира в теологии зороастризма, М. Элиаде обращает внимание на то, что с Заратуштрой оно прекращается как космогонический ритуал, но отныне только по воле Ахура Мазды; теперь только «неминуемый и бесповоротный *eschaton*, предрешенный и совершающийся Ахурамаздой» [7, с. 277].

Идеи М. Элиаде оказали существенное влияние на развитие религиоведения, философии культуры и антропологии. Он показал, что космос – это не только физический факт, но и культурный конструкт, выражающийся в символах, мифах и ритуалах, которые задают форму человеческому опыту.

Философия М. Элиаде актуальна для понимания современных поисков смысла, осмысления места человека во вселенной и значения сакрального в эпоху секуляризации.

Философско-культурологический контекст: современность и кризис космоса

М. Элиаде предлагает своеобразную «метафизику утраты», в которой современный человек, оторванный от сакрального способа восприятия мира, оказывается «профанным существом», потерявшим «центр».

Кризис современного космоса – это одновременно кризис смысла, мира и человека.

В философском плане это перекликается с идеями феноменологии и экзистенциализма, в частности, с попытками восстановить связь с «бытием», «корнями» человека. Тем не менее, интерпретации Элиаде подвергаются критике за утопичность в отношении возможности восстановления сакрального в постмодернистском мире и за недостаточную теоретическую проработку культурного релятивизма.

Заключение

Философия космоса М. Элиаде представляет собой глубокое исследование символики и структуры священного мира, который противопоставлен профанному, бессмысленному космосу. Через понятия сакрального центра, мифологического времени и священного ритуала философ раскрывает роль мифа в конституировании космоса как источника порядка и смысла. Его работы остаются ключевыми для современного понимания религиозного сознания и философии культуры.

Работы Мирчи Элиаде о мифе, космосе и зороастризме наглядно демонстрируют, что миф – это фундаментальное звено культуры, объясняющее устройство мира и формирующее систему ценностей. Его анализ зороастризма как религии борьбы света и тьмы показывает, как миф и символика формируют космологию, соотносимую с реальным мировоззрением и практиками. Элиаде помог понять, что мифы – это не только старинные рассказы, но и живое наследие, актуальное и в современном мире, поскольку они создают глубокую связь человека с сакральной структурой космоса.

Таким образом, философия космоса М. Элиаде представляет собой уникальное синтетическое явление на стыке онтологии, символики и мифологии религии, в центре которого находится сакральный космос как первичная организация мира и смысла. Его концепции – *axis mundi*, мифологическое время, сакральное и профанное – формируют мощный аналитический инструмент для понимания человеческой культуры и религиозного опыта.

Вместе с тем философия М. Элиаде требует критического переосмысления в свете современных философских дебатов о культурной множественности, постсекулярности и историчности религиозных концептов. Направление дальнейших исследований видится в диалоге с современными теориями символа и времени, а также анализа рефлексивных стратегий человека перед вызовами современного космоса.

Работы М. Элиаде – это не только интерпретация мифов и религий, но и методологическая основа для анализа символов и представлений о космосе. Его подход позволил понять, что мифы – это универсальные коды, выражающие структуру человеческого восприятия божественного и космического.

Некоторые критики указывают на то, что интерпретации М. Элиаде порой слишком универсальны и романтизируют мифы, игнорируя исторический контекст. Однако его вклад трудно переоценить: он акцентировал внимание на символическом и сакральном аспектах мировых религий, подчеркнув их значение для формирования культуры и мировоззрения. И в этом смысле особенно ценна идея румынского философа о связи мифа с ритуалом и культовой практикой, а также о том, что мифы служат моделями космоса и морали.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Том 2. – М.: Мысль, 1977. – 573 с.
2. Мамедов А.А. Гуманистический ресурс зороастризма в современном мире / А.А. Мамедов, А.А. Мамедов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 1(39). – С. 25–29. – EDN NULYUL.
3. Мамедов А.А. Зороастризм и этнокультурные традиции талышского народа / А.А. Мамедов, А.А. Мамедов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 3. – С. 295–304. – EDN NUNBRZ.
4. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1995. – 239 с.
6. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 2013. – 142 с.
7. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический проект, 2014. – 432 с.
8. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический проект, 2014. – 495 с.
9. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации. – М.: Академический проект, 2012. – 463 с.

PHILOSOPHY OF SPACE M. ELIADE: THE STRUCTURE OF THE SACRED WORLD AND THE SEMANTIC DIMENSION OF BEING

Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I.
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

The article analyzes the views of the outstanding Romanian philosopher, historian of religions and culturologist M. Eliade regarding the sacred structure of the universe, the mythopoetic perception of the Cosmos. It carried out a systematic analysis of the concept of space by M. Eliade with an emphasis on its ontological status, symbolic function, connection with mythological and historical time, as well as on the philosophical and cultural context and criticism. Mircea Eliade's philosophy of space seeks to reveal the universal structures of religious consciousness that determine the ways of organizing and meaning the world, which a person perceives not as chaotic and empty, but as an ordered, "consecrated" space. To understand this philosophy, it is necessary to go beyond the traditional religious approach and consider the cosmos as a philosophical category intertwined with ontology, the phenomenology of religion and mythopoetic anthropology. The purpose of this article is to analyze the main ideas of Eliade regarding space, its symbolism and significance in religious consciousness.

Keywords: myth, ritual, sacred, cosmos, time, symbol.

References

1. Hegel G.V.F. Philosophy of religion in two volumes. Volume 2. – M.: Thought, 1977. – 573 p.
2. Mamedov A.A. Humanistic resource of Zoroastrianism in the modern world / A.A. Mamedov, A.A. Mamedov // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2011. – № 1(39). – P. 25–29. – EDN NULYUL.
3. Mamedov A.A. Zoroastrianism and ethnocultural traditions of the Talysh people / A.A. Mamedov, A.A. Mamedov // Social and humanitarian knowledge. – 2011. – № 3. – P. 295–304. – EDN NUNBRZ.
4. Eliade M. Space and history. – M.: Progress, 1987. – 312 p.
5. Eliade M. Aspects of myth. – M.: Invest-SPP, 1995. – 239 p.
6. Eliade M. Sacred and worldly. – M.: Moscow State University, 2013. – 142 p.
7. Eliade M. The history of faith and religious ideas: from the Stone Age to the Eleusinian mysteries. – M.: Academic project, 2014. – 432 p.
8. Eliade M. History of faith and religious ideas: from Gautama Buddha to the triumph of Christianity. – M.: Academic project, 2014. – 495 p.
9. Eliade M. History of faith and religious ideas: from Mohammed to the Reformation. – M.: Academic project, 2012. – 463 p.

Религиозные ценности как важнейший детерминирующий фактор правового бытия общества

Горохова Виолетта Венедиктовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: veta72@mail.ru

Галанина Наталья Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Академии ГПС МЧС России
E-mail: natgalanina2411@gmail.com

В статье прослеживается системная связь права и религиозных ценностей как базовых и имманентных скреп человеческого сообщества. Авторы констатируют, что возникновение и развитие права как социального института, органически связано с религиозными ценностями, традициями и смыслами, что представляет большой интерес, в связи с пониманием сути и смысла легитимности права как справедливого и необходимого феномена общественного бытия.

Ключевые слова: общество, мораль, право, религия, христианство, ценности, символизм.

Еще на заре своего бытия, человечество, чтобы выжить и отвоювать первенство у природы должно было найти способы эффективно-го совместного проживания, как в коллективе среди своих сородичей, так в дальнейшем с другими народами и племенами, порой значительно отличавшимися традициями, верованиями и предпочтениями. Данная задача весьма сложная, но принципиально важная и базовая для выживания и дальнейшего существования. Только совместная жизнедеятельность, сопровождаемая взаимным доверием, реальной практической и духовной поддержкой, давала возможность человеку разумному выделиться из мира животных и заявить о себе как о создателе культуры, дающей возможность не только приспособиться, но и творить новый мир, значительно отличный от законов природного.

Первым ментальным институтом, способным интегрировать сообщество людей в единую социальную систему была мораль. Она не имела в своем основании что-то искусственно созданное, особенно на заре жизни человечества, скорее, несла в себе много биологических, природных детерминант, инстинктивно и бессознательно принятых и закрепленных как базовый способ выживания в недружелюбных условиях внешней природной и социальной среды первобытных людей. Но списывать происхождение морали только на природную составляющую бытия древних людей, было бы слишком просто и не корректно. Первые религиозные чувства так же способствовали укоренению морали в человеческой жизни.

Не удивительно, что религиозные чувства у первобытных людей, постоянно подвергавшимся витальным испытаниям, возникли с пониманием угрозы своего существования перед лицом опасных природных стихий, хищников и чужаков, способных превратить жизнь древнего человека в ад и страдание, а часто и просто лишить жизни [1]. Первый религиозный опыт не был продиктован исключительно страхом и неведением, но зародился и в связи с переживанием восторга, любви, восхищения перед красотой и гармонией природы, животного мира и самого человека. Вера в высшее и совершенное не появляется сама по себе, она есть экзистенциальное, духовное переживание экстаза, как глубинного чувствования индивидом своего единения с вечностью и мирозданием. Практически любой человек, так или иначе, испытывает подобные чувства в своей жизни и приобретает, в связи с этим, духовный опыт бытия, не зависимо от места и исторического времени проживания.

Развиваясь и распространяясь по миру, иногда вынужденно, из-за изменений климата и природных катаклизмов, либо в поисках лучших земель, пастбищ и водных ресурсов, а порой и в целях захвата богатств и ресурсов соседних племен, человечество начинает вступать во все более сложные и разнообразные коммуникации. Осваивая и перенимая материальную и духовную культуру друг друга, более крупные человеческие сообщества людей уже не могли в своей жизни эффективно, как ранее, живя племенем, использовать мораль как средство регуляции жизнедеятельности разросшегося сообщества.

Итогом данного затруднения, явилось создание правового регулирования в первых государственных объединениях. Право медленно и верно выросло из ранее установленных и принятых сообществом религиозных норм, укоренившихся традиций и интуитивного понимания справедливости [2]. Еще с древних времен и до IV столетия нашей эры первые юристы называли себя жрецами, а свои действия представляли как обряды и таинства. Например, в иудаизме были заложены основы юридической культуры в представлении завета как договора между людьми и Богом. Как писал Е.В. Спекторский: «Право, принятое христианской цивилизацией от римской, является предметом почитания, постольку у него есть свой миф (учение об источниках права), свой догмат (юридическая догматика) и свой обряд (процессуальные формы)» [5, с. 231].

Примером того стали многочисленные варварские племена в Римской империи, которые под влиянием христианства постепенно стали близки мировоззренчески. В дальнейшем они стали придерживаться общих этических норм христианства, как и общих законов, продиктованных правом. Варвары оказались окультурены незаметно для себя, благодаря христианской религии, они посчитали ее достойной для подражания. Красота соборов, возвышенность храмовой атмосферы, завораживающая служба со свечами и пением, оказывали почти магическое воздействие на сознание. Практическая польза религии тоже была неоспорима и значима: объединение, сплочение и взаимопом-

ощь братьям своим во Христе, давала надежду на выживание и разностороннюю поддержку. Церковь постепенно начинает брать на себя и функции управления, администрирования, что находит поддержку у народа, так как есть ощущение, что высшая божественная справедливость будет восстановлена через институт церкви, как духовной доминанты общества.

Право, как и мораль, формировалось под влиянием не только практических интересов социума, но напрямую было связано с религиозным мышлением. Церковь была проводником естественного права, опирающегося на библейскую мудрость, согласно которой, право не создается людьми, а устанавливается Богом, как высший закон. Право – есть порядок, установленный свыше, ему подчиняется все живое и даже неживое на Земле. Созданное Богом право, всегда есть только добро, высшая истина и справедливость. Фома Аквинский определял право, как установление разума для общего блага. Аврелий Августин объяснял пользу права через заботу Бога о защите людей от преступлений и сохранении порядка в государстве.

Легитимность праву придавала и его отсылка к старине, которая была связана с религией. Все что прошло проверку временем, заслуживает доверия. Право представлялось как вечная справедливость, укорененная в сознании, право надо изыскивать именно из него. «Обновление понималось как реставрация, прогресс – как возвращение к прошлому, ибо только от века существующее могло иметь моральную силу и непререкаемый авторитет» [3, с. 150], писал Гуревич. Подобное понимание истины бытия и справедливости как старинных законов пришло в право из религиозного богослужения. Человек был полностью детерминирован условностями и правилами, предписанными издревле религиозной моралью, что считалось праведным и должным, заслуживающим одобрения и почтения.

Связь права с ритуалом, тоже была во многом заимствована из религии. Все значимые события в жизни людей: брак, сделки, приемы, посвящение в рыцари и т.п. были строго ритуализированы и подчинены строгим правилам, пренебречь которыми означало поставить под удар само событие или дать повод к сомнению в его состоятельности. Ритуализированными оказались многие аспекты социально-политической и правовой жизни. Придать действительность юридическому акту мог лишь религиозно-магический ритуал. Истина в суде доказывалась клятвами, присягами, поединками, свидетелями, принимавшими участие в ритуале и подтверждающими его следование канонам. Каждому поступку, вещи (перчатка, меч, ключ и т.п.) приписывали символическую значимость в процедуре заседания суда. «Вера в слово, изображения, символы была безгранична и не встречала никакой критики» [3, с. 150], отмечал Гуревич.

Связь религиозных принципов и ценностей с правовыми системами государства наглядно иллюстрирует средневековое общество. Например, религиозный символизм, так или иначе отражается как в праве, так и в других социальных институтах средневекового государства. Символ – есть условный знак какого-нибудь понятия чего-нибудь отвлеченного [4, с. 576].

Говоря о символизме, почерпнутом правом из религиозной традиции, необходимо упомянуть и о языке права. Он выступал средством формальной фиксации правил поведения, определял границы допустимого, дозволенного с помощью понятных, узнаваемых атрибутов морально-религиозного должностования, и ценностных ориентиров, продиктованных как человеческим опытом общежития, так и религиозными нормами и традициями, понятными и принятыми на ментальном уровне большинством членов сообщества.

Не смотря на позитивную направленность права, искусственность правового языка, его ориентацию и заданность на решение конструктивных и заранее определенных задач, благодаря своей связи с религиозными ценностными установками и традициями, закрепленными в общественном сознании, право становится имманентным и приемлемым для социального сообщества средневековья. Религиозный опыт опоры на традиции и архаические средства оказался весьма эффективным в правовой реальности и позволил адекватно реагировать на динамично трансформирующиеся общественные отношения.

Символизм можно проследить от экзегезы, толковании и интерпретации неясных моментов в древних, античных и религиозных текстах и религиозной живописи, в средневековых ритуалах, связанных с обыденной жизнью, определяющих вассальные отношения, отношения между господином и его слугами. Религиозная культовая практика,

включая базовые таинства и появившаяся позднее религиозная юридическая процедура, анафема, имеющая тяжкие последствия для верующего человека, носила ярко выраженный символический характер.

Исследователь культуры средневековья – А.Я. Гуревич, считает, что изучение иррациональной ментальности человека, в которую включаются духовные и религиозные категории, влияющие на картину мира, помогает понять суть социальных явлений средневековой правовой государственности изнутри, а не с позиции современного человека. Религиозные категории, вписанные в правовую реальность средневековья представляют «сетку координат, наложенную на живую изменяющуюся действительность» [3, с. 23].

Эпоха иррациональности, противоречивости для которой был естественен отказ от аристотелевского рационализма и правил логики, становится более понятна в контексте ведущей идеи мыслителей средневековья, направленной на постижение бога-творца всех видимых форм, которые существуют не сами по себе, но лишь как средства постижения божественного разума», ведущей к спасению души человека [3, с. 24].

Изучение возникновения и развития права как института, органически связанного с религиозными ценностями, представляет большой интерес, в связи с пониманием сути и смысла легитимности права как справедливого и необходимого феномена общественного бытия. В заключении необходимо отметить, что в процессе дальнейшего формирования правового сознания и становления правовой культуры современного нам общества, следует опираться на те традиционные ценности, которые были сохранены в практической и духовной памяти народа, прежде всего, в религиозной традиции и культуре наших предков.

Литература

1. Галанина, Н.В. Роль веры и сотрудничества в российской православно-й традиции в преодолении чрезвычайных ситуаций / Н.В. Галанина, Г.В. Елагина, Н.В. Дьяченко // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 5-ти частях, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: Академия государственной противопожарной службы, 2025. – С. 85–90.
2. Горохова, В.В. Рациональная и иррациональная суть традиции как основа правовой детерминации общества / В.В. Горохова, Н.В. Галанина // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 33–36.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры – М: Искусство, 1984. – 350 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. 2013. – 736 с.
5. Спекторский Е.В. Христианство и культура / Сост., вступ. статья и примеч. П.Е. Бойко, Л.А. Бойко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – 360 с

RELIGIOUS VALUES AS THE MOST IMPORTANT DETERMINING FACTOR OF SOCIETY'S LEGAL EXISTENCE

Gorokhova V.V., Galanina N.V.

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academies of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article traces the systemic connection between law and religious values as the basic and immanent bonds of the human community. The authors state that the emergence and development of law as a social institution is organically linked to religious values, traditions, and meanings, which is of great interest in understanding the essence and meaning of the legitimacy of law as a fair and necessary phenomenon of social existence.

Keywords: society, morality, law, religion, Christianity, values, symbolism.

References

1. Galanina, N.V. The Role of Faith and Cooperation in the Russian Orthodox Tradition in Overcoming Emergencies / N.V. Galanina, G.V. Yelagina, N.V. Dyachenko // Civil Defense on Guard of Peace and Security: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference Dedicated to the World Civil Defense Day. In 5 parts, Moscow, February 28, 2025. – Moscow: Academy of the State Fire Service, 2025. – P. 85–90.
2. Gorokhova, V.V. Rational and irrational essence of tradition as the basis of legal determination of society / V.V. Gorokhova, N.V. Galanina // Bulletin of Economic Security. – 2025. – № 1. – Pp. 33–36.
3. Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture – M: Iskusstvo, 1984. – 350 p.
4. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. M. 2013. – 736 p.
5. Spectorovskiy E.V. Christianity and Culture / Comp., Intr. Article and notes by P.E. Boyko and L.A. Boyko. Moscow: Center for Strategic Studies, 2013. – 360 p.

Выбор языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровом пространстве: методологические подходы и валидация

Бельников Сергей Сергеевич,

аспирант, кафедра политологии, Финансовый университет
при Правительстве РФ
E-mail: ssbelnikov@fa.ru

Статья посвящена анализу подходов к определению и выбору языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровом пространстве. На основе синтеза зарубежного и российского научного опыта выявляются основные методологические вызовы при работе с текстовыми данными социальных медиа, которые требуют переосмысления традиционных подходов к операционализации политического участия. Автор анализирует три основных подхода к идентификации языковых маркеров: словарные методы, основанные на предварительно определенных списках лексических единиц, методы машинного обучения, позволяющие выявлять скрытые закономерности в больших текстовых корпусах и гибридные подходы, интегрирующие преимущества двух предыдущих. Определяются критерии обоснованности выбора маркеров, включая надежность кодирования и проверку конструктивной валидности, которые обеспечивают научную корректность результатов. Рассматривается методологическая схема выбора языковых маркеров для количественных исследований гражданско-политического участия в цифровой среде, учитывающая специфику политического дискурса и особенности русскоязычного контента.

Ключевые слова: языковые маркеры, гражданско-политическое участие, цифровое пространство, социальные медиа, текстовый анализ, контент анализ.

Введение

Информационно-коммуникационные технологии радикально трансформировали не только формы, но и сам смысл политического участия граждан, переместив значительную часть гражданской активности в цифровое пространство социальных медиа. Цифровые платформы создали качественно новое пространство для политического выражения, публичной мобилизации и взаимодействия граждан с политическими институтами [Ахременко, Бродовская 2021]. Явления онлайн-активизма, цифрового протеста и интернет-мобилизации становятся неотъемлемыми компонентами политических систем как глобального, так и национального уровней, существенно влияя на структуру и динамику политических процессов [Груздева, 2022].

Вместе с тем эта трансформация создала принципиально новые методологические вызовы для политологов и социологов, работающих в области исследований гражданского и политического участия. Если традиционные формы политического участия (голосование, участие в массовых протестах, членство в политических организациях) поддаются эмпирической проверке через прямое наблюдение или опросные методы, то цифровое участие требует разработки принципиально иных подходов к идентификации, операционализации и измерению его проявлений [Theocharis, 2015]. Центральный вопрос, встающий перед исследователями, касается того, каким образом операционализировать конструкт гражданско-политического участия в контексте анализа больших объемов неструктурированных текстовых данных, генерируемых в социальных медиа.

Попытки ответить на этот вопрос привели к интенсивному развитию набора количественных методов анализа политического дискурса, опирающихся на вычислительный анализ текста и обработку естественного языка. Однако при всем многообразии разработанных методик выбор корректных языковых маркеров (элементов текста, которые операционализируют интересующий исследователя конструкт) остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в этой области [Glavaš, 2019]. Эта проблема приобретает особую важность в контексте российской политической науки, где недостаточно как экспериментальных апробаций зарубежных методик, так и централизованных разработок, учитывающих общность накопленного научного знания.

Целью настоящей статьи является систематический анализ подходов к определению и выбору языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровом пространстве, выявление их методологических ограничений и формирование рекомендуемой методологической схемы для российской политической науки, которая могла бы служить базисом для дальнейших эмпирических исследований в этой области.

Языковой маркер в самом общем смысле представляет собой единицу текста (отдельное слово, словосочетание, синтаксическая конструкция, пунктуационный знак или их комбинация), которая при появлении в тексте указывает на наличие определенного свойства или характеристики, интересующей исследователя [Mohammad, 2016]. Маркеры могут быть явными (выраженными), когда наличие маркера прямо и непосредственно свидетельствует о присутствии изучаемого конструкта, и имплицитными (скрытыми), когда маркер выступает косвенным, опосредованным индикатором.

Для исследований гражданско-политического участия в цифровой среде типичный спектр языковых маркеров включает несколько категорий, каждая из которых операционализирует различные аспекты политической активности. Лексические маркеры охватывают глаголы действия, прямо указывающие на вовлеченность в политические процессы (участвовать, требовать, подписать, голосовать), существительные, ассоциируемые с политической тематикой (протест, закон, политика, демократия, несправедливость), и прилагательные оценочного характера (справедливо, несправедливо, нужно, важно), которые маркируют эмоциональное отношение к политическим явлениям. Синтаксические маркеры обращают внимание на структурные особенности высказывания: использование повелительного наклонения сигнализирует о реальном или риторическом призыве к политическому действию, вопросительные предложения функционируют как средство привлечения внимания и инициирования публичного обсуждения, восклицательные конструкции указывают на высокую сте-

пень эмоционального и аффективного вовлечения. Функционально-прагматические маркеры связаны с особенностями цифровой коммуникации: упоминание хэштегов, ссылки на официальные организации и государственные структуры, упоминание названий политических кампаний и движений, а также прямые призывы к подписанию онлайн-петиций.

Однако использование этих маркеров для операционализации конструкта гражданско-политического участия сталкивается с принципиальной проблемой контекстной зависимости языкового выражения. Одна и та же лексическая единица может функционировать как маркер политического участия в одном контексте и быть совершенно нейтральной в другом. Слово «политика» в высказывании «Я не люблю политику» не маркирует политическое участие и указывает скорее на дистанцирование от политического процесса, однако в высказывании «Мы должны изменить политику» это же слово функционирует как маркер активной гражданской позиции. Таким образом, выбор маркеров требует не просто лексической идентификации, но глубокого контекстного и семантического анализа, который учитывает сложность языковой репрезентации политических явлений [Лушинская, 2017].

Это обстоятельство непосредственно связано с сложностью выбора языковых маркеров – обеспечением их валидности, то есть соответствия между операциональным определением (конкретными выбранными маркерами) и теоретическим конструктом (гражданско-политическое участие). В научной литературе обычно различают несколько аспектов валидности. Конструктная валидность требует, чтобы выбранные маркеры действительно отражали различные теоретически значимые аспекты гражданско-политического участия. Если теоретическое определение гражданского участия включает как информационную активность (поиск, распространение, обсуждение информации), так и мобилизационную деятельность (призывы к действию, организация коллективных акций), то набор маркеров должен охватывать оба этих измерения [Theocharis, van Deth, 2017]. Дискриминантная валидность предполагает, что маркеры гражданского участия не должны отражать другие, принципиально отличные конструкты. Внешняя валидность предполагает, что маркеры, разработанные и протестированные на одной выборке текстов, могут быть успешно применены к другим выборкам, дают сравнимые и воспроизводимые результаты. Это становится критически важным при переходе от анализа одной цифровой платформы к анализу другой, где нормы коммуникации и выражения политических позиций существенно отличаются.

Анализ международной и российской научной литературы позволяет выделить три основных подхода к идентификации и выбору языковых маркеров в количественных исследованиях политического дискурса, каждый из которых имеет свои достоинства и существенные ограничения. Словарный (или лексический) подход основан на создании заранее определенного, предварительно скомпилированного набора слов и выражений, которые теоретически маркируют интересующий исследователя конструкт [Mohammad, 2016]. Процедура разработки словаря обычно включает несколько последовательных этапов. На первом этапе осуществляется определение «сид-слов» («seed words») – базового набора наиболее очевидных маркеров, выбранных на основе теоретического понимания конструкта. На втором этапе проводится расширение словаря с использованием методов семантической близости для добавления синонимов, гиперонимов и контекстно связанных терминов. На третьем этапе проводится валидация полученного словаря на контрольной выборке текстов, где наличие или отсутствие политического участия известно заранее.

Словарный метод имеет несомненные преимущества, прежде всего в плане прозрачности и воспроизводимости результатов. Этот подход позволяет быстро применить методику к значительным объемам текстовых данных, поскольку простой поиск по словарю требует минимальных вычислительных ресурсов даже для миллионов документов [Lind, 2017]. Кроме того, словарные методы обеспечивают возможность адаптации под специфику конкретных политической системы и особенности языка, что критично при работе с русскоязычным контекстом.

Однако словарный метод сталкивается с рядом ограничений. Одно и то же слово может иметь существенно различные значения в зависимости от контекста, иронического использования, сарказма и социального контекста высказывающегося. Словари неизбежно охватывают только ограниченный спектр возможных выражений политического участия и снижают полноту анализа. В частности, при наличии в массиве данных языкового варьирования и использования диалектов, интернет-слэнга и молодежного слэнга, который постоянно эволюционирует.

Методы машинного представляют собой принципиально иной подход, не требующий предварительного определения маркеров. Вместо

этого алгоритм обучается на размеченной выборке данных, где каждый текст был вручную проанализирован и помечен как содержащий или не содержащий признак политического участия. В практике анализа политического дискурса используются различные типы алгоритмов машинного обучения, каждый из которых имеет собственные характеристики. Методы обучения с учителем (контролируемое обучение), такие как метод опорных векторов, логистическая регрессия, случайный лес, а также нейронные сети (большие языковые модели), включая трансформер-модели такие как BERT и RoBERTa [Lohse, 2024].

Альтернативно, методы обучения без учителя (неконтролируемое обучение) позволяют выявлять структуру в текстовых данных без предварительной разметки массивов. Тематическое моделирование, такое как латентное распределение Дирихле, выявляет скрытые тематические структуры в большом корпусе текстов и позволяет идентифицировать, какие темы ассоциируются с политическим участием [Shi, 2019]. Методы векторного представления слов и более современные контекстно-зависимые модели, основаны на принципе, что слова, которые встречаются в похожих контекстах, имеют похожие значения. Такие подходы кодируют слова в многомерное пространство таким образом, что семантически близкие слова оказываются пространственно близкими.

Подходы с использованием машинного обучения предоставляют значительные преимущества в выявлении комплексных и неочевидных закономерностей в текстовых данных. Эти методы обладают адаптивностью к новым типам выражений и изменяющемуся языку через процесс переобучения, что особенно важно для быстро эволюционирующего интернет-дискурса. На больших и разнородных корпусах текстов они часто достигают высокой точности, значительно превосходя словарные методы [Benoit, 2016].

Однако методы машинного обучения сталкиваются с собственным набором существенных ограничений. Первое и наиболее практическое ограничение состоит в необходимости значительного объема размеченных данных для достижения хорошей точности. Второе ограничение – сложность интерпретации того, какие именно признаки алгоритм использует для классификации [Lind, 2017]. Третьим существенным ограничением является риск переобучения, когда модель хорошо работает на обучающих данных, но плохо обобщается на новые данные [Glavaš, 2019].

В последние годы наиболее успешной и перспективной практикой стала разработка гибридных методов, которые комбинируют преимущества машинного обучения и использования словаря. В одном из наиболее распространенных гибридных подходов исследователь создает словарь явных маркеров, который затем используется как первичный фильтр для выявления текстов, содержащих признаки политического участия, а затем модель на основе машинного обучения применяется для выявления остальных случаев. Альтернативный гибридный подход использует краудсорсинг для масштабного создания размеченных данных, которые служат основой для обучения моделей машинного обучения [Benoit, 2016; Lind, 2017].

Выбор методологического подхода к маркерам неразрывно связан с фундаментальным вопросом операционализации самого конструкта гражданско-политического участия. В международной научной литературе представлены различные концептуализации этого феномена. Узкое определение ограничивает политическое участие действиями, которые непосредственно влияют на политические решения: голосованием на выборах, участием в избирательных кампаниях, подачей петиций в органы власти [Boulianne, 2015]. Широкое определение включает все формы гражданской активности, так или иначе связанные с социальными и политическими вопросами: публичное обсуждение политических проблем, распространение информации о социальных несправедливостях, выражение мнения о государственной политике [Theocharis, van Deth, 2017].

Российские исследователи предлагают дифференцированный подход к анализу цифрового гражданско-политического участия, который можно структурировать на несколько последовательно усложняющихся уровней вовлеченности. На первом уровне находится информационно-наблюдательное участие, включающее поиск, отбор и потребление политической информации в цифровой среде без выраженного вмешательства в политический процесс [Ерохина, 2022]. На втором уровне располагается символически-дискурсивное участие, сочетающее активное обсуждение политических вопросов, публичное выражение собственной позиции и низкопороговые формы поддержки (лайки, репосты, использование политически маркированных символов и хэштегов), которые в литературе часто описываются через понятие «слактивизм» [Бакин, 2018]. Третий уровень образует мобилизационно-участническое участие, связанное с инициированием и распространением призывов к коллективным действиям, организа-

цией цифровых кампаний, участием в онлайн-петициях, общественных обсуждениях, волонтерских и иных формальных и неформальных инициативах, координируемых посредством цифровых платформ [Бродовская, 2019]. Наконец, на четвертом уровне располагается активистско-организационное участие, предполагающее устойчивое включение граждан в деятельность политических и гражданских объединений, движений и кампаний, в том числе в роли организаторов и координаторов цифровых и гибридных форм политической активности [Володенков, 2021].

Цифровой политический дискурс в социальных сетях характеризуется рядом черт, которые необходимо учитывать при разработке маркеров. Прежде всего, это высокая эмоциональность и аффективность высказываний, выражаемая в интенсивном использовании эмодзи, специальных символов и эмоционально окрашенной лексики [Yerez-Reyes, 2023]. Второй чертой является функциональная роль хэштегов, которые в социальных сетях функционируют как мощные организующие и мобилизующие инструменты. Исследования демонстрируют сильную корреляцию между частотностью использования политических хэштегов и интенсивностью политической мобилизации [Östin, 2024]. Третьей характерной чертой цифрового политического участия является его принципиальная интерактивность и социальная природа. Политическое участие в цифровом пространстве часто предполагает активное взаимодействие (ответы на комментарии, перепосты и обсуждение) [Lohse, 2024]. Наконец, необходимо учитывать существенную зависимость норм выражения политического участия от особенностей цифрового пространства, платформ.

Применение методов, разработанных преимущественно на английском языке, к анализу русскоязычного контента требует особого внимания из-за морфологической сложности русского языка, интенсивного использования метафор и символических отсылок, появления новых неологизмов и интернет-сленга, а также существенных различий между литературным русским языком, разговорным языком и интернет-жаргоном [Лушинская, 2017].

Научная корректность выбранных языковых маркеров зависит от соответствия их строгим критериям валидности и надежности. Надежность кодирования представляет собой основной статистический показатель качества операционализации конструкта. Процедура оценки включает задействие двух или более независимых кодировщиков с одной и той же репрезентативной выборкой текстов и расчёт коэффициента межэкспертной согласованности, обычно на основе Коэффициента каппа Козна или Альфы Кrippендорфа [Cofie, 2022].

Общепринятые пороговые значения: каппа > 0.80 свидетельствует об отличной надежности, 0.60–0.80-о хорошей, 0.40–0.60-об умеренной, < 0.40-о плохой надежности. Если надежность ниже 0.60–0.70, необходимо уточнить определения маркеров и повторить процесс кодирования [Lind, 2017].

Конструктная валидность обеспечивается явным операциональным определением того, какие именно языковые признаки маркируют каждый аспект гражданско-политического участия, теоретической обоснованностью выбранных маркеров на основе научной литературы [Theocharis, 2015], проверкой на контрольной выборке текстов, где наличие политического участия известно заранее [Glavaš, 2019].

Внешняя валидность обеспечивается репрезентативностью выборки текстов, на основе которых были разработаны маркеры в процессе кроссплатформенного тестирования.

Исходя из проведенного анализа научной литературы, рассматривается методологическая схема выбора языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровой среде.

Первый этап посвящен четкой операционализации конструкта гражданско-политического участия на основе теоретической литературы. В соответствии с предложенной схемой используется четырехуровневая типология участия, различающая информационное, дискурсивное, мобилизационное и активистское участие. Эта типология позволяет дифференцировать различные форматы гражданской активности в социальных сетях, от пассивного потребления информации до организации коллективных действий.

На втором этапе проводится разработка первичного словаря маркеров на основе качественного анализа репрезентативной выборки постов из исследуемой платформы, охватывающих разнообразные политические темы и дискурсы. Необходимым при разработке словаря является привлечение нескольких независимых экспертов и специалистов в области политической коммуникации для минимизации субъективности и обеспечения репрезентативности выявленных маркеров.

На третьем этапе проводится валидация словаря на контрольной выборке размеченных текстов, кодированных независимыми специалистами. Рассчитываются показатели точности и полноты с пороговыми значениями, которые соответствуют требованиям к надежности

инструмента для репрезентативного исследования политического дискурса.

На четвертом этапе проводится оценка надежности кодирования посредством межэкспертной согласованности. Два независимых кодировщика применяют уточненный словарь к новой выборке текстов. Рассчитываются коэффициенты надежности: каппа Козна или Альфа Кrippендорфа. При значении ниже 0.70 процесс повторяется с уточнением операциональных определений маркеров и инструкций кодирования, что обеспечивает достоверность результатов.

Пятый этап (опциональный) предполагает интеграцию методов машинного обучения на основе вручную размеченных данных, полученных на предыдущих этапах, для идентификации менее выраженных и контекстно-зависимых проявлений политического дискурса.

Заключение

Выбор языковых маркеров гражданско-политического участия в цифровом пространстве представляет собой не просто техническую задачу, а фундаментальную методологическую проблему, требующую интеграции теоретического понимания политического участия с практическими методами анализа текста. Предложенная в данной работе методологическая схема предлагает комплексный подход, базирующийся на многоуровневой валидации конструктов и апробации на реальных данных.

Несмотря на инструментальные достижения в области обработки естественного языка, существуют фундаментальные ограничения, которые необходимо учитывать при разработке и применении наборов маркеров. Контекстная зависимость языкового выражения остается неразрешимым вызовом для любой методики автоматического анализа: один и тот же текстовый фрагмент может иметь различное значение в зависимости от политического контекста, целевой аудитории и временного периода. Динамичность политического дискурса означает постоянное появление новых слов, фраз, цифровых символов и невербальных маркеров (мемов, хэштегов, эмодзи), требующих циклического обновления и адаптации методологии. Социокультурная и региональная вариативность политического дискурса создает значительные сложности при переносе методик между различными культурными контекстами, платформами и языками.

Эти ограничения, однако, не дискредитируют методологический подход, а скорее определяют траекторию его развития. Рассматриваемая методологическая схема служит основой для построения воспроизводимых, валидных и адаптивных инструментов анализа гражданско-политического участия в цифровом пространстве, способных отражать сложность и динамику современного политического дискурса.

Литература

- Ахременко Андрей Сергеевич, Бродовская Елена Викторовна Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-novykh-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-grazhdanskii-i-politicheskiy-aktivizm-linii-napryazheniya> (дата обращения: 20.01.2026).
- Груздева М.А. Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов // Цифровая социология. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didzhitalizatsiya-grazhdanskogo-uchastiya-ogranicheniya-v-pole-tsifrovyyh-razryvov> (дата обращения: 18.01.2026).
- Бабкин Э.А., Карпов Н.В., Радина Н.К., Улитин Б.И. Невидимые правила цифрового политического участия: компьютерные модели онлайн-дискуссий: монография. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 172 с.
- Бродовская Елена Викторовна, Домбровская Анна Юрьевна, Пырма Роман Васильевич, Азаров Артур Александрович Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Полит. наука. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskii-i-politicheskie-onlajn-praktiki-v-otsenakh-rossiiskoi-molodezhi-2018> (дата обращения: 18.01.2026).
- Володенков Сергей Владимирович, Федорченко Сергей Николаевич Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-infrastruktury-grazhdanskopoliticheskogo-aktivizma-aktualnye-vyzovy-riski-i-ogranicheniya> (дата обращения: 15.01.2026).
- Ерохина Оксана Валерьевна ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ // Власть. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 18.01.2026).

7. Лушинская, О.В. Дискурс конвергентных средств массовой коммуникации: определение категориального аппарата исследования / О.В. Лушинская // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года / Ответственный редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 6. – Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. – С. 74–75. – EDN XEGCZL.

8. Benoit K., Conway D., Lauderdale B.E., Laver M., Mikhaylov S. Crowd-sourced Text Analysis: Reproducible and Agile Production of Political Data // *American Political Science Review*. 2016. Vol. 110, № 2. P. 278–295. DOI: 10.1017/S0003055416000058.

9. Boulianne S. Social media use and participation: a meta-analysis of current research // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, № 5. P. 524–538. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1008542.

10. Cofie N., Braund H., Dalgarno N. Eight ways to get a grip on inter-coder reliability using qualitative-based measures // *Canadian Medical Education Journal*. 2022. Vol. 13, № 2. P. 73–76. DOI: 10.36834/cmiej.72504.

11. Glavaš G., Nanni F., Ponzetto S.P. Computational analysis of political texts: Bridging research efforts across communities // *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Tutorial Abstracts*. 2019. P. 18–23. Florence, Italy: Association for Computational Linguistics. DOI: 10.18653/v1/P19-4004.

12. Lind F., Gruber M., Boomgaarden H.G. Content Analysis by the Crowd: Assessing the Usability of Crowdsourcing for Coding Latent Constructs // *Communication Methods and Measures*. 2017. Vol. 11, № 3. P. 191–209. DOI: 10.1080/19312458.2017.1317338.

13. Lohse A. Political Participation, Responsiveness and Discourse in the Social Media Age: Ph.D. Dissertation in Social Data Science. Copenhagen: University of Copenhagen, Faculty of Social Science, Copenhagen Center for Social Data Science, 2024. 200 c. URL: https://usercontent.one/wp/www.augustlohse.com/wp-content/uploads/2024/11/Ph_D_Dissertation.pdf (дата обращения: 17.01.2026)

14. Mohammad S.M. Sentiment Analysis: Detecting Valence, Emotions, and Other Affectual States from Text // *Emotion Measurement*. Ed. by H.L. Mehu. 2nd ed. Woodhead Publishing, 2016. Ch. 9. P. 201–237. DOI: 10.1016/B978-0-08-100508-8.00009-6.

15. Östin E., Lindgren S. Bridging Activism and Party Politics: Mapping Frame Alignment Processes in Politicians' Use of Hashtags // *Social Media + Society*. 2024. Vol. 10, № 2. DOI: 10.1177/20563051241245668.

16. Yepez-Reyes V., Cevallos P., Carrillo-Andrade A., Cruz-Silva J., López-Paredes M., González-Quincha A. Everyday Virtuality: A Multimodal Analysis of Political Participation and Newsworthiness // *Societies*. 2023. Vol. 13, № 5. P. 119. DOI: 10.3390/soc13050119.

17. Shi L., Cheng G., Xie S., Xie G. A word embedding topic model for topic detection and summary in social networks // *Measurement and Control*. 2019. Vol. 52, № 9–10. P. 1289–1298. DOI: 10.1177/0020294019865750.

18. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1, № 2. DOI: 10.1177/2056305115610140.

19. Theocharis Y., van Deth J.W. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. 1st ed. New York: Routledge, 2017. 144 p. DOI: 10.4324/9780203728673.

SELECTION OF LINGUISTIC MARKERS OF CIVIC-POLITICAL PARTICIPATION IN DIGITAL SPACE: METHODOLOGICAL APPROACHES AND VALIDATION

Belnikov S.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article is devoted to the analysis of approaches to defining and selecting linguistic markers of civic-political participation in the digital space. Based on a synthesis of foreign and Russian scholarly experience, the main methodological challenges in working with social media text data are identified, which require rethinking traditional approaches to operationalizing political participation. The author analyzes three main approaches to identifying linguistic markers: dictionary methods based on pre-defined lists of lexical units, machine learning methods that enable the detection of hidden patterns in large text corpora, and hybrid approaches that integrate the advantages of the previous two. Criteria for justifying

the choice of markers are defined, including coding reliability and construct validity checks, which ensure the scientific validity of the results. A methodological framework is proposed for selecting linguistic markers for quantitative studies of civic-political participation in the digital environment, taking into account the specifics of political discourse and features of Russian-language content.

Keywords: linguistic markers, civic-political participation, digital space, social media, text analysis, content analysis.

References

1. Akhremenko Andrey Sergeevich, Brodovskaya Elena Viktorovna Influence of new information and communication technologies on civil and political activism: “tension lines” of the discussion field // *Monitoring*. 2021. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-novykh-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-grazhdanskiy-i-politicheskiy-aktivizm-linii-napryazheniya> (date of access: 20.01.2026).

2. Gruzdeva M.A. Digitalization of civic participation: limitations in the field of digital divides // *Digital Sociology*. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didzhitalizatsiya-grazhdanskogo-uchastiya-ogranicheniya-v-pole-tsifrovyyh-razryvov> (date of access: 18.01.2026).

3. Babkin E. A., Karpov N.V., Radina N.K., Ulitin B.I. Invisible Rules of Digital Political Participation: Computer Models of Online Discussions: Monograph. Nizhny Novgorod: Publishing House of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2018. 172 p.

4. Brodovskaya Elena Viktorovna, Dombrovskaya Anna Yuryevna, Pyra Roman Vasilyevich, Azarov Artur Aleksandrovich, Civic and Political Online Practices as Assessed by Russian Youth (2018) // *Polit. science*. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-i-politicheskie-onlajn-praktiki-v-otsenakh-rossii-skoi-molodezhi-2018> (date of access: 18.01.2026).

5. Volodenkov Sergey Vladimirovich, Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Digital infrastructures of civic-political activism: current challenges, risks, and limitations // *Monitoring*. 2021. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-infrastruktury-grazhdanskopoliticheskogo-aktivizma-aktualnye-vyzovy-riski-i-ogranicheniya> (Accessed: 15.01.2026).

6. Oksana Valeryevna Erokhina, Political participation in a digital society // *Vlast*. 2022. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-v-tsifrovom-obschestve> (Accessed: 18.01.2026).

7. Lushchinskaya, O.V. Discourse of Convergent Mass Media: Defining the Categorical Apparatus of Research / O.V. Lushchinskaya // *Medialinguistics: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, July 2–6, 2017 / Editor-in-Chief A.A. Malyshev. Volume Issue 6. – St. Petersburg: Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “St. Petersburg State University”, 2017. – P. 74–75. – EDN XEGCZL.

8. Benoit K., Conway D., Lauderdale B.E., Laver M., Mikhaylov S. Crowd-sourced Text Analysis: Reproducible and Agile Production of Political Data // *American Political Science Review*. 2016. Vol. 110, No. 2. P. 278–295. DOI: 10.1017/S0003055416000058.

9. Boulianne S. Social media use and participation: a meta-analysis of current research // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, No. 5. P. 524–538. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1008542.

10. Cofie N., Braund H., Dalgarno N. Eight ways to get a grip on inter-coder reliability using qualitative-based measures // *Canadian Medical Education Journal*. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 73–76. DOI: 10.36834/cmiej.72504.

11. Glavaš G., Nanni F., Ponzetto S.P. Computational analysis of political texts: Bridging research efforts across communities // *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Tutorial Abstracts*. 2019. P. 18–23. Florence, Italy: Association for Computational Linguistics. DOI: 10.18653/v1/P19-4004.

12. Lind F., Gruber M., Boomgaarden H.G. Content Analysis by the Crowd: Assessing the Usability of Crowdsourcing for Coding Latent Constructs // *Communication Methods and Measures*. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 191–209. DOI: 10.1080/19312458.2017.1317338.

13. Lohse A. Political Participation, Responsiveness and Discourse in the Social Media Age: Ph.D. Dissertation in Social Data Science. Copenhagen: University of Copenhagen, Faculty of Social Science, Copenhagen Center for Social Data Science, 2024. 200 Pp. URL: https://usercontent.one/wp/www.augustlohse.com/wp-content/uploads/2024/11/Ph_D_Dissertation.pdf (access date: 01/17/2026)

14. Mohammad S.M. Sentiment Analysis: Detecting Valence, Emotions, and Other Affectual States from Text // *Emotion Measurement*. Ed. by H.L. Mehu. 2nd ed. Woodhead Publishing, 2016. Ch. 9. P. 201–237. DOI: 10.1016/B978-0-08-100508-8.00009-6.

15. Östin E., Lindgren S. Bridging Activism and Party Politics: Mapping Frame Alignment Processes in Politicians' Use of Hashtags // *Social Media + Society*. 2024. Vol. 10, No. 2. DOI: 10.1177/20563051241245668.

16. Yepez-Reyes V., Cevallos P., Carrillo-Andrade A., Cruz-Silva J., López-Paredes M., González-Quincha A. Everyday Virtuality: A Multimodal Analysis of Political Participation and Newsworthiness // *Societies*. 2023. Vol. 13, No. 5. P. 119. DOI: 10.3390/soc13050119.

17. Shi L., Cheng G., Xie S., Xie G. A word embedding topic model for topic detection and summary in social networks // *Measurement and Control*. 2019. Vol. 52, No. 9–10. P. 1289–1298. DOI: 10.1177/0020294019865750.

18. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1, No. 2. DOI: 10.1177/2056305115610140.

19. Theocharis Y., van Deth J.W. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. 1st ed. New York: Routledge, 2017. 144 p. DOI: 10.4324/9780203728673.

Вафин Артур Мансурович,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления, социальной политики и глобальных процессов Российского государственного социального университета; доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: arthur.vafin@mail.ru

В статье анализируется феномен дипфейков искусственного интеллекта как качественно новой технологии негативной политической коммуникации. Автор рассматривает дипфейк в контексте эволюции «черного» PR и показывает его принципиальное отличие как от фейковых новостей, так и от традиционных форм политической дезинформации. Обосновывается тезис о том, что дипфейки не искажают реальность, а конструируют синтетические события, подрывая эпистемические основания политического доверия.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, «черный» PR, связи с общественностью, политическая дезинформация, фейковые новости, информационная война, когнитивная манипуляция, цифровая политика.

Искусственный интеллект стремительно ворвался в самые разные сферы жизни: науку, развлечения, экономику и политику. Во время подведения итогов 2023 г. с Президентом России В.В. Путиным прозвучал следующий вопрос: «как Вы относитесь к тем опасностям, которые несут в нашу жизнь искусственный интеллект и нейросети?» На который Президент ответил одновременно и философски, и прагматически: «Искусственный интеллект, надо ли его бояться? Предотвратить развитие искусственного интеллекта, в том числе сверхинтеллекта, который начинает чувствовать, который различает запахи, у него появляются когнитивные возможности, который сам себя развивает, – просто предотвратить это невозможно, предотвратить развитие невозможно. А значит, нужно возглавить, во всяком случае нужно сделать все для того, чтобы мы могли быть одними из лидеров в этом направлении. Но чем это закончится, никто не знает. Таковы реалии, во всяком случае сегодня»¹. Следовательно, чтобы возглавить работу с искусственным интеллектом, необходимо осознать те угрозы, которые он в себе несет, в т.ч. в сфере политики.

На наш взгляд, одна из ключевых угроз искусственного интеллекта в политике – это дипфейки (deepfake). Дипфейк не искажает реальность, а создает ее имитацию. Дипфейк не следует путать с цифровым двойником. Во-первых, цифровой двойник создается в рамках добровольного согласия субъекта виртуализации. Во-вторых, дипфейк больше одной персоны. Он может касаться не только человека, но и людей, животных, природных объектов (например, фальсификация катастроф) и т.д.

«Дипфейки могут полностью перевернуть представление об истине в глазах общественности. К примеру, в 2018 г. в Габоне президент страны Али Бонго несколько недель не появлялся на публике из-за проблем со здоровьем. Правительство выпустило президентское видеообращение, чтобы прервать публичные спекуляции о распространенных дипфейковых материалах, в которых сообщалось о смерти президента. Доверие к таким новостям настолько укрепилось, что в процесс вынуждены были вмешаться военные, назвавшие распространяемые материалы дипфейком» [11, с. 52], – пишут отечественные исследователи феномена манипулятивной информации.

Дипфейк мы рассматриваем в контексте «черного» PR. Ранее мы уже концептуализировали в академическом поле феномен «черного» PR, инструментами которого «могут выступать любые виды агитационных материалов – плакаты, листовки, растяжки, письма избирателям, публикации в печатных СМИ и сети Интернет, теле- и радиосообщения, ролики, вывески, граффити и т.п., а также ряд других приемов, которые можно, в частности, классифицировать на:

- основанные на реальных и на вымышленных событиях;
- запрещенные и не запрещенные законом (морально-этические);
- базирующиеся на физическом и психологическом воздействии;
- внутри- и внешнеполитические;
- анонимные, от имени конкурента, от собственного имени, от имени третьего лица – «независимого» журналиста, политолога и т.д.» [8, с. 108].

Как мы уже отметили, дипфейк не искажает реальность, а генерирует новую. В этом контексте важно различать дипфейк от фейковых новостей (fake news). Проблематика фейковых новостей и политической дезинформации стала центральной для политической науки после 2016 г. благодаря феномену предвыборной кампании и дальнейшей политики Д. Трампа на посту президента. Однако, как отмечают Х. Алибасич и Дж. Роуз, несмотря на ощущение новизны, ложная информация как политический инструмент имеет глубокие исторические корни. Авторы подчеркивают, что в современном политическом дискурсе понятие фейковые новости утратило однозначность и используется как минимум в двух значениях: во-первых, как новостные сообщения о событиях, которые не происходили, но оформлены в стилистике достоверной журналистики, и, во-вторых, как риторический прием дискредитации официальных медиа и политических оппонентов [2]. В этом контексте принципиально важно провести различие между фейковыми новостями и дипфейками искусственного интеллекта. Если фейковые новости предполагают наличие субъекта лжи – журналиста, редакции, политического актора или медиаплатформы, – то дипфейк, создаваемый искусственным интеллектом, размывает саму возможность иден-

¹ Итоги года с Владимиром Путиным // <http://kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 11.01.2026).

тифицировать источник манипуляции. Алгоритмическая генерация контента устраняет прямую связь между сообщением и субъектом ответственности, трансформируя политическую дезинформацию из акта целенаправленного искажения в процесс распределенного и анонимного производства синтетической реальности.

Данная двойственность создает благоприятную среду для появления новых форм «черного» PR, в которых подрыв доверия к информации становится не побочным эффектом, а самостоятельной целью. Дипфейки искусственного интеллекта возникают именно в этом контексте в качестве технологии, одновременно производящей ложное событие и размывающей границы между истиной и вымыслом.

Классические технологии «черного» PR всегда опирались на реально существующие элементы социально-политической действительности: высказывания, документы, изображения, пусть и вырванные из контекста. Вымысел присутствовал, но его можно было сфальсифицировать, т.е. проверить. Дипфейк принципиально меняет эту логику.

Обзор исследований дипфейк-технологий показывает, что современные алгоритмы позволяют манипулировать видео-, аудио- и изображениями с такой степенью реализма, что различие между правдой и подделкой становится все менее различимым [7]. В результате визуальная достоверность перестает быть индикатором истинности. Таким образом, «черный» PR переходит от интерпретации фактов к производству синтетических событий, что качественно расширяет его манипулятивный потенциал.

«Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [9, с. 136], – написал однажды К. Клаузевиц. «Дипфейки уже широко используются для создания фальшивого новостного контента в политических целях в условиях гибридной войны или в ходе экономической конкуренции» [10, с. 456], – отмечают отечественные исследователи. В теории политической войны дипфейки рассматриваются как элемент более широкой стратегии информационной и когнитивной субверсии. Т. Патерсон и Л. Ханли определяют политическую войну как «использование всех средств, находящихся в распоряжении государства, кроме открытых военных действий, для достижения стратегических целей» [5]. То есть здесь мы смещаемся с уровня внутренней политики на уровень политики международной. И здесь важно понимать, что цифровые технологии дают государственным и негосударственным акторам прямой доступ к электорату, сея сомнения в головах избирателей, включая сомнения по поводу результатов демократических выборов. Дипфейки в этом контексте выступают не как средство убеждения, а как инструмент подрыва доверия – ключевого ресурса демократической легитимности. Эмпирические исследования дезинформации в Африке демонстрируют, что использование искусственного интеллекта, алгоритмов и дипфейков усилило потенциал дезинформации до беспрецедентного уровня. К. Альбертс подчеркивает, что наибольший ущерб дезинформация наносит не через прямое изменение электоральных предпочтений, а через «рост цинизма, апатии и недоверия к демократическим институтам» [1, с. 334].

Следует отметить, что эффективность дипфейков во многом обусловлена особенностями человеческого восприятия. Понять, что перед вами дипфейк сложно не только простому обывателю, но и профессиональному журналисту. Исследования журналистских практик показывают, что аудиовизуальная информация воспринимается как более достоверная, чем текстовая. При этом, аудиоданные тоже фальсифицируются. Не говоря про видео. М. Химма-Кадакас и И. Ояметс отмечают, что видеоманипуляции, такие как дипфейк, являются наиболее сложными для проверки формами ложной информации, независимо от профессиональной специализации журналиста [3]. Связано это с тем, что видео традиционно воспринимается как прямая фиксация реальности, а не как результат интерпретации. Даже после разоблачения дипфейка первоначальный образ сохраняется в памяти аудитории, формируя устойчивое негативное впечатление. Таким образом, дипфейк функционирует как когнитивный якорь, смещающий последующее восприятие политического субъекта.

Одним из ключевых эффектов дипфейков является формирование эпистемической неопределенности: «Последовательным результатом, выявляемым в ряде исследований, является систематическое подрывание доверия к цифровым медиа. Воздействие дипфейкового контента в сочетании с нарративами фейкньюс существенно снижает уверенность пользователей в способности отличать подлинную информацию от манипулированной» [7, с. 11].

В отличие от классической лжи, дипфейк не обязательно должен быть принят как истина. Достаточно того, что он делает истину сомнительной. В этом смысле дипфейк идеально вписывается в логику «черного» PR, ориентированного не на убеждение, а на дестабилизацию когнитивного восприятия.

С. Мэддокс показывает, что порнографические и политические дипфейки функционируют сходным образом, воспроизводя единые механизмы дискредитации и подавления субъекта. Они действуют схожими способами, направленными на подавление критической мысли, лишая объект воздействия контроля над собственной репрезентацией и подрывая его публичную субъектность [4]. Здесь важно отметить, что дипфейк-технологии изначально развивались в сфере несанкционированного контента (порнография), а затем были адаптированы для политического воздействия. Это указывает на их универсальный репутационный и дестабилизирующий потенциал.

Исследования в области автоматического распознавания дипфейков показывают, что даже современные нейросетевые модели демонстрируют зависимость от конкретных датасетов (структурированного набора данных: фото, видео и т.д.) и условий обучения [6], что создает технологическую асимметрию: инструменты производства дипфейков развиваются быстрее, чем средства их обнаружения. В условиях реального политического процесса это означает, что разоблачение дипфейка почти всегда запаздывает по сравнению с его воздействием.

Зависимость алгоритмов искусственного интеллекта от датасетов является не только техническим, но и политическим фактором. Датасеты представляют собой не нейтральные отражения социальной реальности, а результат отбора, структурирования и институциональной фильтрации информации. То, какие образы, события и социальные типы включаются в обучающие выборки, определяет границы воспроизводимой реальности. В контексте дипфейков это означает, что способность создавать убедительные синтетические политические события напрямую зависит от контроля над массивами данных, а следовательно – от распределения власти в цифровом пространстве.

В условиях цифровой политики данные превращаются в ключевой ресурс конструирования социальной реальности. Владение массивами данных означает контроль не только над прошлым и настоящим, но и над возможными сценариями будущего, поскольку именно на их основе обучаются алгоритмы генерации и интерпретации информации. В этом смысле формула «кто владеет информацией – владеет миром» отражает новую конфигурацию власти, в которой способность производить правдоподобные синтетические события становится важнее способности интерпретировать уже существующие факты. Однако это не отменяет того, что эту виртуальную реальность можно взломать и подать так, что в итоге исказит реальность физическую.

Таким образом, в отличие от ранее описанных технологий негативной политической коммуникации, дипфейк обладает рядом принципиальных характеристик:

- дипфейк не требует наличия реального события;
- дипфейк воспроизводит политического субъекта целиком;
- дипфейк действует мгновенно;
- дипфейк оставляет длительный когнитивный след.

Таким образом, дипфейк следует рассматривать как одиннадцатую (а быть может и первую), технологию «черного» PR, синтезирующую компромат, психологическую манипуляцию и информационную войну в одном инструменте.

Отметим, что следует отделять дипфейки, которые политики и их команды создают сами о себе (например, Д. Трамп, играющий с Роналдо в футбол; тот же Трамп в качестве «президента» Венесуэлы или Кубы) от дипфейков, создаваемых политическими конкурентами, как это случилось с сенатором от Запорожской области Д. Rogozin: «Сенатор от Запорожской области Дмитрий Rogozin заявил, что неизвестные сгенерировали видео с его изображением. В ролике «Дмитрий Rogozin» призывает не заботиться о диабетиках, так как те «вряд ли смогут помочь стране». Сенатор заявил в своем официальном канале, что о дипфейке ему стало известно из сообщения подписчицы, которая спросила, почему он так «грубо высказался о проблеме инсулина и диабетиков»¹.

Дипфейки искусственного интеллекта представляют собой качественно новый уровень негативной политической коммуникации. Их воздействие заключается не столько в распространении ложной информации, сколько в разрушении эпистемического фундамента политического доверия. В условиях цифровой политики дипфейк становится не просто инструментом манипуляции, а фактором трансформации самой структуры политической реальности. Дипфейк – это алгоритмическая дискредитация субъекта политики.

Литература

1. Alberts K. Unravelling the web: exploring the dynamics of online disinformation and its impact on democracy in Africa // Canadian Journal

¹ Rogozin потребовал «найти и наказать» авторов дипфейка с его изображением // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8272648> (дата обращения: 12.01.2026).

of African Studies. 2025. Vol. 59. № 2. Pp. 333–359, DOI: 10.1080/00083968.2025.2491679

2. Alibašić H., Rose J. Fake News in Context: Truth and Untruths // Public Integrity. 2019. Vol. 21. № 5. Pp. 463–468. DOI: 10.1080/10999922.2019.1622359

3. Himma-Kadakas M., Ojams I. Debunking False Information: Investigating Journalists' Fact-Checking Skills // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. № 5. Pp. 866–887. DOI: 10.1080/21670811.2022.2043173

4. Maddocks S. 'A Deepfake Porn Plot Intended to Silence Me': exploring continuities between pornographic and 'political' deep fakes // Porn Studies. 2020. DOI: 10.1080/23268743.2020.1757499

5. Paterson T., Hanley L. Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and 'deep fakes' // Australian Journal of International Affairs. 2020. DOI: 10.1080/10357718.2020.1734772

6. Suratkhar S., Bhiungade S., Pitale J., Soni K., Badgujar T., Kazi F. Deep-fake video detection approaches using convolutional – recurrent neural networks // Journal of Control and Decision. 2022. DOI: 10.1080/23307706.2022.2033644

7. Yadav S., Kesharwani A., Sharma D. Blurred Boundaries of Truth: A Review of Deepfakes and Fake News // Journal of Internet Commerce. 2025. DOI: 10.1080/15332861.2025.2598809

8. Вафин А.М. Негатив в политике: 10 технологий «черного» PR в России и зарубежных странах // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 107–114.

9. Клаузевиц К. О войне // Vox. Философский журнал. 2023. Выпуск 42. С. 123–138.

10. Михайлов М.А., Кокодей Т.А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 5. С. 452–461. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(5).452-461

11. Монахова Э., Городничева Ю.М., Морозова А.Н., Шестакова А.Н., Моисеева В.В., Ключарев В.А. Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 42–66. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>

ALGORITHMIC DISCREDITING OF THE POLITICAL SUBJECT AS THE ELEVENTH TECHNOLOGY OF BLACK PR

Vafin A.M.

Russian State Social University, Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the phenomenon of artificial intelligence generated deepfakes as a qualitatively new technology of negative political communication. The author examines deepfakes in the context of the evolution of black PR and demonstrates their fundamental difference from both fake news and traditional forms of political disinformation. The paper substantiates the thesis that deepfakes do not distort reality but construct synthetic events, thereby undermining the epistemic foundations of political trust.

Keywords: deepfake, artificial intelligence, black PR, public relations, political disinformation, fake news, information warfare, cognitive manipulation, digital politics

References

1. Alberts K. Unravelling the web: exploring the dynamics of online disinformation and its impact on democracy in Africa // Canadian Journal of African Studies. 2025. Vol. 59. № 2. Pp. 333–359, DOI: 10.1080/00083968.2025.2491679

2. Alibašić H., Rose J. Fake News in Context: Truth and Untruths // Public Integrity. 2019. Vol. 21. № 5. Pp. 463–468. DOI: 10.1080/10999922.2019.1622359

3. Himma-Kadakas M., Ojams I. Debunking False Information: Investigating Journalists' Fact-Checking Skills // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. № 5. Pp. 866–887. DOI: 10.1080/21670811.2022.2043173

4. Maddocks S. 'A Deepfake Porn Plot Intended to Silence Me': exploring continuities between pornographic and 'political' deep fakes // Porn Studies. 2020. DOI: 10.1080/23268743.2020.1757499

5. Paterson T., Hanley L. Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and 'deep fakes' // Australian Journal of International Affairs. 2020. DOI: 10.1080/10357718.2020.1734772

6. Suratkhar S., Bhiungade S., Pitale J., Soni K., Badgujar T., Kazi F. Deep-fake video detection approaches using convolutional – recurrent neural networks // Journal of Control and Decision. 2022. DOI: 10.1080/23307706.2022.2033644

7. Yadav S., Kesharwani A., Sharma D. Blurred Boundaries of Truth: A Review of Deepfakes and Fake News // Journal of Internet Commerce. 2025. DOI: 10.1080/15332861.2025.2598809

8. Vafin A.M. Negativity in Politics: 10 Technologies of "Black" PR in Russia and Foreign Countries // Voprosy politologii. 2021. Vol. 11. № 1 (65). Pp. 107–114.

9. Clausewitz K. On War // Vox. Philosophical Journal. 2023. Issue 42. Pp. 123–138.

10. Mikhailov M.A., Kokodey T.A. Risks of malicious use of artificial intelligence and the possibility of minimizing them // All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17. № 5. P. 452–461. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(5).452-461

11. Monakhova E., Gorodnicheva Yu.M., Morozova A.N., Shestakova A.N., Moiseeva V.V., Klyucharev V.A. Trust in manipulative information: from perception to decision-making // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2024. № 3. P. 42–66. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>

Гусейнова Динара Маис кызы,

аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: dinara441@bk.ru

Дзгоева Диана Таймуразовна,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: dzgoeva-dt@ranepa.ru

В статье проведен теоретико-методологический анализ зарубежных источников, посвященных интеграции искусственного интеллекта в современные политические процессы. Актуальность исследования обусловлена фундаментальной трансформацией политической сферы под влиянием цифровых технологий, которая порождает противоречие между потенциалом искусственного интеллекта для оптимизации управления и рисками его применения. Цель работы заключается в попытке преодоления фрагментарности существующих исследований по данной тематике и возможности использования полученных выводов в дальнейших исследованиях. Методологическая основа исследования включает в себя теоретический анализ и синтез научной литературы, сравнительный анализ теоретических парадигм, а также использование метода кейс-стади для верификации теоретических построений.

В статье выделены и проанализированы центральные парадигмы в отношении искусственного интеллекта в политических процессах: инструментальная, рассматривающая искусственный интеллект как средство повышения эффективности принятия решений, и властная, интерпретирующая его как отдельный актор политической системы. На пересечении этих парадигм выявляются методологические вызовы эмпирических исследований: проблемы «черного ящика», алгоритмической предвзятости, динамичности объекта исследования, доступа к данным и алгоритмам, а также этические дилеммы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в политических процессах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, принятие политических решений, политический процесс, алгоритмизация власти, проблема «черного ящика»

Введение

Современные политические процессы претерпевают фундаментальную трансформацию под влиянием цифровых технологий. Искусственный интеллект (далее – ИИ) используется для оптимизации и автоматизации рутинных задач, анализа больших данных, прогнозирования принятия политических решений, моделирования политических процессов.

Искусственный интеллект используется в широком спектре областей – в судебной системе [14], в хирургии [16], в избирательных кампаниях [13, с. 2].

Государства повсеместно выделяют масштабные объемы средств на развитие ИИ – к примеру, в России для реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» в 2025 году выделено 7,7 миллиарда рублей [2], в США в 2024 было инвестировано в ИИ 109 миллиардов долларов, в Китае – 9,3 миллиардов долларов [8].

Одновременно с инвестициями формируется и некоторая правовая база для работы с ИИ. В Российской Федерации, например, принят указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [5], в США опубликован Билль о правах в области искусственного интеллекта [9], в Европейском союзе – закон об искусственном интеллекте [23], в Китае – закон об искусственном интеллекте и закон о маркировке ИИ-контента [15].

Стремительный рост темпов внедрения ИИ порождает противоречия между его потенциалом для оптимизации политических процессов и рисками для демократических институтов и легитимности власти. С одной стороны, ИИ, несомненно, может повысить эффективность государственного управления и персонализировать взаимодействие с гражданами. С другой стороны, он может создать угрозы манипуляции общественным мнением и формирования «черного ящика» неподотчетных алгоритмических решений. Такое противоречие обуславливает необходимость глубокого теоретического осмысления.

Высокий темп технологического развития в сравнении с институциональным и нормативным регулированием создает концептуальный вакуум, для заполнения которого в первую очередь требуется выработка целостного теоретико-методологического фундамента. Данное исследование призвано внести вклад в его формирование.

Обзор научной литературы

В рамках сложившегося исследовательского поля можно выделить несколько ключевых направлений. Первое связано с инструментальным подходом к пониманию ИИ, корни которого прослеживаются в кибернетических моделях управления Н.Винера и К.Дойча [1, 11]. В этом ключе ИИ рассматривается как технология, оптимизирующая процессы сбора данных, анализа и принятия решений.

Второе направление, напротив, акцентирует властную природу алгоритмов. Исследования в этой парадигме опираются на акторно-сетевую теорию М.Каллона и Б.Латура [3] и анализируют ИИ как самостоятельного актора политических процессов. Работы Ф.Паскуаля [19] и Ш.Зубофф [24] демонстрируют, как алгоритмы становятся институтами, концентрирующими власть и формирующими новые механизмы социального контроля, что связывается с феноменом аллократии [6].

Эмпирические исследования сталкиваются с рядом методологических вызовов, подробно проанализированных в современной литературе [10, 12, 17, 19, 24].

Методология, результаты и их обсуждение

Проблематика ИИ в политических процессах находится в фокусе исследования разных дисциплин, однако, характеризуется некоторой фрагментарностью.

Пробел в исследованиях, который призвана заполнить данная статья, заключается в отсутствии системного теоретико-методологического синтеза. Настоящее исследование направлено на преодоление этой фрагментарности путем построения комплексной рамки, объединяющей классические политические теории с современными подходами зарубежных авторов к изучению алгоритмов.

Методологическая основа исследования базируется на комплексе междисциплинарных подходов, обусловленных характером проблематики.

В работе использовались следующие методы исследования. В рамках теоретического анализа и синтеза были проанализированы

и систематизированы ключевые труды классиков и современных зарубежных авторов, что позволило проследить эволюцию теоретических взглядов. Для выявления общих тенденций был проведен сравнительный анализ различных подходов к месту ИИ в политических процессах. Для погружения в сферу методологических вызовов были проанализированы такие кейсы, как Cambridge Analytica и случай с поисковой системой Google.

Теоретические парадигмы

Многообразие форм и разнообразие последствий интеграции искусственного интеллекта в политику требует столь же многогранного теоретического осмысления. Сложившийся в настоящее время пул теоретических подходов позволяет условно выделить три ключевые парадигмы, каждая из которых предлагает свой уникальный угол анализа и опирается на работы конкретных авторов. Принципиальное отличие этих подходов заключается в той роли, которая отводится ИИ в политическом процессе.

Первый подход, который следует проанализировать, рассматривает ИИ как нейтральный инструмент для повышения эффективности, предсказуемости и результативности политических институтов и управленческих процедур. Роль ИИ в таком подходе выполняет вспомогательную функцию, оптимизирующую принятие решений, обрабатывая большие массивы данных и выявляя скрытые паттерны.

Несмотря на то, что ИИ обрел широкую популярность сравнительно недавно, истоки этой парадигмы можно найти в работах математика Норберта Винера или социолога Карла Дойча.

Заложенный Норбертом Винером кибернетический подход, согласно которому управление есть процесс, основанный на обратной связи и коммуникации, создал концептуальные предпосылки не только для модели «кибернетического государства» Карла Дойча, но и для осмысления цифрового управления в целом. Винер одним из первых указал на то, что «ясно понимать происходящее – значит принимать участие в непрерывном потоке влияний, идущих от внешнего мира, и воздействовать на внешний мир» [1, с. 121], что напрямую соотносится с функцией ИИ в политических процессах.

Эти идеи были напрямую перенесены в политологию Карлом Дойчем, разработавшим модель «кибернетического государства». В своей работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» Карл Дойч рассмотрел политическую систему как коммуникационную сеть, способную к обучению и принятию решений на основе поступающей информации [11]. Его модель позволяет анализировать каким образом ИИ, выступая катализатором возможностей системы, может влиять на качество и скорость принятия политических решений.

Еще одним важным фундаментом для анализа политической роли ИИ служит теория публичной сферы немецкого философа Юргена Хабермаса, который в своей работе «Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества» описал идеал общественного пространства – «публичной сферы» [7, с. 27, 76–77]. В этом пространстве частные лица собираются вместе для открытого, рационального и свободного обсуждения общественно значимых вопросов, причем в результате обсуждения формируется общее мнение, которое затем должно влиять на власть и принимаемые ею решения. Основными условиями для эффективно выполняющей свои функции публичной сферы нужен ряд условий: это открытая дискуссия, возможность критики действий власти, гласность и независимость действующих лиц от экономических интересов и контроля государства. Можно предположить, что технологии искусственного интеллекта могли бы дополнить или заменить публичную сферу, сделав её глобальной, однако, в использовании ИИ в политических процессах есть ряд методологических проблем.

В противовес инструментальной парадигме, второй подход рассматривает искусственный интеллект не как нейтральный инструмент, а как самостоятельный источник власти и своего рода политический актор. Этот взгляд радикально смещает фокус анализа с вопросов порядка, каким образом ИИ оптимизирует процессы на вопросы о том, чьи интересы он обслуживает, и кто несет ответственность за его решения.

В этой парадигме алгоритмы становятся не просто сервисами, а политическими институтами, которые концентрируют власть и усиливают социальный контроль. В качестве теоретической основы этого подхода можно рассмотреть несколько ключевых концепций.

В первую очередь, это, несомненно, акторно-сетевая теория Мишеля Каллона, Бруно Латура и Джона Ло, которая позволяет рассматривать ИИ в качестве полноценного «не-человеческого актора» (non-human actor). В рамках этого подхода алгоритм не является пассивным инструментом в руках человека, он обладает способностью активно

трансформировать социальные связи, перераспределять ответственность, влиять на принятие решений и изменять траекторию политических процессов [3].

Здесь же следует рассмотреть феномен алгоритмизации власти, или аллократию. При таком подходе принятие решений перестает быть прерогативой лиц, получивших свою власть на основе законных процедур, и переходит к алгоритму, коду, который самостоятельно принимает решение на основе имеющихся у него данных [6, с. 7]. Аллократия создает фундаментальный разрыв между гражданином и принятием решений: решения, влияющие на получение кредита, назначение социальных пособий или даже оценку риска рецидива преступника, выводятся из сферы публичной дискуссии и человеческого суждения в непрозрачное пространство вычислений, что, в свою очередь, может повлечь подрыв базовых демократических принципов.

Эти подходы не являются взаимоисключающими, напротив, они отражают объективно существующую двойственность использования ИИ в политических процессах. Выявленная теоретическая дихотомия создает концептуальный фундамент для перехода к анализу методологических проблем, возникающих при изучении столь многогранного феномена.

Методологические вызовы

Переход от теоретического осмысления к эмпирическому исследованию сталкивается с рядом уникальных методологических вызовов, которые ввиду своей новизны и динамичности еще недостаточно исследованы в научной литературе. Обозначение этих проблем и попытка их разрешить является принципиальной задачей общества, так как это дает человечеству шанс на направление ИИ в русло, соответствующее демократическим ценностям с прозрачными и справедливыми системами, способными помогать обществу, а не управлять им.

Основная методологическая проблема ИИ в политических процессах – это проблема «черного ящика» [20, с. 3]. «Черный ящик» – это метафора для обозначения ситуации, когда внутренние механизмы работы ИИ остаются скрытыми, а его решения трудно объяснить и проконтролировать. Содержание этой проблемы сводится к тому, что ввиду невозможности понять, как именно алгоритм пришел к тому или иному решению, подрываются базовые принципы научного объяснения и верификации.

Примечательно, что данная проблема не нова и была задокументирована еще в эпоху доминирования поисковых систем. Классическим примером служат исследования Сафии Умоя Нобль, которая в работе «Algorithms of Oppression» [18] продемонстрировала, как «черный ящик» поиска Google воспроизводит и усиливает расовые и гендерные стереотипы. Нобль, не имея доступа к алгоритму, применила метод критического анализа выходных данных, показав, что по запросам, связанным с расовыми меньшинствами, выдача систематически наполнялась стигматизирующим контентом. Этот случай стал хрестоматийным, иллюстрируя, что непрозрачность – это не просто техническая особенность, но и политический инструмент, позволяющий уклоняться от ответственности за дискриминационные последствия.

Проблема «черного ящика» посвящено множество работ. В частности, Франк Паскуаль в книге «The Black Box Society» детально анализирует, как институциональная непрозрачность алгоритмов, используемых финансовыми и технологическими корпорациями, создает серьезные вызовы для демократических институтов. Ф. Паскуаль демонстрирует, что отсутствие прозрачности и подотчетности алгоритмических систем приводит к формированию скрытых механизмов власти, которые остаются вне зоны эффективного публичного контроля и подрывают принципы верховенства права [19, с. 7–8, 12, 212].

Дальнейшее развитие критический анализ проблемы «черного ящика» получает в работе Кейт Кроуфорд «Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence». Автор предлагает расширенное понимание данной проблемы и аргументирует, что «черный ящик» включает в себя всю материально-политическую инфраструктуру искусственного интеллекта – от экологических затрат и глобальных цепочек поставок до условий труда, обеспечивающих функционирование этих систем [10, с. 31, 35, 57]. Такой подход позволяет обозначить непрозрачность ИИ как комплексную проблему, охватывающую технологические, экономические и политические аспекты его существования.

Еще одна методологическая проблема использования ИИ в политических процессах – это проблема доступа к данным и алгоритмам. По своей сути это продолжение проблемы «черного ящика», усугубляющее методологические сложности в этом вопросе. Ключевые объекты исследования, или сами данные, а также алгоритмы являются интеллектуальной собственностью частных корпораций или же государственной тайной.

В продолжение рассуждений о проблемах ИИ в политологии, так или иначе связанных с данными, можно отметить проблему актуальности данных. Алгоритмы постоянно обновляются, тестируются, проводится обучение на новых данных, то есть исследование, проведенное сегодня, может устареть уже завтра. Это делает невозможным точную репликацию многих исследований и проверку их результатов. Повторяемость научных исследований – это один из фундаментальных принципов научного метода, лежащий в основе достоверности и объективности научного знания. Невозможность репликации ведет к кризису научности. Исследования, достоверность которых нельзя подтвердить повторением, превращаются в стоп-снимок неуловимого процесса. Кроме того, выводы, сделанные на основе изучения одной версии алгоритма, могут быть нерелевантными для следующей версии.

Еще одна проблема – проблема обеспечения объективности алгоритмов. Ключевой вопрос в этой связи следующий: как объективно выявить и измерить дискриминацию, встроенную в алгоритм?

К примеру, в работе «Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor» Вирджиния Юбанкс на примере демонстрирует, как алгоритмы системы социального обеспечения США дискриминируют бедных, даже если сам алгоритм формально «нейтрален» [12, с. 36]. Исследование выявляет механизмы латентной дискриминации, когда алгоритмы, оптимизированные для минимизации расходов и выявления мошенничества, систематически ограничивают доступ уязвимых групп к социальным благам. Этот пример иллюстрирует ключевую методологическую проблему: объективность алгоритма невозможно оценить без учета социального контекста его применения и ценностных установок, заложенных в его архитектуре, что требует сочетания технического анализа с качественными социологическими методами исследования.

Рассматриваемая проблема усугубляется экономической природой наиболее влиятельных моделей искусственного интеллекта, которые разрабатываются частными технологическими платформами и принадлежат им. Этому вопросу посвящена теория «капитализма наблюдения», разработанная Шошаной Зубофф в работе «The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power». Это исследование раскрывает экономическую подоплеку вопроса. Содержание теории капитализма наблюдения сводится к тому, что главным товаром становятся прогнозы о человеческом поведении. Согласно Зубофф ИИ является не просто инструментом, а ключевым механизмом новой экономической логики, в которой человеческий опыт превращается в сырье для поведенческого прогнозирования и управления. Технологические платформы извлекают данные о поведении пользователей, чтобы создавать прогнозные модели и предлагать «гарантированные результаты» – будь то в рекламе, политической агитации или формировании общественного мнения [24, с. 14–15]. Таким образом, политическая власть алгоритмов проистекает из их способности не просто информировать, а предсказывать и направлять поведение в масштабах всего общества.

Еще один спорный момент – исследуемые искусственным интеллектом данные могут принадлежать третьим лицам, которые не давали своего согласия на их обработку. К примеру, в 2023 году группа авторов подала коллективный иск против Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации) и Bloomberg ввиду использования без своего согласия книг, опубликованных в «пиратской» библиотеке Books3, для обучения нейросетевых моделей [21]. В первую очередь налицо нарушение авторских прав писателей, однако, это не единственная проблема. Сама этическая сторона обучения ИИ на незаконных по способу получения материалах вызывает вопросы, так как, с одной стороны, теряется легитимность исследований, основанных на таких материалах, а с другой стороны, сохраняется риск, что обученные на пиратском контенте модели будут генерировать производные произведения, нарушающие права интеллектуальной собственности. Сложившаяся ситуация ставит под сомнение правомерность использования таких моделей в любой сфере, включая политические процессы.

Не менее важная методологическая проблема – этические границы использования ИИ в политических процессах. Суть проблемы заключается в том, что само изучение алгоритмических систем может представлять собой вторжение в частную жизнь, а полученные результаты рискуют быть использованными для более изощренных форм манипулирования общественным мнением. Так, Элен Ниссенбаум в рамках разработанной ей теории концептуальной целостности акцентирует внимание на приватности не просто как «секретности или отсутствия наблюдения», а как задачи соответствия нормам передачи информации. По мнению Ниссенбаум, алгоритмы, собирающие данные из соцсетей (контекст: дружба, развлечение), для решения задач политической сферы (контекст: манипуляция, таргетинг), нарушают

целостность, поскольку информация используется вне своего исходного контекста [17, с. 127, 145, 187].

Наиболее известная иллюстрация таких рисков связана со скандалом вокруг Cambridge Analytica, когда данные, собранные для академических целей, в том числе и лиц, не выражавших согласия на обработку персональных данных, были использованы для создания инструментов политического влияния [22]. Данный кейс стал катализатором пересмотра исследовательских парадигм, усилив внимание к требованиям информированного согласия, прозрачности методологий и социальной ответственности ученых.

В том числе и для преодоления этой методологической проблемы были приняты рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта, устанавливающие в качестве основного подход, основанный на правах человека [4]. Несомненно, это документ, носящий рекомендательный характер, однако, он все же предлагает системный подход к этическим вызовам в области ИИ.

Таким образом, методологический арсенал исследований ИИ в политическом процессе находится в постоянной динамике и требует комбинации подходов. Преодоление этих проблем требует совместных усилий разных групп специалистов, так как универсального метода не существует, а сам выбор стратегии зависит от конкретного исследовательского вопроса и доступных ресурсов.

Заключение

Итак, интеграция искусственного интеллекта в политические процессы представляет собой сложный и многогранный феномен, не поддающийся однозначной оценке. С одной стороны, ИИ обладает значительным потенциалом для оптимизации государственного управления, обработки больших данных и повышения эффективности принятия решений, что соответствует инструментальной парадигме. С другой стороны, его внедрение порождает системные риски, связанные с возникновением аллократии – новой формы алгоритмического управления, и усилением капитализма наблюдения, что ведет к концентрации власти в руках технологических платформ и созданию неподотчетных обществу систем.

Проведенное нами исследование показало, что зарубежные авторы, с одной стороны, рассматривают ИИ через призму власти, контроля и манипуляции. Основной проблемой в данном контексте становятся проблемы этики использования данных и непрозрачности алгоритмов принятия решений, которые могут нарушать принципы демократии. С другой стороны, признают потенциал ИИ для улучшения информационно-аналитического обеспечения публичного управления.

Актуальной задачей является переход от констатации существующих проблем к разработке общепринятых и воспроизводимых методов их выявления. Стремительное развитие технологий опережает создание адекватных правовых механизмов. Исследователям предстоит выработать конкретные предложения по регуляторным мерам, основанным на принципах, закрепленных в Рекомендациях ЮНЕСКО и аналогичных документах. Ключевой вызов в этой области – найти баланс между инновационным потенциалом ИИ, защитой прав человека и принципов демократии.

Таким образом, дальнейшее развитие данной области знаний видится не в технологическом решении всех проблем, а в формировании целостного социально-технического подхода. Именно такой подход, учитывающий неразрывную связь технологий с общественными ценностями, политическими институтами и правовыми нормами, позволит направлять развитие и внедрение ИИ в русло, соответствующее демократическим идеалам, и минимизировать риски для будущего человечества.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика и общество / Н.Винер; пер. с англ. Е.Г. Панфилова; под общ. ред. Э.Я. Кольмана. – Москва: Иностранная литература, 1958. – 200 с.
2. Искусственный интеллект: достижения 2024 года, планы на 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росконгресса. – 2025. – 12 февраля. – URL: <https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plan-na-2025-god> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Каллон М. Акторно-сетевая теория / М. Каллон; пер. с англ. А.Г. Кузнецов. – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Kallon%20M.%20Акторно-сетевая%20теория.pdf> (дата обращения: 29.10.2025).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / ЮНЕСКО. – URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 26.10.2025).

6. Фурс С.П. Анализируя новый социальный феномен – алгокра-тия / С.П. Фурс // Культура и безопасность. – 2022. – № 1. – С. 5–9. – DOI 10.25257/KB.2022.1.5–9.

7. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. пер. с нем. В.В. Иванова – Москва: Издательство «Весь мир», 2016. – 334 с.

8. AI Index Report 2025 / Institute for Human-Centered AI, Stanford University. – Stanford, 2025. – URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index> (дата обращения: 23.10.2025).

9. Blueprint for an AI Bill of Rights [Электронный ресурс] / The White House. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 26.10.2025).

10. Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence / K. Crawford. – Yale University Press, 2021. – DOI: 10.2307/j.ctv1ghv45t (дата обращения: 03.11.2025).

11. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K.W. Deutsch. – New York: Free Press, 1963. – 316 p.

12. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor / V. Eubanks. – New York: Picador, St Martin's Press, 2018. – 260 p.

13. Foos F. The Use of AI by Election Campaigns / F. Foos // LSE Public Policy Review. – 2024. – Vol. 3, № 3. – P. 1–7.

14. Governing with Artificial Intelligence: The State of Play and Way Forward in Core Government Functions. – Paris: OECD Publishing, 2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/governing-with-artificial-intelligence_795de142-en.html (дата обращения: 16.10.2025).

15. Li B. China releases «AI Plus» plan, rolls out AI labeling law / Barbara Li // IAPP. – 2025. – 5 September. – URL: <https://iapp.org/news/a/china-releases-ai-plus-plan-rolls-out-ai-labeling-law> (дата обращения: 31.10.2025).

16. Morris M.X. Current and future applications of artificial intelligence in surgery: implications for clinical practice and research / M.X. Morris, D.Fiocco, T.Caneva, P.Yiapanis, D.P. Orgill // Frontiers in Surgery. – 2024. – Vol. 11. – DOI: 10.3389/fsurg.2024.1393898

17. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life Stanford, CA: Stanford Univ. – 2010. – 304 p.

18. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism / S.U. Noble. – NYU Press, 2018. – 229 p. – DOI: 10.2307/j.ctt1pwt9w5 (дата обращения: 01.11.2025).

19. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information / F. Pasquale. – Harvard University Press, 2015. – 320 p.

20. Pavlidis G. Unlocking the black box: analysing the EU artificial intelligence act's framework for explainability in AI / G. Pavlidis // Law, Innovation and Technology. – 2024. – Vol. 16, № 1. – P. 293–308. – DOI: 10.1080/17579961.2024.2313795 (дата обращения: 31.10.2025).

21. Reisner A. These 183 000 books are fueling the biggest fight in publishing and tech / A. Reisner // The Atlantic. – 2023. – 25 September. – URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/09/books3-database-generative-ai-training-copyright-infringement/675363/> (дата обращения: 04.11.2025).

22. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach / C. Cadwalladr, E. Graham-Harrison // The Guardian. – 2018. – 7 March. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (дата обращения: 05.11.2025).

23. The EU Artificial Intelligence Act [Электронный ресурс]. – URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 26.10.2025).

24. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / Sh. Zuboff. – New York: Public Affairs, 2019. – 704 p.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL PROCESSES: THEORY AND METHODOLOGY

Guseynova D.M., Dzgoeva D.T.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article provides a comprehensive theoretical and methodological analysis of foreign sources of the integration of artificial intelligence into modern political processes. The relevance of this research is determined by the fundamental transformation of the political

sphere under the influence of digital technologies, which creates a contradiction between the potential of AI for optimizing governance and the risks of its application.

The purpose of this work is to overcome the fragmentation of existing research on this topic and to use the findings in further research.

The methodological basis of the research includes theoretical analysis and synthesis of scientific literature, comparative analysis of theoretical paradigms, as well as the use of the case study method to verify theoretical constructions.

The article identifies and analyzes central paradigms: the instrumental paradigm, which views AI as a means of improving decision-making efficiency, and the power paradigm, which interprets it as a distinct actor in the political system. At the intersection of these paradigms, methodological challenges of empirical research are revealed: the problems of the black box, algorithmic bias, dynamism of the research object, access to data and algorithms, as well as ethical dilemmas that arise when using AI in political processes.

Keywords: artificial intelligence, political decision-making, political process, algorithmization of power, black box problem

References

1. Wiener N. «The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society». Translated from English by E.G. Panfilova; edited by E. Ya. Kolman. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 200 p.

2. Artificial Intelligence: Achievements in 2024 and Plans for 2025. Official website of Roscongress. 2025, February 12. Available at: <https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plany-na-2025-god> (Accessed: 18.10.2025).

3. Callon, M. Actor-Network Theory. Translated from English by A.G. Kuznetsov. Available at: <https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Callon%20M.%20Actor-Network%20Theory.pdf> (Accessed: 29.10.2025).

4. Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO. Available at: <https://www.unesco.org/russian/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (Accessed: 05.11.2025).

5. Decree of the President of the Russian Federation № 490 dated October 10, 2019, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation». ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (Accessed: 26.10.2025).

6. Furs S.P. Analiziruya novyy sotsial'nyy fenomen – algokratiya [Analyzing the new social phenomenon of algocracy. Culture and safety [Kul'tura i bezopasnost'] 2022, Vol. 1, Pp. 5–9. DOI 10.25257/KB.2022.1.5–9. (In Russian).

7. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Translated from German by V.V. Ivanova. Moscow, Ves' mir Publ., 2016, 344 p.

8. AI Index Report 2025 / Institute for Human-Centered AI, Stanford University. Stanford, 2025. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index> (Accessed: 23.10.2025).

9. Blueprint for an AI Bill of Rights [Электронный ресурс] / The White House. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (Accessed: 26.10.2025).

10. Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence / K. Crawford. – Yale University Press, 2021. – DOI: 10.2307/j.ctv1ghv45t (Accessed: 03.11.2025).

11. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K.W. Deutsch. New York: Free Press, 1963. 316 p.

12. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: Picador, St Martin's Press, 2018. 260 p.

13. Foos F. The Use of AI by Election Campaigns. LSE Public Policy Review, 2024. Vol. 3, № 3. P. 1–7.

14. Governing with Artificial Intelligence: The State of Play and Way Forward in Core Government Functions. Paris. OECD Publishing, 2025. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/governing-with-artificial-intelligence_795de142-en.html (Accessed: 16.10.2025).

15. Li B. China releases «AI Plus» plan, rolls out AI labeling law. IAPP, 5 September 2025. Available at: <https://iapp.org/news/a/china-releases-ai-plus-plan-rolls-out-ai-labeling-law> (Accessed: 31.10.2025).

16. Morris M.X., Fiocco D., Caneva T., Yiapanis P. and Orgill D.P. Current and future applications of artificial intelligence in surgery: implications for clinical practice and research. Frontiers in Surgery, 2024, Vol. 11, pp.1–11. DOI: 10.3389/fsurg.2024.1393898

17. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life Stanford, CA: Stanford Univ. – 2010. – 304 p.

18. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. NYU Press, 2018, 229 p. DOI: 10.2307/j.ctt1pwt9w5 (Accessed: 01.11.2025).

19. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Harvard University Press, 2015, 320 p.

20. Pavlidis G. Unlocking the black box: analysing the EU artificial intelligence act's framework for explainability in AI. Law, Innovation and Technology, 2024, Vol. 16, I.1, Pp. 293–308. DOI: 10.1080/17579961.2024.2313795 (Accessed: 31.10.2025).

21. Reisner A. These 183 000 books are fueling the biggest fight in publishing and tech. The Atlantic, 25 September 2023. Available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/09/books3-database-generative-ai-training-copyright-infringement/675363/> (Accessed: 04.11.2025).

22. Cadwalladr C., Graham-Harrison E. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach. The Guardian, 7 March 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (Accessed: 05.11.2025).

23. The EU Artificial Intelligence Act. Available at: <https://artificialintelligenceact.eu/> (Accessed: 26.10.2025).

24. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019, 704 p.

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена анализу конфессионального пространства России при росте миграционной мобильности, цифровых коммуникаций и региональной неоднородности религиозной жизни. Актуальность определяется тем, что публичные споры о религии сочетаются с дефицитом сопоставимых данных о религиозной самоидентификации и практиках. Научная новизна связана с объединением методик оценки конфессионального состава населения, региональных карт религий и анализа медиатизации, позволяющих уточнить траектории изменений в разных территориях. Цель работы – описать современную структуру конфессионального поля и предложить интерпретационные основания для его осмысления в научном и управленческом дискурсе. Для достижения цели применены анализ публикаций последних лет, сравнительно-сопоставительный подход, интерпретация социологических массивов и обзор региональных кейсов. Источниковая база охватывает исследования по измерению религиозности, цифровизации религиозного сознания, молодежным установкам, региональным картам и социально-экономическим корреляциям религиозного разнообразия. Показаны различия между самооценкой принадлежности и поведенческими индикаторами в массовых опросах. В заключении формулируются выводы о параметрах напряженности, ресурсах диалога и направлениях дальнейшей аналитики. Материал ориентирован на исследователей религии, специалистов по региональной политике и экспертное сообщество.

Ключевые слова: конфессиональное пространство, религиозная идентичность, религиозность, религиозное разнообразие, межконфессиональные отношения, религиозная политика, медиатизация религии, цифровизация религии, региональная религиозная карта, социологические измерения.

Введение

Актуальность исследования задается сочетанием двух тенденций. Первая связана с усложнением конфессиональной мозаики на уровне регионов, где исторически сложившиеся традиции сосуществуют с новыми формами религиозной самоорганизации и гибридными практиками, усиливаемыми мобильностью населения и сетевой коммуникацией. Вторая связана с ростом методических разрывов между самооценкой конфессиональной принадлежности, эмпирическими показателями религиозности и массивами административных либо институциональных данных, что затрудняет сопоставление оценок и корректное описание религиозного поля на уровне страны и отдельных территорий.

Цель исследования – аналитически описать конфессиональное пространство России через сопоставление измерительных подходов, региональных конфигураций и механизмов медиатизации религиозной жизни.

Задачи исследования:

1. систематизировать способы измерения конфессионального состава и религиозности населения, выделив их ограничители при сравнении регионов;
2. описать региональные модели конфессиональной динамики на материале территориальных кейсов и социологических данных;
3. раскрыть влияние цифровых практик и медиатизации на формы религиозной самоидентификации и на публичное присутствие религиозных организаций.

Научная новизна работы связана с объединением трех аналитических линий – методик измерения религиозности, региональной картографии религий и исследований цифровизации религиозного сознания – в единой схеме интерпретации, позволяющей связывать статистические корреляции, культурно-территориальные различия и медиакommunikационные механизмы.

Материалы и методы

Материал исследования сформирован из русскоязычных работ последних лет, отражающих измерение религиозности, региональную религиозную картографию и трансформации религиозной коммуникации: М.А. Афанасьева [1] использована для описания уровней проблем цифровизации религиозного сознания и темы религиозной безопасности; О.А. Балабейкина [2] привлечена для сопоставления источников эмпирических сведений о конфессиональном составе и религиозности, включая опросы, переписные и институциональные данные; А.А. Гравчикова [3] применена для анализа социально-экономических корреляций религиозного разнообразия на региональном материале с применением индексов неоднородности и регрессионного моделирования; Г.Я. Гущельбаева [4] использована для интерпретации установок молодежи, доверия религиозным организациям и оценки цифровизации религиозной жизни на постпандемийном фоне; В.Д. Коваленко [5] привлечен для концептуализации медиатизации православия и последствий для гуманитарной методологии; Е.А. Кублицкая [6] использована для анализа расхождений между религиозной и конфессиональной самоидентификацией в массовых опросах и для уточнения интерпретации мониторинговых данных; Р.С. Мухаметов [7] применен для обсуждения связи религиозности с ценностно-политическими установками (на материале моделей для данных опроса); А.И. и С.В. Поспеловы [8] использованы для реконструкции динамики религиозной карты дальневосточного региона и факторов локальной конфессиональной вариативности; А.П. Скорик и А.В. Шадрин [9] привлечены для описания культурно-исторических форм религиозности в повседневности локальных сообществ; Г.С. Широкалова, Н.В. Дулина, Е.И. Пронина [10] использованы для анализа структуры религиозности студенческой молодежи и связанных с ней мировоззренческих поисков.

Методический инструментарий: анализ и синтез научных источников; сравнительно-сопоставительный метод для соотнесения измерительных подходов и региональных моделей; интерпретативный анализ результатов социологических исследований, представленных в выбранных работах; аналитическое обобщение территориальных кейсов и их увязка с медиакommunikационными трансформациями.

Результаты

Сопоставление методик фиксации религиозности показывает неоднородность самих источников данных и различие исследовательских «оп-

тик». В работе О.А. Балабейкиной описаны достоинства и ограничения опросных процедур, переписных данных и сведений, предоставляемых религиозными организациями, причем сопоставимость результатов прямо зависит от того, какой тип данных положен в основу выводов и какие индикаторы признаны релевантными для понятия «религиозность» [2].

Материалы Е.А. Кублицкой уточняют проблему операционализации: конфессиональная самооценка численно превышает религиозную самооценку, а совпадение двух уровней самоидентификации не гарантируется даже при устойчивых региональных профилях. Отсюда следует методический вывод: оценка «конфессионального состава» без разведения самоидентификации и поведенческих показателей повышает риск неверной интерпретации динамики религиозности и секуляризационных процессов [6].

Региональная перспектива задает иную логику анализа по сравнению с общенациональными усреднениями: одни и те же конфессиональные маркеры получают разные культурные смыслы и разные траектории воспроизводства в зависимости от истории заселения, миграционных потоков и институциональных условий. На примере Магаданской области А.И. и С.В. Поспеловы описывают динамику религиозных трансформаций от периода подъема разнообразных общин к фазам стагнации и поиску «новой религиозности», связывая изменения с социально-экономическими сдвигами и трансграничными взаимодействиями дальневосточного пространства [8].

Переход от общих характеристик к региональным конфигурациям позволяет уточнить понимание «конфессионального пространства» как совокупности локальных религиозных карт, где значимы не только распределения общин, но и механизмы культурной диффузии, форматы институционального присутствия и каналы коммуникации между группами. В указанном кейсе фиксируются формы религиозной диффузии и сосуществование традиционных и альтернативных практик, что расширяет аналитический горизонт при описании современной конфессиональной мозаики [8].

Исследования цифровых трансформаций задают отдельную линию результатов, связывающую религиозную самоидентификацию с инфраструктурой коммуникации. М.А. Афанасьева выделяет несколько уровней проблем цифровизации религиозного сознания и напрямую увязывает их с темой религиозной безопасности, подчеркивая, что перенос религиозной активности в сетевую среду меняет режимы авторитетности, интерпретации и защиты религиозных смыслов [1].

В.Д. Коваленко развивает концептуализацию медиатизации православия как исследовательского поля, показывая, что медиатизация требует пересмотра методологических решений и инструментария религиоведения и смежных дисциплин. Существенным результатом для темы конфессионального пространства выступает трактовка медиасреды как пространства, где религиозные институты не просто транслируют сообщения, а перестраивают собственные практики публичности и взаимодействия с аудиториями [5].

Эмпирическая перспектива цифровой религиозности дополняется анализом молодежных установок. Г.Я. Гузельбаева, опираясь на данные опроса и фокус-групп, описывает неоднородность оценок религиозных организаций у молодежи и фиксирует различия между группами верующих и неверующих в отношении доверия и ожиданий, связывая отдельным блоком отношение к цифровизации и медиатизации религиозной жизни в постпандемийный период [4].

На уровне региональной статистики религиозное разнообразие соотносится с социально-экономическими показателями через посредующие социальные механизмы. А.А. Гравчикова, используя данные «Арены» и сведения ФАДН, применяет индекс Симпсона и индекс поляризации для измерения религиозной неоднородности и на базе регрессионного анализа фиксирует отрицательную связь между конфессиональной неоднородностью и уровнем потребления, связывая этот эффект с социальными процессами, в частности с динамикой разводимости [3].

Для анализа конфессионального пространства данный результат задает дополнительное измерение: религиозная неоднородность в регионах коррелирует не только с культурными и коммуникативными процессами, но и с показателями благосостояния, причем интерпретация требует аккуратного разведения причинности и корреляции, а также учета того, какие индикаторы неоднородности применяются при расчете [3].

Переход к ценностным установкам и культурным формам религиозности раскрывает внутреннюю структуру конфессионального пространства как пространства символических границ и практик повседневности. Р.С. Мухаметов, применяя регрессионное моделирование к данным опроса (в публикации указаны параметры выборки и год исследования), устанавливает положительную связь религиозных убеждений с патриотическими установками при отсутствии статисти-

чески значимого эффекта от поведенческих индикаторов участия, что подчеркивает неоднородность компонентов религиозности и их разную социальную «нагруженность» [7].

Материалы Г.С. Широкаловой, Н.В. Дулиной, Е.И. Прониной показывают, что студенческая религиозность структурируется через сочетание самоидентификации, мировоззренческих поисков и оценок регулирующих функций традиционных религий; эмпирическая база в работе задана онлайн-исследованием 2022 года с выделением региональной подвыборки Нижнего Новгорода [10]. Для темы конфессионального пространства данный результат значим через фиксацию различий молодежных профилей религиозности и через связь религиозной самоидентификации с ценностными ориентациями.

Локальная повседневность религиозности раскрыта в исследовании А.П. Скорика и А.В. Шадринной на материале донского казачества: религиозность описывается через историческую динамику практик и через формы прагматического отношения к вере, выходящие за пределы исключительно культовой активности. Такая перспектива расширяет понимание конфессионального пространства как пространства культурных сценариев религиозной принадлежности, сохраняющихся и трансформирующихся внутри конкретных сообществ [9].

Обсуждение

Сопоставление источников приводит к концептуальному выводу: описание конфессионального пространства России требует одновременной работы на трех уровнях – измерительном, регионально-территориальном и коммуникативном. Измерительный уровень задает границы корректности выводов: самоидентификация, поведенческие индикаторы и институциональные сведения формируют разные «картины» религиозности, а смешение уровней порождает статистические иллюзии и ошибочные сравнения территорий. Отсюда вытекает аналитическая стратегия: перед любыми выводами о динамике религиозности целесообразно фиксировать, какие индикаторы положены в основу оценки и какое понимание религиозности принято в исследовании.

Регионально-территориальный уровень показывает, что конфессиональная мозаика не сводится к перечислению «крупных» традиций. Значение приобретают локальные траектории: миграция, экономические сдвиги, смена режимов публичности, диффузия практик и конкуренция символических границ. Региональная карта иллюстрирует, что «новая религиозность» формируется не как абстрактная категория, а как ответ локальных сообществ на изменившиеся социальные условия и коммуникативные каналы.

Коммуникативный уровень связывает трансформации религиозной жизни с цифровыми платформами и медиасредой. Цифровизация религиозного сознания ведет к смещению привычных механизмов авторитетности, к росту неоднородности интерпретаций и к возникновению новых рисков, обсуждаемых в логике религиозной безопасности. Медиатизация православия, в свою очередь, переводит исследовательский фокус с «представленности» религии в медиа на преобразование религиозных практик и институциональной публичности под влиянием медиаэгологии.

Социально-экономический блок результатов задает дополнительный горизонт интерпретации: религиозное разнообразие коррелирует с показателями благосостояния через социальные механизмы, что требует осторожного разведения корреляционных связей и причинных механизмов. В прикладном плане подобные результаты подталкивают к междисциплинарной рамке, где конфессиональная неоднородность рассматривается совместно с социальной структурой, семейными траекториями и региональным развитием.

Наконец, ценностно-идентификационные результаты подчеркивают неоднородность религиозности как конструкции: убеждения, самоидентификация и поведение «работают» по-разному в связи с гражданскими установками и коллективными символами. Молодежные данные усиливают вывод о том, что религиозность у молодых групп нередко выступает формой мировоззренческого поиска и селективного присвоения традиции, а не стабильной принадлежностью к институционально оформленной общине.

Заключение

1. Систематизация измерительных подходов показала: корректное описание конфессионального состава и религиозности опирается на разведение самоидентификации, поведенческих индикаторов и институциональных сведений; без такого разведения сопоставимость региональных оценок снижается, а интерпретация динамики религиозности смещается в сторону завышенных оценок конфессиональной принадлежности.

2. Региональные кейсы подтверждают территориальную неоднородность конфессионального поля: локальные религиозные карты формируются под влиянием истории заселения, миграции, социально-

экономических трансформаций и диффузии практик; в ряде территорий фиксируется поиск «новой религиозности» и рост значимости гибридных форм духовных практик.

3. Анализ цифровизации и медиатизации выявил трансформацию религиозной публичности и изменение механизмов авторитетности в сетевой среде, включая усиление проблем религиозной безопасности и методологические последствия для религиоведения; эмпирические данные по молодежи указывают на неоднородность доверия религиозным организациям и различие оценок цифровых религиозных практик между группами верующих и неверующих.

Литература

1. Афанасьева М.А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 114–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V276.
2. Балабейкина О.А. Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3.
3. Гравчикова А.А. Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 55–75. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075.
4. Гузельбаева Г.Я. Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 4. С. 620–637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637.
5. Коваленко В.Д. Медиатизация православия как исследовательское поле // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7, № 4. С. 76–97. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-4-28-76-97.
6. Кублицкая Е.А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2.
7. Мухаметов Р.С. Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 134–155. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2655.
8. Поспелова А.И., Поспелова С.В. Религиозная карта Магаданской области: локальность, специфика, вариативность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 64–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-2/64-76.
9. Скорик А.П., Шадрин А.В. Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5.
10. Широкалова Г.С., Дулина Н.В., Пронина Е.И. Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 46–60. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4.

THE CONFESSIONAL SPACE OF RUSSIA: CONTEMPORARY CHALLENGES AND WAYS TO UNDERSTAND THEM

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article examines Russia's confessional landscape in the context of increasing migration mobility, digital communication, and regional diversity in religious life. This research is relevant because public debates about religion are often accompanied by a lack of comparable data on religious self-identification and practices. The research's novelty lies in the combination of methods for assessing the confessional composition of the population, regional maps of religions, and media analysis, allowing for a more precise understanding of the trajectories of change in different regions. The aim of this work is to describe the current structure of the confessional field and offer interpretative foundations for its conceptualization in academic and managerial discourse. To achieve this goal, we utilized an analysis of recent publications, a comparative approach, the interpretation of sociological data, and a review of regional cases. The source material covers research on measuring religiosity, the digitalization of religious consciousness, youth attitudes, regional maps, and the socioeconomic correlations of religious diversity. Differences between self-assessed religious affiliation and behavioral indicators in mass surveys are demonstrated. The conclusion provides insights into the parameters of tension, offers resources for dialogue, and identifies areas for further analysis. The material is intended for researchers in the field of religion, regional policy specialists, and the expert community.

Keywords: confessional space, religious identity, religiosity, religious diversity, interfaith relations, religious policy, mediatisation of religion, digitalization of religion, regional religious map, sociological measurements.

References

1. Afanasyeva M.A. Digitalization of Religious Consciousness: Problems and Prospects // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 23, No. 4. Pp. 114–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V276.
2. Balabeykina O.A. The Problem of Assessing the Confessional Composition and Level of Religiosity of the Population of Countries and Regions // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15, No. 2. Pp. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3.
3. Gravchikova A.A. The Impact of Religious Diversity of the Population on the Socioeconomic Indicators of the Regions of the Russian Federation // Regionalology. 2022. Vol. 30, No. 1. Pp. 55–75. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075.
4. Guzelbaeva G. Ya. Digitalization of the Religious Sphere, Trust in Spiritual Leaders, and Attitudes Toward Religious Organizations in the Post-Pandemic Context: A Young People's View // Historical Ethnology. 2024. Vol. 9, No. 4. Pp. 620–637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637.
5. Kovalenko V.D. Mediatisation of Orthodoxy as a Research Field // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2023. Vol. 7, No. 4. Pp. 76–97. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-4-28-76-97.
6. Kublitskaya E.A. Methodological and methodological analysis of the relationship between religious and confessional self-identification (based on the studied constituent entities of the Russian Federation) // Research Result. Sociology and Management. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 11–27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2.
7. Mukhametov R.S. The relationship between religiosity and the level of patriotism of citizens of the Russian Federation: an analysis of data from the World Values Survey // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2025. No. 3. Pp. 134–155. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2655.
8. Pospelova A.I., Pospelova S.V. Religious Map of the Magadan Region: Locality, Specificity, Variability // Oikumena. Regional Studies. 2022. No. 2. Pp. 64–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-2/64-76.
9. Skorik A.P., Shadrina A.V. Sociovital Nature of Religiosity in the Everyday Life of the Don Cossacks // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15, No. 2. Pp. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5.
10. Shirokalova G.S., Dulina N.V., Pronina E.I. Features of religious consciousness of Nizhny Novgorod students // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15, No. 2. Pp. 46–60. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4.

Досаев Тимур Ханович,

студент кафедры Сравнительной политологии, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: conoharendan@mail.ru

Досаев Эмиль Ханович,

студент кафедры государственной и муниципальной службы, Государственного университета просвещения
E-mail: teo.done@bk.ru

В статье осуществляется комплексный анализ теоретико-методологических основ государственной молодёжной политики (ГМП). Центральная проблема исследования заключается в нарастающем разрыве между традиционными, патерналистскими моделями ГМП, рассматривающими молодёжь как объект социального воздействия, и современными вызовами, требующими признания молодёжи в качестве активного субъекта общественного развития.

В работе деконструируется объектно-ориентированная парадигма, анализируются её функционалистские и контрольно-регулятивные основания, а также демонстрируется её неадекватность в условиях ценностного плюрализма, цифровизации и социальной атомизации. В качестве альтернативы исследуется субъектно-ориентированная (партисипативная) парадигма, основанная на принципах социального конструктивизма и теории агентности. Аргументируется, что механическая замена одной парадигмы другой не является решением. Предлагается концептуальная рамка для синтетической модели ГМП, основанной на принципах «управляемой субъектности», доказательного подхода (evidence-based policy) и сетевого управления. Данная модель призвана разрешить противоречие между необходимостью государственной координации и потребностью в развитии самостоятельности и инициативы молодого поколения, превращая ГМП из инструмента социального контроля в механизм совместного конструирования будущего.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, теоретико-методологические основы, парадигма молодёжной политики, субъектность молодёжи, объект-субъектная дихотомия, социальное конструирование молодёжи, патернализм, партисипация, доказательная политика, социальная интеграция, сетевое управление.

Введение

Государственная молодёжная политика в современном мире перестаёт быть периферийной сферой социальной работы и утверждается в качестве одного из ключевых направлений стратегического развития любого государства. Молодое поколение, выступая одновременно индикатором социальных изменений и их главным агентом, концентрирует в себе как потенциал инновационного прорыва, так и риски системной дестабилизации. Ускорение темпов социального времени, глубина цифровой трансформации, прекаризация занятости и размывание традиционных ценностных систем создают для молодёжи принципиально новый контекст социализации и самоопределения, который государственные институты зачастую не способны адекватно осмыслить и учесть.

На этом фоне особую остроту приобретает проблема теоретико-методологического осмысления самой сущности и задач ГМП. Несмотря на обилие нормативных актов и практических программ, их концептуальные основания зачастую остаются эклектичными, внутренне противоречивыми и, что наиболее важно, оторванными от динамично меняющейся социальной реальности. Фундаментальная проблема, лежащая в основе кризиса эффективности многих национальных моделей ГМП, носит не столько прикладной, сколько теоретический характер. Она заключается в глубоком и до сих пор не преодоленном разрыве между двумя антагонистическими парадигмами: рассмотрением молодёжи как пассивного объекта государственной заботы, контроля и воспитания, и признанием её в качестве полноценного, деятельного субъекта социального процесса. Эта объект-субъектная дихотомия пронизывает все уровни ГМП – от целеполагания и выбора инструментов до критериев оценки эффективности. Именно она порождает ключевое противоречие: государство декларирует цели по развитию самостоятельности, ответственности и гражданской активности молодёжи, но при этом использует преимущественно патерналистские, директивные методы, которые эти качества подавляют.

Таким образом, целью настоящего исследования является не просто описание существующих подходов, а критический анализ и деконструкция доминирующей объектно-ориентированной парадигмы ГМП, а также концептуализация путей перехода к новой, синтетической модели, способной разрешить указанное противоречие. Центральный исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каковы фундаментальные теоретические и методологические дефициты, препятствующие адекватности и эффективности современной ГМП, и в чем заключается концептуальный путь к их преодолению через синтез патерналистских и партисипативных подходов? Работа носит аналитический характер и направлена на выявление глубинных, системных проблем, лежащих в основании практических неудач в сфере молодёжной политики, и предложение аргументированной концептуальной альтернативы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ теоретико-методологических основ ГМП требует последовательной деконструкции базовых парадигм, определяющих её архитектуру. Исторически первой и до сих пор во многом доминирующей является объектно-ориентированная, или патерналистская, модель. Её теоретические корни уходят в структурный функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон), где молодёжь рассматривается как возрастная группа, проходящая этап социализации, то есть интернализации существующих социальных норм и ценностей для последующей интеграции в социальную структуру. В этой логике основная функция ГМП – обеспечить бесперебойное и «правильное» воспроизводство общества, минимизируя девиации и аномии[1]. Молодость здесь – это переходное, неполноценное состояние, а молодёжь – это «будущее», но ещё не «настоящее». Государство выступает в роли главного агента социализации, который должен «подготовить» молодое поколение к взрослой жизни, передать ему необходимый набор знаний, норм и поведенческих паттернов.

Методологически данная парадигма реализуется через директивное, централизованное управление. Государство определяет проблемы молодёжи (чаще всего в терминах угроз – наркомания, экстремизм, безработица), разрабатывает универсальные программы и спускает их для исполнения на нижестоящие уровни[8]. Инструментарий такой политики преимущественно состоит из массовых мероприятий (фестивали, форумы, конкурсы), создания подконтрольных молодёжных ор-

ганизаций и пропаганды определённых ценностных установок. Оценка эффективности сводится к количественным показателям: охват участников, количество проведённых мероприятий, объём освоённых бюджетных средств. Молодёжь в этой системе является реципиентом услуг, потребителем контента, объектом воспитательного воздействия. Её собственная точка зрения если и запрашивается, то формально, а её инициативы приветствуются лишь тогда, когда они вписываются в заранее определённые государством рамки.

Критический анализ выявляет фундаментальную неадекватность этой модели современным реалиям. Во-первых, она исходит из ложной посылки о гомогенности молодёжи [6]. Она игнорирует глубокую внутреннюю дифференциацию молодёжной среды по социальным, экономическим, культурным, территориальным и ценностным основаниям. Универсальные программы, рассчитанные на некоего «среднестатистического» молодого человека, оказываются неэффективными, так как не отвечают на специфические запросы конкретных групп – от сельской молодёжи до цифровых субкультур. Во-вторых, патерналистская модель вступает в прямое противоречие с декларируемой целью формирования субъектности. Постоянная опека, предоставление готовых решений и отсутствие пространства для реального выбора и ответственности формируют у молодёжи социальное иждивенчество, правовой нигилизм и отчуждение от государственных институтов [2].

Молодёжь учится не действовать самостоятельно, а имитировать лояльность и активность для получения доступа к ресурсам. Это приводит к феномену «симуляции ГМП», когда бурная деятельность и позитивная отчётность скрывают за собой полное отсутствие реального влияния на жизненные траектории молодых людей. В-третьих, в условиях информационной глобализации и цифровизации государство утратило монополию на формирование ценностей. Молодые люди существуют в сложном, полицентричном информационном поле, где авторитет официальных каналов коммуникации неуклонно снижается. Попытки навязать единую идеологию «сверху» воспринимаются с недоверием и отторжением, приводя к обратному эффекту.

На смену патерналистской модели приходит субъектно-ориентированная, или партисипативная, парадигма. Её теоретическим фундаментом служат, с одной стороны, социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), утверждающий, что «молодёжь» – это не биологическая данность, а социальный конструкт, содержание которого определяется в процессе общественных взаимодействий. С другой стороны, это теория структуриции Э. Гидденса [9], которая подчёркивает рефлексивность и агентность (agency) социальных акторов, их способность не только воспроизводить, но и изменять социальные структуры. В этой парадигме молодёжь рассматривается не как проблема, а как ресурс; не как объект управления, а как компетентный партнёр в решении общественных задач.

Целью ГМП в рамках этой модели становится не «воспитание» и «контроль», а создание условий и возможностей (enabling environment) для самореализации, самоорганизации и конструктивного участия молодёжи в жизни общества. Государство из всезнающего контролёра превращается в модератора, фасилитатора и инвестора, который поддерживает молодёжные инициативы, предоставляет площадки для диалога и обеспечивает доступ к ресурсам. Методологический арсенал здесь иной: проектный подход, технология соучаствующего проектирования (co-design), форсайты, создание открытых пространств, поддержка независимых молодёжных сообществ. Ключевым методом познания становится не статистический отчёт, а качественные исследования – глубинные интервью, фокус-группы, этнографические наблюдения, позволяющие понять реальные потребности, ценности и барьеры, с которыми сталкиваются молодые люди. Эффективность измеряется не количеством мероприятий, а качественными изменениями: ростом социального капитала, уровня доверия, развитием гражданских компетенций, появлением устойчивых социальных проектов, интегрированных самой молодёжью [3].

В качестве примера реализации модели «государства-фасилитатора» можно привести опыт Германии. Система работы с молодёжью (Jugendarbeit) там в значительной степени децентрализована и основана на принципе субсидиарности. Федеральное правительство и правительства земель создают рамочные условия и обеспечивают финансирование, однако непосредственную работу ведут многочисленные независимые союзы и объединения (Jugendverbände). Государство не диктует содержание их деятельности, а выступает инвестором, поддерживая широкий спектр инициатив – от экологических до культурных. Эффективность оценивается не по количеству проведённых мероприятий, а по вкладу в развитие личности молодого человека и его интеграцию в гражданское общество. Это прямо иллюстрирует тезис о поддержке независимых сообществ и создании «enabling en-

vironment». Государство делегирует функции, доверяя молодёжным организациям как компетентным партнёрам.

В политической практике России можно наблюдать гибридную модель, где элементы нового подхода сосуществуют с элементами старой, патерналистской системы. С одной стороны, создание таких инструментов, как Фонд президентских грантов или грантовые конкурсы Федерального агентства по делам молодёжи («Росмолодёжь. Гранты»), является шагом в сторону модели «государства-инвестора». Эти механизмы позволяют некоммерческим организациям, включая молодёжные, получать ресурсы на реализацию своих проектов на конкурсной основе. Это соответствует проектному подходу и стимулирует инициативу снизу.

Однако здесь возникает одна из ключевых проблем – риск симуляции. Когда новая методология внедряется в старую административную культуру, ориентированную на отчётность и количественные показатели, происходит её имитация. Проектный подход может вырождаться в соревнование за «красивую» заявку и формальное выполнение заявленных KPI (ключевых показателей эффективности), а не в достижение реальных качественных изменений. Государственный орган, выступая в роли инвестора, по-прежнему может подсознательно или целенаправленно требовать не столько социального эффекта, сколько медийного освещения и данных для отчёта. Таким образом, «создание условий» подменяется организацией массовых форумов и фестивалей, которые легко посчитать, но чей долгосрочный вклад в развитие социального капитала и гражданских компетенций остаётся под вопросом.

Другой проблемный аспект связан с доступом к ресурсам. Сложные процедуры подачи заявок на гранты и строгие требования к отчётности создают барьер для небольших, неформальных молодёжных сообществ, у которых нет штатных юристов и бухгалтеров. В результате преимущество получают более крупные, профессионализированные НКО, которые умеют работать с бюрократической машиной. Это противоречит идее поддержки именно низовых, самоорганизованных инициатив и смещает фокус с ценности самой идеи на административную компетентность её автора [4]. Государство, желая быть фасилитатором, невольно выстраивает систему фильтров, которую могут пройти не самые креативные, а самые «административно-подкованные» акторы.

Наконец, фундаментальной методологической проблемой является измерение качественных показателей. Как измерить «уровень доверия» или «рост социального капитала» в масштабах страны? Качественные исследования, такие как глубинные интервью и этнография, дают глубокое понимание, но они локальны, дороги и не позволяют быстро получить обобщённые данные для принятия управленческих решений на федеральном уровне.

Однако и у данной модели есть свои проблемы и риски.

Во-первых, существует опасность фрагментации и «захвата» политики наиболее активными, организованными и красноречивыми группами молодёжи, в то время как «молчаливое большинство» или уязвимые категории могут остаться за рамками процессов участия. Во-вторых, возникает проблема «ловушки партисипации» – создание многочисленных советов, форумов и площадок, которые носят сугубо консультативный, декоративный характер и не наделены реальными полномочиями влиять на принятие решений. Такая имитация участия ведёт к ещё большему цинизму и разочарованию. В-третьих, данный подход требует от государственного аппарата принципиально иных компетенций – гибкости, открытости, готовности к риску и признанию ошибок, что сложно реализуемо в рамках традиционной бюрократической культуры.

Проведённый анализ показывает, что механическая замена объектной парадигмы на субъектную не является решением. Чистый патернализм неэффективен и контрпродуктивен, но и полное самоустранение государства, его отказ от стратегического видения и координирующей роли (что может произойти при абсолютизации партисипации) чревато хаосом и упущением стратегических приоритетов национального развития. Разрешение центрального противоречия ГМП лежит на пути диалектического синтеза, который можно концептуализировать через несколько ключевых принципов.

Первый принцип – это переход к модели «управляемой субъектности». Данная концепция предполагает, что государство не отказывается от своей стратегической функции, но реализует её принципиально иначе. Его задача – не диктовать молодёжи, что делать, а создавать инфраструктуру возможностей и навигационную систему, которые помогают молодым людям *самим* находить конструктивные пути самореализации [5]. Это означает смещение фокуса с прямого финансирования мероприятий на создание экосистемы: грантовые фонды с прозрачными критериями, доступные коворкинги и мастерские, образовательные программы по социальному проектированию и предпринимательству,

юридическая и консультационная поддержка. Государство задаёт «правила игры» и стратегические векторы (например, поддержка технологических стартапов, волонтерства в социальной сфере, экологических инициатив), но внутри этих векторов обеспечивает максимальную свободу для инициативы «снизу».

Второй принцип – это тотальный переход к доказательной политике (evidence-based policy). Решения в сфере ГМП должны приниматься не на основе интуиции чиновников, идеологических догм или устаревших представлений, а на базе постоянного, комплексного и междисциплинарного изучения молодёжи. Это требует создания независимых исследовательских центров, регулярного проведения мониторингов (как количественных, так и качественных), анализа больших данных из социальных сетей, изучения лучших мировых практик и, что особенно важно, пилотного тестирования любых крупных инициатив с последующей оценкой их реального воздействия (impact assessment). Только такой подход позволит перейти от затратной и неэффективной «стрельбы по площадям» к точечным, адресным и действительно работающим мерам [7].

Третий принцип – это внедрение сетевой модели управления. В современном сложном обществе государство не может и не должно быть единственным актором ГМП. Эффективная политика возможна только в формате партнёрства, где государство выступает в роли координатора сети, включающей образовательные учреждения, бизнес-структуры, некоммерческие организации, гражданских активистов, экспертные сообщества и, конечно, сами молодёжные объединения. Каждый из этих акторов обладает уникальными ресурсами, компетенциями и каналами коммуникации с различными сегментами молодёжи. Задача государства – не подменять их, а выстраивать между ними синергетические связи, устранять барьеры для сотрудничества и обеспечивать общую стратегическую рамку.

Заключение

Таким образом, разрешение фундаментальной проблемы современной ГМП лежит не в плоскости выбора между контролем и свободой, между патернализмом и партисипацией. Оно заключается в построении сложной, многоуровневой системы, где стратегическое целеполагание и создание равных стартовых условий (роль государства) сочетаются с поддержкой индивидуальной и групповой субъектности, основанной на реальном выборе и ответственности (роль молодёжи и других акторов гражданского общества). Этот переход требует не просто административных реформ, а глубокой смены самой философии государственного управления – перехода от взгляда на молодёжь как на объект, нуждающийся в формовке, к видению её как равноправного партнёра в совместном конструировании будущего. Это сложный и долгий путь, но единственно возможный для построения действительно эффективной и адекватной вызовам XXI века государственной молодёжной политики.

Литература

1. Баронина А.А. Реализация государственной молодёжной политики на современном этапе в странах Европы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. № 30. С. 40–48.
2. Болдырева К.В. Понятие и сущность молодёжной политики на государственном и муниципальном уровне // Государство и общество в современной политике: сб. научных статей по материалам 8-й Международной научно-практической конференции. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2021. С. 101–105.
3. Государственная молодёжная политика: Российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 648 с.
4. Касьянов В.В. Государственная молодёжная политика в России: опыт, проблемы, перспективы. Краснодар: Периодика Кубани, 2010. 120 с.
5. Моисеев А. Н., Шумилов А.В. Эффективность и инновации молодёжной политики в современной России: противоречия теории и практики изменения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18335> (дата обращения: 24.05.2024).

6. Османова М.А. Государственная молодёжная политика: проектный подход // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 2 (84). С. 140–143.

7. Пастухова Л.С. Проблемы политического участия молодёжи // Власть. 2011. № 6. С. 60–63.

8. Роговцов Д.А. Понятие «государственная молодёжная политика»: теоретико-концептуальный и политико-правовой аспекты // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. статей IV Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский институт МВД, 2021. С. 89–92.

9. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994. 192 p.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF STATE YOUTH POLICY

Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, State University of Education

This article provides a comprehensive analysis of the theoretical and methodological foundations of state youth policy (SUP). The central problem of the study is the growing gap between traditional, paternalistic models of SUP, which view youth as objects of social influence, and contemporary challenges that require the recognition of youth as active agents of social development.

This paper deconstructs the object-oriented paradigm, analyzes its functionalist and regulatory foundations, and demonstrates its inadequacy in the context of value pluralism, digitalization, and social atomization. As an alternative, a subject-oriented (participatory) paradigm based on the principles of social constructivism and agency theory is explored. It is argued that mechanically replacing one paradigm with another is not a solution. A conceptual framework for a synthetic model of social and economic policy is proposed, based on the principles of "managed subjectivity," evidence-based policy, and network governance. This model aims to resolve the contradiction between the need for state coordination and the need to develop the independence and initiative of the younger generation, transforming social and economic policy from an instrument of social control into a mechanism for the collaborative construction of the future.

Keywords: State youth policy, theoretical and methodological foundations, youth policy paradigm, youth agency, object-subject dichotomy, social construction of youth, paternalism, participation, evidence-based policy, social integration, network governance.

References

1. Baronina A.A. Realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki na sovremennom etape v stranakh Evropy [Implementation of state youth policy at the present stage in European countries]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies], 2019, No. 30, Pp. 40–48. (In Russian)
2. Boldyreva K.V. Ponyatie i sushchnost' molodezhnoi politiki na gosudarstvennom i munitsipal'nom urovne [The concept and essence of youth policy at the state and municipal level]. Gosudarstvo i obshchestvo v sovremennoi politike. Sb. nauchnykh statei po materialam 8-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [State and society in modern politics. Collection of scientific articles based on the materials of the 8th International scientific-practical conference]. Voronezh, VSU Publ., 2021, Pp. 101–105. (In Russian)
3. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: Rossiiskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokolenii [State youth policy: Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society]. Ed. by V.A. Lukov. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2013, 648 p. (In Russian)
4. Kasyanov V.V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: opyt, problemy, perspektivy [State youth policy in Russia: experience, problems, prospects]. Krasnodar, Periodika Kubani Publ., 2010, 120 p. (In Russian)
5. Moiseev A.N., Shumilov A.V. Effektivnost' i innovatsii molodezhnoi politiki v sovremennoi Rossii: protivorechiya teorii i praktiki izmeneniya [Efficiency and innovations of youth policy in modern Russia: contradictions between the theory and practice of change]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], 2015, No. 1–1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18335> (accessed 24 May 2024). (In Russian)
6. Osmanova M.A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: proektnyi podkhod [State youth policy: a project-based approach]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economics and Business: theory and practice], 2022, No. 2 (84), Pp. 140–143. (In Russian)
7. Pastukhova L.S. Problemy politicheskogo uchastiya molodezhi [Problems of political participation of youth]. Vlast' [The Power], 2011, No. 6, Pp. 60–63. (In Russian)
8. Rogovtsov D.A. Ponyatie «gosudarstvennaya molodezhnaya politika»: teoretiko-kontseptual'nyi i politiko-pravovoi aspekt [The concept of "state youth policy": theoretical-conceptual and political-legal aspects]. Gosudarstvo i pravo: aktual'nye problemy formirovaniya pravovogo soznaniya. Sb. statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [State and law: actual problems of the formation of legal consciousness. Collection of articles of the IV International scientific-practical conference]. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2021, Pp. 89–92. (In Russian)
9. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994. 192 p.

Крюкова Елена Вячеславовна,

кандидат политических наук, доцент, Государственный университет управления
E-mail: greza21@yandex.ru

Статья анализирует феномен политической поляризации в современной Российской Федерации через призму миграционных процессов, рассматривая их как сложный фактор, одновременно необходимый для экономики и потенциально дестабилизирующий для культурной и социальной сферы. Миграция предстает двойственной: она компенсирует демографический дефицит и поддерживает развитие отдельных отраслей, но одновременно вызывает серьезные опасения относительно культурной совместимости, сохранности традиционных духовно-нравственных ценностей и национальной безопасности. Особое внимание уделяется пространственной поляризации, вызванной процессами метрополизации, когда миграционные потоки преимущественно направляются в крупные агломерации, усиливая концентрацию ресурсов, инвестиций и населения в центрах, углубляя региональное неравенство, социальную стратификацию и формируя иерархические отношения с элементами ренто-ориентированности между метрополиями и периферией. Эволюция миграционной политики демонстрирует выраженные колебания – от либеральных подходов 1990-х годов к ужесточению контроля в 2010-е и попыткам компромисса в последние годы через цифровизацию и селективное привлечение, однако сохраняющиеся противоречия в принятии решений и отсутствие долгосрочной стратегии лишь усиливают общественное напряжение и разделение. Центральным источником поляризации остается проблема культурной и политической совместимости, обостряющаяся в условиях миграционного кризиса и провоцирующая дебаты о рисках для межнациональной гармонии.

Ключевые слова: миграция, поляризация, метрополизация, политика, культура, идентичность, стабильность.

Введение

Миграционные процессы в современной России представляют собой сложное переплетение экономических нужд, демографических вызовов и вопросов национальной безопасности, что неизбежно приводит к политической поляризации общества. С одной стороны, приток мигрантов помогает компенсировать сокращение трудоспособного населения и поддерживать рост в отдельных отраслях, с другой – вызывает опасения относительно культурной совместимости и стабильности традиционных ценностей [9]. Эта двойственность проявляется в общественных дискуссиях, где миграция часто становится поводом для разделения позиций: от призывов к более открытому привлечению рабочей силы до требований строгого контроля и ограничений [1]. В условиях глобальных кризисов и внутренних трансформаций миграционная политика эволюционирует, отражая попытки балансировать между этими полюсами, но при этом усиливая напряжение в политическом пространстве [6]. Актуальность темы обусловлена тем, что миграционные потоки не только влияют на экономику и демографию, но и затрагивают глубокие аспекты идентичности, провоцируя дебаты о совместимости политических культур и сохранении социальных норм [8].

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на анализ научных работ, посвященных миграционным процессам в России, их политическим и управленческим аспектам. Основное внимание уделено публикациям, освещающим влияние миграции на политику и экономику в период глобальных вызовов [1], современные контексты миграции [2], актуальные реакции политики на эти процессы [3], географические подходы к изучению миграции [4], метрополизацию и поляризацию пространства [5], этапы трансформации миграционной политики с 1989 года [6], проблемы принятия решений в миграционной сфере [7], политический аспект миграции [8], вопросы совместимости культур в миграционном кризисе [9] и общие тенденции среди молодых ученых [10]. Методологически применен качественный анализ содержания этих источников с целью выявления ключевых тенденций поляризации без привлечения количественных данных. Дополнительно учтены общие тенденции в публичных дискуссиях о миграции, отражающие эволюцию политики от либерализации к балансу безопасности и экономики.

Результаты и обсуждения

Миграционные процессы в современной России заметно усиливают поляризацию пространственного развития через феномен метрополизации, при котором экономические ресурсы, инвестиции и население все сильнее концентрируются в крупных городских агломерациях, оставляя периферийные регионы в положении зависимой и отстающей территории, что приводит к углублению регионального неравенства [5]. Такие потоки мигрантов преимущественно направляются в привлекательные столичные и региональные центры, где сосредоточены возможности трудоустройства и инфраструктура, тем самым усиливая социальную стратификацию и формируя иерархические отношения, в которых доминирование метрополий приобретает черты ренто-ориентированной эксплуатации периферии [5].

Политическая поляризация ярко проявляется в эволюции миграционной политики, которая прошла сложный путь трансформации: от относительно либеральных подходов начала 1990-х годов, ориентированных на привлечение соотечественников и облегчение интеграции, к постепенному ужесточению в 2010-е на фоне растущего восприятия иммиграции как потенциальной угрозы национальной безопасности. В последние годы, особенно после 2024-го, политика стремится найти компромисс между жесткими мерами контроля – такими как введение режима высылки, сокращение сроков пребывания и усиление биометрического учета – и необходимостью умеренного привлечения рабочей силы через цифровизацию процедур и программы адаптации, однако внутренние противоречия между экономической потребностью в мигрантах и охранительными установками продолжают оставаться источником напряжения [6].

Особенно остро поляризация общества возникает в сфере вопросов культурной совместимости и различий политических культур. Миграционный кризис, обострившийся в последние годы, подчеркивает

проблему несоответствия норм, ценностей и поведенческих паттернов, когда значительный приток мигрантов из культурно отдаленных контекстов вызывает серьезное напряжение вокруг сохранения традиционных духовно-нравственных ориентиров принимающего общества [9]. Политический аспект этих процессов включает в себя риски дестабилизации межнациональных отношений, где миграция воспринимается как вызов социальной гармонии и требует более тщательного и взвешенного управления на всех уровнях [8]. Принятие политических решений в миграционной сфере существенно осложняется нерешенными проблемами межведомственной координации, ростом незаконной миграции, а также психологическими барьерами и предубеждениями в принимающих сообществах регионов, что в итоге приводит к нарастанию политических рисков и общественного недоверия [7].

В условиях глобальных кризисов миграция оказывает двойственное влияние на политику и экономику страны, провоцируя глубокое разделение общества на тех, кто акцентирует внимание на потенциальных угрозах культурной и социальной стабильности, и тех, кто подчеркивает ее роль в поддержании экономического роста и компенсации демографических потерь [1]. Современные контексты миграционных процессов в России демонстрируют актуальные реакции государственной политики, направленные на более эффективное управление потоками в быстро меняющейся реальности, включая переход к селективному привлечению и борьбе с нелегальными формами [2]. Географические исследования, опираясь на традиционные подходы, одновременно вводят новые данные, раскрывающие влияние миграции на пространственное развитие страны и углубление центр-периферийных контрастов [4]. Среди молодых ученых все чаще подчеркивается роль миграционных процессов как ключевого фактора глубоких социальных трансформаций, требующего междисциплинарного осмысления [10].

В итоге политическая поляризация вокруг миграции усиливается прежде всего из-за отсутствия последовательной долгосрочной стратегии, когда оперативные корректировки политики в ответ на внешние вызовы и внутренние давления создают пространство для противоречивых интерпретаций, общественного недовольства и дальнейшего разделения позиций [3].

Выводы

Политическая поляризация в контексте миграционных процессов современной России коренится в сложном балансе между острой экономической необходимостью привлечения внешней рабочей силы для компенсации демографических потерь и серьезными рисками для культурной однородности, а также политической стабильности общества. Эта поляризация проявляется в общественных дебатах, где одна сторона подчеркивает роль мигрантов в поддержании роста отдельных секторов экономики, а другая акцентирует внимание на угрозах традиционным ценностям и национальной безопасности.

Процессы метрополизации значительно усугубляют пространственное и социальное разделение, поскольку миграционные потоки преимущественно направляются в крупные городские центры, усиливая концентрацию ресурсов и оставляя периферийные регионы в положении хронического отставания, что приводит к углублению регионального неравенства и формированию иерархических структур с элементами ренто-ориентированности. Такие тенденции не только обостряют экономическую стратификацию, но и провоцируют политическое напряжение между центром и регионами, где вопросы миграции становятся инструментом локальных конфликтов.

Трансформация миграционной политики на протяжении последних десятилетий демонстрирует выраженные колебания между периодами относительной открытости и жесткого контроля, при этом в последние годы противоречия в процессе принятия решений — от межведомственной несогласованности до учета психологических барьеров в принимающих сообществах — продолжают сохранять высокий уровень напряжения и неопределенности. Отсутствие последовательной долгосрочной стратегии приводит к тому, что оперативные корректировки в ответ на внешние вызовы лишь усиливают пространство для противоречивых интерпретаций и общественного разделения.

Центральной остается проблема культурной совместимости, которая в условиях миграционного кризиса провоцирует острые дебаты о сохранении традиционных духовно-нравственных ориентиров и политических культур, особенно когда приток мигрантов из отдаленных контекстов воспринимается как вызов межнациональной гармонии и социальной стабильности. Политический аспект этих процессов подчеркивает необходимость тщательного управления рисками, чтобы избежать дестабилизации отношений между различными группами населения.

Перспективы снижения поляризации связаны с разработкой более сбалансированных механизмов, которые учитывали бы национальную специфику России, ориентировались на долгосрочную стабильность и активно вовлекали общество в процессы адаптации и интеграции мигрантов, способствуя формированию общей идентичности без утраты традиций. В целом, миграционные процессы требуют перехода к комплексному подходу, сочетающему экономические интересы с мерами по сохранению культурной и политической целостности, чтобы минимизировать поляризацию и преобразовать миграцию в устойчивый фактор социально-экономического развития в условиях глобальных вызовов.

Литература

1. Городнов А.В. Влияние миграционных процессов на развитие политики и экономики в России в условиях современного глобального кризиса / А.В. Городнов // Экономическая безопасность. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 1565–1582. — DOI 10.18334/ecsec.5.4.116284
2. Спектор А.А. Современные контексты миграционных процессов в России // Научное обозрение: теория и практика. 2023. Т. 13. Вып. 3 (97).
3. Зорин В.Ю. [и др.]. «Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления» // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — № 4. — DOI: 10.18384/2224-0209-2025-4-1678.
4. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.) // Известия РАН. Серия географическая, 2022, Т. 86, № 3, стр. 353–373.
5. Кузин В.Ю. Процесс метрополизации современной России в контексте поляризации // Псковский региональный журнал. 2019. Выпуск 1 (37) С. 33–45. — URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310012070-0-1/> DOI: 10.37490/S221979310012070-0
6. Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 24–51. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666 EDN: VBXQFC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43666
7. Мухина Я.А. Принятие политических решений в контексте миграционного процесса в России на современном этапе (проблемы и перспективы). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023;13(3):169–179. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-169-179>
8. Гарас Л.Н. Миграционные процессы: политический аспект / Л.Н. Гарас, С.В. Парадигмский // Парадигмы истории и общественного развития. — 2022. — № 25. — С. 13–17. — EDN FZGEVY.
9. Сулимов С.И. Миграционный кризис: проблема совместимости политических культур / С.И. Сулимов, М.А. Лебедев // Основные проблемы сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в системе российского образования: Коллективная монография. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. — С. 287–290. — EDN DSJSFQ.
10. Садирова Ф.А. Миграционные процессы в современной России / Ф.А. Садирова // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием), Красноярск, 18–19 апреля 2024 года. — Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. — С. 1449–1451. — EDN KUZVGS.

POLITICAL POLARIZATION IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES IN MODERN RUSSIAN REALITY

Kryukova E.V.

State University of Management

The article analyzes the phenomenon of political polarization in the modern Russian Federation through the prism of migration processes, considering them as a complex factor that is both necessary for the economy and potentially destabilizing for the cultural and social sphere. Migration appears to be twofold: it compensates for demographic deficits and supports the development of individual industries, but at the same time raises serious concerns about cultural compatibility, the preservation of traditional spiritual and moral values and national security. Particular attention is paid to spatial polarization caused by the processes of metropolization, when migration flows are mainly directed to large agglomerations, increasing the concentration of resources, investments and population in the centers, deepening regional inequality, social stratification and forming hierarchical relationships with elements of rent orientation between the metropolises and the periphery. The evolution of migration policy shows marked fluctuations, from the liberal approaches of the 1990s to stricter controls in the 2010s and attempts at compromise in recent years through digitalization and selective involvement, but the continuing contradictions in deci-

sion-making and the lack of a long-term strategy only increase social tension and division. The central source of polarization remains the problem of cultural and political compatibility, which is becoming more acute in the context of the migration crisis and provokes debates about the risks to interethnic harmony.

Keywords: migration, polarization, metropolization, politics, culture, identity, stability.

References

1. Gorodnov A.V. The impact of migration processes on the development of politics and economics in Russia in the context of the current global crisis / A.V. Gorodnov // *Economic security*. – 2022. – Vol. 5, No. 4. – Pp. 1565–1582. – DOI 10.18334/ecsec.5.4.116284
2. Spector A.A. Modern contexts of migration processes in Russia // *Scientific review: theory and practice*. 2023. Vol. 13. Issue 3 (97).
3. Zorin V.Yu. [et al.]. "Migration processes in modern Russia: actual reactions of politics and management" // *Russian Social and Humanitarian Journal*. – 2025. – No. 4. – DOI: 10.18384/2224-0209-2025-4-1678.
4. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Savoskul M.S. New data and traditional approaches: how Russian geographers study population migration (2010–2021) // *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2022, T. 86, No. 3, Pp. 353–373.
5. Kuzin V.Y. The process of metropolization of modern Russia in the context of polarization // *Pskov Regionological Journal*. 2019. Issue 1 (37) C. 33–45. – URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310012070-0-1> / DOI: 10.37490/S221979310012070-0
6. Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. Transformation of migration policy in Russia: stages, features, problems (1989–2023) // *Administrative and municipal Law*. 2023. No. 4. Pp. 24–51. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666 EDN: VBXQFC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43666
7. Mukhina Ya.A. Political decision-making in the context of the migration process in Russia at the present stage (problems and prospects). *Proceedings of the South-western State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):169–179. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-169-179>
8. Garas L.N. Migration processes: a political aspect / L.N. Garas, S.V. Paradivsky // *Paradigms of history and social development*. – 2022. – No. 25. – Pp. 13–17. – EDN FZ-GEVY.
9. Sulimov S.I. Migration crisis: the problem of compatibility of political cultures / S.I. Sulimov, M.A. Lebedev // *The main problems of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values in the Russian education system: A collective monograph. Voronezh: Scientific Book Publishing and Printing Center*, 2023. Pp. 287–290. EDN DSJSFQ.
10. Sadirova F.A. Migration processes in modern Russia / F.A. Sadirova // *Young scientists in solving urgent problems of science: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of students, postgraduates and Young scientists (with international participation)*, Krasnoyarsk, April 18–19, 2024. Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, 2024. – Pp. 1449–1451. – EDN KUZVGS.

Кугай Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Цель – рассмотреть политическую философию М. Фуко как концептуальную основу анализа функционирования власти в современном обществе. Задачи. 1. Рассмотреть суть генеалогической теории власти М. Фуко. 2. Раскрыть основные механизмы функционирования «дисциплинарного общества». 3. Показать формы проявления диспозитивных технологий власти в современном обществе. 4. Определить путь сохранения приватного пространства и времени в условиях вездесущих технологий контроля за деятельностью, поседением и общением. Методология. Постструктурализм и дискурс-анализ. Результаты. 1. «Микрофизика власти» Мишеля Фуко напрямую соотносится с масштабными институциональными методами надзора и нормализации, представляя их как взаимосвязанные элементы единой системы, где локальные дисциплинарные практики и глобальные дискурсы гуманитарных наук поддерживают и усиливают друг друга. 2. Гуманитарные науки предоставляют легитимное знание, которое используется для осуществления власти, а практики власти, в свою очередь, формируют объекты и методы этих наук. 3. На макроуровне эти локальные и дискурсивные механизмы объединяются в «биовласть», которая управляет не отдельными телами, а целыми популяциями (через статистику, политику здравоохранения, социальное регулирование). Выводы. 1. «Микрофизика власти» и масштабные институциональные методы надзора не противоречат друг другу, а представляют собой разные уровни проявления единой, сетевой и продуктивной власти, которая формирует современное общество и его субъектов. 2. Политическая философия Фуко прочерчивает путь к формированию социальной справедливости, которая всегда должна подвергаться сомнению само себя, так же как общество может существовать только посредством работы, которую оно совершает над собой и над своими институтами. 3. Современный человек должен не открывать себя, а «изобретать» себя, принимая на себя задачу самосозидания. 4. Фукианская идея сопротивления власти трансформируется в XXI веке. Современное сопротивление включает в себя не только прямое противостояние, но и создание альтернативных пространств и сетей, где производятся иные формы знания и власти.

Ключевые слова: Мишель Фуко, дискурс, генеалогия власти, дисциплинарная власть, биовласть, диспозитив власти, современность.

Введение

Нынешние кризисы легитимации, поражающие западные капиталистические общества, отчасти обусловлены тем, что властные операции оторвались от узнаваемых структур политической ответственности и подотчётности. Дело не только в том, что институты представительной демократии всё чаще обходят децентрализованные, десубъективированные и расплывчатые формы власти; сами эти институты и дискурсы легитимации, на которых они основаны, функционируют как инструменты безличных форм власти, которые сопротивляются прямолинейному воздействию. Часть нашего затруднительного положения заключается в том, что нам не хватает подходящей концептуальной основы для анализа того, как функционирует власть в современном обществе. Необычайный резонанс генеалогии власти Мишеля Фуко, несомненно, обусловлен тем, что она обещает нам выход из этого затруднительного положения, бросая вызов некоторым из наших самых глубоко укоренившимся философским и эмпирическим предположений относительно современных социальных и политических институтов и их истории.

Необычайный интерес к генеалогии власти обусловлен тем, что Фуко, прибегнув к постструктуралистской методологии, предлагает иную, в отличие от укоренившихся философских представлений, позицию видения генезиса происхождения современных политических и социальных институтов и особенностей их функционирования. Фуко, вслед за Ницше, интересуется не происхождением власти, а её историей и тем, как она формируется и трансформируется. С XIX века, по мнению Фуко, власть всё больше переходит от монархического, суверенного типа к дисциплинарной власти, которая не столько наказывает, сколько формирует и контролирует тела людей через безличные механизмы. Фуко рассматривает власть не как что-то, что можно только отнять, а как производительную силу, возникающую из самих социальных отношений, и связывает это с формированием институтов и появлением знания.

Содержание статьи включает критические оценки относительно отдельных положений концепции власти Фуко, и аргументы в её защиту.

Первая часть статьи разбирает ключевые механизмы функционирования «дисциплинарной власти». Вторая часть статьи освещает суть концепции современности Мишеля Фуко как новую модель власти и контроля, которая действует не столько через прямое принуждение, сколько через дисциплину и управление телами и сознанием, формирование «послушного тела». В финале статьи очерчивается путь сохранения приватного пространства и времени в условиях вездесущих технологий контроля за деятельностью, поведением и общением.

Генеалогия власти

Генеалогия власти и современного субъекта Фуко сочетает в себе оригинальную философскую концептуализацию власти, и, основанную на постструктуралистской методологии рассмотрение генезиса современного общества. Эти задачи по сути взаимосвязаны в концепции генеалогии Фуко, поскольку строго номиналистический подход к истории, подчеркивающий низменность исторического происхождения, прерывность событий и случайность идентичностей, подверженных бесконечному растворению и реконфигурации, является дисциплиной мысли, посредством которой могут быть преодолены метафизические представления об изначальных смыслах, непреходящих сущностях и объективной телеологии в истории. [8, с. 139–134] Таким образом, философия власти Фуко и его история генезиса современных социальных институтов и современного субъекта являются двумя неотъемлемыми частями единого предприятия, направленного на радикальную трансформацию нашего понимания себя и современного мира.

Хотя невозможно в кратком обсуждении оценить всю сложность генеалогических работ Фуко, эта двойственность предполагает, что их значение для понимания современной власти можно реконструировать по двум основным осям: (1) они стремятся осуществить радикальный сдвиг в концептуальной структуре, в рамках которой мы обычно думаем о власти, и (2) они представляют собой оригинальный исторический отчет о генезисе современных институтов.

(1) Новаторство Фуко по первой оси включает в себя переход от субстантивной концепции власти, инвестируемой в субъекты, и, осуществляемой ими и над ними, к реляционному взгляду на власть как на функцию сети отношений между субъектами. Этот переход включает в себя ряд смещений. Во-первых, Фуко утверждает, что точка зрения, согласно

которой власть предполагает, что один человек или группа осуществляет контроль над другим, систематически искажает то, как власть функционирует в современном обществе. Она отражает «юридическую» концепцию, которая связывает власть с суверенитетом и законом; согласно этой концепции, власть инвестируется в определенных лиц в рамках иерархической структуры властных отношений, она осуществляется с молчаливого согласия тех, над кем она осуществляется, и действует в соответствии с общей концепцией права, которая устанавливает пределы ее легитимного осуществления. Но современная, «дисциплинарная» власть не предполагает особых отношений власти или контроля наряду с другими социальными отношениями; скорее, она функционирует в рамках и через множество социальных отношений – экономических, семейных, сексуальных и т.д. – формируя поле силовых отношений, которое охватывает всё общество. [13, с. 84] Дисциплинарная власть производит свои эффекты посредством непрерывной локальной борьбы, которая формирует стратегические модели, не сводимые к намерениям и целям отдельных агентов и кристаллизующиеся в глобальные механизмы господства. Она заботится не о законности поведения и наказании за проступки, а о нормализации поведения, призванной использовать производительные и репродуктивные способности организма.

Таким образом, во втором смещении Фуко смещает фокус анализа с сознательного, волевого субъекта на тело: дисциплинарная власть воздействует на тело, чтобы привить нормализованные, привычные реакции, посредством которых современный субъект конституируется как эффект и проводник власти. [6, с. 29] В то время как суверенная власть негативна – она запрещает поведение, не соответствующее закону, – дисциплинарная власть продуктивна: посредством детальных и исчерпывающих методов надзора, регулирования и проверки, предназначенных для непрерывного контроля телесного поведения, современный субъект буквально конституируется как проводник власти и объект знания. Дискурсы и экспериментальные процедуры зарождающихся гуманитарных наук, исследующих эту новую область субъективности, впервые становятся возможными благодаря возможностям для надзора, пространственной и временной регуляции и проверки тел, предоставляемым современными дисциплинарными институтами, такими как больница, тюрьма и школа. Следовательно, смещение Фуко практического субъекта идёт рука об руку с соответствующим смещением познающего субъекта, которому отказано в эпистемической привилегии, которую греческая философия связывала с деятельностью теории, а современная эпистемология – с аподиктической самосознанием картезианского эго. По крайней мере, со времён Платона западная философия рассматривала власть как нечто, противоположное знанию, как нечто, искажающее наше восприятие истины. Фуко бросает вызов этой традиции своим провокационным утверждением, что «нет властных отношений без соответствующего формирования поля власти, как и никакого знания, которое не образует одновременно властных отношений». [7, с. 52] Таким образом, фокус анализа должен сместиться с субъекта познания на констелляции или режимы «отношений власти и знания» и их исторические трансформации. [6, с. 28]

Но вместе с этим следует отказаться от ещё одного заветного предположения о власти, а именно от того, которое поставило бы истину на службу освобождению от господства. Неявный договор, на котором основывается юридическая власть, предполагает некое общее представление о человеческих интересах, которые должны быть реализованы посредством осуществления власти, так что действия власти, которые подрывают эти интересы, могут быть подвергнуты критике как незаконные и репрессивные.

Дисциплинарная власть, напротив, не основывается на договоре или общем представлении о справедливости; в результате сопротивление больше не может быть понято в рамках нормативной модели освобождения от несправедливых социальных и политических отношений. Но тезис Фуко о существовании сущностной взаимосвязи между властью и знанием ещё более радикально разрывает с традиционным пониманием эмансипации, подразумевая, что не существует «истины» о людях – никаких «реальных» человеческих интересов или «подлинных», не подавляемых сексуальных желаний, – к которым могла бы апеллировать политика эмансипации против эксцессов власти, перешедшей границы своего легитимного осуществления. Таким образом, конечным следствием радикальной децентрации Фуко познающего и желющего субъекта является разрыв связи между сопротивлением и нормативными концепциями истины и справедливости, по крайней мере, в их традиционном понимании.

(2). Новаторство Фуко по второй оси заключается в оспаривании веберовских описаний модернизации с точки зрения функциональной дифференциации сфер социального действия и их консолидации в институтах современного государства, с одной стороны, и марксистских описаний модернизации с точки зрения раскрытия внутренней логики

капиталистической экономической системы, с другой. Мы живем не в веберовском обществе, где доминирует государство, и не в марксистском обществе, все больше поляризуемся на два антагонистических класса, [6, с. 26–27] в дисциплинарном обществе, в котором социальные отношения подчиняются всепроникающему режиму нормализующей дисциплины. В поддержку этого радикального тезиса Фуко тщательно документирует развитие методов дисциплины в ряде современных институтов – тюрьме, больнице, психиатрической больнице, школе, фабрике и военных казармах – и утверждает, что за это время они распространились за пределы этих институтов и теперь формируют каждый аспект жизни в современном обществе. Он рассматривает тюрьму как символ учреждений, в которых новые технологии власти формировались вокруг изоляции индивидов и всестороннего наблюдения, и регулирования их телесного поведения как в пространстве, так и во времени. Эти учреждения одновременно служили «лабораториями» зарождающихся гуманитарных наук, позволяя вести детальное наблюдение за заключенными, регистрировать и систематизировать последствия предписаний и мер принуждения; а устройство и функционирование этих учреждений, в свою очередь, модифицировались и рационализировались в свете криминологических, психологических, медицинских и педагогических знаний, производство которых они делали возможным.

Таким образом, в той мере, в какой дисциплинарная власть распространялась по всему социальному телу, мы оказываемся втянутыми во все более интегрированный механизм обратной связи «власти-знания», находящийся вне контроля познающих и действующих субъектов. Анализ модернизации как перехода от одного глобального режима власти-знания к другому отражает ницшеанскую концепцию истории, отвергающую телеологическое предположение о том, что существует некая высшая истина о людях, которую постепенно открывает наука, или что история политических институтов представляет собой движение к более справедливому общественному порядку. Заметим, что модель дисциплинарного общества во многом напоминает теорию систем. [12, с. 183–84, 193–94]

Но, оставляя пока в стороне вопрос о том, насколько осмыслен тезис Фуко о дисциплинарном обществе в нашей современной ситуации, мы можем утверждать, что концептуальные ограничения, налагаемые его критикой субъективизма, уже проблематично ограничивают объяснительный потенциал модели дисциплинарной власти.

«Диспозитив власти»

Вместо того, чтобы локализовать власть в индивидуальных или коллективных социальных агентах, Фуко анализирует современную власть в терминах безличных силовых отношений и стратегий. Фуко вводит понятие *диспозитива* (фр. *dispositif*), которое представляет собой сложную сеть, включающую институты, [2] организацию пространства [2] физические механизмы, архитектурные решения, законы, административные меры, научные утверждения и моральные предписания, которые поддерживают и усиливают осуществление власти. «... власть следует понимать, прежде всего, как множественность силовых отношений, имманентных сфере, в которой они действуют и которые составляют их собственную организацию; как процесс, который посредством непрерывной борьбы и конфронтации трансформирует, усиливает или обращает их вспять... [и] как стратегии, в которых они проявляются, чья общая структура или институциональная кристаллизация воплощены в государственном аппарате, в формулировании закона, в различных социальных гегемониях». [9, с. 168–169]

Сосредоточение анализа власти на стратегиях, а не на индивидах или группах потенциально проливает свет на то, что предполагает, что стратегии имеют собственную историю, которая не может быть сведена к преднамеренности индивидуальных агентов или к классовым интересам в конкретный момент. Но полное отделение концепции стратегии от субъектов, как, по-видимому, делает Фуко, когда он говорит, что властные отношения являются «преднамеренными и несубъективными», имеет парадоксальные последствия, поскольку понятие «стратегии» по сути связано с понятиями агентства и социальных практик. [9, с. 94] Как утверждал Чарльз Тейлор, случаи, когда индивидуальные или коллективные действия имеют непреднамеренные последствия, дают нам примеры целенаправленности, которая не может быть сведена к сознательным мотивам, выбору или решениям индивидов или групп; Но мы можем обоснованно утверждать, что такие последствия демонстрируют стратегические закономерности, только если мы можем соотнести их с сознательными целями и задачами идентифицируемых социальных агентов. [13, с. 153–183] Стратегии Фуко, напротив, кажутся спонтанно кристаллизующимися из хаоса меняющихся силовых отношений между взаимозаменяемыми субъектами и не зависят от каких-либо конкретных социальных отношений. Таким образом, хотя его критика субъективизма в какой-то мере объясняет, почему ме-

ханизмы власти в современном обществе, по-видимому, ускользают от индивидуального контроля, она рискует свести власть к игре сил, не связанной с осознаваемыми человеческими интересами.

В генеалогическом анализе Фуко, тело, по-видимому, берет на себя роль, которую субъект играет в традиционном анализе. Но тело, рассматриваемый в отвлечении от воплощенного субъекта, не является ни вероятной целью власти, ни возможным источником сопротивления её действиям. Эмпирически, действия власти за пределами принудительных институтов, таких как тюрьма и психиатрическая больница, не обязательно, или даже как правило, принимают форму прямого физического ограничения или принуждения, и не всегда подразумевают наблюдение; например, классовое, расовое и гендерное господство настолько коварно именно потому, что оно функционирует в значительной степени посредством интернализации репрессивных схем интерпретации себя и мира, часто бессознательно и как доминирующими, так и подчиненными агентами. И на концептуальном уровне, описывая власть на основе натуралистической модели силовых отношений между телами, Фуко рискует полностью подорвать сущностную связь понятия власти с социальными отношениями и уподобить его понятиям энергии, силы и разряда, которые по праву применимы к физической природе. [10, с. 777–795] С другой стороны, можно возразить, что цель Фуко состоит не в том, чтобы полностью отказаться от субъекта, а в том, чтобы оспорить предположение философии сознания о том, что субъект является самовозникающим источником смысла и действия, показав, что современный субъект, по крайней мере в определенной степени, является следствием дисциплинарной власти. Но без учета того, как индивидуальная идентичность формируется посредством интернализации социальных схем интерпретации и оценки, этот подход рискует свести субъекта к простому отражению телесных привычек, вызванных внешними стимулами. [11, с. 288–88] В некоторых местах Фуко говорит о сопротивлении в терминах «восстания тела», приводя в качестве примера усиление сексуального желания в ответ на повышенное внимание к детской сексуальности со стороны психологии и медицины; но усиление желания больше похоже на причинно-обусловленный эффект власти, чем на случай сопротивления власти. [7, с. 56–57]

Эти проблемы симптоматичны для более глубоких трудностей, касающихся возможности или даже понятности сопротивления, вызванного попыткой Фуко отделить понятие дисциплинарной власти от нормативных концепций права и справедливости, которые он редуционистски ассимилирует к легализму юридической модели: «Я затем хотел показать... в какой степени и в каких формах право (не просто законы, но весь комплекс аппаратов, институтов и правил, ответственных за их применение) передаёт и приводит в движение отношения, которые являются отношениями не суверенитета, а господства». [7, с. 90–93] В то же время, рассматривая «право» в целом как инструмент господства, Фуко молчаливо отрицает какую-либо конститутивную связь между властью и дискурсами легитимации, а, следовательно, между сопротивлением власти и нормативной идеей освобождения от господства. [13, с. 162–63] Но хотя нормы права и справедливости, воплощенные в законах и институтах конкретного государства в конкретное время, могут быть репрессивными, понятие «права» не исчерпывается никакими фактически существующими законами и институтами, как, по-видимому, предполагает Фуко в только что процитированном отрывке, поскольку последние всегда могут быть раскрытываемы как несправедливые, и, следовательно, как инструменты господства. И без некоторого понятия права и легитимности, которое не представляет их просто как инструмент власти, идея сопротивления перестает иметь какое-либо нормативное значение. Возможно, именно осознание того, что генеалогия таким образом утратит свой потенциал ориентировать сопротивление господству, привело Фуко к размышлениям о возможности «новой формы права», которая была бы антидисциплинарной и освобожденной от принципа суверенитета. Но что именно подразумевает антидисциплинарное понятие права, он не уточняет, кроме того, что говорит, что это порвет с юридической концепцией индивидуальных прав. Здесь не было бы проблемы, если бы Фуко был готов отказаться от любой связи между генеалогией и оппозиционной политикой; но это противоречило бы подрывной риторике его собственных работ, и сочувствующие комментаторы обычно видели ценность его работы отчасти в ее подрывных политических последствиях. [14]

Тесная взаимосвязь, которую Фуко утверждает между властью и знанием, создаёт дополнительные проблемы, касающиеся возможности сопротивления. Если дисциплинарная власть является следствием систематических, тотализирующих дискурсов гуманитарных наук, то сопротивление, по-видимому, должно быть локальным и ненаправленным, и любые «эффекты истины», которые оно может породить, будут в лучшем случае эфемерными. Возможно, именно это побудило Фуко связать генеалогический анализ с возрождением «подчинённых

знаний», которые сохраняют память о прошлой социальной борьбе, но дисквалифицируются как неадекватные устоявшимися канонами научной строгости. Генеалогия перерабатывает эти «популярные знания» в историческое знание борьбы, которое можно было бы тактически использовать против тирании организованного научного дискурса и связанных с ним централизирующих сил. [7, с.81–84] С идеей возрождения подавленного знания Фуко, по-видимому, связывает генеалогии с критикой идеологии; Но тогда генеалогия должна была бы претендовать на объективность или истинность, противопоставляя себя устоявшимся дисциплинам, что противоречит его тезису о сущностной взаимосвязи власти и знания. Ведь этот тезис подразумевает, что вне отношений власти нет объективной точки зрения, из которой можно было бы установить истину: дискурсы сами по себе не являются ни истинными, ни ложными, а лишь порождают «эффекты истины». [7, с. 118] Но тогда генеалогия могла бы лишь обосновать контрджаву и стать столь же тоталитарной, как и устоявшиеся науки, если бы она победила. 11, с.12]

Это, наконец, подводит нас к вопросу об объяснительной силе теории дисциплинарной власти Фуко и её эмпирической адекватности для описания современного общества. Его теория современности в терминах «дисциплинарного» или «карцерного» общества основана на утверждении, что дисциплинарные методы распространились за пределы закрытых учреждений, в которых они зародились, и постепенно проникли в современное общество в целом. [6, с. 211–212] Очевидно, неоправданно звучит упрек Фуко, что творение модели дисциплинарной власти с такого учреждения, как тюрьма или приют, на социальный организм в целом весьма проблематично, поскольку дисциплинарные методы, которые Фуко так тщательно описывает, по-видимому, способны эффективно функционировать только в закрытых учреждениях. [4, с.201–202] Осуществление иерархического надзора, нормализующего суждения и систематического исследования требует организационных ресурсов, принудительных мер обеспечения соблюдения поведенческих норм и инструментов сбора и анализа данных, для которых нет очевидных аналогов в случае взаимодействия вне институциональных условий. Это говорит о том, что выбор Фуко тюрьмы в качестве образцового места проявления современной власти мог предвзято отнестись к его анализу современного общества в целом. Но это не так. Далее будет показано, что тюремные технологии контроля в условиях цифровой цивилизации достигли невиданной доселе возможности контроля, распространив свое влияние на все общество.

Так же, очевидно, не оснований для тревожного утверждения о том, что Фуко не удалось установить убедительную связь между тем, что он называл «микрофизикой» власти – стратегической игрой господства и сопротивления, в которой субъекты взаимодействуют друг с другом, – с одной стороны, и глобальными конstellляциями власти, вызванными к жизни образом «дисциплинарного общества» – масштабными институциональными методами надзора и нормализации, основанными на тотализирующих дискурсах гуманитарных наук, – с другой. На самом деле, «микрофизика власти» Мишеля Фуко напрямую соотносится с масштабными институциональными методами надзора и нормализации, представляя их как взаимосвязанные элементы единой системы, где локальные дисциплинарные практики и глобальные дискурсы гуманитарных наук поддерживают и усиливают друг друга. «Микрофизика власти» – основа для масштабных механизмов. «Микрофизика власти» описывает, как власть работает на низовом, повседневном уровне через недискурсивные дисциплинарные практики (например, организация пространства, времени и действий в школах, тюрьмах, больницах). Эти техники создают «покорные тела» и формируют индивидуальное поведение, что является фундаментом для более широких, институциональных структур контроля. Гуманитарные науки предоставляют легитимное знание, которое используется для осуществления власти, а практики власти, в свою очередь, формируют объекты и методы этих наук. На макроуровне эти локальные и дискурсивные механизмы объединяются в «биовласть», которая управляет не отдельными телами, а целыми популяциями (через статистику, политику здравоохранения, социальное регулирование)¹. [1] Таким образом, «микрофизика власти» и масштабные институциональные методы надзора не противоречат друг другу, а представляют собой разные уровни проявления единой, сетевой и продуктивной власти, которая формирует современное общество и его субъектов.

Заключение

1. В логике Фуко политическая история – есть история эволюции телесных технологий, когда преступников перестали уничтожать, но стали перевоспитывать. Так возник новый тип наказания – дисциплинарный.

¹ Примером исследования биовласти через призму идей Фуко является роман Исигуро Кадзуо «Не отпускай меня» (2005 г.)

2. Механизм дисциплинарной власти в концентрированном виде воплощен в идее панптикона, заимствованной Мишелем Фуко у Иеремии Бенета, разработавшего проект идеального режимного учреждения (тюрьмы), управляющего одним невидимым надзирателем, находящимся в башне. Фуко распространил идею паноптикума на все общество, пронизанного вседушими дисциплинарными технологиями, дискурсами, конституирующими нашу деятельность, поведение и общение.

3. Фуко не рассматривает знание как абсолютную данность, а скорее, как динамическую и конструируемую сущность. Знание производится властными структурами, которые, в свою очередь, оправдывают и поддерживают саму властную структуру. Следовательно, изменение властной структуры отражает изменение формы производимого знания и дискурсов.

3. С одной стороны, научно-технический прогресс, искусственный интеллект делает нашу жизнь комфортнее, сокращая пространство и увеличивая скорость повседневной и деловой коммуникации, предоставляя широчайшие возможности решения неотложных проблем. В тоже, чем выше ось технологического развития, тем беззащитнее становится индивид. Власть работает подобно «Оку Саурана»: современные средства контроля за коммуникацией и поведением, делают индивидуума просматриваемым со всех пунктов наблюдения, лишая его приватного пространства и времени. [5]¹ Современная власть использует знание и информацию для создания «дисциплинарных» эффектов в цифровой среде,

4. Современные системы здравоохранения, демографический контроль и даже управление пандемиями являются примерами биовласти, направленной на регулирование жизни населения. Это выводит на первый план управление здоровьем, рождаемостью и смертностью как форму власти.

4. Опираясь на искусственный интеллект, власть утрачивает над ним контроль. Казалось бы, естественный интеллект обладает преимуществом, по крайней мере, в том, что мы можем подшучивать над искусственным интеллектом, а он – увы. А вот когда будет не «увы», то нам ... мало не покажется.

5. Есть основания полагать, именно работы М. Фуко положили начало востребованности в интеллектуальной среде «левой» политической философии. Фуко – ее наиболее яркий представитель постструктуралистского направления в философии, показавший переход регулирования поведением людей от прямого принуждения, к самопринуждению, посредством множественных технологий записи дисциплинарных норм в подсознание индивидуума.

6. Заслуга Фуко обосновании, что дискурс и власть неразделимы, создают реальность и формируют индивидов, а не просто отражают волю неких правителей. Дискурс = Власть + Знание: Дискурс – это не просто слова, а совокупность правил, определяющих, что можно и нельзя говорить, думать и знать в определенный период. Он связан с механизмами власти, которые производят «истины».

7. Наконец, политическая философия Фуко очерчивает путь к формированию социальной справедливости, которая всегда должна подвергаться сомнению само себя, так же как общество может существовать только посредством работы, которую оно совершает над собой и над своими институтами. Анализируя Бодлера, Фуко утверждал, что современный человек должен не открывать себя, а «изобретать» себя, принимая на себя задачу самосозидания. Фукианская идея сопротивления власти трансформируется в XXI веке. Современное сопротивление включает в себя не только прямое противостояние, но и создание альтернативных пространств и сетей, где производятся иные формы знания и власти. [3]

Литература

1. Кадзуо Ишигуро. Не отпускай меня». М.: Эксмо», 2006, 352 с.
2. Кугай А.И. Репрессивные фигуры в медицине / А.И. Кугай. Философия и медицина: вечные темы и современные проблемы. Монография. СПб.: Алетей, 2022. С. 128–137
3. Кугай А.И. Абсурд зла: формы воплощения и позиции видения / А.И. Кугай, Абсурд зла в формате иронии. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр»
4. Donnelly, M. On Foucault's Uses of the Notion "Biopower", in Fran¸ois Ewald (ed.) Michel Foucault Philosopher / New York: Routledge, 1992.
5. Eggers Dave The Circle. N.Y.: Alfred A. Knopf 2013, 504 p.

¹ Ярким примером исследования тотального цифрового надзора и прозрачности является роман Дейва Эггера «Сфера» (2013 г.) Он демонстрирует паноптическую власть в действии, где сотрудники технологической компании добровольно подвергают себя и свою жизнь постоянному наблюдению, веря, что «прозрачность – это благо».

6. Foucault M. Discipline and Punish. New York: Vintage Books, 1979, 353 p.
7. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Pantheon Books, New York, 1980, 288 p.
8. Foucault, M. 'Nietzsche, Genealogy, History', in Language, Counter Memory, Practice (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1977, 240 p.
9. Foucault M. The History of Sexuality, Vol. I. New York: Vintage, 1990. 168 p.
10. Foucault, M. The Subject and Power. Published by: The University of Chicago Press Vol. 8, No. 4. 1982, Pp. 777–795
11. Habermas, J. The Philosophical Discourse of Modernity Frederick G. Lawrence. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 450 p.
12. Honneth, A. The Critique of Power. Cambridge, MA: MIT Press, 1991, 374 p.
13. Taylor, Ch, 'Foucault on Freedom and Truth', in David Couzens Hoy (ed.) Foucault: A Critical Reader. Oxford: Blackwell, 1986, 246 p.
14. William E. Connolly, Taylor, Foucault, and Otherness. Political Theory. Published By: Sage Publications, Inc Vol. 13, No. 3. 1985., Pp. 365–376.

MICHEL Foucault's POLITICAL ANTHROPOLOGY OF POWER AND THE REALITIES OF THE 21ST CENTURY

Kugai A.I.

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The aim – is to examine the political philosophy of M. Foucault as a conceptual basis for the analysis of the functioning of power in modern society. Objectives: 1. To examine the essence of M. Foucault's genealogical theory of power. 2. To reveal the fundamental mechanisms of the "disciplinary society." 3. To demonstrate the forms of manifestation of dispositive technologies of power in modern society. 4. To determine the path to preserving private space and time in the context of ubiquitous technologies of control over activity, socializing, and communication. Methodology. Methods of cultural, systemic, structural-functional, comparative, and typological analysis. Results: 1. Michel Foucault's "micro-physics of power" directly relates to large-scale institutional methods of surveillance and normalization, presenting them as interconnected elements of a single system in which local disciplinary practices and global discourses of the humanities support and reinforce each other. 2. The humanities provide legitimate knowledge that is used to exercise power, and the practices of power, in turn, shape the objects and methods of these sciences. 3. At the macro level, these local and discursive mechanisms are united into "biopower," which governs not individual bodies but entire populations (through statistics, health policy, and social regulation). Conclusions. 1. The "microphysics of power" and large-scale institutional methods of surveillance are not contradictory, but rather represent different levels of manifestation of a unified, networked, and productive power that shapes modern society and its subjects. 2. Foucault's political philosophy charts the path to the formation of social justice, which must always question itself, just as society can only exist through the work it performs on itself and its institutions. 3. Modern man must not discover himself, but "invent" himself, taking on the task of self-creation. 4. Foucauldian resistance to power is being transformed in the 21st century. Contemporary resistance includes not only direct confrontation but also the creation of alternative spaces and networks where other forms of knowledge and power are produced.

Keywords: Michel Foucault, discourse, genealogy of power, disciplinary power, biopower, dispositif of power, modernity.

References

1. Kazuo Ishiguro. Never Let Me Go. Moscow: Eksmo, 2006, 352 p.
2. Kugai, A.I. Repressive Figures in Medicine / A.I. Kugai. Philosophy and Medicine: Eternal Themes and Contemporary Problems. Monograph. St. Petersburg: Alety, 2022. Pp. 128–137
3. Kugai, A.I. The Absurd of Evil: Forms of Embodiment and Positions of Vision / A.I. Kugai, The Absurd of Evil in the Format of Irony. Kharkov: Humanitarian Center Publishing House
4. Donnelly, M. On Foucault's Uses of the Notion "Biopower", in Fran¸ois Ewald (ed.) Michel Foucault Philosopher / New York: Routledge, 1992.
5. Eggers, Dave The Circle. N.Y.: Alfred A. Knopf 2013, 504 p.
6. Foucault M. Discipline and Punish. New York: Vintage Books, 1979, 353 p.
7. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Pantheon Books, New York, 1980, 288 p.
8. Foucault, M. 'Nietzsche, Genealogy, History', in Language, Counter Memory, Practice (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1977, 240 p.
9. Foucault M. The History of Sexuality, Vol. I. New York: Vintage, 1990. 168 p.
10. Foucault, M. The Subject and Power. Published by: The University of Chicago Press Vol. 8, No. 4. 1982, Pp. 777–795
11. Habermas, J. The Philosophical Discourse of Modernity Frederick G. Lawrence. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 450 p.
12. Honneth, A. The Critique of Power. Cambridge, MA: MIT Press, 1991, 374 p.
13. Taylor, Ch, 'Foucault on Freedom and Truth', in David Couzens Hoy (ed.) Foucault: A Critical Reader. Oxford: Blackwell, 1986, 246 p.
14. William E. Connolly, Taylor, Foucault, and Otherness. Political Theory. Published By: Sage Publications, Inc Vol. 13, No. 3. 1985., Pp. 365–376.

Монахов Евгений Игоревич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: monahov-jon@mail.ru

Цель исследования. В статье описывается политическая среда, в которой ведет деятельность предприниматель на Дальнем Востоке, и определяются форматы взаимодействия в модели «бизнес-власть». Специфика ведения предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке определяется не только гетерогенностью региона, но и повышенным вниманием как со стороны федерального центра, так и региональных властей к задаче по обеспечению опережающего социально-экономического развития макрорегиона. Инвесторы заинтересованы в выстраивании конструктивного диалога с властью в целях защиты и поощрения капиталовложений, минимизации регуляторных издержек, получении прибыли. Государство, в свою очередь, использует бизнес как источник налогов, инвестиций, обеспечивая реализацию задач по социально-экономическому развитию территорий. Рост количества предпринимателей, в том числе иностранных, обуславливает формирование устойчивых практик и каналов взаимодействия, их институционализацию. **Выводы.** В результате исследования объясняется место бизнеса в политической среде на Дальнем Востоке, которое определяется его ключевой ролью в реализации государственных приоритетов по развитию региона, обеспечению сырьевой базы и привлечению инвестиций. При этом специфика отношений властей с российским бизнесом и с иностранными инвесторами, в частности, китайскими, разнится.

Ключевые слова: Дальний Восток, политическая коммуникация, социально-экономическое развитие, политическая среда, власть, предпринимательство.

Введение

Российский Дальний Восток представляет собой макрорегион, занимающий более одной трети территории Российской Федерации и насчитывающий около 7,9 миллионов¹ человек населения. Регион обладает значительным потенциалом природно-ресурсного комплекса, а также стратегически выгодным географическим положением, обеспечивающим прямой выход к государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Указанные факторы предопределяют его особое место в системе национального хозяйства и пространственного развития России.

В последние годы наблюдается возрастающий интерес отечественного и зарубежного научного сообщества к проблематике социально-экономического развития Дальнего Востока. Данный интерес обусловлен необходимостью поиска эффективных механизмов стимулирования регионального роста, преодоления диспропорций в пространственном развитии и интеграции региона в экономические процессы АТР. При этом исследования носят междисциплинарный характер (экономика, политология, государственное управление).

В рамках государственной политики развития Дальнего Востока особое внимание уделяется территориям, на которых действует специальный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности – так называемые преференциальные режимы. К их числу относятся территории опережающего социально-экономического развития (ТОР, ТОСЭР), особые экономические зоны, а также режим свободного порта Владивосток. Создание и функционирование таких территорий направлено на формирование благоприятных институциональных условий для ведения бизнеса, привлечения инвестиций, развитие инфраструктуры и стимулирование внешнеэкономического сотрудничества.

Актуализация данной повестки имеет место в связи с активизацией дальневосточного направления в российской политике и разворотом «на Восток». Произошла переоценка стратегических направлений российской политики, Президентом страны В.В. Путиным развитие Дальнего Востока объявлено приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации на весь XXI век².

Развитие Дальнего Востока требует огромных финансовых затрат. Государство не в состоянии в одиночку справиться с ними, поэтому одним из источников финансового ресурса действующая власть рассматривает частный капитал. Рост количества предпринимателей, в том числе иностранных, подталкивает власть к формированию устойчивых практик и каналов взаимодействия.

Таким образом, цель данной работы определить политическую среду, в которую попадает бизнес, ведущий деятельность на перспективном дальневосточном форпосте, а также форматы взаимодействия дальневосточных властей и местных предпринимателей.

Политическая среда бизнеса

Одним из ключевых свойств предпринимательской деятельности выступает её зависимость от факторов внешней среды. В исследовательской литературе под внешней средой организации, как правило, понимается совокупность экзогенных условий и факторов, оказывающих влияние на её функционирования [6]. Внешняя среда характеризуется высокой степенью изменчивости и неопределенности, что обуславливает необходимость постоянной адаптации предприятий к трансформирующимся условиям. Взаимодействие организации с внешней средой носит системный характер.

По структурному составу внешняя среда представляет собой сложную, многоуровневую, неоднородную систему, включающую широкий спектр факторов, оказывающих как прямое, так и косвенное воздействие на результаты хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства.

Факторы внешней среды прямого воздействия оказывают непосредственное влияние на деятельность конкретной организации,

¹ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа // Восточный центр государственного планирования URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest_demography_2024.pdf (дата обращения: 23.10.2025)

² Президент РФ В.В. Путин: подъем Сибири и Дальнего Востока – национальный приоритет на весь XXI век // ТАСС URL: <https://tass.ru/politika/828512> (дата обращения: 22.10.2025).

но также испытывают влияние самой организации напрямую [4]. К их числу, наряду с органами госрегулирования и контроля, традиционно относят конкурентов, поставщиков и иных участников рыночных отношений. В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется влиянию государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность. К элементам политико-правовой составляющей внешней среды прямого воздействия также относят законодательство, формирующее правовые рамки деятельности бизнеса.

Факторы среды косвенного воздействия оказывают опосредованное влияние на организацию, формируют фон её деятельности. Особое значение в этом контексте приобретает характер взаимоотношений между представителями бизнеса и государственной власти. Политические настроения способны оказывать существенное воздействие на распределение мер государственной поддержки, включая налоговые преференции и иные формы стимулирования предпринимательской активности [4].

Для привлечения инвесторов во всех регионах Дальнего Востока, за исключением Магаданской области, государством созданы территории с особым правовым режимом осуществления предпринимательской деятельности, льготы и бенефиции в котором во многом унифицированы – территории опережающего социально-экономического развития. Это один из ключевых инструментов государственной политики по привлечению капитала и стимулированию деловой активности на Дальнем Востоке.

Для резидентов ТОСЭР предусмотрен ряд существенных преимуществ. В первую очередь, это налоговые льготы: снижение ставки по налогу на прибыль в первые 5 лет, освобождение от налога на имущество и земельного налога в первые годы деятельности, а также пониженные ставки страховых взносов. Кроме того, режим «одного окна» для инвестора минимизирует административные барьеры. Инвесторы получают сопровождение проектов на всех этапах – от регистрации до эксплуатации. Важным элементом является упрощенный доступ к инфраструктуре. Инженерные сети, транспортные коммуникации и энергетические мощности создаются за государственный счет или при его участии.

Отдельного внимания заслуживает применение процедуры свободной таможенной зоны, действующей в пределах ТОСЭР. Этот режим позволяет завести на территорию оборудование, комплектующие, материалы без уплаты ввозных таможенных пошлин при условии их использования внутри зоны. Если же продукция вывозится на остальную территорию Российской Федерации, то пошлины и налоги уплачиваются только на импортные компоненты, фактически включенные в готовый товар. Система способствует снижению себестоимости продукции и повышению конкурентоспособности предприятий.

Территории опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке представляют собой инструмент регионального развития с одной стороны, и комплексный механизм стимулирования инвестиций с другой. Государство при этом выступает партнёром и гарантом стабильных условий ведения бизнеса.

Особенности политического окружения примерно одинаковы как для представителей российского бизнеса, так и для иностранных представителей. «Властная «подкормка» [1, с. 46], как выразилась С.Ю. Барсукова, необходимый элемент для функционирования бизнеса в российской действительности.

О.Г. Иванченко с соавторами подчеркивают, что одним из главных вызовов для иностранных инвесторов на Дальнем Востоке является недостаточная осведомленность о национальном законодательстве Российской Федерации. Ситуацию усугубляет его изменчивость [5]. Схожие выводы представлены в исследовании Т.Г. Тереньевой, в котором автор приводит список факторов, оказывающих, по мнению китайских предпринимателей, негативное влияние на развитие бизнеса на Дальнем Востоке. Среди наиболее существенных барьеров – непредсказуемость законодательных изменений, а также необходимость поддержания неформальных контрактов с региональными властями [8]. Эти обстоятельства формируют институциональную неопределенность и повышают транзакционные издержки для инвесторов.

Значимую роль в формировании эффективных каналов взаимодействия между государственными структурами и деловым сообществом играют площадки открытого диалога: Деловой Совет Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики, Российско-китайский форум по торгово-экономическому сотрудничеству. А также такие институты как торгово-промышленные палаты субъектов Федерации, инвестиционные агентства и корпорации развития. Обозначенные площадки позволяют выстроить диалог между предпринимателями и государственными органами, способствуют согласованию позиций сторон, выработке комплексных решений по ключевым вопросам.

Исторически сложившиеся торгово-экономические связи между регионами Дальневосточного федерального округа и приграничными провинциями Китая предопределили доминирующее положение КНР в структуре внешнеэкономических партнеров региона. Данное обстоятельство способствует заметному присутствию китайского капитала в экономике приграничных российских регионов. Наибольшая концентрация китайского бизнеса наблюдается в сферах с относительно низкой добавленной стоимостью: сельское и лесное хозяйство, мелкооптовая (челночная) торговля, сфера услуг. При этом их представленность в отраслях, связанных с добычей полезных ископаемых, освоением морских биоресурсов, сильно ниже. Подобная структура распределения во многом обусловлена государственной политикой Российской Федерации в отношении иностранных инвесторов, предусматривающей необходимость привлечения зарубежного капитала для стимулирования опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока при одновременном ограничении его присутствия в стратегических сферах экономики.

Следует обозначить, что в системе взаимодействия власти и предпринимателей на Дальнем Востоке прослеживаются явные региональные различия, обусловленные спецификой социально-экономического положения отдельных субъектов и особенностями их инвестиционного потенциала.

Для Приморского края характерна ориентация на привлечение крупных зарубежных стратегических инвесторов, обладающих высоким технологическим и финансовым потенциалом. В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Приморского края, приоритетное внимание уделяется компаниям из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, способным внедрять инновационные технологии и способствовать диверсификации региональной экономики. В то же время участники рынка, деятельность которых не соответствует обозначенным приоритетам, вынуждены искать формы институционального представительства – вступать в ассоциации, бизнес-объединения и союзы, обеспечивающие им возможность ведения конструктивного диалога с региональными органами власти и защиты корпоративных интересов.

В Хабаровском крае преобладает несколько иная модель взаимодействия власти и бизнеса. Здесь ключевым инструментом стимулирования инвестиционной активности выступает механизм государственно-частного партнёрства (ГЧП), рассматриваемый региональными властями как способ снижения нагрузки на частный сектор в части расходов на развитие инфраструктуры. Подобная модель взаимодействия позволяет более равномерно распределять риски между государством и бизнесом, что особенно важно при реализации масштабных инвестиционных проектов. Кроме того, использование механизма ГЧП способствует решению задач структурной модернизации региональной экономики и формированию новой модели экономического роста.

Таким образом, подводя промежуточный итог, существует определенная специфическая конъюнктура, в которую попадают представители бизнеса при организации коммерческой деятельности на Дальнем Востоке. Также можно заключить, что выбор стратегии взаимодействия власти и бизнеса в регионах Дальнего Востока во многом определяется отраслевой специализацией территории, уровнем её социально-экономического развития, степенью инфраструктурной обеспеченности и наличием инвестиционно привлекательных ниш. Эти факторы в совокупности формируют региональные вариации экономической политики, отражающие адаптацию субъектов к специфике собственного развития и стратегическим целям государственной политики на Дальнем Востоке.

Место бизнеса в политической среде Дальнего Востока

Бизнес, в свою очередь, также принимает активное участие в формировании характеристик политической среды. От его стратегии поведения с органами государственной власти зависит характер их ответных действий, это определяет уровень лояльности и доверия.

Особый принцип осуществления власти в регионах России отмечен во «Власть, Бизнес, Общество в регионах: неправильный треугольник» (под редакцией А. Титкова и Н. Петрова). При рассмотрении специфики взаимоотношений властей субъектов федерации и бизнеса авторы делают вывод о том, что модель «бизнес как власть» сменялась моделью «власть как бизнес». Для стабильного функционирования бизнес нуждается в работающей модели отношений с местными властями, при этом прослеживается зависимость бизнеса от власти [2].

Согласно рационально-инструментальному подходу, бизнес и власть взаимодействуют как рациональные акторы, преследующие собственные интересы. Бизнес стремится минимизировать регулятор-

ные издержки, получить доступ к госзаказу, повлиять на законодательство. Государство, в свою очередь, использует бизнес как источник налогов, инвестиций, инноваций.

Рассмотрим в качестве примера сельскохозяйственную отрасль. Эта сфера хозяйственной деятельности требует значительных земельных ресурсов, которые, как правило, расположены на удалении от городов. При этом Дальний Восток отличается высоким уровнем урбанизации (76%)¹, что ведет к постепенному сокращению сельского населения. В подобных условиях на территорию «исчезающих» сёл приходят предприятия, располагающие значительными экономическими ресурсами. Они выступают фактически в роли градообразующего предприятия, интегрируясь в местные хозяйственные системы и формируя новые центры экономической активности [3]. В целях привлечения необходимой рабочей силы такие компании берут на себя расходы по реконструкции и модернизации инфраструктуры прилегающих территорий, что способствует возвращению местных жителей или привлечению трудовых мигрантов. Ярким примером реализации подобного проекта стала деревня Димитрово в Еврейской автономной области, которая была восстановлена китайской компанией, получившей земли для производства сои. В результате её деятельности, поселение вновь стало жизнеспособным.

Получается, что вход на рынок сопровождается добровольным взятием на себя государственных обязательств: ремонт дорог, восстановление ночного освещения и т.д. – необходимых как для самого предприятия, так и для сопредельного населенного пункта. Данные случаи обычно придают огласке в СМИ, что повышает авторитет предпринимателей. Подобные действия аккумулируют кредит доверия, создают положительный имидж. По схожему сценарию иностранные компании получают доступ к эксплуатации природных ресурсов или транспортно-логистической инфраструктуры. Доступ к объекту предоставляется в обмен на обязательства по обеспечению сопутствующей инфраструктурой.

Отличительной чертой Дальнего Востока является не только его размер, но и многомерность. Помимо южных приграничных регионов, в него также входят районы крайнего севера и Арктики, где действуют свои «законы». В связи с этим трансформируется и роль бизнеса в общей политической и социально-экономической структуре. А.Г. Тутыгин с соавторами отмечает, что малый и средний бизнес в Арктике реализуют социальное предназначение, а именно выполняют роль «социального буфера» [9, с. 37]. Неоценимая социальная роль арктического предпринимательства выражается в следующих видах деятельности:

- доставка товаров и услуг первой необходимости в труднодоступные районы без регулярного сообщения с «большой землей», транспортные услуги (включая обустройство и поддержание зимников, организацию постоянного межпоселенческого грузопассажирского сообщения);
- коммерческие учреждения социальной сферы (детские сады, реабилитационные центры, культурно-досуговые комплексы, медицинские центры и т.д.);
- деятельность в области жилищно-коммунального хозяйства и услуг связи [7].

А.Н. Чепаргина и Е.Е. Емельянова выявили интересную взаимосвязь между количеством и темпами роста малого предпринимательства и уровнем развития социальной и транспортной инфраструктуры. Активное присутствие малого бизнеса в экономике арктических регионов положительно влияет на инвестиционную деятельность региона [10].

Таким образом, арктическое предпринимательство берет на себя функции обслуживания населения, социальной защиты, государственных услуг, которые в «нормальных» условиях выполняют государственные, бюджетные организации. В России данное утверждение нашло подтверждение после распада СССР и перехода к рыночной экономике и частному капиталу. За последние 30 лет в экономике российской Арктики отмечают преимущественное развитие малого и среднего бизнеса в рамках публичного сектора социальных услуг [11].

В связи с тем, что политический процесс в России в значительной степени закрыт, группы интересов играют значимую роль. Высокий уровень недоверия между властью и бизнесом, порожденный низкой предсказуемостью политико-экономических условий ведения предпринимательской деятельности, ведёт к активизации неформальных практик взаимодействия, например, в режиме консультаций. Естественно, такое положение дел ограничивает активность бизнес-сообщества по реализации собственных социально-политических инициатив [3].

¹ Дальний Восток России // География URL: <https://geographyofrus-sia.com/dalnij-vostok-2/> (дата обращения: 23.10.2025).

Что касается общественных формирований, которые играют важную роль в процессе представительства и защиты интересов предпринимательского сообщества, то данный формат взаимодействия подходит не всем. В частности, когда речь идет о представителях китайского бизнеса. Попытка организовать не увенчалась успехом в начале 2000-х. Были учреждены Ассоциация предпринимателей Приморья и Союз российско-китайских предпринимателей Приморья, деятельность которых пользовалась поддержкой дальневосточной китайской диаспоры. Однако эти структуры не смогли обеспечить консолидацию представителей китайского бизнеса даже в пределах одного региона, и менее чем через десять лет перестали существовать [3]. Аналогичная ситуация имела место в Амурской области, где китайские общественные объединения не достигли устойчивого эффекта.

Объясняется это тем, что китайский бизнес не стремится выступать с консолидированной позицией в публичном пространстве на Дальнем Востоке. Жизнь китайского предпринимателя больше связана с Китаем, чем с Россией. В Китае созданы альтернативы российским общественным организациям. Например, «Хэйлунцзянская ассоциация сельскохозяйственных предприятий в России». Она управляется местной бюрократией, которая курирует вопросы внешнеэкономических связей. Её целью является лоббирование интересов участников в госструктурах, или как написано в уставе «внесение предложения по разработке законодательных актов, выработке мер поддержки и программ развития совместной деятельности в сельском хозяйстве России» [3].

Окном возможностей для бизнеса в контексте входа в политическое поле остаются региональные законодательные органы, состав которых федеральному центру не удаётся контролировать полностью. Представительство в легислатуре позволяет значительно сократить путь до лиц, принимающих решения, а также обеспечить представительство интересов бизнеса в непосредственном диалоге с властью.

Выводы

Анализ особенностей взаимодействия бизнеса и власти на Дальнем Востоке Российской Федерации показывает, что данный процесс характеризуется высокой степенью региональной дифференциации и зависит от множества факторов, включая экономическую специализацию территорий, уровень инфраструктурной обеспеченности, социально-демографические условия.

Особое внимание уделено политическим и экономическим механизмам, направленным на привлечение инвестиций, прежде всего китайского капитала. Создание преференциальных режимов, таких как территории опережающего развития и свободный порт Владивосток, позволяет формировать благоприятный инвестиционный климат, снижать фискальную нагрузку и обеспечивать адресное сопровождение проектов через специализированные институты.

Особое значение имеет политическая интеграция инвесторов на локальном уровне. Вместе с тем консолидация бизнеса в публичном пространстве России затруднена.

Заключение

Таким образом, взаимодействие бизнеса и власти на Дальнем Востоке носит многоуровневый и институционально дифференцированный характер, в котором сочетаются механизмы государственного стимулирования, региональные особенности социально-экономического развития и специфика иностранного инвестирования. Эффективность такого взаимодействия определяется способностью государственных структур создавать условия для долгосрочного и устойчивого экономического роста, одновременно учитывая интересы местных сообществ и стратегические приоритеты развития региона.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // JIS. 2011. № 3. С. 40–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevye-pravila-vzaimootnosheniy-politikov-i-predprinimateliev> (дата обращения: 24.10.2025). EDN: OFSGTR
2. Власть, Бизнес, Общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Титкова А., Петрова Н.М.: РОССПЭН, 2010. 439 с.
3. Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сёл Приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 120–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-kapital-kak-faktor-etnizatsii-gorodov-i-syol-primorskogo-kraia> (дата обращения: 23.10.2025). EDN: UZAPOF
4. Иванова И.А. Сергеев А.М. Менеджмент: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 2-е Изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. 327 с. (Профессиональное образование). URL: <https://urait.ru/bcode/561942> (дата обращения: 22.10.2025).

5. Иванченко О.Г., Кухта К.Т. и Зубарева Е.А. Режимы и механизмы расширения Российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке. Инвестиционные возможности двух стран // Вестник ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 203–214. EDN: YPJGPI

6. Литвак Б.Г. Стратегический менеджмент: учебник для бакалавров / Б.Г. Литвак. М.: Издательство Юрайт, 2022. 507 с. (Бакалавр. Академический курс). URL: <https://urait.ru/bcode/508941> (дата обращения: 24.10.2025).

7. Пилисов А.Н., Замятин Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016 № 4(24). С. 4–15. EDN: ZDBSWZ

8. Терентьева Т.Г. Состояние и особенности китайских инвестиций в России. Россия в инвестиционном потоке Китая: Дальневосточный вектор // Вестник ТОГУ. 2017. № 4(47). С. 284–299. EDN: LEPXLA

9. Тутыгин А.Г., Чижова Л.А., Регета А.И. Малый бизнес в Арктике: предпосылки для смены парадигмы управления // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37.

10. Чапаргина А.Н., Емельянова Е.Е. Малое и среднее предпринимательство как фактор развития инвестиционной деятельности в регионах Арктики РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. № 6. С. 204–225. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-kak-faktor-razvitiya-investitsionnoy-deyatelnosti-v-regionah-arktiki-rf> (дата обращения: 23.10.2025)

11. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / под научной редакцией В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 245 с.

BUSINESS AND GOVERNMENT IN THE FAR EAST: PARAMETERS OF INTERACTION

Monakhov E.I.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the research. This article attempts to describe the political environment in which an entrepreneur operates in the Far East and also to identify the formats of interaction in the "business-government" model. The specifics of doing business in the Far East are determined not only by heterogeneity of the region, but also by the increased attention both from the federal center and the regional authorities to the task of ensuring the advanced socio-economic development of the macroregion. Investors are interested in building a constructive dialogue with the authorities in order to protect and encourage investments, minimize regulatory costs, and make a profit. The state in turn uses business as a source of taxes and investments, ensuring the implementation of the task set by the

federal government authorities. The growing number of entrepreneurs including foreign ones is pushing the authorities to form sustainable practices and channels of communication. *Results.* The study explains the place of business in the political environment in the Far East, which is determined by its key role in implementing government priorities for the development of the region, providing a resource base and attracting investment. At the same time, the specifics of the authorities' relations with Russian businesses and with foreign investors in particular Chinese ones, vary.

Keywords: Far East, political communication, socio-economic development, political environment, power, business.

References

1. Barsukova S. Yu. Shadow rules of relations between politicians and entrepreneurs // JIS. 2011. № 3. Pp. 40–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevye-pravila-vzaimootnosheniy-politikov-i-predprinimateley> (date of access: 24.10.2025). EDN: OFSG-TR

2. Irregular triangle: State-Business-Society Relations / Edited by Titkova A., Petrova N.M.: ROSSPEN, 2010. 439 p.

3. Ivanov S.A. Chinese capital as a factor of ethnization of urban and rural areas of Primorsky kraj. Tomsk State University Journal. History. 2015. № 5 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-kapital-kak-faktor-etnizatsii-gorodov-i-syol-primorskogo-kрая> (date of access: 23.10.2025). EDN: UZAPOF

4. Ivanova I.A. Sergeyev A.M. Management: a textbook and a practical course for secondary vocational education. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 327 p. (Vocational education). URL: <https://urait.ru/bcode/561942> (date of access: 22.10.2025).

5. Ivanchenko O. G., Kukhta K.T., Zubareva E.A. Modes and Mechanisms of Expansion of Russian-Chinese Cooperation in the Far East. Investment Opportunities for Two Countries // Pacific National University Journal. 2017. № 4(47). Pp. 203–214. EDN: YPJGPI

6. Litvak B.G. Strategic management: a textbook for bachelors. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 507 p. (Bachelor's degree. Academic course). ISBN 978-5-9916-2929-4. URL: <https://urait.ru/bcode/508941> (date of access: 24.10.2025).

7. Pilyasov A.N., Zamyatina N. Yu. Arctic entrepreneurship: conditions and opportunities for development // Arctic: Ecology and Economics. 2016. № 4(24). Pp. 4–15. EDN: ZDBSWZ

8. Terentyeva T.G. The state and features of Chinese investments in Russia. Russia in the investment flow of China: the Far Eastern vector // Pacific National University Journal. 2017. № 4(47). Pp. 284–299. EDN: LEPXLA

9. Tutugin A.G., Chizhova L.A., Regeta A.I. Small Business in the Arctic: Background for Changing the Management Paradigm // Arctic and North. 2020. No 39. Pp. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37.

10. Chapargina A.N., Yemelyanova E.E. Small and medium enterprises as a factor of investment activity development in the Russian Arctic region // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2022. № 6. Pp. 204–225. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-kak-faktor-razvitiya-investitsionnoy-deyatelnosti-v-regionah-arktiki-rf> (date of access: 23.10.2025)

11. Economics of the modern Arctic: effective interaction and integrated risk management are at the heart of success: a monograph / edited by V.A. Kryukov, T.P. Skufina, E.A. Korchak. Apatity: FRC KSC RAS, 2020. 245 p.

Ночвина Белла Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bella.nochtvina@mail.ru

Старикова Нина Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
E-mail: ninast78@yandex.ru

Исследование посвящено актуальной проблеме выявлению причин трансформации миграционной политики РФ. Тенденции экономического, демографического развития современной России требуют устойчивого и практически реализуемого управления миграционными процессами. Постоянная внутренняя миграция обеспечивала хозяйственное освоение огромных территорий и стала одной из особенностей развития России как «государства-цивилизации». Исторический опыт становления политико-правовой системы постсоветских государств убедительно доказывает опасность усиления национализма и предубеждения к проявлению другой этнической культуры в многонациональном и поликонфессиональном обществе.

Показано, что в условиях кризиса современной системы международных отношений эффективность государственной модели миграционной политики зависит от степени быстрого реагирования как на внутренние, так и на внешние вызовы национальной безопасности. В статье проанализированы основные этапы формирования российской миграционной политики. Выявлены ключевые факторы, влияющие на трансформацию миграционного законодательства РФ: демографические изменения российского общества, геополитические вызовы глобализации, необходимость обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: миграционная политика, «государство-цивилизация», «русский мир», адаптация, интеграция, постсоветское пространство.

Введение

Современный мир характеризуется качественными изменениями в отношении транснационального и национального, в связи с чем, одним из главных вызовов в эпоху глобализации для национального государства становится миграционный вопрос. От степени эффективности миграционной политики зависит не только национальная безопасность, конкурентоспособность модели экономики, но и внутривнутриполитическая стабильность государства, его социально-культурное единение. Усиление миграционных потоков меняет этноконфессиональный, демографический состав современных развитых стран, что чаще всего приводит к росту социальной напряженности внутри общества.

В свете вышеизложенного, становится очевидным, что миграционная политика является инструментарием как внешней, так и внутренней стратегии национального государства, важность которого определяет противоречие целей реализации миграционного законодательства: сочетание интеграции и селекции, ассимиляции и сохранения национальной идентичности, обеспечение социальных гарантий при общем закономерном сокращении рынка труда. При этом следует учесть, что по мере возрастания наукоемких технологических требований к экономическим моделям современных мировых акторов, происходит ужесточение законодательства по отношению к большинству категорий мигрантов. Еще одним важным фактором развития национальных государств становится взаимозависимость решения миграционного вопроса и способности реализации национальной политики государства.

В современном мире национальный состав большинства стран является гетерогенным, «государство-нация» во многом противопоставляет себя категории этнической идентичности, стремясь максимально уменьшить ее влияние в политико-правовой системе. Возникшая как ответ на миграционные вызовы современности концепция мультикультурализма [3], целью которой провозглашалось равноправие и разнообразие национальных культур, сохранение национальной идентичности мигрантов, в реальности стремилась фиксировать принцип сегрегации в отношении мигрантов, выходцев из стран Азии и Африки. Дихотомия «коренного населения» и «аллохтонов» лишь ужесточается в связи с необратимыми изменениями этнополитических процессов современных развитых государств. Растет доля населения «с мигрантским прошлым», изменение этнической структуры ведет к изменению электоральных предпочтений, а значит возрастает опасность коренного изменения модели национальной политики государства.

Стремительные геополитические изменения последних лет: ослабление политических систем стран Ближнего Востока и Центральной Азии, расширение влияния международного терроризма, религиозного экстремизма, увеличение потоков нелегальной миграции, турбулентность мировой политики в целом, заставляют суверенные государства очень быстро реагировать на данные вызовы национальной безопасности, за частую в условиях отсутствия четкого стратегического планирования миграционной политики.

В истории создания современной российской модели миграционной политики можно отметить два важных этапа. Исследователь В.А. Волох выделяет следующие периоды в развитии миграционной политики современной России. По его мнению, в 1990-е годы основное внимание государства «было сконцентрировано на проблемах вынужденной миграции» [1], в это время происходит институализация миграционного законодательства и разработка концептуальных основ Федеральной миграционной программы. Следующий период соответствует смещению фокуса государственной политики в отношении миграции от международного сотрудничества и ужесточения контроля над нелегальной миграцией в сторону «поиска оптимальных моделей селективного восполнения трудовых ресурсов, цивилизованного взаимодействия с иносетническими мигрантами на всех этапах миграционного процесса» [1].

Особенностью России является формирование ее, в отличие от европейских «государств-наций», как «государства-цивилизации». Это отличие России в контексте выработки эффективного миграционного законодательства создает потенциальные положительные и негативные условия для его реализации. Гетерогенность этноконфессионального состава России имеет эволюционную форму, что усиливает ее

жизнеспособность. Однако требует более взвешенного и продуманного подхода в выработке стратегии национальной политики, целью которой является сохранение «русского мира» как этнической и гражданской идентичности многонационального населения Российской Федерации.

В октябре 2025 президентом В.В. Путиным была утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы», которая значительно изменит традиционный вектор миграционной политики России. Помимо увеличения «цифрового контроля», создания в ряде регионов центров социальной и культурной адаптации мигрантов в дополнении к существующим Федеральному закону 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [17] и Федеральному закону 2024 г. «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в РФ» [18], предлагается сделать акцент на качественной интеграции мигрантов в российское общество. В частности, новая миграционная Концепция указывает на «содействие адаптации иностранных граждан, способствующее успешному освоению ими русского языка, усвоению общепризнанных в российском обществе норм поведения, формированию у них присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры, приобщению их к традиционным российским духовно-нравственным ценностям» [14], а также «принятие органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц, приобретших гражданство Российской Федерации» [14].

Этническая геттоизация является общей проблемой всех стран принимающих мигрантов. Этнические «параллельные общества», как называют мигрантские гетто ряд западных политиков, в странах-реципиентах позволяют выходцу из Ближнего Востока, Северной Африки сохранить чувство родины в чужой стране, не утратить ценностные ориентиры своей национальной культуры. Вместе с тем по мнению аналитиков «замкнутые анклавы превращаются в своего рода государства в государстве, где обитатели игнорируют законы страны-реципиента, что является причиной для недовольства коренного населения и его планомерного оттока. Разрастание анклавов выступает в качестве угрозы для безопасности страны-реципиента» [9].

В российском законодательстве отсутствует понятие «диаспора», используется термин «национально-культурная автономия» или «землячество». Крупнейшими НКА на территории РФ являются Союз армян России и Федеральная национально-культурная автономия азербайджанцев. Так, например, число азербайджанцев в России по данным переписи 2021 составляет более, чем 474 тыс. человек [2], однако с учетом трудовой миграции, их может быть около 1, 2 млн человек. Наибольшее число азербайджанцев проживает в столичных мегаполисах, на юге России, Западной Сибири. По численности азербайджанская диаспора уступает только армянской. По данным Росстата большинство трудовых мигрантов прибывает в Россию из стран Центральной Азии: Узбекистан, Таджикистан, Киргизия [11]. Для многих субъектов Российской Федерации высокий приток мигрантов становится не только социально-экономической проблемой, выражающейся в ограничении региональных квот на «временное проживание» для иностранцев и получении ими «трудового сертификата» [10]; но и существенно обостряет криминальную обстановку в регионе. Например, в Челябинске, Ханты-Мансийском автономном округе, Якутии, Краснодарском крае, Московской области и др.

Причины роста преступлений совершенными мигрантами в России имеют также свой объективный и субъективный характер. В Россию, как и в другие страны с успешной экономикой, стабильной социально-политической обстановкой, наличием функционального социального законодательства, едет население из регионов с сильной социально-экономической поляризацией, деградацией всех инструментов социальной демократии, с низким уровнем трудовой квалификации и образования. Для этой части мигрантов страна-реципиент – это только возможность улучшения своего материального благополучия, даже без какой-либо перспективы реализации «социального лифта», тем более построения успешной политической карьеры или стремления максимального интегрирования в социокультурную среду, принимающей страны. Как следствие происходит этническая геттоизация мигрантов.

Субъективный характер криминализации мигрантов в РФ проявляется в негативном историко-культурном наследии распада Советского Союза. Страны СНГ строили свою национальную идентичность и суверенную политическую систему в большинстве своем на идеологии русофобии; агрессивность населения государств Центральной Азии

постсоветского пространства по отношению к русским формировалась национальной системой образования этих стран.

Например, в школьных учебниках по истории Казахстана вхождение территории казахских жузов в состав Российской империи обозначено главой «Колонизация и национально-освободительная борьба». Советский совместный период изучается как период геноцида казахского народа, период безвременья, когда «на грани уничтожения оказались духовные ценности, традиции казахского народа», а «казахский народ оказался по существу оторванным от многовековой письменной культуры дооктябрьского периода» [6]. Все лучшее, что было создано в Казахстане в советский период – это заслуга только коренного народа Степи, «русская оккупация» принесла голод, демографические потери, экологические проблемы. В противовес выше сказанному, современный независимый Казахстан «стал равноправным членом мирового сообщества... избавился от опасности исчезновения как нации. Были созданы условия для возрождения и развития культуры, традиций, языка, для формирования и развития национальной интеллигенции. ... Республика, которая до сих пор была сырьевым придатком и источником дешевой рабочей силы, вступила на путь экономического развития» [7].

Изначально транслируемая школьными учебниками по истории русофобия становится благодатным фундаментом не только бытовой агрессии мигрантов из Центральной Азии, но и способом вовлечения их в религиозно-экстремистские, террористические организации. Например, «Джабхат-ан-Нусра», «Исламская партия Туркестана», «Ахлю Сунна Валь Джамаа» [4], «Серые волки» и др.

Опасность русофобской идеологии из стран Ближнего зарубежья дополняется угрозой распада единства народов России. На протяжении многих веков русская культура, русский язык остаются связующим звеном единения многочисленных этносов, населяющих территорию РФ. Согласно данным Всероссийской переписи 2021 г. доля тюркоязычного населения в РФ составляет почти 9% населения страны [2]. В последнее время действиями со стороны Турции, Азербайджана, Казахстана и других стран активное распространение среди тюркского населения России получила концепция «Великого Турана» (объединение всех тюркских народов под покровительство и защиту единого лидера). Территориальные границы «тюркского мира» захватывают большую часть Сибири, Поволжья. Мусульманскому населению Российской Федерации предлагается (противопоставляется) иная модель: вместо «Русского мира» («неспособного защитить интересы тюркских народов, пропитанного ксенофобией по отношению к этническим меньшинствам») – идея Тюркской единой цивилизации, как нового регионального центра силы в Евразии. Отечественные политики отмечают: «На международном уровне в последнее время происходят очень серьезные шаги по объединению тюркских государств под покровительством Турции... Молодые выходцы из стран Средней Азии и Закавказья, пропитанные этой идеологией тюркского превосходства, находясь в России, уже сегодня представляют очень серьезную реальную угрозу безопасности, фактически это уже высаженный на нашу землю десант» [13].

Оценивая современную миграционную политику России, необходимо учитывать и характер экономической интеграции стран постсоветского пространства. Для стран Центральной Азии, многие из которых имеют членство в ЕАЭС, в том числе в статусе-наблюдателя (Узбекистан), важной составляющей развития национальной экономики являются бесперебойные трансферты мигрантов, осуществляющих свою трудовую деятельность на территории РФ. Данный факт не редко используется в качестве инструмента давления во взаимоотношениях России и государств постсоветского пространства. Согласно Конвенции «О правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников СНГ», Россия берет на себя обязательства по обеспечению прав трудовых мигрантов из прежних советских национальных республик. Ст. 6 данной Конвенции гласит: «Трудящиеся мигранты пользуются на территории принимающей Стороны правами, которые в соответствии с законодательством предоставляются гражданам этой Стороны, на: безопасные условия труда; равное вознаграждение за равнозначную работу, включая получение доплат и компенсаций для лиц, имеющих на них право; ...социальное обеспечение (социальное страхование), кроме пенсионного, в соответствии с законодательством принимающей стороны» [8].

Важным моментом в современной миграционной политике РФ является также программа репатриации. После распада СССР многочисленное русское население, проживающее на территории национальных республик, утрачивает свой прежний политико-правовой статус и становится заложником как внутривнутриполитических интриг стран постсоветского пространства, так и общего геополитического дисбаланса в Евразийском регионе.

Юридически институт репатриации был оформлен в РФ только в 2023 г. Указом Президента [16]. Однако программа фактической репатриации была принята еще в 2006 г. [15]. «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» предусматривала организацию четко действующего механизма процесса переселения, получение компенсационных выплат переселенцами – соотечественниками. Отметим, что российская программа репатриации не делала акцента на этническом происхождении переселенца, а продолжала правовую традицию закона 1999 г. [5], где соотечественник определялся как бывший гражданин СССР, сохранивший гражданскую идентичность с Россией. В связи с чем, данная программа использовалась не только русским населением стран Ближнего зарубежья. Так, по данным МВД Российской Федерации за 2023 г. «соотношение количества оформленных заявлений на переселение в Россию на правах соотечественника за январь – март 2023 г. представляло ... 32,8% – граждане Таджикистана, 19,2% – Армении, 13,5% – Казахстана, 10,5% – Узбекистана и 6,2% – Киргизии» [12]. За время действия программой воспользовались 1,2 млн человек, эксперты спорят в оценках дальнейшего потенциала переселения и на сколько репатриация соотечественников может позитивно сказаться на решении проблемы нехватки рабочей силы в России.

Начало Специальной военной операции стало новым этапом в российской миграционной политике. С одной стороны, произошел отток части населения на «временное проживание» в страны СНГ, Израиль, Турцию и др., с другой – присоединение «новых территорий» с русскоговорящим населением и российской гражданской идентичностью. Это потребовало принятия новой модели государственной миграционной политики, отвечающей современным вызовам России как «государства-цивилизации».

Концепция государственной миграционной политики 2025 в качестве приоритетной цели провозглашает: «б) создание условий для возвращения, в том числе из-за рубежа, жителей Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, покинувших места постоянного проживания в период проведения специальной военной операции; в) совершенствование механизмов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [14].

В целом, современная государственная миграционная политика России направлена на максимальную интеграцию мигрантов в социокультурное пространство «русского мира», создание адаптационных механизмов вовлечения в систему традиционных российских ценностей, которая закреплена в конституции РФ. Российская модель миграционной политики обусловлена экономическими рисками демографических изменений последних десятилетий, но, прежде всего, стремиться сохранить многонациональное единство российского общества.

Литература

1. Волох В.А. Формирование и реализация государственной миграционной политики Российской Федерации: состояние, тенденции, пути оптимизации: Автореферат дисс. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Волох Владимир Александрович; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. – Москва, 2013. 55 с.
2. Всероссийский перепись населения 2020–2021 годов. – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1763568047&tld=ru&lang=ru&name=8j8t4yb9t35921mnqvz55fi1te-qe3gak.pdf&text=Росстат%20\(2023\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1763568047&tld=ru&lang=ru&name=8j8t4yb9t35921mnqvz55fi1te-qe3gak.pdf&text=Росстат%20(2023)) (дата обращения: 25.09.2025).
3. Грязнова Е.В., Березкин С.Н. Закономерности развития религиозной культуры в современном обществе: проблемы систематизации и философского осмысления // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 13–26.
4. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/nrp/terror.htm> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Закон РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 25.09.2025).
6. История Казахстана (XVIII–XIX вв.). Учебник для 8(7) кл. общеобразоват. шк. / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. Алматы: Атамұра, 2018. 208 с.
7. История Казахстана (с начала XX в. по настоящее время). Учебник для 9 кл. общеобразоват. шк. / М.К. Козыбаев, К.Н. Нурпеис, К.М. Жукешев. – 3-е изд., перераб., доп. Алматы: Мектеп, 2013. 296 с.

8. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств (Кишинев, 14 ноября 2008 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902305481> (дата обращения: 28.09.2025).

9. Надеждин А.Е. Влияние современных миграционных процессов на национальную безопасность Германии: Автореферат дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Надеждин Александр Евгеньевич; [Место защиты: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации]. Москва, 2021. 25 с.

10. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17.04.2019 № 261н «Об утверждении Порядка предоставления сертификата на привлечение трудовых ресурсов и его формы». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201906040036?index=3> (дата обращения: 28.09.2025).

11. Прибыло в РФ. – URL: <https://web.archive.org/web/20220815152607/https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 28.09.2025).

12. Рожков Р.С. Этнические диаспоры, как угроза национальной безопасности России в условиях гибридной войны / Р.С. Рожков, Е.С. Молчанова, Е.А. Попова, А.А. Лопухов // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/69FAVN125.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

13. СПЧ предлагает запретить в России турецкую организацию «Серые волки». – URL: <https://iaex.ru/news/106314.html> (дата обращения: 28.09.2025).

14. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 20.11.2025).

15. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения: 28.09.2025).

16. Указ Президента РФ «О внесении изменений в государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1100&documentId=45569> (дата обращения: 28.09.2025).

17. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501913> (дата обращения: 30.09.2025).

18. Федеральный закон от 28.12.2024 № 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280045> (дата обращения: 30.09.2025).

MODERN MIGRATION POLICY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHALLENGES: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT

Nochvina B.A., Starikova N.V.

Linguistics University of Nizhny Novgorod

The study is dedicated to the pressing issue of identifying the causes of the transformation of the Russian Federation's migration policy. The economic and demographic development trends of modern Russia require sustainable and practically implementable management of migration processes. Constant internal migration has facilitated the economic development of vast territories and became one of the characteristics of Russia's development as a "state-civilization." The historical experience of the formation of the political and legal systems of post-Soviet states convincingly demonstrates the danger of strengthening nationalism and prejudice towards the manifestation of other ethnic cultures in a multinational and multi-confessional society. It is shown that in the context of the crisis in the modern system of international relations, the effectiveness of the state model of migration policy depends on the degree of rapid response to both internal and external challenges to national security. The article analyzes the main stages of the formation of Russian migration policy. Key factors influencing the transformation of the Russian Federation's migration legislation have been identified: demographic changes in Russian society, geopolitical challenges of globalization, and the need to ensure national security.

Keywords: migration policy, «state-civilization», «Russian world», adaptation, integration, post-Soviet space.

References

1. Volokh V.A. Formation and implementation of the state migration policy of the Russian Federation: status, trends, ways of optimization: Abstract of diss. ... Doctor of Political Sciences: 23.00.02 / Volokh Vladimir Aleksandrovich; [Place of protection: State University of Management]. – Moscow, 2013. 55 p.

2. All-Russian population census 2020–2021. – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1763568047&tld=ru&lang=ru&name=8j8t4yb9t35921mnqvz55fi1teqe3gak.pdf&text=Rosstat%20\(2023\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1763568047&tld=ru&lang=ru&name=8j8t4yb9t35921mnqvz55fi1teqe3gak.pdf&text=Rosstat%20(2023)) (date of access 09.25.2025).
3. Gryaznova E.V., Berezkin S.N. Patterns of Development of Religious Culture in Modern Society: Problems of Systematization and Philosophical Understanding // Bulletin of Minin University. 2024. Vol. 12, № 1. pp. 13–26.
4. Unified Federal List of Organizations, Including Foreign and International Organizations, Recognized as Terrorist in Accordance with the Legislation of the Russian Federation. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (date of access 09/25/2025).
5. Law of the Russian Federation “On the State Policy of the Russian Federation Regarding Compatriots Abroad”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (date of access 09/25/2025).
6. History of Kazakhstan (18th-19th centuries). Textbook for grades 8(7) of comprehensive schools / Z.E. Kabul'dinov, Zh.N. Kaliev, A.T. Beisembaeva. Almaty: Atamura, 2018. 208 p.
7. History of Kazakhstan (from the early 20th century to the present). Textbook for grade 9 of a comprehensive school / M.K. Kozybaev, K.N. Nurpeis, K.M. Zhukeshev. – 3rd ed., revised, expanded. Almaty: Mektep, 2013. 296 p.
8. Convention on the Legal Status of Migrant Workers and Members of Their Families of the Member States of the Commonwealth of Independent States (Chisinau, November 14, 2008). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902305481> (date of access 09/28/2025).
9. Nadezhdin A.E. The Impact of Modern Migration Processes on the National Security of Germany: Abstract of the Dissertation... Candidate of Political Sciences: 23.00.02 / Nadezhdin Alexander Evgenievich; [Place of protection: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2021. 25 p.
10. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated April 17, 2019 № 261n “On Approval of the Procedure for Providing a Certificate for Attracting Labor Resources and Its Form” – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201906040036?index=3> (accessed 28.09.2025).
11. Arrived in the Russian Federation. – URL: <https://web.archive.org/web/20220815152607/https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 28.09.2025).
12. Rozhkov R.S. Ethnic Diasporas as a Threat to Russia's National Security in the Context of a Hybrid War / R.S. Rozhkov, E.S. Molchanova, E.A. Popova, A.A. Lopukhov // Bulletin of Eurasian Science. 2025. Vol. 17. № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/69FAVN125.pdf> (accessed (October 20, 2025)).
13. The Human Rights Council proposes banning the Turkish organization “Grey Wolves” in Russia. – URL: <https://iarex.ru/news/106314.html> (accessed September 28, 2025).
14. Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025 № 738 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030.” – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (accessed November 20, 2025).
15. Decree of the President of the Russian Federation of June 22, 2006 № 637 “On measures to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation.” – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (accessed on September 28, 2025).
16. Decree of the President of the Russian Federation “On Amendments to the State Program for Assisting the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation, Approved by Decree of the President of the Russian Federation of June 22, 2006 № 637.” – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1100&documentId=45569> (accessed on September 28, 2025).
17. Federal Law of July 25, 2002 N 115-FZ (as amended on July 31, 2025) “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2025). – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501913> (accessed September 30, 2025).
18. Federal Law of December 28, 2024 № 544-FZ “On Amendments to Articles 67 and 78 of the Federal Law “On Education in the Russian Federation.” – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280045> (accessed September 30, 2025).

Потапкина Алёна Владиславовна,
аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: potapkina.alena02@gmail.com

В статье анализируются комплексные исторические и политические факторы, формирующие современную позицию Китайской Народной Республики в отношении территориальных споров. Рассматривается переход от традиционной восточноазиатской системы «Тянься» к современной вестфальской модели суверенитета. Особое внимание уделяется концепции «столетия национального унижения» как катализатора современных притязаний. Автор исследует влияние национальной школы международных отношений КНР на обоснование легитимности границ и территориальной целостности. В работе подчеркивается, что современные территориальные претензии Китая являются не только вопросом безопасности, но и элементом восстановления исторической справедливости в рамках «китайской мечты».

Ключевые слова: Китай, территориальные претензии, система Тянься, внешняя политика КНР, границы, суверенитет, история международных отношений, национальная безопасность.

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом геополитического влияния Китая и его активной позицией в решении территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также на сухопутных участках границы. В условиях трансформации мирового порядка понимание истоков китайских претензий необходимо для прогнозирования стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Проблема заключается в концептуальном разрыве между западным пониманием суверенитета, основанном на четко демаркированных границах, и китайским историческим восприятием территории как иерархического пространства. Современная дипломатия КНР вынуждена балансировать между нормами международного права и внутренним запросом на «возвращение» утраченных земель, что создает зоны перманентной напряженности.

Цель статьи – выявить и систематизировать историко-политические предпосылки, определяющие логику территориальных притязаний современного Китая, опираясь на анализ отечественных и зарубежных теоретических подходов.

Основная часть

Истоки современного восприятия границ Китаем лежат в глубокой древности и специфике традиционного мироустройства. Как отмечает А.Г. Абраменко, традиционная китайская модель международных отношений базировалась на концепции «Тянься» («Поднебесная»), где Китай выступал центром цивилизации, а окружающие народы выстраивали с ним иерархические отношения через систему вассалитета и дани [1]. В данной системе границы не были линейными в современном понимании, так как они представляли зоны убывающего влияния императорской власти.

Иерархичность и легитимность власти в рамках региональной системы подробно исследованы в работах D.C. Kang, который указывает, что исторически Восточная Азия развивалась в условиях признанного лидерства Китая, что обеспечивало относительную стабильность на протяжении веков [14]. Однако столкновение данной системы с западным колониализмом в XIX веке привело к системному кризису.

Переход от империи к национальному государству стал болезненным процессом «изобретения» нового Китая. Б. Хайтон подчеркивает, что современные границы КНР являются продуктом трансформации цивилизационного пространства в политическую нацию, где многие современные притязания базируются на границах империи Цин в период её максимального расширения [12].

Особое место в политическом дискурсе занимает «столетие унижения» (1840–1949 гг.). Как указывает В.А. Корсун, территориальный вопрос в Китае неразрывно связан с наследием колониальных захватов и «неравноправных договоров» [11]. Для Пекина возвращение территорий, утраченных в этот период, является вопросом восстановления национальной гордости.

В таблице 1 систематизированы основные этапы формирования территориального дискурса в истории Китая.

Таблица 1. Эволюция формирования территориально-политической идентичности и пограничной стратегии Китая

Исторический период	Доминирующая концепция и идеологии	Характер границ и территориальный режим	Механизмы реализации и инструменты	Влияние на современные территориальные притязания
Имперский период (до середины XIX в.)	Система «Тянься» (Поднебесная). Представление о Китае как о единственном центре цивилизации, окруженном «варварской» периферией.	Фронтирный тип. Отсутствие четких линейных границ. Территория делится на внутренние земли и вассальные владения (трибутарная система).	Выплата дани, инвестируемая структура правителей со-предельных государств, культурная ассимиляция.	Формирование концепции «исторических прав» на акватории и земли, некогда платившие дань или признававшие сюзеренитет императора.

Исторический период	Доминирующая концепция и идеологии	Характер границ и территориальный режим	Механизмы реализации и инструменты	Влияние на современные территориальные притязания
Период «Столетия унижения» (1840–1949 гг.)	Кризис суверенитета. Переход от сиоцентризма к защитной национальной идентичности. Понятие «неравноправных договоров».	Колониальный раздел. Насильственная демаркация границ западными державами. Потеря контроля над Гонконгом, Макао, КВЖД и обширными территориями на Севере и Западе.	Дипломатия «канонерок», территориальные уступки под давлением, отторжение внешних территорий в пользу колониальных империй.	Основа современного «реваншизма» и стремления пересмотреть границы, установленные в период слабости Китая. Использование карты «утраченных земель» в патристическом воспитании.
Эпоха Мао Цзэдуна (1949–1976 гг.)	Революционный суверенитет. Сочетание марксизма-ленинизма с идеей восстановления единства родины. Идеология «окружения города деревней» в мировом масштабе.	Жесткая демаркация. Военизированная охрана границ. Стремление к четкой фиксации линий соприкосновения при сохранении неурегулированности ряда участков.	Приграничные конфликты (с СССР на Даманском, с Индией), поддержка революционных движений в соседних странах.	Окончательное оформление претензий на Тайвань и острова в Южно-Китайском море как неотъемлемые части социалистического Китая.
Период реформ и «Мирного возвышения» (1978–2011 гг.)	«Политика реформ и открытости». Приоритет экономического развития. Концепция Дэн Сяопина «отложить споры в сторону ради совместного освоения».	Стабилизация периферии. Урегулирование большинства сухопутных границ с РФ и странами Центральной Азии. Тактика «мягкой силы».	Переговорные процессы, демаркация сухопутной границы с РФ и странами Центральной Азии. Тактика «мягкой силы».	Создание правового фундамента для существующих границ при сохранении статус-кво в морских спорах до момента накопления военной мощи.
Современный этап (с 2012 г. – н.в.)	«Китайская мечта» и Великое возрождение нации. Концепция сообщества единой судьбы человечества при лидерстве КНР. Защита «коренных интересов».	Проекция силы. Выход за пределы береговой обороны. Активная милитаризация спорных островов. Концепция «синей территории» (моря как часть суверенитета).	Строительство искусственных островов, патрулирование силами береговой охраны, экономическое давление на оппонентов в спорах.	Переход от пассивной обороны к активному утверждению суверенитета. Территориальная целостность становится синонимом легитимности правящей партии.

Как показывают данные таблицы, логика территориальных притязаний КНР прошла путь от культурно-иерархической самоидентификации до жесткого национально-государственного реализма. Важно отметить, что современные претензии в Южно-Китайском море (линия девяти пунктов) – попытка соединить имперское наследие «Тянься» (контроль над пространством) с современными нормами международного права, где исторический факт владения становится аргументом в суде. По мнению Е.Н. Грачикова о том, что китайская дипломатия оперирует категориями «длинного времени», где текущие споры являются лишь эпизодом в процессе восстановления исторической справедливости [5]. Также подтверждает выводы Б. Хейтона о «конструировании» китайской территории через призму национальных травм прошлого [12].

Проблема границ в политике КНР во второй половине XX века имела выраженный идеологический и стратегический подтекст. Е.Д. Степанов отмечает, что пограничная политика Китая в этот период характеризовалась сочетанием прагматизма и жесткости, когда территори-

альные споры использовались как инструмент политического давления или, наоборот, урегулировались для обеспечения тыла в противостоянии с великими державами [9].

Важным для Китая является взаимодействие с Россией. А.В. Лукин в своем монументальном труде подчеркивает, что четыре века взаимодействия двух стран – история перехода от неопределенных границ к детально проработанным соглашениям, что может служить моделью для разрешения споров с другими соседями [8].

Современная китайская политическая мысль активно теоретизирует внешнюю политику. Е.Н. Грачиков указывает на формирование «китайской школы» международных отношений, которая стремится синтезировать марксизм, западный реализм и традиционную китайскую философию [4]. В рамках этой школы территориальные притязания обосновываются не только историческим правом, но и необходимостью создания «собственной модели мироустройства» [6]. Е.Н. Грачиков также подчеркивает, что академический дискурс в КНР неразрывно связан с дипломатической практикой, где концепт «Тянься» переосмысливается как инклюзивная система под руководством Китая [3]. Такое переосмысление ведет к тому, что традиционные понятия наполняются новым политическим содержанием. Ч. Сун анализирует путь от классического концепта «Тянься» до современного «Тяньсяизма», который в политическом смысле обосновывает право Китая на доминирование в его исторической сфере влияния [10]. А.Д. Воскресенский указывает на преемственность концептуальных положений во внешней политике КНР в длинном историческом континууме [13].

Помимо истории и философии, на территориальные амбиции влияют и современные технологические факторы. В.Б. Кашин обращает внимание на военные аспекты инновационного развития КНР, включая космос и высокие технологии, которые расширяют понимание «территории» и «сферы интересов» до глобального уровня [7].

В таблице 2 представлены факторы, влияющие на современную стратегию КНР в территориальных спорах.

Таблица 2. Факторы влияния на территориальную политику КНР

Группа факторов	Содержание	Влияние на притязания
Историко-правовые	Трактовка договоров XIX века	Требование пересмотра «несправедливых» границ
Геополитические	Окружение (стратегия «цепи островов»)	Борьба за выход в океан и контроль над акваториями
Экономические	Ресурсы шельфа и торговые пути	Обоснование прав на Парасельские острова и Спратли
Идеологические	Концепция «Китайской мечты»	Восприятие территориальных уступок как предательства

Анализ историографии, проведенный А.В. Гаврилковым, Л.В. Ефремовой и С.А. Бирюковой, показывает, что в китайской науке доминирует вектор на легитимацию текущих притязаний через специфическое прочтение исторических документов [2] и создает ситуацию, в которой научный дискурс становится инструментом мягкой и жесткой силы одновременно.

Итак, можно констатировать, что территориальные притязания Китая не являются случайными или спонтанными и представляют укорененную в национальном сознании систему убеждений, где исторические обиды («столетие унижения») соединяются с амбициями великой державы. Трансформация традиционной системы «Тянься» в современную концепцию национального суверенитета помогла Пекину использовать вестфальскую терминологию для продвижения своих интересов, которые по сути своей часто выходят за рамки западного понимания международного права.

Китай умело использует исторический нарратив для мобилизации внутреннего населения и создания правовых прецедентов в международном поле. Важно понимать, что для политического руководства КНР границы, не просто линии на карте, а рубежи национального возрождения.

Заключение

Подводя итоги исследования историко-политических предпосылок территориальных притязаний Китая, можно сделать следующие выводы. Во-первых, основой современных претензий является историческая память о цивилизационном лидерстве Китая в Восточной Азии. Концепция «Тянься» иерархизирует пространство вокруг Китая, которое в современных условиях трансформируется в стремление установить контроль над стратегически важными регионами. Во-вторых, политическая легитимность КПК во многом завязана на решении территориальных вопросов. Завершение процесса «собираения земель» рассматривается как необходимое условие реализации «китайской мечты».

В-третьих, формирование национальной школы теории международных отношений помогает КНР создавать интеллектуальную базу для обоснования своих действий, переводя споры из плоскости узкоправовых конфликтов в плоскость столкновения цивилизационных ценностей.

Таким образом, территориальные притязания Китая будут оставаться константой его внешней политики в обозримом будущем, требуя от мирового сообщества поиска новых механизмов диалога, учитывающих историко-политическую специфику китайского государства.

Литература

1. Абраменко, А.Г. Возвышение Китая: восстановление системы Тянься в АТР? / А.Г. Абраменко // Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития: сборник научных статей. – 2020. – С. 19–24. – Текст: непосредственный.

2. Гаврилкин, А.В. Историография международных отношений: китайский вектор / А.В. Гаврилкин, Л.В. Ефремова, С.А. Бирюкова // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. – 2025. – № 3 (118). – URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/19578> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

3. Грачиков, Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса / Е.Н. Грачиков // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 33–41. – Текст: непосредственный.

4. Грачиков, Е.Н. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы / Е.Н. Грачиков // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 3. – С. 68–80. – Текст: непосредственный.

5. Грачиков, Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: монография / Е.Н. Грачиков. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 304 с. – Текст: непосредственный.

6. Грачиков, Е.Н. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства / Е.Н. Грачиков, Сюй Х. // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 7–24. – Текст: непосредственный.

7. Кашин, В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 106–129 – Текст: непосредственный.

8. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. – М.: Весь Мир, 2013. – 704 с.

9. Степанов, Е.Д. Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в.: монография / Е.Д. Степанова. – Москва: ИДВ РАН, 2007. – 244 с. – Текст: непосредственный.

10. Сун, Ч. От концепта «тянься» до «тяньсяизма» и теории о «системе Тянься»: представление об идеальном мире в политфилософских трактатах китайских мыслителей / Ч. Сун // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 1. – С. 64–69. – Текст: непосредственный.

11. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире: монография / Аватков В.А., Белокреницкий В.Я., Гринюк В.А. И др.; под редакцией Д.В. Стрельцова. – Москва: Аспект Пресс, 2013. – 319 с. – Текст: непосредственный.

12. Хейтон, Б. Изобретение Китая: монография / Б. Хейтон. – Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 2020. – 320 с. – Текст: непосредственный.

13. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – сс. 82— Текст: непосредственный.

14. Kang, D.C. Hierarchy and legitimacy in international systems: The tribute system in early modern East Asia / D.C. Kang // Security Studies. – 2010. – Vol. 19, No. 4. – P. 591–622. – Текст: непосредственный.

HISTORICAL AND POLITICAL BACKGROUND OF CHINA'S TERRITORIAL CLAIMS

Potapkina A.V.

Russian Academy of Sciences

The article analyzes the complex historical and political factors shaping the modern position of the People's Republic of China in relation to territorial disputes. The transition from the traditional East Asian "Tianxia" system to the modern Westphalian model of sovereignty is considered. Special attention is paid to the concept of the "century of national humiliation" as a catalyst for modern claims. The author examines the influence of the National School of International Relations of the People's Republic of China on the justification of the legitimacy of borders and territorial integrity. The paper emphasizes that China's modern territorial claims are not only a security issue, but also an element of restoring historical justice within the framework of the "Chinese dream."

Keywords: China, territorial claims, the Tianxia system, China's foreign policy, borders, sovereignty, history of international relations, national security.

References

1. Abramenko, A.G. The Rise of China: Restoring the Tianxia System in the Asia-Pacific Region? / A.G. Abramenko // The Place of the Asia-Pacific Region in Modern International Relations: Security Issues and Development Prospects: A Collection of Scientific Articles. – 2020. – Pp. 19–24. – Text: direct.

2. Gavrilkin, A.V. Historiography of International Relations: The Chinese Vector / A.V. Gavrilkin, L.V. Efremova, S.A. Biryukova // Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal. – 2025. – No. 3 (118). – URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/19578> (Accessed: 07.01.2026). – Text: electronic.

3. Grachikov, E.N. China's Diplomacy: The Context of Academic Discourse / E.N. Grachikov // World Economy and International Relations. – 2021. – Vol. 65, No. 3. – Pp. 33–41. – Text: direct.

4. Grachikov, E.N. Chinese Theory of International Relations: The Formation of a National School / E.N. Grachikov // International Processes. – 2016. – Vol. 14, No. 3. – Pp. 68–80. – Text: direct.

5. Grachikov, E.N. Chinese School of International Relations: Towards Grand Theories: Monograph / E.N. Grachikov. – Moscow: Aspect Press, 2021. – 304 p. – Text: direct.

6. Grachikov, E.N. China and the International System: Formation of Its Own Model of World Order / E.N. Grachikov, Xu H. // Bulletin of International Organizations. – 2022. – Vol. 17, No. 1. – Pp. 7–24. – Text: direct.

7. Kashin, V.B. On the Path to a Global Military Power: The Evolution of China's Military Policy in 1949–2014 // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. – 2013. – No. 4. – Pp. 106–129 – Text: direct.

8. Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State, and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations / edited by A.V. Lukin. – Moscow: Ves' Mir, 2013. – 704 p.

9. Stepanov, E.D. Politics Begins at the Border. Some Issues of China's Border Policy in the Second Half of the 20th Century: A Monograph / E.D. Stepanova. – Moscow: IFES RAS, 2007. – 244 p. – Original text.

10. Song, C. From the Concept of "Tianxia" to "Tianxiaism" and the Theory of the "Tianxia System": The Concept of the Ideal World in the Political Philosophical Treatises of Chinese Thinkers / C. Song // Society: Politics, Economics, Law. – 2024. – No. 1. – Pp. 64–69. – Original text.

11. The Territorial Issue in the Afro-Asian World: A Monograph / Avatkov V.A., Belokrenitsky V. Ya., Grinyuk V.A., et al.; edited by D.V. Streltsov. – Moscow: Aspect Press, 2013. – 319 p. – Text: direct.

12. Hayton, B. The Invention of China: A Monograph / B. Hayton. – New Haven: Yale University Press, 2020. – 320 p. – Text: direct.

13. Voskresensky, A.D. Global Complex Regional Studies and the Prospects for Building a Non-Western (Sinicized) Theory of International Relations // Polis. Political Studies. – 2013. – No. 6. – Pp. 82— Text: direct.

14. Kang, D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia / D.C. Kang // Security Studies. – 2010. – Vol. 19, No. 4. – P. 591–622. – Text: direct.

Общее и особенное в транзите власти на постсоветском пространстве на примере Азербайджана и Молдовы

Потапов Денис Викторович,

аспирант, Институт социально-политических исследований РАН

Целью статьи явилось обобщение собранных материалов и их анализ по теме транзита власти на постсоветском пространстве на примере двух достаточно разных бывших республик СССР – это Азербайджан и Молдова. Задачами исследования стали выявление общих и особенных подходов в развитии теории транзита на примере этих стран: были сформулированы устоявшиеся теоретические модели, на которых базировался транзит власти в последние десятилетия в этих странах, оценены подходы к транзиту с учетом национальных особенностей стран, представлены методы транзита в Азербайджане и Молдове. В качестве выводов сформулировано, что Азербайджан представляет собой пример укрепившейся авторитарной власти. Молдова демонстрирует политическую систему с высокой степенью прозрачности, но и одновременной политической непредсказуемостью. Основное отличие между Азербайджаном и Молдовой определяется не формальным институциональным устройством, а особенностями построения теневых элитных структур.

Ключевые слова: транзит власти Азербайджана, транзит власти в Молдове, транзите власти на постсоветском пространстве.

Трансформационные процессы в странах бывшего социалистического лагеря отличаются исключительной спецификой, поскольку охватывали одновременно культурную, социальную, экономическую и политическую области, формируя комплексную картину преобразований беспрецедентного перехода от социализма к демократии в капиталистическом строе, где собственность переходила от государства к небольшому числу личных собственников. Именно поэтому, на территории бывшего СССР наблюдается характерная закономерность: завершение переходного периода приводит не к формированию стабильных демократических систем, а к возникновению смешанных политических режимов, где доминируют авторитарные механизмы управления, поддерживая новых собственников. В подобных государствах укрепление демократических институтов или вообще не запущалось, или потерпело неудачу, или же начались явные либо скрытые процессы возврата к авторитаризму.

Вспомним, что исследуя транзиты власти, польский ученый Л. Бальцерович, в Центральной и Восточной Европе, определяет пять типов транзита к переходу к демократическому государству: «1) классический транзит (утверждение демократии в развитых капиталистических странах между 1860 и 1920 гг.); 2) неоклассический транзит (демократизация капиталистических стран после Второй мировой войны (Западная Германия, Италия и Япония в 40-е гг., Испания и Португалия и некоторые страны Латинской Америки в 70-е гг., Южная Корея и Тайвань в 80-е гг. XX в.); 3) рыночно ориентированные реформы в некоторых восточных странах после Второй мировой войны (Южная Корея и Тайвань в начале 60-х гг., Чили в 70-е гг., Турция и Мексика в 80-е гг., Аргентина в 90-е гг. XX в.); 4) азиатский посткоммунистический транзит (Китай в конце 70-х гг. и Вьетнам в конце 80-х гг. XX в.); 5) восточноевропейский посткоммунистический транзит в 80–90-е годы XX в. (Восточная Европа и страны бывшего СССР)»¹.

Транзиты на посткоммунистическом пространстве бывшего СССР не были структурно подготовлены. Таким образом, можно констатировать, что *согласно наблюдениям переходных процессов, установление демократических механизмов и учреждений возможно даже при отсутствии необходимых структурных условий*. Х. Линц утверждает, что концепции демократического устройства неприменимы к государствам постсоветского пространства и восточноевропейского региона².

Поэтому для развития транзитологической мысли встает вопрос: необходимо ли опираться на уже устоявшиеся теоретические модели, или необходимо разрабатывать принципиально новые подходы, формулируя решения через новые гипотезы и методы транзита? Подобные проблемы находятся в центре внимания как отечественных, так и зарубежных учёных. Отечественная школа транзитологии, изучающая политические трансформации в капиталистических государствах, всё ещё находится на стадии становления – объяснения кроются в очевидных исторических обстоятельствах (семидесятилетний советский период исключал подобную проблематику из научного дискурса). Зарубежные исследователи-политологи проявляли особый интерес к процессам трансформации государственного устройства, при этом российские политические преобразования, стартовавшие в девяностых годах прошлого столетия, привлекали наибольшее внимание международного научного сообщества, занимающегося вопросами изменения форм правления.

Поэтому, на примере Азербайджана и Молдовы мы попытаемся обобщить, как в этих бывших советских республиках проходила концептуализация теории политического транзита, которая, несомненно, внесет свою лепту в понимание транзитологической парадигмы.

Первое, что необходимо выделить, это то, что в Азербайджане и Молдове, в транзите использовалась базовая национальная концепция, которую разделяли все социальные группы общества, выражая ее явно, или скрыто в экономических или политических процессах для целей политической трансформаций. *Национальная идея объединяла нацию, как в Азербайджане, так и в Молдове.*

¹ Balcerowicz L. Socialism, capitalism, transformation. – Budapest, London, New York: Central European University Press, 1995, 154 p

² Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: crisis, Breakdown and Reequilibration. An Introduction / J. Linz, A. Stepan. – London: The Johns Hopkins University Press, 1978, 130 p.

Далее, в двух рассматриваемых странах в структуре власти *выделялись несколько, или одна группа элит*, это происходило всегда, даже когда отдельные члены не осознавали этого факта, любая важная общественная группа неизбежно обладала собственной идеологией. Поэтому в начале 1990-х, в связи с распадом СССР, исследователи из США с воодушевлением восприняли инновационную теоретическую модель, получившую название «переходный транзит», акцентируя внимание на изменениях данного периода как переходного этапа мирового развития.

Основное отличие между Азербайджаном и Молдовой определяется не формальным институциональным устройством, а *особенностями построения теневых элитных структур*. Речь идёт о том, сформирована ли патронажная система власти вокруг единственного центра влияния, либо существует несколько конкурирующих между собой патронажных вертикалей. Преобладание патронажных механизмов в политике подразумевает, в частности, наличие сложной системы кровнительства и зависимости внутри правящих кругов. *Азербайджан представляет собой пример укрепившейся авторитарной власти. Молдова демонстрирует политическую систему с высокой степенью прозрачности, но и одновременной непредсказуемости.*

Президент Санду и группа ее сторонников представляет *основное звено и центр принятия решений в стране*. При этом горизонталь власти, отношения между правительственными органами базируются на личных связях и родственных отношениях.

За три десятилетия после обретения суверенитета *Азербайджан так и не смог построить фундаментальные основы демократического общества. Избирательный процесс в Азербайджане нельзя назвать ни честным, ни демократическим*. При этом государство ратифицировало международные соглашения, включая Копенгагенский документ ОБСЕ, а национальное законодательство закрепляет принципы конфиденциального волеизъявления и равных прав граждан на участие в выборах.

В Азербайджане *отсутствует правовое государство, где закон был бы превыше всего, и все граждане были бы равны перед ним*. Общественный надзор за действиями власти не обеспечивается ни свободными СМИ, ни независимыми общественными объединениями. Судебные органы не функционируют как самостоятельная ветвь власти, способная осуществлять беспристрастное правосудие и признавать недействительными нормативные акты, противоречащие конституции. Законодательный орган не выполняет функцию надзора над органами исполнительной власти. Кроме того, в обществе не сложилось активное гражданское сообщество, которое было бы заинтересовано в защите самостоятельности демократических институтов. В Азербайджане в течение последних лет президент последовательно *заменял старожилы высшего руководства молодыми и преданными кадрами*, многие из которых построили свою карьеру в компаниях, связанных с правящей семьёй. Эта тенденция значительно расширяет возможности правительства по политической координации. Однако она также укрепляет безусловную монополию правящей семьи на экономику и политику страны.

В Азербайджане *укрепление национальной идентичности происходит через прославление культа личности сначала экс-президента Гейдара Алиева, сейчас его сына Ильхама Алиева*. Власти активно используют образовательные учреждения, официальную идеологию, печатные материалы для обучения и прочие инструменты для формирования преданности стране. Конституция закрепляет равные права для всех жителей страны вне зависимости от их национальной принадлежности, религиозных убеждений, гендерной идентичности или расовой принадлежности.

Во время проведения голосования в Азербайджане фиксируются массовые злоупотребления: *фальсификация результатов подсчёта, незаконное заполнение избирательных бюллетеней, повторное участие одних и тех же людей в волеизъявлении*. Медийное пространство находится под жёстким влиянием провластных сил, обеспечивающих доминирующую партии чрезмерное присутствие в информационных потоках. Состав органов, организующих электоральный процесс, формируется преимущественно из лояльных действующей власти лиц, исполняющих указания структур при главе государства.

В Азербайджане *в последние годы власти систематически преследовали инакомыслящих, оппозиционеров, представителей гражданского общества и религиозных активистов*.

Молдова за те же прошедшие годы, даже при некоторых сдвигах к демократии, не смогла разработать общепринятое представление о национальной идентичности, которое включало бы как гражданские, так и этнические аспекты. *Попытки политического лидерства и интеллектуальных сил страны создать универсальную идею самоопределения, привлекательную для всех этнических групп, не увенчались успехом.*

Молдова на протяжении более тридцати лет суверенного существования *потерпело неудачу и в формировании единой концепции национального самосознания*. Хотя более 76% жителей Молдавии заявили о наличии гражданства Румынии¹, ни политическая элита, ни интеллектуальные круги республики не сумели выработать объединяющую идею, которая учитывала бы интересы различных этносов и одновременно отражала бы гражданскую составляющую. Задача создания такой модели идентичности, способной стать привлекательной для представителей всех народностей страны, осталась нерешённой. В результате, *основные оппозиционные партии Молдовы, как представляется, находятся под очень сильным политическим и финансовым влиянием внешних субъектов, включая и Россию.*

Как в Азербайджане, так и в Молдове в контексте транзитологиических исследований *информационно-коммуникационные технологии занимают особое место среди инструментов идеологического воздействия*. Современные цифровые решения и технологические платформы позволяют позиционировать ИКТ как универсальный механизм трансформации институциональных структур. Важно понимать, что технологический прогресс в цифровой сфере, несмотря на свою значимость, выступает скорее катализатором преобразований, нежели их первопричиной. Решающую роль играют социальные условия и общественная среда, в которых происходит внедрение инновационных технологий – именно эти обстоятельства формируют характер применения ИКТ и степень их воздействия на модернизационные процессы в рамках транзитологической концепции.

Информационная революция в первую очередь касается надежд и повседневной жизни простых граждан, а не технических единиц измерения данных. Поэтому подводя некоторые итоги влияния ИКТ на транзит власти в Азербайджане и Молдове следует избегать слепого подчинения стремительным технологическим трансформациям в сфере политической трансформации власти.

Итоги транзита социально-экономических вопросов Азербайджана и Молдовы

Что касается Индекса человеческого развития (ИЧР), то азербайджанский результат 0,745 определил для страны 91-ю позицию в рейтинге из 191 государства, что является наилучшим результатом в сравнении с двумя другими республиками Закавказского региона. Охват населения денежными социальными выплатами в республике достигает лишь 39%, что существенно уступает как общемировому уровню в 46,9%, так и среднему значению для аналогичной группы государств – 64%. Уровень населения, живущего за чертой бедности составляет в Азербайджане 5–6% и согласно Всемирному банку 10% самых богатых граждан владеют 56% богатством страны.

В Азербайджане *за последние десять лет жизненные стандарты населения опустились до критически низких показателей*, при этом после распада СССР благосостояние граждан находилось на хорошем уровне. Этому способствовали несколько факторов: модернизация финансовой инфраструктуры, позволившая даже жителям удалённых деревень пользоваться банковскими услугами через электронные системы и терминалы самообслуживания, увеличение экспортного потенциала страны, возрастающая потребность в продукции местного аграрного производства, а также масштабные поступления от продажи нефти, начавшиеся в первые годы двухтысячных годов. По данным World Economics, объём неформальной экономики Азербайджана оценивается в 36,8%, что составляет около 56 млрд долл. США. Все эти экономические факторы обогащали экономическую и политическую элиту и делали бедными незащищённое население страны.

В Молдове ключевыми факторами экономического отчуждения выступают уровень материального благосостояния и географическое расположение – противопоставление городских территорий сельским районам, а также северных регионов южным. За период 2014–2024 гг. доля населения с доходами ниже официального прожиточного минимума варьировалась в диапазоне 25–30%. По состоянию на 2024 г, согласно национальным стандартам бедности, треть жителей страны (33,6%) находились в состоянии материальной бедности. Причем динамика бедности растёт, так как еще в 2021 г. эта цифра была 24,5%, то есть рост бедности на 9,1% за 4 года. Это, несомненно, будет влиять на политическое напряжение в стране.

В Молдавии реализация правительственного курса наталкивается главным образом на две преграды: дефицит квалифицированных специалистов и постоянно возникающие экстренные социально-экономические ситуации, требующие немедленного вмешательства руководства страны. Государственный управленческий механизм,

¹ Три четверти жителей Молдавии заявили о наличии гражданства Румынии. URL: <https://regnum.ru/news/3885682>. Дата обращения 12.10.25,

сформированный партией ПАС, по большей части укомплектован сотрудниками без практического опыта в организациях, что снижает результативность их деятельности на любых уровнях. Значительная часть министерств и прочих госорганов испытывает острую кадровую проблему, так как уровень оплаты труда в бюджетной сфере остается непривлекательным (в первую очередь для профессионалов с качественной подготовкой и практическими навыками).

Молдавская административная система, которая и так испытывала серьезные ограничения в своих ресурсах, сталкивается с дополнительным истощением своего потенциала из-за необходимости одновременно справляться с целым рядом социально-экономических проблем – от наплыва беженцев и энергетических трудностей до резкого роста цен и прочих негативных эффектов, в том числе и из-за украинского конфликта, как и вся Европа в целом.

ЕС вынуждены поддерживать правление Санду, так как Экономика Молдовы постепенно катится вниз. Рост промышленного производства сокращается ежегодно на 1–5%, инфляция в стране составляет 5 до 7%, но это только от того, что население страны неплатежеспособно, в ином случае инфляция была бы выше. По итогам 2024 г. государственный долг достиг отметки 38,1% от валового внутреннего продукта, при этом на внешние заимствования пришлось 63,8%. Бюджетный дефицит за 2024 г. зафиксирован на уровне 4,6% ВВП.

После прихода к власти Санду объемы чистой официальной помощи развитию (ОПР) страны Молдовы стремительно растут: если в 2017 г. размер помощи в пересчете на одного жителя не превышал 88 долларов США, то уже к 2019 г. эта цифра поднялась до 128 долларов, а годом позже приблизилась к отметке в 200 долларов. Основными источниками финансовой и технической поддержки выступают Соединенные Штаты, страны-участницы ЕС и европейские финансовые учреждения. Рост международной поддержки в недавний период обусловлен двумя факторами: с одной стороны, укреплением доверия к молдавскому нынешнему руководству (что стало особенно заметно с момента, когда партия ПАС заняла руководящие позиции в 2021 г.), с другой – многочисленными вызовами, стоящими перед новой администрацией, так как Приднестровский и румынский вопросы в стране остались актуальными.

Таким образом, особенности транзита в Азербайджане и Молдове можно свести к следующим значимым общим и особым положениям по странам (рис. 1).

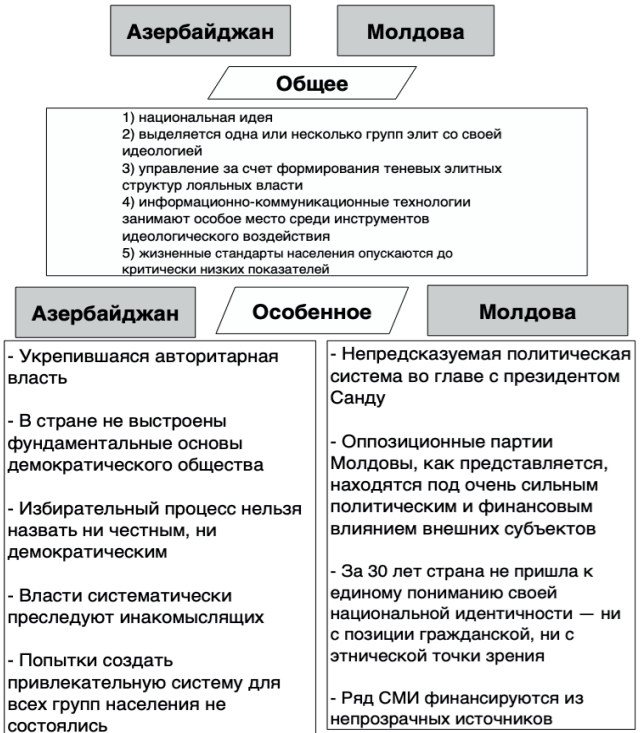

Рис. 1. Общее и особенное в транзите Азербайджана и Молдовы¹.

Выводы

1. Уникальной особенностью транзита в Азербайджане и Молдове стало параллельное протекание изменений в политике, экономике, общественной жизни и культурной сфере стран.

¹ Разработано автором.

2. Национальная идея объединяла нацию, как в Азербайджане, так и в Молдове.

3. В двух рассматриваемых странах в структуре власти выделялись несколько, или одна группа элит, это происходило всегда, даже когда отдельные члены не осознавали этого факта, любая важная общественная группа неизбежно обладала собственной идеологией.

4. Основное отличие между Азербайджаном и Молдовой определяется не формальным институциональным устройством, а особенностями построения теневых элитных структур. Речь идёт о том, сформирована ли патронажная система власти вокруг единственного центра влияния, либо существует несколько конкурирующих между собой патронажных вертикалей.

5. Азербайджан представляет собой пример укрепившейся авторитарной власти. Молдова демонстрирует политическую систему с высокой степенью прозрачности, но и одновременной непредсказуемостью. Ключевым центром принятия решений в Молдове является президент Санду вместе с небольшой группой близких ей политиков и чиновников.

6. Азербайджан так и не смог выстроить фундаментальные основы демократического общества. Избирательный процесс в Азербайджане нельзя не прозреть. В Азербайджане в последние годы власти систематически преследовали инакомыслящих, оппозиционеров, представителей гражданского общества и религиозных активистов.

7. Попытки политического лидерства и интеллектуальных сил Азербайджана создать универсальную идею самоопределения, привлекательную для всех этнических групп, не увенчались успехом.

8. Основные оппозиционные партии Молдовы, как представляется, находятся под очень сильным политическим и финансовым влиянием внешних субъектов, включая и Россию.

Литература

1. Balcerowicz L. Socialism, capitalism, transformation. – Budapest, London, New York: Central European University Press, 1995, 154 p
2. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: crisis, Breakdown and Reequilibration. An Introduction / J. Linz, A. Stepan. – London: The Johns Hopkins University Press, 1978, 130 p.
3. Три четверти жителей Молдавии заявили о наличии гражданства Румынии. URL: <https://regnum.ru/news/3885682>. Дата обращения 12.10.25.

COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES OF POWER TRANSITION IN THE POST-SOVIET SPACE: THE CASES OF AZERBAIJAN AND MOLDOVA

Potapov D.V.
Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

This article aims to summarize and analyze collected materials on the topic of power transition in the post-Soviet space, using two very different former Soviet republics: Azerbaijan and Moldova. The study's objectives were to identify common and specific approaches to the development of power transition theory using these countries as examples. The study formulated established theoretical models that have underpinned power transition in recent decades in these countries, assessed approaches to transition taking into account the national characteristics of the countries, and presented transition methods in Azerbaijan and Moldova. The conclusion is that Azerbaijan represents an example of entrenched authoritarian rule. Moldova exhibits a political system with a high degree of transparency, but also political unpredictability. The main difference between Azerbaijan and Moldova lies not in the formal institutional structure, but in the specifics of the construction of shadow elite structures.

Keywords: transit of power in Azerbaijan, transit of power in Moldova, transit of power in the post-Soviet space.

References

1. Balcerowicz, L. Socialism, Capitalism, Transformation. Budapest, London, New York: Central European University Press, 1995, 154 p.
2. Linz, J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. An Introduction / J. Linz, A. Stepan. London: The Johns Hopkins University Press, 1978, 130 p.
3. Three-quarters of Moldovans declare Romanian citizenship. URL: <https://regnum.ru/news/3885682>. Accessed 12.10.25.

Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в развитии высшего сельскохозяйственного образования в Индии

Степанов Виктор Иванович,

кандидат педагогических наук, ректор, Алтайский экономико-юридический институт
E-mail: rector@aeli.altai.ru

Степанова Наталья Викторовна,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
АО НПФ «Информационные и сетевые технологии»
E-mail: natalia0410@rambler.ru

Исследование анализирует ключевые принципы и механизмы Национальной образовательной политики Индии 2020 в контексте обеспечения развития высшего сельскохозяйственного образования. Исследование направлено на выявление фундаментальных подходов к подготовке квалифицированных специалистов в аграрных университетах и колледжах. Методологическая основа работы базируется на комплексном анализе документов образовательной политики и научной литературы по исследуемой проблематике. Особое внимание уделяется изучению причин, мешающих совершенствованию высшего сельскохозяйственного образования, его роли в обеспечении продовольственной и пищевой безопасности страны. В ходе анализа выявлены основные направления развития высшего сельскохозяйственного образования, включающие создание многопрофильных наукоёмких сельскохозяйственных университетов, предлагающих целостное и междисциплинарное образование, объединение колледжей с динамично развивающимися соответствующими университетами, расширение многоканального финансирования продвижения высококачественных исследований в области сельскохозяйственных наук, без этого сложно достичь серьезных структурных изменений в экономике, ускоренного развития важнейших отраслей сельского хозяйства для достижения статуса новой сверхдержавы. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал индийского опыта для развития высшего сельскохозяйственного образования других стран, в частности России, где эти вопросы остаются актуальными в условиях социально-экономической дифференциации общества.

Ключевые слова: Индия, Национальная образовательная политика 2020, высшее сельскохозяйственное образование, многопрофильный наукоёмкий сельскохозяйственный университет.

Сельское хозяйство Индии, которое является основным занятием большинства сельского населения страны, в настоящее время сталкивается с рядом серьезных проблем, таких как снижение производительности труда, истощение качества природных ресурсов, неэффективное использование средств производства, фрагментированная перерабатывающая промышленность, растущие производственные затраты, кризис ископаемого топлива и растущий акцент на биотопливо, нехватка квалифицированной рабочей силы. Для решения этих проблем необходимо развивать высокотехнологичное сельское хозяйство, а для достижения этой цели нужно готовить квалифицированных специалистов в аграрных университетах и колледжах.

После обретения независимости Индия достигла стадии самодостаточности в производстве продовольственного зерна, тем самым оказав заметное влияние на национальную продовольственную и пищевую безопасность. Ключом к успеху стало создание высших сельскохозяйственных учебных заведений в рамках системы Индийского совета сельскохозяйственных исследований и сельскохозяйственных университетов (Indian Council of Agricultural Research – Agricultural Universities, ICAR –AU).

В настоящее время количество аграрных университетов в стране, входящих в систему Национальных сельскохозяйственных исследований, образования и распространения знаний возросло до 74. Система сельскохозяйственного образования в Индии включает 63 сельскохозяйственных университета штатов (State Agricultural Universities, SAUs), 4 университета, считающиеся таковыми (Deemed – to be – Universities), 3 центральных сельскохозяйственных университета (Central Agricultural Universities) и 4 центральных университета с сельскохозяйственными факультетами (Central Universities with agriculture faculty). Кроме того, более 400 частных аффилированных колледжей принимают студентов для получения высшего сельскохозяйственного образования [2, с. 1].

За последние пять лет число частных сельскохозяйственных колледжей, аккредитованных ICAR, выросло с 5 в 2020–2021 годах до 22 к 2024–2025 годам [3].

Нужно отметить значительную роль высшего сельскохозяйственного образования в обеспечении продовольственной и пищевой безопасности страны. Так в 2024 г. по Глобальному индексу голода Индия заняла 105 место из 136 стран с показателем Глобального индекса голода (Global Hunger Index, GHI) 27,3 [1]. Более 20% индийских детей в возрасте до 5 лет имеют меньший вес по отношению к своему росту, а около 33% – слишком маленький рост по отношению к своему возрасту. Несмотря на то, что Индия занимает второе место в мире по производству продуктов питания, тем не менее у нее второе место в мире по количеству недоедающего населения [2, с. 2–3].

Принимая во внимание вышеперечисленные данные, можно сделать вывод о том, что сельскохозяйственное образование должно способствовать развитию человеческого потенциала для подготовки профессионалов и предпринимателей в аграрном секторе.

Трансформации вузов от традиционных университетов, которые до XIX в. поддерживали святость академической свободы, к университетам XX в., ориентированным на удовлетворение потребностей национальной экономики, к университетам XXI в., нацеленным на коммерциализацию и интернационализацию своей деятельности, в результате чего стали формироваться глобальные университеты, приобретают дополнительное звучание применительно к вузам стран БРИКС [4, с. 42].

Подготовка профессионалов в области высшего сельскохозяйственного образования должна включать образование в области этики, в области дисциплины и в области практики. Она должна в первую очередь включать критическое и междисциплинарное мышление, дискуссии, дебаты, исследования и инновации. Таким образом, высшее сельскохозяйственное образование становится неотъемлемой частью общей системы высшего образования. Отдельные сельскохозяйственные университеты должны стремиться стать многопрофильными учреждениями, предлагающими целостное и междисциплинарное образование.

Национальная образовательная политика 2020 предложила ряд изменений в системе высшего сельскохозяйственного образования. В соответствии с основным направлением политики, рекомендовано положить конец фрагментации высшего сельскохозяйственного об-

разования путем преобразования сельскохозяйственных университетов/колледжей в крупные многопрофильные университеты, колледжи с 3000 и более студентов. Поэтому однопрофильные университеты должны перейти в многопрофильные учреждения к 2030 г., сохраняя при этом ориентацию на сельское хозяйство [5, с. 43].

В системе высшего сельскохозяйственного образования Индии существует большое количество аффилированных колледжей как в государственном, так и в частном секторе. Согласно Национальной образовательной политике 2020, они должны быть приведены в соответствие с новыми нормами высшего образования. В соответствии с образовательной политикой будет проведена работа по ликвидации «аффилиации» к 2035 г. [6, с. 35].

Колледжи, предлагающие программы бакалавриата, существуют в большом количестве как в государственной, так и в частной сфере. Эти учебные заведения необходимо будет привести в соответствие с новыми нормами высшего образования.

Государственные колледжи, предлагающие услуги в области сельского хозяйства/лесоводства/ветеринарии аффилированы либо с центральным университетом (Central University), либо с общим университетом штата (State General University). В таких случаях штату необходимо предпринять шаги по объединению этих колледжей с соответствующими университетами. Это поможет сделать университеты более крупными и многопрофильными [5, с. 58–59].

Развитие высшего сельскохозяйственного образования в Индии сопряжено с такими серьезными проблемами, как низкая доступность, отсутствие необходимых стандартов качества, недостаточная финансовая поддержка, нехватка квалифицированных преподавателей.

Подобные проблемы касаются большинства частных колледжей и университетов. Согласно отчету Комитета доктора Р.С. Пароды, значительный рост частных колледжей и университетов не соответствует целям и задачам, поставленным перед современным сельскохозяйственным образованием. Эти учебные заведения привлекают посредственных в академическом отношении студентов для поступления на различные программы и взимают с них непомерно высокую плату, которая непропорциональна инфраструктурным возможностям и качеству предлагаемого ими образования. Согласно отчету, более тревожными особенностями такого развития событий являются:

- непродуманная легализация аффилированности частных колледжей некоторыми аграрными университетами штатов вопреки положениям типового закона Индийского совета сельскохозяйственных исследований для аграрных университетов штатов;
- преобладающее пренебрежение к обеспечению наличия минимального физического плана, прежде чем частные учреждения получают лицензию для начала обучения;
- отсутствие принудительного механизма для аккредитации этих учебных заведений после их создания;
- большинство частных учебных заведений нанимают низкоквалифицированные кадры для преподавания, поскольку главным мотивом у них является получение прибыли [2, с. 57].

На основе руководящих принципов Национальной образовательной политики 2020 частные сельскохозяйственные колледжи, аффилированные с аграрными университетами штатов, могут развиваться как автономные колледжи, предоставляющие степень бакалавра. Соответствующие сельскохозяйственные университеты штатов должны убедить руководство своих аффилированных колледжей и правительства штатов принять соответствующие меры [5, с. 59].

Национальная образовательная политика 2020 обращает внимание на то, что университет во всем мире означает многопрофильное высшее учебное заведение, предлагающее программы бакалавриата, магистратуры и докторантуры, а также занимающееся высококачественным преподаванием и исследованиями. Нынешняя сложная номенклатура вузов в стране должна быть заменена просто на «университет» [6, с. 36].

NEP 2020 призывает к развитию многопрофильных университетов к 2030 г. и постепенному отказу от однопрофильных вузов. Таким образом, все сельскохозяйственные университеты должны будут двигаться в направлении превращения в динамичные многопрофильные учреждения. У колледжей есть возможность стать частью динамично развивающихся многопрофильных сельскохозяйственных университетов. Однопрофильные университеты могут либо присоединить колледжи, что поможет им превратиться в многопрофильные университеты, либо просто стать частью другого учреждения.

К 2030 г. однопрофильные сельскохозяйственные университеты, предлагающие сельскохозяйственное, лесное, ветеринарное и рыболовное образование, должны будут расширяться до многопрофильных университетов [5, с. 58].

Можно подчеркнуть, что отсутствие квалифицированных кадров в достаточном количестве в различных областях сельского хозяйства является одним из основных препятствий для достижения процветания фермерских хозяйств и желаемых темпов роста в сельскохозяйственном секторе. Существует прямая связь между инвестициями в образование и борьбой с бедностью, поскольку они помогают повышать рентабельность сельского хозяйства.

Для подготовки высококвалифицированных кадров, используя имеющийся опыт и материальные ресурсы, будут предприняты необходимые шаги для преобразования университетов, считающихся таковыми, в многопрофильные наукоемкие университеты. Согласно Национальной образовательной политике 2020, наименование, «считающийся университетом», должно быть заменено на «университет» при выполнении критериев в соответствии с нормами. Следовательно, однопрофильные университеты, считающиеся таковыми, в системе Индийского совета сельскохозяйственных исследований и сельскохозяйственных университетов перейдут в многопрофильные учреждения к 2030 г., сохраняя при этом ориентацию на сельское хозяйство. В системе ICAR-AU существует четыре университета, считающиеся таковыми: Индийский сельскохозяйственный научно-исследовательский институт (Indian Agricultural Research Institute, IARI), Индийский ветеринарный научно-исследовательский институт (Indian Veterinary Research Institute, IVRI), Национальный молочный научно-исследовательский институт (National Dairy Research Institute, NDRI) и Центральный институт рыболовства (Central Institute of Fisheries Education, CIFE). Эти четыре университета, считающиеся таковыми, имеют отличную инфраструктуру для исследований, преподавания и распространения знаний и могут быть преобразованы в университеты с интенсивными исследованиями [5, с. 59–60].

NEP 2020 требует реструктуризации современной системы сельскохозяйственного образования. Политика предлагает изменить структуру академических программ с помощью инновационной системы множественного входа и выхода с возможностью присуждения сертификата, диплома, степени бакалавра, а также одного или двух лет магистратуры. В программах магистратуры предлагается использовать мультидисциплинарный подход с возможностью получения специализации по выбору студента [6, с. 37–38].

Индийский совет сельскохозяйственных исследований предлагает стратегию для получения сертификата, диплома и степени бакалавра в области сельского хозяйства. Студент может выбрать любой предмет для получения годового сертификата, а поле сдачи экзамена он может выбрать программу для получения диплома. Студенты, получившие диплом, имеют право поступить на программу получения степени в зависимости от результатов теста и наличия свободных мест. Первоначально существующая степень бакалавра продолжительностью четыре года должна сохраниться. Программы сертификатов/дипломов должны быть разработаны таким образом, чтобы они соответствовали требованиям заинтересованных сторон. Для того, чтобы сделать эти программы привлекательными, они должны предлагать студентам возможности карьерного роста. Вся программа бакалавриата должна быть реструктурирована таким образом, чтобы программы первого года обучения были самостоятельными и включали компонент практического обучения в форме факультатива по желаемому аспекту (например, производство грибов, управление питомником, пчеловодство). Аналогичным образом факультативные курсы должны быть доступны студентам, которые хотели бы завершить программу с получением диплома. Нужно подчеркнуть, что сельскохозяйственное образование отличается от общего образования, поэтому нынешняя система четырехлетней программы бакалавриата и двухлетней программы магистратуры должны сохраняться в дальнейшем. В настоящее время большое внимание уделяется увеличению валового коэффициента зачисления в сельскохозяйственные высшие учебные заведения:

- на 10% ежегодно увеличивается количество мест с 2021–2022 учебного года;
- вступительные экзамены на программы бакалавриата могут проводиться на региональных языках с использованием Академического банка кредитов в соответствии с директивами Министерства образования;
- необходимо увеличить прием молодежи из фермерской среды;
- предоставление стипендий талантливым студентам, обучающимся по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры;
- оказание финансовой поддержки студентам, принадлежащим к списочным кастам, списочным племенам и другим социально и экономически неблагополучным группам.

Можно сделать вывод о том, что интеграция профессионального и высшего образования, как указано в Национальной образовательной политике 2020, является важным и неотложным шагом, который

должны предпринять все сельскохозяйственные высшие учебные заведения.

Значительная роль в регулировании сельскохозяйственного образования отводится Индийскому совету сельскохозяйственных исследований. В соответствии с рекомендациями NEP 2020 ICAR должен действовать в качестве органа по установлению профессиональных стандартов в области сельскохозяйственного образования для разработки учебных программ и установления академических стандартов. Как член предложенного Совета по общему образованию, Индийский совет сельскохозяйственных исследований должен предпринять необходимые шаги для создания единой академической структуры по всей стране как в государственных, так и в частных учреждениях, предлагающих академические программы по сельскохозяйственным наукам. Согласно Национальной образовательной политике 2020, Национальный совет по аккредитации должен действовать как мета-аккредитационный орган и должен возложить задачу функционирования в качестве признанного аккредитатора на соответствующее количество учреждений. В этой перспективе ICAR может быть признан в качестве аккредитатора для аккредитации университетов/колледжей, предлагающих сельскохозяйственное образование [5, с. 44].

NEP предусматривает полную перестройку и обновление системы высшего образования, чтобы преодолеть существующие проблемы и обеспечить высокое качество при справедливости и инклюзивности. Его видение преобразования сельскохозяйственного образования заключается в укреплении связей между сельскохозяйственным образованием и смежными дисциплинами. Она заявила, что «дизайн сельскохозяйственного образования должен быть усилен в направлении развития профессионалов» [7, с. 24–25].

Однако, несмотря на растущее значение сельскохозяйственного образования в Индии, доля студентов, получающих сельскохозяйственное образование, ничтожно мала. Согласно индикаторам мирового развития Всемирного банка, лишь 0,9% студентов поступили на программы по сельскому, лесному, рыбному хозяйству и ветеринарии, и только 0,7% студентов окончили эти программы в 2018 г. Программы высшего образования в области сельского хозяйства и смежных наук должны привлекать и обучать высококачественных, мотивированных студентов с искренним интересом к сельскому хозяйству путем повышения качества и актуальности обучения, а также увеличение инвестиций по всей сельскохозяйственной цепочке создания стоимости. Низкие инвестиции в сельскохозяйственные исследования и образование не только повлияли на исследования, но и не смогли привлечь студентов в этот сектор, которые могут внести значимый вклад [8, с. 680–681].

Филип Г. Альтбах и Эльдо Мэтьюз отмечают, что касается научных исследований мирового уровня, то план Индии по модернизации своих ведущих университетов сталкивается с серьезными проблемами, возможно, самой серьезной из которых является хроническое недофинансирование высшего образования в целом. Особенно это отразилось на потенциале университетов с исследовательской миссией для достижения успеха [9, с. 56].

Выполнение NEP 2020 позволит усилить экономики общества и развитие всех штатов Республики Индия [10, с. 127].

Ожидается, что хорошо налаженная система сельскохозяйственного образования приведет к улучшению технологий, которые способны превратить этот сектор в прибыльный бизнес [8, с. 679].

В сложившихся условиях система высшего сельскохозяйственного образования Индии станет стержневым инструментом регулирования в вопросах обеспечения кадрами, воздействуя на уровень, структуру и качество подготовки специалистов сельского хозяйства.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что NEP 2020 предложила ряд изменений в системе высшего сельскохозяйственного образования. Политика предусматривает полную перестройку и регенерацию системы высшего образования. Несомненно, система высшего сельскохозяйственного образования Индии преодолет многочисленные проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается и учреждения высшего образования будут предоставлять высококачественное высшее образование на основе равенства и инклюзивности. Повышение уровня инвестиций в сельскохозяйственные исследования и образование являются необходимым условием для реализации Национальной образовательной политики 2020. Предложения, изложенные в NEP 2020, поддерживаемые соответствующим финансированием центрального правительства и правительств штатов, позволяя студентам университетов и колледжей получать знания в многопрофильных сельскохозяйственных высших учебных заведениях. Индия – великая страна, которая должна иметь не только крупнейшую в мире систему высшего сельскохозяйственного

образования, но и одну из самых лучших, которая поможет обеспечить в полной мере продовольствием всю страну.

Многие проблемы, о которых сказано выше, характерны и для развития высшего сельскохозяйственного образования в России и поэтому индийский опыт имеет огромное значение для решения проблем подготовки высококвалифицированных кадров для агропромышленного комплекса, обеспечения продовольственной безопасности будет полезен.

Литература

1. Global Hunger Index. URL.: <https://www.globalhungerindex.org/ranking.html> (дата обращения: 11.01.2026).
2. Rana N., Agnihotri M.K., Agrawal R.C. Landscape of Higher Agricultural Education in India 2020. New Delhi., 2020. 74 p. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/343006709> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Agricultural Education & Training in India // Press Information Bureau (PIB). URL.: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2186124®=3&lang=2> (дата обращения: 11.01.2026).
4. Степанов В.И., Степанова Н.В. Создание национального исследовательского фонда и его роль в формировании будущего академического успеха Республики Индия // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 11. С. 42–45. DOI: 10.24412/2306-5001-2025-11-42-45.
5. Implementation Strategy for National Education Policy-2020 in Agricultural Education system. New Delhi, 2021. 93 p. URL.: <https://www.icar.org.in/sites/default/files/2022-04/New%20Education%20Policy-2020.pdf> (дата обращения: 11.01.2026).
6. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 2020. 66 p. URL.: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
7. Reddy R.S., Bhaskar M.U., P V Sathya Gopal P.V. Implementation of NEP 2020: Roadmap for Agricultural Education. Conference: Transformation of Agricultural Extension – Strategies for Effective Reformation (TAESER-2021). Guntur, 2021. P. 24–25. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/361971767> (дата обращения: 11.01.2025).
8. Chakraborty M. Agricultural Education: An Instrument for Growth and Development // Agriculture & Food: E-newsletter. 2020. Vol. 2. Issue 11. P. 679–682. URL.: https://www.researchgate.net/publication/345132570_Agriculture_Education (дата обращения: 11.01.2026).
9. Altbach P., Mathews E. (2020) Is Indian Higher Education Finally Waking Up? // Change: The Magazine of Higher Learning. – 2020. – Vol. 52. No. 3. – P. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/00091383.2020.1745602>.
10. Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика Индии 2020 и ее роль в обеспечении равного доступа к качественному образованию всех студентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия гуманитарные науки. 2025. № 9. С. 125–128. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.09.36.

NATIONAL EDUCATION POLICY 2020 AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER AGRICULTURAL EDUCATION IN INDIA

Stepanov V., Stepanova N.

Altai Institute of Economics and Law, JSC NPF Information and Network Technologies

This study analyzes the key principles and mechanisms of India's National Education Policy 2020 in the context of promoting higher agricultural education. The study aims to identify fundamental approaches to training qualified specialists in agricultural universities and colleges. The methodological framework is based on a comprehensive analysis of educational policy documents and relevant scientific literature. Particular attention is paid to examining the barriers to improving higher agricultural education and its role in ensuring the country's food and nutrition security. The analysis identified key areas for the development of higher agricultural education, including the creation of multidisciplinary, knowledge-intensive agricultural universities offering a holistic and multidisciplinary education, the merger of colleges with dynamically developing relevant universities, and the expansion of multichannel funding for the promotion of high-quality research in agricultural sciences. Without these, it will be difficult to achieve significant structural changes in the economy and accelerate the development of key agricultural sectors to achieve the status of a new superpower. The results of the study demonstrate the significant potential of the Indian experience for the development of higher agricultural education in other countries, particularly Russia, where these issues remain relevant in the context of socio-economic differentiation of society.

Keywords: India, National Education Policy 2020, Higher agricultural education, multidisciplinary science-intensive agricultural university.

References

1. Global Hunger Index. URL.: <https://www.globalhungerindex.org/ranking.html> (date of access: 11.01.2026).
2. Rana N., Agnihotri M.K., Agrawal R.C. Landscape of Higher Agricultural Education in India 2020. New Delhi., 2020. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/343006709> (date of access: 11.01.2026).

3. Agricultural Education & Training in India // Press Information Bureau (PIB). URL.: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2186124®=3&lang=2> (date of access: 11.01.2026).

4. Stepanov V.I., Stepanova N.V. Establishment of a National Research Foundation and its Role in Shaping the Future Academic Success of the Republic of India // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 11. Pp. 42–45. DOI: 10.24412/2306-5001-2025-11-42-45.

5. Implementation Strategy for National Education Policy-2020 in Agricultural Education system. New Delhi, 2021. 93 p. URL.: <https://www.icar.org.in/sites/default/files/2022-04/New%20Education%20Policy-2020.pdf> (accessed: 11.01.2026).

6. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 2020. 66 p. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (access date: 01/11/2026).

7. Reddy R.S., Bhaskar M.U., P V Sathya Gopal P.V. Implementation of NEP 2020: Roadmap for Agricultural Education. Conference: Transformation of Agricultural Extension – Strategies for Effective Reformation (TAESERE-2021). Guntur, 2021. P. 24–25. URL: <https://www.researchgate.net/publication/361971767> (access date: 01/11/2025).

8. Chakraborty M. Agricultural Education: An Instrument for Growth and Development // Agriculture & Food: E-newsletter. 2020. Vol. 2. Issue 11. P. 679–682. URL.: https://www.researchgate.net/publication/345132570_Agriculture_Education (accessed: 11.01.2026).

9. Altbach P., Mathews E. (2020) Is Indian Higher Education Finally Waking Up? // Change: The Magazine of Higher Learning. –2020. – Vol. 52. No. 3. – P. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/00091383.2020.1745602>.

10. Stepanov V.I., Stepanova N.V. National Education Policy of India 2020 and its Role in Ensuring Equal Access to Quality Education for All Students // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanitarian Sciences Series. 2025. No. 9. P. 125–128. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.09.36.

Строкова Татьяна Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева

E-mail: strokova_tatyana@mail.ru

Проблема политического нигилизма является актуальной для современного российского общества и политической власти. Вовлеченность граждан в политическую жизнь и проявление интереса к политике говорят об уровнях политического сознания и политической культуры граждан, сформированности и эффективности функционирования гражданского общества. Рост нигилистических настроений среди населения может свидетельствовать об отрицательных тенденциях не только в политической сфере, но и в других сферах жизни общества, привести к негативным последствиям для политической власти. *Цели и задачи.* Целью данного исследования является рассмотрение генезиса категории «политический нигилизм» и уровня его проявления в современном российском обществе. Задачи заключаются в том, чтобы рассмотреть истоки появления категории «политический нигилизм» и разобрать подходы к пониманию данного политического явления, обозначить тенденции проявления в современной России. *Методы.* В исследовании использованы методы: историко-политического анализа и систематизации, статистического анализа, нормативно-ценностный. *Результаты.* В исследовании обозначены причины распространения политического нигилизма и формы его проявления в современной России. *Выводы.* Политический нигилизм – часто встречающееся социально-политическое явление, которое проявляется при неэффективности политической власти, слабости политической элиты, социально-экономических и политических кризисах. Его преодоление играет важную роль для развития государственности, демократических основ, гражданского общества. Важную роль для его минимизации и искоренения играет политическая стабильность и эффективный менеджмент в политике.

Ключевые слова: нигилизм, политический нигилизм, власть, политическое участие, политическая культура.

В период новейшей истории России во многих сферах жизни общества можно отметить проявление нигилистических настроений. Выделяют правовой (юридический), политический, социальный, религиозный, моральный, эстетический, нравственный и другие виды нигилизма. Наиболее распространённый тип – правовой. Тем не менее, в современном обществе всё чаще можно наблюдать тенденцию развития политического нигилизма.

Для лучшего понимания данного явления необходимо обратить внимание, что под нигилизмом в широком смысле подразумеваются определенные взгляды и мнения, связанные с отрицанием или негативным отношением к каким-либо сферам жизни общества, устоям, традициям, общепризнанным идеалам, общественным институтам, власти, государственной политике и пр. В целом же нигилизм представляет собой философию, основанную зачастую на скептицизме. Нигилизм в общественном поведении может проявляться в активной форме (в виде действий) и пассивной форме (в виде бездействия, выражающегося в пренебрежительном отношении).

В научной литературе широко и глубоко исследованы вопросы правового нигилизма и его проявлений в обществе. Многие ученые-правоведы и теоретики права дают объяснение этому понятию. А вот с дефиницией «политический нигилизм» ситуация противоположная. На данный момент существует недостаточное внимание к этому явлению среди российских ученых, поэтому научных исследований, посвященных данной проблематике немного.

Сам термин «нигилизм» впервые начал употребляться в европейской философии в конце XVIII века. Широкое распространение получил в XIX веке как Европе, так и в России. В западноевропейской философской мысли нигилизм связан с именем немецкого философа Фридриха Ницше, в трудах которого данный феномен прежде всего базируется на морально-религиозных, культурных составляющих, заключающихся в утрате своих ценностей, их значения, духовной культуры, христианских идеалов, их переоценке. По мнению Ницше, «... нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, потому что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была ценность этих «ценностей»... Нам нужно когда-нибудь найти новые ценности...» [11, с. 34]. Но при этом нигилизм как таковой проявляется и в политике и политической власти. Так, в частности, он связывает нигилистические настроения с «волей к власти» (одни навязывают свою волю, ценности другим, что связано со стремлением доминировать), выступает с критикой демократии в том понимании, которое было присуще тому времени, оценивает современные государства того периода истории как враждебные культуре, отмечает кризис европейской культуры, что может привести в перспективе к революциям и культурному закату Европы. Так Ницше отмечает, что «демократизм во все времена был упадочной формой организующей силы, уже в Человеческом (I 318) я охарактеризовал современную демократию со всеми ее половинчатостями, вроде германского рейха, как упадочную форму государства» [10, С. 87].

Нигилистическое течение в России сформировалось и обрело популярность в середине XIX века, рост популярности которого связан с выходом романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в 1862 году. В основе философии нигилизма лежат идеи западничества. Нигилизм в России имеет много общих черт с западными воззрениями, но при этом приобрел свою специфику. Он носил атеистический, материалистический характер, строился на позитивизме. Всё доказывалось и познается исключительно научными методами. Ему присущи были индивидуализм, отрицание общественных ценностей, моральных норм во всех сферах жизни общества, существующего общественного строя, авторитетов, веры и т.д. Нигилисты часто выступали с критикой пассивности русского народа, демократизма, придерживались революционных взглядов. Среди нигилистов были представители различных политических взглядов, но основную массу составляли радикально настроенная студенческая молодежь. Позднее течение нигилизма перерастет в революционное движение.

Здесь нам стоит отметить, какие подходы к категории «политического нигилизма» можно встретить.

Во-первых, исторический подход к пониманию политического нигилизма. Категория «нигилизм» получила широкое распространение в литературе, публицистике, философских трактатах XIX ве-

ка в России. При этом в научных исследованиях употребляется термин общественно-политический или общественный нигилизм [См.: 4]. Его появление связано с общественно-политической обстановкой в российском обществе: «с ломкой прежнего уклада, переходом к хозяйственно-капиталистическому строю, сопровождавшимся духовно-идеологическим кризисом, выразившимся в комплексе вины у дворянства, неустойчивости молодого поколения; переходом лидирующей роли в формировании интеллигенции к разночинцам и др.» [5, С. 18–19]. И в качестве основных подходов к определению у историков выделяют – социальный и политический. «В центре понимания нигилизма в русле социальном – было представление о нигилизме, как некоем общественном феномене. В центре политического восприятия – нигилисты трактовались как общественно-опасная политическая группа, нацеленная на свержение существующего режима» [5, С. 15]. Нигилистическим настроениям подвержена преимущественно была интеллигенция, среди которой отмечалась значительная численность молодежи. Стоит отметить, что существует точка зрения, при которой появление нигилистических тенденций в кругах российской интеллигенции XIX столетия стало одной из предпосылок для возникновения революционных движений и политического терроризма. В соответствии с данной точкой зрения нигилизм представляется здесь исключительно как социально-опасное явление, включающее в себя политические воззрения, содержащие идеи коренного изменения политического режима путем применения радикальных методов. Сторонники социально-политического восприятия отмечают, что нигилистические настроения при ретроспективном анализе могут привести к появлению терроризма по политическим мотивам и даже к революциям. Если рассматривать более детально данный подход, то здесь нигилизм видится прежде всего, как идеологический источник формирования революционных взглядов и революционных движений, который может привести к государственному перевороту и смене всей политической системы или кардинальным переменам в ней.

Во-вторых, правовой подход к пониманию политического нигилизма. Здесь следует подчеркнуть правовую природу происхождения политического нигилизма и непосредственную связь с нигилизмом правовым. В данном случае источником политического нигилизма являются политико-правовые проблемы, присущие современному российскому обществу. Зрячин А.Н. в своих научных исследованиях отмечает, что правовой нигилизм – это «порожденное социальной средой активное или пассивное отрицание установленных государством правовых норм, которое препятствует прогрессивному развитию общества и может стать живительной средой для совершения противозаконных действий» [9, С. 14]. Политическая сфера как раз является той благодатной средой для совершения различных преступных действий, направленных на нарушение закона и пренебрежение к действующим нормам права. Здесь стоит отметить и тесную взаимосвязь правовой и политической сфер жизни общества.

Особенно интересна позиция М.В. Бондаренко, который считает, что правовой нигилизм – это «есть определенная форма общественного состояния, отражающая политические и национально-исторические особенности общества» [6, С. 36]. Действительно, с точки зрения взаимосвязанности с историческим подходом нельзя не учитывать национальную ментальность населения нашей страны. 90-е годы XX века, которые вошли в историю как «лихие девяностые», характеризовались социально-экономическим кризисом, переменами в политической системе, криминализацией общества, значительным ростом преступности и бандитизма, большой социальной нестабильностью и напряженностью. В жизни страны воцарилась, по мнению американского историка-русиста и профессора истории Массачусетского университета в Амхерсте М.Т. По, – «хаотическая смесь бандитизма и капитализма» [См.:16]. На наш взгляд, это связано с тем, что пришла новая власть, которая наделила население свободой, которую это население понимало слишком искаженно и субъективно. Произошел надлом массового сознания граждан, потому как новым руководством страны не была создана на тот момент ещё политико-правовая база для реализации этой свободы и механизмы регулирования происходящих социальных процессов, решения принимались исходя из ситуации. Новое политическое руководство, как нам видится, тоже не совсем понимало эту свободу, т.к. вектор политической модернизации в сторону демократического развития общества и политического плюрализма был обозначен, а конкретная концепция или стратегия отсутствовала. Просветительская работа с населением не проводилась. Данные факторы создали благоприятную основу для возникновения различных деформаций политического, правового сознания населения и в том числе росту нигилистических настроений в обществе. Для формирования правового государства и гражданского общества потребовалось время.

Таким образом, при анализе различных подходов к трактовке и пониманию категории «нигилизм» можно выделить, что нигилизм – это система взглядов и идей, характеризующая состояние общества в определенный исторический период, связанный с социальной напряженностью, застоём и кризисом, выражающаяся в отрицании и неприятии принятых в обществе социальных норм.

В широком смысле можно понимать политический нигилизм как определенную манеру или форму политического поведения, связанные с кризисом политической культуры и изменениями в политическом поведении граждан.

Прежде всего политический нигилизм в современном Российском обществе выражается в самоустранении от политики и участия в политической жизни российского общества. Как отмечает Е.Ю. Бочарникова, «проявлением политического нигилизма у граждан, является и крайне низкое участие в деятельности политических организаций. Причём каждый второй мотивирует своё неучастие отсутствием смысла. Россияне достаточно адекватно оценивают сущность властных структур, оставленных в наследство от предшествующего политического режима, и не видит реальной возможности что-либо изменить» [7, С. 147]

Участие граждан и их вовлеченность в политическую жизнь нашего государства гарантируется Конституцией Российской Федерации. Так, согласно статьи 32 Конституции РФ «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» и «имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [См.: 1]. Так, например, в 2021 году по данным ВЦИОМ был зафиксирован предельно низкий процент участия граждан Российской Федерации в выборах в органы власти различного уровня, который составил 22%, что значительно ниже, чем в предыдущие годы. Например, в 2004 году данный процент составлял 55%, а в 2011 году – 27%. [См.: 3] При этом в единый день голосования в 2025 году на выборах губернаторов части регионов и депутатов местных законодательных собраний, как отметила глава Центральной избирательной комиссии Эллы Панфилова, явка составила около 47%. Стоит отметить, что на данных выборах все действующие и временно исполняющие обязанности главы регионов подтвердили свой статус. Среди политических партий лидирующие позиции по итогам выборов 2025 занимает партия «Единая Россия». Рекордное участие граждан было зафиксировано в 2024 году на выборах президента Российской Федерации, где явка составила 77,44%. Данные показатели свидетельствуют о том, что на данный момент можно сделать вывод о сформировавшемся за последние годы доверии к действующей власти и высоком уровне доверия президенту В.В. Путину.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации граждане могут создавать и участвовать в деятельности общественных объединений, имеют право проводить мирные митинги, демонстрации, пикетирования и т.д. Как показало социологическое исследование ВЦИОМ 2021 г., что с «с 2011 года интерес к общественно-политической жизни у россиян увеличился и достиг показателей 2008 года» [См.: 3]. Но при этом, количество не принимающих совсем никакого участия в общественно-политической жизни, в избирательных компаниях, в деятельности общественных организаций и политических партий, в митингах, демонстрациях, пикетах и т.д. сократилось и составило в 2011 году 65%, а в 2021 году – 45% опрошенных.

Таким образом, на основе результатов данного социологического исследования мы видим, что происходят изменения в политическом сознании россиян, меняется уровень политической культуры.

При этом Е.Ю. Бочарникова одной из причин политического нигилизма выделяет «не исполнение властью, вручённых ей народом полномочий, а если и исполнение, то не в надлежащем виде и не в срок» [7, С. 147]. Здесь нельзя не согласиться с автором. Зачастую можно столкнуться с злоупотреблениями органов местного самоуправления, нарушением прав граждан, игнорированием обращений, что подрывает доверие населения к власти на местах. Их бездействие или наоборот чрезмерно активная деятельность, направленная на реализацию собственных корыстных целей, приводит к разочарованию и росту нигилистических настроений в обществе. Следственный комитет Российской Федерации часто рассматривает подобные случаи, проводит проверки, выявляет нарушения и привлекает к ответственности должностных лиц. Помимо обращения граждан в правоохранительные органы люди предпочитают обращаться к вышестоящим властным структурам. Такими инструментами являются в частности прямая линия с президентом, которая проходит ежегодно, создание порталов для обращения граждан на уровне главы региона и решения сложившихся проблем. Например, в Московской области функционирует портал «Добродел».

Как резюмируют Т.М. Чапурко и Н.П. Иващенко, — «неэффективность действий элиты порождает политический нигилизм и служит источником его воспроизводства» [13].

Здесь особо стоит отметить и моральный облик отдельных представителей органов местного самоуправления. Как отмечает Е.А. Чирикова, что «элита — это личности или группы личностей особого специального достоинства, это те, кто строг и требователен к себе самому, берет на себя труд и долг» [14, С. 149]. Полный перечень личных качеств и эталонов поведения для государственных служащих содержится в Указе Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих».

При этом отдельно стоит отметить некоторых чиновников, которые убеждены в своем превосходстве перед народом и часто забывают о своем предназначении. Их высказывания, которые получили широкую огласку в СМИ и сети интернет, вызвали большой общественный резонанс и народное порицание. Например, к таковым можно отнести слова экс-министра труда, занятости и миграции Саратовской области о том, что для нормального питания достаточно суммы 3,5 тыс. рублей, а «макарошки всегда стоят одинаково» [См.: 18]. Или высказанная позиция экс-директора департамента молодежной политики Свердловской области в 2018 г., что государство ничего не должно молодежи и не просило их рожать. Таких примеров достаточно много, когда чиновники делают высказывания и заявления, направленные на унижения своего народа, избирателей, могут также позволить оскорбления в адрес простых людей, которые интересуются остро значимыми социальными проблемами и задают представителям власти не совсем удобные вопросы, требующие конкретных действий и часто быстрого реагирования. Тем самым такие государственные служащие подрывают авторитет власти и вызывают высокую степень недоверия у населения, что приводит к росту политического нигилизма в российском обществе. Сюда же можно отнести и аморальные поведение и поступки чиновников различного уровня не только в служебное время, но и вне службы.

Особое место в усилении нигилистических настроений в политической сфере играет коррупция. Как отмечают Т.М. Чапурко и Н.П. Иващенко: «На сегодняшний день криминализация общества и системная коррупция как составляющая ее часть являются важнейшими детерминантами политического нигилизма. Происходит утрата доверия населения как к политической системе в целом, так и к конкретным представителям власти. Все вышеупомянутое формирует атмосферу политической аномии» [12].

По опубликованному в 2018 году данным ВЦИОМ: «В ТОП рейтинга наиболее коррумпированных, по оценкам респондентов, сфер входят медицина (23%), ГИБДД (ГАИ) и полиция (по 16%), сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%). Четверть наших сограждан (24%) убеждена, что во взяточничестве погрязло все общество» [См.: 2]. При этом в последнее время всё больше правоохранительными органами возбуждается уголовных дел, арестовываются за коррупционные преступления, мошенничество чиновники различных уровней власти, политики, судьи, представители бизнеса и т.д. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в своем интервью изданию «РИА НОВОСТИ» отметил, что в 2025 году в суды было направлено на 29% уголовных дел коррупционного характера больше, чем за аналогичный период 2024 года. При этом за первые девять месяцев в 2024 году передано в суды 9 тыс. коррупционных уголовных дел в отношении 10 тыс. обвиняемых. Среди данных уголовных дел есть весьма резонансные с высокопоставленными фигурантами. Данная динамика деятельности правоохранительных органов в отношении расследования и пресечения находит положительный отклик среди российского населения.

Таким образом, политический нигилизм зарождается и получает широкое распространение в период экономических, социальных, политических кризисов, когда действующая власть оказывается слабой, неэффективной и коррумпированной, при низком уровне жизни населения, при росте преступности и криминализации общества, при наличии остро значимых социальных проблем, на которые власть и её представители закрывает глаза, при стагнации экономики, бездействии правоохранительных органов и неэффективности правоохранительной системы в целом. В современной России рост нигилистических настроений у граждан в политической сфере отмечался в 90-е годы XX века и в начале нулевых годов XXI столетия. Выражался в скептическом отношении к власти, критике, высокому уровню недоверия, низкой явке на выборах, росте оппозиционных движений. На данный момент мы видим, что ситуация изменилась. Население видит сильного лидера и меры эффективного политического управления, возможность принимать активное участие в политической жизни страны — всё это

является благоприятным фактором для позитивных изменений в политическом сознании граждан и преодолении политического нигилизма. Но при этом стоит отметить, что еще предстоит проделать огромную работу по искоренению злоупотреблений со стороны отдельно взятых должностных лиц, чтобы решить проблему проявления нигилистических настроений.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Коррупция в России: мониторинг: данные ВЦИОМ от 1 июня 2018 г. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupczija-v-rossii-monitoring> (дата обращения 01.10.2025). — Текст: электронный.
3. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг: данные ВЦИОМ от 2 августа 2021 г. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения 01.10.2025). — Текст: электронный.
4. Бик-Булатов А.Ш. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века: 1860-е годы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10. — Казань, 2005. — 260 с.
5. Бик-Булатов А.Ш. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века: 1860-е годы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 Казан. гос. ун-т. — 21 с.
6. Бондаренко М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Моск. акад. МВД РФ. — Москва, 2002. — 23 с.
7. Бочарникова Е.Ю. Политический нигилизм и пути его преодоления // Право и государство: теория и практика. 2012. № 9 (93). — с. 146–148. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18103795_87854287.pdf (дата обращения 04.10.2025)
8. Возилов В.В. Нигилизм и антинигилизм как политические принципы интеллигенции. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 23 (314). — с. 49–55.
9. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2007. — 26 с.
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. — М.: 2009. — 408 с.
11. Ницше Ф. Воля к власти; Опыт переоценки всех ценностей: Сборник / Пер. с нем.; — Мн.: ООО «Попурри», 1999. — 464 с.
12. Чапурко Т.М., Иващенко Н.П. Политико-правовой взгляд на коррумпированность с позиции формирования политического и правового нигилизма // Т.М. Чапурко, Н.П. Иващенко // Всероссийская научно-практическая конференция «Криминальная ситуация, реагирование на нее и направления антикриминальной политики» (Москва, 28–29 января 2014 г.). — М.: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2014. — С. 202–207. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22707734_87618081.pdf (дата обращения 04.10.2025)
13. Чапурко Т.М., Иващенко Н.П. Ценности и антиценности как детерминанты политического нигилизма в современной России. // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление.м — 2015. — № 8 (63). — С. 88–92. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23758289> (дата обращения 04.10.2025)
14. Чирикова А.Е. О теориях элит// Общество и экономика. — 2008. — № 3–4. — С. 114–174
15. Шарафутдинов А.Ш., Хафизова Д.М. «Политический нигилизм» как модель политического поведения / А.Ш. Шарафутдинов, Д.М. Хафизова // Социальнополитические науки. — 2012. — № 3. — С. 135–137. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-nigilizm-kak-model-politicheskogo-povedeniya/viewer> (дата обращения 31.09.2025)
16. Poe Marshall T. The Russian moment in world history / Marshall T. Poe. — Princeton; Oxford: Princeton university press, 2006. — XV, 116, [3] с.; 21 см.; ISBN 0-691-11612-1.
17. «Государство не просило вас рожать». Оскорбительные высказывания российских чиновников // Информационное агентство ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/7648559> (дата обращения 06.10.2025)
18. Случаи скандальных высказываний российских региональных чиновников // Информационное агентство ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/6835618> (дата обращения 06.10.2025)

ON THE ISSUE OF POLITICAL NIHILISM IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Strokovaya T.A.

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

The problem of political nihilism is relevant for modern Russian society and political power. The involvement of citizens in political life and the manifestation of interest in politics indicate the level of political consciousness of citizens and political culture, the formation and effectiveness of the functioning of civil society. The growth of nihilistic sentiments among the population may indicate negative trends not only in the political sphere, but also in other spheres of society, and lead to negative consequences for political power. *Goals and objectives.* The purpose of this study is to examine the genesis of the category of "political nihilism" and the level of its manifestation in modern Russian society. The objectives are to examine the origins of the category of "political nihilism" and to analyze approaches to understanding this political phenomenon, to identify trends of manifestation in modern Russia. *Methods.* The research uses the following methods: historical and political analysis and systematization, statistical analysis, normative and value analysis. *Results.* The study identifies the causes of the spread of political nihilism and the forms of its manifestation in modern Russia. *Conclusions.* Political nihilism is a common socio-political phenomenon that manifests itself in cases of inefficiency of political power, weakness of the political elite, socio-economic and political crises. Overcoming it plays an important role for the development of statehood, democratic foundations, and civil society. Political stability and effective political management play an important role in minimizing and eradicating it.

Keywords: nihilism, political nihilism, power, political participation, political culture.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)
2. Corruption in Russia: monitoring: WCIOM data from June 1, 2018 – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring> (date of access 01.10.2025). – Text: electronic.
3. Social and political activity of Russians: monitoring: WCIOM data from August 2, 2021 – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (date of access 01.10.2025). – Text: electronic.
4. Bik-Bulatov A. Sh. Socio-political nihilism in Russian journalism and publicism of the second half of the 19th century: the 1860s: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.01.10. – Kazan, 2005. – 260 p.
5. Bik-Bulatov A. Sh. Socio-political nihilism in Russian journalism and publicism of the second half of the 19th century: the 1860s: abstract of dis. ... candidate of philological sciences: 10.01.10 Kazan. state University. – 21 p.
6. Bondarenko M.V. Legal culture and lawful behavior in modern Russian society: abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / Moscow academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow, 2002. – 23 p.
7. Bocharnikova E. Yu. Political nihilism and ways to overcome it // Law and state: theory and practice. 2012. No. 9 (93). – Pp. 146–148. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18103795_87854287.pdf (date of access 04.10.2025)
8. Vozilov V.V. Nihilism and anti-nihilism as political principles of the intelligentsia. // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 23 (314). – Pp. 49–55.
9. Zryachkin A.N. Legal nihilism: causes and ways to overcome them: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Saratov, 2007. – 26 p.
10. Nietzsche F. Complete Works in 13 Volumes. Vol. 6: Twilight of the Idols. Anti-christ. Ecce Homo. Dionysian Dithyrambs. Nietzsche contra Wagner. – Moscow: 2009. – 408 p.
11. Nietzsche F. The Will to Power; An Experience of the Revaluation of All Values: Collection / Translated from German; – Minsk: OOO "Popourri", 1999. – 464 p.
12. Chapurko T.M., Ivaschenko N.P. Political and Legal View of Corruption from the Position of the Formation of Political and Legal Nihilism // T.M. Chapurko, N.P. Ivaschenko // All-Russian scientific and practical conference "The criminal situation, response to it and directions of anti-criminal policy" (Moscow, January 28–29, 2014). – M.: All-Russian public organization "Russian Criminological Association", 2014. – Pp. 202–207. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22707734_87618081.pdf (date of access 04.10.2025)
13. Chapurko T.M., Ivaschenko N.P. Values and anti-values as determinants of political nihilism in modern Russia. // Science and education: economy and economics, entrepreneurship; law and management.m – 2015. – No. 8 (63). – Pp. 88–92. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23758289> (access date 10/04/2025)
14. Chirikova A.E. On the theories of elites // Society and Economics. – 2008. – No. 3–4. – Pp. 114–174
15. Sharafutdinov A.Sh., Khafizova D.M. "Political nihilism" as a model of political behavior / A. Sh. Sharafutdinov, D.M. Khafizova // Socio-political sciences. – 2012. – No. 3. – P. 135–137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-nigilizm-kak-model-politicheskogo-povedeniya/viewer> (date accessed 31.09.2025)
16. Poe Marshall T. The Russian moment in world history / Marshall T. Poe. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006. – XV, 116, [3] p.; 21 cm; ISBN 0-691-11612-1.
17. "The State Didn't Ask You to Give Birth." Offensive Statements by Russian Officials // TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/info/7648559> (accessed October 6, 2025)
18. Scandalous Statements by Russian Regional Officials // TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/info/6835618> (accessed October 6, 2025)

Сухарев Денис Дмитриевич,
аспирант, Омская гуманитарная академия
E-mail: 223641@list.ru

Цель статьи заключается в рассмотрении политической конкуренции как ключевого института демократии и ее трансформации в гибридных режимах. В исследовании использовался метод компаративного анализа. На основе анализа классических концепций демонстрируется эволюция понимания роли и функций политической конкуренции. В результате была установлена дуальность природы политической конкуренции.

Ключевые слова: политическая конкуренция; демократия; гибридные режимы, электоральные процессы; партийные системы; политические элиты.

Политическая конкуренция является одним из показателей состояния ключевых институтов демократии в современных государствах. Она является основным механизмом ротации политической элиты и ее рекрутирования, создает благоприятные условия для организации управленческих функций и для учета интересов различных социальных групп. Выборы являются одним из основных пространств политической конкуренции в демократическом обществе, так как на их фоне акторы вынуждены бороться друг с другом за лояльность избирателей за счет предложения им наиболее подходящих путей решения их проблем.

Для существования и процветания политической конкуренции в системе необходим ряд условий. Одним из таких может являться равенство прав и гарантий, которые бы являлись опорой для ведения конкурентных взаимоотношений. Данные правила должны быть одинаковыми для всех, и не могут устанавливаться в демократиях без согласия всех участников или быть направлены на удовлетворение интересов одной стороны. Примером такой нормы становится возможность для получения акторами равнозначной информации, которая способствует их соперничеству. Главной проблемой в таком случае становится выявление того, что происходит в системах, где данные сведения сложно приобрести или вовсе невозможно получить, как это влияет на конкуренцию.

В политической науке сложилось несколько подходов к анализу политической конкуренции. Э. Даунс рассматривает политическую конкуренцию, как борьбу политических акторов за лояльность избирателей для того, чтобы получить место в правительстве. Осуществление политических решений для них становится источником получения ресурсов (деньги, власть, почет), поэтому после своего избрания организации стремятся к тому, чтобы достигнуть как можно больших выгод, которые позволят им сохранить свое представительство во власти.

Сам процесс принятия решений, по его мнению, может происходить в двух различных ситуациях: в условиях совершенной и несовершенной информации. Их разница заключается в том, что в первом случае партиям известны предпочтения избирателей, которые рассматривают избирательный процесс через призму того, кто принесет им больше выгод, поэтому для них не важны предвыборные обещания, а они предпочитают оценивать проделанную работу действующей власти, и только в том случае, когда она их не устраивает, они ищут ей замену. В системе совершенной информации невозможно скупать голоса или воздействовать на электорат, так как каждый гражданин владеет достаточной информацией и способен самостоятельно принимать решения, взвешивая все плюсы и минусы избрания того или иного политического объединения.

Вторая ситуация предполагает, что: «партии не всегда точно знают, чего хотят граждане; что граждане не всегда знают, что правительство или его оппозиция сделали, делают или должны делать, чтобы служить их интересам; что информация, необходимая для преодоления обоих типов бедности обходится дорого» [1, С. 139].

Условия несовершенной информации создают три эффекта, первым из которых является убеждение – оно заключается в том, что «уведомители» направляют избирателей голосовать за тех, кто наделит данную группу интересов соответствующими благами, а удастся им это за счет того, что они обладают определенным уровнем влияния в обществе, поэтому граждане оказывают им доверие. В таком случае электорат делится на тех, кто знает за кого отдать голос, и тех, кто вечно сомневается в выборе. Э. Даунс считает, что больший вес имеет первая группа, так как в дальнейшем они могут оказать ей пользу, став «уведомителями».

Вторым является эффект рационального неведения, который заключается в том, что избиратели самостоятельно ограничивают себя в информации из-за ее «дороговизны». Обычным гражданам не нужно ее «покупать», так как их отдельный голос не сможет изменить результат выборов, и они не смогут покрыть затраченные ими издержки, поэтому среднестатистическому человеку не стоит использовать свои ресурсы в мире несовершенной информации.

Еще одной практикой, порожденной таким порядком вещей, является лоббизм, при котором индивид договаривается с правящей партией, убеждая ее в том, что его политика сможет принести выгоду всему электорату. Лоббисты, в отличие от рядовых граждан, должны обладать информацией, поэтому из-за высоких издержек их количество небольшое, но получаемые ими выгоды полностью их покрывают. С одной стороны, лоббисты стремятся доказать власти, что продвигаемая ими политика, выгодная им самим, является благом и отвечает ин-

тересам широких слоев избирателей. С другой стороны, они пытаются внушить этим избирателям, что данная политика действительно необходима и отвечает их запросам. Исходя из всего этого, Э. Даунс делает вывод о политическом неравенстве и снижении конкуренции в обществе несовершенной информации, так как доступ в реализации политических решений имеют только экономически обеспеченные индивиды.

Другим условием существования политической конкуренции в демократии является наличие равных и справедливых выборов, где несколько политических акторов ведут борьбу друг с другом посредством агитации, вовлекая на свою сторону как можно большее число сторонников. Проблемой здесь становится то, каким образом привлечь избирателей на свою сторону.

Й.А. Шумпетер и Э. Даунс исходят из «минималистической» концепции демократии. Ни одной партии, победившей на выборах, не гарантируется победа на следующих.

Описывая возможные способы соперничества, Й.А. Шумпетер утверждает, что: «система выборов – практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера» [2, С. 669].

Немаловажное значение для политической конкуренции несет само участие избирателей в выборах, так как именно они определяют, кто победит, а кто проиграет. Готовность граждан активно участвовать в выборах является одним из барьеров для политических манипуляций, а ее снижение, напротив, дает элитам больше возможностей для использования выборов в своих интересах вопреки общественным.

В своей концепции демократии («полиархии») Р. Даль делает акцент на наличии в обществе механизмов, способных обеспечить честность конкурентного процесса. Если такие правила есть, партии: «вынуждены варьировать свое поведение, если хотят одержать победу в конкурентной борьбе с другими кандидатами, партиями и группами» [3, С. 194]. Р. Даль считал, что одной из основ «полиархии» является открытое соперничество между политическими элитами за должность. Для того чтобы обеспечить конкурентность выборов, все дееспособные граждане должны обладать равными избирательными правами, а в самой системе должны присутствовать оппозиционные силы. Их число должно учитываться согласно пропорциям населения в государстве, в свою очередь избиратели должны вести контроль за деятельностью правительства и соперничества с ним. Массовость политического участия, согласно Далю, коррелирует с размерами политической единицы: «чем меньше демократическая единица, тем выше потенциал участия граждан в управлении и тем ниже степень необходимости делегировать властные полномочия представителям граждан» [4, С. 108].

С этой точки зрения региональный и локальный политический процесс должен создавать более благоприятные условия для демократических практик. От состояния политической конкуренции и участия граждан в политике, согласно выводам Даля, зависит то, какой режим образуется в системе. Если интенсивность конкуренции повышена, а политическое участие граждан понижено, в государстве устанавливается конкурентная олигархия, если же наоборот, то формируется закрытая гегемония для того, чтобы достичь открытой гегемонии необходимо дать возможность участвовать в принятии решений значительному числу человек, и только если оба значения находятся на высоком уровне формируется «полиархия».

Р. Даль критиковал идеи Ж. Руссо, который считал, что организации создаются лишь для того, чтобы защищать и удовлетворять свои собственные интересы. Согласно его выводам, частные интересы групп искусственно заостряются и противопоставляются более конструктивным и консолидирующим общественным целям, что подрывает формирование здорового гражданского самосознания.

Таким образом, он указывает на то, что в проблемной ситуации политический плюрализм помогает найти выход из нее, так как, когда у власти находится только одна партия, то она охватывает меньшее число граждан и добивается лишь краткосрочных успехов, в свою очередь, когда в системе присутствуют множество политических ассоциаций, то задействуются намного больше людей, а успехи государства становятся долгосрочными.

От минималистической трактовки демократии отходит А. Лейпхарт в своей теории «сообщественной» демократии. Основой для достижения демократии, по его мнению, является достижение элитами общественного консенсуса: «сообщественная демократия – это «сегментарный плюрализм», включающий все возможные в многосоставном обществе линии разделения, плюс демократия согласия» [5, С. 40].

«Сообщественная» демократия определяется им через четыре элемента, из которых самым важным является осуществление власти большой коалицией политических лидеров. Ее принцип может меняться в системах, в которых характерно разделение политической элиты на правительство, опирающееся на парламентское большинство, и на влиятельную оппозицию.

Для создания большой или малой коалиции необходимо учитывать принцип размерности, при котором минимальное число организаций в парламенте определяется уровнем их доступа к информации: чем он больше, тем меньше необходимо объединений для создания коалиции.

Значение оппозиции в демократиях определяется наличием у нее права вето. Благодаря ему большинство вынуждено учитывать интересы общественных сил, которые она представляет, а также приходиться к консенсусу.

Феномен политической конкуренции в работе М. Дюверже изучается с иной целью, нежели у Й. Шумпетера и Э. Даунса. Он при изучении партийных систем затрагивал способность субъектов в демократиях конкурировать друг с другом посредством честных и свободных выборов. Дюверже исходит из того, что с появлением партий, как таковая возможность у граждан самим избирать своих представителей и делегировать им власть – исчезает, так как в первую очередь, кандидатов выдвигают именно политические объединения, а на долю народа ложится задача лишь ратифицировать данный выбор.

Эта система используется, как в однопартийных, так и в плюралистических режимах, разница заключается только в количестве возможных претендентов на должность. Так, говоря о получении двойного мандата: от партии и от избирателей, автор считал, что в большей степени: «партийный мандат имеет тенденцию торжествовать над мандатом избирательским» [6, С. 205]. М. Дюверже утверждает, что данная практика ограничивает способность избирательного процесса отражать волю избирателей.

Эти выводы Дюверже, стоявшего на левых политических позициях, отражают одновременно признание правоты Шумпетера и других сторонников «минималистической» трактовки демократии, фактически сложившейся в капиталистических странах, и его критическую оценку такой демократии.

Наиболее конкурентной избирательной системой, по мнению М. Дюверже, является мажоритарная система в 2 тура с небольшими округами, так как только она дает относительную свободу выдвижения кандидатов, а во всех остальных они проигрывают в соперничестве с партиями. Такая система препятствовала бы доминированию в политическом пространстве ограниченного набора партий и способствовала бы вовлечению в политику самого широкого спектра акторов с различными программами.

Особенности политической конкуренции в условиях различных партийных и избирательных систем анализируется и в работах Дж. Сартори.

В своей работе «Партии и партийные системы» (1976 г.) Дж. Сартори утверждал, что, исходя из данных о количестве партий, участвующих в управлении государством, можно классифицировать партийные системы и степень их конкуренции. Автор разделяет политические организации на релевантные и нерелевантные, распределение которых зависит от их влияния на политическую систему и позиции в лево-правом континууме. Конкурентоспособными и играющими высокую роль в партийной системе, по его мнению, являются партии, чье: «существование или появление влияет на тактику партийного соревнования, и особенно когда оно изменяет направление конкуренции, определяя переход от центристского к центробежному соревнованию нацеленных на участие в управлении партий левого, правого толка или и тех и других» [7, С. 19]. При изучении партийных систем он выделил 7 типов и 6 способов распределения власти в них:

- однопартийная система – полноценная монополия, где отсутствует политическая конкуренция и плюрализм мнений (СССР);
- система с партией-гегемоном, где монополия может быть полноценная (Албания) и ослабленная (Мексика), либо может быть безальтернативная конкуренция (Япония, Индия);
- система с доминирующей партией с одновершинной концентрацией власти у одной партии (Новая Зеландия);
- двухпартийная система, где власть распределена равномерно между 2 партиями (США, Англия);
- умеренный плюрализм с сегментацией и низкой фрагментацией политических партий (Бельгия, Германия, Нидерланды), также в таких системах возможна поляризация и высокая фрагментация (Финляндия, Италия);
- поляризованный плюрализм – высокая фрагментация с поляризацией (Чили до 1973 г.);
- атомизация – когда в государстве огромное число партий, которое увеличивается особенно за счет небольших, радикальных объединений (Малайзия).

Исследованию политической конкуренции в недемократических системах посвящена работа С. Левицкого и Л.А. Вей. В качестве одной из разновидностей авторитарного режима они выделяют «конку-

рентный» авторитаризм, в условиях которого элиты конкурируют друг с другом за право принимать политические решения.

В качестве базовых характеристик демократии в их концепции выделяется следующее:

- выборы являются главным механизмом получения власти;
- равные пассивные и активные избирательные права для всех граждан;
- основа режима на соблюдение и защиту политических прав и гражданских свобод;
- независимость правящей элиты от военных или религиозных лидеров.

Они утверждают, что в демократиях изредка могут нарушаться данные правила и не приводить к серьезным последствиям, но: «в конкурентных авторитарных режимах, напротив, нарушения этих критериев являются достаточно частыми и серьезными, чтобы создать неравные условия для действующей власти и ее противников» [8, С. 32].

Чертой, которая отличает «конкурентный» авторитаризм от других недемократических режимов является наличие конституционных каналов, по которым оппозиция получает возможность бороться за право занимать должность в исполнительной власти. Демократические институты в таких условиях существуют формально и являются лишь инструментами осуществления политической власти. Правящая элита при «конкурентном авторитаризме» всячески злоупотребляет своими полномочиями. В отличие от «классического» авторитаризма оппозиционные партии имеют право использовать демократические институты для борьбы за власть, но только в условиях радикально неравных возможностей и без шансов сменить правящую партию.

Рассматривая «конкурентный» авторитаризм, они отделяют его от таких режимов, как:

- «опаемые демократии» – системы, в которых недемократические акторы (военные или религиозные власти) сохраняют за собой право вето.
- «исключающие республики» – режимы, которые, несмотря на внешне развитые демократические институты, законодательно ограничивают права и свободы граждан».
- «электоральный авторитаризм», в котором в отличие от «конкурентного», фальсификации имеют массовый и повсеместный характер.

Другой вид гибридного режима был выделен Г. О'Доннеллом, который назвал его «делегативной демократией». Для нее характерна полная доминантная роль президента, которому победа на выборах позволяет проводить политику согласно лишь его курсу, то есть он некоем образом не ограничен в осуществлении своих властных полномочий. Он является главой и духовной опорой нации, реализовывать какие-либо политические решения он может, руководствуясь лишь своими воззрениями, также не обязан выполнять обещания, данные им во время предвыборной кампании, так как он сам знает, что и для кого будет лучше. Президент находится намного выше партий, судебной и законодательной власти, так как подотчетность им, указывает Г. О'Доннелл, является лишь барьером для проведения его политики.

От демократии ее отличает то, что она менее либеральна: «носит резко выраженный мажоритарный характер. Это заключается в том, что путем справедливых выборов она формирует большинство, которое позволяет кому-либо на несколько лет стать единственным воплощением и толкователем высших интересов нации» [9]. По окончании президентских выборов избиратели становятся пассивными наблюдателями, которые должны одобрять проводимую им политику. В отличие от авторитарных режимов, здесь можно критиковать главу государства, протестовать против него, что способно приводить его к изоляции. Таким образом, главным преимуществом делегативной демократии над представительной становится возможность быстрого принятия политическими решениями, взамен на большую ответственность за их осуществление.

Таким образом, проведенный анализ теоретических подходов к исследованию политической конкуренции позволяет сделать ряд обобщающих выводов, имеющих значение для оценки состояния демократических институтов.

Во-первых, политическая конкуренция выступает не только индикатором, но и фундаментальным условием функционирования демократии, обеспечивая легитимную ротацию элит, артикуляцию разнообразных общественных интересов и подотчетность власти избирателям. Ключевым пространством такой конкуренции являются выборы, однако их наличие, даже регулярное и формально конкурентное, само по себе не гарантирует качество демократии.

Во-вторых, качество и интенсивность политической конкуренции напрямую зависят от институциональных и информационных условий. Как показал анализ концепций Э. Даунса, Р. Даля, Дж. Сартори и др.,

решающую роль играют: 1) равенство правил игры для всех акторов, исключающее системные преимущества правящей группы; 2) обеспечение информационной прозрачности, без которой конкуренция вырождается в манипуляцию и усиливает политическое неравенство; 3) конфигурация партийной и избирательной систем, которая может как способствовать плюрализму (как в случае умеренного плюрализма по Сартори), так и сводить его к формальности (как в системах с доминантной партией).

В-третьих, в современных политических системах политическая конкуренция существует в усеченных или гибридных формах. Концепции «конкурентного авторитаризма» (С. Левицкий, Л.А. Вей) и «делегативной демократии» (Г. О'Доннелл) демонстрируют, что формальные институты конкуренции (выборы, оппозиция) могут быть адаптированы недемократическими режимами для легитимации власти, создания видимости конкуренции и контроля над политическим полем, при этом реальная возможность сменяемости власти блокируется.

Следовательно, прикладной анализ состояния демократии в конкретной стране должен выходить за рамки констатации факта проведения выборов. Он должен фокусироваться на качественных параметрах конкуренции: реальной возможности смены власти, равенстве доступа к ресурсам и информации, степени институционализированной неопределенности результатов электорального процесса. Именно эти параметры, раскрытые в классических и современных теориях, позволяют отличить полноценную «полиархию» от ее имитационных или гибридных форм, где политическая конкуренция служит не обновлению элит и выражению народной воли, а инструменту сохранения правящей группы у власти.

Литература

1. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. Pp. 135–150.
2. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
3. Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 193–197.
4. Даль, Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 208 с.
5. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 238 с.
6. Дюверже, М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2000. 538 с.
7. Сартори, Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия. 2004. № 1. С. 14–25.
8. Левицкий, С., Вэй, Л.А. Подъем конкурентного авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. № 5 (121). С. 29–47.
9. О'Доннелл, Г. Делегативная демократия // «Новое публичное управление персональный сайт А.В. Павроза». 2012. URL: <https://pavroz.ru/delegative-democracy> (дата обращения: 15.12.2025).

POLITICAL COMPETITION IN THE INSTITUTIONAL SETTINGS OF DEMOCRACIES AND HYBRID REGIMES

Sukharev D.

Omsk Humanitarian Academy

The purpose of the article is to examine political competition as a key institution of democracy and its transformation in hybrid regimes. The research employed the method of comparative analysis. Based on the analysis of classical concepts, the evolution of the understanding of the role and functions of political competition is demonstrated. As a result, the dual nature of political competition was established.

Keywords: political competition; democracy, hybrid regimes; electoral processes; party systems; political elites.

References

1. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. Pp. 135–150.
2. Schumpeter, J.A. Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy. M.: Eksmo, 2008. 864 p.
3. Dal, R. Polyarchy, Pluralism, and Space // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2009. No. 2. Pp. 193–197.
4. Dahl, R. On Democracy. Moscow: Aspect Press, 2000. 208 p.
5. Lipphart, A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Study. Moscow: Aspect Press, 1997. 238 p.
6. Duverger, M. Political Parties. Moscow: Academic Project, 2000. 538 p.
7. Sartori, J. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis // Parties and Elections: A Reader. 2004. No. 1. Pp. 14–25.
8. Levitsky, S., Wei, L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism // Neprikosnovenny Zapas. 2018. No. 5 (121). Pp. 29–47.
9. O'Donnell, G. Delegative Democracy // "New Public Management Personal Website of A.V. Pavroz". 2012. URL: <https://pavroz.ru/delegative-de>

Сюй Хао,

кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов

E-mail: 1042248156@pfur.ru

Статья рассматривает информационные массивы как специфический политический ресурс, радикально меняющий ресурсную базу и темпоральную динамику государственного управления в условиях цифровизации. Показано, что данные обладают неисчерпаемостью и контекстной ценностью, а их агрегирование государством создаёт синергетический эффект, сопоставимый по значимости с контролем над традиционными ресурсами власти. Теоретический обзор связывает переход к информационному и сетевому обществу с перестройкой властных отношений и распространением платформенных форм взаимодействия государства и граждан, уточняя ограничения технократической трактовки цифровых реформ. Анализируются эволюция электронного правительства к моделям вовлечения и транспарентности, потенциал открытых данных и доказательной политики, а также рост алгоритмического управления и предиктивной аналитики при проблемах объяснимости и обжалования решений. Выявлены ключевые политические риски концентрации персональной информации, включая усиление социального контроля, алгоритмическую дискриминацию и дилемму эффективности и приватности, усиливающую различия между демократическими и авторитарными режимами. Отдельно выделены вопросы цифрового суверенитета, кибербезопасности, межведомственной координации, цифрового неравенства, профессиональных компетенций и легитимности власти в цифровой среде.

Ключевые слова: информационные ресурсы, цифровое государственное управление, электронное правительство, алгоритмическое управление, защита персональных данных.

Введение

Трансформация информационных потоков в современном обществе привела к фундаментальному переосмыслению природы государственного управления и его ресурсной базы. Политические системы большинства стран столкнулись с необходимостью интеграции массивов структурированной и неструктурированной информации в процессы принятия властных решений [3]. Цифровизация общественных отношений создала принципиально новую среду взаимодействия между государством и гражданами, где информационные массивы выступают не просто техническим инструментом, но полноценным политическим ресурсом. Государственные институты получили возможность агрегировать сведения о социальных процессах в режиме реального времени, что существенно изменило темпоральные характеристики управленческого цикла.

Политическая власть исторически опиралась на контроль над ключевыми ресурсами, обеспечивающими её легитимность и эффективность. Земля, капитал, труд последовательно выступали основой государственного могущества в различные исторические эпохи [7]. Однако постиндустриальная трансформация выдвинула на первый план ресурсы нематериального характера, среди которых особое место занимает способность государства собирать, обрабатывать и использовать сведения о функционировании социальной системы. Накопленные информационные массивы становятся стратегическим активом, определяющим конкурентоспособность политических режимов на международной арене и их способность обеспечивать внутреннюю стабильность [11].

Проблематика использования информационных ресурсов в государственном управлении выходит далеко за рамки технократического дискурса. Политологический анализ предполагает рассмотрение властных отношений, возникающих в связи с контролем над информационными потоками, а также изучение влияния новых управленческих практик на характер взаимодействия между государством и обществом [2]. Концентрация значительных объёмов сведений о гражданах в руках государственных структур порождает серьёзные вопросы о границах допустимого вмешательства в частную жизнь и рисках формирования новых форм социального контроля. Одновременно открываются возможности для повышения качества государственных услуг и более точной настройки политических курсов на реальные потребности населения.

Формирование цифровых платформ государственного управления происходит в условиях острой политической конкуренции между различными моделями организации информационного пространства [9]. Либеральные демократии стремятся сочетать использование информационных ресурсов с защитой индивидуальных прав, в то время как авторитарные режимы делают акцент на контрольных функциях цифровых систем. Данное противостояние отражает глубинные расхождения в понимании природы государственной власти и её отношений с обществом. Политические последствия выбора той или иной модели использования информационных ресурсов выходят за пределы технологической сферы и затрагивают базовые характеристики политического режима [14].

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на комплексную методологию, объединяющую несколько подходов к изучению политических феноменов. Системный анализ позволил рассмотреть информационные ресурсы как элемент более широкой совокупности факторов, определяющих качество государственного управления [5]. Применение сравнительного метода обеспечило возможность сопоставления различных теоретических концепций и выявления их объяснительного потенциала применительно к современным политическим процессам. Институциональный подход использовался для анализа организационных форм, в которых осуществляется сбор и использование информационных массивов государственными структурами.

Теоретическую основу работы составили концепции, разработанные в рамках политической науки, социологии управления и теории государственного администрирования. Особое внимание уделялось работам, посвящённым трансформации властных отношений в условиях информационного общества, а также исследованиям нового го-

сударственного менеджмента и его критике [12]. Аналитическая работа включала изучение нормативных документов, определяющих политику использования информационных ресурсов в государственном управлении различных стран. Синтез теоретических положений и эмпирического материала позволил сформулировать выводы относительно политического значения информационных ресурсов и перспектив их использования для повышения качества государственного управления.

Результаты и обсуждение

Концептуализация информационных массивов как политического ресурса требует обращения к базовым категориям политической науки. Ресурсы власти традиционно определяются как средства, использование которых обеспечивает влияние на поведение других акторов [1]. В классической типологии выделяются утилитарные, принудительные и нормативные ресурсы, каждый из которых опирается на различные механизмы обеспечения подчинения. Информационные массивы не укладываются полностью ни в одну из этих категорий, образуя специфический тип ресурсов, характеризующийся рядом особых свойств.

Неисчерпаемость информационных ресурсов отличает их от материальных благ, использование которых ведёт к их сокращению. Один и тот же массив сведений может многократно использоваться различными субъектами без какого-либо ущерба для его качества или объёма [8]. Вместе с тем ценность информации существенно зависит от контекста её применения и способности пользователя извлечь из неё практически значимые выводы. Государственные структуры обладают уникальными возможностями для агрегирования сведений из множества источников, что создаёт синергетический эффект и существенно повышает ценность каждого отдельного элемента информационного массива.

Теория информационного общества в её различных версиях указывает на фундаментальный характер происходящих изменений в организации социальных систем. Концепция постиндустриального общества акцентировала внимание на переходе от производства материальных благ к производству знаний и услуг как основе экономического развития [4]. Политические импликации этого перехода связаны с изменением структуры властных отношений и появлением новых источников политического влияния. Контроль над информационными потоками становится не менее значимым фактором политического господства, чем контроль над материальными ресурсами.

Концепция сетевого общества развивает эти идеи применительно к условиям глобализации и распространения цифровых коммуникаций [6]. Сетевая логика организации социальных взаимодействий предполагает горизонтальные связи между акторами, что ставит под вопрос традиционные иерархические модели государственного управления. Государство оказывается вынуждено адаптироваться к новой среде, осваивая сетевые формы взаимодействия с гражданами и другими участниками политического процесса. Информационные ресурсы в этом контексте выступают средством обеспечения связности государственных структур и их интеграции в более широкие социальные сети.

Новое государственное управление как теоретическая парадигма и практическая программа реформ уделяло значительное внимание повышению эффективности государственного аппарата на основе заимствования методов частного сектора [10]. Ориентация на результат, измеримые показатели деятельности, клиентоориентированность выступали ключевыми принципами этого подхода. Использование информационных ресурсов рассматривалось преимущественно в инструментальном ключе как способ оптимизации административных процессов и снижения издержек функционирования государственного аппарата.

Критики нового государственного управления указывали на чрезмерную технократичность этого подхода и недооценку политического измерения государственной деятельности [15]. Сведение государственного управления к предоставлению услуг клиентам игнорирует специфику публичной сферы и коллективный характер многих благ, производимых государством. Информационные ресурсы в этой перспективе должны рассматриваться не только как инструмент повышения операционной эффективности, но и как средство обеспечения демократической подотчётности и участия граждан в управлении общественными делами.

Концепция электронного правительства первоначально развивалась в русле технократического подхода с акцентом на автоматизации административных процедур и переводе государственных услуг в электронный формат. Накопленный опыт реализации соответствующих программ продемонстрировал ограниченность такого понимания и необходимость более глубокой трансформации принципов взаимодействия государства и общества [3]. Электронное правительство вто-

рого поколения предполагает использование информационных ресурсов для вовлечения граждан в процессы принятия решений и обеспечения транспарентности государственной деятельности.

Открытые государственные данные представляют собой конкретное воплощение идей транспарентности и подотчётности в информационную эпоху. Публикация значительных массивов сведений о деятельности государственных органов в машиночитаемых форматах создаёт возможности для общественного контроля и независимого анализа [2]. Вместе с тем реальный эффект от политики открытых данных существенно зависит от способности гражданского общества воспользоваться предоставленными возможностями. Асимметрия в аналитических ресурсах между государством и общественными организациями может ограничивать демократический потенциал открытости.

Алгоритмическое управление как новая форма осуществления государственной власти опирается на автоматизированную обработку больших массивов информации для принятия решений [7]. Машинное обучение и методы искусственного интеллекта позволяют выявлять закономерности в поведении граждан и прогнозировать развитие социальных процессов. Государственные органы получают возможность осуществлять превентивное вмешательство до того, как проблемы приобретут острый характер. Однако автоматизация принятия решений порождает серьёзные вопросы относительно прозрачности алгоритмов и возможности их обжалования затронутыми лицами.

Проблематика информационной приватности приобретает особое политическое значение в условиях масштабного сбора персональных сведений государственными структурами [9]. Классическое понимание права на неприкосновенность частной жизни формировалось в иных технологических условиях и не вполне адекватно современным вызовам. Накопление детальных сведений о повседневном поведении граждан создаёт возможности для социального контроля, несовместимого с принципами либеральной демократии. Политический выбор между эффективностью управления и защитой индивидуальных свобод становится одной из центральных проблем современного конституционализма.

Дифференциация политических режимов по характеру использования информационных ресурсов приобретает всё более выраженный характер. Демократические государства стремятся выработать правовые рамки, обеспечивающие баланс между государственными интересами и правами граждан [11]. Общий регламент по защите данных Европейского союза представляет наиболее развитую попытку комплексного регулирования оборота персональных сведений. Авторитарные режимы, напротив, используют информационные ресурсы преимущественно для усиления контроля над обществом и подавления оппозиционной активности.

Системы социального кредита воплощают крайнюю форму использования информационных ресурсов для регулирования поведения граждан. Интеграция сведений из множества источников позволяет формировать комплексную оценку благонадёжности каждого человека и применять соответствующие стимулы и санкции [14]. Политические последствия распространения подобных систем затрагивают фундаментальные принципы организации общества и характер отношений между государством и индивидом. Технологическая возможность тотального мониторинга ставит вопрос о политической допустимости её реализации.

Геополитическое измерение контроля над информационными ресурсами проявляется в конкуренции между государствами за технологическое лидерство и установление правил функционирования глобального информационного пространства [5]. Цифровой суверенитет становится значимым компонентом государственной политики, предполагающим контроль над критической инфраструктурой и способность защитить национальные информационные ресурсы от внешнего воздействия. Зависимость от иностранных поставщиков технологий рассматривается как угроза национальной безопасности и стимулирует развитие собственных цифровых платформ.

Качество государственного управления как категория политического анализа предполагает многомерную оценку деятельности государственных институтов [8]. Эффективность, результативность, подотчётность, транспарентность, инклюзивность выступают различными аспектами качества, которые не всегда находятся в гармоничном соотношении друг с другом. Использование информационных ресурсов способно улучшить показатели по одним измерениям качества при одновременном ухудшении по другим. Оптимизация требует политического выбора относительно приоритетности различных ценностей.

Доказательная политика предполагает обоснование государственных решений систематическим анализом информации о состоянии проблемы и эффективности различных вариантов её решения [12]. Информационные ресурсы создают предпосылки для перехода от ин-

туитивного к аналитически обоснованному принятию решений. Вместе с тем политическая рациональность не сводится к технической оптимальности, и учёт политического контекста остаётся необходимым условием успешной реализации государственной политики. Данные могут информировать политический выбор, но не способны его заменить.

Предиктивная аналитика открывает возможности для превентивного государственного вмешательства на основе прогнозирования развития социальных процессов [1]. Раннее выявление рисков позволяет предотвращать негативные явления до того, как они потребуют значительных ресурсов для преодоления последствий. Применение предиктивных моделей в правоохранительной деятельности, социальной политике, здравоохранении демонстрирует практический потенциал этого подхода. Однако прогнозы неизбежно содержат погрешности, и вмешательство на их основе может затрагивать интересы лиц, которые фактически не совершили никаких нарушений.

Персонализация государственных услуг на основе анализа индивидуальных характеристик и потребностей граждан представляет собой одно из наиболее очевидных направлений использования информационных ресурсов [6]. Вместо стандартизированных процедур, рассчитанных на усреднённого получателя, государство получает возможность адаптировать свою деятельность к специфике конкретных ситуаций. Проактивное предоставление услуг предполагает инициативу государства в решении проблем граждан ещё до того, как они обратились с соответствующим запросом. Такой подход повышает удовлетворённость населения, но одновременно усиливает зависимость от государственных структур.

Координация деятельности государственных органов исторически представляла одну из наиболее сложных проблем публичного администрирования [10]. Ведомственная разобщённость и информационные барьеры между различными структурами снижали эффективность государственной политики и создавали неудобства для граждан. Интеграция информационных систем и создание единых баз данных позволяют преодолеть эти ограничения и обеспечить целостность государственного управления. Принцип однократного предоставления информации предполагает, что гражданин сообщает сведения о себе один раз, после чего они становятся доступны всем уполномоченным органам.

Обратная связь между государством и обществом приобретает новое качество благодаря цифровым каналам коммуникации и возможности анализа массовых настроений в реальном времени [15]. Мониторинг социальных сетей и других открытых источников позволяет выявлять проблемы, волнующие население, и оперативно реагировать на изменения общественного мнения. Традиционные формы изучения общественного мнения посредством опросов дополняются анализом поведенческих данных, которые могут давать более точную картину реальных предпочтений граждан. Вместе с тем возникает риск манипулирования общественным мнением на основе понимания механизмов его формирования.

Цифровое неравенство создаёт барьеры для использования информационных ресурсов в государственном управлении и ставит вопрос о социальной справедливости цифровой трансформации [4]. Граждане, не обладающие навыками и техническими средствами для взаимодействия с государством в электронном формате, рискуют оказаться исключёнными из процессов получения государственных услуг и участия в управлении. Политика преодоления цифрового неравенства должна учитывать не только инфраструктурные аспекты, но и образовательные потребности различных групп населения. Сохранение альтернативных каналов взаимодействия с государством остаётся необходимым условием инклюзивности государственного управления.

Кибербезопасность государственных информационных систем превращается в критически важный фактор обеспечения непрерывности государственного управления [3]. Концентрация значительных массивов информации создаёт привлекательные цели для злоумышленников и увеличивает потенциальный ущерб от успешных атак. Инциденты, связанные с утечками персональных данных из государственных систем, подрывают доверие граждан и дискредитируют саму идею цифровой трансформации. Обеспечение безопасности требует постоянных инвестиций в технические средства защиты и подготовку персонала.

Профессиональные компетенции государственных служащих становятся ключевым фактором успешного использования информационных ресурсов [7]. Наличие технической инфраструктуры и массивов данных само по себе не гарантирует улучшения качества управленческих решений. Способность интерпретировать результаты анализа, критически оценивать их достоверность и учитывать контекст применения требует специфических навыков, не сводимых к традиционным

административным компетенциям. Трансформация кадровой политики и систем подготовки государственных служащих выступает необходимым условием реализации потенциала информационных ресурсов.

Этические аспекты использования информационных ресурсов в государственном управлении привлекают всё большее внимание исследователей и практиков [2]. Алгоритмическая дискриминация, воспроизводящая и усиливающая существующие социальные предрассудки, представляет одну из наиболее острых проблем. Ответственность за решения, принятые с использованием автоматизированных систем, требует чёткого распределения между различными участниками процесса. Формирование этических кодексов и механизмов контроля за их соблюдением становится важным элементом институциональной инфраструктуры цифрового государственного управления.

Легитимность государственной власти в условиях использования информационных ресурсов опирается на сложное сочетание рациональных и нормативных оснований [9]. Демонстрация эффективности государственного управления благодаря аналитически обоснованным решениям укрепляет рациональную легитимность. Вместе с тем соблюдение процедурных требований и уважение прав граждан остаётся необходимым условием нормативной легитимности. Технократический перекоп в использовании информационных ресурсов может подорвать демократическую легитимность государственной власти даже при достижении положительных результатов.

Международное сотрудничество в сфере использования информационных ресурсов государственного управления развивается по нескольким направлениям [11]. Обмен опытом и лучшими практиками способствует распространению эффективных решений и позволяет избежать повторения ошибок. Гармонизация стандартов обеспечивает совместимость информационных систем и облегчает трансграничное взаимодействие. Вместе с тем различия в правовых режимах и политических системах создают препятствия для унификации подходов к использованию информационных ресурсов.

Выводы

Анализ теоретических концепций и практического опыта использования информационных массивов в государственном управлении позволяет констатировать фундаментальный характер происходящих изменений. Информационные ресурсы действительно превращаются в значимый фактор политического процесса, сопоставимый по своему значению с традиционными источниками государственной власти. Способность государства собирать, обрабатывать и использовать сведения о функционировании социальной системы становится важным компонентом его дееспособности и конкурентоспособности.

Качество государственного управления может быть существенно повышено благодаря систематическому применению информационных ресурсов на всех этапах управленческого цикла. От формулирования повестки дня до оценки результатов реализации государственной политики информационная поддержка способна улучшить обоснованность принимаемых решений. Персонализация государственных услуг, координация деятельности различных ведомств, оперативная обратная связь с населением представляют конкретные направления повышения качества, подтверждённые накопленным опытом.

Вместе с тем использование информационных ресурсов сопряжено с серьёзными рисками и вызовами, требующими политического осмысления и регулирования. Концентрация информации о гражданах создаёт возможности для злоупотреблений и формирования новых форм социального контроля. Защита приватности и обеспечение демократической подотчётности алгоритмических систем становятся важнейшими задачами публичной политики. Технологические возможности не должны автоматически определять политический выбор относительно допустимых пределов использования информационных ресурсов.

Дифференциация политических режимов по характеру использования информационных ресурсов отражает глубокие различия в понимании отношений между государством и обществом. Демократические государства стоят перед необходимостью выработки моделей, сочетающих эффективность управления с защитой индивидуальных прав и обеспечением общественного контроля. Авторитарная альтернатива, делающая акцент на контрольных функциях информационных систем, может демонстрировать краткосрочную эффективность, но в долгосрочной перспективе подрывает адаптивность политической системы.

Успешное использование информационных ресурсов для повышения качества государственного управления требует комплексного подхода, учитывающего технологические, организационные, правовые и политические аспекты. Инвестиции в техническую инфраструктуру

должны сопровождаться развитием человеческого капитала и формированием соответствующей институциональной среды. Политическое лидерство и общественная поддержка выступают необходимыми условиями устойчивости трансформационных процессов.

Формирование информационного общества открывает новые возможности для демократизации государственного управления и вовлечения граждан в процессы принятия решений. Реализация этого потенциала зависит от политического выбора относительно архитектуры информационных систем и правил их функционирования. Включение соображений транспарентности, подотчётности и участия в проектировании государственных информационных систем с самого начала представляется более продуктивной стратегией, чем последующие попытки корректировки технократических решений.

Литература

1. Шитьков С.В. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // *Международная жизнь*. 2025. № 5. С. 90–99.
2. Астапенко П.Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // *Закон и право*. 2022. № 9. С. 27–33.
3. Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2025. Т. 25. № 2. С. 251–266.
4. Пritула М.С. Государственный суверенитет как теоретическая и практико-политическая проблема // *Вопросы политологии*. 2024. Т. 14. № 1 (101). С. 10–19.
5. Скoвикoв А.К., Прeждарoвa В.Г., Шумилoв А.В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // *PolitBook*. 2023. № 1. С. 58–69.
6. Шитьков С.В. Концептуальные основания анализа государственного суверенитета в цифровую эпоху // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2025. № 2 (44). С. 6–21.
7. Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 47–67.
8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // *Теория государства и права*. 2024. № 1 (35). С. 45–59.
9. Шастина А.Р. К вопросу о формировании понятия «цифровой суверенитет» // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025. № 4. С. 41–44.
10. Антонов Д.Е. Цифровой суверенитет современного государства: от контроля до коммуникации // *Полилог*. 2022. Т. 6. № 2.
11. Нинциева Т.М., Дышеков М.В. К вопросу об основах государственного суверенитета Российской Федерации // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2025. № 1 (57). С. 178–185.
12. Смаженков Н.С. Понятие и признаки государственного суверенитета: история и современность // *Теория государства и права*. 2020. № 2 (18). С. 198–211.
13. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 60. С. 206–216.
14. Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // *Международная жизнь*. 2023. № 3. С. 38–51.

15. Закальский Г.В. Американский подход к исследованию цифрового суверенитета // *Вопросы политологии*. 2024. Т. 14. № 10 (110). С. 3643–3650.

INFORMATION ARRAYS AS A POLITICAL RESOURCE OF THE STATE

Xu Hao

Russian People's Friendship University

The article examines information arrays as a specific political resource that radically transforms the resource base and temporal dynamics of public administration amid digitalization. It demonstrates that data possess inexhaustibility and contextual value, while their aggregation by the state generates a synergistic effect comparable in significance to control over traditional power resources. The theoretical review connects the transition to an information and network society with the reconfiguration of power relations and the proliferation of platform-based forms of state-citizen interaction, while clarifying the limitations of technocratic interpretations of digital reforms. It analyzes the evolution of electronic government toward models of engagement and transparency, the potential of open data and evidence-based policymaking, as well as the rise of algorithmic governance and predictive analytics amid challenges of explainability and the appealability of decisions. Key political risks associated with the concentration of personal information are identified, including intensified social control, algorithmic discrimination, and the efficiency-privacy dilemma, which exacerbates differences between democratic and authoritarian regimes. Particular attention is devoted to issues of digital sovereignty, cybersecurity, inter-agency coordination, digital inequality, professional competencies, and the legitimacy of power in the digital environment.

Keywords: information resources, digital public administration, e-government, algorithmic governance, personal data protection

References

1. Shitkov S.V. Approaches to studying digital sovereignty in contemporary political science. *International Life*. 2025. No. 5. Pp. 90–99.
2. Astapenko P.N. Digital sovereignty as a condition for the realization of state sovereignty in the Internet era. *Law and Right*. 2022. No. 9. Pp. 27–33.
3. Popova E.V., Ustyuzhantseva O.V., Gao H. Constructing digital sovereignty in the media of Russia and China: a big data analysis. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2025. Vol. 25. No. 2. Pp. 251–266.
4. Pritula M.S. State sovereignty as a theoretical and politico-practical problem. *Issues of Political Science*. 2024. Vol. 14. No. 1 (101). Pp. 10–19.
5. Skovikov A.K., Prezhdarova V.G., Shumilov A.V. State sovereignty under globalization, networkization, and digitalization. *PolitBook*. 2023. No. 1. Pp. 58–69.
6. Shitkov S.V. Conceptual foundations for analyzing state sovereignty in the digital age. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2025. No. 2 (44). Pp. 6–21.
7. Rebro O., Gladysheva A., Suchkov M., Sushentsov A. The category of “digital sovereignty” in contemporary world politics. *International Processes*. 2021. Vol. 19. No. 4 (67). Pp. 47–67.
8. Vorobyev S.M., Komarov S.A. Digital sovereignty of the Russian Federation: a theoretical and legal analysis. *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). Pp. 45–59.
9. Shastina A.R. On the formation of the concept of “digital sovereignty”. *State Power and Local Self-Government*. 2025. No. 4. Pp. 41–44.
10. Antonov D.E. Digital sovereignty of the modern state: from control to communication. *Polylog*. 2022. Vol. 6. No. 2.
11. Nintsieva T.M., Dyshekov M.V. On the foundations of state sovereignty of the Russian Federation. *Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov*. 2025. No. 1 (57). Pp. 178–185.
12. Smazhenkov N.S. The concept and features of state sovereignty: history and modernity. *Theory of State and Law*. 2020. No. 2 (18). Pp. 198–211.
13. Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A., Volodenkov S.V., Rybakova M.V. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2021. No. 60. Pp. 206–216.
14. Zinovyeva E.S., Shitkov S.V. Digital sovereignty in international relations practice. *International Life*. 2023. No. 3. Pp. 38–51.
15. Zakalsky G.V. The American approach to studying digital sovereignty. *Issues of Political Science*. 2024. Vol. 14. No. 10 (110). Pp. 3643–3650.

Эффект домино» в региональной безопасности: методика оценки влияния милитаризации Украины на оборонные бюджеты стран Восточной Европы

Вишняков Евгений Владимирович,

аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов
E-mail: 1142240323@rudn.ru

Статья «Эффект домино» в региональной безопасности: методика оценки влияния милитаризации Украины на оборонные бюджеты стран Восточной Европы» посвящена анализу причинно-следственных связей между масштабным военным строительством на Украине и изменениями в оборонной политике государств Восточно-Европейского региона. Эмпирическую базу исследования составили данные SIPRI, IISS и Европейского оборонного агентства, а также официальные стратегические документы и бюджетные отчёты Польши, стран Балтии и Румынии.

В работе выделен и детально рассмотрен феномен «каскадной милитаризации», проявляющийся в синхронном росте военных расходов и их качественном перераспределении. Показано, что украинский кризис выступил своеобразным «внешним шоком», который ускорил переход от парадигмы «гибкого реагирования» к модели «передового сдерживания». На примере отдельных стран продемонстрировано, что это выражается, в частности, в заметном увеличении доли затрат на закупку вооружений (в среднем с 18% до 32% оборонных бюджетов), расширении расходов на НИОКР и пересмотре ключевых положений военных доктрин.

Научная новизна работы состоит в предложенной методике, позволяющей выделить ту часть оборонных расходов, которая непосредственно обусловлена «украинским фактором». Практическая значимость исследования заключается в формировании инструментария для прогнозирования изменений в региональном балансе сил и подготовки адекватных ответов на возникающие вызовы.

Ключевые слова: милитаризация Украины, военные расходы, Восточная Европа, архитектура безопасности, оборонные бюджеты, каскадная милитаризация, страны Балтии, Польша, Румыния, оборонное планирование, передовое сдерживание, военные доктрины, оборонно-промышленный комплекс (ОПК), SIPRI, IISS, Европейское оборонное агентство (EDA)

Введение

Восточная Европа сегодня всё больше напоминает пространство, где привычные схемы безопасности буквально рассыпаются на глазах. Регион живёт в состоянии затяжной турбулентности, и это уже не временный сбой, а новая нормальность. Одним из ключевых факторов, подталкивающих эти изменения, стала масштабная милитаризация Украины. Она давно вышла за рамки чисто национального ответа на внешние угрозы и постепенно превратилась в самостоятельный элемент региональной архитектуры безопасности.

На фоне этого в соседних с Украиной странах на протяжении последних десяти лет наблюдается устойчивый и довольно резкий рост оборонных расходов. Эта динамика заставляет поставить вопрос ребром: действительно ли между украинской милитаризацией и активизацией военного финансирования в регионе существует устойчивая причинно-следственная связь, или же эти процессы движутся параллельно по разным логикам?

Большинство существующих исследований склонно рассматривать ситуацию через призму старых моделей – прежде всего логики биполярной конфронтации. При таком подходе Украина часто оказывается лишь контекстом, но не самостоятельным актором, способным запускать структурные изменения в оборонном планировании восточноевропейских государств. В результате формируется ошутимое мнение: роль Украины как инициатора сдвигов остаётся недостаточно проработанной. Именно необходимость заполнить этот пробел и делает данное исследование актуальным.

Целью работы является комплексный анализ влияния процесса милитаризации Украины на динамику и структуру военных расходов ключевых стран Восточной Европы (Польши, государств Балтии, Румынии) и оценка последствий данного влияния для состояния региональной безопасности.

Методология исследования

Методологическая база исследования строится на сочетании количественных и качественных подходов:

- Основным методом является анализ статистических данных авторитетных международных центров (SIPRI, IISS).
- Для проверки выдвинутой гипотезы применяются методы корреляционного анализа и анализа трендов динамики военных бюджетов.
- Качественный анализ стратегических документов (военные доктрины, публичные выступления официальных лиц) используется для содержательной интерпретации выявленных статистических закономерностей.
- Теоретическим основанием исследования служат концепции «спирали безопасности» и «внешнего шока» в международных отношениях.

Научная новизна работы заключается в том, что исследование впервые рассматривает связь между милитаризацией Украины и изменением архитектуры безопасности в Восточной Европе не фрагментарно, а в действительно комплексной логике. В отличие от большинства работ, которые ограничиваются общими рассуждениями о макрополитическом противостоянии, здесь предлагается практический инструмент для проверки того, как конкретные параметры украинского военного строительства отражаются на оборонном планировании соседних государств. Важной частью новизны является и разработанная мною методика разделения факторов милитаризации: она позволяет выделить из общего набора военных расходов стран региона ту часть, которая напрямую обусловлена украинским кризисом, а не внешними или внутренними обстоятельствами другого рода.

Отдельного внимания заслуживает концепт «каскадной милитаризации», предложенный в исследовании. Он позволяет выйти за рамки привычных биполярных моделей и описать, как эффект наращивания военного потенциала распространяется от эпицентра конфликта к периферийным государствам – не линейно и не симметрично, а с учётом их собственных политических и экономических особенностей. Методологическая новизна проявляется в сочетании количественного анализа динамики оборонных расходов и качественного изучения изменений в доктринальных установках. Такой подход позволяет увидеть не толь-

ко формальные изменения, но и скрытые механизмы адаптации национальных стратегий безопасности к новым рискам.

Практическая значимость исследования также достаточно ощутима. Полученные результаты позволяют строить более реалистичные сценарии развития военно-политической обстановки в регионе, опираясь на выявленные закономерности «каскадной милитаризации». Предложенная модель оценки устойчивости этих трендов создаёт базу для прогнозирования сдвигов в балансе сил и разработки асимметричных ответов на возникающие вызовы. В итоге работа открывает новые направления для дальнейшего изучения милитаризации как сложного, многослойного процесса, затрагивающего политические, экономические и социальные институты государств региона.

Эмпирическая база работы построена на широком и разнородном наборе источников, который позволяет проверять выводы с разных сторон и избегать методологических перекосов. Количественный анализ опирается прежде всего на данные Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) и Международного института стратегических исследований (IISS). Эти базы дают детальные временные ряды по военным расходам и импорту вооружений за 2013–2023 годы, что делает возможным отслеживание динамики в долгосрочной перспективе.

Не менее важным компонентом стали материалы парламентских слушаний и официальные бюджетные отчёты министерств обороны Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии. Они позволяют увидеть, как именно обосновывались изменения в оборонном планировании на институциональном уровне – не только в цифрах, но и в аргументации, которая сопровождала бюджетные решения.

Качественная часть исследования основана на анализе стратегических документов: военных доктрин, концепций национальной безопасности и ключевых политических заявлений. Контент-анализ этих материалов помогает проследить, как менялись подходы к обеспечению безопасности и какие акценты постепенно выходили на первый план.

Дополнительные данные предоставляют статистические материалы Европейского оборонного агентства и аналитические обзоры NATO Review. Они дают полезный сравнительный фон, позволяя соотносить национальные показатели с общими региональными тенденциями.

Комплексное использование всех этих источников дало возможность не только сформировать надёжную фактическую основу исследования, но и выявить скрытые взаимосвязи между украинской милитаризацией и изменениями в оборонной политике стран Восточной Европы. Это обеспечило анализу необходимую глубину и устойчивость.

Основная часть

Современное изучение милитаризации и её влияния на региональную безопасность требует не просто набора теоретических подходов, а продуманного синтеза нескольких исследовательских традиций. В качестве опорной рамки данной работы выступает неореалистический подход, восходящий к идеям Кеннета Уолтца. Его ключевое положение – о структурной анархии международной системы – по-прежнему позволяет объяснять базовую логику поведения государств, вынужденных действовать в условиях отсутствия верховного арбитра[1]. В этой логике государства выступают как рациональные, хотя и ограниченные, акторы, постоянно измеряющие возможные угрозы и стремящиеся минимизировать относительные потери.

Методологическая база исследования сочетает количественные и качественные подходы. Количественная часть включает анализ динамических рядов военных расходов по данным авторитетных международных организаций. Качественная – контент-анализ ключевых стратегических документов, официальных доктрин и дискурса политических элит. Дополнительную аналитическую глубину обеспечивает обращение к теории региональных комплексов безопасности Барри Бузана и Оле Вейвера, что позволяет учитывать специфику Восточной Европы как особой подсистемы международных отношений[1].

Объединение неореалистической парадигмы, концепций «дилеммы безопасности» и «внешнего шока» формирует целостный аналитический инструментарий, позволяющий интерпретировать милитаризацию Украины не как изолированный процесс, а как фактор, оказывающий системное воздействие на региональную безопасность. Такой теоретико-методологический синтез создаёт устойчивую основу для дальнейшего эмпирического анализа и делает возможным выявление тех структурных взаимосвязей, которые определяют динамику военно-политической ситуации в Восточной Европе.

Количественная динамика милитаризации Украины в рассматриваемый период показывает не просто рост отдельных показателей, а последовательное формирование новой военной реальности. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), оборонные расходы страны год от года уверенно увеличивались [3]. Особенно заметно этот тренд проявился после 2014 года:

доля военного бюджета в ВВП выросла с 1,5% до 3,5%, а в абсолютных значениях затраты увеличились более чем вдвое за 2014–2021 годы[4]. После февраля 2022 года произошёл уже не просто рост, а качественный разрыв со всеми предыдущими рамками – оборонный бюджет, подпитываемый масштабной иностранной помощью, достиг примерно 60% ВВП в 2023 году [5] (Kyiv School of Economics, 2023).

Если смотреть шире, то украинская милитаризация представляет собой не одномерный процесс, ограниченный финансами, а комплексную трансформацию всей оборонной системы. Существенно выросла численность и структура личного состава: создание территориальной обороны – свыше 100 тысяч человек – позволило довести общую численность вооружённых формирований примерно до 300 тысяч[6]. Согласно отчету SIPRI, импорт основных видов вооружений на Украину увеличился на 6633% между пятилетними периодами 2014–2018 и 2019–2025 гг. Это превратило Украину в крупнейшего импортера оружия в Европе и четвертого по величине в мире. [7]. Параллельно модернизировался собственный военно-промышленный комплекс: появились программы производства ударных беспилотников, систем радиоэлектронной борьбы и образцов техники, адаптированных под стандарты НАТО. Формат международной военной поддержки фактически стал новой институциональной опорой – её совокупный объём за 2022–2025 годы оценивается более чем в 350 млрд долларов[8].

Изменения в материальной базе сопровождались пересборкой стратегического мышления. Украинская военная доктрина последовательно смещалась в сторону концепций «тотальной обороны» и фактической интеграции с НАТО, что отражено в Стратегии национальной безопасности 2021 года и обновлённой Военной доктрине 2023 года. Эти документы фиксируют переход к модели «оборонно ориентированного государства», где элементы милитаризации затрагивают не только армию, но и экономику, и общественные институты. Подобный стратегический поворот сам по себе стал важным фактором, меняющим конфигурацию угроз в регионе.

Внутренняя география милитаризации также оказалась неоднородной. Западные регионы страны превратились в ключевые центры военного строительства: здесь размещаются учебные кластеры, новые подразделения, а также инфраструктура, обеспечивающая логистику международной помощи. В результате возникает ситуация «неравномерной милитаризации», когда вовлечённость регионов различается довольно существенно. Этот разрыв влияет не только на внутреннюю политико-административную динамику, но и на восприятие безопасности в Восточной Европе.

Сравнительный анализ динамики военных расходов ключевых стран Восточной Европы – Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии – подтверждает гипотезу о наличии «эффекта домино», инициированного милитаризацией Украины. Согласно данным Международного института стратегических исследований[9] и ежегодным отчетам Европейского оборонного агентства[10], наблюдается синхронизированный рост оборонных бюджетов в регионе, демонстрирующий статистически значимую корреляцию с ключевыми фазами украинского кризиса 2014 и 2022 годов.

Польша демонстрирует наиболее показательную динамику: анализ данных IISS за период 2014–2023 годов показывает увеличение военных расходов в абсолютном выражении с 8,9 млрд долларов США до 29,5 млрд долларов США, при этом доля в ВВП стабилизировалась на уровне 2,9–3,2%, что существенно превышает целевой показатель НАТО в 2%. Качественный анализ польских оборонных закупок, представленный в отчетах Агентства вооружений Польши [11], указывает на стратегический сдвиг в сторону приобретения высокотехнологичных систем ПВО (включая системы PATRIOT и CAIR), ударных БПЛА (Bayraktar TB2) и средств радиоэлектронной борьбы (ROSYSTALEC system), что непосредственно отражает оперативный опыт боевых действий в Украине.

Страны Балтии, согласно статистике Европейского оборонного агентства, демонстрируют значительный относительный рост военных расходов. Литва увеличила оборонный бюджет с 0,9% ВВП в 2014 году до 2,7% ВВП в 2023 году[12], Латвия – с 1,0% до 2,2% ВВП за аналогичный период [13]. Анализ распределения бюджетных ассигнований, представленный в национальных отчетах по безопасности показывает смещение акцента в военном строительстве в сторону развития инфраструктуры для размещения контингентов сил НАТО (увеличение ассигнований на 45% с 2021 года), усиления пограничного контроля (модернизация пограничной инфраструктуры на 120 млн евро) и создания систем гражданской обороны (на 65 млн евро).

Румыния, согласно данным ежегодного отчета Министерства национальной обороны [14], нарастила военные расходы до 2,4% ВВП, сосредоточившись на модернизации военно-морского флота (программа строительства корветов типа «Многофункциональный корвет») и систем противовоздушной обороны (модернизация систем NASAMS). Анализ распределения румынского оборонного бюджета показывает увеличе-

ние доли капитальных расходов на закупки вооружений с 20% в 2014 году до 35% в 2023 году что свидетельствует о переходе от содержания существующих мощностей к качественному перевооружению.

Сравнительный анализ структуры военных расходов показывает унификацию приоритетов в регионе: доля расходов на закупки современных систем вооружений выросла в среднем с 18% до 32% от общих оборонных бюджетов, при этом расходы на исследования и разработки увеличились с 1,2% до 3,8% за период 2014–2023 годов[15]. Наблюдается также рост координации закупок вооружений в рамках региональных инициатив НАТО, что подтверждается увеличением доли совместных программ с 15% до 28% от общего объема [16].

Параллельно с ростом оборонных расходов в регионе происходит глубинная трансформация концептуальных основ обеспечения безопасности. Этот переход от устоявшихся парадигм к новой, более конфронтационной нормальности является концептуальным измерением «эффекта домино», под которым понимается каскадное распространение изменений, инициированное одним событием в регионе. Эмпирические данные выявляют следующие качественные изменения. Происходит переход от концепций «гибкого реагирования» к моделям «передового» и «многодоменного» сдерживания. Материальной основой этого перехода служат беспрецедентный рост оборонных инвестиций. Согласно данным Европейского оборонного агентства, оборонные расходы стран-членов ЕС достигли в 2024 году 343 млрд евро, что составляет 1,9% ВВП, а в 2025 году ожидается рост до 2,1% ВВП[17]. При этом именно объем инвестиций (затраты на НИОКР и закупки вооружений) демонстрирует наиболее резкий скачок, увеличившись в 2024 году на 42% и достигнув рекордных 106 млрд евро. Это свидетельствует о целенаправленном переходе от содержания существующих армий к качественному перевооружению, направленному на создание потенциала для «передового сдерживания».

Доктринальная адаптация находит отражение в последовательном пересмотре базовых стратегических документов, где акцент смещается на «коллективную оборону». Данный тренд активно поддерживается и финансируется на общеевропейском уровне. Европейский союз инициировал ряд программ, направленных на усиление интеграции и интероперабельности оборонных потенциалов государств-членов. В их числе: Фонд безопасности для Европы (SAFE) – программа предоставления кредитов на оборонные закупки объемом до 150 млрд евро; Европейский оборонный фонд – 8,8 млрд евро на поддержку совместных исследований и разработок в оборонной сфере, Программа для европейской оборонной промышленности – 1,5 млрд евро в виде грантов на 2025–2027 годы для стимулирования оборонной промышленности. Эти инициативы не только финансируют перевооружение, но и политически консолидируют участников вокруг общей цели укрепления обороноспособности, что ведёт к вытеснению из дискурса идей «стратегического партнёрства» и закреплению новой архитектуры угроз.

Опыт современных боевых действий стимулировал пересмотр взглядов на применение вооружений, что напрямую отражается в структуре закупок. Согласно отчётам, расходы на закупку оборонного оборудования в странах ЕС в 2024 году достигли 88 млрд евро, показав рост на 39% по сравнению с предыдущим годом[19] (European Defence Agency, 2024; ASD – European Defence Industry Statistical Handbook, 2024). Данный тренд структурно подтверждает сдвиг в оперативно-тактическом планировании в сторону массовой закупки современных образцов вооружения. Одновременно на 20% выросли расходы на оборонные исследования и разработки (до 13 млрд евро в 2024 году), что указывает на стремление создать технологический задел для будущих инноваций, в том числе в таких областях, как беспилотные системы и средства РЭБ.

Происходит укрепление координационных механизмов, причём как в рамках НАТО, так и в формате субрегиональных форматов сотрудничества. Логическим продолжением этого курса является активное развитие оборонно-промышленной кооперации. В 2024 году выручка европейского ВПК увеличилась на 13%, достигнув 123 млрд долларов. Согласно планам компаний, к 2028 году этот показатель может вырасти на 55%, до 191 млрд долларов. Для сравнения, МВФ прогнозирует рост всей экономики ЕС за тот же период лишь на 15%, что подчеркивает исключительную динамику оборонного сектора.[18] (ASD, 2024). Рост наблюдается во всех ключевых секторах: военная авиация (64,8 млрд), морские системы (37,9 млрд) и сухопутные системы (56,2 млрд) (ASD, 2024). Число занятых в отрасли достигло 581 000 человек, что на 8,9% больше, чем годом ранее. Эти данные свидетельствуют, что институциональные реформы и консолидация оборонных рынков несут не декларативный, а структурный характер, приводя к созданию реального военно-промышленного потенциала в регионе.

Таким образом, «эффект домино» проявляется не только в бюджетной, но и в концептуальной сфере. Через призму конкретных финансовых данных и институциональных инициатив можно наблюдать, как формируется новая, более конфронтационная и милитаризован-

ная нормальность в региональной безопасности, характеризующаяся комплексной ревизией доктрин, оперативных подходов и институциональных структур.

Эмпирический анализ подтвердил центральную гипотезу о наличии устойчивой причинно-следственной связи между милитаризацией Украины и существенной трансформацией подходов к безопасности в странах Восточной Европы. Выявленный «эффект домино» проявляется не только в синхронизированном росте оборонных расходов, но и в качественных изменениях военной доктрины, оперативных подходов и институциональных структур. Количественные данные демонстрируют беспрецедентную динамику: оборонные расходы стран-членов ЕС достигли в 2024 году 343 миллиардов евро (1,9% ВВП), а объем инвестиций в НИОКР и закупки вооружений показал резкий скачок на 42%, достигнув рекордных 106 миллиардов евро[21]. Это свидетельствует о целенаправленном переходе от содержания существующих армий к качественному перевооружению, ориентированному на создание потенциала для «передового сдерживания».

В концептуальной сфере произошел переход от парадигм «гибкого реагирования» к моделям «передового» и «многодоменного» сдерживания, что находит отражение в последовательном пересмотре базовых стратегических документов с акцентом на «коллективную оборону». Этот тренд активно поддерживается и финансируется на общеевропейском уровне через такие инициативы, как Фонд безопасности для Европы объемом до 150 миллиардов евро, Европейский оборонный фонд (8,8 миллиардов евро) и Программу для европейской оборонной промышленности (EDIP) с бюджетом 1,5 миллиардов евро на 2025–2027 годы. Эти меры не только финансируют перевооружение, но и политически консолидируют участников вокруг общей цели, вытесняя из дискурса идеи «стратегического партнерства» и закрепляя новую архитектуру угроз.

Значительные изменения наблюдаются в оперативно-тактической сфере, где опыт современных боевых действий стимулировал пересмотр взглядов на применение вооружений. Расходы на закупку оборонного оборудования в странах ЕС в 2024 году достигли 88 миллиардов евро, показав рост на 39% по сравнению с предыдущим годом, а затраты на оборонные исследования и разработки выросли на 20%, до 13 миллиардов евро.[22] Данный тренд структурно подтверждает сдвиг в оперативно-тактическом планировании в сторону массовой закупки современных образцов вооружения и создания технологического задела для инноваций в таких областях, как беспилотные системы и средства РЭБ.

Институциональное измерение трансформации проявляется в укреплении координационных механизмов как в рамках НАТО, так и в формате субрегиональных форматов сотрудничества. Логическим продолжением этого курса стало активное развитие оборонно-промышленной кооперации: оборот европейской оборонной промышленности в 2023 году достиг 158,8 миллиардов евро, увеличившись на 16,9% по сравнению с предыдущим годом, а число занятых в отрасли выросло на 8,9%, достигнув 581 000 человек. Эти данные свидетельствуют, что институциональные реформы и консолидация оборонных рынков несут не декларативный, а структурный характер, приводя к созданию реального военно-промышленного потенциала в регионе.

Таким образом, через призму конкретных финансовых данных и институциональных инициатив можно наблюдать формирование новой, более конфронтационной и милитаризованной нормальности в региональной безопасности. Предложенный в исследовании концепт «каскадной милитаризации» доказал свою эвристическую ценность, позволив описать нелинейное и асимметричное распространение эффекта наращивания военного потенциала от эпицентра конфликта к периферийным государствам с учетом их политических и экономических особенностей. Результаты работы создают основу для построения более реалистичных сценариев развития военно-политической обстановки в регионе и разработки асимметричных ответов на возникающие вызовы.

Литература

1. Бузан Б., Вейвер О. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2018/11/Buzan-Waever-2003-Regions-and-Powers-The-Structure-of-International-Security.pdf> (дата обращения: 25.11.2025)
2. Waltz K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. – [б.м.]: Addison-Wesley, 1979. – URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/486328/mod_resource/content/0/Kenneth%20N.%20Waltz%20Theory%20of%20International%20Politics%20Addison-Wesley%20series%20in%20political%20science%20%20%201979.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
3. Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI). Годовой обзор 2023: вооружения, разоружение и международная безопасность (резюме) / SIPRI. – Стокгольм, 2023. –

URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-12/yb23_summary_ru_0.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

4. СИПРИ (SIPRI). SIPRI Yearbook. – Oxford: Oxford University Press. – URL: <https://academic.oup.com/sipri-yearbook/book/60933> (дата обращения: 25.11.2025).

5. МГИМО. «Право» // МГИМО.Право. – URL: <https://www.pravo.mgimo.ru/?q=node/58886> (дата обращения: 25.11.2025).

6. Компания: Вооружённые силы Украины (ВСУ) // TAdviser: [сайт]. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Вооружённые_силы_Украины_\(ВСУ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Вооружённые_силы_Украины_(ВСУ)) (дата обращения: 27.11.2025).

7. Wezeman P. D., Djokic K., George M., Hussain Z., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2023 / SIPRI. – Mar. 2024. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

8. Кузнецова Е. Кто и сколько денег выделил Украине с 2022 года. Инфографика // РБК. – 18.11.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2025/691b0f539a79473622a3d3b9> (дата обращения: 27.11.2025). Военная доктрина Украины (2023)

9. The International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 2023. – London: Routledge / Taylor & Francis, 2023. – URL: https://www.academia.edu/97372811/The_Military_Balance_2023_International_Institute_for_Strategic_Studies (дата обращения: 27.11.2025)

10. European Defence Agency. Annual Report 2022 / European Defence Agency. – 2022. – URL: https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/eda-annual-report-2022_en-web.pdf (дата обращения: 27.11.2025). Ministry of National Defence of Poland, 2023

11. Fiorenza N. DSEI 2023: Poland procures hundreds of HIMARSS // Janes OSINT Insights. – 14.09.2023. – URL: <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/weapons/dsei-2023-poland-procures-hundreds-of-himarss> (дата обращения: 27.11.2025).

12. Анушаускас А. Военный бюджет Литвы на 2023 год вырастет вдвое, заявили в Минобороны // Sputnik Литва, 01.10.2022. – URL: <https://lt.sputniknews.ru/20221001/voenny-byudzh-et-lity-na-2023-god-vyrastet-vdvoe-zayavili-v-minoborony-24758799.html> (дата обращения: 27.11.2025). Ministry of

13. Ан/автор статьи не указан. Миллиард евро на оборону Латвии: на что военные собираются тратить деньги // Sputnik Латвия. – 13.03.2023. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/20230313/milliard-evro-na-oboronu-latvii-na-cto-voennye-sobirayutsya-tratit-dengi-24411328.html> (дата обращения: 27.11.2025).

14. TradingEconomics. Romania – Military expenditure [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/romania/military-expenditure> (дата обращения: 27.11.2025).

15. DW. Доклад SIPRI: военные расходы в мире установили новый рекорд // Deutsche Welle. – URL: <https://www.dw.com/ru/doklad-sipri-voennye-rashody-v-mire-ustanovili-novyy-rekord/a-72355914> (дата обращения: 27.11.2025).

16. NATO Defence Planning Process // ACT – Allied Command Transformation. – URL: <https://www.act.nato.int/our-work/network-community/nato-defence-planning-process/> (дата обращения: 27.11.2025).

17. Автор не указан. Название статьи // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007498> (дата обращения: 27.11.2025).

18. Xpert Digital. Перевооружить Европу на 800 миллиардов евро // Xpert.digital. – URL: <https://xpert.digital/ru/первооружить-европу-на-800-миллиардов-евро/> (дата обращения: 27.11.2025).

19. РИА Новости – 02.09.2025. – URL: <https://www.ria.ru/20250902/es-2039018246.html> (дата обращения: 27.11.2025).

20. Xpert Digital. Перевооружить Европу на 800 миллиардов евро // Xpert.digital. – URL: <https://xpert.digital/ru/первооружить-европу-на-800-миллиардов-евро/> (дата обращения: 27.11.2025).

21. Оборонные расходы ЕС достигли рекордных объёмов // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007498> (дата обращения: 27.11.2025).

22. ЕС увеличил расходы на закупку вооружений на рекордные 39% // Seldon.News. – URL: <https://www.myseldon.com/ru/news/index/334427899> (дата обращения: 27.11.2025).

THE DOMINO EFFECT IN REGIONAL SECURITY: A METHODOLOGY FOR ASSESSING THE IMPACT OF UKRAINE'S MILITARIZATION ON THE DEFENSE BUDGETS OF EASTERN EUROPEAN COUNTRIES

Vishnyakov Ye.V.

Peoples' Friendship University of Russia

The article "The Domino Effect in Regional Security: A Methodology for Assessing the Impact of Ukraine's Militarization on the Defense Budgets of Eastern European Countries" analyzes the cause-and-effect relationships between large-scale military buildup in Ukraine and changes in the defense policies of Eastern European countries. The empirical basis

for the study is data from SIPRI, IISS, and the European Defence Agency, as well as official strategic documents and budget reports from Poland, the Baltic states, and Romania. The paper identifies and examines in detail the phenomenon of "cascading militarization," manifested in the synchronous growth of military spending and its qualitative redistribution. It is shown that the Ukrainian crisis acted as a kind of "external shock" that accelerated the transition from the "flexible response" paradigm to the "forward deterrence" model. Using the examples of individual countries, it is demonstrated that this is reflected, in particular, in a significant increase in the share of expenditures on arms procurement (from an average of 18% to 32% of defense budgets), an expansion of R&D spending, and a revision of key provisions of military doctrines.

The scientific novelty of the work lies in the proposed methodology, which allows for identifying the portion of defense spending directly determined by the "Ukrainian factor." The practical significance of the study lies in the development of a toolkit for predicting changes in the regional balance of power and preparing adequate responses to emerging challenges.

Keywords: militarization of Ukraine, military spending, Eastern Europe, security architecture, defense budgets, cascading militarization, Baltic states, Poland, Romania, defense planning, forward deterrence, military doctrines, defense industrial complex (DIC), SIPRI, IISS, European Defence Agency (EDA)

References

1. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2018/11/Buzan-Waever-2003-Regions-and-Powers-The-Structure-of-International-Security.pdf> (date of access: 25.11.2025)

2. Waltz K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. – [n.m.]: Addison-Wesley, 1979. – URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/486328/mod_resource/content/0/Kenneth%20N.%20Waltz%20Theory%20of%20International%20Politics%20Addison-Wesley%20series%20in%20political%20science%20%20%20%201979.pdf (Accessed: 25.11.2025).

3. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Annual Review 2023: Armaments, Disarmament and International Security (Summary) / SIPRI. – Stockholm, 2023. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-12/yb23_summary_ru_0.pdf (Accessed: 25.11.2025).

4. SIPRI (SIPRI). SIPRI Yearbook. – Oxford: Oxford University Press. – URL: <https://academic.oup.com/sipri-yearbook/book/60933> (date of access: 25.11.2025).

5. МГИМО. "Law" // МГИМО.Право. – URL: <https://www.pravo.mgimo.ru/?q=node/58886> (date of access: 25.11.2025).

6. Company: Armed Forces of Ukraine (VСУ) // TAdviser: [website]. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Вооружённые_силы_Украины_\(ВСУ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Вооружённые_силы_Украины_(ВСУ)) (date of access: 27.11.2025).

7. Wezeman P. D., Djokic K., George M., Hussain Z., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2023 / SIPRI. – Mar. 2024. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (date of access: 27.11.2025).

8. Kuznetsova E. Who and how much money allocated to Ukraine since 2022. Infographics // RBC. – 18.11.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2025/691b0f539a79473622a3d3b9> (date of access: 27.11.2025). Military Doctrine of Ukraine (2023)

9. The International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 2023. – London: Routledge / Taylor & Francis, 2023. – URL: https://www.academia.edu/97372811/The_Military_Balance_2023_International_Institute_for_Strategic_Studies (date of access: 27.11.2025)

10. European Defence Agency. Annual Report 2022 / European Defence Agency. – 2022. – URL: https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/eda-annual-report-2022_en-web.pdf (date of access: 27.11.2025). Ministry of National Defence of Poland, 2023

11. Fiorenza N. DSEI 2023: Poland procures hundreds of HIMARSS // Jane's OSINT Insights. – 14.09.2023. – URL: <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/weapons/dsei-2023-poland-procures-hundreds-of-himarss> (accessed on November 27, 2025).

12. Anusauskas A. Lithuania's military budget for 2023 will double, the Ministry of Defense announced // Sputnik Lithuania, October 1, 2022. – URL: <https://lt.sputniknews.ru/20221001/voenny-byudzh-et-lity-na-2023-god-vyrastet-vdvoe-zayavili-v-minoborony-24758799.html> (accessed on November 27, 2025). Ministry of

13. Author/author of the article not indicated. One billion euros for Latvia's defense: What the military is going to spend money on // Sputnik Latvia. – March 13, 2023. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/20230313/milliard-evro-na-oboronu-latvii-na-cto-voennye-sobirayutsya-tratit-dengi-24411328.html> (accessed on November 27, 2025).

14. TradingEconomics. Romania – Military expenditure [Electronic resource]. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/romania/military-expenditure> (accessed on November 27, 2025).

15. DW. SIPRI report: global military spending sets new record // Deutsche Welle. – URL: <https://www.dw.com/ru/doklad-sipri-voennye-rashody-v-mire-ustanovili-novyy-rekord/a-72355914> (accessed on 27.11.2025).

16. NATO Defence Planning Process // ACT – Allied Command Transformation. – URL: <https://www.act.nato.int/our-work/network-community/nato-defence-planning-process/> (accessed on 27.11.2025).

17. Author not specified. Article title // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007498> (accessed on 27.11.2025).

18. Xpert Digital. Rearing Europe with 800 billion euros // Xpert.digital. – URL: <https://xpert.digital/ru/perevooruzhit-evropu-na-800-milliardov-evro/> (date of access: 27.11.2025).

19. RIA Novosti – 02.09.2025. – URL: <https://www.ria.ru/20250902/es-2039018246.html> (date of access: 27.11.2025).

20. Xpert Digital. Rearm Europe with 800 Billion Euros // Xpert.digital. – URL: <https://xpert.digital/ru/perevooruzhit-evropu-na-800-milliardov-evro/> (date of access: 27.11.2025).

21. EU Defense Spending Reaches Record Highs // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007498> (accessed on 27.11.2025).

22. The EU increased its spending on arms purchases by a record 39% // Seldon.News. – URL: <https://www.myseldon.com/ru/news/index/334427899> (accessed on 27.11.2025).

Зарудный Борис Глебович,
соискатель кафедры политологии Московского
государственного лингвистического университета
E-mail: bgzw@rambler.ru

Статья анализирует современное состояние международных отношений в условиях обострения глобального соперничества и повышения геополитической напряженности. Особое внимание уделяется вопросам антитеррористического сотрудничества, которое сталкивается с рядом трудностей: снижением эффективности совместных усилий, проявлением политизации и двойных стандартов в деятельности международных организаций, а также использованием властными структурами некоторых стран незаконных вооруженных формирований для реализации собственных политических целей. Подчеркивается роль региональных объединений, таких как СНГ¹, ШОС² и ОДКБ³, в формировании действенной системы противодействия терроризму. Освещаются их инициативы по расширению сотрудничества, включая проведение совместных учений и создание новых платформ взаимодействия. Отмечается, что региональные организации Евразии демонстрируют гибкость и приверженность объединению усилий для борьбы с трансграничным терроризмом, что способствует укреплению региональной и глобальной стабильности.

Ключевые слова: терроризм, международное сотрудничество, региональные организации, Евразийский регион.

Международные отношения на современном этапе демонстрируют обострение глобального соперничества и беспрецедентный рост геополитической напряженности в межгосударственном взаимодействии. Многие региональные конфликты сопровождаются тенденцией к их силовому разрешению, что подрывает мировую систему безопасности и многократно увеличивает риски террористических проявлений. В этих условиях особенно актуальным становится укрепление антитеррористического сотрудничества, основанного на принципах взаимного уважения и учета интересов всех участников мирового сообщества.

Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что эффективность общих усилий по противодействию терроризму и экстремизму снижается. Этому способствует не только применение отдельными странами «двойных стандартов» и политизация антитеррористической сферы, что особенно рельефно проявляется на примере Украины и Ближнего Востока, но и негативные тенденции в работе международных организаций, формирующих антитеррористическую повестку.

Например, в представленном в августе 2025 года докладе Генерального секретаря ООН «Об угрозе, представляемой ИГИЛ (ДАИШ) международному миру и безопасности, а также о широком спектре усилий ООН в поддержку государств-членов в противодействии угрозе», двадцать первым по счету из посвященных этому вопросу, подчеркивается, что эта террористическая организация «продолжает оппортунистическую экспансию в нестабильные районы, особенно в те, где политическая нестабильность, неэффективное государственное управление или конфликт создают благоприятную для этого обстановку» [8].

Однако при этом данный доклад не упоминает иные не менее значимые факторы – использование властными структурами некоторых стран террористических группировок и незаконных вооруженных формирований для поддержания очагов напряженности в интересах реализации собственных политических целей и создание ими зон «контролируемого хаоса», которыми пользуются боевики международных террористических организаций.

Замалчивание этих причин искажает реальное положение дел и делает вырабатываемые контрмеры малоэффективными. Этим, в частности, во многом объясняется провал многолетних контртеррористических операций США и их союзников, где лозунг борьбы с терроризмом служил лишь прикрытием для поддержания незаконных вооруженных группировок и укрепления собственного геополитического доминирования.

Подобная непоследовательность прослеживается и в международных вопросах, когда «коллективный Запад» выдвигает необоснованные односторонние обвинения. В результате подрываются принципы конструктивного сотрудничества в области безопасности. При этом показательно, что порой из-за политизированной позиции некоторых делегаций Всемирной организации не удается согласовать стандартные заявления по террористическим актам. «Подобное поведение стало тревожной традицией, когда отдельные члены Совета Безопасности отказываются осуждать теракты, а порой даже пытаются их оправдать» [1].

Не менее тревожные сигналы просматриваются и в деятельности других международных организаций, сыгравших важную роль в становлении и развитии многостороннего антитеррористического сотрудничества. Более того, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) деградировала до площадки для политизированных атак, нацеленных не только против России в связи с ситуацией на Украине, но и против любого государства, проводящего независимый курс. Важнейшие вопросы транснациональных угроз рассматриваются исключительно сквозь призму западных приоритетов.

Все более очевидным становится бездействие ОБСЕ в отношении нарастающего международного терроризма, что усугубляется контрпродуктивным курсом стран-председателей, отказывающихся от проведения традиционных антитеррористических конференций, а также повторяющимися попытками сорвать выступления российской делегации, что фактически лишает Москву возможности быть услышанной.

Отмечается рост активности, направленной на навязывание стандартов, продвигаемых Вашингтоном и Брюсселем под видом борьбы с «насильственным экстремизмом». Однако кажущееся безобидным включение термина «насильственный» несет глубокий политический смысл, поскольку продвигает «работу непосредственно с граждан-

¹ Содружество Независимых Государств, Содружество.

² Шанхайская организация сотрудничества.

³ Организация Договора о коллективной безопасности.

ским обществом через голову законных правительств», возлагая «вину за распространение радикальных идеологий и расширение социальной базы терроризма на политические режимы, объявленные Западом недемократическими, нелиберальными или авторитарными» [3].

Аналогичная позиция проявляется и в деятельности другой глобальной межправительственной структуры – ФАТФ (FATF)¹, чьи устремления в условиях структурной перестройки мировой экономики и стремительного развития информационно-коммуникационных технологий должны содействовать единению государств в противодействии финансированию терроризма на основе девяти специальных рекомендаций этой организации.

Одним из проявлений политизации стало решение от 24 февраля 2023 года о приостановке членства России, принятое под давлением Украины, которая даже не является членом ФАТФ. Кроме того, под влиянием недружественных стран долгое время муссировалась тема включения России в так называемый «черный список» [2], который влечет жесткие санкционные меры. Тем не менее, благодаря поддержке стран Содружества, а также Индии и Китая, формирующих ядро ЕАГ² (ассоциированного члена ФАТФ), Российская Федерация не появилась ни в списках юрисдикций под усиленным контролем, ни среди юрисдикций высокого риска [7].

На фоне стагнации ориентированных на Запад многосторонних объединений государства и региональные структуры Евразийского пространства благодаря перекрестному членству стран в региональных организациях, напротив, последовательно наращивают свою сплоченность, в том числе в вопросах противодействия терроризму и в других сферах, сопутствующих этому деструктивному явлению. По инициативе Секретариата ОДКБ разработана Дорожная карта развития сотрудничества стран СНГ, ОДКБ и ШОС на 2026–2028 годы. Этот документ был утвержден 3 сентября 2025 года во время встречи генеральных секретарей организаций на 25-ом саммите «шанхайской группы». Дорожная карта предусматривает совместные проекты в области безопасности, такие как встречи в рамках рабочей группы по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ, борьбу с наркотиками и проведение мероприятий по дерадикализации лиц, возвращенных из зон террористической активности. Также планируется создание Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности в Ташкенте, включающего Центр информационной безопасности и Центр по противодействию транснациональной организованной преступности в г. Бишкеке, а также Антинаркотического центра ШОС в Душанбе.

Немногом более чем через месяц на заседании Совета глав государств СНГ 10 октября в Душанбе были приняты не менее важные политические решения. Лидеры стран учредили формат «Содружество Независимых Государств плюс» – платформу для координации действий с другими странами и организациями. Также было решено предоставить ШОС статус наблюдателя при СНГ.

Указанные проекты явились результатом укрепления взаимоотношений между «естественными» партнерами³ – СНГ, ШОС и ОДКБ. Связи между организациями зародились еще в начале 2000-х годов, когда были подписаны первые двухсторонние соглашения о сотрудничестве. Новым импульсом, явившимся прологом стремительного наращивания взаимодействия на трехсторонней основе, стало подписание в 2018 года Меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между АТЦ СНГ, РАТС ШОС⁴ и Секретариатом ОДКБ и создание Постоянно действующей экспертной группы, благодаря активной деятельности которой через четыре года руководителями организаций был принят важнейший документ – Совместная позиция по вопросам противодействия терроризму и экстремизму.

Концентрированно выразившая схожесть взглядов на проблемы противодействия терроризму и отразившая единство политической воли укреплять межинституциональное сотрудничество в данной сфере Совместная позиция послужила основой последовательного расширения горизонтов практического взаимодействия. В 2023 году в Кыргызстане были одновременно проведены сопряженные единым замыслом, местом и временем антитеррористические учения компетентных органов СНГ и ШОС. В 2025 году в Таджикистане состоялись совместно спланированные заключительные этапы маневров государств – участ-

¹ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force on Money Laundering).

² Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

³ Так характеризовал Президент России В. Путин сложившиеся тесные связи между тремя организациями (см., например, О чем говорил Путин на саммите ОДКБ в Минске // Известия. 23 ноября 2023. URL: <https://iz.ru/1610104/2023-11-23/o-chem-govoril-putin-na-sammite-odkb-v-minske-glavnoe> (дата обращения 20.03.2025)).

⁴ Региональная антитеррористическая структура ШОС.

ников СНГ «Содружество-Антитеррор-2025» и Миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство».

Другим направлением, способствующим сближению государств СНГ и ШОС в вопросах антитеррора, стала договоренность об объединении в единое мероприятие Второй конференции СНГ по противодействию терроризму и экстремизму и Десятой международной научно-практической конференции ШОС по сотрудничеству в области противодействия международному терроризму и экстремизму. Объединенный форум СНГ и ШОС прошел в сентябре 2024 года в Ташкенте и позволил собрать «около 250 представителей из компетентных органов 20 стран-участниц СНГ и ШОС, 9 рабочих структур органов Содружества, 2 рабочих структур органов ШОС, 22 научно-исследовательских и образовательных организаций, а также 10 уполномоченных органов 6 международных организаций, таких как ООН, Интерпол, ЕАГ, СВМДА и других (всего 47 делегаций) [4].

Важным шагом в развитии сотрудничества должно стать проведение совместных мероприятий в Беларуси в 2026 году, включающих как конференции, так и учения, организованные под эгидой СНГ и ШОС [6], а также намечающееся подключение к этим инициативам ОДКБ. Указанные начинания представляют собой значимое звено на пути к созданию совершенно новой модели борьбы с терроризмом и демонстрируют укрепление взаимопонимания и доверия между региональными структурами, сталкивающимися с общими угрозами безопасности.

Совместная работа профильных структур СНГ, ШОС и ОДКБ формируют основу для вовлечения в сферу тесного антитеррористического взаимодействия других международных организаций. Это подтверждается деятельностью трех ведущих государств Евразии в рамках рабочей группы БРИКС по антитеррору, «которая на постоянной основе осуществляет содействие в уголовном преследовании террористов и финансирующих их лиц, разрабатывает предложения по совершенствованию национальных законодательства и принятию подзаконных актов, призванных снять правовые барьеры» [5]. Не менее важным элементом является активное подключение СНГ, ШОС и ОДКБ к работе Антитеррористической конференции «БРИКС плюс», проведенной МИД России в декабре 2025 года, явившейся очередной ступенью в укреплении сотрудничества и координации усилий заинтересованных стран в сфере борьбы с угрозами международной безопасности.

Другой региональной организацией – ЕАГ, также стремящейся расширить свое межинституциональное партнерство, иницируются совместные практические тренинги и семинары, нацеленные на наращивание взаимодействия между подразделениями финансовой разведки и правоохранительными органами при расследовании преступлений, связанных с финансированием терроризма. Последнее такое мероприятие прошло в декабре 2025 года в Ташкенте. Всего с 2015 года более 200 сотрудников национальных антитеррористических подразделений и профильных ведомств многих стран ЕАГ, СНГ и ШОС повысили свою квалификацию в области борьбы с финансированием терроризма.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что в условиях растущих вызовов трансграничного терроризма страны и многосторонние институты Евразийского региона демонстрируют гибкость, адаптивность и приверженность к расширению сотрудничества. Совместные усилия СНГ, ШОС и ОДКБ, основанные на принципах равноправия, уважения суверенитета и невмешательства, становятся ключевым фактором эффективного обеспечения безопасности и позволяют сформировать прочную платформу для укрепления региональной и глобальной стабильности, создавая базу для вовлечения в совместную деятельность новых акторов.

Литература

1. Выступление и.о. Постоянного представителя Д.А. Полянско-го на заседании СБ ООН, посвященном 21-му докладу Генсекретаря ООН об угрозе международному миру и безопасности со стороны ИГИЛ. URL: https://russiaun.ru/ru/news/unscc_200825 (дата обращения 21.11.2025).
2. Глава Росфинмониторинга рассказал о ситуации с возможными санкциями FATF против РФ // Интерфакс 16 июля 2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/970971> (дата обращения 25.08.2024).
3. Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. 2019. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/issues/2019/5/> (дата обращения 04.08.2025).
4. Международная конференция РАТС ШОС и СНГ по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Ташкент, 04–05 сентября 2024. URL: <https://spi-cis.ru/meropriyatia/uchastie-v-meropriyatiakh/mezhdunarodnaya-konferentsiya-rats-shos-i-sng-po-borbe-s-terrorizmom-i-ekstremizmom-tashkent-04-05-0> (дата обращения 25.03.2025).
5. Противодействие терроризму в странах БРИКС. URL: <https://tvbrics.com/bricslife/protivodeystvie-terrorizmu-v-stranakh-brics/?ysclid=mjd7s16i4m179812717> (дата обращения 13.07.2025).

6. Тезисы выступления Руководителя АТЦ СНГ Е.С. Сысоева на Третьей конференции СНГ по противодействию терроризму и экстремизму (23 октября 2025 года, г. Душанбе).

7. FATF оставила без изменений статус РФ // Интерфакс 24 октября 2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1054612> (дата обращения 12.11.2025).

8. Twenty-first report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4086936?ln=en&v=pdf#file> (дата обращения 20.12.2025).

THE ROLE OF REGIONAL ORGANIZATIONS IN COUNTERING TERRORISM

Zarudny B.G.

Moscow State Linguistic University

The article analyzes the current state of international relations amid intensifying global rivalry and rising geopolitical tensions. Particular attention is devoted to counter-terrorism cooperation, which faces a range of challenges: declining effectiveness of joint efforts, politicization and double standards in the activities of international organizations, and the use by authorities in certain States of illegal armed groups to advance their political objectives. The role of regional organizations, such as the CIS, SCO, and CSTO, in establishing an effective system to counter terrorism is underscored. Their initiatives to expand cooperation, including joint exercises and the creation of new interaction platforms, are highlighted. It is noted that Eurasian regional organizations demonstrate flexibility and commitment to pooling efforts against transnational terrorism, thereby contributing to enhanced regional and global stability.

Keywords: terrorism, international cooperation, regional organizations, Eurasian region.

References

1. Statement by Acting Permanent Representative D.A. Polyansky at the UN Security Council meeting dedicated to the 21st report of the UN Secretary-General on the threat to international peace and security posed by ISIS. URL: https://russiaun.ru/news/un-sc_200825 (accessed on 21.11.2025).

2. The Head of Rosfinmonitoring spoke about the situation with possible FATF sanctions against the Russian Federation // Interfax, 16 July 2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/970971> (accessed on 25.08.2024).

3. Lavrov S.V. The World at a Crossroads and the System of International Relations in the Future // Russia in Global Affairs. 2019. No. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/issues/2019/5/> (date of access 04.08.2025).

4. International Conference of the RATS SCO and the CIS on Combating Terrorism and Extremism. Tashkent, 04–05 September 2024. URL: <https://spi-cis.ru/meropriyatiya/uchastie-v-meropriyatiyakh/mezhdunarodnaya-konferentsiya-rats-shos-i-sng-po-borbe-s-terrorizmom-i-ekstremizmom-tashkent-04-05-0> (date of access 25.03.2025).

5. Countering terrorism in the BRICS countries. URL: <https://tvbrics.com/bricslife/protivodeystvie-terrorizmu-v-stranakh-brics/?ysclid=mjd7s16i4m179812717> (accessed July 13, 2025).

6. Theses of the speech of the Head of the CIS Anti-Terrorism Center E.S. Sysoev at the Third CIS Conference on Countering Terrorism and Extremism (October 23, 2025, Dushanbe).

7. FATF left the status of the Russian Federation unchanged // Interfax, October 24, 2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1054612> (accessed November 12, 2025).

8. Twenty-first report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4086936?ln=en&v=pdf#file> (дата обращения 20.12.2025).

Зверков Николай Викторович,

аспирант кафедры философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

Религиозный экстремизм не является исключительно религиозным феноменом, а представляет собой сложное социально-философское явление. Формирование и реализация идеологии религиозного экстремизма обусловлены многофакторным взаимодействием социально-экономических, правовых, культурно-идеологических и психологических триггеров при доминировании политических факторов. При этом идеологические основы религиозного экстремизма, характеризующиеся абсолютизацией догматов, эксклюзивизмом и оправданием насилия, обретают деструктивную социальную реализацию лишь в специфических условиях гражданского общества. Цель статьи состоит в представлении и анализе причин и условий, стимулирующих формирования религиозного экстремизма на почве радикализации традиционных религий на примере ислама. Материалы и методы. Материалами в работе над статьей стали примеры проявления религиозного экстремизма в трансформационных процессах современного мирового пространства. Методы исследования определились комплексной методологией исследования. Рабочими методами стали системный, компаративистский методы, методы козуального и структурно-функционального анализа. Результаты исследования. Социально-политические триггеры формирования и активности религиозного экстремизма наиболее очевидны, на наш взгляд, на примере исламского экстремизма, в контексте попыток конструирования политической нации, являющихся ответом на неспособность государственных институтов и власти обеспечить необходимые условия жизнедеятельности населения. Маргинализация и социальная несправедливость являются одними из ключевых триггеров, способствующих экстремистской радикализации. Ощущение исключенности из общества, отсутствие перспектив социального роста, бедность, безработица и глубокое социальное расслоение создают благодатную почву для формирования уязвимых групп, особенно среди молодежи и социально незащищенных слоев населения. В условиях отсутствия возможностей для реализации своих потребностей и амбиций, индивиды начинают искать смысл и принадлежность в альтернативных сообществах. Простота решения острых социальных проблем, декларируемая в проповедях экстремистских лидеров и рекрутеров, опора на авторитет религиозного учения обеспечивает популярность движений. Важнейшим стимулом роста религиозных экстремистских организаций является слабость или коррумпированность государственных структур, а также их неспособность эффективно обеспечивать базовые потребности населения являются одними из ключевых триггеров провокации социальных протестных организаций, к которым относятся экстремистские группировки. В таких условиях возникает необходимость в альтернативных формах организации гражданского общества и управления социумом, способные обеспечить защиту, справедливость и порядок, и чей авторитет опирается авторитет на религиозных догматах. Радикальные религиозные движения используют этот кризис «социальной контрактности», предлагая свои модели социальной и политической организации, которые, по их мнению, способны восстановить справедливость и обеспечить безопасность. Эти движения часто апеллируют к идее возвращения к «истинным» ценностям, сосредоточенным в религии. Показательной иллюстрацией эффективности социально-политических триггеров в религиозной радикализации служит нигерийское исламское экстремистское движение «Боко харам» и хуситская организация «Ансар Аллах» в Йемене. Обсуждение и заключение. В условиях современной социокультурной трансформации религия перестает быть исключительно духовным феноменом, видоизменяясь под влиянием политических задач элит в мощный инструмент легитимации насилия для достижения политических задач и управления социальными протестами. Основными триггерами в формировании религиозного экстремизма становятся не духовные искания и стремления, а социально-экономические стимулы.

Ключевые слова: «Ансар Аллах», «Боко харам», ислам, легитимация насилия, политические цели, социально-политические триггеры, религиозный экстремизм, социальная реальность, социальные протесты, социально-экономические стимулы.

Введение

Религиозный экстремизм является сложным социокультурным феноменом, обусловленным взаимодействием множества внутренних и внешних факторов, формирующих его динамику и проявления. Религиозный экстремизм в современном обществе в основном формируется на основе легитимации насилия посредством искажения фундаментальных догматов традиционных религии и языческих традиций. Такое искажение служит инструментом оправдания насильственных действий и укрепления власти определенных политических сил.

Причины возникновения религиозного экстремизма многоаспектны. В случае радикализации религиозных догматов, основным триггером выступает процесс формирования политической нации в регионах с низким уровнем социально-экономического развития и слабостью государственных институтов, что создает условия для использования религии как средства политической мобилизации населения и легитимации воли политических лидеров в проекции трансформации устоявшихся порядков.

В случае с неоязыческими движениями, триггерами становятся попытки адептов и лидеров движения выйти за рамки современной плюралистической культуры и наполнить символические и культурные «симулякры» новыми смысловыми структурами, что свидетельствует о трансформации культурного поля в рамках развития метамодернистского состояния, характеризующегося синтезом и переосмыслением традиционных и современных ценностей.

Цель статьи состоит в представлении и анализе причин и условий, стимулирующих формирования религиозного экстремизма на примере радикализации ислама.

Методология статьи опирается на комплексный междисциплинарный подход, сочетающий анализ социологических, политологических, культурологических и психологических методов исследования в оптике социальной философии (компаративистский методы, методы козуального и структурно-функционального анализа и другие). В работе используются положения теории Б. Андерсона, а также философские концепции, связанные с постмодернистским и метамодернистским состояниями культуры, что позволяет проанализировать механизмы стимулирования процессов радикализации религиозных движений в трансформирующейся социальной реальности.

Литература

Современные исследования подчеркивают, что религиозный экстремизм не является исключительно духовным феноменом, а представляет собой результат сложного взаимодействия множества стимулирующих явление факторов, где конфессиональный служит легитимации радикализма. На этой позиции стоят такие исследователи как Ю.В. Ахромеева, Г.В. Баринаева, П. Ван дер Веер, С.С. Оганесян, М.Я. Яхьяев и другие [2–5; 8; 10].

Д. Шафиун и Х. Хак в статье «Радикализация с социальной перспективы» отмечают: «понимание социальных динамик, которые делают отдельных лиц восприимчивыми к радикализации, в первую очередь важно для разработки эффективных мер предотвращения вербовки в экстремистские группы» [12, р. 2]. А.М. Исмаил, П.С. Сай, В.К. Муджани в статье «Систематический обзор: раскрывая сложность значений экстремизма и религиозного экстремизма» подчёркивают: «социальные и экономические несправедливости, политика идентичности и ощущение маргинализации – это факторы, общие для всех форм экстремизма» [11]. В коллективной монографии «Противодействие экстремизму в условиях трансформации современного мирового порядка, формирования современных угроз и вызовов безопасности и интересам Российской Федерации» экстремизм отнесем к явлениям политического характера [4, с. 6–43].

Результаты исследования

Социально-политические триггеры формирования и активности религиозного экстремизма наиболее очевидны, на наш взгляд, на примере исламского экстремизма, в контексте попыток конструирования политической нации, являющихся ответом на неспособность государственных институтов и власти обеспечить необходимые условия жизнедеятельности населения.

Политическая нация в данном контексте интерпретируется в соответствии с концепцией Б. Андерсона, изложенной в его работе «Воображаемые сообщества» [1], где нация определяется как воображаемое сообщество, являющееся результатом мысленного конструирования, а не заранее существующей биологической или социально обусловленной реальностью.

В рамках анализа процессов радикализации ислама данное определение представляется наиболее адекватным, поскольку легитимация насилия осуществляется посредством формирования новых ценностных систем и попыток конструирования нации на их основе, что подчеркивает социально-психологическую и культурную динамику данного явления.

Маргинализация и социальная несправедливость являются одними из ключевых триггеров, способствующих экстремистской радикализации. Ощущение исключенности из общества, отсутствие перспектив социального роста, бедность, безработица и глубокое социальное расслоение создают благодатную почву для формирования уязвимых групп, особенно среди молодежи и социально незащищенных слоев населения. В условиях отсутствия возможностей для реализации своих потребностей и амбиций, индивиды начинают искать смысл и принадлежность в альтернативных сообществах. Простота решения острых социальных проблем, декларируемая в проповедях экстремистских лидеров и рекрутеров, опора на авторитет религиозного учения обеспечивает популярность движений.

Важнейшим стимулом роста религиозных экстремистских организаций является слабость или коррумпированность государственных структур, а также их неспособность эффективно обеспечивать базовые потребности населения – такие как безопасность, справедливость и социальная защита – являются одними из ключевых триггеров провокации социальных протестных организаций, к которым относятся экстремистские группировки. В таких условиях возникает необходимость в альтернативных формах организации гражданского общества и управления социумом, способные обеспечить защиту, справедливость и порядок, и чей авторитет опирается авторитет на религиозных догматах. Радикальные религиозные движения используют этот кризис «социальной контрактности», предлагая свои модели социальной и политической организации, которые, по их мнению, способны восстановить справедливость и обеспечить безопасность. Эти движения часто апеллируют к идее возвращения к «истинным» ценностям, отвергая существующую систему как коррумпированную и несправедливую, и обещая построение общества на высших законах шариата.

Показательной иллюстрацией эффективности социально-политических триггеров в религиозной радикализации служит нигерийское исламское экстремистское движение «Боко харам».

Возникшее в начале XXI века как религиозное движение за возвращение к исламским ценностям и нигерийской культуре, движение быстро приобрело террористический характер [6]. В 2015 году «Боко харам» провозгласило создание «Исламского государства в Западной Африке».

Анализируя движение «Боко харам» с позиций социально-философской оптики, можно выделить ключевые триггеры возникновения и распространения движения. В центре внимания – концепция маргинализации и поиска идентичности в условиях социального и экономического кризиса.

В регионах, где государство не обеспечивает базовые потребности, а социальные институты дезинтегрированы, возникает вакуум, который заполняется радикальными идеологиями. Эти идеи предлагают не только религиозное оправдание насилия, но и философию борьбы. Движение «Боко харам» использует религию как инструмент мобилизации, превращая религиозные идеи в идеологию сопротивления, что в свою очередь усиливает социальное разделение и конфронтацию. В этом контексте религия становится не только духовной практикой, но и средством политической борьбы, а экстремизм – формой сопротивления социальной несправедливости и угнетению.

Массовая маргинализация и социально-экономическая депривация выступают в качестве катализаторов радикализации населения. В условиях повсеместной бедности, хронической безработицы, отсутствия адекватных социальных лифтов и перспектив для значительных слоев населения, особенно среди молодежи, возникает глубокое чувство anomии и экзистенциальной фрустрации. Это создает плодотворную почву для религиозно-экстремистских акторов, таких как «Боко харам» в Нигерии или хуситов в Йемене [9].

В Йемене за последние десятилетия наблюдается быстрый рост населения, особенно среди молодежи, которая составляет более 60% населения страны [7]. В условиях продолжающейся гражданской войны, экономического кризиса и отсутствия стабильных рабочих мест молодежь сталкивается с острым дефицитом возможностей для об-

разования и трудоустройства. Это формирует у молодых людей чувство отчаяния и безысходности, что делает их уязвимыми к пропаганде радикальных группировок, таких как хуситы «Ансар Аллах» и другие религиозные экстремистские организации. В условиях демографического давления и отсутствия перспектив, многие молодые люди присоединяются к этим группировкам, видя в них единственный способ обрести защиту и перспективы социального роста и положительной идентичности.

Достижение эксклюзивистской идентичности в экстремистских движениях осуществляется через инструментализацию религии, через превращение её из сферы личной веры и духовности в мощный механизм рекрутирования адептов, что продемонстрировала. Вера постулируется как единственно истинная, аутентичная и богоугодная, тогда как все остальные религиозные и светские мировоззрения объявляются еретическими, заблудшими или враждебными.

Данная дихотомическая, черно-белая категоризация мира («мы» – праведные, «они» – неверные/враги) позволяет сторонникам экстремизма воспринимать любые чуждые ценности как экзистенциальную угрозу собственной идентичности. Приписывание «врагу» абсолютного зла и использование механизмов проекции и рационализации не только способствует укреплению внутренней когезии и унификации группы, но и легитимирует насилие как необходимую и справедливую ответную меру «в защиту веры».

Обсуждение и заключение

Таким образом, комплексная интерконнекция социально-экономической депривации, институциональной слабости государства и демографических вызовов создает кумулятивный эффект, формирует триггеры социальной нестабильности. Религия в этих условиях перестает быть исключительно духовным феноменом, трансформируясь под влиянием политических задач элит в мощный инструмент легитимации насилия и выражения социального протеста. Это, в свою очередь, формирует питательную среду для роста религиозного экстремизма и террористической активности, дестабилизируя различные регионы мира.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КА–НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.
- Ахромеева Ю. В. Социокультурные основы религиозного экстремизма: дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2009. – 178 с.
- Барина Г. В. Роль глобализационных процессов в распространении религиозного экстремизма в современной России // Журнал философских исследований. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 92–97.
- Бочарников И. В., Бааль Н. Б., Болгов Н. В. Противодействие экстремизму в условиях трансформации современного мирового порядка, формирования современных угроз и вызовов безопасности и интересам Российской Федерации. Монография. – М.: Проспект, 2025. – 256 с.
- Ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2010. – № 3–4. – С. 49–59.
- Жамбиков А. М. О распространении религиозного экстремизма и терроризма в Западной Африке // История и современность. Выпуск № 3(53)/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3875133/> Загл. с экрана. (Дата обращения: 01.11.2025)
- Насер Али Салех Ахмад. Проблема терроризма в странах Ближнего Востока: На примере Йемена и Египта. Дис. ... канд.юр. наук. – СПб., 2002. – 191 с.
- Оганесян С. С. Специфика религиозного экстремизма и терроризма, как исторически обусловленного социально-политического явления // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2017. – № 4. – С. 14–18.
- Религиозные факторы в Африке, южнее Сахары: угрозы нарастания и возможности предотвращения. Материалы конференции. Москва, 4 июня 2019. Институт Африки РАН [Электронный ресурс]. Москва, [2019]. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1733411856&tld=ru&lang=ru&name=religioznyye.pdf> Загл. с экрана. (Дата обращения: 05.12.2024)
- Хьяев М. Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ / М. Я. Хьяев // Исламоведение. – 2016. – № 3. – С. 26–39.
- Ismail A.M., Jamir Singh, P.S. & Mujani, W.K. A systematic review: unveiling the complexity of definitions in extremism and religious extremism. Humanit Soc Sci Commun 12, 1297 (2025). [Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05685-z> (Дата обращения: 08.02.2025)

12. Shafieioun D and Haq H (2023) Radicalization from a societal perspective. *Front. Psychol.* 14:1197282. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1197282 <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1197282/full> (Дата обращения: 05.12.2024)

TRIGGERS OF RELIGIOUS EXTREMISM IN A TRANSFORMING SOCIAL REALITY

Zverkov N.V.

N.P. Ogarev Mordovian State University

Religious extremism is not an exclusively religious phenomenon, but rather a complex socio-philosophical one. The formation and implementation of the ideology of religious extremism are determined by the multifactorial interaction of socio-economic, legal, cultural, ideological, and psychological triggers, with political factors dominating. Moreover, the ideological foundations of religious extremism, characterized by the absolutization of dogma, exclusivism, and the justification of violence, only find destructive social expression in the specific conditions of civil society. The purpose of this article is to present and analyze the causes and conditions stimulating the development of religious extremism based on the radicalization of traditional religions, using Islam as an example. Materials and Methods. The article draws on examples of religious extremism in the transformation processes of the modern world. The research methods were determined by a comprehensive research methodology. The working methods used were systemic, comparative, case-based, and structural-functional analysis. Research Results. The socio-political triggers for the formation and activity of religious extremism are, in our opinion, most evident in the example of Islamic extremism, in the context of attempts to construct a political nation in response to the inability of state institutions and authorities to provide the necessary living conditions for the population.

Marginalization and social injustice are among the key triggers contributing to extremist radicalization. A sense of social exclusion, a lack of prospects for social advancement, poverty, unemployment, and deep social stratification create fertile ground for the formation of vulnerable groups, especially among youth and socially disadvantaged groups. Lacking opportunities to realize their needs and ambitions, individuals begin to seek meaning and belonging in alternative communities. The simplicity of solutions to pressing social problems, proclaimed in the sermons of extremist leaders and recruiters, and reliance on the authority of religious teachings, ensures the popularity of these movements.

The most important driver of the growth of religious extremist organizations is the weakness or corruption of state structures, as well as their inability to effectively provide for the basic needs of the population. These are among the key triggers for the provocation of social protest organizations, which include extremist groups.

Under such conditions, the need arises for alternative forms of civil society organization and social governance capable of ensuring protection, justice, and order, and whose authority is based on religious dogma. Radical religious movements exploit this crisis of «social contractualism» proposing their own models of social and political organization, which, in their view, are capable of restoring justice and ensuring security.

These movements often appeal to the idea of a return to «true» values centered on religion. A telling example of the effectiveness of socio-political triggers in religious radicalization is

the Nigerian Islamic extremist movement Boko Haram and the Houthi organization Ansar Allah in Yemen. Discussion and Conclusion In the context of contemporary sociocultural transformation, religion is ceasing to be a purely spiritual phenomenon, transforming under the influence of elite political agendas into a powerful tool for legitimizing violence to achieve political goals and manage social protests. The primary triggers in the formation of religious extremism are no longer spiritual quests and aspirations, but socioeconomic incentives.

Keywords: Ansar Allah, Boko Haram, Islam, legitimization of violence, political goals, sociopolitical triggers, religious extremism, social reality, social protests, socioeconomic incentives.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. – Moscow: KA-NON-press-C, Kuchkovo Pole, 2001. – 288 p.
2. Akhromeeva Yu. V. Sociocultural foundations of religious extremism: dis. ... Cand. Philosophical Sciences. – Tula, 2009. – 178 p.
3. Barinova G.V. The role of globalization processes in the spread of religious extremism in modern Russia // *Journal of Philosophical Research*. – 2020. – Vol. 6, No. 2. – P. 92–97.
4. Bocharnikov I. V., Baal N.B., Bolgov N.V. Counteracting extremism in the context of the transformation of the modern world order, the formation of modern threats and challenges to the security and interests of the Russian Federation. Monograph. – M.: Prospect, 2025. – 256 p.
5. Van der Veer P. Political religion in the 21st century // *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. – 2010. – No. 3–4. – P. 49–59.
6. Zhabnikov A.M. On the spread of religious extremism and terrorism in West Africa // *History and Modernity. Issue No. 3 (53)* / 2024 Access mode: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3875133> <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3875133/> Title from the screen. [Electronic resource]. (Accessed: 01.11.2025)
7. Nasser Ali Saleh Ahmad. *The Problem of Terrorism in the Middle East: The Case of Yemen and Egypt*. Diss. ... Cand. of Law. – St. Petersburg, 2002. – 191 p.
8. Oganessian S.S. Specifics of religious extremism and terrorism as a historically conditioned socio-political phenomenon // *International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities*. – 2017. – No. 4. – P. 14–18.
9. Religious Factors in Sub-Saharan Africa: Threats of Growth and Possibilities of Prevention. Conference Proceedings. Moscow, June 4, 2019. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences [Electronic resource]. Moscow, [2019]. Access mode: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1733411856&tld=ru&lang=ru&name=religioznye.pdf> Title from the screen. (Accessed: 05.12.2024)
10. Yakhyayev M. Ya. Factors of reproduction of extremism and terrorism in modern Russia: a comprehensive analysis / M. Ya. Yakhyayev // *Islam studies*. – 2016. – No. 3. – P. 26–39.
11. Ismail A.M., Jamir Singh, P.S. & Mujani, W.K. A systematic review: unveiling the complexity of definitions in extremism and religious extremism. *Humanit Soc Sci Commun* 12, 1297 (2025). [Electronic resource]. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05685-z> Title from the screen. (Accessed: 08.02.2025)
12. Shafieioun D and Haq H (2023) Radicalization from a societal perspective. *Front. Psychol.* [Electronic resource]. 14:1197282. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1197282 [Electronic resource]. <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1197282/full> Title from the screen. (Accessed: 05.12.2024)

Арктический совет как механизм многостороннего диалога: пределы эффективности в условиях геополитической турбулентности

Ивашкин Константин Константинович,

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН
им. Патриса Лумумбы

E-mail: 1042250316@rudn.ru

В статье анализируется институциональная устойчивость Арктического совета (АС) в условиях беспрецедентного геополитического обострения, начавшегося в 2022 году. Автор ставит проблему пределов эффективности «мягкого права» как основы регионального управления при изменении макрополитического контекста. Доказывается, что концепция «арктической исключительности», долгие годы детерминировавшая формат взаимодействия, исчерпала свой ресурс. Фундаментальный разрыв связей между Россией и странами «Семерки» (А7) не просто замораживает работу Совета, но и создает риск бифуркации режима управления регионом, что делает невозможным решение трансграничных климатических и экологических задач. Работа посвящена поиску ответа на вопрос: способен ли Арктический совет сохранить субъектность без участия крупнейшей арктической державы и каковы структурные последствия политизации функционального сотрудничества.

Ключевые слова: Арктический совет, геополитическая турбулентность, мягкое право, институциональный кризис, циркумполярное сотрудничество, климатический мониторинг, суверенитет.

Трансформация Арктики из периферийного региона, представляющего интерес преимущественно для климатологов и этнографов, в центральную арену геополитического соперничества и геоэкономических амбиций стала свершившимся фактом XXI века. В центре этой трансформации находится Арктический совет (АС) – уникальная структура, созданная в 1996 году на волне постбиополярного оптимизма.

Вместе с тем события 2022–2024 годов, следовавшие за решением семи государств-членов (Канады, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции и США) приостановить участие в официальных мероприятиях Совета в период председательства России, обнажили фундаментальные структурные слабости этой организации [1]. Настоящая статья ставит своей целью не описание хронологии распада сотрудничества, но анализ институциональных пределов эффективности АС как механизма диалога в условиях, когда базовый консенсус безопасности был разрушен. Проблема заключается не в самом факте политического конфликта, а в отсутствии у Совета встроенных механизмов амортизации внешних шоков, что ставит под угрозу само существование единого циркумполярного режима управления.

Изначальная структура Арктического совета, заложенная в Оттавской декларации, базировалась на сознательном исключении вопросов военной безопасности из повестки дня. Это было не упущением, а необходимым условием для вовлечения всех игроков, включая США и Россию, в конструктивный диалог. Предполагалось, что экология, устойчивое развитие и защита коренных народов создадут «зону мира», иммунную к глобальным потрясениям. Эта концепция, известная как «арктическая исключительность», долгое время позволяла изолировать региональное сотрудничество от внешних конфликтов, например, после событий 2008 года или кризиса 2014 года. Однако текущая турбулентность показала, что «исключительность» была не константой, а переменной, зависящей от общей температуры международных отношений [2].

Когда «Арктическая семерка» (А7) объявила о паузе в работе Совета, это фактически означало паралич институциональной структуры, поскольку АС функционирует исключительно на основе консенсуса. Здесь мы сталкиваемся с первой критической проблемой: правовой природой Совета. Являясь форумом высокого уровня, а не международной организацией с жестким уставом и правосубъектностью, АС опирается на «мягкое право». Это обеспечивает гибкость в спокойные времена, позволяя быстро адаптировать повестку (например, включая вопросы микропластика или черного углерода), но делает структуру абсолютно незащитной перед лицом политического бойкота. В отличие от ООН, где существуют процедуры голосования и право вето, АС не имеет механизма принуждения к диалогу или процедуры исключения участника. Ситуация усугубляется тем, что решение А7 о приостановке работы создало опасный прецедент политизации сугубо технических и научных треков, которые ранее считались неприкосновенными [3].

Анализ деятельности шести рабочих групп АС (включая АМАР, САФФ, РАМЕ) в период «паузы» демонстрирует масштаб проблемы. Попытка западных партнеров возобновить работу проектов без участия России, предпринятая в июне 2022 года, натолкнулась на непреодолимое препятствие географического и физического характера. Российская Федерация обладает примерно 53% береговой линии Северного Ледовитого океана и контролирует обширную часть арктической криосферы. Любые климатические модели, прогнозы таяния вечной мерзлоты, исследования миграции биоресурсов или мониторинг загрязнений становятся статистически недостоверными без российских данных [4]. Исключение российской территории из уравнения превращает «циркумполярные» исследования в «полуполярные», что лишает их научной ценности и прогностической силы. Таким образом, предел эффективности АС определяется не только дипломатической волей, но и физической географией региона, которую невозможно игнорировать.

Более того, кризис выявил проблему зависимости функционирования Совета от финансирования и экспертного вклада конкретных государств. Многие проекты АС держались на инициативе отдельных стран-данных. Разрыв связей привел к остановке обмена данными по критически важным направлениям: от борьбы с лесными пожара-

ми до реагирования на разливы нефти. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011) – первый юридически обязательный документ, разработанный под эгидой АС, – формально продолжает действовать, но его практическая реализация без координации оперативных центров становится фикцией. Это создает реальные риски для судоходства и хозяйственной деятельности в регионе, особенно на фоне роста трафика по Северному морскому пути и, хотя и в меньшей степени, по Северо-Западному проходу [5].

Особого внимания заслуживает роль Постоянных участников – организаций коренных народов. Исторически уникальная структура АС, предоставляющая коренным народам право голоса за одним столом с министрами иностранных дел, считалась главным достижением арктической дипломатии. Текущий кризис нанес непропорционально сильный удар именно по этому сегменту. Границы проживания саамов, алеутов или инуитов не совпадают с государственными границами. Разрыв связей между российскими ассоциациями коренных малочисленных народов (КМНС) и их западными партнерами (например, в рамках Союза саамов или Циркумполярного совета инуитов) разрушает десятилетиями выстраиваемую социокультурную ткань [6]. Мы наблюдаем инструментализацию вопроса прав коренных народов: западные страны обвиняют Россию в давлении на своих представителей, в то время как российская сторона указывает на недопустимость изоляции своих организаций от международных площадок. В результате голос коренных народов, который должен был служить скрепой, маргинализируется, становясь заложником геополитического противостояния.

Переход председательства от России к Норвегии в мае 2023 года прошел в гибридном, беспрецедентно усеченном формате, что лишь закрепило состояние неопределенности. Норвежская программа председательства, сфокусированная на океанах и климате, выглядит амбициозно на бумаге, но ее реализация в условиях отсутствия диалога с Москвой вызывает скепсис. Здесь проявляется еще одна структурная проблема: институциональный изоморфизм [7]. Арктический совет все больше начинает дублировать риторику и подходы других западных клубов, теряя свою уникальную идентичность как моста между Востоком и Западом. С вступлением Финляндии и Швеции в НАТО, семь из восьми членов АС являются членами альянса. Это усиливает восприятие Совета в Москве не как инклюзивного форума, а как потенциально враждебного блока, что еще больше сужает пространство для маневра. Секьюритизация региона, против которой изначально был направлен вектор развития АС, становится самосбывающимся пророчеством.

Важно отметить, что вакуум управления не остается незаполненным. Пока Арктический совет парализован, активизируются альтернативные форматы взаимодействия. Россия, пересматривая свою арктическую стратегию, все больше разворачивается в сторону двустороннего сотрудничества с «неарктическими», но заинтересованными игроками – прежде всего с Китаем и Индией (проект БРИКС+ в Арктике) [8]. Это ведет к фрагментации единого правового пространства. Если раньше АС выступал «хранителем» правил игры, обязательных для всех (в том числе для наблюдателей), то теперь риск появления конкурирующих режимов управления в Западной и Восточной Арктике становится реальным. Китай, позиционирующий себя как «приарктическое государство», получает возможность играть на противоречиях, предлагая инвестиции и технологии в обмен на доступ к ресурсам и логистике, минуя жесткие экологические стандарты, которые мог бы навязать единый Арктический совет.

Пределы эффективности диалога также упираются в проблему верификации научных данных. В эпоху «постправды» и информационных войн доверие к данным, предоставляемым сторонами без возможности перекрестной проверки (peer-review) в рамках рабочих групп, стремительно падает. Ранее АС служил своеобразным клиринговым центром, валидирующим научную информацию [9]. Теперь же мы рискуем получить две параллельные науки об Арктике: «западную» и «российскую», с различными методологиями оценки выбросов, состояния популяции белого медведя или толщины льда. Для глобальной климатологии это тупиковый путь, ведущий к ошибкам в глобальных моделях, цена которых исчисляется триллионами долларов ущерба для мировой экономики в долгосрочной перспективе.

Следует признать, что попытки сохранить АС в формате «7+1» (где единица изолирована, но формально присутствует) или в формате «А7 без России» несостоятельны не только политически, но и функционально. Любые пан-арктические соглашения, будь то регулирование рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана или научное сотрудничество [10], требуют участия всех прибрежных государств.

Попытка исключить Россию из уравнения превращает Арктику из «общего дома» в зону разграничения (dividing lines), возвращая регион к ментальным картам времен Холодной войны, но с новым, гораздо более опасным климатическим фактором.

При этом было бы ошибкой считать, что Арктический совет обречен на полное исчезновение. История международных институтов знает примеры «зомби-структур», которые формально существуют, но лишены реального содержания. Однако для Арктики такой сценарий неприемлем из-за хрупкости экосистемы. Возможно, будущее Совета лежит в плоскости дробления его функций: сохранение минимального технического канала связи по вопросам экстренного реагирования (уровень береговой охраны) при полной заморозке политического трека. Но это будет уже не тот механизм многостороннего диалога, который задумывался в 1996 году. Это будет механизм кризисного менеджмента, направленный на предотвращение инцидентов, а не на созидательное развитие.

Кризис показал, что опора на узкоспециализированную, технократическую повестку не спасает от высокой политики. Идея о том, что сотрудничество в области охраны мхов и лишайников может создать достаточный запас доверия, чтобы пережить военный конфликт в Европе, оказалась утопичной [11]. Эффективность многостороннего диалога в таком чувствительном регионе требует не просто желания сотрудничать, но и базового консенсуса относительно неделимости безопасности, которого на данный момент не существует. Арктический совет оказался институтом «хорошей погоды», не приспособленным к штормовым условиям глобального передела сфер влияния.

В заключение следует констатировать, что пределы эффективности Арктического совета как механизма многостороннего диалога определяются сегодня не внутренними процедурами, а внешними геополитическими императивами. Совет достиг своего институционального потолка в текущей конфигурации. Восстановление его полноценной работы невозможно без нормализации отношений между Россией и Западом на глобальном уровне, что в краткосрочной перспективе маловероятно. Арктика перестала быть исключением и стала зеркалом глобального кризиса.

Перед международным сообществом стоит дилемма: либо допустить окончательный распад единого режима управления регионом с непредсказуемыми экологическими последствиями, либо найти принципиально новый модус вивенди, который позволил бы изолировать вопросы выживания планеты (климат, биоразнообразие) от вопросов военного противостояния. Пока такой формулы не найдено, Арктический совет будет оставаться «спящим институтом», памятником эпохе постбиополярного идеализма, неспособным отвечать на вызовы современности. Трагедия ситуации заключается в том, что процессы изменения климата в Арктике не будут ждать политической разрядки, и цена бездействия с каждым годом растет в геометрической прогрессии.

Литература

1. Журавель В.П. Арктика в 2024 г.: международный и российский аспекты // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. Т. 43, № 1. С. 103–111.
2. Журавель В.П. О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 233. № 1. С. 147–155.
3. Краснопольский Б.Х. Координация международных организаций северо-арктических регионов: к программе председательства Российской Федерации в Арктическом совете // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 148–162.
4. Корчунов Н.В. О задачах России в период её председательства в Арктическом совете // Арктические ведомости. 2021. № 1. С. 8–11.
5. Тимошенко Д.С. Современная Арктика: глобальная биполярность или биполярное расстройство? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 4 (28). С. 77–85.
6. Гутенев М.Ю., Сергуни А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 155–174.
7. Кобышев В.Н., Сергуни А.А. О новой военной стратегии США в Арктике // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 226–243.
8. Хотькова Е.С., Гущенко Ю.Н., Аничкина Т.Б. и др. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.
9. Ильина И.Е., Маленко С.В., Васильева И.Н., Реброва Т.П. Модель реализации научной дипломатии: зарубежный и российский опыт // Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16. № 1. С. 10–46.

10. Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 2, сс. 63–71

11. Заика Ю. В., Рябова Л.А., Сергунин А.А. *Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы*. Апатиты: Изд-во ФИЦ Кольский научный центр РАН, 2023. 192 с.

THE ARCTIC COUNCIL AS A MECHANISM OF MULTILATERAL DIALOGUE: LIMITS OF EFFECTIVENESS AMIDST GEOPOLITICAL TURBULENCE

Ivashkin K.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes the institutional resilience of the Arctic Council (AC) amidst the unprecedented geopolitical exacerbation that began in 2022. The author addresses the limitations of “soft law” effectiveness as the foundation of regional governance within a changing macropolitical context. It is demonstrated that the concept of “Arctic exceptionalism,” which determined the format of interaction for many years, has exhausted its potential. The fundamental rupture of ties between Russia and the “Arctic Seven” (A7) countries not only freezes the Council’s work but also creates a risk of bifurcation in the region’s governance regime, rendering the resolution of transboundary climatic and ecological challenges impossible. The study seeks to answer the question: is the Arctic Council capable of maintaining its agency without the participation of the largest Arctic power, and what are the structural consequences of the politicization of functional cooperation?

Keywords: Arctic Council, geopolitical turbulence, soft law, institutional crisis, circumpolar cooperation, climate monitoring, sovereignty.

References

1. V.P. Zhuravel. The Arctic in 2024: International and Russian Aspects. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*. 2025. Vol. 43, No. 1, Pp. 103–111
2. V.P. Zhuravel. On Russia’s Chairmanship of the Arctic Council: Program and First Results. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022. Vol. 233, No. 1, Pp. 147–155
3. B.Kh. Krasnopolsky. Coordination of International Organizations of the Northern Arctic Regions: Towards the Program of the Russian Federation’s Chairmanship of the Arctic Council. *Arctic and North*. 2020. No. 41, Pp. 148–162
4. N.V. Korchunov. On Russia’s Tasks During Its Chairmanship of the Arctic Council. *Arkticheskie Vedomosti*. 2021. No. 1. Pp. 8–11.
5. Timoshenko D.S. The Modern Arctic: Global Bipolarity or Bipolar Disorder? // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4 (28). Pp. 77–85
6. Gutenev M.Yu., Sergunin A.A. Russia’s Arctic Scientific Diplomacy: Theory and Practice // *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2022. Vol. 17. No. 3. Pp. 155–174.
7. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. On the New US Military Strategy in the Arctic // *Arctic and North*. 2024. No. 57. Pp. 226–243
8. Khotkova E.S., Glushchenko Yu.N., Anichkina T.B., et al. The Arctic in the Modern System of International Relations and Russia’s National Interests // *Problems of National Strategy*. 2014. No. 5 (26). Pp. 9–43.
9. Ilyina I.E., Malenko S.V., Vasilyeva I.N., Rebrova T.P. A Model for Implementing Science Diplomacy: Foreign and Russian Experience // *Science Management and Scientometrics*. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 10–46
10. Zagorsky A.V. Russia and China in the Arctic: Are the Differences Real or Imaginary? *World Economy and International Relations*, 2016, Vol. 60, No. 2, Pp. 63–71
11. Zaika Yu. V., Ryabova L.A., Sergunin A.A. *Science diplomacy in the Arctic: platforms, practices, new challenges*. Apatity: Publishing house of the Federal Research Center Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. 192 p.

Ныгусие Кассе Вольде Микаэль,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов
E-mail: kassae_nv@pfur.ru

Давыдов Владимир Николаевич,

кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов
E-mail: davidov_vn@mail.ru

Жорже Аугушто Кинг,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов
E-mail: kingjorge@hotmail.com

Авторы статьи исследуют технологии проникновения и удержания стратегических позиций Пентагона в африканских странах. Замысел публикации направлен на уяснение пределов несоответствия декларируемых и подлинных целей Вашингтона на континенте. Исторический и политический материал, привлечённый аналитиками, позволяет оценить масштабы угроз «принимающей стороне», которые исходят от военных баз США – источника агрессии, управляемого хаоса и государственного терроризма.

Ключевые слова: Африка, вооружённый конфликт, международная безопасность, неокOLONиализм, ООН, отчуждение территорий, Соединённые Штаты Америки, экспансия.

Введение

Борясь с Лондоном за независимость (1775–1783 гг.), Соединённые Штаты Америки, похоже, переняли не только внешнеполитические амбиции метрополии, но и имперский стиль управления в системе международных отношений. Конкурентные преимущества империи, над которой никогда не заходило солнце, виделись американским элитам перспективной моделью собственной немонархической государственности. Утвердившись после войны с Британией в новом статусе, Вашингтон начал осваивать имперские технологии в геополитическом пространстве, проецируя военную мощь и силу экономического влияния на сопредельные территории, дальние страны и континенты.

Самоуверенные и воинственные янки, учась у опытных колонизаторов Старого Света, нисколько не заботились о том, готовы ли принимать их хозяева заморских территорий. Вашингтон, реализуя далеко идущие замыслы, пускал в ход весь арсенал доминирования: от дипломатии – до шантажа, подкупа госаппарата и прямой агрессии[1, с. 66–67].

Одним из явных признаков торжества американской гегемонии становится развёртывание военных баз на территориях стран-союзниц и стран-мишеней, – универсального плацдарма глобальной эскалации. Вынесенная за пределы национальной территории инфраструктура цвета хаки используется США как многофункциональный институт пополнения экономических, природных, финансовых, информационных ресурсов для нужд алчного государства.

Сегодня, по некоторым данным, на балансе Пентагона – 30 военных баз на территории 22 стран континента. С 2008 г. эти и вновь созданные объекты находятся в оперативном подчинении Африканского командования США (U.S.AFRICOM), ответственного за продвижение политики «глобального лидерства» в стратегически значимом регионе планеты. Эта межконтинентальная структура официально поддерживает отношения с 53 странами Африки. Египет – непосредственно взаимодействует с Центральным командованием США[2].

Исследуя перемены в географии дислокации американских «форпостов глобальной безопасности» – своеобразной «смирительной рубашки» свободолюбивых стран, можно понять логику стратегии Вашингтона [3, с. 18–36] и составить некоторое представление о дальнейшем развитии событий в регионе и в мире. Следовательно, эволюция базовой стратегии США является важной исследовательской проблемой. Актуализирует настоящую публикацию и то обстоятельство, что к теме деколонизации континентов растёт интерес у научных школ России [4, с.9–19].

Прелюдия к континентальной драме

США как и многие европейские колониальные державы, участвовали в схватке за Африку. Так, от имени США Джон А. Кассон (посол США в Германской империи) и Г.С. Занфорд (представитель США в Брюсселе) 26 февраля 1885 г. подписали Заключительный акт Берлинской («Африканской» конференции). Подтвердив тем самым причастность Америки к разделу Африки[5, с. 695–725]. Или согласовать процедуры аннексии территорий, прежде не освоенных великими державами[6, р.73–79].

Американцы настояли на объявлении экваториального региона Африки, простирающегося от Атлантики до Индийского океана, – зоной свободной торговли. Именно в столице Германии Вашингтон впервые изложил имперский замысел «политики открытых дверей», который впредь стал применяться и к странам Чёрного континента.

С тех далёких времён во внешнеполитической стратегии США мало что изменилось. Как отметил В.В. Путин в речи 7 декабря 2023 г. на форуме «Россия зовёт!»: «Элита западных стран пытается затормозить, искусственно сдерживать рост стран глобальной периферии, которую привыкли эксплуатировать, использовать как ресурс, как источник ренты, *просто как колонию* (курсив наш – авт.). Для этого они прибегают к санкционным ограничениям, например, раскачивают политическую ситуацию и провоцируют конфликты в целых макрорегионах в попытках сохранить своё ускользающее доминирование» [7].

...По окончании Первой мировой войны ни Лондон, ни Париж как крупнейшие заёмщики США (суммарный долг европейцев составлял около 7 млрд дол.), не перечили союзнику в проникновении на глобальный Юг. Чтя букву и дух Генерального акта Берлинской конференции 1884–1885 гг., никто из колониальных держав Старого Света, не препятствовал американской экспансии на манящие «бесхозными богатствами» континенты.

Наступательная политика США позволяла безраздельно господствовать в Латинской Америке, в Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке... С 1881 по 1917 гг. американская военщина навязала свою волю Аргентине, Гавайям, Гаити, Гондурасу, Доминиканской Республике, Египту, Китаю, Колумбии, Корее, Кубе, Марокко, Мексике, Никарагуа, Панаме, Филиппинам, Чили...

Вашингтон вёл боевые действия на чужих территориях разной интенсивности и продолжительности. Оккупируя земли, свергая неудобные правительства, устраивая государственные перевороты, провоцируя гражданские войны. Так, под предлогом соблюдения законности и гарантий прав избирателей, в Панаму и на Кубу Вашингтон вводил войска. Навязчивые «наблюдатели в погонах», приведя к власти своих марионеток, на несколько лет оставались на территориях стран после проведения так называемых «демократических выборов». Например, в Никарагуа экспедиционный корпус США находился с 1912 по 1933 г. На Острове Свободы с 1903 г. по сей день остаётся военно-морская база США с печально известной тюрьмой Гуантанамо. Последний пример попрания основ международного права – похищение спецслужбами США президента суверенной Венесуэлы Н. Мадуро. Акция устрашения и прелюдия к безраздельному господству в западном полушарии.

Отложенный триумф глобалистов

Объективности ради отметим, что США для достижения стратегических целей использовали не только грубую силу. В их арсенале были гибкие технологии влияния в международных отношениях задолго до появления популярного эссе Дж. Ная-младшего («Soft Power: The Means to Success in World Politics»). Например, идея «бескорыстного участия» в судьбах Африки была обличена в «Четвёртый пункт» (Point Four). Названная по порядковому номеру перечня гуманитарных программ в инаугурационной речи президента Гарри С. Трумэна (1949 г.) – о технической и экономической помощи слаборазвитым странам Азии, Африки, Латинской Америки. Первоначально программа, стартовавшая в 1950 г., осуществлялась специальным агентством Государственного департамента, но через три года она была объединена с другими пакетами международной помощи.

Подтекст эгоистичных интересов Вашингтона к Африке, вопреки публичным заверениям официальных лиц США, стал просматриваться ещё на этапе выделения кредитов, сопрягаемых с Законом о коллективной безопасности США (1951 г.). Первые клиенты псевдо гуманитарных акций не могли не обратить внимания на специфику подбора и выделения помощи, её сочетания с рейтингом стран в перечне военно-стратегических и экономических намерений США. Кабальные условия спонсорской помощи довольно быстро разочаровали потенциальных партнёров Америки на местах. Тем более, что дружественное участие СССР и КНР в судьбах молодых африканских государств в отличие от «патрона свободного мира» не имело своекорыстных мотивов. Экспертам-международникам стало ясно, что разрекламированная широкомасштабная «благотворительная программа» Белого дома, не задалась.

Внешнеполитическая направленность усилий Вашингтона, названная доктриной «новых рубежей», предполагала военную активность, проецируемую на глобальный контур. А без перемещения стратегических ресурсов влияния к узлам потенциальных конфликтов и вероятных театров военных действий (ТВД) заявлять о «новых рубежах» было бы верхом легкомыслия...

Доктриной нового этапа глобального противостояния, предложенной командой Дж. Кеннеди, стало «гибкое реагирование». Оно, как отмечал исследователь В.В. Согрин, – «переносило тяжесть противостояния с использования ядерного арсенала и тотальной войны на локальные конфликты, борьбу за сферы влияния и обычные виды вооружения» [8, с. 113].

Не говоря уже о латентных механизмах экспансии. Особенно чреватых серьёзными последствиями для молодых государств Африки, страдающих внешнеполитической наивностью и анемией политической воли. «Достаточно вспомнить всевозможные иностранные интервенции, – пишут российские политологи А.И. Соловьёв и А.Е. Коньков, – колониальные практики (курсив наш – авт.)... инспирированные извне заговоры и восстания, дворцовые перевороты» [9, с.48–49,86–87]. Но, сколько бы попыток укрощения Африканского исполина не принимала скорая на расправу Америка, самостоятельно, либо с помощью союзников, свободололюбивые народы нарушали планы гегемона, отменяя ожидаемый триумф заокеанской империи.

Токсичные «кувшинки», или Тайны, покрытые мраком

Конъюнктурная пестрота внешнеполитических концепций – «маскированного воздействия», «отбрасывания» коммунизма, «освобождения поработённых народов», «гибкого реагирования» – не от-

меняла долговременной геополитической стратегии США. Пентагон во взаимодействии с невоенными структурами управления выработал несколько алгоритмов внедрения своих военных объектов на чужие территории (1). А именно:

- а) в процессе завоевания и аннексии территорий;
- б) в результате покупки территорий;
- в) аренды участка территории (акватории);
- г) присутствия в государствах на правах союзника по военному блоку;
- д) временной дислокации миротворческих частей и подразделений армии США (с одобрения ООН) в очагах конфликтов. Или по собственному решению американской администрации [10, с.4].

Так, в результате военных, дипломатических усилий и коммерческих акций между 1870 и 1900 г. Вашингтон расширил пределы своих границ на 125 тысяч квадратных миль. Это «скромное приращение», как объясняли американские лидеры общественного мнения той поры, – следствие рациональной внешней политики (2).

Дело в том, что, во-первых, американскому бизнесу были нужны не территории как таковые, а рынки сбыта промышленной продукции. Скрытый подтекст подобных намерений крылся в стремлении США противопоставить устоявшемуся европейскому колониальному режиму собственный, модернизированный вариант эксплуатации ресурсов ближних и дальних стран. Согласно доктрине госсекретаря США Дж. Хэя (1900 г.), в условиях «открытых дверей» американские корпорации, опекаемые разведсообществом и мощью вооружённых сил, имели все шансы практически бескровно вытеснения конкурентов со всех рынков мира.

Во-вторых, экономическая экспансия менее затратна, чем военные экспедиции. «Опыт колониального «обустройства» Филиппин показал, что поддержание колониального порядка, – цитирует В.В. Согрин американские СМИ, – даже на небольшой территории требовало жертв, к которым американские избиратели не были готовы» [8, с.51].

К военной активности по всем азимутам Вашингтон стимулировал вооружённые конфликты. Развязанные самими США (3) или другими великими державами, исход которых сулил глобальным акторам материальные или геополитические приобретения. Принимать или не принимать в них участие определяется в Вашингтоне выгодностью «проекта», то есть положительным «сальдо» от проекции силы.

Целевые приобретения США территорий под военную инфраструктуру начались с заключения договора о долгосрочной аренде шести британских колоний на Карибских островах (1941 г.). В этой неравноценной сделке Лондон довольствовался годными к списанию... несколькими тихоходными эсминцами американского производства.

Угроза гитлеровского вторжения делала британскую корону сговорчивой. В условиях обострившихся отношений военных блоков требовалась гибкая и стремительная реакция на предложения партнёров. Так, В речи в Палате общин 20. 08. 1940 г. У. Черчилль сообщил о том, что англо-американские договорённости включают использование некоторых тихоокеанских островов в качестве морских и воздушных баз и топливных станций. «Независимо от того, существует ли точное соглашение о совместном использовании морских и воздушных баз тихоокеанского бассейна, включая Сингапур, – уточнял позицию Вашингтона госсекретарь США Х.К. Хэлл, – отношения между обеими странами таковы, что они без всякого промедления договорятся по этому вопросу» [11].

И верно, с началом боевых действий американские морские и сухопутные соединения опирались на военную инфраструктуру Австралии, Новой Зеландии и британских владений. Африка в те годы освобождалась вооружёнными силами Америки также по упрощённой схеме.

Беря за точку отсчёта высадку союзных войск в Северной Африке в районе Касабланки (Марокко), следует отметить, что Пентагон и по сей день продолжает расширять сеть многоцелевых форпостов. Американские военные охотно пользовались и трофейными инфраструктурами. Например, взятая с боем англичанами итальянская база радиосвязи «Радио Марина», находившаяся в Асмэре (Эритрея), позднее перешла под управление американского командования. К концу войны в 1945 г. Соединенные Штаты обладали 30 000 объектов военного назначения во всех уголках планеты и 6000 баз в собственной стране. Не считая «пунктов совместной безопасности» на арендованных территориях [12, р.12].

На сленге военных США речь идёт о базах типа «lily pad» («кувшинка»). Это крайне токсичные по характеру деятельности и законспирированные площадки с незначительным штатом персонала для тайных операций. Назначение которых не могут объяснить самые информированные военные аналитики США. Ник Тёрс, к примеру, интриговал своих читателей рассказом о специфике службы джи-ай в потайных гарнизонах: «Это тайна, покрытая мраком, помещённая в смирен-

ную рубашку секретности и тиски бюрократии» [13, с.103]. Но и такая скрытность со временем становится проницаемой благодаря вездесущим IT-технологиям и социальным сетям. Точнее активистам, которые научились рассеивать, как писал К. Клаузевиц, «туман войны».

Геополитический контекст размещения американских военных баз связан с рядом стратегических соображений военно-политического руководства. Применительно к нашей теме речь идёт о следующем. «Согласно Стратегии Национальной Безопасности (СНБ США), их геостратегические, геополитические задачи абсолютно приоритетны, — указывал аналитик на доктринальную специфику глобальной проекции США, — вся их стратегия, по сути, направлена на внешнюю экспансию» [3, с.18–36].

Во-первых, в практике Пентагона принято размещать группировки войск в минимальной близости к потенциальным соперникам и наполнением инфраструктуры боевой техникой и вооружением адекватно военным возможностям противника.

Во-вторых, командование США традиционно размещает военные объекты на таком удалении от линии вероятного соприкосновения, чтобы две американские базы одновременно не могли быть ликвидированы одним ядерным ракетно-бомбовым ударом (авиационным налётом) противника.

В-третьих, чтобы логистика, транспортные коммуникации позволяли обеспечивать оперативную переброску войск к потенциальному очагу напряжённости в оптимальные сроки. Исходя из расчётов военного ведомства США, дистанция между базами должна составлять примерно 600–700 километров.

По классификации Пентагона зарубежные военные базы делятся на 3 категории.

К *первой категории* относят крупные военные структуры, на которых размещены значительные контингенты личного состава, запасы боевой и иной техники. А также инженерных подразделений, защитных сооружений, транспорта, медицинского и тылового обеспечения, систем связи, разведки, управления, сырья и материалов. Классическим примером таких баз являются части передового базирования, расквартированные в Германии, Великобритании, Японии, Южной Корее и других союзных США странах.

Ко *второй категории* американское командование относит базы оперативного назначения, которые призваны решать задачи тактического уровня. Эти структуры имеют ограниченные ресурсы с функциями вспомогательного характера.

На базы *третьей категории* возложены задачи технической поддержки сухопутных войск, сил авиации и флота. Имеется ввиду обширное хозяйство: полигоны, центры связи и кибер-разведки, «аэродромы подскока», то есть структуры, которые могут привлекаться к выполнению боевых задач в составе действующих фронтов, во взаимодействии с базами первой и второй категорий [14].

Кроме того, специфику функционирования военных объектов США на чужих территориях определяет присутствие на них тех или иных видов войск: авиационных, военно-морских сил, сухопутных, ПВО/ПРО, арсеналов с ядерным оружием. Согласно открытым источникам, Пентагон располагает 702 базами в 130 странах мира, где размещены 253 288 военнослужащих, примерно такое же количество членов их семей и 44 446 наёмных работников. Общая стоимость военных объектов — 127 млрд долларов. Суммарная площадь баз — 12 726 668 гектаров [15, с.139].

Анализируя суть военной экспансии США на африканском направлении, исследователь М.Л. Вишневский выделяет три тенденции:

- строгий контроль Пентагона над армиями молодых африканских государств;
- укрепление, расширение и совершенствование сети военных баз на континенте;
- наращивание военной помощи силам, выступающим против национально-освободительного движения народов (центральной власти) государств Африки [16, с.31–32, 105].

В связи с завесой секретности, которой окружена совместная деятельность силовых структур разных стран, сложно детализировать роль и характер сотрудничества национальных армий стран Африки с Пентагоном и иностранными спецслужбами. Учитывая прошлый опыт подобных мезальянсов, многие эксперты расценивают такое неравноправное сотрудничество как «новую форму оккупации Африки» [17, с.142].

Но правомерно ли обвинять США в переучреждении колониализма на многострадальном континенте? Безусловно! Если мы вспомним основные признаки колониальных режимов и сопоставим их с африканскими реалиями XXI столетия, то сомнения отпадут сами собой.

В правительстве США нет министерства по делам колоний, как в Великобритании (в 1968 г. Лондон переименовал одиозное ведом-

ство в министерство по отношениям с Содружеством — прим. авт.). Но его функции в Вашингтоне выполняют госдеп, Пентагон, министерства энергетики, торговли, финансов, образования и т.д.

Как утверждает американский философ Н. Хомский, на африканских территориях, где присутствуют американские вооружённые контингенты, «США осуществляют беспрецедентное самоосвобождение от действий международного права и договорных обязательств» [18, с.113]. Последствия такого неосмотрительного взаимодействия с США проявляются в политической, экономической, военной, социальной, экологической, культурной, информационной и иных сферах жизни народов Африки [19, с. 63–65]. Словом, они остаются подконтрольными метрополии.

Например, при попытке ослабить объёты американских «партнёров» или освободиться от их услуг, сторонников независимого политического курса ожидают большие неприятности: экономическая блокада, финансовый кризис, государственный переворот, возникающие по воле гегемона. При этом грязную работу по наказанию ослушников, посягающих на проамериканский режим, Вашингтон может поручить наёмникам, террористическому интернационалу, а иногда и местным возмутителям спокойствия — оппозиционным силам. Бывает, что выразителем интересов заокеанских патронов становятся коррумпированные руководители полицейских (охранных) подразделений или нарушившие присягу командиры национальных вооружённых сил.

Показательно в этом смысле отстранение от власти президента Габона. Вся вина господина Али Бонго Ондимбы свелась к тому, что он посмел принять делегацию китайских военных, намеревавшихся обсудить вопрос об открытии военно-морской базы в Габоне. Пентагон мгновенно отреагировал, спровоцировав волнение в стране под предлогом пересмотра итогов выборов главы государства. Послушные воле США военные Габона отрешили от власти своего верховного главнокомандующего [20].

По подсчётам исследователя А.Л. Емельянова, после достижения независимости в Африке произошло более ста государственных переворотов и вдвое больше попыток свержения правящих режимов, 24 политических убийства лидеров государств, проводящих независимую политику. По шесть военных переворотов было совершено в Бенине, Буркина-Фасо, Нигерии. Только семь стран — Ботсвана, Джибути, Зимбабве, Кабо-Верде, Намибия, Эритрея, ЮАР избежали военных переворотов [21, с.161].

Нередко армия и флот США поддерживали своих союзников по НАТО в проведении показательных расправ над «авторитарными режимами» континента, ослушавшимися внешнего управляющего. К примеру, в ходе военной интервенции европейский сил НАТО на территории Ливии не обошлось без материально-технической поддержки Пентагона с африканских плацдармов [22].

В том же алгоритме реализовалась военная миссия Франции в Мали. «Для поддержки французской операции американскими самолётами-заправщиками было осуществлено более 200 вылетов. Французы не смогли бы вторгнуться в Мали или развернуть там свои военно-воздушные силы без помощи со стороны американцев», — отмечал известный английский социолог Э. Гидденс [23, с.368]. Что, к слову, сопрягается с канонами мир-системного анализа И. Валлерстайна. В той части монографии известного африканиста, где говорится о распространении комплексного влияния политических и силовых центров (ядер) на периферию [24, с. 157–175].

Несмотря на политико-правовые преобразования континента 1960-х годов, Африку, вопреки её воли, продолжают вовлекать в орбиту чуждых геостратегических интересов. Что вызывает резкие протесты гражданского общества многих африканских стран. Активистов, выразителей общественного мнения коренных жителей, беспокоят следующие обстоятельства.

Во-первых, не разработан механизм контроля мобильных средств доставки оружия массового поражения третьих стран, временно присутствующих (ремонт, дозаправка и т.д.) в «безъядерных зонах» Африки.

Во-вторых, развитие военной компоненты постколониальных (условно суверенных) стран, зачастую связано с ВПК бывших метрополий. Которые вместе с поставкой боевой техники навязывают потребителям программы полевых испытаний оружия на новых физических принципах, несущих потенциальную угрозу среде обитания стран приёма и сопредельным территориям.

В-третьих, офицерский корпус африканских стран, как правило лоялен к бывшим метрополиям, американским контингентам, поскольку многие африканцы проходили обучение в военных колледжах и академиях Запада. Так, с 2009 г. по настоящее время Пентагон, затратив на обучение свыше 892 млн долл. США [25], подготовил более 250 тыс. африканских солдат и офицеров. В том числе и для сил постоянной

готовности Африканского Союза (в рамках реализации программ «военного гуманизма»).

Поэтому «прилежные» ученики так легко соглашаются с внешними управляющими, кураторами государственных переворотов, продлевающим властью консервативных политических режимов континента. Гарантируя одновременно доступ ТНК и монополий США к ресурсам Африки и к выгодным геостратегическим позициям.

Заключение

По состоянию на начало 2025 г. Соединенные Штаты за пределами национальной территории контролировали свыше 700 военных баз. Различных по специализации, величине, составу военнослужащих, подчиненных единому замыслу военно-политического руководства страны – удержанию стратегического превосходства над глобальными соперниками.

Многоцелевые военные объекты со статусом суверенных территорий США, передовые аванпосты военной машины, готовой в угрожающий национальной безопасности период, включиться в вооруженный конфликт любого масштаба и интенсивности. Как с применением ядерного, так и обычного вооружения.

Стратегическая диспозиция рассредоточенной по планете значительной части вооруженных сил США, при гипотетическом глобальном конфликте, – остаётся действенным механизмом силового реагирования на военный потенциал противника. Опосредованно и неотвратимо превращая страны пребывания в стороны конфликта со всеми вытекающими для них последствиями. В случае с африканскими локациями военных объектов США драматизм ситуации прибавляет то, что хозяева не имеют даже прав на совещательный голос при выработке внешнеполитических решений.

Характерным признаком подобных отношений служит ключевой показатель суверенности государства – безопасность граждан. Иначе говоря, – интегральный показатель государственной состоятельности, обеспечивающей общепринятые права и свободы личности, а субъекту международных отношений – беспрепятственную реализацию национальных интересов.

Военная инфраструктура вне национальных границ США – геостратегический плацдарм контроля и управления; ключевые точки регулирования баланса сил и возможностей потенциальных соперников. Поскольку любая из военных баз США, дислоцируемых на континенте, способна действовать в интересах США или их союзников на африканской территории и вне её пределов.

Примечания

1. Юридический статус военной базы за рубежом в США рассматривают как арендованную территорию, на которую распространяется юрисдикция Белого дома. Классический пример «двойной функциональности» или, иначе говоря, – реализации властных полномочий в публичной сфере, и латентной, осуществляющейся правящими кругами Вашингтона скрытно, «под грифом секретно».

2. По некоторым оценкам, с момента основания США и до 1890 года переселенцами из Европы у американских индейцев было отобрано около 600 млн га земли. Численность коренных народов за это время снизилась с нескольких миллионов до 250 тыс. человек. По словам эксперта В. Коровина, «Переселенцы из Европы не считали коренных жителей США за людей из-за того, что те не принадлежали к их вере и цивилизации. Поэтому они и подверглись геноциду», – заключает автор. URL: <https://russian.rt.com/science/article/804993-400-let-kolonizatsiya-ssha> (дата обращения: 14.12.2025).

3. После Второй мировой войны произошло более 250 военных конфликтов, в ходе которых погибло более 10 млн человек. Около 80% военных авантур развязали США и НАТО. См.: Кононович Е. НАТО: 73 года ни дня без войны. Кого бомбили и куда вторгались страны альянса после Второй мировой войны // SB.BY. 2022. URL: <http://www.sb.by/articles/gde-nato-tambeda.html> (дата обращения: 14.12.2025).

Литература

1. Филиппов В.Р., Долгов К.Д. Вмешательство «великих держав» во внутренние дела суверенных государств Африки// Азия и Африка сегодня 2018. № 10. С. 66–67.
2. Как США координирует военную экспансию в Африке. URL: <https://afrinz.ru/2023/10/afrikom-kak-ssha-koordiniruet-voennuyu-ekspansiyu-v-afrike> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Ильницкий А.М. Стратегия гегемона – стратегия войны//Военная мысль 2023. № 6. С. 18–36.
4. Неклесса А.И. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях// Вестник РУДН. Сер. Международные отношения 2021. Т. 21. № 1. С. 9–19.

5. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. VIII. СПб. 1888. С. 695–725.

6. Macharia Munene G. The United States and The Berlin Conference on The Partition of Africa, 1884–1885 // Trans African Journal of History. Vol. 19 (1990). P. 73–79 (7 pages).

7. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-vladimira-putina-na-investicionnom-forume-rossija-zovyot-07-12-2023.html?ysclid=lq0y1ewmwx938584861> (дата обращения: 17.12.2025).

8. Согрин В.В. Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. – М.: Международные отношения, 2022. С. 51,113.

9. Соловьёв А.И., Коньков А.Е. Латентные механизмы формирования государственной политики. – М.: Аспект Пресс, 2024. С. 86–87.

10. Кузнецов А. Сирия чья? США хотят заполучить военную базу в Дамаске// Завтра 2025. № 45. С. 4.

11. Дипломатический словарь. Гл. ред. акад. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. – М.: Гос. изд.-вополит. лит., 1948.

12. Catherine Lutz. Introduction, Bases, Empire and Global Response// The Bases of Empire: The Global Struggle against U.S. Military Posts. N.Y.2009 p.12.

13. Африка: неоплаченный долг колонизаторов/Колл. авт., отв. ред. И.О. Абрамова. – М.: Институт Африки РАН, 2023. С. 103.

14. O'Hanlon M. Unfinished Business: US Overseas Military Presence in the 21st Century/ Center for a New American Security. June 2008.

15. Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Под ред. Т.А. Шаклеиной. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2018. С. 139.

16. Вишневский М.Л. Актуальные проблемы современной политики США в Африке: диссерт. докт. истор. наук. – М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 31–32, 105.

17. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник/ под общ. ред. А.А. Маслова. 2-е изд. доп. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. С. 142.

18. Хомский Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию. – М.: Столица-принт, 2007. С. 113.

19. Горелов А.А. От колониальной системы до глобального неокolonизма// Век глобализации 2014. № 2. С. 63–65.

20. URL: <https://afrinz.ru/2023/10/ssha-nazvali-voennym-perovorotom-smenu-vlasti-v-gabone> (дата обращения: 11.12.2025).

21. Емельянов А.Л. Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте//Полис: Политические исследования 2013. № 1. С. 161.

22. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2011-09-02/1_kaddafi.html(дата обращения: 18.12.2025).

23. Цит.: по Фергюсон Н. Горечь войны. Новый взгляд на Первую мировую. – М.: АСТ: CORPUS, 2019. С. 368.

24. Давыдов В.Н., Кинг Ж.А. Мир-системный анализ как алгоритм оценки безопасности. В кн.: Политическая стабильность в современном мире. – М.: КНОРУС, 2022. С. 157–175.

25. Фитуня Л.Л. Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире // Национальная оборона № 6 июнь 2020. URL: <https://oborona.ru/includes/periodic/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml> (Accessed: 17.12.2025)

US MILITARY BASES IN AFRICA AS A TOOL FOR GLOBAL EXPANSION

Nygusie Kassae Volde Mikael, Davydov V.N., Jorge Augusto King
Peoples' Friendship University of Russia

The authors of the article explore the technologies of penetration and retention of strategic positions of the Pentagon in African countries. The idea of the publication is aimed at clarifying the limits of the discrepancy between Washington's declared and genuine goals on the continent. Historical and political material attracted by analysts allows us to assess the scale of threats that come from US military bases – springboards of aggression, sources of controlled chaos and state terrorism.

Keywords: Africa, armed conflict, international security, neocolonialism, United Nations, alienation of territories, United States of America, expansion.

References

1. Filippov V.R., Dolgov K.D. Vmeshatel'stvo «velikix derzhav» vo vnutrennie dela suverennykh gosudarstv Afriki// Aziya i Afrika segodnya 2018. № 10. S. 66–67.
2. Kak SShA koordiniruet voennuyu ekspansiyu v Afrike. URL: <https://afrinz.ru/2023/10/afrikom-kak-ssha-koordiniruet-voennuyu-ekspansiyu-v-afrike> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Il'niczkij A.M. Strategiya gegemona – strategiya vojny//Voennaya my'sl' 2023. № 6. S.18–36.
4. Neklessa A.I. Postkolonial'nost' v global'nom i regional'nom izmereniyax// Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodny'e otnosheniya 2021. T.21. № 1. S. 9–19.
5. Sbranie traktatov i konvencij, zaklyuchennykh s Rossiej s inostrannyimi derzhavami. T. VIII. Spb. 1888. S. 695–725.

6. Macharia Munene G. The United States and The Berlin Conference on The Partition of Africa, 1884–1885 // *Trans African Journal of History*. Vol. 19 (1990). R. 73–79 (7 pages).
7. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-vladimira-putina-na-investicionnom-forume-rossija-zovyot-07-12-2023.html?ysclid=lq0y1ewmwx938584861> (data obrashheniya: 17.12. 2025).
8. Sogrin V.V. Amerikanskaya imperiya. Proisxozhdenie. E'tapy. Sovremennost'. – M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2022. S. 51,113.
9. Solov'yov A.I., Kon'kov A.E. Latentny'e mexanizmy` formirovaniya gosudarstvennoj politiki. – M.: Aspekt Press, 2024. S. 86–87.
10. Kuznecov A. Siriya ch`ya? SShA xotyat zapoluchit` voennuyu bazu v Damaske// *Zavtra* 2025. № 45. S.4.
11. *Diplomaticeskij slovar`*. Gl. red. akad. A. Ya. Vy`shinskij i S.A. Lozovskij. – M.: Gos. izd-vopolit. lit., 1948.
12. Catherine Lutz. Introduction, Bases, Empire and Global Response// *The Bases of Empire: The Global Struggle against U.S. Military Posts*. N.Y.2009 p.12.
13. Afrika: neoplachenny`j dolg kolonizatorov/Koll. avt., otv. red. I.O. Abramova. – M.: Institut Afriki RAN, 2023. S. 103.
14. O'Hanlon M. Unfinished Business: US Overseas Military Presence in the 21st Century/ Center for a New American Security. June 2008.
15. *Vvedenie v prikladnoj analiz mezhdunarodny`x situacij*. Pod red. T.A. Shakleinoj. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Aspekt Press, 2018. S. 139.
16. Vishnevskij M.L. Aktual'ny'e problemy` sovremennoj politiki SShA v Afrike: disert. dokt. istor. nauk. – M.: Institut Afriki RAN, 2004. S. 31–32, 105.
17. Afrika 2023. Vozmozhnosti i riski: e`kspertno-analiticheskij spravocnik/ pod obshh. red. A.A. Maslova. 2-e izd. dop. – M.: Izd. dom VShE`, 2023. S.142.
18. Xomskij N. Nesostoyatel'ny'e Shtaty`: zloupotreblenie vlast`yu i ataka na demokratiyu. – M.: Stolicza-print, 2007. S. 113.
19. Gorelov A.A. Ot kolonial'noj sistemy` do global`nogo neokolonializma// *Vek globalizacii* 2014. № 2. S.63–65.
20. URL: <https://afrinz.ru/2023/10/ssha-nazvali-voennym-perevorotom-smenu-vlasti-v-gabone> (data obrashheniya: 11.12. 2025).
21. Emel'yanov A.L. Osobennosti politicheskogo processa i politicheskix struktur na afrikanskom kontinente//*Polis: Politicheskie issledovaniya* 2013. № 1. S. 161.
22. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2011-09-02/1_kaddafi.html(data obrashheniya: 18.12. 2025).
23. Cit.: po Fergyson N. Gorech` vojny`. Novy`j vzglyad na Pervuyu mirovuyu. – M.: AST: CORPUS, 2019. S. 368.
24. Davy`dov V.N., King Zh.A. Mir-sistemny`j analiz kak algoritm ocenki bezopasnosti. V kn.: *Politicheskaya stabil`nost` v sovremennom mire*. – M.: KNORUS, 2022. S. 157–175.
25. Fituni L.L. Voenno-strategicheskoe znachenie Afriki v postmonopol'nyj mir // *Nacional'naya oborona* № 6 iyun` 2020. URL: <https://oborona.ru/includes/periodic/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml> (Accessed: 17.12.2025).

Медиастратегии малых государств в условиях гибридного давления: контекст поиска баланса между автономией и союзническими обязательствами

Плашенков Даниил Дмитриевич,

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН

им. Патриса Лумумбы

E-mail: plashenkov.dan@yandex.ru

В статье рассматривается фундаментальная дилемма медиастратегий малых государств в эпоху гибридных конфликтов: необходимость обеспечения информационной безопасности через интеграцию в наднациональные структуры (военно-политические блоки) вступает в противоречие с императивом сохранения государственного суверенитета и независимой информационной повестки. Анализируется феномен «двойной уязвимости» малых стран – перед внешней агрессивной пропагандой и перед нормативной унификацией со стороны союзников. Раскрываются механизмы, посредством которых малые государства пытаются конвертировать свою уязвимость в стратегический актив, формируя модели «сопротивляемости», и оцениваются риски утраты субъектности при полной гармонизации медиапространства с доминирующими партнерами.

Ключевые слова: гибридность, суверенитет, медиастратегия, уязвимость, альянс, автономия, резилиентность, дезинформация, секьюритизация, платформизация.

Фундаментальная трансформация природы власти в XXI веке, развившаяся в смещении центра тяжести от кинетических конфликтов к когнитивному противостоянию, поставила малые государства перед экзистенциальным вызовом, к которому классическая вестфальская модель суверенитета оказалась не готова. Проблема формулируется предельно жестко: в условиях глобальной информационной прозрачности и транснационального характера цифровых платформ малое государство физически не способно генерировать контент и удерживать информационную повестку в объемах, сопоставимых с возможностями великих держав. Это создает ситуацию структурной асимметрии, где национальное информационное пространство неизбежно становится периферией чьей-то чужой смысловой империи. Традиционный ответ на угрозу гибридного давления – поиск сильного союзника и интеграция в крупные блоки безопасности – в сфере медиастратегий порождает парадокс, который редко становится предметом глубокого анализа: «зонтик безопасности» защищает от враждебной дезинформации, но одновременно размывает национальную информационную идентичность, превращая государство в ретранслятор чужих стратегических нарративов.

Анализ данной проблемы требует отказа от линейного понимания пропаганды как набора ложных сообщений. Современное гибридное давление оперирует не столько фактами, сколько интерпретационными рамками и алгоритмическим управлением вниманием [3]. Для малого государства, обладающего ограниченным демографическим и экономическим ресурсом, попытка выстроить симметричный ответ – например, создание мощных инновационных холдингов или «фабрик троллей» – является заведомо проигрышной стратегией истощения. Бюджет одного глобального медиаконгломерата или расходы на информационные операции сверхдержавы могут превышать весь оборонный бюджет малой страны. Следовательно, выбор стратегии выживания лежит не в плоскости количественного наращивания мощностей, а в качественном переосмыслении баланса между автономией и зависимостью. Здесь мы сталкиваемся с критическим противоречием: союзнические обязательства в рамках военно-политических блоков (будь то НАТО, ЕС или иные региональные структуры) часто требуют от малых стран унификации информационного дискурса. Это явление можно обозначить как «дисциплинирование дискурса»: союзник ожидает, что малая страна будет не только разделять общие ценности, но и транслировать конкретные, тактические нарративы, необходимые для геополитической игры старшего партнера.

На практике это приводит к тому, что повестка дня малого государства секьюритизируется (начинает рассматриваться исключительно через призму безопасности) в ущерб социальным и экономическим нюансам. Рассмотрим опыт стран Балтии, который часто приводится как эталонный пример построения устойчивости к внешнему давлению. Безусловно, создание центров передового опыта (например, StratCom в Риге) и тесная координация с западными партнерами позволили этим странам эффективно выявлять и маркировать враждебные информационные кампании [8]. Однако обратной стороной медали становится жесткая фиксация в роли «фронтирного государства». Медиаландшафт начинает формироваться исключительно в реактивной логике: повестка дня определяется тем, что сказал или сделал потенциальный противник, и тем, как на это нужно ответить в координации с Брюсселем или Вашингтоном. В результате собственная, аутентичная национальная повестка, не связанная с внешней угрозой, маргинализируется. Это создает опасную уязвимость: если население устает от состояния «осажденной крепости», оно может начать отторгать не только тревожные новости, но и сам дискурс государственной власти, воспринимая его как навязанный извне.

Более того, зависимость от союзников в цифровую эпоху приобретает технологический, инфраструктурный характер, что является еще более глубокой формой утраты автономии. Малые государства практически не имеют влияния на политику модерации контента глобальных платформ (Google, Meta, X). Алгоритмы, определяющие, что увидят граждане условной Дании или Сингапура, пишутся в Калифорнии и оптимизируются под рынки и законодательство США или под глобальные интересы корпораций. В случае кризиса малое государство оказывается в ситуации «цифрового вассалитета»: оно может лишь просить

технологического гиганта удалить дезинформацию или заблокировать бот-сеть, но не может требовать [5]. Попытки регулирования на национальном уровне часто натываются на угрозу ухода платформ с малого рынка, что было бы политическим самоубийством для любого правительства. Альтернатива – полагаться на регулирующие возможности наднациональных союзов (как, например, Digital Services Act в ЕС), что вновь возвращает нас к проблеме делегирования суверенитета. Получается замкнутый круг: чтобы защитить информационный суверенитет от гибридной агрессии врага, малое государство вынуждено частично сдать этот суверенитет технологическим корпорациям союзников.

Однако существуют альтернативные модели, демонстрирующие возможность иного баланса. Интересен, хотя и специфичен в силу политического режима, опыт Сингапура. Концепция «Total Defence» (Всеобъемлющая оборона), включающая психологическую и цифровую компоненты, строится не на надежде на внешнюю помощь, а на жестком внутреннем законодательстве (POFMA) и культивации специфической национальной идентичности, отличной как от западной, так и от китайской моделей. Сингапур сознательно идет на риск критики со стороны западных правозащитных организаций (своих экономических партнеров), отстаивая право жестко модерировать информационное поле [1]. Это пример того, как малое государство размывает репутацию либеральной демократии на реальный оперативный контроль над инфосферой. Конечно, такой подход трудно тиражировать в Европе, но он подсвечивает важный тезис: автономия требует готовности сказать «нет» не только врагам, но и друзьям, когда речь идет о методах фильтрации контента.

Другой полюс – финская модель, которая до вступления в НАТО опиралась на концепцию глубокой, всепроникающей медиаграмотности, интегрированной в систему образования с начальной школы. В отличие от прибалтийской модели, сфокусированной на *разоблачении* (debunking) внешних фейков, финская модель фокусируется на *устойчивости* (resilience) самого потребителя. Логика здесь такова: неважно, насколько изощрена гибридная атака и откуда она исходит, если гражданин способен критически оценить источник [10]. Это наиболее автономный путь, так как он снижает зависимость от контрнарративов союзников. Государству не нужно постоянно транслировать «правильную» версию событий, спущенную сверху; достаточно, чтобы общество отвергло манипулятивные версии. Это дешевле финансово, но требует десятилетий инвестиций в человеческий капитал и высокого уровня доверия между властью и обществом – ресурса, который сегодня в дефиците во многих малых странах.

Критически важным аспектом, который часто упускается из виду в академических дискуссиях, является экономика медиарынка малых стран. В условиях гибридного давления местные качественные СМИ (газеты, телеканалы) проигрывают конкуренцию глобальному развлекательному контенту и бесплатной дезинформации. Союзническая помощь часто приходит в виде грантов на поддержку «независимой журналистики». Здесь возникает тонкий момент этического и стратегического характера [2]. Грантовое финансирование со стороны крупных геополитических игроков (через фонды USAID, европейские структуры и т.д.) неизбежно формирует у локальных медиа самоцензуру. Журналисты начинают неосознанно выбирать темы, которые «продаваемы» грантодателю – обычно это темы коррупции, прав меньшинств или российской/китайской угрозы. Внутренние, скучные, но важные для государственного строительства темы выпадают из фокуса. В итоге формируется медиаландшафт, который, формально будучи свободным, структурно зависим от внешней повестки. Это «аутсорсинг формирования смыслов» ослабляет государство изнутри, делая его элиты оторванными от реальных забот «глубинного народа», что, в свою очередь, создает идеальную почву для популизма и гибридных атак противника, играющего на этом разрыве.

Поиск разрешения этой дилеммы лежал бы в плоскости перехода от стратегии «защитной стены» к стратегии «сетевого узла». Малые государства должны пересмотреть свое отношение к союзническим обязательствам в информационной сфере. Вместо того чтобы быть пассивными реципиентами нарративов безопасности, они могут использовать свою маневренность для создания нишевых компетенций. Примером может служить та же Эстония, сумевшая конвертировать уязвимость (кибератака 2007 года) в бренд «цифровой республики», став глобальным донором экспертизы, а не реципиентом помощи. Это меняет тональность отношений с союзниками: из просителя защиты государство превращается в держателя уникального актива [7]. Автономия сохраняется за счет незаменимости в узком сегменте.

Тем не менее, этот путь не универсален. Проблематичным остается вопрос языковых меньшинств в малых государствах. Гибридные акторы часто используют языковые расколы как рычаг давления. Стандартная реакция лояльного союзника – маргинализация языка «агрессо-

ра» и вытеснение его из публичного поля. Однако анализ показывает, что эта стратегия контрпродуктивна. Запрет на вещание или ограничение языка не уничтожает спрос на информацию, а загоняет аудиторию в «серые зоны» (VPN, спутниковое ТВ, мессенджеры вроде Telegram), где влияние государства равно нулю, а возможности союзников по мониторингу ограничены [4]. Таким образом, жесткое следование союзнической логике «санитарного кордона» приводит к потере контакта с значительной частью собственного населения. Парадоксально, но для сохранения реального суверенитета малому государству иногда выгодно поддерживать качественные медиа на языке потенциального противника, даже если это вызывает раздражение у радикально настроенных политических союзников внутри и вне страны. Это и есть проявление высшей формы автономии – способности действовать прагматично вопреки идеологическому мейнстриму блока.

Фундаментальная ошибка стратегии «вытеснения» заключается в непонимании природы современного медиапотребления, которое перестало быть иерархическим и стало сетевым. Когда государство убивает из легального поля качественный контент на языке меньшинства, оно не создает вакуум, а моментально отдает этот сегмент на откуп алгоритмам социальных платформ и децентрализованным сетям, где верификация информации отсутствует как класс. Аудитория, лишенная привычного контекста на телевидении или в официальной прессе, мигрирует в закрытые чаты в Telegram, группы в WhatsApp или алгоритмические ленты TikTok, где формируются герметичные эхо-камеры. В этих цифровых гетто альтернативная реальность конструируется гораздо быстрее и эффективнее, чем через традиционные СМИ, поскольку сообщение приходит не от абстрактного диктора, а через горизонтальные связи – от «своих», что многократно повышает уровень доверия к даже самой абсурдной дезинформации.

Опасность здесь кроется не только в потере канала коммуникации, но и в радикализации самого языка. Когда язык вытесняется из официального дискурса – из университетов, телеэфиров, государственных порталов – он перестает развиваться как инструмент описания сложной гражданской и политической реальности. Он консервируется на уровне бытовой лексики или, что хуже, маргинализируется, насыщая сленгом сопротивления и обиды. В результате государство получает группу населения, которая физически не способна обсудить свои проблемы с властью в конструктивном ключе, просто потому что понятийный аппарат на их родном языке формировался не в публичной дискуссии, а в агрессивной среде подпольных информационных потоков. Это создает ситуацию когнитивного разрыва: даже если власти пытаются донести правильный посыл через переводчиков или лояльных спикеров, он отвергается не из-за содержания, а из-за несоответствия культурных кодов.

Прагматичный подход, о котором идет речь, подразумевает понимание того, что лояльность формируется не через языковую ассимиляцию, а через вовлеченность в общую повестку. Если малое государство финансирует медиа на языке потенциального противника, оно перехватывает инициативу формирования смыслов. Однако здесь возникает тонкая грань, которую бюрократические системы часто не в силах перейти: эти медиа должны быть реально независимыми и критичными по отношению к власти. Стерильная пропаганда «за все хорошее» на языке нацменьшинства не работает – она воспринимается как лицемерие и вызывает еще большее отторжение. Чтобы аудитория, скептически настроенная к государству, начала потреблять этот контент, он должен быть острее, качественнее и честнее, чем то, что предлагают враждебные гибридные акторы. Это требует от политических элит невероятной зрелости – платить деньги за критику в свой адрес на чужом языке, понимая, что это единственный способ удержать эту аудиторию в ментальном поле своей страны, а не страны-агрессора.

Иллюстрацией провала запретительной политики служит феномен «параллельных обществ», который мы наблюдаем в ряде регионов Восточной Европы. Жесткое исключение языка привело к тому, что потребление новостей о внутренних событиях страны происходит через призму интерпретаций соседнего крупного государства. Происходит парадоксальное отчуждение: человек живет в одной стране, платит налоги, ходит по улицам, но его информационная картина дня полностью сформирована повесткой извне. Вернуть такого гражданина в общее поле принуждением невозможно. Единственный путь – создание конкурентного продукта, который будет говорить о его, местного жителя, проблемах – коммунальных тарифах, местных дорогах, коррупции местных чиновников – но на его родном языке. Глобальный нарратив «свой-чужой» всегда проигрывает качественной локальной журналистике, если она доступна. Гибридные акторы играют на глобальных геополитических мифах; государство может выиграть, играя на конкретике повседневной жизни, но только если не будет требовать

от человека смены языковой идентичности как входного билета для получения информации.

Кроме того, нельзя игнорировать фактор поколенческого разрыва. Если старшее поколение еще привязано к традиционному телевидению, и его действительно можно отсечь блокировками, то молодежь внутри языковых меньшинств существует в глобальном контексте. Для них запрет национального медиапродукта становится триггером протестного поведения. Они уходят не просто в иностранные медиа, а в радикальный нигилизм. Поддержание качественных, стилистически современных медиа на языке меньшинства — это, по сути, инструмент контртеррористической безопасности и профилактики экстремизма. Это способ интегрировать инаковость в структуру государства, сделав ее безопасной. Суверенитет в цифровую эпоху — это не стены, а способность управлять потоками внимания. И если государство добровольно сдает сегмент внимания в 20–30% населения, руководствуясь идеологической чистотой, оно совершает акт стратегического самоубийства, оставляя открытыми ворота для любой когнитивной атаки извне, которая неизбежно последует через незащищенные, «серые» зоны коммуникации.

Еще один аспект новизны заключается в анализе роли малого государства как «дипломатического медиатора» в условиях информационной войны. Принятие стороны в конфликте гигантов (США–КНР или Запад–РФ) лишает малое государство функции посредника, которая исторически (Швейцария, Австрия времен холодной войны) была гарантией безопасности. Современная гибридная война требует тотальности — «кто не с нами, тот против нас». Это сужает коридор возможностей. Малые государства вынуждены имитировать полную лояльность, сохраняя при этом теневые каналы коммуникации. В медиaprостранстве это проявляется в феномене «двухуровневого дискурса»: официальные каналы транслируют жесткую союзническую риторику, в то время как на уровне экспертных клубов и закрытых форумов допускается более нюансированная позиция. Однако в эпоху OSINT (разведки по открытым источникам) и утечек, удерживать такую двойственность становится невероятно сложно [9]. Любое расхождение между «словом для внешних» и «словом для внутренних» мгновенно используется противником для обвинения в лицемерии, подрывая доверие граждан.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в условиях гибридного давления понятие «абсолютная медиа-автономия» для малого государства является фикцией. Речь может идти лишь об «управляемой взаимозависимости». Успешная стратегия заключается не в изоляции от глобальных потоков и не в полном растворении в нарративе «старшего брата», а в диверсификации источников зависимости. Государство должно стремиться получать инфраструктурную безопасность от одних партнеров (например, облачные решения), контентную поддержку — от других, а смысловое ядро удерживать под национальным контролем через механизмы культурной политики и образования. Самая большая ошибка — позволить союзнику полностью «под ключ» обеспечить информационную безопасность. Как только аутсорсинг доходит до уровня формулирования национальных интересов, государство превращается в территорию [6].

Решением проблемы может стать отказ от реактивной позиции. Малые государства часто совершают стратегическую ошибку, пытаясь перекричать дезинформацию. Механика информационного шума такова, что опровержение лишь усиливает первоначальный сигнал. Эффективная автономия строится на навязывании своей, локальной, но крайне интенсивной повестки, которая делает глобальные гибридные нарративы не столько ложными, сколько неактуальными для местного жителя. Если государство способно обеспечить информационную насыщенность локальными событиями, проблемами и дискуссиями, то «геополитический шум» отходит на второй план. Это требует качественной децентрализации медиасистемы и поощрения региональной журналистики, что часто идет вразрез с тенденциями централизации власти в условиях кризиса. Здесь кроется главный вызов для политических элит: чтобы сохранить суверенитет страны перед лицом гибридной угрозы, им нужно поделить информационным контролем с собственным обществом, а не передать его внешним гарантам безопасности. Баланс между союзническими обязательствами и автономией, таким образом, достигается через высокую внутреннюю легитим-

ность: сильному, доверенному правительству союзники простят своеволие в медиастратегии, слабое же будут вынуждены взять под ручное управление во избежание коллапса «слабого звена» общей обороны.

Литература

1. Тиханьчев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // Национальная безопасность / Nota bene. 2019. № 1. С. 39–48
2. Винокуров В.И. Сетевая дипломатия в борьбе против гибридных войн // Дипломатическая служба. 2016. № 1. С. 19–24
3. Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технологии бунта // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 1 (72). С. 119–127
4. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61.
5. Лукьянов В.Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 5–14
6. Гаджиев К.С. О тотализации войны в гибридном измерении // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 9–19.
7. Попов П.В. Возможности демократических государств по реагированию и противодействию гибридным угрозам // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47, № 1. С. 187–193.
8. Кочетков В.В. Культурное измерение гибридных войн // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 263–267
9. Барановский В.Г., Иванова Н.И. Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
10. Попов П.В. Возможности демократических государств по реагированию и противодействию гибридным угрозам // Via in tempore. История. Политология. 2020. № 1.

MEDIA STRATEGIES OF SMALL STATES UNDER HYBRID PRESSURE: CONTEXT OF BALANCING AUTONOMY AND ALLIANCE OBLIGATIONS

Plashenkov D.D.

Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the fundamental dilemma of media strategies for small states in the era of hybrid conflicts: the necessity of ensuring information security through integration into supranational structures (military-political blocs) contradicts the imperative of preserving state sovereignty and an independent information agenda. The phenomenon of the “double vulnerability” of small countries is analyzed—vulnerability to external aggressive propaganda and to normative unification imposed by allies. The article explores the mechanisms by which small states attempt to convert their vulnerability into a strategic asset by forming models of “resilience,” and assesses the risks of losing agency through the complete harmonization of the media space with dominant partners.

Keywords: Hybridity, Sovereignty, Media Strategy, Vulnerability, Alliance, Autonomy, Resilience, Disinformation, Securitization, Platformization

References

1. Tikhanychev O.V. “Hybrid” Wars: History, Current State, and Fundamentals of Counteraction // National Security / Nota bene. 2019. No. 1. Pp. 39–48
2. Vinokurov V.I. Network Diplomacy in the Fight Against Hybrid Wars // Diplomatic Service. 2016. No. 1. Pp. 19–24
3. Kolobov O.A., Shults E.E. “Arab Spring”: Technologies of Rebellion // Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Polity. Analysis. Chronicle. Forecast”. 2014. No. 1 (72). Pp. 119–127
4. Bartosh A.A. The Paradigm of Hybrid Warfare // Security Issues. 2017. No. 3. Pp. 44–61.
5. Lukyanov V. Yu. Hybrid Wars as a Security Threat in the 21st Century // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 5–14
6. Gadzhiev K.S. On the Totalization of War in the Hybrid Dimension // Vlast. 2019. Vol. 27, No. 3. Pp. 9–19.
7. Popov P.V. Capabilities of Democratic States to Respond to and Counteract Hybrid Threats // Via in tempore. History. Political Science. 2020. Vol. 47, No. 1. Pp. 187–193.
8. Kochetkov V.V. The Cultural Dimension of Hybrid Wars // Vestn. Moscow University. Series. 18: Sociology and Political Science. 2015. No. 4. Pp. 263–267
9. Baranovsky V.G., Ivanova N.I. Global Governance: Opportunities and Risks. Moscow: IMEMO RAS, 2015. 315 p.
10. Popov P.V. Capacities of Democratic States to Respond to and Counter Hybrid Threats // Via in tempore. History. Political Science. 2020. No. 1.

Табасаранский Руфат Сергеевич,

докторант Бакинского государственного университета

E-mail: rgsu.kafedra.kgd@gmail.com

В современных условиях, когда динамично меняющаяся политическая обстановка, негативные тенденции развития мировой экономики оказывают определяющее воздействие на продовольственную самообеспеченность государств, возрастает актуальность поиска и разработки новых подходов к системе обеспечения продовольственной безопасности. В данной статье на основе статистических данных рассматривается текущее состояние обеспечения продовольствием населения по всему миру и проводится анализ данных отражающих функционирование системы обеспечения продовольственной безопасности и уровень угроз, которые могут негативно повлиять на обеспечение продуктами питания и их доступность для населения. Определяются причины и последствия негативных тенденций в обеспечении продовольствием как на глобальном, так и на национальном уровне. Дается оценка работы международных организаций, занимающихся мониторингом продовольственной безопасности.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, Всемирный Банк, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, продуктовые ценовые индексы, продуктовая инфляция, экспортно-импортные ограничения, урожайность, Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО).

Введение

В условиях динамично меняющейся политической обстановки, под влиянием разнообразных факторов, перестраивается система обеспечения населения продовольствием, что затрагивает вопросы продовольственной безопасности на национальном и мировом уровнях. Происходит трансформация стратегических планов и подходов к их реализации. Локальные и региональные вооруженные конфликты оказывают значительное влияние на обеспечение продовольственной безопасности в рамках соответствующих государственных программ. Поскольку продовольственное самообеспечение является важной составной частью общей системы национальной безопасности, в условиях глобальных трансформаций, когда уровень и острота вооруженных конфликтов фактически ставит под угрозу реализацию стратегических планов, связанных с продовольственной безопасностью стран, правительства вынуждены к приступить к пересмотру основных положений программных документов, поиску альтернативных вариантов обеспечения продовольственной безопасности как за счет внутренних, так и внешних источников. Проблемы, возникающие с обеспечением населения необходимыми продуктами питания становятся наиболее актуальными и занимают важное место среди государственных приоритетов. Решение данных вопросов становится основополагающим в процессе обеспечения продуктами питания населения на долгосрочный период. Климатические факторы, воздействующие на реализацию государственных программ по продовольственной безопасности, также заставляют государственные органы ответственные за продовольственную безопасность к диверсификации внешних источников обеспечения населения продовольствием. Такие негативно воздействующие на продовольственное обеспечение факторы как деградация почвенного покрова и отсутствие обеспеченности сельского хозяйства водными ресурсами приводят к тому, что проблемы обеспечения продуктами питания национальных рынков становятся наиболее первостепенными, что одновременно препятствует решению других важных задач, негативно воздействуя как на перспективы национального развития, так и на выявление и устранение потенциальных угроз [8].

Анализ продовольственной безопасности в глобальном масштабе

Угрозы продовольственной безопасности по данным Всемирного Банка в мире существенно изменились по сравнению с предыдущими годами и стали более разрушительны по своим последствиям. В мировом масштабе уровень продуктовой инфляции в странах с низким уровнем дохода в 70 процентах стран составил свыше 5%, что на 6,2 процента ниже предыдущих показателей. Уровень инфляции в 47,8% стран со средним доходом понизился на 3 процентных пункта ниже показателей 2023 года. В 9,1% государств с высоким уровнем дохода он составил 0,2 процента, а в 36% стран с доходом выше среднего рост составил 2 процентных пункта. В итоге продуктовая инфляция в мире возросла на 59,8 процента [1].

Различным образом сложились индексы цен на аграрную продукцию: зерновые выросли на 2 процента в то время как индекс экспортных цен остался без изменений; цены на кукурузу возросли на 7%, на пшеницу и рис в диапазоне 5%; снижение цен на рис и сою произошли вследствие снятия ограничений на экспорт установленных Индией, Бангладеш и Турцией [2]. Прогноз Всемирного Банка (ВБ) по улучшению положения с продовольственной безопасностью и стабилизацией цен предположительно осуществится к 2026 году. Однако проблемы нехватки продовольствия и угроза возникновения голода будут наблюдаться в 22 странах мира согласно прогнозам ВБ. В основном это традиционные регионы Африки и Азии, где показатели доступности продуктов питания и уровень недоедания находятся в зоне риска. Общее количество испытывающих нехватку продовольствия достигнет отметки в 943 млн человек, но ситуация может осложниться если денежно-кредитная политика государств не даст экономического эффекта и ухудшится доступность продуктов питания для населения. Следует отметить тот факт, что пик острой нехватки продовольствия в мире составивший 11,9%, приходится на период с 2021 по 2023 годы. Несмотря на различные программы по обеспечению продовольствием бедных стран, в том числе и финансирование сельскохозяйственного сектора экономик стран, испытывающих острую нехватку продуктов

питания, проблема обеспеченности ими населения не решается, а все больше усугубляется. Поэтому для решения данной проблемы ВБ расширяет финансовый портфель продовольственной помощи, охватывающей 90 стран в форме осуществления краткосрочных интервенций и инвестирования в аграрный сектор [7].

Ежегодные потребности в финансовом обеспечении в странах клиента Международной ассоциации развития (МАР) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) составляют 41 млрд долл. США и 47 млрд долл. США соответственно, что значительно выше предыдущих показателей срочного финансирования отмечают аналитики Всемирной Организации Продовольственной Безопасности (WFSO). Согласно прогнозам WFSO, будет наблюдаться негативная тенденция в области обеспеченности населения бедных стран продуктами питания, а для решения проблем острой нехватки продовольствия и удовлетворения суточной потребности населения в 25 процентах необходимых калорий необходимо финансирование в 90 млрд долл. США в год при условии сохранения существующих темпов инфляции, в случае инфляционных скачков потребуются еще дополнительные 30 млрд долл. США (120 млрд). Для борьбы с недоеданием среди женщин и детей ежегодно требуется финансирование суммой в более чем 11 млрд долл. США в год. В дополнение к ним на реформы глобальной продовольственной системы требуется финансирование в диапазоне от 300 до 400 млрд долл. США ежегодно. Суммарно для обеспечения продовольственной безопасности в мире требуется сумма в 500 млрд долл. США в год без учета полного обеспечения питания в достаточных количествах [5].

Положение усугубляется ограничениями, накладываемыми на экспортно-импортные операции осуществляемые с целью стабилизации цен на местных рынках. Страны, зависящие от поставок аграрной продукции, не могут удовлетворить потребность в продуктах питания и естественно с реализацией государственных программ в рамках продовольственной безопасности [4]. Ограничение экспорта сельскохозяйственной продукции подталкивает страны к диверсификации источников продуктов питания и поискам новых торговых партнеров. Изменение климата существенно влияет на ограничение поставок аграрной продукции вследствие дефицита данных товаров в самих странах экспортёрах. Засушливая погода, деградация почв и недостаток водных ресурсов приводят к все большим вызовам в решении проблем обеспечения системы продовольственной безопасности в глобальном масштабе [6].

Таблица 1. Ограничения и лимит на экспорт продовольственных товаров (Основные продовольственные товары)

Юрисдикция	Ограничение	Продукт	Анонсированная дата	Дата окончания
Афганистан	Экспортное ограничение	Пшеница	5/20/2022	12/31/2024
Алжир	Экспортное ограничение	Сахар, макаронные изделия, растительное масло, производные пшеницы	3/13/2022	12/31/2024
Аргентина	Экспортные пошлины	Соевое масло, соевый шрот	3/19/2022	12/31/2024
Бангладеш	Экспортное ограничение	Рис	6/29/2022	12/31/2024
Буркина-Фасо	Экспортное ограничение	Просо, кукурузная мука, мука из сорго	2/23/2022	12/31/2024
Беларусь	Лицензирование экспорта	Пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, гречиха, просо, тритикале, рапс, семена подсолнечника, свежесжатый жом, жмых, рапсовый шрот	4/13/2022	12/31/2024
Китай	Экспортное ограничение	Кукурузный крахмал	10/2/2022	12/31/2024
Индия	Экспортное ограничение	Рис дробленый	9/8/2022	12/31/2024
Индия	Экспортное ограничение	Пшеница	5/13/2022	12/31/2024

Юрисдикция	Ограничение	Продукт	Анонсированная дата	Дата окончания
Индия	Экспортное ограничение	Сахар	6/1/2022	10/31/2024
Индия	Экспортное ограничение	Пшеничная мука, манная крупа, майда	8/25/2022	12/31/2024
Индия	Лицензирование экспорта	Пшеничная мука	7/12/2022	12/31/2024
Кувейт	Экспортное ограничение	Куриное мясо	3/23/2022	12/31/2024
Кувейт	Экспортное ограничение	Зерно, растительное масло	3/20/2022	12/31/2024
Ливан	Экспортное ограничение	Обработанные фрукты и овощи, молотые зерновые продукты, сахар, хлеб	3/18/2022	12/31/2024
Мали	Экспортное ограничение	Миндаль ши, арахис, соевые бобы и семена кунжута	10/4/2024	12/31/2024
Марокко	Экспортное ограничение	Помидоры, лук, картофель	2/8/2023	12/31/2024
Мьянма	Лицензирование экспорта	Рис	9/2/2023	12/31/2024
Россия	Экспортное ограничение	Рис	7/29/2023	12/31/2024
Россия	Экспортное ограничение	Рис, рисовая крупа	6/30/2022	12/31/2024
Россия	Экспортные пошлины	Подсолнечное масло, подсолнечный шрот	4/15/2022	12/31/2024
Россия	Экспортные пошлины	Пшеница, ячмень, кукуруза	4/13/2022	12/31/2024
Россия	Экспортные пошлины	Соевые бобы	4/15/2022	12/31/2024
Сербия	Экспортное ограничение	Кукуруза, подсолнечное масло	4/20/2022	12/31/2024
Таиланд	Лицензирование экспорта	Сахар	10/31/2023	12/31/2024
Тунис	Экспортное ограничение	Фрукты и овощи	4/12/2022	12/31/2024
Уганда	Экспортные пошлины	Кукуруза, рис, соевые бобы	6/2/2022	12/31/2024

Составлено автором на основе данных с источника: International Food Policy Research Institute COVID-19 Food Trade Policy Tracker and Macroeconomics, Trade, and Investment Global Practice COVID-19 Trade Policy Database for Food and Medical Products.

Как видно из таблицы 1 экспортные ограничения в основном относятся к зерновой продукции, а некоторые продуктовые товары используются в качестве кормовой базы. Таким образом на мировом рынке продовольственных товаров появился дефицит, что привело не только к росту цен, но и нехватке самой продукции. В таких условиях самообеспечение стран продуктами питания собственного производства становится основной задачей и требует определенных реформ, посредством которых зависимость от экспорта будет постепенно снижаться.

Таблица 2. Ограничения и лимит на экспорт продовольственных товаров (Другие продовольственные товары)

Юрисдикция	Ограничение	Продукт	Анонсированная дата	Дата окончания
Аргентина	Экспортное ограничение	Говядина	1/1/2022	12/31/2024
Аргентина	Лицензирование экспорта	Говядина	1/1/2022	12/31/2024
Азербайджан	Экспортное ограничение	Лук	2/3/2023	12/31/2024

Юрисдикция	Ограничение	Продукт	Анонсированная дата	Дата окончания
Азербайджан	Лицензирование экспорта	Продукция мукомольной промышленности, крахмал, пшеничный глютен, масличные и другие семена, лекарственные и технические культуры, корма	3/19/2022	12/31/2024
Беларусь	Экспортное ограничение	Яблоки, капуста, лук	2/5/2023	12/31/2024
Индия	Экспортные пошлины	Лук	10/28/2023	12/31/2024
Таджикистан	Экспортное ограничение	Лук, морковь, картофель	1/31/2023	12/31/2024

Составлено автором на основе данных с источника: International Food Policy Research Institute COVID-19 Food Trade Policy Tracker and Macroeconomics, Trade, and Investment Global Practice COVID-19 Trade Policy Database for Food and Medical Products.

Во таблице 2 перечислены ограничения, которые были введены странами экспортёрами сельскохозяйственной продукции, чья доля в общемировом торговом обороте существенна, за исключением Азербайджана и Таджикистана. Экспортные ограничения на говядину со стороны Аргентины повлияли на стоимость мяса хотя и незначительно. На мировом рынке вследствие введенных странами различных ограничений и санкций механизмы функционирующие долгое время требуют дополнительной коррекции. В данном случае Россия и Беларусь в течение последних трех лет диверсифицируют торговые направления в сторону стран Африки и Азии.

Таблица 3. Изменения продовольственных ценовых индексов

Годы	Индекс цен на продовольствие	Мясо	Молочные	Зерновые	Растительные масла	Сахар
2018	95,8	94,4	107,3	100,8	87,8	77,4
2019	94,9	99,5	102,8	96,6	83,2	78,6
2020	98,1	95,3	101,8	103,1	99,4	79,5
2021	125,7	107,5	119,6	131,2	164,9	109,3
2022	144,5	118,3	149,5	154,7	187,8	114,5
2023	124,5	114,1	123,7	130,9	126,3	145
2024	122	117,3	129,8	113,5	138,1	125,7

Составлено автором на основе данных с источника: ФАО продовольственные ценовые индексы <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>

Изменение продовольственных ценовых индексов негативно скаывается прежде всего на странах с низким уровнем доходности, что в конечном итоге приводит к дефициту продуктового набора [3]. Основные продуктовые наборы определяющие ценовые индексы существенно возросли не только вследствие факторов, описанных выше, но и из-за роста уровня инфляции. Таким образом динамика, описанная выше требует принятия определенных мер со стороны национальных государств для принятия превентивных мер в случае возникновения новых угроз продовольственной безопасности.

Выводы

Геополитические и климатические изменения, а также экономическая цикличность являются определяющими факторами, существенно воздействующими на систему обеспечения населения необходимыми продуктами питания. Глобальная нестабильность и увеличение масштабов региональных и локальных вооружённых конфликтов в конечном итоге приводит к катаклизмам и коллапсу продовольственной безопасности, сложившейся в мире.

Общемировые тенденции в области обеспечения населения продуктами питания на данном этапе устойчивого развития подвержены существенным изменениям связанными с рациональными подходами и методами землепользования, внедрения инновационных технологий, сокращения пищевых отходов и т.д. Наряду с этим жизненно важным фактором становится не самодостаточность и самообеспеченность продуктами питания, а новый уровень сотрудничества и кооперации между странами в реализации общих целей связанных с обеспечением устойчивого развития продовольственной безопасности.

В этой связи следует отметить ряд необходимых мер и рекомендаций эффективно воздействующую на глобальную систему продовольственного обеспечения.

- Необходимость выработки универсальных механизмов продовольственного обеспечения стран, не зависящих от геополитических изменений.
- Формирование устойчивого механизма логистического обеспечения доставки продовольственных грузов.
- Совместное пользование различными сельскохозяйственными и природными ресурсами в целях общей выгоды и кооперации.
- Выработка совместных решений по климатическим изменениям и сохранения экологической системы.
- Осуществление совместных мер по мониторингу природных ресурсов и их сохранения.

Литература

1. <https://www.worldbank.org/en/topic/agriculture/brief/food-security-update>
2. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/5d903e848db1d-1b83e0ec8f744e55570-0350012021/related/CMO-Pink-Sheet-November-2024.pdf>
3. Global Issues Food <https://www.un.org/en/global-issues/food>
4. World Bank Scales Up Food and Nutrition Security Crises Response to Benefit 335 Million People <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/14/world-bank-scales-up-food-and-nutrition-security-crises-response-to-benefit-335-million-people>
5. Bo Andree, Kamwoo Lee, Hanane Ahmed, John Dearborn. Тенденции в области продовольственной безопасности в 2024 году и в дальнейшем. <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/food-security-trends-2024-and-beyond>
6. Отчет Всемирного Банка о состоянии продовольственной безопасности. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-111-December-13-2024.pdf>
7. Положение с продовольствием в мире <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>
8. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2024. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2024. Финансирование деятельности по ликвидации голода, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах. Рим, ФАО. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0ccd08a0-b1d8-48a2-93c4-eb9a82a7d64a/content>

ANALYSIS OF FOOD SECURITY IN THE WORLD

Tabasarsanky R.S.
Baku State University

In modern conditions, when the dynamically changing political situation, negative trends in the development of the world economy have a decisive impact on the food self-sufficiency of states, the relevance of searching for and developing new approaches to the food security system increases. This article, based on statistical data, examines the current state of food supply to the population around the world and analyzes data reflecting the functioning of the food security system and the level of threats that can negatively affect the provision of food products and their availability to the population. The causes and consequences of negative trends in food supply both at the global and national levels are determined. An assessment of the work of international organizations involved in monitoring food security is given.

Keywords: Food security, World Bank, World Food Security Organization, food price indices, food inflation, export-import restrictions, crop yield, Food and Agriculture Organization (FAO).

References

1. <https://www.worldbank.org/en/topic/agriculture/brief/food-security-update>
2. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/5d903e848db1d-1b83e0ec8f744e55570-0350012021/related/CMO-Pink-Sheet-November-2024.pdf>
3. Global Issues Food <https://www.un.org/en/global-issues/food>
4. World Bank Scales Up Food and Nutrition Security Crises Response to Benefit 335 Million People <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/14/world-bank-scales-up-food-and-nutrition-security-crises-response-to-benefit-335-million-people>
5. Bo Andree, Kamwoo Lee, Hanane Ahmed, John Dearborn. Food Security Trends 2024 and Beyond. <https://blogs.worldbank.org/en/europeandcentralasia/food-security-trends-2024-and-beyond>
6. World Bank Food Security Report. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/40ebbf38f5a6b68bfc11e5273e1405d4-0090012022/related/Food-Security-Update-111-December-13-2024.pdf>
7. The World Food Situation. <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>
8. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO, 2024. Executive Summary. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Financing to End Hunger, Food Insecurity, and Malnutrition in All Its Forms. Rome, FAO. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0ccd08a0-b1d8-48a2-93c4-eb9a82a7d64a/content>

Тайвань в системе регионального баланса сил: американская стратегия сдерживания и неопределённости

Быков Никита Романович,
аспирант, кафедры политологии, Московского
государственного лингвистического университета
E-mail: nikbykov9@gmail.com

Статья посвящена анализу роли Тайваня в системе регионального баланса сил в Восточной Азии и особенностей американской стратегии в отношении тайваньского вопроса. Рассматривается эволюция политики США, основанной на сочетании реалистической логики сдерживания, стратегической неопределённости и ограниченной военной поддержки Тайваня. Показано, что Вашингтон воспринимает тайваньский вопрос не как проблему суверенитета, а как инструмент управления рисками эскалации и поддержания стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе американской политики, включая Стратегию Национальной Безопасности 2025 года. Делается вывод о том, что Тайвань рассматривается США как ключевой геостратегический узел, значение которого выходит за рамки двусторонних американо-китайских отношений.

Ключевые слова: Тайвань, стратегическая неопределённость, сдерживание, региональный баланс сил, политика США

Тайваньский вопрос на протяжении нескольких десятилетий остаётся одним из наиболее чувствительных элементов международных отношений в Восточной Азии. Его значение выходит далеко за рамки двусторонних отношений между Китайской Народной Республикой и Тайванем, затрагивая фундаментальные интересы мировых держав – Российской Федерации, Соединённых Штатов Америки, стран Европейского союза.

Конкретно для США Тайвань представляет собой одновременно стратегический, политический и символический фактор. С одной стороны, речь идёт о предотвращении крупного вооружённого конфликта в ключевом регионе мировой экономики. С другой – о поддержании доверия союзников США в Азии и сохранении баланса сил в условиях быстрого роста военного и политического потенциала Китая. В последние годы тайваньский вопрос всё чаще рассматривается в Вашингтоне как часть более широкой конкуренции между демократическими и авторитарными моделями развития.

Целью статьи является провести комплексный анализ американского подхода к тайваньскому вопросу в контексте стратегии национальной безопасности США, с акцентом на сочетание реалистической логики сдерживания, политики стратегической неопределённости и инструментов военной поддержки Тайваня. В работе рассматривается эволюция позиции США по статусу Тайваня, роль нормативных и институциональных факторов, а также значение Тайваня для регионального баланса сил в Восточной Азии. Особое внимание уделяется оценке того, каким образом Вашингтон использует двусмысленность и асимметрические оборонные меры для управления рисками эскалации и предотвращения вооружённого конфликта в Тайваньском проливе в условиях изменения соотношения сил и роста военных возможностей КНР.

Теоретические и концептуальные основы политики США по Тайваню

Американский подход к тайваньскому вопросу традиционно формировался в рамках реалистической парадигмы международных отношений, в которой приоритет отдаётся вопросам баланса сил, сдерживания и предотвращения войны. Как отмечает Р. К. Буш, Тайвань для США никогда не был исключительно вопросом поддержки конкретного политического режима; он рассматривался прежде всего как потенциальный очаг конфликта между великими державами [2].

С геостратегической точки зрения Тайвань занимает ключевое положение в западной части Тихого океана, являясь центральным элементом так называемой «первой островной цепи», которая простирается от Японии и Окинавы через Тайвань к Филиппинам и далее в Южно-Китайское море. Для Соединённых Штатов данная цепь традиционно рассматривается как естественный рубеж сдерживания континентальных держав и как опорная линия для обеспечения свободы судоходства и военного манёвра в Индо-Тихоокеанском регионе.

Контроль или доминирующее влияние над Тайванем существенно влияет на доступ к ключевым морским коммуникациям, связывающим Восточную Азию с Ближним Востоком и Европой [10]. Через Тайваньский пролив и прилегающие морские маршруты проходит значительная часть мировых торговых потоков, включая поставки энергоносителей и критически важных товаров. С точки зрения США, стабильность этих морских путей имеет не только региональное, но и глобальное значение, поскольку нарушение судоходства напрямую затронет экономические интересы союзников США – Японии, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии.

Кроме того, Тайвань имеет важное значение для проекции военной силы. В условиях сохранения де-факто автономного статуса Тайваня КНР ограничена в возможности свободного выхода своих военно-морских сил в западную часть Тихого океана. Тайвань, в сочетании с американским присутствием в Японии и на Гуаме, создаёт стратегическую глубину для США и затрудняет Китаю формирование полноценного океанского флота, способного конкурировать с ВМС США за пределами прибрежных морей [18].

Американские стратеги указывают, что установление контроля КНР над Тайванем существенно изменило бы баланс сил в регионе. Это позволило бы Пекину расширить возможности по развертыва-

нию военно-морских и авиационных сил, усилить давление на Японию и Филиппины и подорвать способность США осуществлять оперативную проекцию силы в западной части Тихого океана. В этом контексте Тайвань рассматривается не как изолированный объект, а как узловой элемент всей архитектуры региональной безопасности.

В рамках реализма Тайвань воспринимается как элемент стратегического пространства Восточной Азии, влияющий на распределение военной мощи [11]. Его географическое положение в так называемой «первой островной цепи» придаёт ему особое значение с точки зрения контроля над морскими коммуникациями и проекцией силы в западной части Тихого океана. С этой точки зрения политика США направлена не на разрешение суверенитетного спора, а на управление рисками, связанными с ним.

С точки зрения США, попытка окончательного разрешения суверенитетного спора вокруг Тайваня сопряжена с рядом серьёзных рисков, которые значительно перевешивают потенциальные выгоды. Прежде всего, любой сценарий разрешения спора – будь то насильственное объединение с КНР или формальное провозглашение независимости Тайваня – создаёт высокий риск крупномасштабного военного конфликта.

Кроме того, разрешение суверенитетного спора в пользу одной из сторон подорвало бы существующий баланс сил в Восточной Азии [12]. В случае установления контроля КНР над Тайванем США столкнулись бы с ослаблением своей системы союзов, поскольку союзники могли бы усомниться в способности Вашингтона обеспечивать региональную безопасность. Напротив, формальная независимость Тайваня могла бы спровоцировать резкую реакцию Пекина, ведущую к длительной конфронтации и милитаризации региона.

С точки зрения американской стратегии, сохранение неопределённого статус-кво, несмотря на его нестабильность, воспринимается как наименее рискованный вариант. Он позволяет избежать немедленного конфликта, сохранять пространство для дипломатического манёвра и удерживать обе стороны от радикальных шагов. Именно поэтому США на протяжении десятилетий выступают против любых односторонних попыток изменить статус-кво в Тайваньском проливе.

Одновременно в американской политике присутствуют элементы либерального институционализма и нормативного подхода. Поддержка демократических институтов Тайваня, экономическое взаимодействие и участие в международных режимах дополняют стратегические расчёты. Однако, как подчёркивают многие исследователи, нормативное измерение никогда не доминировало над соображениями безопасности.

Поддержка демократических институтов Тайваня является важным, но вторичным по отношению к вопросам безопасности элементом американской политики. США рассматривают Тайвань как успешный пример демократического развития в Восточной Азии, что придаёт дополнительное нормативное измерение отношениям между Вашингтоном и Тайбэем.

Практически эта поддержка осуществляется через несколько каналов. Во-первых, США развивают широкое неофициальное политическое взаимодействие с Тайванем, включая регулярные контакты между законодателями, экспертными сообществами и представителями исполнительной власти. Эти контакты способствуют институциональной устойчивости тайваньской демократии и обмену управленческими практиками. Во-вторых, значительную роль играет экономическое и технологическое сотрудничество. США поддерживают интеграцию Тайваня в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, что укрепляет экономическую базу его политической системы [17]. Торговые соглашения, инвестиции и сотрудничество в сфере высоких технологий способствуют устойчивости демократических институтов Тайваня, снижая их уязвимость к внешнему давлению. В-третьих, США оказывают поддержку гражданскому обществу и правовым институтам Тайваня через образовательные программы, академические обмены и сотрудничество в области верховенства права. Эти меры не носят формально политического характера, но способствуют укреплению демократических норм и процедур [2].

При этом США сознательно ограничивают нормативное измерение своей политики, избегая шагов, которые могли бы быть интерпретированы как поддержка формальной независимости Тайваня. Таким образом, поддержка демократических институтов сочетается с общей стратегией сдерживания и управления рисками, а не подменяет её.

Историческая эволюция американской политики по Тайваню

Современный подход Соединённых Штатов к тайваньскому вопросу сформировался в результате длительного исторического процесса, начавшегося в 1970-е годы на фоне нормализации американо-китайских

отношений. Ключевым рубежом стала 1979 год, когда США официально признали Китайскую Народную Республику в качестве единственного законного правительства Китая и разорвали дипломатические отношения с Тайванем [7]. Вместе с тем данный шаг не означал отказа Вашингтона от взаимодействия с островом. В том же году Конгресс США принял *Taiwan Relations Act*, который заложил правовую основу для сохранения неофициальных политических, экономических и оборонных связей с Тайбэем.

Принципиальной особенностью *Taiwan Relations Act* является отсутствие в нём чёткого определения международно-правового статуса Тайваня. Закон не закрепляет Тайвань ни как суверенное независимое государство, ни как территорию, принадлежащую КНР. Вместо этого статус острова трактуется как открытый вопрос, подлежащий урегулированию исключительно мирными средствами. Такой подход сознательно создаёт правовую неопределённость, которая стала характерной чертой американской политики по Тайваню.

TRA ориентирован прежде всего на предотвращение конфликта, а не на окончательное разрешение спора о суверенитете. Закон закрепляет обязательство США содействовать поддержанию достаточной обороноспособности Тайваня, однако не предусматривает формальных гарантий прямого военного вмешательства в случае эскалации. Тем самым создаётся ситуация, при которой США одновременно демонстрируют готовность к поддержке Тайбэя и избегают жёстких обязательств, способных спровоцировать кризис в отношениях с Пекином.

Умеренно оставляя пространство для политического манёвра, *Taiwan Relations Act* позволяет американской администрации занимать двусмысленные позиции по ключевым вопросам, включая проблему независимости Тайваня. Формулы, подобные отказу от поддержки независимости при одновременном противодействии силовому давлению со стороны КНР, стали неотъемлемой частью американского дискурса. Такая гибкость направлена на минимизацию рисков эскалации и сохранение баланса между отношениями с Пекином и обязательствами перед Тайбэем [6].

Юридическая конструкция, заложенная в TRA, отражает фундаментальную установку США: будущее Тайваня должно определяться в ходе мирного диалога между сторонами, без внешнего принуждения и односторонних шагов. Именно нерешённость вопроса статуса позволяет Вашингтону сочетать признание КНР как единственного законного правительства Китая с сохранением оборонных и политических обязательств перед Тайванем.

В последующие десятилетия данный правовой и политический каркас стал основой для политики стратегической неопределённости [8]. США стремились поддерживать хрупкий баланс в Тайваньском проливе, избегая как прямого поощрения формальной независимости Тайваня, так и признания суверенитета КНР над островом. Такой подход позволял сдерживать обе стороны и снижать вероятность прямого конфликта.

Эта преемственность чётко прослеживается и в Стратегии национальной безопасности США 2025 года, в которой подтверждается приверженность политике «одного Китая» в её американской интерпретации, основанной на *Taiwan Relations Act*, трёх совместных коммюнике и «Шести обязательствах». Документ подчёркивает неприятие любых односторонних попыток изменить статус-кво в Тайваньском проливе и отказ США от поддержки независимости Тайваня, одновременно подтверждая готовность содействовать его самообороне.

Политика «одного Китая» в американской интерпретации

Основой позиции США по Тайваню является политика «одного Китая», но американский подход к ней более гибкий по сравнению с жёсткой позицией Пекина. США признают правительство Китая, но не признают его суверенитет над Тайванем, оставляя статус острова неопределённым.

В Стратегии национальной безопасности США 2025 года эта политика подтверждается и опирается на *Taiwan Relations Act*, три совместных коммюнике и «Шесть обязательств». Это демонстрирует преемственность подхода, сформированного ещё в конце XX века.

Три совместных коммюнике, заключённые в 1972–1982 годах, стали фундаментом американской политики «одного Китая» и до сих пор оказывают значительное влияние, несмотря на появление новых юридических актов.

Первое – Шанхайское коммюнике 1972 года – стало началом американо-китайского диалога после визита Никсона в Пекин. В нём США признают, что обе стороны Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай и Тайвань является его частью, но США не подтверждают это как свою позицию, а лишь признают (*acknowledge*) такую точку зрения, что создаёт двусмысленность. В документе

также говорится о стремлении снизить напряжённость и решить споры мирным путём.

Второе коммюнике, от 1 января 1979 года, формализовало официальное признание США правительства КНР как единственного законного правительства Китая. При этом США принимают позицию Пекина о том, что Тайвань – часть Китая, но не выражают собственного мнения о суверенитете острова. США также прекращают официальные дипломатические отношения с Тайванем, сохраняя при этом неофициальные культурные и торговые связи.

Третье коммюнике, подписанное 17 августа 1982 года, касается продаж вооружений Тайваню. В нём США и Китай подтверждают стремление развивать экономические и культурные отношения, а по Тайваню повторяют ранее изложенные позиции. При этом США заявляют о намерении постепенно корректировать объёмы поставок оружия, что вызвало тревогу в Тайбэе. Однако формулировка об этой корректировке осталась неопределённой – она зависела от усилий Китая по поддержанию мира через Тайваньский пролив.

В ответ на беспокойство Тайваня по поводу третьего коммюнике США 14 июля 1982 года передали «Шесть обязательств». Эти ключевые гарантии, разработанные администрацией Рейгана, должны были балансировать интересы Китая и Тайваня и сохранить стратегическую гибкость США [13]. Среди них: США не установят срок прекращения продаж оружия Тайваню, не будут заранее консультироваться с Китаем по этому поводу, не станут посредниками между Тайбэем и Пекином, не изменят свою позицию по суверенитету Тайваня, не пересмотрят Taiwan Relations Act и не рассматривают третье коммюнике как согласие на предварительные консультации с КНР по продажам вооружений.

Эти обязательства закрепляют позицию США – поддерживать обороноспособность Тайваня, одновременно избегая чрезмерных уступок Китаю. Со временем они получили дополнительную политическую и частично законодательную поддержку, особенно начиная с 2016 года.

Стратегическая неопределённость остаётся ключевым элементом американской политики в отношении Тайваня. Её суть заключается в том, что США сознательно не дают чёткого ответа на вопрос, вмешаются ли они военным путём в случае конфликта в Тайваньском проливе. Основная причина сохранения этой политики – двойное сдерживание, которое помогает одновременно ограничивать действия и Китая, и Тайваня. С одной стороны, если США чётко заявят о военной защите Тайваня, это может стимулировать Пекин к более агрессивным действиям, так как он воспринимает остров как часть своей территории и может быть мотивирован проверить готовность США к войне. Неопределённость затрудняет Китаю точное предсказание реакции Вашингтона и снижает его уверенность в успехе военной операции. С другой стороны, если США гарантируют защиту Тайваня, это может стимулировать Тайбэй к провокационным шагам, например, к одностороннему провозглашению независимости, что осложнит переговоры с КНР и может привести к кризисам. Стратегическая неопределённость удерживает Тайвань от резких действий, сохраняя статус-кво.

В Стратегии национальной безопасности США 2025 года тайваньский вопрос рассматривается прежде всего в логике поддержания регионального баланса сил и предотвращения крупномасштабного военного конфликта в Индо-Тихоокеанском регионе. Документ подчёркивает, что значение Тайваня выходит за рамки двусторонних американо-китайских отношений и связано с его геостратегическим положением в первой островной цепи, обеспечивающей доступ к второй островной цепи и разделяющей Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию. При этом NSS-2025 фиксирует сохранение «долгосрочной декларативной политики» США по Тайваню, включая отказ от поддержки любых односторонних изменений статус-кво в Тайваньском проливе [16].

В Стратегии национальной безопасности США 2025 года тайваньский вопрос также вписан региональный контекст Индо-Тихоокеанского региона, который рассматривается Вашингтоном как ключевое пространство стратегического соперничества с Китайской Народной Республикой. В отличие от более ранних документов, в которых Тайвань нередко анализировался как относительно обособленный кейс, стратегия 2025 года подчёркивает его системную связь с динамикой безопасности в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также с вопросами свободы судоходства, устойчивости союзной архитектуры и контроля над морскими коммуникациями [16]. Таким образом, Тайвань рассматривается не только как объект двусторонних отношений США и Китая, но и как структурный элемент регионального баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Стратегия 2025 года также подчёркивает роль союзников и партнёров США в Индо-Тихоокеанском регионе – прежде всего Японии, Филиппин, Австралии и государств Юго-Восточной Азии – в сдерживании

дестабилизирующих действий Китая. В этом контексте Тайвань выступает важным, хотя и формально не союзным, элементом региональной архитектуры безопасности. Сохранение статус-кво в Тайваньском проливе рассматривается Вашингтоном как необходимое условие поддержания доверия союзников к американским гарантиям безопасности и способности США противостоять принуждению в регионе.

Военно-политическое измерение тайваньского вопроса

Военная составляющая является одним из наиболее чувствительных и одновременно ключевых элементов политики Соединённых Штатов в отношении Тайваня. Поддержка обороноспособности острова реализуется преимущественно через поставки вооружений, программы военного обучения и обмен разведывательной информацией. При этом стратегическая цель США заключается не в формировании у Тайваня наступательного потенциала, а в повышении потенциальной цены военной операции для Китайской Народной Республики. Такой подход соответствует логике сдерживания и направлен на осложнение возможного силового сценария без формального пересмотра статуса-кво.

В отличие от NSS-2022, стратегия 2025 года делает более явный акцент на военном измерении тайваньского вопроса. Тайвань определяется как один из ключевых узлов возможного военного противостояния с КНР, прежде всего в контексте угрозы изменения баланса сил в западной части Тихого океана и последствий для глобальной торговли и цепочек поставок, включая полупроводниковую промышленность. При этом США подчёркивают, что приоритетом остаётся именно сдерживание конфликта, а не его провоцирование, что соответствует логике «мира через силу» и отказа от формальных гарантий военного вмешательства.

Американские поставки вооружений Тайваню представляют собой один из ключевых инструментов политики сдерживания и управления рисками в Тайваньском проливе и реализуются преимущественно в рамках программы Foreign Military Sales (FMS) через механизм уведомлений Конгресса США, администрируемый Defense Security Cooperation Agency (DSCA). Согласно данным Congressional Research Service, в период с 2015 по начало 2025 гг. исполнительная власть США направила Конгрессу уведомления о потенциальных продажах вооружений Тайваню на сумму свыше 28 млрд долл. США, причём наиболее интенсивный рост объёмов пришёлся на период после 2017 г. [3]. Эти уведомления охватывают как поставки боевых систем, так и логистическую, программную и техническую поддержку, что отражает долгосрочный и системный характер военно-технического сотрудничества.

Качественное и количественное усиление американской военной поддержки Тайваня наглядно проявилось в одобрении в декабре 2025 г. крупнейшего за всю историю двусторонних отношений пакета вооружений общей стоимостью более 11,1 млрд долл. США, оформленного в виде восьми отдельных уведомлений FMS. Данный пакет включает высокомобильные реактивные системы залпового огня HIMARS и оперативно-тактические ракеты ATACMS, самоходные гаубицы M109A7, барражирующие беспилотные летательные аппараты семейства ALTIUS, тактические системы связи и программного обеспечения, а также противотанковые ракетные комплексы и запасные части для ранее поставленных систем. Структура поставок свидетельствует о смещении акцента в сторону асимметрических и высокоточных средств поражения, предназначенных для повышения потенциальной стоимости десантной или быстротекущей военной операции КНР, а не для формирования у Тайваня наступательного потенциала. Тем самым США стремятся укрепить обороноспособность острова, не отказываясь от политики стратегической неопределённости и не предоставляя формальных гарантий военной защиты [9].

Данные Stockholm International Peace Research Institute, фиксирующие именно фактические международные поставки вооружений, дополняют картину, демонстрируя разрыв между объёмами уведомлений FMS и реальной передачей систем Тайваню. Согласно обновлениям SIPRI за 2024–2025 гг., значительная часть крупных контрактов с США находится на стадии частичной реализации, а объёмы «невыполненных обязательств» остаются высокими, что отражает длительные сроки производства и поставок сложных вооружений [11]. В частности, поставки отдельных систем, таких как истребители F-16V и некоторые компоненты ракетно-артиллерийских комплексов, были отложены и ожидаются в последующие годы. Таким образом, совокупные данные CRS, DSCA и SIPRI показывают, что американская военная поддержка Тайваня носит не разовый, а накопительный и растянутый во времени характер, что позволяет США постепенно повышать оборонный потенциал Тайбэя, одновременно сохраняя контроль над темпами эскалации и стратегической сигнализацией в адрес КНР [12].

В Стратегии национальной безопасности США 2025 года военно-политическое измерение тайваньского вопроса прямо увязывается с необходимостью сохранения благоприятного соотношения сил в рамках первой и второй островных цепей, а также с обеспечением устойчивости морских коммуникаций в Южно-Китайском море. Документ подчёркивает, что долгосрочное предотвращение конфликта вокруг Тайваня возможно прежде всего за счёт сохранения американского военного превосходства в обычных вооружениях и способности к отказу в доступе и воспрепятствованию агрессии (ориг. *denial of aggression*) в западной части Тихого океана. Тайвань рассматривается не только как политически чувствительный объект, но и как ключевой геостратегический узел, контроль над которым обеспечивает выход ко второй островной цепи и разделяет северо-восточный и юго-восточный сектора Азии, что имеет прямое значение для безопасности глобальных торговых маршрутов, значительная часть которых проходит через Южно-Китайское море.

Особое место в стратегии 2025 года занимает акцент на союзной составляющей сдерживания. США прямо указывают на ограниченность собственных возможностей по обеспечению устойчивого военного баланса в регионе без активного участия союзников и партнёров. В этой логике укрепление обороны Тайваня увязывается с расширением доступа американских вооружённых сил к инфраструктуре союзников вдоль первой островной цепи, увеличением оборонных расходов со стороны Японии, Республики Корея, Австралии и других партнёров, а также развитием совместных возможностей, направленных на предотвращение силового изменения статус-кво. Контроль над Южно-Китайским морем при этом рассматривается как самостоятельный вызов, поскольку установление доминирующего влияния в данном пространстве потенциально позволило бы одной державе ограничивать или произвольно регулировать один из ключевых мировых торговых коридоров.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что тайваньский вопрос занимает центральное место в стратегии США в Восточной Азии и рассматривается Вашингтоном как ключевой элемент регионального и глобального баланса сил. Американский подход носит преимущественно реалистический характер и ориентирован не на разрешение суверенитетного спора, а на управление рисками эскалации. Сохранение неопределённого статус-кво воспринимается США как наименее опасный сценарий, поскольку любые попытки окончательного решения вопроса – через силовое объединение с КНР или формальную независимость Тайваня – несут высокий риск крупномасштабного конфликта с тяжёлыми региональными и глобальными последствиями. Политика стратегической неопределённости, закреплённая в Taiwan Relations Act, трёх совместных коммюнике и «Шести обязательствах», остаётся ключевым инструментом двойного сдерживания, одновременно ограничивая как действия Пекина, так и возможные односторонние шаги Тайбэя.

Военно-политическое измерение тайваньского вопроса усиливается на фоне роста военных возможностей КНР и отражается в расширении американской военной поддержки Тайваня, прежде всего в сфере асимметрической обороны. Масштабы поставок вооружений и акцент на мобильные, противодесантные и высокоточные системы свидетельствуют о стремлении США повысить потенциальную цену силового сценария, не предоставляя формальных гарантий военной защиты. Нормативное измерение, включая поддержку демократических институтов Тайваня, дополняет, но не подменяет стратегические расчёты безопасности. В совокупности американская политика по Тайваню представляет собой попытку сохранить баланс между сдерживанием Китая, предотвращением конфликта и поддержанием доверия союзников, что делает тайваньский вопрос одним из наиболее устойчивых и сложных вызовов для стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе.

Литература

1. Буш Р.К. Неизведанный пролив: будущее китайско-тайваньских отношений. – Вашингтон, округ Колумбия: Brookings Institution Press, 2013.
2. Исследовательская служба Конгресса США. Тайвань: вопросы обороны и военной безопасности. – Вашингтон, округ Колумбия: Congressional Research Service, 2023.
3. Исследовательская служба Конгресса США. Отношения США и Тайваня: обзор и ключевые вопросы. – Отчёт CRS IF12481. – Вашингтон, округ Колумбия: Congressional Research Service, 2024. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/HTML/IF12481.web.html (дата обращения: 09.12.2025).

4. Голдстейн А. Ответ на вызов: грандиозная стратегия Китая и международная безопасность. – Стэнфорд: Stanford University Press, 2005.

5. Айкенберри Дж.Дж. Либеральный Левиафан: истоки, кризис и трансформация американского мирового порядка. – Принстон: Princeton University Press, 2011.

6. Каплан Р.Д. Азиатский котёл: Южно-Китайское море и конец стабильного Тихого океана. – Нью-Йорк: Random House, 2014.

7. Миршаймер Дж.Дж. Трагедия политики великих держав. – Нью-Йорк: W.W. Norton, 2001.

8. Корпорация RAND. Сдерживание через лишение: укрепление обороны Тайваня. – Санта-Моника, Калифорния: RAND Corporation, 2020.

9. Корпорация RAND. Война с Китаем: размышления о немыслимом. – Санта-Моника, Калифорния: RAND Corporation, 2016.

10. Школа государственной политики и управления Шара (Университет Джорджа Мейсона). Отставание по поставкам вооружений Тайваню: обновление за март 2025 г. – Арлингтон, Вирджиния, 2025. – URL: <https://tsm.schar.gmu.edu> (дата обращения: 02.01.2026).

11. Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI). База данных по трансферам вооружений. – Стокгольм: SIPRI, 2025. – URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 02.01.2026).

12. Белый дом. Стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов Америки. – Вашингтон, округ Колумбия, 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 02.01.2026).

13. Конгресс Соединённых Штатов Америки. Закон об отношениях с Тайванем // Публичный закон № 96–8. – Вашингтон, округ Колумбия, 1979.

14. Министерство обороны США. Ежегодный доклад Конгрессу: военные и оборонные разработки Китайской Народной Республики. – Вашингтон, округ Колумбия, 2019–2024.

15. Государственный департамент США. Совместное коммюнике Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики (Шанхайское коммюнике). – 27 февраля 1972 г.

16. Государственный департамент США. Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений. – 1 января 1979 г.

17. Государственный департамент США. Коммюнике от 17 августа. – 17 августа 1982 г.

18. Государственный департамент США. «Шесть обязательств» в отношении Тайваня. – Вашингтон, округ Колумбия, подтверждены в 2016 и 2020 гг.

TAIWAN IN THE SYSTEM OF THE REGIONAL BALANCE OF POWER: THE U.S. STRATEGY OF DETERRENCE AND STRATEGIC AMBIGUITY

Bykov N.R.

Moscow State Linguistic University

The article analyzes the role of Taiwan in the system of the regional balance of power in East Asia and the specific features of the U.S. strategy toward the Taiwan issue. It examines the evolution of U.S. policy based on a combination of realist deterrence logic, strategic ambiguity, and limited military support for Taiwan. The study demonstrates that Washington views the Taiwan issue not as a problem of sovereignty, but as a tool for managing escalation risks and maintaining stability in the Indo-Pacific region. Particular attention is paid to the legal and normative foundations of U.S. policy, including the 2025 National Security Strategy. The article concludes that Taiwan is regarded by the United States as a key geostrategic hub whose significance extends beyond the framework of bilateral U.S. – China relations.

Keywords: Taiwan, strategic ambiguity, deterrence, regional balance of power, U.S. policy

References

1. Bush R.C. Uncharted Strait: The Future of China–Taiwan Relations. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2013.
2. Congressional Research Service. Taiwan: Defense and Military Issues. – Washington, DC: Congressional Research Service, 2023.
3. Congressional Research Service. U.S. – Taiwan Relations: Overview and Key Issues. – CRS Report IF12481. – Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/HTML/IF12481.web.html (дата обращения: 09.12.2025).
4. Goldstein A. Rising to the Challenge: China's Grand Strategy and International Security. – Stanford: Stanford University Press, 2005.
5. Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2011.
6. Kaplan R.D. Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific. – New York: Random House, 2014.
7. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001.
8. RAND Corporation. Deterrence by Denial: Strengthening Taiwan's Defense. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.

9. RAND Corporation. War with China: Thinking Through the Unthinkable. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016.

10. Schar School of Policy and Government (George Mason University). Taiwan Arms Sales Backlog: March 2025 Update. – Arlington, VA, 2025. – URL: <https://tsm.schar.gmu.edu> (дата обращения: 02.01.2026).

11. Stockholm International Peace Research Institute. SIPRI Arms Transfers Database. – Stockholm: SIPRI, 2025. – URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 02.01.2026).

12. The White House. National Security Strategy of the United States of America. – Washington, DC, 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 02.01.2026).

13. United States Congress. Taiwan Relations Act // Public Law 96–8. – Washington, DC, 1979.

14. United States Department of Defense. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. – Washington, DC, 2019–2024.

15. United States Department of State. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China (Shanghai Communiqué). – 27 February 1972.

16. United States Department of State. Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations. – 1 January 1979.

17. United States Department of State. August 17 Communiqué. – 17 August 1982.

18. United States Department of State. The Six Assurances to Taiwan. – Washington, DC, reaffirmed 2016, 2020.

Проблема международно-правовой квалификации северного морского пути: дихотомия суверенитета и свободы судоходства в контексте российско-американских отношений

Ивашкин Константин Артурович,

аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН

им. Патриса Лумумбы

E-mail: 1132237506@rudn.ru

В статье представлен комплексный международно-правовой анализ статуса Северного морского пути (СМП) как объекта стратегического соперничества. Рассмотрена коллизия между российской концепцией «исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации» и американской доктриной «международного пролива». Особое внимание уделено толкованию статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, проблеме прямых исходных линий и правовому режиму арктических проливов. Выявлены фундаментальные противоречия в подходах к разграничению морских пространств и предложены теоретические сценарии трансформации правового режима СМП в условиях климатических изменений и геополитической турбулентности.

Ключевые слова: Северный морской путь, арктическое право, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., статья 234, свобода судоходства, транзитный проход, внутренние морские воды, прямые исходные линии, стратегические интересы.

Трансформация Арктики из геополитической периферии в центральный узел глобальной логистики и ресурсной базы детерминировала обострение международно-правового спора относительно статуса Северного морского пути (СМП). Если ранее данная проблематика носила преимущественно доктринальный характер, то в условиях таяния ледового покрова и интенсификации коммерческого судоходства конфликт интерпретаций перешел в плоскость реальной политики. Ключевым противоречием выступает диаметрально противоположность правовых позиций Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, где первая рассматривает акваторию как зону своей исключительной юрисдикции с элементами полного суверенитета в проливах, а вторые настаивают на режиме международного судоходства, апеллируя к концепции «глобального достояния» (global commons). Данная статья ставит своей целью не просто описать позиции сторон, но вскрыть глубинную правовую природу конфликта, который кроется в различной интерпретации соотношения обычного морского права и конвенционных норм [1].

Фундаментом российской правовой позиции является сочетание исторического титула и специфических положений современного морского права. Россия последовательно проводит линию на закрепление за СМП статуса «исторически сложившейся национальной единой транспортной коммуникации», что впервые было закреплено в Основах государственной политики РФ в Арктике и отражено в Федеральном законе № 155-ФЗ.

Юридическая конструкция российского контроля базируется на двух «китах»: статусе внутренних морских вод для ключевых проливов и применении статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS) для остальной акватории исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Проблема, однако, заключается в методологии определения внутренних вод. Еще Постановлением Совета Министров СССР 1985 года заливы и проливы, омывающие побережье советской Арктики, были отнесены к историческим, либо к ним был применен метод прямых исходных линий (ПИЛ). Это решение превратило проливы Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова – ключевые «бутылочные горлышка» маршрута – во внутренние воды, где прибрежное государство обладает абсолютным суверенитетом [2], исключая право мирного прохода, если иное не установлено специальным разрешением. США категорически отвергают данную делимитацию, утверждая, что прямые исходные линии были проведены с нарушением критериев, установленных статьей 7 UNCLOS (линии не повторяют общее направление берега и включают слишком обширные водные пространства), и, следовательно, воды этих проливов должны рассматриваться как территориальное море или открытое море, на которые распространяется режим транзитного прохода.

Анализ американской позиции вскрывает уязвимость, связанную с тем, что США не являются участником UNCLOS, однако апеллируют к ее положениям как к нормам обычного международного права. Вашингтон настаивает, что СМП, соединяя две части открытого моря (Баренцево и Берингово), функционально соответствует критериям международного пролива, выработанным Международным судом ООН в деле *Corfu Channel* (1949).

Согласно этой логике, географическое положение и потенциальная (даже не фактически сложившаяся, а потенциальная) пригодность для международного судоходства автоматически активируют право транзитного прохода, который не может быть приостановлен прибрежным государством и не требует предварительного уведомления или получения разрешения. Здесь мы сталкиваемся с первой серьезной коллизией: Россия применяет разрешительный порядок плавания по СМП, обосновывая это соображениями безопасности и экологическими рисками [3], тогда как США квалифицируют требование о получении разрешения как нарушение фундаментального принципа свободы судоходства (Freedom of Navigation). В этом контексте американская программа FONOPs (Freedom of Navigation Operations), хотя и не проводилась физически в глубине СМП столь агрессивно, как в Южно-Китайском море, остается дамокловым мечом, висящим над российским правовым режимом.

Центральным элементом правовой защиты российской позиции является статья 234 UNCLOS («Покрываемые льдом районы»), которая

наделяет прибрежные государства правом принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в пределах ИЭЗ, где особо суровые климатические условия и наличие льдов создают препятствия для судоходства. Россия трактует эту статью расширительно: поскольку угроза экологии исходит от любой аварии, государство вправе устанавливать жесткие требования к конструкции судов, экипажу и, главное, требовать обязательной лоцманской и ледокольной проводки. Фактически, через экологическую юрисдикцию реализуется административный контроль над трафиком [4].

США же придерживаются узкого толкования: статья 234 допускает регулирование только в целях борьбы с загрязнением, но не дает права ограничивать навигацию как таковую или требовать уведомления для военных кораблей, обладающих суверенным иммунитетом. Более того, американский доктринальный подход предполагает, что по мере таяния льдов правовая база статьи 234 будет эрозировать. Если площадь покрытия льдом уменьшится (критерий «наличия льдов, создающих препятствия»), исчезнет и легитимное основание для особого режима, что вернет ситуацию к общим нормам о территориальном море и ИЭЗ.

Сложность ситуации усугубляется отсутствием четкой дефиниции «покрытых льдом районов» в тексте Конвенции. Остается открытым вопрос: достаточен ли сезонный лед для применения статьи 234, или речь идет о круглогодичном покрове? Российская практика исходит из достаточности сезонного льда и общей сложности навигационной обстановки. Однако американские стратеги, анализируя климатические тренды, готовят почву для юридического оспаривания самого факта применимости ст. 234 в среднесрочной перспективе [5].

Если СМП станет свободным от льда большую часть года, Россия лишится своего главного «конвенционного щита» за пределами 12-мильной зоны. Это заставит Москву опираться исключительно на концепцию исторических вод, которая в современном международном праве воспринимается крайне скептически и требует доказательства «длительного, непрерывного и общепризнанного владения». Именно элемент «общепризнанности» (*acquiescence*) является слабым местом, поскольку США (и ряд других стран) регулярно направляют дипломатические ноты протеста, тем самым блокируя формирование нормы обычного права, которая легализовала бы российские притязания через молчаливое согласие.

Нельзя игнорировать и военно-стратегический аспект, который зачастую остается за скобками чисто юридических дискуссий, но де-факто определяет их. Для России СМП — это не просто транзитная артерия, но и зона развертывания сил Северного флота, береговой обороны и элемент системы ядерного сдерживания («Бастион»). Режим открытого международного пролива позволил бы ВМС США и НАТО беспрепятственно входить в акваторию, проводить разведку и отслеживать деятельность подводных лодок, что категорически неприемлемо для Москвы с точки зрения национальной безопасности [6]. Именно поэтому требование о предварительном уведомлении (а де-факто — разрешении) для прохода иностранных военных кораблей распространяется Россией на трассу СМП, хотя это прямо противоречит букве UNCLOS в части права мирного прохода (если считать воды территориальными) или свободы судоходства (в ИЭЗ). Российская доктрина здесь делает крен в сторону примата внутреннего законодательства над международным в вопросах безопасности, ссылаясь на право государства приостанавливать проход в территориальных водах, если он не является мирным. Интерпретация «немирности» при этом может быть весьма широкой.

Анализ практики применения Правил плавания в акватории СМП (утвержденных Правительством РФ) показывает гибкость российской позиции. Для торгового флота создается режим максимальной благоприятствования с цифровизацией разрешений, тогда как для государственных (военных) судов сохраняется «серая зона» неопределенности [7]. США, в свою очередь, стремятся не допустить создания прецедента «закрытого моря», который мог бы быть использован другими государствами (например, Китаем или Ираном) в своих регионах. Следовательно, борьба за статус СМП для Вашингтона — это борьба за глобальный принцип свободы морей, а не только за доступ к Арктике. Однако парадокс заключается в том, что, настаивая на полной свободе навигации, США рискуют создать условия для неконтролируемого присутствия в Арктике третьих игроков, включая Китай, чья «NEAR-ARCTIC STATE» амбиции вызывают опасения и у Вашингтона, и у Москвы [9]. Это создает теоретическое поле для ситуативного сближения позиций РФ и США на основе идеи «ответственного управления» Арктикой арктическими же государствами, в противовес полной интернационализации.

Возможным путем разрешения, или хотя бы смягчения, данного конфликта может стать инкорпорация требований Полярного кодекса (вступил в силу в 2017 году) в национальные режимы. Полярный кодекс, принятый под эгидой ИМО, устанавливает строгие технические стандарты. Если Россия будет обосновывать свои требования не суверенным правом, а необходимостью имплементации международных стандартов Полярного кодекса, это может снизить градус конфронтации. Однако это не решает вопроса о военных кораблях, на которые конвенции ИМО, как правило, не распространяются [10]. Здесь видится тупик: Россия не откажется от контроля над проливами (Вилькицкого и др.) как внутренними водами, ссылаясь на их исторический статус и уязвимость побережья, а США никогда не признают эти воды внутренними де-юре.

Тем не менее, существует разрыв между риторикой и практикой. Несмотря на жесткие заявления Госдепартамента, реальные попытки физического прорыва американских военных кораблей через СМП без разрешения России (по сценарию Черного моря 1980-х) на сегодняшний день отсутствуют. Это связано с колоссальными рисками: отсутствием у США необходимого ледокольного флота для спасательных операций в случае инцидента и риском экологической катастрофы, ответственность за которую политически ляжет на «нарушителя спокойствия» [11]. Таким образом, складывается уникальная правовая ситуация: де-юре конфликт находится в острой фазе (обмен нотами, доктринальные расхождения), но де-факто действует российский разрешительный режим, которому иностранные судовладельцы вынуждены подчиняться ради экономической целесообразности и безопасности. Экономические акторы голосуют за соблюдение российских правил («compliance»), подрывая тем самым государственную позицию своих стран о непризнании юрисдикции РФ.

Научная новизна анализа данной проблемы приводит нас к выводу, что классические категории морского права (свобода морей vs суверенитет) в Арктике подвергаются трансформации. Формируется гибридный режим *sui generis*, где статья 234 служит «мостом» между национальной юрисдикцией и международным использованием. Разрешение проблемы видится не в юридической капитуляции одной из сторон, а в разработке двусторонних или многосторонних протоколов по предотвращению инцидентов на море, специфичных для Арктики, которые бы регулировали взаимодействие ВМС без ущерба для принципиальных правовых позиций сторон «agree to disagree» [13].

До тех пор, пока климатические условия сохраняют свою суровость, «фактический суверенитет», обеспеченный ледокольным флотом и инфраструктурой, будет превалировать над «декларативной свободой», но по мере потепления баланс неизбежно качнется в сторону интернационализации, требуя от России заботливой модернизации юридической перегруппировки, возможно, через ужесточение экологических норм уже на уровне ИМО, чтобы сохранить контроль инструментами «мягкой силы права», а не только административными запретами.

Итак, статус СМП остается одним из наиболее сложных узлов современного международного морского права. Это не статический спор о границах, а динамический процесс, где правовые аргументы эволюционируют вместе с ледовой обстановкой. Для России критически важно не только отстаивать концепцию «исторических вод» (которая становится все более уязвимой), но и активно формировать международную «*climatological jurisprudence*», доказывая, что специфические риски арктического судоходства являются постоянной величиной, не зависящей от толщины льда в конкретный сезон, что оправдывает сохранение особого разрешительного режима как единственной гарантии безопасности для всей экосистемы региона.

Литература

1. Агранат Г. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М.: Наука, 2015.
2. Александров О. Лабиринты арктической политики // Россия в глобальной политике. 2016. № 4 (июль – август). С. 114–122.
3. Антрим К. Новая судоходная Арктика: Крайний Север и геополитика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2016. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 35–49.
4. Байерз М. Проблема правового статуса Северо-Западного прохода и арктический суверенитет Канады: прошлое, настоящее, желаемое будущее // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. № 2. Арктика: политика, экономика, устойчивое развитие. С. 92–128.
5. Боргерсон С. Таяние арктических льдов // Россия в глобальной политике. 2017. № 3 (май – июнь). С. 154–168.
6. Булатов В. Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1927–1980). М.: МГУ, 2018.

7. Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // МИД РФ [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/986B38F469167DA5C3257458004581FE (дата обращения: 24.05.2023).

8. Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2019.

9. Кокосин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: КомКнига, 2020.

10. Корзун В.А. Россия в Мировом океане: новые геополитические условия. М.: Наука, 2020.

11. Криворотов А.К. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского спора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. № 2. Арктика: политика, экономика, устойчивое развитие. С. 62–91.

12. Лавров С.В., Гар Стере Й. Арктический совет – 10 лет сотрудничества на благо Севера // Известия. 2022. 24 окт.

13. Литовкин Д.В. Программа Совместного уменьшения угрозы и утилизация атомных подводных лодок на Северном флоте // Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития: Научные записки. № 13 / Под ред. И.А. Сафранчука. М.: ПИР-Центр, 2023. С. 37–43.

THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION OF THE NORTHERN SEA ROUTE: THE DICHOTOMY OF SOVEREIGNTY AND FREEDOM OF NAVIGATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

Ivashkin K.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The article presents a comprehensive international legal analysis of the status of the Northern Sea Route (NSR) as an object of strategic rivalry. The conflict between the Russian concept of "historically established national transport communication" and the American doctrine of the "international strait" is considered. Special attention is paid to the interpretation of article 234 of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, the problem of direct baselines and the legal regime of the Arctic straits. Fundamental contradictions in

approaches to maritime delimitation have been identified and theoretical scenarios for the transformation of the NSR legal regime in the context of climate change and geopolitical turbulence have been proposed.

Keywords: Northern Sea Route, Arctic law, the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, article 234, freedom of navigation, transit passage, inland waters, direct baselines, strategic interests.

References

1. Agranat G. Resource Use and Territory Development in the Foreign North. Moscow: Nauka, 2015.
2. Aleksandrov O. Labyrinths of Arctic Policy // Russia in Global Affairs. 2016. No. 4 (July – August). Pp. 114–122.
3. Antrim K. The New Shipping Arctic: The High North and Geopolitics in the 21st Century // Russia in Global Affairs. 2016. No. 5 (September – October). Pp. 35–49.
4. Byers M. The Problem of the Legal Status of the Northwest Passage and Canada's Arctic Sovereignty: Past, Present, Desired Future // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2017. No. 2. The Arctic: Politics, Economics, Sustainable Development. Pp. 92–128.
5. Borgerson S. Melting Arctic Ice // Russia in Global Affairs. 2017. No. 3 (May–June). Pp. 154–168.
6. Bulatov V.N. The CPSU – the organizer of the development of the Arctic and the Northern Sea Route (1927–1980). Moscow: Moscow State University, 2018.
7. Declaration of the Conference on the Arctic Ocean, Ilulissat, Greenland, May 27–29, 2018 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Official website]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/986B38F469167DA5C3257458004581FE (date of access: 24.05.2023).
8. Dodin D.A. Sustainable Development of the Arctic (Problems and Prospects). St. Petersburg: Nauka, 2019.
9. Kokoshin, A.A. Political Science and Sociology of Military Strategy. Moscow: KomKniga, 2020.
10. Korzun, V.A. Russia in the World Ocean: New Geopolitical Conditions. Moscow: Nauka, 2020.
11. Krivorotov, A.K. Unequal Division in Half: Towards the Signing of the Russian-Norwegian Dispute on Delimitation in the Arctic // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2021. No. 2. The Arctic: Politics, Economics, Sustainable Development. Pp. 62–91.
12. Lavrov, S. V., Gahr Støre, J. The Arctic Council – 10 Years of Cooperation for the Benefit of the North // Izvestia. October 24, 2022.
13. Litovkin D.V. Joint Threat Reduction Program and Disposal of Nuclear Submarines in the Northern Fleet // Joint Threat Reduction Program: Assessment of Effectiveness and Development Prospects: Scientific Notes. No. 13 / Ed. by I.A. Safranchuk. Moscow: PIR Center, 2023. Pp. 37–43.

Казелько Алиса Андреевна,

генеральный директор, LATAM Consulting Group
E-mail: alisakazelko@mail.ru

Цели статьи – выявить логику развития бразильско-американских отношений после окончания холодной войны и определить основные точки соприкосновения и расхождения интересов двух стран. На основе результатов исследования установлено, что наблюдается поступательное движение Бразилии и США к диалогу, основанному на равноправном сотрудничестве. При этом это сотрудничество не сводится к компромиссу по широкому кругу вопросов, а носит исключительно ситуативный характер. Установлено, что наибольшее трение между двумя странами вызывают вопросы торгово-экономической повестки. Наконец, была предложена авторская периодизация бразильско-американских отношений в постбиполярную эпоху.

Ключевые слова: США, Бразилия, бразильско-американские отношения, диалог Бразилии и США, постбиполярная эпоха, торговые споры.

Введение

С момента окончания биполярной эпохи бразильско-американские отношения совершили качественный скачок, выразившийся в постепенном экономическом подъеме Бразилии [1] и, как следствие, в переходе взаимоотношений в плоскость более равноправного диалога. Несмотря на общую тенденцию к позитивному сдвигу в стратегическом поведении стран по отношению друг к другу [2], на протяжении последних 30 лет бразильско-американский диалог протекает сложно: периоды сотрудничества по широкому кругу вопросов могут неожиданно смениться конфронтацией.

На первый взгляд логика выстраивания отношений Бразилии и США является исключительно позитивной: связанные общей исторической линией и союзническими обязательствами по Пакту Рио [3], эти две крупнейшие страны Западного полушария разделяют демократические ценности, а также общие взгляды на повестку дня в области социально-экономической политики и устойчивого развития. В 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс заявила о том, что США и Бразилия «вместе несут ответственность за мировой порядок» [4], а в 2011 г. в докладах Совета по международным отношениям США Бразилия была упомянута как «один из ключевых партнеров США на глобальном уровне» [5].

Однако наряду с позитивной двусторонней повесткой с 1990-х тянется и клубок торгово-экономических противоречий: с 1995 г. и по настоящее время Бразилия и США были вовлечены в 103 торговых спора в ВТО [6]. Более того, с начала 2000-х годов Бразилия перестала координировать позиции с США в международных организациях и стала членом БРИКС, фактически представляющим из себя альтернативу возглавляемым США Бреттон-Вудским институтам, а также институтам глобального управления (прежде всего, «Группа семи»), что наложило негативный отпечаток на бразильско-американские отношения. В этой связи изучение взаимоотношений Бразилии и США как сложного сплетения кооперации с конфронтацией представляет большой интерес для науки.

Методология

При написании работы используется проблемно-хронологический и системный подходы к изложению событий. Помимо этого, используется историко-системный метод в форме анализа исторических источников, обобщения информации, полученной из них и историографии, а также сравнительный и конкретно-исторический методы. В ходе исследования автор выдвинул следующую гипотезу: «в постбиполярный период бразильско-американские отношения носят комплексный характер, сочетая в себе диалог в русле как проблемной, так и позитивной повестки. Взаимоотношения представляют из себя чередование сотрудничества по региональным и социо-культурным вопросам с конфронтацией по торгово-экономическим пунктам повестки».

Для подтверждения гипотезы автор проанализировал целый ряд внешнеполитических документов Бразилии и США (стратегии национальной безопасности, оборонные обзоры и военные доктрины, обзоры внешней политики, ежегодные специальные отчеты торговых представителей Бразилии и США и т.д.). Кроме того, с помощью системного подхода к исследованиям автор предложил собственную периодизацию бразильско-американских отношений (см. результаты исследования).

Результаты исследования

По итогам исследования в бразильско-американских отношениях в постбиполярный период можно выделить следующие этапы: сближение (1990–2002 гг.), при этом период 1999–2002 гг. отмечен переходом от сближения к автономии, похолодание (2002–2005 гг.), конструктивный диалог (2005–2012 гг.), ухудшение отношений (2012–2015 гг.), низшая точка – скандал со шпионажем и отмена государственных визитов (2012–2015 гг.), сближение с США в условиях слабой внешней политики Бразилии (2015–2019 гг.), примыкание к США (2019–2023 гг.), конструктивный диалог Бразилии в отношениях с США (2023–по наст.вр.).

На этапе сближения (1990–2002 гг.) стороны демонстрировали склонность к увеличению взаимодействия по вопросам экономики и обороны. Именно в этот период был заложен фундамент для выхода бразильско-американского диалога на новый уровень. Брази-

лии и США удалось найти общие точки соприкосновения по торгово-экономическим вопросам, в частности на двустороннем уровне – в ходе Уругвайского раунда ГАТТ (1986–1994 гг.), и на многостороннем – при обсуждении проекта зоны свободной торговли для Америк (ALCA, Área de Libre Comercio de las Américas). Кроме того, Бразилия ратифицировала ДНЯО, а также по инициативе США присоединилась к военным учениям «Southern Exchange». Кульминацией периода сближения стал государственный визит Б. Клинтона в Бразилию в 1997 г., который послужил опорой для сближения позиций сторон по вопросам международной повестки, а также подчеркнул дружественный характер отношений между двумя крупнейшими странами Западного полушария.

Совсем иначе сложился бразильско-американский диалог на этапе похолодания (2002–2005 гг.), когда к власти в Бразилии пришел политик левых взглядов Лула да Силва. В Вашингтоне с большим недоверием относились к первым внешнеполитическим шагам администрации Лулы да Силвы. Более того, стремление президента Бразилии выстроить диалог с такими левыми политиками, как Фидель Кастро (Куба), Эво Моралес (Боливия), Рафаэль Корреа (Эквадор) и Мишель Бачелет (Чили), породило дискуссию в политических кругах США о возможном разрыве с Бразилией как с надежным союзником в регионе. В период похолодания препятствием для более позитивного продвижения двустороннего диалога стало рекордное количество торговых споров в ВТО. США установили высокие торговые барьеры в тех отраслях, где Бразилия обладает сравнительным преимуществом, особенно в металлургической, текстильной и сельскохозяйственной промышленности. В соответствии с расчетами Министерства экономики Бразилии, в период с 1995 г. по 2005 г. торговые барьеры США ежегодно обходились стране в 5 млрд долл.

На этапе конструктивного диалога (2005–2010 гг.) отношения между двумя крупнейшими странами Западного полушария приобрели несколько более дружественный характер – обе стороны предпринимали важные шаги для восстановления отношений в различных областях. Так, в 2012 г. на полях Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (Рио+20) Бразилия и США подписали соглашение о сотрудничестве в области экологии, которое заложило основу для сотрудничества в области зеленой экономики на долгие годы. Акцент этапа «конструктивного диалога» заметно сместился в сторону климатической повестки: после саммита стороны неоднократно обсуждали совместные усилия по борьбе с изменением климата. Важно отметить и то, что Бразилия в восприятии Вашингтона постепенно стала обретать контуры скорее глобального, чем просто регионального игрока. Одним из первых сигналов к данной трансформации стала публикация статьи госсекретаря К. Райс в журнале «Foreign Affairs»: «из новых центров силы наиболее тесное взаимодействие США выстроили с такими странами, как Индия и Бразилия...» [4]. Бразильско-американские отношения заметно укрепились, но худшее, к сожалению, было впереди.

Низшей точкой (2011–2015 гг.) в диалоге США и Бразилии стал скандал о шпионаже. В результате публикации материалов Эдварда Сноудена стало известно, что Агентство национальной безопасности (АНБ) Соединенных Штатов прослушивало телефонные разговоры и перехватывало электронную почту бразильского президента Дилмы Руссефф. Разоблачение, связанное со слежкой США за Руссефф, обрело настолько крупный масштаб, что стало поводом для обсуждения в ООН. На полях ГА ООН Дилма Руссефф потребовала извинений лично от президента Обамы, несмотря на то, что последний узнал о шпионаже из СМИ. Не получив ответа, Руссефф отменила государственный визит в Вашингтон, запланированный на октябрь 2013 г., и бразильско-американский диалог фактически прервался на 2 года.

В 2015–2016 гг. бразильский внешнеполитический курс претерпел изменения в сторону сближения с США по мере того как страну охватило два кризиса – политический (импичмент Руссефф) и экономический. На этом фоне администрации Руссефф и Темера, пришедшего к власти после ее импичмента, стремились сместить акцент на внешнюю политику как способ отвлечения внимания бразильцев от внутренних проблем, и сближение с США в этом смысле стало «спасительным кругом» для бразильских властей. Так, в 2015 г. был наконец совершен визит в Вашингтон, отмененный двумя годами ранее в результате скандала по делу о шпионаже. По его итогам стороны подписали три соглашения: о расширении взаимной торговли, об углублении инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества и о координации позиций по проблемам изменения климата.

Сближение Бразилии и США обрело более ярко-выраженный характер, когда на президентских выборах победу одержал Ж. Болсонару – уже в инаугурационной речи он заявил о планах по углублению сотрудничества с Соединенными Штатами и их союзниками – Израилем, Японией и Тайванем. Данный сигнал к сотрудничеству был считан

в Вашингтоне как исключительно позитивный: уже в 2019 г. Бразилия получила статус «основного союзника США вне НАТО». Руководство страны фактически полностью переняло американские взгляды на ключевые вопросы политической повестки дня – следуя в фарватере Трампа, Болсонару стал объявлять о выходе из региональных организаций – УНАСУР, СЕЛАК, выступил против основных положений Парижского соглашения по климату 2015 г. и, не уделяя внимания проблемам экологии, инициировал масштабную вырубку лесов в Амазонии. За период нахождения у власти президент Болсонару совершил рекордное количество визитов в США – 8, в то время как в странах Азии и Африки не бывал ни единого раза. Такой проамериканский внешнеполитический курс Бразилии можно расценивать не просто как попытку сближения с североамериканским соседом, а как политика примыкания (2019–2022 гг.) – Бразилия копировала основные шаги Вашингтона по вопросам глобальной политики – от выхода из международных организаций до поддержки американской позиции по Ближнему Востоку.

Наконец, страны вновь перешли к конструктивному диалогу (2023 – по наст.вр.) на современном этапе. Несмотря на то, что позиции сторон расходятся по ключевым вопросам международной повестки – по украинскому и ближневосточному конфликтам, Бразилия и США предпринимают попытки сотрудничества в многосторонних форумах, таких как G20. Кроме того, страны встали на путь сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности в Латинской Америке, в частности – США выразили поддержку бразильским инициативам по урегулированию ситуации в Эссекибо и в Гаити. Последние события, тем не менее, не предвещают продолжения позитивной динамики – с приходом к власти Д. Трампа США ввели 40%-ые пошлины на импорт из Бразилии, а также предприняли попытку вмешательства во внутренние дела Бразилии на фоне ареста бывшего президента Болсонару. Взлеты и падения в бразильско-американских отношениях продемонстрировали, что ключом к успеху для Бразилии является сохранение приверженности независимому курсу на международной арене, и действующая администрация Лулы да Силвы показывает, что усвоила этот урок.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования указывают на следующие выводы:

1. На основе предложенной автором периодизации можно заключить, что наблюдается поступательное движение Бразилии и США к диалогу, основанному на равноправном сотрудничестве. При этом это сотрудничество не сводится к компромиссу по широкому кругу вопросов, а носит исключительно ситуативный характер.
2. Для придания собственной значимости во внешнеполитическом планировании США Бразилии приходилось идти на такие односторонние уступки, как отказ от ядерной программы, бездействие на фоне американского вмешательства в региональные дела, меры экономической либерализации в русле принципов «Вашингтонского консенсуса», поддержка позиции США в СБ ООН, G-20, ОАГ и пр. При этом ни одна из этих уступок не вывела бразильско-американский диалог на новый уровень, что способствовало разочарованию Бразилии в Вашингтоне.
3. В бразильско-американских отношениях роль личностного фактора традиционно остается высокой: дружеские отношения президентов стран (Клинтон и Кардозу, Дж. Буш-младший и Лула да Силва, Трамп и Болсонару) могут придать двустороннему диалогу совершенно новое измерение, в то время как отсутствие между президентами точек соприкосновения (Обама и Руссефф, Темер и Трамп) способно привести отношения к низшей точке.
4. Несмотря на периоды нормализации диалога, между Бразилией и США существуют противоречия, носящие перманентный характер, в частности торгово-экономические вопросы.
5. Наиболее успешной для Бразилии стала стратегия диверсификации связей: автономия по отношению к Соединенным Штатам позволяет Бразилии сместить свой внешнеполитический фокус на сотрудничество с развивающимися странами.

Заключение

Объединенные общим историческим прошлым, бразильско-американские отношения носят комплексный характер: для них характерно чередование периодов сотрудничества и соперничества, и они способны относительно быстро меняться в зависимости от приходящих к власти администраций в обеих странах [7], а также от международной конъюнктуры. Бразильская внешнеполитическая стратегия по отношению к США прошла трансформацию от подчинения собственных национальных интересов американским при Коллоре и до проведения

независимой внешней политики при Луле да Силве, во главе угла которой стоит оказание Бразилией влияния на глобальном уровне.

Главный урок, который Бразилия может вынести из взаимоотношений с США, заключается в том, что завышенные ожидания Бразилии от США никогда не позволят ей проводить качественную внешнюю политику. В прошлом надежды бразильских политических кругов на исполнение американских обещаний, в частности по поддержке кандидатуры Бразилии в СБ ООН, в ОЭСР, по достижению преференциального торгового режима, по бразильской ядерной программе, лишь ограничивали возможности Бразилии для внешнеполитического маневра. Лучший подход к бразильско-американскому диалогу – это подход с холодной головой, позволяющий объективно и без иллюзий оценить двустороннее взаимодействие. Первый год Лулы да Силвы на посту президента демонстрирует, что страна усвоила данный урок из опыта отношений с США – Бразилия вновь принимает активное участие в международных делах без опоры на американского партнера.

Приверженность Бразилии независимому курсу на международной арене может принести стране серию внешнеполитических побед в 2025 г.: на повестке дня находится бразильское председательство в БРИКС, новый виток экономической интеграции Меркосур [8] на фоне подписания соглашения с ЕС, создание ЗСТ со странами-участницами АСЕАН, зарубежные визиты Лулы да Силвы в страны Африки и др. Ключевая задача текущей бразильской администрации на 2025 год – правильная расстановка приоритетов: не только восстановление международного престижа Бразилии после безуспешного бразильско-американского сближения при президенте Болсонару, но и уделение пристального внимания внутривнутриполитической обстановке.

Литература

1. Окунева Л.С. Основные тенденции развития политических процессов в Бразилии (первая четверть XXI века): учебное пособие / Л.С. Окунева; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра истории и политики стран Европы и Америки. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 174 с.
2. Hirst, Monica. “Os cinco “As” das relações Brasil-EUA: aliança, alinhamento, autonomia, ajustamento e afirmação”. *Relações Internacionais do Brasil: temas e agendas*. São Paulo: Saraiva, 2006. pp. 91–127.
3. Мартынов, Б.Ф., Борзова, А.Ю. История внешней политики и дипломатии Бразилии. – М.: Аспект-Пресс, 2021. – 288 с.
4. Rice, Condoleezza. Remarks with Brazilian Foreign Minister Celso Amorim. Itamaraty. Brasília, Brazil, March 13, 2008. <http://www.state.gov/secretary/rm/2008/03/102228.htm>. 14/03/2008 (дата обращения: 17.01.2026)
5. Council on Foreign Relations. Global Brazil and U.S.-Brazil Relations. Samuel W. Bodman and James D. Wolfensohn, Chairs Julia E. Schweig, Project Director. Independent Task Force Report No. 66, July 2011.

6. Ministério das Relações Exteriores, Ministério do Desenvolvimento, Indústria e Comércio (MDIC) e Organização Mundial de Comércio. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm (дата обращения: 17.01.2026)

7. Pecequillo, C.S. Brazil and the United States: Bilateral Relations Prospects. In: Rolland, D. & Lessa, A. (org.). *Relations Internationales du Brésil – Le Chemins de la Puissance*. V.2. Paris: Harmattan, 2010. P. 83–89.

8. Казелько А.А. Эволюция стратегического поведения Бразилии по отношению к малым странам МЕРКОСУР в XXI веке // *Международная экономика*. – 2024. – № 1. – С. 55–63.

BRAZILIAN-AMERICAN RELATIONS AFTER THE END OF THE COLD WAR

Kazelko A.A.

LATAM Consulting Group

The objectives of this article are to identify the logic of development in Brazilian-American relations in the post-bipolar era and to determine the main points of convergence and divergence of interests between the two countries. Based on the research findings, it has been established that Brazil and the United States are progressively moving toward dialogue grounded in equal partnership. However, this cooperation does not amount to compromise across a broad range of issues but is exclusively situational in nature. It has been determined that the greatest friction between the two countries arises from trade and economic agenda items. Finally, the author proposes an original periodization of Brazilian-American relations after the end of the cold war.

Keywords: USA, Brazil, Brazil-United States relations, US-Brazil bilateral ties, post-bipolar era, trade disputes.

References

1. Okuneva, L.S. Main Trends in the Development of Political Processes in Brazil (the First Quarter of the 21st Century): A Textbook / L.S. Okuneva; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of History and Politics of European and American Countries. – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 174 p.
2. Hirst, Monica. “Os cinco ‘As’ das relações Brasil-EUA: aliança, alinhamento, autonomia, ajustamento e afirmação”. *Relações Internacionais do Brasil: temas e agendas*. São Paulo: Saraiva, 2006. pp. 91–127.
3. Martynov, B. F., Borzova, A. Yu. History of Brazil's Foreign Policy and Diplomacy. – Moscow: Aspekt-Press, 2021. – 288 p.
4. Rice, Condoleezza. Remarks with Brazilian Foreign Minister Celso Amorim. Itamaraty. Brasília, Brazil, March 13, 2008. <http://www.state.gov/secretary/rm/2008/03/102228.htm>. 14/03/2008 (accessed: 17.01.2026).
5. Council on Foreign Relations. Global Brazil and U.S.-Brazil Relations. Samuel W. Bodman and James D. Wolfensohn, Chairs; Julia E. Schweig, Project Director. Independent Task Force Report No. 66, July 2011.
6. Ministry of Foreign Relations; Ministry of Development, Industry and Trade (MDIC); and World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm (accessed: 17.01.2026).
7. Pecequillo, C.S. Brazil and the United States: Bilateral Relations Prospects. In: Rolland, D. & Lessa, A. (eds.). *Relations Internationales du Brésil – Les Chemins de la Puissance*. Vol. 2. Paris: Harmattan, 2010. pp. 83–89.
8. Kazelko, A.A. Evolution of Brazil's Strategic Behavior towards Small MERCOSUR Countries in the 21st Century. *International Economics*, 2024, no. 1, pp. 55–63.

Фу Синян,

аспирант кафедры политологии, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: fuxingyangfx@163.com

В статье анализируется стратегический баланс в китайско-японских отношениях через сочетание исторического институционализма и структурного реализма. Актуальность исследования обусловлена ростом геополитической напряженности, усложнением экономической взаимозависимости и кризисом классических моделей баланса сил. Цель статьи заключается в выявлении механизмов, обеспечивающих относительную стратегическую стабильность китайско-японских отношений при сохранении глубоких противоречий в сфере безопасности и политического доверия. В статье обосновывается концепция «стратегической стабильности на основе хеджирования», сочетающей экономическую взаимозависимость и соперничество в сфере безопасности. Рассмотрена эволюция баланса от асимметрии к перебалансировке, а также текущая практика хеджирования в ключевых областях. Сделан вывод о переходе от баланса сил к балансу порядка, где ключевую роль играют механизмы управления кризисами и совместного регулирования правил.

Ключевые слова: китайско-японские отношения, стратегический баланс, стратегия хеджирования, дилемма безопасности, соперничество за порядок, управление кризисами.

Введение

Китайско-японские отношения как ключевой фактор регионального и глобального порядка остаются в центре внимания исследователей международных отношений. Однако существующие работы часто сосредотачиваются либо на исторических нарративах, либо на структурном давлении, не объясняя в полной мере сохранение общей стратегической стабильности. В статье утверждается, что эти отношения характеризуются «стабильностью через хеджирование» – динамическим балансом между экономической интеграцией и взаимным недоверием в политике и безопасности. Вводится аналитическая рамка, интегрирующая исторический путь, многоуровневые игры и сценарии будущего. Рассматриваются три ключевых вопроса: как исторические поворотные точки сформировали современное соперничество; как стратегии хеджирования в разных сферах создают общий баланс; какие факторы и механизмы определяют его будущую траекторию и стабильность. Цель – предложить аналитическую перспективу для понимания двусторонних отношений в эпоху соперничества великих держав.

Исторический генезис и эволюция

Стратегический баланс между Китаем и Японией основан на двух фундаментальных «переходах власти» в новейшей истории. Первый переход, с конца XIX до середины XX века, начался с разрушения Японией традиционной китаецентричной системы Восточной Азии через «Реставрацию Мэйдзи» и военную экспансию. Японо-китайская война 1894–1895 годов и Симоносекский договор привели не только к военному поражению, но и к смене регионального доминирования и дискурса модернизации [10]. Япония установила иерархические отношения «передовой–отсталый», а последующие полвека агрессии превратили это превосходство в глубокую национальную травму Китая [9]. Сформированные в этот период нарратив «агрессор–жертва» и иерархический когнитивный шаблон остаются устойчивым наследием, питающим взаимное недоверие в современных отношениях [20].

После Второй мировой войны китайско-японские отношения были втянуты в архитектуру холодной войны. После подписания в 1951 году Сан-Францисского мирного договора и японо-американского Договора безопасности Япония стала форпостом Запада в Восточной Азии, в то время как Китай заключил союз с СССР [15]. Это привело к более чем двадцатилетнему «замороженному» состоянию отношений, определявшихся логикой биполярного противостояния. Этот период закрепил зависимость японской стратегии безопасности от США и заморозил решение исторических и территориальных вопросов, которые впоследствии стали источником периодических напряжений после окончания холодной войны [8].

Нормализация китайско-японских отношений в 1972 году, на фоне сближения Китая с США (визит Никсона), стала стратегической корректировкой. Стороны, отложив разногласия, на основе Совместного заявления создали прагматичные рамки с акцентом на экономику и принцип «отделения политики от экономики» [5]. В 1970–1980-е годы Япония через ОПР предоставляла капитал, технологии и опыт, поддерживая реформы Китая, который, в свою очередь, обеспечивал рынки и рабочую силу. Сложилась модель «вертикальной взаимодополняемости»: Япония – «ведущий гусь» азиатской экономики, Китай – догоняющий бенефициар. Исторические вопросы в целом оставались под контролем [13].

С окончанием холодной войны исчезновение общего стратегического противника выявило структурные противоречия в китайско-японских отношениях. В 1990-е годы правый уклон в Японии и рост запросов на «нормальность» затронули китайские красные линии (например, в вопросах учебников и храма Ясукуни) [7]. Одновременно экономический рост Китая изменил соотношение сил. Тайваньский кризис 1996 года и переопределение японо-американского союза вызвали у Китая обеспокоенность ролью Японии в региональной безопасности. В начале XXI века посещения Дзюньшито Коидзуми храма Ясукуни привели к перерыву в высокоуровневых контактах, поставив под вопрос принцип «отделения политики от экономики» и завершив эпоху, когда стабильность поддерживалась экономическим сотрудничеством [18].

Подлинная смена парадигмы произошла в 2010 году, когда ВВП Китая превысил японский, что завершило «ребалансировку власти»

и изменило психологическую самоидентификацию сторон. Инцидент с китайским рыболовным судном и действия Японии по «национализации» островов Дяоюйдао привели к жестким контрмерам Китая. Регулярное патрулирование и усиление военных сил сделали Восточно-Китайское море центром стратегического противостояния. Экономическая мощь Китая и обострение геополитической напряженности вывели двусторонние отношения на новый этап, характеризующийся «существованием в условиях конкуренции» [11]. Стратегический баланс стал динамичной структурой «стабильности через хеджирование», где стороны переплетены в экономике, но противостоят друг другу в безопасности и психологически настроены.

Современное стратегическое взаимодействие и балансирование

В текущих стратегических играх между Китаем и Японией наблюдается высоко сложный и динамичный «баланс хеджирования», ключевой характеристикой которого является одновременное ведение тонкой конкуренции-сотрудничества сторонами на нескольких взаимосвязанных уровнях – экономики, безопасности, правил и влияния на третьих сторонах [1]. Напряженность или прорывы в любой отдельной сфере сдерживаются взаимными ограничениями в других областях, формируя хрупкую стабильность, наполненную напряжением и требующую непрерывного умелого управления.

Экономическая взаимозависимость между Китаем и Японией стала одной из самых сложных в мире, эволюционируя от «связующего клея взаимодополняемости» к «конкурентной зависимости» и «инструментализации взаимозависимости» [16]. Китай составляет более половины импорта Японии по 1406 товарным категориям, что в 2,5 раза превышает показатели с США и является высшим уровнем зависимости среди G7. Эта взаимосвязь служит как общим интересом в поддержании стабильности цепочек поставок, так и рычагом стратегического противостояния. Встреча лидеров Китая, Японии и Южной Кореи в 2025 году подчеркнула важность стабильности поставок, в то время как китайский экспортный контроль в начале 2026 года и протест Японии показали использование экономических инструментов для политических целей [12]. Япония ускоряет сотрудничество с США и Европой для создания исключающих Китай цепочек поставок, в то время как Китай углубляет региональную экономическую интеграцию, что продолжает поддерживать противостояние сил «разъединения» и «связи».

В сфере безопасности институционализированная конфронтация контрастирует с экономической взаимозависимостью. В «Белой книге по обороне» Японии 2024 года Китай назван «беспрецедентной стратегической проблемой», что привело к увеличению оборонного бюджета и развитию ударных возможностей. В ответ китайская береговая охрана с января 2024 года усилила патрулирование около островов Дяоюйдао. Инциденты 2024 года, включая столкновения китайских и японских судов, свидетельствуют о высоком риске и частых близких контактах в Восточно-Китайском море [19]. Несмотря на механизм связи, сохраняется угроза непреднамеренного конфликта, что отражает переход от «контактного сдерживания» к «конкурентному устрашению».

Соперничество между Китаем и Японией вышло за рамки геополитического противоборства, распространяясь на конкуренцию парадигм регионального и глобального управления. Китай через «Пояс и путь» и ВРЭП продвигает модель сотрудничества, ориентированную на развитие, а Япония с США – концепцию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и высокие стандарты через ВПТПП [3]. Китай подал заявку на ВПТПП, но стороны имеют разногласия по правилам для госкомпаний, цифровой торговли и экологии. Конкуренция заключается в борьбе за доминирование в региональном порядке и право устанавливать нормы, что делает переговоры о правилах важным инструментом влияния.

Соперничество Китая и Японии уже давно выходит за пределы их границ, охватывая «пространство третьих сторон», включая Юго-Восточную Азию и Африку. Типичный пример – автомобильный рынок Таиланда, где китайские бренды электромобилей, такие как BYD и Great Wall, активно конкурируют с японскими. В 2023 году их доля выросла с 5% до 11%, а доля японских автомобилей снизилась с 90% до 78% [6]. Эта конкуренция не только за коммерческие интересы, но и за стратегическое позиционирование и политическое влияние. Аналогичное «хеджирование влияния» происходит на других рынках, таких как инфраструктура и мобильные платежи, что влияет на стратегические манёвры и альянсы сторон в глобальном контексте.

Современный стратегический баланс между Китаем и Японией – это сложная система хеджирования на нескольких фронтах: экономическая взаимозависимость с риском её «инструментализации», нормализация силового сдерживания в безопасности, институциональная

конкуренция и игра на рынках третьих сторон. Эти элементы создают «многоуровневую шахматную доску», где отношения сторон не могут ни привести к полномасштабной конфронтации, ни к примирению, поддерживая хрупкий баланс, требующий постоянного управления кризисами и установления правил.

Будущие тенденции и возможные сценарии

Стратегический баланс в китайско-японских отношениях находится на динамическом перекрёстке развития, подвижном множестве переменных. Его будущая конфигурация будет формироваться в основном под воздействием трёх ключевых логик, которые определят, скатятся ли две страны к конфронтации или же двинутся к стабильному сосуществованию.

Глобальная стратегия США является основной движущей силой, влияющей на китайско-японские отношения. Стратегическое сжатие США и перекладывание затрат на союзников вызывают у Японии тревогу и дилемму, вынуждая её искать баланс между ослабевающими гарантиями безопасности и стремлением к «стратегической автономии» [2]. Противоречивая позиция США по отношению к Китаю также влияет на китайско-японские отношения, поскольку колебания в американо-китайских отношениях быстро отражаются на взаимодействии Китая и Японии.

Экономические отношения между Китаем и Японией, ранее считавшиеся «стабилизирующим балластом», претерпевают глубокую трансформацию. Сотрудничество смещается от совместных дивидендов роста к «управлению рисками». Япония, через политику «экономической безопасности» и создание «надёжных цепочек поставок» с союзниками, продвигает «избирательное разъединение» [4]. Китай, благодаря своим промышленным преимуществам в новых энергетических автомобилях и фотоэлектричестве, оказывает конкурентное давление на Японию, особенно на рынках третьих сторон, таких как Юго-Восточная Азия. Будущее взаимодействие будет характеризоваться разделением в областях безопасности и технологий при сохранении связи на базовых рынках и в производственных цепочках.

Тайваньский вопрос представляет собой наиболее подрывной риск, способный разжечь конфронтацию и изменить баланс. Япония, учитывая географию, безопасность энергетических маршрутов и союз с США, связывает безопасность в Тайваньском проливе с собственной. Китай же рассматривает Тайвань как ключевой интерес и не допустит внешнего вмешательства. Позиции сторон противоположны, и ошибка или авантюрные действия одной из сторон могут привести к неконтролируемой цепной реакции, разрушить «равновесие хеджирования» и вызвать прямой конфликт [14].

Для избежания наихудшего сценария и поддержания баланса важно создать эффективные механизмы управления кризисами и выработать правила «сосуществования в условиях конкуренции». Существующие каналы диалога, такие как механизм связи в Восточно-Китайском море, требуют улучшения, включая чёткие кодексы и экстренные линии связи. Важно также выйти за рамки кризисного предотвращения и начать диалог по установлению правил в новых сферах, таких как ИИ и кибербезопасность, а также ограничить конкуренцию. Долгосрочная стабильность отношений зависит от создания институциональной рамки «институционализированного сосуществования», способной управлять конкуренцией и поддерживать ограниченное сотрудничество [17]. Успех этого процесса важен не только для Китая и Японии, но и для глобальной стратегии управления отношениями между восходящими и устоявшимися державами.

Заключение

Стратегический баланс между Китаем и Японией – это динамическая система, формирующаяся под воздействием экономической взаимозависимости, институциональной конкуренции в безопасности и борьбы за будущее. Исследование показывает, что баланс зависит от двух «переходов власти», а его противоречия коренятся в экономической взаимозависимости и «дилемме безопасности». На текущем этапе стороны используют стратегию хеджирования, сочетая экономическое сотрудничество, безопасность и борьбу за влияние в области правил, что ведет к управляемой конкуренции.

Будущая эволюция баланса зависит от взаимодействия Китая и США, ситуации в Тайваньском проливе и внутренних трансформаций. Наиболее стабильным путем является «институционализированное сосуществование в конкуренции», предполагающее установление ограничений через механизмы управления кризисами, кодексы поведения и договорённости о «снижении рисков» в экономике. Этот путь требует расширения сотрудничества в региональных и глобальных вопросах.

Долгосрочное значение стратегического баланса Китая и Японии выходит за пределы двусторонних отношений и служит провер-

кой для вопроса: «Может ли соперничество великих держав избежать конфронтации?» Его развитие даст важный опыт для понимания существования восходящих и устоявшихся держав в эпоху взаимозависимости.

Литература

1. Абдуазизова З.Ш. Китайская стратегия Японии // *Oriental Journal of History, Politics and Law*. 2022. № 2 (2). С. 100–107.
2. Андрианов В.Л. Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 3. С. 49–71.
3. Инь Ю. Отношения между Китаем, Японией и Россией, влияющие на Северо-Восточную Азию в современных условиях // *Интерактивная наука*. 2017. № 16. С. 59–61. DOI: 10.21661/r-462121
4. Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // *Японские исследования*. 2020. № 1. С. 21–47.
5. Киселева А.Р. Расцвет китайско-японских отношений в 1970-е годы // *Россия в глобальном мире*. 2023. Т. 26. № 3. С. 17–29. DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.2
6. Китайские производители новых энергетических автомобилей смело выходят на рынок Таиланда // *Синьхуа*. 03.05.2024. URL: http://www.news.cn/globe/2024-05/03/c_1310773188.htm (дата обращения: 10.01.2026). (на китайском)
7. Ковригин Е.Б. Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию (ОПР) в 1980–2000-х годах // *Ежегодник Японии*. 2012. № 41. С. 97–122.
8. Кузьмин К.Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 238–248.
9. Ли Ю. Влияние территориальных проблем на китайско-японские и российско-японские отношения // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2015. Т. 20. № 20. С. 142–153.
10. Мартынова М.Ю., Никопорец-Такигава Г.Ю. Треугольник Россия-Китай-Япония: проблемы и перспективы // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2018. № 4. С. 313–326. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-313-326
11. Нармаев М.Б. Китайско-японские отношения в контексте региональной безопасности в Северо-Восточной Азии // *Международные отношения*. 2025. № 2. С. 92–111. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73486
12. Официальный представитель Минобороны КНР выступил с заявлением по недавним военным вопросам // *Chuanguan News*. 08.01.2026. URL: <https://cbgc.scol.com.cn/news/7154917> (дата обращения: 10.01.2026). (на китайском)
13. Селиверстова М.И. Эволюция взглядов лидеров КНР на взаимоотношения с Японией (1978–2008 гг.) // *Россия и АТР*. 2011. № 3 (73). С. 132–141.
14. Семенова Н.К. Конкуренция и сотрудничество в морской торговле: динамика китайско-японских отношений в условиях геополитической напряженности // *Японские исследования*. 2025. № 3. С. 26–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-26-49
15. Соколов В.С. Нестабильность как стабильный фактор в китайско-японских отношениях // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2014. № 4. С. 29–33.
16. Тинейбай Д.Б. Экономическое сотрудничество между Китаем и Японией // *Вестник науки*. 2022. № 6 (51). С. 298–303.
17. Турицын И.В., Рау И. Особенности современных отношений КНР и Японии в контексте краткой ретроспективы китайско-японского взаимодействия // *Современная научная мысль*. 2019. № 4. С. 111–140.
18. Тянь Ц., Зеленева И.В. Внешняя политика Японии в отношении КНР (2001–2006) // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12. № 3. С. 105–112. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-3-105-112
19. Чжан Цзюньшэ: Белая книга по обороне раскрывает три замысла Японии // *Синьхуа*. 15.07.2024. URL: <https://www.news.cn/mil-pro/20240715/e0ea6a185f0347308bbf377e8c1e5703/c.html> (дата обращения: 10.01.2026). (на китайском)
20. Ян Х. Проблемы китайско-японских отношений в начале 21 века // *Казачество*. 2017. № 2 (26). С. 70–78.

CHINA AND JAPAN: THE GEOPOLITICAL BALANCE IN EAST ASIA

Fu Xingyang

Moscow State Linguistic University

This article analyzes the strategic balance in Sino-Japanese relations through a combination of historical institutionalism and structural realism. The relevance of this study is determined by rising geopolitical tensions, increasingly complex economic interdependence, and the crisis of classical balance-of-power models. The article aims to identify the mechanisms that ensure relative strategic stability in Sino-Japanese relations while maintaining profound contradictions in security and political trust. The article substantiates the concept of “hedging-based strategic stability,” which combines economic interdependence and security competition. The article examines the evolution of the balance from asymmetry to rebalancing, as well as current hedging practices in key areas. It concludes that a transition is underway from a balance of power to a balance of order, where crisis management and cooperative rule-making mechanisms play a key role.

Keywords: China-Japan relations, strategic balance, hedging strategy, security dilemma, competition for order, crisis management.

References

1. Abdurazizova Z. Sh. Chinese strategy of Japan // *Oriental Journal of History, Politics and Law*. 2022. No. 2 (2). Pp. 100–107.
2. Andrianov V.L. Strengthening of China's standing in Asia-Pacific: Potential and limits // *Lomonosov World Politics Journal. Series 25. International Relations and World Politics*. 2012. No. 3. Pp. 49–71.
3. Yin Y. China – Japan – Russia relations for the influence of the northeast Asian region under the new situation // *Interactive Science*. 2017. No. 16. Pp. 59–61. DOI: 10.21661/r-462121
4. Kireeva A.A. A new historic era in China-Japan relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons? // *Japanese Studies in Russia*. 2020. No. 1. Pp. 21–47.
5. Kiseleva A.R. The growing relationship between China and Japan in the 1970's // *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. No. 3. Pp. 17–29. DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.2
6. Chinese new energy vehicle makers boldly enter Thailand's market // *Xinhua News Agency*. 03.05.2024. Available at: http://www.news.cn/globe/2024-05/03/c_1310773188.htm (accessed: 10.01.2026). (in Chinese)
7. Kovrigina E.B. Chinese-Japanese relations through the prism of official development assistance (ODA) in the 1980s–2000s // *Japan Yearbook*. 2012. No. 41. Pp. 97–122.
8. Kuzmin K.E. The problem of historical memory in modern Sino-Japanese relations // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2021. Vol. 17. No. 2 (39). Pp. 238–248.
9. Li Yu. The impact of territorial issues on Chinese-Japanese and Russian-Japanese relations // *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2015. Vol. 20. No. 20. Pp. 142–153.
10. Martynova M.Yu., Nikoporets-Takigawa G. Yu. The Russia-China-Japan triangle: Problems and prospects // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 2018. No. 4. Pp. 313–326. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-313-326
11. Narmaev M.B. Sino-Japanese relations in the context of regional security in Northeast Asia // *International Relations*. 2025. No. 2. Pp. 92–111. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73486
12. A spokesperson for the Ministry of National Defense released information regarding recent military-related issues // *Chuanguan News*. 08.01.2026. Available at: <https://cbgc.scol.com.cn/news/7154917> (accessed: 10.01.2026). (in Chinese)
13. Seliverstova M.I. The evolution of views of the Chinese leadership on Sino-Japanese relations (1978–2008) // *Russia and the Pacific*. 2011. No. 3 (73). Pp. 132–141.
14. Semenova N.K. Competition and cooperation in maritime trade: The dynamics of Sino-Japanese relations in the context of geopolitical tensions // *Japanese Studies in Russia*. 2025. No. 3. Pp. 26–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-26-49
15. Sokolov V.S. Instability as a stable factor in China-Japan relations // *Topical Issues of Contemporary International Relations*. 2014. No. 4. Pp. 29–33.
16. Tineibay D.B. Economic cooperation between China and Japan // *Science Bulletin*. 2022. No. 6 (51). Pp. 298–303.
17. Turitsyn I.V., Rau I. Features of modern relations of the PRC and Japan in the context of a brief retrospective of the Chinese-Japanese interaction // *Modern scientific thought*. 2019. No. 4. P. 111–140.
18. Tian Q., Zeleneva I.V. Japan's foreign policy towards China (2001–2006) // *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 105–112. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-3-105-112
19. Zhang Junshe: Defense White Paper exposes Japan's three major intentions // *Xinhua News Agency*. 15.07.2024. Available at: <https://www.news.cn/milpro/20240715/e0ea6a185f0347308bbf377e8c1e5703/c.html> (accessed: 10.01.2026). (in Chinese)
20. Yang H. Problems of Chinese-Japanese relations at the beginning of the 21st century // *The Cossacks*. 2017. No. 2 (26). Pp. 70–78.

Чэнь Бин,

аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042238185@rudn.ru

Ким Владимир Игоревич,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: kim-vi@rudn.ru

Статья посвящена анализу корейской диаспоры в странах СНГ как значимого негосударственного актора дипломатии второго трека в системе современных международных отношений. Целью исследования является выявление и систематизация механизмов трансформации ресурсов корейской диаспоры в инструменты неофициальной дипломатической коммуникации, а также определение условий, влияющих на степень реализации данного потенциала в постсоветском пространстве. Методологическую основу работы составляют сопоставительный анализ, кейс-анализ и элементы сетевого подхода, применяемые к изучению взаимодействия диаспоральных структур с государственными институтами, экспертным сообществом и институтами гражданского общества. В статье показано, что корейская диаспора корё-сарам не сводится к вспомогательному элементу внешнеполитической деятельности государств, а выступает относительно автономным транснациональным участником международной коммуникации, способным инициировать устойчивые форматы культурной, образовательной и экспертной дипломатии. Сделан вывод о том, что эффективность участия диаспоры в дипломатии второго трека определяется уровнем её социальной и политической легитимности в странах пребывания, степенью институционального развития диаспоральных организаций и спецификой внешнеполитического контекста. Обосновывается целесообразность институционально прозрачного и многоуровневого включения диаспоры в неофициальные форматы международного взаимодействия.

Ключевые слова: Корейская диаспора, дипломатия второго трека, негосударственные акторы, международные отношения, публичная дипломатия, транснациональные сети, страны СНГ.

Введение

В условиях усложнения архитектуры современной международной системы, характеризующейся ростом многоуровневости и децентрализации, возрастает роль негосударственных акторов и неофициальных каналов международного взаимодействия. Диаспоры, выступая устойчивыми транснациональными сообществами, располагают совокупностью ресурсов – социальным капиталом, межкультурной компетенцией и разветвлёнными каналами коммуникации, – которые могут быть задействованы в реализации внешнеполитических интересов как государств происхождения, так и государств пребывания. В рамках политологического анализа международных отношений это предполагает необходимость комбинирования институционального и акторного подходов при исследовании участия диаспор в дипломатии второго трека. В настоящей статье обосновывается положение о том, что корейская диаспора в странах СНГ не сводится к роли вспомогательного инструмента государственной внешней политики, а представляет собой относительно самостоятельного, частично институционализированного транснационального участника международных коммуникаций, способного инициировать и поддерживать устойчивые форматы взаимодействия, способствующие снижению неопределённости и формированию согласованных позиций вне рамок официальной дипломатии. Авторский анализ базируется на обобщении эмпирических данных, критическом осмыслении концептуальных подходов отечественных и зарубежных исследователей, а также на сопоставлении практик публичной дипломатии и неформального взаимодействия в регионах проживания корё-сарам (*Koryo Saram* – самоназвание этнических корейцев на постсоветском пространстве).

Постановка проблемы. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвящённых корейской диаспоре и особенностям её институционального развития, в научной литературе по-прежнему недостаточно раскрыт вопрос о механизмах включения диаспоры стран СНГ в практики дипломатии второго трека и об условиях, определяющих степень реализации данного потенциала. В зарубежных и отечественных работах прослеживается широкий спектр аналитических подходов: от интерпретации диаспор как носителей «мягкой силы» и элементов публичной дипломатии до их рассмотрения в качестве участников процессов регионального развития и трансграничного взаимодействия. В постсоветском пространстве исследовательская задача осложняется выраженной неоднородностью стран СНГ, различиями в исторических траекториях формирования корейских общин, уровне их социальной интеграции и характере государственной политики в отношении диаспор. В этой связи целью статьи является разработка аналитической модели, позволяющей выявить и систематизировать механизмы трансформации ресурсов диаспоры в инструменты дипломатии второго трека в странах СНГ, а также формулирование практико-ориентированных выводов, значимых для экспертов и лиц, принимающих решения. Методологическую основу исследования составляют сопоставительный анализ, кейс-анализ и элементы сетевого подхода, применяемые к изучению каналов взаимодействия между диаспоральными структурами, государственными акторами и институтами гражданского общества.

Теоретико-методологические основания исследования

В теоретико-методологическом отношении диаспора в рамках настоящего исследования рассматривается с позиций транснационального подхода и теории негосударственных акторов международных отношений. Диаспора определяется как совокупность индивидов и организаций, сохраняющих устойчивые связи со страной происхождения и одновременно вовлечённых в политические, социальные и экономические процессы государства проживания. Такой подход позволяет анализировать диаспору не только как социально-культурное сообщество, но и как участника международной коммуникации. Д.Н. Барышников указывает, что корейские диаспоры включены в систему дипломатической коммуникации и способны дополнять официальные межгосударственные каналы за счёт неформальных и полуформальных форм взаимодействия на региональном и международном уровнях [1, с. 130]. Л.Н. Гарусова подчёркивает, что институционализация диаспоральных структур и достижение ими устойчивого социального положения соз-

дают условия для их участия в публичной дипломатии и формировании транснациональных сетей взаимодействия [2, с. 18].

Существенное значение имеет и историко-региональный контекст, на что указывает А.В. Загоруйко, отмечая, что особенности формирования корейской общины в Приморском крае и её трансграничные связи определяют специфику взаимодействия с государственными и негосударственными акторами [3, с. 150]. В рамках данной статьи аналитическая схема строится с опорой на устоявшиеся понятия политологии и международных отношений – публичную дипломатию, мягкую силу, дипломатию второго трека и транснациональные сети, – что позволяет избежать терминологической избыточности и сохранить концептуальную определённость. Принципиальное методологическое значение имеет разграничение формализованных каналов взаимодействия, связанных с деятельностью государственных институтов, и неформальных механизмов, реализуемых через культурные, общественные и профессиональные объединения, а также анализ переходных форм между ними.

В дополнение к обозначенной аналитической рамке в работе учитываются отдельные авторские позиции, используемые в качестве вспомогательных теоретических ориентиров. В материалах международной конференции по корееведению подчёркивается, что историко-культурное наследие корейской диаспоры выступает основой воспроизводства идентичности и устойчивых коммуникационных практик [4, с. 67]. Е.Ф. Парубочая отмечает, что в Центральной Азии диаспоральные сети становятся важным инструментом корейской публичной дипломатии, обеспечивая трансляцию культурных и социальных практик Республики Корея [5, с. 108]. В коллективном труде «Современные проблемы Корейского полуострова» акцентируется внимание на внешнеполитических факторах, определяющих рамки и ограничения использования диаспорального потенциала [6, с. 22].

Дж. Льюис указывает на необходимость междисциплинарного подхода к анализу диаспор и их роли во внешнеполитических процессах [7, с. 11]. Х. Чон рассматривает государственную политику в отношении зарубежных корейцев как инструмент их социально-экономической интеграции и вовлечения в двусторонние проекты сотрудничества [8, с. 15]. С. Ким подчёркивает значение культурных феноменов, в частности халлю (*hallyu* или «Корейская волна» – это глобальный феномен распространения южнокорейской популярной культуры, охватывающий музыку (K-Pop), драмы (K-Dramas), кино, моду, косметику (K-Beauty), еду (K-Food) и даже язык, который превратил Южную Корею в одну из ведущих культурных держав с конца 1990-х гг., став мощным инструментом «мягкой силы»), для усиления потенциала диаспор в сфере публичной дипломатии [9, с. 10]. Дж. Кох и М.-С. Гонг предлагают рассматривать диаспоры в контексте полиатеральных форм дипломатии, где они выступают одним из элементов взаимодействия между государственными и негосударственными участниками [10, с. 52]. В работах Дж. Рекель и М. Шац корейцы в евразийском пространстве характеризуются как посредники межкультурного взаимодействия [11, с. 88], тогда как Дж.Й. Ли акцентирует их участие в многоуровневых процессах управления [12, с. 33].

А. Малгаждарова указывает на взаимосвязь публичной дипломатии и активности зарубежных корейцев в региональном контексте [13, с. 60], а Н. Стин, Е. Хван и С. Колучелло показывают, что в Узбекистане диаспоральные структуры играют заметную роль в реализации инициатив публичной дипломатии Республики Корея [14, с. 110]. Наконец, Н. Йем, В. Ким и А. Белялова подчёркивают, что сочетание традиционных и инновационных практик сохранения культурных ценностей корейцев в Казахстане формирует устойчивую основу для межкультурного диалога [15, с. 210]. Все перечисленные концептуальные положения используются в статье как контекстуальное и пояснительное дополнение к авторскому анализу и не подменяют собой его аналитическую основу.

Корейская диаспора в странах СНГ: эмпирический анализ механизмов второго трека дипломатии

Эмпирический анализ ориентирован на выявление основных механизмов, посредством которых корейская диаспора в странах СНГ вовлекается в практики дипломатии второго трека. К числу таких механизмов, прежде всего, относятся институционализированные формы взаимодействия, включая культурные и образовательные центры, организации соотечественников, научно-образовательные инициативы и проекты экономического сотрудничества. Данные структуры формируют устойчивые площадки для взаимодействия представителей диаспоры, государственных институтов, экспертного сообщества и гражданского общества, в рамках которых осуществляется согласование интересов и обмен позициями. Наряду с этим важную роль играют индивидуальные и сетевые ресурсы диаспоры – эксперты по региональной проблематике,

предприниматели, представители культурной и академической среды, обладающие социальным капиталом, профессиональной репутацией и возможностью доступа к формализованным каналам коммуникации. Существенным элементом выступают и коммуникативные практики, такие как двуязычные культурные мероприятия, образовательные обмены, совместные памятные и культурно-исторические события, а также инициативы по сохранению языка и традиций.

В государствах Центральной Азии, прежде всего в Республике Казахстан и Республике Узбекистан, корейская диаспора включена в реализацию устойчивых и регулярно воспроизводимых инициатив, осуществляемых при координации с дипломатическими представительствами Республики Корея и профильными культурно-образовательными институтами. Так, в Казахстане с 2009 г. на базе Корейского культурного центра в Нур-Султане реализуется проект «*Дни корейской культуры в Казахстане*» (ежегодно с 2010 г.), включающий фестивали традиционной музыки и танца, показы национального кинематографа и публичные лекции по истории Кореи. Существенную роль играет программа преподавания корейского языка и корееведения (с 2012 г.) в Казахском национальном университете имени аль-Фараби и Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилёва, реализуемая при поддержке Фонда зарубежных корейцев (Overseas Koreans Foundation). Отдельного внимания заслуживает деятельность Корейского государственного республиканского академического театра музыкальной комедии в Алматы, который с 1932 г., а в обновлённом формате с начала 2000-х гг., выступает ключевым инструментом культурной дипломатии, участвуя в международных гастролях и совместных проектах с театральными коллективами Республики Корея.

В Узбекистане сопоставимую роль играет Корейский культурный центр в Ташкенте, открытый в 2013 г., на базе которого реализуются ежегодные фестивали «*Korea Culture Week*» (с 2014 г.) и образовательные программы по корейскому языку в Ташкентском государственном университете востоковедения и Университете мировой экономики и дипломатии. Практическое значение имеют академические обмены и краткосрочные стажировки в рамках программы OKF Scholarship Program (с 2015 г.), ориентированные на студентов и молодых исследователей из числа корё-сарам. Эти инициативы дополняются совместными историко-мемориальными проектами, приуроченными к памятным датам депортации корейцев 1937 г., включая документальные выставки и научные конференции, проводимые с 2017 г. в сотрудничестве с Академией наук Республики Узбекистан.

В российских регионах, прежде всего в Приморском крае и Хабаровском крае, формируются иные модели участия корейской диаспоры в дипломатии второго трека, опирающиеся на региональный и приграничный контекст. Здесь ключевую роль играют межрегиональные фестивали корейской культуры во Владивостоке (регулярно с 2011 г.), научно-образовательные конференции по истории корейской диаспоры на базе Дальневосточного федерального университета и Дальневосточного отделения РАН (с 2016 г.), а также приграничные гуманитарные проекты с участием университетов Северо-Восточной Азии. Эти формы взаимодействия ориентированы не столько на массовую культурную репрезентацию, сколько на экспертный диалог, академическое сотрудничество и сохранение исторической памяти.

В Кыргызской Республике корейская диаспора, численно менее значительная, тем не менее включена в устойчивые форматы культурной и образовательной дипломатии. С 2015 г. на базе Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына функционирует программа преподавания корейского языка и культуры, реализуемая при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) и Посольства Республики Корея в Бишкеке. Существенное значение имеет деятельность Корейского культурного центра в Бишкеке, открытого в 2018 г., в рамках которого проводятся ежегодные фестивали «*Korean Culture Day*» (с 2019 г.), включающие культурно-просветительские мероприятия, кинопоказы и публичные лекции. Эти инициативы, как правило, ориентированы на формирование позитивного образа Республики Корея и поддержание устойчивых коммуникационных каналов между диаспорой, академическим сообществом и органами государственной власти.

В Таджикистане и Туркменистане проекты с участием корейской диаспоры носят более ограниченный и эпизодический характер, что связано как с численностью корё-сарам, так и с институциональными условиями. Тем не менее в Таджикистане с 2016 г. при Таджикском национальном университете реализуются краткосрочные курсы корейского языка и страноведения, а также культурно-образовательные мероприятия, приуроченные к памятным датам двусторонних отношений, организуемые при участии Посольства Республики Корея и местных диаспоральных объединений. В Туркменистане культурно-гуманитарные инициативы носят преимущественно формат разовых

культурных мероприятий и выставок, проводимых в Ашхабаде в 2017–2023 гг. в рамках официальных визитов и юбилейных дат, при участии представителей корейской общины и государственных учреждений культуры.

Отдельного упоминания заслуживают Беларусь и Молдова, которые, несмотря на меньшую численность корейской диаспоры, также вовлечены в отдельные проекты культурной и образовательной дипломатии. В Республике Беларусь с 2014 г. на базе Белорусского государственного университета реализуется *программа корееведения и изучения корейского языка*, поддерживаемая Korea Foundation, а с 2018 г. проводятся *ежегодные Дни корейской культуры в Минске* при участии диаспоральных организаций и дипломатических представительств. В Республике Молдова в 2019–2022 гг. были реализованы *образовательные и культурные инициативы*, включая публичные лекции и культурные презентации, организованные при поддержке Посольства Республики Корея и местных общественных объединений корейцев.

В рамках анализа механизмов дипломатии второго трека целесообразно выделить три взаимосвязанные функциональные роли корейской диаспоры в международных коммуникациях:

- посредничество в трансляции информации, смыслов и образов между Республикой Корея и обществом страны пребывания;
- содействие формированию доверия на основе устойчивых социальных связей и репутационных ресурсов;
- обеспечение доступа к материальным, интеллектуальным и организационным ресурсам, необходимым для реализации совместных инициатив.

Данные роли носят динамический характер и варьируются в зависимости от политической конъюнктуры, степени поддержки со стороны государственных институтов и уровня институциональной зрелости диаспоральных структур.

Политико-дипломатические последствия и практические рекомендации

Политико-дипломатические последствия включения корейской диаспоры в практики дипломатии второго трека требуют отдельного аналитического рассмотрения. Неформальные форматы обмена мнениями и экспертного диалога, реализуемые с участием диаспоры, способны снижать уровень напряжённости и дополнять официальные переговорные процессы. Вместе с тем использование диаспорального потенциала сопряжено с определёнными рисками, включая возможность политической инструментализации и возникновения конкурирующих лояльностей, особенно в случаях, когда диаспора одновременно связана с государствами, чьи интересы не совпадают. В подобных условиях особое значение приобретают прозрачность механизмов взаимодействия, институциональная подотчётность и чёткое разграничение функций диаспоральных организаций, что позволяет минимизировать риски негативных внешнеполитических последствий.

Сформулированные в статье практические рекомендации носят системный характер и ориентированы на повышение эффективности участия корейской диаспоры в дипломатии второго трека. Во-первых, представляется целесообразным развитие многоуровневых форм сотрудничества, в рамках которых государственные институты Республики Корея и органы власти стран СНГ будут поддерживать совместные диалоговые и проектные форматы с участием диаспоры как самостоятельного партнёра, а не исключительно как объекта государственной политики. Во-вторых, необходимым условием является укрепление институциональной прозрачности диаспоральных организаций и развитие унифицированных процедур их взаимодействия с официальными структурами, что снижает вероятность инструментального использования диаспоры и повышает уровень доверия к ней со стороны государственных и общественных акторов. В-третьих, значимым направлением остаётся поддержка образовательных и культурных инициатив, ориентированных на сохранение идентичности, развитие языковой компетенции и расширение межкультурного диалога. В-четвёртых, обоснованным представляется создание экспертно-аналитических платформ с участием представителей диаспоры, ориентированных на выработку прикладных рекомендаций и оценку реализуемых программ с опорой на локальный опыт, что способствует сокращению информационных разрывов между уровнями принятия решений и региональными сообществами.

Следует подчеркнуть, что реализация указанных рекомендаций предполагает наличие достаточных институциональных ресурсов и политической воли со стороны государственных акторов. В условиях их дефицита ключевая роль отводится экспертному сообществу и институтам гражданского общества, задачей которых становится формирование легитимных общественных инициатив, демонстрирующих прак-

тическую значимость диаспорального участия для развития двусторонних и региональных форм международного сотрудничества.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что корейская диаспора в странах СНГ выступает значимым элементом дипломатии второго трека, обладающим ресурсами для снижения уровня неопределённости в трансграничных взаимодействиях, формирования устойчивых каналов доверия и развития многоуровневых форм сотрудничества. Авторский анализ показывает, что степень реализации данного потенциала определяется совокупностью трёх взаимосвязанных факторов: уровнем социальной и политической легитимности диаспоры в странах пребывания, степенью институционального развития диаспоральных организаций и спецификой внешнеполитического контекста. Полученные выводы в целом коррелируют с положениями, представленными в отечественных и зарубежных исследованиях, однако дополняются авторскими эмпирическими наблюдениями, отражающими разнообразие региональных практик в пространстве СНГ. Аналогично, выводы о значении институциональных предпосылок подтверждаются, однако в статье подчёркивается, что институционализация сама по себе не гарантирует эффективного участия диаспоры в дипломатии второго трека без наличия соответствующих политических и коммуникативных условий.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что диаспора корё-сарам в странах СНГ обладает потенциалом для выполнения роли конструктивного участника дипломатии второго трека при условии сочетания институциональной поддержки, признания со стороны принимающего общества и наличия прозрачных и устойчивых механизмов взаимодействия с государственными структурами. В целях дальнейшего развития данного направления представляется обоснованным проведение систематических эмпирических исследований, ориентированных на оценку результативности конкретных практик – культурных, образовательных и экономических инициатив, – а также на анализ механизмов их координации. Дополнительное значение имеет формирование устойчивых площадок для обмена опытом между диаспоральными организациями, экспертным сообществом и государственными институтами. При разработке внешнеполитических стратегий целесообразно исходить из того, что диаспора не должна рассматриваться исключительно как инструмент публичной дипломатии или «мягкой силы», но как самостоятельный участник международных процессов, обладающий собственной агентностью и интересами, учет которых является важным условием устойчивого развития межгосударственных отношений в евразийском регионе.

Литература

1. Барышников Д. Н. Корейские диаспоры в системе дипломатической коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 124–137. <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/11>
2. Гарусова Л. Н. Корейская диаспора в США: формирование и социальный статус // Известия Восточного института. 2023. № 2 (58). С. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/13-22>
3. Загоруйко А. В. Роль диаспоры в трансграничном регионе (корейцы Приморского края) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 40. С. 139–162. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-40-139-162>
4. Корея и корейцы: история и культура. Материалы 2-й международной конференции по корееведению Университета Пучон в Ташкенте. В 2 ч. Ч. I. / под ред. а. В. Шин, В. с. Хан. Ташкент, 2024. 184 с.
5. Парубочая Е. Ф. Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии // Корееведение в России: направление и развитие. 2024. № 2. С. 102–114.
6. Современные проблемы Корейского полуострова: 2024. М., 2024. 184 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.19.23.001>
7. European Journal of Korean Studies. Vol. 22. No. 1. / J. Lewis (ed.). 2022. 211 p. ISSN 2631-4134
8. Jeon H. Current policies and development strategies for overseas Koreans: focusing on Koryo-saram in Central Asia. 36 p.
9. Kim S. Hallyu, public diplomacy, and development cooperation // Journal of International and Area Studies. 2021. Vol. 28. No. 2. P. 1–17. <https://doi.org/10.23071/jias.2021.28.2.1>
10. Koh J., Gong M.-S. Korean diaspora and public diplomacy: toward a “polylateral peace diplomacy” // Analyses & Alternatives. 2024. Vol. 8. No. 3. P. 45–71. <https://doi.org/10.22931/aanda.2024.8.3.002>

11. Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond / J. Reckel, M. Schatz (ed.). Göttingen, 2020. 126 p. <https://doi.org/10.17875/gup2020–1307>
12. Lee J.Y. Overseas Koreans and new governance making in Korea // Pacific Focus. 2024. Vol. 39. P. 26–41. <https://doi.org/10.1111/pafo.12249>
13. Malgazhdarova A. Public diplomacy and overseas Koreans // Journal of Oriental Studies. 2021. № 99. P. 56–64. <https://doi.org/10.26577/JOS.2021.v99.i4.06>
14. Steane N., Hwang E., Coluccello S. South Korea's public diplomacy actors in Uzbekistan // European Journal of Korean Studies. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 95–124. <https://doi.org/10.33526/EJKS.20222201.95>
15. Yem N., Kim V., Belyalova A. Strategies for preserving the cultural values of Koreans in Kazakhstan: between tradition and innovation // Eurasian Research Journal. 2025. Vol. 7. No. 2. P. 204–222. <https://doi.org/10.53277/2519–2442–2025.2–05>

THE KOREAN DIASPORA AS A TRACK TWO DIPLOMACY ACTOR IN THE CIS COUNTRIES

Chen Bing, Kim V.I.

Patrice Lumumba Russian University of Peoples' Friendship

The article analyzes the Korean diaspora in the CIS countries as a significant non-state actor of Track Two diplomacy within the contemporary system of international relations. The purpose of the study is to identify and systematize the mechanisms through which the resources of the Korean diaspora are transformed into instruments of informal diplomatic communication, as well as to determine the conditions affecting the realization of this potential in the post-Soviet space. The methodological framework is based on comparative analysis, case study methods, and elements of the network approach applied to the interaction between diaspora organizations, state institutions, expert communities, and civil society actors. The study demonstrates that the Koryo Saram diaspora should not be viewed merely as an auxiliary tool of foreign policy, but rather as a relatively autonomous transnational participant in international communication capable of initiating sustainable formats of cultural, educational, and expert diplomacy. It is concluded that the effectiveness of the diaspora's involvement in Track Two diplomacy depends on its social and political legitimacy in host countries, the level of institutional development of diaspora organizations, and the specific foreign policy context. The article substantiates the importance of transparent and multi-level institutional engagement of diaspora actors in informal diplomatic practices.

Keywords: Korean diaspora, Track Two diplomacy, non-state actors, international relations, public diplomacy, transnational networks, CIS countries.

References

1. Baryshnikov D.N. Korean diasporas in the system of diplomatic communication. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philosophy. Sociology. Political Science. 2023. No. 75. Pp. 124–137. <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/11>
2. Garusova L.N. The Korean diaspora in the USA: formation and social status. Izvestiya Vostochnogo instituta. 2023. No. 2 (58). Pp. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542–1611/2023–2/13–22>
3. Zagorulko A.V. The role of the diaspora in the transboundary region (Koreans of Primorsky Krai). Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the RAS. 2023. No. 40. Pp. 139–162. <https://doi.org/10.24412/2658–5960–2023–40–139–162>
4. Korea and Koreans: history and culture. Proceedings of the 2nd International Conference on Korean Studies of Bucheon University in Tashkent. In 2 parts. Part I.A.V. Shin, V.S. Khan (eds.). Tashkent, 2024. 184 p.
5. Parubochaya E.F. Korean public diplomacy in Central Asia. Korean Studies in Russia: Directions and Development. 2024. No. 2. Pp. 102–114.
6. Contemporary issues of the Korean Peninsula: 2024. M., 2024. 184 p. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.19.23.001>
7. European Journal of Korean Studies. Vol. 22. No. 1. J. Lewis (ed.). 2022. 211 p.
8. Jeon H. Current policies and development strategies for overseas Koreans: focusing on Koryo-saram in Central Asia. 36 p.
9. Kim S. Hallyu, public diplomacy, and development cooperation. Journal of International and Area Studies. 2021. Vol. 28. No. 2. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.23071/jias.2021.28.2.1>
10. Koh J., Gong M.-S. Korean diaspora and public diplomacy: toward a “polylateral peace diplomacy”. Analyses & Alternatives. 2024. Vol. 8. No. 3. Pp. 45–71. <https://doi.org/10.22931/aanda.2024.8.3.002>
11. Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond. J. Reckel, M. Schatz (eds.). Göttingen, 2020. 126 p. <https://doi.org/10.17875/gup2020–1307>
12. Lee J.Y. Overseas Koreans and new governance making in Korea. Pacific Focus. 2024. Vol. 39. Pp. 26–41. <https://doi.org/10.1111/pafo.12249>
13. Malgazhdarova A. Public diplomacy and overseas Koreans. Journal of Oriental Studies. 2021. No. 99. Pp. 56–64. <https://doi.org/10.26577/JOS.2021.v99.i4.06>
14. Steane N., Hwang E., Coluccello S. South Korea's public diplomacy actors in Uzbekistan. European Journal of Korean Studies. 2022. Vol. 22. No. 1. Pp. 95–124. <https://doi.org/10.33526/EJKS.20222201.95>
15. Yem N., Kim V., Belyalova A. Strategies for preserving the cultural values of Koreans in Kazakhstan: between tradition and innovation. Eurasian Research Journal. 2025. Vol. 7. No. 2. Pp. 204–222. <https://doi.org/10.53277/2519–2442–2025.2–05>

Уличная этнография

Кравченко Альберт Иванович,д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Уличная этнография – активно развивающийся исследовательский подход, который фокусируется на внешних общественных пространствах города, на его тротуарах, парках, улицах, домах и дворах. И этнограф, и участники этнографического исследования перемещаются по ним, постоянно взаимодействуя друг с другом. Распространенные инструменты уличных этнографов – прогулки по городу и его окрестностям в одиночку, вместе с участниками исследования, с фотоаппаратом и без него. *Уличная эпистемология* (Street Epistemology) – это набор инструментов, которые помогут вам лучше разговаривать на сложные темы. А еще есть *социология пешеходов* (Sociology of Pedestrians). Прогулка связывает ритмы городской жизни с конфигурацией городских пространств через призму социологических переменных.

Ключевые слова: уличная этнография, социология пешеходов, городская улица, исследование

Хорошей иллюстрацией уличной этнографии являются Urban Fieldnotes – смесь исследований и блогов в уличном стиле. Блогер Брент Луваас, визуальный и культурный антрополог и доцент антропологии в Университете Дрекселя, так описывает Urban Fieldnotes: «Это блог об уличном стиле, в где рассказывается о моде, стиле и одежде на улицах Филадельфии и за ее пределами. Это также блог об уличном ведении блога, эксперименте в области автоэтнографических исследований и полевых исследованиях с открытым исходным кодом, который является частью текущего проекта под названием «Уличный стиль 2.0: новые медиа и новая политика моды».

Исследовательский проект связан с любительской этнографией...» Блогов об уличном стиле жизни много, но, пожалуй, одним из наиболее читаемых является The Sartorialist. Интернет предоставляет длинный список блогов об уличном стиле со всего мира. Хорошим источником информации является блог «Уличная этнография 1977 года: избранные исследования преступности и употребления наркотиков в естественных условиях» Р. Веппнера. Однако кроме блогерской уличной этнографии существует академическая наука, имеющая давние традиции. Этнограф Сюзанна Холл исследует уличную жизнь как своего рода театр. Она показывает, как развивается социальность по мере того, как телесные жесты, одежда и речь становятся исполнительскими практиками [1].

М. Дунье в книге «Прогулка по уличной стороне» [2] исследует жизнь нескольких торговцев, попрошайников и мусорщиков в Гринвич-Виллидж – в основном бедных, бездомных, чернокожих – и социальных, политических и экономических сил, которые их окружают.

Автор провёл годы среди книготорговцев, продавцов журналов и других людей, торгуя предметами на тротуаре в одной части Гринвич-Виллидж, и дает подробное описание и анализ их жизни и субкультуры тротуара. Речь идет о социальной структуре бездомных торговцев на улице.

Монография по социологии Нью-Йорка раскрывает социальные практики продажи книг и безделушек на Шестой авеню в Гринвич-Виллидж (ныне давно исчезнувшие, вытесненные стеклянными банками): бурные отношения с пешеходами, местными жителями и полицией. В основном это чернокожие, многие из них бездомные или бывшие заключённые, они борются с наркоманией и алкоголизмом, спят на тротуаре и отдыхают у стен роскошных кооперативных зданий.

Благопристойные обыватели рассматривают их как вредителей, извращенцев или символов городского беспорядка. Они создали свой уличный жаргон (*homeless person*): мужчины на тротуаре называют женщин кошками и кричат на них. Как только вы избавитесь от ненормативной лексики, это покажет ту сторону американской культуры, которую многие люди не видят.

Несмотря на эпизоды хулиганства – споры на тротуаре, публичное пьянство и призывы к проходящим мимо женщинам – большинство мужчин придерживаются кодекса поведения, который сводит к минимуму их влияние на окружающее сообщество. Порнография, например, не отображается в течение дня, и когда вывоз мусора, люди стараются не тревожить свой рециркуляции, чтобы они не расстраивать владельцев зданий или прорабов.

Социальный антрополог Марта Рэдис [3] провела этнографическое исследование на четырёх улицах в многонациональных районах Монреаля. Объектом наблюдения выступили жители улиц, торговцы, рабочие, клиенты, посетители, тусовщики, прохожие и муниципальные чиновники, представляющие разные этнические и социальные слои.

Каждая улица представляла уникальное сочетание людей, социально-экономических условий (богатые, средне-зажиточные, бедные) и городских форм (широкие артерии на окраинах районов и узкие улицы в центре), которые по-разному моделировали социальные взаимодействия и потоки коммуникация. Китайская кондитерская, суши-бар, мастерская по ремонту телевизоров или парикмахерскую выполняют разные функции городской площадки для встречи представителей Северной Америки, Западной Европы, Азии, Африки и Австралии.

Городская улица – это место, равное пространству плюс смысл: отдельные люди и группы делают места значимыми благодаря своим действиям и идеям. Владельцы магазинов часто переводили разговор с улицы на то, что они знали лучше всего – на свой бизнес или своё детство. Респондентам, занятым бизнесом внутри своего магазина, почти нечего было сказать о самой улице.

Образ улицы обычного жителя сильно различался с образом той же улицы работающих на ней. Местные жители думали о своём окружении в более широком и более знакомом масштабе всего района. Иногда они не помнили, какие предприятия, которыми они пользуются, расположены на каких улицах.

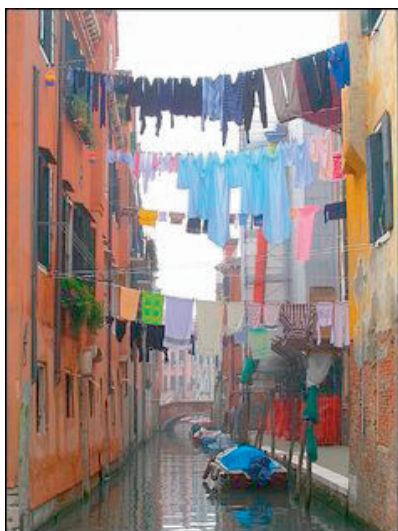

Рис. 1. Между прочим, это обычная городская улица в обычной европейской стране

Перемещаясь в уличной толпе, человек оценивает обстановку вокруг себя, учитывая расстояние до ближайших соседей, направление и скорость их движения, плотность потока, возможность быстро покинуть толпу, отслеживая то, как другие поступают в ситуации, которую он наметил для себя. В итоге появляется результирующая его движения, определяющая маршрут будущего передвижения.

При движении пешком человек подвергается воздействию среды, которая менее чётко ограничена, что делает пешеходов гораздо более активными в поддержании границ, чем жители домов, автомобилей и рабочих мест. В передвижении мы наблюдаем постоянный поток меняющихся символов и интерпретируемых событий [4, с. 225]. Мы ориентируемся, испытывая переживания и подаваясь своим чувствам, сопоставляя их с эмпирическими референтами.

Пешеходная прогулка в большей степени помогает социальному взаимодействию, расширению культурного опыта и когнитивной коммуникации, чем автомобильная поездка, которая выступает средством передвижения, а не нахождения. Читая других, мы придаём значение миру.

Когда мы замечаем символы, отображаемые другими, мы придаём им значение. А отображение символов нашей идентичности другими помогает придать значение самим себе. Одежда пешехода и марка машины – символы идентичности как себя, так и других. Выражение идентичности – это акт артикуляции и приглашение к восприятию своей значимости. Выражение лица собеседника при ходьбе чётко различимо, но выражение лица водителя чаще всего двусмысленно, ибо на нем отображается скорее внимание к дороге, нежели внимание к соседу.

Символическим значением выражения, жеста или слова легче манипулировать пешком, чем в машине. Зрительный контакт, голос, торопливость, пауза, расслабление лучше детализируются, когда мы идём пешком, чем когда находимся в автомобиле. Мы редко воспринимаем прохожих как соратников по установлению общих смыслов и поддержанию социального порядка. В своей душе пешеход – скорее интриган, а временщик городскую улицу воспринимает как вокзал или место вынужденного пребывания. Для немногих улица – театральные подмостки или гульбище.

Естественно, неспешную пешеходную прогулку нужно отличать от спешного уличного перемещения. Первая скорее нравится нам, а вторая – нет. Соответственно меняется и модель мобильности, включая физику движения: скорость, паузы, повороты, концентрация внимания, речевая активность, быстрота реакции, частота дыхания, манёвренность. Прогулка может стать творческим актом, но уличное передвижение – всегда рабочий момент. Шутить или заигрывать можно в первом, но не во втором случае.

Пешеход – это движущийся по улице горожанин, у которого не обязательно должен быть сосед. Но прохожий не может быть единственным на тротуаре. Он – в гуще мимолётной толпы. Зеваки – участники дорожного происшествия, случайные свидетели, любопытствующие, узнающие и передающие слухи.

Пешеходом, прохожим или зевакой может стать любой из нас, если захочет. Что происходит не всегда. «Поскольку пешеходное движение медленнее и менее опасно, чем вождение автомобиля, оно не регулируется, и мы свободнее игриво нарушать любые существующие нормы, будь то пешеходная прогулка, ходьба по бордюру, прыжки по лужам или что-то ещё» [1, с. 231].

Каждая поездка начинается и заканчивается как пешеходное действие, поэтому каждый является пешеходом в обычное время и в разное время и в разных местах своей жизни. Ходьба – древнейший вид передвижения людей. К обычным пешеходам относят всех, кто посещает торговые и сервисные центры, перемещается от дома к дому, ходит в гости и отдыхает в парке. Количество городов и число автомобилей растёт во всем мире. А количество пешеходов?

Города – это центры обмена товарами, культурой, знаниями и идеями. Городская улица – это сцена, на которой происходит этот обмен. Она открывает доступ к тому, что нельзя найти у себя дома, на кухне или лоджии, а именно к магазину, фабрике, метро, такси.

На улице вереницы домов похожи на взявшихся за руки детей и взрослых – разномерные, разноцветные, разностилевые... Окна как очки на глазах тоже разноцветные и неодинаковые. Они любуются на проходящих мимо, а прохожие засматриваются на них. Что это – музей, подиум или смотрины?

Город и его улицы – это ещё и элементы социальной мобильности. Точнее, одной из ее разновидностей – горизонтальной. Они для туристов, пешеходов, мигрантов. Улицы в городе подобны разноцветной радуге, переливающейся всеми цветами.

В 1960-х и 1970-х годах Джейн Джейкобс, Кевин Линч и Гордон Каллен, указывали на то, что город следует рассматривать с точки зрения его восприятия людьми – на уровне глаз.

У каждой улицы есть биография – длинная и не очень, трудовая, боевая, празднично-увеселительная или по-мещански обыденная. Не важно какая, но она есть. Старожилы и историки знают каждую, о каждой поведают через факты своей собственной биографии либо в свете общественно значимых событий. Улицы участвуют в судьбах людей. И наоборот.

Даже название улицы каким-то образом может быть связано с судьбой человека и определять его будущее. К примеру, детство и юность я жил на улице Ломоносова в Саратове, моего дедушку звали Ломоносов Михаил Васильевич, пять лет учился на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и жил в общежитии на Ломоносовском проспекте, а в 2000 г. удостоен премии им. М.В. Ломоносова за трёхтомник по социологии.

Улицы города во время войны – словно проходы между крепостными стенами с окнами бойницами, из которых стреляют. Во время спецоперации РФ на Украине так и было: «нацики» ставили свои танки в арки домов, пулемётные гнезда делали в окнах жилых домов, прикрывались мирными жителями, уничтожали стариков и детей, держали город на военном положении.

Прогулки в городе – отличный способ сохранить здоровье, принять участие в городской жизни и познакомиться с людьми. Ходьба – это самый благоприятный для окружающей среды способ передвижения, если не считать езду на велосипеде. В промышленно развитых странах на пешеходов приходится 15–20% смертей в дорожно-транспортных происшествиях, в развивающихся – 40–50%.

В городе пешеходы и автомобилисты передвигаются двумя параллельными маршрутами в одну и ту же сторону. Но какая разница между ними! Водитель может наехать на пешего, а тот на него – только словесно. Первый может обрызгать второго.

Там, где развита пешеходная сеть, люди больше интересуются уличными кафе, витринами и продуктовыми магазинами, парками развлечений и городскими фонтанами.

Большинство исследований показывают, что до 70% людей в уличной толпе не движутся группами, такими как друзья, пары или семьи, идущие вместе: группы, состоящие из двух-четырёх членов, являются наиболее частыми, в то время как группы размером пять и больше встречаются редко [5].

Пешеходная среда – это своеобразная сцена для культурной деятельности и коммуникативного взаимодействия, площадка для создания и поддержания культурных смыслов, формирования социальных сообществ.

Если сравнить 10 прогулок на работу и 10 поездок на работу, мы ожидаем, что прогулки будут более запоминающимися, поскольку они дарят нам более широкий спектр впечатлений. Виды, звуки, запахи и кинетические ощущения, получаемые при ходьбе, более многочисленны и разнообразны, чем те, с которыми мы сталкиваемся при вождении.

Оживлённое пешеходное пространство, как и оживлённое автомобильное движение, служат источником как позитивных, так и негативных переживаний, включая свежесть новых впечатлений и задетое чувство справедливости. Однако, по сравнению с вождением, погода более значима, когда мы идём пешком, потому что мы часто воспринимаем ее, используя больше чувств и более интенсивно.

Публичное участие на дороге происходит в защищённой от внешних воздействий броне автомобиля, а пешеход безоружен. Гуляя, мы не только видим погоду, но и чувствуем ее, слышим, даже иногда пробуем на вкус. Когда мы танцуем между лужами и бежим сквозь ливень, поднимаемся на холм или спускаемся по лестнице, мы ощущаем физику своего тела, которая неподвижна у пассажира.

Пауза или остановка в передвижении сочетает простоту конца действия и лёгкость его возобновления в случае добровольного характера, а не принудительной необходимости. Легко выходить из игры и возобновлять ее, значит демонстрировать другим свою свободу и независимость.

Пауза для пешехода намного удобнее, чем для водителя автомобиля. Вероятность остановки движения обратно пропорциональна средней скорости и энергии, необходимой для ее достижения.

Паузы и остановки в большей степени являются привилегией пешехода, нежели автомобилиста. Два приятеля, повстречавшись, разговаривают посреди тротуара, не обращая внимания на неудобства для прохожих. Водители не могут позволить себе такого.

О нарушении правил дорожного движения мы вспоминаем только тогда, когда это делают другие, а не мы сами. Для нас правила движения – препятствие, которое мы преодолеваем с ворчанием и недовольством. Но когда другие нарушают их, мы выражаем то же самое ворчание и недовольство. Для себя мы допускаем то, что запрещаем другим. В такие моменты мы ведём себя как полицейские, негодую или стараясь призвать к порядку. Но если функцию полицейского выполняет сосед по тротуару, мы огрызаемся и лезем в ссору.

Улицы от солнца жмурится, улыбается во все свои зубы-дома. А улочка стеснительно выглядывает из переулочка, щерится, жмётся, мнётся, прижимается, сама себя и людей стесняется. Прогулка – это улица. Прогулочка – это улочка. На улице машины и люди легко разминаются и разминаются. На улочке двум встречным не всегда разойтись. Здесь тесновато как в автобусе в часы пик. Улочка родилась как исключительно пешеходная зона, а улицу позже сделали, и то не всякую, таковой. На улочке все друг друга знают и здороваются, а на улице – нет.

Литература

1. Hall S. City, Street and Citizen: The Measure of the Ordinary. Routledge, 2013.
2. Duneier M. Sidewalk: Introduction. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
3. Radice M. Ethnography of the Street When is a Place not a Place? // Anthropology News, March 2011.
4. Demerath L., Levinger D. The Social Qualities of Being on Foot: A Theoretical Analysis of Pedestrian Activity, Community, and Culture // City & Community 2:3 September 2003.
5. Moussaïd M., Perozo N., Garnier S., Helbing D., Theraulaz G. The Walking Behaviour of Pedestrian Social Groups and Its Impact on Crowd Dynamics // PLoS One. 2010; 5(4): e10047.

STREET ETHNOGRAPHY

Kravchenko A.I.

Street ethnography is a rapidly developing research approach that focuses on the external public spaces of the city – its sidewalks, parks, streets, buildings, and courtyards. Both the ethnographer and the ethnographic research participants move through these spaces, constantly interacting with each other. Common tools for street ethnographers include walking through the city and its surroundings, alone and with research participants, with and without a camera. Street Epistemology is a set of tools that will help you better communicate complex topics. There is also the Sociology of Pedestrians. Walking connects the rhythms of urban life with the configuration of urban spaces through the lens of sociological variables.

Keywords: street ethnography, pedestrian sociology, city street, research.

References

1. Hall S. City, Street and Citizen: The Measure of the Ordinary. Routledge, 2013.
2. Duneier M. Sidewalk: Introduction. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
3. Radice M. Ethnography of the Street When is a Place not a Place? // Anthropology News, March 2011.
4. Demerath L., Levinger D. The Social Qualities of Being on Foot: A Theoretical Analysis of Pedestrian Activity, Community, and Culture // City & Community 2:3 September 2003.
5. Moussaïd M., Perozo N., Garnier S., Helbing D., Theraulaz G. The Walking Behaviour of Pedestrian Social Groups and Its Impact on Crowd Dynamics // PLoS One. 2010; 5(4): e10047.

Стереотипы восприятия массовой коммуникации в сознании студентов-гуманитариев в условиях постправды (по результатам ассоциативного эксперимента)

Макашова Валерия Валерьевна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
медиакоммуникаций, Российский государственный
гуманитарный университет
E-mail: rusina6@yandex.ru

Казакова Лариса Петровна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Московский международный университет
E-mail: kazakovalp@yandex.ru

В статье представлены результаты первого этапа исследования стереотипов восприятия массовой коммуникации в сознании молодежной аудитории. Целью работы являются выявление структуры и содержания стереотипов восприятия массовой коммуникации в сознании студентов-гуманитариев, а также оценка их сформированности. Методом эмпирического исследования послужил ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлялись реакции на понятия-стимулы «информация», «новостная лента», «фейковые новости». Примененная методика обработки эмпирических данных (описательные статистики, группировка по принципу семантических гнезд) позволила авторам описать структуру и содержание исследуемых стереотипов через преобладающие и выраженные установки в различных компонентах (когнитивном, эмоциональном и поведенческом). Авторы пришли к выводу, что отдельные компоненты исследуемых стереотипов отличаются сформированностью, смысловой наполненностью и выраженностью. В сознании студентов-гуманитариев сегодня существуют представления об информации, которая равноценна знаниям и пользе, полем ее получения является пространство Интернета. Новостная лента в сознании молодежной аудитории – это любая новая информация в Интернете, которая может быть как полезной, так и вредной. Компонент «правда» по данным понятиям является низкочастотным. Стереотипы, связанные с понятием «фейковые новости», являются более определенными и вызывают однозначные реакции, преобладающей является установка: фейковые новости вредны и лживы. По мнению авторов, выявленные установки указывают на высокий уровень фоновой доверия к информации вообще и недостаточность критического мышления молодежной аудитории.

Ключевые слова: стереотипы, массовая коммуникация, массовая информация, постправда, молодежная аудитория, информация, новостная лента, фейковые новости.

Введение

Стереотипы восприятия массовой коммуникации – это обобщенные представления аудитории о процессах и явлениях современного медиaprостранства. В условиях постправды и обилия деструктивного медиаконтента (дезинформации, манипуляции, фейков, информационного мусора, треш-контента) значение таких стереотипов существенно возрастает, обуславливая противоречие между цифровой компетентностью аудитории и критичностью восприятия массовой информации. Стереотипы влияют на восприятие процессов, происходящих в медиaprостранстве, формируют оценки информационного потока, задают алгоритмы поведения, определяют реакции. Вместе с тем, являясь предпосылкой экономии интеллектуальной энергии и адаптации, они формируют защитный механизм аудитории, задающий модель пассивного медиапотребления, отличающийся быстротой и поверхностностью. Сказанное позволяет говорить об актуальности данной темы.

Программа исследования предполагает два этапа. На первом этапе было проведено эмпирическое исследование, в свою очередь состоящее из двух процедур (ассоциативного эксперимента и классического семантического дифференциала). На втором этапе планируется создание и апробация частного семантического дифференциала для выявления представлений аудитории о явлениях медиасферы. В данной статье представлены результаты ассоциативного эксперимента. Цель настоящей работы состоит в выявлении и описании структуры и содержания стереотипов восприятия массовой коммуникации, существующих в сознании студентов-гуманитариев, а также в оценке их сформированности.

Методология

Основы теории стереотипизации заложил У. Липпман в работе «Общественное мнение» (1922), что подтолкнуло ученых к осмыслению данного явления. За последние сто лет в зарубежной и отечественной науке сложились различные направления исследований стереотипов.

Американских ученых интересовали стереотипы, относящиеся к определенной социальной группе (антростереотипы), и их действие в социально-политической сфере. Так, представители теории «авторитарной личности» считали, что стереотипы присущи нетворческой личности, которая проводит жесткие различия между своей социальной группой и другими группами [20; 23]. Стереотип рассматривался как «символ» сознания, формирующийся через наиболее яркие формы поведения группы [17]. А также как вид простых решений и дефиниций, согласующихся с шаблонами, которые мы используем для категоризации людей и явлений [21]. Общим в исследованиях стереотипов для американской науки стали выраженная социально-психологическая направленность анализа и признание схематичности, неистинности стереотипов.

В советской науке сложился подход к стереотипам как к набору качеств, «образу» какого-либо явления, который существует в общественном сознании и усваивается индивидом в готовом виде. Как к упрощенному, схематизированному, характерному для сферы бытового сознания представлению о каком-либо социальном объекте [7]. Вместе с тем, признавалось, что стереотипы, являясь социально-культурными образцами, могут быть выражением норм и ценностей группы, как прогрессивных, так и регрессивных [12]. Ученые отмечали такие качества стереотипа как устойчивость, консерватизм, сопротивляемость изменениям [19].

В целом, в современных гуманитарных исследованиях устоялся подход к стереотипу как явлению социального характера: это повторяющиеся штампы и шаблоны восприятия, мышления, поведения, характерные для той или иной группы людей, которые являются отражением коллективного сознания. Современная наука различает стереотипы сознания и поведения; стереотипы знаний, установок, интересов; антропологические, социальные, эмоционально-эстетические стереотипы; автостереотипы и гетеростереотипы; истинные и ложные стереотипы и т.д. [2, с. 27]. На пике исследовательского интереса находятся национальные, этнические, политические стереотипы [10; 4; 5 и др.]. Между тем, тема стереотипов восприятия массовой коммуникации является малоизученной.

Стереотипы существуют в сознании человека и репрезентуются в эмоциях и оценках, речевой деятельности или поведении, что обуславливает различные методические подходы. Наиболее разработанным аспектом является существование стереотипов в дискурсивных (в т.ч. медийных) практиках [6; 9 и др.]. Исследования такого плана проводятся с помощью дискурс-анализа и методик анализа языковых средств. Работ, посвященных анализу стереотипов в сознании, на порядок меньше, что обуславливает сложности в конструировании методик исследования такого рода. Исследования стереотипов с помощью ассоциативного эксперимента являются малочисленными [8; 3; 14 и др.].

Сказанное позволяет обосновать научную новизну настоящего исследования обращением к анализу стереотипов восприятия массовой коммуникации, существующих в сознании молодежной аудитории, а также отработкой методики ассоциативного эксперимента.

Материалы и методы

Методика настоящего исследования основана на психосемантических подходах «измерения смысла», сформулированных Ч. Осгудом и Д. Су-си [22], положениях отечественной психологии субъективной семантики и психосемантики, подробно изложенных в работах А.Н. Леонтьева, Е.Ю. Артемьевой, В.П. Серкина, В.Ф. Петренко и др. [11; 1; 16; 13]. Для сбора данных был применен метод ассоциативного эксперимента в его классическом формате: стимул – реакция.

Значимым стало представление о структуре стереотипа (знание, эмоция, поведение), сложившееся еще в советской социальной психологии и распространенное в современных работах [15, с. 85]. Сегодня в ряде работ стереотип представляется во взаимосвязи трех компонентов: когнитивного (содержательного), аффективного (чувственно-эмоционального) и поведенческого (характеризующего готовность к определенному поведению) [18]. В связи с чем в исследовании структурно были выделены процедуры, направленные на измерение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Эксперимент проводился со студентами-гуманитариями (направлений «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Психология», «Юриспруденция», «Управление крупными городами», «Лингвистика»). Социально-демографические характеристики респондентов: 194 студента московских вузов, в возрасте 18–25 лет (X = 20,55; S = 2,71). Был отобран 191 релевантный протокол (66 – юноши, 123 – девушки, 2 – не указали пол). Период проведения исследования – октябрь-декабрь 2025 г. Эксперимент осуществлялся путем заполнения бланков с письменной инструкцией. В качестве стимулов ис-

пользовались понятия «информация», «новостная лента», «фейковые новости», на каждое из которых предлагалось написать ассоциативные реакции в форме существительных, прилагательных и глаголов.

Эмпирический объект исследования составила совокупность вербализуемых реакций: в целом анализируемое поле ассоциаций (слов и словосочетаний) включило более 5 тыс. единиц. Для обработки данных использовались описательные статистики (анализ средних показателей и частотности повторяющихся ассоциаций), а также группировка ассоциаций по принципу семантических гнезд. В результате статистической обработки по каждому компоненту были получены средние величины. Анализ частотности позволил выделить группы повторяющихся (полные совпадения) и единичных ассоциаций. В группе повторяющихся ассоциаций в свою очередь мы выделили среднечастотные (вошедшие в средний диапазон повторяющихся значений), высокочастотные и низкочастотные ассоциации (соответственно, выходящие за рамки этого диапазона). Группировка единиц по принципу семантических гнезд была осуществлена с учетом синонимической, проблемно-тематической близости значений.

Результаты исследования

Анализ статистики всего поля реакций выявил по каждому компоненту понятий-стимулов диапазон уникальных реакций от 59 до 104 при измерении поля первых ассоциаций и от 165 до 247 при измерении всего поля ассоциаций (см. таблицу 1). Поскольку в результате проведенного эксперимента были получены как однозначные реакции, так и реакции широкого тематического спектра, для анализа использовались средние величины.

Средний показатель по каждому компоненту составил 83,5 единиц при измерении поля первых ассоциаций и 207,8 единиц – при измерении всего поля ассоциаций¹. Самые высокие значения были выявлены при измерении эмоционального и когнитивного компонентов понятия «новостная лента»: по этим компонентам поля реакций самые большие. Самые низкие – при измерении поведенческого компонента понятия «информация»: статистика частотных ассоциаций здесь оказалась выше, а поле реакций – значительно меньше среднего.

Исходя из показателей самого большого и самого маленького полей, был вычислен средний диапазон повторяющихся ассоциаций, который составил 8,07–5,62. Соответственно, ассоциации, вошедшие в данный диапазон, рассматривались нами как среднечастотные; ассоциации с частотностью 8 и выше – как высокочастотные; ассоциации с частотностью менее 5 – как малочастотные.

Таблица 1. Статистика уникальных значений

Понятия	Информация			Новостная лента			Фейковые новости		
Показатели исследования	К/К	Э/К	П/К	К/К	Э/К	П/К	К/К	Э/К	П/К
Поле первых ассоциаций	78	80	78	86	95	59	81	104	91
Высоко- и среднечастотные	6	8	8	7	8	6	6	5	5
Малочастотные	18	13	16	13	21	13	15	24	21
Единичные	54	59	54	66	66	38	60	75	65
Все поле ассоциаций	187	181	165	243	247	184	226	222	216
Высоко- и среднечастотные	30	22	25	20	25	20	25	25	27
Малочастотные	44	43	32	51	44	35	30	44	45
Единичные	111	116	108	169	178	129	146	151	143

В результате анализа частотности повторяющихся ассоциаций была выделена группа частотных (повторяемость 2 и выше) ассоциаций, затем по каждому компоненту были определены преобладающие

смысловые поля (реализовывались в группе высокочастотных ассоциаций) и выраженные смысловые поля (реализовывались в группе среднечастотных ассоциаций) (см. таблицу 2).

Таблица 2. Группы высокочастотных и среднечастотных ассоциаций

	Информация	Новостная лента	Фейковые новости
Когнитивный компонент	знания (52), новости (42), Интернет (42), книга (17), СМИ (15), компьютер (14), сведения (12), газета (12), сообщения (10), интерес (10), данные (8), польза (8), развитие (7), человек (7), общение (6), поиск (6), коммуникация (6), обмен (6), социальные/сети (6), телевидение (6), передача (5), достоверность (5), источник (5), объем (5), обучение (5), ум (5), опыт (5), понимание (5), возможности (5), правда (5)	новости (49), информация, (46), социальная/сеть (17), Интернет (16), события (16), ложь/фейки (15), интерес (14), газета (13), время (11), статья (10), политика (9), СМИ (9), реклама (8), мусор (7), поток (6), Телеграм (5), заголовок (5), знание (5), комментарий (5), вести (5)	ложь (77), обман (37), дезинформация (21), пропаганда (15), вранье (13), фейк (12), заблуждение (11), манипуляция (10), желтая/пресса (8), провокация (8), неправда (8), слухи (7), бред (6), клевета (6), хайп (5), СМИ (5), вред (5), глупость (5), смех (5), злость (5), страх (5), интерес (5), недостоверность (5), Интернет (5), грязь (5)

	Информация	Новостная лента	Фейковые новости
Эмоциональный компонент	важная (51), интересная (42), полезная (39), достоверная (24), правдивая (20), большая (19), новая (17), актуальная (14), ложная (14), нужная (14), доступная (8), объективная (7), точная (7), информативный (7), понятная (7), познавательная (6), умный (6), быстрая (6), массовая (6), необходимая (6), научная (5), фейковая (5)	интересная (52), информативная (25), актуальная (18), скучная (13), ложная/фейковая (13), длинная (13), важная (12), познавательная (12), полезная (13), быстрая (8), неинтересная (8), яркая (8), удобная (7), бесконечная (7), сенсационная (7), разнообразная (7), развлекательная (7), бесполезная (6), свежая (6), объемная (6), правдивая (6), достоверная (5), объективная (5), смешная (5), грустная (5)	ложные (68), обманчивый (15), ненужные (15), опасные (15), страшные (14), глупые (12), неправдивые (12), странные (9), вредные (9), смешные (9), недостоверные (9) фальшивые (8) интересные (8), плохие (8), неинтересные (8), неправильные (8), непонятные (7), провокационные (7), бесполезные (6), неприятный (6), негативные (6), ошибочные (6), злые (6), непроверенные (5), поддельные (5), запутанные (5)
Поведенческий компонент	получать (37), искать (37), передавать (35), знать (34), учить (31), анализировать (27), читать (20), распространять (20), слушать (14), думать (12), смотреть (11), понимать (11), обрабатывать (10), использовать (9), говорить (9), рассказывать (8), проверять (7), публиковать (7), доносить (7), сообщить (6), информировать (6), хранить (5), владеть (5), запоминать (5), делать (5)	листать (74), читать (69), смотреть (55), узнавать (16), просматривать (11), публиковать (11), анализировать (10), обновлять (10), думать (9), делиться (9), изучать (9), сообщать (9), скролить (8), искать (7), информировать (7), показывать (6), открывать (7), слушать (5), обсуждать (5), распространять (5)	лгать (34), обманывать (30), распространять (20), проверить (16), верить (14), смотреть (12), читать (11), злиться (11), заблуждаться (11), запутать (11), анализировать (10), удалить (10), манипулировать (9), смеяться (9), думать (9), опровергнуть (8), создавать (8), запугать (7), обсуждать (7), удивляться (7), заинтересовать (6), публиковать (6), уничтожить (6), осуждать (5), отвергать (5), сомневаться (5), убеждать (5)

Также была осуществлена группировка ассоциаций (в том числе малочастотных и единичных) по принципу семантических гнезд с учетом синонимической, проблемно-тематической близости значений единиц. Были сконструированы семантические поля «обучение»,

«коммуникация», «правда», «ложь», «польза», «вред», «медиа», «общество», что позволило оценить их величину и выраженность (см. таблицу 3). Ассоциации, носящие нейтральные или неочевидные значения, при группировке не учитывались.

Таблица 3. Группы ассоциаций по принципу семантических гнезд

Семантическое гнездо	Семантическое поле	И	Н/Л	Ф/Н
Обучение	Получение знаний, развитие, познание, поиск и анализ информации, чтение, книги, вуз, преподавание, ум, сознание, знания, мудрость, наука, исследования, просвещение, навыки, запоминание, осмысление, способность к анализу и т.д.	386	205	66
Польза	Ценность, практическая применимость, возможности, удобство, важность, нужность, свобода, прогресс, значимость, правильность, интерес, положительные эмоции, уникальность, новизна, доступность, полнота, надежность, честность, помощь и т.д.	339	270	39
Медиа	Новости, СМИ, Интернет, социальные сети, сайты, Телеграм, компьютер, технологии, пресса, телевидение, влияние, внушение, пропаганда, агитация, актуальность, просмотр, распространение, вещание, аудитория, листать, смотреть, постить, скролить, сенсации, факты и т.д.	298	510	167
Коммуникация	Общение, сообщение, обмен, поиск, передача, разговор, слово, получение, передача, слушание, говорение, обсуждение, критика, спор, дискуссия, мнения, убеждать, писать, слушать, пересылать, аргументация и т.д.	195	66	45
Общество	Люди, государство, социум, власть, политика, экономика, деньги, время, работа, сила, контроль, законодательство, частная жизнь, восприятие, человеческие реакции, обладание, действие, интересы, эмоции, развлечения, создавать и т.д.	131	162	218
Правда	Истина, достоверность, точность, правдивая, подтвержденная, проверенная, опровержение и т.д.	79	20	31
Вред	Провокация, манипуляция, зло, опасность, агрессия, ужас, паника, депрессия, болезнь, бесполезность, ненужность, смерть, неприязнь, война, скука, бессмысленность, глупость, хаос, разрушение, грусть, страх, печаль, злость, безумие, иллюзии, негатив и т.д.	64	210	480
Ложь	Фейк, неправда, заблуждение, слухи, дезинформация, обман, вранье, подделка, искажение, недостоверность, фальшивка, непроверенные, выдумка, вымысел, фикция, клевета, симуляция, врать/лгать, обманывать и т.д.	33	51	137

Обсуждение

Содержание и структура ассоциаций с понятием «информация»

Исходя из анализа высокочастотных и среднечастотных ассоциаций, в содержании и структуре стереотипов, связанных с понятием «информация», были выделены преобладающие смысловые поля «обучение», «медиа», «коммуникация», «польза», «ложь», а также выраженные смысловые поля «общество» и «правда». Самыми частотными реакциями стали ассоциации «знания», «важная» и «получать».

Когнитивный компонент стереотипа «информация» связан с преобладающими смысловыми полями «обучение», «медиа», «коммуникация», «польза», «правда», что реализуется через значения «знания», «новости», «Интернет» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «польза», «правда», «общество», что реализуется через значения «интерес», «достоверность», «человек/люди» и др. Когнитивный компонент стереотипов, связанных с понятием «информация», обусловлен «суммарным» значением «полезные знания, получаемые через Интернет, книги и медиа».

В эмоциональном компоненте стереотипа «информация» преобладают смысловые поля «польза», «правда» и «ложь», реализуемые через значения «важная», «достоверная», «ложная» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «обучение» и «медиа», реализуемые через значения «понятная», «массовая» и др. Понятие

«информация» вызывает разнообразные эмоции, преобладающими являются положительные эмоции, связанные со значениями «важность», «интерес», «польза» и т.д.

Поведенческий компонент стереотипа «информация» связан с преобладающими смысловыми полями «коммуникация» и «обучение», что реализуется через значения «получать», «передавать», «знать», «учить» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «медиа», «правда», «общество», реализуемые через значения «проверять», «публиковать», «обрабатывать» и др. В поведенческом компоненте почти в равной степени присутствуют значения «быстрой коммуникации» (получение-передача, распространение и т.д.), «поиска и анализа» (знание, чтение и т.д.).

В результате группировки ассоциаций по принципу семантических гнезд было обнаружено, что в содержании стереотипов, связанных с понятием «информация», преобладающей является установка «информация = обучение», в рамках которой информация понимается как знания или то, что получают в процессе обучения, познания или развития. Данная установка выражена прежде всего в значениях, реализуемых в рамках поведенческого компонента (поиск, анализ, познание, получение, передача и т.д.). Выраженность установки «информация = обучение» объясняется социальным статусом испытуемых, для которых получение знаний равнозначно поиску и усваиванию информации. Кроме того, выраженной является установка «информация = польза», в рамках которой информация связывается с полезностью, важно-

стью, нужностью, ценностью, возможностями для применения и т.д. Выраженность установки «информация = польза» указывает на недостаточность критического мышления студентов, которые всю информацию готовы воспринимать как важную, интересную и полезную, редко указывают на риски, связанные с получением и использованием информации. Это говорит о высоком уровне фоновой доверия к информации в целом.

Другие установки («информация = медиа», «информация = коммуникация», «информация = общество») объяснимы пониманием социально-коммуникативной природы категории. Наиболее выраженной является установка «информация = медиа», в рамках которой информация отождествляется со сведениями, получаемыми через СМИ и новые медиа (социальные сети и пр.). Выраженность установки «информация = медиа» указывает на то, что наиболее привычными и комфортными каналами получения информации являются медийные площадки и Интернет-ресурсы. Семантические гнезда «информация = вред», «информация = ложь» являются малочисленными, что говорит о том, что оценки «вред/ложь» в отношении информации не являются значимыми. В целом можно говорить о том, что в сознании представителей молодежной аудитории сегодня сложился стереотип об информации, равноценной знаниям и пользе, полем ее получения является пространство Интернета.

Содержание и структура ассоциаций с понятием «новостная лента»

Исходя из анализа высокочастотных и среднечастотных ассоциаций, в содержании и структуре стереотипов, связанных с понятием «новостная лента», были выделены преобладающие смысловые поля «медиа», «ложь», «польза», «общество», «вред», «обучение», «коммуникация», а также выраженное смысловое поле «правда». Самыми частотными реакциями стали ассоциации «новости», «интересная», «листать».

Когнитивный компонент стереотипа «новостная лента» связан с преобладающими смысловыми полями «медиа», «ложь», «польза», «общество», что реализуется через значения «новости», «ложь/фейки», «интерес», «время» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «вред» и «обучение», что реализуется соответственно через значения «мусор», «знание» и др. Когнитивный компонент обусловлен значением «новая информация в социальных сетях/Интернете».

В эмоциональном компоненте стереотипа «новостная лента» преобладают смысловые поля «польза», «медиа», «вред», «ложь», реализуемые через значения «интересная», «актуальная», «скучная», «ложная/фейковая» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «правда» и «общество», реализуемые через значения «достоверная», «развлекательная» и др. Понятие «новостная лента» вызывает разнообразные (положительные и отрицательные) эмоции, связанные прежде всего со значениями «интерес», «информативность» и «актуальность».

Поведенческий компонент стереотипа «новостная лента» связан с преобладающими смысловыми полями «медиа», «обучение», «коммуникация», что реализуется через значения «листать», «читать», «делиться» и т.д. В поведенческом компоненте преобладает значение «быстрого поверхностного потребления» (листать, смотреть и т.д.), хотя и значение «осмысленного потребления» (чтение, знание, анализ и т.д.) является частотным.

Группировка по принципу семантических гнезд в содержании стереотипов, связанных с понятием «новостная лента», выявила преобладающую установку «новостная лента = медиа»: в представлениях студентов новостная лента — это новости (новая информация) в Интернете, в том числе в социальных сетях. Выраженным является смысловой компонент «потребление» (пролистывание, чтение, просмотр и т.д.). Примечательно, что почти в равной степени выраженными являются противоположные установки «польза» и «вред». В рамках установки «польза» новостная лента ассоциируется с интересом, информативностью, актуальностью, полезностью, яркостью, удобством и т.д. И напротив, в рамках установки «вред» новостная лента ассоциируется со скукой, ненужностью, отсутствием интереса и пользы, негативными эмоциями и т.д.

Семантическое гнездо «новостная лента = ложь» является малочисленным, хотя значение «ложь» является частотным. Семантическое гнездо «новостная лента = правда» также является малочисленным, что говорит о том, что оценки «правда/ложь» в отношении новостной ленты не являются значимыми для студентов. В целом можно говорить о том, что в сознании представителей молодежной аудитории сегодня сложился стереотип о новостной ленте как о «любой новой информации в Интернете», установки «польза» и «вред» при этом практически равнозначны, а оценки «правда/ложь» в отношении новостной ленты не являются значимыми.

Содержание и структура ассоциаций с понятием «фейковые новости»

Исходя из анализа высокочастотных и среднечастотных ассоциаций, в содержании и структуре стереотипов, связанных с понятием «фейковые новости», были выделены преобладающие смысловые поля «ложь», «медиа», «вред», «правда», «обучение», а также выраженное смысловое поле «общество». Самыми частотными реакциями стали ассоциации «ложь», «ложные», «лгать».

Когнитивный компонент стереотипов «фейковые новости» связан с преобладающими смысловыми полями «ложь», «медиа», «вред», что реализуется через значения «обман», «дезинформация», «пропаганда», «манипуляция» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «польза» и «общество», реализуемые через значения «интерес», «смех» и др. Когнитивный компонент связан с полем значений «ложь/обман/дезинформация», реализуемых через смыслы деструктива (зло, смерть, война, безумие и т.д.) и негативные реакции (агрессия, злость, хаос, паника и т.д.).

В эмоциональном компоненте стереотипов «фейковые новости» преобладают смысловые поля «ложь», «вред», реализуемые через значения «обманчивые», «ненужные», «опасные» и т.д. Также в данном компоненте выражены смысловые поля «польза» и «общество», реализуемые через значения «интересные», «смешные» и др. Эмоциональный компонент является очевидно выраженным и раскрывается через негативные эмоции (грусть, страх, печаль, злость и т.д.), также связан со значениями «ложь/обман».

Поведенческий компонент стереотипов «фейковые новости» связан с преобладающими смысловыми полями «ложь», «медиа», «правда», «общество», «обучение», «вред», что реализуется через значения «обманывать», «распространять», «проверить», «верить», «злиться» и т.д. Также в данном компоненте выражено смысловое поле «коммуникация», реализуемое через значения «убеждать», «обсуждать/дискутировать» и др. В поведенческом компоненте выражены значения «врать/обманывать/лгать» и «распространение», что связано с пониманием природы явления. При этом возможные реакции передаются через значения «анализировать», «проверять».

Группировка по принципу семантических гнезд в содержании стереотипов, связанных с понятием «фейковые новости», выявила преобладающую установку «фейковые новости = вред», выраженную через широкое поле значений (провокация, манипуляция, зло, опасность, агрессия, ужас, паника и т.д.). Также выраженными являются установки «фейковые новости = общество» и «фейковые новости = медиа», что говорит о том, что фейки осознаются как социальная проблема, источником которой являются медиа.

Установка «фейковые новости = ложь», хотя и определенно выражена частотными ассоциациями, не является преобладающей, что говорит о том, что критерий «ложность» в понимании фейковых новостей для молодежной аудитории не всегда является определяющим. Семантические гнезда «коммуникация» и «правда» являются малочисленными, данные критерии не являются значимыми. В целом можно говорить о том, что в сознании молодежной аудитории сегодня сложился сформированный и однозначный стереотип о фейковых новостях: это вредная для общества, деструктивная информация, вводящая в заблуждение и вызывающая негативные эмоции.

Выводы

Результаты ассоциативного эксперимента позволили установить наличие частотных ассоциаций со всеми тремя понятиями-стимулами, в содержании полученных представлений выявить преобладающие и выраженные смысловые поля. Это свидетельствует о сходстве восприятия студентами-гуманитариями соответствующих явлений в области массовой коммуникации. Сделать вывод об устойчивости данных представлений в условиях единственного среза не представляется возможным. Столь же проблематично на данном этапе судить о степени критичности, осознанности восприятия студентами явлений, обозначенных данными понятиями. Тем не менее, ряд признаков (высокочастотные реакции, повторяющиеся семантические элементы, эмоциональность и др.) указывает на стереотипный характер исследуемых представлений.

Проведенное исследование показало, что стереотипы восприятия массовой коммуникации, существующие в сознании студентов-гуманитариев, в отдельных компонентах отличаются сформированностью, смысловой наполненностью и выраженностью. В сознании студентов-гуманитариев сегодня существуют стереотипы об информации, которая равноценна знаниям и пользе, полем ее получения является пространство Интернета. Новостная лента в сознании молодежной аудитории — это любая новая информация в Интернете, которая может быть как полезной, так и вредной. Компонент «правда» по данным понятиям является низкочастотным. Стереотипы, связанные с понятием

ем «фейковые новости», являются более определенными и вызывают однозначные реакции: фейковые новости вредны и лживы. В целом выявленные установки показывают, что в условиях постправды молодежная аудитория демонстрирует высокий уровень фонового доверия к любой информации в Интернете, которую она готова воспринимать как хорошую и полезную, что в свою очередь говорит о недостаточности ее критического мышления.

Перспективу проведенного исследования составляют обработка и интерпретация результатов семантического дифференциала, а также создание и апробация частного семантического дифференциала для выявления представлений аудитории о явлениях медиасферы.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: включение субъекта в деятельность, структуры субъективного опыта человека, психологические процессы познания и описания геометрических форм, экспериментальный и методический материал: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 126 с.
2. Валиев И.Н. Стереотипы социального взаимодействия: монография. М.: Прометей, 2016. 124 с.
3. Голикова Т.А., Таирова И.А. Код «Русского мира»: ассоциативный портрет поколения // Новое Русское Возрождение. 2024. № 2(2). С. 48–68. DOI 10.25709/3034–2554.2024.31.52.005.
4. Горохова Ю.В. Англоязычная стереотипная картина мира. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2024. 102 с.
5. Гришин Е.В. Социально-психологические факторы электорального поведения населения: монографическое исследование. Киров: Кировский фил. СПбГУП, 2009. 430 с.
6. Егорова Э.В., Борисова С.А., Крашенинникова Н.А., Осетрова О.И. Политический стереотип в медиадискурсе: монография. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2017. 159 с.
7. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19–33.
8. Калита В.В., Панич О.Е. Кросскультурное исследование динамики этнических стереотипов русских и китайцев: монография. Владивосток: Дальнаука, 2012. 139 с.
9. Кострова О.А. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы: монография. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.
10. Кучминская Н.Р. Французские стереотипы в русском интерлингвальном дискурсе: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. 200 с.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Смысл, 2020. 526 с.
12. Немировский В.Г. Социология личности: теория и опыт исследования. Красноярск, 1989. 193 с.
13. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: ЭКСМО, 2013. 443 с.
14. Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход: монография. Челябинск: Социум. 2018. 589 с.
15. Предвечный Г.П., Шеркович Ю.А. (ред.) Социальная психология: монография. М.: Политиздат Отрасль, 1975. 319 с.
16. Психология субъективной семантики: Истоки и развитие / М.М. Абдуллаева, Д.Б. Богоявленская, О.В. Васильчикова [и др.]; под редакцией И.Б. Ханиной, Д.А. Леонтьева. М.: Издательство «Смысл», 2011. 472 с.
17. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 534 с.
18. Щекочихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 1, № 5(19). С. 69–80.
19. Ядов В.А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии // Философские науки. 1960. № 2. С. 47–58.
20. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass., Addison-Wesley Pub. Co, 1954. 537 p.
21. Davis D.K., Baran S.J. Mass communication and everyday life: a perspective on theory and effects. Belmont, Calif, 1981. 217 p.

22. Osgood C. E., Suci G.J. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1967. 346 p.

23. The Authoritarian personality / By T.W. Adorno, Else Frenkel-Brunswick, Daniel J. Levinson, R. Nevitt Sanford; In collab. with Betty Aron et al. New York: Norton, 1969. 990 p.

STEREOTYPES OF MASS COMMUNICATION PERCEPTION IN THE MINDS OF HUMANITIES STUDENTS IN THE CONTEXT OF POST-TRUTH (BASED ON THE RESULTS OF AN ASSOCIATION EXPERIMENT)

Makashova V.V., Kazakova L.P.

Russian State University for the Humanities, Moscow International University

The article presents the results of the first stage of a study of the stereotypes of mass communication perception in the minds of young people. The aim of the study is to identify the structure and content of the stereotypes of mass communication perception in the minds of humanities students, as well as to assess their formation. The method of the empirical study was an associative experiment, during which the reactions to the stimulus concepts «information – news – fake news» were identified. The applied method of processing empirical data (descriptive statistics, grouping based on semantic clusters) allowed the authors to describe the structure and content of the studied stereotypes through the prevailing and expressed attitudes in various components (cognitive, emotional and motivational). The authors conclude that the individual components of the studied stereotypes differ in their formation, meaning, and expression.

Keywords: stereotypes, mass communication, mass information, post-truth, youth audience, information, news, fake news.

References

1. Artem'eva E.Yu. (2007). Psychology of Subjective Semantics: The Inclusion of the Subject in Activity, the Structures of Human Subjective Experience, Psychological Processes of Cognition and Description of Geometric Forms, Experimental and Methodological Material. Moscow: LKI Publ.
2. Valiev I.N. (2016). Stereotypes of Social Interaction. Moscow: Prometheus Publ.
3. Golikova T.A., Tairova I.A. (2024). The Code of the «Russian World»: An Associative Portrait of a Generation. New Russian Renaissance, 2(2), 48–68. DOI 10.25709/3034–2554.2024.31.52.005.
4. Gorohova Yu.V. (2024). The English-speaking Stereotypical Picture of the World. Moscow: URSS: LENAND Publ.
5. Grishin E.V. (2009). Social and psychological factors of the population's electoral behavior. Kirov: Kirov branch of SPbGUP Publ.
6. Egorova E.V., Borisova S.A., Krashenninnikova N.A., Osetrova O.I. (2017). Political Stereotype in Media Discourse. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publ.
7. Egorova-Gantman E., Pleshakov K. (1988). The concept of image and stereotype in international relations. World Economy and International Relations, 12, 19–33.
8. Kalita V.V., Panich O.E. (2012). A cross-cultural study of the dynamics of ethnic stereotypes among Russians and Chinese. Vladivostok: Dalnauka Publ.
9. Kostrova O.A. (2015). Discursive Stereotypes: The Intercultural Aspect of the Conceptosphere. Samara: PGSGA Publ.
10. Kuchminskaya N.R. (2021). French Stereotypes in Russian Interlingual Discourse. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ.
11. Leont'ev A.N. (2020). Problems of Mental Development. Moscow: Smysl Publ.
12. Nemirovskij V.G. Sociology of Personality: Theory and Research Experience. Krasnoyarsk.
13. Petrenko V.F. (2013). Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm. Moscow: EKSMO Publ.
14. Petrenko V.F., Mitina O.V. (2018). Political Psychology: A Psychosemantic Approach. Chelyabinsk: Socium Publ.
15. Predvechnyj G.P., Sherkovich Yu.A. (ed.) (1975). Social Psychology. Moscow: Politizdat Otrasl' Publ.
16. Psychology of Subjective Semantics: Origins and Development (2011) / By M.M. Abdullaeva, D.B. Bogoyavlenskaya, O.V. Vasil'chikova [et al.]; edited by I.B. Hani-noj, D.A. Leont'eva. Moscow: Smysl Publ.
17. Shibutani T. (1969). Social psychology. M.: Progress Publ.
18. Shchekochihina I.N. (2008). Stereotype: Aspects and Prospects of Research. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Vol. 1, Is.5(19), 69–80.
19. Yadov V.A. (1960). On the theory of «stereotyping» in sociology. Philosophical Sciences, 2, 47–58.
20. Allport G.W. (1954). The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass., Addison-Wesley Pub. Co.
21. Davis D.K., Baran S.J. (1981). Mass communication and everyday life: a perspective on theory and effects. Belmont, Calif.
22. Osgood C. E., Suci G.J. (1967). The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press.
23. The Authoritarian personality (1969) / By T.W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, D.J. Levinson, R. Nevitt Sanford; In collab. with B. Aron et al. New York: Norton.

Интеграция экспертной и аналитической оценки при исследовании результатов выполнения работ (оказания услуг): от формальной отчетности к верифицированным данным

Чудинский Руслан Михайлович,

заведующий кафедрой информатики и методики преподавания математики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»
E-mail: chudinsky@mail.ru

Белоглазов Александр Анатольевич,

кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет»
E-mail: beloglazov@inbox.ru

Лаврушина Екатерина Вадимовна,

заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: Lavrushina.EV@rea.ru

Звонников Виктор Иванович,

руководитель центра оценки компетенций, Союз участников отношений в сфере образования (Обрсоюз)
E-mail: zvonnikov@mail.ru

Мартынова (Коровина) Ольга Юрьевна,

начальник отдела общего образования, ООО «Альмира»
E-mail: korovinaolga18@mail.ru

Контроль качества работ при анализе результатов исполнения контрактов требует перехода от экспертных оценок на основе формальной отчетности к системам с верифицируемыми данными. Актуальность исследования обусловлена противоречием между реальным качеством работ и их отражением в отчетах, требующим единства экспертных и аналитических методов. Целью статьи является анализ интеграции экспертной и аналитической оценки результатов работ (услуг) для разработки метода комбинированного контроля с использованием KPI, SMART-метрик и цифровых инструментов. Методология, методы и методики. Для реализации цели исследования использованы системный и сравнительный анализ традиционных и современных методов (контент-анализ, факторный анализ KPI, BI-аналитика), case-study. Данные экспертных заключений обработаны с использованием контент-анализа, проанализированы статистическими методами с применением кластерного анализа. Результаты. В ходе исследования выявлены проблемы традиционных методов: отсутствие измеримых оценочных метрик (62% случаев), субъективность при оценивании (58% наблюдений), разные стандарты предоставления отчетности. Комбинированный подход с применением KPI, SMART-метрик и BI-инструментов повышает точность и скорость анализа, позволяя добиться объективности и прозрачности оценочных процедур. Научная новизна исследования состоит в обосновании оценочной методики, объединяющей экспертные и аналитические методы. Практическая значимость результатов связана с применением их для повышения объективности экспертизы в госзакупках, разработки стандартов верификации и внедрения цифровых платформ. Даны рекомендации для заказчиков (KPI, стандарты отчетности) и исполнителей (цифровые доказательства) при внедрении комбинированного подхода в исследование результатов выполнения работ.

Ключевые слова: экспертная оценка, аналитическая верификация, KPI, SMART-метрики, BI-аналитика, государственные контракты, выполнение работ, оказание услуг.

Введение

Современные условия контроля качества работ, в том числе выполненных в рамках реализации государственных контрактов, требуют перехода от традиционных методов экспертизы, базирующихся на формальной отчетности, к оценочной системе, основывающейся на процедуре верификации данных. **Актуальность** данного исследования обусловлена объективно существующим разрывом между реальным качеством выполнения работ и реализации услуг в рамках исполнения обязательств по контрактам и закупкам и отражением результативности этих работ и услуг в отчетной документации с точки зрения экспертной оценки, которая не всегда руководствуется верифицируемыми данными. В связи с этим использование при оценке результатов выполнения работ (оказания услуг) комплексного подхода, интегрирующего экспертные суждения с аналитической верификацией данных, позволяет минимизировать субъективность в процессе оценки и повысить обоснованность выводов, положенных в основу экспертного заключения. **Целью** данной статьи является анализ теоретико-методологических и прикладных аспектов интеграции экспертной и аналитической оценки при исследовании результатов выполнения работ и (или) оказания услуг. В рамках проведенного исследования рассмотрены ключевые проблемы традиционных методов контроля, проанализированы современные подходы к верификации данных, на основе изученного материала предложены рекомендации, обеспечивающие переход от формальной отчетности к комбинированному экспертно-аналитическому контролю. **Объектом** исследования выступает система оценки результатов выполнения работ (оказания услуг) в части сопоставления формальной отчетности (традиционные экспертные заключения, описательные отчеты) и использования верифицируемых данных на основе KPI, SMART-метрик, инструментов BI-аналитики. **Научная новизна** предложенного в статье подхода обусловлена предложением комбинированной экспертно-аналитической методики, объединяющей качественные (экспертные оценки) и количественные (KPI, цифровые данные) оценочные процедуры в единую систему верификации. **Теоретическая значимость** исследования заключается в развитии методологии оценочных процедур за счет интеграции экспертных и аналитических методов, а **прикладная ценность** обусловлена повышением эффективности государственных закупок за счет объективизации оценочных процессов.

Обзор литературы

Теоретические основы оценки результатов работ и услуг могут быть проанализированы в рамках различных научных направлений, включая управление проектами, экономику качества и data-driven менеджмент. Классические экспертные методы оценки, описанные в работах М. Кендалла и Томаса Л. Саати [1], базируются на качественных суждениях специалистов. Метод аналитической иерархии (Analytic Hierarchy Process, AHP), разработанный Томасом Л. Саати в 1970-х гг., является системным и математически обоснованным подходом к принятию решений в условиях, когда необходима согласованность множества экспертных оценок. Данный подход позволяет представить оценочную процедуру как иерархическую структуру, включающую цель, критерии и подкритерии принятия решений, их альтернативные варианты, а затем декомпозировать её методом парных сравнений [2]. Эксперты, проводя попарные сравнения элементов одного уровня иерархии, используют шкалу Саати от 1 (равная важность) до 9 (крайняя важность одного элемента над другим). На основе этих сравнений формируется матрица суждений, из которой вычисляются веса критериев и приоритеты альтернативных решений [3].

В противовес экспертным методам аналитические подходы используют ключевые показатели эффективности (KPI) и SMART-метрики, обеспечивающие более высокую степень верифицируемости и объективности оценки. Теория сбалансированных показателей, разработанная Д. Капланом и Р. Нортеном [4], предлагает систематический способ измерения эффективности и управления через набор взаимосвязанных KPI. В таких моделях расчет общего коэффициента выполнения KPI позволяет комплексно оценить достижение плановых показателей. Современные исследования [5–6] подчеркивают важность интеграции экспертного и количественного анализа с технологиями машинного обучения для минимизации ошибок интерпре-

тации. В частности, использование автоматизированных систем сбора и анализа данных, визуализация полученных результатов с помощью BI-инструментов позволяет повысить прозрачность и достоверность экспертной оценки.

Методология, материалы и методы

В рамках данной статьи для изучения принципов и направлений комбинированной экспертно-аналитической оценки при исследовании результатов выполнения работ и (или) оказания услуг применялся комплексный методологический подход, включающий: системный анализ существующих практик экспертной и аналитической оценки на основе изучения научных публикаций и нормативно документационных материалов; сравнительно-сопоставительный анализ традиционных методов экспертной оценки и современных комбинированных экспертно-аналитических методик с применением контент-анализа экспертных систем оценки, факторного анализа ключевых показателей эффективности (KPI), верификации цифровых артефактов (фотоотчеты, аналитические метрики, электронные документы) и методов предиктивной аналитики; case-study метод для выявления успешных комплексных моделей оценки, используемых в государственном и корпоративном секторах.

Эмпирическая база исследования включает данные нескольких десятков экспертных заключений, в которых применялись различные методы контроля результатов выполнения работ. Для обработки данных использовались методы дескриптивной статистики, корреляционного анализа, факторного анализа для выявления латентных переменных и кластерного анализа для типологизации оценочных практик.

Результаты исследования

Оценка результатов выполнения работ и оказания услуг как элемент управленческого и контрольного цикла претерпела существенную трансформацию под воздействием изменений институциональной среды, цифровизации экономических процессов и роста требований к обоснованности управленческих решений. В исторической ретроспективе можно выделить несколько этапов развития оценочных подходов, каждый из которых характеризуется собственным набором инструментов, методологических ограничений и уровнем доказательности.

1 этап – Формально-документарный подход. На раннем этапе доминировал формально-документарный подход, в рамках которого оценка результатов выполнения работ основывалась преимущественно на проверке наличия и корректности отчетной документации. Ключевым объектом контроля выступали акты сдачи-приемки, пояснительные записки, текстовые отчеты и иные документы, подтверждающие факт выполнения обязательств. Данный подход отличался относительной простотой реализации и минимальными требованиями к аналитической обработке данных, однако имел принципиальное ограничение – отсутствие проверки соответствия заявленных результатов их фактическому качеству и эффективности. Формальная корректность документов подменяла собой содержательную оценку, что создавало предпосылки для искажения информации о реальных результатах работ.

2 этап – Экспертно-описательная модель оценки. Следующим этапом стала экспертно-описательная модель, предполагающая привлечение специалистов для формирования заключений на основе профессионального суждения. В рамках данного подхода эксперт анализирует представленные материалы, сопоставляет их с требованиями технического задания или контракта и формулирует вывод о степени выполнения обязательств. Несмотря на более высокий уровень содержательного анализа по сравнению с формально-документарным контролем, экспертно-описательная модель сохраняет высокую степень субъективности. Отсутствие единых измеримых критериев приводит к вариативности выводов, зависимости результатов экспертизы от квалификации и интерпретационных установок конкретного эксперта, а также затрудняет сопоставимость оценок между различными проектами и контрактами.

3 этап – KPI-ориентированная оценка результатов. Развитие концепций управления по результатам обусловило переход к KPI-ориентированным моделям оценки, в рамках которых результаты выполнения работ соотносятся с заранее установленными количественными и качественными показателями. Использование KPI позволяет формализовать требования к результатам, повысить прозрачность контрольных процедур и обеспечить сопоставимость данных. Вместе с тем, применение KPI без экспертной интерпретации также обладает рядом ограничений. Во-первых, не все аспекты качества работ поддаются количественному измерению. Во-вторых, существует риск формального «выполнения показателей» без достижения реального управленческого эффекта. В-третьих, неправильно сконструированные KPI могут стимулировать искажение поведения исполнителей.

4 этап – Data-driven и evidence-based подходы. Современный этап развития оценочных практик характеризуется переходом к data-driven и evidence-based подходам, основанным на использовании верифицируемых цифровых данных, аналитических инструментов и механизмов кросс-проверки информации. В рамках данного подхода экспертное суждение дополняется аналитической верификацией, а выводы формируются на основе совокупности качественных и количественных доказательств. Ключевой особенностью данного этапа является интеграция экспертной и аналитической оценки в единую систему, где эксперт выполняет функцию интерпретации и контекстуализации данных, а аналитические инструменты обеспечивают проверяемость и воспроизводимость оценочных результатов. Именно данный подход создает методологическую основу для перехода от формальной отчетности к доказательной оценке результатов выполнения работ и оказания услуг.

Несмотря на развитие инструментов оценки результатов выполнения работ и оказания услуг, существующие подходы – как экспертные, так и аналитические – обладают рядом методологических ограничений, препятствующих формированию объективной и воспроизводимой оценочной процедуры. Выявление данных ограничений является необходимым этапом обоснования целесообразности интеграции экспертной и аналитической оценки в единую систему.

1. Ограничения экспертных методов оценки. Классические экспертные методы основаны на профессиональном суждении специалистов и широко применяются в практике анализа результатов исполнения контрактов. Однако их использование сопряжено с рядом системных проблем. Во-первых, экспертная оценка подвержена влиянию когнитивных искажений, включая эффект якоря, подтверждающее смещение и групповую конформность. Эти искажения могут приводить к неосознанному искажению выводов, особенно в условиях дефицита времени или неполноты информации. Во-вторых, отсутствие единых измеримых критериев затрудняет сопоставимость экспертных заключений. Даже при анализе идентичных по структуре отчетов различные эксперты могут формулировать существенно отличающиеся выводы, что снижает воспроизводимость результатов экспертизы и усложняет принятие управленческих решений. В-третьих, экспертно-описательные выводы, как правило, слабо поддаются последующей верификации. Формулировки оценочного характера («выполнено в полном объеме», «качество соответствует требованиям») не содержат достаточного объема доказательной информации и не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть обоснованность заключения.

2. Ограничения количественных и KPI-ориентированных моделей. Количественные подходы, основанные на применении KPI и SMART-метрик, призваны минимизировать субъективность оценивания за счет формализации требований к результатам. Тем не менее их использование в отрыве от экспертного анализа также обладает существенными ограничениями.

Одним из ключевых рисков является редукция сложных результатов выполнения работ к ограниченному набору показателей, что может приводить к утрате контекстуальных и качественных характеристик. Не все аспекты выполнения работ поддаются корректному количественному измерению, особенно в сфере интеллектуальных, образовательных и исследовательских услуг. Кроме того, KPI подвержены эффекту формального выполнения, при котором достижение целевых значений показателей не всегда означает реальное достижение целей контракта. В ряде случаев исполнители оптимизируют деятельность под показатели, игнорируя сопутствующие требования к качеству, устойчивости или долгосрочному эффекту. Дополнительным ограничением является зависимость результатов оценки от корректности исходных данных. При отсутствии механизмов проверки достоверности отчетных показателей количественная оценка может воспроизводить ошибки и искажения, заложенные на этапе формирования отчетности.

3. Необходимость интегративного подхода. Анализ ограничений экспертных и аналитических методов показывает, что ни один из подходов в чистом виде не обеспечивает необходимого уровня объективности, проверяемости и методологической строгости при оценке результатов выполнения работ. Экспертная оценка нуждается в аналитической верификации, тогда как количественные методы требуют профессиональной интерпретации и контекстуализации. В этой связи интеграция экспертной и аналитической оценки представляется не компромиссным, а методологически обоснованным решением, позволяющим объединить сильные стороны обоих подходов и компенсировать их ограничения. Формирование такой интегративной модели требует разработки единой архитектуры оценки, включающей стандартизированные метрики, процедуры верификации и механизмы интерпретации данных, что и составляет предмет дальнейшего рассмотрения в статье.

Переход от формально-документарной и фрагментарной экспертной оценки к доказательной модели контроля требует разработки целостной архитектуры оценочной процедуры, обеспечивающей интеграцию экспертного суждения и аналитической верификации данных. В рамках данного исследования предлагается комбинированная экспертно-аналитическая модель оценки результатов выполнения работ (оказания услуг), ориентированная на повышение объективности, воспроизводимости и прозрачности экспертных выводов.

Предлагаемая комбинированная модель оценки основывается на ряде методологических принципов, определяющих логику и последовательность оценочных процедур.

Принцип доказательности предполагает использование исключительно тех данных и показателей, которые могут быть проверены, воспроизведены и подтверждены из независимых источников. Экспертное суждение в данной модели не заменяет доказательства, а формируется на их основе.

Принцип интеграции заключается в сочетании качественного экспертного анализа и количественных аналитических методов в рамках единого оценочного контура. Эксперт и аналитическая система рассматриваются не как альтернативные, а как взаимодополняющие элементы.

Принцип стандартизации предполагает использование унифицированных требований к структуре отчетности, метрикам оценки и форматам представления данных, что обеспечивает сопоставимость результатов экспертизы между различными проектами и контрактами.

Принцип кросс-валидации основан на обязательной перекрестной проверке данных, полученных из различных источников (отчетная документация, цифровые артефакты, аналитические метрики), с целью выявления несоответствий и снижения риска искажения информации.

Архитектурно комбинированная модель оценки включает четыре взаимосвязанных уровня.

Первый уровень – входные данные и источники информации. На данном уровне формируется массив исходных данных, включающий отчетную документацию исполнителя, цифровые доказательства выполнения работ (фото-, видеофиксация, электронные журналы учета, данные мониторинга), а также контрактные и нормативные требования. Особое значение имеет обеспечение целостности и юридической значимости данных, включая использование электронных подписей и защищенных каналов передачи информации.

Второй уровень – аналитическая обработка и формализация показателей. На этом этапе осуществляется трансформация исходных данных в систему количественных и качественных метрик. Формируются KPI и SMART-показатели, рассчитываются коэффициенты выполнения этапов работ, выявляются отклонения от плановых значений. Использование BI-инструментов позволяет агрегировать данные, визуализировать ключевые показатели и автоматизировать первичную диагностику проблемных зон.

Третий уровень – экспертная интерпретация и контекстуализация. Эксперт анализирует результаты аналитической обработки с учетом специфики объекта оценки, отраслевых особенностей и условий реализации контракта. В рамках данного уровня экспертное суждение выполняет функцию интерпретации, объяснения причин выявленных отклонений и оценки их критичности, а также формулирования обоснованных выводов о степени достижения результатов.

Четвертый уровень – верификация и формирование итогового заключения. Заключительный этап предполагает кросс-проверку экспертных выводов с аналитическими данными и исходными цифровыми доказательствами. Итоговое экспертное заключение формируется как синтез количественных показателей и качественных оценок с обязательным указанием используемых метрик, источников данных и выявленных рисков.

Практическая реализация комбинированной экспертно-аналитической модели предполагает последовательное выполнение следующих этапов: сбор и структурирование данных; аналитическая обработка и расчет KPI; первичная автоматизированная диагностика отклонений; экспертная интерпретация результатов; кросс-валидация данных; формирование итогового экспертного заключения. Такой алгоритм позволяет минимизировать влияние субъективного фактора на ранних этапах оценки и сосредоточить экспертное внимание на интерпретации действительно значимых отклонений и рисков.

Сравнительный анализ показывает, что комбинированная экспертно-аналитическая модель обладает рядом существенных преимуществ. К ним относятся повышение объективности оценочных процедур, снижение вероятности ошибок и искажений, повышение прозрачности и воспроизводимости экспертных выводов, а также сокращение временных затрат на анализ отчетной документации. Кроме того, данная модель создает основу для дальнейшей цифровизации

экспертной деятельности и интеграции интеллектуальных аналитических инструментов, включая технологии машинного обучения, в процессы оценки результатов выполнения работ и оказания услуг.

Обсуждение

Проведенный анализ отчетной документации, включающей итоги экспертной оценки результатов выполнения работ и (или) оказания услуг, выявил недостатки традиционного подхода к оценочной процедуре. Проблемные зоны, связанные с использованием традиционных подходов к оценке отчетной документации, включают в себя следующее.

1. Преобладание общих формулировок без привязки к конкретным измеримым результатам, отсутствие четких метрик оценки качества (например, количественных данных) в более чем 62% проанализированных случаев.

2. Низкая детализация результатов с преобладанием субъективных оценок (например, «работы выполнены удовлетворительно») без подробного обоснования с опорой на аналитический инструментарий (более 58% от общего числа наблюдений);

3. Отсутствие стандартизации и разнородность форматов представления данных при необходимости унификации отчетов на основе заранее определенных требований к их структуре и содержанию.

Использованные методы исследования (контент-анализ, сравнительная оценка, экспертная верификация) показали, что традиционный подход к оценочным процедурам часто приводит к поверхностным выводам. Внедрение четких метрик оценки и (или) системы KPI, стандартизация отчетности и использование инструментов цифровой аналитики позволяют повысить объективность экспертизы.

Применение в качестве методологической парадигмы комбинированного экспертно-аналитического подхода при исследовании результатов выполнения работ (оказания услуг) продемонстрировало эффективность количественных ключевых показателей (KPI) и SMART-критериев (конкретные, измеримые, достижимые, релевантные, ограниченные по времени результаты). В рамках экспертизы результатов выполнения работ ключевыми аспектами проверки являются соблюдение требований контракта, спецификации или технического задания, выполнение этапов работ в установленные сроки, а также соответствие результатов выполненных работ (оказанных услуг) требуемым количественным и качественным характеристикам.

Наблюдения при изучении экспертных заключений показали более высокую точность верификации экспертных оценок по сравнению с теми, которые используют описательные отчеты без четких метрик. Сравнение двух групп проектов – с применением KPI и без них – проводилось на основе заранее согласованных количественных показателей оценки (например, «сроки завершения отдельных этапов работ», «наличие неисполненных обязательств» и проч.). Результаты сравнения свидетельствуют о том, что при внедрении в оценочные процедуры KPI эксперты фиксировали меньше расхождений между заявленными и фактическими результатами работ, что подтверждалось перекрестной проверкой данных.

Применение SMART-метрик при оценке результатов выполнения работ позволяет оценить их своевременность (например, путем фиксации запросов на продление сроков и их обоснованность), полноту исполнения каждого этапа работ в рамках реализации контракта (соответствие каждого этапа заранее определенным количественным и качественным критериям), а также прозрачность предоставляемой отчетности (наличие измеримых индикаторов, на основании которых формируется отчетная документация).

Использование объективных цифровых доказательств выполнения работ повышает прозрачность контроля и снижает количество спорных моментов за счет исключения субъективного фактора. Для обеспечения юридической значимости и объективности экспертизы применяются электронные подписи (для подтверждения подлинности и сроков подписания документов), фото- и видеофиксация, используемые как доказательство выполнения работ в заданных параметрах, а также аналитические данные на основе цифрового мониторинга процессов выполнения работ или реализации отдельных этапов контракта. Так, привлечение фотоотчетов при подтверждении исполнения работ не только служит фактом, обосновывающим их наличие, но и позволяет оценить их качественные характеристики (например, соответствие ГОСТ, техническим регламентам или требованиям технического задания). Электронный документооборот, включая размещение в реестре контрактов, повышает прозрачность процедур приемки.

Оптимизация анализа данных через BI-инструменты и визуализацию данных (дашборды, автоматизированные отчеты) сокращает временные затраты на проведение анализа при одновременном повышении точности за счет кросс-проверки данных. Так, сравнение вре-

мени, затрачиваемого экспертами на анализ стандартных отчетов (Excel, текстовые файлы), и времени, необходимого для проверки тех же самых отчетов, визуализированных с помощью BI-систем (Tableau, Яндекс.DataLens), показывает увеличение скорости выявления недочетов и ошибок при использовании цифровых инструментов бизнес-аналитики. Поскольку BI-инструменты позволяют автоматически агрегировать данные, визуализировать ключевые показатели и выявлять отклонения от заданных значений, объективность результатов оценки возрастает за счёт снижения нагрузки на экспертов и минимизации человеческого фактора при изучении и анализе данных.

Полученные результаты подтверждают первоначальное предположение о необходимости перехода от традиционной оценки, основанной на формальной отчетности, к гибридной модели, сочетающей качественный анализ с современными инструментами кросс-валидации и SMART-оценки. Ключевым фактором эффективности комбинированной оценочной практики является разработка единой методологии верификации, включающей стандартизацию метрик оценочных процедур (KPI, SMART-критерии) для исключения разночтений при формировании экспертных выводов; автоматизацию оценки данных с использованием современных цифровых платформ на основе технологий искусственного интеллекта; визуализацию и кросс-проверку через BI-инструменты для минимизации ошибок и совершенствования механизмов агрегации данных.

Полученные результаты согласуются с современными исследованиями в области оценки эффективности контрактов и экспертных систем. Как отмечает Ch. Turner в исследовании роли ключевых показателей эффективности в сфере госзакупок Великобритании [7], внедрение количественных метрик приводит к эффективности оценки в части фиксации снижения затрат, экономии бюджета, соблюдения сроков поставки ($\geq 95\%$) и требований к её качеству ($\leq 2\%$ дефектов). Данные наблюдения подтверждают наши выводы о росте надежности и точности верификации оценочных процедур при использовании KPI.

Особого внимания заслуживает вопрос цифровизации экспертных процедур. Как демонстрируют данные обзора российского рынка цифровизации закупок [8], внедрение данных цифровой аналитики снижает количество спорных ситуаций до 25%, подтверждая наши независимые наблюдения. В отчете отмечено, что цифровые доказательства не только повышают прозрачность, но и создают «цифровой след», позволяющий ретроспективно анализировать ход и результаты выполнения работ.

Перспективным направлением представляется интеграция искусственного интеллекта в экспертно-аналитические и оценочные системы. Как показывают современные исследования, алгоритмы машинного обучения могут автоматически выявлять несоответствия в отчетной документации, фиксировать подозрительные схемы, несоответствия и нарушения в государственных закупках, связанные с коррупцией [9], а также признаки горизонтального сговора и других несоответствий в документации и торгах [10].

Таким образом, полученные нами результаты имеют важные теоретические и практические импликации. С теоретической точки зрения, они вносят вклад в развитие концепции доказательной оценки, предлагая конкретные механизмы интеграции количественных и качественных данных в экспертно-аналитические процедуры. В практическом аспекте проведенное исследование демонстрирует возможность существенного повышения эффективности экспертизы путем внедрения методологии оценки, базирующейся на системах измеримых и верифицируемых показателей.

Заключение

Интеграция экспертной и аналитической оценки позволяет преодолеть ключевые проблемы формальной отчетности, обеспечивая переход к доказательной базе на основе верифицированных данных при проведении оценки результатов выполнения работ в рамках реализации контрактов и закупок. Результаты проведенного нами исследования с привлечением экспертных заключений демонстрируют, что применение KPI, цифровых подтверждений для оценочных метрик и BI-инструментов значительно повышает качество экспертных работ и надежность оценочных процедур в целом. Как показывают наблюдения, для успешного внедрения гибридной модели оценки необходимо разработать стандарты верификации для различных отраслей, обучить пул экспертов для работы с аналитическими инструментами, а также инициировать на государственном уровне широкое внедрение и использование цифровых платформ для сбора и обработки данных в процессе экспертно-аналитической деятельности.

Проведение объективной и достоверной экспертизы результатов выполнения работ требует четкой регламентации процесса как со стороны заказчика, так и исполнителя. На основе анализа современных

практик и нормативных требований можно выделить следующие ключевые требования. Требования к заказчику включают: четкое определение критериев оценки в контрактной документации с указанием измеримых KPI (метрик) и методов верификации; публикация требований к отчетности в открытых реестрах и использование стандартизированных шаблонов отчетов для их унификации; разработка алгоритмов действий при невыполнении KPI (уведомления, штрафы, расторжение контракта) и тщательное документирование всех этапов приемки для возможного оспаривания результатов. Требования к исполнителю связаны с предоставлением отчетности с привязкой к KPI или метрикам из технического задания (контракта), аргументированное обоснование отклонений (например, графики выполнения этапов с пояснениями задержек); применением фото-/видеофиксации для доказательства выполнения работ; добровольным внедрением KPI на текущих проектах для формирования позитивной репутации и разработкой планов корректирующих действий для минимизации рисков при исполнении контрактных обязательств.

Перспективы исследований в этой сфере связаны с разработкой универсальных метрик оценки и анализа влияния искусственного интеллекта на оценочные процедуры и их результаты, а также с интеграцией финансовых, операционных и социально-экономических показателей при экспертной проверке в единую систему оценки на основе измеримых показателей.

Литература

1. Венедиктов А. А., Серебряков К. Г. Характеризует ли коэффициент ранговой конкордации степень согласованности экспертных оценок? // Вооружение и экономика. – 2017. – № 2 (39). – С. 5–10.
2. Saaty T. A scaling method for priorities in hierarchical structures // Journal of Mathematical Psychology. – 1977. – Vol. 15. – P. 234–281.
3. Saaty T. The Analytic Hierarchy Process. – New York: McGraw-Hill, 1980. – 287 p.
4. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Олимп-Бизнес, 2024. – 214 с.
5. Минервин И. Г., Дэвенпорт Т. Х., Ронанки Р. Искусственный интеллект для реального мира // Harvard Business Review. – Boston, 2018. – Vol. 96, № 1/2. – P. 108–116. – Режим доступа: <https://hbr.org/2018/01/artificial-intelligence-for-the-real-world> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Provost F., Fawcett T. Data Science for Business: What You Need to Know about Data Mining and Data-Analytic Thinking / Foster Provost, Tom Fawcett. – Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2013. – 414 p.
7. Turner C. KPIs and Performance Measurement Tender Questions / Chris Turner. – 2025. – March 17. – Режим доступа: <https://thorntonandlowe.com/kpis-and-performance-tender-questions/> (дата обращения: 01.06.2025).
8. Обзор российского рынка цифровизации закупок // TAdviser. – 2025. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Обзор_российского_рынка_цифровизации_закупок (дата обращения: 01.06.2025).
9. Сергеева С. А., Булочникова Н. М. Искусственный интеллект: развитие государственных закупок с учетом современных технологий // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 6. – С. 132–135.
10. Молчанова Г. О., Рей А. И., Шагаров Д. Ю. Обнаружение признаков горизонтального сговора при государственных закупках с использованием методов машинного обучения // Экономическая наука современной России. – 2020. – № 1 (88). – С. 109–127.

INTEGRATING EXPERT AND ANALYTICAL ASSESSMENT IN WORK PERFORMANCE EVALUATION: FROM FORMAL REPORTING TO VERIFIED DATA

Chudinsky R.M., Beloglazov A.A., Lavrushina E.V., Zvonnikov V.I., Martynova (Korovina) O.Y. Voronezh State Pedagogical University, Moscow State Humanitarian and Economic University, G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Union of participants in relations in the field of education (Obrosoyuz), Head of General Education Department, Almira LLC

Quality control in contract performance analysis necessitates a shift from expert assessments based on formal reporting to systems utilizing verifiable data. The study's relevance stems from the discrepancy between actual work quality and its documentation, requiring integration of expert and analytical methods. This article analyzes the integration of expert and analytical assessment of work (service) results to develop a combined control method using KPIs, SMART metrics, and digital tools. Methodology. The study employs systematic and comparative analysis of traditional and modern methods (content analysis, KPI factor analysis, BI analytics) alongside case studies. Expert evaluation data were processed using content analysis and statistical methods, including cluster analysis. Results. Key issues in traditional methods were identified: lack of measurable metrics (62% of cas-

es), assessment subjectivity (58%), and inconsistent reporting standards. The combined approach using KPIs, SMART metrics, and BI tools enhances analysis accuracy and efficiency while ensuring objectivity and transparency. The scientific novelty lies in developing a methodology integrating expert and analytical assessment. Practical significance. The findings can improve objectivity in public procurement evaluations, develop verification standards, and facilitate digital platform implementation. Recommendations are provided for contractors (KPIs, reporting standards) and service providers (digital evidence) adopting this approach.

Keywords: expert evaluation, analytical verification, KPIs, SMART metrics, BI analytics, public contracts, work performance, service delivery.

References

1. Venediktov A. A., Serebryakov K.G. Does the rank concordance coefficient characterize the degree of agreement between expert assessments? // *Armament and Economy*. – 2017. – № 2 (39). – P. 5–10.
2. Saaty T. A scaling method for priorities in hierarchical structures // *Journal of Mathematical Psychology*. – 1977. – Vol. 15. – P. 234–281.
3. Saaty T. *The Analytic Hierarchy Process*. – New York: McGraw-Hill, 1980. – 287 p.
4. Kaplan R. S., Norton D.P. *Balanced Scorecard. From Strategy to Action*. 3rd ed., corrected. and enlarged. – Moscow: Olimp-Business, 2024. – 214 p.
5. Minervin I. G., Davenport T.H., Ronanki R. Artificial Intelligence for the Real World // *Harvard Business Review*. – Boston, 2018. – Vol. 96, № 1/2. – Pp. 108–116. – Available at: <https://hbr.org/2018/01/artificial-intelligence-for-the-real-world> (accessed: 01.06.2025).
6. Provost F., Fawcett T. *Data Science for Business: What You Need to Know about Data Mining and Data-Analytic Thinking* / Foster Provost, Tom Fawcett. – Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2013. – 414 p.
7. Turner C. KPIs and Performance Measurement Tender Questions / Chris Turner. – 2025. – March 17. – Available at: <https://thorntonandlowe.com/kpis-and-performance-tender-questions/> (Accessed: 01.06.2025).
8. Overview of the Russian Digital Procurement Market // TAdviser. – 2025. – Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Обзор_российского_рынка_цифровизация_закупок (Accessed: 01.06.2025).
9. Sergeeva S. A., Bulochnikova N.M. Artificial Intelligence: Development of Public Procurement Taking into Account Modern Technologies // *Innovations and Investments*. – 2023. – № 6. – pp. 132–135.
10. Molchanova G. O., Rey A.I., Shagarov D. Yu. Detection of signs of horizontal collusion in public procurement using machine learning methods // *Economic science of modern Russia*. – 2020. – № 1 (88). – P. 109–127.

Центральная Азия в эпоху геополитических изменений и религиозного экстремизма: сравнительный подход к политическим режимам

Айдарбекова Алия,

аспирант кафедры сравнительной политологии, научная специальность: 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: aydarbekova-a@rudn.ru

Аманбаева Дина,

аспирант кафедры сравнительной политологии, научная специальность: 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы,
E-mail: amanbaeva-d@rudn.ru

В условиях усиливающейся геополитической конкуренции и роста религиозного радикализма Центральная Азия демонстрирует пространственное разнообразие политических режимов и стратегий управления безопасностью. Статья применяет сравнительный подход к пяти государствам региона – Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану, Узбекистану – с целью выявления механизмов устойчивости политических режимов перед лицом двойной нагрузки: внутреннего радикализма и внешнего давления. В основе анализа – теоретические рамки секьюритизации и институционализма, а также методология сравнительного кейс-анализа с элементами процесс-трейсинга. Основные результаты показывают, что устойчивость режимов зависит не только от внешних геополитических ниш, но и от внутреннего доверия к институтам, управляемости политической повесткой и эффективности противодействия радикализующимся течениям в условиях экономических вызовов и миграционных потоков. Одной из главных целей исследования является проанализировать Центральную Азию в эпоху геополитических изменений и религиозного экстремизма, а также сделать сравнительный подход к политическим режимам к государствам региона. Научная новизна данной статьи обусловлена выработкой общих и различающихся паттернов устойчивости или уязвимости стран региона, в условиях существующих вызовов. Вклад статьи состоит в систематизации региональных различий и выработке общих рамок для политики внешних акторов и внутренних реформ.

Ключевые слова: Центральная Азия, религиозный радикализм, геополитика, политические режимы, институциональная устойчивость, сравнительный анализ, безопасность.

Для Центральной Азии XXI – век стал периодом интенсивной геополитической конкуренции между крупными державами и региональными игроками. В регионе усилились внешние влияния России, Китая, США и стран Евросоюза; одновременно усилилось внимание к внутренним вызовам, связанным с набирающей день за днем обороты радикализацией, миграцией, экономической зависимостью и управлением религиозной сферой. Эти динамики формируют контекст, в котором политические режимы стремятся сохранить легитимность и обеспечить безопасность, одновременно проводя реформы и модернизацию институтов. К вопросам данного исследования относятся следующие: какие общие механизмы поддерживают устойчивость режимов в условиях внешнего давления и внутренних рисков радикализации; какие различия между странами объясняются структурными условиями; какие выводы следует вынести для внешних акторов и самих стран для повышения эффективности политики безопасности и реформ;

Казахстан в эпоху геополитических изменений и религиозного экстремизма

Казахстан характеризуется сильно централизованной президентской властью в рамках управляемой политической системы. Официально сохраняются элементы политической конкуренции, однако реальная конкурентная среда ограничена, что обеспечивает устойчивость режима. Легитимность поддерживается высокими темпами экономического роста в предрисурный период, диверсификацией экспорта и эффективной бюрократической инфраструктурой. Сама политика контроля над религиозной сферой, регламентация религиозных организаций, профилактические программы в образовании и местных общинах, а также сотрудничество с внешними акторами в региональных форматах. На фоне миграционных потоков и экономических вызовов Казахстан внедрял программы профилактики радикализации и институционализацию религиозного лояльного участия. Говоря об изменениях, важно отметить, что Казахстан поддерживает баланс между Россией и Китаем, активно участвует в различных региональных проектах, выступает за диверсификацию экономических партнерств, включая иностранные инвестиции в энергетический сектор [10]. К слову, этот мульти-векторный подход уменьшает уязвимость к внешним партнерам и поддерживает устойчивость режима. Важно отметить тот факт, что сочетание экономической устойчивости и сильной бюрократии поддерживает легитимность, безопасность государства остается управляемой, вследствие чего радикализм проявляется весьма ограниченно за счет существующих институтов контроля и регуляции.

Кыргызстан в условиях трансформации мировой политики и религиозных вызовов

Республика Кыргызстан, в первую очередь что важно отметить, периодически сталкивается с кризисами власти и политическим транзитом. Данное явление обусловлено переключениями власти между партиями и региональными группировками, что влияет на устойчивость в сравнении с Казахстаном. Гражданское общество страны весьма активно, однако вопросы контроля над религиозной сферой вызывают спорные моменты. Сами внешние влияния выражаются через миграцию и финансовые потоки, которые могут усилить социально-экономические дисбалансы [5]. В стране наблюдается заметная роль России, потенциал сотрудничества с Китаем в рамках программы “Один пояс – один путь” и региональные форматы. Однако вместе с тем, влияние внешних акторов на внутреннюю политику государства возрастает. Таким образом, многоступенчатый характер внешнего влияния требует гибкого управления и координации с соседними государствами. Политическая гибкость страны является и плюсом, и минусом одновременно; риск нестабильности возрастает в периоды политических кризисов; однако активная гражданская сцена может способствовать адаптивности политического режима и поддержанию общественного баланса в рамках устойчивых институтов.

Таджикистан в контексте глобальных геополитических сдвигов и роста религиозных угроз

Политический режим Таджикистана характеризуется высокой концентрацией власти и ограниченной политической конкуренцией. Безопасность и контроль над населением являются ключевыми приоритетами,

что позволяет сохранять порядок, возможно, не в сильно долгосрочной перспективе. Государство прилагает все усилия по контролю над сферой религии, также важно отметить, что наблюдается активное участие силовых структур и госорганов в предотвращении возникающих угроз. Однако некоторые региональные факторы и близость границы с Афганистаном только усиливают значимость использования именно жестких мер безопасности [6]. Таджикистан активно ведет партнерство с Россией в области безопасности; взаимодействует с Китаем и различными региональными проектами; Однако наблюдается большое влияние внешних акторов на экономическое развитие и самое немаловажное, на миграционные потоки. К слову, высокий уровень контроля со стороны государства играет роль в поддержании порядка, но экономическая зависимость и миграционные потоки все больше создают угрозы легитимности и устойчивости в долгосрочной перспективе.

Туркменистан на пересечении современных геополитических и идеологических вызовов

Туркменистан является одним из наиболее закрытых режимов данного региона, отличается высокой степенью персонализации власти, достаточно слабой оппозицией, а в самом государстве наблюдается ограниченная политическая конкуренция. Здесь религиозная сфера строго регулируется, а государство, в свою очередь, осуществляет регламентацию и профилактику. В стране сильно ограничена роль гражданского общества и независимых институтов. Государство успешно использует газовую энергетику как инструмент влияния и проводит весьма осторожную внешнюю политику.

Туркменистан придерживается курса «позитивного нейтралитета», закрепленного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1995 года, что предполагает отказ от участия в военных союзах и блоках. Вместе с тем его выгодное геостратегическое положение на ключевых маршрутах транспортировки газа, а также значительный ресурсный потенциал делают страну объектом внимания со стороны таких крупных акторов. Используемая государством репрессивная модель обеспечивает краткосрочную стабильность, однако повышает риск экономической зависимости и изоляции, что в долгосрочной перспективе может привести к социальному напряжению и неспособности адаптироваться к быстро меняющимся современным условиям [1]. В условиях текущей геополитической турбулентности сохранение государственного суверенитета и относительной социально-экономической стабильности возможно прежде всего за счёт последовательного продолжения политики нейтралитета, дополненной выстраиванием сбалансированных, равноценных двусторонних отношений со всеми заинтересованными партнерами.

Современные вызовы в Узбекистане: геополитика и безопасность

На сегодняшний день Узбекистан отличается переходом к более открытой политической системе, с постепенным ослаблением жестких ограничений на религиозную сферу и общественную активность. В стране проводятся реформы в религиозной политике, наблюдается частичная либерализация общественной сферы и активные меры по модернизации образования. В современной политической динамике Узбекистана заметно возросло значение институтов гражданского общества и средств массовой информации в сфере профилактики и сдерживания религиозного радикализма. Параллельно республика последовательно развивает многовекторное внешнеполитическое взаимодействие, поддерживая сотрудничество с Россией, Китаем и государствами сопредельного региона, а также активно участвуя в региональных форматах диалога по вопросам безопасности и экономического развития. К слову, реформы, проводимые государством, повышают ее легитимность и устойчивость, однако требуют сопутствующей экономической и бюрократической модернизации [10]. Сам риск радикализма снижается, но общественная база поддержки все также требует ощутимых результатов реформ.

Обеспечение государственной безопасности Узбекистана требует не только институциональной и силовой устойчивости, но и интеграции социально-экономического развития, правового обновления и участия гражданского общества в единую стратегию противодействия современным угрозам. В долгосрочной перспективе ключевым фактором устойчивости станет способность страны сочетать многовекторную внешнюю политику и региональное сотрудничество с формированием собственной, культурно и национально обусловленной модели безопасности.

Синтез сравнительного анализа устойчивости политических режимов

Сравнительный анализ политических режимов государств Центральной Азии в контексте геополитических трансформаций и роста религиозно-

го экстремизма позволяет выявить структурные механизмы их устойчивости и уязвимости. Несмотря на различия в политических моделях и институциональной конфигурации, государства региона сталкиваются с сопоставимым набором внешних и внутренних вызовов, что создает основу для выявления общих закономерностей.

При наличии указанных общих факторов страны Центральной Азии демонстрируют различающиеся траектории политической устойчивости. Казахстан и Узбекистан в последние годы развивают модели централизованного управления, ориентированные на институциональную модернизацию и постепенную либерализацию при сохранении доминирующей роли государства. Эти режимы стремятся сочетать меры жесткой безопасности с социально-экономическими реформами, что способствует относительной стабильности и снижает риски радикализации. В то же время Кыргызстан и Таджикистан характеризуются более высокой степенью институциональной нестабильности и экономической уязвимости, что усиливает воздействие внутренних кризисов и ограничивает возможности долгосрочного управления рисками экстремизма. Туркменистан, напротив, опирается на жестко репрессивную модель политического контроля, обеспечивающую краткосрочную стабильность, но создающую потенциальные риски для легитимности власти и устойчивости социально-экономической системы в долгосрочной перспективе.

Отдельного внимания заслуживает влияние внешних акторов на трансформацию политических режимов региона. Геополитическая конкуренция между ведущими мировыми и региональными центрами силы оказывает существенное воздействие на формирование стратегий безопасности и внешнеэкономических приоритетов государств Центральной Азии. С одной стороны, участие в инфраструктурных и инвестиционных проектах, а также получение внешней финансовой и технической поддержки могут способствовать экономической диверсификации и укреплению устойчивости режимов. С другой стороны, чрезмерная зависимость от отдельных внешних партнеров создает риски асимметричной зависимости и ограничивает автономию внутренней политики, что требует развитых институциональных механизмов управления внешними влияниями.

В целом сравнительный анализ показывает, что устойчивость политических режимов в Центральной Азии не может быть обеспечена исключительно за счет силовых или репрессивных мер. Она формируется в результате сочетания политики безопасности с институциональным развитием, социально-экономическими реформами и гибкой внешней политикой. В условиях сохраняющейся геополитической турбулентности и угроз религиозного экстремизма именно способность режимов балансировать между контролем, легитимностью и адаптацией к внешней среде становится ключевым фактором их долгосрочной стабильности.

Политические режимы и религиозный экстремизм: институциональные взаимосвязи

Политические режимы государств Центральной Азии всё чаще рассматривают угрозу религиозного экстремизма не только как проблему национальной безопасности, но и как значимый ресурс политической легитимации. Конструирование экстремизма в качестве экзистенциальной угрозы позволяет властям обосновывать усиление исполнительной вертикали, сужение пространства политического плюрализма и расширение полномочий силовых структур. В этом контексте противодействие радикализму становится элементом более широкой стратегии сохранения и воспроизводства существующих режимных конфигураций, включая консолидацию авторитарных практик управления.

Вместе с тем подобная стратегия содержит в себе внутренние противоречия. Чрезмерная ориентация на репрессивные инструменты при отсутствии комплексных профилактических и социально-экономических мер способна порождать обратный эффект, выражающийся в снижении доверия к государственным институтам, росте социальной маргинализации и формировании латентных форм радикализации. В долгосрочной перспективе это подрывает политическую легитимность режимов и ограничивает их способность эффективно управлять религиозной сферой.

Характер реакции на угрозу религиозного экстремизма во многом определяется типом политического режима. В консолидированных авторитарных системах, таких как Туркменистан и Таджикистан, доминирует жесткая модель регулирования религиозной жизни, основанная на строгом государственном контроле, ограничении доступа к информации и активном применении силовых механизмов. Данный подход обеспечивает относительную краткосрочную стабильность, однако одновременно усиливает риски отчуждения религиозных групп и дефицита институциональной легитимности. В гибридных режимах с элементами управляемой либерализации, прежде всего в Казахстане

и Узбекистане, политика противодействия экстремизму носит более комплексный характер, сочетая силовые меры с программами профилактики, образовательными и социальными инициативами. Такая модель демонстрирует более высокую адаптивность к внутренним и внешним вызовам и позволяет эффективнее управлять рисками радикализации. В условиях политически фрагментированных режимов, как в Кыргызстане, институциональная нестабильность и конкуренция элит снижают согласованность государственной политики в сфере безопасности и усиливают роль неформальных акторов, что ограничивает эффективность противодействия экстремистским угрозам.

Религиозный экстремизм в регионе также выступает объектом процесса секьюритизации, в рамках которого социальные и экономические проблемы интерпретируются преимущественно через призму угроз безопасности. В результате религиозная сфера выводится из социально-культурного контекста и включается в силовую логику государственного управления, а контроль над религиозной жизнью становится инструментом политического регулирования. Это приводит к трансформации отношений между государством и обществом, расширяя зону вмешательства власти в религиозную и частную сферы и изменяя баланс между обеспечением безопасности и поддержанием общественного доверия.

Заключение

Настоящая статья представляет систематический сравнительный анализ политических режимов пяти государств Центральной Азии в условиях геополитических трансформаций и роста религиозного радикализма. Полученные результаты свидетельствуют о том, что устойчивость политических режимов в регионе формируется на основе взаимодействия трех ключевых факторов: эффективности государственного управления религиозной сферой и механизмов профилактики радикализации;

уровня институциональной легитимности и общественного доверия; а также способности режимов адаптироваться к изменяющейся геополитической среде посредством диверсификации внешнеполитических связей и экономических моделей развития.

Региональные различия в степени устойчивости отражают специфику исторически сложившихся политических традиций, социально-экономического развития и характера внешних взаимодействий. Казахстан и Узбекистан демонстрируют модели относительно управляемой трансформации, сочетающие централизованное политическое руководство с элементами постепенной либерализации. Кыргызстан и Таджикистан, напротив, остаются более уязвимыми к политической и социально-экономической нестабильности, что повышает риски долгосрочной устойчивости их политических систем. Туркменистан сохраняет статус-кво за счёт жёстко репрессивной модели управления, обеспечивающей краткосрочную стабильность, но потенциально подрывающей легитимность власти и экономическую устойчивость в средне- и долгосрочной перспективе.

На основе проведенного анализа в статье сформулированы ориентиры для политики внешних акторов, предполагающие поддержку институциональных реформ, развитие гражданского общества, повышение транспарентности управления и проведение сбалансированной внешней политики. Для государств региона особое значение имеют гибкое, но последовательное управление реформами, углубление регионального сотрудничества, а также расширение инклюзивных подходов в образовательной и религиозной сферах. В целом обеспечение устойчивости Центральной Азии требует многоуровневого подхода, сочетающего укрепление институциональных основ власти, развитие человеческого капитала и гражданского общества, а также проведение взвешенной и многовекторной внешнеполитической стратегии (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ устойчивости политических режимов ЦА¹

Страна	Тип политическо-го режима	Подход к религиозному экстремизму	Роль религии в политике	Уровень легитимности и доверия	Адаптация к геополитическим изменениям	Общая оценка устойчивости
Казах-стан	Гибридный режим с доминирующей исполнительной властью	Комбинация силовых мер и профилактики радикализации; контроль религиозно-го поля	Институционализированная поддержка «традиционного ислама»	Относительно высокая, поддерживается социально-экономической ста-бильностью	Многовекторная внешняя политика	Относительно высокая, адаптивная
Кыргы-зстан	Политически фрагментирован-ный режим	Непоследовательная политика; ограниченные институци-ональные ресурсы	Слабый государственный контроль, влияние нефор-мальных акторов	Нестабильная	Ограниченная способ-ность к стратегической адаптации	Уязвимая
Узбе-кистан	Централизован-ный гибридный режим	Переход от жёсткой секьюри-тизации к профилактическим и социальным мерам	Использование религии как элемента националь-ной идентичности	Растущая, за счет реформ и снижения репрессивности	Активная региональная и внешнеэкономическая переориентация	Умеренно высокая, воз-растающая
Таджи-кистан	Консолидирован-ный авторитар-ный режим	Жесткая репрессивная мо-дель, высокая секьюритизация религии	Полный государственный контроль религиозной сферы	Формальная, опирает-ся на силовой ресурс	Зависимость от внеш-ней помощи и безопас-ности	Средняя в краткосроч-ной перспективе, риско-ванная в долгосрочной
Тур-кмени-стан	Закрытый автори-тарный режим	Тотальный контроль, превен-тивное подавление религиоз-ной активности	Исключение религии из публичной политики	Низкая, компенсирует-ся репрессиями	Ограниченная внешне-политическая гибкость	Краткосрочная стабиль-ность, низкая долго-срочная устойчивость

Литература

- Булкин В.В., Моисеенко К.С. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан). 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-v-tsentralnoy-azii-tadzhikistan-uzbekistan-turkmenistan>
- Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». СПб., 2015.
- Зайферт А., Звягельская И., Каримова А., Макаров Д., Малышева Д., Ниязи А., Поляков К., Сыроежкин К., Наумкин В., Шакиров Р. Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991–2006) / Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований. М., 2006.
- Звягельская И.Д. Исламское возрождение в Центральной Азии: причины и игроки / И.Д. Звягельская // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011.
- Канаев А.Б. Международный терроризм и религиозный экстремизм: угроза безопасности Кыргызстана в нестабильных условиях

¹ Все случаи, показанные в таблице 1, соответствуют критериям, которые выставляются для квалификации стран ЦА и составлена авторами статьи.

в мире // 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-ugroza-bezopasnosti-kyrgyzstana-v-nestabilnyh-usloviyah-v-mire>

6. Махамат Т.Н., Рахимов К.Х., Теплов А.В., Чертилин О.В. Борьба с терроризмом в СНГ (на примере Таджикистана). 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-terrorizmom-v-sng-na-primere-tadzhikistana>

7. Модестов С.А. Развитие государственно-гражданского диалога в деятельности по предупреждению экстремизма при проведении важных общественно – политических мероприятий. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gosudarstvenno-grazhdanskogo-dialoga-v-deyatelnosti-po-preduprezhdeniyu-ekstremizma-pri-provedenii-vazhnyh-obschestvenno>

8. Рахматов И. Внешние факторы развития и радикализации ислама в регионе Центральной Азии // Интернет-издание «Ислам в СНГ», 13.11.2010.

9. Усманов Б.К. Факторы политизации ислама в странах Центральной Азии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 3–1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-politizatsii-islama-v-stranah-tsentralnoy-azii>

10. Филиппов О.В. «Противодействие религиозному экстремизму в Республике Казахстан: Правовой аспект» // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2022. № 1 (12).URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivopozitsiya-religioznomu-ekstremizmu-v-respublike-kazakhstan-pravovoy-aspekt>

ka.ru/article/n/protivodeystvie-religioznomu-ekstremizmu-v-respublike-kazakhstan-pravovoy-aspekt (дата обращения: 10.12.2025).

11. Щерба А.А., Ахмедова Н.С., Казьмина Е.Д., «Исламское движение Узбекистана» как вызов стабильности на постсоветском пространстве. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-dvizhenie-uzbekistana-kak-vyzov-stabilnosti-na-postsovetskom-prostranstve>

CENTRAL ASIA IN THE ERA OF GEOPOLITICAL CHANGES AND RELIGIOUS EXTREMISM: A COMPARATIVE APPROACH TO POLITICAL REGIMES

Aidarbekova A., Amanbayeva D.

RUDN University named after P. Lumumba

Amid intensifying geopolitical competition and the rise of religious radicalism, Central Asia exhibits significant spatial diversity in political regimes and security governance strategies. This article adopts a comparative approach to the five states of the region – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan – with the aim of identifying the mechanisms of regime resilience in the face of a dual burden: internal radicalism and external pressure. The analysis is grounded in the theoretical frameworks of securitization and institutionalism and employs a comparative case-study methodology with elements of process tracing.

The main findings demonstrate that regime resilience depends not only on external geopolitical niches but also on internal trust in institutions, the manageability of the political agenda, and the effectiveness of countering radicalizing trends under conditions of economic challenges and migration flows. One of the key objectives of the study is to analyze Central Asia in an era of geopolitical transformation and religious extremism, as well as to apply a comparative perspective to the political regimes of the region's states. The scientific novelty of the article lies in identifying both shared and divergent patterns of resilience and vulnerability among the countries of the region in the context of existing challenges. The contribution of the article consists in systematizing regional differences and developing common analytical frameworks relevant for both the policies of external actors and domestic reform agendas.

Keywords: Central Asia, religious radicalism, geopolitics, political regimes, institutional stability, comparative analysis, security.

References

1. Bulkin V.V., Moiseenko K.S. Terrorism in Central Asia (Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan). 2020. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-v-tsentralnoy-azii-tadzhikistan-uzbekistan-turkmenistan>
2. Egorov E.N. Counteracting terrorism and religious extremism: the experience of Central Asian states: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia". St. Petersburg, 2015.
3. Seifert A., Zvyagelskaya I., Karimova A., Makarov D., Malysheva D., Niyazi A., Pol'yakov K., Syroezhkin K., Naumkin V., Shakirov R. Fifteen Years That Changed Central Asia (1991–2006) / International Public Organization Center for Strategic and Political Studies. Moscow, 2006.
4. Zvyagelskaya I.D. Islamic Revival in Central Asia: Causes and Players / I.D. Zvyagelskaya // Islamic Factor in History and Modernity. Moscow, 2011.
5. Kanaev A.B. International Terrorism and Religious Extremism: A Threat to Kyrgyzstan's Security in an Unstable World // 2022. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-ugroza-bezopasnosti-kyrgyzstana-v-nestabilnyh-usloviyah-v-mire>
6. Makhamat T.N., Rakhimov K.Kh., Teplov A.V., Chertilin O.V. The fight against terrorism in the CIS (on the example of Tajikistan). 2024. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-terrorizmom-v-sng-na-primere-tadzhikistana>
7. Modestov S.A. Development of public-civil dialogue in activities to prevent extremism during important socio-political events. 2022. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-gosudarstvenno-grazhdanskogo-dialoga-v-deyatelnosti-po-preduprezhdeniyu-ekstremizma-pri-provedenii-vazhnyh-obschestvenno>
8. Rakhmatov I. External factors of the development and radicalization of Islam in the Central Asian region // Internet publication "Islam in the CIS", 11/13/2010.
9. Usmanov B.K. Factors of the politicization of Islam in the countries of Central Asia // International journal of humanitarian and natural sciences. 2025. No. 3–1. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-politizatsii-islama-v-stranah-tsentralnoy-azii>
10. Filippov O.V. "Countering Religious Extremism in the Republic of Kazakhstan: Legal Aspect" // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. 2022. No. 1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-religioznomu-ekstremizmu-v-respublike-kazakhstan-pravovoy-aspekt> (accessed: 12/10/2025).
11. Shcherba A.A., Akhmedova N.S., Kazmina E.D., "The Islamic Movement of Uzbekistan" as a Challenge to Stability in the Post-Soviet Space. 2023. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-dvizhenie-uzbekistana-kak-vyzov-stabilnosti-na-postsovetskom-prostranstve>

Особенности профессиональной мотивации сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России

Проблема формирования профессиональной мотивации кадров, зачисленных в резерв, обусловлена достаточно высокой текучестью кадров в практических органах, важностью обеспечения исполнения установленных условий отбывания наказания и поиска личностных и деловых характеристик личности сотрудника, способных поддерживать высокий уровень профессиональной и служебной готовности.

Прогнозируемость и устойчивость ядра кадров в исправительных учреждениях напрямую зависит от мотивационной системы и подсистем, мотивационного потенциала, мотивационной активности личности. Раскрытие адаптационного потенциала личности предполагает мониторинг и развитие внутренней и внешней мотивации, выступающей системообразующим фактором достижения служебных задач и профилактики профессиональных деструкций.

Проведено эмпирическое исследование особенностей профессиональной мотивации сотрудников, включенных в кадровый резерв на должности среднего и старшего начальствующего состава. Выявлены доминирующие карьерные ориентации, отличительные особенности структуры профессиональной мотивации у различных категорий сотрудников.

Автором предлагаются рекомендации, ориентированные на использование возможностей развития и коррекции профессиональной мотивации лиц, зачисленных в резерв кадров в практических органах уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная мотивация, сотрудник, зачисленный в резерв кадров, исправительное учреждение, профессиональная компетентность, стабильность работы, интеграция стилей жизни.

Федеральный Закон «О службе в УИС» раскрывает общие и специальные требования к сотрудникам, зачисленным в резерв для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе, определяет перечень мер организационно-правового и управленческо-кадрового характера по формированию устойчивого кадрового обеспечения [1]. Анализ публикаций, посвященных вопросам психологического обеспечения подбора и подготовки сотрудников, включенных в руководящий резерв, позволяет отметить актуальность данной проблемы для органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы [2, с. 116–117].

Кадровая оценка конструктивной профессиональной адаптации сотрудника в новой должности предполагает анализ наиболее значимых, устойчивых личностных характеристик, обеспечивающих успешность вхождения в служебный ритм, предполагающий большой объем деятельности и ответственности [3, с. 318–320].

Исследованию психологических свойств и качеств работников, состоящих в кадровом резерве, посвященных публикации как зарубежных, так и отечественных психологов [4].

Представляется необходимым отметить, что служба в практических органах уголовно-исполнительной системы характеризуется высоким уровнем напряженности, конфликтности, зачастую ситуации, возникающие в исправительных учреждениях, несут прямую опасность для жизни и здоровья сотрудников [5, с. 255]. А поэтому процессу «ввода в строй» сотрудников, назначаемых на должности среднего и старшего начальствующего состава в исправительных учреждениях присуще большое число трудностей и проблем (Б.Г. Бовин, М.Г. Дебольский, Д.В. Сочивко, В.М. Поздняков и др.).

Эффективное разрешение сотрудником субъектных, объектных и обстановочных проблем при назначении на вышестоящую должность предполагает актуализацию возможностей профессиональной мотивации [6, с. 146].

В современных публикациях, посвященных анализу особенностей личности сотрудников, проходящих службу в практических органах уголовно-исполнительной системы, прямо отмечается важность обращения к такому ресурсу как мотивация. Сформированность мотивационных ресурсов личности, включенной в новые для себя условия жизнедеятельности, позволяют преодолевать сложные этапы профессионально-служебной деятельности, противодействие эмоциональному выгоранию, профессиональной деформации, нарушению служебной дисциплины и т.п. [7, с. 35–44]

Мотивация и направленность мотивов, сформированность и целостной мотивационной структуры личности оказывает побуждающее и корректирующее влияние на эффективность адаптации к условиям службы в исправительном учреждении.

При этом, представляется, что профессиональная мотивация сотрудников уголовно-исполнительной системы – это действие конкретных побудительных факторов (внешних и внутренних), которые обуславливают системную и целенаправленную деятельность на эффективное выполнение должностных обязанностей и достижению целей служебной деятельности.

Однако, мониторинг развития и изменения качественного содержания профессиональной мотивации предполагает оценку состояния мотивационной сферы на разных этапах службы сотрудников исправительного учреждения, в том числе при включении в резерв кадров на выдвижение и назначении на должность.

Непосредственно формирование и содержательное наполнение работы по обеспечению кадрового резерва осуществляется в соответствии с Приказом Минюста России от 23 сентября 2020 г. № 212 [8]. Изучение личностных и деловых качеств кандидата является важнейшим условием адаптации при назначении на должность в исправительном учреждении.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей профессиональной мотивации сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение на базе УФСИН России по Вологодской области. Выборку составили 50 человек (25 сотрудников, реализующих профессиональную деятельность в условиях непосредственного взаимодействия с осужденными», состоящих в резерве кадров на выдвижение, первая группа, и 25 сотрудников,

реализующих профессиональную деятельность вне непосредственно-го контакта с осужденными. По половому признаку выборку составили: 35 мужчин, 15 женщин. Возрастные границы: от 29 до 42 лет. Стаж работы: от 3 до 9 лет. Образование: средне-специальное и высшее.

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности профессиональной мотивации у сотрудников, исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров, нами была использована методика изучения мотивации профессиональной карьеры «Якоря карьеры» (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова) (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение средних значений, полученных по методике «Якоря карьеры» (Э. Шейн) у респондентов, включенных в первую и вторую группы

Шкалы	Средние значения, первая группа	Средние значения, вторая группа	U-критерий
Профессиональная компетентность	43,6	41,8	p<0,01
Менеджмент	34,3	33,5	—
Автономия	31,6	30,3	—
Стабильность работы	34,7	32,6	p<0,05
Служение	32,7	32,2	—
Вызов	31,2	32,5	—
Интеграция стилей жизни	36,9	34,5	p<0,05
Стабильность места жительства	24,4	24,3	—
Предпринимательство	20,9	19,5	—

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что выявленные значимые различия по шкале «Профессиональная компетентность» (p<0,01) между респондентами, включенными в первую и вторую группы, связаны с особенностями сформировавшейся системой побуждений, обеспечивающей интерес к службе в исправительном учреждении, потребность в повышении качества собственных профессиональных компетенций.

Можно предположить, что наиболее высокие показатели шкале «Профессиональная компетентность» (43,6) у сотрудников, включенных в резерв кадров, обеспечивают достаточно высокий социальный и профессиональный статус, интеграцию в организационную культуру, коррекцией психического напряжения и устойчивости настроения.

Кроме этого, большая ориентация респондентов, включенных в первую группу, вероятно, обеспечивает реализацию таких карьерных стратегий как «Стабильность работы» (34,7) и «Интеграция стилей жизни» (36,9).

Представляется, что умеренно высокие показатели по шкалам «Стабильность работы» и «Интеграция стилей жизни» обеспечивает необходимый уровень ориентаций сотрудника между карьерой и личной жизнью. В этой связи актуализация потребности в стабильной профессиональной деятельности, выступает к качестве предиктора, обеспечивающая чувство безопасности и прогнозируемости вероятного будущего.

Значимые различия между первой и второй группой опрошенных респондентов по шкалам «Стабильность работы» (p<0,05) и «Интеграция стилей жизни» (p<0,05) может указывать на осознанное побуждение сотрудников, включенных в резерв кадров, в управлении своей карьерой и достаточно высоким уровнем притязаний.

В рамках организации психологического сопровождения сотрудников исправительных учреждений, включенных в резерв кадров, следует обозначить необходимость:

1. Разработка индивидуальной программы психологического сопровождения сотрудника, учитывающей мотивационной и профессиональной потенциал, обеспечивающий потребность в дальнейшем профессиональном развитии, повышении самооценки и принятия себя.
2. С учетом адаптационных ресурсов личности сотрудника, стажа службы в подразделении и специфики функциональной обособленности отдельных служб исправительного учреждения, в котором планируется назначение сотрудника, необходимо оптимизация системы мотивационной структуры и коррекция неэффективных стратегий поведения.
3. Разработать комплекс индивидуально обоснованных рекомендаций, направленных на повышение удовлетворенности службой, необходимый для дальнейшего профессионального развития и личностного самосовершенствования.

Литература

1. О службе в Уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Соболев Н.Г. Личностные особенности сотрудников уголовно-исполнительной системы, зачисленных в резерв кадров на выдвижение // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 1 (57). С. 115–122.
3. Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2001. 639 с.
4. Тавилова Н.Н. Кадровый резерв сотрудников УИС: особенности личностного роста, карьеры, психологического сопровождения: Монография. Рязань, 2020. 202 с.
5. Александров Б.В., Кечил Д.И. Детерминанты психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы в экстремальных условиях профессиональной деятельности // Человеческий капитал. 2023. № 12 (180). С. 254–261.
6. Долинин А.Ю. Мотивация и стимулирование служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и повышение эффективности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 144–151.
7. Гаврина Е.Е., Рожков О.А., Сочивко Д.В. Мотивационные детерминанты профессиональной деформации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Рязань, 2016. 176 с.
8. Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ Минюста России от 23.09.2020 № 212 (ред. от 09.08.2023) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

PROFESSIONAL MOTIVATION OF CORRECTIONAL INSTITUTION EMPLOYEES ENROLLED IN THE PERSONNEL RESERVE FOR PROMOTION

Sobolev N.G.

UIS FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The problem of developing professional motivation for correctional institution employees is due to the relatively high turnover of personnel in practical agencies, the importance of ensuring compliance with established sentence conditions, and identifying personal and professional characteristics that enable employees to maintain a high level of professional and service readiness.

The predictability and sustainability of the core workforce in correctional institutions directly depends on the motivational system and subsystems, motivational potential, and motivational activity of the individual. Unleashing an individual's adaptive potential requires monitoring and developing internal and external motivation, which serves as a system-forming factor in achieving job objectives and preventing professional deterioration.

An empirical study was conducted on the professional motivation characteristics of employees included in the personnel reserve for mid- and senior-level management positions. Dominant career orientations and distinctive features of the professional motivation structure were identified for different categories of employees.

The author offers recommendations aimed at leveraging opportunities for developing and adjusting the professional motivation of individuals included in the personnel reserve in practical agencies of the penal system.

Keywords: motivation, professional motivation, employee included in the personnel reserve, correctional institution, professional competence, job stability, lifestyle integration.

References

1. O sluzhbe v Ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnese-nii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdenijax i organax, ispolnyayush-hix nakazaniya v vide lisheniya svobody»: feder. zakon ot 19.07.2018 № 197-FZ (red. ot 29.12.2025) // SPS «Konsul'tant-Plyus».
2. Sobolev N.G. Lichnostny'e osobennosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj siste-my', zachislenny'x v rezerv kadrov na vy'dvizhenie // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 1 (57). S. 115–122.
3. Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya: Ucheb. posobie dlya vuzov / Pod red. prof. A.M. Stolyarenko. M.: YuNITI – DANA, 2001. 639 s.
4. Tavtilova N.N. Kadrovyy'j rezerv sotrudnikov UIS: osobennosti lichnostnogo rosta, kar'ery', psixologicheskogo soprovozhdeniya: Monografiya. Ryazan', 2020. 202 s.
5. Aleksandrov B.V., Kechil D.I. Determinanty' psixologicheskoy ustojchivosti sotrud-nikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' v e'kstrema'l'ny'x usloviyax professional'noj deyatel'nosti // Chelovecheskij kapital. 2023. № 12 (180). S. 254–261.
6. Dolinin A. Yu. Motivaciya i stimulirovanie sluzhebnoj deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy': sovremennoe sostoyaniye i pov'y'sheniye e'ffektivnosti // Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya. 2015. № 4. S.144–151.
7. Gavrina E.E., Rozhkov O.A., Sochivko D.V. Motivacionny'e determinanty' pro-fessional'noj deformacii lichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy'. Ryazan', 2016. 176 s.
8. Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya kadrov'x rezervov uchrezhdenij i or-ganov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' Rossijskoj Federacii: Prikaz Minyusta Rossii ot 23.09.2020 № 212 (red. ot 09.08.2023) [E'lektronny'j resurs] // SPS «Konsul'tant Plyus».

Бочкаев Алу Ризванович,

аспирант кафедры политологии, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: ab500tm@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые обстоятельства роста девиантной и экстремистской активности в молодежной среде, являющейся не только уголовно-правовой, но и значимой политической проблемой, требующей соответствующего осмысления и реагирования. Отмечается, что развитие экстремистских проявлений, как осознанных, так и совершаемых под воздействием третьих лиц, приводит к существенному материальному и физическому урону для общества и государства, а также усложняет процесс политической социализации. При этом, факторы, способствующие подобному развитию событий, являются многосторонними, включающими как политическую, так и информационную и социально-экономическую проблематику. С учетом этого, представляется крайне необходимым разработка дополнительных мер, предпринимаемых государством в сфере молодежной политики и модерирования политической социализации молодежи, направленных не только на купирование, но и на комплексное предотвращение проявлений девиантных действий. Так, автором в этой связи рассматривается потенциал информационно-просветительского направления, задачами которого является улучшение коммуникаций между молодежью и государством, а также донесение общественных гуманистических ценностей, и организационно-функциональное направление, подразумевающее совокупность практических мер по организации досуга молодежи и привития им норм и правил социально-ориентированного поведения.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная политика, политическая социализация молодежи.

Введение

Рассматривая современные особенности политической социализации молодежи, следует выделить рост проблематики, связанной с девиантной формой поведения, становящейся все более распространенной среди представителей молодежной среды. Сам характер девиантности при этом существенным образом видоизменяется на фоне усложнения общественно-политической обстановки и усиления внешнего, в том числе информационно-когнитивного, давления.

Современные обстоятельства требуют видоизменения подходов к анализу и оценке рассматриваемых угроз. Когнитивные войны как технология требуют выработки системных мер противодействия возникающим угрозам, реализация которых представляется невозможной без изменения подходов к обеспечению безопасности цифровой среды [9, с. 293]. В качестве важного фактора следует выделить также смещение идеологических установок современной молодежи. Данная тенденция, как и предыдущая, является характерной как для российского общества на современном этапе его развития, так и согласуется с новыми общемировыми трендами. Подобная характеристика предполагает централизацию идеологических настроений и переход от жестких догматических концепций к практико-ориентированным подходам политического управления, и, как следствия, соответствующих политических взглядов.

Исходя из этого, существующие идеологии фактически конвертируются в единое направление, отличающееся по большей части своей спецификой в зависимости от государства или его регионов. Однако, параллельно с этим происходит и обратный процесс: если большая часть молодежи отходит от классических идеологических течений в пользу ценностей общегуманитарного характера, присущих практически всем без исключения политическим моделям, то часть молодежи наоборот становится более подверженной идеологическим установкам, носящим уже более доктринальный, либо даже радикальный характер [8, с. 85].

Тем самым, происходит ситуация, при которой условное большинство представителей молодежной среды оказывается сторонниками центристских воззрений по системе политических координат, а меньшая часть располагается по краям такой системы, подпадая под влияние ультралевых и ультраправых организаций, включая группы и сетевые сообщества, прямо указывающие в качестве своей мировоззренческой основы ненависть к определенным группам или к человечеству в целом.

Проблематика и факторы экстремистской деятельности

Ключевой угрозой последних лет становится проблематика нападений в учебных заведениях. Число подобных прецедентов, отмеченных нанесением тяжелых телесных повреждений или приведших к гибели людей (в том числе массовой) оценивается в 23 эпизода в период с 2016 по 2025 год. При этом, на фоне ужесточения правил в сфере оборота оружия и усиления мониторинга социальных сетей представителями правоохранительных органов, значительное количество нападений, наблюдаемых в последние несколько лет отмечается использованием не огнестрельного, а холодного оружия. Подобное обстоятельство, несмотря на меньшее количество жертв при совершении атак, означает и их большую частоту, основанную на доступности средства нападения, что служит безусловным дополнительным риском и требует создания системы коррекции отношения к вопросам политической социализации молодежи, важнейшей целью которой является выработка конвенциональных стратегий поведения молодого человека, не выходящего за правовые и моральные рамки.

Другое направление, получившее свою печальную актуальность, связано с вовлечением представителей молодежи в диверсионную среду. Зачастую, данные действия совершаются на «возмездной» основе, рассматриваясь как способ заработка [4, с. 265]. Так, только за первое полугодие 2025 года число осужденных за преступления по статье «Терроризм» составило 210 человек, при этом 4 из них – в возрасте от 14 до 17 лет, а общее количество лиц, относящихся к группе молодежи (от 14 до 35) – 79 человек. За диверсии же в аналогичном периоде было осуждено 48 человек, из них 13 – подростки в возрасте от 14 до 17 лет, 20 – юноши в возрасте от 18 до 24 лет [1].

При этом, характерной особенностью, наблюдаемой в условиях Специальной военной операции, является то, что многие из осужденных на момент совершения противоправных действий не имели собственного умысла, а действовали под воздействием схем телефонных мошенников. При этом, классической схемой при таком варианте становится угроза жертве со стороны лиц, представляющих сотрудников органов государственной власти. Сами же жертвы, находящиеся под внешним влиянием, как правило, не обращаются в «настоящие» органы власти, результатом чего является совершение терактов и диверсий, приводящих не только к значительным материальным издержкам, но и, в отдельных случаях, к гибели людей.

В качестве причин, обуславливающих возможность развития подобных ситуаций, следует рассмотреть следующие факторы (табл. 1).

Таблица 1. Факторы девиантной и экстремистской деятельности

Группа	Факторы
Политические факторы	1. Распространенность радикальных политических течений 2. Недоверие к органам власти (необращение в случае вовлечения в незаконную деятельность)
Информационные факторы	1. Огромные массивы данных, воздействующих на молодежь 2. Слабые навыки верификации информации
Экономические факторы	1. Финансовые трудности 2. Безработица
Социальные факторы	1. Негативное влияние окружения 2. «Отторжение» обществом

Следует отметить, что сам факт обращения молодежи к неконвенциональным формам поведения зачастую представлен не ситуативными действиями, а имеет под собой более глубокие, разноплановые причины [2, с. 42]. При этом, несмотря на преимущественное неодобрение подобной деятельности, вызывают опасения нередкие случаи «оправдания» экстремистских действий среди молодежи [5, с. 160].

Направления предотвращения девиантного и экстремистского поведения

Представляется, что рассматриваемые случаи, являющиеся не разовой, а системной угрозой, требуют не только жесткого и правомерного наказания [10, с. 290], но и выстраивания системы их недопущения или минимизации, что, в свою очередь, является напрямую связанной с политической социализацией молодежи задачей [3, с. 36].

В этой связи автором выделяются информационно-просветительское и организационно-функциональное направления противодействия экстремизму в молодежной среде.

Информационно-просветительское направление формулирует необходимость усиления доверия представителей молодежи к органам власти и правоохранительным структурам. Важнейшей задачей в этой связи представляется не только информирование детей и подростков об организации власти, но и внедрение концепта доверительного общения и взаимодействия. Подобное обстоятельство имеет особенную проблематику с учетом того, что значительная часть нападения в образовательных учреждениях совершается при предварительном наличии сопутствующих признаков, включая, например, неадекватное поведение или радикальные идеи отдельных лиц, сообщение о которых должно не восприниматься молодым поколением как «ябедничество», а рассматриваться в качестве факта проявления гражданской позиции и стремления защитить себя и окружающих.

При этом, следует отметить не только фактическое, но и институциональное отставание методик донесения информации до молодых людей. Одним из ключевых явлений в политической ориентации российской молодежи во время проведения Специальной военной операции стал возросший запрос на коммуникацию с государственными институтами. Актуальным трендом последних нескольких лет является фактическое дублирование информационных и политико-просветительских функций государства частными независимыми акторами.

Несмотря на всю безусловную важность официальных институтов, молодежь все в большей степени ориентируется на лидеров мнений, приобщение которых к процессам социализации молодежи становится существенной государственной задачей. Многочисленные лидеры общественного мнения, имеющие свои публичные страницы в социальных сетях и каналы в видео-сервисах YouTube и Rutube привлекают значительное число зрителей и читателей. Аудитория в данном контексте становится не только пассивным участником процессов анализа происходящих событий, но и активно делится ими, создавая тем самым сетевые коммуникационные структуры, способствующие

политической социализации. Инфлюенсеры оказывают серьезное влияние на аудиторию, в том числе идеологическое, способствующее развитию у аудитории гуманистических, прогосударственных основ мировосприятия. Также инфлюенсеры зачастую отличаются активной позицией, уверены в правильности распространения своей точки зрения, имеют широкие социальные контакты.

В то же время при спаде интереса российской молодежи к традиционным средствам массовой информации, в особенной степени телевидения, подобные акторы позволяют государству доносить свою повестку до молодых людей наиболее эффективным способом в текущих реалиях. Далеко не всегда лидеры мнений являются непосредственными представителями политической сферы, однако они выступают в роли проводников общенациональных ценностей, конкретизируемых официальными институтами. Государство через их деятельность учитывает адресность подачи информации, а также особенности политического участия и поведения молодежи.

Однако в силу того, что подобный процесс носит несистемный характер, крайне актуальным является запрос на повышение степени коммуникаций государственных институтов с лидерами общественного мнения и их аудиторией. Такие мероприятия, как круглые столы и дискуссии, проводимые в стенах Государственной Думы и в ведущих российских высших учебных заведениях явно нуждаются в новых, более масштабных форматах.

Исходя из этого, можно констатировать, что в российской молодежной среде является полноценно сформулированной потребностью в налаживании количественных и качественных характеристик коммуникационных интегративных взаимодействий между тремя ведущими участниками политико-информационных процессов: государственными институтами, интернет-СМИ и лидерами общественного мнения, а также самих представителей политически активной молодежной среды.

Ориентированные на государственные патриотические ценностные нарративы, лидеры мнений становятся также инструментом противодействия внешнего информационного влияния, зачастую имеющего деструктивное основание [6, с. 250]. Подобное вмешательство имеет под собой цель коррекции курса политического развития представителей молодежи, а также формирование у них идеологических установок, выходящих с точки зрения конъюнктуры зарубежных государств. Закон об Иноагентах, принятый в 2012 году, в определенной степени позволяет конкретизировать подобные риски, однако, следует отметить, что ключевым фактором для адекватной политической социализации и беспрепятственности ее осуществления в условиях внешнего воздействия среди российской молодежи является не только оказание мер противодействия влиянию извне, но и конструирование собственных, отечественных смысловых конструкций, предполагающих устойчивое доминирование таких идей, как уважение к родным и близким, стремление к социальной справедливости, любовь к Родине, стремление работать во благо своей страны.

В части организационно-функционального направления следует выделить ключевые задачи государства в сфере непосредственного предотвращения деструктивной деятельности. Несмотря на то, что данное направление широко изучено в рамках педагого-психологической науки, представляется необходимым его дальнейшее совершенствование, основанное на современных реалиях. Следует отметить, что молодежная среда в этом отношении является потенциально опасной для развития экстремистских идей в силу того, что особенности психологического развития детей и подростков, сталкивающихся с многообразием форм и сложностью взросления, зачастую приводят к упрощению окружающей действительности и поиском «виноватых» — одноклассников, окружением, отдельных национальных или религиозных групп или обществом в целом [7, с. 78]. Так, с учетом анализа практики нападения в учебных заведениях, имеющих под собой, зачастую, квази-идеологическую основу, представленную радикальными взглядами, требуется безусловное дополнение социальной активности обучающихся. Формы такой активности в традиционном виде предполагают:

- спортивные мероприятия;
- экскурсии;
- волонтерство;
- организацию субботников, дней местного самоуправления и других совместных мероприятий.

В этой связи предлагаются дополнительные меры организации досуга школьников и организации работы с ними, ориентированные на усвоение ими общегражданских, в том числе политических ценностей и норм гуманизма.

К числу подобных мер могут быть отнесены:

- организация системной деятельности молодежных партийных и непартийных организаций в образовательных учреждениях, направленной

ная на выработку у обучающихся представлений о границах допустимого в политической сфере, а также выстраивание дополнительных социальных лифтов;

– расширение практики посещения религиозных учреждений, направленной на недопущение развития антихристианской, антиисламской, антисемитской и других идеологий [11, с. 270];

– проведение системной работы по организации посещения оброчающимися локальных культурных районов, субъектов, организованных по национальному и национально-территориальному признаку с целью расширения межнационального культурного обмена и предотвращения межнациональной ненависти;

– гуманизация и расширение психологической деятельности в школах, переориентирование ее не на купирование деструктивных действий, а на их предотвращение; переход от взаимодействия с «проблемными» подростками к общему анализу социально-психологического климата в образовательных группах.

Заключение

На основании изложенного, представляется, что противодействие экстремистской деятельности в молодежной среде является одним из важнейших государственных приоритетов в сфере взаимодействия с молодежью. При этом характер подобного взаимодействия для получения должной степени эффективности должен предполагать не только нейтрализацию непосредственных рисков, но и создание общей благоприятной среды, подразумевающей развитие морально-ценностных и государственно-ориентированных политических установок.

Литература

1. Нападения в российских школах за десять лет // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/8293040?nav_id=chapter1 (дата обращения: 05.01.2026).
2. Кузнецова М.Н., Артемьева Ж.Г., Максименко А.А. Факторы вовлеченности молодежи в экстремистскую деятельность // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2025. № 1. С. 40–47.
3. Парма Р.В. Факторы проявления и меры упреждения экстремизма среди российской молодежи // Власть. 2024. № 1. С. 35–41.
4. Ситникова М.П. Меры по противодействию финансированию экстремистской деятельности в молодежной среде // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 264–276.
5. Логинова И.А., Полянский В.В., Гатен Ю.В. Отношение студенческой молодежи к проблеме экстремизма // Социология. 2023. № 1. С. 159–166.
6. Бердникова К.Э., Иванова Л.Н. Предупреждение экстремизма молодежи: современные вызовы и решения // Вестник науки. 2023. № 1. С. 249–254.
7. Тхазеплов Т.М. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи // Право и управление. 2022. № 5. С. 67–69.
8. Вязов А.А., Фроленков В.Н. О молодежном экстремизме в современной Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 84–86.

9. Монгуш Т.Ч. Экстремистская деятельность: понятие, признаки и влияние информационных технологий // Вестник науки. 2025. № 5. С. 293–297.

10. Монгуш Т.Ч. Противодействие экстремизму в интернете: правовые и уголовные механизмы // Вестник науки. 2025. № 6. С. 287–292.

11. Сошников И.Д. Криминологические особенности современного религиозного экстремизма среди молодежи // Закон и право. 2025. № 6. С. 269–273.

POLITICAL ASPECTS OF COUNTERING EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Bochkaev A.R.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the key circumstances of the growth of deviant and extremist activity among young people, which is not only a criminal-legal, but also a significant political problem that requires appropriate reflection and response. It is noted that the development of extremist manifestations, both conscious and committed under the influence of third parties, leads to significant material and physical damage to society and the state, as well as complicates the process of political socialization. At the same time, the factors contributing to such a development are multifaceted, including both political, informational, and socio-economic issues. With this in mind, it seems extremely necessary to develop additional measures taken by the state in the field of youth policy and moderation of political socialization of youth, aimed not only at curbing, but also at the comprehensive prevention of manifestations of deviant actions. In this regard, the author considers the potential of the information and educational direction, the objectives of which are to improve communication between youth and the state, as well as to convey social humanistic values, and the organizational and functional direction, implying a set of practical measures to organize leisure activities for young people and instill in them norms and rules of socially oriented behavior.

Keywords: extremism, youth policy, political socialization of youth.

References

1. Attacks in Russian Schools over Ten Years // Kommersant URL: https://www.kommersant.ru/doc/8293040?nav_id=chapter1 (date accessed: 05.01.2026).
2. Kuznetsova M.N., Artemyeva Zh.G., Maksimenko A.A. Factors of Youth Involvement in Extremist Activity // Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2025. No. 1. pp. 40–47.
3. Parma R.V. Factors of Manifestation and Measures of Preventing Extremism Among Russian Youth // Vlast. 2024. No. 1. pp. 35–41.
4. Sitnikova M.P. Measures to Counteract the Financing of Extremist Activity Among the Youth // Bulletin of Economics and Law. 2024. No. 94. Pp. 264–276.
5. Loginova I. A., Polyansky V.V., Gaten Yu.V. Attitudes of Student Youth to the Problem of Extremism // Sociology. 2023. No. 1. Pp. 159–166.
6. Berdnikova K. E., Ivanova L.N. Prevention of Youth Extremism: Current Challenges and Solutions // Science Bulletin. 2023. No. 1. Pp. 249–254.
7. Tkhaezeplov T.M. Prevention of Extremism and Terrorism Among Young People // Law and Management. 2022. No. 5. Pp. 67–69.
8. Vyazov A. A., Frolenkov V.N. On Youth Extremism in the Modern Russian Federation // Education. Science. Scientific Personnel. 2023. No. 4. pp. 84–86.
9. Mongush T. Ch. Extremist Activity: Concept, Characteristics, and Impact of Information Technologies // Science Herald. 2025. No. 5. pp. 293–297.
10. Mongush T. Ch. Counteracting Extremism on the Internet: Legal and Criminal Mechanisms // Science Herald. 2025. No. 6. pp. 287–292.
11. Soshnikov I.D. Criminological Features of Modern Religious Extremism Among Young People // Law and Right. 2025. No. 6. pp. 269–273.

Могиляк Елена Львовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: elenamog@yandex.ru

Успех экономических преобразований в России зависит от человеческого фактора – в том числе экономического сознания хозяйствующих субъектов. Для эффективного управления изменениями необходим постоянный мониторинг экономического сознания и поведения различных социальных групп, позволяющий прогнозировать их реакцию на реформы. Это делает актуальным изучение экономических аттитюдов и факторов, которые на них влияют.

Объектом исследования было занятое население Екатеринбурга в возрасте от 25 до 59 лет.

Исследование показало, что наиболее распространенными ориентациями населения является ориентация на ценность высокого заработка в труде и высокого дохода без посторонней помощи, а также регулирование государством экономических отношений и его ответственность за благосостояние людей.

В результате применения кластерного анализа выборочная совокупность разделилась на три классификационные группы: 1) Активные сторонники рыночной модели, готовые брать риски и выступающие за свободу. 2) Сторонники сильного социального государства, ищущие защиту и гарантии у институтов, а не на рынке. 3) Отстраненные скептики, которые не верят ни в успех на рынке, ни в эффективность государственной опеки.

Ключевые слова: установка, аттитюд, кластер, кластерный анализ, конкуренция, экономическое поведение

Успех экономических преобразований в России зависит от человеческого фактора – в том числе экономического сознания хозяйствующих субъектов. Для эффективного управления изменениями необходим постоянный мониторинг экономического сознания и поведения различных социальных групп, позволяющий прогнозировать их реакцию на реформы. Это делает актуальным изучение экономических установок и факторов, которые на них влияют.

Обзор литературы

В публикациях рассмотрена проблема взаимосвязи экономических аттитюдов и экономического статуса, субъективного материального благополучия. Так в результате анализа взаимосвязи установки на повышение экономического статуса и ценности призвания в труде выявилась положительное влияние на желание улучшить экономическое положение готовности работать в *ущерб призванию*. [2, С. 217] Исследование взаимосвязи экономического статуса и жизненных ценностей показало связь высокого материального положения с ориентацией на ценности достижения и власти [7, С. 170] Также установки на финансовое планирование, умение сберегать и накапливать, тесно положительно связаны с субъективным экономическим благополучием [1, С. 9]

Рассматривается связь конкретных экономических аттитюдов с характеристиками личности – элементами системы жизненных ценностей, психологическим благополучием. Так, установка на *экономический патернализм* коррелирует с ценностями принадлежности, иерархии и равноправия [10, С. 76] А наиболее важными с точки зрения формирования психологического благополучия является приоритетность призвания личности над ее финансовыми возможностями [3, С. 97]

Анализируются установки отдельных социальных групп. Установка на экономическую справедливость у предпринимателей более выражена, чем у населения в целом. [7, С. 13] А классификация населения по характеру экономических аттитюдов показала наличие категории расточительных и склонных к сбережениям [5, С. 57], а также выражающих разное отношение к деньгам – от нравственно негативного (зло и зависимость) до максимально позитивного – деньги как добро и свобода [4, С. 43–46]

При выяснении взаимосвязи аттитюдов и социально-экономических изменений доказано, что наиболее устойчив к социально-экономическим изменениям когнитивный компонент потребительской установки [9, С. 9]

В целом можно говорить о том, что в результатах исследований в той или иной степени отражается дифференциация аттитюдов и их социальных носителей по отношению к рыночным отношениям и рыночной ситуации. Так существует противоречие между экономическим благополучием в рыночной среде и профессиональным призванием, расточительностью и склонностью к сбережениям, морально позитивным и негативным отношением к деньгам

Методология и методы исследования

Под аттитюдом (установкой) нами понималась предрасположенность личности к положительной или отрицательной оценке социального объекта.

Для изучения аттитюдов использовалась концепция диспозиционной регуляции поведения В.А. Ядова. Аттитюд относится ко *второму* уровню диспозиционной структуры. Данный уровень – *социальные фиксированные установки*. Социальная фиксированная установка (аттитюд) обладает сложной структурой, факторы, ее формирующие, – с одной стороны, предметные потребности социального существования, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – соответствующие социальные ситуации. Социальные установки образуются на базе оценки отдельных социальных объектов (или их свойств) и отдельных социальных ситуаций (или их свойств). [6, С. 35–36]

Объектом исследования было занятое население Екатеринбурга в возрасте от 25 до 59 лет, время проведения опроса – октябрь–ноябрь 2022 года.

Индикаторами экономических аттитюдов были 18 переменных, каждая из которых выражалась в суждении, по отношению к которому респондент должен был выразить степень согласия. Выбор осуществлялся из пяти вариантов ответа – от 1- полностью согласен до 5 – совершенно не согласен.

Переменные относились к трём блокам, в которых измерялось:

Отношение к ценностям труда и потребления

Отношение к экономическим ролям (акторам)

Отношение к нормам экономической жизни

Перечисленные выше переменные выступили классификационными в процессе использования кластерного анализа.

Цель метода кластерного анализа состояла в разделении выборочной совокупности на группы, внутренне однородные по классификационным переменным и имеющие особенности при сравнении с другими кластерами. Процедура кластерного анализа осуществлялась методом k-средних при помощи компьютерной программы обработки данных SPSS. Вследствие разного количества значений классификационных переменных они были подвергнуты стандартизации. Используемая количественная мера при формировании кластеров – квадрат евклидова расстояния.

Результаты исследования

Наиболее распространенными ориентациями населения являются ориентация на ценность заработка в труде и высокого дохода без посторонней помощи, а также регулирование государством экономических отношений и его ответственность за благосостояние людей. Достаточно широко распространено желание жителей Екатеринбурга стать предпринимателями. Зафиксировано противоречие между ориентацией на ценность высокого самостоятельного дохода без посторонней помощи и патернализма. Так 28 процентов опрошенных одновременно ориентированы на ценность высокого самостоятельного дохода без посторонней помощи и на то, чтобы государство несло полную ответственность за благосостояние людей. Отметим, что ориентированные на занятие предпринимательством чаще других респондентов ориентированы на новизну в товарах и известность бренда в одежде и реже – на то, чтобы получить больше экономических знаний (табл. 1).

Таблица 1. Экономические аттитюды населения Екатеринбурга

Отношение к ценностям труда и потребления		%
Ценность заработка в труде	Процент считающих, что главное в работе – заработок, а не увлеченность любимым делом	38,7
Ценность известности бренда	Процент ценящих в товаре известность бренда	24,7
Ценность новизны в потреблении	Процент тех, кому интересно опробовать товар, который только что появился в продаже	32,7
Отношение к высокой цене товара	Процент считающих, что высокая цена товара – показатель его качества	20,0
Отношение к импульсивным необдуманным покупкам	Процент часто совершающих импульсивные необдуманные покупки	34,7
Ценность высокого самостоятельного дохода	Процент считающих, что самое главное в жизни – обеспечить себе высокий доход без посторонней помощи	66
Отношение к экономическим ролям (акторам)		
Доверие к банкам	Процент доверяющих банкам	22,6
Отношение к банковским кредитам	Процент считающих, что люди, пользующиеся услугами банковского кредита, поступают разумно	18
Отношение к сберегательному вкладу	Процент считающих, что открытие сберегательного вклада дает людям уверенность в будущем	26
Желание стать предпринимателем	Процент желающих стать предпринимателем	42
Отношение к богатым	Процент считающих, что среди богатых нет честных людей	33,3
Отношение к нормам экономической жизни		
Отношение к сдаче жилья в аренду без уплаты налогов	Процент одобряющих поступки людей, которые сдают жилье в аренду и не платят налогов	22,7
Отношение к денежному переводу на карту владельца бизнеса без уплаты налогов	Процент одобряющих оплату услуги путем перевода денег на карту владельца фирмы	24
Отношение к развитию конкуренции между членами коллектива	Процент считающих, что руководитель, который способствует развитию конкуренции между членами коллектива, поступает правильно	26

Отношение к ценностям труда и потребления		%
Отношение к равенству доходов руководителей и рядовых работников	Процент считающих, что государство должно следить за тем, чтобы зарплата руководителей в государственных организациях сильно не превышала зарплату рядовых работников	63,7
Отношение к прогрессивной шкале налогообложения	Процент считающих, что в стране должна быть прогрессивная шкала налогообложения (Чем выше доход, тем больший процент личного дохода идет на налоговые выплаты)	40
Отношение к патернализму в экономике	Процент считающих, что государство должно нести полную ответственность за благосостояние людей	54,7

В результате кластерного анализа нами было получено три классификационных группы, различающиеся по характеру экономических установок (табл. 2).

Таблица 2. Процент согласившихся с суждениями, отражающими экономические аттитюды, в кластерах

Суждения	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
1. Я доверяю банкам	5,9	45,9	44,4
2. Я хотел бы стать предпринимателем	26,8	75,7	44,4
3. Я считаю, что в нашей стране должна быть прогрессивная шкала налогообложения (Чем выше доход, тем больший процент личного дохода идет на налоговые выплаты)	50	5,4	55,5
4. Самое главное, что я ценю в товаре, это известность бренда	4,6	49,1	55,5
5. Мне интересно опробовать товар, который только что появился в продаже	20,9	40,5	55,5
6. Процент одобряющих поступки людей, которые сдают жилье в аренду и не платят налогов	21,2	21,6	29,6
7. Процент одобряющих действие предпринимателей, в фирмах которых оплата услуги осуществляется путем перевода денег на карту (данная операция не облагается налогом).	25,9	27	14,8
8. Руководитель, который способствует развитию конкуренции между членами коллектива, поступает правильно	20	43,2	22,2
9. Высокая цена товара – показатель его качества	9,3	24,3	48,1
10. Открытие сберегательного вклада дает людям уверенность в будущем	10,5	43,2	61,8
11. Главное в работе – заработок, а не увлеченность любимым делом	39,6	18,9	62,9
12. Государство должно следить за тем, чтобы зарплата руководителей в государственных организациях сильно не превышала зарплату рядовых работников	79,1	10,8	85
13. Самое главное в жизни – обеспечить себе высокий доход без посторонней помощи	79	21,6	85,2
14. Среди богатых нет честных людей	29,1	43,2	62,9
15. Государство должно нести полную ответственность за благосостояние людей	60,5	10,8	96,3
16. Мне всегда интересно опробовать товар, который только что появился в продаже	20,9	40,5	55,5
17. Я часто совершаю импульсивные необдуманные покупки	19,7	51,3	49,2
18. Люди, пользующиеся услугами банковского кредита, поступают разумно	44,7	62,1	29,6
Процент кластера в выборке	57,3	24,7	18,0

Перечислим особенности каждой классификационной группы.

1 кластер. «Пассивные скептики»

чаще женщины с высшим образованием
реже доверяют банкам
реже хотят стать предпринимателями
реже ценят известность бренда
реже ориентированы на покупку товара, который только что появился в продаже

реже осуждают аренду жилья без уплаты налогов
реже совершают импульсивные покупки
реже считают, что сберегательный вклад дает уверенность в будущем
реже считают, что среди богатых нет честных людей
реже считают, что высокая цена товара – показатель его качества

2 кластер. «Активные индивидуалисты-рыночники»

хотели бы стать предпринимателем
реже одобряют введение прогрессивной шкалы налогообложения
ориентированы на развитие конкуренции между членами коллектива
чаще считают, что брать банковский кредит разумно
чаще осуждают людей, сдающих в аренду жильё без уплаты налогов
реже считают, что государство должно следить за тем, чтобы зарплата руководителей в государственных организациях сильно не превышала зарплату рядовых работников
реже соглашались с тем, что государство должно нести полную ответственность за благосостояние людей
реже считают, что главное в работе заработок, а не увлечённость любимым делом

3 кластер. «Государственно-ориентированные консерваторы»

чаще считают, что высокая цена товара – показатель качества товара
чаще считают, что сберегательный вклад даёт уверенность в будущем
чаще считают, что главное в работе – заработок, а не увлечённость любимым делом
чаще считают, что зарплата руководителя не должна существенно превышать зарплату рядового работника
чаще считают, что государство должно нести полную ответственность за благосостояние людей
чаще ориентированы на новизну в товаре
считают, что среди богатых нет честных людей с высокими нравственными ориентирами
реже считают разумными действия людей, пользующихся услугами банковского кредита
реже одобряют действия владельцев фирм, где оплата услуги осуществляется путем перевода денег на карту

Первый кластер можно рассматривать как наименее активную и мотивированную группу с точки зрения экономических амбиций. Им не свойственны доверие к финансовым институтам (банкам), вера в предпринимательство как карьеру или убежденность в символах статуса (бренды, цена=качество). Их потребительское поведение – рациональное, не импульсивное. В социальных вопросах они менее осуждающие, что может говорить либо о большей терпимости, либо о безразличии. Эта группа выпадает из бинарного противостояния «рынок – государство», занимая позицию отстраненного наблюдения.

Для второго кластера ядро ценностей – личная свобода, инициатива и конкуренция. Они видят себя как потенциальных предпринимателей, одобряют использование кредитов, поддерживают честную конкуренцию (даже внутри коллектива) и требуют соблюдения правил игры (осуждают уклонение от налогов). Критически относятся к усилению роли государства: против прогрессивной шкалы налогов, регулирования зарплат и полной социальной ответственности. Для них важно, чтобы государство создавало условия, а не контролировало результаты.

Мировоззрение 3 кластера строится вокруг государства как гаранта стабильности и справедливости. Они верят в сбережения (традиционная финансовая модель), но не доверяют кредитам и рыночным игрокам (богатые нечестны). Ждут от государства защиты (контроль зарплат, ответственность за благосостояние). Парадокс в их потребительском поведении: они ориентированы на новинки и верят, что цена равна качеству, что делает их уязвимыми для маркетинга, хотя в целом настроены скептически к рыночной этике.

Таким образом, анализ выявил три четких социально-экономических группы:

1. Активные сторонники рыночной модели, готовые брать риски и выступающие за свободу.
2. Сторонники сильного социального государства, ищущие защиты и гарантии у институтов, а не на рынке.
3. Отстраненные скептики, которые не верят ни в рыночные «истории успеха», ни в эффективность государственной опеки, выбирая пассивную осторожность.

Литература

1. Дайнека О.С. Забелина Е.В. Результаты разработки шкально-многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических установок // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58.
2. Забелина Е.В. Честюнина Ю.В. Трушина И.А. Муталимова А.М. Специфика структуры экономических установок молодежи в поликультурном обществе // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. Издательство: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Саратов, 2017
3. Мостиков С.В. Тарасова Л.В. Экономические установки и психологическое благополучие личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 10.
4. Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения современных российских руководителей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 2.
5. Ниворожкина Л.И. Синявская Т.Г. Трегубова А.А. Статистическое исследование монетарных установок молодежи (студенты) // Финансовые исследования № 2 (63) 2019
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
7. Титов А.С. Роль индивидуальных ценностей в экономических установках российских предпринимателей и непредпринимателей // Психологические исследования 2022 Т 15 №. 82
8. Федотова В.А. Экономические установки и индивидуальные ценности представителей Перми и Пермского края // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 39
9. Фоломеева Т.В. Динамика потребительских установок в условиях социально-экономических изменений // Национальный психологический журнал № 2 (4) 2010
10. Ценности культуры и модели экономического поведения Монография. Под редакцией Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко, М., 2011

ECONOMIC ATTITUDES OF RESIDENTS OF A LARGE CITY

Mogilchak E.I.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The success of economic reforms in Russia depends on the human factor – including the economic consciousness of economic entities. Effective change management requires continuous monitoring of the economic consciousness and behavior of various social groups, allowing us to predict their reactions to reforms. This makes it crucial to study economic attitudes and the factors that influence them.

The study focused on the employed population of Yekaterinburg aged 25 to 59. The study revealed that the most common attitudes among the population include a focus on the value of high earnings through work and a high income without assistance, as well as state regulation of economic relations and its responsibility for people's well-being. Cluster analysis divided the sample into three classification groups: 1) Active supporters of the market model, willing to take risks and advocating for freedom. 2) Supporters of a strong welfare state, seeking protection and guarantees from institutions rather than the market. 3) Detached skeptics, who believe neither in success in the market nor in the effectiveness of state protection. Key words: attitude, cluster, cluster analysis, competition, economic behavior

References

1. Daineka, O.S.; Zabelina, E.V. Results of the Development of a Multifactor Scale Questionnaire for the Express Diagnostics of Economic Attitudes // Psychological Research. 2018. Vol. 11, No. 58.
2. Zabelina, E.V.; Chestyunina, Yu.V.; Trushina, I.A.; Mutalimova, A.M. Specific Features of the Structure of Economic Attitudes of Young People in a Multicultural Society // Economic Psychology: Past, Present, Future. Publisher: Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Saratov, 2017.
3. Mostikov, S.V.; Tarasova, L.V. Economic Attitudes and Psychological Well-Being of an Individual // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2025. No. 10.
4. Kupreychenko A.B. Moral and Psychological Determinancy of Economic Self-Determination of Modern Russian Leaders // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2011. Vol. 8, No. 2.
5. Nivorozhkina L.I. Sinyavskaya T.G. Tregubova A.A. Statistical Study of Monetary Attitudes of Young People (Students) // Financial Studies No. 2 (63) 2019
6. Self-Regulation and Forecasting of Individual Social Behavior: A Dispositional Concept. 2nd expanded ed. – Moscow: TsSPiM, 2013. – 376 p.
7. Titov A.S. The Role of Individual Values in the Economic Attitudes of Russian Entrepreneurs and Non-Entrepreneurs // Psychological Research 2022 Vol. 15 No. 82
8. Fedotova V.A. Economic Attitudes and Individual Values of Residents of Perm and Perm Krai // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2017. No. 39
9. Folomeeva T.V. Dynamics of Consumer Attitudes in the Context of Socioeconomic Changes // National Psychological Journal No. 2 (4), 2010
10. Cultural Values and Models of Economic Behavior. Monograph. Edited by N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko, Moscow, 2011

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России

В статье раскрываются проблемы изучения психических переживаний у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления. Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики России в настоящий период предполагает анализ психологических характеристик субъекта преступления на разных этапах судопроизводства, реализация личностного подхода основывается на обеспечении учета особенностей и состояний лица, виновно совершившего правонарушение, в соответствии с принципом справедливости. Роль психологических защит при обеспечении сохранения внутреннего комфорта человека, даже при нарушении им социальных запретов и совершения преступлений посредством оправдания собственного поведения, снятия вины, агрессивного и защитного поведения, сложного переосмысления. Без осознания особенностей функционирования психологических защит в качестве фактора, побуждающего осужденного на совершение повторных преступлений, затруднительно организовать эффективный процесс его исправления и ресоциализации. Проведено эмпирическое исследование особенностей психологических защит у преступников, совершивших насильственные преступления, выявлены доминирующие типы защит, отличительные особенности структуры психического реагирования у разнотипных категорий осужденных женщин. Обосновывается взаимосвязь функционирования механизмов психологических защит у осужденных женского пола в условиях социальной изоляции. Автором предлагаются рекомендации, ориентированные на использование возможностей механизмов психологических защит, применяемых осужденным для самооправдания своих деструктивных действий, совершенных преступлений, усиления тревожных переживаний, в качестве адаптационного ресурса при организации психологического сопровождения в условиях лишения свободы и подготовки преступника освобождению и ресоциализации.

Ключевые слова: психологическая защита, женщина, осужденная за насильственные преступления, экзистенциальная ситуация, феномен недоверия, семья, вытеснение, отрицание, компенсация, жизненная позиция.

Исследование психологических особенностей личности преступника, совершившего насильственные преступления, является важной частью организации процесса исправления и ресоциализации. Вскрытие внутренних, бессознательных побудительных факторов, обеспечивающих условия для совершения насильственных действий в отношении потерпевшего, является необходимым условием, позволяющим судить о закономерности или случайности содеянного, а также определять способность преступника к регуляции собственного поведения [4, с. 3–8].

Одним из базовых психологических предикторов, обеспечивающих, с одной стороны, внутренние условия безопасности, а с другой – выбор способа взаимодействия с окружающей действительностью, в том числе при совершении противоправных действий, а также для самооправдания и подавления сильных аффектов (страх, тревога, стыд, вина), является психологическая защита.

В современной отечественной юридической психологии (Ю.М. Антонян, О.Д. Ситковская, Б.Г. Бовин, М.Г. Дебольский и др.) под психологической защитой принято понимать систему устойчивых индивидуально неповторимых механизмов реагирования индивида, обеспечивающих снижение эмоционального напряжения при взаимодействии с окружающим миром и предотвращающих дезорганизацию сознания.

Представляется, что понимание глубинных структур криминальной активности женщин, осужденных за насильственные преступления, в рамках личностного подхода позволяет реконструировать как общие, так и специфические механизмы регуляции насильственного поведения, определить искажения и установки, направленные на самооценку, оценку действий другого человека и преодоление внутрисубъективных противоречий.

Без критической переоценки осужденным сформировавшихся механизмов осознания, контроля и субъективного реагирования на собственные переживания и действия окружающих в юридически значимых ситуациях, блокируется развитие адаптивных навыков, способствующих личностному развитию и отказу от дезадаптивных форм поведения.

Следует отметить, что в работах А. Адлера, К. Хорни, Э. Фромма, А. Фрейда, Э. Эриксона, В. Райха психологическая защита рассматривается в качестве триггера, актуализирующего поведение, направленное на устранение эмоционального дискомфорта, источником которого как правило выступает семья. При этом в семье человек усваивает механизмы межличностной коммуникации, способы удовлетворения потребностей, разрешения конфликтов и преодоления страхов, тревожных переживаний. Процесс интериоризации преступником психологических феноменов, представленных в его собственной семье, в качестве предикторов мотивационной активности и стратегий совладающего поведения, следует учитывать в качестве одного из узловых факторов криминальной активности [2, с. 101–105].

Влияние семьи, в которой рос и воспитывался преступник, обусловило развитие своеобразных процессов информационно-психологического взаимодействия с различными социальными субъектами и социальной средой [1, с. 15–17].

Представляется возможным выделить несколько психологически значимых экзистенциальных ситуаций, обусловленных особенностями деструктивного внутрисемейного взаимодействия, субъективно воспринимаемых преступником в качестве опасных и для предотвращения или нейтрализации которых, актуализируется социально опасный тип реагирования:

1. Ситуация рискованного поведения другого человека, т.е. поведения, которое может привести к потере здоровья или жизни самого преступника. Данная ситуация может рассматриваться преступником, склонным к совершению насильственных действий, как следствие отсутствия поддержки и помощи в семье, и требующая активного противодействия.

2. Ситуация, предполагающая возможность наказания в отношении преступника, т.е. ситуация, требующая подготовки с целью избежания наказания в будущем (как со стороны родителей, так и со стороны общества) или превентивные действия, преимущественно насильственные, позволяющие компенсировать чувство «несправедливости», пережитое в детстве.

3. Непосредственно ситуация предконфликтного взаимодействия, активирующая сформировавшийся стереотипный образ психотравми-

рующих событий, возникновение которых приводит к насилию, отказу в доверии другим людям, потере автономности и безопасности.

4. Ситуация, не исключая возможности внезапной смерти, может побуждать преступника к переживанию детских воспоминаний, связанных с событиями, бессознательно вызывающих чувство вины и тревоги, в том числе, из-за попустительского или отрицательного отношения родителей.

Переживание психотравмирующих событий или запретов, обусловленных деструктивными отношениями внутри семьи, оказывает негативное влияние на формирование навыков социальной-психологической адаптации, совладания с эмоциями, развитие механизмов социальной перцепции (рефлексии, эмпатии, идентификации и т.п.), и, как итог, происходит отчуждение образа родительской семьи.

Следует предположить, что у женщин, воспитывающихся в неполных, неблагополучных семьях происходит стереотипизация восприятия и оценки окружающей действительности, отказ от поиска целостного и логически обоснованного выбора собственного поведения в конкретной юридически значимой ситуации, с учетом событий прошлого и вероятного будущего.

Таким образом, изучение психологических защит у женщин, осужденных за насильственные преступления, обусловлена необходимостью организации психологической помощи в исправлении и ресоциализации через осознание преступником дефицитарной картины внутренней психической самоорганизации и бессознательным стремлением к достижению личного комфорта и безопасности через выбор асоциальной жизненной позиции.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей психологических защит у женщин, осужденных за насильственные преступления на базе УФСИН России по Вологодской области. С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: женщины, осужденные за насильственные преступления (первая группа, всего 20 человек) и женщины, осужденные за корыстные преступления (вторая группа, всего 20 человек). Выборка респондентов была уравновешена по возрасту, социальному статусу, образованию и числу судимостей.

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности психологических защит у женщин, осужденных за насильственные преступления, нами была использована методика «LSI» (Р. Плутчик) [3] (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение средних значений, полученных по методике «LSI» (Р. Плутчик) у респондентов, включенных в первую и вторую группы

Типы психологической защиты	Средние значения, первая группа	Средние значения, вторая группа	У-критерий
Отрицание	7,0	5,0	$p<0,01$
Вытеснение	7,9	5,5	$p<0,01$
Регрессия	5,6	5,3	—
Компенсация	6,8	5,6	$p<0,05$
Проекция	6,2	6,9	—
Замещение	5,5	4,5	—
Интеллектуализация	6,3	7,9	$p<0,01$
Реактивное образование	4,3	5,2	—

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что значимые различия по типу психологической защиты «вытеснение» ($p<0,01$) между респондентами, включенными в первую и вторую группы, может быть связано с неконтролируемым стремлением вытеснять страхи, тревожные переживания и воспоминания у женщин, осужденных за насильственные преступления.

Представляется, что наиболее высокие баллы по шкале «вытеснение» (7,9) у респондентов, включенных в первую группу, непосредственно обусловлены деструктивным влиянием неблагополучных внутрисемейных отношений, усвоенных и транслируемых качеств и поведенческих паттернов, как способа преодоления трудных жизненных ситуаций и конфликтов. Таким образом, выбор механизма психологической защиты по типу «вытеснение» в качестве доминирующего, может затруднять процесс осознания преступником деструктивных представлений о собственном Я, личном опыте и вытесненных ранее переживаниях (как положительных, так и отрицательных).

Реализация механизма психологической защиты по типу «вытеснение» у женщин, осужденных за насильственные преступления, выступает в качестве основы для формирования таких механизмов защиты как «отрицание» (7,0) и «компенсация» (6,8).

Существуют значимые различия между в доминирующих видах психологических защит у респондентов, включенных в первую и вторую группы по типу психологической защиты «отрицание» ($p<0,01$). Вероятно, респонденты, включенные в первую группу, характеризуются большей эмоциональной сдержанностью и стремлением к дистанцированию, обусловленной отказом установления доверительных отношений с окружающими в условиях социальной изоляции. Следует предположить, что психическая саморегуляция у лиц женского пола, осужденных за насильственные преступления, в большей степени детерминирована «феноменом недоверия в уголовно-исполнительной системе» и криминальной тюремной субкультурой [5, с. 34–36].

Умеренно высокие баллы по шкале «компенсация» (7,0) у респондентов, включенных в первую группу, позволяют предположить наличие базисной стратегии совладания с субъективно воспринимаемыми аффективными процессами (страхи, вина, обида, тревога и т.п.), влечениями и побуждениями (сексуальные, признания, самоутверждения, автономизации и т.д.). Способность женщин, осужденных за насильственные преступления, компенсировать деструктивное воздействие факторов, обусловленных условиями отбывания наказания в исправительных учреждениях, обеспечивает повышение адаптивных навыков и социально одобряемой жизненной позиции.

В рамках организации психологического сопровождения женщин, осужденных за насильственные преступления, следует обозначить необходимость:

1. Коррекции механизмов информационно-психологического взаимодействия в социально значимых ситуациях, посредством осознания преступником необходимости спланировать долгосрочный прогноз собственного будущего.
2. Выбор активной жизненной позиции как интегрального показателя, способствующего ресоциализации и социальной интеграции преступника в гражданское общество.
3. Анализ осужденным причин собственного защитного и агрессивного поведения посредством обращения к таким механизмам психологических защит как «отрицание», «компенсация» и «вытеснение».
4. Психологическая коррекция деструктивных представлений о влиянии семьи осужденного как источника отрицательных событий жизненном пути путем развития навыков рефлексии и самопринятия.

Литература

1. Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве: Психологические механизмы насильственного преступного поведения. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 78 с.

2. Киришабаум Э.И., Еремеева А.И. Психологическая защита. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2005. 175 с.

3. Романова Е.С., Гребенников Л.П. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи, 1996. 139 с.

4. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. М.: Wolters Kluwer Russia, 2009. 180 с.

5. Соболев Н.Г. К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия» в уголовно-исполнительной системе // Психологическое обеспечение в уголовно-исполнительной системе / Под ред. М.Г. Дебольского. М.: ФСИН России, 2007. С. 33–36.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WOMEN CONVICTED OF VIOLENT CRIMES

Sobolev N.G.

UIS FKV Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article examines the challenges of studying the psychological experiences of females convicted of violent crimes. The humanization of criminal and penal policy in Russia currently requires an analysis of the psychological characteristics of the perpetrator at various stages of the legal process. The implementation of a personalized approach is based on taking into account the characteristics and states of the perpetrator, in accordance with the principle of justice. The role of psychological defenses in maintaining a person's inner comfort, even when they violate social prohibitions and commit crimes, through justification of their own behavior, absolution, and aggressive and defensive behavior, is difficult to overestimate. Without understanding the specifics of psychological defense mechanisms as a factor motivating convicted offenders to commit repeat offenses, it is difficult to effectively organize their rehabilitation and resocialization.

This article explores the psychological defense mechanisms of violent offenders, identifying dominant defense mechanisms and distinctive features of the psychological response structure in various categories of female offenders. The article substantiates the relationship between the functioning of psychological defense mechanisms in female offenders under conditions of social isolation. The author offers recommendations for utilizing the psychological defense mechanisms used by offenders to self-justify their destructive actions, crimes, and to exacerbate anxiety. These recommendations can be used as an adaptive resource when organizing psychological support in prison and preparing the offender for release and resocialization.

Keywords: psychological defense, woman convicted of violent crimes, exclusionary situation, phenomenon of mistrust, family, repression, denial, compensation, life position.

References

1. Antonyan Y.M., Samovichev E.G. Neblagopriyatny`e usloviya formirovaniya lichnosti v detstve: Psixologicheskie mexanizmy` nasil'stvennogo prestupnogo povedeniya. – M.: VNII MVD SSSR, 1983. 78 s.
2. Kirshbaum E.I., Ereemeeva A.I. Psixologicheskaya zashhita. M.: Smy'sl; SPb.: Piter, 2005. 175 s.
3. Romanova E.S., Grebennikov L.R. Mexanizmy` psixologicheskoy zashhity. Genezis. Funkcionirovanie. Diagnostika. My'tishhi, 1996. 139 s.
4. Sitkovskaya O.D. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii: psixologicheskij komentarij. M.: Wolters Kluwer Russia, 2009. 180 s.
5. Sobolev N.G. K voprosu o raskry'tii ponyatiya «fenomen nedoveriya» v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme // Psixologicheskoe obespechenie v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme / Pod red. M.G. Debol'skogo. M.: FSIN Rossii, 2007. S. 33–36.

Цуй Цинбин,

магистр, Северо-восточный университет лесного хозяйства
E-mail: 3443201241@qq.com

В статье рассматривается распространение и рецепция исполнительского искусства Мэй Ланьфана в России (СССР) как кейс межкультурной театральной коммуникации, в центре которого гастроль пекинской оперы 1935 года. Цель исследования реконструировать траекторию восприятия искусства Мэй Ланьфана в советском культурном пространстве и выявить механизмы его влияния на театрально-эстетическую мысль. Показано, что гастроль 1935 г. выступили не эпизодом культурной дипломатии, а устойчивым «узлом» формирования долгосрочной модели трансляции пекинской оперы: от первичной экзотизации к аналитическому освоению сценической условности, пластики и исполнительской «системы» Мэй Ланьфана в дискуссиях советских критиков и театральных практиков. Выявленная неоднородность оценок (споры о природе условности/реализма, о музыкальном языке и гендерной специфике амплуа) интерпретируется как результат культурных фильтров перевода и институциональных рамок принимающей среды. Обоснована перспектива дальнейшего изучения современного этапа распространения (музейно-выставочные практики, телепоказы и цифровые форматы), расширяющего каналы коммуникации и изменяющего режимы восприятия традиционного театра в актуальном китайско-российском культурном диалоге.

Ключевые слова: Мэй Ланьфан; пекинская опера; межкультурная коммуникация; рецепция; театральная условность.

Введение

Китайская традиционная опера как синтетическая художественная система (музыка, слово, пластика, танец, изобразительность) остаётся одним из наиболее сложных объектов межкультурного «перевода», а потому исследование её рецепции в иной культурной среде сохраняет высокую научную актуальность. В российском (советском) контексте ключевым «узловым» событием такого перевода стали гастроли Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г., которые не только открыли советской публике принципиально иную поэтику сцены, но и ускорили смену зрительских установок от восприятия пекинской оперы как экзотической диковинки к стремлению к пониманию её художественной логики и эстетической ценности.

В этой связи цель статьи заключается в реконструкции траектории распространения искусства Мэй Ланьфана в России (СССР) и в выявлении механизмов его восприятия и влияния на театрально-теоретическую мысль. Для достижения цели решаются задачи: (1) описать историко-институциональные условия гастрольной коммуникации; (2) проанализировать основные линии критической и научной рецепции; (3) показать, как элементы исполнительской эстетики и сценической условности переосмыслились в советской театральной теории; (4) обозначить перспективы актуализации этого опыта в современных форматах культурного обмена. Методологическую основу составляют анализ литературы и источников, сравнительное литературоведение, социально-исторический анализ и теория рецепции; эмпирическая база включает российские архивные материалы, публикации СМИ и академическую литературу.

Научная новизна работы определяется комплексным рассмотрением гастролей 1935 г. как модели культурной коммуникации, где распространение понимается не только как факт представления, но и как процесс интерпретации, отбора и трансформации смыслов в принимающей культуре.

Распространение Мэй Ланьфана в России

В 30-е годы XX века внешняя коммуникация китайского традиционного театра вступила в новую фазу. Национальное правительство Китая и СССР оба стремились достичь своих политических целей через культурный обмен: Национальное правительство намеревалось таким образом поддержать антияпонскую борьбу, а СССР надеялся смягчить напряжённость в двусторонних отношениях. В то время в СССР был довольно популярен европейский реалистический театр, а такие театральные деятели, как Брехт и Пискарев, хотели экспериментировать и искать новые пути, чтобы выйти за рамки реализма, что создало благоприятные условия для проникновения театра Мэй Ланьфана [1]. В 1935 году, по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) и Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий (ГОМЭЦ), Мэй Ланьфан с китайской труппой отправился на гастроли в Москву и Ленинград, став первым художником, который систематической сценической практикой представил западному художественному сообществу эстетическую систему пекинской оперы. Этот визит стал не только результатом официальной культурной дипломатии между Китаем и СССР, но и вызвал переосмысление исполнительской теории такими театральными мастерами, как Станиславский и Мейерхольд.

Труппа Мэй Ланьфана гастролировала в Москве с 23 по 28 марта. Выступления носили открытый характер, на них были приглашены представители правительства, партии, различных обществ, литературно-художественных кругов и других организаций Москвы, а также сотрудники центральных СМИ. В Москве Мэй Ланьфан представил такие спектакли, как «У колодца Фэньхэ» («Фэньхэ вань»), «Убийство тигра» («Цы ху»), «Танец с мечом» («Цзянь у»), «Выдача сестры замуж» («Цзя мэй»), «Зелёная каменная гора» («Цинши шань») и другие, вызвавшие чрезвычайно сильный отклик и горячую любовь советских зрителей. Позже были также исполнены такие известные спектакли, как «Убийство семьи рыбака» («Да юй ша цзя»), «Вселенская коса» («Юйчжоу фэн»), «Застава Хунни» («Хунни гуань») и другие, каждый из которых встречался аплодисментами советской публики. 28 марта Мэй Ланьфан завершил театральные гастроли в Москве, всего было представлено семь спектаклей, каждый из которых имел огромный успех, количество зрителей достигло 12 тысяч человек, что открыло новую главу в распространении китайского театра в России.

Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта аспирантов института иностранных языков Северо-Восточного университета лесного хозяйства провинции Хэйлунцзян (номер проекта: 2024CX10).

Затем Мэй Ланьфан во главе китайской труппы отправился на гастроли в Ленинград, которые проходили с 3 по 7 апреля. В Ленинграде Мэй Ланьфан также показал отрывки и танцы из спектаклей «У колодца Фэньхэ» («Фэньхэ вань»), «Выдача сестры замуж» («Цзя мэй»), «Застава Хунни» («Хунни гуань»), «Танец с мечом» («Цзянь у»), «Размышления о мирской жизни» («Сы фань») и других. Всего Мэй Ланьфан представил 9 спектаклей, на которые пришли посмотреть 16 тысяч зрителей, что свидетельствует о беспрецедентном успехе. После выступлений советские художественные круги специально провели семинар, посвящённый исполнительскому искусству Мэй Ланьфана, собрав богатые материалы и архивные данные. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей также опубликовало различные книги на русском языке, такие как «Мэй Ланьфан и китайский театр», чтобы зрители лучше понимали китайский театр и сюжеты [2]. С этого времени распространение пекинской оперы, представленной Мэй Ланьфаном, в России вступило в период расцвета. После образования КНР театральное-культурный обмен между Китаем и Россией по-прежнему оставался частым, труппа Мэй Ланьфана неоднократно посещала СССР в 1952, 1957 и 1960 годах, каждый раз добиваясь большого успеха в культурном обмене [3]. Среди российских китаеведов многие учёные занимаются исследованием китайского театра, такие как Кравцова, Малявин и другие, но их работы в большей степени ориентированы на китайскую культуру в целом, уделяя недостаточно внимания конкретному жанру китайского театра, особенно пекинской опере, представленной Мэй Ланьфаном. Наиболее подробно китайский театр исследовал Б. Васильев. Автобиография Мэй Ланьфана «40 лет на сцене» («Утай шэнхэ 40 нянь»), переведённая Е. Рождественской и В. Таскиным, была опубликована в России в 1963 году. Эта работа, публиковавшаяся серийно, освещает творческий путь Мэй Ланьфана, включая подробные материалы о многих его известных спектаклях.

С наступлением XXI века распространение искусства Мэй Ланьфана в России приобрело совершенно новые черты. Каналы распространения его театра в России стали разнообразными, сегодня они уже не ограничиваются только сценическими представлениями эпохи Мэй Ланьфана, осуществив цифровое распространение. На российских телеканалах и в интернете можно найти следы популяризации китайского театра, он имеет широкую аудиторию в России, а масштабы распространения ещё больше расширились. 11 декабря 2015 года, в 80-ю годовщину гастролей Мэй Ланьфана в СССР, в пекинской галерее «Yue» в районе 798 открылась выставка художественных произведений «Мэй Ланьфан · 1935», организованная совместно Академией китайской оперы и Российской академией художеств имени Репина. Данная выставка получила высокую оценку со стороны российских преподавателей и студентов, значительно способствуя внешней коммуникации культуры китайской оперы. В 2018 году в Московском государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина прошла выставка «Первый человек из Лиюаня · Мэй Ланьфан и советский театр». Экспозиция не только познакомила публику с культурой пекинской оперы, представленной через искусство Мэй Ланьфана, но и наглядно продемонстрировала тенденцию к взаимному проникновению и взаимовлиянию двух театральных культур – китайской и российской. 9 июня 2025 года серия мероприятий «Путешествие культуры пекинской оперы · Визит в Москву, Россия» прошла в Московском культурном центре Китая. Преподаватели и студенты Академии китайской оперы представили зрителям инструментальный ансамбль «Глубокая ночь» («Е шэнъчэнь»), отрывки из классических произведений школы Мэй – «Небесная дева разбрасывает цветы» («Тяньнюй саньхуа»), «Великий переполох в Небесном дворце» («Да нао тяньгун») – сцена «Кража пероиков и похищение пилюль» («Тоу тао дао дань»), классический спектакль для военного амплуа «Подвиг Юэ Фэя» («Тяо хуачэ») и другие номера, способствуя диалогу между китайским традиционным театром и западным театральным искусством и углублению взаимопонимания культур двух стран.

Восприятие и влияние Мэй Ланьфана в России

Две поездки Мэй Ланьфана с выступлениями в Россию стали не только экспортом китайского традиционного театра, но и возможностью для взаимного обмена с западным театром и художественными кругами. В ходе гастролей он провёл углублённые беседы и перенял опыт у таких советских театральных мастеров, как Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд и Эйзенштейн.

До и после визита Мэй Ланьфана в СССР в советской прессе было опубликовано не менее 70 статей, рецензий и научных работ. Изучение литературы показывает, что оценки Мэй Ланьфана в советских СМИ не были однозначными, а представляли собой множество различных

голосов; по многим вопросам не было не только единодушной похвалы и единой линии, но существовали разногласия, порой даже острые противоречия [4]. Московские художественные круги дали высокую оценку выступлениям Мэй Ланьфана: в них сочетались высокая художественная пластичность и тонкий психологический рисунок, актёр демонстрировал безупречное сценическое мастерство. (Газета «Советское искусство», 23 марта 1935 г.) [5]

В период гастролей Мэй Ланьфана в СССР российские театральные деятели проанализировали его искусство с разных точек зрения: театральная система, исполнительская эстетика, культурное восприятие. В понимании китайской театральной «системы» российские учёные в целом считали, что китайская опера обладает уникальной исполнительской системой. Чернявский в работе «Мэй Ланьфан» отмечал, что Мэй Ланьфан через «детали движений, мимику, изменение голоса создаёт сложную систему» для воплощения женских образов, отражающих традиционные представления о добре и зле, подчёркивая практичность и сложность этой системы. Волков в газете «Советское искусство» указывал, что «система» китайского театра проявляется как «система графики» и «система внешнего поведения», актёру необходимо овладеть определённым значением жестов и других движений, причём китайский театр центрирован на актёре, а исполнение Мэй Ланьфаном женских ролей основано именно на полном овладении «системой внешнего поведения, различающей мужское и женское». Мейерхольд, Таиров, Гнесин и другие художники на совещании китайских и советских художников 14 апреля 1935 года прямо называли китайский театр «системой», а Мейерхольд впоследствии даже предложил включить «системы Станиславского, Мейерхольда и режиссёрскую систему Мэй Ланьфана» в учебную программу, высоко оценивая академическую ценность системы Мэй Ланьфана. На уровне исполнительской эстетики Мэй Ланьфан чаще всего исполнял роли «дань» (женские амплуа) в пекинской опере, и его искусство перевоплощения мужчины в женщину стало предметом споров. Критики, такие как Бачелис, считали, что перевоплощение мужчины в женщину является «отпечатком феодальных отношений», а содержание спектаклей (таких как «Танец с мечом», «У колодца Фэньхэ») также насыщено феодальными представлениями, причём разрыв между сценой и зрителем обусловлен различиями исторических эпох, а не национальными различиями. Бескин, Левидов, Крути и другие с разных сторон признавали его художественную ценность. Бескин указывал, что хотя в китайском классическом театре не использовались актрисы, была создана высокоразвитая культура исполнения женских ролей, и Мэй Ланьфан является её самым выдающимся представителем; Левидов считал, что исполнение Мэй Ланьфана не подражание конкретной женщине, а представление «принципа женственности как таковой»; Крути, цитируя Мейерхольда, называл перевоплощение мужчины в женщину «высшей формой театральной условности». Кроме того, гибкие жесты Мэй Ланьфана во время выступлений широко восхвалялись советской прессой. Ивин называл его «мастером движения», считая, что его жесты обладают точным значением и художественной выразительностью. На совещании Мейерхольд даже в гиперболической форме выдвинул «теорию отрубания рук», заявив, что советским актёрам следует учиться искусству жестов у Мэй Ланьфана, что вызвало оживлённые дебаты среди учёных.

К условным и сущностным характеристикам китайской оперы советские учёные проявляли большой интерес. Театральная условность – это ключевое свойство театрального искусства, при котором посредством фиктивного соглашения зритель признаёт сценическую реальность. Эм. Бескин, наблюдая наличие в китайском театре «сценических слуг» (цзянчанжэнь – служителей сцены), считал, что это является «молчаливым соглашением» между китайскими и советскими зрителями, отражающим характер театральной условности, а советские зрители, незнакомые с этим соглашением, испытывали чувство новизны. Сущность китайского театра вызвала широкие дискуссии среди советских учёных. Гнесин считал китайский театр «символистским театром, обладающим реалистической формой»; Третьяков подчёркивал его «реалистическую основу», приводя в пример «Убийство семьи рыбака» для иллюстрации его возможности отражения реальности; Мейерхольд утверждал, что это «подлинный реализм, основанный на условности»; Эйзенштейн рассматривал вопрос диалектически, считая, что в создании «живых индивидуальностей» проявляется реализм, а в движениях и декорациях условность и символика. Во время гастролей Мэй Ланьфан и Мейерхольд провели несколько углублённых бесед, обнаружив высокую степень созвучия в художественных концепциях, оба подчёркивали важность языка тела и условности. Мейерхольд называл систему китайской оперы «подлинным реализмом», а Мэй Ланьфан, в свою очередь, давал высокую оценку

произведениям Мейерхольда, называя их «изумительными произведениями». Левидов указывал, что «биомеханика» Мейерхольда реализована в исполнении Мэй Ланьфана, а Васильев подчёркивал общие устремления Мейерхольда, Таирова и других режиссёров-новаторов с Мэй Ланьфаном в области «цвета, музыки, ритма».

Среди советских учёных также существовали значительные разногласия относительно содержания и формы спектаклей, а также музыки. Потапов считал, что содержание спектаклей Мэй Ланьфана насыщено «феодалными устаревшими сюжетами», а зрители аплодируют лишь «гениальному исполнителю», признавая «высокое мастерство и совершенство деталей» формы; Блюм же признавал, что некоторые спектакли, находясь под влиянием европейского реализма, обладают антифеодалной демократической направленностью. Бескин признавал, что музыка китайского театра для европейцев подобна «шуму», но органично сливается с исполнением и танцем; Рудман объяснял трудность её понимания пентатонической гаммой, уникальной мелодической текучестью, считая, что к ней нужно привыкнуть после многократного прослушивания, и указывал, что китайский театр «укоренён в музыке», а различия жанров обусловлены типами вокальных стилей.

Изучение Мэй Ланьфана российскими учёными началось в 1930-х годах с его визита в СССР, с тех пор интерес к китайскому театру, представленному Мэй Ланьфаном, в российском Китаеведении не угасает. В последующие десятилетия многие учёные продолжали углублённо изучать исторические материалы, связанные с визитом Мэй Ланьфана в СССР, а также записи китайско-советских дискуссий, анализируя Мэй Ланьфана и китайский театр. Российские учёные Лукинский и Шерстова выделили основные этапы развития пекинской оперы, уделив особое внимание художественным достижениям её представителя Мэй Ланьфана. Они считают, что Мэй Ланьфан был первым актёром пекинской оперы, который привёз это искусство в СССР, его выступления познакомили российских зрителей с пекинской оперой, способствовали её распространению в России, а также создали мост для культурного обмена между Китаем и Россией, помогая двум странам углублять взаимопонимание через культурную коммуникацию. Это была одна из ранних практик межкультурной коммуникации пекинской оперы как «мягкой силы». Данный шаг не только популяризировал искусство пекинской оперы, но и в определённой степени способствовал культурному обмену и взаимодействию между Китаем и Россией [6]. Учёный Ляхович на основе предыдущих исследований дальше исследовал общие черты китайского традиционного театра и «биомеханики» Мейерхольда. Учёный Шулунова проанализировала важное значение гастролей Мэй Ланьфана в СССР, считая, что визит его труппы оказал глубокое влияние на строительство нового советского театра [7]. Также учёный Будаева описала двойственное положение китайского традиционного театра, считая, что Мэй Ланьфан и его семья (например, сын Мэй Баоцзю) имеют большое значение для наследия пекинской оперы, а их произведения являются важной частью поддержания жизнеспособности традиционного театра [8]. Восприятие Мэй Ланьфана российскими учёными проявило «творческое отношение» (по выражению Чжан Пэнчуня), уделяя внимание как анализу формальной техники, так и углублённому исследованию культурной сущности. Этот межкультурный диалог не только обогатил сравнительные исследования театральной теории XX века, но и предоставил важный пример китайско-российского художественного обмена. Несмотря на существующие дискуссии относительно содержания репертуара или музыкального стиля, эстетическая ценность исполнительской системы Мэй Ланьфана и её вдохновляющее воздействие на советскую театральную практику остаются устойчивым консенсусом в академической среде.

Гастроли Мэй Ланьфана в СССР, хотя и были кратковременными, оказали глубокое влияние на советский и даже европейский театр. Эйзенштейн, названный «выдающимся представителем советского киноискусства», был покорён исполнительским искусством Мэй Ланьфана. Он специально снял фильм «Застава Хунни» («Хунни гуань») и включил многие элементы пекинской оперы в свои последующие фильмы. Поздние работы Эйзенштейна, такие как «Иван Грозный», несут в себе эстетику бабуки, но также заметно влияние пекинской оперы. В постановке классического фильма «Иван Грозный» он заимствовал художественные приёмы Мэй Ланьфана, делая акцент на символическом, а не реалистическом уровне, уделяя особое внимание танцевальным сценам. Впоследствии он также написал специальную статью «Фея Лиюаня», исследуя эстетическое содержание искусства пекинской оперы.

Гастроли Мэй Ланьфана в СССР произвели глубокое впечатление на Мейерхольда его исполнительским мастерством. По мнению этого советского режиссёра, уникальность сценических движений китайских актёров заключается в их новом, чрезвычайно динамичном пластическом и ритмическом выражении. Таким образом, наиболее поразившей Мейерхольда особенностью китайского театра стали именно рит-

мизированные движения, точно выверенные жесты и яркая театральность. Следовательно, созданная Мейерхольдом система сценического движения в значительной степени испытала влияние китайского театра, представленного Мэй Ланьфаном. Чтобы воплотить принципы мастерства китайских актёров на российской сцене, необходимо было построить систему подготовки актёров, подобную китайской. Художественная практика Мэй Ланьфана продемонстрировала, как через высококонцентрированные сценические движения (такие как жесты, взгляд, позы) передавать сложные эмоции, что вдохновило российского режиссёра Мейерхольда на переосмысление сценической выразительности. Под влиянием традиций пекинской оперы Мейерхольд включил некоторые её элементы в свою систему биомеханики и педагогическую практику, усиливая требования к контролю актёра над телом, способствуя интеграции в его тренировочную систему условных движений и чувства ритма восточного театра, обогащая выразительные средства российского театра. Исполнение Мэй Ланьфана не требовало реалистичных декораций, сцена создавалась лишь виртуальными движениями актёра (например, «плеть вместо лошади»), что напрямую повлияло на обновление сценического пространства в российском театре. Мейерхольд в таких работах, как «Дон Жуан», заимствовал эту концепцию «пустой сцены», подчёркивая создание театрального мира через исполнение актёра, а не через предметные декорации.

Станиславский, известный во всём мире советский театральный режиссёр, посмотрев выступление Мэй Ланьфана, до конца жизни глубоко помнил его движения на сцене. Однажды, руководя репетицией «Гамлета» с молодыми актёрами, он специально рассказал о сценической технике Мэй Ланьфана, надеясь, что актёры смогут извлечь из этого урок. Другой известный режиссёр Немирович-Данченко с восхищением сказал: «Мэй Ланьфан – это настоящее чудо, все, что заботится о движении искусства вперёд, могут научиться у него кое-чему в актёрском мастерстве, ритме и создании символов».^[4]

Особенно важно, что искусство Мэй Ланьфана, воплощающее традицию «театральной поэзии» (т.е. синтетической театральной формы, объединяющей музыку, танец и литературу), не только подтвердило теоретическую концепцию «синтетического театра» Таирова, но и побудило российские театральные круги переосмыслить сущность театрального искусства на уровне культурной онтологии. Это влияние вышло за рамки простого заимствования формы, реально участвуя в парадигмальной революции театральной эстетики России XX века, сделав восточную традицию важным теоретическим ресурсом в построении её современности.

Гастроли труппы Мэй Ланьфана способствовали тому, что советский театр критически унаследовал прошлое культурное наследие, послужили примером для советских режиссёров и актёров в различных аспектах сценической техники, помогли новаторскому развитию советского театра.

Заключение

Выполненный анализ показал, что гастроли Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г. следует рассматривать не как разовую «культурную акцию», а как узловую механизм формирования устойчивой траектории восприятия пекинской оперы в российском (советском) культурном пространстве: от первоначального экзотизирующего интереса к более глубокому эстетическому и теоретическому освоению, сопровождавшемуся сдвигом зрительских установок от «любопытства» к «пониманию» и «восхищению».

На материале российских архивов, прессы и научной литературы, с опорой на рецептивный и социально-исторический подходы, уточняется, что ключевым результатом этого межкультурного контакта стала продуктивная проблематизация границ театральной условности и реализма в советской театральной мысли, где исполнительская система Мэй Ланьфана выступила самостоятельным теоретическим ресурсом для переосмысления выразительных возможностей сцены. Одновременно выявленная множественность интерпретаций в критике и академической среде указывает на принципиальную неоднородность рецепции, что требует дальнейшего изучения не только «влияний», но и фильтров культурного перевода (язык описания, идеологические рамки, институциональные посредники).

В перспективе представляется методологически оправданным расширение исследования за счёт цифровых источников и кросс-медийных практик (онлайн-архивы, телепоказы, музейно-выставочные форматы), поскольку современная медиасреда радикально меняет каналы трансляции и способы интерпретации традиционного театра, сохраняя при этом центральную задачу не механическое тиражирование форм, а содержательное понимание и творческую трансформацию художественной сущности в условиях актуального китайско-российского культурного диалога.

Литература

1. Оуян Мэнся. О зарубежных постановках куньцзюйских спектаклей Мэй Ланьфана и их значении // Сычуаньский театральный журнал. 2024. № 10. С. 17–22.
2. Чжоу Лицзюань. Исследование визита театральной труппы Мэй Ланьфана в Советский Союз в 1935 году: дис. ... канд. наук. Пекин: Университет Цинхуа, 2016.
3. Пэн Пин. Предварительное исследование перевода и представления пекинской оперы с точки зрения теории социального нарратива // Вестник Лудунского университета (Философия и социальные науки). 2017. Т. 34, № 1. С. 37–41, 58.
4. Чэнь Шисюн. Различные взгляды советских театральных кругов и СМИ на гастрольные выступления Мэй Ланьфана // Культурное наследие. 2021. № 6. С. 58–65.
5. Цзоу Юаньцзян. О многообразных истоках эстетических затруднений советского театрального сообщества в понимании исполнительского искусства Мэй Ланьфана // Искусство традиционного театра. 2024. Т. 45, № 5. С. 1–13.
6. Лукинский Н. А., Шерстова Л. И. Пекинская опера: происхождение и эволюция // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 161–165.
7. Ляхович А. В., Ян Наньцзя. Биомеханика Мейерхольда и традиционная музыкальная драма Китая // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2020. № 2 (55). С. 60–67.
8. Будаева Т. Б. Современные реалии китайского традиционного театра сицзюй // Вестник музыкальной науки. 2016. № 1 (11). С. 21–29.

A STUDY OF THE DISSEMINATION AND PERCEPTION OF MEI LANFANG IN RUSSIA

Cui Qingbing

Northeast Forestry University

This article examines the dissemination and reception of Mei Lanfang's performing art in Russia (USSR) as a case study of intercultural theatrical communication, focusing on the 1935 Peking Opera tour. The aim of the study is to reconstruct the trajectory of the perception of Mei Lanfang's art in the Soviet cultural space and to identify the mechanisms of its influence on theatrical and aesthetic thought. It is shown that the 1935 tour was not merely an episode of cultural diplomacy, but a stable "node" in the formation of a long-term model for the transmission of Peking Opera: from initial exoticization to analytical assimilation of the stage conventions, plasticity, and performance "system" of Mei Lanfang in the discussions of Soviet critics and theatrical practitioners. The revealed heterogeneity of assessments (disputes about the nature of convention/realism, about the musical language and gender specificity of the roles) is interpreted as a result of cultural translation filters and institutional frameworks of the receiving environment. The prospect of further study of the modern stage of dissemination (museum and exhibition practices, television broadcasts and digital formats) is substantiated, expanding communication channels and changing the modes of perception of traditional theater in the current Sino-Russian cultural dialogue.

Keywords: Mei Lanfang; Peking Opera; intercultural communication; reception; theatrical convention.

References

1. Ouyang Mengxia. On the Foreign Productions of Mei Lanfang's Kunqu Performances and Their Significance // Sichuan Theatre Journal. 2024. No. 10. pp. 17–22.
2. Zhou Lijuan. A Study of Mei Lanfang's Theatre Troupe's Visit to the Soviet Union in 1935: Cand. Sci. Diss. Beijing: Tsinghua University, 2016.
3. Peng Ping. A Preliminary Study on the Translation and Performance of Peking Opera from the Perspective of Social Narrative Theory // Bulletin of Ludong University (Philosophy and Social Sciences). 2017. Vol. 34, No. 1. pp. 37–41, 58.
4. Chen Shixiong. Different Views of Soviet Theatre Circles and the Media on Mei Lanfang's Touring Performances // Cultural Heritage. 2021. No. 6. Pp. 58–65.
5. Zou Yuanjiang. On the Diverse Origins of the Soviet Theater Community's Aesthetic Difficulties in Understanding Mei Lanfang's Performing Art // The Art of Traditional Theater. 2024. Vol. 45, No. 5. Pp. 1–13.
6. Lukinsky N. A., Sherstova L. I. Peking Opera: Origin and Evolution // Bulletin of Tomsk State University. History. 2018. No. 54. Pp. 161–165.
7. Lyakhovich A. V., Yang Nanjia. Meyerhold's Biomechanics and Traditional Chinese Musical Drama // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2020. No. 2 (55). Pp. 60–67.
8. Budaeva T. B. Modern realities of the Chinese traditional xiqu theater // Bulletin of Musical Science. 2016. No. 1 (11). P. 21–29.

Центр изучения социально-политических отношений Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» 14 января 2026 года провели «круглый стол» по теме «Иерархии в системе и сети отношений: их политическое влияние на социум»¹. Далее мы публикуем выступления его участников в сокращении.

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социально-политических отношений, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Mikhaylenok O.M., doctor of political science, professor, chief research fellow, head of Center of socio-political research, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Тема «Иерархии в системе и сети отношений: их политическое влияние на социум, его архитектуру и динамику», вынесенная сегодня на обсуждение, весьма актуальна. Она связана с понятиями, которые лежат в самом основании организации любого общества – иерархии, системы и сети отношений. В современном мире, где информация циркулирует со скоростью света, а социальные связи становятся всё более многослойными, понимание того, как работает скрытая и явная структура власти, является ключевым для анализа политических отношений и прогнозирования общественного развития.

1. Понятие иерархии в общественных системах

Иерархия – это устойчивая структура, основанная на распределении ролей, статусов и ресурсов. Она присутствует во всех формах человеческого взаимодействия – от семьи и трудового коллектива до государственной власти. Иерархии дают обществу порядок, предсказуемость и возможность координации действий большого количества людей.

Однако важно отметить, что иерархии не являются чем-то статичным. Они формируются, укрепляются, трансформируются или разрушаются в зависимости от политических процессов, экономических условий и культурных норм. Иерархии могут быть формальными – закреплёнными законами и регламентами, а могут быть неформальными – основанными на влиянии, репутации или личных отношениях.

2. Сети отношений как новая парадигма анализа социального управления

В последние десятилетия вместе с развитием цифровых технологий в изучении политики всё больше внимания уделяется сетевым структурам. В отличие от классических иерархий, сети строятся не по вертикальному принципу, а по горизонтальному. Здесь власть и влияние распределяются через множественные связи между акторами.

Социальные сети – будь то межличностные отношения, профессиональные сообщества или цифровые коммуникационные платформы – создают совершенно новые механизмы влияния. Информация становится главным ресурсом, а управлять процессами начинает тот, кто обладает мощным сетевым потенциалом: большим числом связей, высоким уровнем доверия, способностью формировать дискурс.

3. Пересечение иерархий и сетей: сложная структура современного общества

Современная политическая реальность – это пространство, где иерархии и сети не противопоставлены, а взаимно дополняют друг друга. Государственные институты остаются иерархически организованными, однако политические решения всё чаще формируются под воздействием сетевых процессов: общественных движений, экспертных сообществ, медийных потоков.

Например, классическая вертикаль власти может принимать решения, но их легитимность зависит от реакции сетевых сообществ. Мы наблюдаем, как сетевые структуры способны усиливать или ослаблять влияние иерархий, создавать новые политические субъекты, трансформировать общественные ожидания.

4. Политическое влияние иерархий

Политическое влияние иерархий традиционно связано с монополией на принятие решений, распределением ресурсов, определением

норм и правил. Властные вертикали обеспечивают стабильность, защищают институты, создают понятные рамки для функционирования социума.

Но существует и обратная сторона. Жёсткие иерархии могут препятствовать инновациям, ведут к закостенению структур, тормозят обратную связь между обществом и властью. Когда вертикаль становится чрезмерно замкнутой, она теряет чувствительность к изменениям и рискует вступить в конфликт с реальными потребностями населения.

5. Политическое влияние сетей

Сетевые структуры, напротив, обладают высокой гибкостью. Они способны быстро мобилизоваться, формировать новые формы политического участия, запускать общественные кампании. В эпоху интернета сетевые движения могут за считанные часы менять общественное мнение и влиять на повестку.

Но сети также несут свои риски: фрагментация общества, распространение недостоверной информации, дефицит ответственности. В отличие от иерархий, которые опираются на устойчивые институты, сети чаще строятся вокруг временных коалиций и легко распадаются.

6. Баланс между иерархией и сетью как фактор устойчивого развития

Для эффективного политического управления необходим баланс. Иерархии обеспечивают структуру и надёжность, сети – адаптивность и связь с обществом. Гармоничное взаимодействие обеих систем создаёт условия для устойчивого развития.

Этот баланс проявляется в разных формах:

- в диалоге между государством и гражданским обществом;
- в использовании сетевых аналитических инструментов в государственных структурах;
- в открытости власти новым источникам информации;
- в готовности институтов к гибкой корректировке политики.

7. Политические последствия изменения иерархий и сетей

Изменение иерархий, появление новых сетевых центров влияния и перераспределение ресурсов приводят к трансформации политического ландшафта. Мы видим, как цифровые платформы становятся аренами политической борьбы, как сетевые лидеры общественного мнения конкурируют с институциональными элитами.

Это создаёт новые вызовы:

- необходимость регулирования цифровых пространств;
- риск манипуляций общественным сознанием;
- изменение характера политической ответственности;
- появление гибридных форм власти.

Одновременно это открывает и новые возможности – более глубокое вовлечение граждан в принятие решений, развитие форм прямой демократии, усиление прозрачности государственного управления.

Льблинский Виктор Викторович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Lyublinsky V.V., doctor of political science, chief research fellow, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Хотел бы обратить внимание на следующие аспекты темы. Долгое время было принято считать, что политика является концентрированным выражением экономических интересов господствующих социально-политических групп. И в этом смысле она не может быть иной, кроме как иерархичной. Поэтому сетевые акторы, даже несмотря на всё возрастающую роль цифровых технологий в сетевых отношениях, не могут перебороть иерархии, роль которых пока остаётся ключевой, основополагающей.

Важно отметить и такой момент: чем сильнее социальная дифференциация (по статусам, доходам и собственности), тем выше степень социальной иерархии, тем сильнее иерархизация выражена в политической сфере. То есть имеет место прямо пропорциональная зависимость между ними. Иными словами, высокая степень иерархизации политики действует прежде всего в пользу интересов высших, наиболее влиятельных и богатых социальных и политико-экономических

¹ «Круглый стол» проведён в рамках госзадания «Иерархии и сети в цивилизационном пространстве России. Государство, общество, политическое поле», выполняемого совместно с сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН.

групп. Политические иерархии, со своей стороны, способствуют усилению или сохранению позиций иерархии социальной и экономической.

Однако многое определяется степенью иерархичности общества, политики и бюрократии. А эта степень (условно) может быть сильно, умеренно или слабо выраженной. На такой основе формируются соответствующие модели социально-политических отношений и политические режимы. В этом плане иерархии, образно говоря, натуральны, идут от природы человека и человеческого общества.

Что касается сетей отношений, то они произрастают из очевидного стремления людей к взаимодействиям, отношениям, контактам, выступая как инструменты и механизмы коммуникации. А в политическом плане акторы сетевых отношений находятся вне системы традиционной иерархии и пересекаются с ней в целях формирования и реализации политических решений.

Условно можно представить современную политику и политические решения в виде соотношения влияния иерархий и сетей в декартовой системе координат, где x – горизонтальная линия (ось абсцисс), отражающая сетевость, а y – вертикальная линия (ось ординат), отражающая иерархичность. Вариант первый: при $x = 1$, $y = 0$ ситуация абсолютной власти иерархии и полное отсутствие учёта мнений и участия общества. Подобных ситуаций было много в истории, но эти эпохи давно в прошлом. Вариант второй: при $x = 0$, $y = 1$ ситуация полного краха иерархий и формального полного господства сетей в политике. А на самом деле это ситуация полной анархии, ибо нет никакого властного стержня. В этом случае власть неизбежно распадается, если быстро не устранить анархию и причины, её породившие, и начинается новая борьба за власть.

Подчеркну, что в условиях современного общества, если оно по какой-то причине скатывается в обвал, чему оно оказывается не в силах противостоять, подобные ситуации, безусловно, нереальные, но гипотетически возможные (хотя и с нулевой вероятностью). Чего только в нашем мире не случается!

Наиболее приемлемые, надёжные и перспективные варианты – это баланс между политической ролью иерархий и сетей в вопросах согласований текущей, среднесрочной и стратегической политики. Но не в точке, где $x = 0,5$ и $y = 0,5$. Для большей устойчивости и эффективности системы политического управления в данном случае, по моему мнению, государство (иерархии), образно говоря, должно иметь контрольный пакет в вопросах формирования и реализации политики. А это означает, что оптимальная точка должна быть несколько смещена влево: соотношение x и y должно быть в пользу y (то есть $x = 0,51$ и выше, а $y = 0,49$ и ниже). По принципу, как в компаниях с государственным участием, где государство держит контрольный пакет акций. По такому принципу может быть построена и модель социально-политического управления и производства политики. Надо учитывать, что *система власти находится в непрерывной динамике, а значит, сети могут перерождаться в иерархии, а иерархии в сети. Диалектику политического процесса никто отменить не в силах.*

Ещё один момент, на который, думаю, стоит обратить внимание. Борьба иерархических и сетевых структур сочетается с их сотрудничеством, взаимодействием, хотя эти противоречивый процесс. Однако формирование иерархическо-сетевой модели управления не означает, что взаимодействия становятся качественно иными, что отношения выравниваются, что государство (иерархии) отдаёт под управление отдельные сферы сетевым акторам, т.е. самоустраняется. Оно просто не может полностью уйти от проблем.

Как бы то ни было, государство продолжает играть ключевую роль в политике, ибо, помимо прочего, располагает ресурсами и властными полномочиями, не сопоставимыми с ресурсами и возможностями других участников социально-политических отношений. Поэтому в современной модели общества в России (как, впрочем, и в других странах) окончательное решение, как правило, за иерархией (государством). Хотя сетевые структуры оказываются вовлечёнными в управление всё большим количеством сфер деятельности, где государство не вполне справляется самостоятельно, тем не менее, оно всё равно активно наблюдает за процессом развития этих сфер и может оперативно вмешиваться в случае необходимости.

Иными словами, оно может пересмотреть условия сделки, касающиеся распределения ролей акторов, и вряд ли кто-то из них будет это оспаривать и пойдёт на конфликт. Но если возобладаст линия на оппозицию государству со стороны актора, то он неизбежно будет нести немалые транзакционные и другие издержки. По крайней мере, такова традиционная особенность социально-политических отношений в России (и не только), демонстрируя в этом высокую степень преемственности.

Государство в силу своей роли как главного актора политики может навязывать свои решения всем другим привлечённым акторам

сетевого взаимодействия. Равенство между участниками сети здесь весьма условное, их роль в современной политике сводится, скорее, к обеспечению видимости демократии и формального политического участия граждан, которое ограничивается жёсткими рамками. Ибо демократия при капитализме – радующая глаз вывеска, но, по сути, не что иное, как скрытая форма буржуазной диктатуры (а в России сейчас государство буржуазное). Так было в прошлом, так, в целом, остаётся и сейчас, несмотря на современную трансформацию общества и непрерывную технологическую революцию. Поэтому эта бюрократическая система власти по-прежнему доминирует.

Наконец, такой момент. Любые политические решения так или иначе оказывают влияние на положение граждан. Но насколько учитываются их интересы в реальной политике, в которой, согласно сетевой и акторно-сетевой теориям политики М. Кастельса и Б. Латура, они также являются субъектом (человеком как существом политическим, по Аристотелю), но самым дистанцированным, самым пассивным и самым формальным? Многое зависит от степени консолидации граждан в связи с теми или иными проблемами и с учётом, что они атомизированы, разделены. Высокая степень консолидации может происходить по группам интересов, социальным и профессиональным группам. То есть там, где люди живут, учатся, работают; там, где могут в рамках повседневного общения формироваться политическая позиция, коллективная оценка деятельности властей и представление об альтернативной политике.

Процесс формирования политики начинается с локальных сообществ, второй уровень – интеграционный на региональном уровне, и третий этап – формирование консолидированной политической позиции по тем или иным вопросам, когда она продвигается с локального и регионального уровней на уровень федеральный, тем самым проходя через различные сети отношений и, по сути, охватывая всё общество.

Конечно, выбор модели социально-политических отношений имеет большое значение в управлении обществом, решении социально-экономических и политических проблем. Но не менее, а скорее более важен уровень профессионализма и ответственности лиц (кадрового состава), которые наделены соответствующими полномочиями представлять акторов. Многое зависит также от того, каков состав политической сети, насколько значителен сравнительный ресурсный потенциал акторов и насколько они реальны, активны, неформальны.

В завершение хотел бы отметить, что такой важный фактор развития общества, как социальный капитал, в последние годы оказался девальвирован в связи с бурным ростом кибермошенничества. Это наносит колоссальный ущерб стране, ухудшает атмосферу, в которой живут люди. Доверие граждан к своим согражданам, институтам власти и участникам социально-политических взаимодействий падает. К сожалению, пока государство и сетевые акторы оказались не в силах эффективно противостоять этой растущей угрозе. Встаёт вопрос: как остановить процесс формирования «общества недоверия»?

Игнатьева Ольга Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
Ignatieva O.A., PhD in Sociology, Associate Professor at St. Petersburg State University (St. PSU)

Сети в политической сфере начали появляться ещё до возникновения интернета, но именно бурное развитие информационно-коммуникационных технологий за последние несколько десятилетий привело к их широкому распространению и изменению привычного характера политической власти. На смену некогда строго иерархическим отношениям внутри политической системы и эффекту «стеклянного потолка» для тех, кто снаружи, приходит «горизонтализация» отношений, когда государство превращается лишь в один из узлов сети. Я полагаю, что в этом контексте необходимо обратить внимание на особенности принятия и реализации политических решений в условиях сетевого общества.

Классическая схема принятия решений, состоящая из формирования политической повестки, разработки политики, принятия решений, реализации политики, оценки и коррекции в случае её продолжения, где ключевую роль играло государство, теперь предполагает участие разных акторов даже на этапе принятия решения, когда зачастую носители власти лишь легализуют уже заранее согласованное решение.

Сетевые связи играют важную роль на этапе выдвижения проблем и формирования политической повестки. Здесь особое значение приобретают экспертные и медийные сети, а также сети гражданского общества. Так, в США активное участие принимает развитая сеть аналитических центров, НКО, СМИ, которые совместно формируют дискурс по наиболее острым проблемам, стоящим перед обществом. Затем через личные контакты, конференции и публикации данные акторы взаимодействуют с политиками на предмет того, чтобы их проблема была

включена в политическую повестку. В Европейском союзе, например, значительным влиянием обладает Европейская экологическая сеть, объединяющая экспертов, НКО и чиновников по вопросам устойчивой повестки. В результате вопросы, продвигаемые данной сетью, часто приобретают политический приоритет. В Латинской Америке существует сеть неправительственных организаций, которая через международные связи привлекает внимание к проблеме уничтожения тропических лесов Амазонии, делая экологическую тематику частью повестки региональных саммитов. Даже в случае с КНР, где повестка более централизована, тоже существуют экспертные советы (обычно при ведущих университетах), которые образуют сети влияния на правительство, особенно по экономическим вопросам. В Российской Федерации на этапе формирования повестки дня взаимодействуют государство, бизнес-сообщества, НКО и экспертные сообщества для выявления наиболее актуальных проблем, стоящих перед государством и обществом.

После определения повестки начинается этап поиска решений — выработка вариантов политики, проектов законов и программ. Конечно, формально подготовкой проектов занимается соответствующее ведомство, но в реальности вокруг него формируется политическое сообщество, состоящее из специалистов в данной области, групп интересов, гражданских активистов. Они влияют на подготовку решений через консультации, рабочие группы и экспертные советы. Например, при разработке реформы в области здравоохранения в США, известной как *Obamacare*, были задействованы такие акторы, как медицинские работники, страховые компании, пациентские организации, экологи и представители штатов. Согласование реформы проводилось посредством публичных слушаний, закрытых совещаний и обмена позиционными материалами. В Европейском союзе при написании новых правил обычно проводятся консультации с сетями заинтересованных сторон, которые могут быть представлены либо в форме комитетов национальных представителей, либо в виде платформы «European Innovation Partnership», объединяющей науку, бизнес и чиновников для совместной подготовки решений. В странах Латинской Америки проводятся «круглые столы» при министерствах с участием НКО, профсоюзов и экспертов для обсуждения законопроектов по социальным вопросам, а министерство становится центром сети, собирающим разные мнения. Таким образом, я хотела бы отметить, что на этапе разработки политики сети позволяют подготовить наиболее информативные и легитимные решения, хотя, конечно, повышаются транзакционные издержки. В Российской Федерации на этом этапе осуществляется межведомственная экспертиза, работают общественные советы и рабочие группы, проводятся консультации с бизнесом и научным сообществом.

Несмотря на явный приоритет власти в вопросах выбора рабочей альтернативы в условиях контингентности, я полагаю, необходимо уделить особое внимание, пожалуй, самому важному этапу в процессе принятия решений — принятию политического акта. Да, формально этот этап остаётся прерогативой государственных институтов в лице парламента или правительства. Однако и на этом этапе нельзя не отметить роль сетей, ибо консенсус, достигнутый в политической сети, часто предопределяет итоговое решение. Так, если компромисс между всеми ключевыми группами (бизнес, профсоюзы, НКО) был найден в процессе консультаций по законопроекту, его утверждение становится чистой формальностью — другими словами, парламент просто ратифицирует то, что уже согласовано. Такой механизм, в частности, работает в Швеции и ФРГ, когда важные законопроекты по труду и социальному обеспечению согласовываются в сети, состоящей из работодателей, профсоюзов и чиновников, а затем поступают в парламенты, где и принимаются с минимальными изменениями. В случае с КНР принятие политического акта также опирается на предварительную сетевую работу. Например, прежде чем принять такое решение, его тестируют в сети доверенных чиновников на местах и экспертов, проводя «пилоты» в нескольких провинциях. В Российской Федерации на этапе принятия политического акта задействованы следующие сетевые механизмы, способствующие легитимации решения: парламентские слушания, общественная экспертиза, лоббистские и консультационные площадки.

На этапе реализации политического решения значение сетей проявляется особенно ярко, потому что политика реализуется не одним органом, а целой сетью организаций. Так, государственная программа здравоохранения может выполняться как министерством, так и региональными администрациями, частными клиниками, страховыми компаниями и благотворительными фондами. Эту сеть можно обозначить как сеть реализации. Следовательно, успех такой программы будет зависеть не только от директив сверху, но и от качества взаимодействия между данными участниками: обмена данными о пациентах, согласования тарифов, совместного обучения персонала. В Европейском союзе реализация многих политик доверена сетям местных властей

и НКО, которые адаптируют общие цели к локальным условиям, например, в отношении регулирования водных ресурсов, раздельного сбора мусора. Еврокомиссия контролирует показатели, но также полагается на обмен опытом на местах. Так создаются сети европейских городов, в которых происходит обмен лучшими практиками. Реализация решений в США зачастую осуществляется гибридными сетевыми структурами. Например, социальная программа, направленная на обеспечение жильём малоимущих, реализуется местными агентствами и подрядчиками, а министерство жилищного строительства и городского развития лишь распределяет гранты и собирает отчётность, являясь скорее координатором, чем начальником. В КНР реализация также предполагает привлечение сетевых компонентов, т.е. она осуществляется через сети партийных комитетов и местных администраций с привлечением коммерческих структур. Например, при реализации программы «умный город» центральное правительство выпустило регламенты, но основные действия были связаны с работой технологических гигантов (Alibaba, Tencent), которые вместе с городскими властями определяли технические решения, консультировали другие города, тем самым формируя сеть практиков. В Российской Федерации реализация политических решений предполагает использование таких форматов, как государственно-частное партнёрство, корпоративная социальная ответственность, социальное партнёрство с НКО, экспертное сопровождение, привлечение граждан к отдельным инициативам.

Последним этапом является осуществление мониторинга и пересмотра политики (в случае её продолжения). В цифровом обществе он также предполагает использование сетей. В качестве обратной связи служит информация, поступающая от сетей гражданских и экспертных сообществ, международных структур. Например, международные мониторинговые организации (watchdog-НПО) часто делают оценки по соблюдению прав человека или экологической повестки в отдельных странах. Такие организации, например, в рамках Европейского союза через свои каналы давления добиваются корректировки политики с учётом своих стандартов. К сетям оценки политики могут присоединяться и обычные граждане, так как развитие социальных медиа сформировало новый формат сетевого общественного контроля, когда отзывы граждан через интернет-сообщества могут служить импульсом для изменения политики. Например, в США существует мощная экспертная сеть, состоящая из университетов и аналитических центров, в задачи которой входит оценка федеральных программ. Посредством личных связей и конференций эксперты доносят выводы до чиновников, таким образом, контролируя их деятельность, а это, в свою очередь, повышает качество политики, так как имеется обратная связь от разных стейкхолдеров. В Российской Федерации контроль за исполнением соответствующих программ ведут министерства (каждое по своему профилю). Контроль за реализацией национальных проектов осуществляет правительство. Счётная палата проверяет эффективность расходования бюджетных средств и достижение заявленных целей. Также особую роль играют Общественная палата РФ и региональные общественные палаты, которые проводят мониторинговые проверки (от контроля качества услуг ЖКХ до оценки экологической обстановки). Бизнес, в свою очередь, проводит опросы и рейтинги, информацию о которых доводит до чиновников. Научно-исследовательские организации проводят программы мониторинга реформы и национальных проектов, выпуская отчёты с важной для чиновников информацией. Часто к оцениванию программ привлекаются специализированные организации, являющиеся членами Ассоциации специалистов по оценке программ и политике.

Таким образом, на современном этапе развития государственная политика приобретает сетевой характер, когда представители общества могут влиять на процесс принятия решения, что придаёт им более легитимный характер, обеспечивает большую прозрачность и доверие. Сегодня в условиях цифрового бума политика формируется и реализуется множеством взаимозависимых акторов, а не только в рамках жёсткой бюрократической иерархии. С одной стороны, это способствует принятию действительно важных решений, соответствующих реальности и чаяниям большинства граждан, но, с другой стороны, возникает вопрос об ответственности за разработку и реализацию таких решений. Данный аспект является важной проблемой для политиков и экспертов, над которым ещё предстоит работать.

Щенина Ольга Геннадьевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Shchenina O.G., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Политическая реальность современного мира представлена сложным симбиозом иерархий и сетей, составляющих матрицу политических от-

ношений. Применение понятий иерархий и сетей при осмыслении происходящих перемен в политической сфере позволяет исследователям анализировать связи и отношения субъектов и акторов политических отношений, оценивать их масштабируемость.

На основе артикуляции идей о разнообразии взаимодействий в сетях и иерархиях вопросы политической субъектности с точки зрения их теоретико-методологического контекста становятся насущными. Политическая субъектность в иерархиях и сетях наблюдается в связи с ускоряющимися темпами динамики политического процесса и поисками объяснительных моделей общественного развития.

В условиях турбулентности социально-политических процессов учёные предпринимают усилия в попытках найти ответы на вызовы и предложить эффективные объяснительные модели действительности. Эти изыскания ведутся в разных областях знаний. Наиболее продуктивным представляется применение междисциплинарного подхода, на основе которого возникают иные конфигурации связей и отношений субъектов политики.

В действительности основным носителем политической субъектности является «человек политический», т.е. ключевым фактором развития для современного общества становится человеческое измерение политики в разных ракурсах. Этим проблемам посвящено большое число исследований за последние десятилетия в рамках социально-гуманитарного знания. Однако уже ставшее привычным измерение состояния общества в парадигме реального и виртуального, цифровом и сетевом форматах не даёт ответов на все вопросы о социальных взаимодействиях, в том числе и о политических отношениях в условиях новой социально-политической реальности.

Антропологическое измерение политики в оптике политической субъектности способствует повышению эффективности в вопросах принятия политических решений и политического управления в целом. Измерение политическое предполагает конструирование связей и отношений индивидов, социальных групп, политических партий, общественно-политических движений, государства в ракурсе их взаимодействия.

Сложность, динамизм происходящих изменений и неопределённость перспектив общественного развития предполагают также нестандартные методы и подходы в процессе принятия политических решений. Этим обуславливаются активные поиски специалистами моделей политической субъектности. Политическая субъектность, как правило, изучается в контексте философии (онтологии) политики, политической деятельности, политической культуры и политического поведения.

Взаимосвязь и взаимообусловленность политической субъектности и политических событий находит отражение и в динамике политического процесса, который включает последовательную смену событий, явлений и процессов, составляющих политический процесс. Кроме того, основные два вектора изучения политической субъектности – политическое поведение и политические отношения.

Под влиянием политических событий, последовательность, непрерывность и сменяемость которых составляют сущность политического процесса, а также востребованности в их интерпретации и выявлении, возникает и функционирует политическая субъектность. Политическое событие выступает ключевым элементом политического процесса, и именно оно влияет на политическую субъектность индивидов, социальных групп и др.

При этом *политическая субъектность может рассматриваться как политический потенциал участия в политике, т.е. готовность субъектов к политической деятельности. Ядром субъектности индивида выступают ценности, идентичность, активность.* Субъектность становится политической в процессе осуществления субъектом политической деятельности и напрямую связана с проявлениями его активности.

Важную роль в процессе обретения политической субъектности будут играть мнения, оценки, рефлексия, комментарии событий, а также социокультурные и психологические эффекты. Политическая субъектность приобретает на основе самоопределения, самоидентификации субъекта в пространстве политики.

К элементам, составляющим каркас политической субъектности, относятся: качества личности, компетенции, критическое мышление, навыки верификации и интерпретации данных, цифровые навыки и навыки принятия решений. К метанавыкам современного человека следует отнести не только новые виды грамотности, но и его когнитивную гибкость, аналитические умения. Следовательно, в современную эпоху искусственного интеллекта наряду с уникальными (персонализированными) навыками субъект политики должен обладать спектром компетенций, позволяющих ему осуществлять эффективную политическую деятельность.

В исследовательском поле может быть сформирована своего рода триада: политические отношения – политическая субъектность – поли-

тическое событие. Взгляд сквозь призму отношений на политическую субъектность позволяет выявить логическую цепочку ещё одной триады: субъект – событие – субъектность. При этом взаимодействия политических субъектов реализуются через политические события.

Попытаюсь ответить на вопрос о характере политической субъектности в иерархиях и сетях. Простота в построении иерархических систем и сложность конфигураций сетевых структур основываются на разнице во взаимодействиях политических субъектов с точки зрения выявления многообразия и многовекторности их связей и отношений. Политическая субъектность в сетях связана с кажущимся, на первый взгляд, хаосом во взаимодействиях участников, однако наличие сетевых структур обусловлено, в том числе, и изначально заданными техническими параметрами и возможностями информационно-коммуникационных технологий.

Политическая субъектность в иерархиях имеет признаки организованности, распределения ответственности, структурированности задач. В сетях преобладает анонимность, иерархии, как правило, предполагают персонализацию участия. В этой связи возникает вопрос: происходит ли замещение иерархий сетями в сетевом обществе?

На основе анализа социальных и политических связей субъектов политики можно сделать вывод о том, что внутри социальных общностей складываются как иерархические модели взаимодействий, так и сетевые. Например, сочетание разнонаправленных, вертикальных, горизонтальных связей субъектов политики в сетях и иерархиях приводит к появлению их новых форм. Сопряжённость элементов в иерархиях и сетях может быть описана на основе применения сетевого и системного подходов. Следует отметить, что изменение форм и моделей политической субъектности осуществляется под влиянием происходящих политических событий, чаще всего имеющих необратимый характер.

Вместе с тем, на мой взгляд, возможно выделение следующих типов политической субъектности: *по продолжительности* – кратковременная и долговременная; *по числу участников* – индивидуальная и коллективная/групповая (например, сообщества); *по концентрации власти* – в центре в иерархиях и её распыление в сетях; *по уровням и формам политической активности* – активность индивидуальная и совместная; *на основе обмена информацией*; *по средовой компоненте* – активность онлайн и офлайн.

Таким образом, осмысление политической субъектности с точки зрения многочисленных аспектов изучения этого сложного феномена происходит в следующих направлениях: генезиса политической субъектности в информационном обществе; трансформации политической среды, в которой проявляется политическая субъектность; влияния цифровизации на политическую субъектность. Заслуживает внимания также ещё один ракурс исследования сетевого общества: информация – коммуникация – искусственный интеллект.

Назаренко Алексей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Nazarenko A.V., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Истоки «негативного» настроения человека как разочарованного своей миссией творца нужно искать в нём самом, в его знании о себе и об окружающей его среде. Оно всегда является неполным, поскольку в нём будет присутствовать замещаемая «верой» субъективная неопределённость, влияющая на способ человека адекватно рассуждать о себе и о реальном и желаемом социальном устройстве мира.

Поскольку субъектность человека каждый раз ограничена рамками созданной им очередной социальной системы, его «свободная воля» будет впоследствии парализована, что самым негативным образом скажется на коммуникативном потенциале его «капитала». Снять не только критический настрой, но и разочарование человеком в своей никчемности по отношению к любой им же спроектированной и созданной социальной невозможно без принятия чрезвычайных мер по возврату утраченной им собственной субъектности. Она становится якорем для построения «карты» для организуемой в данный момент экзистенциальной социальной «территории». Возникает закономерный вопрос об алгоритме её производства.

При межличностной коммуникации субъектность видится следствием коллективного плана. Если субъектность человека проявляется только в межличностных отношениях и через них подтверждается, как полагал С. Кьеркегор, она не может иметь единого целевого или ценностного экзистенциального «центра». В результате этого достаточно спонтанно меняются критерии и регистры, с помощью которых человек осознаёт и понимает себя как автора собственной жизни

в окружении равных себе. То есть самость его «Я» посредством бесконечного воздействия и касания между собой многих «Я» может или трансформироваться в «Мы», или, что гораздо сложнее, сохранить свою уникальность за счёт самоизоляции.

Устойчивые конфигурации человеческой субъектности попадают в зависимость от трёх факторов: от влияния внешней экзистенциальной системы, влияния знания об организации мира и влияния самореферентности. При этом необходимо понимать, что множится число внешних экзистенциальных систем. В этом плане достаточно обратиться не только к понятию религии, культуры или цивилизации, но и к столь широко применяемому понятию многополярности, под которым скрывается та или иная суверенная модель государственного устройства. Она может быть, как притягательной для других, так и отталкивающей для них, формируя, таким образом, положительные и отрицательные полюса. Например, в виде экзистенциальных «осей» добра или зла.

Необходимо принять во внимание не только явную ограниченность выбора модели государственного устройства, обусловленной тремя стандартными конструктами – либерализмом, левым и правым консерватизмом, но и сохраняющий доминирующее положение незавершённый философский рациональный проект модерна. Заметим, что он непосредственно пересекается и с возможными моделями государственного устройства, и с соответствующим ему эстетическим дискурсом. Очевидно, что созданная в условиях доминирования современного рационализма система представлений и знаний может легко сломать не только субъектность человека, но и его жизнь. Ведь в этом случае у него просто исчезает возможность выбирать.

Выходом из создавшегося тупика видится акцентирование самореферентности «Я». Правда, необходимо понимать, что в процесс подобной автореферентной субъективации легко вмешиваются и призраки прошлого, и демоны настоящего, и фантомы будущего, образуя гремучую смесь навязчивых поведенческих мотивов, эмблем идентификации и различного рода фетишей. Чтобы осмыслить реальность, человеку, вероятно, придётся отрешиться от этого тяжёлого груза. Наиболее вероятный путь – временная самоизоляция, возвращающая ему не только чувство одиночества в сети, но и чувство дистанции и самое главное – правды. Последствия сделанных им шагов в этом случае проявятся не мгновенно, а через мучительное осознание их последствий в первую очередь для себя.

Поскольку однозначное толкование субъективности человека более не представляется возможным, возникает множество коннотаций, которые объясняют широчайший диапазон явлений субъективности. Наиболее очевидным воплощением пула межличностных отношений можно считать Сеть. Благодаря ей и создаются любые предпосылки для возникновения нового типа социальности – «невозможного» сетевого сообщества, без жёсткой ценностной и целевой системной основы, блокирующей свободную циркуляцию жизненных сил человека.

Если сетевые взаимодействия формируют и деформируют субъектность человека, способствуя детерриториализации и ретерриторизации его идентичности в социуме, наиболее адекватным инструментом их изучения видится делёзовский шизоанализ. Как показала практика, желания свободного человека невозможно поместить в системные рамки. Все попытки «унифицировать» человеческое поведение потерпели фиаско. Как следствие, можно рассматривать сеть отношений в виде делёзовской «машины желаний», где циркулирующая внешняя средовая информация бесконечно рождает всё новые и новые формы фрейдовского «желания» и «наслаждения» человека. Таким образом, появляется возможность нивелировать любые крайности и грубые обобщения системы, но и попутно выявить аналогию в работе желания отдельно взятого индивида и социума в целом.

Как делёзовский шизосубъект человек способен проживать все возможные и невозможные состояния, выстраивая на их основе множественные и часто, на первый взгляд, «бредовые» социальные конструкции в их произвольности, изменчивости и избыточности, которые способны сохранить его достоинство – истинное «Я». Человеку суждено нормально вести себя в окружении других, оставаясь немного «безумным» внутри. Становится очевидным, что ему не стоит тратить свою жизнь на борьбу за своё место в чужой и изначально враждебной среде, ведь в этом случае существенно возрастают риски потерять себя.

Употребляя понятия «свободной воли» человека и его «капитала», просто нельзя игнорировать делёзовский шизоанализ. Отрицаемое социальной и цивилизованной системой условное безумие может составить единственный источник будущего человека. Возникает закономерный вопрос о пределах десоциализованного экспериментирования. Очевидно, что по мере появления и развития альтернативных вариантов человеческой субъективности в виде цифровых аватаров и искусственного интеллекта поиск таких пределов будет обретать всё

большую актуальность. Множественность предъявлений субъективностей в показе наряду с тотальным гостеприимством высказываний человека в опыте – это и есть *новый сетевой несистемный мир*. Его можно мыслить только на пределе.

Поскольку процесс межличностного взаимодействия детерминирован «желаниями» «Я» оставаться в поле другого «Я», его активная субъективация возможна лишь в интерсубъективном символическом, и то после того, как оно временно приостановилось и преобразовалось посредством введения очередного привлекательного в этот момент для всех господского «означающего», вызывающего у всех людей субъективированное «наслаждение». Заметим, что именно таким образом и работает идеология. Однако есть один существенный нюанс: субъективированное наслаждение невозможно продлевать бесконечно без создания сначала новых правил поведения, а затем и законов, которые, в конечном счёте, будут вступать в противоречие с первыми.

Как следствие, привязанное к субъекту политическое возникнет в точке, где человек как субъект готов частично поступиться чистотой, как системной, так и анархической, деструктивной «шизоидной» этикой, которая, будучи запредельной, сама по себе и является незыблемым условием политического. *Политическое всегда явлено нам на пределе, или за рамками системы* – самый правый, самый левый, самый либеральный, или, наоборот, не приемлющий любую системность крайний анархист. Он и будет всякий раз детерминировать очередную центр сети.

Можно говорить о том, что любая субъективация фрейдовского «желания» и «наслаждения» в сети будет претерпевать радикальную дестабилизацию посредством правильно диагностированного «неразвязанного» психоза человека и последовательного создания им своего субъективного «нетрагического» имени путём частичной разметки персонализированного, символического. Таким образом открывается перспектива для утверждения нового подхода к формулированию сетевой психоаналитической этики и политики.

Воронкова Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Voronkova O.A., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS

По сути, вопрос состоит в том, возможна ли эволюционная трансформация централизованно выстроенных, иерархических, вертикально-властных систем или они в принципе неререформируемы и могут только разрушаться «до основания», а на их «обломках» строиться новые системы.

Стабильность *политической системы* поддерживается балансом управленческих структур и функционалом механизмов, задействованных в процессе управления социумом. Успешное функционирование этих механизмов в значительной мере зависит от уровня доверия социума различным звеньям управленческой структуры. А это доверие (легитимация) зависит, в свою очередь, от сложившихся культурно-символических кодов, заложенных в национальной ментальности, моделях мышления и поведения.

Национальная ментальность как концептуально-логическое и эмоционально-психическое свойство массового сознания составляет фундамент становления политической культуры, обеспечивая базовую устойчивость системы и возможности её самовоспроизводства после периодически возникающих кризисов. Мой тезис в том, что *массовая ментальность хотя и медленно, но меняется по мере того, как меняются технологии, обеспечивающие экономический рост, за которым следует и повышение материального уровня жизни*. Как следствие, меняются потребности, системы ценностей и нормативных правил и возникают запросы на бытовой комфорт, понижается готовность к самопожертвованию во имя непонятных обществу целей. И это естественный процесс социокультурной эволюции.

Централизованные политические системы подчинены жёсткой логике безальтернативности управления, что рано или поздно приводит к подрыву состояния динамического баланса. Рационально-вертикально выстроенный бюрократический аппарат практически не способен к охвату и учёту всех жизненных факторов развития. Субъективистская стратегия управления сложным организмом способна лишь на разработку прямых и очевидных (или кажущихся очевидными) средств достижения цели, в логике которой все «мешающие» факторы выносятся за скобки, а при их активном проявлении подвергаются в лучшем случае нейтрализации, а в худшем – аннуляции. Суть рационализма в политике, как справедливо отмечал английский философ прошлого века Майкл Дж. Оукшотт, состоит в сочетании стратегии рационально-бюрократического совершенствования с единообразием. Парадоксальным результатом жёсткого централизованного управле-

ния становится, как уже не раз было продемонстрировано в истории, выхолащивание рациональной логики до строгой формулы, не только не способной обеспечивать развитие системы, но и укрепляющей факторы, препятствующие ему.

Неспособность рационально-бюрократической структуры к внутреннему обновлению приводит к потере функциональности, отмиранию важных ячеек, обеспечивающих работоспособность вначале отдельных направлений, а затем целых кластеров системы, и в конечном итоге – утере контроля над разнообразием социальных ситуаций.

Перегрузка рационально-системных возможностей ведёт ко всё большему разбалансированию отношений между «системой» и «социумом». В логике самосохранения и неспособности к выработке гибких стратегий коммуникации с социумом теряется и базовая подпитка со стороны массового сознания: истончается кредит доверия управленческим структурам. В результате система вырабатывает и расширяет ресурс «антиэволюционности» – искусственного препятствования свободному развитию социума.

Это, в свою очередь, приводит к тому, что энергетический потенциал социума начинает перераспределяться в другие жизненные сферы социального организма. Общество начинает искать обходные пути запретов и контроля со стороны централизованной бюрократии для удовлетворения своих растущих потребностей и решения конкретных практических задач. В определённых ситуациях такие пути могут реально затормозить процесс деградации политической системы, формируя внутреннюю сферу связей и практик, позволяющих использовать свои резервы развития. Социокультурная сфера способна внести определённый вклад в эволюционную динамику трансформации политической системы, как это показал опыт «перестройки» 80-х годов прошлого века.

Сетевое технологическое развитие в XXI веке усиливает давление общества на централизованные управленческие структуры, открыто заявляя о своих растущих потребностях в равноправном участии в политическом процессе и управленческой деятельности. В настоящее время наблюдается становление «социальности нового типа» (по Л.Н. Тимофеевой), которая определяется через расширение технологических возможностей коммуникации и взаимодействия в живой социальной системе. Это побуждает массовое сознание постоянно переосмысливать события быстро меняющейся реальности и искать способы самореализации в ней.

Таким образом, набирающая силу волна социальной коммуникации и интернет-активности способствует изменению факторов обеспечения стабильности централизованных политических систем. *Развитие сетевой публичной социальной сферы ведёт к созданию принципиально иных опор для поддержания устойчивости социальных систем.* От принуждения социума к единству и единомыслию управленческие структуры вынуждены переходить к поиску консенсуса с обществом, перестройке стратегий управления и в перспективе – к выстраиванию многоопорной и гораздо более устойчивой платформы для функционирования политико-управленческой системы. При дальнейшем укреплении опор этой платформы сетевая социальность способствует восстановлению фактора эволюционности развития, всё ещё подавляемого механизмами консервации централизованности и единовластия.

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Nicovskaya L.I., doctor of sociology, chief research fellow, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Темой моего выступления является вопрос о соотношении сетевых и иерархических начал во взаимодействии власти и общества.

Доминантной тенденцией современного общественного развития всё же является становление его трансформация в сетевое общество, характерные особенности которого – нелинейность, противоречивость, текучесть и вариативность протекания общественных процессов. Сетевое начало функционирования многих подструктур столь сложного социума формирует новые источники власти в обществе. Однако эта власть возникает не вследствие исключительности самого феномена сети, а по причине эффекта синергии, позволяющего социальным сетям максимально полно учитывать разнонаправленные интересы и выработать оптимальные решения.

Таким образом, основа современной публичной политики, опирающейся на использование функционала социальных сетей, – это обеспечение максимально широкого включения разнообразных акторов в процесс обсуждения, принятия и имплементации социально значимых решений. Мы можем теперь говорить, что сетевая публичная политика наполняет новым политическим содержанием суть социально-

политических отношений. Формируется модель *со-управления*, которая сужает ареал доминантного положения государства в политической системе и двигает его в сторону координирующего центра коллективных социальных действий многообразного количества общественных и деловых акторов и субъектов. Отсюда возникает насущная необходимость поиска оптимального сочетания управления, основанного на иерархической субординации, с процессами общественной самоорганизации, самоуправления. Линейное, директивное управление не срабатывает в полной мере и не охватывает всей сложности современного социума. Модели государственного/муниципального управления, популярные сегодня, чаще всего являют собой попытку опираться на технологии и методы управления формирующимися сетевыми образованиями, на признание фактора множественности социальных акторов и субъектов, включённых в процесс выработки и принятия социально значимых решений.

Несмотря на то что сетевое общество стало маркером трансформационных процессов, глубоко затрагивая структуры современного общества, фундаментальные основы общественного устройства ещё окончательно не разрушились под натиском сетевых структур и процессов. Сетевая логика сосуществует в общественной реальности одновременно с другими типами онтологических логик – административно-бюрократического, традиционного, иерархически организованного социума, отчётливо обозначая сегменты сетевых явлений глобального и локального масштабов, проецирующихся на все сферы социально-политической реальности.

При этом политическая власть осознаёт возможности вовлечения в орбиту общественного развития масштабной энергии самоорганизации и феномен «повседневного творчества» (по М. Кастельсу) на «низовом» уровне, позволяющей учитывать динамизм и глубину общественных запросов и пилотных гражданских инициатив. С другой стороны, она осознаёт неустойчивость и более сложную управляемость данными процессами и в определённой степени страшится от непредсказуемых форм общественной самоорганизации. Основная задача состоит в формировании условия для *взаимодополнения* и, соответственно, *взаимоусиления* иерархических и сетевых институтов и механизмов государственного управления и самоуправления, с тем чтобы объединить усилия государства, гражданского общества, деловой инициативы на основе конвергенции современных управленческих подходов. Прежде всего имеется в виду сетевой подход, который играет важную роль, поскольку позволяет объединить многообразие общественных сил в единую орбиту совместных действий с государством посредством коллективной выработки единого смыслового поля, публичного проекта, в которых ценность и ресурс каждой стороны взаимодействия будут востребованы, услышаны и реализованы. Иного пути в нынешних условиях возрастания роли и значимости человеческого и социального капиталов в общественном развитии нет.

Таким образом, можно сказать, что российское общество находится в ситуации *переходности*, обусловленной сетевыми факторами трансформации, глубоко затрагивающими социальную сферу и структурные основы современного общества. Многие авторы называют это состояние *гибридным*, рассматривая последнее как модель развития в новых реалиях. Сетевые процессы сосуществуют и накладываются на иные принципы общественного устройства, в том числе административные, иерархически организованные управленческие структуры, привыкшие жить по вертикально-интегрированным логикам бытия, что порождает существование различных гибридных форм институционализации социально-политических отношений и практик общественной жизни.

Замечу, что это не исключает вызревания конфликтных форм проявления сосуществования различных пластов социальной реальности (традиционной, иерархически ориентированной, горизонтально-сетевой, кооперативной). Однако они неминуемо будут взламываться под натиском сетевых структур и процессов, формирующих цифровую реальность современного социума. Важно, чтобы этот процесс происходил в позитивно-функциональном направлении для судеб развития общества и его подсистем.

Макушина Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Makushina L.V., candidate in history, senior researcher, associate professor, Institute of socio-political research FCTAS RAS

Сетевизация государственного управления, в том числе и в сфере социально-трудовых отношений, представляет собой сложный и неоднозначный процесс. С одной стороны, иерархии продолжают оставаться фундаментальным принципом структурирования общества, т.к. они

призваны обеспечивать стабильность, чёткое разделение обязанностей, соблюдение полномочий и определение зон ответственности. С другой стороны, всё большее распространение получают горизонтальные сети – гибкие, распределённые формы самоорганизации, возникающие в профессиональных сообществах в виде гражданских инициатив, развития государственно-частного партнёрства (ГЧП) и привлечения частного сектора к реализации государственных проектов и программ. Мы наблюдаем, что увеличивается использование информационных технологий, таких как электронное правительство и онлайн-платформы для взаимодействия между гражданами и государством; осуществляется активное вовлечение в них стейкхолдеров (государства, бизнес-сообществ, экспертов, граждан).

Как известно, сетевизация предполагает изменение органов государственной власти и управления, переход от традиционной иерархической системы к более гибкой, сетевой. Это может включать в себя децентрализацию, т.е. передачу полномочий и ответственности на более низкие уровни управления, в том числе на уровень регионов и муниципалитетов; развитие горизонтальных связей, установление прямых связей между различными властными структурами. Эти два механизма (иерархии и сети) всё активнее вступают во взаимодействие. Назначение иерархических структур, как мы знаем, состоит в том, что они традиционно обеспечивают стабильность процесса, но при этом имеют свои собственные ограничения: инертность в принятии решений, высокую концентрацию полномочий и риски дистанцирования управленческих структур от решения реальных проблем общества. Сетевые структуры, напротив, увеличивают скорость прохождения информации, способствуют распространению инноваций и увеличивают вовлечённость граждан. В то же время проблемы сетей, по нашему мнению, состоят в том, что они подвержены фрагментации и редко сохраняют долгосрочную устойчивость.

Суть координации, в частности, в области социальной политики, состоит в том, что она формируется при активном участии различных акторов. Государство при этом берёт на себя ответственность за стабильность, выработку стратегии развития, текущее макроэкономическое и отраслевое регулирование. Так, государственное управление социально-трудовыми отношениями в РФ предполагает наличие соответствующих органов власти: Министерства труда и социальной защиты РФ (Минтруд России), Федеральной службы по труду и занятости (Роструд). Минтруд осуществляет исполнение законов, в том числе в сфере труда и управления трудовыми ресурсами, функции по регулированию труда и трудовых отношений. Задача Роструда – контролировать и надзирать в сфере труда, занятости, альтернативной гражданской службы и социальной защиты населения, оказывать государственные услуги в сфере содействия занятости населения и защиты от безработицы.

В рамках сетевого взаимодействия в процесс формирования трудовых ресурсов активно включается бизнес. Происходит это как через создание на предприятиях конкурентоспособных рабочих мест, призванных обеспечивать «достойную занятость», так и через непосредственное участие предприятий в образовательных проектах, налаживание партнёрских взаимоотношений с профильными вузами, ссузами, предпрофессиональными классами в школах, через использование для подготовки нужных ему специалистов целевых программ обучения.

Создаются коллаборации с целью формирования человекоцентричного подхода к проблемам занятости и рынка труда, а также обмена опытом и лучшими практиками. Так, в 2023 году по инициативе госкорпорации «Росатом» был создан *Альянс человекоцентричных организаций*, соучредителем которого стала компания «Газпром нефть», а позже к ним присоединились РАНХиГС и другие компании.

Задача региональных властей в подобном сетевом взаимодействии, как известно, состоит в обеспечении оптимального инвестиционного климата на своих территориях с целью привлечения туда бизнеса, в том числе и в создании благоприятной социальной среды для потенциальных работников и их семей.

Политическое влияние этого взаимодействия проявляется в различных аспектах. В то время как иерархические институты традиционно опираются на формальные процедуры и правовые статусы, в сетевых структурах оно может быть основано на разных источниках. Политические системы начинают встраивать сетевые механизмы в свои иерархии, что делает возможным развитие общественного участия, создание платформ обратной связи, экспертных и отраслевых сообществ, которые становятся каналами влияния «снизу вверх». Таким образом, решения больше не формируются исключительно внутри узких иерархических структур, а являются результатом смешанных форм взаимодействия. Платформы, будучи сетями, фактически представ-

ляют собой новые вертикали влияния, создавая гибридную модель «сетевой иерархии».

Малышева Галина Анатольевна, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Malysheva G.A., research fellow, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Проблематика «круглого стола» дает возможность затронуть такую тему, как сетевая идентичность в идентитарной иерархии цифровой эпохи. Идентитарная множественность составляет один из сущностных признаков современного общества, а также её изменений.

Глобализация, в особенности её цифросетевые аспекты, продуктом которых явилась, помимо прочего, идея так называемой «Великой перезагрузки», поставила под сомнение функции традиционных национально-государственных образований и присущих им моделей коллективной идентичности. Роль национального государства была сведена к минимуму; его предлагалось заменить однополярной западно-ориентированной моделью надгосударственного управления, основанной на принципах цифровой сетевизации.

На современном же этапе мирового развития, в центре которого находятся процессы глобального размежевания и кристаллизации многополярной системы мироустройства, мы видим, что институциональная модель национального государства переживает своего рода ренессанс. В то же время её обновлённые – под воздействием актуальных социотехнологических тенденций – качественные характеристики становятся предметом пристального научного внимания.

Логично предположить, что в национальном государстве, учитывая весь комплекс его внешних и внутренних интересов, некоторым типам коллективных идентичностей будет отводиться приоритетная роль. То есть именно тем, которые могут служить как фактором, так и показателем социальной и политической стабильности, внутренней сплочённости и консолидации общества. Таким образом, коллективные идентичности национально-государственных образований можно выстроить в некую иерархию и ранжировать с точки зрения стратегий суверенного развития. Речь идёт прежде всего о таких моделях идентичности, которые отражают общенациональные и гражданские признаки социума, его коллективный менталитет и разделяемое большинством жителей осознание принадлежности к своей стране и её уникальному пути в современном мире. Подобного рода идентичность подпитывается окружающей граждан повседневно, её общественно-политическим содержанием, а также продвигаемой властями информационной и культурно-ценностной повесткой.

Между тем, идентичность, формируемая в цифровых сетях, является производной от техносотциальных трендов общемирового порядка и в силу этого имеет универсальную природу и повсеместное проникновение. Сетевая идентичность использует глобальную цифровую инфраструктуру и не признаёт территориальных границ, т.е. она космополитична как сущностно, так и функционально. Отмечается, что технологическая глобализация в известной мере стирает культурную специфику отдельных стран. Потребление универсальных технологических продуктов вырабатывает общие поведенческие модели и культурные ценности у людей по всему миру.

Что ещё более важно, становление и развитие сетевой идентичности лишь при самом поверхностном подходе можно было бы назвать стихийным процессом. Существует позиция, согласно которой формирование глобальной сетевой идентичности представляется как алгоритмизированный и управляемый феномен цифрового мира, подчинённый интересам экономических и властно-политических элит, чьим манифестом является пресловутая «Великая перезагрузка». Так или иначе, конфигурация прав собственности и компетенций в цифросетевой среде даёт основания полагать, что её модерирование, технологическое и идеологическое, может реализовываться как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

На формирование сетевой идентичности влияют такие особенности психологии и менталитета пользователей, как дефицит критического анализа, неспособность к длительной концентрации внимания (наиболее востребованным форматом интернет-контента становятся короткие видео), отсутствие потребности и нежелание осмысливать события и факты, как принадлежащие к материальной реальности, так и генерируемые в процессе виртуального общения.

Сегодня, когда в онлайн-коммуникации множество функций делегируется ИИ-технологиям, «интеллектуальная стоимость» создания текста, видео или аудио в интернете резко упала и уже не требует от человека многочасовых усилий. По некоторым данным, почти половина опубликованных в интернете за последнее время материалов сгенерирована искусственным интеллектом. При этом наибольшее

внимание привлекают те из них, которые, будучи мало основанными на реалиях, несут раздражающий импульс – так называемый rage bait контент. По мере совершенствования чат-ботов эмпирические приёмы распознавания искусственно созданных цифровых материалов становятся непродуктивными. В результате этого компьютерные фейки всё в больших масштабах подменяют собой действительность физического мира.

Речь идёт не просто о трансформации когнитивных процессов и ослаблении механизмов рационального принятия решений. В сетях создаётся собственный социально-психологический контекст, система культурно-ценностных кодов, установок и ориентиров, автономных по отношению к тому, что происходит в физическом окружении индивидов, и в значительной степени базирующихся на дезинформации и манипулятивных технологиях, в том числе политического свойства. Формируются собственные критерии хорошего и плохого, допустимого и недопустимого, что особенно действенно в отношении представителей младших поколений, не обладающих достаточным жизненным опытом. Противостоять этому можно путём регулирования цифрового потребления и обращения к альтернативным источникам информации, что далеко не всегда становится осознанной потребностью пользователей.

Детерриторизация цифросетевой среды и её культурная и ценностная разукоренённость приводят к формированию культурного универсализма как одной из ключевых характеристик онлайн-ового сетевого пространства. С точки зрения интересов национального государства, заложенный в цифровых сетях универсалистский культурный потенциал следует отнести к разряду вызовов и угроз его развитию, равно как и возможную перспективу замещения гражданской и общенациональной идентичностей идентитарными моделями, которые носят выраженные признаки экстратерриториальной сетевой идентичности.

Учитывая мировые техносциальные и генерационно-демографические тенденции, можно допустить, что в идентитарном множестве цифровой эпохи сетевая идентичность будет пытаться проникнуть на высшие ступени иерархии. А это, в свою очередь, в условиях переустройства мировой системы и роста конфронтации глобальных интересов способно стать фактором, подрывающим суверенитет и внутреннюю стабильность национального государства, и иметь непредсказуемые последствия с точки зрения его экономического, социального, политического и культурно-цивилизационного развития.

Попытки ограничить влияние универсалистского потенциала сетевой идентичности, в том числе через локализацию соцсетей и цифросетевых сервисов, можно описать в терминах технонационализма и цифровой деглобализации. При этом проблематика техносциального развития рассматривается в одном поле с вопросами государственной безопасности и общественно-политической стабильности. Идентитарный дискурс высвечивает политические аспекты технологической деглобализации и её проекцию на политические отношения и борьбу за политическую власть, а также её связь с поиском такого рода идеологии цифрового развития, которая не вступала бы в противоречие с интересами современного национального государства.

Митрофанова Анастасия Владимировна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Mitrofaniva A.V., doctor of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Современная эпоха характеризуется очевидным упадком интереса граждан к традиционной политике практически во всех развитых странах. В первую очередь это касается интереса к политическим партиям, их идеологиям и программам, а также к выборам и законодательной деятельности. Думается, что этот упадок компенсируется расширением границ сферы политики, которая начинает захватывать социальные ареалы, ранее маркированные как неполитические, относящиеся к сфере частной жизни.

Моё выступление опирается на идею М. Фуко о том, что отношения власти не сводятся к государству и его функционированию. Власть, по мнению французского философа, исходит «овсюду», отдельных отношений власти нет, т.к. все отношения являются отношениями власти. *Власть осуществляется посредством пространственно-временных механизмов, встроенных в любые социальные институты, что приводит к постоянному расширению сферы «политического».*

Подход Фуко, с одной стороны, создаёт пугающий образ власти, от которой невозможно защититься или спрятаться. С другой стороны, «капиллярную» природу власти можно использовать с целью осуществить политические изменения даже в ситуациях, когда традиционные властные институты недоступны для воздействия. Расширение сфе-

ры политического на то, что привычно представляется пространством повседневности, может послужить способом тактической адаптации в условиях, когда традиционный политический активизм серьёзно ограничен, а возможности для легальной оппозиционной деятельности сужены.

На примере политических движений правой ориентации продемонстрируем, каким образом расширение границ политики помогает продвигать повестку дня движения. Рассмотрены три основных, взаимосвязанных процесса, в совокупности описывающих трансформацию движения в условиях ограниченных возможностей для традиционной политической деятельности.

Первый процесс – сетевизация, под которой понимается переход правых политических движений на посторганизационную ступень. Ранее для этого сегмента, как и в целом для российской политики, характерным было создание политических организаций, часто именовавших себя партиями, хотя большинство из них участия в электронном процессе не принимало и даже оставалось незарегистрированными Министерством юстиции. Организации оставались, в тактическом смысле, бесполезными, но при этом опасными для своих руководителей и участников.

Посторганизационная ступень предполагает переход от псевдопартий к формированию «экосистем», включающих как общественно-политические движения или группы, так и большое количество проектов, с традиционной точки зрения, не политических. К экосистеме может относиться, например, независимый книжный магазин, кино-клуб или группа исторического туризма. Важно, чтобы общественно-политическое движение, оставаясь в экосистеме, не доминировало и не занимало в ней непропорционально большую долю. В то время как движение может периодически принимать участие в выборах или организовывать политические акции, неполитические участники экосистемы становятся источниками гражданских связей и субкультурной идентичности в условиях, когда традиционные политические каналы влияния закрыты. Они действуют в «серой зоне», используя язык культуры, бизнеса или общественной деятельности для поддержания сетей, распространения контрнарративов и сохранения социальной структуры, которую государство не может полностью подавить. В кризисные периоды эти пограничные зоны политики становятся основной территорией, где продолжает существовать политика, в явной форме ушедшая в подполье.

Сетевые акторы расширяют сферу политики, встраивая её в ткань повседневной жизни. Книжный магазин может стать чем-то большим, чем просто магазин, т.к. организует общественное пространство для инакомыслия, фактически выступая в качестве узла культурного протеста. Сетевые субъекты действуют в горизонтальных, гибких структурах, используя социальные сети для расширения своего охвата и объединения разрозненных местных инициатив в более широкое, хотя часто слабо связанное движение. Их сила заключается не в возможности менять законодательство, а в переформатировании норм, предоставлении альтернатив и расширении функционала отдельных лиц.

Второй процесс можно назвать переходом всей экосистемы на постидеологический уровень. Использование термина «деидеологизация» представляется неправомерным, т.к. политические движения не отказываются от идеологии. Идеология не просто сохраняет значимость, но и увеличивает её, заполняя собой фукианские «капилляры власти». *Миграция политического в повседневное*, отмеченная ранее, усиливается параллельным повсеместным распространением идеологии. Упадок «великих» политических доктрин XX века не уничтожил идеологию, но, напротив, сделал её вплетённой в ткань повседневной жизни. Идеология, в частности, вплетается в досуг.

Политический дискурс, со своей стороны, становится более ориентированным на развлечение потребителя. На протяжении большей части прошлых веков распространение идеологии шло по прямым каналам, что, судя по успешной идеологической обработке масс, соответствовало потребностям людей, только недавно перешедших от традиционного образа жизни к современному. Современный человек, вследствие своей большей образованности и формирования привычки критического потребления информации, как правило, плохо реагирует на прямое идеологическое воздействие. Политические акторы, чтобы привлечь внимание потребителя, должны предоставлять интересную ему информацию, которая не воспринималась бы как идеологизированная. В результате большинство политических инфлюенсеров создаёт образовательно-развлекательный (иногда – только развлекательный) контент, обеспечивая непрямым воздействием идеологии.

Косвенная идеологическая обработка также осуществляется в рамках неполитических проектов, составляющих сетевую экосистему, и акций, которые они организуют. Эти проекты действуют на ином уровне, чем партийная политика, апеллируя не к идеологической

принадлежности, а к общим ценностям, жизненному опыту и непосредственному участию каждого человека. Они выполняют важнейшую политическую функцию, создавая альтернативные социальные инфраструктуры и реполитизируя сферы, традиционно считавшиеся частными или коммерческими. Важно отметить, что, поскольку идеологическая составляющая остаётся скрытой, участие в проектах или акциях потенциально открыто для людей с любыми политическими убеждениями или вообще без убеждений.

Большое значение приобретают, например, акции экологического характера. Тема защиты природы изначально амбивалентна экологически: начавшись с правой тематики консервационизма и борьбы против модернизации, впоследствии она стала ассоциироваться с левыми движениями, а в настоящее время уже не поддаётся идеологической классификации. Другой важной, идеологически амбивалентной темой является реализация различных урбанистических проектов (градозащита, планирование, облагораживание городской среды и так далее).

Третий процесс, который необходимо упомянуть, — это коммерциализация деятельности как самих политических акторов, так и связанных с ними экосистем. Ранее политическое и коммерческое скорее взаимно исключали друг друга: в сфере, где доминировала идеология, обычным было даже открытие некоммерческих магазинов (например, в рамках кооперативного движения). Ознакомление с идеологией, как правило, осуществлялось по бесплатным каналам, т.к. потенциальные потребители были намного меньше заинтересованы в этой продукции, чем производители — в её распространении.

В современной ситуации политическое сливается с коммерческим, что означает не только коммерциализацию политики, но и — не в меньшей степени — политизацию сферы коммерции. Политический контент изначально производится с условием возможности его коммерческой эксплуатации (платные подписки, лекции, размещение рекламы). Завоёвывают популярность разные формы коллаборации политических движений с коммерческими брендами, чем пользуются и традиционные партии, например, ЛДПР (коллаборация с певицей Dead Blonde). Экосистема, объединяющая общественно-политические, коммерческие и некоммерческие инициативы, в обязательном порядке участвует в производстве и продаже брендированных товаров (мерча).

Коммерциализация способствует тому, что бытовое поведение и потребительская культура человека приобретают политический характер (можно вспомнить лозунг антисистемных движений 1960-х годов: «личное — это политическое»). Жизнь превращается в политический акт. В связи с идеологической амбивалентностью и невозможностью, пользуясь традиционными критериями, отличить левых от правых, маркерами идейно-политической ориентации становятся одежда, манера держаться и разговаривать, предпочитаемые блюда и так далее. Что касается политических акторов, то они приобретают новые возможности получения финансовых ресурсов и уходят как от фиксированного платного членства, так и от государственной поддержки гражданских и электоральных инициатив. В перспективе, несомненно, это делает их более независимыми и менее управляемыми.

Таким образом, очевидный упадок традиционной политики, отмеченный апатией избирателей и разочарованием в партиях, сосуществует с возрождением политики в других сферах. Политическими вопросами стали выбор места покупки продуктов питания, способов культурного общения и ценностей, заложенных в досуге и потреблении. Неполитические, на первый взгляд, сетевые проекты на самом деле глубоко политичны. Они отвечают стремлению современного человека к аутентичности и самостоятельности и образуют новые формы групповой принадлежности и действий, выгодно отличающихся от «отчуждённой практики» участия в выборах, расширяя тем самым наше понимание границ политики.

Брега Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; Московский технический университет связи и информатики

Brega A.V., doctor of political science, professor, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS; Moscow Technical University of Communications and Informatics

Возрастание роли сетевых процессов в политике подталкивает иерархические структуры к разработке и популяризации идейного обоснования сотрудничества власти и общества, форматы и цели которого, с одной стороны, основывались бы на компромиссе, а с другой — вписывались в действующие политико-правовые рамки и согласовывались с государственным курсом. Одним из результатов поиска баланса между иерархиями и сетями в российском провластном общественно-политическом дискурсе видится формирование концепции социальной архитектуры. Оно становится практически подтверждением предположения, что

устоявшиеся сети неформальных отношений будут выкристаллизовываться в публичной сфере, способствуя закреплению новых форм и механизмов интеракции (с включением в неё экспертов, представителей некоммерческих организаций и других элементов гражданского общества).

Ряд современных определений термина «социальная архитектура» сосредоточен на идее выстраивания моста между государством, бизнесом и населением, что открывает широкий исследовательский горизонт для сетевого подхода, но вместе с тем порождает несколько открытых вопросов и ограничений методологического характера.

Во-первых, в многоуровневой сети возникает проблема определения эквивалентных акторов. Кто именно будет акторами сетевой модели — отдельные чиновники или ведомства, граждане или группы влияния? Насколько они соотносимы друг с другом внутри одной модели и меняется ли в зависимости от этого конфигурация сети?

Во-вторых, наличие разных типов акторов в подобной форме политического участия позволяет создавать преимущественно неориентированные сетевые модели из-за невозможности достоверно установить направление связей.

В-третьих, начальной отладке механизмов реализации проектов социальной архитектуры может сопутствовать неформальное, закрытое принятие решений, за счёт чего видение «чёрного ящика» не преодолевается. К примеру, действительные инициаторы и влияющие игроки проектов распознаются лишь по косвенным признакам, а ресурсный обмен виден исследователю не полностью.

В-четвёртых, стимулирует ли концепция социальной архитектуры формирование устойчивых сетей, через которые обеспечивается принятие решений, или она результируется, в первую очередь, во временных проектно-ориентированных сетях, в силу чего возникает необходимость в непрерывном обновлении данных для моделирования? Эти и другие проблемные аспекты требуют отдельного рассмотрения в контексте сетевого подхода.

Однако, помимо активного медиаосвещения площадок работы социальных архитекторов, которое началось в последний год, в том числе в связи с проведением специализированного конкурса, этот вопрос всё же требует серьёзного аналитического осмысления. Информация об этих интеллектуальных площадках способна послужить важным интерпретационным фактором кластеризации сетей. Поэтому в случае постановки задачи восстановить хронологию формирования сетей, способствовавших реализации проектов социальной архитектуры, может потребоваться введение в оборот новых данных, полученных посредством глубинных интервью, анкетирования, запросов в различные организации и др.

В процессе развития политических сетей мы также сталкиваемся с проблемой самоназвания акторов. Действия по решению социальных проблем при совместном участии государства, организаций, экспертов, населения не выступают решительно новым феноменом ни для российского, ни для мирового опыта, и далеко не все сети действовали под эгидой социальной архитектуры. Тем не менее внедрение указанного термина в дискурс способствует детализации и обоснованию продвигаемых проектов как в теоретическом, так и в мотивационном плане. Следовательно, возможность корректного определения стартовых точек для сетей социальных архитекторов, или «протосетей», остаётся предметом предстоящих дискуссий в фундаментальной и методологической плоскостях.

При анализе решений, принимаемых в процессе поиска оптимального сочетания иерархических и сетевых структур, социальная архитектура представляется недостаточно изученной, но *перспективной областью*. Безусловно, в силу отсутствия общего понимания этого термина в нашей стране и за рубежом предстоит артикулировать его характеристики и границы. Предполагаю, что на результат этих усилий окажет существенное влияние внедрение образовательных программ по социальной архитектуре, нацеленных на подготовку будущих специалистов в данной сфере. Думается, их обучение станет «свежим» запросом на расширение спектра видимых возможностей сетевого анализа.

Шиманская Эльвира Степановна, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Shimanskaya E.S., senior research fellow, Institute of Socio-Political Research FSTAS RAS

В своём выступлении остановлюсь на рассмотрении факторов, влияющих на адаптацию молодых людей к объективным реалиям современного российского социума. Не преувеличу, если скажу, что сегодняшняя молодёжь в своём стремлении к самовыражению отдаёт предпочтение автономии и межличностным отношениям. В условиях постмодерна и роста доступности информации среди молодых людей усиливается

значение индивидуальной свободы, профессиональной самореализации и финансовой стабильности, переосмысливаются роль семьи и института брака. Эти тенденции во многом объясняются положением на рынке труда, которое сложилось к настоящему времени в России и отличается ростом нестабильной занятости, распространением практики срочных контрактов, снижением уровня социальной защиты и т.п.

В контексте темы нашей дискуссии коснусь проблемы формирования политической идентичности российской молодёжи, и прежде всего в среде студенческого сообщества. Выбор не случаен, так как именно студенчество является достаточно многочисленной социальной группой, которая может существенно влиять на социально-политический климат территорий своего пребывания.

В этой связи становится важным организация коммуникации внутри студенческого социума в том или ином вузе, ссузе, где возникает перетекание между различными студенческими группами актуальных повесток, формируются взаимосвязанные структуры организационной и информационной среды, в том числе и сетевой. Значимость этого направления деятельности инициативных групп подтверждается тем, что до сих пор всё ещё наблюдается низкий уровень информированности молодёжи о формах общественно-политического участия для молодых людей. Эта проблема перетекает в низкую вовлечённость в молодёжные организации и объединения. Во многом это объясняется ещё и наличием внутренней неоднородности студенчества, различием интересов, мировоззренческих и ценностных установок. Социологи ФНИСЦ РАН отмечают также своеобразную эклектичность политического сознания молодых людей: оно колеблется в пределах от либеральных и демократических до националистических предпочтений. Последствия этого сказываются на возможностях социальной солидаризации и политической социализации в студенческой среде.

Однако существуют и вполне объективные обстоятельства, которые тоже необходимо преодолеть. С одной стороны, всё ещё в полной мере не освоен потенциал института политической социализации, а с другой – не работают, по признанию специалистов, институты вертикальной политической социализации, отсутствует внятная стратегия молодёжной политики со стороны политических партий, в первую очередь парламентских. К тому же наблюдаемый в стране в последнее десятилетие демонтаж системы образования отнюдь не способствует преодолению ставшей уже хронической невосребованности молодёжи в социальных и политических процессах.

В целях поиска путей исправления сложившейся ситуации «Росмолодёжь» совместно с Высшей школой экономики разрабатывают для правительства и АП проект «Индекс поколения», представляющий собой цифровой мониторинг молодёжных рисков. Молодёжь, как известно, – одна из наиболее протестных групп населения страны, о чём свидетельствуют проводимые социологические опросы. Так, только в 2025 году среди студентов крупных городов (прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга) почти половина выразили социальное недовольство и желание уехать из России. Мониторинг должен выявлять эти настроения среди молодёжи, а для региональной и муниципальной власти будет повод озаботиться и усилить идеологическую работу с этой социальной группой. Речь может идти об акцентировании внимания на пропагандистских практиках и расширении сети онлайн-мероприятий. Сеть становится фактически главным политическим социализатором, участвуя в распространении политического знания. Показатели цифрового мониторинга должны стать одним из критериев оценки работы кураторов внутренней политики всех уровней.

Одновременно предполагается, что Минобрнауки, разрабатывая новую модель высшего и среднего образования, свяжет это с задачей формирования у студентов так называемого «осознанного патриотизма» и критического мышления. Этому также должно способствовать изменение взгляда на вуз как на источник сервисных услуг под рынок и возвращение к модели учебного заведения любого уровня как «фабрики» мировоззрения и профессиональных компетенций. Иначе говоря, предпринята попытка синхронизировать историческое знание о стране, в которой живёшь, основах её государственности, политических институтах, цивилизационной модели и цене суверенитета.

Взятый руководством страны курс направлен на то, что с таким идейно-политическим багажом молодому человеку будет сложнее поддаваться манипуляциям как извне, так и изнутри. Идёт поиск механизмов влияния государства и общества на общественно-политические предпочтения молодёжи, а также на формирование культуры доверия учащейся молодёжи к органам власти, государственному управлению и институтам гражданского общества.

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск)

Bogatova O.A., doctor of sociological sciences, professor, National research mordovian state university (Saransk)

Предметом выступления является анализ взаимодействия институциональных и сетевых акторов в процессе формирования стратегий и методов исторической политики в постсоветской России. Проблема рассматривается в контексте неинституционального подхода к организационным изменениям, согласно которому нерыночные организации, включая государственные, решают проблемы институционального изоморфизма и соответствия требованиям внешней среды путём формирования периферийных структур, призванных продемонстрировать такое соответствие. В данном случае часть периферийных структур в период становления государственной исторической политики имеет сетевой характер, а их отношения с институциональными акторами формируются как партнёрские и ситуативные, по принципу динамичной сети.

Формирование исторической политики в России носило характер отложенной реакции на экспансию исторической политики Евросоюза и США, отражавшей общее видение прошлого посткоммунистических стран Европы и содержавшей ряд жёстких требований политического и мировоззренческого характера по «ликвидации коммунистического наследия», начиная с резолюции ПАСЕ № 1096 «Меры по устранению наследия бывших коммунистических тоталитарных систем» (1996), введившей концепт «коммунистического наследия» в качестве основной причины отклонений посткоммунистических режимов от норм демократического и правового государства. Эта резолюция содержала программу по декоммунизации постсоциалистических стран через наказание бывших коммунистических функционеров за нарушение прав человека «в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами», люстрации, реституции, «реструктуризацию старых правовых и институциональных систем», «трансформацию менталитета» и искоренение «тоталитарных моделей мышления».

В последовавших в 2005–2024 годах резолюциях и совместных декларациях стран ЕС на тему общей европейской памяти, которые декларировали решающий вклад в победу над нацизмом во Второй мировой войне США и Великобритании, одновременно маргинализируя роль СССР (резолюция ПАСЕ «Будущее Европы через шестьдесят лет после Второй мировой войны», 2005 г.), а впоследствии – возлагали на нацистскую Германию и СССР равную ответственность за Вторую мировую войну (Резолюция ПАСЕ «Важность европейской памяти для будущего Европы», 2019), утверждали, что «между нацизмом и коммунизмом существует существенное сходство с точки зрения их ужасающего характера и их преступлений против человечности» (Пражская декларация о европейской совести и коммунизме, 2008). Выражали также поддержку «неправительственных организаций, таких как «Мемориал»¹ в Российской Федерации, которые активно занимаются исследованием и сбором документов, связанных с преступлениями, совершёнными в сталинский период» (резолюция ПАСЕ «Европейская совесть и тоталитаризм», 2009).

Адаптация России к этим требованиям включала: 1) секьюритизацию решающей роли СССР в победе над нацизмом в форме принятия мемориальных законов (2014, 2021–2022), работы президентской комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории (2009–2012); 2) разработку и презентацию Президентскому совету по правам человека исходного варианта государственной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» (2011), утверждённой в 2015 году в переработанном виде под названием «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий»; 3) создание и поддержку в качестве институтов мемориальной инфраструктуры общественных и государственно-общественных историко-просветительских организаций, призванных влиять на общественное мнение в качестве координаторов политики памяти на аутсорсинге; 4) создание официальных институтов (АНО «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации», 2023 г.) и официальной стратегии исторической политики, впоследствии оформленной в виде Основ государственной политики в области исторического просвещения (2024).

К незапланированным последствиям формирования государственной исторической политики можно отнести мнемоническое политическое размежевание символических элит в России. Последствия этого процесса выразились, в частности, в самоорганизации части общественности на базе Вольного исторического общества (2014) при поддержке Комитета гражданских инициатив, увеличении количества форм реализации мнемонического активизма, носивших сетевой ха-

¹ В октябре 2016 года организация внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В декабре 2021 года Верховный суд РФ постановил ликвидировать «Международный Мемориал».

актер (в том числе «Бессмертный барак», «Последний адрес», «Открытый список» и т.п.), включая активистские социологические исследования социальной памяти. Основное содержание упомянутых событий сводится к пилюларизации поля публичной коммуникации по поводу исторической памяти в России в виде формирования ряда идеологически разобщённых сообществ коллективной памяти, стремящихся к диалогу не столько друг с другом, сколько с политически неангажированной аудиторией.

Установка на формирование единой идентичности гражданского сообщества с отсылками как к дореволюционной, так и к советской истории России и сбалансированные оценки событий разных периодов направлены на уровне государственной политики в области исторического просвещения на поддержку инициатив по формированию в неакадемических порядках знания нарративов прошлого, которые способствовали бы общественному согласию. Со своей стороны, государство осуществляет поддержку партнёров, придерживающихся альтернативных взглядов на российскую историю: с одной стороны – церковно-общественных исторических инициатив (проект «Россия – моя история», включающий сеть из 26 мультимедийных парков-музеев), с другой – фонда «Цифровая история» (2017) в качестве организатора одноимённого фестиваля при поддержке Президентского фонда культурных инициатив с участием сообществ профессиональных историков.

Характеризуя последствия взаимодействия государственных институциональных и негосударственных сетевых акторов исторической политики в России, можно заключить, что они сводятся в основном к формированию и поддержанию плюралистического режима публичной коммуникации о прошлом. Государственная политика в области исторического просвещения в наибольшей степени регламентирует изучение истории в системе среднего образования, в то время как получающие государственную поддержку субъекты «публичной истории» (музеизация, медийные научно-популярные проекты, киноискусство, реконструкторское и поисковое движение и т.п.) продолжают транслировать различные идеологические нарративы – православно-монархические, либеральные, марксистские.

За исключением периода Второй мировой войны, отсутствует регламентация академической истории на уровне государственной исторической политики. Это обстоятельство фактически обеспечивает российским историкам большую свободу исследований по сравнению с западными историками, вынужденными участвовать в процессе конструирования идеологически ангажированных нарративов общей истории стран – членов Евросоюза, этнических и расовых меньшинств, превращающем научное сообщество из субъекта исторической политики в её объект.

Михайленок Олег Михайлович

Сегодня широко распространено мнение, что в самом основании организации любого общества – иерархии, системы и сети отношений, их политическое влияние на социум. В фокусе исследовательских подходов также стоит вопрос о соотношении иерархических и сетевых начал в контексте феномена публичной политики, другие проблемы сетевой архитектуры социально-политической реальности. В ходе выступлений участников «круглого стола» был затронут ряд вопросов дискуссионного плана, предполагающих их дальнейшее изучение.

Прежде всего, в заключение хотелось бы высказать несколько соображений относительно темы «круглого стола».

Как известно, в основе сетевого понимания социально-политических феноменов лежат две концепции: социально-сетевая теория М. Кастельса и акторно-сетевая исследовательская конструкция Б. Латура.

Первое: в общем понимании авторов сетевых теорий сеть – это множество взаимосвязанных узлов, или совокупность узлов и их отношений. Можно ли представить отношения (например, политические) без субъектов (акторов) этих отношений? Подобная ситуация напоминает феномен Чеширского Кота: его нет, а улыбка остаётся.

Второе: грамматически выражение «иерархии в системе и сети отношений» можно понять так, что речь идёт об иерархии в системе, с одной стороны, что понятно, а с другой – об иерархии в сети отношений («иерархия в сети»?).

Тезис, который, как ясно из выступлений, разделяют все участники, заключается в том, что в современной политической реальности иерархии и сети не противопоставлены, а взаимно дополняют друг друга и даже гармонично взаимодействуют, что создаёт условия для устойчивого развития. Иерархии и сети отношений – это основа политической структуры современного общества. Они не существуют отдельно друг от друга, а образуют сложную, динамичную систему взаимовлияний.

Однако в рамках построений М. Кастельса и Б. Латура этот тезис трактуется по-разному.

По М. Кастельсу, общество состоит из иерархий и сетей. В целом, как и на уровне политических отношений, особенно в глобальном контексте, происходит взаимодействие сетей и иерархических структур, которые никуда не делись. А, например, британский историк Н. Фергюсон считает, что новые глобальные сети «иерархичны по своей структуре». По его мнению, как это ни парадоксально, «иерархия – одновременно сеть». Причём иерархия – это особая разновидность сети, как он выражается, «с повышенной центральностью» правящего узла, и он призывает по возможности объединить преимущества сети с некоторыми элементами иерархического управления.

Что касается сферы интернет-коммуникаций, то здесь иерархия имеет собственную форму. Формирующееся «виртуальное общество» представляет собой длинный ряд сетевых пирамид – властной иерархии, в которой представители консьюмеризма в основном входят в наименее привлекательные сети, полные информационного мусора, в то время как нетократы образуют сети высших уровней, в которых концентрируются власть и влияние» (по А. Барду и Я. Зодерквисту).

Таким образом, понимание «сетевого общества» как идеализированного типа организационных структур ведёт к выводу, что надвигающаяся «общественно-экономическая формация» будет неизбежно иметь смешанный, комплексный характер с организационной точки зрения.

Для Бруно Латура такое понимание неприемлемо, поскольку он считает, что само понятие общества с его подструктурами – не научно. В связи с этим стоит обратиться к некоторым положениям концептуального инструментария Б. Латура с целью выявить некоторые фундаментальные черты онтологии.

Вообще, под онтологией понимают раздел философии, учение о сущем, о бытии как таковом, о фундаментальных принципах бытия, обращаясь к его наиболее общим сущностям и категориям, структуре и закономерностям.

Однако в методологии науки имеет место понимание онтологии в трактовке Уилларда Куайна: в его терминах онтология – это содержание некоторой теории, т.е. объекты, которые постулируются данной теорией в качестве существующих.

Прежде всего это касается онтологического статуса основных для каждой предметной области понятий и их отношений: существуют ли они как вещи или нет. Общие понятия (и их разновидности), будь то «слово», «природа», «число», «материя», «время», «общество», «сознание», «рынок» и подобные, не дедуцируются из других понятий, а просто вводятся как метафоры.

Акторно-сетевая теория (АСТ) Б. Латура – это исследовательский подход, основывающийся на рассмотрении социальных явлений как сложных сетей, образуемых разнородными компонентами – людьми, техническими устройствами, природными объектами. То есть появляется возможность помещать гетерогенные объекты, до того удерживаемые на различных онтологических уровнях, на одну плоскость. В «плоской» онтологии АСТ основанием равенства и квалификации чего-либо в качестве существующего объекта становится его способность к действию. Объекты (акторы – в терминах Б. Латура) действуют друг на друга, опосредуют действия других объектов, создавая и удерживая связи. Связи, возникающие между акторами, описываются с помощью метафоры сетей.

Всё, что существует, действует, и в той мере, в какой действует, описывается сетевой логикой. В этом смысле ранняя версия акторно-сетевой теории вообще отражает установку: нет ничего за пределами акторов и сетей. (хотя стоит отметить, что в дальнейшем Б. Латур вводит концепт плазмы, объясняющий, что же находится между сетями, но в ходе эволюции взглядов Б. Латура этот *ad hoc* концепт, на наш взгляд, утратил своё значение.

Важно отметить, что в теоретическом плане внутри акторно-сетевой концепции постоянно идёт процесс модификации понятий. В русле этой тенденции учёный вводит единое обозначение – «актор-сеть», ключевой характеристикой которой является неопределённость.

В общем, можно указать на существенную роль онтологического сдвига от интерпретации бытия как стабильной метафизической структуры к онтологии становления. Онтология субстанций трансформируется в онтологию отношений, реляционную теорию бытия, которое характеризуется динамикой, имеющей тенденции увеличивающейся нестабильности, хаотичности и гибридности, бытия как единого принципиально неиерархического пространства. Эта реальность предельно плюралистическая, децентрализованная и неподконтрольная традиционным способам воздействия и упорядочивания. Б. Латур оперирует понятиями потоков силовой аффективной материальности и «цирку-

лирующих сущностей». Можно также подчеркнуть, что происходит смещение с понимания сети как «действующей» (network) к пониманию её как «сети действия» (worknet). Это позволяет рассматривать её как потоковую сущность.

Сторонники сетевой парадигмы уверены, что новая сетевая реальность нуждается в иной методологии, нежели существующие методы познания в социологии и политической науке.

Сегодня исследователи при изучении многих социально-политических проблем нередко говорят о «сетевом подходе». Вообще говоря, видеть в «сетевом подходе» единый теоретический и методологический феномен так же некорректно, как и пользоваться унифицирующими терминами «сетевая теория», «сетевая парадигма» и т.п. Но это собирательное название для разных теорий и подходов, оперирующих понятием сети в разных смыслах, весьма распространено.

Что касается изучения собственно сетевой реальности, то здесь явно ощущается отсутствие сколько-нибудь эффективных или достаточно результативных методологических средств.

И, наконец, подчеркнём, что общий дух сетевой теории заключается в том, что осмысление понятия сетевого общества едва ли совместимо с подходами, воспринимающими общество как системное целое или организм, жизнедеятельность составных частей в котором координируется между собой и организована по функциональным программам. Заметим, что в этом контексте термин «сетевое общество» — это оксюморон.

Таким образом, приходится констатировать, что пока об отказе от «традиционного» понимания социального можно говорить только условно, оно всё ещё доминирует в науке, поскольку нет явных оснований во всей полноте изменить эти представления, опираясь на совокупность теоретических и методологических положений сетевой парадигмы.

Однако, на наш взгляд, пока сетевая теория остаётся единственно значимой альтернативой существующих подходов к пониманию сущности социального (и политического), что даёт некоторые оптимистические основания для веры в возможность дальнейшего продвижения на пути познания окружающего мира.

Подводя итог работы нашего «круглого стола», хотелось бы ещё раз подчеркнуть следующие моменты. Иерархии и сети отношений — это основа политической структуры современного общества. Они не существуют отдельно друг от друга, а образуют сложную, динамичную систему взаимовлияний. Понимание того, как взаимодействуют вертикальные и горизонтальные связи, позволяет лучше анализировать политические процессы, прогнозировать изменения и выстраивать эффективную модель управления.

Сегодня, как никогда, важно учитывать, что политическая власть — это не только институты и законы, но и отношения между людьми, потоки информации, уровень доверия в обществе. Именно сочетание иерархий и сетей формирует современный социум и определяет его политическую траекторию.

Чжан Тин,

магистр, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 309399576@qq.com

Цай Вэй,

доцент, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 554535896@qq.com

В статье исследуется детерминация эволюции стратегий культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе масштабными социально-политическими трансформациями в Китае и России. Методология, основанная на историко-культурном и сравнительно-сопоставительном анализе, позволяет выявить системную корреляцию между этапами общественного развития и доминирующими переводческими подходами. Анализ показывает нелинейный переход от буквализма, обслуживавшего потребности начального информационного обмена, через стратегию адаптации в период идеологического сближения к современному гибриднему методу, сочетающему адаптацию и экзотизацию. Данный эволюционный путь раскрывает перевод как активный, социально обусловленный механизм межкультурного диалога. Исследование вносит вклад в теорию перевода, конкретизируя принцип культурной адаптивности в бикультурном контексте, и имеет практическое значение для оптимизации переводческих стратегий в условиях углубляющегося китайско-российского стратегического партнерства.

Ключевые слова: социальные трансформации, русско-китайский перевод, культурная передача, адаптация, экзотизация.

Введение

В контексте углубления всестороннего партнерства стратегического взаимодействия между Китаем и Россией переводческая деятельность, являясь ключевым механизмом межкультурной коммуникации, приобретает особую научную и практическую значимость. Исторически выбор стратегий культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе не был статичным, а подвергался динамичной трансформации, детерминированной масштабными социально-политическими и экономическими сдвигами в обеих странах. Эволюция от доминирования буквализма через широкое внедрение адаптации к современному синтезу адаптации и экзотизации отражает сложный процесс взаимодействия языка, культуры и социума. Несмотря на наличие ряда фундаментальных трудов по истории перевода и теоретических исследований культурных аспектов перевода, в научной литературе остается недостаточно изученной конкретная механика влияния структурных социальных трансформаций (таких как смена политических режимов, экономических моделей и идеологических парадигм) на оперативные решения переводчиков и долгосрочную эволюцию переводческих стратегий в данном бикультурном контексте. Данное исследование направлено на заполнение этой лакуны. Его цель заключается в системном анализе эволюции стратегий культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе сквозь призму ключевых этапов социальных преобразований в Китае и России/СССР. Методология основана на историко-культурном и сравнительно-сопоставительном анализе, рассматривающем переводческую практику в неразрывной связи с ее социокультурным контекстом. Научная новизна работы заключается в выявлении и описании корреляций между конкретными фазами социального развития двух стран и доминирующими переводческими стратегиями, что позволяет моделировать логику культурной передачи как адаптацию к внешним макросоциальным условиям. В результате исследование вносит вклад как в теорию перевода, конкретизируя принципы культурной адаптивности в конкретном лингвокультурном пространстве, так и в область кросс-культурных исследований, демонстрируя, как перевод служит не только зеркалом, но и активным участником диалога цивилизаций в условиях меняющейся исторической реальности.

Обзор исследований по эволюции культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе

В сфере исследований социальных трансформаций в Китае и России и эволюции культурной передачи существующие достижения демонстрируют многомерный и многоуровневый характер, где глубоко исследуются теоретические основы и практические стратегии, социальное влияние и межкультурные коммуникации. Однако в исследованиях все еще существуют определенные ограничения, что открывает направления для последующих изысканий.

Чэнь Фукан в «Истории китайской переводческой теории» систематизировал процесс развития китайской науки о переводе, предоставив исторические ориентиры для изучения контекста китайско-российских обменов и перевода в разные периоды [1]. В эпоху современных общественных преобразований в Китае обмены с Россией в основном сосредотачивались в политической и военной сферах, где перевод был нацелен на передачу базовой информации и часто использовал стратегию буквализма. После образования КНР, в период китайско-советской дружбы, культурная передача служила политическому и экономическому сотрудничеству двух стран. Го Цзяньчжун в работе «Культура и перевод» подчеркивает влияние культуры на перевод, отмечая, что в этот период китайско-советский культурный обмен находился под значительным влиянием идеологии [2]. После распада СССР, с развитием китайско-российских отношений и оживлением экономического сотрудничества, акцент сместился на перевод экономических текстов. Ху Гумин в «Учебном пособии по переводу с китайского на русский язык» затрагивает ключевые аспекты перевода экономических терминов, отмечая, что переводчики используют стратегии вольного перевода, добавления примечаний и другие для обработки коммерческой терминологии и юридических положений с целью удовлетворения потребностей сотрудничества [3]. В настоящее время, при активном

китайско-российском культурном обмене и частых различных культурных мероприятиях, перевод уделяет больше внимания передаче культурного контекста. Исследование Цзюй Хайна в «Сравнительном исследовании национальной культуры, заключенной в русских и китайских идиомах» предоставляет ориентиры для передачи культурного подтекста [4]. Однако в существующих исследованиях еще недостаточно глубоко изучено, как конкретно такие факторы, как изменения политической системы и трансформация моделей экономического развития, влияют на выбор и корректировку переводческих стратегий.

Культурная передача занимает крайне важное место в русско-китайском и китайско-русском переводе, связанные с ней теоретические и практические исследования непрерывно развиваются. Лю Мицин в «Очерке культурной переводологии» предложил принцип культурной адаптивности, подчеркивая необходимость баланса между культурами исходного и переводящего языков в процессе перевода, что предоставило важное теоретическое руководство для культурной передачи между Китаем и Россией [5]. Ян Шичжан в «Исследовании построения культурной переводологии» определил позиционирование культурной переводологии, уделяя особое внимание переводу культурных элементов и заложив системные теоретические основы для данной области [6]. При переводе ранних китайско-российских религиозных текстов из-за недостатка теоретического руководства в основном использовалась стратегия буквального перевода, что затрудняло передачу культурного контекста, как, например, когда российские миссионеры транслитерировали китайское понятие «**仁**» (жэнь). По мере непрерывного развития теории современные переводчики при переводе русской литературы и фольклорных текстов комплексно применяют теоретические наработки для выбора подходящих стратегий [7]. Исследование Ли Тянь, Чэ Линь и Сунь Фуцина в работе «Исследование перевода культурно-обусловленных единиц в русско-китайском и китайско-русском переводе с перспективы культурной классификации Юджина Найды» предоставляет методы обработки культурной информации для переводчиков [8]. Чжан Янь в статье «Исследуя тайны культурного перевода рецензия на «Очерк культурной переводологии» Лю Мицина» указывает, что усиление сравнительных культурных исследований имеет значение для совершенствования теории и оптимизации практики; посредством сравнения переводчики могут более точно ухватить культурный контекст и выбрать подходящие стратегии [9, 10].

Эволюция стратегий культурной передачи между Китаем и Россией в разные периоды

Эволюция стратегий культурной передачи между Китаем и Россией, исторически детерминированная социально-политическими и экономическими трансформациями в обеих странах, демонстрирует динамическую адаптацию к задачам межкультурного диалога. На раннем этапе, в условиях полукolonиального Китая и переходной России от феодализма, взаимодействие концентрировалось в политико-военной и пригранично-торговой сферах, где доминировал буквализм для гарантии информационной точности. С основанием КНР и развитием союзнических отношений с СССР целью стало эффективное усвоение советского идеологического и технического опыта, что заложило основу для стратегии адаптации. Период реформ и открытости в Китае, характеризующийся ростом плюрализма и открытости, привёл к активному внедрению адаптации для облегчения интеграции российской культуры на китайский рынок и повышения восприимчивости переводов. В современную эпоху глобализации и углублённого стратегического партнёрства сформировалась гибридная стратегия, сочетающая адаптацию и экзотизацию: она позволяет сохранить уникальность культурного источника, одновременно отвечая эстетическим ожиданиям и запросам аудитории. По своей сути, эта траектория является продуктом взаимодействия четырёх ключевых переменных общественных потребностей, межгосударственных отношений, теоретической рефлексии и технических условий. Её имманентная логика заключается в том, как переводческая практика, преодолевая ограничения конкретного исторического контекста через стратегический выбор, становится действенным механизмом диалога между культурами.

(А) Стратегия буквального перевода в условиях полукolonиального и полуфеодального общества и перехода от феодально-крепостнического строя

После Опиумных войн Китай пережил переход от феодального общества к полукolonиальному и полуфеодальному, его суверенитет был серьезно подорван, страна неоднократно страдала от военных потрясений. В этот период обмены между Китаем и Россией (СССР) в основном концентрировались в политической и военной сферах, переводческая деятельность в значительной степени была нацелена на обслуживание национального строительства и социальных преоб-

разований, а стратегии культурной передачи были относительно однообразными. В тот же период в царской России происходил переход от феодально-крепостнического строя к капитализму. На этом этапе русско-китайский и китайско-русский перевод находился в зачаточном состоянии, переводческая работа в основном велась с использованием метода буквального перевода. Буквализм в определенной степени сохранял языковую структуру оригинала, лексические особенности и культурный колорит, открывая для китайских читателей окно в русскую культуру. Однако по мере учащения обменов между двумя странами переводчики постепенно обнаружили недостатки стратегии буквализма. Поскольку русская и китайская культуры имеют значительные различия в историческом пути, социальных традициях и других аспектах, множество уникальных элементов русской культуры, таких как национальные праздники, народные обычаи, литературные метафоры и т.д., после буквального перевода часто вызывали недоумение у китайских читателей, затрудняя понимание их глубокого смысла.

Что касается перевода китайско-российских документов на раннем этапе, переводчики в основном осуществляли свою работу, прямо следуя порядку слов и лексике оригинала. Хотя такой подход в некоторой степени сохранял стиль оригинала, отсутствие пояснений и разъяснений культурного контекста приводило к значительным трудностям в понимании китайскими читателями русской культуры, что влияло на эффективность культурного обмена. Когда российские миссионеры переводили китайские конфуцианские каноны, ключевое понятие «**仁**» (жэнь) было напрямую транслитерировано как «жень». Такой подход приводил к тому, что русским читателям было трудно понять богатое моральное содержание, заключенное в «**仁**», такое как забота между людьми, доброта, справедливость и т.д. Аналогично, при переводе «Уложения Цинской династии» наказание с отчетливо китайской спецификой «**充军**» (чунцзюнь – ссылка в войска) было просто переведено как «посылка в армию». Этот перевод полностью игнорировал тот факт, что «**充军**», будучи видом наказания, кардинально отличается от обычной военной службы по цели, характеру и способу исполнения, что приводило к непониманию российской аудиторией китайской правовой системы. Эти примеры переводов, взятые главным образом из ранних переводов китайских классических текстов и документов, выполненных Российской духовной миссией, ярко иллюстрируют ограниченность стратегии буквального перевода в данный период.

(Б) Первоначальное внедрение стратегии адаптации в период китайско-советской дружбы и сотрудничества

После основания Китайской Народной Республики в 1949 году Китай вступил в период социалистического строительства. В этот период между Китаем и Советским Союзом были установлены тесные дружественные отношения, и СССР оказал Китаю значительную помощь в экономической, технической и военной сферах. В этот период две страны имели определенную идеологическую общность, культурные обмены были довольно активными, переводческой работе уделялось большое внимание. Стратегии культурной передачи начали делать акцент на точном донесении советской культуры и идеологии для обслуживания политического и экономического сотрудничества двух стран. Стратегии культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе получили первоначальное развитие в этот период, и переводчики начали уделять внимание точной передаче советской культуры и идеологии.

Умелое преобразование элементов русской культуры в культурные выражения, знакомые китайскому читателю, помогало ему преодолевать барьеры культурных различий и глубже понимать эмоции и суть произведений. Например, при переводе русской народной сказки «Волшебное кольцо» встретилась фраза: «В праздник Христова рождения, когда все дома были украшены елками...». Прямой перевод звучал бы как: «**在基督诞生的那个节日里, 当所有的房屋都被松树装饰起来.....**». Для китайских читателей, не знакомых с русской культурой, такое выражение было нелегко понять. Переводчик использовал стратегию адаптации, переведя это как: «**圣诞节到了, 家家户户都用圣诞树来装点屋子.....**», добавив в примечании разъяснение, что Рождество – это западный христианский праздник, важный в России, и объяснив символическое значение рождественской ёлки в этот праздник. Такой подход позволил читателям легко понять фон, на котором происходит действие сказки, и эффективно устранил культурный барьер.

(В) Широкое применение стратегии адаптации в период открытости общества и развития китайско-российских отношений

После начала политики реформ и открытости китайское общество вступило в период стремительного развития, начав активную интеграцию с международным сообществом в экономической, культурной, научно-технической и других сферах. Культурный обмен между Китаем и Россией стал более интенсивным, а развитие китайского общества

в направлении плюрализма породило более высокие требования к переводу между китайским и русским языками. Стратегии культурной передачи стали уделять повышенное внимание адаптации к потребностям читателей различного культурного происхождения, при этом постепенно начала внедряться стратегия адаптации.

После распада СССР в 1991 году российское общество претерпело глубокие изменения: произошла трансформация экономической системы, общественная мысль стала отличаться плюрализмом. Китайско-российские отношения эволюционировали от дружественных связей к конструктивному партнерству, затем к партнерству стратегического взаимодействия в новую эпоху. На данном этапе сотрудничество между Китаем и Россией в политической, экономической, культурной и иных областях непрерывно углублялось, культурные обмены стали более обширными. Стратегии культурной передачи в русско-китайском и китайско-русском переводе стали в большей степени ориентироваться на рыночные и общественные потребности, а переводчики стали применять стратегию адаптации более гибко.

Ключевой принцип стратегии адаптации заключается в максимально полной передаче смысла, выраженного на языке оригинала, без строгого следования его структуре и форме, при одновременном приближении к культурному контексту читателей языка перевода. Для целевой аудитории такая практика повышает приемлемость и удобочитаемость перевода. Например, при переводе романа Тургенева «Отцы и дети» встречается фраза, описывающая дилемму главного героя: «Он не хотел идти против богословия и нравов, которые были унаследованы от поколений». Прямой перевод звучал бы как: «Он не хотел идти против богословия и нравов, унаследованных от предшествующих поколений». Учитывая отсутствие в традиционной китайской культуре западного по своей природе концепта «богословие», переводчик применил стратегию адаптации, переведя предложение как: «他不愿意违背祖宗传下来的礼教和道德准则» («Он не желал поступать против заветов предков [礼教] и моральных принципов»). Лексические единицы «礼教» (заветы предков) и «祖宗» (предки) имеют глубокие корни в китайской культуре. Подобный перевод позволяет читателям легче понять внутренние терзания главного героя через призму собственного культурного багажа, сокращая эмоциональную дистанцию между произведением и читателем.

(Г) Становление комбинированной стратегии адаптации и экзотизации в условиях всестороннего китайско-русского стратегического взаимодействия

С ускорением процессов глобализации и непрерывным развитием всестороннего партнерства стратегического взаимодействия между Китаем и Россией культурный обмен между двумя странами достиг беспрецедентного уровня. В новых исторических условиях интерес к культурам друг друга не ограничивается поверхностным знакомством, а проникает в самую их суть. Китайские читатели проявляют все большую заинтересованность в русской культуре, желая через переводные произведения ощутить аутентичный русский колорит и уникальное культурное очарование. При этом они также ожидают, что перевод будет соответствовать их собственному культурному восприятию и эстетическим привычкам, обеспечивая беспрепятственное чтение. Под влиянием этих запросов исключительное использование стратегий адаптации или экзотизации уже не отвечает требованиям переводческой практики. В процессе долгих поисков и практики переводчики постепенно осознали, что только органичное сочетание адаптации и экзотизации позволяет сохранить уникальность русской культуры, одновременно повышая удобочитаемость и приемлемость перевода. Это позволяет переводным произведениям не только передавать квинтэссенцию русской культуры, но и находить отклик у китайского читателя, способствуя углубленному культурному обмену и интеграции.

При переводе слов, обозначающих реалии местной культуры, серьезной проблемой становится сохранение как языковой специфики, так и характеристик образа жизни. Например, слово «дача» в романах Людмилы Улицкой, обозначающее загородную дачу россиян, несет в себе культурную традицию загородной жизни. Простая адаптация как «загородная вилла» передает базовое значение, но лишает его уникального культурного оттенка. Переводчик выбрал транслитерацию «дача», используя контекст для разъяснения ее функции как «отдых на природе, enjoyment загородной жизни». Такой подход сохраняет как русское звучание и культурный маркер слова, так и передает стоящий за ним образ жизни, позволяя читателям в процессе понимания смысла почувствовать культурную особенность русских – их близость к природе.

Перевод праздничных обычаев требует учета как культурной уникальности, так и ассоциативного мышления читателя. На примере рус-

ского традиционного праздника «Масленица» переводчик использовал стратегию экзотизации, применив транслитерацию «马斯列尼察» для сохранения экзотического колорита названия. Одновременно с этим подробно описываются такие обычаи, как выпечка блинов и катание с горок, проводя аналогию с зимними забавами на севере Китая: «катание с горки» объясняется как «аналогично зимним развлечениям с катанием на санях на севере Китая». Такой метод, комбинирующий экзотизацию и адаптацию, не только ярко демонстрирует уникальные религиозные обряды и формы празднования Масленицы, но и, используя культурные аналогии, сокращает дистанцию с читателем, вызывая резонанс между экзотикой и локальным опытом, усиливая эффект погружения в текст.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что эволюция переводческих стратегий в китайско-русском контексте представляет собой не линейный процесс, а сложную адаптивную систему, детерминированную макросоциальными изменениями в обеих странах. От строгого буквализма, служившего задачам первоначального информационного обмена, через доминирование адаптации в период интенсивного идеологического и технического сотрудничества к современному синтезу адаптации и экзотизации каждый этап отражал ответ переводческой практики на конкретные исторические вызовы и запросы общества. Эта эволюция наглядно демонстрирует, что перевод является не пассивным инструментом, а активным агентом межкультурного диалога, чьи стратегии непосредственно зависят от состояния политических, экономических и культурных отношений. В условиях углубляющегося стратегического партнерства перед переводчиками стоит задача дальнейшего совершенствования гибридных методов, способных с одной стороны сохранять аутентичность культурного источника, а с другой обеспечивать его глубокую и доступную рецепцию в иной лингвокультурной среде. Таким образом, исследование подтверждает ключевую роль социального контекста в формировании практики перевода и намечает ориентиры для ее будущего развития в рамках китайско-русского гуманитарного сотрудничества.

Литература

1. Чэнь Ф. Краткий обзор истории китайской теории перевода. Шанхай: Изд-во Шанхайского образования в области иностранных языков, 2000.
2. Го Ц. Культура и перевод. Пекин: Китайское изд-во иностранных переводов, 2000.
3. Ху Г. Курс китайско-русского перевода. Шанхай: Изд-во Шанхайского образования в области иностранных языков, 2010.
4. Цзю Х. Сравнительное исследование национальной культуры, заложенной в русских и китайских идиомах // Журнал Хэйхэского университета. 2021. № 4. С. 174–175.
5. Лю М. Очерк культурного перевода (пересмотр. изд.). Пекин: Китайское изд-во иностранных переводов, 2007.
6. Ян Ш. Исследование построения исследований культурного перевода // Русское языковое образование и преподавание. 2018. Т. 37, № 1. С. 75–78.
7. Ян Ю. Сравнительное исследование взаимодополняющих стратегий реагирования в русском и китайском языках с межкультурной точки зрения // Сравнительные исследования культурных инноваций. 2020. № 14. С. 101–110.
8. Ли Т., Чэ Л., Сунь Ф. Исследование перевода элементов культурной нагрузки между русским и китайским языками с точки зрения культурной классификации Евгения Ниды // Сравнительные исследования культурных инноваций. 2022. № 8. С. 30–33.
9. Лю М. Очерк культурного перевода. Ухань: Изд-во Хубэйского образования, 1999.
10. Чжан Я. Исследование тайн культурного перевода – обзор работы Лю Мицина «Очерк культурного перевода» // Китайский перевод. 2008. № 1. С. 38–40.

SOCIAL TRANSFORMATIONS IN CHINA AND RUSSIA AND THE EVOLUTION OF CULTURAL TRANSMISSION IN SINO-RUSSIAN MUTUAL TRANSLATIONS

Zhang Ting, Cai Wei
Xinjiang Normal University

This article examines how the evolution of cultural transmission strategies in Russian-Chinese and Sino-Russian translation is determined by large-scale socio-political transformations in China and Russia. A methodology based on historical, cultural, and comparative analysis reveals a systemic correlation between stages of social development and dominant translation approaches. The analysis reveals a nonlinear transition from literalism, which served the needs of initial information exchange, through a strategy of adaptation

during the period of ideological convergence, to a modern hybrid method combining adaptation and exoticization. This evolutionary path reveals translation as an active, socially determined mechanism of intercultural dialogue. This study contributes to translation theory by concretizing the principle of cultural adaptability in a bicultural context and has practical implications for optimizing translation strategies in the context of the deepening Sino-Russian strategic partnership.

Keywords: Social Transformations, Russian-Chinese Translation, Cultural Transmission, Adaptation, Exoticization.

References

1. Chen F. A Brief Overview of the History of Chinese Translation Theory. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Publishing House, 2000.
2. Guo C. Culture and Translation. Beijing: China Foreign Translation Publishing House, 2000.
3. Hu G. Course of Chinese-Russian Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Publishing House, 2010.

4. Jiu H. Comparative Study of National Culture Embedded in Russian and Chinese Idioms // Journal of Heihe University. 2021. No. 4. pp. 174–175.
5. Liu M. An Outline of Cultural Translation (Revised Edition). Beijing: China Foreign Translation Publishing House, 2007.
6. Yang S. A Study on the Construction of Cultural Translation Research // Russian Language Education and Teaching. 2018. Vol. 37, No. 1, pp. 75–78.
7. Yan Yu. A Comparative Study of Complementary Response Strategies in Russian and Chinese from a Cross-Cultural Perspective // Comparative Studies of Cultural Innovations. 2020. No. 14, pp. 101–110.
8. Li T., Che L., Sun F. A Study of the Translation of Cultural Load Elements between Russian and Chinese from the Perspective of Evgeny Nida's Cultural Classification // Comparative Studies of Cultural Innovations. 2022. No. 8, pp. 30–33.
9. Liu M. An Essay on Cultural Translation. Wuhan: Hubei Education Publishing House, 1999.
10. Zhang Ya. A Study of the Secrets of Cultural Translation – a Review of Liu Mi-qing's "An Essay on Cultural Translation" // Chinese Translation. 2008. No. 1. P. 38–40.